ГОДЪ 34-Й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

9.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

НОВЫЯ КНИГИ

Сочиненія князя **М. М. Щербатова.** Томъ первый. Политическія сочиненія. Подъ редакціей **И. П. Хрущова.** Изданіе **князя Б. С. Щербатова.** Съ прекраснымъ геліографическимъ портретомъ (снимокъ съ портрета, писаннаго Левицкимъ). Большая 8-ка, VIII, VIII и 1060 стр. Цѣна 4 р.

Историкъ и самобытный дѣятель по внутреннимъ дѣламъ и вопросамъ, князь М. М. Щербатовъ — родной дѣдъ П. Я. Чаадаева, и между ними можно отыскать нѣкоторое сходство. Для Русской исторіи XVIII вѣка эта книга драгоцѣнна, и нельзя не пожелать, чтобы изданы были и другія сочиненія человѣка, который уже потому достопамятенъ, что, подобно графамъ П. И. Панину и А. Р. Воронцову, былъ противникомъ многихъ дѣйствій императрицы Екатерины Великой.

*

Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ составилъ генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ **князь Щербатовъ.** Томъ пятый. 1832—1847. Спб. 1896. бол. 8-ка XV и 396 стр. Приложеніе къ этому тому, XVI и 629 стр., все состоитъ изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю Паскевичу и Указателя къ книгѣ, но къ сожалѣнію не къ письмамъ, которыя представляютъ собою чрезвычайно важный вкладъ въ Русскую исторію того времени.

*

Новый Завѣтъ Господа нашего Іисуса Христа. Переводъ **В. А. Жуковскаго** Берлинъ. 1895. Мал. 8-ка. IV. 637 и 2 нен. стр.

Какъ извѣстно, Жуковскій былъ великимъ художникомъ Русскаго языка, и въ искусствѣ перевода нѣтъ ему равныхъ. Уже по одному этому мы должны привѣтствовать оглашеніе этого труда, начатаго въ Іюнѣ 1844 и конченнаго въ Апрѣлѣ 1846 года. Благочестіе читателей находитъ себѣ пищу въ сличеніи этого перевода съ тѣмъ, которой изданъ Святѣйшимъ Синодомъ и въ которомъ только одно Евангеліе отъ Іоанна переведено митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ. Цѣна 5 р. Продается въ Синодальныхъ лавкахъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1896.

3.



„РУССКІЙ АРХИВЪ" выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ (въ концѣ третьей книги, общій для всего годоваго изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

То старина,
То и дѣянье.

1896.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1896.

ССЫЛЬНЫЕ 1812 ГОДА ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ.

Къ исторіи Отечественной войны *).

I.

Тяжелую годину переживала Россія, когда «великая армія» Наполеона вступила въ ея предѣлы и начала опустошать села и нивы беззащитныхъ поселянъ нашихъ. Все задрожало отъ варварскихъ пріемовъ воинственныхъ сыновъ просвѣщенной Европы, кичившихся своей цивилизаціей и гуманностью. Первопрестольная столица и Сѣверная Пальмира трепетно ждали роковой развязки. Народъ съ ненавистью смотрѣлъ на комфортабельно-пріютившихся у насъ иностранцевъ, видя въ каждомъ изъ нихъ врага Россіи, врага заклятаго, басурманскаго. Само правительство подозрительно слѣдило за этими людьми, такъ какъ многіе изъ нихъ промышляли шпіонствомъ и передавали непріятелю необходимыя свѣдѣнія, продолжая въ тоже время состоять на Русской коронной службѣ и получать Русское жалованье. Оказалось необходимымъ удалять ихъ изъ столицъ и разсылать по окраинамъ Имперіи.

Особенно много этихъ изгнанниковъ пришлось на долю Оренбургскаго края. Сюда были сосланы преступники изъ всѣхъ слоевъ общества, люди разныхъ націй и всевозможныхъ профессій, начиная съ простыхъ рабочихъ (коверный мастеръ Герень) и кончая офицерами Русской арміи. Изъ числа послѣднихъ были отправлены въ Оренбургъ прапорщики Селезневъ и баронъ Селли (Грекъ). Послѣдній, служа у насъ знаменоносцемъ въ отрядѣ легкихъ стрѣлковъ, былъ замѣченъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Потомъ, 12-го Августа 1812 г., безъ обозначенія причинъ, были присланы изъ Петербурга парикмахеръ Бушене̇, иностранный Еврей Вальдгеймъ, «жившій безъ вся-

*) Изъ Оренбургскаго центральнаго архива за 1811 — 1815 гг., т. I и II (отдѣлъ секретный).

каго дѣла», и «бывшій ресторатор на Исакіевской площади» Велькеръ, затѣмъ «учинившій присягу на подданство Россіи и потомъ взявшій новый паспортъ отъ посла» Французъ Биньонъ, бывшій переводчикъ Губернскаго Правленія Грекъ (Grec), какой-то «служившій у знаменитаго Тардифа», коллежскій ассесоръ Черіотти (Ceriotti), Французскій купецъ Тусень (Toussaint) и мастеръ Герень (Guerin). Главнокомандующимъ въ Петербургѣ, генераломъ-отъ-инфантеріи С. К. Вязмитиновымъ предписано было учредить за ними строгій надзоръ, разославъ по крѣпостямъ, «чтобъ они жили тихо и скромно, никакихъ къ нарушенію спокойствія предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дѣлали и переписки ни съ кѣмъ не имѣли».

Немного позднѣе, 17-го Сентября, были высланы еще изъ Казани иностранецъ Эдуардъ и Полякъ Козловскій, также замѣшанные въ сношеніяхъ съ непріятелемъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, иностранецъ Бетихеръ съ семействомъ, ссылались только по подозрѣнію въ политическихъ намѣреніяхъ, другіе же сосланы за безпокойный характеръ.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ поручикъ Кандогурій (Грекъ), присланный въ Оренбургъ за «дерзкія выраженія въ просьбѣ своей противу барона Кампенгаузена», за что онъ сначала былъ выдержанъ двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ и потомъ, безъ права въѣзда въ столицу, перевезенъ въ свой родной городъ Таганрогъ. Но и это строгое наказаніе не заставило его смириться: въ Таганрогѣ онъ сталъ сбивать съ пути истиннаго своихъ единоплеменниковъ «на счетъ Русскихъ законовъ». Мѣстный градоначальникъ донесъ о немъ по начальству, и безпокойнаго отставнаго поручика перевели на житье въ Оренбургскій край, гдѣ ему уже не кого было возмущать.

Перечислить всѣхъ иностранцевъ и другихъ поднадзорныхъ, присланныхъ въ это время въ эту отдаленную окраину, не представляется возможности, тѣмъ болѣе, что о большинствѣ изъ нихъ нѣтъ положительно никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ однихъ фамилій. Замѣчательны судьба и данныя только о двухъ ссыльныхъ, неизвѣстно чѣмъ навлекшихъ на себя гнѣвъ Московскаго генералъ-губернатора, графа Ѳ. В. Ростопчина. Первый былъ преподаватель Московскаго Университета Годфруа, присланный въ Оренбургъ 2-го Августа 1812 г., а второй Витебскій помѣщикъ Реутъ, высланный изъ Москвы 26-го Іюля. Какія они совершили преступленія, о томъ въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ ничего не значится. Только въ письмѣ графа Ростопчина (отъ 21-го Іюля 1812 г.) на имя Оренбургскаго военнаго губер-

натора князя Г. С. Волконскаго говорилось, что Годфруа ссылается въ Оренбургъ по высочайшему повелѣнію и за нимъ должно «имѣть надлежащій надзоръ». Болѣе же подробныя свѣдѣнія о себѣ даетъ самъ профессоръ этотъ въ письмѣ своемъ на Французскомъ языкѣ на имя Государя. 12-го Августа 1812 г. изъ Оренбурга Годфруа написалъ еще письмо къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому въ пылкихъ и картинныхъ выраженіяхъ и приложилъ списокъ съ своего письма къ Государю. Онъ ссылается на доброе о немъ мнѣніе директора Тульской гимназіи Гурьева, Московской—Дружинина, и ректора Московскаго университета А. А. Прокоповича-Антонскаго, которому позднѣе, 28-го Мая 1813 г., онъ писалъ изъ Верхнеуральска.

Оба письма эти, чрезъ Оренбургскаго коменданта, г.-м. Гертценберга, были представлены князю Волконскому. Но князь Волконскій не послалъ ихъ по назначенію, а для чего-то, 14-го Августа, офиціальнымъ письмомъ (за № 1579) адресовался къ графу Ростопчину, переславъ ему первое письмо Годфруа, въ коемъ выражаются «дерзкія мысли сего Француза на щетъ» Ростопчина «и на щетъ вообще Россійскаго правительства», и по этой причинѣ, «предавая сужденію графа оправданія его», покорнѣйше просилъ его сіятельство «почтить увѣдомленіемъ о его на сіе заключеніи». Однако, не дождавшись «увѣдомленія» этого, какъ поступить съ «дерзкимъ» Французомъ, князь Волконскій распорядился отправить его на жительство въ Верхнеуральскъ, подъ надзоръ тамошняго коменданта полковника Суховицкаго.

Съ 5-го Сентября 1812 г. по 25-е Апрѣля 1813 г. Годфруа «находился въ Верхнеуральскѣ на обывательской квартирѣ подъ смотрѣніемъ двухъ рядовыхъ мѣстнаго батальона и «ни въ какихъ противныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ». Но въ ночь на 26-е Апрѣля онъ расположился ночевать не «въ горницѣ», какъ обыкновенно дѣлалъ, а въ небольшомъ, прилегающемъ къ дому, чуланчикѣ. Приставленные къ нему часовые оставались въ сѣняхъ, и когда въ домѣ все успокоилось, а солдатики заснули, профессоръ на разсвѣтѣ дня тихонько отперъ окно, выходившее изъ чулана на дворъ, и незамѣтно вышелъ на улицу. Проснувшись въ 3 часа пополуночи, солдаты замѣтили растворенное окно, заглянули въ него, но арестованнаго уже слѣдъ простылъ. Сначала они подумали, что Годфруа по обыкновенію пошелъ гулять такъ рано или зашелъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ, дабы разсѣять свою грусть-тоску, «поелику онъ часто бывалъ примѣченнымъ при надзираніи гг. плацъ-маіорами и дежурными по карауламъ офицерами въ глубокой меланхоліи». Поэтому часовые бросились искать бѣглеца въ

городѣ, но, не найдя его нигдѣ, потомъ уже донесли о случившемся дежурному по карауламъ подпоручику Казанцеву, который, въ свою очередь, не замедлилъ довести до свѣдѣнія коменданта. Полковникъ Суховицкій приказалъ «выбрать изъ казаковъ и гарнизонныхъ чиновъ самыхъ расторопныхъ и исправныхъ людей» и по частямъ разослалъ ихъ во всѣ стороны «для поиску» Годфруа.

Послѣ тщательныхъ розысковъ, одной изъ партій подъ командой рядоваго Богданова удалось найти плѣннаго верстахъ въ шести отъ Верхнеуральска, по направленію къ Киргизской степи, на самой границѣ, «лежащимъ отъ усталости въ гористомъ мѣстѣ, между камнями». Бѣглецъ того же 26 Апрѣля въ 4 ч. пополудни былъ представленъ въ комендантское управленіе вмѣстѣ съ имѣвшимся при немъ дорожнымъ мѣшкомъ, гдѣ, по осмотрѣ, оказалось: бѣлье, денегъ 90 рубл. ассигнаціями и 1 р. 25 к. серебромъ, писчая бѣлая бумага «съ приборомъ», нѣсколько печатныхъ книгъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ и десять штукъ крута *). На спросъ коменданта, зачѣмъ онъ «покусился на бѣгство, Годфруа отвѣчалъ, что дастъ по этому поводу письменное объясненіе, которое и представилъ 28-го Апрѣля на Русскомъ языкѣ. Вотъ оправдательная записка ученаго Француза.

«Желаніе оправдать себя предъ вашимъ высокоблагородіемъ, въ разсужденіи покушенія моего въ бѣгствѣ изъ вашего города и изъ Россіи, побуждаетъ меня у васъ попросить дозволенія вамъ отдать отчетъ въ причинахъ, которыя меня довели до этого предпріятія, и въ средствахъ мною для того употребленныхъ.

По неслыханной несправедливости, сдѣланной мнѣ Московскимъ военнымъ губернаторомъ, графомъ Ростопчинымъ, я давно рѣшился оставить навсегда Россію, какъ скоро я свободенъ буду, и возвратиться во Францію; но зная, какъ щедро Французское правительство награждаетъ тѣхъ, которые учены въ восточныхъ языкахъ, и особливо въ Арабскомъ, мое намѣреніе было сперва путешествовать нѣсколько лѣтъ въ Турціи, въ Арабіи, въ Персіи и даже въ Бухаріи, чтобъ учиться языкамъ этихъ странъ, которые имѣютъ между собою самую тѣсную связь. Между тѣмъ, намѣтивъ въ Оренбургскомъ народномъ училищѣ учебныя книги для Татарскаго языка, я ихъ купилъ и начиналъ учиться этому языку, сперва въ Оренбургѣ, и потомъ въ здѣшнемъ городѣ. Но невозможность продолжать это приготовительное ученіе, молчаніе правительства о моей просьбѣ Государю, врученной мною

*) Крутъ—овечій сыръ, приготовляемый въ видѣ круглыхъ булочекъ.

его сіятельству князю Волконскому слишкомъ за восемь мѣсяцевъ предъ симъ, совершенный недостатокъ въ средствахъ снискивать себѣ пропитаніе, наконецъ, опасность терпѣть мои мученія до неизвѣстности конца продолжительной войны, меня довели до такого отчаянія, что (я) рѣшился стараться чрезъ самую опасную дорогу пробраться въ Бухарію, и оттуда далѣе для исполненія вышесказаннаго моего плана; за тѣмъ боясь, чтобы скорое возстановленіе линіи маяковъ *) мнѣ не препятствовало въ моемъ намѣреніи, тѣмъ больше, что я, не имѣя въ немъ никакого сообщенія, не могъ получить ни отъ кого малѣйшей помощи, я рѣшился 26-го числа сего мѣсяца, въ 3 часа пополуночи, запасшись малымъ количествомъ бѣлья, учебныхъ книгъ и крутовъ, уйти чрезъ окошко моей горницы посредствомъ веревочной лѣстницы, и убѣжать пѣшкомъ въ Киргизскую степь, въ надеждѣ, что какой-нибудь Киргизецъ утащилъ бы въ Бухарію или согласился бы за нѣсколько денегъ меня туда увезти; но скоро, выбившись съ ногъ, я былъ принужденъ броситься въ первое скрытное мѣсто, гдѣ меня нашли посланные вами казаки.

Въ эдакомъ случаѣ, м. г., я знаю ваши обязанности и не буду роптать противъ вашихъ распоряженій, только давши замѣтить вашему высокоблагородію, что я не нарушилъ никакой обязанности, никакого вамъ даннаго слова. Я кончу, попросивши у васъ позволенія вамъ предложить одинъ простой вопросъ. Положимъ, м. г., что одинъ изъ вашихъ любезнѣйшихъ ближнихъ, бывши задержаннымъ въ чужихъ краяхъ по самому беззаконному приказанію высшаго правительства, счелъ вырваться изъ рукъ своихъ карауловъ и что къ вамъ теперь пріѣзжая, онъ бросается въ ваши объятія. Неужели вы будете его бранить? Не будете ли вы напротивъ поздравлять его съ счастливымъ пріѣздомъ и хвалить ту рѣшимость, ту отважность, съ которою онъ успѣлъ освободиться? Таково мое положеніе, м. г., и поэтому я увѣренъ, что во внутренности сердца своего вы, конечно, не осуждаете моего предпріятія. Подробнѣйшія объясненія я готовъ подать в. в-б-дію, ежели вы ихъ желаете; особенно я васъ увѣряю, что по мѣрамъ, взятымъ мною, караулы никакъ не виноваты и даже, что изъ всѣхъ карауловъ, бывшихъ прежде при мнѣ, никто мнѣ такъ не досадовалъ сво-

---

*) Годфруа, должно быть, говоритъ здѣсь о такъ-называемыхъ *симахъ*, возобновленныхъ въ 1816 г. для изобличенія Киргизскаго прорыва во внутрь страны. Это по всему протяженію пограничной линіи втыкаемые въ землю тонкіе прутья тальнику, которые, связываясь своими вершинами одинъ съ другимъ, составляли нѣчто похожее на изгородь. Въ случаѣ обнаруженія порчи симовъ ближайшій пикетъ давалъ знать объ угрожавшей опасности сосѣднимъ постамъ. („Памятн. Книжка Оренб. губ." 1895, II, 39).

имъ строгимъ надсмотромъ, какъ эти, которые были при мнѣ въ день моего бѣгства».

Обо всемъ случившемся (съ представленіемъ копіи съ оправданія Годфруа) Верхнеуральскій комендантъ донесъ князю Волконскому, который (1-го Іюля 1813 года) «впредъ до рѣшенія дѣла» предписалъ «содержать его подъ карауломъ на гауптвахтѣ», въ свою очередь донеся объ этомъ главнокомандующему въ Петербургѣ Вязмитинову. Но такъ какъ послѣднему въ это время было не до разбора ссыльныхъ Французовъ, то дѣло Годфруа окончилось безъ всякихъ для него дурныхъ послѣдствій, если не считать содержаніе его подъ стражей (на гауптвахтѣ) со времени бѣгства по 25-е Октября 1814 г., гдѣ ему не позволялось ни читать, ни писать что-либо: всѣ книги и бумаги у него были отобраны, и бѣдняга безъ дѣла еще больше изнывалъ въ тоскѣ и горѣ. Суховицкій сжалился надъ нимъ и въ началѣ Октября 1814 г. просилъ князя Волконскаго выдать ему хоть тѣ книги (букварь, грамматику и словарь Россійскій съ переводомъ на Татарскій языкъ), по коимъ началъ онъ обучаться разговорамъ. Но Оренбургскій военный губернаторъ почему - то разрѣшилъ выдать ему книги только на Татарскомъ языкѣ и предложилъ Верхнеуральскому коменданту: «если поведеніе Годфруа не подвержено никакому сомнѣнію, то перевесть его на квартиру и имѣть на оной подъ надлежащимъ надзоромъ».

Годфруа вздохнулъ свободнѣе. Руки у него были теперь развязаны. Слабый лучъ надежды видѣлся впереди на скорое освобожденіе, тѣмъ болѣе, что 30-го Августа того же 1814 года вышло высочайшее повелѣніе, по которому нѣкоторые изъ плѣнныхъ могли освобождаться изъ неволи. Это дало ему поводъ чрезъ Суховицкаго снова (10-го Декабря) обратиться съ просительнымъ письмомъ къ князю Волконскому.

«Я имѣю честь представить вашему сіятельству, что по всемилостивѣйшему манифесту, изданному 30-го Августа нынѣшняго года, всѣ тѣ, до коихъ касается Государева милость, имѣютъ даже получить обратно то имѣніе, которое было бы у нихъ прежде описано. Слѣдовательно, м. г., не можетъ быть намѣренія вашего сіятельства лишить меня долѣе тѣхъ Татарскихъ книгъ, которыя были у меня отобраны за два года предъ симъ, тѣмъ больше, что это такія сочиненія, которыя публично продаются по приказанію и на счетъ правительства въ Оренбургской гимназіи, гдѣ я ихъ и купилъ. Но какъ послѣднее повелѣніе вашего сіятельства о томъ предметѣ предписываетъ отдать мнѣ только тѣ изъ этихъ книгъ, которыя на одномъ Татарскомъ языкѣ: выходитъ, что какъ онѣ всѣ на обоихъ—Татарскомъ и Россійскомъ

языкахъ, и что даже по той одной причинѣ онѣ были у меня отобраны, то здѣшній господинъ комендантъ находится обязаннымъ и теперь ихъ всѣхъ держать у себя. По эдакимъ обстоятельствамъ не позволено ли мнѣ будетъ, м. г., полагать, «*что случилась, можетъ-быть, какая-нибудь ошибка въ составленіи приказа, предложеннаго подписыванію вашего сіятельства*? Въ такомъ случаѣ я васъ покорнѣйше прошу, чтобы вы изволили вторично приказать, чтобы всѣ мои Татарскія книги безъ исключенія были мнѣ возвращены.

Какъ всемилостивѣйшій манифестъ возстановляетъ сосланныхъ въ прежнее ихъ состояніе, и какъ, съ другой стороны, правительство не кажется намѣреннымъ возвратить меня въ Москву на казенный счетъ, я васъ также прошу покорнѣйше, м. г., чтобы вы изволили приказать отдать мнѣ паспортъ до Казани, чтобъ я могъ тамъ сыскать средства пропитанія, которыхъ я здѣсь такъ долго находилъ себя лишеннымъ. А ежели, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не будетъ во власти вашего сіятельства сдѣлать мнѣ сію милость, то я васъ покорнѣйше прошу дать мнѣ позволеніе писать прямо и на Французскомъ языкѣ къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, у которой съ полною довѣренностію я буду всепокорнѣйше просить высочайшаго ходатайства, какъ скоро я буду извѣщенъ о возвращеніи Ея Величества въ столицу.

Позвольте мнѣ теперь, м. г., окончить мое письмо краткимъ представленіемъ вашему сіятельству ужасныхъ бѣдъ, которыя я претерпѣлъ въ Москвѣ въ то время, когда я здѣсь и безъ того такъ чувствительно страдалъ. Моя жена и мой братъ скоро умерли отъ печали и въ отчаяніи; все мое имѣніе, моя библіотека, мои важнѣйшія бумаги, документы, на которыхъ основывалось будущее мое счастіе, все разграблено и все пропало; такъ что изъ всего прежняго моего состоянія мнѣ остается одно страшное предчувствованіе несчастной старости. Ежели, по непостижимой судьбѣ, такая была награда непорочнаго поведенія, безмѣрнаго усердія и ревностныхъ услугъ человѣка, котораго все существо было предано Россіи, то по крайней мѣрѣ я ласкаю себя надеждою, м. г., что, двинувшись вмѣстѣ съ чувствомъ правосудія, человѣколюбія и сострадательности, вы не замедлите дать мнѣ наслаждаться благодѣяніями всемилостивѣйшаго манифеста, и что вы удостоите своимъ уваженіемъ двоякій предметъ сей моей просьбы къ вашему сіятельству.»

Видимо, что письмо написано человѣкомъ недовольно знакомымъ съ оборотами Русской рѣчи. Тѣмъ не менѣе Годфруа и по-русски

умѣлъ выражаться колко. Князь Волконскій, однако, не понялъ или старался не понять такую колкость и видимо настолько встревожился угрозъ ученаго плѣнника, что тотчасъ же по полученіи письма (15-го Декабря) предписалъ Суховицкому выдать Годфруа всѣ «печатныя книги на Татарскомъ и Россійскомъ языкахъ», съ требованіемъ лишь донести ему, какія въ книгахъ и письменныхъ тетрадкахъ, отобранныхъ отъ Годфруа, окажутся недостатки. Относительно же увольненія плѣнника въ Казань приказано было объявить ему, «что ни въ Москву, ни въ Казань отпустить его не можно, потому что объ освобожденіи его не послѣдовало еще разрѣшенія отъ высшаго правительства», о чемъ-де уже сдѣлано представленіе г. главнокомандующему въ С.-Петербургѣ. Что же касается разрѣшенія Годфруа писать Императрицѣ, то этого ему «отнюдь не позволять прямо отъ себя», а чтобъ онъ терпѣливо ожидалъ разрѣшенія о возвращеніи ему прежней свободы. Однако прошло еще около четырехъ мѣсяцевъ, а о возвращеніи этой свободы не было ни слуху, ни духу. Годфруа потерялъ всякое терпѣніе и, наконецъ, 8-го Апрѣля 1815 года самъ написалъ письмо С. К. Вязмитинову, которое, чрезъ Суховицкаго, просилъ князя Волконскаго переслать по назначенію. На этотъ разъ Оренбургскій военный губернаторъ исполнилъ желаніе Годфруа. Но какой получился изъ Петербурга отъ министра полиціи отвѣтъ, изъ дѣла не видно. По всей вѣроятности, онъ былъ освобожденъ въ силу высочайшаго манифеста 14-го Декабря 1815 года, такъ какъ въ послѣдующихъ годахъ о немъ не было никакой переписки.

II.

Какъ о Годфруа, такъ и о Богуславѣ Матвѣевичѣ Реутѣ нѣтъ точныхъ оффиціальныхъ данныхъ. Только въ письмѣ графа Ростопчина къ князю Волконскому отъ 12-го Іюля 1812 г., говорится, что Реутъ ссылается «за дерзкія слова», но кому, когда и гдѣ сказанныя, ничего неизвѣстно. Болѣе же обстоятельныя свѣдѣнія о себѣ даетъ самъ ссыльный въ написанной по-французски «оправдательной запискѣ», которую приводимъ здѣсь въ Русскомъ переводѣ. Это цѣлая, весьма любопытная автобіографія.

Оправдательная записка, составленная мною Богуславомъ Реутомъ, по поводу моего задержанія въ Москвѣ 26-го Іюня 1812 года, въ томъ видѣ, какъ она должна была быть представлена его сіятельству графу Ростопчину.

Прежде чѣмъ начать мое оправданіе, изложу вкратцѣ исторію моей жизни. Свидѣтельствуюсь Высшимъ Существомъ, что буду говорить одну только правду.

Я родился 8 (20) Октября 1773 года, въ той части Бѣлоруссіи, которая, по раздѣлу Польши 1793 года, отошла подъ скипетръ славной памяти Всероссійской Императрицы Екатерины II-й. Мои родители, благороднаго происхожденія, не были богаты, но жили въ довольствѣ, любимые своими сосѣдями и уважаемые въ своей губерніи. Насъ было двѣ сестры и четыре брата, изъ которыхъ я старшій. Отца моего я лишился въ томъ возрастѣ, когда не понималъ значенія этой утраты. Десяти лѣтъ отъ роду я началъ учиться въ Полоцкой коллегіи отцовъ-Іезуитовъ. Въ 1791 году мать моя послала меня въ Варшаву къ своему родственнику графу Дзеконскому, который былъ казначеемъ Литвы (trésorier de Lithuanie). Тамъ же находился и другой родственникъ мой по матери моей графъ Гутаковскій, и благодаря имъ я опредѣлился въ коронную канцелярію. Въ 1793 году произошли Тарговицкая конфедерація, послѣдній сеймъ въ Гроднѣ и раздѣлъ Польши. Я поспѣшилъ тогда возвратиться въ нашу губернію, которая принадлежала уже Россіи и, будучи старшимъ въ семействѣ, принесъ присягу въ вѣрности Ея Величеству Императрицѣ, въ Минскѣ у тамошняго губернатора Неплюева. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вспыхнула несчастная революція Костюшки. Его приверженцы звали меня назадъ въ Варшаву, маня меня блестящими обѣщаніями и предлагая должности; но, при всей своей молодости, я разсудилъ здраво, что всѣ эти волканическія вспышки были лишь химерами, безъ всякой основы. Къ тому же мнѣ хорошо жилось въ новомъ моемъ отечествѣ. Я не захотѣлъ измѣнить присягѣ и остался дома при моей матери, ведя тихую жизнь, какъ подобало вѣрному подданному Ея Величества. Чтобы не навлечь на себя подозрѣній, я нарочно ѣздилъ часто, въ это смутное время, въ Полоцкъ къ нашему тогдашнему губернатору Неклюдову, который меня въ особенности удостоивалъ своей дружбы и уваженія. Въ Москвѣ я навѣстилъ ихъ. Неклюдовъ былъ очень боленъ; а супруга его приняла меня съ тою же любезностію и добротою, какъ бывало въ Полоцкѣ. Неклюдовъ долгое время былъ у насъ губернаторомъ; онъ можетъ всего лучше свидѣтельствовать о моихъ поступкахъ и образѣ мыслей. Послѣ этого послѣдняго кроваваго Польскаго возстанія обнародованы были общее прощеніе, окончательный раздѣлъ и миръ.

Съ ранней моей молодости возымѣлъ я сильную страсть къ путешествіямъ по чужимъ краямъ и приставалъ къ моей матери, чтобъ она дала мнѣ на то позволеніе и средства; но по нѣжности ко мнѣ она не соглашалась и чтобы привязать меня къ дому уговаривала жениться и жить постоянно въ деревнѣ. Я былъ тогда еще слишкомъ молодъ для хозяйственныхъ занятій, и мнѣ казалось, что чувствую от-

вращеніе къ браку. Мать мою я обожалъ, и положеніе мое было трудное. Видя мою нерѣшимость, она не настаивала, но уступила принадлежавшее ей право на все наше помѣстье мнѣ одному. Въ виду такой нѣжности съ ея стороны я слѣпо подчинился ея волѣ. На комъ бы ни жениться, мнѣ было все равно. У меня была двоюродная сестра, племянница моей матери; она часто у насъ живала, и мы росли почти вмѣстѣ. Выборъ мой остановился на ней, о чемъ я сообщилъ моей матери. Я по истинѣ чувствовалъ къ ней весьма искреннюю дружбу, отнюдь не любовь. Нужно было однако церковное разрѣшеніе. Обращались въ Римъ черезъ посредство митрополита Сестренцевича. Не жалѣли издержекъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло разрѣшеніе, и я женился. Мать моя, предовольная, полагала, что счастіе мое обезпечено; но увы... Величайшимъ неблагоразуміемъ съ моей стороны было соединиться бракомъ съ особой, къ которой я вовсе не имѣлъ склонности, и тутъ корень всѣхъ невзгодъ и несчастій моей жизни. Съ позволенія и съ пособіемъ моей матери я купилъ у втораго моего младшаго брата *) приходившееся на его долю наслѣдственное владѣніе; а черезъ нѣсколько времени два другіе мои брата, поступивъ въ орденъ отцовъ-Іезуитовъ, продали мнѣ также свои доли, такъ что я сдѣлался единственнымъ владѣльцемъ всего нашего помѣстья, слишкомъ въ 300 душъ; но такъ какъ для выдачи сестрамъ на приданое мнѣ пришлось взять взаймы до 4.000 червонцевъ, то я долженъ былъ перепродать часть земли и, расплатившись съ долгами, владѣю нынѣ 200 душъ крестьянъ.

Между тѣмъ бракъ мой не приносилъ мнѣ благополучія, тѣмъ болѣе что мы съ женою не были счастливы дѣтьми: ихъ родилось шестеро, но они умирали почти вслѣдъ за рожденіемъ. Я сдѣлался мраченъ и задумчивъ; жена моя стала раздражительна. Ни съ того, ни съ сего мы взаимно бывали недовольны. Единственное мое благо заключалось въ нѣжности моей матери, которая слишкомъ поздно увидала, какую жертву принесъ я ей, женившись противъ моей воли и лишь въ угоду ей.

Посреди ежедневныхъ непріятностей и домашнихъ горестей, чувствительныхъ, хотя и прикрываемыхъ, скончалась моя дорогая мать. Увы! Вся радость моей жизни сокрылась въ ея могилѣ; свѣтъ сдѣлался для меня обширною пустынею; ничто въ немъ меня не привлекало. Тогда-то пробудилась во мнѣ давнишняя страсть къ путешествіямъ.

---

*) Этотъ братъ нынѣ служитъ ассессоромъ во второмъ гражданскомъ отдѣленіи Витебскаго Губернскаго Правленія.

Я былъ самъ себѣ господинъ, попросилъ паспорта у правительства, получилъ его, и не прошло десяти мѣсяцевъ съ кончины моей матери, какъ уже былъ я за границей. Я пропутешествовалъ нѣсколько лѣтъ; жена оставалась дома, и мы совершенно отвыкли другъ отъ друга. Семь лѣтъ тому назадъ, на пути изъ Италіи, я долженъ былъ торопиться возвращеніемъ въ Россію. Возгорѣлась война между Французами и Австрійцами. Послѣ несчастнаго пораженія арміи Мака въ Баваріи и непосредственно вслѣдъ за позорною сдачею его при Ульмѣ, Французскія войска появились во всѣхъ владѣніяхъ Австрійскаго императора. Я былъ захваченъ отрядомъ Французскихъ егерей на Венгерской границѣ близъ Фишамента. Они меня до чиста ограбили, отняли новую карету, пожитки, бѣлье, платье, книги, инструменты, часы, небольшое собраніе антиковъ и мозаикъ, около 1.500 червонцевъ и слишкомъ 1.000 флориновъ Австрійскими бумажками. Я долженъ былъ пѣшкомъ пройти четыре мили до Пресбурга, гдѣ по счастію встрѣтился съ знакомымъ купцомъ, который мнѣ далъ возможность возвратиться домой. Это несчастное приключеніе значительно разстроило мои дѣла. Съ женою мы покончили тѣмъ, что разошлись частнымъ образомъ, давъ другъ другу слово, въ случаѣ, если кто изъ насъ захочетъ формальнаго и юридическаго развода, то препятствій съ обѣихъ сторонъ не будетъ.

Съ этихъ поръ я рѣдко живалъ въ Бѣлоруссіи. У меня были друзья на Волыни, въ Галиціи, въ Пруссіи, въ Ригѣ, въ Петербургѣ, и я живалъ у нихъ то тамъ, то тутъ. Однако въ промежутки мнѣ случалось проводить зимніе мѣсяцы въ нашемъ губернскомъ городѣ Витебскѣ. Почти всѣ смѣнявшіеся Бѣлорусскіе губернаторы хорошо меня знали, и могу даже сказать, что они удостоивали меня уваженія и дружбы. Въ особенности любилъ меня тайный совѣтникъ Петръ Ивановичъ Северинъ. У меня бывали съ нимъ важныя дѣла. Онъ поселился въ Бѣлоруссіи и до сихъ поръ весьма ко мнѣ расположенъ. Дѣйств. статскій совѣтникъ Сергѣй Алексѣевичъ Шишкинъ также знаетъ меня близко и оказывалъ мнѣ много дружбы, живучи въ Витебскѣ; онъ теперь губернскимъ предводителемъ въ Твери. Наконецъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, нынѣ губернаторъ Новгородскій, любитъ меня искренно и удостоиваетъ особливаго уваженія; у меня съ нимъ и литературныя сношенія. Всѣ эти извѣстныя лица, бывъ долгое время начальниками въ нашей губерніи, имѣли случаи узнать меня коротко и могутъ свидѣтельствовать о моихъ дѣйствіяхъ и о моихъ чувствахъ къ моему отечеству и къ моему Государю.

Въ эти послѣдніе годы золотая монета страшно поднялась въ цѣнѣ; имѣніе мое заложено по слишкомъ высокой оцѣнкѣ. Времена наступили трудныя, доходовъ никакихъ. Потому я вознамѣрился продать мою землю, заплатить лежавшій на ней долгъ и съ тѣмъ, что̀ останется, уѣхать внутрь Россіи и, позабывъ аристократическія тонкости, заняться торговлею или, пользуясь небольшими моими дарованіями, искать хорошаго мѣста у какого-нибудь вельможи въ столицахъ или по деревнямъ. Я человѣкъ тихій и миролюбивый. Утративъ состояніе и разстроивъ здоровье, ищу только покоя. Всѣ мои связи и сношенія, всѣ мои бумаги, и тѣ изъ нихъ, которыя опечатаны его превосходительствомъ оберъ-полицеймейстеромъ Ивашкинымъ, въ ночь съ 26 на 27 Іюня, служатъ явнымъ и достаточнымъ подтвержденіемъ словъ моихъ. За нѣсколько дней до моего задержанія писалъ я въ Тамбовъ къ давнему пріятелю моему Рубцу (Rubec): «Я хочу проѣхать во внутренность Россіи; я хочу у васъ побывать въ Тамбовѣ, гдѣ, можетъ быть, и поселюсь, потому что изъ всѣхъ государствъ Россія мнѣ наиболѣе нравится». Въ черновомъ видѣ это письмо находится въ моихъ бумагахъ, взятыхъ г-номъ оберъ-полицеймейстеромъ. Отвѣтъ на него пришелъ изъ Тамбова, когда я уже былъ задержанъ. Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ мнѣ его доставилъ распечатанное, чрезъ участковаго маіора Великанова Я умолялъ его представить это письмо его сіятельству графу Ростопчину, дабы убѣдить его, что я вѣрный подданный Его Величества и ревностный патріотъ. Г-нъ Великановъ отвѣчалъ мнѣ, что графъ Ростопчинъ самъ видѣлъ всѣ мои бумаги и Тамбовское письмо, что онъ вполнѣ убѣжденъ въ моей невинновности и дастъ мнѣ черезъ два-три дни свободу, но что для порядка мнѣ придется еще побыть два или три дня на *съъзжей*; что графъ, пославъ обо мнѣ бумагу къ Его Величеству въ день моего задержанія, теперь, по разборѣ моихъ бумагъ, послалъ другую бумагу въ мое оправданіе.

Вѣря честному слову г-на Великанова, я успокоился. Возвращаюсь къ моему повѣствованію.

И такъ, я жилъ въ послѣднее время въ Петербургѣ, подыскивая себѣ выгоднаго мѣста. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ мои поиски не удавались. Его превосходительство, генералъ, сенаторъ и начальникъ всѣхъ таможенъ, Обрѣзковъ, предлагалъ мнѣ должность переводчика; но какъ я не особенно силенъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, и жалованіе тутъ скудное, то я отказался. Познакомился я въ это время въ Петербургѣ съ Швейцаркою изъ Женевы, Розаліею Гельбигъ, урожден-

ною Кюнъ *). Общность вкусовъ скоро насъ сблизила. Г-нъ Обрѣзковъ зналъ ее хорошо по Гроднѣ, и она доставила мнѣ лестное для меня знакомство съ нимъ. Мы уговорились съ ней: она возметъ мѣсто гувернантки, а я разведусь съ женою, продамъ имѣніе, заплачу долги и, соединившись бракомъ, мы устроимся гдѣ-нибудь внутри Россіи и займемся учительствомъ. Согласно этому уговору, она уѣхала въ Симбирскъ къ дѣтямъ генерала Киндякова на жалованье въ 1.800 р. въ годъ. Она теперь тамъ. Я провожалъ ее до Москвы и поручилъ ей сыскать мнѣ мѣсто гдѣ-нибудь по близости Симбирска. Написавъ въ Бѣлоруссію къ друзьямъ моимъ о продажѣ земли, я собирался ѣхать либо въ Тамбовъ къ совѣтнику Рубцу, либо въ Симбирскъ, если тамъ сыщется мѣсто. Въ Москвѣ я прожилъ пять недѣль, не имѣя достаточно наличныхъ денегъ, чтобъ изъ нея выѣхать, какъ наступило 26 Іюня.

Не знаю, въ чемъ я обвиненъ. Положительно не знаю, кто мои обвинители.

Въ Середу, въ 2 часа ночи, съ 26 на 27 Іюня вошелъ въ мою небольшую комнату его превосходительство оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ и съ нимъ нѣсколько офицеровъ и солдатъ. Я лежалъ въ постели совсѣмъ раздѣтый. Мнѣ велѣно встать и показать мои бумаги. Я повиновался. Г-нъ Ивашкинъ запечаталъ ихъ въ пакетъ, приказалъ мнѣ одѣться, а самъ ушелъ въ гостиную. У меня въ комнатѣ остался какой-то господинъ, который надо мною немилосердно издѣвался и наконецъ спросилъ меня: «Гдѣ твоя невѣста? Какой твой чинъ?» Я отвѣчалъ, что г-жа Гельвигъ не виновна.—«Какъ, такъ ты до сихъ поръ недоросль?»—Я не зналъ, чего ему отъ меня нужно. Потомъ мнѣ сказали, что его зовутъ Чистяковъ и что онъ донесъ на меня. Признаюсь, это мнѣ непонятно, такъ какъ я вовсе не зналъ г-на Чистякова и даже не помню, видѣлъ ли его гдѣ нибудь. Г-нъ Ивашкинъ былъ со мною весьма добръ и любезенъ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я не боялся того, что хотятъ осмотрѣть мои бумаги, и что если я не знаю за собою вины, то ничего мнѣ не будетъ. Слова эти совершенно меня успокоили. Ивашкинъ взялъ меня въ свои дрожки и повезъ къ себѣ. Меня привели въ кабинетъ, гдѣ увидѣлъ я другаго Поляка. Спросили насъ, знаемъ ли мы другъ друга и, получивъ отрицательные отвѣты, оставили обоихъ подъ надзоромъ полицейскаго офицера. Такъ прошло до 9 часовъ утра, когда пришелъ Ивашкинъ съ околодочными маіорами и сказалъ мнѣ, что я дол-

---

*) Дѣвица Розалія Кюнъ, живучи въ Гроднѣ у княгини Четвертинской (мачихи Марьи Антоновны Нарышкиной), вышла за Нѣмца Гельвига; черезъ два года она развелась съ нимъ въ Петербургѣ.

женъ отправиться къ его сіятельству генералъ-губернатору. Ко мнѣ приставленъ маіоръ Великановъ, и мы поѣхали къ графу.

Часа два пробыли мы въ пріемной, и по знаку Ивашкина, я вошелъ въ кабинетъ графа. Мнѣ показалось, что онъ на меня очень гнѣвенъ. Съ презрительнымъ негодованіемъ спросилъ онъ у меня, кто я такой. Совершенно смущенный, я отвѣчалъ: Польскій уроженецъ изъ Витебской губерніи. Графъ сказалъ мнѣ: «Какъ! Ты не считаешь себя Русскимъ подданнымъ?» Слова эти меня поразили. Ахъ! Богъ видитъ мою совѣсть и мое сердце: я Русскій подданный тѣломъ и душою. Я хотѣлъ такъ отвѣчать, но языкъ меня не слушался. «О какой прокламаціи ты говорилъ? продолжалъ графъ. Ты, игрочишка! Ты хочешь продать свою землю, чтобы переѣхать во Францію. Я тебя представлю въ комитетъ». Ахъ, ваше сіятельство (едва могъ я произнести эти слова отчаяннымъ голосомъ), я невиненъ, я никогда и нигдѣ не говорилъ... Я даже не слыхалъ ни о какой прокламаціи. Клянусь передъ вашимъ сіятельствомъ, какъ передъ Богомъ, я невиненъ».—«Неправда, сказалъ графъ: противъ тебя есть свидѣтели. Взять его!» (обратился онъ къ оберъ-полицмейстеру). Меня арестовали. Можно судить, что̀ я почувствовалъ; но внезапно проблеснула въ головѣ моей надежда. Это невозможно, это невозможно, твердилъ мнѣ тайный голосъ. Графъ справедливъ и прозорливъ. Онъ мнѣ позволитъ свободно поговорить съ нимъ и объясниться. Онъ лично переспроситъ моихъ обвинителей. Ему откроются ложь и злоба враговъ моихъ. Меня жестоко оклеветали; но онъ справедливъ, ему доступенъ голосъ угнетенной невинности, и онъ самъ будетъ мнѣ первымъ защитникомъ. Утирая слезы, передалъ я все это маіору Великанову. Тотъ подтвердилъ, что графъ милосердъ и справедливъ и не осудитъ меня не выслушавши. Увы! Надежды мои не оправдались!

Черезъ нѣсколько дней передали мнѣ черезъ Великанова, что бумаги мои разсмотрѣны, что вины за мной не оказалось, и что завтра же меня выпустятъ на свободу. Прошелъ день, и Великановъ говоритъ мнѣ: «Надо потерпѣть; графъ захотѣлъ самъ разсмотрѣть ваши бумаги». Черезъ нѣсколько времени опять тоже увѣреніе. «Клянусь честью и головою, что вы признаны невиннымъ; но по ходу дѣла надо еще

*) Дѣйствительно, въ подлинномъ дѣлѣ о Реутѣ находится Русское письмо къ нему отъ Ивана Рубца, отъ 26-го Іюня 1812 г., изъ Тамбова, гдѣ онъ, называя Реута „любезный другъ Богуславъ Матвѣевичъ“, убѣдительнѣйше проситъ его пріѣхать въ Тамбовъ и занять квартиру у него въ домѣ на сколько угодно, и отъ души радуется, что Реутъ по пріѣздѣ къ нему разскажетъ о своихъ путешествіяхъ за границей и опишетъ всѣ достопримѣчательности. П. Ю.

подождать». Великановъ позволилъ мнѣ написать оправдательную записку для представленія графу. Она была составлена почти также, какъ эта; но Великановъ жестоко обманулъ меня, не передавъ записки. Я увѣренъ, что если бы графъ прочелъ ее, то я не только не былъ бы осужденъ, но снискалъ бы въ немъ покровителя для себя. Всѣ же пользуются его милосердіемъ, великодушіемъ, справедливостью. И такъ я потерпѣлъ только отъ небрежности Великанова. Да проститъ ему Богъ!

Однако надобно передать, какъ я себѣ объясняю причину моего злополучія. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Москву встрѣтилъ я въ католической церкви молодого Поляка, по имени Тильковскаго. Заговоривъ со мною, онъ мнѣ сказалъ, что въ Полоцкѣ, своемъ родномъ городѣ, зналъ онъ въ Іезуитской школѣ моихъ младшихъ братьевъ. На другой день онъ приходилъ ко мнѣ и спрашивалъ между прочимъ, долго ли я располагаю пробыть въ Москвѣ. Я отвѣчалъ неопредѣлительно, что, можетъ быть, скоро уѣду въ Симбирскъ, и что мнѣ хотѣлось бы пожить въ Тамбовѣ, но денегъ у меня мало, что въ Тамбовѣ у меня давнишній пріятель, которому нѣкогда я помогалъ, когда былъ богаче его и который теперь разбогатѣлъ, и я надѣюсь на взаимную услугу съ его стороны. На это Тильковскій сказалъ, что онъ готовъ ссудить мнѣ денегъ, но у него самого ихъ мало, но что онъ пришлетъ ко мнѣ другаго Поляка, человѣка дѣловитаго, который достанетъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей на поѣздку въ Тамбовъ. Я поблагодарилъ его за такую услужливость. На другой день, я еще не вставалъ съ постели, когда вошелъ ко мнѣ отъ имени Тильковскаго съ предложеніемъ услугъ нѣкто Черминскій (или что́-то въ этомъ родѣ). Лицо у него такое непривлекательное, что сначала не хотѣлъ я имѣть съ нимъ сношенія; но своею вкрадчивостью онъ обольстилъ меня, и я ему сказалъ, что мнѣ бы надобно занять на два или на три мѣсяца отъ пяти до шести сотъ рублей. Онъ пожелалъ взглянуть на мои бумаги; я ему показалъ ихъ, и онъ мнѣ обѣщалъ черезъ два дня достать денегъ. Я далъ ему нѣсколько серебряныхъ монетъ на завтракъ, чѣмъ онъ, повидимому, былъ весьма доволенъ. Въ назначенное время онъ пришелъ ко мнѣ, и мы съ нимъ отправились къ нѣкоему Плюшкову, который мнѣ сказалъ, что можетъ мнѣ ссудить 800 или даже 1000 р., но что ему надо имѣть что либо въ залогъ или обезпеченіе. Я отвѣчалъ, что не могу, и на этомъ дѣло остановилось. Уже это мнѣ не понравилось: зачѣмъ Черминскому нужно было увѣрять меня, что я получу деньги просто по векселю и безъ залога? На другой день онъ опять ко мнѣ явился и сообщилъ, что деньги мнѣ дастъ какая-то Полька Лорецкая или Лун-

ская. И тутъ имѣлъ я глупость повѣрить. Онъ привелъ меня въ такое мерзкое мѣсто, что я опрометью выбѣжалъ вонъ, не сказавъ ни слова. Но Черминскій слѣдовалъ за мною и на бульварѣ подсѣлъ ко мнѣ. Въ это время проходилъ мимо насъ оберъ - полицмейстеръ Ивашкинъ, и мнѣ показалось, что онъ пристально глядѣлъ на меня. Кто этотъ генералъ? спросилъ я Черминскаго.—Какъ, вы не знаете? Это здѣшній оберъ-полицмейстеръ. Я его близко знаю, онъ меня любитъ и дастъ мнѣ важныя порученія; бывая у него, могу я быть кому нибудь и полезенъ и вреденъ... Я принялъ эти слова за глупое хвастовство и, убѣдившись, что Черминскій человѣкъ ненадежный и неблаговидный, рѣшился прекратить съ нимъ сношенія. Но черезъ два дня онъ опять пришелъ съ новыми предложеніями: кто-то соглашался дать мнѣ 1000 рублей наличными деньгами и на 1000 рублей вещей, съ тѣмъ, чтобы я ему выдалъ на три мѣсяца вексель въ 3000 рублей. Я отвѣчалъ, что я никогда не занималъ и даже не слышалъ, чтобы кто нибудь занималъ деньги за такіе страшные проценты, что мнѣ не надобно столь большой суммы, что я не давалъ ему подобныхъ порученій и теперь положительно отказываюсь отъ его услугъ, такъ какъ одинъ пріятель помогъ мнѣ, въ ожиданіи отвѣта изъ Тамбова и писемъ изъ Симбирска и Бѣлоруссіи. Кажется, слова мои на него подѣйствовали. Прикинувшись, что ему все равно, онъ медоточиво обратился ко мнѣ съ такою рѣчью. «Послушайте, г-нъ Реутъ. Я увѣренъ, что, изъѣздивъ много странъ, вы мастерски играете и конечно научились играть навѣрняка... Займите эти деньги. Правда, процентъ великъ; но вы не останетесь въ накладѣ. Я васъ познакомлю съ нѣкоторыми молодыми господами, и мы воспользуемся оба». Это привело меня въ негодованіе, и я перервалъ его: «Вы ошибаетесь, г-нъ Черминскій, либо смѣетесь надо мною. Я не подалъ вамъ къ тому никакого повода. За кого вы меня принимаете? Я вовсе не игрокъ, не желаю имѣть съ вами дѣла и объявляю вамъ, что занимать денегъ мнѣ не нужно». Тогда онъ мнѣ сказалъ: «Ну хорошо! Оставимъ это; но какъ вы мнѣ сказали, что вы при деньгахъ, то ссудите мнѣ 25 рублей; я вамъ возвращу ихъ черезъ нѣсколько дней». Я отвѣчалъ, что прошу извинить меня на этотъ разъ, что денегъ у меня мало. Онъ разсердился и наконецъ ушелъ.

Въ тотъ же день вечеромъ пошелъ я на бульваръ. Черминскій уже тамъ и нахально подсѣлъ ко мнѣ. На этотъ разъ онъ былъ такъ пьянъ и такъ растрепанъ, что я дѣлалъ видъ, будто ни замѣчаю его. «Какъ, вы не хотите говорить со мною? воскликнулъ онъ дерзко. Такъ раскаетесь!» Это были послѣднія слова его, и съ тѣхъ поръ я не видѣлъ его больше. Спрашиваю теперь у людей чувствительныхъ и

честныхъ, не долженъ ли я подозрѣвать, что Черминскій оклеветалъ меня передъ оберъ-полицмейстеромъ, тѣмъ болѣе, что, какъ увѣряли меня, онъ очень близокъ съ г-номъ Чистяковымъ? Иначе, зачѣмъ графу Растопчину пришло въ голову считать меня игрокомъ? Развѣ, можетъ быть, въ Москвѣ смѣшали мое имя съ именемъ извѣстнаго игрока Реата, который бывалъ во многихъ мѣстахъ и нѣсколько разъ замѣченъ полиціей. Когда въ Петербургѣ, ища мѣста въ таможнѣ, я представлялся г-ну Обрѣзкову, онъ спросилъ меня, не предаюсь ли я мерзкому занятію моего родственника, находившагося тамъ подъ судомъ. Я сначала не понялъ его вопроса, но потомъ мы объяснились, и г-нъ Обрѣзковъ узналъ отъ меня, что я не Реатъ, а Реутъ. Я же никогда не имѣлъ пагубной страсти къ игрѣ; склонности мои и средства не игрецкія. Нѣкогда игралъ я въ небольшія игры, но всегда былъ изъ тѣхъ, которые играютъ для развлеченія и проигрываютъ, а не изъ играющихъ для барыша. А живучи въ Москвѣ, я не только ни разу не игралъ, но не былъ въ обществахъ, гдѣ играли, и даже не видалъ картъ. И такъ вѣроятно, что первымъ моимъ клеветникомъ былъ Черминскій, донесшій, будто я игрокъ и продаю имѣніе мое съ тѣмъ, чтобы переѣхать во Францію.

Но откуда же самое важное обвиненіе относительно злосчастной прокламаціи? Кто изъ тайныхъ враговъ моихъ могъ придумать такую тяжкую клевету? Но графъ отозвался во множественномъ числѣ, будто противъ меня имѣются свидѣтели, слышавшіе, что я говорилъ о прокламаціи. Богъ мнѣ свидѣтель, и пусть Онъ накажетъ меня сію минуту, если я говорю неправду. О проклятой прокламаціи, которая тогда ходила по рукамъ въ Москвѣ, услышалъ я въ первый разъ въ пріемной у графа же, за минуту передъ тѣмъ, какъ меня позвали къ нему въ кабинетъ. Я слишкомъ много испыталъ, чтобы въ смутныя времена захотѣлъ толковать о политическихъ дѣлахъ. Вся моя жизнь доказываетъ, что я простой, частный человѣкъ, ищу только покоя, вѣренъ въ подданствѣ Государю и усерденъ ко благу отечества, не только по долгу, но по внутреннему убѣжденію и сердечной склонности. Тщательно перебиралъ я въ своей памяти, о чемъ именно случилось мнѣ говорить въ эти послѣдніе дни, и твердо увѣрился, что ни единаго звука не сходило съ устъ моихъ касательно дѣлъ политическихъ. Наконецъ, послѣ разныхъ соображеній и предположеній, показалось мнѣ, что я открылъ источникъ этой клеветы *).

*) Въ извѣстномъ романѣ Вольтера *Задигъ* есть черты, схожія съ моими настоящими обстоятельствами. Задигъ, прогуливаясь съ одною дамою въ садахъ Вавилона, написалъ четыре стиха въ похвалу своего монарха, разорвалъ на двое этотъ маленькій лоскутъ бумаги и кинулъ его на вѣтеръ. За это столь простое дѣйствіе онъ чуть не поплатился жизнію.

Въ послѣднюю Середу, 26 Іюня, за общимъ столомъ въ гостинницѣ гдѣ я жилъ, сидѣлъ я рядомъ съ Полякомъ, по имени Лебреномъ (Lebrun), и мы разговаривали о дѣлахъ князя Радзивила, что́ въ Несвижѣ. Я передалъ моему сосѣду нѣкоторыя о томъ подробности. Этотъ князь Радзивилъ, молодой вельможа, владѣлецъ слишкомъ 130 тысячъ душъ въ Россіи, уѣзжая въ прошломъ году за границу, поручилъ управленіе своими имѣніями и своими дѣлами въ Россіи г-ну Каминскому, предсѣдателю втораго гражданскаго департамента въ Минскѣ. Князь долженъ казнѣ и банку отъ 300 до 400 т. червонцевъ. Довѣренность, выданная имъ Каминскому, явлена въ Петербургѣ, засвидѣтельствована Сенатомъ и, кажется, даже утверждена особымъ указомъ Его Императорскаго Величества. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Князь поступилъ въ Варшавѣ въ военную службу и потребовалъ изъ имѣнія значительныхъ денегъ. Каминскій не могъ или не посмѣлъ доставить ихъ ему. Князь разгнѣвался на него и безъ его вѣдома далъ въ Варшавѣ новую довѣренность на управленіе его дѣлами въ Россіи двумъ графамъ Ржевусскимъ. Сіи послѣдніе предъявили ее на контрактахъ нынѣшняго года въ Кіевѣ; но какъ бумага составлена въ противность сенатскимъ указамъ и при томъ не въ Россіи, то правительство не признало ея дѣйствительности, Ржевусскіе отданы подъ судъ, Каминскій снова утвержденъ, а имѣнія князя подверглись запрещенію. Обо всемъ этомъ я разсказывалъ громко и на Польскомъ языкѣ, на которомъ есть слова, одно на другое похожія звуками, но совсѣмъ разнаго значенія; отсюда возможность превратнаго истолкованія. За столомъ сидѣло человѣкъ двадцать постороннихъ людей. Кто нибудь, плохо зная по-польски, слыша слова мои: Wydał w Warszawie komplanacyą dla Rzewuskich, могъ понять такъ: Wydał w Warszawie proklamacyą dla Russkich.

Когда догадка о возможности такого переиначенія моихъ словъ пришла мнѣ въ голову, я сообщалъ ее многимъ, и всѣ отзывались, что надобно мнѣ быть особливо несчастну, чтобы отъ того потерпѣть...

Остается мнѣ сказать еще о днѣ 14 Іюля. Это было Воскресенье утромъ. Ко мнѣ явился отъ г. маіора Великанова полицейскій офицеръ того округа, гдѣ меня арестовали, по имени Дунаевскій, и важно сказалъ: «Господинъ Реутъ! Государь Императоръ повелѣваетъ васъ отправить въ городъ вашъ Витебскъ». Затѣмъ онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что мое приключеніе такъ благополучно кончается и любезно предложилъ мнѣ елико возможно скорѣе собраться въ путь. Мои пожитки оставались въ великомъ безпорядкѣ тамъ, откуда меня взяли. Если бы мнѣ дано было время, то я успѣлъ бы съ помощью добрыхъ

людей запастись какъ должно на дальнюю дорогу; но г. Дунаевскій такъ торопилъ меня, что я захватилъ съ собою лишь нѣсколько рубашекъ и еще кое-что. При томъ же я думалъ, что ѣхать до Витебска всего 550 верстъ, и я доберусь какъ нибудь. Дунаевскій сталъ ласково обращаться со мною, говорилъ отъ имени Императора, и я не смѣлъ подумать, что онъ лгалъ и пользовался довѣрчивостью несчастливаго человѣка. Я поѣхалъ безъ перины и подушки, а въ карманѣ у меня было всего семь рублей мѣдью. Дунайскій запретилъ сопровождавшему меня офицеру (доброму человѣку) сказывать мнѣ о мѣстѣ моего назначенія, и уже пять верстъ за Москвою узналъ я, что меня везутъ въ Оренбургъ. Предоставляю чувствительнымъ сердцамъ представить себѣ мое отчаяніе! Мой офицеръ не могъ удержаться отъ слезъ. Семь рублей скоро вышли, и онъ кормилъ меня на свой счетъ.

Великодушный и сострадательный князь Волконскій! Вы видѣли, въ какомъ состояніи прибылъ я въ Оренбургъ. Вы отерли слезы отчаянія. Узнавъ, что судьба моя зависитъ отъ васъ, я начинаю ожи-вать, и если вы милостиво изволите мнѣ обѣщать, что моя записка будетъ доставлена графу Ростопчину, то сладостная надежда возродится въ угнетенномъ моемъ сердцѣ. Болеславъ Реутъ, Бѣлорусскій гражданинъ изъ Витебской губерніи.

2 Августа 1812 года, Оренбургъ".

*

Лишь 5-го Февраля 1813 г. князь Волконскій препроводилъ записку Реута, но не къ графу Растопчину, а къ С. К. Вязмитинову, объяснивъ при этомъ, что «Реутъ, съ начала присылки на житье въ Оренбургъ, ведетъ жизнь тихую и скромную, никакихъ къ нарушенію спокойствія предпріятій, вредныхъ разговоровъ и политическихъ разсужденій не дѣлаетъ». Затѣмъ князь Волконскій испрашивалъ разрѣшенія главнокомандующаго въ Петербургѣ, «простирается ли на него Реута сила высочайшаго манифеста объ общемъ и частномъ прощеніи Поляковъ?»

Князь Волконскій разумѣлъ слѣдующій манифестъ, изданный въ Вильнѣ 12-го Декабря 1812 года и напечатанный потомъ въ Петербургѣ при Сенатѣ 30-го Декабря того же года.

Божіею милостію Мы Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч. Объявляемъ всенародно.

Въ настоящую нынѣ съ Французами войну главная часть жителей въ прежде бывшихъ Польскихъ, нынѣ же Россійскихъ, областяхъ и округахъ пребывали намъ вѣрны, почему и раздѣляютъ со всѣми

нашими вѣрноподданными нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный нашъ гнѣвъ. Одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы нашей Имперіи, устрашась насилія и принужденія или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности. Другіе, которыхъ число меньше, но преступленія несравненно больше, пристали еще прежде нашествія на ихъ земли къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца и, подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ насъ, восхотѣли лучше быть постыдными его рабами, нежели нашими вѣрноподданными. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечъ правосудія; но, видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещая впредъ чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступокъ и чрезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею нашею милостію и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ мы послѣдовать движеніямъ нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ и они въ свое время вступятъ въ право сего нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и да приноситъ съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе! Между тѣмъ надѣемся, что сіе наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико счастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ во едино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею. Александръ».

Вязмитиновъ ничего не отвѣчалъ князю Волконскому также, какъ и на вторичный запросъ его отъ 30-го Апрѣля того же 1813 г. (№ 496), «съ приложеніемъ письма Реута *), въ коемъ онъ, называя себя «помѣщикомъ Витебской губерніи, Лепельскаго уѣзда, оправдывается въ невинности». Только на третье ходатайство Оренбургскаго военнаго гу-

*) Этого письма ни въ подлинникѣ, ни въ копіи не находится въ дѣлахъ Оренбургскаго центральнаго архива.

бернатора (6-го Января 1814 г., № 26) Сергѣй Козьмичъ увѣдомилъ князя, что Реутъ подъ вышепоказанный манифестъ отъ 12-го Декабря не подходитъ, «и безъ особаго высочайшаго повелѣнія въ домъ свой возвращенъ быть не можетъ».

11-го Марта 1814 г. князь Волконскій писалъ министру полиціи Балашеву: «Благодѣяніе г. Реуту вами, м. г., оказанное я принимаю съ чувствительнѣйшею благодарностію». Затѣмъ 11-го Августа того же года, изложивъ подробно обстоятельства дѣла и подтверждая свои доводы въ пользу Реута, перепиской его съ семействомъ и его знакомствомъ съ бывшимъ Витебскимъ губернаторомъ Сумароковымъ, «который знаетъ Реута съ хорошей стороны и удостовѣряетъ» вполнѣ его личность, князь Волконскій снова просилъ Вязмитинова освободить его. А между тѣмъ, пока шла эта долгая переписка, самъ Реутъ, съ согласія, конечно, князя Волконскаго, хлопоталъ о своемъ освобожденіи чрезъ посредство «дѣйствительной тайной совѣтницы Анны Снарской *), урожденной княгини Огинской, жившей въ Бѣлоруссіи, въ г. Невелѣ Витебской губерніи». Но былъ ли освобожденъ Реутъ по этому ходатайству, архивныя дѣла не указываютъ. Надо думать, что онъ остался въ Россіи. Одинъ изъ Реутовъ (по всей вѣроятности потомокъ ссыльнаго) въ 40-хъ годахъ служилъ въ Оренбургѣ жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Въ настоящее время въ Бузулукскомъ уѣздѣ существуютъ дворяне-помѣщики Реутовскіе, можетъ быть, ведущіе свое начало отъ Реута.

III.

Въ исходѣ 1812 года главные города внутри Россіи переполнились плѣнниками, такъ что по необходимости, «дабы не обременять населенія и прекратить имъ пути къ бѣгству», приходилось отправлять ихъ на окраины: въ Казань, Самару, Саратовъ, Уфу и Оренбургъ. Въ сей послѣдній было сослано ихъ такъ много, особенно изъ простыхъ солдатъ, что перечислить всѣхъ не представляется возможности. Здѣсь были и природные Французы, и истые Нѣмцы, и Евреи, и наши Поляки, и люди другихъ Европейскихъ націй. Особенно выдавался между ними генералъ Вальдбургъ-Трухсесъ съ своимъ адъютантомъ Бацемъ и лакеемъ Илинни. 13-го Мая слѣдующаго года военный министръ князь Горчаковъ просилъ Оренбургскаго военнаго губернатора доставить ему свѣдѣнія объ этомъ генералѣ, которыя были «нужны Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ». Свѣдѣ-

*) Не была ли эта Снарская по мужу своему въ родствѣ съ фельдмаршаломъ княземъ П. Х. Виттенштейномъ, который былъ женатъ на Снарской? П. Б.

нія, конечно, были доставлены самыя благопріятныя, и вскорѣ, по желанію вдовствующей императрицы, лѣтомъ того же года, генералъ былъ освобожденъ изъ плѣна вмѣстѣ съ своими приближенными и, чрезъ Петербургъ и Ригу, отправленъ въ свое отечество.

Генералъ баронъ Дюмурье былъ сосланъ въ Казань. Какой-то баронъ Кречмаръ отправленъ въ городъ Бугурусланъ. Четверо военно-плѣнныхъ Французы: капитанъ Кліоръ-Мартинъ Тестардъ и подпоручики Янъ Валюзіо, Вартоломей Кліодъ и Клаудъ Пикардо были сначала поселены въ Минскѣ, но оттуда бѣжали и, пойманные уже близъ границы, сосланы въ Сентябрѣ 1813 г. въ Уфу. Такое же бѣгство учинили 3-го Французскаго конно-егерскаго полка капитаны Жерардъ и Краве и поручикъ Ласценъ, «поэтому ихъ прислали въ Оренбургъ». Сюда же былъ присланъ полковникъ Виртембергской кавалерской службы графъ Вальденбургъ и адъютантъ его капитанъ Патсо.

При захватѣ во время войны плѣнниковъ часто происходили курьезы, которые потомъ оканчивались довольно плачевно, какъ для побѣдителей, такъ и для побѣжденныхъ.

Одинъ помѣщикъ Тамбовской губерніи, поручикъ Тамбовскаго пѣхотнаго полка Пушкинъ, возвращаясь съ «Борисовскаго сраженія», по дорогѣ захватилъ какого-то Француза, почти уже замерзшаго, и привезъ его къ себѣ въ деревню, куда ѣхалъ для поправленія здоровья, вслѣдствіе полученной имъ въ сраженіи раны. Семейство Пушкина приняло Демутье (такъ звали Француза) болѣе чѣмъ любезно. Его обогрѣли, накормили, одѣли и отвели ему отдѣльную комнату въ надеждѣ имѣть даровaго учителя Французскаго языка и «всѣмъ прочимъ наукамъ», такъ какъ у насъ въ то время сложилось убѣжденіе, что каждый Французъ, кто бы онъ ни былъ, непремѣнно человѣкъ образованный.

Плѣнникъ жилъ въ полномъ довольствѣ, какого вѣроятно не видѣлъ и въ своей счастливой Франціи. Съ поручикомъ Пушкинымъ они скоро сдѣлались неразрывными друзьями: вмѣстѣ ѣздили къ сосѣдямъ-помѣщикамъ и вмѣстѣ устраивали шумныя оргіи и попойки. Часто подъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ друзья вступали въ примѣрное сраженіе или, выражаясь официальнымъ языкомъ, «совершали схватки, какъ бы на войнѣ». Но, должно быть, они чрезмѣрно усердствовали показать свою удаль; домашнимъ было не въ моготу смотрѣть на примѣрныя сраженія двухъ храбрыхъ воиновъ, и мать Пушкина, вдова полковника, принуждена была обратиться съ жалобой къ главнокоман-

дующему въ Петербургѣ на то, что ея «сынъ», поручикъ Пушкинъ, ведетъ себя непристойно, и съ нимъ въ буйствѣ и пьянствѣ участвуетъ плѣнный Французъ Демутье». С. К. Вязмитиновъ благоразумно распорядился удальцами. Тамбовскому губернатору было предписано «за надлежащимъ карауломъ препроводить Демутье на жительство въ Оренбургъ, а поручику Пушкину немедленно явиться въ свой полкъ».

Изъ числа Польскихъ военно-плѣнныхъ были сосланы въ Оренбургскій край Пинскій маршалъ Родзѣевскій, за сношенія его съ непріятелемъ и за то, что онъ принялъ должность Пинскаго подпрефекта, и помѣщикъ Лемницкій съ Евреемъ Моисеемъ Якубовичемъ, взятыми за сообщеніе Модлинскому коменданту Красинскому извѣстій о положеніи нашихъ армій. Первый изъ нихъ, по распоряженію князя Волконскаго, былъ оставленъ въ Оренбургѣ, второй отправленъ въ станицу Звѣриноголовскую, а третій въ крѣпость Усть-Уйскую Челябинскаго уѣзда.

Но всего занимательнѣе судьба трехъ плѣнныхъ Французскихъ медиковъ. Изъ переписки о нихъ до нѣкоторой степени выясняется положеніе какъ нашей, такъ и Французской арміи, особенно послѣ отступленія послѣдней изъ предѣловъ Русскаго государства и когда на западной границѣ сосредоточились всѣ наши военныя силы.

Въ это время въ передовой дѣйствующей арміи нашей чувствовался недостатокъ врачей и медицинскихъ служителей, такъ что въ нѣкоторые госпитали для ухода за больными приходилось посылать захваченныхъ въ плѣнъ Французскихъ медицинскихъ чиновниковъ, содержавшихся пока, впредъ до отсылки въ глубь Россіи, въ нашихъ пограничныхъ городахъ. Такимъ образомъ, изъ Вильны во временно-учрежденные госпитали г. Бѣлостока было прислано десять человѣкъ плѣнныхъ медиковъ: штабъ-аптекарь Гіо, штабъ-лѣкари Мерсье и Спонвиль, лѣкари Саворнье, Люссо̀, Пеллетанъ и Тарассо̀, хирурги Ля-Пьеръ и Де-Клеръ и аптекарскій помощникъ Гернельсбургъ. По переходѣ резервной арміи изъ Бѣлицъ въ Бѣлостокъ, означенные выше госпитали поступили изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдомство коммиссаріотское, и недостатокъ въ медицинскихъ чинахъ мало-по-малу сталъ пополняться прибывавшими за арміей нашими полковыми лѣкарями, а плѣнныхъ Французскихъ врачей предположено было обратно отослать въ Вильну для разсылки по другимъ городамъ.

Французы, пользуясь тѣмъ, что армія ихъ, по занятіи Силезіи по самый городъ Бреславль, приблизилась почти къ самой границѣ герцогства Варшавскаго, рѣшились бѣжать изъ Бѣлостока, и семеро изъ

нихъ: Гіо, Мерсье, Спонвиль, Тарассо, Саворнье, Ла-Пьеръ и Де-Клеръ, въ ночь съ 2-го на 3-е Іюня 1813 года, скрылись изъ госпиталя.

Правитель Бѣлостокской области дѣйств. ст. сов. Щербининъ, боясь, чтобы и остальные трое не убѣжали, поспѣшилъ отправить ихъ подъ присмотромъ въ Вильну. Черезъ нѣсколько дней въ лѣсу близъ Бѣлостока былъ отысканъ хирургъ Де-Клеръ, видимо, не принимавшій никакого участія въ побѣгѣ и спрятавшійся только отъ страха. Наконецъ, немного позднѣе были доставлены еще трое: Гіо, Мерсье и Спонвиль, пойманные уже въ герцогствѣ Варшавскомъ, почти близъ самой Варшавы. Остальные такъ и не были розысканы.

Такъ какъ бѣгство, судя по направленію, было предпринято съ очевидной цѣлью соединиться съ Французской арміей, то, дабы плѣннымъ пресѣчь дальнѣйшія попытки къ бѣгству, правитель Бѣлостокской области обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Литовскому военному губернатору, генералу-отъ-инфантеріи Корсакову, который, находя пересылку виновныхъ въ Вильну неудобною, предписалъ Щербинину отправить ихъ за крѣпкимъ карауломъ въ Оренбургъ, о чемъ 22 Августа того же 1813 года и было сообщено Оренбургскому военному губернатору, съ препровожденіемъ ему въ подлинникѣ на Французскомъ языкѣ показаній пойманныхъ Французовъ [1]).

Первый изъ нихъ, штабъ-лѣкарь въ главной квартирѣ Французской арміи, уроженецъ города Этьенъ, Мёзскаго департамента [2]), Габріель Гіо (Giot, Gabriel, pharmacien-major au quartier général de l'armée française, né à Etain, dept. de la Meuse, le 6 Janvier 1786) по приказанію своего военнаго министра былъ отправленъ въ главную квартиру (au grand quartier-général), стоявшую въ то время въ Смоленскѣ; но «жестокость времени не позволила ему проѣхать далѣе», ибо онъ отморозилъ себѣ руки и ноги. По этой причинѣ, 9-го Декабря 1812 г., ему пришлось остановиться въ Вильнѣ и лечь въ госпиталь Св. Игнатія (S-t Ignace), въ которомъ онъ пробылъ до 1-го Января, т. е. до того времени, когда Герольдъ, Русскій дивизіонный докторъ (médecin en chef russe), опредѣлилъ его въ аптеку этого госпиталя, гдѣ онъ находился для услугъ до тѣхъ поръ, пока госпиталь не очистился отъ больныхъ. Въ первыхъ числахъ Февраля онъ былъ отправленъ въ Бѣлостокъ, куда прибылъ 1-го Марта и явился къ надвор-

[1]) Всѣ показанія эти отмѣчены 31 Іюля 1813 года.

[2]) Въ доставленномъ при этихъ показаніяхъ Русскомъ переводѣ онъ почему-то показанъ Сенскаго департамента.

ному совѣтнику Михаелису, «къ коему былъ посланъ, дабы онъ опредѣлилъ его на какую-либо медицинскую должность». Сей послѣдній направилъ его къ доктору Полянскому, который и назначилъ Гіо помощникомъ къ Голькербуку (Holquerbouk), Французскому аптекарю, также прибывшему изъ Вильны. И здѣсь Гіо, до присылки на его мѣсто другаго, «отправлялъ свои обязанности со всевозможною ревностію», какъ о томъ свидѣтельствуетъ аттестатъ, выданный ему Полянскимъ.

Другой Французскій медикъ, захваченный въ числѣ бѣжавшихъ, былъ штабъ-лѣкарь Жанъ Христофоръ Сельвестръ Спонвиль (Sponville, Jean Christophe Silvestre, chirurgien-major de la 4-me division d'ambuance légère, quartier impérial de l'armée française), который, оставаясь во время войны въ госпиталѣ Св. Игнатія больнымъ, также потомъ былъ употребленъ на службу при этомъ госпиталѣ, а 19-го Февраля отправленъ въ Бѣлостокъ, откуда 4-го Марта посланъ въ Супрасльскій монастырь лѣчить воиновъ Французскихъ и союзниковъ, находившихся въ этомъ госпиталѣ.

Третій бѣжавшій З. Мерсье, былъ лѣкарь изъ корпуса принца Экмюльскаго (Z. Mercier, chirurgien-major du quartier général du 1-er corps prince d'Eckmuhl), захваченный въ плѣнъ 10-го Сентября 1812 г. въ Вильнѣ, гдѣ онъ раненый жилъ у одного Жида; но Жидъ этотъ, должно быть, ради гешефта, «не желая давать ему, что̀ имѣлъ», донесъ на него, и Мерсье былъ взятъ и ограбленъ казаками. Снова раненый послѣдними, онъ принужденъ былъ лечь въ госпиталь, гдѣ нашелъ Гіо и Спонвиля, «также несчастныхъ, какъ и онъ», только у втораго какимъ-то образомъ сохранилось немного денегъ. Здѣсь онъ пробылъ до тѣхъ поръ, пока былъ назначенъ въ госпиталь Св. Іакова (S-t Jacques), въ которомъ помѣщались исключительно одни офицеры. Оттуда вмѣстѣ съ Гіо и Спонвилемъ и онъ 19-го Февраля былъ отправленъ въ Бѣлостокъ.

14-го Іюня 1813 г. госпитали очистились отъ больныхъ. Свободные располагать своимъ временемъ, Спонвиль и Мерсье захотѣли отпраздновать окончаніе своихъ трудовъ маленькой пирушкой и наканунѣ этого дня пригласили къ себѣ въ Супрасль и Гіо, прося его привезти съ собой вина, рому и сахару. 13-го числа (то было Воскресенье) въ 4 часа утра Гіо выѣхалъ изъ Бѣлостока въ наемной каретѣ и къ завтраку пріѣхалъ въ Супрасль. Послѣ стола, Мерсье увѣдомили, что его дожидается коляска, присланная какимъ-то барономъ, у коего былъ боленъ сынъ. Но тотъ, по случаю пріѣзда своего друга, долго не соглашался ѣхать къ больному. Тогда Гіо предложилъ

сопутствовать ему, и они вдвоемъ около часа дня поѣхали въ помѣстье барона, гдѣ тотчасъ же по прибытіи приглашены къ столу, а послѣ обѣда Мерсье осмотрѣлъ больнаго.

Такъ какъ отъ имѣнія барона до Супрасля было 4 мили и уже становилось поздно, то друзья рѣшились переночевать здѣсь, надѣясь пріятно провести время въ обществѣ бывшаго тамъ молодаго артиллерійскаго офицера, который своимъ веселымъ характеромъ много забавлялъ ихъ. Этотъ Русскій офицеръ проѣздомъ находился здѣсь съ матерью и такъ свободно держалъ себя, какъ будто прожилъ въ этомъ домѣ уже нѣсколько дней.

На другой день пребыванія Французовъ у «благороднаго Поляка», одинъ изъ его сыновей, имѣвшій нужду быть въ Бѣлостокѣ, сѣлъ съ ними въ коляску и проводилъ ихъ до Супрасля.

Вечеромъ того же дня (т. е. 14-го Іюня) въ Супрасль прибылъ командированный начальникомъ Бѣлостокской области совѣтникъ Взюбель для взятія списка больнымъ, долженствовавшимъ выбыть изъ больницъ. Онъ объявилъ имъ о скоромъ очищеніи отъ больныхъ всѣхъ нашихъ госпиталей. Въ тоже время одинъ изъ Россійскихъ коммисаровъ предупредилъ плѣнныхъ, что нѣкоторые изъ нихъ будутъ отправлены отсюда, а въ Супраслѣ останется только одинъ изъ нихъ, коимъ, какъ они могли заключить изъ его словъ, будетъ штабъ-лѣкарь Спонвиль.

Это показалось Французамъ подозрительнымъ и, на другой день утромъ 15-го числа, Мерсье и Іо хотѣли отправиться въ Бѣлостокъ, чтобъ узнать у властей о судьбѣ, которая ихъ ожидала и просить милости у начальника области оставить ихъ всѣхъ въ Супраслѣ. Около 11 час. вечера въ комнату къ медикамъ пришелъ одинъ изъ больныхъ и сказалъ имъ, что сюда пріѣхали казаки взять ихъ. Встревоженные этимъ извѣстіемъ, Французы поняли, что ихъ хотятъ отправить въ глубь Россіи.

Вспомнивъ, какія претерпѣвались тамъ несчастія, они захватили съ собою хлѣба и снѣдей и, побросавъ всѣ ненужные имъ пожитки, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, въ тотъ же вечеръ, спустились черезъ окно аптеки въ садъ и бѣжали въ сосѣдній лѣсъ, гдѣ построили себѣ шалашъ и пробыли въ немъ 10 или 12 дней до тѣхъ поръ, пока у нихъ имѣлись съѣстные припасы.

Безполезно блуждая по лѣсу, не зная мѣстности и дорогъ, куда идти и какъ скрыться отъ преслѣдованія, они были доведены до такого состоянія, что не разъ хотѣли возвратиться въ Бѣлостокъ и до-

бровольно отдать себя въ руки властей, въ надеждѣ получить прощеніе своему поступку. Но боязнь быть захваченными на пути и препровожденными, какъ дезертиры, заставила ихъ отказаться отъ этого намѣренія. Они предпочли за лучшее идти въ Варшаву, гдѣ у Спонвиля жилъ родственникъ, чтобы съ помощію послѣдняго выхлопотать себѣ у Русскаго министра разрѣшеніе остаться въ этомъ городѣ или быть свободно отпущенными въ арріергардъ, съ прощеніемъ ихъ поступка.

2-го или 3-го Іюля утромъ они вышли изъ Супрасльскаго лѣса и направились къ Бѣлостоку, но, не зная дороги, сбились съ пути, проплутали два дня и снова вернулись къ Супраслю. Только на слѣдующій день (6-го Іюля) они кое-какъ добрались до р. Наревы и хотѣли переплыть ее вплавь. Но ширина этой рѣки и болотистые берега ея не позволили имъ привести это намѣреніе въ исполненіе. Къ тому же Мерсье съ своей раненой ногой не могъ совсѣмъ плавать. Дня два или три ходили они по берегу Наревы въ ожиданіи случая встрѣтить кого-нибудь, кто бы могъ перевезти ихъ на другой берегъ. Наконецъ, они увидали одного патера, котораго за два червонца насилу уговорили какъ-нибудь переправить ихъ. Тотъ отыскалъ имъ двѣ лодки, и они благополучно переѣхали на другой берегъ. Патеръ провелъ ихъ въ домъ какого-то крестьянина, гдѣ они могли купить хлѣба и молока, потомъ проводилъ въ лѣсъ и поручилъ другому крестьянину проводить ихъ до границы. Отсюда они уже одни шли по ночамъ; только разъ двѣ мили они проѣхали въ крытой телѣгѣ ѣхавшаго по пути Жида. Не доходя полмили до Буга, они встрѣтили двухъ рыбаковъ, которые за два червонца согласились перевезти ихъ на противоположную сторону. Тамъ также они шли по ночамъ, а днемъ скрывались въ лѣсахъ или хлѣбныхъ поляхъ, распрашивая у встрѣчныхъ ксендзовъ и Жидовъ пути на Варшаву. Гіо имѣлъ ландкарту, которая до нѣкоторой степени служила имъ путеводствомъ.

Такимъ образомъ они продолжали свой путь до утра 16-го Іюля, когда, выйдя изъ лѣса, они увидѣли на хлѣбномъ полѣ крестьянина и спросили его, есть ли войска въ деревнѣ и какъ идетъ дорога на Варшаву? Крестьянинъ сказалъ, что войскъ въ деревнѣ нѣтъ, и они, ничего не подозрѣвая, смѣло пошли впередъ, но только что вошли въ улицу, какъ натолкнулись на Русскаго унтеръ-офицера, котораго принявъ за казацкаго офицера, пустились бѣжать назадъ, чтобы скрыться въ хлѣбѣ. Ихъ однако замѣтили, и за ними была послана погоня. Французы думали искать спасенія въ бѣгствѣ; но Мерсье, съ своей раненой ногой, не могъ сопутствовать имъ. Тогда, не желая оставлять друга въ опасности одного, плѣнные вернулись въ деревню и переда-

лись въ руки унтеръ-офицеру. Тотчасъ 30-ть казаковъ окружили ихъ, связали и повезли въ Каминскъ, гдѣ комендантъ отобралъ у нихъ всѣ бумаги, а на другой день препроводилъ въ Пултускъ, въ которомъ они находились 10 дней до 24 Іюля, а затѣмъ, по снятіи съ нихъ допросовъ, были препровождены въ Бѣлостокъ, гдѣ также 31 Іюля въ канцеляріи правителя Бѣлостокской области отъ нихъ были отобраны показанія, тѣ самыя, чтó потомъ были пересланы Оренбургскому военному губернатору; но сами плѣнные въ Оренбургъ не явились. Ихъ долго переводили изъ одного города въ другой по западной Руси, пока по высочайшему манифесту 14-го Декабря 1814 года не возвратили на родину.

Въ этомъ году Русскія войска уже вступили въ предѣлы Франціи, а 19-го Марта совершился торжественный въѣздъ императора Александра I въ Парижъ. Французская армія сложила оружіе, и весь Французскій народъ изъявилъ полную покорность побѣдителямъ, а генеральный совѣтъ Сенскаго департамента и Парижскій муниципальный совѣтъ по этому поводу, 14-го Апрѣля 1814 года, издали къ народу воззваніе. Прокламація эта была разослана не только по всѣмъ департаментамъ Франціи, но и въ Россіи по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ были плѣнные Французы.

Послѣ обнародованія вслѣдъ за тѣмъ манифеста 14-го Декабря всѣ плѣнные Французы были освобождены. Большинство изъ нихъ черезъ Ригу было отправлено въ ихъ отечество; но нѣкоторымъ изъ плѣнныхъ такъ понравилось житье въ Россіи, что они пожелали остаться въ ней навсегда и приняли Русское подданство. Одни изъ нихъ поселились въ нынѣшней Самарской губерніи и зачислились въ податное сословіе; другіе же, находившіеся въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, перечислились въ казаки, и потомки ихъ до сихъ поръ остаются казаками Оренбургскаго войска *).

Въ настоящее время въ этомъ войскѣ насчитывается 48 человѣкъ потомковъ прежнихъ воиновъ «великой арміи» Наполеона, и сохранились въ полной неприкосновенности, не переиначенными, только двѣ фамиліи Французскихъ—Жандръ и Ауцъ. Первая изъ нихъ состоитъ всего лишь изъ нѣсколькихъ человѣкъ: вдовы покойнаго сотника Оренбургскаго войска Евдокіи Ивановны, сына ея Якова Ивановича и трехъ выданныхъ замужъ дочерей (Александры, Маріи и Юліи), живущихъ

*) Мы уже однажды (въ „Оренб. Губ. Вѣд.“ за 1892 г., № 32) сообщали о Французахъ, перешедшихъ въ казаки. То были Антоній Бергъ, Шарль-Жозефъ Бушень, Жакъ-Пьеръ Бинелонъ, Антонъ Виклеръ и Эдуардъ Ланглуа.

въ станицѣ Кизильской Верхнеуральскаго уѣзда и имѣющихъ потомственный земельный участокъ въ 400 десятинъ, пожалованный за службу покойнаго сотника Ивана Ивановича Жандра, родившагося въ 1824 году отъ Француза Жана Жандръ, который остался въ Россіи отъ 1812 года.

Фамилія же Ауцъ, наоборотъ, довольно распространена. Потомковъ ея, не считая выданныхъ замужъ дочерей, насчитывается теперь 18 мужчинъ и 24 женщины. Родоначальникъ ихъ Илья былъ простой солдатъ «великой арміи», сосланный сначала въ дер. Верхнюю Кармалку Бугульминскаго уѣзда, бывшей Оренбургской губерніи *), вмѣстѣ съ прочими плѣнными: Филиппомъ Юнкеромъ, Вилиромъ Сонинымъ, Леонтіемъ Ларжинцъ и Петромъ Бацъ, потомки коихъ и до сихъ поръ обрѣтаются въ этой деревнѣ. Впослѣдствіи же Ауцъ (Илья Кондратьевичъ), женившись въ Кармалкѣ на крестьянской дѣвушкѣ Татьянѣ Харитоновой, въ 1842 году со всѣмъ семействомъ переселился въ Верхнеуральскій уѣздъ и избралъ мѣстомъ своего жительства казачій поселокъ Арсинскій (Арси, какъ его называютъ сокращенно); въ слѣдующемъ году былъ онъ зачисленъ въ казаки, а въ 1853 году, съ именемъ Василія, принялъ православіе.

Объ остальныхъ потомкахъ плѣнныхъ Французовъ, ранѣе зачисленныхъ въ Оренбургское казачье войско, трудно въ настоящее время собрать какія-либо положительныя свѣдѣнія, такъ какъ они, при образованіи въ сороковыхъ годахъ такъ-называемой Новой линіи, были переселены изъ прежнихъ мѣстъ жительства на новыя мѣста. Дѣти ихъ, должно быть, не желая казаться чужими среди своихъ одностаничниковъ, перемѣнили свои прежнія Французскія фамиліи на Русскія и такимъ образомъ затерялись въ общей массѣ казачьяго населенія также, какъ утратили свои прозвища потомки Французовъ, оставшихся въ Бугульминскомъ уѣздѣ, гдѣ, напримѣръ, отъ Филиппа Юнкера произошла фамилія Юнкеровъ, дѣти Ларжинцъ совсѣмъ перемѣнили прозвище отца и пишутся теперь «Жильцовы», а отъ Петра Баца произошли Бацитовы, и только потомки Вилира Сонина сохранили неприкосновеннымъ свое имя.

П. Юдинъ.

---

*) Необходимо замѣтить, что въ то время Оренбургская губернія была втрое больше, чѣмъ теперь. Въ составъ ея тогда входили: вся нынѣшняя Оренбургская губернія, вся Уфимская, часть (восточная) Самарской и области Уральская и Тургайская.

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

Приведу нѣкоторые случаи, относящіеся ко времени нашего пребыванія въ Ниццѣ.

Покойный Цесаревичъ имѣлъ обыкновеніе, когда рѣчь шла о незнакомомъ ему человѣкѣ, спрашивать: «хорошій ли онъ человѣкъ?» Однажды я позволилъ себѣ замѣтить, что отвѣты наши на этотъ вопросъ, въ большей части случаевъ, слишкомъ поверхностны, что мы, отвѣчая «да, онъ милый, любезный, даже хорошій человѣкъ», высказываемъ мнѣніе основанное на внѣшнемъ впечатлѣніи, и что отзывы эти далеко недостаточно характеризуютъ личность, для того чтобъ Его Высочество на основаніи ихъ могъ составить себѣ вѣрное понятіе объ этой личности и въ случаѣ надобности употребить его на какое-нибудь дѣло.—Я очень это понимаю, отвѣчалъ Цесаревичъ, но какъ же вы хотите, чтобъ я не предлагалъ этого вопроса? Къ чему ведутъ умъ и образованіе, коли направленіе дурно?

Катаясь однажды въ Ниццѣ (обыкновенно ѣздили мы въ Vallée des fleurs, любимую прогулку Цесаревича, гдѣ онъ, выйдя изъ коляски, ходилъ пѣшкомъ, опираясь одною рукою на мою руку, а другою на трость), онъ спросилъ меня, какъ я объясняю себѣ, что онъ никогда не говоритъ о своей невѣстѣ и никогда не высказываетъ своихъ чувствъ къ ней.

— Я вовсе этому не удивляюсь, отвѣчалъ я: это дѣло характера. Есть люди, которые чувствуютъ потребность раздѣлить радость и горе съ другими; есть и такіе, которые, чувствуя не менѣе глубоко и искренно, не имѣютъ этой потребности. Наконецъ, Ваше Высочество, можетъ быть, придерживаетесь изрѣченія Св. Писанія: «не мечите бисера»...

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 211, 417 и 541.

— Это послѣднее сравненіе, замѣтилъ онъ, хотя и сильно, но болѣе всего подходитъ къ моему положенію. Подумайте сами: я окруженъ большею частію людьми, которые не только не женаты, но не были даже женихами. Еслибъ я выраженіемъ своихъ чувствъ вызвалъ улыбку на устахъ ихъ, я никогда бы этого не простилъ ни имъ, ни себѣ. Съ вами могу говорить я свободно, потому что вы прошли чрезъ все это, и теперь вамъ остались только воспоминанія прошлаго счастія.

Графъ Строгановъ часто вызывалъ Цесаревича выразить мнѣніе о прочитанной имъ книгѣ. Вызовъ этотъ дѣлался, незамѣтно для юнаго воспитанника, тѣмъ, что почтенный старикъ, самъ прочитавъ книгу, высказывалъ нарочно мнѣніе совершенно противное его убѣжденію, приготовившись однако заранѣе къ защитѣ такого взгляда. Цесаревичъ тогда чуть не выходилъ изъ себя; но цѣль графа достигалась: Цесаревичъ съ жаромъ излагалъ свое мнѣніе, которое большею частію было не только вѣрно, но подкрѣплялось аргументами и дополненіями, которые поражали основательностію воззрѣній, доказывая многосторонность образованія, память и зрѣлый умъ. Слушая его, невольно приходилось сравнивать мозгъ царственнаго юноши съ сокровищницею, изъ которой онъ, по мѣрѣ надобности, выдвигалъ ящики съ свѣдѣніями ему нужными въ данную минуту.

Однажды вечеромъ, въ Ниццѣ, на виллѣ Дизбахъ, графъ Строгановъ, послѣ партіи въ шахматы, заговорилъ объ исторіи Бёкля, только что прочтенной Цесаревичемъ и, отдавая во многихъ отношеніяхъ справедливость автору, замѣтилъ, однако, и слабыя стороны сочиненія. Цесаревичъ, внимательно прислушавшись къ этой критикѣ, сталъ отстаивать Бёкля, отъ котораго былъ въ восторгѣ и, уловивъ неточности въ обвиненіяхъ графа, разбивалъ аргументы его съ логичною послѣдовательностію, которая поражала насъ правильностію взгляда, краснорѣчіемъ и тѣмъ глубокимъ вниманіемъ, съ которымъ сочиненіе было имъ прочитано. Рѣчь его продолжалась добрыхъ полтора часа, изрѣдка прерываемая графомъ и Б. Н. Чичеринымъ, который конечно былъ на сторонѣ Цесаревича. Когда мы вышли изъ комнаты Его Высочества, я не могъ воздержаться отъ выраженія удивленія моего всему, что̀ выслушалъ въ продолженіи этой бесѣды. Въ особенности же пораженъ я былъ послѣдовательностію изложенія взглядовъ Цесаревича, какъ одна мысль истекала изъ предшествовавшей и какая логическая между ними была связь.

— Да, отвѣчалъ графъ; но меня развитіе это пугаетъ: оно не естественно и кажется мнѣ болѣзненнымъ, оно указываетъ на неесте-

ственное напряженіе мозговыхъ нервовъ. — «А какъ вы полагаете, Борисъ Николаевичъ, продолжалъ онъ, вѣдь Николай Александровичъ по уму перещеголялъ насъ съ вами?» Чичеринъ разсмѣялся. «Да неужели, графъ, вы только сегодня замѣтили это? Дайте этому юношѣ то, что̀ мы пріобрѣли годами, опытность и начитанность: это былъ бы геній».

Всѣ профессора Цесаревича были въ восторгѣ отъ занятій и успѣховъ его. Нѣкоторые изъ свидѣтелей этого развитія еще живы. Я. К. Гротъ, И. А. Гончаровъ, Ѳ. И. Буслаевъ, И. К Бабстъ, М. М. Стасюлевичъ, Драгомировъ, С. М. Соловьевъ обожали въ юношѣ-Цесаревичѣ и безпримѣрнаго ученика. С. М. Соловьевъ говорилъ мнѣ послѣ кончины Великаго Князя, что еслибъ изъ Московскаго Университета выходилъ разъ въ десять лѣтъ одинъ студентъ съ познаніями Русской Исторіи, каковыя имѣлъ Цесаревичъ, то онъ считалъ бы свое призваніе исполненнымъ *).

Однажды утромъ пріѣхалъ къ Цесаревичу адмиралъ Лѣсовскій и донесъ Его Высочеству, что на слѣдующій день онъ отправляется со всею эскадрою въ Тулонъ, чтобы присутствовать при стрѣльбѣ въ цѣль Французскаго флота. «Въ которомъ часу предполагаете вы выйти изъ Вилла-Франки?» спросилъ Цесаревичъ.—«Въ шесть часовъ утра», былъ отвѣтъ. — «Жаль, что такъ рано: иначе я полюбовался бы вами изъ окна», замѣтилъ Его Высочество. «Такъ мы выйдемъ позже, и въ девять часовъ Ваше Высочество увидите насъ противъ Ниццы», отвѣчалъ Лѣсовскій.

На слѣдующее утро мы, по обыкновенію, пришли къ утреннему завтраку Цесаревича и при входѣ въ комнату увидѣли его стоящаго предъ стеклянною дверью балкона и смотрящаго на море. Онъ задумался до того, что не замѣтилъ насъ и очнулся только когда графъ Строгановъ, подойдя къ нему, спросилъ: «Чѣмъ вы любуетесь?» Цесаревичъ, какъ бы внезапно разбуженный, не могъ тотчасъ придти въ себя. «Ахъ, сказалъ онъ, я, любуясь эскадрою, забылся до того, что мнѣ казалось, что я на «Александрѣ Невскомъ», и что онъ меня уноситъ куда-то далеко, далеко».

Эти слова припомнились намъ нѣсколько недѣль позже, когда было рѣшено везти тѣло Цесаревича на томъ же «Александрѣ Невскомъ».

Въ Февралѣ 1865 г., послѣ визита Французскихъ докторовъ Рейе и Пелатона, успокоившихъ насъ на счетъ здоровья Цесаревича, увѣрявшихъ

*) Съ тѣхъ поръ не стало ни Соловьева, ни Бабста, ни Гончарова!

въ письменномъ протоколѣ, ими составленномъ, что болѣзнь его есть укоренившійся ревматизмъ, и что послѣдовательное лѣченіе паровыми душами и потомъ купанье въ Барьеръ-де-Люшонѣ окончательно его поправятъ, я рѣшился на мѣсяцъ уѣхать въ Петербургъ для свиданія съ дѣтьми моими, которыхъ оставилъ на цѣлый годъ на рукахъ людей почти чужихъ, и изъ которыхъ младшему было всего годъ и четыре мѣсяца. Готовясь къ отъѣзду, я написалъ въ Ливорно, генеральному консулу Погенполю, прося его доставить мнѣ скорѣе неуплаченные еще во Флоренціи счета за разныя вещи, тамъ заказанныя, и началъ письмо съ того, что ѣду на 28 дней въ Петербургъ, успокоенный протоколомъ Французскихъ врачей на счетъ здоровья Цесаревича. Въ отвѣтѣ своемъ Погенполь пишетъ, что «par malheur le professeur Burci, auquel j'ai montré votre lettre, ne partage pas l'optimisme des médecins français» *). Я показалъ это письмо графу Строганову и замѣтилъ, что Бурчи, приглашенный во Флоренціи на консультацію, не имѣетъ права ограничиваться этою фразою, а обязанъ высказать болѣе подробно свое мнѣніе. Графъ одобрилъ это замѣчаніе, и я сообщилъ его Погенполю. Тогда мнѣ была прислана копія съ подробно изложеннаго взгляда Бурчи на болѣзнь, которую онъ приписывалъ страданію позвоночнаго столба и указывалъ на лѣченіе ея прижиганіемъ, однако выражая опасеніе за безполезность и этого способа. Эта копія была мною сообщена, конечно, графу и О. Б. Рихтеру, и по приглашенію перваго, въ его присутствіи, прочитана д-рамъ Шестову и Гартману. Но заблужденіе обоихъ было такъ велико, что они ни за что не хотѣли согласиться съ мнѣніемъ единственнаго врача, повидимому, не ошибавшагося, и когда я позволилъ себѣ замѣчаніе, что постоянныя головныя и спинныя боли и тошнота указываютъ на мозговыя страданія, Шестовъ вышелъ изъ себя и, обратясь ко мнѣ, съ запальчивостію сказалъ: «вотъ вы будете еще распространять подобныя нелѣпости; это просто malaria, мѣстная лихорадка». Страшно подумать, что къ мѣсту, гдѣ былъ нарывъ (какъ по вскрытіи тѣла оказалось) примѣнялись паровыя души: лучшій способъ къ быстрѣйшему вскрытію нарыва внутрь. Цѣль эта и была достигнута: нарывъ просверлилъ позвонокъ, и когда коснулся оболочки спиннаго мозга, то воспаленіе съ быстротою прошло по всему спинному столбу и мозгу въ головной мозгъ.

Изъ Ниццы отправились одновременно со мною Скарятинъ и генералъ Кубе. Оба должны были остановиться въ Парижѣ для разныхъ заказовъ, а оттуда Скарятинъ имѣлъ порученіе ѣхать въ Данію, для

*) Къ несчастію, профессоръ Бурчи, которому я показывалъ ваше письмо, не раздѣляетъ благопріятнаго мнѣнія Французскихъ врачей.

личныхъ переговоровъ съ королемъ и королевою Датскими по поводу приготовленій къ бракосочетанію, и условиться на счетъ временнаго пребыванія Принцессы Дагмаръ въ Ниццѣ и потомъ въ Югенгеймѣ. Желали, чтобы Принцесса пріѣхала съ гувернанткою, а не съ королевою и чтобы въ Даніи не заботились о приданомъ. Я позволилъ себѣ Цесаревичу сказать, что въ частныхъ семействахъ никогда не допускается, чтобы невѣста жила у матери жениха и что какъ бы скромно ни было приданое невѣсты, нельзя лишить мать удовольствія приготовить къ вѣнцу то, что сдѣлать позволяютъ ея средства. Цесаревичъ вполнѣ понялъ это, но рѣшеніе было исполнено только въ отношеніи приданаго. Увы! Невѣста пріѣхала съ матерью, но для того, чтобы закрыть на вѣки глаза Августѣйшему жениху своему.

Въ Парижѣ пробылъ я только сутки и на четвертый день по выѣздѣ изъ Ниццы прибылъ поздно вечеромъ въ Петербургъ. На пути испыталъ я чувство, котораго никогда не знавалъ. Радовался я, конечно, свиданью съ дѣтьми, но сквернѣйшая погода и холодъ мѣшали этой радости; когда же я прибылъ на одну изъ станцій, не доѣзжая Луги (Серебрянку или Бѣлую, не помню) и вышелъ изъ вагона, то былъ пораженъ прелестною картиною: бѣлое, снѣжное, безграничное пространство было ярко освѣщено солнцемъ на безоблачномъ небѣ. На дворѣ стояла тройка, кого-то ожидавшая. Воздухъ былъ такъ чистъ и насыщенъ особымъ снѣжнымъ запахомъ, который извѣстенъ только намъ, сѣвернымъ жителямъ, и встрѣчается на Альпійскихъ ледникахъ. Я не могъ надышаться этимъ воздухомъ.

Мнѣ были даны письма, которыя я на другой день утромъ отвезъ въ Зимній дворецъ. Сперва я явился къ Великимъ Князьямъ Александру и Владиміру Александровичамъ, и Ихъ Высочества взялись немедленно донести о прибытіи моемъ Государю Императору.

«Ты рѣшился выѣхать изъ Ниццы, успокоенный Французскими врачами на счетъ здоровья сына?» былъ первый вопросъ Государя.

— Точно такъ, Ваше Величество, отвѣчалъ я; дай Богъ, чтобъ они были правы!

— «Да ты какъ будто сомнѣваешься. Не воображаешь ли быть болѣе вѣрнымъ судьею болѣзни, чѣмъ они? Да съ какихъ поръ позволяешь ты себѣ сужденіе по медицинѣ?» строго и все болѣе возвышая голосъ, говорилъ Государь. Но я нисколько не смутился. «Страхъ, Государь, боязнь за жизнь Цесаревича, заставляетъ задумываться надъ тѣмъ, что мы, окружающіе Его Высочество, видимъ и замѣчаемъ.

Онъ таетъ какъ свѣча, силы не возвращаются. Лѣченіе, предписанное Нелатономъ и Рейе, нисколько до сего времени не помогаетъ; напротивъ того появились симптомы, которые скорѣе указываютъ на то, что правы не эти врачи, видѣвшіе Цесаревича въ продолженіе какого-нибудь часа, а скорѣе профессоръ Бурчи, пользовавшій Его Высочество во Флоренціи.—«Да, что же онъ говоритъ?» спросилъ Государь.—Вотъ, письменное изложеніе его мнѣнія, отвѣчалъ я, и вынулъ изъ кармана письмо Поггенполя, мною нарочно взятое съ собою.

Письмо профессора Бурчи:

Mon opinion sur la maladie du Grand-Duc Héritier de Russie, que j'eus le grand honneur de voir et de visiter en consultation ici à Florence, est: 1-o) Qu'elle est déterminée par une affection chronique inflammatoire de l'épine et particulièrement d'un corps vertébral lombaire, là où la douleur a été toujours fixe, soit forte, soit faible, soit à gauche, soit à droite. 2-o) Que cette maladie, par laquelle sont affectés les muscles, mais d'une manière secondaire, a été causée, je crois, par la malheureuse chute de cheval faite par Monseigneur et après laquelle Son Altesse Impériale a toujours eu quelque sensation douloureuse au dos et le commencement de la courbure en avant. 3-o) Que cette affection chronique lombaire, si elle peut se guérir par elle-même et par la ressource de l'âge, et par un régime de vie tel à empêcher les mouvements brusques et violents du dos, elle peut aussi s'améliorer par l'effet d'irritations permanentes vis-a-vis de la douleur et faites spécialement avec les petits cautères ou moxa, répétés jusqu'à ce que les douleurs se soyent entièrement dissipées.

Къ этому мнѣнію профессора Бурчи Погенполь прибавилъ:

M-r Burci a ajouté, que la maladie de Son Altesse Impériale peut être guérie, mais uniquement à la suite d'une cure qui ne saurait être de courte durée. Par contre, il y aurait, à son dire, à craindre la formation d'un abcès, chose qui serait très grave.

Государь внимательно прочелъ письмо и, возвращая мнѣ его, сказалъ. «Странно, но Здекауеръ говоритъ тоже! Поѣзжай къ нему, покажи письмо и скажи ему, чтобъ онъ завтра пріѣхалъ ко мнѣ».

Я исполнилъ тотчасъ это приказаніе. Здекауеръ, оказалось, смотрѣлъ глазами Бурчи и спросилъ меня, сдѣлали ли Французскіе врачи то, что необходимо было для разузнанія и опредѣленія болѣзни: провели ли они губкою, насыщенною горячею водой, по позвоночному столбу?—Нѣтъ, отвѣчалъ я; они только гуттаперчевымъ молоточкомъ посту-

кивали по позвонкамъ.—«Этого недостаточно», замѣтилъ опытный эскулапъ, и былъ правъ.

На слѣдующій день фельдъегеръ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что Государь меня требуетъ къ себѣ. Немедленно поспѣшилъ я во дворецъ и былъ принятъ необыкновенно милостиво. Государь какъ бы сознавался въ томъ, что напрасно меня побранилъ, и благодарилъ меня за то, что я отъ него не скрылъ, что́ зналъ.—«Ты одинъ мнѣ сказалъ правду, между тѣмъ всѣ вѣсти получаемыя мною изъ Ниццы только сбивчивы и, какъ оказывается, неосновательны».—Это потому, Ваше Величество, что съ одной стороны всѣ врачи на мѣстѣ судятъ одинаково и смотрятъ глазами Французскихъ авторитетовъ, а съ другой, никто не рѣшается высказывать иное мнѣніе изъ опасенія, чтобы не лишить Императрицу спокойствія, въ которомъ она такъ нуждается.—«Такъ мнѣніе Бурчи ей неизвѣстно?» спросилъ Государь.— Нѣтъ, Ваше Величество. Только графъ Строгановъ, Рихтеръ и оба наши врача его знаютъ, отвѣчалъ я. — «Тѣмъ лучше; прошу и впредъ хранить эту тайну и, главное, отъ бѣдной жены!»

Предъ отъѣздомъ моимъ я вновь явился къ Государю и былъ тутъ имъ даже обласканъ. Онъ мнѣ вновь напомнилъ о тайнѣ и далъ мнѣ письма къ Императрицѣ и Цесаревичу.

По возвращеніи моемъ въ Ниццу, куда я проѣхалъ безостановочно (выѣхалъ въ Среду, прибылъ въ Ниццу въ Субботу вечеромъ), я засталъ тоже. Въ 28-мь дней отсутствія не произошло ничего особеннаго: положеніе Цесаревича нисколько не улучшилось. Я засталъ его уже въ Villa Bermont, потому что шумъ волнъ на берегу моря лишалъ его сна. На другой же день Его Высочество, отправляясь на ежедневную прогулку, взялъ меня съ собою и сталъ разспрашивать о томъ, что́ дѣлается въ Петербургѣ, и что́ дѣлаютъ его братья. Между прочимъ я съ полною откровенностію разсказалъ то, чего былъ свидѣтелемъ... «За брата Сашу я не боюсь: это душа чистая и прозрачная какъ кристалъ». До какой степени оцѣнка эта была вѣрна и оправдывается и нынѣ, знаетъ весь народъ Русскій.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, и именно въ Воскресенье на Масляницѣ, поручено мнѣ было ѣхать на Комское озеро, для пріисканія помѣщенія тамъ Цесаревичу на нѣсколько недѣль до отъѣзда въ Люшонъ. Графъ Шуваловъ предлагалъ нанять виллу Carlotta или Sommariva за 15.000 фр. въ мѣсяцъ, безъ посуды и бѣлья, однѣ только голыя стѣны. Мнѣ показалось это слишкомъ дорого, а потому я предложилъ графу Строганову съѣздить въ Комо и посмотрѣть на мѣстѣ другія виллы.

На пути изъ Милана въ Комо, я въ вагонѣ познакомился съ содержателемъ одной изъ извѣстнѣйшихъ гостинницъ, г. Рейхманомъ, который тотчасъ же предложилъ осмотрѣть виллу Curry (Кёрри), владѣлецъ коей поселился въ Индіи, поручивъ Рейхману свою виллу. Переговорено было обо всемъ на пути въ Комо. Рейхманъ взялся поставить все намъ необходимое и снабжать какъ провизіею, такъ и всѣмъ, что̀ понадобится. Цѣна за виллу была 2.500 фр. на два мѣсяца. Прибывъ въ Комо, я на слѣдующій день посовѣтовался съ княземъ А. В. Трубецкимъ, жившимъ тогда еще съ женою (рожд. Тальони) и дѣтьми на своей виллѣ, гдѣ я провелъ нѣсколько весьма пріятныхъ часовъ, хотя тогда уже замѣтно было нѣкоторое охлажденіе княгини къ своему старому, но вѣчно юному повѣсѣ-мужу.

Вилла Кёрри во всѣхъ отношеніяхъ представляла удобства, которыхъ на виллѣ Sommariva найти было невозможно. Уже то обстоятельство, что до нея можно было доѣзжать изъ Комо и водою, и сухимъ путемъ, представляло большое преимущество, ибо давало возможность совершать прелестныя прогулки въ экипажѣ. Близость же къ городу обезпечивала насъ отъ всякихъ случайностей.

Возвратился я въ Ниццу въ Субботу на Страстной очень рано, въ шестомъ часу утра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр. Строганову, который совѣтовалъ мнѣ поспѣшить къ Цесаревичу, ожидавшему съ нетерпѣніемъ моего возвращенія. При этомъ графъ сказалъ, что головныя боли и тошнота уменьшились и явился лучъ надежды.

Я поѣхалъ на виллу Бермонъ, гдѣ засталъ Цесаревича въ его комнатѣ, сидящимъ въ креслахъ, лицомъ къ свѣту.—«А, маленькій Өедоръ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ меня иногда шуткою, при чемъ обыкновенно обнималъ одною рукою, чтобы показать, насколько онъ былъ выше меня ростомъ), что̀ скажете, какъ съѣздили, что̀ нашли для меня?» Я передалъ, въ подробности все, что̀ слѣдовало ему узнать, что̀ могло его интересовать и утѣшить; показалъ ему планъ озера, рисунокъ, изображающій виллу, и сообщилъ, что я обѣщалъ Рейхману отсюда написать объ окончательномъ рѣшеніи, потому что я даже не выдалъ ему задатка. Когда докладъ мой былъ оконченъ, Цесаревичъ благодарилъ меня, выразилъ удовольствіе, что не нужно было платить огромной суммы, которая спрашивалась за виллу Sommariva, и прибавилъ: «Ахъ, лишь бы выбраться отсюда! Богъ знаетъ удастся ли и—когда?» Я взглянулъ ему въ глаза и тутъ съ ужасомъ замѣтилъ страшное расширеніе зрачка. Я до того былъ этимъ пораженъ, что прямо отъ Цесаревича полетѣлъ къ графу, чтобъ ему передать замѣченное. Старикъ

былъ крайне встревоженъ. «Слѣдовательно, все-таки мозговыя явленія; что́ теперь скажутъ эти невѣжды?» Эти слова, конечно, относились къ врачамъ. Графъ немедленно отправился на виллу Бермонъ. Войдя въ комнату Цесаревича, онъ спросилъ, какъ можно спокойнѣе, какъ Его Высочество себя чувствуетъ? «Спалъ я порядочно, но чувствую себя утомленнымъ; къ тому же все двоится въ глазахъ». — Да это потому, что Вы сидите противъ свѣту; я затворю ставни.—Графъ закрылъ окна ставнями и спросилъ Его Высочество: Ну, какъ теперь?—«Все тоже: я вижу васъ о двухъ головахъ».

Пошли толки и пересуды между графомъ и врачами, но тайно, такъ что Императрица объ этомъ не узнала.

Былъ я въ этотъ же день у графини Адлербергъ и на вопросъ: «Eh bien, comment avez vous trouvé le Grand - Duc?» я отвѣчалъ ей: «Je crains que ce que j'ai remarqué ce matin ne soit un symptôme du commencement de la fin» *).

Это все, какъ сказалъ я, произошло въ Субботу на Страстной. Послѣ Пасхальной заутрени, предъ тѣмъ какъ ѣхать на разговѣнье къ Императрицѣ, я заѣхалъ на виллу Бермонъ, чтобы узнать, какъ спитъ Цесаревичъ. Вошелъ къ Рихтеру и спрашиваю. Въ эту минуту слышу: «Костинъ!» (зовъ камердинера, почтеннаго старика, вѣрнѣйшаго слуги Цесаревича).—«Вотъ такъ проходитъ вся ночь!» замѣтилъ Оттонъ Борисовичъ.

Когда я поднялся къ Императрицѣ съ поздравленіемъ, я чуть-чуть не разрыдался. Бѣдная мать, она не предчувствовала, что любимецъ ея на краю могилы. Ужасно! Но Государю уже было сообщено по телеграфу объ угрожающей опасности, и въ тотъ же день выѣзжалъ изъ Петербурга въ Ниццу Великій Князь Александръ Александровичъ въ сопровожденіи графа Перовскаго и Здекауера.

Въ Воскресенье, т. е. въ первый день Пасхи, мы утромъ пріѣхали въ мундирахъ на виллу Бермонъ; но никто изъ свиты не былъ принятъ, кромѣ дежурнаго. (Мы чередовались въ дежурствѣ на виллѣ Бермонъ). Цесаревичъ велѣлъ благодарить насъ и сказать, что онъ пришлетъ за нами позже, когда почувствуетъ себя лучше.

Весь день просидѣли мы дома въ ожиданіи, но напрасно. Въ Понедѣльникъ утромъ прибѣгаетъ изъ виллы Бермонъ лакей съ запискою Рихтера къ гр. Строганову, въ которой извѣщается, что у Цесаревича ударъ.

---

*) Ну какъ вы нашли Великаго Князя?—Боюсь, чтобы замѣченное мною сегодня утромъ не указывало на начинающійся конецъ.

Не стану говорить, что мы почувствовали при этомъ роковомъ извѣстіи. Графъ и я бросились въ первый попавшійся намъ экипажъ и поскакали въ домъ, гдѣ происходила страшная драма.

Цесаревичъ проснувшись держалъ лѣвою рукою свою правую руку и вообразилъ, что онъ держитъ руку Рихтера.—«Зачѣмъ ваша рука тутъ?» спросилъ онъ Оттона Борисовича, но такъ невнятно, какъ будто бы во рту была каша.—«Какъ моя рука?» спросилъ Рихтеръ. Тутъ самъ Цесаревичъ замѣтилъ, что онъ держитъ свою совершенно безчувственную руку. Сомнѣнія въ параличи не могло уже быть. Но изліяніе въ мозгъ вѣроятно было такъ ничтожно, что черезъ $1^1/_2$ часа, все прошло безслѣдно.

Между тѣмъ поднялась страшная суета въ сосѣднихъ комнатахъ и на всей виллѣ. Пріѣхала Императрица и вошла къ Цесаревичу. Анна Ѳедоровна Тютчева стала требовать священника и распоряжаться безъ спросу и вѣдома тѣхъ, которые болѣе имѣли права на эти распоряженія. Графъ Строгановъ, нисколько не стѣсняясь, замѣтилъ ей: Vous n'avez rien à dire et à faire ici; allez vous en *). Эти рѣзкія слова послужили поводомъ къ обвиненіямъ старика и къ измышленіямъ на его счетъ, которыхъ онъ конечно не заслуживалъ.

Цесаревичъ однако одѣлся и сѣлъ въ свое кресло. Императрица, сидя возлѣ него, сама заговорила о священникѣ. «Ты знаешь», говорила она, «что есть обычай въ Понедѣльникъ на Святой пріобщать дѣтей; такъ какъ ты нынѣ не говѣлъ, то не желаешь ли и ты сегодня пріобщиться Св. Тайнъ?»

Цесаревичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, отвѣчалъ: «Да, но исповѣдываться я не буду».—«Почему же?»—«Потому что недостаточно подготовленъ къ исповѣди».—«Дорогой мой, но вся болѣзнь твоя была подготовленіемъ къ этому таинству».

Цесаревичъ, вновь подумавъ, отвѣчалъ: «Впрочемъ я согласенъ; ибо убѣжденъ, что какъ бы долго и искренно человѣкъ ни готовился къ этому таинству, онъ никогда не былъ и не будетъ достоинъ милосердія Божія!»

Приглашенъ былъ настоятель православной церкви, тогда еще молодой священникъ Прилежаевъ. Видѣлъ я его послѣ совершенія таинства въ слезахъ. «Никогда не случалось мнѣ встрѣчать въ юношѣ такой глубокосознательной вѣры какъ въ Цесаревичѣ. Исповѣдь и молитвы его проявили въ немъ истиннаго христіанина».

Таковымъ мы его знали всю его жизнь до послѣдней минуты.

*) Вамъ здѣсь нечего говорить и дѣлать; уходите.

Во Вторникъ 6-го Апрѣля прибылъ въ Ниццу Великій Князь Александръ Александровичъ; но Цесаревичу не рѣшались тотчасъ же сообщить эту радостную для него вѣсть, дабы избѣжать возбужденія. Но Здекауера тотчасъ же пригласили къ больному.

Слѣдуетъ замѣтить, что наканунѣ было приглашено нѣсколько врачей: Циммерманъ, Рикаръ, Вахю и Рербергъ. Послѣдній, Русскій подданный, впервые опредѣлилъ болѣзнь Цесаревича Латинскимъ названіемъ: «Meningitis cerebro-spinalis» и подтвердилъ его подробнымъ описаніемъ въ медицинскомъ сочиненіи, которое далъ прочесть Рихтеру. Сомнѣнія, казалось, не могло уже быть. Къ этому названію, послѣ уже вскрытія, д-ръ Опольцеръ прибавилъ слово: «tuberculosa».

Здекауеръ желалъ осмотрѣть спину больнаго. Когда его приподняли, Цесаревичъ посмотрѣлъ въ зеркало, въ которомъ отражалась едва отворенная дверь; за нею стоялъ Великій Князь Александръ Александровичъ, спиною къ свѣту, такъ что разглядѣть лица было почти невозможно.— «Саша!» вскрикнулъ Цесаревичъ.—«Кого вы зовете?» спросилъ Рихтеръ.—«Да вѣдь это братъ Саша въ дверяхъ; неужели вы думаете обмануть меня?»

Замѣчательно, какъ напряжена была вся нервная система бѣднаго страдальца. Онъ почти постоянно лежалъ въ забытьи, но при малѣйшемъ шорохѣ тотчасъ приходилъ въ себя и говорилъ какъ здоровый. Голова была вполнѣ свѣжа.

Здекауеръ посовѣтовалъ приложить къ затылку шпанскую мушку; но такъ какъ больной въ забытьи безпрестанно срывалъ ее и только вызывалъ этимъ безполезное раздраженіе, то рѣшено было наблюдать за больнымъ чрезъ маленькое отверстіе, которое Рихтеръ сталъ вырѣзать въ шелковой тафтѣ ширмъ. Больной тотчасъ же очнулся. «Что вы тамъ дѣлаете?» спросилъ онъ.—«Вынимаемъ булавки, чтобы не упали на вашу подушку», былъ отвѣтъ.—«То-то; а я думалъ, что вы вырѣзали отверстіе, чтобы слѣдить за мною».—«Да еслибъ и такъ, что же было бы въ этомъ дурнаго?» спросилъ Рихтеръ.—«Какъ, Оттонъ Борисовичъ? Исподтишка наблюдать развѣ хорошо, въ особенности за безпомощнымъ больнымъ?» замѣтилъ Цесаревичъ.

Въ Субботу на Пасхѣ прибылъ Государь и съ нимъ королева Датская съ Принцессою Дагмаръ. Я былъ въ числѣ встрѣчавшихъ на станціи и оттуда поѣхалъ въ домъ, отведенный для королевы. Мнѣ было суждено заявить Ея Величеству, въ присутствіи Принцессы, о безнадежномъ положеніи больнаго.

О пріѣздѣ Государя нужно было опять объявить Цесаревичу съ большою осторожностію. Сдѣлала это Императрица. Я, будучи дежурнымъ, былъ свидѣтелемъ сцены, которая никогда не изгладится изъ памяти моей.

Ихъ Величества вошли въ комнату больнаго вмѣстѣ; но Государь остался за ширмами, а Императрица подошла къ кровати. Цесаревичъ, лежавшій въ безпамятствѣ, тотчасъ пришелъ въ себя, взялъ руку матери и, по обыкновенію, сталъ цѣловать каждый палецъ отдѣльно.— «Бѣдная ма, что ты будешь дѣлать безъ твоего Ники?» спросилъ онъ, глядя на мать. Въ первый разъ онъ при ней высказалъ сознаніе своего положенія.

«Дорогой мой», отвѣчала Императрица, «зачѣмъ такія грустныя мысли? Ты знаешь, что насъ ожидаетъ радость».—«Я знаю, что ожидали па, но теперь увѣренъ, что онъ уже пріѣхалъ». Государь, услышавъ эти слова, вышелъ изъ-за ширмъ и, опустившись предъ страдальцемъ-сыномъ на колѣни, сталъ цѣловать руки больнаго.

Я не утерпѣлъ при видѣ этой раздирающей сцены и, едва удерживая рыданья, вышелъ изъ комнаты. Государь бывалъ строгъ къ своему Наслѣднику, скажу даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, немилосердъ, и мнѣ казалось, что въ эту минуту онъ почувствовалъ потребность нѣжностію изгладить все, что могло остаться въ памяти сына изъ болѣзненныхъ ощущеній, которыя вызываемы были рѣзкими замѣчаніями, запрещеніями выражать мнѣнія, молокососу, какъ онъ его называлъ. Никогда не забуду горькихъ слезъ Цесаревича, послѣ прочтенія ему оффиціальной бумаги министра двора графа В. Ѳ. Адлерберга къ Рихтеру, въ которой ему было сообщено Высочайшее повелѣніе объявить Его Высочеству, чтобы онъ никогда не утруждалъ Государя Императора личнымъ ходатайствомъ по прошеніямъ, на имя Цесаревича поступающимъ.

Были минуты трогательныя, когда вошла Невѣста умирающаго, когда онъ, смотря на нее, говорилъ Императрицѣ: «Не правда ли, какая она милая?» когда онъ держалъ руки стоявшихъ съ обѣихъ сторонъ его одра любимаго брата и дорогой нареченной его; когда она, эта бѣдная, едва познавшая первую любовь, стоя на колѣняхъ у изголовья царственнаго жениха своего, молилась за него, или поправляла подушку, на которой покоилась голова съ этимъ чистымъ, непорочнымъ ликомъ.

Такъ прошла Суббота, и наступилъ послѣдній день земной жизни страдальца. Онъ только изрѣдка приходилъ въ себя, не смотря на то, что постоянно кто нибудь изъ близкихъ сердцу его находился при немъ.

Съ Государемъ прибылъ и Пироговъ, и въ Субботу же пріѣхалъ и Опольцеръ, выписанный изъ Вѣны по совѣту Здекауера. Совѣщанія ихъ конечно не могли уже имѣть успокоительныхъ результатовъ. Ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался въ опредѣленіи болѣзни и въ безнадежности положенія. Мнѣ случалось быть много съ ними, ибо на меня было возложено заботиться о помѣщеніи ихъ и обо всемъ, что должно было дѣлать по ихъ требованію. Въ Воскресенье, вечеромъ 12-го Апрѣля, всѣмъ уже стало извѣстнымъ, что наступили послѣдніе часы земной жизни обожаемаго Великаго Князя, первенца царскаго, Наслѣдника Престола, этого чуднаго юноши, дорогаго Николая Александровича.

Когда я имѣлъ несчастіе лишиться и жены, и прелестной дочери, маленькой Лины, я примирился съ мыслію о смерти, потерялъ къ ней страхъ и говорилъ себѣ: худшаго уже не будетъ! Не думалъ я тогда, что ожидаетъ меня въ близкомъ будущемъ еще ударъ непредвидѣнный, невообразимый, что предстоитъ разлука съ царственнымъ юношей, къ которому я привязался отъ всего сердца, отъ всей души, которому, послѣ потери жены, всецѣло посвятилъ жизнь и, въ предѣлахъ ограниченныхъ способностей моихъ, готовъ былъ служить до гроба.

Тутъ я постигъ, что есть въ жизни испытанія, въ которыхъ человѣкъ, до наступленія ихъ, не отдаетъ себѣ отчета, о которыхъ онъ не можетъ составить представленія и которыя могутъ быть самаго разнообразнаго свойства, какъ и самыя чувства затрогиваемыя или поражаемыя болѣзненными ударами. Любовь къ матери, къ женѣ, къ дѣтямъ, къ отечеству, царю, къ ближнему, къ человѣку или человѣчеству вообще настолько же различна, какъ разнообразны движенія сердца, радостныя и печальныя ощущенія, испытываемыя въ одинаковой почти степени.

На виллѣ Бермонъ собралась вся Царская семья, всѣ приближенные Ихъ Величествъ у умирающаго Цесаревича. Были тутъ же и медики. Всѣ комнаты почти были переполнены, а между тѣмъ господствовала мертвая тишина: никто не рѣшался произнести слово и нарушить молчаніе. Всѣ въ оцѣпенѣніи прислушивались, со страхомъ ожидая роковой минуты.

Въ одной изъ смежныхъ комнатъ было духовенство. Три раза оно было призываемо въ комнату Цесаревича для чтенія отходной. Два раза прерывалось чтеніе, потому что въ первый разъ онъ совершилъ надъ собою крестное знаменіе, а во второй замѣтили слезы, текшія изъ глазъ кончающагося. Впечатлѣніе было удручающее. Наконецъ, во время третьяго чтенія, чистая душа его отошла въ вѣчность!

О горе! Есть ли предѣлъ тебѣ для тѣхъ, которые имѣли счастіе знать преставившагося? Не умреть съ нимъ память о немъ, не изсякнутъ слезы, проливаемыя при воспоминаніяхъ о свѣтломъ явленіи его. Осталось одно: это вѣчное благодареніе Господу за то, что сподобилъ Онъ избраннымъ видѣть, знать и цѣнить покойнаго Цесаревича.

Вся жизнь его—легенда, еще не нашедшая достойнаго пѣвца.

Графъ Строгановъ, просидѣвшій въ сосѣдней комнатѣ молча нѣсколько часовъ, при произнесеніи роковаго слова, всталъ и немедленно уѣхалъ домой. Я послѣдовалъ за нимъ. Постигнуть его печаль могли только немногіе, только тѣ, которые знали его. Онъ не только любилъ Цесаревича самою безкорыстною любовью, онъ гордился имъ, потому что не могъ не видѣть и не сознавать пользу имъ принесенную первенцу Царскому. Я былъ свидѣтелемъ, какъ принялъ графъ извѣстіе о смерти сына и какъ на него подѣйствовала кончина лучшаго его воспитанника. Въ первомъ случаѣ не проронилъ онъ почти ни слезинки; во второмъ онъ рыдалъ, какъ не рыдали люди моложе его.

Сколько грѣха приняли на себя тѣ лица, которыя упрекали графа въ суровости, въ жестокости, въ излишнемъ напряженіи умственныхъ силъ Цесаревича! Почему, при жизни его, не спрашивали они его самого, страдаетъ ли онъ подъ этимъ нравственнымъ гнетомъ? Узнали бы они тогда, что не Цесаревичъ былъ подъ вліяніемъ своего попечителя, а что старикъ, напротивъ, былъ покоренъ чарующею прелестью юноши. Близорукость и злоба людская поспѣшили разнести по Россіи нелѣпѣйшіе слухи, толками и даже письмами. Мнѣ случилось прочесть письмо, въ которомъ приближенная къ Императрицѣ особа писала въ Москву, будто графъ не хотѣлъ даже проститься съ тѣломъ Цесаревича, послѣ кончины его, ибо немедленно уѣхалъ домой; будто на другой день уже, подойдя къ одру, на которомъ лежалъ безжизненный трупъ дорогаго воспитанника, онъ костылемъ своимъ приподнялъ вуаль, которою былъ прикрытъ ликъ его.

Если лицо, имѣвшее всю возможность знать правду, писало это, если оно неспособно было понять, что графъ, пораженный, убитый горемъ, хотѣлъ проститься навѣки съ юношей, въ воспитаніе и образованіе коего онъ вложилъ всю душу, наединѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей своего горя; если оно, говорю я, было въ состояніи взвести на старика подобное обвиненіе то что же удивляться, когда посторонніе создавали Богъ вѣсть какія небылицы или, повторяя то, что́ распространяли люди приближенные, не стѣснялись бросать грязью въ него, чистаго, безкорыстнаго, безупречнаго старца, на закатѣ дней

отрекшагося отъ спокойствія, отъ любимыхъ занятій, отъ семейной жизни, чтобъ оказать Царю и Отечеству великую услугу, для которой втораго достойнаго найти было невозможно. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, который внезапно очутился внѣ всякой сферы дѣятельности, котораго роль окончена. Такъ, на предложеніе, ему сдѣланное, дежурить при гробѣ, онъ отказался; когда же было рѣшено, что тѣло будетъ перевезено моремъ въ Петербургъ, онъ по необходимости сложилъ съ себя эту представительную роль (которая была возложена, послѣ отказа его, на генералъ-адъютанта Николая Николаевича Анненкова), потому что не переносилъ морскихъ путешествій.

Государю угодно было, чтобы тѣло Цесаревича было перевезено на фрегатѣ «Олегъ», и стали уже дѣлать необходимыя на немъ приготовленія. Тогда графъ Строгановъ вспомнилъ, какъ, нѣсколько времени назадъ, Цесаревичъ въ воображеніи перенесся на «Александра Невскаго», уносившаго его куда-то вдаль, о чемъ было упомянуто выше, и замѣтилъ, что еслибъ назначенъ былъ «Александръ Невскій», то онъ видѣлъ бы въ словахъ покойнаго предчувствіе; но такъ какъ назначенъ «Олегъ», то конечно и рѣчи объ этомъ быть не можетъ.

Между тѣмъ получается телеграмма изъ Петербурга, въ которой Русскій флотъ проситъ Государя, въ видѣ особой милости, назначить вмѣсто «Олега»—«Александра Невскаго». Когда Государь изъявилъ на это согласіе, мы всѣ были поражены страннымъ совпаденіемъ дѣйствительности съ тѣмъ, что́ было создано воображеніемъ.

Тѣло Цесаревича было вскрыто и бальзамировано. Автопсія произведена Пироговымъ, а Здекауеръ подъ диктовку Опольцера составилъ описаніе всего оказавшагося при вскрытіи, т. е. протоколъ, который былъ подписанъ тремя врачами и графомъ А. В. Адлербергомъ, присутствовавшимъ при вскрытіи.

Оказалось между прочимъ, какъ и предполагали медицинскіе авторитеты, что одновременно съ воспаленіемъ оболочки спиннаго и головнаго мозга, происшедшимъ отъ нарыва въ спинныхъ мускулахъ и коснувшимся позвоночнаго столба, вся мозговая оболочка была воспалена, железы отчасти чрезмѣрно увеличены, отчасти перешли въ нагноеніе. Въ головномъ мозгу и въ легкихъ найдены туберкулы, застарѣлыя и свѣжія; на внутренней поверхности черепа соски костяные, и нѣкоторые изъ нихъ углублялись въ головной мозгъ.

Опольцеръ, видя скорбь мою, сказалъ мнѣ, какъ бы въ утѣшеніе слѣдующее: «Болѣзнь, которою страдалъ покойный, встрѣчается рѣдко; узнать ее во̀ время почти невозможно, о ней можно было только слу-

чайно догадаться, да и тогда всѣ мѣры къ излѣченію не спасли бы больнаго, а только продлили бы его жизнь, конецъ же былъ бы ужасный: полный идіотизмъ послѣ страшныхъ страданій. Ложное лѣченіе, въ особенности паровыя души, ускорило болѣзнь и уменьшило страданія. Это должно успокоить тѣхъ, которые любили покойнаго и конечно желали для него насколько возможно меньше физическихъ мученій».

Государю угодно было, чтобы тѣло Цесаревича было положено въ гробъ его свитою. Оно было покрыто грудою цвѣтовъ и почти исключительно бѣлыхъ. Между ними было очень много померанцоваго цвѣту, который, осыпаясь, образовалъ сплошную массу, проникшую даже подъ тѣло. Мнѣ пришлось стоять между изголовьемъ и ногами, а потому поднять тѣло снизу. Только я успѣлъ просунуть обѣ руки, какъ почувствовалъ сильнѣйшій жаръ. Прикосновеніе растительныхъ веществъ къ органическому тѣлу вызвало броженіе, которое могло бы имѣть разрушительное вліяніе и дойти даже до горѣнія. Вотъ почему въ гробъ уже цвѣтовъ не клали, а были положены сухія пальмовыя вѣтви, которыя были принесены Цесаревичу въ Вербную Субботу вмѣсто вербы. Одна вѣтвь долгое время лежала на могилѣ его въ Петропавловскомъ соборѣ. Теперь ея уже нѣтъ.

Мнѣ неоднократно приходилось дежурить при гробѣ, и каждый разъ съ покойнымъ нынѣ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Въ первый разъ это было ночью, съ 2-хъ до 6-ти час. утра. Когда я глядѣлъ на старика, мнѣ пришла мысль: не слагается ли въ эти минуты въ головѣ поэта пѣснь о молодомъ Цесаревичѣ, столь преждевременно вырванномъ неумолимою смертію изъ объятій любящихъ его царственныхъ родителей, братьевъ, невѣсты? Можетъ быть, я былъ правъ, потому что вскорѣ появилось прелестное стихотвореніе князя на смерть Цесаревича.

Вечеромъ на берегу моря.

Плыветъ онъ, молодой Царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

Но онъ не видитъ ихъ сіянья,
Онъ не любуется на нихъ:
Въ тѣни и въ тишинѣ молчанья
Прилегъ Царевичъ и притихъ.

Не слышитъ онъ, какъ плескомъ дружнымъ
Волна грохочетъ за волной,
Какъ вѣтерокъ подъ небомъ южнымъ
Играетъ зыбью голубой.

По лону зеркальнаго моря
Пловецъ невидимый скользитъ,
И къ утру золотая зо́ря
Его лица не озаритъ.

Плыветъ онъ къ берегу родному,
Гдѣ онъ разцвѣлъ и возмужалъ,
Гдѣ втайнѣ подвигу святому
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

Гдѣ былъ онъ радостью семейной,
Надеждой царства своего,
Гдѣ Мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за него,

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ;
Чтобъ былъ и чистъ онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ правъ.

Народъ, подъ красотою личной
Любя и сердца прелесть въ немъ,
Ждалъ, что сберетъ онъ плодъ сторичной
Съ бразды, засѣянной Отцомъ;

Что будетъ онъ Отцу дотолѣ
Сподвижникъ съ ранняго утра,
Съ нимъ обработывая поле
На жатву пользы и добра.

Гаданья свѣтлыя напрасны!
Имъ сбыться не дано судьбой:
Надеждъ грядущихъ цвѣтъ прекрасный
Сраженъ внезапною грозой.

Изъ странъ далекихъ ожидая
Того, кто въ край родной плыветъ,
Народъ, Царевича встрѣчая,
Не скажетъ: „Се Женихъ грядетъ!“

Не радости, не ликованій
Готовитъ онъ ему привѣтъ,
А скорби, плача и рыданій,
Какимъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ.

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младаго палъ вѣнецъ.

И онъ, Царевичъ ненаглядный,
Услада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанетъ къ родинѣ своей.

А волны льются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
И мѣсяцъ съ свѣтлыми звѣздами
Блеститъ на небѣ голубомъ.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю,
Корабль сіяньемъ обдаетъ,
И не сдается синю морю,
Какую скорбь оно несетъ.

Князь П. Вяземскій.

Гіеръ (Hyères), Май 1865 г.

Между тѣмъ оказалось, что въ Ниццѣ и даже въ Парижѣ нельзя было пріобрѣсти предметовъ необходимыхъ для убранства гроба и колесницы. Выписать все изъ Петербурга не было времени, и потому было рѣшено въ Кронштадтѣ переложить тѣло въ другой гробъ, заказанный въ Петербургѣ.

Французское войско предшествовало печальной процессіи въ Вилла-Франку. Величественна была минута, когда вся процессія спускалась съ горъ къ этому городку. На рейдѣ стояли Русскія и Французскія суда. Салютъ ихъ и печальный маршъ сливались какъ-то особенно гармонически съ чудною картиною, открывшеюся предъ глазами нашими. У пристани былъ приготовленъ особый катеръ для перевоза гроба на фрегатъ «Александръ Невскій». Въ этотъ катеръ помѣстилась свита Цесаревича. Гробъ былъ уже въ ящикѣ, обитомъ малиновымъ сукномъ, на которомъ лежала груда бѣлыхъ цвѣтовъ. На таляхъ подняли гробъ, такъ что нѣсколько минутъ онъ висѣлъ на воздухѣ надъ бездною морскою, потомъ дали ему поворотъ, и онъ очутился надъ машиннымъ люкомъ, чрезъ который его опустили въ батарейную палубу и поставили на возвышеніи, прикрѣпивъ къ полу обвитыми краснымъ сукномъ веревками.

Послѣ литіи всѣ разъѣхались; остались только лица, назначенныя сопутствовать тѣлу Цесаревича до Петербурга. Вотъ списокъ этихъ лицъ:

Генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

Владиміръ Павловичъ Титовъ.

Александръ Николаевичъ Стюрлеръ.

Оттонъ Борисовичъ Рихтеръ.

Борисъ Николаевичъ Чичеринъ.
Князь Владимиръ Анатольевичъ Барятинскій.
Павелъ Александровичъ Козловъ.
Докторъ Н. А. Шестовъ.
Ѳ. А. Оомъ.
Офицеръ конвоя Панинъ.
Камердинеръ Костинъ.
Фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Шлотгауеръ.
Почетный караулъ линейныхъ казаковъ.

Всею эскадрою, состоявшею изъ вышеупомянутыхъ судовъ: «Александръ Невскій», «Олегъ», «Витязь» и «Алмазъ», командовалъ почтенный контръ-адмиралъ С. С. Лѣсовскій.

Въ батарейной палубѣ были устроены посредствомъ деревянныхъ переборокъ небольшія помѣщенія для лицъ свиты, за исключеніемъ генерала Анненкова, которому была отведена носовая каюта, и нѣкоторыхъ лицъ, помѣстившихся за занавѣсками въ каютъ-компаніи. Рихтеръ предложилъ мнѣ помѣститься съ нимъ. Диванъ, на которомъ устроена была моя постель, стоялъ между двумя орудіями вдоль борта, и такъ какъ онъ былъ очень твердъ и къ тому же bombé, то спалось на немъ изрядно въ тихую погоду; но во время качки, въ особенности боковой, я положительно сна не зналъ, ибо меня поворачивало то къ борту, то въ противуположную сторону, и въ послѣднемъ случаѣ приходилось рукою упираться въ полъ, чтобы не упасть съ постели. Чтеніе у гроба ни на минуту не прерывалось въ продолженіи 39 суточнаго плаванія, и такъ какъ оно происходило около самой каюты нашей, то я слушалъ его днемъ и ночью.

До Гибралтара плаваніе было великолѣпное: море было гладкое какъ зеркало и только «дышало», какъ говорятъ моряки, т. е. вода на большомъ пространствѣ безъ малѣйшей ряби подымалась и опускалась едва замѣтно для глаза, но чувствительно только для находившихся на судахъ.

Въ Гибралтарѣ мы простояли трое сутокъ, забирая уголь. Нѣкоторые изъ спутниковъ посѣтили Алжезирасъ, а молодые люди, кн. Барятинскій и Козловъ, ѣздили въ Тангеръ, на Африканскій берегъ. Мы осмотрѣли весь полуостровъ Гибралтара, т. е. Мавританскую его часть со стѣною и развалинами построекъ Мавровъ и Европейскій или Англійскій кварталъ съ его укрѣпленіями. Губернаторомъ былъ генералъ Кларендонъ, одинъ изъ воиновъ Крымской войны. Прекрасный ботаническій садъ былъ моею любимою прогулкой.

. Въ каютъ-компаніи собиралось все общество, и тутъ велись интересныя бесѣды. Душою общества былъ С. С. Лѣсовскій.

Переходъ изъ Гибралтара въ Лиссабонъ былъ крайне неблагопріятный. Уже въ проливѣ дулъ сильный противный намъ вѣтеръ, но качка была только килевая; но когда мы перемѣнили курсъ на Сѣверъ, страшная боковая качка продолжалась нѣсколько сутокъ. Суда, насъ конвоировавшія, едва видны были на горизонтѣ; барометръ падалъ съ каждымъ часомъ, и я, перенося хорошо качку, сталъ однако тревожиться, и болѣе всего меня безпокоила мысль о томъ, что́ дѣлать, если случится что-либо на фрегатѣ (поломка руля или винта), и придется переносить гробъ на другое судно. Признаюсь, что страхъ росъ съ каждымъ часомъ; къ тому же не съ кѣмъ было подѣлиться опасеніями, создаваемыми воображеніемъ. Всѣ спутники почти (за исключеніемъ Скарятина и Рихтера) были больны и какъ пласты лежали на своихъ койкахъ. Наконецъ, я, замѣчая паденіе барометра къ ночи, не утерпѣлъ и рѣшился отправиться на мостикъ, гдѣ постоянно по ночамъ находился адмиралъ. Выхожу на палубу, темнота страшная, свистъ, гулъ, вѣтеръ, шумъ отъ волнъ, разбивающихся о фрегатъ; наконецъ, боковая волна окатила меня, и я весь мокрый бережно и тихо подымаюсь по трапу на мостикъ. «Кто идетъ?» спрашиваетъ адмиралъ. «Я», отвѣчаю я робко, останавливаясь на ступенькѣ. «Кто вы»?—«Я, Оомъ».—«Что́ нужно?» — «Да я хотѣлъ спросить васъ, Степанъ Степановичъ», говорю я, самъ стыдясь своей боязни, «не предстоитъ ли опасность? Барометръ падаетъ, вѣтеръ свѣжѣетъ; ну что если что-нибудь случится, какъ перенесемъ мы гробъ на другое судно?»—«Вы спрашиваете: нѣтъ ли опасности? Ну такъ отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ: «Вы въ Петербургѣ живете въ каменномъ домѣ?»—«Да, въ каменномъ».—«Когда ложитесь, вы увѣрены, что ночью не будетъ пожара?»—«Нѣтъ, не увѣренъ».—«Ну здѣсь тоже самое. Прощайте!»—Коротко и ясно, но нисколько для меня не утѣшительно, подумалъ я, уходя пристыженный и сконфуженный.

Увлекательны были разсказы и бесѣды Степана Степановича во время завтраковъ и обѣдовъ: воспоминанія его о службѣ въ Черномъ морѣ при Лазаревѣ, разсказъ о крушеніи «Діаны». Замѣчательно, что, среди самаго интереснаго и одушевленнаго разсказа, онъ внезапно засыпалъ самымъ крѣпкимъ сномъ, не перемѣняя положенія. Это было слѣдствіе чрезмѣрнаго утомленія отъ безсонныхъ ночей, проводимыхъ въ напряженномъ вниманіи при наблюденіи за плаваніемъ. Сонъ этотъ онъ называлъ «юклай».

На пути заходили въ Лиссабонъ, гдѣ я часто бывалъ у Frederiko Oom, строителя и директора обсерваторіи, о которомъ упомянуто мною въ началѣ Записокъ. Къ счастью прибыли мы къ устью Тайо во время прилива, такъ что тотчасъ же вошли въ рѣку; иначе намъ пришлось бы продержаться въ морѣ нѣсколько часовъ при сильнѣйшей зыби. Въ Лиссабонѣ я видался съ старыми знакомыми, съ нашимъ посланникомъ Кудрявскимъ, женатымъ на дочери Камилля Лабенскаго, и съ Австрійскимъ посланникомъ барономъ Лебцельтерномъ, котораго жена, рожденная графиня Бержинская, была извѣстная красавица.

Великолѣпно было плаваніе по Бискайскому морю, по Ламаншу и по Нѣмецкому морю до Христіанзунда. На пути заходили въ Плимутъ, куда изъ Лондона прибылъ, за болѣзнію барона Брунова, совѣтникъ посольства Сабуровъ (впослѣдствіи посланникъ въ Аѳинахъ и Берлинѣ).

Вышедши изъ Христіанзунда въ четыре часа пополудни, въ свѣтлый солнечный день, мы весь вечеръ пробыли на палубѣ и любовались звѣзднымъ небомъ. Спустившись на ночь въ батарейную палубу, мы не успѣли раздѣться, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ изъ орудія съ противуположнаго нашему борта. Никогда салюта съ фрегата не бывало, и я, не понимая въ чемъ дѣло и услышавъ колокольный звонъ и пронзительный звукъ пароваго свистка, выбѣжалъ на верхъ. Но тутъ все было покрыто млечною мглою. Туманъ окуталъ фрегатъ, такъ что я ощупью пробрался на корму, услышалъ шумъ пароходныхъ колесъ купеческаго парохода и сквозь туманъ, около самой кормы, увидѣлъ цвѣтной огонь сигнальнаго на немъ фонаря. Тревога была общая. Опасаясь мыса Скагера, приказано было направить курсъ къ Сѣверо-Востоку. Всю ночь зорко наблюдали за судами, приближеніе которыхъ можно было только узнавать по шуму колесъ; безпрестанно палили изъ орудій и звонили въ колоколъ. Ночь была тревожная, и мы медленно подвигались впередъ, не имѣя возможности, при туманѣ и сильномъ теченіи, опредѣлить ни мѣста, ни скорости хода. Въ шестомъ часу всѣ были уже на палубѣ и любовались, какъ разсѣевался туманъ: простынею, длинными облаками уносило мглу, становилось все яснѣе, проглянуло солнце, и вдругъ мы увидѣли берегъ и даже самый мысъ Скагеръ. Этотъ роковой для судовъ мысъ оказался не въ далекомъ отъ насъ разстояніи. Вошли въ Зундъ и около 11-ти ч. утра были встрѣчены королемъ Датскимъ и кронпринцемъ. Послѣ краткой остановки, пошли далѣе и къ вечеру прибыли въ Альзенъ.

Отъ Альзена до Кронштадта преслѣдовала насъ страшная буря, и мы только у Гохланда остановились для ночевки, дабы прибыть въ

Кронштадтъ не слишкомъ раннимъ утромъ; потому что Государь самъ намѣревался выйти навстрѣчу на Кронштадскій рейдъ.

18-го Мая, наконецъ, брошенъ былъ якорь у стѣнки, кажется, Купеческой пристани. Послѣ панихиды, Государь объявилъ, что перенесеніе тѣла Цесаревича въ крѣпость назначено на Вторникъ 22-го Мая и что мы до того времени должны оставаться на фрегатѣ. Это слѣдовало предвидѣть, потому что нужно было тутъ же переложить тѣло въ другой гробъ, что̀ могло быть сдѣлано въ Субботу; за симъ въ Воскресенье 20-го и въ Понедѣльникъ 21-го, дни тезоименитства в. к. Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны: печальная церемонія совершаться не могла.

Стоянка въ Кронштадтѣ была непріятна только въ томъ отношеніи, что весь день, съ ранняго утра до поздняго вечера, масса народу заполняла весь фрегатъ. Пароходъ за пароходомъ приходилъ изъ Петербурга съ пассажирами и духовенствомъ. Панихиды слѣдовали одна за другою. Мы были уже не у себя, потому что всѣ наши каюты были переполнены публикою намъ незнакомою. Кстати скажу, что въ Петербургѣ распространили слухъ, будто, при вскрытіи гроба, тѣло Цесаревича оказалось навзничъ опрокинутымъ, вслѣдствіе сильной качки и что оно будто попортилось. Этотъ вздоръ нашелъ много вѣрующихъ въ него. Ничего подобнаго не было и быть не могло, по той простой причинѣ, что гробъ не опрокидывался ни разу и что тѣло было бальзамировано. Но заставить людей вѣрить правдѣ гораздо труднѣе, чѣмъ нелѣпому слуху, созданному воображеніемъ тунеядцевъ.

22-го Мая утромъ прибылъ въ Кронштадтъ Государь Императоръ, и на пароходѣ «Александрія» подъ балдахиномъ на палубѣ тѣло Цесаревича было перевезено въ Петербургъ, гдѣ съ Англійской набережной вплоть до Зимняго дворца уже была расположена вся печальная процессія. Тотчасъ по прибытіи я поспѣшилъ отыскать свое мѣсто. Пришлось идти до Исаакіевскаго собора, противъ котораго на площади стояла группа разныхъ лицъ, по службѣ своей имѣвшихъ извѣстныя отношенія къ покойному. Здѣсь были чины Конторы Августѣйшихъ Дѣтей, и Конюшенной Конторы, бывшіе преподаватели и профессора: Соловьевъ, Чичеринъ, Побѣдоносцевъ и другіе. Къ нимъ побрелъ и я. Понятно, что около меня и Чичерина сгруппировались всѣ, кому дорого было узнать изъ устъ очевидцевъ подробности, которыя интересовали не ихъ однихъ, но и все Русское общество. Тяжело и грустно вообще было впечатлѣніе, которое произвели на меня тогда въ Петербургѣ своеобразныя толкованія вкривь и вкось разныхъ случаевъ, иногда вовсе

небывалыхъ, а иногда и такихъ, которые разсказывались въ совершенно превратномъ смыслѣ. Конечно, я спѣшилъ представлять все въ настоящемъ свѣтѣ для того, чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ. Странно, что въ Россіи установился взглядъ на покойнаго Цесаревича несравненно болѣе вѣрный, нежели въ столицѣ, гдѣ однако его могли знать лучше, гдѣ встрѣчали его, гдѣ могли почти шагъ за шагомъ прослѣдить жизнь его. Оцѣнка внутри Россіи была замѣчательно вѣрна, и вотъ почему и печаль о немъ тамъ была сильнѣе. У насъ, въ столицѣ, самыя важныя явленія какъ бы скользятъ по людямъ и, не оставляя почти слѣда, легко забываются. Въ провинціи не то: тамъ болѣе досуга отъ тревожной, лихорадочной жизни.

Послѣ похоронъ я поспѣшилъ окончить дѣла по нашему продолжительному пребыванію за границею. Графъ Строгановъ торопилъ меня представленіемъ отчета, и я былъ счастливъ, когда, наконецъ, могъ это исполнить. Но тогда наступилъ вопросъ для меня: «что же далѣе?»

Послѣдовало назначеніе Рихтера начальникомъ Штаба Гвардейскаго Корпуса, молодыхъ поручиковъ кн. Барятинскаго и Козлова состоящими при Цесаревичѣ Александрѣ Александровичѣ, а обо мнѣ и рѣчи не было. Въ Контору Августѣйшихъ Дѣтей возвращаться я не желалъ и, можетъ быть, избалованный отношеніями къ разнымъ лицамъ во время продолжительнаго отсутствія изъ Петербурга, я и думать не хотѣлъ объ этой, крайне мнѣ несимпатичной Конторѣ, гдѣ управляющій уже давно завидовалъ моему положенію, разныя причинялъ мнѣ непріятности и не щадилъ нисколько моего самолюбія. Наконецъ я рѣшился переговорить съ графомъ Б. А. Перовскимъ и отправился рано утромъ въ Царское Село, гдѣ засталъ его занятымъ въ своемъ саду въ Китайской деревнѣ. Разговоръ былъ продолжительный, и я убѣдился, что графъ, человѣкъ съ сердцемъ и въ высшей степени доброжелательный, на этотъ разъ говорилъ и возражалъ мнѣ видимо подъ вліяніемъ Сушинскаго. Это отчасти объяснялось тѣмъ, что графъ дорожилъ Сушинскимъ, человѣкомъ способнымъ и ловкимъ, и что онъ, конечно, вызвалъ бы крайнее неудовольствіе его, еслибы согласился на мою просьбу. Кончилось тѣмъ, что я вышелъ отъ графа съ убѣжденіемъ, что мнѣ оставаться на службѣ при Дворѣ нельзя и что придется искать занятій въ другомъ министерствѣ.

Въ раздумьѣ я пошелъ пѣшкомъ на станцію желѣзной дороги, какъ вдругъ мимо меня промчалась коляска, въ которой сидѣлъ Государь съ Императрицею. Это было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи. Я успѣлъ только снять шляпу, какъ Ихъ Величества уже подъѣхали къ станціи, и вслѣдъ затѣмъ слышу, что Государь зоветъ меня. Я подбѣжалъ.

— Ты въ городъ? спросилъ онъ меня.

— Точно такъ, Ваше Величество.

— Такъ поѣзжай съ этимъ же поѣздомъ и тотчасъ же предупреди Рихтера, что мы будемъ осматривать сегодня вещи, принадлежавшія покойному сыну. Тебѣ же поручаю принять участіе въ раздѣлѣ вещей.

Я поспѣшилъ занять мѣсто въ вагонѣ и очутился въ одномъ отдѣленіи съ графомъ Перовскимъ. Увидѣвъ меня, онъ какъ бы обрадовался встрѣчѣ, и когда я разсказалъ ему о встрѣчѣ съ Государемъ, онъ объявилъ мнѣ, что уже говорилъ обо мнѣ съ Его Величествомъ, и что я назначенъ состоять при особѣ Цесаревича Александра Александровича. Я былъ до того счастливъ, что чуть не бросился на шею графа. Онъ, замѣтивъ движеніе мое, обнялъ и поцѣловалъ меня.

И его уже нѣтъ, этого рыцаря въ полномъ смыслѣ слова! *) Отношенія мои къ нему оставались наилучшими до кончины его. И теперь, чтя память его, я навѣщаю всегда съ особеннымъ удовольствіемъ его вдову, которая какъ и ея дочери оказываютъ мнѣ наилучшее расположеніе.

Въ заключеніе привожу выписку изъ предисловія М. М. Стасюлевича къ III-му тому его сочиненія: «Матеріалы для Исторіи Среднихъ вѣковъ», посвященнаго памяти о его царственномъ ученикѣ.

„Мы оплакиваемъ въ эти минуты смерть, въ которой заключались тысячи смертей: умиралъ не только человѣкъ, умирала юность, умирала красота, умирала первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды милліоновъ добрыхъ людей, умирали идеи высокаго, справедливаго, благороднаго, умирало все, что́ есть завѣтнаго и дорогого на землѣ.

„Мы, преподаватели, были, конечно, ежедневными свидѣтелями развитія прекраснаго сердца и благороднаго ума покойнаго Цесаревича: наша память о немъ понятна; но и тѣ, которые видѣли его случайно, говорили съ нимъ, слышали его всегда скромную и привѣтливую рѣчь, никогда не забудутъ своихъ воспоминаній о царственномъ юношѣ. Такой человѣкъ, умирая, не долженъ умереть весь, и на всѣхъ насъ лежитъ обязанность вырвать у смерти все то, что́ не должно ей принадлежать, и что́ насъ радовало въ немъ при его жизни и такъ много обѣщало въ будущемъ. Говоря о немъ нынѣ, когда положенъ предѣлъ всему земному, мы имѣемъ право сказать словами біографа другаго юноши, Танкреда: „теперь ни насъ не назовутъ продавцами, ни тебя—покупателемъ сказокъ“.

---

*) См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1881, III, 475.

Послѣ нѣсколькихъ воспоминаній о занятіяхъ Цесаревича Всеобщею Исторіею М. М. Стасюлевичъ кончаетъ введеніе слѣдующими словами:

„Но довольно для этихъ скорбныхъ дней, которые мы переживаемъ въ настоящую минуту! Мы похожи теперь на человѣка, котораго засталъ врасплохъ пожаръ: желали бы спасти самое дорогое и хватаемся за первое, попавшееся на дорогѣ; намъ хотѣлось бы вынести изъ полуотверзтой могилы все то, что̀ составляло въ Августѣйшемъ покойномъ перлы его чистой души и возвышеннаго характера, а между тѣмъ въ эту минуту мы болѣе способны чувствовать настоящее горе и тяжелую утрату, нежели спокойно оглядываться назадъ и вспоминать прошедшее во всѣхъ его дорогихъ подробностяхъ.

„Какъ онъ ни мало жилъ, но все же жилъ недаромъ: онъ оставилъ другимъ живой образъ того, о чемъ прежде приходилось только мечтать; онъ сказалъ собою, что̀ люди любятъ въ царственныхъ юношахъ и чего они отъ нихъ ждутъ. Постараемся быть достойными его памяти, если намъ больше нельзя быть достойными его жизни“.

Мая 21 дня 1865.

Протекло шестнадцать тяжкихъ лѣтъ, и цесаревичъ Николай Александровичъ ожилъ для Россіи въ державномъ своемъ Братѣ, предъ которымъ свѣтлый его образъ предносился постоянно. Въ любви къ нему, въ воспоминаніяхъ о немъ черпалъ онъ силы для царственныхъ трудовъ своихъ. П. Б.

ИННОКЕНТІЙ ТАВРИЧЕСКІЙ.

Его послѣдняя поѣздка въ Крымъ и предсмертные дни *).

1857.

Хочу сказать здѣсь только то, что̀ я самъ видѣлъ, самъ слышалъ, или чему самъ былъ свидѣтелемъ.

Епархіальныя дѣла Крыма и въ этомъ году неудержимо влекли къ себѣ попечительнаго архипастыря. Опустошенная войною святыня края, разоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища падшихъ въ брани воиновъ, все снова требовало личнаго усмотрѣнія и распоряженія святительскаго. Кромѣ того, пастырская любовь его еще и еще искала молитвеннаго общенія съ тѣми, кому болѣе всѣхъ суждено было испытать тяжкій жребій минувшей войны. Для сего преосвященный предполагалъ еще въ Великій постъ ѣхать въ Таврію, служить Страстную Седмицу въ Симферополѣ, а «Христосъ Воскресе» воспѣть на могилахъ Севастопольскихъ, потомъ осмотрѣть Крымъ до самой Керчи, и затѣмъ, къ проводамъ, опять возвратиться на развалины Севастополя, къ гробамъ славныхъ его защитниковъ. Только множество неотложныхъ занятій остановило эту раннюю поѣздку, которая, по плану преосвященнаго, долженствовала быть началомъ къ дальнѣйшему путешествію его по Херсоно-Таврической епархіи. По возвращеніи изъ Крыма, онъ предполагалъ заняться поправленіемъ своего здоровья (которое въ этомъ году, по собственнымъ словамъ его, значительно измѣнилось къ худшему), потомъ съѣздить на Дунай въ новоустрояемый скитъ Ѳерапонтіевскій и лично распорядиться тамъ всѣмъ, затѣмъ посѣтить другія мѣста епархіи, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ, и такимъ образомъ, по окончаніи главныхъ епархіальныхъ дѣлъ, свободно, слѣдующимъ лѣтомъ, отправиться въ давно-желанный путь, на Востокъ, для поклоненія Живоносному Гробу Спасителя.

---

*) Любопытная записка эта сообщена въ „Русскій Архивъ“ изъ Одессы лицомъ не означившимъ своего имени. П. Б.

15-го Апрѣля вечеромъ его высокопреосвященство приказалъ мнѣ готовиться въ дорогу. «Ѣдемъ въ Крымъ, говорилъ онъ; тамъ у насъ много дѣла, а время дорого. Тебя вѣдь ничто особенное не можетъ удержать здѣсь?» Я упомянулъ о дѣлахъ семейныхъ. «Ничего, прервалъ владыка: Богъ дастъ, все уладится и безъ тебя. Къ тому же у васъ здѣсь родные. Да, мы возвратимся недѣли чрезъ три». Тутъ подошла игуменья Архангело-Михайловскаго монастыря съ сестрами; благословляя ее, преосвященный сказалъ: «Поручаю васъ архистратигу Михаилу; онъ вамъ будетъ заступникъ. Кланяйтесь и снесите мое благословеніе всѣмъ въ обители». Трогательный тонъ, съ которымъ говорилъ архипастырь, извлекъ слезы изъ глазъ настоятельницы. «Съ Богомъ, прощайте!» повторилъ онъ и, вручивъ четки плачущей, быстро удалился въ свои покои.

Наканунѣ отъѣзда въ Крымъ, я болѣе часу пробылъ у его высокопреосвященства. Онъ особенно благодушествовалъ, вспоминалъ свою службу въ академіяхъ, объяснялъ причины поспѣшнаго написанія «Послѣднихъ дней земной жизни Спасителя» и «Жизни святаго апостола Павла». «Нужно было поддержать «Христіанское Чтеніе», говорилъ онъ; съ Василіемъ Борисовичемъ Бажановымъ и Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ дружно взялись мы за дѣло. Тогда-то появились и «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». И почему они такъ понравились всѣмъ, право, не знаю; чтó въ нихъ такое есть особенное? Въ то время на мнѣ лежало столько работы, что, кажется, если бы еще на одинъ лишній годъ остался я въ Академіи, я бы умеръ. Но меня перевели въ Кіевъ. Здѣсь, хотя также было много работы, но не срочной, и я отдохнулъ, благодареніе Богу!.. Такъ, братъ; надобно трудиться, да разумно трудиться всѣмъ намъ, не сидѣть даромъ сложа руки... Тогда-то будетъ польза для Церкви». Особенно долго и съ увлеченіемъ говорилъ онъ о предметѣ, постоянно занимавшемъ его, о нашемъ Русскомъ крестьянствѣ. Разсказавъ кратко исторію его, охарактеризовавъ Русскихъ помѣщиковъ, изъ коихъ, по его мнѣнію, самые лучшіе далеко нехороши (при этомъ онъ приложилъ къ нимъ, не помню, какой-то стихъ поэта Давыдова) и высказавъ горькое сожалѣніе о положеніи бѣдныхъ крестьянъ и надежду на улучшеніе быта ихъ, онъ прибавилъ, что зло это, больше всякой войны, грозитъ бѣдной Россіи, если только заранѣе не будутъ приняты разумныя мѣры къ отвращенію его...

17-е Апрѣля (день рожденія Государя Императора) былъ днемъ послѣдняго священнодѣйствія Иннокентія въ Одессѣ. Оставляя любимый храмъ соборный, чувствовалъ ли онъ тогда, что живой не войдетъ

въ него болѣе?.. Того же дня въ 6-ть часовъ вечера, предъ отъѣздомъ, зашелъ онъ по обыкновенію въ Крестовую церковь, приложился къ иконѣ Касперовскія Богоматери, сотворилъ три земныхъ поклона, благословилъ домашнихъ. При этомъ онъ былъ въ невеселомъ расположеніи духа и не разговорчивъ.

Быстро проѣхавъ Николаевъ, Херсонъ, Алешки и Перекопъ, дѣлая мѣстами распоряженія по проѣзжимъ благочиніямъ, 20-го числа онъ прибылъ въ мѣстечко Акмечеть, Перекопскаго уѣзда. «Надобно освятить это мѣсто, говорилъ Иннокентій: оно много вытерпѣло въ минувшую войну». Дорога была покрыта развалинами Татарскихъ ауловъ, и на сто верстъ кругомъ совершенная пустота. «Какъ больно, не разъ замѣчалъ Иннокентій, что такія мѣста, какъ въ нашемъ Крыму, гдѣ слѣдовало бы жить людямъ трудолюбивымъ, населены были племенемъ тунеяднымъ и неблагодарнымъ къ Россіи». Въ Акмечетской церкви, опозоренной бунтовщиками Татарами и поврежденной отъ выстрѣловъ съ непріятельскихъ кораблей, онъ совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ и собравшимся поселянамъ ласково преподалъ миръ и благословеніе. На дорогѣ изъ Акмечети въ Евпаторію сказалъ мѣстному благочинному: «Отсюда недалеко имѣніе генеральши Поповой. Ея крестьянамъ далеко обращаться въ Акмечетскую церковь; приготовьте отъ меня отношеніе къ г-жѣ Поповой объ устройствѣ тамъ молитвеннаго дома. Жаль весьма, что на такомъ пространствѣ, ѣдешь, ѣдешь, и не на что перекреститься».

21-го числа—служеніе въ разоренной Евпаторіи. Послѣ литургіи Иннокентій обратился къ гражданамъ съ привѣтомъ мира и выраженіемъ живой радости по поводу окончанія ихъ бѣдствія и заключилъ слово пастырскимъ благожеланіемъ пещись объ охраненіи града отъ плѣна и враговъ духовныхъ. Изъ собора онъ прямо отправился на мѣсто, гдѣ, во время двукратныхъ покушеній исторгнуть Евпаторію изъ рукъ непріятелей, легло нѣсколько тысячъ нашихъ воиновъ. Дорогою, на слова сопровождавшаго его Евпаторійскаго градоначальника Гусакова (офицера объ одной ногѣ): «преосвященный владыка, поберегитесь, погода очень вѣтренная», отвѣчалъ: «Насъ-то беречь! Васъ беречь, такихъ героевъ, вотъ кого беречь!» На солдатскихъ могилахъ отслужена панихида. Преосвященный долго молился вмѣстѣ съ гражданами, оплакивая кончину падшихъ, и заповѣдалъ соорудить имъ памятникъ, съ часовнею внутри, изъ бомбъ и ядеръ, и совершать ежегодно поминовеніе 23 Апрѣля въ день великомученика Георгія. На память объ Евпаторійскихъ дѣлахъ, по желанію преосвященнаго, доставлено ему нѣсколько ядеръ, тамъ собранныхъ.

За обѣдомъ у генерала Аѳанасьева преосвященный высказалъ свои замѣчанія о причинахъ неудачной дипломатической поѣздки князя Меншикова въ Константинополь и удивлялся той безпечности, въ какой онъ, преосвященный, путешествуя по Крыму, предъ высадкою непріятельскою, нашелъ тамъ нашу военную силу, тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ газетахъ писали уже объ экспедиціи противъ полуострова. «Мы спали тогда, какъ бы среди глубокаго мира; вȏйска было мало, и то разбросано. Чего мнѣ стало убѣдить г.г. военачальниковъ о возможности непріятельской высадки въ Крыму и о принятіи какихъ нибудь мѣръ предосторожности!» Тутъ же высказывалъ онъ сожалѣніе, «почему не отняли мы снова, хотя бы на короткое время, Малаховъ курганъ? Послѣ этого отступили бы съ большею честью и отняли бы самохвальство у Французовъ. А возможно было, если бы курганъ, совершенно понапрасну, не былъ обведенъ глубокимъ рвомъ сзади, и горжа оставалась бы широкою и здѣсь, какъ это было на другихъ бастіонахъ». Послѣ обѣда привѣтствовали владыку начальники Караимскаго Евпаторійскаго Общества.

Въ Евпаторіи приказано было мнѣ, совмѣстно съ настоятелемъ собора, осмотрѣть всѣ происшедшія отъ войны поврежденія и утраты церковныя, сообразить средства, какія подъ рукою, къ выполненію утраченнаго, и составленную о томъ подробную записку въ свое время представить архипастырю. Рѣшено окончательно: древній Генуэзскій храмъ, близъ собора, занимаемый Еврейскою синагогою, обратить въ храмъ Христіанскій. Во все это время Иннокентій былъ здоровъ и веселъ.

22-го числа. Симферополь. Архипастырь прибылъ сюда, по обычаю, скромно, тихо, безъ малѣйшей церемоніи, и остановился въ загородномъ домѣ князя Воронцова. Здѣсь, послѣ утрени (23-го числа) онъ вышелъ изъ молельни, благословилъ присутствовавшихъ, а мнѣ, служившему, сказалъ: «Хорошо, спасибо. Но можно бы покороче и полнѣе. Вотъ я составилъ службу; послѣ ужȏ покажу тебѣ; увидишь, какъ хороша». Литургію тихо и умиленно служилъ онъ въ соборѣ, проповѣдывалъ изъ текста: «Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ... Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся», о загробной жизни и вообще и въ частности, о блаженствѣ праведныхъ и мученіяхъ грѣшниковъ. Онъ говорилъ долго, громко и съ особеннымъ воодушевленіемъ. Всѣ слушали съ умиленіемъ, многіе воздыхали, у иныхъ на глазахъ появлялись слезы, какъ это обыкновенно бывало при его поученіяхъ. Никто изъ предстоявшихъ не ду-

малъ тогда, конечно, что это уже послѣднее слово нашего Златоуста, что отселѣ навсегда умолкнутъ сладкоглаголивыя уста его, что симъ священнодѣйствіемъ въ соборномъ храмѣ Симферопольскомъ оканчивалось его столь всегда торжественное и трогательное богослуженіе... На молебнѣ скитскому монаху Прокопію данъ крестъ за труды его въ военное время.

Въ Симферополѣ владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края о благоустройствѣ вообще всей Тавриды и въ особенности церквей и монастырей, о средствахъ къ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи Христіанской церкви учрежденіемъ въ Крыму особой каѳедры православнаго епископа и о мѣрахъ къ исполненію сего предположенія, объ обезпеченіи Таврическаго духовенства домами и землями и объ ослабленіи иновѣрныхъ обществъ тамъ, гдѣ таковыя усилились ко вреду Православной церкви. Онъ предложилъ устройство церкви въ военномъ Симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ средствъ къ содержанію въ ней священника и обѣщалъ ходатайствовать о семъ у военнаго министра, поручалъ мнѣ заготовить окончательную отписку объ отводѣ земель нѣкоторымъ скитамъ и назначилъ священниковъ на мѣста праздныя. По полученіи отъ меня подробныхъ свѣдѣній о состояніи Симферопольскихъ градскихъ церквей велѣлъ доложить въ Одессѣ, при чемъ указалъ мѣсто на площади, у новаго фонтана, для новой Петропавловской церкви, и подобное же для новой Греческой. Тогда же въ письмѣ въ Одессу къ архимандриту Діонисію онъ выражалъ свое удовольствіе по поводу окончанія главнѣйшихъ желанныхъ дѣлъ.

22 числа Иннокентій долго гулялъ по саду и между прочимъ спросилъ мени: «Что̀, каковъ Симферополь?»—Довольно хорошъ, но тѣсно построился.—«Да, жаль особенно, что мало церквей и нѣтъ архіерея православному духовенству, тогда какъ тѣмъ и другимъ здѣшніе Татары пристыдили насъ». Потомъ онъ говорилъ о дѣлопроизводствѣ въ консисторіи: «Какъ оно неисправно!... Скоро Богъ дастъ, все это переделаю: сокращу канцелярскихъ, измѣню, упрощу форму, и тѣмъ, надѣюсь, дамъ скорѣйшій ходъ дѣламъ. А затѣмъ надобно рѣшительнѣе взяться и за дѣло объ изданіи при консисторіи епархіальнаго журнала: въ немъ будутъ помѣщаться главныя епархіальныя распоряженія и поученія лучшихъ священнослужителей и проч... Это принесетъ немалую пользу епархіи и покажетъ другимъ, что мы не безгласны и кое-что дѣлаемъ». Далѣе онъ замѣчалъ: «Какая здѣсь растительность! Если бы это орѣховое дерево хоть въ Вологдѣ, или вашемъ Новгородѣ (уроженецъ Новгородскій, я жилъ съ нимъ въ Во-

логдѣ). А нравится ли эта дача? Какъ думаешь, хорошо ли было бы здѣсь жить?.. Посмотри, какъ величественъ Чатыръ-Дагъ! Мѣстами онъ покрытъ лѣсомъ, хотя отсюда не видно. Сколько разъ бывали мы на немъ... А бѣлыя полоски—видишь? Это полосы снѣгу; какъ онѣ малы, а вѣдь, тянутся на цѣлыя версты!.. Смотри во всѣ глаза на природу Крымскую, сравнивай здѣшнія горы и растительность съ тѣмъ, чтó видѣлъ за Ураломъ (я служилъ въ Иркутскѣ)».

Того же числа приказано мѣстному благочинному собрать все Симферопольское духовенство, когда на обратномъ пути владыка будетъ въ Симферополѣ. «Да, хотѣлось бы посмотрѣть и на гимназію», прибавилъ Иннокентій. Тутъ подали мнѣ депешу изъ Одессы, извѣщавшую меня о рожденіи сына; выражались въ ней такъ: «Въ замѣнъ падшихъ героевъ Севастополя, 23-го числа, въ 7 часовъ пополудни, благополучно родился вамъ рослый Вячеславъ» и пр.... Я подалъ депешу владыкѣ. Прочитавъ ее, онъ сказалъ: «А, поздравляю! Ну вотъ ты безпокоился. Господь все устроилъ. Да почему же Вячеславъ, это Чешское?»—Какъ Славянское, оно наше же, сказалъ я.—«Такъ; но почему бы не ближе—Сергій Радонежскій, Антоній, Θеодосій Печерскіе»....

25-го числа, Бурлюкъ, мѣсто Альмской битвы. Альма, какъ Кача, Бельбекъ и Салгиръ, маленькая, но быстрая и во время дождей многоводная рѣка. Преосвященнаго встрѣтили здѣсь хлѣбомъ и солью. Съ праваго низменнаго берега рѣки (позиція непріятеля), отъ трактира, чрезъ мостъ, до самой высоты лѣваго берега (нашей позиціи) онъ тихо, по мѣстамъ останавливаясь, внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностію разспрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ князя Меншикова. У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, долго и задумчиво стоялъ онъ, и потомъ спросилъ: «Гдѣ бы лучше здѣсь поставить часовню?»... Я указалъ на площадку, въ полугорѣ лѣваго берега, противъ самого моста. «Да, отвѣчалъ владыка, мѣсто хорошее и прямо противъ моста — пункта сильнѣйшаго кровопролитія. Только поставить бы на подобіе Казанскаго памятника; видѣлъ ты, въ формѣ пирамиды, съ малою внутри церковію, или по крайней мѣрѣ часовнею, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ, въ день сраженія»... Дорогою, по приказанію его, собрано нѣсколько камышковъ и цвѣтовъ на память объ Альмскомъ полѣ. Подошли къ большимъ землянымъ насыпямъ, кое-гдѣ покрытымъ камнями; въ концѣ ихъ крестъ съ Французскою и Англійскою надписями: это наши солдатскія могилы. Здѣсь я отслужилъ панихиду, а онъ, нѣсколько отдалившись отъ насъ, молился долго, на колѣнахъ....

Поднявшись на курганъ, гдѣ стоялъ князь Меншиковъ, онъ сказалъ: «Вообразите состояніе отчаянно-заброшеннаго сюда союзнаго войска!... Въ какой, думаю, опасности и страхѣ было оно?... Наполеонъ вѣрно охалъ тогда и не спалъ ночи... Онъ хорошо понималъ этотъ рискъ, особенно съ его-то стороны. Еслибъ у насъ побольше было тогда войска и умной распорядительности, непріятели просто остались бы въ нашихъ рукахъ, и не было бы такого страшнаго кровопролитія... Мнѣ очевидецъ и знатокъ дѣла разсказывалъ, что съ обѣихъ сторонъ глупѣе дѣла, какъ при Альмѣ, онъ не видалъ. Но за то, въ отступленіи съ нашей стороны было много тактики и стратегіи». Потомъ: «Отъ насъ, конечно, зависѣло выбрать это мѣсто для сраженія, или подвинуться далѣе... Я бы поставилъ войско тамъ, у рѣки, треугольникомъ, и мостъ отстоялъ бы, и удержался бы на позиціи и безъ такого урона»... Еще разъ съ высоты осмотрѣлъ онъ все поле битвы. Когда здѣсь указали ему на мѣсто отступленія нашихъ, владыка сказалъ: «Вотъ тутъ-то Меншиковъ ободрился, лично командовалъ прикрытіемъ отступленія умно и стойко, самъ не бывъ внѣ опасности»... Ниже мѣста палатки главнокомандующаго, напротивъ могилъ, Иннокентій сѣлъ и, помолчавъ, сказалъ: «Какая тема для поэта!... Откуда, думаю, съ какихъ концовъ Россіи не пришли сюда спящіе нынѣ подъ этими насыпями? Изъ Перми, можетъ-быть, изъ Астрахани, съ Дона и Волги, отъ Днѣпра»... Затѣмъ онъ говорилъ съ поселянами, поручилъ имъ просить мѣстнаго владѣльца окопать и обсадить деревьями кладбище, предложилъ закуску всѣмъ собравшимся, самъ одѣлилъ иныхъ апельсинами и, высказавъ желаніе поѣхать тою дорогою, которою отступали наши и шли непріятели, отправился далѣе.

Спускаясь пѣшкомъ съ крутой горы въ Бахчисарайскую долину, Иннокентій разговаривалъ о мѣстной и вообще о Крымской растительности. «На южномъ-то берегу, посмотришь, на страшныхъ отвѣсныхъ скалахъ, гдѣ, кажется, и пыли, не только земли, нѣтъ, лѣпятся деревья и кустарники. Чѣмъ они тамъ питаются, Богъ одинъ знаетъ».

При встрѣчѣ съ мужикомъ, везшимъ лѣсъ, владыка остановился, разспросилъ, куда везетъ лѣсъ и по чемъ думаетъ продать, и потомъ высказывалъ сожалѣніе о немилосердомъ истребленіи Крымскихъ лѣсовъ, и въ такой безлѣсной сторонѣ, какова наша Новороссія, и при такомъ неистощимомъ богатствѣ другаго горючаго матеріала, антрацита... «Вотъ въ этомъ ущельѣ — Бахчисарай; не увидишь, пока не подъѣдешь къ самому городу. Настоящее разбойничье гнѣздо; такъ и видно, что жили разбойники. А то, далѣе—пресловутыя Мекензіевы

горы. Какими путями кружили мы здѣсь въ то время, когда непріятель, стремясь съ Альмы, обходилъ Севастополь. Намъ тогда хотѣлось еще разъ благословить этотъ городъ, на кровавый подвигъ его».

Вечеръ 25-го числа. Бахчисарай и Успенскій скитъ. Привѣтливо благословилъ архипастырь пустынныхъ труженниковъ. Обитель въ совершенномъ уединеніи, между громадныхъ вѣковыхъ скалъ. «Вотъ мы поустроились, слава Богу, говорилъ онъ, проходя по монастырю. А какова мѣстность? Неправда ли, это совсѣмъ другой, особый міръ?... Здѣсь-то работать для единаго на потребу: никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о святынѣ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтители этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ Равноапостольный, о такой святынѣ было забыто въ Православной Россіи!... Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для сей священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ пространствахъ Новороссіи, какъ помогъ Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители Харьковскія». Далѣе разговоръ былъ о состояніи и нуждахъ скита. «А Бейнъ (Караимскій раввинъ въ Чуфутъ-Кале, подлѣ Бахчисарайскаго скита) доселѣ безпокоитъ васъ? говорилъ преосвященный настоятелю; негодный человѣкъ. Для мнимой древности жидовства въ Чуфутъ-Калѣ, этомъ извѣстномъ всѣмъ укрѣпленіи Генуэзцевъ, онъ сочинилъ басню, наполнивъ ее самыми нелѣпыми и противорѣчущими фактами, насильно тянетъ туда Жидовъ, дурачитъ всѣхъ; заставилъ измѣнить законъ о продажѣ собственности, обманулъ губернатора, даже самого Великаго Князя, все, чтобы удержаться, съ дуру, въ Чуфутъ-Калѣ и стѣснить совершенно монастырь,—вѣковой домъ Богоматери. Жуковскій (Таврическій губернаторъ) пожалъ плечами, когда я объяснилъ ему плутни Бейна. А главное, обманулъ Великаго Князя. Но, довольно: при всѣхъ обличу мошенника. Завтра, о. архимандритъ, позови его ко мнѣ».

Было сыро и холодно. Я замѣтилъ это. Преосвященный сказалъ: «Вотъ когда вздумалъ беречься!... Это нужно дома, а не въ дорогѣ». Онъ былъ здоровъ и спокоенъ.

26-го числа утромъ занимался онъ дѣлами сосѣднихъ церквей и скитовъ, принималъ духовенство, долго говорилъ съ Бейномъ. Это сильно обезпокоило и огорчило архипастыря. Вскорѣ затѣмъ, посылая меня осмотрѣть въ подробности Бахчисарайскій соборъ, устрояемое при немъ Греческое училище и предположенный къ обращенію въ Православную часовню памятникъ Маріи Потоцкой, Иннокентій прибавилъ: «Пожалуй, зайди и во дворецъ, пресловутый памятникъ хан-

ства, уничтожить который Самъ Богъ вразумлялъ насъ, а мы (какъ будто нѣтъ у насъ вовсе нуждъ) тратимъ сотни тысячъ на возобновленіе его. Между тѣмъ, всякій Татаринъ смотритъ на него чуть не какъ на Мекку и въ тайнѣ питаетъ надежду на возстановленіе ханства... Для чего намъ было возстановлять его послѣ пожара? Чтобы Пушкинъ написалъ свой Фонтанъ? Да, онъ и безъ того написалъ бы его. Неразуміе, глупость и одна изъ немаловажнѣйшихъ, вотъ и все»...

Въ 11-ть часовъ былъ онъ въ банѣ, гдѣ проговаривалъ, что у него болитъ лѣвый бокъ... По выходѣ изъ бани посидѣлъ у архимандрита, которому говорилъ: «Дай намъ, пожалуста, въ Одессу когонибудь понадежнѣе изъ братіи. Жаль? Эгоисты вы всѣ. Такъ ли я поступаю? Я своихъ отправилъ на Дунай, когда потребовала нужда, и остался почти ни съ кѣмъ. Жди, пока пришлютъ... Такъ и во всемъ. Трудишься, право, не знаешь покоя; а для себя развѣ? Чего не сдѣлано мною въ Кіевѣ, Вологдѣ, Харьковѣ, въ Одессѣ, для себя ли это?» Почти тоже повторено и въ Балаклавскомъ монастырѣ. Весь этотъ день онъ занимался дѣлами церквей и скитовъ, мнѣ съ отцомъ архимандритомъ поручилъ провѣрить записку Бейна о Чуфутъ-Калѣ и сказать о ней свое мнѣніе; мѣстнаго же благочиннаго отправилъ съ пѣвчими въ Севастополь, гдѣ 23-го числа предполагалъ служить литургію, молиться на военныхъ кладбищахъ и совершить крестный ходъ на главные бастіоны. Вечеромъ съ настоятелемъ скита и подрядчикомъ распланировывалъ онъ мѣсто для святыхъ воротъ, часовни и гостинницы, и вообще сдѣлалъ окончательныя распоряженія объ устройствѣ скита. Было уже поздно, когда мы возвратились въ келіи. Преосвященный еще поговорилъ о постройкахъ, былъ радъ, что кончилъ скитскія дѣла, ласково предложилъ намъ закуску, благословилъ всѣхъ и, почти не пивши чаю, ушелъ въ свою комнату. Онъ высказывалъ не разъ мимоходомъ, что у него болитъ лѣвый бокъ.

Въ три часа пополуночи (на 27-е число) онъ разбудилъ келейниковъ, жаловался на простуду и принималъ парную ножную ванну. Послѣ говорилъ о своей болѣзни такъ: «Я почувствовалъ въ груди боль, какъ бы кто мечъ всадилъ въ нее». Въ 6-ть часовъ утра прибылъ Бахчисарайскій медикъ и прописалъ растираніе груди и микстуру внутрь. «Какъ бы я хотѣлъ заснуть теперь, говорилъ владыка... А вы (обращаясь ко мнѣ и о. архимандриту) сходите, пожалуста, въ церковь и отслужите молебенъ о моемъ выздоровленіи». Тогда же отправленъ нарочный въ Севастополь объ отсрочкѣ богослуженія. Весь этотъ день больной провелъ безпокойно, безъ сна и пищи, и былъ

очень слабъ, при всемъ томъ, какъ и во все время болѣзни, занимался дѣлами. При прорытіи новой дороги въ полугорѣ нашли истлѣвшую гробницу и старинную Греческую панагію. Владыка принялъ ее, поцѣловалъ, перекрестившись, и оставилъ у себя. Ночь на 28-е число онъ провелъ безпокойно, безъ сна.

28-го числа онъ выѣхалъ въ Балаклавскій монастырь, куда прибылъ вечеромъ, въ самую дождливую и вѣтренную погоду. На пути чрезъ Мекензіеву гору, не выходя изъ кареты, онъ осматривалъ мѣста̀ битвъ по Инкерманской и Байдарской долинамъ, на Черной рѣчкѣ и пр.; но послѣ дороги чувствовалъ себя худо, былъ въ изнеможеніи проводилъ ночь безъ сна и не имѣлъ вовсе аппетита. Севастопольскій медикъ Оноприіенко прописалъ лѣкарство внутрь, нюхательный порошокъ и растираніе груди, совѣтуя больному быть, какъ можно, спокойнѣе и беречься простуды. Послѣ этого преосвященный говорилъ: «Этотъ медикъ давно служитъ здѣсь. Онъ разсказывалъ, что въ Крыму отъ простуды бываютъ такія болѣзни, которыхъ не выноситъ иногда и натура солдатская. Какая натура у Русскаго солдата, и та не переноситъ Крымской простуды, особенно весенней». При этомъ онъ разсказалъ подробно, какъ вслѣдствіе простуды какая-то въ тѣлѣ жидкость выползаетъ изъ своихъ кануръ, падаетъ на дыхательные органы и душитъ человѣка.

29-го числа владыка предполагалъ освятить новую церковь въ Херсонисскомъ скиту Св. Владимира. Болѣзнь усилилась, и освященіе поручено Балаклавскому архимандриту, при чемъ особенно наказано молиться о болящемъ на обѣднѣ и на молебнѣ.

30-го числа, въ день освященія Херсонисской церкви (куда преосвященный собрался было ѣхать помолиться), съ нимъ неожиданно произошли довольно частые и продолжительные обмороки... При освященіи Херсонисской киновіи и я сильно простудился. Узнавъ объ этомъ, добрый архипастырь позвалъ меня и сказалъ: «Я слышалъ, и ты нездоровъ. Поскорѣе посовѣтуйся съ докторомъ. Но, пока онъ пріѣдетъ, вотъ подъ рукою лѣкарство: ходи внизъ къ морю и обратно, этимъ обезсилишь простуду» (обрывистый крутой берегъ моря у Балаклавскаго монастыря, вышиною около версты).

30-го Апрѣля и 1-го Мая больной былъ въ самомъ разслабленномъ состояніи и иногда въ забытьи, и тогда (какъ онъ самъ послѣ разсказывалъ) ему представлялись какая-то удивительная перестановка вещей и измѣненіе обыкновеннаго міроваго порядка. «Теперь мнѣ становится яснѣе, не разъ высказывалъ онъ, то состояніе Богочеловѣка

въ какомъ Онъ являлся апостоламъ по воскресеніи»... Какъ это разумѣлъ онъ, мы не понимали. Но, видно было по всему, что высокая душа святителя какъ бы двинулась изъ своихъ тѣсныхъ земныхъ предѣловъ и прозрѣвала уже, сквозь таинственную завѣсу, въ тотъ невѣдомый міръ, куда было суждено ей скоро переселиться.

2-го Мая утромъ онъ позвалъ къ себѣ монастырскаго духовника іеромонаха Герасима и сказалъ ему. «Отче, я желалъ бы исповѣдаться. Тихонько, не говоря никому, прійди сегодня ко мнѣ вечеромъ; возьми съ собой что̀ нужно, эпитрахиль, крестъ, требникъ». Духовникъ исполнилъ святое желаніе архипастыря. Вечеромъ онъ исповѣдался и провелъ съ о. Герасимомъ довольно долгое время. Всю эту ночь былъ онъ одинъ, въ особенномъ молитвенномъ состояніи, а 3-го числа утромъ, послѣ ранней литургіи, отъ того же іеромонаха принялъ причастіе Св. Таинъ, при настоятелѣ и братіи монастыря.

4-го числа чувствовалъ онъ себя легче, почему на 5-е назначилъ служеніе въ ближайшей монастырской церкви, отправлялъ Бахчисарайскаго архимандрита въ Инкерманскій скитъ, для назначенія мѣста новому строенію, а меня посылалъ въ Севастополь для осмотра военныхъ кладбищъ, разрушенныхъ градскихъ церквей и церковныхъ домовъ. «Жаль, высказывалъ онъ при этомъ, что не могу еще разъ быть на солдатскихъ могилахъ. Мнѣ поручены онѣ. Посмотри, что̀ тамъ дѣлается, есть ли ограда и гдѣ лучше поставить церковь? Да помолись и за меня. Сообразите съ благочиннымъ, что́ изъ разрушеннаго при церквахъ можно исправить и какими легче средствами. Взгляни же и на церковь, и на площадь, гдѣ мы молились подъ громами войны»... По возвращеніи изъ Севастополя я доложилъ преосвященному, что ограда, очень приличная, обводится кругомъ военнаго кладбища, и что церковь хорошо бы поставить выше онаго, въ полугорѣ. На это онъ сказалъ только: «Пожалуй»; а отъ благочиннаго потребовалъ рапортъ и написалъ резолюцію о возобновленіи церковнаго дома при Петро-Павловской церкви; разсматривалъ планы скитовъ, особенно заботился объ участи бывшаго въ плѣну Балаклавскаго монастыря.

5-го числа, по слабости, онъ не служилъ, но присутствовалъ при богослуженіи въ церкви, гдѣ произвелъ въ протоіереи настоятеля Севастопольской Петро-Павловской церкви, бывшаго неотлучно на своемъ мѣстѣ во все время осады города.

Того дня читали владыкѣ статью о Богданѣ Хмѣльницкомъ, при чемъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ: «Малороссы — слабый народъ.

Кто не билъ и не мучилъ ихъ? И продавались-то они, и были продаваемы: все позволяли дѣлать надъ собою... И этотъ Хмѣльницкій, когда взялся за дѣло? Когда отняли у него хуторишко и любовницу; да и послѣ того, какъ дѣйствовалъ? Вяло, нерѣшительно, Богъ знаетъ какъ... Таковы ли Великороссы? Такъ ли себя отстаивали?...»

6-го числа еще разъ взглянулъ онъ на Севастополь, на его развалины и укрѣпленія. «Бѣдный городъ, болѣзненно произнесъ онъ. И еще доселѣ не позволяютъ строиться! Нѣтъ плана? Какая во всемъ непростительная медленность!» Былъ онъ въ Херсонисскомъ скиту. Видъ бѣдной киновіи, изрытой непріятельскими траншеями, едва возникающей изъ развалинъ, болѣзненно подѣйствовалъ на попечительнаго архипастыря. Онъ зашелъ въ церковь, гдѣ, послѣ обычной молитвы, одного брата благословилъ въ рясофоръ, назвавъ его Ефремомъ, по имени одного изъ священномучениковъ Херсонисскихъ. Преподавъ здѣсь послѣднія наставленія настоятелямъ Крымскихъ скитовъ и монастырей, назначивъ меня общимъ депутатомъ ихъ въ Консисторіи, возвратился онъ въ Балаклавскій монастырь, чрезъ Севастополь, въ вѣтрянную и холодную погоду.

Дорогою, смотря на Севастополь, между прочимъ, сказалъ онъ мнѣ: «Не забудь напомнить, въ свое время, снестись съ военнымъ начальствомъ объ устройствѣ новаго городскаго кладбища на другомъ концѣ города; тяжело жителямъ со всѣхъ концовъ города носить покойниковъ въ одно мѣсто, на старое кладбище. Да и о раззоренной церкви на этомъ кладбищѣ нужно подумать серьезнѣе»... Въ Балаклавскомъ монастырѣ онъ говорилъ: «Какъ жаль, что разстроилась наша поѣздка! Сколько дѣла осталось неконченнаго... Правда, можно бы и осенью снова побывать въ Крыму; но время дорого... Къ тому надобно полѣчиться, потомъ непремѣнно съѣздить на Дунай, въ Ѳерапонтіевскій скитъ; тамъ все самому надобно осмотрѣть и устроить. Предметъ важный... Да хотѣлось бы нынѣ осмотрѣть и другія церкви, особенно въ военныхъ поселеніяхъ, и ужъ послѣ того бы, слѣдующимъ лѣтомъ, съ Богомъ, и на Востокъ». Вечеромъ, поручивъ Балаклавскому архимандриту Геронтію вмѣсто себя осмотрѣть дальнѣйшія мѣста Крыма, преосвященный продиктовалъ ему слѣдующую инструкцію:

1) *Кизильташъ*. Устроить, какъ можно скорѣе, въ какой нибудь отдѣльной, способной къ тому комнатѣ, малую церковь во имя Св. Стефана архіепископа Сурожскаго.

2) Стараться скорѣе окончить дѣло о покупкѣ Кизильташа.

3) Взять рѣшительныя мѣры, чтобы лѣсъ нисколько не былъ рубленъ и все цѣло было до прутинки, а между тѣмъ, ни мало не медля, окопать лѣсъ, чтобы заѣздовъ не было и учредить стражу.

4) Отдать планъ дома съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣли и сообразили съ мѣстомъ и увѣдомили, есть ли на это матеріалъ какой? Этотъ домъ предполагается къ постройкѣ слѣдующею весною.

5) Братіи въ Кизильташѣ покамѣстъ много, а въ другихъ мѣстахъ, начиная съ Одессы, крайняя скудость; нѣтъ ли желающихъ потрудиться для меня и, по моему распоряженію, человѣка два-три, года на два, а потомъ они возвратятся спокойно въ Кизильташъ? Таковыхъ отецъ Арсеній можетъ привезти съ собою въ Одессу на пароходѣ, не тратя времени.

Кетерлесъ. Кумпану (благочинному) спасибо. Гущину (купцу строителю киновіи) спасибо, и всѣмъ Керчанамъ большое спасибо. Осмотрѣть все и преподать совѣты, между прочимъ о томъ, чтобы не пускались въ попрошайство—въ лазарничество, а молились и жили, уповая на Бога. Передать это братіи и въ Кизильташѣ и наказать въ прочихъ скитахъ. Проѣздомъ изъ Кизильташа въ Керчь, заѣхать въ Старый Крымъ и посмотрѣть, что́ тамъ сдѣлалъ священникъ съ церковію и съ домомъ церковнымъ. Онъ доноситъ много; есть ли хотя въ половину? Отцу Михаилу сказать, что онъ, по обстоятельномъ соображеніи всѣхъ его дѣлъ, можетъ явиться на пароходѣ въ Одессу за разрѣшеніемъ всѣхъ недоумѣній».

Къ этой краткой инструкціи присоединены словесные приказанія и совѣты.

Сдѣлавъ подобныя наставленія касательно и другихъ святыхъ мѣстъ полуострова, отслушавъ напутственное молебствіе и ласково простившись съ братіею, 7-го Мая Иннокентій выѣхалъ обратно въ Одессу, куда спѣшилъ съ первыхъ дней болѣзни, повторяя: «Ахъ, какъ бы скорѣе домой!.. Пожалуй и умрешь здѣсь»... Вообще, во все время пребыванія своего въ Балаклавскомъ монастырѣ, онъ былъ слабъ, безъ сна проводилъ ночи и не имѣлъ аппетита, часто поручалъ молиться о немъ въ церкви, а келейниковъ заставлялъ читать по ночамъ вслухъ молитвы, особенно псаломъ: «Помилуй мя Боже»... Непрерывно почти занимался онъ дѣлами. По словамъ его приготовлены мною отношенія къ военному министру о жалованьи флотскимъ іеромонахамъ, къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору объ отводѣ въ Крыму свободныхъ участковъ земли для раззоренныхъ

Крымскихъ скитовъ, къ Таврическому губернатору о притѣсненіяхъ нѣкоторымъ обителямъ, дѣлаемыхъ сосѣдними владѣльцами, и представленіе Святѣйшему Синоду о вспомоществованіи крайне-обѣднѣвшему Балаклавскому монастырю. Посылалъ онъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ, слушалъ чтеніе книгъ, назначалъ денежныя пособія скитамъ, принималъ посѣтителей, окончательно исправилъ «Акаѳистъ ко причащенію Св. Таинъ» и пр.

Отъ Балаклавы до Инкерманской долины не разъ вставалъ онъ изъ экипажа и подолгу шелъ пѣшкомъ, въ это время указывая на мѣста непріятельскихъ лагерей и говоря о военныхъ дѣлахъ, особенно о томъ, какъ и гдѣ здѣсь наши подъ командою Липранди били Турокъ и Англичанъ. На каменномъ мосту Черной рѣчки (гдѣ было дѣло 6-го Августа) долго стоялъ онъ и, осматривая мѣстность (Ѳедюхины высоты и Сапунъ-гору), сравнивалъ ее съ мѣстностью Альмы.

Съ 7 на 8 число мы ночевали въ Симферополѣ. Услышавъ о болѣзни архипастыря, духовенство изъ разныхъ мѣстъ поспѣшило къ нему на встрѣчу. Но онъ никого почти не принималъ, исключая Кашкадамова, ревнителя Крымской святыни (по особенной проницательности своей, владыка вездѣ умѣлъ находить людей, преданныхъ благу церкви). Онъ велѣлъ мнѣ узнавать о нуждахъ всякаго являвшагося и послѣ доложить ему. Боль въ груди усилилась, почему положенъ былъ на нее пластырь. Изъ Симферополя онъ послалъ за собственноручнымъ подписомъ предписаніе настоятелю Бахчисарайскаго собора объ устройствѣ оградъ и часовень на военныхъ кладбищахъ (на Качѣ и Бельбекѣ), кои на пути молитвенно благословлялъ. Пересматривалъ присланныя бумаги и письма, заботился, какъ и во все время, отпискою по дѣламъ Болгарскимъ. О безмездномъ надѣленіи Болгарскихъ церквей богослужебными книгами Славянскими мною приготовлено было, отъ имени его, представленіе Святѣйшему Синоду. Отдавая мнѣ для прочтенія одну секретную бумагу изъ Петербурга, онъ сказалъ: «Прочитай... Какъ легко разсуждать вдали! И не поздно ли уже объ этомъ?» И еще: «Видишь ли одно письмо сдѣлало что̀? Больше пяти формальныхъ бумагъ!»

Предъ отъѣздомъ онъ принималъ настоятеля и старосту Керченскаго собора, коимъ поручилъ благоустройство новаго скита Кетерлинскаго и вообще попеченіе о городскихъ церквахъ.

8-го числа въ 6-ть часовъ вечера прибыли мы въ Перекопъ, гдѣ, чувствуя особенное изнеможеніе отъ дороги, Иннокентій совѣтовался съ мѣстнымъ врачемъ, который прописалъ капли и уговаривалъ его

отдохнуть на мѣстѣ дня два. Онъ принималъ управляющаго Таврическою Палатою, посылалъ къ мѣстному протоіерею за книгами. Когда принесли Богословіе преосвященнаго Макарія. «Да, пища добрая, сказалъ владыка; отнеси и пусть себѣ наслаждаются». Затѣмъ еще разъ спрашивалъ книгъ; принесенныя развертывалъ и, молча, отдавалъ обратно; наконецъ шутливо сказалъ: «Да, нѣтъ ли хоть Еруслана Лазаревича, тамъ, гдѣ нибудь, за печкой?» Былъ особенно тихъ и добръ ко всѣмъ. Однажды сказалъ мнѣ: «Посиди здѣсь. Чтó, съ тобою не бывало обмороковъ? Странное какое-то, особенное, состояніе.. Какъ будто другой міръ. Со смертію взоръ у человѣка мгновенно расширится, какъ, напримѣръ, поднявшемуся на высоту вдругъ открывается большое пространство»... Ночь провелъ безъ сна, безпокойно и утромъ (9-го числа) въ 8-мъ часу выѣхалъ.

Дорогою онъ останавливался у двухъ священниковъ; одному совѣтовалъ заняться хозяйствомъ и сдѣлать деревянный полъ въ комнатѣ, у другого похвалилъ хату, которая была вмѣстѣ и кухня. Обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Когда дорóгой увидишь такую теплую и сухую хату, тутъ и останавливайся».

9-е число, Корсунскій монастырь. Владыка долго бесѣдовалъ съ преосвященнымъ викаріемъ о назначеніи коего въ Іерусалимскую миссію только что полученъ былъ синодальный указъ, пересматривалъ планы монастырскихъ перестроекъ; дѣлалъ распоряженія касательно устройства монастыря и сосѣднихъ благочиній, подписалъ бумаги къ нѣкоторымъ должностнымъ лицамъ, и, приказывая мнѣ собрать свѣдѣнія о нуждахъ монастырской братіи, спросилъ: «Чтò, каковъ монастырь? Видѣлъ церкви, келіи, сады: все цвѣтетъ, благоухаетъ. Не забудь, что я самъ садилъ эти деревья». Ночь, какъ и прежняя, была для больнаго безсонная и томительная. На слѣдующій день онъ поспѣшилъ выѣздомъ.

10-го числа, минуя Херсонъ и не остановившись въ Николаевѣ, онъ расположился было ночевать за Бугомъ, въ селѣ Варваровкѣ; постлали постель, по обычаю, на полу изъ сѣна. Онъ немного полежалъ, но вскорѣ болѣзнь въ груди усилилась, и онъ тотчасъ выѣхалъ. Дорогою стало лучше: онъ заходилъ къ двумъ священникамъ, умывался, пилъ чай, ласково говорилъ съ священниками, распрашивалъ, давалъ совѣты.

11 Мая во второмъ часу пополудни прибыли мы въ Одессу. Чрезъ два часа позвали доктора Далласа, съ которымъ больной провелъ болѣе часу. Вечеромъ былъ въ банѣ и ваннѣ.

12 числа составленъ консиліумъ изъ докторовъ: Далласа, Эно и Сезеневскаго, при чемъ (стороною) они замѣтили, что болѣзнь преосвященнаго подобна болѣзни покойнаго Государя Николая Павловича. Приложили мушку къ лѣвому боку, отъ чего на другой день (13 числа) больному было легче. Онъ ходилъ, немного кушалъ, принималъ посѣтителей и членовъ Консисторіи, которымъ раздалъ бронзовые кресты. Къ 15-му стало хуже: не было аппетита и сна до самой смерти. Въ первые дни по пріѣздѣ, онъ принималъ нѣкоторыхъ посѣтителей, а съ 18 числа приглашенъ былъ на консиліумъ г. Пироговъ, вмѣстѣ съ прежними врачами, и, странно: болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною.

20-го числа, во второй разъ пріѣзжалъ Пироговъ и былъ консиліумъ, вслѣдствіе чего приложена больному другая мушка. Но онъ не чувствовалъ себя лучше и говорилъ присылавшимъ узнавать объ его здоровьи, что оно не хуже прежняго. Съ этого дня, по совѣту докторовъ, онъ проѣзжался по городу и два раза на свою дачу. Болѣзнь держалась въ одинаковомъ положеніи. По временамъ только бывали скоропроходящіе обмороки. Вообще же въ это время онъ былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умѣ, но въ постоянномъ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа, весьма мало говорилъ; рѣчь его была кратка и отрывиста; взоръ вопрошающій и умиленный; нерѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоненнымъ. Тогда онъ отъ полноты сердца взывалъ: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. Помилуй меня Господи, помилуй меня, по велицѣй Твоей милости». Не разъ за нѣсколько дней до смерти приговаривалъ онъ окружающимъ: «Таковой болѣзни у меня не было; можетъ быть, я умру». Или: «Все что-то плохо; кажется, я умру». Или: «Я умру». Весьма рѣдко онъ прилегалъ, а всегда почти, дни и ночи, или ходилъ тихо по комнатамъ, или сидѣлъ, склонивши нѣсколько голову на грудь, часто съ закрытыми глазами, блѣдный, изнеможенный. Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ и преимущественно проповѣдей преосвященнаго митрополита Московскаго Филарета*), читалъ очеркъ жизни митрополита Платона, пересматривалъ и исправлялъ приготовленную еще до болѣзни «Службу священномученикамъ Херсонскимъ». Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскуткахъ бумаги, слабою рукою писалъ молитвы и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяцъ, со всѣми былъ ласковъ, добръ, тихъ и ко всѣмъ внимателенъ необыкновенно.

---

*) Драгоцѣнное свидѣтельство: и по образу жизни, и по свойству дѣятельности и писаній это были люди противоположные. П. Б.

Болѣе всего озабочивала его судьба Православныхъ братьевъ нашихъ на Востокѣ и особенно дѣла Болгарскія, почему не разъ принималъ онъ къ себѣ члена Одесскаго Болгарскаго общества Палаузова и по долгу бесѣдовалъ съ нимъ. Судьба новоустрояемой при-Дунайской пустыни священномученика Ѳерапонта также сильно занимала его. Заботясь о ея благоустройствѣ, 20 числа вечеромъ онъ распорядился командировкою меня въ Молдавію. «Что̀, насмотрѣлся ли на своего сына? Такъ поѣзжай опять, другъ мой, на Дунай. Видишь, я не могу самъ сдѣлать, какъ бы хотѣлось и какъ бы нужно было. Читалъ Синодальные указы объ этомъ? Хорошо. По смыслу ихъ и по моимъ замѣчаніямъ, осмотрѣвъ снова все тамъ, сообрази, что̀ и какъ сдѣлано, что́ надлежитъ сдѣлать и какъ лучше и какими удобнѣе средствами. Скажи отъ меня поклонъ и спасибо почтмейстеру въ Галацахъ. Прекрасный человѣкъ! Пусть потрудится во славу Божію, и ради пользы братіи. Узнай отъ него, что́ и какъ наша церковь въ Галацахъ? Да не забудь сказать ему, что о немъ думаютъ и хлопочутъ... Но... Я не могу говорить много... грудь тяжело болитъ, увидишь самъ... Прійди же завтра, отправишься къ графу Строганову *); ему говорено обо всемъ». На другой день я нашелъ владыку тихо прохаживающимся по залѣ. «Идешь къ графу?»—Иду, преосвященнѣйшій владыко. «Пойди же сюда (въ кабинетъ). Вотъ ему записка» (собственноручная). По этой запискѣ немедленно мнѣ были выданы заграничный паспортъ и все нужное для путешествія. Когда потомъ я доложилъ его преосвященству о своей готовности къ дорогѣ, онъ сказалъ: «Да хорошо ли теперь? Вѣдь у васъ свадьба, да и Нацвалову обѣщано освятить церковь. Онъ ждетъ. Сдѣлай ужъ сперва это. А, хорошій онъ человѣкъ, Нацваловъ-то? Какой усердный къ церкви, рѣдкость! Такихъ людей надобно намъ беречь. Поздравь его отъ меня съ окончаніемъ святаго дѣла; очень радъ». Тутъ владыка сѣлъ за письменный столикъ въ кабинетѣ и продолжалъ: «Хорошо; а потомъ и на Дунай. Ужъ тебѣ выпалъ жребій этотъ. Такъ, вѣрно это, не опоздаешь? Ну, съ Богомъ»... Благословилъ меня, кивнулъ немного головою и опустилъ ее на грудь, закрывши глаза. Дойдя до дверей кабинета, я оглянулся: владыка былъ въ томъ же положеніи. Тяжело было у меня на сердцѣ. Увы, какъ оказалось, это было послѣднее мнѣ благословеніе архипастыря и отца, это было прощаніе мое на вѣки съ тѣмъ, къ кому въ продолженіи 16 лѣтъ съ дѣтскою преданностью

---

*) Въ Августѣ 1886 года мнѣ случалось по долгу бесѣдовать съ графомъ А. Г. Строгановымъ, и мнѣ памятно, съ какимъ уваженіемъ относился онъ къ Иннокентію, сочиненія котораго сдѣлались у него настольною книгою. П. Б.

обращены были мое лице и сердце. Возвратившись изъ путешествія (28 числа), я нашелъ только гробъ его, оплакиваемый осиротѣвшею паствою.

*

Далѣе передаю, что́ говорили другіе. За нѣсколько дней до смерти, покойный Иннокентій сдѣлалъ распоряженіе своимъ деньгамъ въ Михайловскій монастырь, на сиротъ, въ Крымскіе скиты, родственникамъ и служащимъ при немъ, а находившееся въ печати сочиненіе свое «Послѣдніе дни жизни земной Господа нашего Іисуса Христа», собственноручнымъ предложеніемъ, завѣщалъ попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія и канцелярскимъ служителямъ Консисторіи, обезпеченіе коихъ постоянно его занимало.

Всѣ послѣдніе дни лечился онъ неохотно. 24-го числа призвалъ пѣвчихъ, обласкалъ ихъ, обѣщая наградить всѣхъ деньгами и заставлялъ пѣть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ»; «Пойте Богу нашему, пойте Цареви нашему». Благообразный Іосифъ. Величитъ душа моя Господа. Взбранной Воеводѣ побѣдительная. Благословенъ еси Господи, научи мя оправданіямъ Твоимъ».

25-го Мая 1857 г., съ утра до 3-хъ часовъ пополудни, пробылъ онъ на своей дачѣ, приказалъ отслужить вселенскую панихиду, что́ особенно подѣйствовало на благорасположеніе его духа, осматривалъ садъ и хозяйство; приблизившись въ саду къ работавшимъ штатнымъ служителямъ, сказалъ ласково: «Боже вамъ помоги, хлопцы!» Читалъ корректуру печатаемаго сочиненія «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». По возвращеніи въ городъ, останавливаясь противъ собора и крестясь, долго смотрѣлъ на него; дóма принималъ графа Строганова, бесѣдовалъ съ нимъ около часу, между прочимъ о великости праздника Святыя Троицы... любимѣйшій предметъ его: «Это вѣнецъ Христіанскихъ торжествъ, повторялъ онъ не разъ, тоже, что́ свѣтлый куполъ въ величественномъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства; говоришь, бывало, о немъ сколько угодно, не готовясь, говоришь, и потокъ неудержимой рѣчи самъ собою льется, говоришь и не наговоришься»... Объ этомъ же бесѣдовалъ онъ и съ княгиней Воронцовой, посѣщавшей его въ болѣзни. Въ этотъ день онъ приказывалъ одному изъ келейниковъ читать канонъ и всю службу Святой Троицѣ. Услышавъ соборный звонъ ко всенощной, задумчиво сказалъ онъ: «Это на панихиду; сегодня вселенская панихида». Послѣ всенощной разговаривалъ на балконѣ съ преосвященнымъ викаріемъ, рекомендовалъ ему, гдѣ по дорогѣ въ Петербургъ

останавливаться, и просилъ приготовить для него особое помѣщеніе въ Іерусалимѣ, когда, Богъ дастъ, тамъ будетъ.

Къ вечеру ему стало хуже. Между прочимъ онъ велѣлъ тогда выпустить изъ клѣтокъ всѣхъ птичекъ на волю. Въ 11 часовъ ночи былъ съ нимъ сильный и тяжкій обморокъ, продолжавшійся около часу. Къ этому времени поспѣшили медики. Пришедши въ себя, онъ тихо благодарилъ ихъ за участіе, но говорилъ, что у него ничто не болитъ. Медики удалились, прописавъ ножную ванну и какую-то микстуру, послѣ которой онъ не разъ просилъ пить. Послѣдніе два съ половиною часа онъ провелъ въ безпокойствѣ, но какъ и прежде, въ совершенно-полномъ умѣ и молитвенномъ расположеніи духа; прилегалъ, постоянно перемѣняя мѣсто и заботясь о томъ, чтобы ухаживавшіе за нимъ келейники отдыхали тутъ же, при немъ; приказалъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна на полу въ гостиной. Подъ праздникъ Троицы онъ имѣлъ прежде обычай спать на зеленой травѣ, такъ же какъ въ 12-ть часовъ ночи предъ Богоявленіемъ, при пѣніи тропаря («Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи») почерпать воду изъ чистаго и отдаленнаго источника, которую потомъ хранилъ и раздавалъ своимъ знакомымъ. Уже свѣтало; часъ былъ пятый въ началѣ, праздникъ Св. Троицы (26 Мая)... Владыка привсталъ, набожно перекрестился не разъ; прошелся тихо по комнатамъ, поддерживаемый келейниками, взглянулъ на свѣтъ начинавшагося дня и, бросая внимательный, тревожный взоръ на окружающіе предметы: «Господи! Какой день!» сказалъ онъ при этомъ. Потомъ приказалъ положить себя на сѣно, перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза: «А вотъ этакъ хорошо». Потомъ, сказавъ поспѣшно: «Скорѣе поднимите меня!» на рукахъ двухъ келейниковъ колѣнопреклоненный незамѣтно скончался *).

---

*) Всего 57 лѣтъ отъ роду. П. Б.

КОНЕЦЪ ГЕРОЙСКОЙ ЭПОПЕИ.

Изъ моихъ Крымскихъ воспоминаній.

Со сдачи Севастополя Крымская война вступила въ фазисъ не столь тревожный и опасный. Настало затишье. Разобравшись по частямъ войскъ (на это, послѣ переправы 27-го Августа, понадобилось нѣсколько дней), главныя силы нашей арміи перешли въ долины Качи и Бельбека и къ сѣверо-западнымъ отрогамъ хребта Яйлы. Авангардъ, подъ начальствомъ генерала Тетеревникова, расположился вблизи д.д. Енисала и Фацъ-Сала; штабъ-квартира главнокомандующаго помѣстилась въ Бахчисараѣ; на сѣверной части Севастополя оставлена часть войскъ, необходимая для обороны сѣвернаго укрѣпленія и батарей, сооруженныхъ вдоль бухты и береговъ моря.

Послѣ одиннадцатимѣсячнаго чрезмѣрнаго, почти сверхъестественнаго напряженія силъ, послѣ страшнаго возбужденія, не прекращавшагося при ежеминутной опасности, являлась потребность въ физическомъ и душевномъ отдыхѣ. У каждаго изъ участниковъ защиты Севастополя накопилось слишкомъ много скорби, слишкомъ много личнаго и общественнаго горя, и не столько тѣло, сколько душа, разбитая и истерзанная, требовала хотя временнаго покоя.

Но покой этотъ не давался. Въ то время когда для физическихъ силъ наступалъ отдыхъ, когда почти не было военныхъ дѣйствій, привелось стать лицомъ къ лицу съ страданіями раненыхъ въ госпиталяхъ, съ порядками ихъ содержанія и питанія, быть свидѣтелемъ корыстолюбивыхъ и хищническихъ дѣйствій, отъ которыхъ кровь бросалась въ голову и сердце сжималось страшной тоской.

Если вы поражались той отвагой, съ которой храбрецы подставляли свои груди вражескимъ выстрѣламъ; если весь организмъ вашъ потрясался при видѣ того, какъ тысячи человѣческихъ жизней безпощадно поглощались неудержимымъ потокомъ свинца и чугуна: то вы все-же находили душевное облегченіе въ сознаніи, что эти погибавшіе герои исполняли священный долгъ любви къ родинѣ, что жертва ими приносимая составляла завидный удѣлъ, къ которому и вы

были готовы. Но когда приходилось увидать лишенія, которымъ подвергались эти герои отечества, когда вы становились свидѣтелями того, какъ людская своекорыстная алчность, доходившая до забвенія самыхъ святыхъ человѣческихъ обязанностей, лишала ихъ хорошей пищи, нужнаго имъ покоя и средствъ къ наилучшему за ними уходу, однимъ словомъ пользовалась тѣмъ, чѣмъ только можно было пользоваться: васъ ничто не утѣшало, вы ни въ чемъ не находили облегченія, и васъ невыразимо больно грызли негодованіе, злоба и отчаяніе съ потерею вѣры въ людей...

По окончаніи усиленныхъ военныхъ дѣйствій и со времени перехода главной квартиры съ Инкерманскихъ высотъ въ Бахчисарай, раскрылись передъ нами, во всей неприкрашенной наготѣ, вопіющіе порядки, существовавшіе во все время по хозяйственному вѣдомству Крымской арміи. Мы увидѣли во очію то, что̀ доходило до насъ въ отрывочныхъ довольно сдержанныхъ разсказахъ. Еще на Инкерманѣ были мы очевидцами, какъ приходили Русскіе ямщики и извозчики съ жалобами на то, что ихъ задерживали съ разсчетомъ или обсчитывали при выдачѣ денегъ за доставку разныхъ матеріаловъ, снарядовъ и продуктовъ изъ внутреннихъ губерній. Князь Горчаковъ каждаго изъ нихъ выслушивалъ и давалъ приказанія тотчасъ же удовлетворять ихъ полностью, чѣмъ многіе изъ нихъ, наиболѣе ловкіе, и пользовались, являясь по два, по три раза съ одной и той же претензіей. Припоминается мнѣ, напримѣръ, слѣдующій случай, не лишенный комизма. Однажды вечеромъ главнокомандующій гулялъ по Инкерманской эспланадѣ, когда къ нему, не совсѣмъ робко, подошли два крестьянина съ обычнымъ заявленіемъ. Не успѣлъ князь сдѣлать распоряженіе о немедленномъ ихъ удовлетвореніи, какъ изъ землянки начальника штаба раздался мягкій голосъ генерала Коцебу:

— Ваше сіятельство, они уже въ третій разъ приходятъ къ вамъ съ одной и тою же жалобой.

— Ахъ мазурики! вскричалъ негодующій князь, схватилъ одного изъ крестьянъ, повернулъ его и намѣревался дать ему пинька колѣнкой, но далъ промахъ и тутъ-же растянулся во весь свой большой ростъ, къ счастью безъ всякихъ послѣдствій.

— Le jugement de Salomon (судъ Саломона) проговорилъ главнокомандующій, подымаясь и смѣясь своимъ добродушнымъ смѣхомъ. Крестьяне испугались, понятно, и убѣжали...

Хозяйственные полевые отдѣлы, во времена князя Горчакова, находились въ рукахъ людей весьма талантливыхъ, умѣлыхъ и распорядительныхъ, но, къ сожалѣнію, прежде всего, соблюдавшихъ личные интересы, къ чему и была, главнѣйшимъ образомъ, направлена ихъ

дѣятельность. Полевой генералъ-интендантъ, человѣкъ громаднаго ума и удивительной административной сообразительности, умѣлъ вести дѣло такъ, что на всѣхъ пунктахъ, куда-бы ни проникалъ глазъ высшаго начальства, солдаты не могли жаловаться на пищу и кавалеристы на фуражъ. То и другое выдавалось въ надлежащемъ количествѣ и должнаго качества; на болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянкахъ тотчасъ являлись поставщики съ мясомъ, мукой и овсомъ. Всѣ приходили въ восторгъ отъ подобной распорядительности генералъ-интенданта и, не вѣдая, что́ творилось въ тылу арміи, «тамъ гдѣ-то, за глазами», готовы были провозгласить его чуть-ли не геніемъ. Между тѣмъ, «тамъ», въ степяхъ за Симферополемъ, бродили стада тощихъ воловъ на подножномъ корму, до тла выжженномъ солнцемъ; въ провіантскихъ магазинахъ Симферополя, Керчи и другихъ пунктовъ Крымскаго полуострова крысы стаями подкапывались (какъ доносили смотрители тѣхъ магазиновъ) подъ зерно и мукохранилища и «пожирали, съ удивительной для подобныхъ звѣрей жадностью и быстротой», цѣлыя тысячи кулей съ овсомъ и мѣшковъ съ мукой. И все это сходило съ рукъ, все оправдывалось надлежаще-принаровленными представленіями, на все получались благопріятныя резолюціи начальства, которому дѣла́ докладывались въ томъ видѣ въ какомъ было нужно. Однимъ словомъ, рука руку мыла съ удивительнымъ единодушіемъ и рвеніемъ, достойными лучшей цѣли, благо въ то время еще не было ненавистнаго для подобныхъ дѣятелей «Татариновскаго матеріальнаго контроля», а господствовала во всей силѣ «бумажная отписка».

Въ началѣ Августа 1855 года къ моему отцу, какъ къ коменданту главной квартиры, явился молодой поручикъ армейскаго гусарскаго полка и тутъ-же попросилъ дать ему возможность принять участіе въ защитѣ Севастополя. Отецъ отвѣчалъ на это, что съ удовольствіемъ снабдитъ его письмомъ къ начальнику штаба Севастопольскаго гарнизона и не сомнѣвается, что князь Васильчиковъ тотчасъ-же пошлетъ его на одинъ изъ бастіоновъ, такъ какъ всюду нужны были офицеры. Поручикъ поблагодарилъ и сказалъ, что на другой-же день придетъ за письмомъ. Пришелъ-же онъ черезъ четыре дня и началъ съ того, что, «по нѣкоторымъ соображеніямъ, вызваннымъ домашними обстоятельствами», ему нельзя теперь ѣхать въ Севастополь, а, если можно, онъ проситъ дать рекомендательное письмо къ генералъ-интенданту, такъ какъ ему уже обѣщали исходатайствовать назначеніе въ «воловью бригаду». Видя, что пылъ отваги въ молодомъ офицерѣ остылъ и уступилъ мѣсто разсчету, отецъ на отрѣзъ отказалъ ему въ просьбѣ. Поручикъ ушелъ, и мы потеряли его изъ виду. Черезъ два мѣсяца мнѣ пришлось быть въ Симферополѣ. Вечеромъ я зашелъ въ

мѣстный театръ, открытый заботами тогдашняго Таврическаго губернатора, графа Н. В. Адлерберга, гдѣ подвизалась сборная по національностямъ труппа, съ шансонеточнымъ репертуаромъ (оперетокъ тогда еще не было). Оглядывая публику бельэтажа, я остановился на гусарскомъ офицерѣ, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ, и въ немъ я тотчасъ-же узналъ прибывшаго въ Августѣ поручика. Рядомъ съ нимъ въ ложѣ сидѣла дама въ щегольскомъ нарядѣ, украшенная цѣнными брилліантами. Въ антрактѣ мы встрѣтились, и на мой вопросъ, «что̀ онъ подѣлываетъ?», поручикъ развязно объяснилъ мнѣ, что онъ состоитъ помощникомъ командира воловьей полубригады, завѣдываетъ частью ея, живется ему хорошо и весело, содержаніе «совсѣмъ приличное», есть и доходы отъ фуража.

— Не вашихъ-ли воловъ видѣлъ я, подъѣзжая къ городу, и дивился, какъ они облизываютъ выгорѣлую землю? спросилъ я.

— Должно быть, беззастѣнчиво отвѣчалъ онъ. У насъ въ бригадахъ принято держать воловъ на подножномъ корму до Декабря мѣсяца, хотя фуражныя деньги отпускаются круглый годъ.

— А начальства вы не боитесь?

— Высшее не догадается, въ чемъ дѣло; а свое слишкомъ хорошо знакомо съ порядками, которые имъ-же и установлены. При назначеніи моемъ я внесъ условленную сумму, довольно крупную; кромѣ того у меня удерживаютъ ежемѣсячно извѣстный, точно опредѣленный, процентъ съ фуражныхъ денегъ, выдаваемыхъ на воловъ...

— Которые питаются заглохшимъ сухимъ бурьяномъ? перебилъ я его съ невольной улыбкой.

— Хорошо, если онъ попадется; а не то, такъ и просто степной пылью, подтвердилъ поручикъ, тоже улыбаясь.

На этомъ мы разстались. И подобная развязная беззастѣнчивость, отъ которой становилось гадко, была усвоена большинствомъ служившихъ по интендантскому и коммиссаріатскому вѣдомствамъ. Эти господа дѣйствовали навѣрняка, убѣжденные въ своей безнаказанности.

На перевязочныхъ пунктахъ и въ лазаретахъ, находившихся вблизи штабной квартиры, хотя и чувствовался недостатокъ во многомъ, но все что́ состояло на лицо было въ образцовомъ порядкѣ. Въ Симферопольскомъ и прочихъ госпиталяхъ, удаленныхъ отъ начальническаго ока, порядки были иные. Такъ, напримѣръ, по дорогѣ изъ Симферополя въ Евпаторію долго стоялъ стогъ сѣро-бураго цвѣта, испускавшій на всю окрестность сильный запахъ гнили. Только приблизясь къ нему и разспросивъ караульнаго изъ нижнихъ чиновъ коммиссаріатскаго вѣдомства, можно было узнать, что это была корпія,

присланная изъ многихъ мѣстностей, надъ которой трудились Русскія женщины, которыя работали для своихъ мужей, отцовъ и сыновей, на защиту отечества. Безъ покрышки даже худыми цыновками, стоялъ этотъ стогъ, подобно многимъ другимъ, среди степи, предоставленный дождю и непогодѣ, исподволь сгнивавшій, но никѣмъ не трогаемый, такъ какъ онъ служилъ доходной статьей для чиновъ полеваго коммиссаріата, вслѣдствіе ассигнованія довольно круглой суммы «на расходы по храненію корпіи». Въ госпиталяхъ-же часто ощущался такой недостатокъ въ ней, что сестры милосердія щипали ее изъ собственнаго бѣлья.

Состоявшимъ при штабѣ случалось бывать свидѣтелями, какъ при ревизіяхъ въ госпиталяхъ, всегда напередъ извѣстныхъ (внезапныхъ и неожиданныхъ ревизій не было и не могло быть, за невозможностью сохранить ихъ въ тайнѣ), все оказывалось въ удивительномъ порядкѣ, постельное бѣлье чистымъ, больные одѣтыми опрятно, пища хорошо приготовленной, такъ что ревизовавшіе готовы были удалиться, оставшись вполнѣ довольными всѣмъ видѣннымъ. Но указанія сестеръ милосердія и докторовъ, или доносы злобствовавшихъ почему-либо вахтеровъ, наталкивали на скрытыя помѣщенія, въ подвальныхъ или чердачныхъ этажахъ, гдѣ больные, удаленные отъ начальническаго глаза, иногда въ двойномъ комплектѣ, лежали по трое на двухъ поперекъ положенныхъ тюфякахъ, на грязномъ бѣльѣ, въ засаленной и дырявой одеждѣ, получали разбавленную пищу и томились въ самой антигигіеничной атмосферѣ. Понятно, что нельзя было равнодушно относиться къ подобному наглому обману. Приготовлялись согласныя съ дѣйствительностью донесенія, но они пользы не приносили, потому что главный начальникъ госпиталей всегда успѣвалъ предупреждать докладъ ревизовавшихъ и излагалъ дѣло такъ, что вопіющіе безпорядки получали характеръ «временныхъ мѣръ, вызванныхъ необходимостью, по краткости времени и по недостатку средствъ».

Еще во время Севастопольской осады было слышно, что во многихъ госпиталяхъ полуострова, въ особенности въ Симферопольскомъ, появился тифъ между больными и ранеными. Появленіе эпидеміи приписывали существовавшимъ тамъ безпорядкамъ. Тогда-же, приблизительно, для удостовѣренія въ дѣйствительномъ положеніи дѣла и для возможной помощи въ его упорядоченіи, командированы Императрицей Маріей Александровной и Великой Княгиней Еленой Павловной графъ Віельгорскій-Матюшкинъ, князь Долгоруковъ, графъ Паленъ, графъ Комаровскій и г. Табаровскій. Исполненные силъ и энергіи, они съ рѣдкимъ воодушевленіемъ взялись за порученное имъ святое дѣло; не зная усталости и утомленія, не боясь заразы, съ утра до глубокой

ночи не покидали они госпитальныхъ палатъ. Двое изъ нихъ, гр. Віельгорскій и кн. Долгоруковъ, погибли жертвами своего самоотверженія, заразившись отъ тифозныхъ больныхъ; остальные вернулись обратно въ Петербургъ, какъ надо полагать, въ горькомъ сознаніи своего безсилія, съ одной стороны остановить тифозное зараженіе между больными; съ другой—искоренить, хотя отчасти, заразу любостяжанія въ средѣ лицъ, вѣдавшихъ госпитальнымъ хозяйствомъ. Имъ не помогли ни важность порученія, ни положеніе ихъ въ обществѣ, ни присущая имъ сила и энергія. Тѣсно сплоченные коммиссаріатскіе чиновники устояли противъ всѣхъ ихъ усилій и когда высочайше командированныя лица покинули Симферополь, то по прежнему стали все чаще и чаще повторяться факты недостачи въ перевязочныхъ средствахъ, при наличности сгнившихъ запасовъ корпіи и разнородныхъ госпитальныхъ перевязокъ, доставленныхъ со всѣхъ концовъ Россіи и не расходованныхъ лишь для того, чтобы была законная причина получать незаконныя деньги, исправно выводя ихъ по отчетамъ въ расходъ. Такова вообще была политика «дѣльцовъ» и заправителей военно-полеваго хозяйства.

Одиннадцатимѣсячная оборона Севастополя, битвы при Альмѣ, Балаклавѣ и Черной оставили, безъ сомнѣнія, много горестныхъ воспоминаній; но тягость этого чувства, какъ я уже сказалъ, значительно смягчалась убѣжденіемъ, что какъ погибшіе герои, такъ и оставшіеся въ живыхъ участники этихъ боевъ свято исполнили свой долгъ. Во всякомъ случаѣ чувство это не имѣло ничего общаго съ тѣмъ удручающимъ, тяжелымъ, прямо обиднымъ впечатлѣніемъ, которое производили описанныя выше явленія и раскрывавшіеся, впослѣдствіи, примѣры самаго грубаго хищенія, самыхъ безчеловѣчныхъ отношеній къ тѣмъ, которые своею грудью отстаивали цѣлость родины. Назначенная въ 1856 году коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Виктора Илларіоновича Васильчикова, этого представителя безупречной честности и рыцарской прямоты, не смотря на усиленные труды и самыя тщательныя изслѣдованія, только частью раскрыла существовавшую во время войны цѣпь цѣлаго ряда противузаконій и преступленій самаго возмутительнаго свойства. Обнаружена была въ подробности пропажа невообразимаго количества провіанта, небывалаго падежа цѣлыхъ воловьихъ гуртовъ, купленныхъ будто-бы за большія деньги и не доставленныхъ по назначенію. Всплыли наружу поразительныя по своей дерзкой ловкости сдѣлки между поставщиками-подрядчиками и пріемщиками-чиновниками. Въ 1858, 1859 и 1860 годахъ на гауптвахтахъ и въ арестахъ обѣихъ столицъ сидѣли привлеченные къ отвѣтственности высшіе чины полевыхъ хозяйственныхъ отдѣловъ и ихъ

бывшіе подчиненные, а рядомъ съ ними поставщики-купцы и Евреи. Многія изъ этихъ лицъ перемѣнили впослѣдствіи свои мундиры на солдатскія шинели, другіе познакомились съ мѣстами «болѣе или менѣе отдаленными»; но слишкомъ многіе вышли сухими или съумѣли устроить дѣло такъ, что самое наказаніе они отбывали въ гарнизонныхъ войскахъ, по уѣзднымъ городамъ, при возможно-пріятныхъ и веселыхъ для нихъ условіяхъ жизни. Правда, имена этихъ господъ, пригвожденныя, такъ сказать, къ позорному столбу, преданы были въ свое время гласности, но, обезпеченные въ средствахъ къ жизни, они мало обращали на это вниманія...

Какъ-бы противувѣсомъ всѣмъ этимъ скорбнымъ явленіямъ служило сознаніе, что были лица, которыя стяжали себѣ иную славу и сдѣлались дóроги не только Русскому солдату, но и всему Русскому народу, достояніемъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи Крымской войны. Н. И. Пироговъ, его славные сподвижники-медики, та молодежь, о которой я говорилъ выше, и, наконецъ, Русскія женщины, которыя всецѣло отдавались служенію больнымъ и раненымъ, съ удивительной нѣжностью перевязывали раны, ухаживали за больными и посильно облегчали ихъ страданія, жертвуя своимъ здоровьемъ, а подчасъ и жизнью,—всѣ они воздвигли себѣ нерукотворный памятникъ въ сердцахъ свидѣтелей ихъ гражданскаго подвига. Не разъ случалось мнѣ быть очевидцемъ того, какъ лежавшіе въ госпиталяхъ солдаты, со слезами на глазахъ, молились на приносившихъ имъ облегченіе, и посинѣлыми отъ приближавшейся смерти губами шептали слова благословенія и признательности... Утихали ихъ страданія, самая смерть казалась имъ не такой страшной, не такой мучительной.

Да, бывали и отрадныя минуты, когда хотя немного отдыхала душа, и воспоминанія о нихъ живы до сихъ поръ. Не далѣе какъ въ прошломъ году встрѣтилъ я на улицѣ города Т. нищаго старика-солдата, съ одной ногой на деревяшкѣ. Испитое, одутловатое, красное лицо, одежда въ лохмотьяхъ и вообще вся фигура говорили о томъ, что передо мной стоялъ одинъ изъ профессіональныхъ пропоицъ-попрошаекъ; но мое вниманіе привлекла его грудь, украшенная военнымъ орденомъ и Севастопольской медалью. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что бѣдный старикъ остался совершенно одинокимъ; всѣ старанія его достать себѣ мѣсто стóрожа или дворника ни къ чему не привели, и онъ, мало по малу, сталъ опускаться все ниже и ниже.

— Случалось мнѣ пропивать послѣдній армякъ, разсказывалъ мнѣ старый Севастополецъ; но три вещи берегъ я пуще глаза и никогда не спускалъ: крестъ съ медалью, да серебряный образокъ, кото-

рымъ благословила меня «сестрица», когда я изъ Симферопольскаго госпиталя домой, безъ ноги, уходилъ. При этомъ солдатъ распахнулъ свой армякъ и показалъ мнѣ висѣвшій у него на шеѣ небольшой серебряный образъ св. Александра Невскаго.

— Вѣдь образки эти для насъ покойная царица-матушка прислала, объяснялъ ветеранъ. А сестры благословляли насъ ими при выпискѣ изъ госпиталя. Спасительницы, утѣшительницы наши онѣ были, дай имъ Богъ царствіе небесное, добавилъ онъ, набожно перекрестясь, вѣкъ мнѣ не забыть ихъ...

—

Сентябрь и Октябрь мѣсяцы 1855 года, или, какъ говорилось въ оффиціальныхъ документахъ, «конецъ второй кампаніи», прошли тихо. Бывшія за то время авангардныя стычки (въ началѣ Октября) у д.д. Енисала и Фацъ-Сала, не имѣли характера серьезныхъ военныхъ дѣйствій, а походили на «легкую встряску», по выраженію штабныхъ, «чтобы войска не опускались».

Въ Ноябрѣ пронесся слухъ, что Крымскую армію посѣтитъ Государь. Мигомъ облетѣла эта вѣсть ряды нашихъ главныхъ силъ и передовыхъ отрядовъ и всюду произвела магическое дѣйствіе. Начиная отъ генераловъ и кончая солдатами и ратниками ополченія, всѣ воспряли духомъ и стали приготовляться къ царскому смотру. Забыты были тягости бивачной стоянки, испытанныя передъ тѣмъ лишенія, тяжкія, не прекращавшіяся ни на минуту тревоги; все замѣнилось однимъ чувствомъ, чувствомъ ожиданія обожаемаго монарха, верховнаго вождя Русской арміи, тѣмъ чувствомъ, которое всегда составляло и будетъ составлять крѣпость и силу Русскаго народа и вышедшаго изъ его среды войска. Велико было нетерпѣніе арміи, но за то и безпредѣльна была ея радость, когда настала неподдающаяся описанію минута свиданія императора Александра II-го съ славными защитниками Севастополя и участниками не менѣе славныхъ боевъ на Таврическомъ полуостровѣ.

Государь прибылъ въ Бахчисарай въ сопровожденіи своего брата, Великаго Князя Михаила Николаевича и небольшой, сравнительно, свиты. Для Его Величества отведено было помѣщеніе въ домѣ, который занималъ князь Горчаковъ, такъ какъ ханскій дворецъ былъ занятъ, съ начала кампаніи, подъ госпиталь. Почти на другой-же день послѣ высочайшаго пріѣзда начался объѣздъ войскъ на мѣстахъ ихъ позицій. Въ коляскѣ, рядомъ съ главнокомандующимъ, отправился императоръ Александръ на смотръ частей Крымской арміи. За нимъ ѣхалъ Великій Князь съ начальникомъ штаба, потомъ двѣ-три коляски старѣйшихъ генераловъ и, наконецъ, верхомъ свита государева,

къ которой примкнула вся главная квартира арміи, въ полномъ ея составѣ.

Безспорно-торжественный и внушительный видъ имѣетъ царскій смотръ, когда въ строю находятся десятки тысячъ свѣжаго войска, въ новыхъ мундирахъ и въ блестящей аммуниціи, дефилирующаго въ порядкѣ, съ соблюденіемъ самаго точнаго равненія. Съ чувствомъ гордости останавливается глазъ на этой дисциплинированной массѣ, стройно и безмолвно двигающейся по командѣ начальства; чувствуется невольное сознаніе, что эта масса, при надлежащей подготовкѣ къ бою, явится той силой, которая послужитъ надежнымъ оплотомъ противъ враговъ.

Иной характеръ, не менѣе величественный и болѣе трогательный, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему смыслу, имѣлъ смотръ Крымской арміи, произведенный покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ въ Ноябрѣ 1855 года, за четыре мѣсяца до Парижскаго мира, на равнинахъ Таврическаго полуострова. Тутъ не было ни красиво сшитыхъ новыхъ мундировъ, ни стройнаго парадированія, ни артистическаго соблюденія «линейнаго равненія», ни правильнаго шага «съ носка и въ ногу». Всѣ бывшіе въ строю чины, одѣтые въ старое и поношенное, отчасти прожженое и продырявленное вражескими пулями платье, забыли преподанныя имъ наставленія о соблюденіи такта, объ упорномъ фиксированіи затылка своего сосѣда по ряду, о неукоснительномъ вниманіи къ тому, чтобы «лѣвымъ локтемъ чувствовать правый локоть рядомъ стоящаго товарища», однимъ словомъ всѣ тѣ азбучныя начала, на которыхъ основана была фронтовая служба того времени. Забыли они тѣ начала, потому что каждый изъ нихъ (пѣхотинецъ ли, ратникъ-ли ополченія, артиллеристъ, саперъ или кавалеристъ) занятъ былъ одной только мыслью, «какъ-бы поближе поглядѣть на батюшку-царя», за котораго братья ихъ по оружію беззавѣтно умирали, а они дрались какъ львы на поляхъ Крыма и въ стѣнахъ Севастополя. Линіи дефилировавшихъ мимо царя частей войскъ были ломаны, изогнуты; люди крайнихъ лѣвыхъ фланговъ шли не прямо, а полуоборотомъ на право, не отводя глазъ съ того, кто, видимо взволнованный и растроганный до слезъ, пропускалъ ихъ мимо себя.

— Спасибо храбрецы! Спасибо герои! Спасибо Севастопольцы! привѣтствовалъ Государь каждую колонну, каждую роту, взводъ и батарею, при чемъ голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія.

Громкое, неудержимое, изъ глубины души вырывавшееся «ура!», вмѣсто обычнаго «ради стараться», было отвѣтомъ солдатъ на милостивыя слова Монарха.

Если-бы эти колонны, одѣтыя по походному, шедшія бодро и весело за своими обстрѣленными и прострѣленными знаменами, подъ звуки боевой музыки, двинуть въ ту минуту на непріятеля, онѣ ринулись-бы на него еще съ бóльшей отвагой, чѣмъ въ былыя сраженія, стремительно и несокрушимо: до того сильно было воодушевленіе «героевъ и храбрецовъ», чувствовавшихъ на себѣ ласковый, полный любви, признательности и состраданія взглядъ Государя, по ихъ понятіямъ сливавшагося въ одно съ ихъ вѣрой и родиной.

Картина Крымскаго смотра, поражавшая своимъ внутреннимъ величіемъ, блистательно доказавшая тѣсную связь верховнаго вождя Русскаго народа съ его арміей, едва-ли когда изгладится изъ памяти ее видѣвшихъ.

Никто изъ насъ, оставшихся въ живыхъ очевидцевъ этого смотра, никогда не забудетъ возбужденныхъ, сіявшихъ счастьемъ, отвагой и пыломъ, загорѣлыхъ, отмѣченныхъ слѣдами ранъ, характерныхъ лицъ нашихъ Крымскихъ солдатъ и устремленнаго на нихъ отцовскаго, любящаго, нѣжнаго взора императора Александра II-го...

Много трогательнаго, много поучительнаго сказалось въ этой картинѣ, закончившей собой рядъ потрясающихъ сценъ геройской эпопеи.

А. Н. Супоневъ.

Москва, 1-го Августа 1896 года.

ЯРОСЛАВСКАЯ СТАРИНА.

VIII *).

Бѣсноватая.

Первый день Святокъ 1841—1842 г., т.-е. 25 Декабря, ознаменовался въ Ярославлѣ крайне загадочною исторіей: по городу разнеслись слухи, что погубитель рода человѣческаго, діаволъ, собственною персоною изволилъ пожаловать, не убоясь великаго праздника, въ домъ мѣщанина Андрея Матвѣева Казанкова, гдѣ и учинилъ, словно знаменитый фокусникъ Пинетти, нѣсколько превращеній. Въ чемъ они заключались, молва разноголосила. Люди наиболѣе глубокомысленные, во главѣ коихъ находились члены Ярославскаго Совѣстнаго Суда, рѣшительно отрицали возможность появленія чорта въ просвѣщенное царствованіе Николая I, тѣмъ болѣе, гдѣ же? Въ Ярославлѣ, гдѣ и тогда находился источникъ науки—Демидовскій лицей!... Съ другой стороны, мѣстные обыватели, въ особенности мѣщанство, мелкое чиновничество и даже первогильдейскіе купцы съ своими супругами утверждали, что наука сама по себѣ, а діаволъ тоже самъ по себѣ, и что первая едва-ли сильнѣе второго: профессоръ, напримѣръ, не можетъ лаять по собачьи, а чортъ—сколько угодно! Стôитъ ему только вселиться въ утробу мѣщанки Ѳеклы Сергѣевой Казанковой, и тогда Ярославская полиція ничего съ нимъ не подѣластъ. Находились среди Ярославской публики и такіе господа, которые держали строгій нейтралитетъ, полагаясь во всемъ на волю и распоряженіе духовнаго и свѣтскаго начальства: если прикажетъ оно вѣрить священнику Николо-Мельницкой церкви, что онъ, батюшка, самъ собственными ушами слышалъ бѣсовскій лай, ну тогда и мы повѣримъ; а не прикажетъ, тогда оставимъ вышеозначенную мѣщанку вмѣстѣ съ чортомъ, только „подъ сильнымъ подозрѣніемъ"...

Чтô же (спроситъ насъ читатель) представляла собою *въ дѣйствительности* эта загадочная исторія? Отвѣчаемъ на основаніи архивныхъ документовъ.

Наша „исторія" гласитъ, что въ то время, когда священно и церковнослужители Николо-Мельницкой церкви обходили своихъ прихожанъ со Св. Крестомъ, иначе сказать „славили" Новорожденнаго Христа, на дворѣ мѣщанина Казанкова, въ 3-й полицейской части города Ярославля, внезапно раздался неистовый собачій лай.

---

*) См. „Р. Архивъ" сего года, вып. 5-й, стр. 147.

Конечно, въ этомъ лаѣ не заключалось ничего сверхъестественнаго. Умный батюшка сразу не придалъ ему значенія, ибо песъ—животное, неодаренное безсмертною душою, мало-ли на кого можетъ лаять, просто отъ глупости. Но затѣмъ, по здравомъ разсужденіи, тотъ же священникъ сообразилъ, что дѣло не спроста. Вопервыхъ, ему, какъ и всему причту, было хорошо извѣстно, что мѣщанинъ Казанковъ собакъ у себя ни на дворѣ, ни въ домѣ не держитъ. Откуда же онѣ вдругъ появились и лаютъ на разные лады: то словно маленькіе щенки тявкаютъ, то заливаются и урчатъ подобно здоровеннѣйшимъ псамъ. А далѣе, священнику пришло на умъ, что его прихожанинъ Андрей Казанковъ—ничего, человѣкъ самъ по себѣ добрый и благочестивый; да и жена его Марья Дмитріева тоже ни свѣтскимъ, ни духовнымъ начальствомъ въ вольномысліи не замѣчена. Оба они православные, на духу и у Св. Причастія бываютъ каждогодно. За то родительница перваго изъ нихъ, мѣщанка Ѳёкла, баба весьма подозрительная, ужъ лѣтъ десять, а можетъ статься и больше, оказывается „въ вѣрѣ нетвердою", да къ тому же—слухомъ земля полнится—она и ворожбой занимается... Идти ли въ домъ ея сына?

Однако, побуждаемый храбрымъ отцомъ-дьякономъ, священникъ рѣшился отворить калитку, и всѣ, вкупѣ съ дьячкомъ и пономаремъ, вошли во дворъ. Собакъ (о, чудо!) не оказалось, а вмѣсто ихъ находились три „личности женскаго пола", изъ коихъ двѣ, неизвѣстныя священнику, стояли молча, а третья лаяла по-собачьи.

Священникъ ужаснулся и вознегодовалъ.

— Такъ вотъ кто изображаетъ собою псовъ смердящихъ! Не стыдно-ли тебѣ, Ѳёкла Сергѣевна, такимъ дѣломъ заниматься? Полно, перестань! Иди въ домъ, выслушай отъ меня славословіе, приложись ко Св. Кресту, а иначе... Да перестань же темный народъ смущать!

— Гамъ! Гамъ! Гамъ! отвѣчала Ѳёкла Сергѣевна по-собачьи, къ великому ужасу неизвѣстныхъ женщинъ.

— Я шутить съ тобой не намѣренъ, оскорбился совершенно основательно священникъ: я вотъ только кончу свое обхожденіе, сейчасъ же донесу кому слѣдуетъ о твоемъ злокозненномъ дѣяніи въ столь великій и святой праздникъ.

Но Казанкова, отъ которой неизвѣстныя женщины поспѣшили убѣжать, продолжала играть роль пса: все лаяла, хотя нѣсколько „умѣреннѣе", чѣмъ въ началѣ своего „дьявольскаго навожденія".

— Если такъ, любезная, закипятился священникъ, тогда ужъ извини! Я сейчасъ же пойду къ господину квартальному надзирателю, объявлю ему о твоемъ собачьемъ поруганіи святыни, а за симъ донесу отцу благочинному и самому высокопреосвященному Евгенію.

И что же? До чего можетъ простираться буйство человѣческое, подстрекаемое діаволомъ? „Бѣсноватая" вдова-мѣщанка, ни мало не устрашась имени Ярославскаго и Ростовскаго владыки, еще разъ протявкала и за симъ удалилась невѣдомо куда. Николо-Мельницкій церковный причтъ, въ цѣломъ

своемъ составѣ, тоже ушелъ со двора дома, „въ коемъ обитала ересь, олицетворенная вышерѣченною женщиною“.

Изъ нашихъ документовъ оказывается, что священникъ сдержалъ свое грозное слово: не преминулъ донести чрезъ отца благочиннаго кому надлежало, то-есть и архіерею, и квартальному надзирателю; послѣдній, само собою разумѣется, не утаилъ, „по долгу присяги на вѣрность службы“, объ оффиціальномъ визитѣ къ нему, квартальному надзирателю, священника Николо-Мельницкой церкви. Въ рапортѣ его господину частному приставу было изложено: „Дѣйствительно, нынѣ, послѣ Рождества Христова, приходилъ ко мнѣ сей священникъ, но безъ причетниковъ, и сказывалъ, что прихода его мѣщанка Казанкова болѣе якобы 10 лѣтъ къ нему *на духъ не ходитъ*, а между тѣмъ и ворожитъ разнымъ приходящимъ и пріѣзжающимъ въ квартиру ся людямъ, и что у нея на квартирѣ есть пріѣзжающіе, но о собачьемъ лаѣ *не объявлялъ*“. Мы затрудняемся разъяснить и себѣ, и читателямъ послѣднюю фразу: почему „собаки не лаяли“ въ рапортѣ квартальнаго, и вслѣдствіе чего тѣже таинственныя собаки вновь появились на бумагѣ въ „дѣлѣ“, когда оно перешло въ слѣдующую высшую инстанцію, къ господину частному приставу? Недоумѣваемъ, рѣшительно недоумѣваемъ! Частный же приставъ, при допросѣ, такъ-таки прямо и началъ со псовъ:

— Показывай, Ѳёкла Сергѣева, сущую правду-истину. Есть у тебя, или у твоего сына, собаки?

— Нѣтъ, и не бывало.

— Кто же лаялъ предъ попомъ? Не ты-ли сама?

— Не знаю. Только *тогда я не лаяла*, это напраслина. Лаянья *тогда* я не производила, говорю по чистой совѣсти, хоть присягу приму.

— Но батюшка заявлялъ, что именно во время прибытія его „со святомъ“ *ты* лаяла. Всѣ слышали, весь народъ. Чистосердечное признаніе твое можетъ смягчить наказаніе.

— Кто же это „всѣ“, ваше благородіе? У насъ на дворѣ, въ ту пору, когда духовенство явилось къ намъ, сколько могу припомнить, никого и не было кромѣ двухъ неизвѣстныхъ госпожъ, въ салопахъ и шляпкахъ; а приходили эти барыни ко мнѣ съ разспросами о случившихся у нихъ пропажахъ. Только въ то время я имъ ничего не могла разъяснить... „Иногда же *я другимъ и разъясняю, говорю невольнымъ образомъ, по дѣйствію нечистаго духа, во мнѣ находящагося, о пропажахъ разныхъ вещей*“... Какъ видно, частный приставъ немножко нескладно записалъ показаніе бѣсноватой бабы. Но и то сказать: его-ли дѣло было гоняться за краснорѣчіемъ, въ виду возмутительнаго случая, т.-е. избранія нечистымъ духомъ резиденціи для себя въ чревѣ вышеозначенной мѣщанки? Это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію: она въ томъ сама созналась и подтвердила тоже самое, когда губернское начальство привлекло ее къ отвѣту предъ Ярославскимъ Совѣстнымъ Судомъ.

При судебномъ слѣдствіи выяснилось слѣдующее. Жившіе съ Казанковою сынъ ея, мѣщанинъ Андрей Матвѣевъ Казанковъ, и жена его Марья

Дмитріева показали, что „съ матерью ихъ случается *необыкновенная икота* и что до прихода священно и церковно-служителей были у нея тогда (25 Декабря) двѣ неизвѣстныя женщины для спросу о пропажахъ; да и прежде сего, хотя прихаживалъ къ ней народъ для отгадыванія о пропажахъ, но что̀ она имъ отвѣчала—неизвѣстно. На вопросъ: походила-ли эта означенная „необыкновенная икота“ на собачій лай, свидѣтели не дали положительнаго отвѣта.

Сосѣди (4 человѣка) показали: „наслышаны-де мы (такіе-то Ярославскіе мѣщане), что Казанкова имѣетъ въ себѣ порчу, и дѣйствуетъ въ ней нечистый духъ, посредствомъ коего, якобы, приходящимъ къ ней людямъ она отгадываетъ о пропажахъ; но справедливо-ли сіе, равно ворожитъ-ли она и лаетъ-ли по собачьи на разные манеры, о томъ неизвѣстны. Боязни же и страху ни въ какихъ отношеніяхъ мы не предвидѣли и не предвидимъ“.

По требованію Совѣстнаго Суда, сдѣланъ былъ „повальный обыскъ“, и въ немъ было написано, что „оная мѣщанка Казанкова ни въ какихъ противузаконныхъ и дурныхъ поступкахъ, дѣлаемыхъ ею, не замѣчена“. А тогда „повальный обыскъ“ имѣлъ большое значеніе въ глазахъ юстиціи, а потому, казалось, дѣло принимало направленіе, вполнѣ благопріятное для подсудимой: вѣдь не могли же господа члены Совѣстнаго Суда прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ, или, другими словами, они не имѣли права посредствомъ плетей выгнать нечистую силу изъ грѣшнаго тѣла. Изгнаніе одного бѣса или цѣлаго легіона, конечно, было возможно, но лишь при помощи надлежащихъ заклинаній, а таковыя тогда производились чрезъ духовенство, бѣлое или черное—это все равно... Въ Ярославскомъ Совѣстномъ Судѣ, какъ видно изъ нашихъ документовъ, явилось нѣкоторое колебаніе при рѣшеніи вопроса объ участи „бѣсноватой“: ужъ, полно, не оправдать-ли ее, ради невѣжества и скудоумія, предоставивъ владыкѣ Евгенію избрать священника или монаха для „отчитыванія“ сей бабы, виноватой, между прочимъ, въ продолжительномъ небытіи у исповѣди и Св. Причастія. Къ сожалѣнію для „бѣсноватой“, за нею были еще другіе грѣшки, помимо лаянья по-собачьи.

„А по справкамъ оказалось (читаемъ въ дѣлѣ), что Казанкова за подобные поступки судима была два раза и въ 1836 году выдержана была, для исправленія нравственности, при Ярославской градской полиціи подъ арестомъ три недѣли и лишена была честнаго имени; послѣ же сего обязана подпискою, дабы впредъ отъ подобныхъ (?) поступковъ воздерживаться опасеніемъ бо̀льшаго наказанія по законамъ; а въ 1837 году, по подозрѣнію въ кражѣ пряжи разныхъ сортовъ съ фабрики *), по рѣшенію Уголовной Палаты, оставлена по предмету кражи въ сильномъ подозрѣніи, а за необъявленіе о найденныхъ воробахъ (?) и оставленіи ихъ у себя, было заключено: лишить ее Казанкову тоже добраго имени и подвергнуть легкому полицейскому наказанію“.

---

*) Вѣроятно, съ „Большой Мануфактуры“, принадлежавшей тогда наслѣдникамъ знаменитаго богача Яковлева. Л. Т.

Такъ вотъ какова была ворожея! И не смотря на то, что Ярославская Пиѳія лишилась „добраго имени", она ухитрялась привлекать къ себѣ не однѣхъ только туземныхъ мѣщанокъ, но и барынь въ шляпкахъ: историческая черта, характеризующая нашихъ бабушекъ и маменекъ! Судя по архивнымъ документамъ, онѣ были особы очень храбрыя, не боявшіяся злобнаго нечистаго духа, лаявшаго по собачьи. Сдѣлать иной выводъ мы предоставляемъ читателю. Онъ самъ оцѣнитъ, въ бытовомъ отношеніи, какъ означенную „неустрашимость", такъ и рѣшеніе Ярославскаго Совѣстнаго Суда, который, „выслушавъ дѣло мѣщанской вдовы Ѳёклы Сергѣевой Казанковой, преданной сужденію его за лаянье по собачьи при хожденіи священно и церковно-служителей Николо-Мельницкой церкви со Святымъ Крестомъ во время праздника Рождества Христова, для привлеченія народа, находящагося у нея, какъ у отгадчицы и ворожеи, мнѣніемъ заключилъ: „изъ обстоятельствъ дѣла оказывается"... (слѣдуетъ изложеніе фактовъ, переданныхъ уже нами въ надлежащей полнотѣ)... Но за всѣмъ тѣмъ она (Казанкова), какъ изъ дѣла видно, „и до нынѣ нравственность свою не исправила, но еще больше испортила, занимаясь тѣмъ же колдовствомъ, предсказаніями и обманами, утверждая даже предъ Совѣстнымъ Судомъ, что подчинялась невольнымъ образомъ дѣйствію нечистаго духа, въ ней находящагося"...

Упрямство пятидесятилѣтней бѣсноватой старухи увлекло ее изъ Ярославля далеко, очень далеко. „Взявъ въ соображеніе собственное ея признаніе, улику сына со снохою и прежнія подсудимости, на основаніи т. XV, 123, 124, 201, 202, 748 и 749 статей, Совѣстный Судъ мнѣніемъ положилъ: за ея обманъ, предсказаніе, колдовство, равно и поруганіе религіи, наказать плетьми, чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей при полиціи, двумя ударами и по наказаніи, яко лишенную добраго имени и вредную въ обществѣ, сослать въ Сибирь на поселеніе".

Оставилъ-ли ее въ покоѣ нечистый духъ, убоявшись Сибирскихъ холодовъ, или сей врагъ рода человѣческаго совершилъ, вмѣстѣ съ Казанковою, невольное путешествіе за Уралъ, намъ неизвѣстно: наши бумаги хранятъ гробовое молчаніе о дальнѣйшей судьбѣ Ярославской кликуши.

IX.

Казнь поджигателя.

Извѣстно какъ исторически, такъ и филологически, что наши злополучные предки получили изъ Азіи и Европы, отъ варваровъ-Татаръ и образованныхъ Германцевъ, два наслѣдства: кнутъ и шпицрутены. Оба орудія казни, къ счастію, перешедшія теперь въ область преданій, хотя вовсе не туманныхъ (потому что и до сихъ поръ здравствуютъ „современники" кнута и палокъ), оба эти орудія были убійственны. Но Нѣмецкое проклятое наслѣдство, не въ укоръ будь сказано нашимъ западнымъ учителямъ, было гораздо мерзѣе и страшнѣе кнута, обагряемаго Русскою кровью. Напримѣръ, возмемъ хоть нашихъ отцовъ и дѣдовъ — Ярославцевъ. Они видали (увы,

слишкомъ часто видали!), какъ заплечный мастеръ „работаетъ“ на Сѣнной площади, куда, по Угличской улицѣ, на позорныхъ колесницахъ изъ острога привозились и отдавались ему въ руки преступники и преступницы...

Гремѣлъ барабанъ, призывавшій зрителей ко вниманію... Раздавался громкій военный возгласъ: „Шапки долой!“... Уѣздный стряпчій (или секретарь Уѣзднаго Суда) читалъ во всеуслышаніе: „По указу Его Императорскаго Величества“... и т. д. А затѣмъ... затѣмъ правосудіе торжествовало надъ порокомъ и казнило его, прибѣгнувъ къ рукамъ отверженца общества—палача. Но тогда, по крайней мѣрѣ, всѣ знали и вѣдали, что ужъ такова его проклятая должность: сѣчь на лобномъ мѣстѣ вольныхъ (а иногда и невольныхъ) преступниковъ, съ наложеніемъ у нихъ на лбу и скулахъ трехъ роковыхъ желѣзныхъ буквъ: В. О. Р. (т. е. „воръ“) *). Создавать же вдругъ тысячи заплечныхъ мастеровъ изъ солдатъ, защитниковъ царя и отечества, вручать имъ не трехгранный штыкъ, а длинныя гибкія палки, чтобы засѣкать людей медленно, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ... Нѣтъ, такая казнь, достойная проклятія, была гораздо мучительнѣе кнутобойства! Изобрѣтатель ея „Нѣмецъ-гуманистъ“ въ данномъ случаѣ являлся гораздо кровожаднѣе Татарина. Русскому народу не легче было отъ того, что Нѣмцы-учителя раньше своихъ учениковъ бросили шпицрутены, которые у насъ „работали“ съ особенною силой въ двадцатыхъ—пятидесятыхъ годахъ, простираясь отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ ударовъ. Солдаты забивали на смерть какъ своихъ товарищей по оружію, такъ и лицъ податныхъ сословій. Если отъ *одного* палача (путемъ ли подкупа, или вслѣдствіе нежеланія его особенно утомляться кровавою работой, или, наконецъ, по голосу совѣсти, присущей иногда и палачамъ) зависѣло убить человѣка на лобномъ мѣстѣ, или сохранить ему жизнь, то, спрашивается, возможно ли было остаться въ живыхъ, когда выставлялся въ два ряда *цѣлый батальонъ* невольныхъ палачей-солдатъ? Мыслимы ли, возможны ли были при этомъ родѣ казни какія-либо послабленія? Чѣмъ кончались такія „прогулки по березовой рощѣ“, читатель сейчасъ увидитъ изъ настоящаго разсказа, основаннаго на архивныхъ документахъ, о судьбѣ одного поджигателя. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

14 Октября 1842 г., исправлявшій должность Ярославскаго губернатора, вице-губернаторъ Ханыковъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому

---

*) Кстати замѣтимъ, что въ дѣтствѣ мы слышали любопытный разсказъ объ одномъ стряпчемъ, который будто бы сочинилъ въ городѣ Любимѣ (Ярославской губерніи) „Проектъ о примиреніи Русской грамматики съ XV т. Уст. объ уголовныхъ наказаніяхъ“. Это „примиреніе“ заключалось, якобы, въ употребленіи на подбородкѣ „четвертой недостающей буквы: Ъ“. Слѣдуетъ еще сказать, что жестокій Любимскій юристъ (помнится, его звали Владиміромъ Ивановичемъ Воскресенскимъ) былъ изъ семинаристовъ. Онъ самъ имѣлъ несчастіе подвергнуться въ концѣ пятидесятыхъ годовъ кнутобойству въ усадьбѣ помѣщика, маіора Вержбицкаго (изъ Поляковъ); послѣдній перепоролъ чрезъ свою дворню всѣхъ членовъ временнаго отдѣленія Любимскаго Земскаго Суда и вскорѣ послѣ совершенія этого дикаго самоуправства покончилъ съ собою самоубійствомъ. Надѣемся со временемъ включить и сей разсказъ въ нашу „Ярославскую Старину“. Л. Т.

о „неблагополучномъ состоянiи“ Ярославскаго уѣзда. Въ городѣ все было тихо и спокойно, пожаровъ не происходило, за то по уѣзду безпрестанно леталъ „красный пѣтухъ“. Горѣли и помѣщичьи, и казенныя деревни. Такъ, въ продолженiи одной недѣли, случились три значительные пожара, а именно: въ ночь съ 28-го на 29-е Сентября выгорѣла вся казенная деревня Бортниково; даже хлѣбъ въ амбарахъ весь сгорѣлъ. Второй пожаръ случился 1-го Октября въ дер. Ченцахъ, вотчины г-жи Зацѣпиной, гдѣ огонь истребилъ домà и скотъ. Третiй пожаръ въ ночь съ 3-го на 4-е число того же мѣсяца обратилъ въ пепелъ деревню Чемерево, принадлежавшую графинѣ Кутайсовой. Усмотрѣвъ огонь, крестьяне сосѣдняго села Аристова поспѣшили на помощь и поймали бѣжавшаго съ пожара крестьянина казенной дер. Скородумова Игнатiя Дмитрiева. При допросѣ онъ сознался сотскому, что „зажигательство во всѣхъ вышеозначенныхъ селенiяхъ производилъ онъ, Дмитрiевъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ дер. Нагорнова Осипомъ Титовымъ, съ тою цѣлью, дабы при пожарѣ свободнѣе воспользоваться какимъ-либо имуществомъ“.

„Однако (присовокупилъ вице-губернаторъ Ханыковъ) Осипъ Титовъ въ преступленiяхъ не сознается, почему о виновныхъ въ сихъ зажигательствахъ и о понесенныхъ погорѣльцами убыткахъ производится изслѣдованiе“.

Докладъ министра Перовскаго императору Николаю I объ Ярославскихъ поджигателяхъ заключалъ въ себѣ всеподданнѣйшее „мнѣнiе“, что упомянутыхъ злодѣевъ слѣдовало бы судить не обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ, а *„особливо—примѣрно“*, въ устраненiе подобныхъ случаевъ, которые крайне опасны для блага крестьянъ и дворянъ. Немедленно послѣдовало высочайшее соизволенiе, выраженное въ предписанiи Перовскаго Ярославскому вице-губернатору (отъ 25-го Октября 1842 г., за № 5148). Передаемъ его здѣсь вполнѣ.

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему донесенiя вашего отъ 14 сего Октября, за № 3265, что въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ концѣ минувшаго Сентября [1]), были три пожара, и что задержанный при послѣднемъ изъ нихъ съ похищеннымъ имуществомъ [2]) крестьянинъ Дмитрiевъ тогда же сознался, что всѣ помянутые пожары произошли отъ его поджоговъ, обще съ одновотчиннымъ крестьяниномъ [3]) Осипомъ Титовымъ, высочайше повелѣть соизволилъ: *„Немедленно прогнать ихъ сквозь тысячу человѣкъ, каждаго по шести разъ, на самомъ мѣстѣ преступленiя, придавъ возможную важность наказанiю; а буде они останутся живы, то, по выздоровленiи, заковавъ, отправить въ Сибирь на каторгу“*.

---

[1]) „И въ началѣ Октября“, слѣдовало-бы прибавить для точности. Л. Т.

[2]) Эта „подробность“ прибавлена уже самимъ министромъ. Л. Т.

[3]) Тоже не вполнѣ вѣрно: въ министерствѣ, очевидно, сильно торопились составленiемъ доклада Государю, не обращая вниманiя на подробности въ дѣлѣ государственной важности. Л. Т.

„При семъ Его Императорское Величество высочайше повелѣть соизволилъ: „*Точно также поступать и вездѣ, гдѣ зажигатели будутъ найдены и изобличены. А о малолѣтнихъ представлять мнѣ*“.

„О семъ высочайшемъ повелѣніи, объявленномъ и г-ну военному министру, я считаю долгомъ увѣдомить ваше превосходительство для зависящаго съ вашей стороны распоряженія, прося донести мнѣ о послѣдующемъ.

Перовскій“.

Получивъ это предписаніе, Ярославскій вице-губернаторъ Ханыковъ не усмотрѣлъ въ немъ рѣшенія: какъ поступать съ другими поджигателями, которые въ томъ-же 1842 году совершили подобныя злодѣйства? Недоразумѣніе, встрѣченное Ханыковымъ, было вполнѣ основательно: Уголовная Палата, за нѣсколько сутокъ до полученія въ Ярославлѣ вышеприведеннаго высочайшаго повелѣнія, рѣшила два дѣла о другихъ Ярославцахъ-поджигателяхъ, при чемъ ея рѣшенія, конечно, были основаны на XV-мъ томѣ Св. Зак., а ужъ никакъ не сообразно съ высочайшей резолюціей, о которой Палата тогда не знала; иначе она всенепремѣнно уклонилась-бы по закону отъ разсмотрѣнія этихъ дѣлъ. Въ ея вѣдѣніи состояли палачи съ ихъ орудіями—кнутами и „штемпельными знаками“; что-же касается шпицрутеновъ, то они заготовлялись и употреблялись въ дѣло военнымъ начальствомъ. Вслѣдствіе сего вице-губернаторъ Ханыковъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что 31 Октября къ нему поступили изъ Ярославской Палаты Уголовнаго Суда, для разсмотрѣнія и утвержденія, два приговора, а именно: первый приговоръ, состоявшійся 13-го Октября, касался крестьянина Ярославскаго уѣзда, дер. Костенчугова, Якова Андреева Баякина. Онъ сознался въ умышленномъ сожженіи, 1-го Іюля 1842 г., своего собственнаго дома, „но безъ объявленія причинъ, побудившихъ его къ таковому преступленію“; вмѣстѣ съ его домомъ сгорѣли также 24 крестьянскихъ и 7 бобыльскихъ домовъ. Уголовная Палата присудила Баякина къ наказанію на мѣстѣ преступленія кнутомъ *пятью ударами* и къ ссылкѣ въ каторжную работу, „по поставленіи установленныхъ штемпелевыхъ знаковъ“. Другой приговоръ состоялся въ той-же Палатѣ, 20-го числа Октября, о крестьянинѣ Ярославскаго-же уѣзда, вотчины г-жи Кострицкой, Иванѣ Титовѣ, который былъ заподозрѣнъ въ умышленномъ поджогѣ дома своего родного брата Егора Титова, „по злобѣ къ нему“, но за неимѣніемъ очевидцевъ зажигательства не былъ уличенъ, а самъ не сознался. Его уличали только „въ странныхъ и злобныхъ дѣйствіяхъ“: во время пожара Иванъ Титовъ отказывался помогать своему брату, просившему о помощи; мало того, другихъ крестьянъ отгонялъ и, бѣгая за ними съ топоромъ, восклицалъ неистово:

— Не смѣть тушить! Пусть все сгоритъ!

— Да, вѣдь, тамъ въ особой горенкѣ лежитъ больнымъ-больнехонька твоя беременная сноха (жена третьяго брата, находившагося въ отсутствіи): она сгоритъ...

— Ну, и пусть сгоритъ! ревѣлъ на всю деревню Иванъ Титовъ: не ваше дѣло... Прочь, или убью!

Такъ и сгорѣла несчастная женщина. При такихъ данныхъ, современный судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и экспертовъ-психіатровъ, вѣроятно, усмотрѣлъ-бы въ крестьянинѣ Титовѣ не злодѣя, а сумасшедшаго; но Русская юстиція тогдашняго времени мало заботилась о судебной медицинѣ. И вотъ Ярославскій Уѣздный Судъ рѣшилъ такъ: „Крестьянина Ивана Титова, не взирая на несознаніе его въ зажигательствѣ, и хотя не было въ томъ дѣяніи никакихъ свидѣтелей, но какъ обличаемаго (sic!), по злобнымъ поступкамъ въ сожженіи дома брата своего, при чемъ сгорѣла и сноха его, наказать на мѣстѣ преступленія кнутомъ и сослать въ каторжную работу, по постановленіи установленныхъ штемпелевыхъ знаковъ". Затѣмъ, Уголовная Палата перерѣшила это дѣло слѣдующимъ образомъ: „По предмету зажигательства оставить онаго крестьянина Ивана Титова въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, а за вышеобъясненные поступки его, дерзновенные и злобные, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать его на мѣстѣ преступленія, публично, чрезъ палача, *плетьми сорока пятью ударами* и сослать въ Сибирь на поселеніе". Отсюда, намъ кажется, можно заключить, что по „лѣстницѣ наказаній" 5 ударовъ кнутомъ стояли выше 45-ти ударовъ плетьми. Впрочемъ, не будучи юристомъ, не смѣемъ касаться этого деликатнаго вопроса и возвращаемся къ Ярославскому вице-губернатору Ханыкову, который, повторяемъ, поставленъ былъ въ сильное недоумѣніе, какъ ему поступить съ двумя вышеизложенными дѣлами.

„Долженъ-ли я (спрашивалъ онъ министра), за воспослѣдованіемъ сего новаго законоположенія о поджигателяхъ, приступать къ разсмотрѣнію и утвержденію означенныхъ рѣшеній, по праву, начальникамъ губерній предоставленному, а при несогласіи моемъ на рѣшеніе Палаты дѣло представлять, съ мнѣніемъ моимъ, въ Правительствующій Сенатъ на окончательное рѣшеніе? Или-же, въ точное исполненіе высочайшихъ повелѣній о зажигателяхъ, долженъ я подвергнуть сіи дѣла и преступниковъ военному суду? Сверхъ того, осмѣливаюсь просить разрѣшенія вашего высокопревосходительства еще по слѣдующему предмету. Въ высочайшемъ повелѣніи, значущемся въ предписаніи 6-го Октября, сказано: *„впредь до повелѣнія всѣхъ поджигателей судить безъ очереди военнымъ судомъ"*; а въ высочайшей резолюціи, изложенной въ предписаніи отъ 25 Октября, за № 5148-мъ, послѣдовавшемъ по дѣлу объ открывшихся здѣсь, въ Ярославскомъ уѣздѣ, зажигателяхъ Игнатьѣ Дмитріевѣ и Осипѣ Титовѣ, за назначеніемъ *мѣры наказанія*, сказано: „А объ малолѣтнихъ представлять мнѣ (т. е. Государю Императору) не приступая къ наказанію", то подъ словомъ „всѣхъ", если будутъ найдены и изобличены въ зажигательствѣ *женщины*, должно-ли разумѣть *и сего пола людей* для произведенія надъ ними военнаго суда и для исполненія присужденнаго симъ судомъ наказанія? И не должно-ли о преступницахъ сихъ, подобно какъ и о малолѣтнихъ, представлять на всемилостивѣйшее Монарха нашего благоусмотрѣніе, не приступая къ совершенію наказанія?"

Намъ хочется думать, что этотъ вопросъ подсказанъ былъ Ханыкову не только желаніемъ разъяснить дѣло съ бюрократической, формальной точки

зрѣнія, но и голосомъ человѣческой совѣсти. Прогонять „сквозь строй“ мужиковъ—это еще куда ни шло, это еще мыслимо; но казнить руками цѣлаго полка поджигательницъ-бабъ, дѣвокъ „и сего пола людей“, какъ выразился Ярославскій вице-губернаторъ, нѣтъ, это было ужъ черезъ-чуръ слишкомъ!.. А, вѣдь, могли-же казнить. Кто могъ запретить? Въ резолюціи, упоминалось лишь о „малолѣтнихъ“. О женскомъ полѣ было умолчено; уголовные-же законы тогдашняго времени мало отличали „прекрасный полъ“ отъ нашего: кнутъ и плеть были общимъ удѣломъ для Русскихъ преступниковъ и преступницъ, если они имѣли несчастіе принадлежать къ сословіямъ мѣщанскому или крестьянскому. Несомнѣнно, что и самъ Перовскій колебался при разрѣшеніи вопроса о возможности или невозможности казнить шпицрутенами женщинъ-поджигательницъ. Отвѣтъ его любопытенъ для исторіи нашего криминальнаго законодательства *):

„Поспѣшаю отвѣтствовать, что такъ какъ крестьяне Баякинъ и Титовъ преданы за поджигательство *гражданскому* уголовному суду *до* состоянія высочайшаго повелѣнія о сужденіи подобныхъ преступниковъ *военнымъ* судомъ, и окончательный о нихъ приговоръ въ Уголовной Палатѣ послѣдовалъ *прежде*, нежели объявлено вамъ высочайшее повелѣніе о мѣрѣ наказанія поджигателей по военному суду: то, за силою ст. 60-й Свода основныхъ государственныхъ законовъ, дѣла сіи подлежитъ кончить въ гражданско-уголовномъ порядкѣ. Что касается другого вопроса вашего о томъ, распространяются-ли помянутыя высочайшія повелѣнія о поджигателяхъ и *на женщинъ*, кои могутъ оказаться виновными въ семъ преступленіи: то, не видя изъ донесенія вашего, чтобы таковой случай дѣйствительно представился, я признаю *преждевременнымъ* входить въ разсмотрѣніе онаго“.

Такимъ образомъ Перовскій не сказалъ ни *да*, ни *нѣтъ* относительно преданія женщинъ военному суду. Къ счастію, поджигательницъ въ Ярославской губерніи не оказалось, а потому вопросъ о нихъ, какъ говорится, „остался открытымъ“. Тогда Ярославскимъ губернскимъ властямъ слѣдовало заняться составленіемъ мрачнаго церемоніала для казни одного поджигателя Игнатія Дмитріева, и власти, дѣйствительно, отличились: „придали возможную важность церемоніи“, согласно высочайшему повелѣнію, не убоялись даже печатной гласности. По городу Ярославлю и его уѣзду было распространено нижеслѣдующее объявленіе, напечатанное въ типографіи Губернскаго Правленія и прокорректированное самимъ Ханыковымъ.

„Сего Ноября мѣсяца 25 числа, въ Среду, въ 9 часовъ утра, вывезенъ будетъ изъ Ярославскаго тюремнаго замка и будетъ препровожденъ чрезъ городъ и рѣку Волгу, за строгимъ конвоемъ внутренней стражи и жандармовъ, въ деревню Ченцово, Ярославскаго уѣзда, преступникъ, изобличенный въ зажигательствѣ трехъ деревень: Бортникова, Ченцова и Чемерова, ка-

---

*) Предписаніе отъ 17 Ноября 1842 г., за № 5526.

зенной Григорьевской волости крестьянинъ Игнатій Дмитріевъ, сужденный, по высочайшему Государя Императора повелѣнію, военнымъ судомъ и приговоренный къ наказанію на мѣстѣ преступленія, гдѣ преступника сего и ожидаетъ строй военной команды".

Церемоніалъ казни состоялъ изъ 12-ти пунктовъ. Составитель его вице-губернаторъ Ханыковъ, какъ увидитъ читатель, съумѣлъ создать для ужасной драмы надлежащую обстановку, изображенную въ слѣдующей, тоже печатной, публикаціи:

„Отъ управляющаго Ярославскою губерніею, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, дается знать и предписывается къ исполненію, до кого чтó принадлежитъ, слѣдующее.

1. Содержащійся въ Ярославскомъ тюремномъ замкѣ преступникъ, крестьянинъ Игнатій Дмитріевъ, изобличенный въ зажигательствѣ трехъ деревень и осужденный военнымъ судомъ къ наказанію на мѣстѣ преступленія—въ деревнѣ Ченцовѣ, Ярославскаго уѣзда, для совершенія надъ нимъ того наказанія въ назначенный день, именно сего Ноября 25-го числа, въ Среду, въ 9 часовъ утра, изъ мѣста заключенія препровождается чрезъ городъ къ мѣсту наказанія, за строгимъ конвоемъ внутренней стражи и жандармовъ. При семъ порядокъ соблюдается слѣдующій.

2. Полиціймейстеръ города, въ назначенное время, выводитъ изъ замка преступника, связаннаго, подъ карауломъ, и передаетъ назначенному для препровожденія его и тутъ-же находящемуся конвою.

3. Вмѣстѣ съ симъ приказывается отъ полиціймейстера посадить преступника на приготовленныя тутъ-же дровни, запряженныя въ одну лошадь, и везти тихо.

4. Отправясь, полиціймейстеръ слѣдуетъ впереди; за нимъ идутъ три барабанщика и бьютъ дробь, употребляемую при наказаніяхъ, а за барабанщиками слѣдуетъ конвой, окружающій преступника.

5. Четыре жандарма на лошадяхъ, съ обнаженными палашами, окружая (?), также сопровождаютъ преступника.

6. Конвой оный съ преступникомъ слѣдуетъ за полиціймейстеромъ отъ тюремнаго замка по Угличской улицы до Власьевской церкви, а оттуда-же прямою дорогою по Стрѣлецкой улицѣ на Волгу.

7. Чрезъ рѣку Волгу преступникъ препровождается, какъ по времени и по усмотрѣнію полиціймейстера будетъ удобнѣе и безопаснѣе, то-есть съ полнымъ-ли конвоемъ или уменьшеннымъ.

8. Полиціймейстеръ препровождаетъ такимъ порядкомъ преступника до заставы города, у которой того преступника передаетъ исправнику, для препровожденія тѣмъ-же порядкомъ.

9. Отъ заставы, за исправникомъ, ѣдущимъ впереди, идетъ передъ конвоемъ одинъ барабанщикъ съ барабаномъ и въ каждомъ селеніи на пути, входя и проходя оное, бьетъ въ барабанъ.

10. Въ городѣ и уѣздѣ полиціймейстеръ, исправникъ и конвойные строго наблюдаютъ, чтобы никто изъ встрѣчающихся и зрителей не смѣлъ подходить къ преступнику и говорить съ нимъ что-либо.

11. По доставленіи преступника къ мѣсту наказанія, исполнить оное по приговору военнаго суда, съ соблюденіемъ обряда и правилъ установленныхъ, предоставляется военному начальству.

12. По совершеніи-же того, земскій исправникъ наказаннаго преступника привозитъ подъ стражею въ Ярославскій тюремный зàмокъ, сдаетъ г. смотрителю и рапортуетъ благополучно (sic!) о томъ управляющему губерніею".

Вице-губернаторъ *Ханыковъ.*

Но такого благополучнаго рапорта Ханыкову не привелось получить. За нѣсколько дней до своей казни, Игнатій Дмитріевъ съ полной откровенностью вновь сознался въ трехъ поджогахъ въ деревняхъ Бортниковѣ, Ченцахъ и Чемеровѣ; когда-же подсудимому объявили, что Государь Императоръ ограничилъ наказаніе *только* шестью тысячами ударовъ, онъ тотчасъ потерялъ всякую надежду остаться въ живыхъ послѣ этой экзекуціи и умолялъ, чтобы его высѣкли кнутомъ. Вѣроятно, острожные товарищи наговорили ему много ужаснаго о расправѣ шпицрутенами. Это мудреное словцо переводилось на острожномъ языкѣ словами: „березовая роща". Прогулка по ней, по всей вѣроятности, должна была кончиться смертью. Правда, что иногда и болѣе 6,000 ударовъ переносила многотерпѣливая спина Русскаго солдата Александро-Аракчеевскихъ и Николаевскихъ временъ, но лишь при непремѣнномъ условіи, если солдатъ былъ здоровякъ; Игнатій-же Дмитріевъ не отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Судя по медицинскому акту, это былъ ледящій, худосочный мужичонко-пропоица. Разумѣется, военные судьи не склонились, да и лишены были права склониться, на его мольбы о замѣнѣ шпицрутеновъ кнутомъ. „6.000, ни больше, ни меньше!" строго отчеканилъ презусъ, обратившись къ упавшему на колѣни поджигателю.

„Тогда *) означенный преступникъ отмѣнилъ первое свое показаніе данное въ Уѣздномъ Судѣ, что всѣ сіи зажигательства и кражу имущества съ пожаровъ онъ, Дмитріевъ, производилъ будто бы вдвоемъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ Осипомъ Титовымъ; напротивъ того, заявилъ, что поджигалъ и воровалъ только онъ одинъ, безъ участія Осипа Титова, который о всемъ томъ ничего не знаетъ, а показывалъ-де при слѣдствіи, будто онъ (Титовъ) участвовалъ съ нимъ въ зажигательствахъ, совершенно несправедливо и для того единственно, чтобы замедлить дѣло".

Совѣсть, значитъ, заговорила въ поджигателѣ. Но сомнительно, чтобы военные судьи рѣшились повѣрить голосу этой слишкомъ подозрительной „совѣсти". Къ счастью для Титова, во время всѣхъ тѣхъ пожаровъ, онъ обрѣтался въ другихъ мѣстахъ—*на воровствѣ.* Поэтому военный судъ заключилъ: „Крестьянина дер. Нагорнаго Осипа Титова предоставить распоряженію гражданскаго начальства". Игнатій Дмитріевъ прошелъ „сквозь

---

*) Донесеніе вице-губернатора Ханыкова министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому, отъ 28 Ноября 1842 г., за № 5980, основанное на сообщеніи военно-судной коммиссіи.

строй *только* шесть разъ; а въ каждомъ „строѣ“ стояли „люди-братья“, вооруженные палками, и каждая изъ этихъ палокъ тиранствовала, свистя въ осеннемъ воздухѣ, и каждый свистъ ея сопровождался сначала громкимъ стономъ и крикомъ, а потомъ все болѣе и болѣе слабымъ, умирающимъ шопотомъ:

— Братцы! Православные! Христа-ради, помилосердствуйте!

„Честь имѣю донести вашему высокопревосходительству (рапортовалъ Ханыковъ министру Перовскому), что приговоръ военнаго суда, основанный на собственноручной высочайшей резолюціи, приведенъ въ исполненіе, 25-го числа сего Ноября, въ точности, съ помощью (sic!) 4-го батальона Владимирскаго полка, при деревнѣ Ченцовѣ, находящейся въ центрѣ сожженныхъ деревень и отстоящей отъ города Ярославля въ 10-ти верстахъ. При семъ почтительнѣйше доношу, что крестьянинъ-злодѣй Игнатій Дмитріевъ, по наказаніи, отправленъ былъ подъ стражею обратно въ городъ Ярославль, въ тюремный зàмокъ, но на пути, въ пяти верстахъ отъ Ярославля, *померъ*“...

„Почитаю себя также обязаннымъ доложить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства, что въ день препровожденія преступника Игнатія Дмитріева изъ тюремнаго зàмка къ мѣсту наказанія, по предварительной отъ полиціи повѣсткѣ *и по случаю приданной мною важности церемоніи*, стеченіе народа въ городѣ Ярославлѣ было до 10.000 человѣкъ, а на мѣстѣ казни было болѣе 15.000 человѣкъ, собравшихся изъ селеній и изъ города. Въ народѣ, между многаго множества зрителей, какъ при отправкѣ сего преступника, такъ и на мѣстѣ наказанія, были слышны справедливыя сужденія о важности вины его, *и всѣ были довольны*“...

Спорить противъ послѣдняго выраженія оффиціальнаго документа, конечно, мы не дерзаемъ.

Л. Трефолевъ.

*

Важно было бы дознать, часто ли случались послѣ этого поджоги въ окрестностяхъ города Ярославля; а населеніе конечно было довольно заботою объ его безопасности. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ДАГЕСТАНА.

Жизнь бывшаго имама Чечни и Дагестана Шамиля въ Россіи, послѣ плѣненія его въ 1859 г. на Гунибѣ, не разъ служила предметомъ описанія [1]). Объ этомъ же предметѣ появилась недавно статья Рындина: „Имамъ Шамиль въ Россіи", помѣщенная въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за прошлый, 1895 годъ, № 11, 529—542, и написанная на основаніи бумагъ изъ Калужскихъ архивовъ. Она заключаетъ въ себѣ много неточностей [2]).

Въ архивѣ канцеляріи военнаго губернатора Дагестанской области находится нѣсколько дѣлъ, относящихся къ Шамилю и его семейству во время ихъ пребыванія въ Россіи. Въ этихъ дѣлахъ находимъ многія подробности, до сихъ поръ необнародованныя, но представляющія интересъ. Интересны онѣ, вопервыхъ, для характеристики бывшаго имама и его семейства; въ этомъ отношеніи интересъ ихъ усугубляется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Шамилю, замѣтна нѣкоторая идеализація, впадающая иногда въ панигеричный тонъ, какъ у г-жи Чичаговой. Вовторыхъ, наши документы интересны для характеристики того (едвали часто и вездѣ встрѣчаемаго) вниманія, съ которымъ наше правительство относилось ко всему, что касается плѣннаго семейства: не говоря уже о щедрости, съ которою оно содержалось и съ которою отпускались средства не удовлетвореніе всѣхъ нуждъ, даже иногда несущественныхъ, немало хлопотъ, какъ увидимъ, причиняли различныя притязанія, просьбы и семейныя несогласія. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ имѣютъ значеніе не только для исторіи Шамиля, но и вообще даютъ матеріалъ для изученія быта горцевъ Дагестана, ихъ семейной жизни, воззрѣній и т. п.

Въ исторіи Кавказской войны довольно видную роль играла такъ-называемая „экстраординарная сумма", находившаяся въ распоряженіи

---

[1]) Статьи, посвященныя Шамилю въ Россіи, указаны въ нашемъ „Опытѣ библіографіи Дагест. области". 110 (Памятная книжка Даг. обл..) Статьи Руновскаго (см. тамъ же 111, 116, 120, 121) выгодно отличаются между прочими. Книга г-жи Чичаговой: Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи. Спб. 1889, не всегда точна.

[2]) Нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Рындина о мюридизмѣ, въ которомъ онъ видитъ ученіе средпеазіатской секты фанатиковъ - мусульманъ. Нѣкоторыя имена г. Рындинъ пишетъ неправильно; такъ, у него вездѣ вмѣсто Джемалъ-Эддиновъ — Джаманъ-Эддиновъ. Дѣло о недвижимомъ имуществѣ Шамиля въ Гимрахъ изложено не совсѣмъ точно, при чемъ Гимрамъ придано неизвѣстное имя „Гилуры". Время выѣзда Шамиля изъ Шуры въ 1859 г. обозначено неточно, и т. п.

какъ главнокомандующаго Кавказскою арміею, такъ и частныхъ военныхъ начальниковъ. Она расходовалась (на основаніи правилъ, изложенныхъ въ добавленіи къ приказу по Кавказскому корпусу 27 Января 1841 г. и подтвержденныхъ приказомъ по корпусу 16 Января 1850 года) на лазутчиковъ, на угощеніе горцевъ, прибывавшихъ по своимъ или служебнымъ дѣламъ, на подарки, на наемъ помѣщеній для Азіатцевъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ или отъ города отводимыхъ квартиръ, на канцелярскія издержки частнымъ начальникамъ, гдѣ это по штатамъ не положено. Кромѣ того изъ экстраординарной суммы высылалось отдѣльно: на выдачу вознагражденій за поимку нашихъ дезертировъ и на содержаніе аманатовъ, плѣнныхъ и арестантовъ изъ горцевъ. Съ 1857 г. командовавшему войсками въ Прикаспійскомъ краѣ отпускалось по 15.000 р. въ годъ; въ 1859 г., „по случаю нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ“, въ Августѣ мѣсяцѣ отпущено было дополнительно 5.000 р. Такое увеличеніе экстраординарной суммы дѣйствительно было вызвано приближавшимся паденіемъ Шамиля и усилившимися вслѣдствіе этого сношеніями съ горцами, готовыми оказать „преданность и важныя услуги нашему правительству“, какъ писалось тогда. Въ дѣлѣ объ экстраординарной суммѣ въ 1859 г. [3]) находимъ чрезвычайно любопытныя, доселѣ необнародованныя, свѣдѣнія объ одномъ эпизодѣ военныхъ дѣйствій этого года. Дѣло идетъ о крѣпости Уллу-Кала, построенной Шамилемъ около Гергебиля, на границѣ нашихъ владѣній. О сдачѣ ея въ Іюлѣ 1859 г. въ оффиціальной исторіи [4]) не приводилось никакихъ подробностей. Въ вышеуказанномъ дѣлѣ сохранились собственноручныхъ письма князя А. И. Барятинскаго къ барону А. Е. Врангелю [5]), важныя для характеристики положенія дѣлъ того времени и въ частности показывающія, что князь Барятинскій хорошо понималъ горцевъ. Вотъ эти два письма:

„Весьма секретно. Тифлисъ 30 Марта 1859 г. Пишу вамъ собственноручно, любезный баронъ Александръ Евстафьевичъ, для лучшаго сокрытія тайны, и извиняюсь впередъ за трудъ, доставленный вамъ моимъ неразборчивымъ почеркомъ. Я чрезвычайно доволенъ послѣдними вашими военными дѣйствіями и ожидаю отъ нихъ положительной пользы; движенія колоннъ князя Мирскаго и генерала Ракуссы сдѣланы превосходно и сильно подѣйствуютъ на Ичкеринцевъ и на самый отрядъ (?) Шамиля. Но что меня болѣе всего заняло въ послѣднемъ вашемъ донесеніи, это набѣгъ полковника Лазарева на Улли-Калу. Давно уже я помышлялъ объ этомъ пунктѣ, лично мнѣ извѣстномъ и овладѣніе котораго составляетъ для меня одно изъ важнѣйшихъ моихъ домогательствъ. Ежели бы вы полагали возможнымъ поручить занятіе онаго полк. Лазареву или кому-либо другому по вашему

---

[3]) Дѣло штаба войскъ въ Прик. краѣ. По генер. штабу, II отдѣл., 1859 г., № 18. О приходѣ и расходѣ экстраординарной суммы въ теченіе 1859 г.

[4]) Напр. у Волконскаго: Окончат. покореніе восточнаго Кавказа. Кавк. сборникъ, IV, 69-436.

[5]) У г. Зиссермана (Біографія князя Барятинскаго) ихъ нѣтъ.

усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы удержать это мѣсто за собою, то я согласенъ пожертвовать для этого пріобрѣтенія до 10 т. р. с., которые до моего возврата прошу выдать изъ вашихъ суммъ. Мнѣ кажется, что на эти деньги, и даже можетъ быть и дешевлѣ, можно купить самого наиба. Совѣтъ мой не требовать вамъ ни росписки, ни отчета въ этой суммѣ, ибо могутъ быть изъ оной и остатки; а пріобрѣтеніе за 10 т. укрѣпленія Улли-Кала для меня такъ важно, что и въ двое за нее заплатить составляло бы всетаки экономію людей, денегъ, труда и времени. Объ содержаніи этого письма, кромѣ насъ двухъ, и того, кому вы дадите это порученіе, никто не долженъ знать. Буду съ нетерпѣніемъ ждать вашего увѣдомленія. Истинно вамъ преданный князь Барятинскій".

„Тифлисъ. 26 Апрѣля 1859 года. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ почтеннѣйшій и многоуважаемый баронъ Александръ Евстафьевичъ, извѣстія о занятіи Уллу-Кале. Разрѣшеніе этого вопроса очень важно для меня въ особенности ежели оно исполнится безъ особеннаго пролитія крови, и я предоставляю вамъ употребить на исполненіе этого важнаго предпріятія ту сумму, которую вы найдете для того необходимою, вовсе не ограничивая васъ размѣромъ ея; но мнѣ надобно непремѣнно, чтобы не позже второй половины Мая мѣсяца этотъ пунктъ былъ бы нами прочно занятъ, и надѣюсь вполнѣ на дѣятельность и рѣшительность вашу, чтобы исполнить мое желаніе. Чѣмъ вы скорѣе исполните мое порученіе, тѣмъ я стану вамъ благодарнѣе. Примите, почтеннѣйшій баронъ Александръ Евстафьевичъ, увѣреніе искреннихъ моихъ чувствъ сердечнаго уваженія и преданности князь Барятинскій".

Желаніе князя исполнилось нѣсколько позднѣе указаннаго имъ времени (Уллу-Кала была занята нами только 24 Іюля), но за то обошлось значительнѣе дешевлѣ: полк. Лазаревымъ „въ теченіе переговоровъ, продолжавшихся, какъ до начала лѣтней экспедиціи, такъ и во время ея, издержано 1017 р. 35 к." (Врангель кн. Барятинскому 12 Сент. 1859, № 1157). Впрочемъ покорность Уллу-Калы, также Чоха, обошлась нѣсколько дороже, ибо Чохскому и Уллу-калинскому наибамъ „за преданность и оказанныя весьма важныя услуги" выдано въ Августѣ мѣсяцѣ изъ экстраординарной суммы, первому 500 р., второму 700 р. Вообще насколько разыгрались аппетиты у горцевъ, предвидѣвшихъ паденіе грознаго имама, видно изъ того, что въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцахъ 1859 г. изъ экстраординарной суммы барономъ Врангелемъ издержано 12.354 р. 93 коп., изъ которыхъ на одно угощеніе Азіатцевъ пошло 3.390 р. 93 коп. Вообще изъявленіе покорности Дагестанцами сопровождалось довольно пріятными для нихъ явленіями: кромѣ денегъ, еще болѣе щедро раздававшихся лично княземъ Барятинскимъ, лѣтомъ 1859 г. различныхъ дорогихъ вещей было роздано на 10.416 р. 25 коп., особенно во время осады Гуниба [6]).

---

[6]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1861, № 132.

Подвластные Шамиля были не прочь воспользоваться въ тоже время имуществомъ и своего имама: какъ извѣстно, во время бѣгства его на Гунибъ транспортъ съ его имуществомъ былъ ограбленъ, а при выходѣ съ Гуниба даже члены его семейства лишались своего цѣннаго имущества. Такъ у жены старшаго сына его, Каниматъ, были украдены нѣкоторыя вещи, въ томъ числѣ нагрудникъ, и въ покражѣ ихъ ея отецъ, Даніель-Бекъ, обвинялъ Чохскаго наиба [1]). Уже живя въ Шурѣ, Шамиль обратился къ барону Врангелю съ слѣдующимъ письмомъ: „Высокостепенному и высокомѣстному генералъ-адъютанту барону Врангелю. Да продолжатся ваша слава и величіе! Казначей Хаджіевъ Урутійскій роздалъ разнымъ лицамъ деньги на сохраненіе. Теперь деньги тѣ они не возвращаютъ, и такъ какъ вашему пр—ству извѣстна многочисленность семейства моего и прислуги, для котораго потребны большіе расходы для жизни, то покорнѣйше прошу приказать возвратить мнѣ деньги тѣ и написать всѣмъ имъ о томъ приказаніе. Я не сомнѣваюсь, что в. пр—ство уважите мою просьбу и тѣмъ окажите мнѣ благодѣяніе. О количествѣ отданныхъ денегъ разнымъ лицамъ и имена ихъ разскажетъ вамъ посылаемый при семъ Хаджіа. Шамиль-Эфенди. 2 Сентября 1859 г.“

Баронъ Врангель поспѣшилъ исполнить желаніе Шамиля и 17 числа писалъ Лазареву: „Вслѣдствіе ходатайства семейства Шамиля объ освобожденіи Карахскаго Аджіова Дибиря Аджіевъ-оглы, для полученія отъ него врученныхъ ему денегъ Шамиля, я приказалъ освободить его и отправиться вмѣстѣ съ бывшимъ казначеемъ Шамиля Хадокіовымъ Ороканскимъ, отъ котораго приняты были первымъ деньги на сохраненіе“ [2]). Розыски, кажется, не были особенно удачны, ибо въ Ноябрѣ того же года старшій сынъ Шамиля, Кази-Магома, просилъ замѣстившаго барона Врангеля князя Меликова истребовать отъ нѣкоторыхъ лицъ, коимъ переданы на сохраненіе Арабскія книги отца его и его самого; онъ жаловался, что нѣкоторые изъ Чиркеевцевъ, жившихъ въ горахъ и служившихъ при его отцѣ, отказываются отъ возвращенія ему денегъ, отданныхъ имъ на сохраненіе казначеемъ Шамиля Аджіовымъ во время провоза черезъ Карахское общество имущества Шамиля; всего онъ указалъ 4-хъ лицъ, у которыхъ, по его словамъ, находилось 4.600 р. и 2 ружья [3]). Старикъ Шамиль могъ бы послужить примѣромъ аккуратности для его бывшихъ подвластныхъ: въ Маѣ 1860 г. онъ препроводилъ къ князю Меликову двѣ книги на Арабскомъ языкѣ, взятыя имъ для прочтенія, „но не отданныя по настоящее время, вслѣдствіе прошлогоднихъ событій“, и просилъ возвратить ихъ Казикумухскому жителю Мусѣ, производившему самую значительную торговлю въ бывшей его резиденціи, Дарго-Ведено [4]).

---

[1]) Дѣло кап. нач. Даг. обл., II отд., 1861, № 179.
[2]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1859, № 177.
[3]) Дѣло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.
[4]) Дѣло гражд. канц. команд. войсками въ Прик. кр., II отд., 1860, № 74—69.

Изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ прибытію Шамиля въ Шуру, остановимся на двухъ: пребываніи князя Барятинскаго у Гуниба и на книгахъ Шамиля. Разсказъ г. Зиссермана въ гл. VII втораго тома прекрасной біографіи князя о колебаніяхъ и нерѣшительности послѣдняго во время осады Гуниба находитъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ „о проѣздѣ чрезъ Прикаспійскій край г. главнокомандующаго Кавказскою арміей“. (Дѣло канц. нач. Даг. обл. 1859, № 167). 8 Августа баронъ Врангель сообщалъ изъ-подъ Гуниба Дербентскому губернатору, что князь Барятинскій прибудетъ въ отрядъ 15 числа, откуда выйдетъ въ Шуру, Дербентъ, Кубу и Тифлисъ. 14 Августа онъ сообщилъ, что изъ Шуры князь выѣдетъ въ Дербентъ 24 числа. 18-го баронъ писалъ, что кн. Барятинскій, отмѣнивъ поѣздку въ Шуру, гдѣ уже были его экипажи, выѣдетъ прямо въ Дешлагаръ-Дербентъ, но котораго именно числа состоится эта поѣздка, еще неизвѣстно. Наконецъ, 23 Августа, т. е. за два дня до паденія Гуниба, Врангель сообщилъ, что князь Барятинскій отложилъ на нѣкоторое время выѣздъ изъ отряда.

При выходѣ Шамиля изъ Гуниба въ числѣ вещей, принадлежавшихъ ему, оказалось пять сумокъ съ книгами. Онѣ были доставлены въ Шуру и разобраны коммиссіею изъ трехъ переводчиковъ. По содержанію книги, какъ было видно изъ надписей, принадлежавшія старшему сыну Шамиля, раздѣлялись на четыре отдѣла: 1) священныя (Алкоранъ, комментаріи на него и т. п.), 2) грамматическія, 3) юридическія, въ томъ числѣ Мингаджъ, „принятый за руководство въ Дагестанѣ“, и 4) хадисы или разсказы, относящіеся до жизни Могамеда и другихъ халифовъ, собраніе молитвъ, заговоровъ, мелкихъ стихотвореній и др. „Особенныхъ сочиненій по поводу мюридизма и историческихъ не оказалось“ *). Изъ этого видно, что едва ли Шамиля и его сына можно было причислить къ ученымъ арабистамъ, въ смыслѣ знатоковъ Арабской литературы.

Пребыванію Шамиля и его семейства въ Шурѣ и отправленію ихъ отсюда посвящено объемистое дѣло гражданской канцеляріи начальника Дагестанской области (1859 г., № 183) „по распоряженію командующаго войсками о суммѣ на продовольствіе проживающаго въ Шурѣ семейства Шамиля и объ отправленіи семейства этого въ Россію“. Оно дастъ намъ множество характерныхъ чертъ, еще неизвѣстныхъ въ печати, для обрисовки какъ плѣнныхъ, такъ и вообще горцевъ.

О самомъ Шамилѣ имѣется два письма барона Врангеля. Въ письмѣ къ Д. А. Милютину отъ 6 Сентября баронъ пишетъ: „Шамиль выѣхалъ изъ Шуры 3 Сентября. Я, вернувшись въ Шуру, засталъ его совершенно успокоившимся; прежняя недовѣрчивость къ намъ замѣнилась въ немъ желаніемъ выказать твердую увѣренность въ полномъ доброжелательствѣ къ его дому. Онъ сдѣлался до того привѣтливъ и разговорчивъ, что я, какъ и многіе другіе, съ удовольствіемъ бесѣдовали съ нимъ по нѣскольку разъ. Вчера я узналъ, что все почти лучшее общество г. Петровска выѣхало въ Кумтер-

*) Дѣло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

кале, чтобы видѣть Шамиля, при проѣздѣ черезъ это селеніе, и приготовило для него чай и другія угощенія. Шамиль охотно принялъ приглашеніе Петровскаго общества, бесѣдовалъ съ членами его, особенно съ дамами, слишкомъ два часа, подавалъ имъ руку и, разставаясь съ ними, просилъ подарить ему зонтикъ, которымъ онъ забылъ запастись. Дамы наперерывъ предлагали свои зонтики, но онъ нашелъ ихъ недостаточными для дѣйствительной защиты отъ солнца и, принявъ мужской зонтикъ, разстался съ гостепріимнымъ обществомъ съ большою благодарностью. Такая скорая перемѣна Шамиля къ лучшему и изумляющая Мусульманъ сообщительность его съ нами подаютъ хорошія надежды". Въ письмѣ къ князю Барятинскому, отъ 7 Сентября, баронъ писалъ: „Наканунѣ выѣзда своего изъ Т.-Х.-Шуры, Шамиль обратился ко мнѣ съ убѣдительною просьбою, чтобы все семейство его было отправлено вслѣдъ за его выѣздомъ отсюда въ г. Моздокъ къ родственникамъ одной изъ женъ его, тамошней урожепки Шуанетъ. Поводомъ къ такой просьбѣ, какъ онъ говорилъ мнѣ, служитъ то, что онъ желалъ бы доставить женѣ своей болѣе пріятный пріютъ между родными, и избавить всю свою семью отъ неотступныхъ любопытныхъ туземныхъ Мусульманъ, съ которыми онъ не желаетъ имѣть никакого общенія. Дѣлалось ли это искренно, или по какимъ-либо видамъ, я не знаю; но во время пребыванія въ Шурѣ Шамиль дѣйствительно отказывалъ большею частью Мусульманамъ въ пріемѣ, всѣхъ же Русскихъ дозволялъ вводить къ себѣ и охотно бесѣдовалъ съ ними. Кромѣ того Шамиль неоднократно просилъ меня отправить съ нимъ въ Петербургъ, въ качествѣ переводчика, состоящаго при мнѣ прапорщика Исая Грамова, котораго онъ знаетъ хорошо и довѣряетъ ему во всемъ" [1]). Послѣднее желаніе Шамиля было удовлетворено, но первое только отчасти. Съ дороги Шамиль написалъ Врангелю письмо, въ которомъ снова убѣдительно просилъ отправить жену его Шуанетъ въ г. Моздокъ, къ братьямъ ея, одинъ изъ которыхъ Архипъ Улухановъ, Моздокскій 1 гильдіи купецъ, пріѣхалъ въ Шуру съ этимъ письмомъ. Вслѣдствіе этого Шуанетъ 21 Сентября выѣхала съ братомъ, слугою и служанкою въ Моздокъ [2]).

---

[1]) Грамовъ былъ извѣстенъ Шамилю со времени переговоровъ объ освобожденіи Цинондальскихъ плѣнницъ, въ 1855 г.

[2]) Въ прекрасной, роскошно изданной, но мало распространенной по спеціальному содержанію и по дороговизнѣ, „Исторіи Нижегородскаго драгунскаго полка", г. Потто (т. VIII, 24—27) сообщаетъ интересныя данныя о пребываніи Шамиля въ Чиръ-Юртѣ, тогдашней штабъ-квартирѣ названнаго полка. Разсказъ основанъ на Запискахъ графа Ностица, командовавшаго въ то время полкомъ. Графъ Ностицъ, большой любитель фотографіи, хотѣлъ снять портретъ съ Шамиля. Послѣдній согласился, но сидѣлъ неспокойно, тревожно оглядывался по сторонамъ и, судорожно ворочаясь на стулѣ, то и дѣло брался за рукоятку кинжала. Работа не удавалась; нѣсколько разъ возвращался графъ въ свою лабораторію (она находилась въ саду), чтобы заготовить новыя стекла. Идя за новою пластинкою, онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою картину, далеко немирнаго характера: за кустами и каменной оградой садика стояли драгуны и держали ружья на

Остальное семейство Шамиля осталось въ Шурѣ, пользовалось казеннымъ содержаніемъ и готовилось ѣхать въ Россію къ Шамилю. Во время пребыванія въ Шурѣ умерла внучка Шамиля, дочь его младшаго сына Магомы-Шефи, Мухаммедъ-Захидъ, 2-хъ лѣтъ. Въ тоже время нѣкоторые плѣнники старались воспользоваться своимъ положеніемъ для обдѣлыванія своихъ маленькихъ дѣлишекъ. Можно не удивляться, что члены семейства Шамиля считали себя въ правѣ просить вознагражденія за освобожденныхъ ими теперь, поневолѣ, невольниковъ, пріобрѣтенныхъ ими во время войны съ нами; но нельзя не удивляться, что баронъ Врангель раздѣлялъ ихъ мнѣніе. 4 Сентября 1859 г. онъ пишетъ князю Барятинскому, что жена сына Шамиля Магомы-Шефи, по прибытіи въ Шуру, давъ добровольно свободу оставшимся у нея въ услуженіи двумъ невольницамъ-Грузинкамъ, обратилась къ нему съ просьбою о вознагражденіи ея, въ томъ вниманіи, что съ плѣненіемъ ихъ семейства она и мужъ ея потеряли почти все состояніе. По отзыву жены Магомы-Шефи, невольницы куплены ею по 200 р. с. каждая. При настоящемъ положеніи семейства Шамиля, считая просьбу эту уважительною, баронъ проситъ объ удовлетвореніи ея и прибавляетъ: „Нѣкоторыя вліятельныя лица вновь покоренныхъ обществъ, оказавшія намъ

готовѣ; штыки были примкнуты. Полковой адъютантъ, узнавъ, что командиръ будетъ въ саду одинъ на одинъ съ Шамилемъ, да еще вооруженнымъ, вообразилъ, что онъ можетъ подвергнуться опасности, вызвалъ штуцерныхъ и размѣстилъ частью за оградой, а частью въ кустахъ, съ приказомъ не высовываться, но быть въ готовности, если случится что-нибудь недоброе. Драгуны были старослуживые; многіе изъ нихъ провели по десятку и болѣе лѣтъ на Кавказѣ, но никогда не видѣли Шамиля, а теперь случай представлялся такой удобный, что они мало-по-малу начали выползать изъ своей засады, но ружья держали наготовѣ. Вотъ эта-то картина, не представлявшая ничего успокоительнаго, и смущала Шамиля. Графъ удалилъ ихъ, и Шамиль, понявъ, что было какое-то недоразумѣніе, сѣлъ смирно и далъ съ себя снять портретъ. Встрѣтясь съ графомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, Шамиль сказалъ ему: „Я былъ увѣренъ, что меня лишатъ жизни, и полагалъ, что тебѣ данъ приказъ разстрѣлять меня; да и кто же могъ бы это лучше исполнить, какъ не командиръ „шайтанъ-драгуновъ?“ Къ тому же ты мнѣ сдѣлалъ новую одежду, а такъ поступали у насъ съ наибами, которыхъ я приказывалъ казнить: ихъ всегда одѣвали во все лучшее и новое. Ты меня посадилъ на стулъ въ уединенномъ саду, навелъ на меня маленькую пушку и велѣлъ сидѣть смирно: я думалъ, что если ты не попадешь, то меня добьютъ стоящіе въ десяти шагахъ твои шайтаны-драгуны. Богъ спасъ тогда тебя; рука моя была еще сильна, и я готовъ былъ вонзить кинжалъ въ твою грудь. Убили бы меня, но и ты въ живыхъ не остался бы“. Портретъ Шамиля, бывшій причиною этого траги-комическаго qui-pro-quo, съ виньеткою Горшельта, помѣщенъ у г. Потто. Напрасно только онъ говоритъ, что это былъ первый портретъ имама. Фотографическій — да, но первымъ портретомъ Шамиля, напечатаннымъ въ Россіи, былъ сдѣланный по памяти княгинею Чавчавадзе и приложенный, съ высочайшаго разрѣшенія (о немъ см. Акты Кавк. Археогр. коммиссіи, XI, 965), въ книгѣ Вердеревскаго: Плѣнъ у Шамиля. 1856.

содѣйствіе въ умиротвореніи Дагестана и давшія свободу своимъ невольникамъ и невольницамъ изъ Грузинъ, по мнѣнію моему, также заслуживаютъ особеннаго противу прочихъ вознагражденія, и если ваше сіятельство удостоите мысль мою одобренія, то я полагалъ бы назначить таковое вознагражденіе, въ количествѣ 120 р. с. за душу, т. е. ту самую плату, которая выдавалась до покоренія Дагестана изъ моего управленія за каждаго плѣннаго Грузина, какого бы возраста и пола ни было, изъ суммы, собранной отъ доброхотныхъ жертвователей. Нынѣ сумма эта уже вся израсходована, и на удовлетвореніе нѣкоторыхъ хозяевъ, у коихъ взяты невольники, по мнѣнію моему, достаточно было бы ассигнованіе примѣрно до 1.000 р. с.".

Въ Тифлисѣ на дѣло взглянули разумнѣе, и 12 Сентября Д. А. Милютинъ сообщилъ преемнику барона Врангеля: „Еще передъ тѣмъ доведено было до свѣдѣнія генералъ-адъютанта барона Врангеля рѣшеніе главнокомандующаго относительно того, что жители вновь покорившейся части Дагестана отнюдь не должны считать себя въ правѣ требовать какое-либо *вознагражденіе* за освобожденіе находившихся у нихъ въ неволѣ нашихъ плѣнныхъ, а должны освобождать ихъ безвозмездно; командующимъ же войсками предоставлено входить каждый разъ съ особыми представленіями о тѣхъ лицахъ, коихъ они признаютъ достойными, въ видѣ исключенія, денежнаго *пособія* отъ правительства, для возмѣщенія въ нѣкоторой мѣрѣ понесеннаго ими ущерба отъ увольненія плѣнныхъ. Вслѣдствіе сего, по докладу г. главнокомандующему означеннаго письма ген.-ад. бар. Врангеля, его сіятельство не изволилъ согласиться съ предположеніемъ его пр-ства Александра Астафьевича относительно вознагражденія вообще тѣхъ вліятельныхъ жителей вновь покорившейся части Дагестана, которые освободили нашихъ плѣнныхъ, и предлагаетъ вашему сіятельству входить, если признаете это нужнымъ, о вознагражденіи каждаго изъ этихъ жителей съ особымъ представленіемъ". Женѣ же Магомы-Шефи разрѣшено было выдать изъ экстраординарной суммы 400 р. *).

Довольствіе и приготовленіе къ пути семейства Шамиля было возложено на испр. должн. Шуринскаго полицеймейстера штабсъ капитана Лебле. Всего вообще на семью, во время пребыванія ея въ Шурѣ, съ 1 Сентября по 29 Ноября, было издержано 6.984 р. 42 коп.. въ томъ числѣ: 1) на наемъ дома для помѣщенія этого семейства, на обзаведеніе членовъ онаго постелями и другими необходимыми вещами и продовольствіе ихъ—2405 р. 9½ коп., 2) на покупку четырехъ экипажей (2 тарантаса и 2 фургона) и приготовленіе семейства Шамиля къ зимнему путешествію—1.379 р. 32½ коп., 3) на прогоны и путевое довольствіе отпущено 3.000 р', и 4) выдано Кази-Магомѣ, согласно просьбѣ его и по примѣру тому, какъ было дано

*) Какъ иногда попадали въ плѣнъ, показываетъ примѣръ дочери Гребенскаго линейнаго казачьяго полка казака Рагункина изъ ст. Червленной, Афросиньи, которая въ Апрѣлѣ 1858 г. была увезена въ горы съ двоюроднымъ братомъ и продана тамъ за 150 р. с. Несчастная 17-тилѣтняя дѣвица была освобождена послѣ взятія Гуниба. Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1859, № 177.

вознагражденіе женѣ Магомы-Шефи за невольницъ, за освобожденную невольницу Армянку изъ селенія Варташенъ—200 р.

6 Октября военный министръ сообщилъ о томъ, что Государь Императоръ повелѣть соизволилъ; 1) взятому въ плѣнъ Шамилю назначить мѣстомъ жительства г. Калугу; 2) производить ему содержаніе по 10.000 р. с. въ годъ изъ государственнаго казначейства; 3) дозволить сыну Шамиля, Кази-Магомѣ, отправиться въ Т.-Х.-Шуру за оставшимся тамъ семействомъ Шамиля и перевезти въ Калугу; 4) по позднему времени года и продолжительности пути принять самыя дѣятельныя мѣры къ обезпеченію семейства Шамиля всѣмъ необходимымъ для удобнаго совершенія путешествія; 5) всѣ издержки на отправленіе Кази-Магомы въ Т.-Х.-Шуру и на обратное слѣдованіе его оттуда, а равно на переѣздъ семейства, принять на счетъ госуд. казначейства; 6) во время слѣдованія Кази-Магомы въ Т.-Х.-Шуру и обратно съ семействомъ принять всѣ необходимыя мѣры предосторожности для благополучной доставки его по назначенію; 7) на мѣстѣ жительства Шамиля въ г. Калугѣ учредить за нимъ и его сыновьями бдительный присмотръ, но такъ, чтобы онъ не былъ стѣснителенъ.

Военнымъ Министерствомъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія. Шамиль отправленъ 7 Октября изъ Петербурга въ Калугу и по прибытіи туда, дозволено было отправиться въ Шуру за семействомъ сыну его Кази-Магомѣ, котораго сопровождали до Шуры переводчикъ полковникъ Алибекъ-Пензулаевъ, два казака (хорунжій и урядникъ) и фельдъегерскаго корпуса поручикъ Гузей-Разумовъ; 2) сопровожденіе Шамиля до Калуги и отправленіе оттуда Кази-Магомы въ Шуру возложено на старшаго адъютанта при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба Е. И. В. гвардіи полковника Богуславскаго, хорошо знакомаго съ языкомъ Шамиля и съ восточными нравами. Этому же штабъ-офицеру поручено озаботиться первоначальнымъ приспособленіемъ и устройствомъ дома въ Калугѣ, предназначеннаго для Шамиля и его семейства; 3) вмѣстѣ съ Кази-Магомою дозволено ѣхать въ Шуру двумъ мюридамъ, прибывшимъ съ Шамилемъ съ Кавказа—жителю Караты Магомедъ-Таушу и жителю Чиркея Абдулъ-Кериму. Оба изъявили желаніе возвратиться на родину, Абдулъ-Керимъ теперь же, а Магомедъ-Таушъ по возвращеніи съ семействомъ Шамиля въ Калугу; но послѣдній просилъ, по прибытіи въ Шуру, отправиться на нѣсколько дней въ горы, чтобы повидаться съ семействомъ своимъ и чтобы собрать имущество Шамиля, т. е. платье его и семейства и часть денегъ, около 600 р. с., которые были розданы на сохраненіе въ разныя руки, а деньги для спасенія отъ хищниковъ были зарыты въ землю.

Для надзора за Шамилемъ назначался особый приставъ съ помощникомъ изъ военныхъ офицеровъ и два переводчика.

28 Октября Кази-Магома прибылъ въ Шуру въ сопровожденіи выше названныхъ лицъ, кромѣ Пензулаева. Сопровождавшіе его два мюрида были, по мнѣнію князя Меликова, люди незначительные, бывшіе въ услуженіи у Шамиля и ничѣмъ особенно не ознаменовавшіеся; имъ было дозволено съѣз-

дить въ Карату и Чиркей. Абдулъ-Керимъ остался жить въ Чиркеѣ, а Ташъ-Магома, отмѣнивъ желаніе сопровождать семейство Шамиля въ Калугу, былъ принятъ Лазаревымъ въ конновооруженные нукеры. По окончаніи всѣхъ приготовленій къ зимнему путешествію, отъѣздъ плѣнныхъ былъ нѣсколько задержанъ ожиданіемъ пріѣзда Даніэль-бека, о чемъ скажемъ ниже; наконецъ въ Воскресенье, 29 Ноября, они двинулись въ путь въ 3 тарантасахъ, 2 фургонахъ и перекладной, всего на 30 лошадяхъ. Объ оказаніи имъ содѣйствія было написано всѣмъ попутнымъ начальствамъ; до Чиръ-Юрта подъ поѣздъ были наряжены лошади отъ частей войскъ. Изъ лицъ прибывшихъ въ Шуру съ Гуниба не поѣхали въ Калугу: дочь Магомы-Шефи, жена Кази-Магомы, Кариматъ (о которой ниже), уѣхавшая къ отцу въ г. Нуху; Магомедъ-Захидъ, двухъ лѣтъ, умершая здѣсь; служанки: Муслиметъ, отправленная на родину въ сел. Варташенъ, Элинетъ, отпущенная въ домъ свой въ Галгаевское общество; слуга Халилъ и жена его Хадиджетъ, отказавшіеся ѣхать. Выѣхали изъ Шуры сыновья Шамиля: Кази-Магома и Магома-Шефи; жены Шамиля-Зайдетъ, и Магомы-Шефи-Эминетъ; дочери Шамиля: Нанисатъ, Фатиматъ, Наджабатъ, Баху-Меседъ; зятья Шамиля: Абдурахманъ, мужъ Нанисаты, и дочь ихъ Магазатъ, и Абдурахимъ, мужъ Фатиматы; родственница Шамиля и нянька его дѣтей Ханумъ и сынъ ея Омаръ; родственникъ же Шамиля Джамалъ-Эддинъ-Хуссейнъ-Оглы, изъ Гимръ, вызвавшійся ѣхать въ Калугу; служанки Вали-Кизъ и Месси. Изъ Моздока къ поѣзду должны были присоединиться: Шуанетъ, жена Шамиля, дочь ея Шаніатъ, слуга Хайрулла и служанка Фаризатъ. До г. Екатеринограда сопровождалъ переводчикъ князя Меликова, подпоручикъ Дидаровъ, долженствовавшій изъ этого города поѣхать въ Тифлисъ, чтобы отдать отчетъ о выѣздѣ плѣнныхъ князю Барятинскому. До Калуги сопровождали: фельдъегерскаго корпуса поручикъ Гузей-Разумовъ и въ качествѣ переводчика житель Гадатлинскаго общества Дибиръ-Магома Хандіевъ.

Личность послѣдняго довольно замѣчательна. Уроженецъ сел. Тиды, Гидатлинскаго общества, Дибиръ-Магома бѣжалъ въ Шуру, спасаясь отъ жестокостей мачихи *), жилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ Новочеркаскѣ при своемъ двоюродномъ братѣ Магомедѣ Хандіевѣ, бывшемъ учителемъ Аварскаго языка въ восточномъ отдѣленіи при Новочеркаской гимназіи, съ 1855 по 1859 г. обучался Русскому и Арабскому языкамъ въ Т.-Х.-Шуринскомъ мусульманскомъ училищѣ, въ 1859 г. принятъ въ канцелярію командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ сверхъ-штатнымъ переводчикомъ и въ томъ же году, какъ мы видѣли, отправленъ въ Калугу. Государь Императоръ 5 Марта 1860 г. повелѣть соизволилъ Дибиръ-Магому оставить при семействѣ Шамиля въ качествѣ переводчика и, во вниманіе къ его бѣдности и достоинствамъ, производить ему жалованье, пока будетъ находиться въ сей должности, по 200 р. с. изъ госуд. казначейства. 1 Февраля 1861 г. главный штабъ Кавказской арміи сообщилъ князю Меликову,

*) Руновскій: Шамиль въ Калугѣ. Воен. Сборн., 1861, № 1,36.

что Дибиръ-Магома изъявилъ желаніе поступить на дѣйствительную службу въ войска, расположенныя въ Дагестанѣ, или же въ одно изъ тамошнихъ управленій словеснымъ переводчикомъ. По удостовѣренію пристава Руновскаго, Дибиръ - Магома поведенія очень хорошаго, характера кроткаго, отъ роду 20 лѣтъ, читать и писать умѣетъ по русски и по арабски, переводить можетъ съ Арабскаго, Аварскаго и Кумыкскаго, и вообще для службы будетъ очень полезенъ. Князь Меликовъ отвѣчалъ, что Дибиръ лично извѣстенъ ему съ весьма хорошей стороны, и что онъ считаетъ полезнымъ принять его на службу словеснымъ переводчикомъ при канцеляріи командующаго войсками въ Даг. области; но Дибиръ пробылъ въ этой должности очень недолго. Въ Октябрѣ того же года князь Меликовъ получилъ запросъ о кандидатѣ на вакансію старшаго учителя Аварскаго языка въ восточномъ отдѣленіи Новочеркаской гимназіи. Князь Меликовъ рекомендовалъ Дибиръ-Магому, который въ Январѣ 1862 г. и былъ назначенъ въ названную должность; въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему, князь Меликовъ писалъ: „Языкъ Аварскій, какъ природный его языкъ, извѣстенъ ему въ совершенствѣ; кромѣ того онъ говоритъ свободно на Русскомъ и Кумыкскомъ языкѣ, читаетъ и пишетъ по арабски и переводитъ весьма удовлетворительно съ Арабскаго на Русскій. Поведенія весьма хорошаго, характера кроткаго и имѣетъ стремленіе и способности къ дальнѣйшему развитію себя“ *).

Изъ другихъ лицъ семейства Шамиля выдаются Омаръ, сынъ Ханумъ, и Хайрулла, судьба которыхъ нѣсколько характеризуетъ нравственную атмосферу, въ которой жилъ бывшій имамъ.

Въ началѣ 1861 г. Омаръ-Мехтіевъ, которому въ 1859 г. было 17 лѣтъ, сынъ няньки Ханумъ, уроженки Кумуха, молочный братъ дочери Шамиля Наджабатъ, высказалъ Шамилю желаніе возвратиться на Кавказъ, для избранія себѣ рода жизни или для поступленія въ нашу службу; въ случаѣ отъѣзда сына, мать его желала ѣхать за нимъ. Но такъ какъ съ отъѣздомъ Ханумъ дѣти Шамиля оставались безъ должнаго надзора, то онъ не согласился отпустить Омара. Тогда Омаръ, приводя въ основаніе выраженное докторомъ во время его болѣзни мнѣніе, что ему необходимо для поправленія разстроеннаго климатомъ Калуги здоровья побывать на родинѣ въ продолженіе года, вновь просилъ Шамиля отпустить его хотя на этотъ срокъ. Но и на это Шамиль не согласился, единственно изъ опасенія, что „пріѣздъ одного изъ членовъ его семейства въ Дагестанъ и скорое его оттуда возвращеніе въ Калугу могутъ дать поводъ къ неблагопріятнымъ толкамъ, способнымъ возбудить подозрѣнія, крайне для него прискорбныя“. Но потомъ, убѣдившись въ болѣзни Омара, Шамиль изъявилъ свое согласіе на возвращеніе его на Кавказъ, но безъ матери; впрочемъ, въ предупрежденіе дальнѣйшихъ настояній со стороны послѣдней, онъ призналъ лучшимъ временный отъѣздъ

*) Дѣло канц. нач. Даг., обл., II отд., 1860, № 52—61. Впослѣдствіи Дибиръ-Магома былъ переводчикомъ при Дагест. народномъ судѣ въ Шурѣ, а потомъ наибомъ въ Аварскомъ округѣ, гдѣ былъ раненъ во время усмиренія мятежа 1877 года. Умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Омара съ правомъ по выздоровленіи возвратиться обратно въ Калугу. По удостовѣренію пристава при военноплѣнномъ, Омаръ молодой человѣкъ съ хорошими умственными способностями, добраго нрава и весьма преданъ Русскому правительству и Русскимъ обычаямъ. Князь Меликовъ, которому все это было сообщено, не находилъ препятствій къ возвращенію Омара въ Дагестанъ; въ Іюлѣ 1861 г. онъ уѣхалъ изъ Калуги, проживалъ въ сел. Кумухѣ у Шейха-Бутта-оглы, но въ Октябрѣ пожелалъ возвратиться въ Калугу, въ виду того, что мать его не желала оставаться безъ него въ домѣ Шамиля, семейство котораго не могло безъ нея обойтись, а самъ Шамиль выразилъ желаніе о возвращеніи Омара [1]). Но пребываніе Омара въ домѣ Шамиля было слишкомъ не радостно; съ одной стороны онъ „подвергался постоянному гоненію за несоблюденіе въ отношеніи религіи и общежитія мюридскихъ правилъ“, съ другой стороны—здоровье его все болѣе разстраивалось подъ вліяніемъ Калужскаго климата, такъ что въ концѣ 1864 г. онъ рѣшился навсегда разстаться съ семействомъ Шамиля и возвратиться на родину, чтобы поступить въ военную службу. Въ Маѣ 1865 г. ему высочайше разрѣшено опредѣлиться въ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ и выдать ему казенные прогоны до Шуры. Прибывъ сюда, Омаръ въ концѣ Декабря того же года умеръ; мать его умерла въ Калугѣ 7 Ноября 1865 года [2]).

18 Марта 1860 г. начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи писалъ князю Меликову: „Въ числѣ слугъ семейства Шамиля прибылъ въ Калугу житель Герата, Афганецъ Хайрулла, признаный по своимъ наклонностямъ весьма вреднымъ человѣкомъ. Имѣя въ виду, что Хайрулла, какъ Афганецъ, не принадлежитъ къ Русскимъ подданнымъ, военный министръ приказалъ возвратить его на Кавказъ, и уже сдѣлано распоряженіе объ отправленіи его, вмѣстѣ съ подпоручикомъ милиціи Грамовымъ, также возвращающимся къ мѣсту своего служенія“. Князь Меликовъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія о Хайруллѣ, и, если изъ собранныхъ свѣдѣній окажется, что онъ дѣйствительно Афганецъ и человѣкъ вредный въ краѣ, то выслать его въ Астрабатъ. Прибывъ въ Шуру, Хайрулла 13 Апрѣля далъ слѣдующее показаніе: „Житель г. Герата Афганскаго общества Гаджи Хайрулла Худайдатъ-оглы показалъ, что ему 40 лѣтъ, не женатъ, читать и писать не умѣю, съ малолѣтства не обучался никакому ремеслу, кромѣ дервишества. Лѣтъ 12 тому назадъ уѣхалъ изъ родины по свойству дервиша съ намѣреніемъ путешествовать въ Мекку, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, откуда отправился въ здѣшній край съ Персидскимъ паспортомъ. Пробывъ около 6 мѣсяцевъ въ Шемахѣ, прибылъ въ Нуху, откуда вмѣстѣ съ однимъ Казикумухцемъ поѣхалъ въ Кумухъ. Дорогою его ограбила партія хищниковъ и отправила въ Дарго, гдѣ Шамиль сначала принималъ его за лазутчика, но черезъ годъ принялъ его, какъ дервиша, къ себѣ въ домъ, гдѣ онъ находился у него при его семействѣ

---

[1]) Дѣло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

[2]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1865, № 21—9.

около 6 лѣтъ въ услуженіи; нѣсколько разъ онъ просилъ отпустить его на родину, но Шамиль не соглашался". Показаніе это, по свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ подъ руки начальствомъ области, оказалось справедливымъ. Изъ Шуры, гдѣ онъ женился, Хайрулла писалъ князю Барятинскому: „Жители Дагестана со всѣхъ сторонъ окружили меня съ вопросами о положеніи имама Шамиля. Я сталъ разсказывать имъ, какихъ безчисленныхъ милостей удостоился имамъ отъ великаго государя императора. Всѣ Дагестанцы удивлялись этому, говоря, что прежде Русскіе увѣряли ихъ въ этомъ, но они по своимъ понятіямъ не вѣрили ихъ словамъ. Я не перестану такимъ образомъ прославлять и правосудіе, и щедрость великаго государя повсюду, гдѣ бы я ни находился, и разглашать необыкновенное великодушіе и геройство вашего сіятельства по всей Персіи, чрезъ которую мнѣ придется проѣхать на мою родину въ Афганистанъ". Онъ проситъ отпустить его на родину, но готовъ ѣхать и въ Калугу, если Шамиль этого желаетъ. По приказанію князя Барятинскаго, въ Іюлѣ 1861 г. Хайрулла былъ отправленъ на пароходѣ изъ Петровска въ Астрабадъ, при чемъ ему выдано 100 р. с. [1]).

Старшій сынъ Шамиля, Кази-Магома, какъ мы видѣли, не нашелъ въ Шурѣ своей жены Каримать. Исторія послѣдней очень характерна для составленія понятія, какъ о семействѣ Шамиля, такъ и вообще о семейной жизни горцевъ. Отецъ Каримать былъ Даніель-бекъ, лишившійся въ 1844 году за измѣну намъ своего Елисуйскаго владѣнія, и генеральскаго званія. Перейдя въ горы къ Шамилю, онъ не ужился съ послѣднимъ, хотя принужденъ былъ выдать свою дочь Каримать за старшаго сына Шамиля, который хотѣлъ женить и Джемаладдина, извѣстнаго своею трагическою судьбою, на второй дочери Даніель-бека [2]). Неудовольствія между имамомъ и бывшимъ султаномъ особенно обострились къ 1856 г. [3]), а съ Января 1859 года Даніель-бекъ вступилъ въ переговоры съ княземъ Меликовымъ. „Искренность его раскаянія и неутомимая дѣятельность въ пользу нашу, дѣйствительно, значительно способствовали ускоренію умиротворенія Дагестана и удержанію большинства качаговъ, составлявшихъ лучшее войско Шамиля, отъ слѣдованія за нимъ на Гунибъ" [4]); сдачею укрѣпленнаго аула Ирибъ, 1 Августа 1859 г., Даніель-бекъ нанесъ сильный ударъ Шамилю. Все это, конечно, должно было отразиться и на положеніи дочери Даніель-бека.

Еще передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ 1859 году, Шамиль обратился съ просьбою заставить Даніель-бека выдать сундукъ съ золотомъ и серебромъ на сумму 1500 тумановъ (15000 р.), который Кази-Магома отдалъ ему на сохраненіе и въ полученіи котораго Даніель-бекъ отпирается, тогда какъ полковникъ Али-бекъ, находившійся при Шамилѣ, видѣлъ этотъ сундукъ и былъ свидѣтелемъ его передачи Даніель-беку. Въ то время, какъ

[1]) Дѣло штаба войскъ въ Прик. краѣ. Канц. нач. Даг. обл., II отд., 1860, № 41—47.

[2]) Акты Кавк. Арх. комм., XI, 63.

[3]) Акты Кавк. Арх. комм., XI, 63—6 .

[4]) Князь Меликовъ генералу Филипсону 25 Октября 1860. Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1860, № 239.

Шамиль взводилъ такое обвиненіе на своего свата, дочь послѣдняго, выѣхавшая изъ Гуниба въ Шуру вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ Шамиля, подняла вопросъ о разводѣ. 6 Сентября 1859 г. баронъ Врангель писалъ Даніель-беку: „Дочь ваша Каримать-Ханумъ обратилась ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи ей поѣздки къ вамъ на время отсутствія ея мужа Кази-Магомы, или впредъ до особаго его распоряженія, когда и куда она должна прибыть къ нему. Что же касается до испрашиваемаго, до этого шаріатскаго разбора дѣла о разводѣ ея съ мужемъ, то она изъявила желаніе, чтобы разборъ ея просьбы по сему предмету отложенъ былъ до возвращенія мужа ея и испрошенія отъ васъ наставленія о способѣ веденія дѣла сего. Такъ какъ попечителемъ всего семейства Шамиля былъ оставленъ здѣсь сынъ его Магома-Шефи, то я лично спрашивалъ его о томъ, не имѣетъ ли онъ со своей стороны препятствій къ временному выѣзду изъ его семьи Каримать-Ханумъ, и онъ объявилъ мнѣ, что не находитъ никакихъ причинъ отказать невѣсткѣ своей въ поѣдкѣ къ отцу, лишь бы она поѣхала въ званіи жены брата его Кази-Магомы, и по истеченіи нѣкотораго времени, и, если можно, не болѣе одного мѣсяца, снова возвратилась сюда". 7-го Сентября Каримать уѣхала къ отцу въ Нуху. Оба дѣла, то есть о разводѣ и по поводу сундука, должны были быть разсмотрѣны и рѣшены въ Шурѣ, куда ждали Кази-Магому и повѣренныхъ его жены, по болѣзни не могшей пріѣхать изъ Нухи. Кази-Магома, которому князь Меликовъ объявилъ, что претензіи его къ тестю будутъ разобраны по шаріату черезъ лицъ, выбранныхъ обѣими сторонами (почему предлагалъ ему избрать кого онъ хочетъ изъ Дагестанскихъ и Чеченскихъ ученыхъ), сперва отвѣчалъ, что не знаетъ никого, кому бы могъ довѣрить свои дѣла, потому что считаетъ всѣхъ Дагестанцевъ и Чеченцевъ своими врагами, а потомъ отозвался, что способъ разбора своихъ дѣлъ онъ можетъ опредѣлить только послѣ свиданія съ тестемъ.

21 Ноября Даніель-бекъ прибылъ въ Шуру. Послѣ долгой бесѣды между Кази-Магомою и имъ, онъ объявилъ, что не только не станетъ препятствовать возвращенію своей дочери къ мужу, но какъ только она получитъ облегченіе отъ своей болѣзни, въ удостовѣреніе которой онъ представилъ медицинское свидѣтельство, онъ будетъ содѣйствовать къ ускоренію ихъ соединенія. Кази-Магома остался доволенъ такимъ отзывомъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы ему было дозволено выждать въ Шурѣ выздоровленія жены его, хотя бы это продолжалось до весны будущаго года. Что же касается до должной претензіи къ Даніель-беку, то Кази-Магома отъ разбора ея по шаріату или чрезъ посредниковъ отказался, говоря, что отецъ его и онъ объявили претензію на эти деньги вслѣдствіе дошедшихъ до нихъ свѣдѣній, что одинъ тяжелый сундукъ былъ взятъ людьми Даніель-бека. Передавая князю Меликову о соглашеніяхъ этихъ, Даніель-бекъ изъявилъ свои опасенія (изустный отказъ Кази-Магомы отъ денежной претензіи не успокоивалъ его, ибо онъ или отецъ его могутъ опять возобновить жалобу), почему и просилъ князя подвергнуть это дѣло разбору, дабы онъ могъ доказать

свою правоту публично. Князь не совѣтовалъ Даніель-беку разстраивать полюбовнаго соглашенія, между ними состоявшагося, а попросить Кази-Магому выдать письменное удостовѣреніе въ отказѣ отъ претензіи. Кази-Магома согласился, но потребовалъ также, чтобы Даніель-бекъ далъ ему подписку въ томъ, что онъ признаетъ свою дочь законною женою его и не будетъ препятствовать ея возвращенію къ нему. Результатомъ этихъ переговоровъ была слѣдующая подписка. „1859 г., Ноября 24 дня, мы, нижеподписавшіеся въ этой подпискѣ, Даніель-бекъ Елисуйскій и Гази-Магометъ, сынъ Шамиля, даемъ сію подписку г. генералъ-лейтенанту князю Меликову въ томъ: первый—я, Даніель-бекъ, не имѣю претензіи къ Гази-Магомету, сыну Шамиля, на счетъ дочери моей Кариматъ, жены его, потому что она есть законная жена его, при томъ не стану препятствовать ей слѣдовать за нимъ. Но какъ она одержима и теперь болѣзнью, поэтому оставлена при мнѣ впредь до полученія облегченія отъ болѣзни, а за тѣмъ открыта ей дорога, и не стану препятствовать ей къ тому, напротивъ обяжусь отправить ее по принадлежности; и второй, Гази-Магометъ, сынъ Шамиля, въ томъ, что, хотя я и мой отецъ Шамиль, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, жаловались на Даніель-бека о сундукѣ съ деньгами, въ немъ до 15 т. р., по словамъ сказателей, но претензію эту теперь оставляемъ и послѣ этого жаловаться не станемъ, въ чемъ подписуемся собственноручно и прикладываемъ личныя свои печати“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по убѣжденіямъ князя Меликова, Кази-Магома согласился ѣхать теперь съ семействомъ отца въ Калугу, но съ тѣмъ, что пріѣдетъ за женою весной будущаго года, о чемъ просилъ сообщить Калужскому губернатору [1].

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1860 г. высочайше разрѣшено было Кази-Магомѣ поѣхать въ Шуру за женою и взять съ собою на Кавказъ: 1) зятя Шамиля, Абдурахмана съ женою, по случаю желанія его повидаться съ отцомъ; 2) бывшаго казначея Шамиля, мюрида Хаджіо, которому высочайше разрѣшено было съѣздить на Кавказъ для устройства оставшагося тамъ семейства и, согласно изъявленному имъ желанію, вновь вернуться съ Кази-Магомою на жительство въ Калугу [2]; 3) слугу и родственника Шамиля Джемалъ-эддина, жителя с. Гимръ; 4) служанку Фаризатъ и 5) служанку Месси, которая изъ Екатеринограда должна была быть отправлена къ начальнику Осетинскаго округа, ибо она оказалась Осетинкою, взятою въ плѣнъ, и возвращается по просьбѣ ея брата. Всѣхъ этихъ лицъ сопровождали переводчикъ Дибиръ-Магома и фельдъегерскаго корпуса штабсъ-капитанъ Гузей-Разумовъ, которому отпущено 2000 р. с. на путевые расходы. Мюриду Хаджіо высочайше было велѣно выдать въ единовременное пособіе 150 р. с. изъ госуд. казнач., въ знакъ особаго благоволенія за его добросовѣстность и усердіе, съ которыми онъ содѣйствовалъ къ сближенію съ

[1] Дѣло гр. канц. нач. Д. обл., 1859, № 183.

[2] Въ Шурѣ Хаджіо просилъ о разрѣшеніи остаться на родинѣ, что, по мнѣнію начальника области, судя по общимъ отзывамъ о немъ, не только не можетъ быть вредно, но по сочувствію его къ намъ обѣщаетъ принести пользу.

Шамилемъ лицъ, назначенныхъ къ нему отъ правительства, въ чемъ ему было выдано особое свидѣтельство. Въ Шурѣ для нихъ было приготовлено помѣщеніе и сдѣлано распоряженіе объ ихъ содержаніи по пріѣздѣ. Кази-Магома и прочіе выѣхали изъ Калуги 3 Мая въ трехъ экипажахъ и прибыли въ Шуру 20 числа. Каримать въ это время жила у отца въ Нухѣ, куда князь Меликовъ отправилъ переводчика Грамова съ письмомъ къ Даніель-беку отъ 23 Іюня. Князь писалъ: „Вамъ хорошо извѣстно мое доброжелательство вашему дому, и потому я позволяю себѣ дать вамъ совѣтъ, чтобы вы отнюдь не затрудняли уже соединеніе вашей дочери съ мужемъ, а напротивъ того всѣми средствами ускорили это дѣло, согласно тому, какъ вы обязались поступить во время примиренія съ зятемъ вашимъ Кази-Магомою, тѣмъ болѣе, что наше высшее правительство непремѣнно желаетъ, чтобы Кази-Магомѣ была возвращена жена его, и вы навлекли бы на себя крайнее неудовольствіе, еслибы воспрепятствовали тому". 30 Іюня Даніель-бекъ отвѣчалъ, что готовитъ дочь къ отъѣзду.

Между тѣмъ какъ происходила эта переписка, и отецъ, и дочь не могли скрыть своихъ опасеній. 24 Іюня начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи Д. А. Милютинъ писалъ Меликову, что Даніель-бекъ въ письмѣ отъ 11 Іюня сообщилъ ему, что отпускаетъ свою дочь, но при этомъ не скрывалъ своихъ опасеній на счетъ ея будущаго положенія въ семьѣ Шамиля. Прилагая копію съ письма Каримать къ князю Барятинскому, Милютинъ просилъ: „внушить по секрету Кази-Магомѣ о будущихъ его обязанностяхъ въ отношеніи своей жены и о томъ, что онъ долженъ употребить всѣ свои старанія, дабы временно возникшія между нимъ и его женой несогласія не послужили бы поводомъ къ какимъ нибудь непріятностямъ для послѣдней со стороны семейства Шамиля". Вотъ письмо Каримать отъ 11 Іюня 1860 г. къ князю Барятинскому.

„Отецъ мой Даніель-Бекъ обязался подпискою отдать меня сыну Шамиля, Кази-Магомѣ, какъ жену послѣдняго. Не смѣю и не думаю прекословить священной для меня волѣ отца моего и правительства, но не могу не высказать предъ вами, сіятельнѣйшій князь, тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали бракъ мой съ Кази-Магомою, и чувствъ терзающихъ меня при одной мысли ѣхать съ мужемъ въ Калугу. Несчастныя обстоятельства вынудили отца моего оставить въ 1844 году свои владѣнія и удалиться въ горы. Шамиль принялъ его довольно ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо зналъ, что отецъ мой останется по прежнему преданнымъ Россіи. Я въ это время была дитя, и Шамиль, желая ближе связать съ собою отца моего, на котораго онъ много разсчитывалъ, предложилъ отцу моему выдать меня за сына его, теперешняго моего мужа Кази-Магому. Это, какъ я впослѣдствіи узнала, была одна политика со стороны Шамиля; ни я, ни теперешній мужъ мой Кази-Магома не знали другъ друга, а потому и не могли питать взаимной привязанности. Отецъ мой долго подъ разными предлогами отстранялъ бракъ мой съ Кази-Магомою; но въ 1850 г. къ нему пріѣхалъ самъ Шамиль, и отецъ мой долженъ былъ согласиться на его предложеніе.

Несчастный бракъ мой былъ заключенъ, и я скоро поняла, что, подъ предлогомъ жены для своего сына, Шамиль взялъ меня въ свой домъ, какъ заложницу или аманатку, посредствомъ которой могъ держать отца моего въ желаемыхъ видахъ. Много испытала я горя въ домѣ Шамиля въ теченіе 9 лѣтъ жизни моей у него, и отъ горя этого не могъ даже защитить меня мужъ мой. Богъ послалъ, наконецъ, васъ, сіятельнѣйшій князь, спасти всѣхъ плѣнныхъ и притѣсненныхъ Шамилемъ. Вы покорили Дагестанъ, и я вмѣстѣ съ прочими была освобождена отъ тяжкаго и продолжительнаго плѣна; но участь моя измѣнилась къ лучшему только на время: я должна была идти къ Шамилю, жить въ его домѣ и безъ сомнѣнія терпѣть отъ него несравненно бо́льшія притѣсненія, чѣмъ я терпѣла прежде. Шамиль считаетъ моего отца измѣнникомъ противъ себя и нелѣпо думаетъ, что будто бы отецъ мой былъ главнымъ проводникомъ высказанной впослѣдствіи ненависти Дагестанскимъ народомъ, доведеннымъ имъ самимъ до послѣдней крайности. При такихъ убѣжденіяхъ, что̀ должна ожидать я, дочь смертельнаго врага Шамиля, въ его семействѣ? Не мое дѣло судить, правъ или неправъ Шамиль въ своихъ убѣжденіяхъ; я должна только повиноваться волѣ отца моего и правительства, но при этомъ осмѣливаюсь пасть къ ногамъ вашего сіятельства, какъ втораго отца и покорителя Дагестана, и со слезами просить оказать, по крайней мѣрѣ, мнѣ, въ моемъ изгнаніи, вашу великодушную и могущественную защиту отъ притѣсненій Шамиля и сына его Кази-Магомы въ ихъ домѣ; успокоить по возможности жизнь мою у нихъ и спасти меня отъ преждевременной смерти. Ваше сіятельство, конечно, не сочтете, чтобы слова мои и просьбы происходили отъ какихъ-либо особыхъ причинъ, кромѣ душевнаго убѣжденія въ горькой жизни, меня ожидающей. Въ горахъ я еще болѣе или менѣе находила защиту и утѣшеніе въ отцѣ моемъ, а въ Калугѣ я могу ожидать ихъ только отъ Бога, моего Государя и вашего сіятельства. Съ истиннымъ и пр.“ 80-лѣтняя мать Даніель-Бека также писала къ князю Меликову, прося его устроить разстроенное положеніе ихъ. 22 Іюля князь Меликовъ писалъ къ Д. А. Милютину: „Жена Кази-Магомы прибыла сюда 15 сего мѣсяца и была принята мужемъ съ непритворнымъ восторгомъ. До самаго пріѣзда ея ему не вѣрилось, что она возвратится къ нему, и онъ невыразимо былъ благодаренъ за сильное участіе, принятое нашимъ правительствомъ къ соединенію его съ женою. Какъ прежде прибытія жены его, такъ и послѣ, Кази-Магомѣ были сдѣланы мною должныя внушенія объ отношеніяхъ его къ женѣ, и онъ далъ мнѣ положительныя обѣщанія всевозможно стараться, чтобы жена его не имѣла никакого повода сожалѣть о своемъ возвращеніи къ нему. Главнымъ образомъ я далъ наставленіе женѣ его и успокоилъ ее въ опасеніяхъ за ея будущность. Судя по отношеніямъ, которыя существуютъ теперь между мужемъ и женою, можно полагать, что они будутъ жить очень согласно, если только вмѣшательство Шамиля или его жены не разстроитъ ихъ. Извѣстно, что старикъ Шамиль сильно негодуетъ на отца своей невѣстки за дѣйствія его въ годъ покоренія Дагестана и, быть-можетъ, по мстительной натурѣ Лезгина,

захочетъ отплатить за отца дочери и подвергнуть ее притѣсненіямъ. Я выразилъ Кази-Магомѣ это опасеніе и хотя онъ обѣщаетъ быть заступникомъ за жену и не дозволить никому дѣлать ей малѣйшее неудовольствіе, для чего намѣренъ жить особо; но, не полагаясь на это обѣщаніе, потому что, при всемъ желаніи, едва ли онъ въ состояніи будетъ противиться отцу, было бы полезно поручить приставу при семействѣ Шамиля имѣть особенное наблюденіе за положеніемъ жены Кази-Магомы и стараться оградить ее отъ притѣсненій способами, какіе найдены будутъ умѣстными". 30 Іюля Кази-Магома съ Каримать, Абдурахманомъ, слугою и служанкою, переводчикомъ Дибиръ-Магомою, выѣхалъ изъ Шуры въ Калугу въ сопровожденіи Гузей-Разумова и Грамова (послѣдній ѣхалъ только до Екатеринодара). Насколько счастливо потекла жизнь супруговъ, сведенныхъ стараніями администраціи, изъ дѣла не видно; но опасенія, высказываемыя княземъ Меликовымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, находятъ подтвержденіе въ мнѣніи его, высказанномъ имъ же по другому дѣлу, о которомъ ниже. „Судя по поводу высылки сюда Афганца Хайруллы и по отзывамъ о зятьяхъ Шамиля, пишетъ князь Д. А. Милютину 4 Іюля 1860, и вообще по журналамъ г. Руновскаго, видно, что онъ не имѣетъ достаточныхъ понятій о домашней жизни большихъ мусульманскихъ семействъ, въ которыхъ интриги, распри и ссоры, доходящія часто до драки, составляютъ обыкновенныя проявленія ихъ быта, и что если онъ будетъ подобнымъ случаямъ давать нѣкоторую важность которая вызвала бы необходимость разъединить членовъ дома Шамиля, то послѣ зятей онъ станетъ просить о высылкѣ изъ Калуги сыновей Шамиля а потомъ быть можетъ и самихъ женъ его. Для устраненія всякихъ заботъ высшаго правительства нашего по подобнымъ случаямъ въ домѣ Шамиля, приставу при ономъ необходимо имѣть тактъ, который пріобрѣлъ бы ему вліяніе на членовъ этого семейства, давалъ бы ему возможность держать ихъ въ предѣлахъ пристойности и предоставлялъ ему способъ изъ раздоровъ между ними узнавать въ дѣйствительности все, чтó происходило и происходитъ въ ихъ домѣ и даже въ политической жизни Шамиля, а затѣмъ расправу по домашнимъ дѣламъ предоставить ему самому". Можно думать, что скорой смерти Каримать (въ 1862 г.) не могла не способствовать домашняя обстановка.

Поѣздка Кази-Магомы за женою представляетъ еще интересъ въ другомъ отношеніи. Наканунѣ отъѣзда его изъ Шуры, 29 Іюня 1860 г. Евдокимовъ писалъ Меликову изъ кр. Грозной: „По случаю пребыванія въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ сына Шамиля Шефи-Магомета (?), въ горахъ ходятъ слухи, будто бы пребываніе его связано съ намѣреніемъ партіи недовольныхъ объявить его имамомъ. Хотя изъ тѣхъ же слуховъ и извѣстно, что онъ отказался отъ будто бы сдѣланныхъ ему предложеній, но во всякомъ случаѣ отъѣздъ его изъ Шуры былъ бы для насъ полезнѣе, нежели дальнѣйшее пребываніе, которое волнуетъ умы легковѣрныхъ. Говорятъ, не смотря на отказъ Шефи-Магомы, горцы имѣютъ намѣреніе, въ случаѣ возможности, силою захватить его въ горы, провозгласить имамомъ и сдѣлать

официальнымъ главою возстанія". 17 Сентября того же года князь Меликовъ писалъ Д. А. Милютину: „Послѣднее пребываніе въ Т.-Х.-Шурѣ сына Шамиля, Кази-Магомы, сопровождалось такими обстоятельствами, которыя заставляютъ желать, чтобы на будущее время ни онъ, ни братъ его не были уже присылаемы въ Дагестанъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока все то, что мы предполагаемъ сдѣлать въ этомъ краѣ для окончательнаго упроченія въ немъ спокойствія, приведено будетъ въ исполненіе. Первымъ случаемъ, вызвавшимъ усиленіе надзора за Кази-Магомою, было то, что когда онъ узналъ о возстаніи Беноевцевъ подъ предводительствомъ тамошняго жителя Байсонгура, то сказалъ своимъ домашнимъ: „Жаль мнѣ ихъ, они ничего не въ состояніи сдѣлать противу Русскихъ. Мусульманамъ же грѣшно драться съ возставшими за свою вѣру, и если бы кто изъ близкихъ мнѣ людей вооружился противъ нихъ, то да поразитъ его первая пуля. Я васъ очень люблю, но если вы будете убиты противъ Байсонгура, то не стану жалѣть объ васъ". Потомъ стали носиться слухи, что Беноевцы приглашаютъ Кази-Магому принять на себя званіе имама и обѣщаютъ возстаніе всей Чечни, и слухи эти, дойдя до начальника Терской области, были сообщены мнѣ съ присовокупленіемъ, что, по носящейся тамъ молвѣ, Кази-Магома отказался отъ приглашенія, и что партія мятежниковъ желаетъ захватить его силою, когда онъ будетъ ѣхать въ Россію. Были между мятежниками люди, которые разглашали, что Кази-Магома уже въ Беноѣ и принялъ на себя званіе имама. Наконецъ, я узналъ, что онъ предлагаетъ женѣ своей бѣжать въ горы. Она сама сказала мнѣ объ этомъ, умоляя поспѣшить отправленіемъ ихъ въ Калугу и тѣмъ устранить всякую случайность. Говорилъ ли объ этомъ Кази-Магома въ шутку, чтобы испытать жену свою, или имѣлъ дѣйствительное намѣреніе увлечь ее въ бѣгство—неизвѣстно; но жена его считала предложеніе мужа не шуткою и объявила мнѣ, что, если онъ или его отецъ узнаютъ, что она выдала секретъ перваго, то навѣрное погубятъ ее. За три же дня до выѣзда отсюда, Кази-Магома, во второмъ часу ночи, выскочилъ изъ окна и хотѣлъ было пойти куда-то; но стоявшій тутъ же часовой остановилъ его, и, не взирая на просьбы Кази-Магомы пустить его прогуляться, часовой настоялъ, чтобъ онъ вошелъ обратно въ свою комнату. Хотя Кази-Магома объяснилъ случай этотъ шуточнымъ споромъ, возникшимъ между женою его и имъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ Русскихъ, и что присутствіе часоваго не помѣшаетъ ему идти, куда онъ хочетъ, и хотя объясненіе это, подтвержденное его женою, не лишено вѣроятія, ибо онъ вышелъ изъ окна въ архалукѣ безъ оружія, и ни въ ту ночь, ни послѣ не открыто никакихъ признаковъ приготовленія къ побѣгу; но, тѣмъ не менѣе, въ народѣ распространилась молва, что онъ хотѣлъ бѣжать къ возмутившимся и, будучи въ свое время схваченъ Русскими, отправленъ въ Россію за карауломъ. По этимъ обстоятельствамъ и принимая въ соображеніе, что фанатическое воспитаніе, данное Кази-Магомѣ отцемъ, легко можетъ возбудить въ немъ самыя безразсудныя и невѣроятныя затѣи, я полагалъ бы, для избѣжанія вся-

кой случайности, не присылать уже ни его, ни другаго сына Шамиля на Кавказъ и тѣмъ болѣе, что они уже не имѣютъ никакого уважительнаго повода“ *).

Изъ жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ въ нашихъ дѣлахъ встрѣчается нѣсколько эпизодовъ, представляющихъ нѣкоторый интересъ, какъ матеріалъ, указывающій на міровоззрѣніе горцевъ.

Въ сел. Гимрахъ (Аварскаго округа) принадлежавшее Шамилю недвижимое имущество, составлявшее его родовое имѣніе, заключалось въ небольшомъ клочкѣ земли, виноградномъ садѣ, расположенномъ на хуторѣ при селеніи, и въ каменномъ домѣ, находившемся въ самомъ селеніи; виноградный садъ приносилъ доходъ весьма незначительный, такъ что изъ него за сборъ 25 „санетокъ“ винограда выручалось ежегодно не болѣе 10 р. с.; домъ находился въ запущенномъ видѣ и могъ имѣть цѣнность только по землѣ, имъ занимаемой, которая вмѣстѣ съ участкомъ пахотной земли стоитъ до 50 р., такъ что все родовое имѣніе Шамиля въ Гимрахъ могло быть оцѣнено не свыше 200 р. с. Въ Августѣ 1859 г., по введеніи нашего управленія въ Койсубулинскомъ обществѣ, управляющимъ Гимрами былъ назначенъ подпоручикъ милиціи Исалъ-Магома, которому въ видѣ поощренія за его заслуги было передано полковникомъ Лазаревымъ имѣніе Шамиля, находившагося тогда на Гунибѣ. Въ началѣ 1861 г., по просьбѣ Шамиля, имѣніе было возвращено въ полное распоряженіе Шамилю, а Исалъ-Магомѣ выдано, согласно оцѣнкѣ имѣнія, 200 р.; Шамиль передалъ его Гимринской жителькѣ Муминатъ, родственницѣ своей, женѣ Ханизатила-Магомы. Послѣ ссылки въ 1866 г. сего послѣдняго, имѣніе перешло въ завѣдываніе старшины Гимръ Джемалъ-Эддина-Хуссейнъ-оглы, родственника Шамиля. Въ Іюнѣ 1868 г. Шамиль написалъ Джемалъ-Эддину слѣдующее письмо: „Любимому сыну Джемалъ-Эддину, да будетъ на васъ миръ Божій! Когда мы подумали относительно имѣнія нашего, находящагося у васъ, именно: дома, пахотныхъ мѣстъ и садовъ, то не нашли болѣе полезнаго употребленія имѣнія этого, какъ завѣщать его (по вакфу) сиротамъ нашего селенія. А потому мы завѣщаемъ симъ имѣніе наше, находящееся у васъ, сиротамъ съ тѣмъ, чтобы половинною частью съ дохода имѣнія пользовался тотъ, кто будетъ управлять имѣніемъ, т. е. поливать сады, пахать поля и поправлять домъ; другая же половина должна быть обращена въ пользу сиротъ. Собирай сиротъ въ свое время въ мой домъ и раздавай имъ указанную часть съ дохода съ имѣнія. Мало ли оно будетъ или велико, виноградъ ли то будетъ или другой какой плодъ, или же похлебка и тому подобное — это будетъ вѣчное благодѣяніе для сиротъ, и польза его велика. Что же касается до моего дома, то въ немъ пусть живетъ тотъ, кто будетъ управлять имѣніемъ, и пусть онъ поправляетъ его, чтобы онъ не разрушился. А тебя уполномочиваю, Джемалъ-Эддинъ, распорядиться: отдашь кому хочешь, или же оставь въ своихъ рукахъ, и знай, что тебѣ будетъ великая благодать Бога за твои хлопоты въ

*) Дѣло гражд. канц. ком. войсками, II отд., 1860. № 74—69.

домѣ, полезномъ для сиротъ. Я, нуждающійся въ Богѣ, старикъ Шамиль. Кланяйся нашимъ родственникамъ особенно, и жителямъ селенія вообще. Завѣщаю вамъ молитву объ улучшеніи нашей жизни". Въ Ноябрѣ 1868 г. намѣстникъ Кавказскій разрѣшилъ исполнить желаніе Шамиля о завѣщаніи имѣнія въ пользу сиротъ *).

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г. въ Калугѣ сынъ Шамиля Кази-Магома, прогуливаясь возлѣ своего дома, встрѣтилъ неизвѣстнаго Казанскаго Татарина, продавца мануфактурныхъ товаровъ, который поспѣшно вручилъ ему письмо, и на вопросъ—отъ кого и кому?—отвѣчалъ, что письмо прислано изъ Константинополя въ Москву для передачи оттуда въ Калугу Шамилю, что отправлено оно не по почтѣ и безъ адреса на конвертѣ, ибо содержаніе его слишкомъ важно и секретно, чтобы довѣрить этотъ документъ почтѣ; наконецъ, что письмо это находилось нѣсколько времени въ Москвѣ у тамошняго корреспондента, и если не доставлено своевременно по адресу, то собственно по той причинѣ, что не находилось до сихъ поръ надежнаго человѣка, на котораго можно бы было въ этомъ случаѣ вполнѣ положиться. Сказавъ это и замѣчая, что Кази-Магома намѣренъ возвратить письмо, Татаринъ немедленно скрылся. Тогда сынъ Шамиля принесъ письмо отцу, который, сдѣлавъ ему выговоръ за принятіе корреспонденціи безъ посредства пристава, рѣшилъ вручить письмо нераспечатаннымъ послѣднему. Отдавая письмо Руновскому по возвращеніи его изъ Петербурга, Шамиль сказалъ: „Глупъ тотъ человѣкъ, который при сіяніи солнца зажигаетъ свѣчу для того, чтобы ему было еще свѣтлѣе. Государь даетъ мнѣ много очень яснаго свѣта; зачѣмъ я стану зажигать еще свѣчу? Возьми это письмо и отдай кому слѣдуетъ". На адресѣ письма (все по-арабски) стояло: „Если угодно Богу, да дойдетъ это письмо въ руки господина нашего Шамиля, имама Дагестанской области, живущаго въ г. Калугѣ, одномъ изъ Русскихъ городовъ". Письмо: „Тому, кого Господь вывелъ изъ глубины невѣжества на вершину знаній, т. е. господину нашему Шамилю, имаму Дагестанскаго народа. Да будетъ онъ на вѣки вѣковъ благополученъ, аминь! Настали времена прекращенія переписки о дѣлахъ, касающихся многихъ удивительныхъ и странныхъ событій, которыми занятъ умъ и смущено сердце. И нѣтъ друга, которому можно бы было излить свои жалобы, который бы открылъ намъ путь посреди несчастій и который бы блескомъ своего совѣта разсѣялъ мглу современныхъ волненій. Однако необходимо излить свои жалобы тому, кто обладаетъ мужественными доблестями и кто въ состояніи сочувствовать тебѣ, утѣшить тебя и раздѣлить скорби. Увы, прошло, миновало это время! Но если угодно Всевышнему Богу, смутныя событія опять обратятся въ свѣтлыя. Мы очень бы желали видѣть твое благословенное лицо, но для насъ это невозможно, и потому мы возымѣли намѣреніе совѣтовать тебѣ, чтобы ты испросилъ позволеніе у высокаго правительства выписать къ себѣ Шайба-Эфенди, сына Хаджи-Аба-Султанъ-Эфенди-Кабати; онъ будетъ безъ сомнѣнія

*) Дѣло гражд. канц. Даг. обл. II отд., 1860, № 169.

такимъ для тебя, какъ ты любишь и желаешь, и будетъ во всемъ соотвѣтствовать тому, чтò тебѣ приличествуетъ. Молящіеся за тебя: Хаджи-Аба-Султанъ и Махмудъ-Эфенди-Хайдаки. 1276 года 21 мѣсяца Раджеба. P. S. Если бы ты могъ перевести къ себѣ Махмунда-Эфенди вмѣстѣ съ Шайбъ-Эфенди, то это, по нашему мнѣнію, было бы еще лучше и еще вѣрнѣе. Прощай!" По собраннымъ въ Дагестанской области свѣдѣніямъ, писавшіе оказались выходцами изъ Кайтага. Хаджи-Аба-Султанъ-Эфенди-Кабати и сынъ его Шайбъ-Эфенди были жители сел. Кубачи, съ давняго времени оставившіе родину. Махмудъ-Эфенди — житель сел. Башлы; на родинѣ онъ носилъ имя Акай; онъ былъ уволенъ въ Мекку и вернулся оттуда домой, но въ началѣ 50-хъ годовъ ушелъ въ Турцію безъ письменнаго вида. Во время Крымской войны онъ тайно проѣзжалъ къ Шамилю черезъ Шемаху, Кубу, Кайтагъ, Кумухъ и Согратль въ Ведень, гдѣ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Онъ имѣлъ проницательный умъ и считался человѣкомъ очень вліятельнымъ [1]).

Младшій сынъ Шамиля Магомедъ-Шефи былъ женатъ на дочери жителя Чоха Инко-Гаджіо-оглы, которому онъ написалъ въ 1860 г. слѣд. интересное письмо: „По пріѣздѣ въ Россію мы видѣли много удивительнаго, такъ что, еслибы суждено было прожить 40 лѣтъ, то и въ продолженіе оныхъ не было бы никакой возможности описать всего остріемъ пера. Такъ напримѣръ, мы видѣли пѣтуха цѣною въ 150 р. с., собаку въ 400 р. с. и портретъ шириною въ $^3/_4$ локтя, а длиною въ локоть, нарисованный человѣческою рукою, стоимость котораго 3.000 р. с.; ходили также на сахарный заводъ и видѣли, что сахаръ дѣлается изъ обыкновенной свекловицы, изъ которой извлекается сокъ на подобіе винограднаго меду, далѣе сокъ этотъ выливается на горячія кости, посредствомъ которыхъ онъ очищается, какъ очищается серебро. Что же касается костей, черезъ которыя пропускается сокъ, то онѣ бываютъ свиныя, лошадиныя и др. скверныхъ животныхъ, бываютъ даже и человѣческія. Когда мы узнали такой способъ приготовленія сахара, то нашли, что онъ запрещенъ, и оставили употреблять его, начиная съ отца нашего Шамиля до послѣдняго члена семейства. Были мы и на другихъ заводахъ и тамъ видѣли не менѣе удивительнаго. Вниманіе Государя Императора съ каждымъ днемъ увеличивается, и мы, благодаря Бога, живемъ безъ всякой печали такъ, какъ жили въ Дарго; если же таковая проявляется, то вслѣдствіе разлуки съ вами и другими нашими знакомыми". Послѣ поклоновъ разнымъ лицамъ, Магомедъ-Шефи прибавляетъ: „Въ заключеніе сообщаю вамъ мои задушевныя мысли. Я ѣду служить Его Императорскому Величеству въ Петербургъ и надѣюсь, что это будетъ причиною скораго свиданія съ вами. Прошу хранить это въ тайнѣ и даже по прочтеніи уничтожить это письмо" [2]). Въ 1862 году Шамиль просилъ разрѣшенія проживающему въ сел. Чохъ прапорщику милиціи Исмаилу-Инко-Гаджіову прибыть къ Январю 1863 г. въ г. Калугу для отвоза изъ этого

---

[1]) Дѣло канц. нач. Даг. обл. II отд., 1861, № 175.
[2]) Дѣло гр. канц. ком. войсками, 1860, № 74—69.

города въ сел. Чохъ его сестры, жены корнета лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона собственнаго Е. И. В. конвоя Магомедъ-Шефи, Аминатъ, съ дочерью Kариматъ. Князь Меликовъ, на запросъ по этому поводу начальника главнаго штаба Кавказской арміи, писалъ 21 Марта 1863 г.: „Житель с. Чохъ, прапорщикъ милиціи Исмаилъ-Инко-Годжіовъ, сынъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ въ Дагестанѣ фанатическихъ сподвижниковъ Шамиля, по имени Инко-Аджіа (глухого Аджіа), который, подвергшись нѣсколько разъ замѣчаніямъ военнаго начальника средняго Дагестана за разныя выходки, клонившіяся къ возбужденію въ народѣ вредныхъ толковъ о насъ, переселенъ былъ въ 1861 году, по моему распоряженію, въ шамхальство Тарковское. Онъ недавно возвратился изъ Мекки. Поѣздка сына его въ Калугу для привоза оттуда въ Дагестанъ сестры своей, жены младшаго сына Шамиля Магомедъ-Шефи, можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ для насъ, и потому я полагалъ бы отложить исполненіе просьбы Шамиля до другого времени“ *).

Вопросъ о дозволеніи Шамилю отправиться въ Мекку сталъ на пути къ разрѣшенію съ 1868, когда Шамиль обратился изъ Кіева къ намѣстнику Кавказскому отъ 19 Декабря съ письмомъ слѣд. содержанія: „Ваше Императорское Высочество! Проживъ въ Россіи болѣе 9 лѣтъ, я постоянно пользовался и пользуюсь милостями Государя Императора. Милости эти увеличивались съ каждымъ годомъ. Осыпанный благодѣяніями не по моимъ заслугамъ, я не нашелъ другихъ средствъ выразить мою сердечную благодарность и мою глубокую преданность, какъ принять съ моимъ семействомъ присягу на вѣрноподданство Его Императорскаго Величества и, въ лицѣ его, моему новому отечеству—Россіи, что̀ съ Божіею помощью и совершилъ въ 1866 году. Вмѣстѣ съ этимъ я давно уже имѣлъ намѣреніе просить разрѣшенія о дозволеніи мнѣ отправиться къ святымъ мѣстамъ, такъ какъ по священному обѣту обязательно для каждаго мусульманина посѣтить св. мѣста и поклониться гробу пророка Магомета, но до сихъ поръ я ни предъ кѣмъ не заявлялъ оффиціально моей просьбы. Въ настоящее время, будучи дряхлъ и слабъ моимъ здоровіемъ, боюсь, чтобы безъ исполненія святого моего обѣта не пришлось мнѣ разстаться съ земною жизнью, и потому обращаюсь къ Вашему Императорскому Высочеству съ самою искреннею просьбою исходатайствовать у Государя Императора разрѣшеніе отправиться мнѣ съ семействомъ въ Мекку, для исполненія святого обѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ пристроить моихъ взрослыхъ дочерей, оставивъ въ Россіи дорогихъ (въ Арабск. подлинникѣ: „прохлада глазъ моихъ“) сыновей моихъ Гази-Магомета и Магому-Шефи. По исполненіи святой моей обязанности, если Богъ продлитъ мои дни, я долгомъ сочту возвратиться въ Россію, чтобы лично повергнуть мою искреннюю признательность къ стопамъ моего благодѣтеля Государя Императора и Вашего Императорскаго Высочества, какъ ходатая моего у престола Его Величества. Позволяю себѣ надѣяться,

*) Дѣло гражд. канц. нач. Даг. обл., 1859, № 183.

что Ваше Имп. Высочество не отринетъ самой искренней просьбы дряхлаго старца и утѣшите его на закатѣ дней земныхъ. Вашего Импер. Высочества искренно преданный и молящійся за васъ дряхлый старецъ Шамиль". Вслѣдствіе этого письма намѣстникъ Кавказскій писалъ 26 Января 1869 г. военному министру: „Прилагаемымъ при семъ въ копіи письмомъ Шамиль проситъ ходатайства моего о дозволеніи ему отправиться въ Мекку для поклоненія священнымъ для мусульманъ мѣстамъ. Вопросъ объ увольненіи Шамиля въ Турцію уже былъ обсуждаемъ мною въ 1866 г., по поводу отзыва вашего высокопревосходительства отъ 5 Февраля. Въ то время я высказался противъ этого увольненія, видя причину тому, какъ въ положеніи сопредѣльныхъ намъ Малоазійскихъ провинцій Турціи, такъ и въ настроеніи горскаго населенія въ Кавказскихъ предѣлахъ, болѣе обыкновеннаго напряженномъ вслѣдствіе частью только что совершившихся, а частью еще предстоявшихъ важныхъ реформъ въ бытѣ этого населенія. Въ настоящее время въ состояніи горскихъ населеній и вообще въ положеніи Кавказскихъ дѣлъ исключительно я не нахожу причины отказывать безусловно Шамилю въ исполненіи его желанія, тѣмъ болѣе, что, соображая обстоятельства, касающіяся настоящаго положенія Шамиля и всего поведенія его со времени водворенія въ Россіи, а также въ виду того, что, прося отпуска, Шамиль оставляетъ въ Россіи своихъ сыновей, я мало склоненъ заподозрить его въ неискренности и видѣть въ поѣздкѣ его какую либо противную интересамъ правительства заднюю цѣль. Затѣмъ неудобство увольненія Шамиля въ Турцію представляется мнѣ только въ томъ случаѣ, если отношенія наши къ этой державѣ останутся неразъясненными и представляющими возможность близкаго разрыва. Тогда, весьма вѣроятно, какъ Турецкое правительство, такъ и вообще многочисленные недоброжелатели наши, пребывающіе въ Турціи, не преминули бы употребить усилія, чтобы извлечь пользу изъ пребыванія тамъ Шамиля и сдѣлать его орудіемъ для дѣйствія на Кавказскихъ мусульманъ во враждебномъ для насъ смыслѣ. Можетъ быть, что при извѣстномъ закалѣ характера Шамиля, онъ и въ этомъ случаѣ остался бы вѣренъ даннымъ Русскому правительству обѣтамъ; но, по мнѣнію моему, всетаки было бы осторожнѣе дать ему отпускъ только тогда, когда отношенія наши къ Турціи перестанутъ возбуждать опасенія близости враждебнаго столкновенія. Прошу ваше высокопревосходительство настоящее мнѣніе мое, вмѣстѣ съ письмомъ Шамиля, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, и о томъ, какое по настоящему предмету послѣдуетъ высочайшее соизволеніе, увѣдомить меня и приказать сообщить Шамилю". 17 Февраля 1869 г. военный министръ увѣдомилъ намѣстника, что Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить: Шамилю съ семействомъ отправиться въ Мекку для поклоненія гробу Магомета, оставивъ въ Россіи сыновей его Гази-Магомета и Магомедъ-Шефи *).

*) Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1869, № 48.

Собираясь въ Мекку, Шамиль счелъ долгомъ возвратить обществу селенія Китуры въ Дагестанѣ коранъ, который въ 1859 г. былъ отбитъ графомъ Олсуфьевымъ при нападеніи на это селеніе, а въ 1866 г. подаренъ графомъ Шамилю [1]).

Вѣроятно, также отъѣздомъ Шамиля въ Мекку объясняется слѣдующее распоряженіе относительно сына его Магома-Шефи, о которомъ военный министръ сообщалъ намѣстнику Кавказскому 31 Іюля 1870 г. „Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу ходатайства командующаго Императорскою Главною Квартирою и отзыва помощника Вашего Императорскаго Высочества, высочайше повелѣть соизволилъ изъ фамиліи штабъ-ротмистра лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя Мухамедъ-Шафи-Шамиль-оглы исключить слово *оглы* и, согласно заключенію Кавказскаго начальства, именовать его *Шамилевъ* [2]).

Изъ прочихъ лицъ семейства Шамиля не разъ обращали на себя вниманіе и возбуждали переписку зятья Шамиля, сыновья его тестя, знаменитаго въ исторіи мюридизма въ Дагестанѣ, Джемалъ-Эддина Казикумухскаго. О послѣднемъ находится въ дѣлѣ канц. нач. Даг. обл. (1861, № 175) любопытное свѣдѣніе. Изъ присланнаго къ начальнику Дагестанской области, князю Меликову, дневника пристава при Шамилѣ за 1861 годъ онъ усмотрѣлъ, что старикъ Джемалъ-Эддинъ, какъ послѣдній муршидъ въ Дагестанѣ, хотя до сихъ поръ не объявилъ кого либо себѣ преемникомъ, но уже назначилъ для сего званія четырехъ мюридовъ, именно: 1) Курали-Магому въ сел. Ярагѣ, 2) Уракли-Магоммеда въ сел. Уракли, который уже и тогда дѣлалъ чудеса, 3) Нуръ-Мухаммеда въ сел. Инху и 4) Магома-Дебира въ сел. Арчу; послѣдній изъ нихъ старикъ, а прочіе еще далеко не старые люди. Въ 1860 году всѣ четверо собирались въ Мекку; изъ нихъ Курали и Нуръ-Мухаммедъ, какъ семейные, хотѣли возвратиться въ Дагестанъ, а холостой Уракли хотѣлъ навсегда остаться въ Меккѣ. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Курали-Магома, называемый въ народѣ Молла-Магомедъ, родомъ изъ сел. Усухъ, Кюринскаго ханства, гдѣ онъ имѣлъ до 15 дымовъ родственниковъ и въ томъ числѣ родного брата. Въ началѣ 40-хъ годовъ Молла-Магомедъ бѣжалъ къ непокорнымъ горцамъ и все это время находился при Шамилѣ, а по покореніи Восточнаго Кавказа перешелъ въ сел. Чиркей, гдѣ женился на племянницѣ тамошняго почетнаго жителя Джеллала. Живя въ Чиркеѣ, Молла-Магомедъ очень часто пріѣзжалъ къ бывшему своему учителю Джемалъ-Эддину, проживавшему послѣ взятія Гуниба, до переселенія въ Турцію, въ сел. Казанищи: съ нимъ Молла-Магомедъ всегда находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и получалъ отъ него не разъ матеріальное пособіе будто бы на поддержаніе себя съ семействомъ. Въ 1861 г. онъ прожилъ около мѣсяца въ сел. Усухѣ, и здѣсь хотя ничего не проповѣдывалъ въ религіозномъ духѣ, но какъ было видно, старался выка-

[1]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1869, № 51.
[2]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., 1870, № 135.

зать свою ученость и знаніе религіи, былъ чрезвычайно набоженъ и весьма строго исполнялъ всѣ религіозные обряды, чѣмъ и успѣлъ вселить въ обществѣ о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ весьма ученомъ и дѣйствительномъ мусульманинѣ. Изъ Усуха онъ возвратился въ шамхальство, откуда отправился въ Мекку, по возвращеніи изъ которой поселился въ Усухѣ, гдѣ и умеръ 14 Января 1863 г.

На зятьевъ Шамиля обращено было вниманіе уже въ 1860 году, когда возникъ вопросъ объ удаленіи ихъ изъ Калуги, вопросъ, вызванный, кажется, тѣми условіями жизни горцевъ, о которыхъ мы читали мнѣніе князя Меликова. 14 Марта сего года военный министръ писалъ князю Барятинскому: „Въ числѣ членовъ семейства Шамиля прибылъ въ Калугу зять послѣдняго Абдурахманъ. Старшій адъютантъ при дежурномъ генералѣ Главнаго Штаба Его Имп. Велич. полк. Богуславскій, бывъ три раза въ Калугѣ, удостовѣрился, что названный человѣкъ, по своимъ убѣжденіямъ, характеру и склонности къ проискамъ, весьма вреденъ для лицъ, приставленныхъ къ Шамилю правительствомъ, и что, кромѣ того, дальнѣйшее пребываніе его въ Калугѣ поведетъ къ раздору между членами семейства плѣнника. По изложеннымъ причинамъ удаленіе Абдурахмана изъ Калуги необходимо, но открытое требованіе этого отъ Шамиля примется имъ какъ сильнѣйшее стѣсненіе, ибо Абдурахманъ мужъ любимой его дочери. Между тѣмъ извѣстно, что, если на возвращеніе на Кавказъ Абдурахмана вызвать желаніе отца его Джемаллъ-Эддина, или даже если послѣдуетъ только отзывъ отъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ о необходимости успокоить старость этого почетнаго въ Дагестанѣ лица, то дѣло приметъ такой оборотъ, что самъ Шамиль будетъ энергически содѣйствовать отправленію зятя на Кавказъ“. Въ виду всего вышеизложеннаго, военный министръ просилъ князя Барятинскаго, если возможно, устроить дѣло. Поѣздка Кази-Магомы въ Шуру въ 1860 г. за женой, какъ мы видѣли, въ сопровожденіи другого зятя Абдурахима, казалась удобнымъ случаемъ задержать его на Кавказѣ, такъ какъ и его пребываніе въ Калугѣ считалось вреднымъ. Вмѣстѣ съ Абдурахманомъ предполагалось отправить и жену его Фатиматъ, чтобы онъ не имѣлъ основанія проситься обратно въ Калугу; но Шамиль, узнавъ объ этомъ, въ особомъ письмѣ выразилъ всю горечь, которую ему придется испытать, если онъ будетъ разлученъ съ дочерью, которая и сама не желаетъ ѣхать.

Чтобы успокоить Шамиля, Фатиматъ разрѣшили остаться въ Калугѣ, и Абдурахимъ отправился одинъ. Князь Барятинскій просилъ князя Меликова принять мѣры къ оставленію Абдурахима на Кавказѣ подъ предлогомъ сколь возможно болѣе успокоительнымъ для Шамиля. Князь Меликовъ отвѣчалъ, что къ оставленію Абдурахима не представляется никакого благовиднаго предлога. Кази-Магома просилъ не огорчать отца его удержаніемъ зятя его на Кавказѣ и былъ очень встревоженъ, узнавши о запрещеніи фельдъегерю взять съ собою Абдурахима въ Калугу, и сказалъ князю Меликову, что если по молодости онъ провинился въ чемъ либо, то никакъ не

предъ правительствомъ, а предъ ихъ семьею, но они нисколько на это не претендуютъ. „Я долженъ сказать, что не вижу еще никакой важной причины оставить его на Кавказѣ и выслать сюда же старшаго брата его Абдурахмана; ибо склонность послѣдняго къ проискамъ и проявленіе другихъ недостатковъ въ его характерѣ могутъ быть остановлены строгимъ обращеніемъ съ нимъ и внушеніемъ ему, что дальнѣйшее нескромное поведеніе его повлечетъ за собою высылку его изъ Калуги. Объ этомъ долженъ быть предупрежденъ и самъ Шамиль, дабы онъ впослѣдствіи не имѣлъ права роптать на высылку зятей своихъ, а удаленіе теперь кого либо изъ нихъ безъ испытанія представленной мною мѣры подало бы Шамилю справедливый поводъ считать себя обиженнымъ и было бы не совмѣстно съ милостями, ему оказанными, потому что удаленіе это не имѣетъ никакого уважительнаго повода въ глазахъ Шамиля“. Къ этому князь Меликовъ въ рапортѣ къ военному министру добавлялъ: „Къ оставленію Абдурахима на Кавказѣ предоставляются только двѣ благовидныя причины, которыя не могутъ подать Шамилю повода видѣть въ удаленіи зятя стѣснительную мѣру. Первою изъ нихъ, указанною вашимъ высокопревосходительствомъ, могло бы послужить дѣйствительное желаніе отца оставить Абдурахима при себѣ, а второю равносильною причиною желаніе самого Абдурахима остаться здѣсь, при своемъ отцѣ, или отдѣльно отъ него. Поэтому я поручилъ одному довѣренному лицу, уважаемому Джемаллъ-Эддиномъ, постараться вызвать его на это, чтобы онъ просилъ объ оставленіи при немъ сына его Абдурахима; но, не взирая на объясненную ему необходимость, чтобы при немъ было близкое лицо, которое облегчало бы его въ заботахъ о немъ и малолѣтнихъ дѣтяхъ, старикъ отозвался, что теперь онъ не можетъ просить объ оставленіи здѣсь Абдурахима, такъ какъ невозвращеніе его въ Калугу могло бы крайне огорчить Шамиля, и въ томъ случаѣ, еслибы зять его покинулъ жену въ Калугѣ, и въ другомъ также, еслибы онъ вытребовалъ ее на Кавказъ; поэтому Джемаллъ-Эддинъ объявилъ, что онъ не иначе рѣшится просить о присылкѣ къ нему одного изъ сыновей, какъ по предварительному согласію на то самого Шамиля, и того изъ сыновей, которому Шамиль дозволитъ выѣхать сюда, что объ этомъ онъ войдетъ въ сношеніе съ Шамилемъ, спустя нѣкоторое время, когда онъ болѣе свыкнется съ жизнью на чужбинѣ и что сынъ его Абдурахимъ самъ не желаетъ остаться теперь здѣсь въ разлукѣ съ женою. Что же касается до вопроса о пользѣ пребыванія зятей Шамиля на Кавказѣ, то оно не обѣщаетъ ни пользы, ни вреда, потому что оба брата сами по личнымъ качествамъ люди еще ничѣмъ незамѣчательные, и при настоящемъ положеніи Дагестана никто изъ туземцевъ не обратитъ на нихъ никакого вниманія, которое могло бы присвоить имъ какое либо вліяніе въ краѣ“. Въ концѣ концовъ Абдурахиму было разрѣшено возвратиться въ Калугу *).

Старшій зять Абдурахманъ снова обратилъ на себя вниманіе Кавказскаго начальства въ 1864 г. слѣдующимъ письмомъ: „Почтенной теткѣ

*) Дѣло гражд. канц. ком. войсками, 1860. № 74—69.

моей, добродѣтельной Чавѣ, женѣ Хаджи-Омара Кумухскаго, и,.... привѣтъ и благословеніе Божіе..... Когда послѣ долгаго ожиданія извѣстій отъ васъ о вашемъ положеніи, получилъ я чрезъ друга моего искренняго, Абдуллаха Алхасова сына, увѣдомленіе объ убіеніи возлюбленнаго двоюроднаго брата моего Хамзы, вашего своднаго брата, въ ссорѣ, происшедшей между нимъ и нѣкоторыми лицами, по причинѣ, которая мнѣ остается неизвѣстной, я за одно съ вами былъ пораженъ скорбью и печалью. Если бы вы радѣли къ тѣмъ, которые принимаютъ истинное участіе въ горестяхъ вашихъ и радостяхъ, вы бы, конечно, написали мнѣ о случившемся, обо всемъ, что̀ касается упомянутой ссоры, чтобы знали мы, кто нашъ врагъ, возбудившій эту послѣднюю, и на кого излить наше мщеніе, хотя бы понадобились для этого долгіе перевороты времени между людьми. Поразмыслите-ка объ этомъ, и вамъ будетъ ясно. Все, что̀ я могу заключить о васъ въ настоящее время, это то, что вы постоянно, преслѣдуемые убійствами, постоянно стараетесь забывать о нихъ, и служите предметомъ порицанія и осужденія. Ей Богу, сами вы всѣ глупцы, невѣжи, измѣнники, предатели. Если бы этого не было, вы бы конечно не стали скрывать отъ меня виновнаго и не преминули бы написать ко мнѣ о сущности дѣла *).

Принявъ во вниманіе, что это письмо писалъ сынъ одного изъ главныхъ проводниковъ шаріата, самъ при томъ изучившій тазикатъ, мы поймемъ, до какой степени глубоко вкоренено чувство мести въ горцахъ. Между тѣмъ авторъ этого письма не относился враждебно и къ условіямъ Русской жизни, въ которыя поставила его судьба, какъ видно изъ слѣдующей переписки о немъ. Калужскій губернскій воинскій начальникъ вошелъ въ управленіе иррегулярныхъ войскъ съ рапортомъ отъ 17 Марта 1866 г.: „Изъ бывшихъ смертныхъ случаевъ видно, что климатъ Калужской губерніи имѣетъ весьма вредное вліяніе на здоровье горскихъ женщинъ, въ особенности при ихъ затворнической жизни. Изъ семейства военно-плѣннаго Шамиля переселились въ вѣчность уже двѣ дамы, и въ настоящее время женѣ зятя Шамиля Абдулъ-Рахмана угрожаетъ также опасность и, по словамъ мѣстныхъ врачей, она должна вскорѣ сдѣлаться жертвою смерти, если останется жить въ г. Калугѣ. Мужъ ея Абдулъ-Рахманъ обратился ко мнѣ съ просьбою дозволить ему съ женою переѣхать на жительство на Кавказъ и поселить ее близъ Т.-Х.-Шуры, мѣста его родины; причемъ проситъ дозволенія взять съ собою и жену Абдулъ-Рахмана, родную сестру его жены, для присмотра за больною. Находя просьбу Абдулъ-Рахмана весьма уважительною и зная умственныя способности и благонамѣренность его, я полагаю, что онъ можетъ быть полезнымъ даже для службы на Кавказѣ, въ качествѣ переводчика или состоять при мѣстномъ управленіи Т.-Х.-Шуры, впредь до опредѣленія къ какой служебной обязанности онъ окажетъ склонность. Абдулъ-Рахманъ на столько ознакомился съ знаніемъ Русскаго языка, что можетъ говорить, читать и писать на немъ довольно свободно". Не успѣлъ

*) Дѣло канц. нач. Даг. обл.. 1864, № 146.

князь Меликовъ отвѣтитъ помощнику главнокомандующаго Кавказскою арміею, что онъ находитъ возможнымъ разрѣшить Абдурахману поселиться близъ Шуры, какъ жена его умерла Государь Императоръ, по докладу о желаніи Шамиля похоронить тѣло покойной Нанисатъ на Кавказѣ, высочайше повелѣть соизволилъ исполнить совершенно также, какъ было сдѣлано въ 1862 г. съ тѣломъ жены старшаго сына Шамиля Каримать. Вслѣдствіе онаго, 27 Апрѣля Калужскій воинскій начальникъ доноситъ командующему войсками въ Дагестанской области, что, съ разрѣшенія Государя Императора, тѣло умершей старшей дочери Шамиля Написатъ, жены горца Абдурахмана, перевозится на Кавказъ для погребенія на кладбищѣ предковъ близъ сел. Гимры, при чемъ разрѣшено уѣхать на Кавказъ въ отпускъ и мужу покойной, Абдурахману. На перевозку тѣла всемилостивѣйше пожаловано 2.000 р. с. и командированъ фельдъегерь Гузей-Разумовъ. Для сопровожденія тѣла и поправленія здоровія на Кавказѣ, кромѣ Абдурахмана, отправляются: малолѣтняя дочь Абдурахмана Магавзать, Абдурахимъ съ женою Фатимать и невѣстка Шамиля Хабибать съ служанкою Джардать. Всѣ эти лица въ Сентябрѣ того же года возвратились въ Калугу, кромѣ Абдурахмана, который въ концѣ Октября выѣхалъ въ Тифлисъ, чтобы представиться помощнику главнокомандующаго Кавказскою арміею *). Въ Тифлисѣ Абдурахманъ, согласно выраженному имъ желанію, тогда же былъ зачисленъ въ Дагестанскую постоянную милицію, съ откомандированіемъ въ команду милиціонеровъ Кавказскаго горскаго управленія. Въ бытность свою при управленіи Абдурахманъ-Сеидъ-Джемалъ-Эддинъ-оглы доставилъ для „Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“ (II, 1869) рукопись своего отца о шарикатѣ, которую снабдилъ предисловіемъ; еще раньше, живя въ Калугѣ, онъ составилъ по арабски записки о Шамилѣ, Русскій переводъ которыхъ былъ напечатанъ Руновскимъ („Кавказъ“ 1862, №№ 72—76, и отдѣльно, Тифлисъ 1862).

13 Октября 1870 г. начальникъ горскаго управленія писалъ князю Меликову: „Абдурахманъ-Сеидъ-Джемалъ-Эддинъ-оглы, во все время съ 1866 г. состоянія своего при горскомъ управленіи, велъ себя хорошо и ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ. Сколько я могу заключить изъ его поступковъ, онъ уже созналъ необходимость (можетъ быть и не изъ совершенно чистыхъ побужденій, а единственно изъ личныхъ выгодъ) сообразовать свои дѣйствія съ интересами нашего правительства. Скучая въ Тифлисѣ бездѣйствіемъ, по неимѣнію при горскомъ управленіи соотвѣтственныхъ для него занятій, и затрудняясь, по дороговизнѣ жизни въ Тифлисѣ и при частыхъ посѣщеніяхъ его проѣзжающими чрезъ Тифлисъ Дагестанцами, обходиться тѣми денежными средствами, которыя ему предоставляетъ правительство (600 р. въ годъ, изъ коихъ 210 р. изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Дагестанской постоянной милиціи, и 390 изъ суммъ распоряженія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго арміею), онъ обратился ко мнѣ съ просьбою

*) Дѣло канц. нач. Д. г. обл. 1866, № 51—88.

объ исходатайствованіи назначенія его на какую-либо должность по военно-народному управленію ввѣренной вашему сіятельству области. Вслѣдствіе этого и предполагая, что Абдурахманъ, при своихъ способностяхъ, при знакомствѣ съ шаріатскими постановленіями, и частью и съ обычаями Дагестанскихъ горцевъ и при знаніи, какъ Арабскаго языка и многихъ изъ числа употребляемыхъ въ Дагестанѣ нарѣчій, такъ и разговорнаго Русскаго языка, могъ бы не безъ нѣкоторой пользы для службы занять должность кадія или депутата въ Дагестанскомъ народномъ судѣ, обращаюсь къ вашему сіятельству съ просьбою—не признаете ли вы возможнымъ назначить его на одну изъ такихъ должностей или на какую-либо другую должность". Князь Меликовъ 5 Ноября отвѣчалъ, что нѣтъ вакансіи но 28-е Іюля 1871 г. Абдурахманъ былъ откомандированъ отъ горскаго управленія въ распоряженіе начальника Дагестанской области, съ назначеніемъ ему пожизненнаго пенсіона по 450 р. въ годъ [1]).

Съ именемъ зятьевъ Шамиля соединенъ интересный вопросъ о такъ-называемыхъ *сеидахъ*. Командиръ 11 гусарскаго Изюмскаго полка въ 1864 г. донесъ, что опредѣленный на службу во ввѣренный ему полкъ зять Шамиля Абдурахимъ-Джемалъ-Эддиновъ, по его объясненію, долженъ именоваться Абдурахимъ-Джемалъ-Эддинъ-Хуссейнъ, а по происхожденію сеидъ. На запросъ по этому поводу князь Меликовъ 11 Октября 1864 г. отвѣчалъ: „Слово сеидъ прибавляется къ именамъ тѣхъ лицъ, которые считаютъ родъ свой происходящимъ отъ пророка Магомета, а Хуссейнъ къ именамъ тѣхъ, которые происходятъ отъ калифа Али: а какъ отецъ Абдурахима считалъ родъ свой отъ Магомета и именовался Сеидъ-Джемалъ-Эддинъ, то поэтому сынъ его можетъ прибавить къ имени своему слово сеидъ и именоваться Сеидъ-Абдурахимъ-Джемалъ-Эддинъ-оглы", и представилъ слѣдующее свидѣтельство: „Дано сіе жителю сел. Кумухъ, зятю военно-плѣннаго Шамиля Абдурахиму-Джемалъ-Эддинову въ томъ, что онъ происходитъ изъ рода сеидовъ. Въ удостовѣреніе чего подписью и приложеніемъ именныхъ печатей свидѣтельствуемъ. Іюня 22 дня 1865 г. сел. Кумухъ. Поручикъ Османъ-Кадій-Логманъ-оглы, Сеидъ-Гуссейнъ-Абдулла-оглы и Гассанъ-Гуссейнъ-Сеидъ-Гамзадъ-оглы". Дѣло окончилось въ началѣ 1868 г. высочайшимъ разрѣшеніемъ Сеидъ-Абдурагиму-Джемалъ-Эддинову прибавить къ своей фамиліи слово Хуссейнъ [2]).

Семействъ, претендующихъ на происхожденіе отъ Магомета въ Дагестанѣ считалось тридцать, главами коихъ при Шамилѣ были: Джемалъ-Эддинъ, тесть Шамиля, Хуссейнъ-Нуреддинъ, Буттай, Сагидъ, Хассанъ, Хуссейнъ и Исхакъ—въ Кумухѣ, Абдула и сынъ его Сагидъ—въ Гумрахѣ, Хаджіо, Магометъ Наджмудинъ и Курбанъ Магометъ въ Чигатлѣ и еще двѣ женщины въ Сугратлѣ, вышедшія замужъ за людей, не принадлежавшихъ къ сеидамъ [3]). Члены Дагестанскаго народнаго суда дали, слѣдовательно, от-

[1]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд. 1870, № 133.
[2]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд. 1864, № 221.
[3]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1861, № 175

зывъ о томъ, кто изъ мусульманъ имѣетъ право прибавлять къ своему имени слова „Сеидъ" и „Гуссейнъ" и „Сеидъ-Гуссейнъ". Сеидами могутъ называться: 1) мужескаго пола потомки племянниковъ пророка Магомета Укаила и Джаафара, происходящіе отъ нихъ по мужеской линіи; 2) мужескаго пола потомки дяди пророка Магомета, Абаса, и двоюроднаго дяди его, Муталеба, происходящіе отъ нихъ по мужеской линіи, 3) мужескаго пола потомки сыновей Алія, зятя Магомета, отъ всѣхъ женъ его, кромѣ первой— Патиматъ, дочери Магомета, но также только происходящіе отъ нихъ по мужеской линіи. Гуссейнами же могутъ называться только мужескаго пола потомки сыновей зятя пророка Магомета, Алія, отъ первой жены его Патиматъ, происходящіе отъ нихъ по мужеской линіи. Но эти послѣдніе потомки сыновей Алія имѣютъ право присвоить себѣ и вмѣстѣ два названія Сеидовъ и Гуссейновъ, т. е. называться Сеидъ-Гуссейнами, такъ какъ они происходятъ по мужеской линіи изъ рода Магомета и изъ рода зятя его Алія. Къ этому два члена суда, Кадій-Магомедъ-Тагиръ-Карахскій и Аджи-Али-Аварскій, присовокупили, что имъ неизвѣстно, изъ какого именно рода происходитъ зять Шамиля, но извѣстно, что отецъ его Джемалъ-Эддинъ назвался Сеидомъ. Что касается до личныхъ правъ сеидовъ, то намѣстникъ Кавказскій, разсмотрѣвъ въ 1865 году возбужденный по этому предмету вопросъ, не нашедъ никакихъ уваженій къ предоставленію сеидамъ какихъ-либо правъ и преимуществъ, призналъ только возможнымъ, во вниманіе къ питавшемуся мусульманскимъ населеніямъ уваженію къ происхожденію сеидовъ отъ пророка, изъять ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, съ тѣмъ, чтобы для сего, въ доказательство сеидскаго происхожденія, представлено было свидѣтельство мѣстнаго кадія, основанное на удостовѣреніи двухъ извѣстныхъ несомнѣнныхъ сеидовъ [1]). Вслѣдствіе сего мнѣнія, изложеннаго въ отношеніи къ предсѣдателю Кавказскаго Комитета отъ 30 Января 1865 г., и согласно положенію Кавказскаго Комитета, въ 8-й день Марта того же года высочайше повелѣно въ дополненіе къ нижеозначеннымъ статьямъ Св. Зак. изд. 1857 г. постановить слѣд.: 1) къ ст. 831 уст. о подат. т. V: „принадлежащіе къ податнымъ сословіямъ сеиды не освобождаются закономъ отъ платежа податей и повинностей, но самимъ обществамъ, къ коимъ сеиды приписаны, предоставляется, въ случаѣ собственнаго желанія, принимать на себя уплату причитающихся съ сеидовъ сборовъ", и 2) къ ст. 3 пр. и 1 къ улож. о наказ. т. XV: „право изъятія отъ наказаній тѣлесныхъ распространяется на сеидовъ, могущихъ представить въ доказательство своего происхожденія свидѣтельство мѣстнаго кадія, основанное на удостовѣреніи двухъ извѣстныхъ ему несомнѣнныхъ сеидовъ" [2]).

Е. Козубскій.

Т.-X.-Шура, 1 Февраля 1896 г.

---

[1]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд. 1864, № 221.

[2]) Дѣло канц. нач. Даг. обл., II отд., 1865, № 59—136.

ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКѢ *).

1863.

Сватьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позваны. И бысть, въ веселія мѣсто, плачь и сѣтованіе за грѣхи наши. (Новгородск. 1-я Лѣтопись, стр 49).

Въ ночь на 14 е Іюня весь городъ не спалъ. Я въ третьемъ часу ночи былъ на пристани и, придя домой, едва заснулъ, какъ раздавшійся по городу звонъ разбудилъ меня. На утро Наслѣдникъ посѣтилъ соборъ, принималъ представленія, а мы, собравшись въ гимназической залѣ, получили извѣстіе, что въ первомъ часу пополудни онъ посѣтитъ насъ.

Напряженное ожиданіе смѣнилось нѣкоторымъ смущеніемъ, когда подъѣхалъ Наслѣдникъ къ крыльцу гимназіи. Все притихло. И вотъ вошелъ онъ. Дѣти дружно запѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Одна сторона залы занята была небольшою кучкою нашихъ гимназистовъ, по другой — стояли мы, служащіе. Актъ былъ прибереженъ къ этому дню. Наслѣднику угодно было самому раздавать награды. Пока продолжалась раздача наградъ, намъ очень удобно было всматриваться въ Цесаревича и изучать его физіономію. Меня съ перваго взгляда поразили въ немъ мягкость и нѣкотораго рода застѣнчивость, которая такъ обаятельна въ его возрастѣ. Не знаю, на сколько это вѣрно на чужой глазъ; но мнѣ онъ живо напомнилъ Государыню, мать свою: ее удалось мнѣ видѣть на очень близкомъ разстояніи въ Курскѣ (въ 1861 году).

Послѣ раздачи наградъ, во время которой Наслѣдникъ интересовался каждымъ награждаемымъ, я былъ представленъ въ числѣ про-

---

*) Статья эта появилась первоначально въ „Семейныхъ Вечерахъ" отъ 15 Мая 1865 года, откуда мы ее заимствуемъ съ позволенія многоуважаемаго автора нынѣ г-на попечителя Харьковскаго учебнаго округа), какъ дополненіе къ „Воспоминаніямъ Ѳ. А. Оома". П. Б.

чихъ Его Высочеству. Потомъ Наслѣдникъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ было собрано уѣздное училище; онъ долго былъ тамъ, раздавая награды, и о многомъ распрашивалъ директора. Когда Наслѣдникъ пошелъ осматривать библіотеку, кабинеты и проч., мы, учителя послѣдовали за нимъ. Онъ тутъ же потребовалъ, чтобы гимназисты шли въ слѣдъ, и веселая, оживленная толпа дѣтей, которымъ Цесаревичъ предъ тѣмъ сказалъ привѣтливое слово, присоединилась къ намъ. При обзорѣ библіотеки и кабинетовъ, Цесаревичъ обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ вопросами. Меня спросилъ онъ о томъ, что̀ именно проходится по Русской словесности въ каждомъ изъ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи. При обозрѣніи зоологическихъ аппаратовъ, у Наслѣдника явилось желаніе подѣлиться съ нашей гимназіею учебными пособіями изъ своего собственнаго кабинета: въ Февралѣ 1864 года гимназія Петрозаводска получила отъ Наслѣдника дорогой препаратъ доктора Озу (полный организмъ человѣка изъ папье-маше)

Изъ нашей гимназіи мы прошли въ женское училище. Тамъ я стоялъ снова близъ Наслѣдника и думалъ, что врядъ ли мнѣ придется еще разъ видѣть его такъ близко. Однако въ тотъ же день мнѣ пришлось видѣть его очень близко въ общественномъ саду; тамъ было много народу. Гуляя посреди толпы, Великій Князь быстро перемѣнялъ направленіе, и толпа бросалась въ слѣдъ за нимъ съ оглушительнымъ крикомъ: «ура». Этотъ маневръ былъ весьма оригиналенъ; Цесаревичъ смѣялся отъ души и о чемъ-то весело разговаривалъ съ дамою, хозяйкою города.

Утромъ другаго дня, въ то время, какъ Его Высочество осматривалъ горные заводы, у меня на квартирѣ пѣлись Русскія былины старымъ слѣпцомъ Кузьмою Ивановымъ Романовымъ *).

Я давно ждалъ случая услыхать пѣвца былинъ. Пѣвцовъ этихъ теперь нѣтъ въ Петрозаводскѣ и окружныхъ деревняхъ. Съ открытіемъ весны нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Петрозаводскъ по своимъ дѣламъ на соймахъ изъ за Онежья. Кузьма Ивановъ прибылъ въ Петрозаводскъ наканунѣ по своему дѣлу: ему слѣдовало получить изъ Думы шесть рублей. Онъ немедленно отправился къ своему знакомому и покровителю Рыбникову, а этотъ послѣдній привезъ Кузьму ко мнѣ. Г. Рыбниковъ умѣючи отрекомендовалъ меня недовѣрчивому

---

*) Пѣвецъ этотъ или, по мѣстному выраженію, сказитель знакомъ любителямъ нашей народной поэзіи по Сборнику Рыбникова.

старику, какъ своего пріятеля. Старикъ затвердилъ мое имя и отчество. Рыбниковъ передалъ мнѣ тотъ способъ, которымъ можно заставить Кузьму пѣть ту или другую былину, и вскорѣ уѣхалъ. Слѣпецъ былъ оставленъ на мое попеченіе; онъ въ тотъ же день вечеромъ долженъ былъ ѣхать во свояси. Кузьма обѣдалъ у меня, пѣлъ былину за былиной, отдыхалъ у меня, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль подѣлиться рѣдкимъ впечатлѣніемъ съ нашимъ привѣтливымъ, дорогимъ гостемъ и просвѣщеннымъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, съ которымъ утромъ того дня я много и долго бесѣдовалъ, и рѣчь, между прочимъ, касалась Онежскихъ былинъ.

Но скажу о былинахъ, какъ ихъ поютъ сказители. Впечатлѣніе этого пѣнія слишкомъ цѣлостно, вполнѣ передать его трудно. Рельефно выливаются слова—живые образы природы и вѣковой старины; голосъ приспособленъ къ содержанію, ощутительна каждая запятая. Вольга, Горе-злощастіе, Молодецъ безчастный, Добрыня, различно дѣйствовали на меня, то умиляя святою безъискуственностію, художественной простотою дикціи, то поражая произношеніемъ твердымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальнымъ, при чемъ и самыя красоты языка много выигрываютъ. Повѣяло какою-то невѣдомою намъ стариною, но на старину эту былъ отзывъ въ душѣ. Пѣніе это было и ново, и вмѣстѣ съ тѣмъ близко сердцу, какъ родное.

Я отправился къ графу Строгонову и высказалъ ему желаніе подѣлиться съ нимъ тѣмъ хорошимъ впечатлѣніемъ, которое я самъ впервыя испыталъ сегодня. Когда я бесѣдовалъ съ графомъ, было слишкомъ шесть часовъ: оставалось менѣе часу до поѣздки Наслѣдника въ Соломино *). Графъ предложилъ взять старика на пароходъ; я былъ приглашенъ въ число гостей. Надо замѣтить, что старикъ не остался у меня на квартирѣ: онъ боялся, чтобы сойма безъ него не уѣхала. Я передъ тѣмъ, какъ заѣхалъ къ графу Строгонову, доставилъ старика на пристань, при чемъ попросилъ хозяина соймы обождать, на что крестьянинъ неохотно соглашался, такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ. Пріѣзжаю отъ графа Строгонова на пристань— нѣтъ моего старика! Я бы долго проискалъ его, если бы мнѣ не помогъ хозяинъ моей квартиры, который тутъ случился. Мы нашли старика въ лавкѣ: онъ покупалъ варешки. Я повезъ его вдоль при-

*) На противуположномъ Петрозаводску берегу широкой Онежской бухты, въ 12-ти верстахъ отъ города, при проливѣ Саломе, находится гранитная скала, на ней церковь. Скала эта была цѣлью прогулки.

стани къ самому пароходу. На ожидавшемъ Наслѣдника пароходѣ (какъ узналъ я послѣ) были очень удивлены этимъ появленіемъ старика; въ особенности дивились тому, что на него не надѣли суконнаго кафтана, что взяли его, какъ былъ: въ сермягѣ, лаптяхъ и дырявой шляпенкѣ. Но въ этомъ костюмѣ онъ былъ несравненно типичнѣе, какъ и срисовалъ его Боголюбовъ. Наслѣдникъ прибылъ черезъ нѣсколько минутъ съ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ. Пароходъ отчаливаетъ, графъ говоритъ со мной, вдругъ подходитъ Великій Князь къ намъ.

«Я очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ мнѣ. Мы, надѣюсь, будемъ встрѣчаться», вотъ дословно его привѣтствіе. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, я въ туже ночь записалъ въ дневникѣ своемъ почти слово въ слово все, что говорилъ Наслѣдникъ.

«Мнѣ губернаторъ говорилъ о васъ, я слышалъ въ гимназіи фамилію вашу, но не успѣлъ съ вами поговорить. Какъ вы сюда попали? Развѣ не можете жить въ Петербургѣ?»

И послѣ моихъ рѣчей Николай Александровичъ продолжалъ: «Мы съ вами соученики; мнѣ говорилъ Сергѣй Григорьевичъ, что вы слушали Ѳедора Ивановича Буслаева».

Потомъ Наслѣдникъ спрашивалъ меня о томъ, какъ учителя относятся къ ученикамъ, предполагалъ скуку Петрозаводска, спрашивалъ, достаточно-ли учительское жалованье. Всѣ мои отвѣты Цесаревичъ выслушивалъ со вниманіемъ, и вопросы его возникали въ связи съ отвѣтами. За тѣмъ разговоръ перешелъ на окончившихъ курсъ въ нашей гимназіи. Наслѣдникъ спрашивалъ о тѣхъ молодыхъ людяхъ, на которыхъ онъ обратилъ вниманіе при раздачѣ атестатовъ и наградъ, особенно поинтересовался узнать, куда поступятъ получившіе атестаты два брата Полѣновы, какія у каждаго изъ нихъ способности. (Случилось такъ, что въ концѣ этого года я былъ женихомъ сестры этихъ молодыхъ людей, о которыхъ говорилъ со мною Наслѣдникъ). Потомъ Цесаревичъ спрашивалъ меня о моей матери, гдѣ живетъ она. Вслѣдъ за тѣмъ я сказалъ Его Высочеству, что зналъ, кромѣ Буслаева, еще одного его преподавателя Курьяра. Въ отвѣтъ на это Наслѣдникъ объявилъ мнѣ о смерти Курьяра и спросилъ меня, гдѣ я встрѣчался съ Курьяромъ и когда я сказалъ, что у NN, Наслѣдникъ спросилъ меня, кого я еще встрѣчалъ въ домѣ этой извѣстной ему особы. Потомъ Цесаревичъ спросилъ, встрѣчалъ ли я его самого гдѣ либо; я отвѣчалъ, что одинъ разъ въ жизни до Петрозаводска видѣлъ

я Его Высочество на дворцовой набережной въ самый день объявленія манифеста 1861 г. Цесаревичъ увлекся воспоминаніемъ объ этомъ времени. «Да, это было хорошее время, сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ: «и нынѣшній годъ много хорошаго сдѣлано».

Онъ пошелъ на другую сторону палубы, гдѣ сидѣли дамы. Мнѣ снова довелось бесѣдовать съ графомъ Строгановымъ, который, замѣтивъ, что мы подъѣзжаемъ, пригласилъ Великаго Князя на возвышеніе, устроенное среди палубы. Народъ кричалъ «ура»; на верху скалы звонила небольшая Соломенская колокольня; на паперти ожидалъ священникъ съ крестомъ и святою водою; изъ церкви вынесли ветхія хоругви. По скалѣ деревянная лѣстница вела къ палаткѣ, лѣстница была усыпана травой и цвѣтами, крестьянскія дѣвушки бросали подъ ноги Цесаревичу букеты; вокругъ скалы и по скалѣ пестрѣли кучки народу. Когда, приложившись ко кресту и обозрѣвъ старинныя вещи (поясъ, вышитый царевною Софьею Алексѣевною), Великій Князь вернулся въ палатку, Кузьма Романовъ былъ уже въ ней, и я стоялъ подлѣ него. Нужно было объяснить слѣпцу, что передъ нимъ Наслѣдникъ

— Кузьма Ивановичъ, сказалъ я, ты пѣлъ нынче про царевича Ивана Ивановича и Ѳедора Ивановича?

— Пѣлъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ передъ тобой стоитъ такой же Царевичъ, самъ Наслѣдникъ, Николай Александровичъ.—Дряхлый слѣпецъ проговорилъ оробѣлымъ голосомъ: батюшка! По лицу Наслѣдника видно было, какъ онъ былъ заинтересованъ старикомъ; онъ съ удовольствіемъ дозволилъ усадить старика и пригласилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ, придвинувъ стулъ близко къ намъ Я ободрилъ старика, такъ какъ зналъ манеру говорить съ нимъ, и тотчасъ же навелъ его пѣть былину о Вольгѣ Буслаевичѣ:

Закатилось красное солнышко
За горушка высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу,
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушкѣ на святой Руси.
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью разлеталися,
И рыбы по синю морю-морю разметалися, и т. д.

Содержаніе былины такое: хитрый, мудрый Вольга, обучившійся всякимъ хитростямъ и мудростямъ, всякимъ языкамъ человѣческимъ,

набралъ дружину добрую, хоробрую и набравши, пошелъ походомъ на Турецъ-землю. Главный интересъ былины — это превращеніе Вольги въ различныхъ птицъ и звѣрей. Разговоръ Турецкой царицы Панталовны съ мужемъ передается Кузьмою такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ наивно, что, слушая, нельзя не улыбаться. Старикъ пѣлъ, какъ всегда, иногда среди пѣсни простодушно смѣялся. Николай Александровичъ весь отдался новому для него впечатлѣнію, дѣлился со мной взглядами, жестами, говорилъ со мной о былинахъ, потомъ вскочилъ со стула и, обратясь къ графу Сергѣю Григорьевичу, сказалъ, что непремѣнно надо будетъ написать объ этомъ Ѳедору Ивановичу (Буслаеву). Потомъ говорилъ, что напишетъ объ этомъ «Матушкѣ».

За первой былиной слѣдовала другая о Добрынѣ Никитичѣ.

Порасплачется Добрыня, порастужится
Передъ своей государыней-матушкой.

Третья былина была о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, поразительная по оригинальности напѣва. Между былинами мнѣ пришлось сообщить Цесаревичу мѣстныя свѣдѣнія о былинѣ въ Заонежскомъ краѣ, которыя я получилъ отъ П. Н. Рыбникова. Великій Князь подробно разспрашивалъ о сказителяхъ и заинтересовался разсказомъ объ Ильѣ Елустафьевѣ, давно умершемъ, знаменитомъ на все Заонежье сказителѣ, отъ котораго заимствовалъ Кузьма Романовъ и другіе его современники-пѣвцы свое искусство. Разговоръ перешелъ на самый напѣвъ, на содержаніе и историческое значеніе былинъ. По разговору этому было видно, что Наслѣдникъ знако́мъ съ нашей народной поэзіей; онъ вспомнилъ богатырей, представителей сословій, вспомнилъ, что у Алеши Поповича «глаза завидущіе, руки загребущія». Въ былинѣ о Вольгѣ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто:

Ловите рыбу семжинку и бѣлуженку,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбу осетринку.

Онъ оживленно улыбался, передавая мнѣ свое впечатлѣніе (въ Добрынѣ) при словахъ:

Ахъ, вы дѣвицы, красавицы,
Бѣломойницы, портомойницы.

Въ «Добромъ молодцѣ» онъ дѣтски улыбнулся при выраженіи:

Королевна душка Аннушка.

И замѣтно было, что улыбку его возбудило сопоставленіе слова Аннушка со словомъ королевна. Послѣ этой былины Наслѣдникъ спрашивалъ меня, знаетъ ли Кузьма былину о томъ, какъ «богатыри перевелись на Руси», и съ увлеченіемъ говорилъ о значеніи этой былины. Тогда Наслѣдникъ сталъ спрашивать слѣпца, не зналъ ли онъ, отчего перевелись богатыри на Руси? Кузьма отвѣчалъ, что они не перевелись, но только не показываются.

— Гдѣ же они находятся?

— Да поди знай гдѣ! отвѣчалъ наивный старикъ.

— Да отчего же они не показываются? продолжалъ спрашивать Наслѣдникъ.

— Потрава огненная пошла, оттого имъ и быть нельзя.

— Mais pourtant c'est une explication *), обратился ко мнѣ Цесаревичъ, довольный отвѣтомъ старика. И дѣйствительно отвѣтъ замѣчательный: огнестрѣльное оружіе уничтожило значеніе могучихъ плечъ богатырскихъ.

Потомъ рѣчь перешла на Павла Николаевича Рыбникова, собравшаго эпическія пѣсни Пріонежскаго края. Цесаревичъ разспрашивалъ о немъ и объ его сборникѣ. Въ палаткѣ было очень небольшое общество (кромѣ свиты Его Высочества всего 9 человѣкъ, включая хозяина и хозяйку), что сообщало нашей бесѣдѣ какой-то интимный, безцеремонный характеръ. Вечеръ былъ такой теплый, хорошій. Послѣ пѣнія былинъ раздалась на водѣ Русская пѣсня; пестрыя толпы парней дѣвушекъ разъѣзжали по озеру въ лодкахъ; на плотахъ горѣли огни. Послѣ чаю Наслѣдникъ отправился съ губернаторомъ и нѣкоторыми другими лицами въ лодкѣ на противуположный берегъ, къ березкамъ закидывать рыбную тоню. Возвратилась лодка.

«Поймали рыбъ, да только мелкихъ», сказалъ, слегка улыбаясь своей симпатичной, отроческой улыбкой Наслѣдникъ. Какъ теперь вижу его въ военномъ пальто на красной подкладкѣ, въ высокомъ бѣломъ жилетѣ съ башлыкомъ на плечахъ. Войдя въ палатку, Цесаревичъ снова обратился къ Кузьмѣ съ разспросами о Петрѣ Великомъ. Кузьма разсказалъ ему, въ отвѣтъ на это, былину о разграбленіи Румянцовскихъ монастырей. Въ отсутствіе Наслѣдника, Кузьма, съ которымъ графъ С. Г. Строгоновъ разговорился о религіи, спѣлъ стихъ о пустынѣ прекрасной. По возвращеніи Его Высочества, графъ, заинтересованный Онежскимъ расколомъ, продолжалъ разговоръ съ Кузьмой. Одинъ отвѣтъ Кузьмы поразилъ эпическою свѣжестью.

---

*) Все же тутъ объясненіе.

— А въ церковь ты ходишь? спрашивалъ графъ.

— Молюсь за князей, за бояръ, за царски за сѣмена, уклончиво отвѣчалъ старикъ.

Трудно пересказать каждое слово живой бесѣды. Когда рѣчь коснулась того, что Добрыня—представитель боярскаго сословія, Цесаревичъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «и самаго лучшаго сословія». Впрочемъ изъ переданнаго мною выше разговора видно, какъ онъ былъ полонъ вниманія къ человѣку. Онъ старался, чтобы всѣмъ было по себѣ при немъ.

Наконецъ пароходъ отчалилъ отъ Соломина. Весь обратный путь Наслѣдникъ бесѣдовалъ съ дамами. На другой день Цесаревичъ ѣздилъ на Кивачъ, тамъ много и долго любовался на водопадъ, и только вечеромъ того же дня простился съ Петрозаводскомъ. Мнѣ не удалось проститься съ нимъ. Я пошелъ на пароходъ вручить графу Строганову экземпляръ сборника Рыбникова....

Черезъ два мѣсяца я былъ обрадованъ письмомъ моей матери, которая сообщила, что Цесаревичъ вспомнилъ обо мнѣ въ Курскѣ.

И. Хрущовъ.

ПОРТРЕТЪ.

J'ai remarqué, que les hommes distraits sont toujours excellents.
La duchesse d'Abrantès. 2—85 p.

Есть въ мірѣ чудный человѣкъ,
Едва ли не безпримѣрный.
Онъ въ странствіяхъ проводитъ вѣкъ,
Россіи посвященный.
Онъ нѣжный другъ, нѣжнѣйшій братъ,
Мудрецъ, Эпикуреецъ,
Полу-Катонъ, Алкивіадъ,
И чистый Европеецъ.

Гдѣ былъ, иль гдѣ онъ не бывалъ?
И къ дальнимъ—сердцемъ ближе:
Въ Парижѣ о Москвѣ вздыхалъ,
Въ Москвѣ же о Парижѣ.
Европу облетая вкругъ,
Вездѣ спѣшитъ явиться;
Изъ Рима рвется въ Петербургъ,
Оттуда въ Римъ умчится.

Пятнадцать лѣтъ онъ самъ себя
Какъ будто ищетъ въ свѣтѣ;
Всегда разсѣянность любя,
Спѣшитъ, какъ на полетѣ,
И даже слухъ о немъ идетъ:
Скиталецъ вѣчный ожилъ!
За многихъ чувствуетъ, живетъ,
Одинъ—сто жизней прожилъ.

Во всѣхъ столицахъ у него
Свои есть кабинеты,
Гдѣ куча книгъ, того-сего,
Брошюры и газеты;
Въ Парижѣ, въ Лондонѣ ли онъ,
Въ архивахъ пыль глотаетъ,

И старину со всѣхъ сторонъ
Слѣдитъ и открываетъ.

Такъ, въ жизни данъ ему въ удѣлъ
Предметъ его желаній:
Собрать минувшихъ память дѣлъ
И хартіи сказаній,
Россіи прежній бытъ раскрыть,
Петровыхъ лѣтъ картины,
Міръ новымъ блескомъ удивить
Въ дѣлахъ Екатерины.

И въ Римѣ, въ Ватиканской онъ
Сидитъ библіотекѣ;
Кому вопросъ, кому поклонъ,
Чтобъ знать о каждомъ вѣкѣ,
Что любопытнаго въ дѣлахъ
Бывалыхъ дипломатовъ
Съ Марини шепчетъ о звѣздахъ
За хартіи легатовъ *).

Готовъ всѣмъ Музамъ для услугъ,
Вездѣ ихъ почитатель;
Онъ сорокъ лѣтъ съ Жуковскимъ другъ,
Карамзиныхъ пріятель,
Онъ съ Вяземскимъ одна душа,
Козлова утѣшитель,
И можно молвить не грѣша
Всѣхъ знаній онъ любитель.

Онъ видитъ зорко, далеко,
Его повсюду око;
Онъ пишетъ сжато, коротко,
А чувствуетъ глубоко.
Влюбленъ въ писателей съ душей
И, странствуя всемѣстно,
Во всей Европѣ онъ какъ свой:
Вездѣ о немъ извѣстно.

У Вальтеръ-Скота онъ живалъ,
Съ Кювье онъ подружился,
У Гёте гостемъ пировалъ,
У Гумбольдта учился.
Съ Шатобріаномъ вечеркомъ

*) Т. е. чтобы исходатайствовать Русскіе ордена за доставленіе рукописей. П. Б

У Рекамье прелестной;
Всѣмъ знаменитостямъ знакомъ,
И гость вездѣ любезный.

И съ Ламартиномъ онъ ѣзжалъ,
Знавалъ друзей Байрона,
На балѣ въ Римѣ танцовалъ
Съ сестрой Наполеона;
Прахъ Пушкина отвезъ за Псковъ,
Чрезъ мѣсяцъ—онъ въ Парижѣ,
А тамъ у Шведскихъ береговъ,
Къ родимымъ снова ближе.

Какъ Русскій къ Русскимъ онъ взывалъ
Двѣнадцатаго года,
Надеждой въ Промыслъ возвышалъ
Усердіе народа;
Благословеннаго любилъ,
Служилъ добру трудами,
И память Александра чтилъ
Сердечными слезами.

Искатель знаній съ правотой,
Изящнаго цѣнитель,
И славы Русской и родной
Повсюду возвѣститель.
Причудливъ... это не бѣда!
Онъ Русь въ лицо не хвалитъ,
Но въ сторонѣ чужой всегда
Родное чтитъ и славитъ:

Знакомитъ съ Русской стариной
И съ молодымъ талантомъ,
И съ лирой Пушкина златой,
И съ ветхимъ фоліантомъ.
Вѣсть друга передать спѣшитъ,
Тамъ, гдѣ молвѣ свобода,
И Русскаго Царя почтитъ
Гласъ чуждаго народа.

Иной не высмотритъ и въ годъ
Чтò онъ увидитъ въ сутки;
Другой удвоилъ бы доходъ
Слѣдя за нимъ, безъ шутки!
Чтò день, предметъ къ замѣткамъ данъ;

Лишь слушайте, глядите,
И каждый день себѣ романъ
Хоть въ двадцать главъ пишите.

Онъ слушать проповѣдь спѣшитъ,
И къ лекціи поспѣетъ,
Двухъ-трехъ посланницъ посѣтитъ,
Къ больной зайти успѣетъ.
Оттуда онъ еще зайдетъ
Въ палату депутатовъ,
Къ Гизо иль Тьеру на обѣдъ,
На балъ аристократовъ.

На двухъ балахъ, на трехъ балахъ,
Онъ въ вечеръ помелькаетъ,
Но не забудетъ о друзьяхъ:
Тамъ полночь провожаетъ.
И полусонный ѣдетъ спать,
Съ разсвѣтомъ чтобъ проснуться,
И прежде, чѣмъ свой день начать,
На прошлый оглянуться.

Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ къ тремъ,
Друзей не забывая,
Сближаетъ ихъ, своимъ письмомъ
Дѣлиться заставляя;
Привѣты сердца сообщать,
И шутки и намеки,
И радуетъ, что всѣхъ опять
Ихъ вспомнилъ другъ далекій.

Онъ другъ живыхъ и мертвыхъ другъ,
И арфою Эола
Среди могилъ имъ шепчетъ вслухъ:
„У Божія престола
„Вы, братья, живы предо мной;
„Я помню васъ, какъ прежде,
„Люблю, и свидѣться душой
„Въ безсмертной я надеждѣ“.

Такъ занята душа его,
Все въ мысль его тѣснится,
И смѣсь и пестрота всего,
И чудно міръ кружится!
Все измѣняется предъ нимъ,

И гдѣ ни побываетъ.
Все недочетъ друзьямъ былымъ,
Все новое встрѣчаетъ.

И рѣчь его—калейдоскопъ
Словъ острыхъ и блестящихъ,
И мчится мысль его въ галопъ,
Въ обгонъ всѣхъ говорящихъ.
Разсказъ его, какъ токъ бѣжитъ,
Жизнь свѣта отражая,
Забавитъ, трогаетъ, дивитъ,
Одно другимъ смѣняя.

Какъ часто дремлетъ онъ въ гостяхъ!
Не вѣрьте: онъ не дремлетъ.
Закрывъ глаза, въ своихъ мечтахъ
Воспоминанью внемлетъ;
Но васъ онъ слышитъ; къ слову вдругъ
Словцо онъ кстати скажетъ,
Развеселитъ замолкшій кругъ,
Смѣшное въ мигъ укажетъ.

И вступитъ въ бѣглый разговоръ,
И весь одушевится,
Все жарче, жарче, въ громкій споръ,
Пока не утомится.
Тогда притихнетъ, и опять
Чуть въ кресла опустяся,
Себѣ позволитъ онъ дремать,
Прищурясь и смѣяся.

Угодникъ дамъ онъ искони,
Ихъ помнитъ именины,
Всѣ сердцу памятные дни
Глафиры, Клары, Нины;
Той шлетъ онъ вазу, той платокъ,
Другой перчатокъ Датскихъ,
А той хрустальный башмачокъ,
Поклонникъ ножекъ дамскихъ!

Очарователь нѣжныхъ дамъ,
За нищету проситель,
Неутомимъ и по дѣламъ
Гонителей гонитель.
Всѣ анекдоты онъ слѣдитъ,

Все помнитъ, что́ услышитъ,
Какъ Абрантесъ заговоритъ;
Чтобъ позабыть, запишетъ.

Въ немъ пылокъ порицанья духъ,
И скоръ онъ въ заключеньяхъ:
То слишкомъ громко мыслитъ вслухъ,
То легокъ онъ въ сужденьяхъ.
Онъ передъ истиной святой,
Какъ смертный, заблуждался;
Но все съ младенческой душой,
Какъ былъ, такъ и остался.

Добру онъ сердцемъ преданъ весь,
Отчета не страшится,
Онъ презираетъ низость, спѣсь,
Клеветъ онъ не боится,
И между тѣмъ готовъ бѣжать
На помощь сирымъ, бѣднымъ,
За нихъ просить и умолять,
И докучать надменнымъ.

Хотите-ль встрѣтиться вы съ нимъ,
То случая вы ждите:
Онъ иначе неуловимъ.
Не тамъ его ищите
Гдѣ онъ, а тамъ, гдѣ можетъ быть.
Когда жъ писать нужнѣе,
Старайтесь адресъ позабыть:
Письмо дойдетъ вѣрнѣе.

Вотъ Абулъ-Фарій нашъ,
Герой Шехеразады.
Списать его пришла мнѣ блажь,
И въ спискѣ много правды.
Не довершенъ его портретъ;
Кто хочетъ, пусть дополнитъ,
Исправитъ, если сходства нѣтъ,
Добавитъ, что́ припомнитъ *).

1839.

*) Сочинитель этихъ стиховъ намъ неизвѣстенъ. Вѣроятно это Яковъ Николаевичъ Толстой. Они сохранились въ бумагахъ князя П. А. Вяземскаго. Про кого они написаны, читатель „Русскаго Архива" догадается самъ. П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ А. Г. ТРОЙНИЦКАГО *).

Изъ писемъ А. И. Казначеева.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, „бѣлый голубь“, какъ его называлъ другъ его С. Т. Аксаковъ, Рязанскій уроженецъ, род. въ 1788 году и скончался въ Москвѣ 20 Іюня 1800 года, до конца сохранивъ ясность души и благоволительность къ людямъ. Родственникъ адмирала Шишкова, отъ него напитавшійся беззавѣтною любовью къ Россіи, онъ уже въ 1812 году былъ адъютантомъ Кутузова и подъ его диктовку, на барабанѣ, писалъ донесеніе Государю о Бородинскомъ сраженіи. Позднѣе онъ служилъ во Франціи у Воронцова, который полюбилъ его и въ 1837 г., при увольненіи его изъ должности Симферопольскаго губернатора, писалъ про него графу Бенкендорфу, что питаетъ къ нему дружбу братскую, а къ его характеру и сердцу искреннѣйшее уваженіе, что не знаетъ человѣка болѣе благонамѣреннаго, души болѣе чистой („Архивъ Кн. Воронцова, XXXV, 482 и 483). Съ 1848 по 1854 г. Казначеевъ былъ градоначальникомъ въ Одессѣ. Немудрено, что такой человѣкъ сблизился съ А. Г. Тройницкимъ. П. Б.

1.

6 Сентября 1851. Алупка.

По желанію вашему, любезнѣйшій Александръ Григорьевичъ, я докладывалъ князю о томъ, чтобы васъ имѣть въ виду на мѣсто предсѣдателя въ Приказѣ, если это мѣсто учредится. Вотъ отзывъ князя въ подлинникѣ: «съ особеннымъ удовольствіемъ; Тройницкой для всякаго мѣста способенъ, онъ вездѣ будетъ очень хорошъ и очень полезенъ». Спѣшу вамъ сообщить столь лестный и стало быть пріятный отзывъ изъ устъ необыкновеннаго вельможи и нашего благодѣтельнаго главноначальника.

2.

16 Мая 1854, Москва.

О событіяхъ Одесскихъ зналъ я въ Харьковѣ, знаю и узнаю здѣсь подробно: изъ Петербурга сюда всѣ вѣсти доходятъ по желѣзной дорогѣ на другой день, а по телеграфу въ 8-мь минутъ!

---

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года II, 296.

Бомбардированіе Одессы было не такъ страшно, какъ чортъ его малевалъ. Одесса наша выдержала вражьи удары славно и дивный дала отпоръ. Кажется, бомбардированіе Богъ послалъ на Одессу, какъ бы для того, чтобы выказать несомнѣнно ея Русскую душу и прославить доблестныхъ ея защитниковъ; да гнуснымъ [1]) Англичанамъ и Французамъ показать, что водяныя силы ихъ безсильны даже противъ не военной, а комерческой Русской житницы. На кормилицу свою подняли они неблагодарную руку; за то рукамъ ихъ и ногамъ досталось на калачи! Одинъ праведный спасаетъ многихъ: это сказаніе священнаго писанія, по справедливости, можно приложить къ генералу Сакену и при немъ невинному еще юношѣ Щеголеву, да архіерею Иннокентію.

Кстати для сравненія разскажу вамъ забавный случай, представившійся мнѣ на дняхъ въ Москвѣ. Иду я по улицѣ и вижу: дюжій горожанинъ съ разбитымъ рыломъ, шагая широко и размахивая руками, разговариваетъ громко самъ съ собою: «Едакой азарникъ! Задалъ же я ему перцу!» — «Что это, братецъ, съ тобою случилось?» спросилъ я его? — «Что? отвѣчалъ онъ остановясь; да вотъ, баринъ, на Покровкѣ Иванъ Бойкой почалъ обиждать Тришку Мурзакова; а я, не говоря ни слова, ему тычка, да другова; третьяго не удалось!» — «Ужъ не знаю, братъ, что ему было отъ твоихъ двухъ тычковъ; а рыло-то у тебя въ крови, да и платье-то все изорвано; лучше бы тебѣ не мѣшаться не въ свое дѣло», прибавилъ я. — «Вѣстимо такъ, отозвался онъ; да ужъ за то я вдоволь наругался и все-таки буду ругаться». Точь въ точь бой Англичанъ и Французовъ съ нами, подумалъ я, уходя отъ разбитаго рыла.

Я нѣсколько опоздалъ пріѣздомъ сюда, потому что прождалъ князя Воронцова 10 дней въ Херсонѣ и Бериславѣ. Въ Харьковѣ провелъ весь праздникъ Воскресенія Христова, по убѣжденію стараго моего товарища генерала Кокошкина и добраго хозяина Н. М. Лонгинова [2]), выжидая улучшенія дорогъ, которыя были еще въ снѣгу. Не раскаяваюсь въ этомъ: на Ѳоминой ѣхали мы до Курска почти по сухой дорогѣ, а отъ Курска до Москвы продолжали путь по прекрасному шоссе; это была для насъ какъ бы увеселительная прогулка.

Въ Москвѣ, 29 Апрѣля, встрѣтили насъ родные и друзья радостно, знакомые и незнакомые дружественно, а графъ Закревской, по прежнему, родственно. Я наскоро обмундировался и не медля вступилъ въ

---

[1]) Епитетъ, помѣщенный въ письмѣ кн. Воронцова ко мнѣ отъ 4 Мая изъ Мошны.

[2]) Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ, братъ извѣстнаго статсъ-секретаря, сынъ Харьковскаго сельскаго священника. П. Б.

должность; а жена моя занялась наймомъ квартиры и домохозяйствомъ. Сегодня только переходимъ мы на постоянную квартиру въ домѣ ген. Пулло. Дивна Бѣлокаменная Москва! Своебытна, своеобразна и безприкладна. На каждой улицѣ храмъ Божій, на иныхъ по два и по три. На каждомъ шагу—присутствіе Бога! Некогда забыться и увлечься свѣтомъ.

Въ Москвѣ ожидаютъ вашихъ юныхъ Англичанъ-плѣнниковъ. Ихъ Государь приказалъ, говорятъ, помѣстить въ здѣшнемъ университетѣ.

Въ день бомбардированія нельзя не отдать полной и благодарной справедливости и духовному мужеству нашего всечтимаго владыки Инокентія. Онъ показалъ себя истинно архипастыремъ святой Руси.

3.

11 Сент. 1854, Москва.

Нѣтъ худа безъ добра, мой любезнѣйшій Александръ Григорьевичъ. Замедленіе ваше отвѣтомъ на моя письма доставило мнѣ болѣе удовольствія, нежели бы скорый отвѣтъ. Письмо ваше такъ тепло и прекрасно выразило въ васъ добраго друга моего, котораго я съ перваго знакомства полюбилъ, не переставалъ любить и конечно не перестану, потому что люблю любить и уважать достойное.

Замѣчали-ли вы, что послѣ мимолетной семейной размолвки, по недоразумѣнію, объятіе и поцѣлуй родныхъ сердецъ бываютъ живѣе и слаще? Впрочемъ, я истинно не сѣтовалъ на васъ за молчаніе и приписывалъ его взволнованнымъ обстоятельствамъ и событіямъ Одесскимъ. Не могу сказать, чтобы безмолвіе на мои посланія не производило во мнѣ непріятнаго чувства; но такую непріятность всетаки относилъ я къ слѣдствію обстоятельствъ, а не лично къ вамъ или къ забвенію. Полезное и жаркое содѣйствіе ваше въ общемъ дѣлѣ во дни потрясеній Одессы заглушало въ душѣ моей непріятное сердечнымъ рукоплесканіемъ.

Мечта ваша о переселеніи въ Бѣлокаменную отрадно блеснула мнѣ. Она можетъ быть и не мечтою. При случаѣ поговорю о томъ съ графомъ Закревскимъ. Да скажите, между тѣмъ, на чемъ остановилось попытка на мѣсто попечителя учебнаго Одесскаго округа? Говорятъ, ген. Анненковъ [1]) не прочь отъ принятія этого добавочнаго мѣста, по примѣру нѣкоторыхъ генераловъ-губернаторовъ. Это передалъ мнѣ, межъ нами сказать, Бугайской [2]), котораго я здѣсь видѣлъ. Кажется,

[1]) Тогдашній Одесскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

[2]) Михаилъ Васильевичъ Бугайскій (вторымъ бракомъ женатый на племянницѣ извѣстныхъ братьевъ Муравьевыхъ) былъ недолгое время попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и за болѣзнію глазъ отпрошился въ отставку. П. Б.

онъ самъ подалъ такую мысль Анненкову и чуть ли не писалъ о ней въ Петербургъ. Знаменитый докторъ Иноземцовъ просвѣтляетъ его зрѣніе. Кстати о Иноземцовѣ: посылаю вамъ на всякой случай его брошюрку о составѣ капель противу холеры [1]). Она въ Москвѣ сильно засвирѣпствовала, но скоро исчезла.

П. И. Өедоровъ [2]) доселѣ боленъ и не выходитъ изъ своей комнаты. Онъ дѣйствительно боленъ не столько тѣломъ, сколько душею. Я навѣщаю его и отъ чистаго сердца успокоиваю, сколько могу. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ видѣніяхъ. Ему представлялся какой-то великанъ: видѣніе Римлянина Силлы, къ которому также являлся великанъ по вечерамъ съ обѣщаніемъ явиться опять на завтра. Силла всегда, кивнувъ головой, отвѣчалъ: «Ну такъ до свиданія!» Русской же Силла былъ безотвѣтенъ. Чего-то онъ боится!

Вчерась пронеслись у насъ слухи о сильной высадкѣ враговъ нашихъ въ Крымъ. И прежде подобные слухи проносились, да не оправдывались; а теперь, судя по обстоятельствамъ, они должны быть вѣрны. Какъ вы хорошо сдѣлали, что время житья Института въ Вознесенскѣ употребляете на возведеніе новаго зданія институтскаго. Военное положеніе какъ будто нарочно для сего случилось [3]).

Вчерась графъ Закревской получилъ отъ князя Меншикова письмо о высадкѣ враговъ нашихъ въ Евпаторіи числомъ до 50 т. чел. [4]). Письмо веселое, впрочемъ, какъ будто князь радъ высадкѣ. Помоги ему Господь Богъ! Хорошо, кабы они поплатились за свои грѣхи. Сынъ мой пишетъ мнѣ, что ген. Врангель у Баязета перехватилъ два каравана изъ Индіи; одно золото составило 480 т. р. с. Это отплата за вражьи призы. Геркулесъ нашъ А. П. Ермоловъ называетъ высадку враговъ нашихъ отчаянною и полагаетъ, что какъ они ни сильны, а побить ихъ можно и должно. Кабы его устами, да медъ пить! Какъ жаль, что еще такой богатырь безъ дѣла!

4.

9 Октября 1856. Москва.

26 Августа, получивъ ваше письмо, я въ тотъ же день отправился къ А. И Левшину, вручилъ ему пакетъ на имя его и свое далъ прочесть. На другой день случай наткнулъ насъ обоихъ на мин. Норова, и мы

---

[1]) Въ Москвѣ нѣтъ дома безъ этихъ капель.

[2]) Передъ тѣмъ Одесскій губернаторъ, отецъ редактора „Новаго Времени". П. Б.

[3]) На случай опасности Одесскій дѣвичій Институтъ переселялся въ Вознесенскъ. Бумаги Воронцовскаго архива также вывозились тогда изъ приморскаго Одесскаго дома князя Воронцова въ Кіевское его имѣніе Мошны. П. Б

12 Сент.

[4]) Глазомѣрно.

общими силами напали на него врасплохъ. Онъ отвѣчалъ намъ: «Очень бы радъ былъ Тройницкому, зная его съ лучшей стороны, и не устоялъ бы противъ вашихъ убѣжденій; но на мѣсто Демидова есть уже назначеніе самого Государя. Если Александръ Григорьевичъ пожелалъ бы быть помощникомъ или товарищемъ попечителя, это можно, хотя впрочемъ я доселѣ не видѣлъ надобности въ товарищѣ и потому оставлялъ это мѣсто празднымъ». Я хотѣлъ сообщить вамъ о томъ немедленно; но Левшинъ сказалъ мнѣ: «Я самъ ему напишу прежде, а вы подождите, послѣ напишите; межъ тѣмъ постараемся узнать, кто назначенъ попечителемъ? И назначенъ ли?»—Суеты продолжались; мы узнали о назначеніи знаменитого Пирогова, у котораго товарищемъ быть не лестно. Министръ неожиданно уѣхалъ. Левшинъ заѣзжалъ ко мнѣ проститься и не засталъ меня дома; я былъ у него и также не засталъ. Какъ бы то ни было, знаю только, что онъ вамъ писалъ. Получили ль вы его письмо и чтó отвѣчали? Пироговъ вышелъ было въ отставку, и ему предложили мѣсто попечителя единственно для того, чтобы удержать на службѣ Европейскую знаменитость, которою Россія гордиться можетъ.

Такимъ образомъ позволительно заключить, что знаменитый докторъ не долго останется попечителемъ и получитъ вскорѣ другое, высшее назначеніе. Онъ же посодѣйствуетъ товарищу... Вотъ моя дума! Какъ вы думаете?

Межъ тѣмъ и я отнесусь къ вамъ съ просьбицей. Въ Одессѣ живетъ мой родственникъ Александръ Николаевичъ Казначеевъ. Нѣсколько разъ помогалъ я ему, по моей возможности; теперь получаю отъ него слезныя письма съ просьбою опять о помощи. Сдѣлайте милость передайте ему сами или чрезъ Григ. Серг. Морозова, у котораго онъ служилъ, прилагаемые при семъ 25 р. с.: деньги небольшія, да я ими не богатъ, а бѣдными, родными и неродными, богатъ очень! Да не окажется ли случая куда нибудь на службу пріютить несчастнаго? И то сказать, онъ способенъ лишь къ механическимъ занятіямъ. Его четыре брата пали на полѣ битвъ; а онъ влюбился, женился, оставилъ военную службу, въ которой могъ быть—панъ или пропалъ. Пропалъ бы славно съ честію, а теперь влачитъ жизнь бѣдственную, безнадежную! Горько о немъ подумать, нельзя однакожъ не думать о несчастномъ. Попробую похлопотать объ опредѣленіи его по карантину или по таможнѣ, чтобы хоть съ голода не умеръ. И то не легко за 2000 верстъ! Вашъ неизмѣнный старый товарищъ А. К.

Нашъ фельдмаршалъ князь Воронцовъ имѣлъ намѣреніе пожить сперва на южномъ берегу Крыма, а зиму провести въ Одессѣ. Не знаю, понравится ли то графу Строгонову; но увѣренъ, что пребываніе князя въ Одессѣ будетъ ей не безполезно.

5.

20 Февраля 1861. Москва.

Приношу вамъ дружеское и Русское спасибо за присылку мнѣ книги о крѣпостномъ населеніи. Трудъ вашъ не маловаженъ, добросовѣстенъ и едвали не въ первый разъ вѣренъ и повѣренъ на дѣлѣ и дѣльно. Доселѣ статистическія исчисленія, не безъ основанія, незабвенный нашъ князь Воронцовъ называлъ Арабскими сказками: мѣстныя начальства наполняли графы какъ попало, лишь бы *вопросъ* спихнуть съ рукъ какимъ бы то ни было *отвѣтомъ*!

Мнѣ кажется, что истинно и подлинно полезный трудъ вашъ долженъ былъ предшествовать и сопутствовать первоначальному появленію крестьянскаго вопроса, павшаго па одинъ только разрядъ помѣщичьихъ крестьянъ. О другихъ разрядахъ помину не было. Едва ли они входили въ общее соображеніе. Покрайней мѣрѣ, не случилось мнѣ читать о томъ гдѣ либо. Даже въ вашемъ трудѣ видѣнъ пробѣлъ удѣльныхъ крестьянъ, которые также не могутъ не считаться крѣпостными.

Но какъ бы то ни было, пошли намъ Господь скорый и благой конецъ благому дѣлу!

Изъ писемъ А. Г. Тройницкаго къ архіепископу Иннокентію [1]).

1.

Одесса, 19 Января 1853.

Въ Декабрѣ получено здѣшнею цензурою [2]) не допускать печатанія въ газетахъ никакихъ рѣчей, словъ и проч., произнесенныхъ духовными лицами, безъ предварительнаго разрѣшенія духовной цензуры, которая, сколько мнѣ извѣстно, сосредоточена въ С.-Петербургѣ. Неужели невозможно будетъ исходатайствовать поясненія или исключенія на счетъ словъ и рѣчей, которыми вы благоволите иногда украшать «Одесскій Вѣстникъ»; неужели вамъ не можетъ быть предоставлено, безъ дальнѣйшаго разрѣшенія, печатать ваши слова и рѣчи? Всякому распоряженію должна быть мѣра.

---

[1]) Изъ бумагъ преосвященнаго Иннокентія, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку отъ г. Палаузова. Г. Тр.

[2]) Въ подлинникѣ очевидно пропущено какое-то слово. Г. Тр.

2.

Много виноватъ я, что до сихъ поръ не отозвался изъ Одессы къ вашему высокопреосвященству въ далекую столицу. Къ этому обязывали меня и постоянно-отеческая ласковость, которую вы мнѣ всегда оказывали и два милостивые поклона, которыми вамъ угодно было почтить меня черезъ о. архимандрита Діонисія. Дорого и вполнѣ цѣню весь почетъ вашего добраго обо мнѣ воспоминанія; но въ первое время вашего пребыванія въ столицѣ не хотѣлъ я письмомъ своимъ отвлекать вашего вниманія отъ встрѣтившихъ васъ, конечно, заботъ на пользу общую, которыхъ однимъ изъ благихъ плодовъ, думаю, было перенесеніе Римско-католической каѳедры изъ Херсона,—именно древне-православнаго,—въ Тирасполь. Кромѣ того, въ концѣ минувшаго года прибылъ въ Одессу сенаторъ А. С. Норовъ, которому, между прочимъ, поручено было осмотрѣть подробно и состоящій подъ ближайшимъ завѣдываніемъ моимъ дѣвичій Институтъ; кажется, онъ остался имъ доволенъ; къ сожалѣнію моему, при обуявшихъ его занятіяхъ по Лицею, мнѣ не посчастливилось съ нимъ близко познакомиться, и я опасаюсь, чтобъ ему по нашему Институту не показалось кое-что въ «слишкомъ» выгодномъ свѣтѣ. Все это сдѣлало меня невѣжливымъ и замедлило настоящее мое письмо. Удосужившись нѣсколько, при истинно-Иксіоновской своей работѣ, первымъ долгомъ поставляю себѣ принести вашему высокопреосвященству усерднѣйшее поздравленіе свое съ наступившимъ новымъ годомъ и отъ всей души пожелать главнаго для васъ—укрѣпленія и сохраненія вашего здоровья; другихъ желаній, при томъ высокомъ положеніи, которое вы заняли среди именитѣйшихъ людей земли Русской, для васъ не придумаю; но для себя и для всѣхъ жителей Одессы присовокупляю искреннее и нелицемѣрное желаніе видѣть скорѣе возвращеніе ваше къ намъ: во всемъ, въ чемъ вы принимали участіе своими молитвами и своимъ живительнымъ словомъ, ощутительно отсутствіе ваше, ощутительна пустота, которую вы одни можете наполнить.

Положеніе мое въ Одессѣ истинно тяжело. Около 30-ти лѣтъ усердной и, смѣю сказать, не безполезной службы, при весьма разнообразныхъ родахъ занятій, привели меня только къ тому, что я сталъ труженикомъ-издателемъ газеты. Не говоря объ обременительности этой работы, я, не обинуясь и не опасаясь упрека въ гордости или самолюбіи, считаю себя въ правѣ сказать, что я способенъ къ чему-нибудь бóльшему. Служба моя по Институту тяготитъ меня. Едва ли кругъ моей дѣятельности долженъ ограничиваться наблюденіемъ за хозяйствомъ и

канцеляріею Института. Несъ я эту службу до сихъ поръ безъ всякаго жалованья, въ надеждѣ, что въ возмездіе за то одному или двумъ изъ сыновей моихъ даровано будетъ обезпеченное воспитаніе на счетъ казны (имъ въ томъ отказано), въ надеждѣ, что я чѣмъ-либо буду подвинутъ впередъ на гражданскомъ поприщѣ; но и эта надежда, кажется, напрасною послѣ посѣщенія Института принцемъ Ольденбургскимъ: вспомнили милостиво о всѣхъ почти служащихъ при этомъ заведеніи, объ иныхъ вдвойнѣ, о мнѣ позабыли. Но не на это смотрю я. Позволяю себѣ повторить, что я желалъ бы расширенія и болѣе прочнаго опредѣленія круга моей дѣятельности, въ Одессѣ и въ Новороссійскомъ краю. По отдаленіи отсюда князя Воронцова, я не могу имѣть на то надежды, а потому усердное мое желаніе состоитъ въ переходѣ на службу въ столицу. Болѣе всего побуждаетъ меня къ тому желаніе *тамъ* воспитать сыновей своихъ на службу Царю и Отечеству. Желалъ бы я ошибиться, но мало имѣю надежды, чтобы перемѣна, послѣдовавшая въ Декабрѣ въ управленіи Лицея и вашему высокопреосвященству, вѣроятно, извѣстная, повела къ лучшему; есть въ ней свѣтлыхъ, но есть и много темныхъ сторонъ. Не осмѣлюсь ли попросить милостиваго содѣйствія вашего высокопреосвященства къ осуществленію моего желанія? Ваше слово у Андрея Логгиновича Гофмана, у Николая Михайловича Лонгинова и у другихъ высоко стоящихъ не можетъ не имѣть сильнаго вѣса; неужели не найдется гдѣ нибудь приличнаго для меня мѣста въ числѣ ближайшихъ помощниковъ Андрея Логгиновича, въ числѣ членовъ Опекунскаго Совѣта, или во всякомъ другомъ родѣ службы? Ни отъ чего не отказываюсь, какъ бы ни была трудна служба, лишь бы на нѣсколько лѣтъ она обезпечила скромное содержаніе для моего семейства и облегчила мнѣ воспитаніе сыновей.

Одесса, 12 Января 1853.

3.

Почтенный генералъ-маіоръ Захаръ Андреевичъ Аркасъ, если не ошибаюсь, предсѣдатель коммиссіи о построеніи въ Севастополѣ храма во имя Св. Владиміра, прислалъ мнѣ любопытную статью о Севастопольскихъ скитахъ и ихъ освященіи. Я увѣренъ, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія, судя вообще по добросовѣстности его трудовъ, появлявшихся въ печати, вѣрны, но не дозволяю себѣ напечатать ихъ безъ предварительнаго разрѣшенія и благословенія той руки, которая положила основаніе Русскому Аѳону. А потому, препровождая у сего въ подлинникѣ статью ген.-м. Аркаса, осмѣливаюсь покорнѣйше просить пресмотрѣть се и, по одобреніи, возвратить ко мнѣ для напечатанія;

если онъ будетъ того удостоена вашимъ высокопреосвященствомъ, то я самъ уже сглажу нѣкоторыя встрѣчающіяся въ ней неровности языка.

Я продолжаю свою труженическую жизнь, которая стала еще тяжелѣ съ тѣхъ поръ, какъ я вынужденъ былъ участить изданіе «Одесскаго Вѣстника»; что касается до службы моей въ Одессѣ, то я болѣе и болѣе убѣжденъ, что мнѣ пора ее оставить.

4.

Едва успѣлъ я осмотрѣться въ холодной, сѣверной столицѣ, какъ всѣхъ поразило и ошеломило громовое событіе—смерть Императора Николая. Въ Петербургѣ оно было также неожиданно, какъ и во всей Россіи: наканунѣ дня смерти никто изъ самыхъ близкихъ къ покойному Государю лицъ не ожидалъ, что такъ скоро не станетъ того, съ чьею жизнію казалось такъ тѣсно связаннымъ такъ многое и особенно разрѣшеніе запутаннаго всѣми восточнаго вопроса и окончаніе нынѣшней войны. Но не такъ суждено было свыше. Не могу сообщить въ письмѣ подробностей истинно замѣчательныхъ о кончинѣ Императора Николая. Едва ли исторія представляетъ что-либо подобное. Онъ умеръ, какъ жилъ, не уступивши и не поддавшись ничему ни на одно мгновеніе, съ изумительною твердостью христіанина и царя. За нѣсколько часовъ до смерти онъ даже отказался выслушать послѣднія донесенія изъ Крыма, сказавши, что «ничто земное къ нему болѣе не относится». Внуку своему, нынѣшнему Наслѣднику, онъ сказалъ между прочимъ: «учись, какъ умираютъ цари». И дѣйствительно было чему поучиться не только царю, но и каждому человѣку: такъ безтрепетно и спокойно перешелъ онъ въ другой міръ.

Начало новаго царствованія было чрезвычайно утѣшительно. Новый Императоръ съ изумительною твердостью и самоувѣренностью принялъ наслѣдство своего отца. Слова, сказанныя имъ въ первые дни разнымъ высшимъ сословіямъ, обрадовали и утѣшили всѣхъ: онъ говоритъ легко и прекрасно, отъ души. Многое конечно вамъ уже извѣстно; что̀ не дошло до васъ, сообщу при личномъ свиданіи. Но не хочу отказать себѣ въ удовольствіи сообщить теперь же того, что̀ онъ сказалъ Австрійскому послу. На слова его «объ интересахъ Европы» Государь выразилъ: «Мнѣ ввѣрены Провидѣніемъ выгоды Россіи, а до выгодъ Европы мнѣ нѣтъ дѣла». Онъ присовокупилъ въ заключеніе: «Я утвердилъ всѣ инструкціи, данныя моимъ отцемъ; но не уступлю ничего болѣе; я не могу уступить и того, на что могъ бы согласиться мой отецъ. Послѣ 30-лѣтняго царствованія онъ могъ бы сдѣлать, можетъ быть, уступку, не совсѣмъ согласную съ мнѣ-

ніями его народа, для котораго онъ такъ много сдѣлалъ; я же не сдѣлалъ еще ничего для Россіи, я не могу ничего сдѣлать противъ общаго мнѣнія». Да будетъ такъ, и да поддержитъ Его Всевышній въ этомъ крѣпкомъ началѣ! По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, на миръ мало надежды: Австрія и Англія, кажется, желаютъ мира, но Наполеонъ по видимому не уступаетъ; увидимъ, кто кого сломитъ. Перемѣна въ командованіи въ Крыму принята съ удовольствіемъ; по главную надежду полагаютъ на барона Сакена.

Исполнилъ всѣ ваши порученія. Былъ у высокопреосвященнаго Никанора, который съ особеннымъ участіемъ разспрашивалъ меня о васъ и вашемъ здровьи; отвѣчалъ ему въ томъ смыслѣ, какъ получилъ ваше наставленіе. Передалъ поклоны ваши А. С. Норову, барону Корфу, Прянишникову и Вагнеру. Отъ Исакова везу нѣсколько книгъ. Сферы *) нигдѣ не нашелъ. Матерію для ризы жена купила, какую нашла лучшую, только по обстоятельствамъ черную. Отъ всѣхъ изъ Петербурга и Москвы везу вамъ самые усердные поклоны; отсюда особенно отъ П. И. Өедорова, который опять боленъ, и А. И. Казначеева, выславшаго уже давно ризу для Богоматери. Изъ Петербурга я выѣхалъ съ убѣжденіемъ, грустнымъ для меня, если останусь въ Одессѣ, что ваше пребываніе у насъ не можетъ быть долговременно: общій голосъ зоветъ васъ, при первомъ случаѣ, въ Петербургъ или Москву; такъ и должно быть по всей вѣроятности. Не даромъ я въ бриліантовомъ крестѣ вашемъ видѣлъ предзнаменованіе будущаго вашего призванія.

О себѣ скажу только, что страшно тоскую, что бездорожье задержитъ меня въ Москвѣ еще недѣли на двѣ, но не могу не заключить, отъ себя и отъ жены, выраженіемъ самой глубокой и живочувствуемой благодарности за нѣжное, пастырское вниманіе, оказанное вами дѣтямъ моимъ, оставшимся въ Одессѣ. Со слезами читали мы то, что̀ намъ писали о томъ изъ Одессы; крѣпко тоскуемъ мы по нихъ и боимся, чтобы безъ насъ не увезли ихъ изъ Одессы; мы хотѣли бы тамъ найти ихъ.

Москва, 17 Марта 1855.

5.

Наканунѣ отъѣзда вашего изъ Одессы, вамъ угодно было спросить меня, что̀ и кому сказать обо мнѣ въ Москвѣ. Я отвѣчалъ, что мое искреннее желаніе, ради сыновей, перебраться въ одну изъ столицъ; но вы сами указали мнѣ на должность, которая могла бы от-

---

*) Въ записной книжкѣ А. Г. Тройницкаго, относящейся къ его поздкѣ изъ Одессы въ С.пбургъ въ 1855 г., упоминается, что архіепископъ Иннокентій просилъ его привезти отъ книгопродавца Исакова большую сферу небесныхъ тѣлъ Гр. Т.

крыться для меня въ Одессѣ, именно должность попечителя Одесскаго учебнаго округа. Вчера узналъ я отъ г-на Демидова лично, что онъ, по прошенію своему, вовсе уволенъ отъ этой должности, а потому она вновь стала вакантною. Могу ли слѣдовательно усердно попросить ваше высокопреосвященство, если уже не сдѣлано распоряженіе министромъ къ замѣщенію этой должности, употребить могучее вліяніе свое, гдѣ признаете за лучшее, чтобы поворотить вѣтеръ въ мою сторону? Если вы не считаете меня неспособнымъ къ тому, то я позволю себѣ прибавить, что я родился и воспитывался въ Одессѣ, прослужилъ здѣсь 30 лѣтъ, преимущественно по части воспитанія, люблю городъ и край, и конечно буду исполнять ту обязанность не какъ наемникъ или перелетный человѣкъ, а какъ человѣкъ истинно преданный и долгу, и дѣлу, и краю. Думаю, что вы встрѣтитесь съ княземъ М. С. Воронцовымъ; десять лѣтъ тому онъ вызывалъ меня на подобную должность на Кавказѣ; я туда не могъ поѣхать, но съ тѣхъ поръ я пріобрѣлъ десять лѣтъ опытности въ людяхъ и вещахъ. Надѣюсь, что если вы попросите его ходатайства въ мою пользу, онъ въ томъ не откажетъ, а его слово сильно. Я бы самъ написалъ къ нему, еслибъ зналъ, гдѣ онъ и еслибъ зналъ, что мѣсто не отдано уже другому. А потому я и рѣшился просить теперь о томъ исключительно ваше высокопреосвященство, въ надеждѣ и на вашу милость ко мнѣ, и на успѣхъ всего того, что вы пожелаете.

Порученіе ваше о разсылкѣ послѣднихъ вашихъ рѣчи и слова я исполнилъ. Я отправилъ по нѣскольку экземпляровъ первой адмираламъ Панфилову и Юхарину и послѣдняго въ Георгіевскій монастырь; по 10-ти экземпляровъ той и другаго передано о. Діонисію для доставленія къ вамъ въ Москву.

6.

Спѣшу принести вамъ искреннюю и душевную благодарность за милостивое, не знаю чѣмъ заслуженное, вниманіе ваше, въ сообщеніи мнѣ *перваго* извѣстія объ ожидаемой мною царской наградѣ *). Что касается до вопроса о попечительствѣ, то вполнѣ предоставляю успѣхъ его вашему снисходительному ходатайству. Если же и при вашемъ ходатайствѣ это окажется невозможнымъ, приму такое послѣдствіе безъ ропота и спокойно. Я всегда твердо предавался въ волю Того, отъ Кого все зависитъ. Желать и искать улучшенія своего положенія и средствъ быть полезнымъ, по силамъ и разумѣнію, дозволено каждому; но ни міра, ни хода дѣлъ намъ по своему перестроить нельзя.

*) 26 Августа 1856 г. А. Г. Тройницкому былъ пожалованъ орденъ Св. Станислава 1-й степ. Гр. Т.

Мы громко и усердно отпраздновали коронацію въ тотъ самый день, въ тѣ самые часы, какъ она совершалась въ Бѣлокаменной. Телеграфическія депеши о начатіи царскаго шествія въ Успенскій соборъ въ 9 ч. 20 м. и о совершеніи коронованія въ 11 ч. 42 м. получены здѣсь были въ *пять* и въ *четыре минуты*, по отправленіи ихъ изъ Москвы! Что̀ такое въ сравненіи съ этою волшебною быстротою старые ковры-самолеты и семимильные сапоги? Одного не достаетъ намъ, и это скажу безъ лести: вашихъ словъ въ празднованіе коронаціи и сегодня. Вы избаловали Одессу, и теперь она въ подобныхъ случаяхъ недовольна словомъ обыкновеннымъ. Нельзя также не пожалѣть, что графа Строганова не было и нѣтъ еще здѣсь; онъ былъ въ Азовскихъ портахъ, а теперь въ Крыму, и будетъ въ Одессѣ не ранѣе 2 Сентября.

Всѣхъ насъ порадовала вѣсть о пожалованіи князя М. С. Воронцова фельдмаршаломъ: тому, кто водилъ Русскіе вои въ Балканахъ, подъ Краснымъ, подъ Бородинымъ и въ Дарго, слѣдовала такая честь.

Думается мнѣ, что сегодня вамъ придется говорить слово въ Москвѣ, ради тезоименитства царева; если такъ и если бы почему бы то ни было слово ваше не напечаталось въ Москвѣ, не пришлете ли его намъ? Въ противномъ случаѣ я перепечатаю все ваше, что появится въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, и не могу думать, чтобы чего-нибудь не появилось.

Одесса, 30 Августа 1856

Изъ писемъ архіепископа Иннокентія къ А. Г. Тройницкому.

1.

Спасибо за извѣщеніе! Иначе я не мало не сожалѣлъ бы, что не былъ у вашихъ дѣтей, какъ то случилось въ прошломъ году. Не совсѣмъ удобно оставлять мнѣ по утру дачу; но надѣюсь управиться съ водами, чтобы явиться къ вамъ часу въ 11-мъ. До 12-ти мы успѣемъ видѣть ихъ успѣхи и благословить ихъ на дальнѣйшіе. Подобныя заведенія всегда были особенно близки моему сердцу. Самъ Господь вамъ награда за такіе труды! Вашего превосходительства всегдашній слуга И. а. Х.

Іюля 27-го 1849.

2.

Достопочтеннѣйшему Александру Григорьевичу здравіе, миръ и радости о Господѣ!

За симъ душевный привѣтъ съ знакомъ вниманія Монаршаго къ прилежнымъ трудамъ его, коихъ свидѣтелемъ цѣлый обширный край.

За симъ увѣдомленіе, что *о дѣлѣ предполагаемомъ* говорено было, кому слѣдуетъ, съ полною силою. Рѣшительный отвѣтъ еще не полученъ, но можно имѣть добрую надежду.

За симъ благодарность за исправное доставленіе газеты. Можетъ быть, въ непродолжительномъ времени пришлется въ нее что-либо для напечатанія. Извѣщеніе о ходѣ *), сдѣланное въ Августѣ, здѣсь принято всѣми хорошо.

За симъ желаніе въ новомъ лѣтѣ новой крѣпости и силъ на пользу общую.

Да даруетъ Господь всѣмъ вамъ благодать Свою, безъ коей не совершается ничего истинно добраго.

Вашего превосходительства усерднѣйшій почитатель И. а. Х.

Декабря 17-го 1849.
С.-Петербургъ.

3.

Секр тно.

Зачѣмъ вы напечатали статью объ адресѣ султана Константинопольскаго патріарха? Ce trop impolitique; и я опасаюсь, чтобы она не надѣлала хлопотъ. Всего бы лучше въ слѣдующемъ листкѣ напечатать, что это былъ слухъ неосновательный, какихъ нынѣ много, и что бѣдное духовенство Греческое вообще нынѣ подвергается разнымъ несправедливымъ вѣстямъ и пр., за что во всякомъ случаѣ не взыщутъ, а между тѣмъ это послужитъ поводомъ для могущей быть сплетни.

Такъ говоритъ мнѣ мое усердіе къ вамъ.

(*Писано карандашомъ*).

---

*) Т. е. объ учрежденіи крестнаго хода. въ Одессѣ П. Б.

4.

Съ великимъ и святымъ постомъ!

Для постныхъ дней вотъ вамъ и постныхъ сухарей. Не напрасно заставилъ я сходить эту тетрадь въ Бахчисарай: оказались, какъ видите, нѣкоторыя невѣрности, кои теперь исправлены. Если возможно, я просилъ бы васъ велѣть набрать печатно это поскорѣе, дабы можно было описаніе скита послать вмѣстѣ съ прочимъ въ Венецію, что̀ должно быть по слѣдующему пароходу. Въ Вѣстникѣ статья можетъ, пожалуй, явиться и послѣ. Такимъ образомъ мы избавились бы тогда описывать въ письмѣ сей скитъ для Великаго Князя*), по его желанію знать о немъ.

Февр. 12-го 1852.

5.

Посылаю вамъ еще списокъ тѣхъ же стиховъ и съ письмомъ Московскимъ. Перемѣняйте что̀ и какъ угодно, только поскорѣе напечатайте.

Какъ перемѣнились времена и нравы! О племянникѣ думаютъ страшно напечатать «Жильблазъ 2 Декабря», а о дядюшкѣ въ 1812 году что̀ писали или, лучше сказать, чего ни писали! Мы все деликатимся безъ конца, и когда насъ душатъ, мы все еще охриплымъ голосомъ готовы повторять: avec votre permission! Я бы напечаталъ прямо и просто. Поморщились бы да скушали, изъ одного уваженія къ кн. Вяземскому. Впрочемъ, какъ угодно.

6.

Pour vous seul.

Прочтите, если станетъ терпѣнія, эту тетрадь и скажите мнѣ завтра свое мнѣніе *не обинуясь.* Мнѣ многое не нравится, я думалъ бы напечатать послѣ, когда, на свободѣ, можно будетъ наложить такъ называемую ultimam manus; ибо съ такимъ множествомъ матеріаловъ и въ нашей церковной формѣ трудно вдругъ справиться; а пустить въ свѣтъ недозрѣлое не приходится. И такъ judicium penes vos esto: Сидите и ждите какъ главнокомандующій!

7.

Душевно благодарю васъ за ваше дружелюбное *Христосъ воскресе* и усерднѣйше желаю вамъ и семейству вашему благодать и радости отъ гроба Жизнодавца. Послѣ праздника мы немедля возвра-

*) Константина Николаевича. П. Б.

тимся домой, не съ тѣмъ чтобъ быть гостемъ, а чтобъ сдѣлаться постояннымъ жильцомъ, вопреки вашему пророчеству, о неисполненіи коего, полагаемъ, вы не будете много жалѣть.

Статья г. Аркаса—не что, и можетъ явиться въ свѣтъ. Только о предположеніи строить колокольню въ Херсонисѣ надобно умолчать, ибо это дѣло пока *домашнее*. Проектъ объ устройствѣ церкви, въ коей крестился Св. Владиміръ, *теперь на высочайшемъ воззрѣніи*, я Богъ вѣсть, чѣмъ разрѣшится судьба его!

Общее вниманіе устремлено теперь къ вамъ, на Востокъ, судьба коего едва ли не близка къ новой эпохѣ бытія. По сему газета ваша теперь ходитъ по многимъ рукамъ, и всѣ ее читающіе въ глаза говорятъ г. Гречу, что въ Одессѣ лучше умѣютъ издавать газеты, чѣмъ въ Петербургѣ, чего и онъ самъ подъ часъ не отрицаетъ, сваливая вину на сотрудника своего г. Булгарина. До свиданья! И. а. Х.

Апрѣля 17-го 1853.

Весьма радъ я за Муравьева и за Нахимова. Не знаю послѣдняго; но первый соединяетъ въ себѣ, кромѣ другихъ качествъ, достоинство нравственно-христіанское, что̀ на его мѣстѣ значитъ крайне-много.

8.

Москва, Авг. 17-го 1856.

Вчера узналъ я навѣрное и нынѣ спѣшу передать вамъ вѣсть о успѣшномъ ходѣ представленія о васъ. Указъ уже подписанъ, но разумѣется выйдетъ въ свѣтъ не прежде наступающаго свѣтлаго дня. По сему нельзя было употребить для передачи вамъ сей вѣсти телеграфъ. И такъ отъ души поздравляю васъ съ давно заслуженною наградою! Невольно вчужѣ радуешься, когда отличаютъ и награждаютъ достойное и достойныхъ.

О попечительствѣ еще не говорено съ кѣмъ слѣдуетъ, а что̀ будетъ говорено съ убѣжденіемъ въ говоренномъ, не можете сомнѣваться.

Вокругъ насъ все хорошо, только погода не Августовская: каждый день почти дождь. Вотъ и теперь: готовимся на церемонію, а по улицамъ ручьи.

Московскій сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева, второе, Москва. 1896. 8-ка, 2 нен. и 304 стр.

Нельзя не порадоваться, что книга эта появилась уже вторымъ изданіемъ. Это рядъ статей по вопросамъ вѣры и внутренней политики, плоды досуговъ государственнаго дѣятеля, вполнѣ принадлежащаго Русской исторіи новѣйшаго времени.

*

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Выпускъ восьмой. Изданъ подъ редакціею **Н. Дубровина**. Спб. 1896. Бол. 8-ка. 14 и 488 стр. Тутъ собраны бумаги высокой важности, относящіяся ко второй половинѣ царствованія Александра I-го и первой Николая Павловича. Однихъ записокъ сего послѣдняго къ статсъ-секретарю Танѣеву—126 кромѣ рескриптовъ.

*

Полное собраніе сочиненій **князя П. А. Вяземскаго**. Томъ XII. (1863—1877). Изданіе **графа С. Д. Шереметева**. Спб. 1896. Бол. 8-ка XVII, 557 и XVI стр. Съ портретомъ автора въ старости. Этотъ томъ составляетъ четвертую часть стихотвореній князя Вяземскаго, коимъ приложенъ здѣсь общій алфавитный указатель за 69 лѣтъ его стихотворческой дѣятельности (всѣхъ 793). Тутъ много доселѣ неоглашенныхъ и очень замѣчательныхъ стиховъ; но мы увѣрены, что еще найдется немало стихотвореній (въ особенности эпиграммъ), не вошедшихъ въ это самое донынѣ полное собраніе. Князь Вяземскій отзывался и печатно, и про себя, на всѣ явленія современной ему жизни, и для историка той эпохи въ сочиненіяхъ его обильная почва правдивыхъ замѣчаній, меткихъ характеристикъ и образцовъ живаго, своебытнаго и наблюдательнаго ума.

Переписка *Я. К. Грота* **съ** *П. А. Плетневымъ* **издана подъ редакціею** *К. Я. Грота*, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета Томъ второй Спб. 1896. 8-ка, 966 и 2 нен. стр. Цѣна 2 рубля. Въ этомъ томѣ переписка обнимаетъ только три года: 1843—1846. Въ концѣ примѣчанія издателя.

Le P. Pierling. S. J. La Russie et le Saiut-Siège. Etudes diplomatiques. 1. Les Russes au Concile de Florence.—Marage d'un tsar au Vatican.—Les papes Médicis et Vasili III.—Mystificatinn et projets d'ambassade. Paris. Livrairie Plon. 1895. 8-ка, XXXI и 463 стр. съ гравированнымъ портретомъ Виссаріона. Въ концѣ библіографія и азбучный указатель.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ" въ 1896 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1896 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1897 ГОДУ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

10.

Стр.

Приложенъ портретъ Цесаревича Николая Александровича (Геліогравюра съ рѣдкой фотографіи).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

НОВЫЯ КНИГИ

Sofia Paleolog, nepóta Impĕratuluĭ Constantin XII Paleolog, si Domnita Olena, fiica Domnuluĭ Moldoveĭ Stefan-cel-Mare, de Alexandru Popadopol-Calimach. Analele Academieĭ Romăne, tom. XVII.

Изслѣдованіе Румынскаго ученаго А. Попадопуло-Калимаха, недавно появившееся въ послѣднемъ томѣ „Лѣтописей Румынской Академіи“, касается весьма любопытнаго времени въ Русской Исторіи, а именно княженія Іоанна III-го. Въ первой половинѣ своего изслѣдованія, авторъ подробно разсказываетъ о политическихъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ послѣдовавшихъ за паденіемъ Константинополя. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію политическаго состоянія Московскаго княжества и политики папской по отношенію къ молодой Россіи, основываясь на цѣломъ рядѣ документовъ изъ Итальянскихъ и другихъ архивовъ. Софія Палеологъ выступаетъ передъ читателями съ чертами непривлекательными. Въ противоположность ей, Попадопуло-Калимахъ выводитъ, главнымъ образомъ, на основаніи своей фантазіи, несчастную Елену, дочь Молдавскаго господаря Стефана Великаго, выданную за наслѣдника Московскаго престола Ивана Младого. Какъ извѣстно, бракъ этотъ окончился несчастіемъ: Иванъ Младой въ 1490-мъ году заболѣлъ камчугой и умеръ. Хотя сынъ Ивана и Елены Димитрій и былъ коронованъ въ 1498-мъ году, но черезъ четыре года Елену и Димитрія постигла опала, а наслѣдникомъ объявленъ Василій, сынъ Іоанна III и Софіи Скоро и развѣнчанный Димитрій, и заточенная Елена умерли въ темницѣ. Все это было, по мнѣнію А. Попадопуло-Калимаха, дѣломъ властолюбивой Софіи, которая не могла перенести возвышенія кроткой, тихой княгини Елены и сына ея, мимо сына своего Василія.

Разсказъ А Попадопула Калимаха исполненъ трогательной грусти по поводу несчастной судьбы ни въ чемъ неповинной Молдаванки и малолѣтняго ея сына, сдѣлавшихся жертвой безжалостной, ненасытной въ честолюбіи и власти Гречанки, теперь Русской великой княгини Софіи. Самъ великій князь выходитъ довольно безцвѣтенъ, за то прекрасно и художественно нарисовано мощное лицо Молдавскаго господаря Стефана Великаго, народнаго героя, который до сихъ поръ живъ въ памяти и пѣсняхъ Молдаванъ.

Въ заключеніи авторъ говоритъ: „Великій князь Іоаннъ III просилъ прощенія у внука своего Димитрія. Тотъ простилъ его, когда услыхалъ его стоны, слезы раскаянія и сладкія слова: ты свободенъ! Но кто же могъ бы простить Іоанна III, въ этихъ тайныхъ волнахъ мытарствъ его души, въ смерти столькихъ невинныхъ?... Гремѣли пушки, гудѣли колокола въ Московскомъ кремлѣ. Въ церкви святого Архангела открывались подземные склепы. Великій князь, предъ которымъ летали головы виновныхъ и невиновныхъ, явился туда и искалъ отдыха для себя въ уголкѣ земли“...

Несомнѣнное желаніе представить Елену въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ было причиной того, что во всемъ изслѣдованіи мы ничего не находимъ о соучастіи Елены въ ереси Жидовствующихъ, которая процвѣтала при великокняжескомъ дворѣ, имѣя своими сторонниками дьяка Ѳеодора Курицына, Елену и сына ея Дмитрія, придворныхъ священниковъ и многихъ другихъ.

Какъ одинъ изъ крупныхъ недостатковъ изслѣдованія, слѣдуетъ отмѣтить незнакомство автора съ цѣнными трудами по Русской исторіи, появившимися послѣ Карамзина.





Цесаревичъ Николай Александровичъ

(Приложеніе къ воспоминаніямъ Ѳ. А. Оома).

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА [1]).

1856-й годъ.

23 Января. Къ Государю поступаетъ множество плановъ, проектовъ и записокъ о различныхъ преобразованіяхъ въ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ привелось мнѣ читать. Одна записка составлена Аксаковымъ [2]), который доказываетъ исторически, что Русскій народъ никогда не стремился къ принятію участія въ дѣлахъ государственныхъ и потому (по выраженію не совсѣмъ правильному автора) не есть народъ государственный. Его потребность была другая: онъ желаетъ вполнѣ жить своею нравственной, христіанской жизнію. При этомъ развитіи духовнаго начала, онъ не хотѣлъ ограниченія въ своей жизни семейной и домашней. Постоянное благочестіе и вѣрное соблюденіе народныхъ обычаевъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, составляли отличительныя черты народа. Цари Русскіе до Петра І-го благопріятствовали развитію жизни народной. Со времени Великаго Императора дѣло приняло другой оборотъ. Величіе Петра изумляетъ и, конечно, лѣтописи другихъ народовъ не представляютъ генія, подобнаго нашему Великому; но Петръ наложилъ руку на народъ, на святилище жизни семейной, на все, чѣмъ дорожитъ въ человѣкѣ память его сердца. Все, что̀ освятила древность, должно было сокрушиться подъ его желѣзною рукою. При царяхъ, не смотря на удаленіе народа отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла государственныя, въ важныхъ случаяхъ созывались земскіе соборы, которымъ предлагались на обсужденіе различные вопросы. Увлекаясь жаждою перемѣнъ, Преобразователь принуждалъ черезъ полицію ходить въ ассамблеи, брить бороды, носить кафтанъ Нѣмецкій и пр. Со времени его уже болѣе не созывались земскіе соборы. Переворотъ Петра разъединилъ сословія: дворянство рѣзко отли-

---

[1]) Съ подлинной рукописи Владимира Алексѣевича Муханова, хранящейся въ Москвѣ, въ Музеѣ П. И. Щукина. П. Б.

[2]) Константиномъ Сергѣевичемъ. П. Б.

чается отъ народа. Вліяніе Запада, при направленіи, данномъ Преобразователемъ, все болѣе и болѣе ослабляетъ начало народное. Одинъ классъ земледѣльцевъ еще сохранилъ его неприкосновенно.

24 Января. Сочинитель Записки полагаетъ, что нынѣ земскіе соборы созывать невозможно, но думаетъ, что въ необходимыхъ случаяхъ полезно было бы совѣщаться съ сословіями по предметамъ, непосредственно до каждаго касающимся. Такъ, для торговыхъ вопросовъ призывать купцовъ, для хлѣбопашества—помѣщиковъ и пр. *). На счетъ народа предоставить лицамъ всѣхъ сословій полную свободу въ ихъ частной жизни, не стѣсняя ихъ никакими ограниченіями. Пускай всякій занимается дѣломъ по своей наклонности, живетъ, гдѣ заблагоразсудитъ, ѣздитъ куда хочетъ, одѣвается какъ ему вздумается и все это дѣлаетъ безпрепятственно, пока дѣйствія его не противны существующимъ узаконеніямъ. Вмѣшательство во внутреннюю жизнь народа, не принося никакой пользы правительству, производитъ неудовольствіе и даже негодованіе. Свободу слова и письма подчинить благоразумному контролю относительно вопросовъ, касающихся вѣры, верховной власти и нравственности, допуская во всякомъ случаѣ благонамѣренное сужденіе о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и другихъ, относящихся до народнаго благосостоянія. Многое, что́ теперь неизвѣстно, откроется тогда, и каждому будетъ предстоять возможность объявить во всеуслышаніе, если онъ былъ жертвою злоупотребленія или недобросовѣстности.

25 Января. Въ Запискѣ Аксакова историческіе выводы правильны, есть благородство, прекрасная ревность къ искорененію зла и стремленіе ко благу; но, по замѣчанію Карамзина въ Запискѣ о Древней и Новой Россіи, ошибки геніевъ неисправимы, и невозможно измѣнить направленіе, данное Петромъ. Что же касается до совѣщанія съ сословіями, въ Положеніи Государственнаго Совѣта сказано, чтобы при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ призывать спеціалистовъ. Гласность возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно.

26 Января. Въ Іюлѣ 1853 г. принцъ Наполеонъ, впослѣдствіи участвовавшій въ Крымскомъ походѣ, былъ въ Штутгардтѣ. Извѣстно, что въ этомъ городѣ онъ получилъ воспитаніе на иждивеніи короля, который потомъ положилъ принцу ежегодную пенсію въ 10.000 гульденовъ. Въ 1848 году возникли смуты. Молодой Наполеонъ, увлеченный демократическими мнѣніями, оставилъ Штутгардтъ и принялъ участіе въ засѣданіяхъ Французскаго Народнаго Собранія, гдѣ между прочимъ

---

*) Мысль К. С. Аксакова во многомъ принята, какъ извѣстно. П. Б.

въ одно засѣданіе произнесъ слѣдующія слова: «Я долженъ просить прощенія у Бога въ присутствіи сего многочисленнаго собранія, что въ теченіе многихъ лѣтъ получалъ пенсію отъ тирана». Послѣ сего поступка онъ не смѣлъ въѣзжать въ Штутгардтъ; но желаніе видѣть мѣсто, гдѣ провелъ онъ столько лѣтъ и свидѣться со знакомыми, побудило его просить у короля разрѣшенія пріѣхать въ городъ, гдѣ протекли лѣта его юности. Послѣдовало разрѣшеніе. Принцъ отправился въ Штутгардтъ, гдѣ имѣлъ съ нимъ свиданіе князь Горчаковъ, занимавшій тогда мѣсто Русскаго министра при Виртембергскомъ дворѣ. «Мы желали союза съ Россіей и желаемъ его теперь. Мой двоюродный братъ и странный вашъ министръ *) при нашемъ дворѣ похожи на двухъ фарфоровыхъ собакъ, стоящихъ на каминѣ: ни слова одинъ другому, а только глядятъ въ глаза другъ другу. При такихъ отношеніяхъ трудно что-нибудь уладить. Подумайте, не удастся ли вамъ что̀ устроить?» Принцъ упомянулъ о Вѣнскомъ трактатѣ, на что̀ князь Горчаковъ рѣшительно объявилъ, что измѣнять карту Европы невозможно. Нашъ министръ отправилъ депешу къ гр. Нессельроде, отдавая отчетъ о бывшемъ свиданіи, настаивалъ на важности для Россіи союза съ Франціей и просилъ, согласно съ желаніемъ принца, скораго рѣшенія на счетъ изъявленныхъ послѣднимъ предложеній. Отвѣтъ пришелъ изъ Петербурга черезъ мѣсяцъ и когда его передали въ Парижъ, то оттуда не увѣдомили даже и о полученіи.

27 Января. Въ продолженіи нынѣшней зимы Лудвигъ Наполеонъ сталъ звать къ себѣ обѣдать каждый день одного изъ членовъ дипломатическаго корпуса, начиная съ Англійскаго посла. Такимъ образомъ очередь дошла до Саксонскаго министра барона Зебаха, зятя графа Нессельроде. Послѣ обѣда императоръ пригласилъ министра въ свой кабинетъ и, предложивъ ему сигарку, сказалъ: «Я пригласилъ васъ сюда (обѣдъ происходилъ въ Saint-Cloud), потому что здѣсь мы дальше отъ всякаго говора и толковъ. Не то въ Тюльерійскомъ дворцѣ: тамъ все замѣчаютъ, и всякое дѣйствіе или слово имѣетъ отголосокъ. Война продолжается, и льются потоки крови. Съ самаго начала я желалъ союза съ Россіей и протянулъ руку императору Николаю, но онъ нашелъ ее неопрятною. Мнѣ надлежало дать знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и показать, кто я. Нынѣ я достигъ цѣли. Императоръ Александръ будетъ благоразумнѣе. Онъ благонравенъ, кротокъ и здравомыслящъ. Союзъ съ Англіей мнѣ и всей Франціи въ тягость; а союзъ съ Россіей, напротивъ, возбудилъ бы всеобщее сочувствіе. Я желалъ бы окончанія войны для спокойствія человѣчества и выгоды народовъ. Не

---

*) Николай Дмитріевичъ Киселевъ. П. Б.

хочу, продолжая войну, устраивать дѣла Англіи. Со стороны послѣдней не должно опасаться сопротивленія. Она будетъ дѣйствовать, какъ ей укажетъ сила вещей.»

28 Января. «Позволите ли мнѣ, государь, сказалъ министръ, довести ваши намѣренія до свѣдѣнія С.-Петербургскаго кабинета?»—«Начиная разговоръ съ вами, я имѣлъ это въ виду», отвѣчалъ императоръ. «Въ такомъ случаѣ я уѣду завтра утромъ въ С.-Петербургъ», сказалъ министръ. «Почему же не сегодня вечеромъ? Во всякомъ случаѣ, присовокупилъ Л. Наполеонъ, со стороны Франціи будетъ оказано Россіи во время переговоровъ всякое содѣйствіе.» Я забылъ упомянуть выше, что, говоря о неразумномъ съ нимъ обращеніи покойнаго Государя, императоръ сказалъ: «Русскій министръ въ Парижѣ былъ непонятный человѣкъ. Всякій разговоръ приводилъ его въ замѣшательство, изъ котораго онъ думалъ выйти посредствомъ упорнаго молчанія. Не знаю, точно ли онъ передавалъ мои желанія и требованія своему двору?» Тутъ императоръ всталъ. Министръ почтительно поклонился и вышелъ. Въ туже ночь онъ уже былъ на пути въ Россію.

29 Января. По пріѣздѣ Австрійскаго посланника графа Эстергази у Государя назначенъ былъ совѣтъ изъ слѣдующихъ лицъ: кн. Воронцовъ, графъ Орловъ, гр. Киселевъ, кн. Долгоруковъ, гр. Блудовъ, баронъ Мейендорфъ и В. Кн. Константинъ Николаевичъ. Когда члены съѣхались, Государь вышелъ въ совѣтъ; онъ былъ блѣденъ и разстроенъ. «Господа, сказалъ Императоръ, я васъ собралъ, потому что не могъ рѣшиться одинъ принять на себя такую большую отвѣтственность. Австрійскій дворъ прислалъ предложеніе (ultimatum), назначивъ срокъ для нашего отвѣта. Если мы не согласимся на эти предложенія, министръ будетъ отозванъ, дипломатическія сношенія прекратятся, и послѣдуетъ объявленіе войны; къ Австріи присоединилась Баварія. Король Прусскій пишетъ, что сохраняетъ прежнее расположеніе къ Россіи, но что ему нельзя будетъ бороться противъ желанія народа, когда начнется блокада Балтійскихъ портовъ. Получено свѣдѣніе о заключеніи тайнаго договора между Швеціей и западными державами; въ силу онаго весною предполагается высадить на берега Швеціи 80.000 Французовъ, чтобы дѣйствовать противъ Россіи. Такимъ образомъ вся Европа противъ насъ. Что̀ касается средствъ нашихъ къ продолженію войны, ограничусь слѣдующимъ: въ нынѣшнемъ году въ государственномъ бюджетѣ недочета 285.000.000 р. с.» Здѣсь, обратясь къ канцлеру, Государь сказалъ: «Графъ Нессельроде, прочтите бумаги, которыя подтвердятъ сказанное мною здѣсь.»

30 Января. Канцлеръ прочелъ депеши, письмо короля Прусскаго и копію съ тайнаго договора Швеціи. Императоръ пригласилъ кн. Во-

ронцова, какъ старшаго, изложить свое мнѣніе. «Дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, сказалъ Воронцовъ, и благоразумнѣе, при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ, заключить миръ, чѣмъ продолжать истощать Россію войною, которой нельзя предполагать благопріятнаго исхода». В. Князь Константинъ Николаевичъ началъ такъ: «Всѣмъ извѣстно, до какой степени я былъ пылкимъ партизаномъ войны, но въ послѣднее время мысли мои по сему предмету совершенно измѣнились. Нынѣ думаю, что продолжать войну невозможно. Недавно посѣтилъ меня генералъ Бергъ, и вотъ свѣдѣніе, мною отъ него полученное. Сей генералъ обязанъ защищать береговую дистанцію на протяженіи 35 верстъ; онъ обратился къ военному министру съ требованіемъ Пексановскихъ орудій. Ему отвѣчали, что онъ можетъ получить не болѣе 35 и что ихъ надобно везти изъ Екатеринбурга». Здѣсь Великій Князь обратился къ военному министру для повѣрки сообщеннаго свѣдѣнія; министръ почтительнымъ наклоненіемъ головы подтвердилъ сказанное.

31 Января. В. Князь продолжалъ: «Когда непріятельскіе флоты подошли къ Свеаборгу и стали бросать бомбы, они сожгли городъ. Мы также открыли огонь, но черезъ 5 минутъ должны были прекратить его, ибо наши бомбы, не достигая непріятельскихъ судовъ, падали въ море. Количество штуцеровъ, хотя и значительно усилено, но не соотвѣтствуетъ потребности. Недостатокъ пороха, не смотря на всю дѣятельность нашихъ пороховыхъ заводовъ, очень ощутителенъ. Наконецъ, мы не имѣемъ ни одного союзника. При такихъ условіяхъ заключеніе мира необходимо и неизбѣжно, особенно если мы присовокупимъ еще обстоятельство, о которомъ сейчасъ слышали отъ Государя Императора, относительно состоянія нашихъ финансовъ, обстоятельство доселѣ мнѣ неизвѣстное».

1 Февраля. Пришла очередь гр. Блудова. Признавая побудительными къ заключенію мира причины, изложенныя Государемъ и Великимъ Княземъ, онъ полагалъ однако, что эта мѣра раздражитъ въ сильной степени общее мнѣніе. Тогда графъ Орловъ сказалъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, существующая противъ мира партія вовсе незначительна въ сравненіи съ партіей, которая желаетъ окончанія войны. Прочіе члены, раздѣляя вполнѣ мнѣніе о необходимости мира, объявили, что они согласны съ своими товарищами. Протоколъ былъ подписанъ, и члены выходили. По лѣстницѣ шелъ гр. Блудовъ; настигая бар. Мейендорфа, онъ остановилъ его слѣдующими словами: «Нечего сказать, хорошій миръ мы намѣрены заключить». Мейендорфъ съ живостью ему отвѣчалъ: «Я конечно не принадлежу къ Славянофиламъ, но полагаю, что каждый долженъ мужественно высказывать и поддерживать свое мнѣніе. Почему и вамъ слѣдовало изложить ваше

въ совѣтѣ согласно съ тѣмъ, что̀ вы теперь говорите. Напротивъ, тамъ вы говорили другое и утвердили своею подписью не то, о чемъ ведете рѣчь въ сію минуту. Знаете ли, что это неблаговидно?» Блудовъ сталъ отвѣчать въ томъ же тонѣ, такъ что слѣдовавшіе за ними ихъ товарищи съ трудомъ развели горячившихся патріота и дипломата.

2 Февраля. К., принявъ участіе въ заговорѣ 1825 года, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на каторжную работу. Вотъ разсказы его о заключеніи въ крѣпости, о путешествіи и пребываніи въ Сибири. Въ крѣпости онъ провелъ 13 мѣсяцевъ. Казематы расположены по обѣимъ сторонамъ корридора, по которому ходятъ часовые; два аршина съ половиною ширины и около четырехъ длины; на поверхности стоятъ кровать, столикъ и стулъ. Сперва замѣтна была сырость, но потомъ она исчезла. Въ началѣ не давали книгъ; въ послѣдствіи въ нихъ не отказывали, особенно въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія. Не позволяли видѣться съ товарищами заключенія, но заключенные нашли способъ сообщаться посредствомъ пѣнія на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. На замѣчаніе часовыхъ, что напрасно поютъ, они отвѣчали: вреда отъ пѣнія нѣтъ, а оно сокращаетъ время, и ихъ оставляли въ покоѣ. Изъ Петербурга отправили пять телѣгъ; на каждой сидѣлъ приговоренный въ оковахъ, и при немъ жандармъ. Главный надзоръ надъ ѣдущими поручили офицеру фельдъегерскаго корпуса. Въ Ярославлѣ, когда пріѣхавшіе остановились у почтоваго двора, противъ церкви, для перемѣны лошадей, собрался народъ, привѣтствовалъ ссыльныхъ и началъ кричать «ура». Одинъ изъ жандармовъ, полупьяный, сталъ бить кричавшихъ. Тогда народъ раздражился на жандарма: удары посыпались со всѣхъ сторонъ, и ему угрожала бѣда, если бы убѣдительная настойчивость К. его не выручила *). Въ Сибири приговореннаго принимали съ хлѣбомъ и солью. Въ Читѣ поутру отдавался обыкновенно слѣдующій приказъ: «Спросить, кто желаетъ идти на работу». Желающіе отправлялись подъ прикрытіемъ цѣпи часовыхъ, изъ коихъ многіе несли трубки, кисеты съ табакомъ, книги, подушки и пр. Работа состояла въ томъ, что рыли землю, которую переносили съ одного мѣста на другое. Въ Читѣ ссыльные должны были провести годы каторжной работы; но такъ какъ работа была не тяжела, а они жили вмѣстѣ, то, послѣ продолжительнаго заточенія въ крѣпости и утомительнаго путешествія, пребываніе въ Читѣ приносило имъ нѣкоторое утѣшеніе.

---

*) Есть извѣстіе противоположное; именно въ Ярославлѣ народъ кидалъ мерзлою грязью въ декабристовъ, что̀ дало поводъ Ѳ. И. Тютчеву къ стихамъ: „Народъ, чуждаясь вѣроломства, поноситъ ваши имена“. П. Б.

3 Февраля. До самой Сибири ссыльные ѣхали въ оковахъ, которыя только и снимались на ночь. По прiѣздѣ на мѣсто, въ Читѣ, по распоряженiю начальства, цѣпи были съ нихъ сняты полковникомъ Александромъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который былъ основателемъ тайныхъ обществъ и старался всячески приглашать и набирать въ нихъ молодыхъ людей. Бывши ума изворотливаго, онъ сохранилъ дворянство и чинъ, и хотя былъ отправленъ въ Сибирь, но скоро получилъ мѣсто сперва городничаго, а потомъ губернатора. Когда истекли годы работы, приговоренные были перевезены на поселенiе. К. пришлось ѣхать въ Минусинскъ, уѣздный городъ Енисейской губернiи. Тамъ не было моста черезъ рѣку, и народъ съ трудомъ переходилъ черезъ нее по доскамъ, которыя трепетали и грозили паденiемъ, а ѣздить черезъ рѣку было совершенно невозможно. К. построилъ на свое иждивенiе мостъ, стоившiй ему до двадцати рублей серебромъ, чѣмъ снискалъ общую признательность. Ссыльный руководствовался правиломъ по возможности всегда оказывать другимъ пользу, никогда никѣмъ не пренебрегать и заимствовать отъ всякаго что нибудь доброе, ибо твердо былъ убѣжденъ, что нѣтъ человѣка, въ которомъ не было бы добраго свойства. Скоро его всѣ полюбили, и онъ сдѣлался предметомъ сочувствiя жителей Минусинска. Недолго оставался К. въ Сибири; его перевели на Кавказъ. Грозно принятый главнокомандующимъ барономъ Розеномъ, онъ потомъ жилъ у него въ домѣ и получалъ съ его кухни свой обѣдъ. Въ послѣдствiи перевели его въ городокъ, котораго названiя не припомню. Тамъ случилось однажды, что комендантъ пришелъ въ большомъ затрудненiи къ К. и просилъ его своимъ совѣтомъ вывести изъ бѣды. «Вотъ уже нѣсколько времени, какъ офицеръ съ пятью рядовыми пошелъ въ горы. На нихъ напали горцы, двоихъ убили, одного взяли въ плѣнъ, и только раненый офицеръ и рядовой спаслись. Долѣе скрывать этого нельзя, быть бѣдѣ офицеру, а можетъ быть и мнѣ, когда не донесу».—«А почему не представить дѣло въ такомъ видѣ, чтобы вмѣсто бѣды имѣло оно счастливое послѣдствiе? Поручите мнѣ написать бумагу». Комендантъ принялъ предложенiе съ признательностью.

4 Февраля. Содержанiе бумаги было слѣдующее. Прапорщикъ N., замѣтивъ, что изъ-за нѣкоторыхъ деревьевъ горцы стрѣляютъ въ нашихъ часовыхъ, взялъ четверыхъ рядовыхъ и отправился въ лѣсъ, чтобы повалить деревья, укрывавшiя къ нашему ущербу враговъ. Горцы толпою бросились на храбраго офицера и рядовыхъ; изъ послѣднихъ двоихъ закололи, одного увели въ плѣнъ, а офицера и рядоваго, мужественно защищавшихся, ранили. Примѣрная отвага офицера и его подчиненныхъ достойна была лучшей участи. Скоро послѣ того

офицеръ получилъ Владимирскій крестъ и пенсію. Легко себѣ представить благодарность молодого удальца, который, не будь тутъ К., дорого бы заплатилъ за необдуманный поступокъ. По мѣстности, начальству городка надлежало часто входить въ дипломатическія сношенія съ иностранными консулами нѣкоторыхъ Азіатскихъ городовъ. Съ нашей стороны оффиціальнаго агента не было, а легко писалъ по-французски одинъ К., такъ что ему поручена была мѣстнымъ начальствомъ переписка съ консулами. Отличившись въ экспедиціи противъ горцевъ, К. получилъ знакъ военнаго ордена, произведенъ въ прапорщики и скоро потомъ по желанію уволенъ отъ службы. Въ указѣ объ отставкѣ сказано, что ему воспрещается въѣздъ въ столицы и что онъ долженъ состоять подъ тайнымъ надзоромъ полиціи. К. поселился въ Орловскомъ имѣніи, купленномъ имъ у братьевъ. Тамъ онъ пріобрѣлъ уваженіе дворянства и такую внушилъ всѣмъ довѣренность благородствомъ своего характера, опытностью въ дѣлахъ и готовностью на пользу ближняго, что всѣ обращаются къ нему для разобранія спорныхъ дѣлъ и для примиренія лицъ, между коими возникаютъ раздоры и распри. Такимъ образомъ К. вездѣ оставилъ по себѣ добрую память и въ Сибири, и на Кавказѣ. Нынѣ его любятъ и уважаютъ въ его Орловскомъ помѣстьѣ, гдѣ онъ построилъ домъ о 33-хъ комнатахъ и живетъ въ немъ одинъ. Не любя вѣтра, онъ переходитъ часто съ одной стороны дома па другую. Въ домѣ семь спаленъ, и никогда прислуга не знаетъ, гдѣ оригиналъ будетъ ночевать. Изгнаніе, продожительная жизнь въ деревнѣ и сознаніе своего вліянія на дворянъ привязываютъ сильно К. къ его сельскому пріюту. По случаю кончины своей невѣстки ему предстояла необходимость часто пріѣзжать въ Москву. Братъ *), всегда готовый на всякое доброе дѣло, ходатайствовалъ черезъ графа Закревскаго, чтобы съ него сняли надзоръ полиціи и дозволили въѣздъ въ столицы, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе.

5 Февраля. Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, однимъ изъ старшихъ чиновниковъ, занимавшихся цифровкою депешей, долго состоялъ на службѣ нѣкто Бекъ. Обыкновенно изъ кабинета министра сходили въ экспедицію отправленія депешей, въ большомъ пакетѣ; конверты, слѣдовавшіе къ отправленію, и прилагался притомъ реестръ конвертамъ, на коихъ означались номера. Графъ Румянцовъ, управлявшій Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, по волѣ императора

*) Т. е. братъ писавшаго, оберъ-форшнейдеръ Николай Алексѣевичъ Мухановъ. Рѣчь идетъ о Сергѣѣ Ивановичѣ Кривцовѣ. Невѣстка его (вдова его брата Павла)— Елисавета Николаевна, урожденная княжна Репнина. П. Б,

Александра, сообщалъ всѣ получаемыя изъ-за границы депеши М. М. Сперанскому. Незнатное происхожденіе послѣдняго и вмѣстѣ быстрое возвышеніе его возстановили противъ него Петербургскую знать. Гр. Румянцову также не нравилась довѣренность, которою Государь удостоивалъ Сперанскаго, тѣмъ болѣе, что М. М. работалъ съ императоромъ по дѣламъ иностраннымъ. Часто, уже по полученіи конвертовъ изъ министерства, Сперанскій присылалъ отъ себя еще два или три конверта для отправленія въ Парижъ. Неоднократно докладывали о томъ гр. Румянцову; но онъ зналъ, что М. М. работаетъ съ Государемъ и по волѣ его пишетъ и отправляетъ бумаги. На границѣ также жилъ чиновникъ министерства, которому заблаговременно посылался реестръ депешей для провѣрки. Его обязанность заключалась во вскрытіи пакета, провѣркѣ конвертовъ и донесеніи въ Петербургъ, что всѣ депеши оказались на лицо и что курьеръ проѣхалъ благополучно. Этотъ чиновникъ также доносилъ о конвертахъ, отправляемыхъ Сперанскимъ, и донесенія его оставались безъ вниманія. Вѣроятно всѣ происки непріятелей его, которыхъ онъ имѣлъ много, не достигли бы предполагаемой ими цѣли, если бы поступокъ неосторожный со стороны самого Сперанскаго не ускорилъ его паденія. Онъ былъ въ дружбѣ съ Магницкимъ, который однажды просилъ его о комъ-то ходатайствовать у Государя. Возвратясь послѣ доклада отъ Императора, Сперанскій написалъ Магницкому записку слѣдующаго содержанія: «Къ сожалѣнію, любезный другъ, не могъ исполнить твоего желанія; просилъ о лицѣ, въ которомъ ты принимаешь такое живое участіе, но Государь остался непреклоненъ». Другъ-предатель передалъ документъ, отъ котораго долженъ былъ погибнуть Сперанскій, его врагамъ, коихъ злоба росла вмѣстѣ съ вліяніемъ любимца Александра.

6 Февраля. Государю непріятно было, что тотъ, кого онъ осыпалъ своими милостями и съ кѣмъ проводилъ нерѣдко часы въ бесѣдѣ о дѣлахъ государственныхъ или о высокихъ истинахъ святой вѣры, могъ о немъ отзываться не только безъ любви, но даже безъ приличія. Однажды въ комнатѣ, которая передъ кабинетомъ Государя, ожидали дежурный генералъ-адъютантъ Пав. Вас. Голенищевъ-Кутузовъ и князь А. Н. Голицынъ. Вошелъ и Сперанскій, который, поклонясь холодно присутствовавшимъ, сѣлъ на стулъ. Его скоро позвали въ кабинетъ къ Императору, гдѣ онъ пробылъ не менѣе часа. Изъ кабинета онъ вышелъ въ слезахъ и рыданіяхъ. Между тѣмъ Государь открылъ дверь и вслѣдъ Сперанскому кричалъ: «Прощай, М. М., прощай». Пріѣхавъ домой, Сперанскій нашелъ въ своей квартирѣ министра полиціи Балашова. Бумаги его были опечатаны и взяты. У подъѣзда стоялъ дорожный экипажъ, въ которомъ Сперанскій от-

правился въ Нижній-Новгородъ. Въ это время находившимися тамъ войсками командовалъ графъ П. А. Толстой, который получилъ секретную бумагу отъ Государя, гдѣ было сказано, что отъ него единственно зависить будетъ оставить Сперанскаго или послать его въ Сибирь, смотря по тому, какъ онъ себя будетъ вести. Былъ обѣдъ у губернатора; въ числѣ многихъ приглашенныхъ находились также гр. Толстой и Сперанскій. За обѣдомъ получили извѣстіе объ успѣхѣ, одержанномъ надъ нашими войсками Наполеономъ. Сперанскій не могъ скрыть своей радости, говоря съ восторгомъ о властителѣ Франціи, о его геніи, славѣ и величіи. При тогдашнемъ расположеніи умовъ, можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвели на всѣхъ подобныя рѣчи. Губернаторъ, пріѣхавъ на другой день къ графу Толстому, спрашивалъ, что ему дѣлать? — «Напишите о происходившемъ въ Петербургъ», отвѣчалъ графъ. Но лишь только отправилъ губернаторъ свою бумагу, какъ уже графъ Толстой получилъ повелѣніе препроводить М. М. въ Сибирь. Выше я забылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Сперанскій жилъ въ Петербургѣ гдѣ-то около Литейной и почти ежедневно отправлялся въ извѣстный часъ пѣшкомъ въ Таврическій садъ. Въ тоже время къ саду подъѣзжала карета, изъ которой выходилъ Французскій посолъ Коленкуръ; оставаясь наединѣ, они гуляли по цѣлымъ часамъ по саду. (Отъ Бека, графа Кутузова и графа Толстаго слышалъ братъ).

1858.

1 Января. Мы приглашали іеромонаха съ Троицкаго подворья. Около полуночи онъ отслужилъ молебенъ, окропилъ насъ и жилище наше святой водой и, благословивъ, поспѣшилъ домой. Изъ постороннихъ были при молебнѣ Миклашевскій и г-жа Оверъ. При наступленіи новаго года чувствуешь особенную потребность въ подкрѣпленіи свыше: неизвѣстность будущаго наводитъ нѣкоторый страхъ, который можетъ умѣрить одна молитва. На сей разъ сіи опасенія, по случаю предполагаемыхъ перемѣнъ и уже изданныхъ по сему предмету бумагъ, являлись еще болѣе грозными. Впрочемъ послѣ молитвы всѣ успокоились.

2 Января. Въ Москвѣ, въ еженедѣльномъ журналѣ «Молва», явилась статья: «Публика и народъ». Это параллель слѣдующаго рода. Публика ѣдетъ въ театръ, народъ идетъ ко всенощной; публика кушаетъ пироги съ трюфелями, народъ постится; публика танцуетъ, народъ работаетъ; словомъ, публика — это грязь въ золотѣ, а народъ — это золото въ грязи. Статья произвела здѣсь раздраженіе. Всѣ напали на министра просвѣщенія; но онъ ограничился строгимъ выго-

воромъ цензору, сохранившему свое мѣсто. Рѣшительно есть люди, которымъ всего мало, пока нѣтъ безпорядковъ. Впрочемъ, публикаціи въ родѣ упомянутой оказываютъ, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что знаешь откуда и кто пускаетъ стрѣлы.

3 Января. Въ параллели, напечатанной въ «Молвѣ», между прочимъ, сказано: «Публика на Кузнецкомъ Мосту, народъ въ Кремлѣ». Авторъ, вѣроятно, разумѣлъ, что въ то время, когда публика гуляетъ, народъ наполняетъ наши древніе храмы. Жаль только, что не въ благопріятную минуту написаны были означенныя строки. Со времени уменьшенія войска, оставляютъ караулы и часовыхъ только тамъ, гдѣ они необходимы. Такимъ образомъ сняли караулы на заставахъ въ Москвѣ, отчего, по нѣкоторымъ разсказамъ, начались безпорядки и грабежи. Не думаю, чтобы нѣсколько солдатъ служили препятствіемъ къ грабежу, который только прежде происходилъ на разстояніи версты по ту сторону заставы, а теперь происходитъ на самой заставѣ.

4 Января. Сняли часовыхъ и въ Кремлѣ. Тамъ совершился случай, которому трудно вѣрить, но въ достовѣрности котораго нѣтъ повода сомнѣваться: украли пушку. Начались разысканія и изслѣдованія. Полиція, хотя и отличалась особенною дѣятельностью, но нѣкоторое время дѣйствія ея оставались безъ успѣха; наконецъ, она напала на слѣдъ воровства. Окончательно орудіе было найдено у добросовѣстнаго мѣдника по ремеслу. Итакъ, дѣйствія народа на заставахъ или за заставами и въ Кремлѣ, кажется, не всегда можно по ихъ свойству противупоставлять недостаткамъ публики.

5 Января. Многіе, не смотря на дѣятельность службы и на возлагаемыя ею обязанности, сбираются ѣхать въ губерніи, лишь только откроются комитеты для совѣщанія объ устройствѣ быта крестьянъ. Да вразумитъ Господь совѣщателей и да устроитъ прочно благосостояніе многочисленнаго класса земледѣльцевъ! Впрочемъ нельзя не замѣтить, что если съ одной стороны крестьяне выиграютъ огражденные отъ притѣсненій небольшаго числа помѣщиковъ, употребляющихъ во зло власть свою, то съ другой лишатся патріархальной и заботливой попечительности благонамѣренныхъ землевладѣльцевъ.

6 Января. Покушеніе на жизнь Наполеона произвело сильное впечатлѣніе. Государь приказалъ увѣдомить его по телеграфу о своемъ участіи. Въ Парижѣ общественное мнѣніе справедливо раздражено противъ Англичанъ. Если Французская полиція съ Іюня знала объ ударныхъ бомбахъ, приготовляемыхъ на островѣ Джерси и которыя предполагалось бросить въ карету Императора, то нельзя думать, что сіи злые умыслы оставались тайною для Лондонской полиціи. Графъ Морни, въ своей поздравительной рѣчи Наполеону отъ имени Законодательнаго Собранія, сдѣлалъ неблагопріятный намекъ для Англійскаго

правительства, укрывающаго извергов, замышляющихъ гибель Франціи и ея властителя.

7 Января. Вчера по обыкновенію были приглашены нѣкоторыя лица провести вечеръ у вдовствующей Императрицы, которая еще не знала подробностей о Парижскомъ событіи. Съ особеннымъ любопытствомъ она разспрашивала о нихъ, говоря, что никто, кромѣ министра иностранныхъ дѣлъ, не могъ еще получить извѣстій. Государыня сожалѣла, что лишена своего Парижскаго корреспондента княгини Ливенъ, которая постоянно описывала ей все, чтó происходило въ столицѣ Франціи. Кто-то изъ присутствующихъ предложилъ дать это порученіе г-жѣ Калерджи или княгинѣ Меншиковой. Императрица сказала, что имѣла случай читать прекрасныя письма первой, которой вмѣстѣ съ послѣдней ставила въ вину ея короткое знакомство съ Тьеромъ.

8 Января. Княгиня Ливенъ подверглась особеннымъ нападеніямъ въ замогильныхъ запискахъ Шатобріана. Непомѣрное самолюбіе автора, можетъ быть, оскорбилось недостаткомъ вниманія къ нему княгини. Императрица вспоминала, какъ она встрѣчала знаменитаго творца «Духа Христіанства» въ Тиргартенѣ, когда онъ занималъ мѣсто министра въ Берлинѣ. «Онъ былъ небольшаго роста, имѣлъ живые, блестящіе глаза и походилъ на покойнаго князя А. Н. Голицына». Потомъ разговоръ перешелъ къ цвѣтамъ. Государыня удивлялась, что, любя цвѣты, гр. Нессельроде рѣшился продать свои оранжереи и теплицы. Князь П. А. Вяземскій замѣтилъ, что, при страсти къ цвѣтамъ, канцлеръ еще имѣетъ другую страсть—къ деньгамъ. Вѣроятно, сказала Императрица, онъ такъ поступилъ, соблюдая выгоды своихъ дѣтей.

9 Января. Когда узнали о покушеніи на жизнь Наполеона, то обмѣнялись телеграфическими депешами: мы изъявили участіе, насъ благодарили. Между тѣмъ пришло извѣстіе изъ Вѣны, что отправляютъ князя Лихтенштейна съ поздравленіями въ Парижъ, и мы положили, что хорошо послать кого-нибудь изъ близкихъ къ Государю. Думали о князѣ Долгорукомъ, шефѣ жандармовъ; но этотъ выборъ не соотвѣтствовалъ порученію, и остановились на молодомъ князѣ Варшавскомъ. Чѣмъ онъ скорѣе пріѣдетъ, тѣмъ будетъ лучше: такъ было сказано ему при отъѣздѣ. Императрицы, особенно вдовствующая, поручили удостовѣрить и Наполеона, и супругу его въ ихъ живомъ участіи. Государыня Александра Ѳеодоровна не подчиняетъ поступковъ своихъ въ подобныхъ случаяхъ своимъ личнымъ убѣжденіямъ и предразсудкамъ. Произносимыя ею слова отличаются благоразуміемъ и тактомъ. Есть также самоотверженіе въ пожертвованіи своимъ мнѣніемъ, когда того требуетъ польза общая.

10 Января. Попечитель учебнаго округа былъ въ отсутствіи. Министръ просвѣщенія поручилъ его помощнику князю Вяземскому призвать двухъ цензоровъ и сдѣлать выговоръ за недосмотръ при пропускѣ статей, которыхъ не слѣдовало дозволять печатать. «У насъ есть товарищи, отвѣчали цензора, которые получили болѣе десяти выговоровъ и, оставаясь на своихъ мѣстахъ, удостоиваются даже наградъ. Щедринъ, авторъ «Губернскихъ Очерковъ», имѣетъ обѣщаніе поступить на первую вице-губернаторскую ваканцію». Разсказывавшій мнѣ сей случай присовокупилъ: «И они правы». Кто идетъ быстро по службѣ? Люди, принадлежащіе къ передовымъ мыслямъ, послѣдователи и поборники прогресса, какъ князь Д. Оболенскій, Мансуровъ и подобные имъ.

11 Января. Говорятъ, что на отчетѣ, поднесенномъ оберъ-прокуроромъ Синода Государю, Императоръ сдѣлалъ отмѣтки, неблагопріятныя духовенству, и замѣтилъ, что отчетъ поданъ поздно. Духовенству ставится въ вину, что оно слишкомъ увлекается корыстолюбивыми видами и мало заботится объ истинныхъ пользахъ Церкви. Потомъ, однажды при докладѣ, рѣчь шла о раскольникахъ, и графъ Толстой *), изъявляя мнѣніе, несогласное съ мыслями Государя, сказалъ: «Ваше Величество можете объ этомъ спросить у Бажанова (духовника Императора).—«Я не имѣю надобности, отвѣчалъ Государь, ни въ чьихъ указаніяхъ и знаю самъ, если мнѣ нужны совѣты, къ кому обращаться за ними». Оберъ-прокуроръ, характера скрытнаго, вообще любитъ самъ узнавать все отъ другихъ, но неохотно разсказываетъ, что̀ знаетъ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ дѣло такого рода, что непріятно было бы открыть его и близкимъ, какъ бы ни были съ ними тѣсны отношенія.

12 Января, Многіе не одобряютъ брака N.N., не знаю почему. Безпорядокъ, распущенность и безнравственность нигдѣ не на мѣстѣ, ни во дворцѣ, ни въ хижинѣ. Графъ носитъ аристократическое имя, отличается добротою характера, нѣкогда былъ гуляка, теперь остепенился; онъ обратилъ на себя особенное вниманіе N.N., понравился ей, а она рѣшилась отдать ему руку... Всѣ члены семейства очень хороши въ обращеніи съ графомъ С.; онъ самъ держитъ себя скромно и заслуживаетъ общее одобреніе.

13 Января. Замѣчательно, что въ Штутгардтѣ изъ лицъ наиболѣе предубѣжденныхъ противъ императора Французовъ были наслѣдный принцъ и его супруга. Пріѣхалъ Наполеонъ, и немного времени нужно было ему, чтобы обворожить ихъ. Чиновники нашей миссіи получили

*) Александръ Петровичъ. П. Б.

приказаніе говорить въ обществѣ, что нашей Императрицы не будетъ при свиданіи императоровъ, и тогда секретари Французской миссіи въ свою очередь утверждали, что здоровье императрицы Евгеніи требуетъ пристальнаго леченія въ Біарицѣ. Между тѣмъ царствующая Императрица пріѣхала, и неожиданный пріѣздъ ея произвелъ непріятное дѣйствіе на всѣхъ. Нельзя было не чувствовать неловкости этого поступка. Государь особенно былъ доволенъ послѣднимъ разговоромъ съ Наполеономъ, продолжавшимся около часа, и послѣ этого онъ былъ очень веселъ. Наполеонъ оставилъ самое благопріятное впечатлѣніе; единогласно отдавали справедливость превосходству его ума и признавали его великимъ человѣкомъ. Императоръ Французовъ находилъ много удовольствія въ разговорѣ съ в. к. Еленой Павловной. Прощаясь съ нею, онъ былъ тронутъ и бросился къ ея рукѣ; рука была въ перчаткѣ. Великая Княгиня разорвала перчатку.

14 Января. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ гр. Панинъ неделикатнымъ образомъ уволилъ изъ своей канцеляріи чиновника М. Молодой человѣкъ, отличавшійся замѣчательными способностями, нашелъ дорогу къ В. К. Константину Николаевичу, который пріютилъ его въ Морскомъ Министерствѣ. Господинъ М. трудился, труды его награждались щедро, онъ былъ отправленъ на Востокъ, и по возвращеніи написалъ отчетъ о посѣщеніи Іерусалима и православныхъ храмовъ. Великій Князь велѣлъ напечатать это донесеніе и сталъ разсылать его нѣкорымъ лицамъ. Оказалось, что въ изданной брошюрѣ открывались годарственныя тайны, и что обнародованіе оныхъ могло намъ принести великій вредъ, обнаруживая наши предположенія и дѣйствія на Востокѣ и подавая такимъ образомъ поводъ къ сопротивленію нашимъ мѣрамъ со стороны Англіи и Франціи. Брошюра была отобрана, хотя ея не досчитались нѣсколькихъ экземпляровъ. Хорошо, если онѣ не дошли въ руки Англійскаго и Французскаго министровъ.

15 Января. Впослѣдствіи гр. Панинъ призналъ полезнымъ примириться съ старымъ подчиненнымъ, ласкалъ его въ Совѣтѣ, сталъ приглашать къ себѣ и наконецъ черезъ него снискалъ расположеніе В. К. Константина Николаевича. Въ качествѣ стараго дипломата министръ юстиціи обращаетъ особенное вниманіе на вопросы, относящіеся до внѣшней политики. Не одобряя настоящей системы, онъ сочиняетъ записки, гдѣ строго критикуетъ нашу политику, и подаетъ ихъ Великому Князю, который, какъ извѣстно, не отклоняя отъ себя никакой части государственнаго управленія и видимо мѣтя въ первые министры, благосклонно принимаетъ записки графа Панина. Въ послѣднее время ходили слухи по городу, что домогаются произвести нѣкоторыя перемѣны въ нашихъ государственныхъ людяхъ. Князь Орловъ

просится на покой. Великій Князь желалъ бы, чтобы министръ юстиціи получилъ мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта, а посолъ нашъ въ Парижѣ, графъ Киселевъ, замѣстилъ бы министра иностранныхъ дѣлъ, князя Горчакова. Замѣчательно, что гр. Панинъ настаивалъ, чтобы послѣдній хотя на нѣсколько минутъ показался на его балѣ, дабы (говорилъ онъ) «всѣ видѣли, что министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи живутъ въ ладу». Простуда не позволила князю Горчакову исполнить желаніе своего товарища.

16 Января. Графа Панина хвалятъ за ясное изложеніе обстоятельствъ дѣла и за правильный, прекрасный языкъ его, но обвиняютъ въ кривыхъ выводахъ и заключеніяхъ. Когда онъ излагаетъ дѣло, никто не можетъ предположить, какое будетъ его мнѣніе; всѣ бываютъ обыкновенно удивлены странностью его взгляда. Такъ говорятъ товарищи его по Государственному Совѣту и по разнымъ комитетамъ. Однажды, выходя изъ Совѣта, сдѣлалъ о немъ также подобный отзывъ графъ Нессельроде. Вотъ почему министра юстиціи многіе называютъ кривотолкомъ. Трудно при такихъ условіяхъ быть предсѣдателемъ Совѣта. Что же касается до назначенія графъ Киселева, едва ли согласится онъ въ свои лѣта принять на себя такое бремя; развѣ онъ только получитъ званіе министра, а дѣйствовать будетъ какое-нибудь подставное лицо. Впрочемъ гордая самостоятельность Парижскаго посла никогда этого не допуститъ.

17 Января. Меня часто удивляло, что пища умственная инымъ не такъ нужна, какъ пища матеріальная. Такъ, глядя на брата, я думалъ: странно, что при его умѣ, онъ можетъ долго оставаться безъ книгъ и что чтеніе не составляетъ для него существенной потребности. Эта мысль часто смущала меня и приводила въ недоумѣніе. Однажды, въ ранніе часы утра, я получилъ разрѣшеніе моей задачи, смущеніе исчезло, и я успокоился. Ящикъ просто отворялся: очевидно, что у кого есть свой запасъ, тому нечего искать посторонняго пособія. Кто щедро одаренъ отъ природы, тотъ живетъ своею жизнью. Умъ брата заключаетъ въ себѣ столько живительной силы, онъ такъ разнообразенъ и обиленъ, что ему нечего укрѣплять себя извнѣ, со стороны. Напротивъ, при ограниченности собственныхъ средствъ, при скудости своихъ силъ, чувствуешь необходимость въ постороннемъ пособіи, въ крѣпости заимствованной. Вотъ почему, проведя день безъ чтенія, я ощущаю пустоту и нравственное утомленіе. Такъ намъ часто кажется страннымъ и незаслуживающимъ одобренія что̀ естественно и въ порядкѣ вещей *).

---

*) Строки, внушенныя необыкновенно-нѣжною любовью къ старшему брату. П. Б.

18 Января. Не совсѣмъ однако в. к. Ольга Николаевна и наслѣдный принцъ Виртембергскій измѣнили свое расположеніе къ Наполеону послѣ свиданія въ Штутгардтѣ. Кронъ-принцъ признавался многимъ, что всякій разъ когда ему приходилось слѣдовать за императоромъ Французовъ, онъ чувствовалъ, что въ немъ волновалась кровь его предковъ. Человѣкъ этотъ, продолжалъ онъ, вышелъ Богъ знаетъ изъ чего и какъ, а между тѣмъ я и подобные мнѣ на придворныхъ выходахъ и въ собраніяхъ должны составлять какъ бы его свиту. Подобное сужденіе показываетъ мѣру разсудительности принца. Между прочимъ Виртембергскій король мѣшалъ разговорамъ императоровъ и, при глухотѣ своей, часто переспрашивалъ, чтó они между собою говорили. Иногда даже, подстрекаемый любопытствомъ, не всегда удовлетвореннымъ, онъ позволялъ себѣ нѣкоторыя насмѣшки надъ своими высокими гостями. Во избѣжаніе сего неудобства, былъ устроенъ завтракъ въ загородномъ домѣ Великой Княгини, гдѣ императоры видѣлись безъ короля, который нѣкоторое время не могъ простить этого хозяйкѣ.

19 Января. Слухи о немилости, въ которую впалъ князь Горчаковъ, разсѣялись. Государь былъ на послѣднемъ раутѣ его, императрицы приглашаютъ его къ себѣ, и великіе князья очень внимательны къ нему. В. К. Константинъ Николаевичъ почелъ нужнымъ объясниться по сему предмету и къ объясненію присоединить удостовѣреніе. Но почему вдругъ распространились эти слухи?

20 Января. Появилась книга: La Russie il y a cent ans, гдѣ собраны депеши Англійскаго и Французскаго пословъ, писанныя ими изъ С.-Петербурга. Говорятъ, что это самая жалкая картина Русскаго двора. При императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ не было собранія или вечера, гдѣ бы всѣ присутствующіе не предавались пьянству и безобразію. Императрица Екатерина II представлена съ самой неблагопріятной стороны: исчислены суммы, издержанныя ею на фаворитовъ, не признается ея величіе, достоинство великой государыни унижено, а Россія является страною, гдѣ все существенное приносится въ жертву наружному лоску, обманчивой внѣшности: однимъ словомъ, зависть затемнила совершенно для иностранцевъ блескъ славнаго царствованія. Замѣчательно, что означенное сочиненіе, въ которомъ подробно говорится о брачномъ союзѣ имп. Елисаветы съ гр. Разумовскимъ, заслужило особенное вниманіе В. К. . . . . . . Не бываетъ дыма безъ огня. Вѣроятно происходилъ какой нибудь разговоръ, подслышанный нескромнымъ ухомъ и переданный еще болѣе нескромнымъ языкомъ. Замѣчательна поспѣшность, съ которой все было сдѣлано, чтобы не дать разнесшемуся слуху укорениться. Можетъ

быть враги князя Горчакова когда нибудь и одолѣютъ его, но нельзя безъ тяжелаго чувства помыслить о возможности его удаленія. Въ немъ соединены блестящій, оригинальный умъ съ прекраснымъ сердцемъ, преданность престолу съ соблюденіемъ пользы общей, сила убѣжденія съ готовностью принять всякое основательное мнѣніе. Онъ помнитъ добро, зло—никогда, и Богъ одарилъ щедро дарами и сокровищами Своими эту избранную природу.

21 Января. По возобновленіи послѣ пожара Зимняго дворца, въ Георгіевской залѣ, гдѣ обыкновенно происходятъ празднества по случаю браковъ въ семействѣ царскомъ, былъ положенъ паркетъ съ изображеніемъ Мальтійскаго креста. Когда работы были кончены, императоръ Николай прошелъ первый по залѣ, а на другой день провалился въ ней потолокъ. Если мы будемъ часто останавливать мысль нашу на значеніи креста, какъ на орудіи нашего искупленія и спасенія, на которомъ Сынъ Божій былъ распятъ, страдалъ и предалъ духъ Свой за наши грѣхи, то конечно намъ не придетъ никогда побужденіе топтать его ногами. Изображеніе креста произошло отъ небрежности чиновниковъ, которымъ поручено было возобновленіе дворца; но паденіе потолка произвело сильное впечатлѣніе, и приказано было наслать другой паркетъ.

22 Января. Никогда взносы процентовъ не производились съ такою точностью въ кредитныя учрежденія, какъ со времени обнародованія мѣръ, принятыхъ къ освобожденію крестьянъ. Проданы также очень выгодно просроченныя имѣнія съ аукціоннаго торга, и одно между прочимъ въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, по 200 р. с. душу. Оборотнаго капитала въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ на лице 28 милліоновъ. Гр. Закревскій не одобряетъ обѣдовъ и особенно рѣчей Кокорева и другихъ. Предполагались еще обѣды, но которые Московскій военный генералъ-губернаторъ не призналъ нужнымъ дозволить. Онъ полагаетъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ подобныя собранія и разглагольствія приносятъ не пользу, а вредъ. «Это мое убѣжденіе, говоритъ гр. З. Если же мои дѣйствія не заслуживаютъ одобренія, то пускай на мое мѣсто назначатъ другаго». Извѣстно, что графъ давно искалъ дома; наконецъ, онъ купилъ прекрасный домъ Николая Аполоновича Волкова.

23 Января. Молодые люди Демидовъ, кн. Долгоруковъ, Бенардаки послѣ ужина, кончившагося далеко за полночь, разгоряченные виномъ, на улицѣ нашумѣли и произвели безпорядокъ. Донесли Государю, и приказано было ихъ посадить подъ арестъ. Карамзина, мать Демидова, плакала; кн. Долгорукова не выходила изъ нервическихъ припадковъ, и обѣ по нѣжной заботливости материнскаго сердца преуве-

личивали въ воображеніи шалость молодости. Весь городъ показалъ имъ участіе; многіе даже ѣздили къ провинившимся на гауптвахты, отъ чего можно было воздержаться: ибо молодые люди могли принять подобныя изъявленія за одобреніе ихъ продѣлокъ. Хорошо, если на будущее время случившееся послужитъ урокомъ юношамъ. Впрочемъ, кто не платилъ дани молодости? Нечего сокрушаться, что люди молодые молоды, а старые стары, и худо, если было бы наоборотъ. Жаль только, что, много говоря о шалости, придаютъ ей нѣкоторую важность и размѣръ какого-то дѣла. Это тѣмъ болѣе странно, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, бездѣлица, обратившая на себя вниманіе общества, должна была остаться незамѣченной.

Найдено рукописное сочиненіе кн. Щербатова, извѣстнаго сочинителя многотомной Россійской Исторіи (добросовѣстнаго, но тяжелаго труда), подъ заглавіемъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Историкъ признаетъ необходимость преобразованій Петра, но приписываетъ ихъ вліянію порчу нравовъ, хотя первую причину безнравственности высшаго сословія видитъ въ уничтоженіи мѣстничества. Желаніе выслужиться, *какъ бы то ни было*, въ чины замѣнило гордость и чувство, внушаемыя древностью рода. Нравы также много потерпѣли отъ того, что женщинъ вывели изъ теремовъ и отъ сношеній съ чужими краями. Въ царствованіе Елисаветы роскошь и безнравственность усиливаются, и мужья начинаютъ бросать женъ. Описаніе происходившаго при Петрѣ III согласно со свидѣтельствомъ княгини Дашковой. Князь Щербатовъ, единственный изъ Русскихъ писателей, съ особенною раздражительностью нападаетъ на Екатерину II-ю.

24 Января. Въ Москвѣ предполагалось дать большой обѣдъ на тысячу человѣкъ, на которомъ многіе намѣревались произнести рѣчи. Кокоревъ хотѣлъ перепечатать воззваніе свое къ купечеству, гдѣ предполагаетъ открыть подписку въ пользу мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, надѣясь собрать капиталъ въ 10 мил. р. с. для облегченія ихъ сдѣлокъ съ крестьянами. Рѣшено, что обѣда не будетъ; не дозволено произносить рѣчей, и запрещено въ большомъ количествѣ перепечатывать рѣчь Кокорева. Хотѣли было уволить цензора, дозволившаго напечатать оную, но удовольствовались, кажется, сдѣлать выговоръ. Мы не привыкли къ свободному слову, и оно пугаетъ насъ. Между тѣмъ мы не видали, чтобы въ прошедшемъ, при непомѣрномъ стѣсненіи этого слова, мы достигли блестящихъ результатовъ. Напротивъ, таинственность, которою все облекалось, принесла горькіе плоды. Съ новымъ царствованіемъ предоставили цензурѣ нѣкоторую свободу, которая оказала пользу, хотя иногда выходила изъ должныхъ предѣловъ. Надлежало взыскать за промахи и неправильности, но этимъ

не ограничиваются: хотятъ, кажется, дѣйствовать въ смыслѣ совершенной реакціи, системы уже невыгодно, какъ замѣчено выше, испытанной въ минувшемъ.

Депутація крестьянъ Владимирской губерніи изъ имѣнія гр. Нессельроде явилась съ просьбою къ помѣщику. «Батюшка, говорили прибывшіе, не желаемъ новыхъ порядковъ, довольны старыми и готовы платить болѣе, если милость твоя оставитъ насъ на прежнемъ основаніи».—«Новые порядки, отвѣчалъ канцлеръ, не помѣшаютъ вамъ платить болѣе».

У Аксакова, автора статьи «Публика и Народъ», за которую запрещенъ журналъ «Молва», украли въ церкви часы, и вмѣсто ихъ положили въ карманъ записку, въ которой было написано слѣдующее: «Пока публика молилась, народъ укралъ у васъ часы».

25 Января. Императоръ Александръ I-й гдѣ-то встрѣтилъ академика Парота, сблизился съ нимъ, получилъ къ нему довѣріе и часто съ нимъ переписывался. Замѣчательно особенно одно письмо, въ которомъ онъ благодаритъ Государя за то, что онъ принялъ его мнѣніе послѣ продолжительнаго разговора, бывшаго наканунѣ, и что наконецъ убѣдился, что не слѣдуетъ *разстрѣлять* Сперанскаго. По разсказамъ людей, близко знавшихъ послѣдняго, онъ былъ очень откровененъ, довѣрчивъ и легко высказывалъ даже свои задушевныя мысли. Одного предмета онъ никогда ни съ кѣмъ не касался: причины своей ссылки. Дочь его Багреева, написавшая біографію отца, наполненную любопытными подробностями, также не упоминаетъ объ обстоятельствѣ, котораго объясненіе такъ было бы интересно. Есть также письмо императора Александра къ Сперанскому, при назначеніи его генералъ-губернаторомъ въ Сибирь. Здѣсь Государь выражается съ сожалѣніемъ о томъ, что̀ произошло, оправдываетъ своего сановника и говоритъ, что жертва была нужна для удовлетворенія общественнаго мнѣнія. Багреева, въ своей біографіи отца, сообщаетъ свои съ нимъ бесѣды. Это рукописное сочиненіе написано мастерски по-французски. Всѣ бумаги гр. Сперанскаго принесены были его дочерью въ даръ Императорской Библіотекѣ. На основаніи этихъ документовъ и матеріаловъ составлено было также жизнеописаніе гр. Сперанскаго статсъ-секретаремъ барономъ М. А. Корфомъ.

26 Января. Въ Пруссіи есть хорошее учрежденіе, такъ называемое Staats-Examen. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ университетскій и снабженный аттестатомъ отъ своего факультета, можетъ вступить только въ то вѣдомство, куда ему открываютъ путь родъ его занятій по университету или тотъ факультетъ, по которому онъ проходилъ курсъ, и въ добавокъ онъ обязанъ подвергнуться еще испытанію

отъ чиновниковъ того вѣдомства или министерства, въ которое вступаетъ. Само собою разумѣется, что экзаменаторы избираются изъ чиновниковъ, которымъ ихъ часть хорошо знакома. Со времени введенія сего установленія въ Пруссіи, по всѣмъ частямъ государственнаго управленія стали являться замѣчательные люди. У насъ, когда празднуютъ основаніе какого нибудь университета, отдавая отчетъ объ услугахъ, имъ оказанныхъ, исчисляютъ воспитанниковъ, поступившихъ на службу. Оказывается, что студентъ, вышедшій изъ медицинскаго факультета, вошелъ въ министерство юстиціи, а изъ математическаго факультета служитъ дипломатомъ. Такимъ образомъ чиновникъ, потерявшій время въ университетѣ, оказывается недостаточнымъ на службѣ, къ которой спеціально себя не готовилъ. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа Зиновьевъ, имѣя счастіе представляться Государю, два раза объ этомъ докладывалъ. Императоръ два раза замѣтилъ: «объ этомъ надобно подумать». Министръ просвѣщенія и его товарищъ, оба съ душою; но одинъ не знаетъ Россіи и ея потребностей, а другой расположенъ во всемъ сомнѣваться. Записки имъ подаютъ, и они ихъ не читаютъ, а если заставляютъ читать, то во время чтенія засыпаютъ. Вообще не видно рвенія къ дѣлу, и нуженъ большой запасъ твердости, чтобы не потерять бодрости и не впасть въ уныніе.

27 Января. Въ Москвѣ на обѣдѣ, гдѣ произнесено было столько рѣчей, Кокоревъ предложилъ здоровье того чиновника, который содѣйствовалъ движенію литературы, имѣя только въ виду пользу общую и не стѣсняя себя опасеніями разстроить свою служебную будущность или потерять мѣсто. Это здоровье было цензора Фонъ-Крузе. Тогда здѣсь было рѣшено, что обѣды и рѣчи будутъ прекращены, и хотѣли уволить цензора, удержавшагося на своемъ мѣстѣ неизвѣстно надолго ли. Нельзя, чтобы подобныя дѣйствія всегда легко сходили съ рукъ. Если цензоръ не раздѣляетъ мнѣній о цензурѣ правительства, онъ можетъ удалиться отъ своего мѣста и взять другое; но подвергать себя тому, чтобы его уволили съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять, когда онъ отецъ семейства, этого онъ не имѣетъ права сдѣлать, и если дѣйствуетъ такъ, то поступаетъ непозволительно.

Вчера сказывали, что Герценъ (Искандеръ) умеръ отъ отравы. Если такъ, то это можетъ быть дѣломъ ревности или мести любовницы, также ожесточенія кого нибудь изъ его сотрудниковъ; но никогда наше правительство не способно будетъ употребить подобное средство, хотя естественная смерть Герцена насъ бы не разстроила: нашелся бы другой на его мѣсто, но можетъ быть не съ тѣмъ талантомъ. Разсказываютъ невѣроятности о привозѣ этихъ изданій въ Рос-

сію, куда ихъ ввозятъ капитаны кораблей и продаютъ по 100 р. с. томъ. Увѣряютъ, что на Нижегородской ярмаркѣ ихъ покупали по четвертаку. Перваго способа продажи намъ опасаться нечего, ибо немного найдется охотниковъ на такія цѣны. Что же касается до продажи на ярмаркѣ, то всѣмъ извѣстно, по какой цѣнѣ заграницею продаются книги Герцена. Невозможно, чтобы онъ пустилъ ихъ такъ дешево въ ущербъ себѣ.

28 Января. Большое затрудненіе встрѣчаетъ въ университетахъ преподаваніе Закона Божія. Въ гимназіяхъ сердца учениковъ доступны вѣрѣ, и они съ любовью принимаютъ уроки и внушенія законоучителя. Въ воскресный день или праздникъ утѣшительно видѣть гимназистовъ въ церкви. Многіе изъ нихъ колѣнопреклоненныные, всѣ внимательны къ службѣ и молятся прекрасно. Не то университетахъ: туда являются не дѣти, а юноши, у которыхъ уже образовалась сила мышленія, и страсти волнуются. Они много читаютъ и на всѣхъ языкахъ. Здѣсь мало вліянія на сердце, надо дѣйствовать на разумъ; не довольно тронуть, надо убѣдить. Большею частію молодые люди уже вступаютъ въ университетъ съ вѣрою нетвердою, а тѣ, въ которыхъ святая искра еще не потухла, стыдятся и стараются казаться не тѣмъ, чтò они есть, т. е. послѣдователями неограниченнаго свободомыслія. Законоучитель долженъ основывать всѣ свои положенія на неоспоримыхъ доводахъ логики, долженъ знать всѣ возраженія, употребляемыя противъ святой вѣры, и запастить богатымъ арсеналомъ фактовъ и доказательствъ, которыя служили бы сильнымъ отпоромъ невѣрующимъ. «Нельзя, говорилъ мнѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, разомъ очистить университетъ и набрать новую молодежь. Вновь вступающіе студенты находятъ старыхъ, отъ которыхъ заражаются невѣріемъ, и такимъ образомъ одно поколѣніе передаетъ зло другому. Вотъ почему законоучитель въ университетѣ долженъ быть человѣкъ особенно даровитый, ученый и съ приличнымъ обращеніемъ».

29 Января. Есть люди, щедро одаренные природою; оцѣняешь ихъ умъ и способности и отдаешь справедливость ихъ образованію. Они хорошо выражаются на нѣсколькихъ языкахъ, сужденія ихъ о людяхъ здравы и даже остроумны, въ свѣтѣ они являются съ успѣхомъ; но, не смотря на всѣ ихъ качества, они не внушаютъ никакого къ себѣ влеченія, никакого сочувствія. Напротивъ, чувствуешь что-то отъ нихъ отталкивающее. Встрѣчаешь людей, которые не отличаются ни блестящими способностями, ни сопровождающимъ ихъ обыкновенно успѣхомъ, а съ перваго взгляда чувствуешь, что они по сердцу, ищешь случая съ ними видѣться и если сходишься съ ними часто, начинаешь принимать такое участіе въ ихъ судьбѣ, что ихъ успѣхи ра-

дуютъ и ихъ неудачи огорчаютъ. Если внимательно разсмотришь, чтó составляетъ притягивающую силу въ лицахъ, внушающихъ намъ подобное сочувствіе, то удостовѣришься, что это не столько умъ, сколько сердце, врожденная доброта, кротость обращенія, ласковое ко всѣмъ расположеніе и теплота душевная. Важна также доброжелательность, которая искренно всегда готова услужить ближнему и выказать его добрую сторону, помня, что, для сохраненія мира внутренняго, мы всегда должны быть снисходительны къ другимъ и строже къ себѣ и смотрѣть на тѣхъ, которыхъ положеніе ниже нашего въ жизни.

30 Января. При дворѣ былъ балъ въ бѣлой залѣ, вновь отдѣланной. Танцующіе, приглашенные съ 12 часовъ утра, танцовали все утро, а ихъ родители, какъ наприм. графъ Панинъ, возбуждали общее сожалѣніе утомленіемъ, выражавшимся на ихъ лицахъ. На придворныхъ балахъ особенно замѣчателенъ недавно введенный способъ освѣщенія: являются люди съ фитилями, прикасаются ими до свѣчей, и голубое газовое пламя перелетаетъ отъ одной свѣчи къ другой, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько минутъ зала освѣщена. Это дѣйствіе имѣетъ что-то волшебное. Чтобы садиться за ужинъ, бросали жребій, и пришлось матери сѣсть съ сыномъ, а многимъ дамамъ имѣть кавалерами совершенно юныхъ, неизвѣстныхъ имъ птенцовъ. Государь имѣлъ свой столъ, Государыня свой. Братъ былъ приглашенъ къ послѣднему и сидѣлъ подлѣ В. К. Екатерины Михаиловны. Разговоръ былъ разнообразенъ; рѣчь шла объ искусствахъ, эманципаціи и проч. Императоръ и Императрица милостиво говорили съ братомъ, и послѣдняя довольно продолжительно, особенно о прекрасной мозаикѣ, найденной въ Керчи незадолго до вступленія туда союзниковъ, принадлежащей къ лучшему времени искусства въ Римѣ и выставленной въ одной изъ дворцовыхъ залъ.

31 Января. Графъ Блудовъ написалъ предисловіе къ новому изданію Свода и самый Сводъ съ измѣненіями въ новомъ видѣ напечаталъ въ трехъ толстыхъ томахъ. Изданіе было препровождено къ В. К. Константину Николаевичу, какъ члену Государственнаго Совѣта. Разсмотрѣніе этого труда поручено было директору департамента Морскаго Министерства кн. Д. А. Оболенскому, служившему прежде по судебной части. Въ то самое время кн. Оболенскій отправленъ былъ для производства слѣдствія въ Николаевъ. Въ проѣздъ черезъ Москву онъ просилъ кн. Урусова заняться симъ дѣломъ. На возвратномъ пути работа была готова. Князь Оболенскій во многомъ измѣнилъ записку, дополнилъ ее, и въ такомъ видѣ она разослана была нѣкоторымъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта. Графъ Блудовъ не сдѣлалъ никакихъ основныхъ перемѣнъ въ Сводѣ; послѣдовали только маловажныя

измѣненія въ частностяхъ. Въ предисловіи начертана программа, на дѣлѣ невыполненная. Кн. Оболенскій сильно нападаетъ на трудъ гр. Блудова и, признавая необходимымъ ввести словесный судъ и гласность, находитъ, что нужно настоящій проектъ гр. Блудова оставить, а ввести въ Имперію сводъ Польскій вмѣстѣ съ тамошнимъ судоустройствомъ. Сочинитель записки указываетъ на Австрію, гдѣ введенъ былъ сводъ, по которому издавна судились въ Трансильваніи. Впрочемъ судебная расправа въ древней Россіи совершалась при отворенныхъ дверяхъ: въ судебной камерѣ засѣдали судьи, и двери были отворены на чистое поле. Кто желалъ, присутствовалъ при судебномъ преніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судоговореніе допущено Сводомъ, а въ настоящее время комерческіе суды учреждены у насъ на основаніи словеснаго судопроизводства. Многіе изъ приверженцевъ старины раздѣляютъ мнѣніе, что гласность суда необходима, какъ вѣрнѣйшее ручательство для подсудимыхъ въ огражденіи ихъ права отъ недобросовѣстности и лихоимства судей.

1 Февраля. Правительству подана также записка объ уничтоженіи откуповъ. Сочинитель исчисляетъ всѣ злоупотребленія откупщиковъ и разсказываетъ подробно, чтó они дѣлаютъ, чтобы разорять народъ, мѣшая воду съ виномъ и умышленно подводя подъ штрафъ людей невинныхъ. Но уничтоживъ откупную систему, чѣмъ замѣнить ее? Вольнымъ винокуреніемъ. Трудно на это рѣшиться, имѣя примѣръ Швеціи, гдѣ, благодаря винной продажѣ, народъ спился до такой степени, что предаются пьянству женщины и дѣти. Сочинитель записки предлагаетъ учредить общество на акціяхъ, которое замѣнило бы откупà. Нѣтъ причины думать, что акціонеры будутъ дѣйствовать совѣстливѣе откупщиковъ; только подъ другимъ названіемъ останутся старые недостатки и злоупотребленія. Чтеніе подобныхъ записокъ приноситъ нѣкоторую пользу, ибо въ нихъ всегда можно почерпнуть свѣдѣнія о положеніи какой либо части; но, указывая на зло, рѣдко сочинители ихъ предлагаютъ надлежащія средства къ ихъ искорененію.

2 Февраля. Въ журналѣ «Nord» помѣщаются статьи или письма объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. Проводится мысль о необходимости удержать прежнія патріархальныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Авторъ писемъ ставитъ въ примѣръ Англію, гдѣ сохраненію подобныхъ отношеній и заботливости совокупной землевладѣльцевъ и хлѣбопашественнаго населенія о земледѣльческихъ интересахъ обязаны существованіемъ сильной аристократіи и богатствомъ страны. Напротивъ, во Франціи эти интересы разъединены, и тамъ нѣтъ того благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойствіе непрестанно нарушается потрясеніями и смутами. Безъ сомнѣнія желательно, чтобы существо-

вали добрыя отношенія; но трудно полагать, чтобы съ новымъ порядкомъ они удержались въ той силѣ, какъ было прежде.

3 Февраля. Во второмъ письмѣ, помѣщенномъ въ томъ же журналѣ, сказано, что къ сожалѣнію худо, что помѣщики мало живутъ въ своихъ имѣніяхъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе управляющихъ, часто не говорящихъ по-русски и вовсе незнакомыхъ съ бытомъ нашего крестьянина. Авторъ находитъ полезнымъ постоянное пребываніе особенно богатыхъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, указывая на землевладѣльцевъ Остзейскаго края, изъ коихъ многіе почти всегда проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ. Безъ сомнѣнія удаленіе дворянства изъ внутренней Россіи, давъ неправильное направленіе выборамъ, предало наше внутреннее управленіе въ руки недостойныхъ чиновниковъ. Авторъ оговаривается, что онъ требуетъ пребыванія всего дворянства внутри Россіи кромѣ того, которое не имѣетъ недвижимой собственности, т. е. не владѣетъ землями, и потомъ также дворянъ, сознающихъ въ себѣ способности приносить болѣе пользы на обширнѣйшемъ поприщѣ. Но нельзя не замѣтить сочинителю писемъ, что трудно и едва ли полезно высшему дворянству добровольно отказаться отъ участія въ дѣлахъ государственнаго управленія и предоставить это преимущество дворянству, невладѣющему недвижимой собственностью. Такимъ образомъ именно въ то время, когда, по новому устройству быта крестьянъ, пребываніе землевладѣльцевъ становится менѣе нужнымъ, чѣмъ было прежде, по мнѣнію автора они должны промѣнять свою жизнь въ столицѣ со всѣми настоящими и будущими выгодами въ сферѣ дѣятельности служебной на темное и безвѣстное существованіе въ деревнѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ лишенія, почти невыносимыя для жителя столичнаго, привыкшаго ко всѣмъ удобствамъ умственнымъ и вещественнымъ просвѣщеннаго центра. Теперь посмотримъ, какую принесутъ пользу дворяне-пролетаріи, которые замѣстятъ высшее дворянство на службѣ?

4 Февраля. Справедливо находятъ, что наши сановники мало знаютъ Россію. Но теперь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь лѣтнимъ вакантнымъ временемъ, посѣщаютъ свои помѣстья; а другіе, остающіеся въ столицѣ, получаютъ свѣдѣнія отъ довѣренныхъ своихъ, которымъ поручаютъ свои интересы. Практическія знанія, основанныя на положительныхъ данныхъ, полезны, какъ приложеніе къ дѣлу, при составленіи и изданіи новыхъ законоположеній. Чтó же будетъ, когда во всѣхъ слояхъ служебной іерархіи и потомъ во главѣ всего управленія будутъ стоять люди, несвязанные никакимъ звеномъ съ живыми интересами страны, къ управленію которой ихъ призоветъ предполагаемое преобразованіе? Страшно подумать, сколько будетъ по-

требностей неудовлетворенныхъ и въ какомъ разладѣ будутъ постановленія по мѣстнымъ условіямъ.

6 Февраля. Князь Варшавскій возвратился изъ Парижа. Онъ былъ принятъ ласково и благосклонно, но императоръ Наполеонъ ни слова не говорилъ съ нимъ о политикѣ Князь Паскевичъ сказываетъ, что, произведя убійство и смятеніе бомбами, злоумышленники намѣрены были предать городъ грабежу и расхищенію. Люди, замышляющіе подобныя дѣла, разсѣяны по всему лицу Франціи, и число ихъ простирается до 60.000 человѣкъ. Оказывается, что, уже прежде покушенія на жизнь императора, рѣшено было принять мѣры противъ соціалистовъ, за дѣйствіями которыхъ правительство постоянно слѣдило.

8 Февраля. Кокоревъ въ напечатанной рѣчи, гдѣ виденъ прекрасный порывъ души благородной и высокой, открылъ обстоятельство, обратившее на себя вниманіе правительства: по словамъ его, чистая прибыль откупщиковъ простирается въ годъ до 20.000.000 рубл. сер., столько же вѣроятно расходится по управленію откупа, а откупная сумма вся полагается отъ 80 до 100 милліоновъ р. с. В. К. Константинъ Николаевичъ имѣлъ свиданіе съ графомъ А. Д. Гурьевымъ, у котораго распрашивалъ подробности о старой откупной системѣ, потомъ перешелъ къ нынѣшней и, наконецъ, пожелалъ узнать слабую сторону и недостатки послѣдней. Графъ Гурьевъ убѣдилъ Великаго Князя въ необходимости ее замѣнить чѣмъ-нибудь болѣе полезнымъ для государства.

9 Февраля. С. В. Шереметевъ, губернскій предводитель Нижегородскаго дворянства, представлялся Государю. Когда рѣчь зашла объ усадьбахъ крестьянскихъ, которыя должны пріобрѣтаться поселянами посредствомъ выкупа съ тѣмъ, чтобы принадлежать вѣчно пріобрѣтателямъ, Шереметевъ позволилъ себѣ замѣтить, что въ столицахъ и въ другихъ городахъ домовладѣльцы, не взирая на то, что домà составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, платятъ ежегодно поземельныя деньги городу, такъ что нѣкоторымъ образомъ земля продолжаетъ считаться городскою. Это замѣчаніе, важное, произвело впечатлѣніе на Государя.

11 Февраля. У Государя былъ небольшой обѣдъ. Присутствовали между прочимъ министръ государственныхъ имуществъ Муравьевъ, оберъ-полицеймейстеръ гр. Шуваловъ, Авр. Карл. Карамзина и братъ. Рѣчь шла объ устройствѣ полиціи въ Парижѣ и о всѣхъ предосторожностяхъ для сохраненія жизни Наполеона. Въ подтвержденіе сего Императоръ разсказалъ, что въ послѣднее пребываніе его въ Штутгардтѣ былъ вечеръ на виллѣ у В. К. Ольги Николаевны, который ему надо было оставить, чтобы ѣхать навстрѣчу къ Императрицѣ, при-

бывшей изъ Дармштадта. Съ желѣзной дороги Государь приказалъ ѣхать чрезъ паркъ и сады, желая показать ихъ Императрицѣ, и немало удивился, увидя вездѣ пикеты Французскіе. «Да, прибавилъ онъ, нарочно были привезены Французскія войска для охраненія особы Наполеона. Теперь положеніе его очень трудно».

12 Февраля. За тѣмъ же обѣдомъ Государь разсказывалъ, что въ то время, когда онъ кушалъ чай, ожидалъ его товарищъ министра государственныхъ имуществъ. Вспомня объ этомъ, Императоръ приказалъ служителю попросить *Зеленаго.* Черезъ нѣсколько времени приносятъ чашку чаю, и на вопросъ чтó принесли? отвѣчаютъ, зеленаго чаю. Государь, не употребляющій никогда зеленаго чаю, усмѣхнулся и приказалъ позвать г-на Зеленаго. — Въ тотъ же день собрался небольшой кружокъ у Великой Княгини Маріи Николаевны: А. К. Карамзина, князья Горчаковъ и Долгоруковъ и братъ. Великая Княгиня принимаетъ любезно, прося, чтобы у нея вели себя какъ у Маріи Николаевны, а не какъ у Великой Княгини, и предлагая присутствующимъ цигаретки изъ особеннаго табаку. Разговоръ шелъ о необходимости уничтожить Коммиссію Прошеній, какъ мѣсто излишнее, которое растягиваетъ процессы, лишаетъ Сенатъ его силы и обременяетъ Государственный Совѣтъ множествомъ дѣлъ, которыя должны бы кончаться въ Сенатѣ. Говорено было также о пріѣхавшемъ сюда изъ Парижа Coston, отгадывающемъ мысли, называя карты, о которыхъ подумаешь. Въ немъ ясновидѣніе очень развито, и иногда дѣлаемыя имъ усилія такъ дѣйствуетъ на нервы, что онъ весь трясется. Государь сказалъ оберь-полицеймейстеру, что Coston принималъ часто участіе въ дѣлахъ политическихъ и что за нимъ нуженъ бдительный надзоръ. Разговоръ перешелъ къ вертящимся столамъ. Разсказы брата произвели на всѣхъ впечатлѣніе: Великая Княгиня дрожала, а князь Долгоруковъ говорилъ, что, возвратясь домой, онъ, со страхомъ оставался одинъ въ полуосвѣщенной комнатѣ. Кто-то замѣтилъ, что со времени круженія столовъ много произошло тяжелаго: война, Парижскій трактатъ, гибель парохода «Лефортъ» и пр. Князь Долгоруковъ говорилъ, что императоръ Николай заставлялъ его, князя Орлова и А. Адлерберга кружить столы, которые двигались по слову Государя.

14 Февраля. Пришло извѣстіе о кончинѣ графа В. Д. Олсуфьева, сего умнаго, добраго и истинно-Русскаго человѣка. Горячо любя свое отечество, онъ держался старинной простоты въ жизни, избѣгалъ утонченностей новѣйшаго комфорта и роскоши, но притомъ любилъ изобиліе за столомъ своимъ, за которымъ сидѣлъ какъ патріархъ, окруженный многочисленными семействами, живущими въ домѣ, и часто нѣсколькими пріятелями. Все западное противно было его чистому, род-

ному, патріотическому чувству. Онъ всегда готовъ былъ на доброе дѣло, питалъ особенную признательность къ своимъ воспитателямъ, любилъ переноситься мыслію къ годамъ своей юности и вспоминать членовъ и родственниковъ своего семейства, гдѣ протекли младенческіе и отроческіе дни его. Обращеніе его отличалось особеннымъ радушіемъ, и присутствіе его при Дворѣ принесло много пользы. Царствующая Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Олсуфьева, была тронута, пошла въ церковь и приказала отслужить по немъ панихиду.

15 Февраля. Кокоревъ вздумалъ дать обѣдъ въ залѣ Большаго театра. Въ углубленіи залы намѣревались поставить бюстъ Государя съ различными украшеніями и особеннымъ вокругъ него великолѣпіемъ. Бенуары и хоры перваго яруса назначались дамамъ. Предполагались тосты за Государя и дворянство, радующееся освобожденію крестьянъ. Во время каждаго тоста по ложамъ слуги должны были носить Шампанское и десертъ. На хорахъ втораго и прочаго ярусовъ думали помѣстить воспитанниковъ Кадетскаго корпуса. Обѣдъ не обошелся бы безъ рѣчей. Подобныя изъявленія и манифестаціи вовсе не нужны для прочнаго устройства и довершенія задуманнаго дѣла, а могли бы только, дамскою готовностью воспламеняться и живостью молодежи, произвести безпорядки. Посему отмѣненіе сего обѣда можно считать распоряженіемъ благоразумнымъ. Кокоревъ есть орудіе Московскихъ литераторовъ и ученыхъ, которые лестью могутъ употреблять его средства для достиженія своихъ цѣлей. Теперь общество можно раздѣлить на людей: 1) отсталыхъ, отвергающихъ освобожденіе крестьянъ, 2) благоразумныхъ, желающихъ исполненія мѣры, даже при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ, только въ смыслѣ пользѣ крестьянъ, 3) ажитаторовъ, не довольствующихся мирнымъ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса и желающихъ правъ политической трибуны, отвѣтственныхъ министровъ, свободы печатанія и пр.

16 Февраля. Князь С. М. Воронцовъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, за столомъ у Государя, разсказывалъ, что онъ присутствовалъ при опытахъ извѣстнаго Юма въ Тюльерійскомъ дворцѣ у императора Наполеона. Сидѣли около круглаго стола, на которомъ вдругъ показалась женская рука. Княгиня Воронцова содрогнулась. Юмъ старался ободрить ее. Между тѣмъ рука, дотолѣ двигавшаяся по столу, остановилась противъ нея. Юмъ просилъ княгиню надѣть на палецъ кольцо съ назначеніемъ, кому надлежало вручить оное. Рука двинулась, и какъ кольцо велѣно было подать князю Воронцову, она остановилась противъ него и исполнила данное ей порученіе. Вотъ между тѣмъ опытъ, сдѣланный здѣсь Coston. Онъ пишетъ нѣсколько словъ, даетъ вамъ написанное въ руку; вы не знаете чтò написано, а вол-

шебникъ вамъ говоритъ: Теперь посмотрю, какъ вы напишите что-нибудь другое, а не то что̀ въ запискѣ! Дѣйствительно написанное было слово въ слово тоже.

Великая Княгиня Ольга Ѳедоровна, пріѣхавъ изъ Зимняго дворца, разсказывала, что нашла царствующую Императрицу, съ красными распухшими глазами. «Я потеряла, сказала Государыня, говоря про графа Олсуфьева, истиннаго друга; а нельзя довольно оцѣнять, милая Ольга, преданность и привязанность людей, доказавшихъ намъ всегда на опытѣ свою приверженность. Эга потеря всегда была бы мнѣ чувствительна, но въ настоящихъ обстоятельствахъ она меня глубоко огорчаетъ». И Государыня опять заплакала.

17 Февраля. Князь Щербатовъ, въ рукописи о поврежденіи нравовъ въ Россіи, разсказываетъ, что государь Петръ I-й любилъ одного Русскаго морскаго офицера за его знанія. Былъ въ Кронштадтѣ обѣдъ, за которымъ морякъ подпилъ и, начавъ хвалить Царя, заключилъ похвалу такъ: «Но ты, Государь, входишь въ лѣта; что̀ будетъ съ Россіею, когда тебя не станетъ, и на кого ты насъ оставишь?»—«У меня есть наслѣдникъ», возразилъ Императоръ. «Охъ, вѣдь глупъ, все разстроитъ». Петръ, помолчавъ нѣсколько, усмѣхнулся и, легко ударивъ моряка по головѣ, сказалъ: «Дуракъ, о такихъ вещахъ въ бесѣдѣ не говорятъ».

У Карамзиной вечеромъ былъ Coston. Замѣчательнѣе другихъ былъ слѣдующій опытъ. Онъ просилъ, чтобы написали ему какіе-нибудь историческіе годы, отличенные особенно памятными событіями. Фокуснику закрыли глаза хлопчатой бумагой, потомъ на каждый глазъ положили платокъ и затѣмъ повязали глаза тремя повязками. Коснувшись одной записки, онъ сталъ повѣствовать рядъ историческихъ событій, въ заключеніе коихъ сказалъ годъ. Такъ поступилъ онъ и съ прочими двумя записками. Когда у волшебника спросили, какія средства нужны для его мастерства, онъ сказалъ: «ловкость, математическія исчисленія (онъ ученикъ Политехнической Школы) и конечно нѣкоторая начитанность. Про Юма Coston отозвался такъ. Когда соберутся къ Юму, онъ обращается къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «Прошу тѣхъ, которые чувствуютъ себя расположенными мнѣ вѣрить остаться, а остальныхъ—удалиться». Тогда въ залѣ, дотолѣ ярко освѣщенной, тушатся огни, и царствуетъ полусумракъ или даже мракъ, среди котораго Юмъ заставляетъ столы ходить, руки отдѣльно отъ туловища появляться и дѣйствовать, и совершаетъ свои чудеса. Какъ все это дѣлается, зрители не имѣютъ возможности видѣть.

18 Февраля. Извѣстно, что графъ П. Д. Киселевъ, нынѣ посолъ въ Парижѣ, нѣкогда служилъ начальникомъ штаба 2-й арміи, гдѣ

было тайное общество. По обязанности, лежавшей тогда на немъ, онъ долженъ былъ знать все, что̀ происходило во 2-й арміи. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ понятіе о заговорѣ, но извѣстно только, что тѣсная дружба соединяла его съ Бурцовымъ, Пестелемъ и другими заговорщиками. Изъ сего общества онъ вынесъ непомѣрное свободомысліе. Будучи человѣкомъ умнымъ, но не получившимъ правильнаго образованія, гр. Киселевъ нахваталъ, гдѣ ни попало, и въ книгахъ, и въ разговорахъ, либеральныхъ мыслей и сохранилъ ихъ доселѣ. Какъ многіе другіе, онъ помышлялъ объ освобожденіи крестьянъ и для того отправилъ трехъ чиновниковъ, Жеребцова, Арапстова и Заблоцкаго, съ порученіемъ ѣздить по Россіи и собирать свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью. Такимъ образомъ эти благородныя лица часто пользовались предлагаемымъ имъ гостепріимствомъ, чтобы потомъ писать извѣты на угощавшихъ ихъ простодушно помѣщиковъ. Лазутчики привезли цѣлую кипу обвиненій своему начальнику. Графъ, не зная важности права собственности, какъ главнаго основанія всякаго общества, поспѣшилъ составить проектъ освобожденія, по которому усадьбы отдавались безденежно крестьянамъ, и имъ также предоставлялись и двѣ трети помѣщичьихъ земель; о лѣсѣ сказано было, что за каждое поваленное дерево помѣщикъ обязывался дать крестьянину такихъ два дерева. Прочитавъ выписки изъ книги обвиненій, собранныхъ агентами гр. Киселева, покойный Государь хотѣлъ тотчасъ подписать проектъ. Министръ самъ испугался такой поспѣшности и предложилъ составить комитетъ для разсмотрѣнія проекта. Проектъ не былъ одобренъ. Дѣятельнѣйшимъ членомъ комитета былъ князь А. С. Меншиковъ, которому принадлежитъ честь отверженія мѣры, бывшей явнымъ посягательствомъ на право собственности, лишавшей одно сословіе его достоянія въ пользу другаго и долженствовавшей разстроить и совершенно уронить хлѣбопашество въ Россіи. Нынѣ вопросъ о пріобрѣтеніи крестьяниномъ усадьбы встрѣчаетъ сопротивленіе; нѣтъ сомнѣнія, что проектъ Киселева, обращенный въ узаконеніе, произвелъ бы общій вопль и возстаніе. Проектъ принадлежитъ редакціи Карнѣева, человѣка умнаго и хорошо пишущаго, но безъ убѣжденій и готоваго писать за возмездіе что̀ угодно.

19 Февраля. Часто насъ смущаетъ, что другіе не такъ поступаютъ, какъ должно. Наше положеніе измѣняется: мы чувствуемъ неудовольствіе, нетерпѣніе, волненіе и даже нѣкоторую раздражительность. Не производимъ ли мы нерѣдко сами того же дѣйствія на другихъ? Не видимъ, чтобы на насъ за то сѣтовали и негодовали. Иногда есть попытки истиннаго участія насъ уговорить или расположить къ тому, чего не дѣлаемъ, но ни волненія, ни досады не замѣчаемъ. Итакъ,

кто такъ поступаетъ, можемъ сказать, благоразумнѣе насъ, и будемъ слѣдовать его примѣру. Наше сѣтованіе не поможетъ дѣлу, а можетъ только привести въ неудовольствіе другаго, а насъ лишаетъ мира, необходимаго для нашего спасенія. При томъ то, чтò намъ кажется вреднымъ или опаснымъ, можетъ происходить отъ недостатка спокойствія, ненормальнаго состоянія нервовъ и нѣкоторой робости, слѣдствія превратностей и скорбей жизни. Скажемъ наше мнѣніе, стараясь его представить по возможности убѣдительно и сопровождая оное внутренно молитвою, чтобы оно было принято, если можетъ принести пользу, отвергнуто въ противномъ случаѣ; а остальное предоставимъ Богу, Который Одинъ знаетъ, чтò каждому изъ насъ точно нужно. Въ минуты безпокойства душевнаго, обращеніе къ Господу, при подобныхъ размышленіяхъ, снова водворяетъ въ насъ миръ и ясность. Увлекаясь слишкомъ нашими тревогами, мы явно жертвуемъ вѣчнымъ временному и небеснымъ земному. Не безумно ли это?

20 Февраля. Передъ тѣмъ, какъ идти на Парижъ, у императора Александра Павловича собирался ежедневно совѣтъ, гдѣ разсуждали, направлять ли арміи на столицу Франціи? Князь Шварценбергъ рѣшительно возставалъ противъ этой мѣры и въ послѣднее засѣданіе объявилъ, что на другой день съ разсвѣтомъ выступитъ съ своими войсками по иному направленію. Дѣйствительно онъ это исполнилъ. Между тѣмъ послѣ сего выступленія черезъ нѣсколько часовъ явился гонецъ съ аванпостовъ съ увѣдомленіемъ, что графа Нессельроде ожидаетъ тамъ иностранецъ съ письмомъ. Графъ принесъ къ Государю письменное увѣдомленіе и просилъ разрѣшенія. Императоръ приказалъ ѣхать и лишь только министръ иностранныхъ дѣлъ пріѣхалъ на аванпосты, ему была вручена записка слѣдующаго содержанія: «Pourquoi perdez-vous votre temps? Marchez sans délai sur Paris; vous y trouverez les portes ouvertes. Talleyrand» *). Записка по сіе время хранится у графа Нессельроде, нынѣ государственнаго канцлера.

21 Февраля. Съ лѣтами проходятъ разные вкусы, рѣдѣетъ кругъ пріятелей, друзей и сверстниковъ, не чувствуешь въ себѣ отголоска новыхъ мыслей и, наконецъ, живешь старымъ міромъ въ новомъ мірѣ. Сіи явленія, сопровождающія вторую половину нашей жизни, уменьшаютъ болѣе и болѣе привязанность нашу къ земному, показываютъ ничтожество того чтò нѣкогда мы цѣнили, и обращаютъ наши мысли къ небесному. Близкіе сердцу, когда Провидѣнію угодно ихъ намъ сохранить, связываютъ насъ съ жизнію, заставляютъ любить ее и обра-

---

*) За чѣмъ вы теряете время? Ступайте не медля въ Парижъ; ворота его вамъ открыты. Талейранъ.

зуютъ главное звено, которое насъ съ нею соединяетъ. Съ каждымъ днемъ звено становится тонѣе; горестно дожить до того времени, когда оно распадется. Тогда наше бѣдное сердце, ноя и тоскуя на землѣ, будетъ проситься на небо, куда впрочемъ каждая скорбная утрата его все болѣе и болѣе направляетъ. Это стремленіе къ небу обнаруживается въ охлажденіи къ жизни, въ предпочтеніи уединенія, въ размышленіи частомъ объ иномъ мірѣ, и въ самой молитвѣ, которая чаще влагается въ сердце и уста.

22 Февраля. Одинъ врачъ посѣщалъ больную, которая по бѣдности занимала сырой уголъ; у нея была рана на ногѣ, и врачъ, человѣкъ добрый и благочестивый, сказалъ ей однажды, что рана ея не закрывается отъ нездороваго жилья. Спустя нѣсколько дней, онъ опять отправился къ паціенткѣ; но ему объявили, что она переѣхала. Медикъ спросилъ, куда; и пустился искать ее. Онъ нашелъ больную въ сухой, удобной и покойной комнатѣ. Она разсказала ему, что барыня ея, узнавъ о ея болѣзни и о причинѣ невыздоровленія, перевезла ее къ себѣ въ домъ и приказала приставленной для ухода за нею служанкѣ покоить ее. Между тѣмъ вошла старушка; черты ея выражали доброту, взоръ былъ ясный, и она съ участіемъ спросила у доктора о положеніи больной. Врачъ продолжалъ видѣться со старушкою у своей паціентки и все болѣе оцѣнялъ ея добродѣтель и благочестіе.

23 Февраля. Между тѣмъ со времени перемѣщенія болѣзнь примѣтно уступала медицинскимъ средствамъ и черезъ двѣ недѣли совершенно прошла. Тогда благодѣтельная старушка, полюбившая доктора за доброту его, просила его не прекращать своихъ посѣщеній и только вмѣсто служанки пріѣзжать къ ней. Однажды врачъ заговорилъ о своемъ семействѣ и о дочери, которую выдавалъ замужъ. Старушка изъявила при семъ случаѣ желаніе, что нибудь сдѣлать для него пріятное, вышла въ другую комнату и вынесла оттуда билетъ въ 2000 р., который просила его употребить на приданое дочери. Въ другой разъ докторъ нашелъ у старушки мальчика, котораго она рѣдко отъ себя отпускала. Онъ спросилъ у нея о немъ. «Вдова моего кучера, которая недавно кончила жизнь, отвѣчала старушка, просила меня передъ смертью не покидать бѣдняжки. Жаль его; сирота онъ круглый, и я желала поговорить съ вами, куда его отдать въ ученіе. Подумайте объ этомъ и при первомъ свиданіи сообщите мнѣ ваши мысли по сему предмету».

24 Февраля. При слѣдующемъ посѣщеніи докторъ предложилъ доброй старушкѣ помѣстить мальчика въ фельдшерскую школу. Тамъ въ немъ открылись способности, и онъ началъ оказывать замѣчательные успѣхи. Не желая ограничить образованіе его слишкомъ тѣснымъ

кругомъ, онъ нашелъ полезнымъ, съ согласія покровительницы воспитанника, перевести его въ гимназію, гдѣ онъ скоро сталъ однимъ изъ первыхъ учениковъ, и въ послѣдствіи первымъ. Между тѣмъ добрая старушка, иногда деньгами, иногда билетами, передавала врачу довольно значительныя суммы съ тѣмъ, чтобы составить капиталъ ко времени окончанія воспитанникомъ курса въ Университетѣ, откуда онъ вышелъ кандидатомъ и нынѣ служитъ полезнымъ чиновникомъ въ министерствѣ. Молодой человѣкъ отличенъ начальствомъ, любимъ товарищами и уважаемъ всѣми, кто только до него имѣетъ дѣло. Старушка Лопухина, уже нѣсколько лѣтъ кончившая жизнь, принадлежитъ къ тѣмъ утѣшительнымъ явленіямъ, которыя приносятъ честь человѣчеству и, исполняя потребность сердца, горящаго святою любовью къ ближнему, посланы на землю въ отраду несчастнымъ.

25 Февраля. Кто-то замѣтилъ справедливо: чтó Оконель нѣкогда дѣлалъ въ Ирландіи, то правительство дѣлаетъ въ Россіи. Хорошо, если настоящее броженіе въ крестьянахъ не произведетъ ничего къ веснѣ. Самые поборники эмансипаціи не скрываютъ своихъ опасеній.—Пріѣхавшіе изъ Парижа сказываютъ, что положеніе тамъ очень трудное; послѣднія мѣры произвели общее неудовольствіе; къ тому же рѣшеніе Нижняго Парламента, принудившее Пальмерстона къ отставкѣ, оскорбило чувство народное во Франціи. Нѣкоторые изъ живущихъ тамъ иностранцевъ отправили въ Италію и другія земли свои семейства, опасаясь безпорядковъ. Наполеонъ боится Англіи, но государственные люди Великобританіи не заботятся о Франціи. «Мы не знаемъ Россіи, говорилъ недавно одному Русскому, посѣтившему Лондонъ, лордъ Гренвиль (бывшій на коронаціи), но знаемъ только, что соединенныя усилія четырехъ державъ, послѣ непомѣрныхъ пожертвованій людьми и деньгами, кончились взятіемъ половины Русскаго города».

26 Февраля. Сегодня сестры уѣхали въ Москву. Чѣмъ долѣе живу, тѣмъ становится труднѣе разставаться. Уже два дни камень лежалъ у меня на сердцѣ; но когда настала минута разлуки, сердце такъ сжалось, что едва могъ удержать слезы. Всѣ мы въ лѣтахъ; потомъ воспоминаніе недавней утраты невольно наводитъ на грустныя мысли. По возвращеніи съ желѣзной дороги тоже чувство возобновлялось каждый разъ, когда я входилъ въ опустѣлыя комнаты, только что покинутыя милыми ихъ обитательницами. Впрочемъ, полно предаваться подобнымъ впечатлѣніямъ. Друзей своихъ слѣдуетъ поручить милосердному Господу и возблагодарить благость Его, что благословилъ насъ пожить вмѣстѣ. Въ сердечныхъ изліяніяхъ семейнаго кружка душа

наша, очищаясь, освящается духовнымъ настроеніемъ, къ которому болѣе расположены женщины и особенно сестры.

27 Февраля. Читалъ записку, составленную Воейковымъ *) о смерти императора Павла. Сочинитель, служившій въ конной гвардіи, разсказываетъ печальное происшествіе, какъ мы его знаемъ. Первую мысль онъ приписываетъ не графу Палену, а графу Панину. Потомъ говоритъ, что любимцы Екатерины, упоенные властію, обращались съ наслѣдникомъ непочтительно и дерзко. Такъ однажды за обѣдомъ, онъ сидѣлъ между императрицею и П. А. Зубовымъ. Всѣ сообщали свои мнѣнія о какомъ то важномъ предметѣ, одинъ Павелъ хранилъ молчаніе. «А какое мнѣніе В. И. Высочества?» спросила Императрица.— «Тоже самое, чтó и князя Платона Александровича».—«Знать, я сказалъ большую глупость», подхватилъ князь Зубовъ.

28 Февраля. Замѣчателенъ разсказъ генерала Бенигсена П. С. Кайсарову; онъ составляетъ отдѣльную статью отъ повѣствованія о кончинѣ Павла. Бенигсенъ служилъ на Кавказѣ и просился въ отпускъ въ С.-Петербургъ; ему было отказано. Между тѣмъ онъ получилъ письмо отъ гр. Палена, который предлагалъ ему пріѣхать тайно, для чего прислалъ видъ и подорожную. Бенигсенъ пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣлу, которое у него производилось въ Сенатѣ, и никуда не ходилъ, исключая оберъ-секретаря и секретаря, имѣвшихъ его тяжбу въ рукахъ. Однажды онъ сидѣлъ покойно въ своей квартирѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, когда посѣтилъ его кн. П. А. Зубовъ. Посѣтитель уговорилъ хозяина ѣхать провести вечеръ съ пріятелями. Бенигсенъ сначала не соглашался, потомъ рѣшился. Они пріѣхали въ домъ, гдѣ нашли довольно многочисленное общество. Ихъ привѣтствовали Шампанскимъ, но въ собраніи было что-то таинственное: многіе шептались между собою, а другіе казались озабоченными.

2 Марта. Теперь мысли объ освобожденіи крестьянъ начинаютъ проясняться. Дѣло начато, отложить его или отмѣнить уже невозможно. Надобно стараться разрѣшить задачу, сколько зависитъ отъ заинтересованныхъ людей, удовлетворительно для обѣихъ сторонъ; но пожертвованія должны скорѣе нести помѣщики, нежели крестьяне. Поселянину, при ограниченности его средствъ, нерѣдко едва достаточныхъ для прокормленія себя и семьи, всякое лишеніе чувствительно и тяжело; а помѣщику, при нѣкоторой убыли въ доходѣ, придется только отказать себѣ въ излишествахъ и прихотяхъ, питающихъ тщеславіе и удовлетворяющихъ неправильнымъ требованіямъ новѣйшей роскоши со всѣми ея ухищреніями.

*) Извѣстнымъ издателемъ „Русскаго Инвалида", Александромъ Өедоровичемъ. П. Б.

3 Марта. Вездѣ обнаруживается сопротивленіе со стороны дворянства. Никто не хочетъ дѣлать пожертвованій, и всѣ держатся за усадьбы и поля. Въ Полтавской губерніи предводитель дворянства пользовался совершенно довѣріемъ дворянъ, нынѣ же вовсе его утратилъ; перемѣна эта произошла послѣ изданія рескриптовъ и циркуляровъ. Въ Москвѣ дворянство цѣнитъ усадьбу въ 600 р. с., и выборъ членовъ въ Московскій комитетъ самый несчастный. Одинъ изъ нихъ, извѣстный жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, былъ подъ слѣдствіемъ. Жаль, что дворянство ставитъ себя въ неблагопріятный видъ и не понимаетъ, что, дѣйствуя умѣренно и благоразумно, оно положило бы основаніе устройству быта крестьянскаго на началахъ болѣе для себя выгодныхъ. Если же оно вынудитъ правительство дѣйствовать за себя, то тогда дѣло приметъ иной оборотъ.

4 Марта. Сказываютъ, что покойный Шрёдеръ, нашъ министръ при Саксонскомъ дворѣ, заказалъ обѣдъ на четырехъ человѣкъ, предваря, что у него будетъ за столомъ гофмаршалъ Саксонскаго короля. Пришло время обѣдать, и Шрёдеръ сѣлъ одинъ за столъ. Онъ сталъ живо говорить; тогда дворецкій осмѣлился замѣтить своему господину, что за столомъ, кромѣ его, никого не было. А гдѣ же гофмаршалъ? спросилъ хозяинъ. Онъ по нездоровью не пришелъ, былъ отвѣтъ. Пошлите за нимъ. Посланный встрѣтилъ человѣка гофмаршала, которому передалъ порученіе, и узналъ отъ него, что у Саксонскаго царедворца происходитъ тоже самое: хозяинъ сидитъ одинъ за столомъ, приготовленнымъ для четырехъ и недоволенъ, что не пришелъ г. Шрёдеръ, за которымъ и послалъ. Скоро потомъ и Шрёдеръ, и гофмаршалъ умерли въ одно время. У Шрёдера въ послѣднее время замѣчали нѣкоторое мозговое разстройство. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, начинающееся словами: «Si jamais je viens à mourir» [1]) и пр.

6 Марта. Вотъ что говоритъ намѣстникъ Царства Польскаго князь Горчаковъ о князѣ Меншиковѣ: «Съ молоду мы были товарищами. Меншиковъ былъ красивъ. Я всегда любилъ заниматься и, видя меня окруженнаго книгами, онъ часто мнѣ говаривалъ: «Croyez moi que vous faites fausse route; cela n'est pas le savoir, c'est le savoir faire qui nous ouvre et facilite la carrière» [2]). Въ другой разъ мнѣ случилось читать очень серьезную книгу. Увидя ее, онъ сталъ просить дать ему хотя на одинъ день. «Сочиненіе глубокое, возразилъ я», продолжаетъ кн. Горчаковъ, «зачѣмъ оно тебѣ на одинъ день?»—«Je suis

---

[1]) Если когда нибудь я умру.

[2]) Повѣрьте мнѣ, что вы не на вѣрномъ пути; чтобы открыть себѣ положеніе и облегчить его, потребно не знаніе, а умѣнье.

demain de service, et cela sera d'un bon effet qu'on voye ce livre sur ma table» *). Онъ отличался всегда острыми словами и такимъ образомъ безъ всякихъ положительныхъ качествъ, посредствомъ своего savoir faire и остротъ, вышелъ въ люди.

7 Марта. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Севастополя, чтобы я прислалъ ему проектъ защиты этого мѣста», продолжаетъ князь Горчаковъ. «Инженернымъ дѣломъ и фортификаціею я много занимался и знаю ихъ даже тверже, чѣмъ артиллерію, которая всегда была моею частію. Онъ бралъ мой проектъ, благодарилъ за него и ничего не сдѣлалъ. На вопросъ: почему? онъ отвѣчалъ, что у него не было инструментовъ для производства земляныхъ и другихъ работъ, а между тѣмъ нужные инструменты не трудно было достать, и много, если бы они стоили 10.000 р. с.».

8 Марта. Въ Дибичѣ князь Горчаковъ не признаетъ никакихъ способностей полководца, а о Паскевичѣ отзывается, какъ о способномъ военачальникѣ. Во время Польской кампаніи армія оставалась безъ продовольствія. Онъ довелъ до того наши дѣла въ Царствѣ, что покойный Императоръ, робкій при неудачахъ и надменный въ счастіи, писалъ къ главнокомандующему объ употребленіи всевозможныхъ усилій къ заключенію мира даже при уступкахъ, какія онъ заблагоразсудитъ сдѣлать.

9 Марта. Князь А. М. Горчаковъ утверждалъ, что надобно было продолжать войну. Противъ этого сильно возсталъ намѣстникъ. «Если бы, говорилъ онъ, мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндіи, Остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, Западныхъ губерній, Кавказа, Грузіи, и ограничились бы тѣмъ, что́ нѣкогда называлась великимъ княжествомъ Московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще, потому что хотѣлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нѣтъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія. Заключеніе мира было неизбѣжно».

10 Марта. Въ порывѣ откровенности намѣстникъ сказалъ про покойнаго фельдмаршала Паскевича... Имъ было принято непремѣнное рѣшеніе покинуть Польшу и отступать во внутреннія губерніи. Доказательствомъ служатъ уже произведенная раздача путевыхъ денегъ лицамъ, составлявшимъ его штабъ, и складъ 40 тысячъ четвертей овса, еще понынѣ лежащихъ на томъ пунктѣ, куда онъ намѣревался направить свое отступательное движеніе. Фельдмаршалъ говорилъ, напр., о необходимости немедленно идти на Вѣну, а между тѣмъ въ кабинетѣ,

*) Завтра я на службѣ, и если увидятъ эту книгу у меня на столѣ, это произведетъ хорошее впечатлѣніе.

когда надлежало приступить къ чему-нибудь важному на дѣлѣ, онъ являлся робкимъ и страшился мысли завязать бой съ Европейской арміею.

11 Марта. Князь А. М. Горчаковъ получилъ небольшое письмо изъ Парижа, запечатанное черною печатью. Въ немъ непонятны слова: Страмптовъ, туммпъ, и въ родѣ такомъ нѣсколько строкъ; потомъ идутъ цифры. Записка подписана: Vitre Sybille. Сибилла означила свой адресъ: Rue St. Honoré N. Думаютъ послать письмо въ Парижъ и тамъ стараться развѣдать что-нибудь о таинственной Сибиллѣ и ея іероглифахъ.

13 Марта. Намѣстникъ Царства Польскаго говоритъ: «Къ стыду моему я долженъ признаться, что всегда полагалъ Севастополь укрѣпленнымъ. Чтó же я тамъ нашелъ? Нѣсколько парапетовъ со стороны моря и ничего съ противной стороны. Еслибъ князь Меншиковъ, имѣвшій на то время, укрѣпилъ Севастополь, какъ слѣдовало, то Севастополь существовалъ бы, и нашъ флотъ Черноморскій не былъ бы уничтоженъ. Боскѐ очень легко могъ бы занять городъ; впрочемъ, не онъ одинъ, и другіе имѣли возможность сдѣлать тоже. Севастополь стоилъ годовой борьбы, потери союзникамъ 200 т. человѣкъ и 2 или 3 миліарда. Нашихъ тоже легло 200 т. человѣкъ».

14 Марта. Мнѣ сказывали, что по дѣлу Петрашевскаго, служившаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, видно, что онъ имѣлъ по всѣмъ вѣдомствамъ и на всѣхъ пунктахъ Россіи агентовъ, которые обязаны были дѣйствовать въ духѣ соціализма. Особенное вниманіе онъ обращалъ на воспитаніе, и учители учебныхъ заведеній принимали отъ него направленіе и приносили ему сочиненія, писанныя воспитанниками согласно съ его видами. Такъ однажды сообщено было сочиненіе о Св. Александрѣ Невскомъ, гдѣ святой представленъ былъ рабомъ хановъ и употреблявшимъ часто неблаговидныя средства для достиженія своихъ цѣлей. Ревность преподавателя доставила ему въ награду перемѣщеніе въ другое заведеніе, на болѣе видное мѣсто, при значительнѣйшемъ окладѣ. Переписка была обширная, и письма передавались агентами.

15 Марта. Въ обществѣ Петрашевскаго принималъ участіе Кокоревъ, бывшій тогда Казанскимъ откупщикомъ и игравшій въ послѣднее время въ Москвѣ нѣкоторую роль. Учредитель общества его завлекъ, считая на его умъ, особенно на его богатство. Впрочемъ откупщикъ не потерпѣлъ. Въ дѣлѣ сказано, что хотя онъ человѣкъ умный, но не образованный, такъ что онъ не отвѣчалъ дѣятельностью своею видамъ и ожиданіямъ общества. Безъ сомнѣнія Кокоревъ пострадалъ бы подобно другимъ; его выручили деньги. Въ разговорѣ его видна

смѣтливость Русскаго ума, и сужденія его основательны и здравы, хотя рѣзки и отличаются тономъ отчасти диктаторскимъ. Намѣреніе устроить въ Московскомъ театрѣ митингъ и поить тамъ Шампанскимъ молодежь Университета и другихъ учебныхъ заведеній нельзя одобрить.

16 Марта. Норовъ явился съ докладомъ къ Государю. Въ портфелѣ его были представленія по случаю свѣтлаго праздника. Императоръ не утвердилъ ни одного и сказалъ министру, что очень недоволенъ духомъ университетовъ и цензурою. Министръ, видя, что лишился довѣренности Государя, просилъ увольненія. Императоръ сказалъ: «Да, нужна перемѣна. Теперь поди сюда, обними меня, обними крѣпче; мы все-таки остаемся друзьями». Между тѣмъ изъ Москвы вызвали по телеграфу попечителя тамошняго университета сенатора Ковалевскаго. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, Императоръ спросилъ у него: «Знаете ли, для чего я васъ вызвалъ?»—«Не знаю, Государь», отвѣчалъ онъ. «Я предлагаю вамъ Министерство Народнаго Просвѣщенія». — «Ваше Величество, я никогда не готовилъ себя ни къ мѣсту попечителя, ни къ должности министра просвѣщенія. Долженъ даже признаться, что назначеніе въ попечители послѣдовало вопреки моему желанію. При томъ я не имѣю связей и веду жизнь уединенную».— «Вотъ ваши связи», сказалъ Государь, протянувъ ему руку. Онъ такъ добръ, обстоятельства такъ трудны, людей такъ мало, что рѣдко придетъ кому въ голову отказомъ отвѣчать на подобное предложеніе. Вообще выборъ Кавалевскаго заслужилъ общее одобреніе: онъ человѣкъ умный, добрый, благородный и замѣчательный администраторъ.

18 Марта. Вотъ какъ послѣдовало назначеніе Княжевича. Призвавъ его, Государь просилъ принять Министерство Финансовъ. «Ваше Величество, сказалъ Княжевичъ, я устарѣлъ; не думаю, чтобъ мои силы отвѣчали такому труду, тѣмъ болѣе, что война, и другія причины привели финансы въ разстроенное положеніе». (Брокъ просилъ соизволенія Государя составить отчетъ за послѣдній годъ своего управленія; Императоръ промолчалъ). На слова Княжевича отвѣтъ: «Если вы не примите министерства, вы меня поставите въ затруднительное положеніе и огорчите». Княжевичъ получилъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ слылъ хорошимъ математикомъ и даже иногда, въ случаѣ болѣзни или отсутствія, замѣщалъ самаго профессора. Въ молодости онъ и Н. И. Тургеневъ прилагали особенное стараніе къ изученію политической экономіи и финансовъ. Въ совѣщательныхъ собраніяхъ Княжевичъ не отличается даромъ слова и твердостью въ отстаиваніи ввѣренныхъ ему интересовъ. Можетъ быть, доброта обезоруживаетъ его въ присутствіи денежныхъ просьбъ.

19 Марта. Въ Лейпцигѣ изданъ «Русскій Сборникъ», гдѣ помѣщено письмо академика Погодина къ наставнику Великихъ Князей Титову, заключающее въ себѣ мысли о воспитаніи нашихъ царей. По мнѣнію автора письма, начиная съ Петра Великаго, всѣ государи наши получали плохое воспитаніе, исключая Александра I-го. Далѣе онъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ готовить Наслѣдника престола и какъ исправлять его недостатки. Видно, что эти недостатки были ему указаны, а между тѣмъ имъ слѣдовало оставаться тайною семейства и воспитателей. Государь нашелъ дѣло противнымъ совѣсти и показалъ свое неудововольствіе Титову.

20 Марта. Прошлымъ лѣтомъ Титовъ открывался близкимъ ему людямъ, что находитъ непреодолимое затрудненіе во ввѣренномъ ему дѣлѣ, говоря, что военная часть слишкомъ отвлекаетъ вниманіе Наслѣдника отъ предметовъ, коихъ познаніе для него необходимѣе и важнѣе. Мнѣніе Титова не совсѣмъ основательно, и нельзя Наслѣднику престола оставаться чуждымъ арміи, гдѣ бы то ни было, особенно въ Россіи. Безъ сомнѣнія, Лейпцигская публикація имѣла слѣдствіемъ, что Титовъ вынужденъ былъ попытать, нельзя ли ему опять вступить на дипломатическое поприще. Ему сказали, что, послѣ его службы въ этомъ вѣдомствѣ, нѣтъ причины не опредѣлить его на могущую открыться ваканцію, министромъ къ одному изъ второстепенныхъ дворовъ Германіи. Вотъ настоящее положеніе воспитателя Великихъ Князей, а между прочимъ носится слухъ, что 17 Апрѣля имъ занимаемое мѣсто будетъ дано другому. Сперва говорили о князѣ Вяземскомъ; но теперь сомнѣваются, чтобъ онъ былъ назначенъ.

21 Марта. Затрудняются выборомъ товарища министру народнаго просвѣщенія. Государь хотѣлъ назначить князя Щербатова, Петербургскаго попечителя, но потомъ перемѣнилъ мысль и нынѣ желаетъ опредѣлить на это мѣсто Ив. Серг. Мальцова, уже 35 лѣтъ служащаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Мальцовъ, при нѣкоторомъ умѣ и хорошемъ образованіи, не рѣшителенъ, мелоченъ, формалистъ и боится всякой отвѣтственности. Сдѣланное ему предложеніе привело его въ трепетъ, и онъ рѣшительно не изъявляетъ согласія. Его особенно пугаетъ мысль, что можетъ быть самъ Государь призоветъ его, и тогда отказъ будетъ невозможенъ. Дѣло его могло рѣшиться уже или не замедлитъ.

22 Марта. Мѣсто попечителя Московскаго Университета есть также камень преткновенія. Пересматривали всевозможные списки, и кандидаты, предлагаемые Государемъ и другими, не соединяютъ нужныхъ условій. Мы, въ нашемъ тихомъ уголкѣ, когда представился случай, указали на сенатора Казначеева и на артиллериста Россета. Ну-

женъ человѣкъ умный, образованный и добрый, который при томъ уже показалъ на занимаемыхъ имъ мѣстахъ благоразумную распорядительность. Первое изъ указанныхъ лицъ отвѣчаетъ потребностямъ званія попечителя и своимъ благороднымъ характеромъ снискало себѣ общее уваженіе.

23 Марта. У заутрени на Пасху былъ въ Почтамтской церкви, гдѣ нашелъ Арк. Вас. Кочубея и опять, по прошлогоднему, изъ Москвы пріѣхавшаго сенатора Казначеева, который сказывалъ, что въ Москвѣ въ началѣ нѣсколько смутились новостью предмета эмансипаціи, но что теперь разсуждаютъ о вопросѣ съ бо́льшимъ спокойствіемъ. Конечно, интересъ каждаго увлекаетъ его далѣе, нежели слѣдуетъ; но, убѣдившись въ невозможности принять направленіе обратное и въ необходимости, напротивъ, придумать надлежащія мѣры къ исполненію видовъ правительства, Москвичи принялись за дѣло серьезно и прилагаютъ всевозможное стараніе къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса. Добрая воля при милости Божіей его уладитъ.

24 Марта. Американцы говорятъ, что время—деньги. Вѣрно и точно выражаетъ эта мысль нашъ вѣкъ, ставящій выше всего золотаго тельца. Такое униженіе, лишая человѣческую природу достоинства, истребляетъ къ ней всякіе благородные порывы и повергаетъ людей въ бездну безнравственности и зла. Не то было бы съ людьми, еслибъ они говорили, что деньги—спасеніе или гибель, разумѣя жизнь загробную.

28 Марта—30 Апрѣля. Тревожныя извѣстія изъ Москвы о болѣзни двоюродной сестры, распространившіеся слухи о новомъ назначеніи брата и другія обстоятельства препятствовали мнѣ продолжать мои письменныя отмѣтки. Вчера мнѣ посчастливилось слушать пѣніе въ Исакіевской церкви болѣе тысячи пѣвчихъ. Что́ ни говорятъ объ этомъ храмѣ, а я съ отраднымъ умиленіемъ утѣшался великолѣпіемъ зданія и согласнымъ пѣніемъ священныхъ гимновъ, которые лились въ душу. Право, казалось, что они неслись съ неба.

(*Продолженіе будетъ*).

ПОЦЦО - ДИ - БОРГО ПРО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

Письмо его изъ Парижа въ Москву къ К. Я. Булгакову.

1814.

L'enthousiasme que la prise de Paris, la chute de Napoléon et la fin de la guerre ont produit en Russie, sera toujours inférieur à la grandeur de ces évènements et au mérite de notre incomparable Alexandre. Son peuple ne sait pas tout ce qu'il a fait, et le monde ignore encore les obligations infinies qu'il lui doit.

C'est ma fortune qui m'a ramené auprès de lui, lorsque la guerre est devenue vraiment Européenne. Que l'on se transporte à cette époque, que l'on mesure les difficultés qui s'opposaient à la délivrance générale, et ensuite que l'on calcule la force d'âme qui a été nécessaire pour hasarder cette grande entreprise.

Lutzen et Bautzen ne l'ont pas découragé, ni le terrible silence de l'Autriche dans cette circonstance pénible et critique. Adossé aux montagnes de la Silésie, séparé des routes principales qui conduisent en Pologne, menacé d'une insurrection sur ce point, l'Empereur n'a pas montré un seul symptôme d'anxiété: il a rejetté la paix et a eu l'adresse de conclure un armistice honorable, les armes à la main, avec des conditions avantageuses, qui l'ont mis ensuite en état de revenir à son système presque détruit par les malheurs de la campagne et la stupeur des autres nations.

Les négociations de Prague étaient entamées par la puissance médiatrice dans l'intention de conclure une paix désastreuse; c'est la fermeté de l'Empereur, sa dextérité, son esprit de conciliation qui ont arraché l'Autriche à sa propre faiblesse et aux menaces insidieuses de Napoléon.

La coalition reconnaissait le chef qui l'avait formée et qui seul pouvait tenir ensemble tant de souverains et de peuples divers, et ce chef donne à d'autres, avec une prudence infinie, le commandement de ses armées. Il arrête la déroute de Dresde, encourage la troupe, correspond et dirige les corps détachés et les ramène tous à Leipzig, où le sort de l'Europe fut assuré.

Arrivé à Francfort, le démon de la paix (je dis le démon, parce que ce n'est qu'un mauvais génie qui pouvait l'inspirer alors) s'empare de la faiblesse des alliés. L'Empereur a du les combattre pour les décider à entrer en France, plus qu'il n'aurait fait pour les déterminer à sauver l'Allemagne. C'est depuis le passage du Rhin que toutes les intrigues se déchainèrent pour arrêter sa marche triomphante. Langres, Chaumont et Troyes seront à jamais mémorables par les victoires remportées sur l'aveuglement des uns et la jalousie des autres. Tout paraissait désespéré vers la moitié de Mars n. st., lorsque l'on vit paraître une de ces occasions que la constance ne manque jamais de rencontrer lorsqu'elle sait attendre. L'Empereur trouve dans la séparation des autres *faiseurs* le moyen d'agir librement lui-même pour la première fois. Il coupa l'ennemi, qui avait hasardé un mouvement insensé sur la connaissance qu'il prétendait avoir du caractère et de l'esprit qui présidait au commandement des armées, il marcha sur Paris sans écouter les trembleurs, qui voyaient des millions d'hommes armés aux portes de cette capitale, et Bonaparte par tout; il combatit, gagna la bataille et attira sur lui les bénédictions et l'admiraton de la France. Son entrée est moins grand comme suite de la victoire, qu'elle ne l'est par cet abandon avec lequel il livra, pour ainsi dire, sa personne à un peuple et à une populace immense, sans gardes, sans précaution et avec la même sérénité qu'il aura montreé en entrant à Pétersbourg ou à Moscou. Tout le reste, mon cher compatriote, n'est que conséquence.

Quant à moi, après la campagne de Russie la chûte de Bonaparte était démontrée à mon esprit comme un problême résolu, en supposant que l'on employa les moyens qui existaient pour le détruire dans les intérêts opposés aux siens; j'ai servi, j'ai agi dans cette conviction comme un inspiré.

Si le Ciel m'accorde encore quelque temps à vivre, je dois à l'Empereur et à la patrie, qui m'a adopté, de laisser quelque matériel pour servir de monument à une gloire unique et si noblement acquise; je serai plus d'accord avec mon coeur lorsque cette dette sera payée.

Rien ne pouvait me faire plus de plaisir que de vous savoir heureux. Votre bonne et belle compagne y contribue plus qu'aucune autre cause, et je vous en félicite. Mes connaissances à Moscou sont si peu étendues qui je n'oserais me recommander particulièrement au souvenir de personne; mais si les désoeuvrés, comme il y en a dans une capitale, prononçaient mon nom, assurez les que j'ai servi en bon et vrai Russe et en sujet fidèle et reconnaissant.

Je voudrais avoir dit tout cela à votre père; c'est n'avoir pas tout perdu que de continuer les mêmes sentiments à un fils tel que vous.

Votre ami et serviteur Pozzo-di-Borgo.

Paris, 13 (26) juillet 1814.

Переводъ. Восторгъ, произведенный въ Россіи паденіемъ Наполеона и окончаніемъ войны, никогда не можетъ соотвѣтствовать величію этихъ событій и заслугамъ нашего несравненнаго Александра. Его народу не извѣстно все, что̀ онъ совершилъ, и вселенная еще не знаетъ, какъ безконечно она ему обязана.

Судьба привела меня къ нему въ то время, когда война получила вполнѣ значеніе Европейское. Пусть вспомнятъ объ этой эпохѣ, измѣрятъ затрудненія, предстоявшія общему освобожденію, и затѣмъ сообразятъ, сколько нужно было имѣть силы душевной, чтобы отважиться на это великое дѣло.

На него не подѣйствовали Люценъ и Бауценъ, равно какъ и страшное молчаніе Австріи въ этихъ тяжкихъ и грозныхъ обстоятельствахъ. Прислоненный къ горамъ Силезіи, отрѣзанный отъ главныхъ дорогъ, которыя ведутъ въ Польшу, угрожаемый возстаніемъ въ ней, Государь ни разу не обнаружилъ и признака робости: онъ отвергъ предложеніе мира и съ оружіемъ въ рукахъ искусно устроилъ почетное перемиріе, на условіяхъ выгодныхъ, давшихъ ему потомъ возможность снова приняться за исполненіе своей мысли, остановленное военными неудачами и тупымъ бездѣйствіемъ другихъ народовъ.

Пражскія совѣщанія были устроены посредствующею державою въ видахъ заключенія погибельнаго мира. Благодаря твердости Государя, его ловкости и умѣнію примирять, Австрія препобѣдила собственную слабость, и возмутительныя угрозы Наполеона оказались безсильны.

Союзники признали главою виновника союза, который одинъ могъ держать въ единеніи столько государей и народовъ, и этотъ вождь, съ безпри-

мѣрнымъ благоразуміемъ, передаетъ начальство надъ войсками другимъ. Онъ спасаетъ Дрезденъ отъ гибели, одушевляетъ войска, ведетъ сношенія, руководитъ направленіемъ отдѣльныхъ воинскихъ силъ и стягиваетъ ихъ всѣ къ Лейпцигу, гдѣ обезпечилась судьба Европы.

Во Франкфуртѣ демонъ мира (говорю демонъ, потому что дѣйствовать тутъ могъ только злой духъ) овладѣваетъ слабодушіемъ союзниковъ. Склонить ихъ ко вступленію во Францію было для Государя труднѣе, нежели побудить къ освобожденію Германіи. Послѣ перехода черезъ Рейнъ пущены въ ходъ всевозможныя каверзы съ цѣлью задержать торжественное его шествіе. Лангръ, Шомонъ и Труа останутся навсегда памятны побѣдами, одержанными надъ ослѣпленіемъ однихъ и завистью другихъ. Въ половинѣ Марта новаго стиля положеніе дѣлъ было отчаянное, какъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые всегда выручаютъ владѣющаго способностью выжиданія. Въ разъединеніи остальныхъ дѣятелей Государь въ первый разъ находитъ возможность свободно дѣйствовать самому. Непріятель, положившись на то, что ему извѣстно было о настроеніи, которое господствовало въ командованіи войсками, отважился на безумное движеніе. Императоръ поразилъ его и пошелъ на Парижъ, не внемля трусамъ, которые воображали, что у воротъ этой столицы милліоны войска и самъ Бонапартъ. Государь сразился, одолѣлъ и снискалъ себѣ благословеніе и удивленіе Франціи. Еще важнѣе побѣды было то, что, вступивъ во Францію, онъ, такъ сказать, предоставилъ себя народу и многочисленному населенію столицы, безъ гвардіи, безъ предосторожностей, такъ же спокойно, какъ будто онъ въѣзжалъ въ Петербургъ или Москву. Все остальное, мой любезный соотечественникъ, проистекло отсюда.

Чтó до меня, паденіе Наполеона, послѣ похода въ Россію, казалось мнѣ дѣломъ рѣшеннымъ, разумѣется при употребленіи наличныхъ средствъ къ его истребленію и въ видахъ, ему противоположныхъ. Съ этимъ убѣжденіемъ служилъ я и дѣйствовалъ какъ вдохновенный.

Если Небо дозволитъ мнѣ еще пожить, то я обязанъ, ради Государя и усвоившаго меня отечества, оставить по себѣ что-либо въ память славы безпримѣрной и столь благородно-пріобрѣтенной. Сердце мое станетъ спокойнѣе биться, когда я расплачусь съ этимъ долгомъ.

Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ знать, что вы счастливы. Тому наиболѣе способствуетъ добрая и прекрасная ваша подруга, и я поздравляю васъ съ этимъ. Въ Москвѣ у меня такъ мало знакомыхъ, что не рѣшаюсь напоминать о себѣ кому бы ни было; но если бы кто изъ людей праздныхъ, какіе бываютъ въ столицѣ, назвалъ мое имя, увѣрьте его, что я служилъ какъ настоящій Русскій человѣкъ, какъ вѣрный и признательный подданный.

Какъ бы хотѣлось мнѣ сказать это самое вашему батюшкѣ *). Но я не совсѣмъ лишенъ этого удовольствія, оставаясь въ такихъ же чувствахъ къ такому сыну, каковъ вы.

Вашъ другъ и слуга Поццо-ди-Борго.

Парижъ, 26 Іюля 1814.

*

Знаменитый своею враждою къ Наполеону, Корсиканецъ Поццо-ди-Борго (1764—1842), во второй половинѣ своего поприща бывшій нашимъ посломъ въ Парижѣ и Лондонѣ, узналъ Константина Яковлевича Булгакова (1782 — 1835) съ раннихъ лѣтъ его службы, еще въ Вѣнѣ, гдѣ Булгаковъ находился при князѣ А. Б. Куракинѣ, и потомъ въ Константинополѣ и на эскадрѣ адмирала Сенявина, во время второй войны нашей съ Наполеономъ. Поступивъ на Русскую службу, Поццо-ди-Борго имѣлъ тайныя дипломатическія порученія отъ императора Александра Павловича, а Булгаковъ былъ у него въ должности секретаря. Въ 1814 году Булгаковъ ѣздилъ изъ Парижа въ Москву жениться на дочери бывшаго Валашскаго вестіара, Марьѣ Константиновнѣ Варламъ. Замѣчательное письмо къ нему бывшаго его начальника впослѣдствіи было подарено Булгаковымъ князю П. А. Вяземскому, изъ бумагъ котораго оно сообщено въ „Русскій Архивъ“ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Письмо, конечно, писано не безъ умысла и въ увѣренности, что оно будетъ многими читано въ Москвѣ, печальной и обгорѣлой въ то время, когда Парижъ ликовалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Булгаковъ показалъ это письмо старшему брату своему Александру Яковлевичу, который былъ домашнимъ человѣкомъ у Московскаго главнокомандующаго графа Растопчина. П. Б.

---

*) Якову Ивановичу, который умеръ въ Москвѣ въ 1809 году. Поццо-ди-Борго, какъ можно заключить изъ этихъ выраженій, зналъ его лично. П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Изъ Москвы въ Варшаву [1]).

(17 Апрѣля 1818).

Я виноватъ передъ тобою: не писалъ къ тебѣ и не знаю, какъ вылѣчить себя отъ бѣдственной, чахоточной лѣни. Во мнѣ два человѣка—одинъ любитъ, другой гніетъ, и послѣдніи часто сидитъ верхомъ на первомъ, такъ часто, что первый уже совсѣмъ провонялъ отъ него. Я иногда прихожу отъ себя въ отчаяніе и готовъ послать за попомъ, чтобы велѣть себя отпѣвать. Моральный ракъ ѣстъ мою душу; по крайней мѣрѣ, въ эту минуту сидитъ онъ въ ней глубоко и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее. Въ такую минуту не стану защищать передъ тобою мою *Тлѣнность* [2]). Я увѣренъ, что ты ошибаешься, но вступаться не стану, потому что я ни за что̀ не расположенъ вступаться, и все мнѣ гадко. Доказательствомъ этой гадости пусть будутъ мои стихи, которые я тотчасъ и написалъ по прочтеніи твоихъ, прекрасныхъ.

Ты въ утѣшители зовешь воспоминанье,
Глядишь безъ прелести на свѣтъ,
И раззнакомилось съ душой твоей желанье,
И вѣры къ будущему нѣтъ.
О, другъ! Въ твоемъ мое мнѣ сердце отозвалось:
Я постигаю твой удѣлъ.
И мнѣ вожатымъ быть желанье отказалось,
И мой свѣтильникъ поблѣднѣлъ!
Смѣнилъ блестящія мечтательнаго краски
Однообразный жизни свѣтъ,

---

[1]) Въ Варшаву, незадолго передъ тѣмъ, переселился князь Вяземскій съ семействомъ, опредѣлившись служить при Н. Н. Новосильцовѣ. Жуковскій же, лекторъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и преподаватель Русскаго языка Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (для которой издалъ онъ свои шесть книжекъ „Для Немногихъ“), жилъ тогда въ Московскомъ Кремлѣ, въ одной изъ келій Чудова монастыря. П. Б.

[2]) Извѣстное стихотвореніе Жуковскаго. П. Б.

Изъ-подъ обманчиво-смѣявшіяся маски
Угрюмый выглянулъ скелетъ.
И тщетно мы хотимъ призвать воспоминанье:
Мечты не дозовемся мы!
Безъ утоленія пробудимъ лишь желанье,
На небо взглянемъ изъ тюрьмы.

Чтѝ сказать тебѣ о Москвѣ? Она теперь еще кишитъ грязью; но по этой грязи я иногда доѣзжаю [1]) до милыхъ Пушкиныхъ, которымъ я читалъ твои письма и которыя помнятъ тебя памятью сердца. Для Софьи переписываю твое Посланіе къ халату [2]), вырванное мною изъ когтей нашей Бесѣды. Къ нему будутъ приложены слѣдующіе нѣжные стишки:

Онъ правъ! Не знавши васъ, для васъ я и объ васъ
Писалъ въ пророческомъ, веселомъ вдохновеньи;
Чтѝ Муза мнѣ тайкомъ шептала въ сновидѣньи,
То вслухъ пересказалъ его пріятный гласъ.
Но, шагъ ему отдавъ въ умѣ и въ дарованьи,
Счастливѣйшимъ себя я смѣло назову:
Онъ видитъ васъ теперь въ одномъ воспоминаньи,
А я васъ вижу наяву.

На слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ IV-ю книжку «Для Немногихъ». Тамъ найдешь кое-что въ родѣ *Тлѣнности* и опять что-нибудь совретъ, и кое-что въ родѣ *Звѣзды.* Ты бранишь Тлѣнность, а Батюшковъ хвалитъ; ты хвалишь Звѣзду, а Батюшковъ бранитъ; слѣдственно и то и другое хорошо. Я получилъ [3]) отъ Александра Пушкина посланіе. Вотъ оно:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрылёнъ,
Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
Томясь волшебнымъ упоеньемъ;

---

[1]) Изъ Чудова монастыря на Разгуляй, въ домъ нынѣшней Второй Гимназіи, принадлежавшій тогда вдовѣ славнаго археолога, графинѣ Е. А. Мусиной-Пушкиной, дочерей которой князь Вяземскій называлъ Разгуляевскими графинями. Упоминаемая здѣсь Софья—впослѣдствіи княгиня Шаховская. П. Б.

[2]) См. въ Полномъ Собраніи Сочиненій князя П. А. Вяземскаго, III, 150 „Прощаніе съ халатомъ". Оно написано передъ отъѣздомъ изъ Москвы на службу въ Варшаву. П. Б.

[3]) Изъ Петербурга. Пушкинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышедшій изъ Царскосельскаго Лицея, въ это время только-что оправился отъ тяжкой болѣзни („Я ускользнулъ отъ Эскулапа"). П. Б.

Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ—
Ты правъ: творишь ты *Для Немногихъ!*
Не для подкупленныхъ судей
Ревнивой милостью твоей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.

*

Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ!
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ завидный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ сладостнымъ и яснымъ!..

*

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ! [1])
Онъ духомъ тамъ—въ дыму столѣтій! [2])
Предъ нимъ волнуются толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой!
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье

---

[1]) Первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" передъ тѣмъ незадолго вышли въ свѣтъ, и вѣроятно Карамзинъ подарилъ ихъ молодому Пушкину. П. Б.

[2]) Князь Вяземскій восхищался этимъ стихомъ. П. Б.

За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной...
И въ немъ трепещетъ вдохновенье! [1])

Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣніе! Посылаю тебѣ письмо отъ Мещевскаго [2]). Онъ прислалъ мнѣ Марьину Рощу въ стихахъ, и я ее продалъ за триста рублей; присылай и ты ему что-нибудь. Толстой [3]) обѣщалъ также помогать ему. Онъ тебѣ кланяется и велитъ тебѣ сказать, что онъ *немногихъ такъ уважаетъ, какъ тебя*; въ этомъ и я ему товарищъ. Дружинину [4]) я велѣлъ подписаться на «Вѣстникъ» [5]); а о мундирѣ, если не забуду, скажу.

Прости. Цѣлую руки у Вѣры съ Любовію [6]). Обними Громобоя [7]).

17 Апрѣля. Середа. 11 часовъ.

Сейчасъ родился у насъ Великій Князь Александръ [8]), и я тебя обнимаю.

(*Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ*).

---

[1]) Сличи Сочиненія А. С. Пушкина, изд. П. О. Морозова, I, 193 и 194.

[2]) Мещевскій былъ сосланный въ Сибирь стихотворецъ („Русскій Архивъ" 1868, стр. 938).

[3]) Графъ Ѳедоръ Ивановичъ, Американецъ. П. Б.

[4]) Директору единственной тогда въ Москвѣ (нынѣ Первой) Гимназіи. П. Б.

[5]) Т. е. на „Вѣстникъ Европы", изд. М. Т. Каченовскимъ. П. Б.

[6]) Княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская и сестра ея Любовь Ѳедоровна (впослѣдствіи Полуехтова), ур. княжны Гагарины. П. Б.

[7]) С. П. Жихарева. П. Б.

[8]) Любопытно, что въ одно время съ появленіемъ на свѣтъ Александра Николаевича нарождалась и слава Пушкина: именно въ этотъ 1818-й годъ и Жуковскій, и Батюшковъ, и князь Вяземскій привѣтствовали удивившее ихъ и всю Россію дарованіе его. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЯССАХЪ.

На восточной окраинѣ Яссъ, среди угрюмыхъ полуразрушенныхъ башень и остатковъ большихъ стѣнъ, стоитъ небольшая изящной Византійской архитектуры церковь, принадлежавшая нѣкогда къ большому и славному монастырю «Голіи». Названіе это монастырь получилъ по имени основателя своего великаго логофета [1]) пана Іоанна Голіи, жившаго во второй половинѣ XVI вѣка. Въ монастырской ризницѣ хранится большое напрестольное Евангеліе, на пергаменѣ красиваго Молдавскаго письма съ заставками и другими украшеніями и поновленное по повелѣнію основателя монастыря для «церкви Божьей въ Ясскомъ торгѣ (т. е. городѣ) на страну, идѣже есть храмъ Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа», въ 1575 году [2]).

Не перечисляя нѣсколькихъ весьма замѣчательныхъ старинныхъ предметовъ и Славянскихъ надписей, сохранившихся въ этомъ монастырѣ, слѣдуетъ указать на одинъ памятникъ, правда неособенно древній, но имѣющій отношеніе къ князю Потемкину.

Монастырь Голія считаетъ князя Потемкина однимъ изъ щедрыхъ своихъ благотворителей, и имя его вписано въ синодикъ монастырскій для вѣчнаго въ церкви поминовенія [3]).

Какъ извѣстно, князь Потемкинъ послѣдніе дни своей жизни провелъ въ Яссахъ. Чувствуя приближеніе смерти и желая умереть въ своемъ любимомъ городѣ Николаевѣ, онъ покинулъ Молдавію; но доѣхать до Русской границы ему не пришлось, и 3-го Октября 1791 года, въ 25-ти верстахъ отъ Яссъ, близъ селенія Нилештъ (нынѣ Бессарабской губерніи) онъ умеръ [4]). По повелѣнію Императрицы Екате-

---

[1]) Логофетъ—придворный чинъ въ Молдавіи, учрежденный (по свидѣтельству хрониста Григорія Урѣке) въ началѣ XV вѣка господаремъ Молдавскимъ Александромъ I Добрымъ (1401—1432 гг). Должность логофета (Греч. λογοθέτος, Рум. logofĕtŭ) можно отождествить съ должностью государственнаго канцлера, министра юстиціи (M. Cogalniceanu. Cronicele Romănieĭ. Bucuresci. 1872, tom. I, p. 138).

[2]) Описаніе монастыря Голіи въ слѣдующихъ трудахъ: Melchisedec, episc. Romanului. Notite istorice si archeologice, adunate de pe la 48 monastiri si biserici antice din Moldova. Bucuresti, 1885 an., pp. 229—243; Bilciurescu Constantin. Monastirile si bisericile din România. Bucuresti. 1890 an. p. 113; въ Путешествіи по свв. мѣстамъ свящ. Лукьянова въ началѣ XVIII вѣка. „Русскій Архивъ", г. I-й, 1863-й. изд. 2 е, стр. 161-я; Парѳеній-инокъ Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ, ч. III, М. 1856 г., стр. 148-я; Павелъ, архидіаконъ Алеппскій въ своемъ „Путешествіи" чрезъ Молдавію и Валахію въ половинѣ XVII вѣка, въ Румынскомъ переводѣ B. P-Hăjdeŭ. Archiva istorica a Romănieĭ, tom. I, partea 2, p. 65 si alte.

[3]) Въ Помянникѣ монастыря, переписанномъ (какъ гласитъ заглавіе его) въ 1808 г. читаются имена Русскихъ царей, съ Петра Великаго до Александра I (листы 14—16-й)

[4]) М. И. Городецкій въ изданіи П. Н. Батюшкова. „Бессарабія", историческое описаніе. Спб. 1892 г., Приложенія, стр. 31-я. Неизвѣстно, на чемъ основана невѣрная дата.

рины князь Потемкинъ былъ погребенъ въ Херсонѣ, при чемъ тѣло его было набальзамировано въ Яссахъ. Все чтó не было положено съ нимъ въ гробъ, было похоронено у алтарной стѣны монастыря Голіи.

Извѣстный Русскій просвѣщенный паломникъ Порфирій Успенскій, посѣтившій Яссы и монастырь Голію въ 1846-мъ году, описывая монастырь, говоритъ: «Тутъ похоронены внутренности свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, о чемъ гласитъ надпись на Русскомъ языкѣ» [5]). При посѣщеніи монастыря Голіи въ нынѣшнемъ году эта надпись списана нами. Въ алтарѣ, на лѣво отъ престола, подъ сѣвернымъ окномъ виситъ большая рама съ натянутымъ на нее полотномъ, на которомъ желтой краской написана слѣдующая эпитафія:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, Россійскій генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій арміями Россійскими, дѣйствующими на Югѣ, всею легкою конницею, регулярною и нерегулярною, флотами: на Черномъ, Азовскомъ, Каспійскомъ и Средиземомъ моряхъ, сенаторъ, государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный каммергеръ, войскъ генералъ-инспекторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса кавалергардовъ полку кирасирскаго своего имени Санктпетербургскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шефъ, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальникъ и орденовъ Россійскихъ: святаго апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, военнаго св. великомученика и побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владиміра первыхъ степеней, королевскихъ Польскихъ Бѣлаго Орла св. Станислава, Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимовъ и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ, священныя Римскія Имперіи князь, Россійскій графъ, великій гетманъ императорскихъ казацкихъ, Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ, усерднѣйшій Государю, вѣрный сынъ отечества, присоединитель къ Россійской Имперіи Крыма, Тамани и Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ, побѣдитель силъ Турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Суджукъ-кале, Суніи, Тульчи, Исакчи, Березанскаго острова, Гаджибея и Паланки, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Имперіи Оттоманской побѣдами на моряхъ, прославившій ору-

---

3-е Апрѣля. Извѣстна большая гравюра прекрасной работы Гавріила Скородумова, рис. Михаила Иванова: „Смерть Потемкина въ Бессарабскихъ степяхъ", со стихами въ 12-ть строкъ и надписями на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Воспроизведена въ трудѣ Д. А. Ровинскаго. Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. III, Спб. 1888 г., ст. 1817—1818 внизу; описаніе гравюры на 1819-мъ столбцѣ. Кромѣ этой гравюры извѣстно еще нѣсколько другихъ, изображающихъ то же событіе (тамъ-же, ст. 1820-й).

[5]) Порфирій Успенскій. Книга Бытія Моего, ч. III, Спб. 1896 г., стр. 31-я; здѣсь же описанъ вкратцѣ и монастырь и передана Греческая надпись въ стихахъ надъ фонтаномъ у монастырскихъ воротъ (стр. 32-я).

жіе Россійское въ Европѣ и Азіи и положившій основаніе къ преславному миру съ Портою Оттоманскою, основатель и соорудитель многихъ градовъ, покровитель наукъ, художествъ и торговли, мужъ украшенный всѣми общественными добродѣтелями и благочестіемъ, окончилъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 37-ми верстахъ отъ столичнаго града Яссъ, въ 5-й день Октября 1791 года, на 52-мъ году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не токмо облагодѣтельствованныхъ имъ, но и едва вѣдающихъ его»[6]).

Какъ извѣстно, мраморный памятникъ, поставленный на могилѣ Потемкина въ Херсонѣ, по секретному приказанію изъ Петербурга, уничтоженъ въ 1798 году[7]). Надгробная надпись въ монастырѣ Голіи по всей вѣроятности сдѣлана вскорѣ послѣ смерти Потемкина; по крайней мѣрѣ, начертаніе буквъ этой надписи слѣдуетъ отнести къ концу XVIII вѣка.

На томъ мѣстѣ, гдѣ князь Потемкинъ умеръ, поставленъ обелискъ[8]). Н. И. Надеждинъ, посѣтившій многія историческія мѣстности Бессарабіи, такъ описываетъ этотъ памятникъ. «Обелискъ, сложенный изъ дикаго камня, запечатлѣнъ строгою, благородною простотою. Подлѣ него домикъ для сторожа памятника. Сѣдой какъ лунь инвалидъ, встрѣтившій насъ у подножія обелиска, служилъ еще при Потемкинѣ»[9])... По однимъ извѣстіямъ, этотъ памятникъ построенъ племянницей Потемкина графиней Александрой Васильевной Браницкой[10]).

Здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи монастыря, принявшаго подъ алтаремъ своего храма останки человѣка, котораго Новороссія считаетъ своимъ создателемъ[11]).

Настоящая церковь монастыря Голіи построена въ 1660 году, на мѣстѣ прежней, по преданію, деревянной небольшой церкви самой простой архитектуры. Надъ входомъ въ самый храмъ изъ большого притвора, въ стѣну вдѣлана мраморная доска съ изображеніемъ герба Молдавіи—бычачьей головы со звѣздой между рогами. По обѣ стороны герба Славянская надпись въ двѣ колонны, которая въ Русской транскрипціи прочтется такъ: «Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, се азъ рабъ Господу Богу нашему Іисусу

---

[6]) Правописаніе подлинника нѣсколько поновлено, при чемъ исправлены слѣдующія ошибки въ самомъ оригиналѣ: свѣдиземномъ, харкковскій, полнолковникъ, греподерскаго, верьховный, южиыхъ и др.

[7]) „Бессарабія“ Н. Н. Батюшкова. Приложенія, стр. 31-я.

[8]) А. Защукъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Бессарабская область Спб. 1862 г., ч. II, стр. 245-я; ч. I, стр. 10-я.

[9]) „Прогулка по Бессарабіи“, въ Одесскомъ Альманахѣ на 1840-й годъ. Одесса, 1839 г., стр. 422-я. Тамъ же—гравированное изображеніе этого обелиска, на отдѣльномъ листѣ, при стр. 420-й; другое изображеніе въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1891-й годъ, Сентябрь.

[10]) А. Накко. Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Ч. II, Одесса. 1876 г., стр. 409 я.

[11]) Г. А. Аѳанасьевъ. „О значеніи дѣятельности Потемкина“ въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1892-й годъ. Одесса. 1891 г., отдѣлъ IV, стр 116—125 я.

Христу, Іоаннъ Василій воевода и создалъ сей святой монастырь, идѣ же есть храмъ Вознесенія. И совершилъ его съ помощью Божьею Іоаннъ Стефанъ воевода сынъ Василія воеводы, совершилъ его въ лѣто 7168-е (т. е. 1660-е), Мая 24-го».

Такимъ образомъ, храмъ, начатый построеніемъ при Молдавскомъ господарѣ Василіи Лупулѣ (1634—1654 гг.), былъ законченъ сыномъ его Стефаномъ Лупуломъ, получившимъ престолъ Молдавіи чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти отца и княжившимъ отъ 1659-го по 1662-й годъ.

Всѣ стѣны храма покрыты живописью. На стѣнѣ, отдѣляющей самый храмъ отъ притвора, изображены во весь ростъ ктиторы монастыря: по лѣвую сторону дверей—господарь Молдавскій Іеремія Могила (1596—1600 и 1601—1607 гг.), великій логофетъ Голія со своей женой и однимъ изъ сыновей своихъ; по правую—господарь Василій Лупулъ, его «госпожа», господарь Стефанъ Лупулъ и «госпожа» Руксанда, жена Тимоѳея Хмельницкаго, сына извѣстнаго Богдана.

Въ Молдавской лѣтописи Іоанна Некульчи (Ion Neculce) находимъ извѣстіе, что въ 1731-мъ году 31-го Мая, въ правленіе господаря Григорія Гики (1727—1733, 1735—1741 и 1747—1748 гг.), случилось страшное землетрясеніе, которое разрушило много домовъ и церквей въ г. Яссахъ и среди нихъ—монастырь Голію [12]). Во всякомъ случаѣ, настоящая церковь монастыря находится въ такомъ же видѣ, какъ она была построена господаремъ Стефаномъ Лупуломъ въ 1660-мъ году. Въ высокой башнѣ, въ которой сдѣланы и главныя монастырскія ворота, помѣщались водоемные баки, снабжавшіе хранившейся въ нихъ водой весь городъ. Этотъ водопроводъ устроенъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ правленіе господаря Александра Мурузи (1803—1805 гг.); теперь стѣны башни дали нѣсколько трещинъ и грозятъ разрушиться совсѣмъ.

А. И. Яцимирскій.

---

[12]) M. Cogalniceanu. Cronicele Romăniei. Bucur., tom. II, p. 443. Ср. Melchisedec episc. Notitе istorice si archeologice., p. 243.

ЗАПИСКИ КАВКАЗЦА.

Посвящается дочери моей Евгеніи Ивановнѣ.

ГЛАВА I.

Штабъ-лѣкарь Дроздовъ.—Начальникъ Георгіевскаго арсенала Водопьяновъ.—Рожденіе графа Н. И. Евдокимова.—Князь Голицынъ.—Балъ у него въ Пятигорскѣ.—Смерть Лермонтова.—Отзывъ о Лермонтовѣ Пятигорскаго священника.—Тревога въ Пятигорскѣ въ 1846 г.—Дуэль князя Горчакова и барона Фитингофа.

Отецъ мой, штабъ-лѣкарь Иванъ Ефремовичъ Дроздовъ, въ свое время популярный на Кавказѣ и какъ врачъ, и какъ добрый человѣкъ, оказывавшій пособіе страждущимъ не только знаніями медицинскими, но частенько и кошелькомъ своимъ, поселился въ Пятигорскѣ въ 1835-мъ году, гдѣ, выражаясь его собственными словами, онъ и засѣлъ, какъ Илья Муромецъ на дубъ, съ котораго не слѣзалъ до кончины своей въ 1868-мъ году, не взирая на весьма выгодныя предложенія начальства.

Женился онъ въ Тифлисѣ въ 1826-мъ году на дочери начальника Тифлисскаго арсенала, Марѳѣ Николаевнѣ Водопьяновой. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, пользовался благоволеніемъ Алексѣя Петровича Ермолова, который нерѣдко захаживалъ къ нему въ гости. Матушка часто вспоминаетъ о немъ. Въ Тифлисъ Николай Матвѣевичъ переведенъ Ермоловымъ изъ областного города Георгіевска, гдѣ онъ тоже завѣдывалъ арсеналомъ.

Нельзя обойти молчаніемъ обстоятельства, имѣющаго немаловажное значеніе въ жизни графа Николая Ивановича Евдокимова. Въ бытность дѣда моего въ Георгіевскѣ, въ канцеляріи арсенала, въ числѣ писарей, находился унтеръ-офицеръ Иванъ Евдокимовъ, любимый дѣдомъ моимъ за трудолюбіе и хорошій почеркъ. Жена Евдокимова была отличная прачка, что̀ въ тѣ времена считалось большою рѣдкостью, а потому бабушка весьма благоволила къ ней. Однажды Иванъ Евдокимовъ заявилъ дѣду моему, что Богъ посѣтилъ его радостью, даровавъ ему сына, котораго и нарекли въ честь его высокоблагородія Николаемъ; а посему онъ просилъ его быть воспріемнымъ отцомъ

новорожденному Николаю. Дѣдушка, не любившій церемоніаловъ, отказался и направилъ Евдокимова къ бабушкѣ, которая и исполнила просьбу его весьма охотно, воспринявъ при крещеніи будущаго графа.

Незадолго до переѣзда моего дѣда въ Тифлисъ онъ представилъ Ивана Евдокимова въ чинъ унтеръ-цейгвахтера и назначилъ его завѣдующимъ артиллерійскимъ складомъ въ Темнолѣсскій штернъ-шанцъ, въ 35 верстахъ отъ Ставрополя, куда изъ Георгіевска, извѣстнаго и тогда и нынѣ лишь изумительною грязью и кладбищемъ титулярныхъ совѣтниковъ, былъ переведенъ штабъ командующаго войсками Кавказской линіи.

Подъ руководствомъ отца моего, Николай Ивановичъ выучился читать и писать по-русски и 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ писцомъ въ штабъ командующаго войсками. Карьеры никакой, а между тѣмъ въ то время въ Дагестанѣ война съ горцами была уже не шуточная, и молодымъ людямъ, жаждавшимъ военныхъ отличій, открылось видное поприще. Николай Ивановичъ рвался туда, гдѣ онъ былъ бы на мѣстѣ и къ чему онъ чувствовалъ призваніе.

Съ помощью дѣда моего, Евдокимовъ переведенъ былъ въ пѣхотный Дагестанскій полкъ, въ рядахъ котораго скоро заслужилъ чинъ прапорщика. Красивый, стройный прапорщикъ Евдокимовъ кое-какъ добрался до Тифлиса и явился къ моей бабушкѣ. Бабушка, искренно радуясь успѣху по службѣ крестника ея Николаши, не пожалѣла денегъ на обмундированіе юнаго офицера и на снаряженіе его, т. е. купила и подарила ему пару лошадокъ, вьючные сундуки, погребецъ и, снабдивъ его деньжонками, благословила въ путь-дорогу.

Я разсказываю объ этомъ случаѣ по преданіямъ, имѣя въ виду будущую мою встрѣчу съ его сіятельствомъ въ Майкопскомъ отрядѣ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Родился я въ 1837-мъ году въ городѣ Пятигорскѣ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ полковникъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, а крестною матерью извѣстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова. О графинѣ Орловой ничего не могу сказать, ибо не зналъ ея; что же касается князя Голицына, участіе котораго ко мнѣ впослѣдствіи имѣло вліяніе на всю мою будущность, то о немъ я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Младшій сынъ полнаго генерала князя Голицына, князь Владиміръ Сергѣевичъ отъ природы былъ съ избыткомъ надѣленъ всѣми дарами

ся. Вигель въ Запискахъ своихъ называетъ его Аполлономъ Бельведерскимъ, но кромѣ этого онъ обладалъ острымъ умомъ, основательнымъ образованіемъ, храбростью Баярда и великодушіемъ и щедростью Русскаго вельможи.

При взятіи Парижа, будучи флигель-адъютантомъ императора Александра I, онъ раненъ былъ пулею въ щиколку правой ноги, и рана эта никогда не закрывалась. На Кавказѣ въ 1838 году, командуя кавалеріей въ отрядѣ генералъ-адъютанта Граббе, въ экспедиціи предшествовавшей наступленію къ Ахульго, онъ былъ раненъ пулею же въ плечо. Рана была тяжелая, и князю пришлось выѣхать изъ отряда, чтобы вынуть глубоко засѣвшую пулю и лѣчиться, для чего онъ и пригласилъ въ Пятигорскъ отца моего. Отецъ, вырѣзавшій пулю у князя изъ плеча, разсказывалъ, что во время операціи князь преспокойно читалъ Французскій романъ и курилъ сигару, не издавъ ни одного стона; и только когда перевязывалось пораненное мѣсто, онъ спросилъ отца, скоро ли кончится?

Каждое лѣто князь Голицынъ пріѣзжалъ съ семействомъ своимъ въ Пятигорскъ, и вокругъ него собиралось лучшее общество пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ Кавказской арміи, въ рядахъ которой въ тѣ времена служили нѣкоторые изъ представителей Русскихъ знатныхъ семей. Въ 1841 году къ обществу князя примкнулъ и Лермонтовъ; и лучшимъ доказательствомъ того, что князь Голицынъ относился съ вниманіемъ и уваженіемъ къ великому нашему поэту служитъ то, что въ день смерти его, 15-го Іюля, онъ не праздновалъ имянинъ своихъ. Благодаря его настоянію, Лермонтовъ погребенъ былъ по обряду христіанскому.

Балъ по случаю имянинъ князя назначенъ былъ въ казенномъ саду, и для праздника этого были уже сдѣланы большія издержки. За отсутствіемъ супруги князя, хозяйкой бала согласилась быть графиня Орлова-Денисова. По разсказамъ матушки, балъ состоялся на другой день; но какъ хозяева бала, такъ и гости, были въ очень грустномъ состояніи духа, за исключеніемъ молодежи, всегда эгоистично относящейся къ личнымъ удовольствіямъ; да, наконецъ, въ то время не всѣ знали, или правильнѣе сказать, сознавали, какую тяжкую утрату понесла Россія въ преждевременной и насильственной кончинѣ великаго поэта.

Въ Іюлѣ прошлаго 1895-го года, въ Пятигорскѣ я видѣлъ памятникъ Лермонтову, поставленный на базарѣ, у подножія Католической церкви. Грустенъ и задумчивъ великій поэтъ, и взоръ бронзоваго

Лермонтова, такъ же, какъ и живого, обращенъ къ дѣвственно-бѣлымъ прекраснымъ великанамъ Кавказа.

Осмотрѣвъ памятникъ, я пошелъ въ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, былъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя освящены присутствіемъ въ нихъ творческой души поэта. Храмъ безъ божества все же храмъ. Отсюда недалеко до кладбища, и я отправился взглянуть на временную могилу Лермонтова. Но на кладбищѣ старику-сторожу неизвѣстно, гдѣ она была. «Вотъ, кажется, тамъ, гдѣ около стѣны много бурьяну и колючки», сказалъ мнѣ маститый стражъ. Дощечка напримѣръ съ надписью: «Здѣсь жилъ Лермонтовъ», прибита не снаружи домика, а во дворѣ, и могила его неизвѣстна. По какимъ же признакамъ можно найти домикъ и могилу?

Кстати о кладбищѣ. На этомъ кладбищѣ есть чрезвычайно загадочная могила; на надгробномъ памятникѣ, состоящемъ изъ небольшаго павильона съ двумя колонками на фасадѣ, на камнѣ крупными буквами высѣчено «*Анна*». Матушка разсказывала мнѣ, что подъ памятникомъ этимъ погребена пріѣзжая молодая красавица, княгиня Максютова, которую она видѣла и смерть которой послѣдовала неожиданно. По всѣмъ признакамъ богатая женщина, она пріѣхала изъ Россіи въ сопровожденіи лишь прислуги. Кратковременная жизнь ея въ Пятигорскѣ и загадочная кончина, а затѣмъ ежегодныя посѣщенія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ какого-то господина, пріѣзжавшаго въ день ея смерти прямо на кладбище (откуда онъ, послѣ ночи, проведенной на могилѣ «Анны», съ разсвѣтомъ уѣзжалъ на почтовыхъ въ богатомъ экипажѣ) могли бы послужить темою для романа невымышленнаго.

Обращаюсь къ Лермонтову. Въ день посѣщенія кладбища я встрѣтился съ однимъ старикомъ-старожиломъ, священникомъ и, разговорившись съ нимъ, спросилъ, не знаетъ ли онъ, почему священникъ Павелъ Александровскій согласился предать землѣ тѣло Лермонтова по обряду христіанскому, лишь послѣ долгихъ колебаній.

Вотъ подлинныя его слова: «Лермонтовъ былъ злой, дрянной человѣкъ и погибъ смертью, причисленной законами къ самоубійству. Отецъ Павелъ согласенъ былъ похоронить Лермонтова съ честью; но я возражалъ противъ этого, и ежели-бъ не давленіе князя Голицына, то онъ былъ бы зарытъ въ яму черезъ палача, какъ и заслуживалъ того».

Удивительно ли, что 16-го Іюля 1841 года наши барышни плясали на балу въ то время, когда едва остывшій трупъ поэта ожидалъ разрѣшенія быть причисленнымъ къ людямъ или къ собакамъ!?

Отецъ мой лично зналъ Лермонтова, и при встрѣчахъ раскланивались оба, а иногда и перекидывались словечкомъ-другимъ. Первая встрѣча была въ госпитальной конторѣ, куда Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ явился для освидѣтельствованія.

— Чѣмъ вы больны, Михаилъ Юрьевичъ? спросилъ отецъ.

— Да, вотъ, докторъ, у меня на рукѣ прыщикъ, который очень безпокоитъ меня.

— На какой рукѣ? спросилъ отецъ пресерьѣзно.

— На лѣвой.

— А! Прыщикъ на лѣвой рукѣ. Это очень важно. Впрочемъ, гуляйте, танцуйте, катайтесь, и рука заживетъ, сказалъ отецъ, засмѣявшись; а правую руку поберегите. Она столько же ваша, сколько и наша. Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я отвлекся отъ описанія бала князя Голицына, въ затѣяхъ котораго былъ такой же широкій размахъ, какъ у свѣтлѣйшаго дѣда-дядюшки его, князя Потемкина.

Балъ предназначался въ казенномъ саду.

Сотни рабочихъ и мастеровыхъ, подъ наблюденіемъ архитектора, превратили аллеи и площадки сада въ гостиныя; танцовальный залъ, столовыя и буфеты, которые освѣщались люстрами и разноцвѣтными фонарями, то ярко блиставшими, то проливавшими таинственный и мягкій полусвѣтъ, сквозь зелень и цвѣты; ковры, шелковыя матеріи, зеркала въ гостиныхъ, военныя арматуры въ различныхъ мѣстахъ сада, Бенгальскіе огни, которые зажигали на вершинахъ деревьевъ, искусственные гроты, танцовальный залъ, стѣны и потолокъ котораго сотканы были изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, фейерверкъ, вспыхивавшій въ различныхъ пунктахъ и въ разное время, роскошные буфеты, въ которыхъ только птичьяго молока не было: вся эта роскошь и изящество производили впечатлѣніе сказочное, волшебное, довершаемое радушіемъ гостепріимнаго князя-хозяина и любезностью красавицы графини-хозяйки. Праздникъ этотъ стоилъ не одну тысячу рублей. Но князь былъ богатъ и потому не скупился на удовольствія для общества. Полторацкій, въ Запискахъ своихъ, разсказалъ эпизодъ изъ жизни Владимира Сергѣевича, понтировавшаго Мусину-Пушкину. Князь будто бы поставилъ на карту или пять рублей или милліонъ.

Анекдотъ этотъ относится къ области вымысловъ. Князь былъ большой любитель и знатокъ коммерческихъ игръ и, говорятъ, однажды выигралъ у графа Мусина-Пушкина довольно значительныя деньги, но далеко не милліонъ; и затѣмъ, ежели бы графъ Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ унизиться до слезной просьбы не ставить большого куша на карту, то несомнѣнно князь Владиміръ Сергѣевичъ съумѣлъ бы докончить игру, не оскорбляя достоинства хозяина дома.

Но не однимъ забавамъ князь Голицынъ посвящалъ свою жизнь и дѣятельность. Онъ былъ и воинъ, и администраторъ. Въ 1846 году Большая и Малая Кабарда и Карачай не соединились съ полчищами Шамиля, уже вторгнувшагося въ Кабарду, лишь благодаря энергіи и вліянію князя Голицына на Кабардинцевъ.

Памятенъ и мнѣ 1846-й годъ. Я былъ въ то время девятилѣтнимъ мальчикомъ, но картина смятенія въ Пятигорскѣ при извѣстіи, что Шамиль подходитъ къ Нальчику и не нынче-завтра пожалуетъ къ намъ, ясно рисуется въ моей памяти и нынѣ.

Въ виду предстоящей опасности городъ забарикадировали повозками, бревнами и старыми негодными экипажами. На отроги Машука втащили двѣ пушки, которыя за негодностью служили лишь украшеніемъ гауптвахты. Двѣ роты линейнаго батальона поставили на особенно важныхъ стратегическихъ пунктахъ внѣ города. Гарнизонъ города составили изъ инвалидной и госпитальной командъ и военно-рабочей роты, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ и молодыхъ ординаторовъ госпиталя. Войска пылали мужествомъ и отвагой. Предстоящій бой съ дерзкимъ врагомъ одушевлялъ храбрый гарнизонъ. По улицамъ города сновали взадъ и впередъ то инвалидные офицеры, то врачи, обвѣшенные съ головы до ногъ оружіемъ всѣхъ видовъ и качествъ. Начальникомъ обороны былъ комендантъ, Петръ Александровичъ Принцъ, а начальникомъ полевыхъ войскъ полковникъ, Василій Ильичъ Монаѐнко. Лишь одинъ аптекарь Маниссонъ побаивался. Но чтó значитъ одинъ малодушный между сотнями отважныхъ, готовыхъ грудью встрѣтить непріятеля на всѣхъ пунктахъ отъ Машука до барикадъ на биржѣ? Недовѣрчивость и робость Маниссона подали поводъ къ стихамъ.

Маниссонъ,
    Говорятъ,
Видѣлъ сонъ,
    Говорятъ,
Что Шамиль
За сто миль
И палитъ,
И громитъ,
    Говорятъ... и пр.

Отецъ мой, Иванъ Ефремовичъ, во-первыхъ, всѣ входы и выходы во дворъ своего дома и сада, расположеннаго по горѣ, приказалъ завалить камнями. Ворота съ улицы были наглухо заперты и съ внутренней стороны приперты бревномъ. По угламъ двора и у садовой калитки на горѣ разставлено было нѣсколько вооруженныхъ солдатъ госпитальной команды. Выйти на улицу можно было, перелѣзая черезъ высокія ворота при посредствѣ лѣстницы. Лѣстница приставлялась къ воротамъ воиномъ, который, вскорабкавшись по ней до перекладины на воротахъ, сначала обозрѣвалъ мѣстность по улицѣ направо и налѣво и затѣмъ, по надлежащемъ докладѣ о благополучіи, отецъ влѣзалъ на ворота, садился на перекладину, воинъ втягивалъ лѣстницу наверхъ, опускалъ ее на улицу, и тогда отецъ, вооруженный Азіатскою шашкою, спускался внизъ и отправлялся на службу въ госпиталь.

Подъ руководствомъ его подвалъ подъ каменнымъ флигелемъ былъ очищенъ и посыпанъ пескомъ.

Мы, дѣти, не понимали таинственности дѣйствій происходившихъ на нашихъ глазахъ, но подозрѣвали что-то ужасное.

Однажды ночью мы разбужены были необычайнымъ шумомъ и бѣготнею прислуги въ домѣ. Няньки и горничныя вздыхали, вопили, суетились, вытаскивали изъ подъ насъ тюфяки и перины. Дѣти плакали. Всѣ метались по комнатамъ, то схватывая, то бросая различную мелочь, и, наконецъ, послѣ грозно отданнаго отцомъ приказанія, всѣ по возможности успокоились, и насъ, дѣтей, полусонныхъ, потащили въ подвалъ и уложили на тюфяки и перины, снесенные туда, продолжать прерванный сонъ. Подвалъ наглухо заперли опускною дверью снаружи. Отецъ остался на дворѣ командовать гарнизономъ. Утромъ насъ всѣхъ выпустили. Ворота отворили. Гарнизонъ нашъ отступилъ въ должномъ порядкѣ въ госпиталь. Все окончилось благополучно, если не считать нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія попасть въ лапы Шамилевскихъ мюридовъ.

Тревога въ городѣ, а также и у насъ, произошла столько же отъ настроеннаго на подвиги воображенія, сколько отъ бдительности, прозорливости и нѣжнаго вниманія городской полиціи къ обывателямъ Пятигорска.

Ночью, неизвѣстно кто, но несомнѣнно шутникъ, крикнулъ на улицѣ: «Шамиль идетъ!» Мигомъ узнала объ этомъ полиція. Квартальные и будочники спросонья полетѣли по улицамъ оповѣстить обывателей, и вотъ одинъ изъ квартальныхъ надзирателей, подойдя къ

нашему дому, началъ изо всей силы стучать въ запертый ставень. «Иванъ Ефремовичъ! Шамиль идетъ!» Полусонный отецъ, вскочивъ съ постели, выхватилъ шашку изъ ноженъ и началъ бѣгать по комнатамъ, махая шашкой, съ крикомъ: «Гдѣ онъ? Подайте мнѣ его, подлеца!» И только послѣ возгласовъ испуганной матушки, не совсѣмъ въ то время здоровой: «Брось шашку! Ты порубишь дѣтей!!» отецъ вложилъ шашку въ ножны, одѣлся, сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи насъ въ подвалъ, а самъ отправился возбуждать и поддерживать мужество неизвѣстно куда исчезнувшаго гарнизона. Матушка храбро осталась на постели; ибо, какъ она говорила впослѣдствіи, опасность ей предстояла двоякая: или попасть въ руки мюридовъ, или, вставъ съ постели, рисковать жизнью. А потому она и не оставила своей позиціи.

Пятигорцы трухнули, и не удивительно; ибо проказы Шамиля въ то время переходили за границы благопристойности. Въ 1843 году онъ имѣлъ дерзость взять и уничтожить цѣлый рядъ укрѣпленій нашихъ въ Дагестанѣ. Въ 1845 году онъ крайне неучтиво поступилъ съ отрядомъ князя Воронцова въ Даргинской экспедиціи, въ которой, хотя мы и шагнули молодцами черезъ Андійскіе ворота, какъ значится въ припѣвѣ къ Даргинскому маршу, но едва ли благополучно добрались бы до Герзель-аула, ежели бъ не была подана своевременная помощь набранныхъ отвсюду съ линіи батальоновъ отряда Фрейтага. При такихъ условіяхъ, что̀ же оставалось дѣлать бѣднымъ Пятигорцамъ въ 1846 году? Конечно, сначала трухнуть, а потомъ воодушевиться мужествомъ и готовиться къ оборонѣ, что̀ они и исполнили. Правда, въ эпоху Пятигорской тревоги Шамиль былъ отъ этого города еще верстахъ въ полутораста. Но что̀ значили какія нибудь 150 верстъ для кавалеріи такого буяна и головорѣза, какъ Шамиль?!

На слѣдующій день тревога въ Пятигорскѣ была успокоена пріѣхавшею изъ Нальчика супругою начальника центра, княгиней Прасковьей Николаевной Голицыной, которая, навѣстивъ, въ день пріѣзда, мою больную матушку, много смѣялась надъ воинственными затѣями Пятигорцевъ и разсказала, между прочимъ, какъ князю, ея мужу, адъютантъ доложилъ, что въ предѣлахъ Кабарды показалась партія, и князь, которому не доставало партнера въ преферансъ, спросилъ: «А кто же третій?» Адъютантъ сказалъ, что самъ Шамиль. «А! Съ такимъ партнеромъ пріятно и поиграть». Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, князь отправился на границу Кабарды, а княгиня съ дочерью выѣхала въ Пятигорскъ. Какъ извѣстно, Фрейтагъ, преслѣдовавшій

Шамиля, нагналъ его, и близъ минарета, при переправѣ черезъ Терекъ, скопища Шамиля были разбиты и разсѣяны.

1847 годъ ознаменовался въ Пятигорскѣ холерой, которая, впрочемъ, не помѣшала курсовымъ посѣтителямъ танцовать и веселиться на балахъ и на пикникахъ въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ, куда эта мрачная гостья не заглядывала.

Въ Пятигорскѣ составъ общества рѣзко дѣлился на «лѣтнихъ» и «зимнихъ». Лѣтнее общество составлялось изъ пріѣзжихъ лѣчиться минеральными водами и было весьма разнообразно. Были въ немъ и знатные люди, и степные помѣщики въ демикотоновыхъ сюртюкахъ, косолапые и съ толстыми затылками, и богатые купцы, объѣвшіеся кулебякъ, и раненые въ Кавказскихъ экспедиціяхъ офицеры, между которыми особеннымъ буйствомъ отличались представители такъ называемой золотой молодежи, изъ гвардіи и кавалеріи. Музыка гремѣла подъ окнами княжескихъ и графскихъ квартиръ ежедневно. Шампанское лилось рѣкой, и подгулявшая молодежь, иногда въ костюмахъ Адама, еще не изгнаннаго изъ рая, появлялась передъ публикой, изображая изъ себя боговъ Олимпа въ различныхъ позахъ. Такія безобразія трудно было прекращать, ибо у милыхъ юношей этихъ были тетушки, дядюшки и маменьки въ Петербургѣ, связаться съ которыми было не безопасно какому нибудь Пятигорскому коменданту. Однакожъ и онъ выходилъ иногда изъ терпѣнія. И вотъ однажды буйныхъ князей и графовъ комендантъ потребовалъ къ себѣ для объясненія. Они явились въ парадной формѣ, усѣлись на дворовой стѣнѣ и, когда, по докладѣ объ этомъ ординарца, комендантъ вышелъ на крыльцо, начали лаять на него по-собачьи. Ну что же съ ними дѣлать?! Донести по начальству? Скажутъ, что комендантъ не съумѣлъ поселить къ себѣ достаточнаго уваженія. Арестовать, а потомъ выгнать изъ Пятигорска? Взволнуются въ Петербургѣ, и тогда пиши пропало. Оставалось плюнуть и уйти въ комнаты, что̀ и сдѣлалъ комендантъ.

Съ окончаніемъ курса, въ Сентябрѣ, Пятигорскъ входилъ въ свою обычную рамку жизни. И вотъ объ этомъ мирномъ обществѣ безусловно хорошихъ людей, разъединенныхъ лѣтомъ и соединявшихся осенью и зимою, я и намѣренъ поговорить. Господа! Не все же описывать событія историческія и историческихъ дѣятелей. Конечно интересно читать о томъ, кто сколькихъ убилъ въ сраженіяхъ, разстрѣлялъ и повѣсилъ; но обратите вниманіе на сочиненія Маколея и другихъ историковъ. Они посвящаютъ сочиненія свои болѣе общественной жизни, нежели описанію дѣятельности полководцевъ и иныхъ ве-

ликихъ людей, истреблявшихъ человѣчество десятками и сотнями тысячъ. Впрочемъ, успокойтесь! Въ мои Записки попадутъ и полководцы, и администраторы, а пока я займусь кореннымъ составомъ Пятигорскаго общества 1847 года. Оно близко моему сердцу, и многіе изъ людей, о которыхъ я буду говорить, вызываютъ глубокое уваженіе, при воспоминаніи о нихъ.

Дамы и дѣвицы того времени представляли рѣдкое сочетаніе красоты, образованія и благовоспитанности. Напримѣръ, вотъ двѣ дочери коменданта и Анны Петровны Принцъ (только что окончившія курсъ институтки), Верзилины, Эмилія Александровна и Надежда Петровна; Дюнантъ, Петровская, Куликова, мои сестры и многія другія.

На балахъ и вечерахъ глаза буквально разбѣгались при взглядѣ на красавицъ барышень. Все это были дѣти людей зажиточныхъ, у которыхъ недостатка въ средствахъ для нарядовъ не было и не могло быть.

Мужскіе представители Пятигорскаго общества того времени были люди служащіе. Комендантомъ былъ полковникъ Принцъ, директоромъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ полковникъ Чайковскій (кажется, дѣдъ знаменитаго композитора). Главнымъ докторомъ военнаго госпиталя оригиналъ и мизантропъ Ребровъ; командиромъ линейнаго батальона полковникъ Монаенко—все семейные люди. Затѣмъ чиновники, офицеры и врачи. Врачи-практиканты того времени были: отецъ мой, Рожеръ, Патерсонъ и Каргеръ, и по сравненію съ нынѣшними, не мѣшаетъ сказать, что врачи-практиканты получали гонораръ, не торгуясь съ своими паціентами.

Осень, зиму и весну Пятигорцы проводили разнообразно и весело. Молодежь собиралась въ семействахъ, гдѣ были барышни. Танцовали подъ фортепьяно, играли въ фанты, веселились отъ души. Любители виста и преферанса проводили время въ домѣ гостепріимной старушки Екатерины Ивановны Мерлини. Любители музыки собирались у насъ. Отецъ страстно любилъ музыку, зналъ ее, и хотя самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но намъ, дѣтямъ, преподавалъ ее прекрасно. Устраивались дуэты и квартеты, съ акомпаниментомъ фортепьяно, на которомъ играла старшая сестра моя, Клавдія, впослѣдствіи Любомирская, виртуозка въ игрѣ на фортепьяно, какъ о ней отзывались.

Е. И. Мерлини нѣсколько ревновала къ намъ своихъ партнеровъ въ вистъ и преферансъ, и ежели который изъ нихъ запаздывалъ

прійти къ ней, то она обыкновенно встрѣчала его фразой: «Должно быть слушалъ обѣдню у Дроздовыхъ». Но обѣдня эта, вѣроятно, была привлекательна, ибо въ 1853 году въ таковой охотно участвовалъ юнкеръ легкой батареи 20-й бригады, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, игравшій secundo на фортепьяно съ сестрой моей Клавдіей. Выборъ пьесъ былъ трудный. Левъ Николаевичъ предпочиталъ Бетховена и Моцарта всѣмъ остальнымъ композиторамъ, а въ особенности Итальянскимъ, музыку которыхъ онъ находилъ «сладенькою». Но сестра играла достаточно хорошо, чтобы партіи ихъ проходили возможно гладко. Графъ частенько посѣщалъ домъ отца моего и, уѣзжая въ Севастополь, въ знакъ памяти, оставилъ подзорную трубу, которая долго у насъ сохранялась.

Въ Николинъ день устраивался первый балъ благороднаго собранія. Общество собиралось въ зданіи ресторацін Минеральныхъ водъ, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ Печоринъ спасъ отъ обморока княжну Мери. Залъ обыковенно украшался зеленью, цвѣтами и арматурой. На хорахъ зала, блистательно освѣщеннаго люстрами и канделябрами, помѣщался оркестръ, подъ управленіемъ Сашки, цирюльника госпитальной команды. Оркестръ состоялъ изъ цимбалъ, гуслей, скрипки, флейты, кларнета, віолончели и контръ-баса. Капельмейстеръ Сашка игралъ довольно порядочно на скрипкѣ, при чемъ, ради потѣхи, иногда на квинтѣ подражалъ чрезвычайно искусно писку ибиса. Всѣ артисты, равно какъ и самъ Сашка, были солдатики-Жидки, служившіе въ госпитальной командѣ; но изъ благопристойности, для баловъ имъ разрѣшено было надѣвать штатское платье, которое придавало имъ, ежели не качества, такъ по крайней мѣрѣ внѣшность артистовъ.

Балъ, какъ заведено было въ прежнія добрыя времена, открывался обыкновенно польскимъ. Въ первой парѣ, съ какою либо изъ почетныхъ дамъ, парадировалъ П. А. Принцъ. Кончалось гросфатеромъ. Вотъ какъ сейчасъ вижу красиваго, представительнаго Петра Александровича, шествующаго съ подобающей торжественностью въ первой парѣ польскаго, и его же, превращавшагося въ юнаго весельчака, изобрѣтающаго самыя разнообразныя комичныя фигуры въ гросфатерѣ. Молодежь и даже старички, то степенно выступали въ первомъ колѣнѣ этого танца, то прыгали, бѣгали, скакали, хохотали во-второмъ его колѣнѣ съ учащеннымъ темпомъ. Нынѣшнія кадрили monstres не замѣнятъ милаго патріархальнаго гросфатера. Между польскимъ и гросфатеромъ танцовали кадрили, вальсъ въ три pas, польку tremblant, какъ ее тогда называли, польку съ различными фигурами

и мазурку. Легкими танцами дирижировалъ всегда Аркадій Павловичъ Озерецковскій. Дежурный старшина не давалъ задумываться молодежи и праздно сидѣть по угламъ. Онъ былъ вездѣ и въ залѣ, и въ гостиныхъ, и въ буфетѣ, и только тогда успокаивался, когда всѣ дамы и дѣвицы имѣли кавалеровъ-танцоровъ. Въ промежуткахъ между танцами разносили конфекты, фрукты, аршадъ, лимонадъ, кому что понравится, при чемъ дежурный старшина зорко слѣдилъ, чтобы на громадныхъ подносахъ, на которыхъ разносились фрукты и конфекты, остатковъ никакихъ не было. И маменьки танцующихъ уѣзжали домой, обыкновенно, щедро нагруженныя конфектами. Порядокъ этотъ соблюдался постоянно каждое Воскресенье. Все это было, и всего этого нѣтъ теперь.

Родина моя прекрасная и это милое, доброе старое время, когда люди и радовались, и горевали по-просту безъ затѣй, какъ ты измѣнилась! Пятигорскъ нынѣ и красивѣе, и богаче, но не такъ привлекателенъ какъ прежде. Уходя впередъ во всевозможныхъ изобрѣтеніяхъ и сосредоточиваясь на одномъ лишь полезномъ, мы, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряемъ теплоту и воспріимчивость душевную. Въ семьѣ скучно, на балахъ скучно. Молодежь предпочитаетъ буфеты бальнымъ заламъ. Танцы и фанты ниже ея достоинства. Глядишь и удивляешься этой юности со старческою душою.

Святки и Масляницу проводили Пятигорскѣ въ особенности весело и шумно. Балы, загородныя поѣздки въ саняхъ на тройкахъ съ длинными хвостами изъ салазокъ, въ которыхъ помѣщались кавалеры, придавали городу оживленіе. Курьерскія тройки мчались во весь духъ, салазки опрокидывались, кавалеры летали въ сугробы снѣга, при чемъ совершались такія сальто-мортале, какія и не снились акробатамъ. Крикъ, визгъ, хохотъ далеко оглашали поля и горы. Поѣздки эти заканчивались отдыхомъ въ колоніи Каррасъ у Богдана Ивановича Рошке, гдѣ услужливая Марья Ивановна и ея хорошенькая невѣстка, Лиза, всегда вздыхавшая при воспоминаніи о Лермонтовѣ, угощали промерзнувшую молодежь шоколадомъ и кофеемъ (конечно за деньги).

Все шло обычнымъ порядкомъ, и ни единое облачко не омрачало спокойно-радостную жизнь Пятигорцевъ. Бывали случаи и драматическіе, и трагическіе; но въ вихрѣ удовольствій они скоро забывались. Такъ напримѣръ, въ 1860 году адъютантъ князя Барятинскаго, поручикъ князь Горчаковъ убилъ на дуэли гусарскаго офицера барона Фитингофа. Съ братомъ этого Горчакова, княземъ Василіемъ, я вмѣстѣ

учился и вмѣстѣ кончилъ курсъ, а потому былъ хорошо знакомъ и съ княземъ Александромъ, который о дуэли своей разсказалъ мнѣ слѣдующее.

«Въ числѣ молодежи былъ гусарскій поручикъ, баронъ Фитингофъ. Гордый и заносчивый, онъ относился ко всѣмъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго пренебреженія. Избалованный юноша, единственный сынъ очень богатаго помѣщика Харьковской губерніи, баронъ обращался со всѣми презрительно. Сначала это насъ удивляло и сердило, а затѣмъ мы перестали обращать на него вниманіе. Я въ особенности былъ спокоенъ между кипятившеюся молодежью. Мнѣ и въ голову не приходило, что я буду виновникомъ смерти этого красиваго и капризнаго мальчика. Однажды въ Желѣзноводскѣ послѣ обѣда, часу въ 4-мъ, послѣ прогулки въ паркѣ съ княгинями Софьей Яковлевной и Анной Андреевной Святополкъ-Мирскими, мы сѣли отдохнуть на скамейкѣ въ одной изъ узенькихъ аллей парка. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ началѣ этой аллеи показалось два всадника. Это были всегда неразлучные баронъ Фитингофъ и офицеръ Ниппа, на довольно бойкихъ лошадяхъ. Опасаясь весьма естественнаго испуга дамъ, мимо которыхъ лошади должны были пройти, едва не касаясь ихъ колѣнъ, я знакомъ началъ приглашать барона свернуть на объѣздную тропу, бывшую невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли. Но баронъ, не обращая вниманія на мою, хотя и нѣмую, но выразительную просьбу, проѣхалъ мимо насъ такъ близко, что дамамъ пришлось подобрать платья, чтобы лошади не наступили на подолы ихъ. Баронъ и Ниппа проѣхали. Я терпѣливо перенесъ оскорбленіе, нанесенное этимъ невѣжествомъ дамамъ и мнѣ, и чтобы предупредить такую поѣздку вторично, при возвращеніи барона этимъ же путемъ, я поставилъ одну изъ скамеекъ поперекъ аллеи въ недальнемъ разстояніи отъ насъ. Очевидно съ цѣлью вызвать меня на дерзость, баронъ, вернувшись по той же аллеѣ и замѣтивъ преграду, заставилъ лошадь перепрыгнуть черезъ скамью. Я и въ этомъ случаѣ стерпѣлъ, хотя и слѣдовало бы преподать урокъ вѣжливости дерзкому мальчику. Вскорѣ мы встали, и я, проводивъ дамъ до ихъ квартиры, отправился домой переодѣться. Въ это время ко мнѣ пришелъ князь Грузинскій и передалъ слѣдующее. Въ павильонъ, куда обыкновенно вечеромъ собиралась публика слушать музыку и танцовать, вошелъ Фитингофъ и громогласно произнесъ: «Я удивляюсь тому, что князь Барятинскій въ своей свитѣ имѣетъ квартальныхъ надзирателей. Адъютанту его, князю Горчакову, приличнѣе носить форму будочника и, вѣроятно, въ родѣ Горчаковыхъ есть полицейскія наклонности». На замѣчаніе князя Грузинскаго, что онъ пріятель мой и потому проситъ барона взять свои слова на-

задъ, баронъ отвѣчалъ, что отъ сказаннаго не отречется, и слова его князь Грузинскій можетъ передать князю Горчакову. Извѣстіе это встревожило меня очень и именно потому, что, по непреклонности моего характера, я оскорбленія этого Фитингофу простить не могъ, и однимъ лишь извиненіемъ дѣло не кончится. Одѣвшись, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ зайти къ поручику Кабардинскаго полка фонъ-Шаку, просить его быть моимъ секундантомъ и передать мой вызовъ Фитингофу. Невдалекѣ отъ моей квартиры я встрѣтилъ барона Фитингофа и, раскланявшись съ нимъ, сказалъ ему: «Баронъ, князь Грузинскій передалъ мнѣ ваши слова. Я считаю ихъ оскорбленіемъ для себя и прошу дать мнѣ удовлетвореніе». Баронъ согласился дать таковое, и я назвалъ фамилію моего секунданта. Секундантомъ Фитингофа былъ Ниппа.

Секунданты условились, и рѣшено было на слѣдующій день въ 5 часовъ утра встрѣтиться противникамъ въ ущельи у подошвы горы Бештау. Оружіемъ назначены были пистолеты. Фитингофу стрѣлять первому. Представьте: ни у меня, ни у Фитингофа не оказалось пистолетовъ, и фонъ-Шаку пришлось ночью скакать въ Пятигорскъ, гдѣ онъ и досталъ ихъ у плацъ-адъютанта капитана Кинбурна. Пистолеты были старые, большого солдатскаго калибра. Но другихъ не было, и пришлось удовлетвориться и тѣми, которые нашлись. Въ 5 ч. утра мы сошлись на условленномъ мѣстѣ. Барьеры были назначены на 10 шаговъ. Секунданты отмѣрили шаги и отмѣтили барьеры. Подходить къ барьерамъ мы должны были по командѣ: разъ, два, три. По третьей командѣ противники становятся у барьера. Мы встали на назначенныя мѣста и начали сходиться къ барьерамъ. Подойдя къ барьеру, Фитингофъ, не поднимая пистолета, произнесъ: «Князь! Мы стрѣляемся съ вами изъ-за такого пустяка, что, можетъ-быть, извиненіе мое удовлетворитъ васъ».—«Объ этомъ, баронъ, было время подумать ранѣе. Я пригласилъ васъ сюда не для того, чтобы съ пистолетомъ въ рукѣ ожидать отъ васъ извиненія. Вамъ стрѣлять первому. Стрѣляйте»!—Баронъ выстрѣлилъ и промахнулся. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ я, и, къ несчастью, пуля попала ему въ пахъ. Рана безусловно смертельная, но съ моей стороны неумышленная. За дерзкія слова Фитингофа я хотѣлъ лишь наказать его, а не убить, и потому цѣлился ему въ ногу, и ежели пуля попала ему въ пахъ, то виною тому невѣрность ружья. Годъ уже прошелъ послѣ этой несчастной дуэли, а я и до сихъ поръ не могу забыть страдальчески-испуганнаго, почти дѣтскаго лица барона».

Вотъ точное описаніе этого поединка со словъ князя Горчакова. Кромѣ секундантовъ тутъ присутствовали, какъ зрители, князь Грузинскій и Хомутовъ. Князь Горчаковъ и фонъ-Шакъ по приговору военнаго суда были разжалованы въ рядовые; но вскорѣ, за отличіе въ Кавказскихъ экспедиціяхъ, имъ были возвращены и чины, и знаки отличій. Хомутова, какъ зрителя, сослали на годъ въ Усть-Лабинское укрѣпленіе, гдѣ, впрочемъ, онъ не скучалъ съ своей красавицею-женой, Лидіей Васильевной, на которой онъ женился незадолго до ссылки его въ Усть-Лабу, будучи подъ судомъ въ Пятигорскѣ. Да избавитъ Господь всѣхъ отъ поединковъ! Не идти же въ камеру мироваго судьи судиться съ человѣкомъ, оскорбившимъ васъ, вашу мать, жену, дочь или память умершаго отца? Вызовъ, или принятіе вызова обусловливаются еще и тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое вы занимаете. Князь Горчаковъ былъ именно въ такомъ положеніи, состоя адъютантомъ у князя Барятинскаго, который, самъ будучи рыцаремъ чести, не могъ не относиться строго въ такихъ случаяхъ и къ людямъ окружающимъ его. Въ 1858 г. Эриванскаго полка поручикъ Макѣевъ вызвалъ на дуэль командира этого полка, полковника Фохта. Фохтъ отказался. Макѣевъ застрѣлилъ его изъ ружья ночью черезъ окно и затѣмъ бѣжалъ. Онъ былъ пойманъ на Персидской границѣ. Назначено слѣдствіе, которое и представлено было на конфирмацію главнокомандующаго. Князь Барятинскій, утвердивъ приговоръ суда во всей его строгости, сказалъ: «Макѣевъ имѣлъ право убить Фохта, но не тайно и не совершая послѣ этого побѣга. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ поступилъ не какъ дворянинъ и не какъ офицеръ, а потому и не заслуживаетъ ни снисхожденія, ни милости». При такомъ взглядѣ на дѣло чести, могъ ли адъютантъ князя Барятинскаго поступить иначе?

ГЛАВА II.

Отставка кн. Голицына въ 1848 г.—Прощальный балъ ему близъ Провала.—Отъѣздъ его въ Москву.—Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ.

Размолвка съ главнокомандующимъ Кавказскою арміей княземъ Воронцовымъ и тяжелыя раны, полученныя подъ Парижемъ и на Кавказѣ, понудили князя В. С. Голицына подать въ отставку, къ непритворному сожалѣнію преданныхъ ему Кабардинцевъ. Въ глазахъ племени, въ средѣ котораго были князья и дворяне, знатные по происхожденію и богатые по состоянію, такой баринъ, какъ князь В. С., не мелочной и щедрый, занималъ первенствующее мѣсто, не по одному служебному положенію, но и по личнымъ его достоинствамъ. Въ лукавыхъ отъ природы горцахъ много сословнаго самолюбія и даже тще-

славія, которыми князь Голицынъ, въ случаѣ надобности, умѣлъ искусно пользоваться въ продолженіи шести лѣтъ, чтó онъ былъ начальникомъ центра. Отставкой онъ выигралъ себѣ отдыхъ и спокойствіе, а князь Воронцовъ потерялъ въ немъ дѣятельнаго и опытнаго помощника.

Передавъ должность князю Эристову, князь Голицынъ изъ Нальчика пріѣхалъ въ Пятигорскъ, и 15-го Іюля 1848 г. на склонѣ Машука, близъ Провала, принялъ прощальный балъ, устроенный для него Пятигорскими жителями и начальникомъ артиллеріи, генераломъ Семчевскимъ. Балъ этотъ памятенъ для меня тѣмъ, что на немъ рѣшена была моя участь. Желая отблагодарить отца моего за его многолѣтнія медицинскія пособія, князь предложилъ матери моей воспитывать меня на свой счетъ. Зная хорошо семейство князя, матушка, убѣжденная въ томъ, что мнѣ будетъ хорошо, охотно согласилась на такое предложеніе, тѣмъ болѣе, что отецъ уже собирался пристроить меня въ Ришельевскій лицей. Подготовленъ я былъ изрядно, и оставалось только опредѣлить меня въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Нашимъ домашнимъ образованіемъ занимались по очереди Смолянки-институтки, дочери вдовы Анны Ивановны Барановской, то въ качествѣ гувернантокъ, то какъ учительницы, къ которымъ мы ходили на домъ. Женщина, съ чрезвычайно маленькими средствами и съ очень большимъ семействомъ, она обладала замѣчательнымъ умѣньемъ пристраивать ихъ въ лучшія учебныя заведенія. Жизнь ея происходила почти въ постоянныхъ поѣздкахъ изъ Пятигорска въ Петербургъ и обратно, и всегда успѣшно. То она встрѣтится съ Императрицей, то съ Императоромъ, упадетъ на колѣни, подастъ прошеніе, поплачетъ, и просьбы ея исполнялись. Завести знакомство съ придворнымъ камердинеромъ или камеръ-фрау и узнать отъ нихъ, когда и гдѣ можно встрѣтить Государя или Императрицу, ровно ничего не значило для Анны Ивановны; а впрочемъ честь и слава ей, какъ заботливой матери.

Я не помню, сколько у нея было дочерей; но смѣло могу сказать, что Анна Ивановна и ея милыя дочки въ продолженіе многихъ лѣтъ были единственными насадительницами просвѣщенія въ юныхъ Пятигорцахъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, дѣвицы Барановскія преподавали языки Французскій и Нѣмецкій и танцы. На смѣну барышень, выходившихъ замужъ, пріѣзжали другія сестры, оканчивавшія курсъ въ Смольномъ монастырѣ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вышла послѣдняя изъ дѣвицъ за мужъ.

Латинскій языкъ преподавалъ мнѣ священникъ отецъ Левъ, а репетировалъ по вечерамъ отецъ мой, и до отъѣзда въ Москву я уже болталъ по-французски и довольно бойко читалъ по-латини.

Въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ 40-хъ годовъ не было ни конкурсныхъ экзаменовъ, ни атестатовъ зрѣлости. Въ тѣ времена слово «конкурсъ» имѣло лишь коммерческое значеніе для несостоятельныхъ должниковъ, а «зрѣлость» опредѣлялась жизненнымъ опытомъ, а не учебнымъ атестатомъ. Впослѣдствіи, услышавъ выраженіе «атестатъ зрѣлости», я долго не умѣлъ понять, что̀ это такое.

Въ началѣ Августа князь рѣшилъ выѣхать изъ Пятигорска въ Москву. Наканунѣ отъѣзда онъ зашелъ къ намъ условиться о часѣ и мѣстѣ отъѣзда на слѣдующій день. Я прыгалъ отъ восторга ѣхать въ бѣлокаменную и златоглавую Москву; сестры завидовали мнѣ.

Къ 7 часамъ утра слѣдующаго дня уже всѣ были на ногахъ, на дворѣ стоялъ запряженный экипажъ, и кучеръ Димитрій по обыкновенію бесѣдовалъ съ Бурымъ и Гнѣдымъ, которыхъ онъ всегда усовѣщивалъ вести себя смирно и прилично, во время отлучекъ его съ козелъ въ трактиръ или кабачокъ (бесѣды эти обыкновенно оканчивались разбитымъ экипажемъ и порванной сбруей по нѣскольку разъ въ теченіи года).

Всѣ мы собрались въ залѣ проститься; пришли и няни, и горничныя, и поваръ. Матушка благословила меня образкомъ св. Митрофанія; отецъ все сморкался и, утѣшая меня, не замѣчалъ слезъ, которыя катились у него изъ глазъ. Прощанье было непродолжительное. Перецѣловавъ отца, мать, сестеръ, брата Яшу и прислугу, я выбѣжалъ на крыльцо, прыгнулъ въ экипажъ; вслѣдъ за мной сѣли отецъ и мать, и мы покатили въ ресторацію къ князю. Во дворѣ ресторацiи уже стоялъ дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ лошадей. Родители пошли къ князю, а я влѣзъ въ карету, не помня себя отъ восхищенія. Вскорѣ вышли отецъ, мать и князь. Родители еще расцѣловали меня на прощанье, князь сѣлъ въ карету, дверцу захлопнули, камердинеръ прыгнулъ на козлы и крикнулъ «пошелъ!» Лошади дружно сдвинули съ мѣста тяжелый экипажъ и, плавно покачиваясь на рессорахъ, мы выѣхали со двора ресторацiи. Прощай Пятигорскъ! Прощай, моя прекрасная родина!

Ѣхали мы день и ночь. Въ дормезѣ откидывались спереди на заднее сидѣнье доски съ мягкими подушками, и камердинеръ Борисъ

устроивалъ прекрасныя постели. Днемъ князь или дремалъ или читалъ «Мертвыя Души» Гоголя, въ которыя и я заглядывалъ отъ нечего дѣлать. Попробовалъ я было однажды заплакать въ то время, когда изъ глазъ моихъ, постепенно умаляясь, наконецъ, совсѣмъ скрылись и Машукъ, и Бештау; но князь назвалъ меня «размазней», и я пересталъ плакать. По пути князь на нѣсколько часовъ останавливался сначала въ станицѣ Михайловской близъ Ставрополя у наказнаго атамана Николаева, затѣмъ близъ Новочеркасска въ Мишкинѣ, имѣніи князя Голицына, женатаго на дочери графа Платова, и на ночлегъ въ Воронежѣ въ гостиницѣ Швановича, гдѣ меня выкупали въ теплой ваннѣ, а затѣмъ отвезли приложиться къ мощамъ св. Митрофанія.

Новизна мѣстъ и впечатлѣній, изъ коихъ сильнѣйшее произвело на меня переправа черезъ Донъ по пловучему мосту, который, при движеніи по немъ тяжелаго экипажа и шестерика лошадей, погружался въ воду, и лошади брели въ ней по щиколку (при чемъ я очень боялся утонуть), вытѣснили изъ памяти моей и Пятигорскъ, и недавнюю разлуку съ родными.

На шестой день въ полдень мы въѣхали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Уличный шумъ, грохотъ, многолюдная толпа, сновавшая взадъ и впередъ, вывѣски на магазинахъ, разнощики съ лотками на головахъ, выкрикивавшіе разными голосами и на разные лады, совсѣмъ ошеломили меня. Такъ вотъ она, эта Москва! О такомъ многолюдствѣ и оживленіи мнѣ, конечно, и не снилось. Одна изъ вывѣсокъ, съ надписью о продажѣ Китайскихъ часвъ, съ нарисованными на ней Китайцами по концамъ и огромными золотыми буквами, навела меня на соображенія, высказанныя вслухъ, что должно быть отецъ получаетъ чай отсюда, ибо мы пьемъ чай Китайскій. Князь расхохотался и, очевидно, мальчикъ, переходившій отъ окна къ окну кареты съ самыми искренними восклицаніями удивленія, забавлялъ его.

Долго ли, коротко, мы пріѣхали наконецъ къ дому князя у Бутырской заставы. Прислуга первое время принимала меня за Черкесенка, взятаго въ плѣнъ бариномъ на Кавказѣ. Меня выкупали, накормили, переодѣли, и я побѣжалъ осматривать комнаты съ ихъ невиданными мною роскошью и великолѣпіемъ. Въ этомъ лабиринтѣ компатъ и корридоровъ я едва не заблудился.

Борисъ, уже отыскивавшій меня, проводилъ меня въ паркъ, гдѣ къ несказанному моему удовольствію оказались качели. Въ день на-

шего пріѣзда мы не застали княгиню съ дочерью: онѣ были въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

На другой день утромъ князь въ Донскомъ атаманскомъ мундирѣ отправился въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ опредѣлить меня, а вечеромъ и отвезли меня туда прямо къ ужину. Непривычный для меня шумъ и толкотня мальчишекъ и ошеломили, и испугали меня, и ежели бъ не воспитанникъ старшаго класса, Теръ-Асатуровъ, назначенный ко мнѣ руководителемъ на первыхъ порахъ, то я расплакался бы горько. Мальчишки смѣялись и надъ костюмомъ моимъ (полуфракомъ, которымъ я такъ гордился), и надъ застѣнчивостью моей, даже трусостью. Всѣ эти мальчуганы казались мнѣ въ то время какими-то разбойниками, которые убьютъ меня. Въ столовой я плотно прижимался къ Теръ-Асатурову, и потомъ въ спальнѣ, уже раздѣтый и уложенный въ постель, я просилъ его не оставлять меня. Юноша этотъ былъ такъ добръ, что только въ то время оставилъ меня, когда я заснулъ.

На слѣдующій день утромъ, одѣваясь, я не нашелъ въ карманѣ панталонъ моихъ кошелька съ 10 новенькими серебряными рублями и перчатокъ. Теръ-Асатуровъ, навѣстившій меня во время одѣванья, замѣтивъ мое смущеніе и узнавъ о причинѣ его, тотчасъ же заявилъ объ этомъ дежурному надзирателю. Деньги и перчатки были найдены у дядьки, чистившаго мое платье. Дядьку немедленно выгнали вонъ, а деньги и перчатки поступили въ канцелярію правленія Института, секретарь котораго выдавалъ мнѣ деньги понемногу по мѣрѣ надобности, а перчатки выдали мнѣ при окончаніи курса.

Основывая Институтъ, Лазаревъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло исключительно для Армянъ, проживающихъ въ Россіи; но широкія права, присвоенныя Институту въ 1848 году, привлекли дѣтей многихъ Русскихъ, и училище, возведенное на степень высшихъ учебныхъ заведеній, предназначено было для приготовленія драгомановъ къ Азіатскимъ посольствамъ. Въ 1848 г. на 70 человѣкъ Армянъ не было и 30 Русскихъ мальчиковъ; а въ 1854 изъ 200 слишкомъ воспитанниковъ было лишь около 60 Армянъ. Прежде Армяне били насъ и при томъ съ искусствомъ, которое входило въ курсъ предварительнаго воспитанія ихъ въ Тифлисѣ и Нахичевани на Армянскихъ базарахъ; а затѣмъ искусство ихъ подчинилось нашей численности, и тѣлеса наши были въ безопасности отъ Армянскихъ тумаковъ.

Лазаревъ не поскупился на издержки при основаніи Института. Кромѣ роскошнаго зданія онъ пожертвовалъ значительный капиталъ, на проценты съ котораго содержались стипендіаты его имени, администрація и учебный персоналъ Института, ремонтировалось зданіе и содержался прекрасный садъ, примыкающій къ Златоустовскому монастырю. Плата за пансіонеровъ была 300 р. въ годъ, за полупансіонеровъ съ правомъ обѣдать 200 р.; да иначе и не могло быть по отношенію къ полупансіонерамъ, ибо классныя занятія были и послѣ обѣда съ 2-хъ до 6 часовъ. Приходящихъ, съ правомъ платить лишь за уроки, не было.

Въ 1848 г., исправляющимъ должность директора былъ инспекторъ классовъ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Въ виду дополненія трехъ классовъ, а именно, приготовительнаго и двухъ спеціальныхъ съ правомъ на чинъ 12-го класса, не было опредѣленныхъ штатовъ начальствующихъ лицъ. Съ дополненіемъ классовъ измѣнилась и нумерація ихъ, и я, поступивъ во второй классъ, очутился въ третьемъ.

Форменное платье воспитанниковъ въ первыхъ шести классахъ состояло изъ куртокъ для класныхъ занятій и мундировъ съ фалдами для праздниковъ; а въ двухъ спеціальныхъ—изъ вицмундирнаго двухбортнаго сюртука и мундира съ фалдами, съ золотыми петлицами на черныхъ бархатныхъ съ краснымъ кантомъ воротникахъ. Спеціалистамъ присвоены были шпаги и треугольныя шляпы.

Въ концѣ 1848 года директоромъ Института назначенъ былъ морякъ, капитанъ 1-го ранга, Семенъ Ильичъ Зеленый, извѣстный въ то время составитель алгебры и авторъ лекцій популярной астрономіи, читанной имъ въ Морскомъ Корпусѣ. Высоко-образованный, мягкій человѣкъ и педагогъ, прекрасный администраторъ, онъ сразу поставилъ Институтъ на степень высшаго учебнаго заведенія. Москвичи, князья и столбовые Русскіе дворяне, начали пополнять Институтъ своими сыновьями. Съ увеличеніемъ состава воспитанниковъ, значительно увеличилась и измѣнилась администрація его. Воспитателями или, какъ въ то время называли ихъ, надзирателями приглашены были Французы, Нѣмцы и Русскіе отличные и по образованію, и какъ педагоги. Воспитателей было 12 человѣкъ, и дѣлились они по 6 человѣкъ на дежурства, Французское и Нѣмецкое, при чемъ воспитанники обязаны были обращаться къ нимъ, соображаясь съ дежурными, или на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкахъ.

За отступленіемъ отъ этого правила воспитанникамъ младшихъ классовъ, въ видѣ наказанія, навѣшивался на грудь красный суконный

языкъ, ношеніе котораго лишало права на полученіе третьяго блюда. Конечно, правило это не особенно строго соблюдалось, но распространеніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго между мальчиками замѣтно усилилось. Изъ воспитателей я припоминаю Ивана Мартыновича Яннау, Августа Карловича Фабриціуса, Григорія Павловича Ребристаго, Василія Алексѣевича Бѣляева и Французовъ: Дюфё, Плафянъ, Трестера. Между учителями выдѣлялись и знаніями своимъ, и преподаваніемъ разумнымъ и увлекательнымъ, профессора: Никита Осиповичъ Эминъ (онъ же и инспекторъ классовъ съ 1849 года), Степанъ Исаевичъ Назарьянцъ, оба извѣстные въ то время оріенталисты, А. З. Зиновьевъ, читавшій Русскую словесность, и профессоръ Московскаго университета Θеодоръ Лукичъ Морошкинъ, преподававшій намъ законовѣдѣніе, по курсу Рождественскаго. Учителями Русскаго языка были Николай Михайловичъ Поповъ, закона Божія—Смирновъ-Платоновъ, математики—Леонардъ Осиповичъ Новицкій, исторіи и географіи—Василій Павловичъ Гривцовъ, Французскаго языка—Куртнеръ и Петерманъ, ариθметики Василій Андреевичъ Тихомировъ, Персидскаго языка—Тегеранскій Армянинъ Николай Ивановичъ Давришевъ, увѣрявшій, что отъ Тегерана до Петербурга только онъ одинъ знатокъ Персидскаго языка и Арабскихъ басенъ Локмана; Турецкій языкъ преподавалъ Лазаревъ. Танцамъ училъ насъ танцовщикъ изъ Московскаго балета, уже устарѣвшій для сцены—Пѣшковъ, гимнастику и фехтованье—Ивановъ, преподаватель того и другого въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ.

С. И. Зеленый не такъ давно скончался, будучи предсѣдателемъ главнаго морского суда; но память о немъ не должна умереть въ Институтѣ восточныхъ языковъ.

Институтъ этотъ, изъятый изъ вѣдомства попечителя Московскаго округа, находился подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и попечителей, камергеровъ Ивана Акимовича и Христофора Акимовича Лазаревыхъ. Въ средѣ учебнаго и административнаго вѣдомствъ этотъ Институтъ былъ единственнымъ исключеніемъ, и кромѣ министра народнаго просвѣщенія и своего начальства къ намъ никто не заглядывалъ и не имѣлъ права заглянуть.

Въ то время, когда въ Россіи тѣлесныя наказанія доведены были до степени виртуозности, у насъ за все время съ 1849 по 1855 годъ было лишь нѣсколько случаевъ, въ которыхъ директоръ употребилъ розги; да и то, какъ говорится, лишь для проформы, ибо свыше пяти ударовъ и не бывало. Между тѣмъ, какъ и вообще между мальчиками,

были шалуны и лѣнтяи; но шалости не переходили за границу приличій, и весьма естественно, потому, что дѣти были все изъ хорошихъ семействъ. По части шалостей отличались изобрѣтательностью Бурцевъ и Толстой. Такъ напримѣръ, однажды, заготовивъ предварительно лягушку, они стащили со стола серебряную большую табакерку у полуслѣпаго старичка, учителя ариѳметики В. А. Тихомирова, высыпали табакъ, а въ табакерку посадили лягушку и затѣмъ ее обратно поставили на столъ. В. А., углубленный въ разсматриваніе тетрадокъ класныхъ занятій, нѣкоторое время не обращалъ вниманія на эволюціи, которыя выдѣлывала табакерка по столу; но затѣмъ, когда она начала стучать по столу, онъ, крайне удивленный прыжками табакерки, сталъ присматриваться къ ней и переставлять ее съ мѣста на мѣсто, вѣроятно соображая, въ силу какихъ законовъ физическихъ серебряный ящикъ началъ оказывать признаки жизни. Зная, въ чемъ дѣло, мы едва удерживались отъ смѣха. Наскучивъ наблюденіемъ за табакеркой извнѣ, В. А. пожелалъ познакомиться съ внутренностью ея, взялъ табакерку въ руки и, поднеся ее довольно близко къ глазамъ, открылъ ее. Лягушка, почувствовавъ конецъ ея временнаго ареста. и напюхавшись достаточно остатковъ табаку, выпрыгнула. Изумленію В. А., уронившаго табакерку на полъ, при чемъ она помялась, не было предѣловъ. Но быстро сообразивъ, что это было лишь школьничество, старикъ самъ разсмѣялся и назвалъ насъ шалунами, при чемъ не счелъ нужнымъ жаловаться на насъ начальству; а мы, сложившись, вмѣсто помятой табакерки, купили ему другую, болѣе красивую и дорогую, и приподнесли ему.

Были у насъ и любимые учителя, и нелюбимые. Къ числу послѣднихъ относился учитель Нѣмецкаго языка, Вернеръ. Небольшого роста, худенькій, щегольски одѣтый, прилизанный Нѣмчикъ, заносчивый и гордый съ Русскими поросятами, какъ насъ звали Нѣмцы вообще, Вернеръ былъ предметомъ и насмѣшекъ, и школьничествъ. То ему нечаянно обольютъ фракъ чернилами, то его носовымъ платкомъ вытрутъ классную доску, то подставятъ ему ногу въ то время, когда онъ входитъ въ классъ, и Нѣмецъ съ розмаху растягивается на паркетѣ; словомъ, не перечислишь всѣхъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергали Вернера до тѣхъ поръ, пока онъ не догадался оставить Институтъ. Здѣсь кстати сказать о томъ, что воспитанники, изучавшіе восточные языки, имѣли право не учиться Нѣмецкому и Латинскому, такъ что у Вернера и у учителя Латинскаго языка Меншикова, высокаго, длиннаго, худого латиниста во фракѣ съ фалдами на подобіе ласточкиныхъ крыльевъ, было въ каждомъ классѣ не болѣе двухъ-трехъ

учениковъ, а остальные занимались метаніемъ бумажныхъ стрѣлокъ въ ихъ мудрыя головы.

Въ 1849 году, какъ извѣстно, во многихъ Европейскихъ университетахъ происходили довольно серьезные безпорядки. Чтобы не допустить этого и въ нашихъ, министерство издало строго дисциплинарные уставы для нихъ; но и не для однихъ студентовъ только, а и для лекцій профессоровъ, что, несомнѣнно, ожесточало сильно студентовъ. Въ Московскомъ университетѣ въ это время были такіе профессора-свѣтила, какъ Грановскій, Шевыревъ, Крыловъ, Рулье и мн. др., лекціи которыхъ вслѣдствіе строгой цензуры поневолѣ обратились въ школьные уроки. Разумная свобода, которой пользовались мы въ это же самое время, возбуждала зависть у студентовъ. Не только преподаватели наши, конечно, въ старшихъ классахъ, читали лекціи свои, не стѣсняясь цензурой, но и само начальство снисходительно относилось къ болтовнѣ молодежи, совершенно разумно заключая, что между словомъ и дѣломъ разница большая, и такое или иное направленіе политическихъ убѣжденій вырабатываетъ жизнь дѣйствительная, а не школьная. У насъ были кружки и политическіе, и литературные. Забавно и теперь вспомнить о тѣхъ политическихъ соображеніяхъ относительно карты Европы, которыя высказывались воспитанниками 6-го или 7-го классовъ. Изъ числа воспитанниковъ того времени и въ настоящее время можно указать на дѣятелей высокопоставленныхъ. Напримѣръ, Александръ Семеновичъ Іонинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ ѣли пироги въ Лазаревскомъ Институтѣ отъ 3-го до 8-го класса включительно, въ настоящее время тайный совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ въ Аргентинской республикѣ. Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ, двумя годами ранѣе насъ окончившій курсъ, занимаетъ тоже весьма важный постъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ воспитанниковъ Лазаревскаго института не отличался и не отличается политической неблагонадежностью. Поименовавъ А. С. Іонина и И. А. Зиновьева, я не могу обойти молчаніемъ и Александра Семеновича Зеленаго, который нынѣ въ чинѣ генерала-лейтенанта генеральнаго штаба занимаетъ видное положеніе на Кавказѣ.

Экзамены были у насъ годичные, начинавшіеся, какъ и нынѣ, съ Мая мѣсяца. Первый экзаменъ былъ изъ Закона Божія, и на этотъ экзаменъ иногда жаловалъ къ намъ и митрополитъ Филаретъ, котораго мы таки побаивались, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ строгимъ экзаменаторомъ, а просто внѣшность его смущала насъ. Маленькаго

роста, почти сухой старичокъ, митрополитъ имѣлъ взоръ суровый и такой проницающій, что казалось намъ, будто онъ знаетъ всѣ наши внутреннія достоинства или недостатки и даже каждому можетъ наименовать билетъ мало ему знакомый. Камнемъ преткновенія для насъ былъ Катихизисъ, составленный имъ же и, какъ авторъ, онъ несомнѣнно интересовался, насколько произведеніе его усвоивается нами, и потому часто давалъ вопросы помимо билета.

Вызывали насъ по алфавиту. Въ спискѣ вмѣстѣ со мною значился Данзасъ. Мальчикъ онъ былъ способный, но избалованный маменькинъ сынокъ и притомъ съ лѣнцой.

На экзаменѣ изъ 5-го въ 6-й классъ присутствовалъ и митрополитъ. Вызываютъ меня и Данзаса. Взяли билеты. Я заглянулъ въ билетъ Данзаса и вижу, что билетъ легкій и хорошо ему знакомый. Данзасу отвѣчать первому. Данзасъ краснѣетъ, блѣднѣетъ, но молчитъ. Законоучитель предлагаетъ прочесть билетъ. Молчаніе. «Можетъ быть, вы не знаете билета? Возьмите другой!» У Данзаса показываются слезы на глазахъ; онъ открываетъ ротъ, засовываетъ въ него пальцы и вытаскиваетъ изо рта большой комокъ ваты, который мѣшалъ ему говорить. Вату онъ препровождаетъ въ карманъ мундира и бойко читаетъ билетъ. Всѣ изумлены. Директоръ спрашиваетъ, не болятъ ли у него зубы. Нѣтъ. «Зачѣмъ же вы напихали себѣ ваты въ ротъ?»—«Она отъ иконы Иверской Божьей Матери: я боялся срѣзаться на экзаменѣ; мнѣ посовѣтовали взять ваты отъ чудотворной иконы, положить въ ротъ, и тогда я буду знать даже то, о чемъ мнѣ и не снилось.» С. И. улыбнулся такой наивности. Митрополитъ, замѣтивъ эту улыбку, насупился и, назвавъ Данзаса лѣнтяемъ, посовѣтовалъ ему хорошенько учиться, ибо чудеса совершаются не для тунеядцевъ.

Я читалъ проповѣди Филарета и лично слыхалъ его въ Чудовомъ монастырѣ. Проповѣди его отличаются высокимъ литературно-богословскимъ достоинствомъ, изобилуютъ неологизмами и по своему научно-богословскому содержанію скорѣе лекціи, а не проповѣди. Религія есть принадлежность чувства и инстинкта, а не ума, ибо умъ склоненъ къ скептицизму; а потому и проповѣди лишь тѣ сильны, которыя производятъ впечатлѣніе прямо на чувства. Въ проповѣдяхъ современника Филарета, архіепископа Иннокентія, болѣе чувства. Красноречіе его было увлекательно, а потому и ближе къ цѣли.

Праздничные дни я проводилъ у князя Голицына. Кромѣ удовольствія полакомиться прекраснымъ обѣдомъ и конфектами, которыя

приготовлялись домашнимъ кондитеромъ Уваромъ, я каждое Воскресенье получалъ отъ князя билетъ въ театръ, который любилъ страстно.

Драматическій театръ того времени былъ полонъ такихъ знаменитостей, какъ Щепкинъ, Самаринъ, Шумскій, Живокини, Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ, Васильева, Сабурова, Акимова и Бороздина. Но я былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы понимать великихъ артистовъ-художниковъ, и потому предпочиталъ балетъ, производившій сильное впечатлѣніе и декораціями, и различными превращеніями, и прекрасной музыкой. Балеринами того времени были Санковская. Андреянова и Ирка-Матіасъ. Само собой разумѣется, что балетоманы составляли лагери, враждовавшіе между собою изъ-за излюбленныхъ танцовщицъ. Почитатели Санковской учиняли скандалы Андреяновой и наоборотъ. И вотъ однажды, поклонники Санковской учинили премерзкій скандалъ Андреяновой, которая танцовала въ балетѣ Сатанилла. Я былъ въ это время въ театрѣ, а потому и разскажу объ этомъ случаѣ, какъ очевидецъ. Въ первомъ и во второмъ дѣйствіи балета, Андреяновой то шикали, то апплодировали. Въ третьемъ актѣ, послѣ весьма труднаго pas des deux, въ то время когда Андреянова и Монтасю, окончивъ pas, остановились въ чрезвычайно граціозной позѣ, къ ногамъ Андреяновой изъ райка былъ брошенъ какой-то предметъ съ длинною широкой лентой. Зрителямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, показалось, что предметъ этотъ долженъ былъ упасть по ходу пьесы. Но предположеніе это длилось не болѣе секунды. Монтасю поднялъ упавшій предметъ, который оказался большой дохлой кошкой, съ лентою на шеѣ. Монтасю, взглянувъ на публику и отшвырнувъ отъ себя далеко за кулисы кошку, выразилъ мимикой знаки укоризны, относящіеся къ публикѣ. Андреянова закрыла лицо руками, и видно было по судорожнымъ движеніямъ груди и плечъ ея, что она плакала. Смятеніе въ публикѣ и на сценѣ трудно передать. Въ партерѣ и въ ложахъ мужчины и дамы всѣ встали, начали раздаваться крики участія къ невинно-пострадавшей артисткѣ. Сцена наполнилась артистами и артистками, не участвовавшими въ балетѣ, въ обыкновенныхъ костюмахъ; они подходили къ артисткѣ, очевидно съ знаками участія къ ней и глубокаго негодованія къ оскорбленію, которое было ей нанесено. Публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами, дамы махали платками. Затѣмъ на сцену изъ партера и изъ ближайшихъ къ сценѣ ложъ полетѣли вѣнки и букеты, которыми буквально закидали несчастную артистку. Полиція заметалась, мгновенно оцѣпили всѣ ложи и раекъ, и въ этотъ же вечеръ открытъ былъ и виновникъ этого по истинѣ мерзкаго поступка. Таковымъ оказался гвардейской

артиллеріи штабсъ-капитанъ Булгаковъ, сынъ Московскаго почтъ-директора, а орудіемъ его какой-то дюжій мѣщанинъ, который и бросилъ кошку изъ райка съ правой стороны сцены. На слѣдующій день почитатели Андреяновой послали Санковской на квартиру пучокъ розогъ, обернутый атласомъ. Такимъ образомъ поквитались Андреянисты съ Санковистами, а Булгаковъ посланъ былъ за скандалъ этотъ на Кавказъ.

Ирка - Матіасъ была счастливѣе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она танцовала одна. Соперницъ не было, и Москва, цѣнительница ея таланта и красоты, приносила ей дань и деньгами, и въ стихотвореніяхъ, какъ напримѣръ:

Ты идеалъ и гибкости, и граціи,
Прими, Ирка̀, изъ нашихъ рукъ вѣнецъ
За стройный станъ, за нѣгу южныхъ націй,
За ножку, типъ Китайскій, наконецъ.

* *
*

Тебѣ кадятъ мужчины, дѣти, дамы;
Всю публику приводишь ты въ восторгъ;
Съ тобой балетъ, принявъ размѣры драмы,
Не разъ слезу сочувствія исторгъ... и проч.

Всѣхъ стиховъ я не помню, но и въ этихъ двухъ строфахъ выражается достойная оцѣнка таланта хорошенькой Ирки Матіасъ. Кромѣ общаго поклоненія Москвичей, были у Ирки - Матіасъ поклонники и исключительные, съ которыми она поступала съ безпощадностью истинной дочери Израиля, и таковые поплатились за благоволеніе этой Терпсихоры своими родовыми помѣстьями и благосостояніемъ семей. Изъ вышеприведенныхъ стиховъ нельзя не замѣтить, что балетъ того времени былъ мимической драмой. И въ самомъ дѣлѣ, въ балетахъ 1840—1850-хъ годовъ преобладала пластика, и балеты въ большинствѣ, отличаясь драматическимъ содержаніемъ, были благопристойны. У танцовщицъ юбки были ниже колѣна, танцы отличались чрезвычайной скромностью и граціей. Въ танцахъ того времени не было ничего эротическаго. Не то мы видимъ нынѣ. Балетъ превратился въ акробатическое представленіе, въ которомъ танцовщицы и танцовщики не только изумляютъ своими головоломными pas и полетами, но и заставляютъ содрогаться зрителей за жизнь исполнителей.

Въ 1851-мъ году Москву посѣтила Фанни-Эльснеръ. Москвичи, склонные къ восторгамъ вообще, совсѣмъ обезумѣли.

Во все время пребыванія Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ, я видѣлъ ее каждую Субботу въ домѣ князя Владимира Сергѣевича, куда она пріѣзжала обѣдать и гдѣ проводила вечера. Общество собиралось небольшое, но избранное. Вечера эти семейнаго характера посѣщала писательница графиня Растопчина и ея мрачный, лысый и съ обкусанными ногтями супругъ. Танцовали подъ фортепіано, болтали, острили. Въ танцахъ принимала участіе и Фанни-Эльснеръ.

Однажды князь шутя сказалъ ей о томъ, что и я влюбленъ въ нее. Знаменитая балерина, подшучивая надо мной, пригласила меня протанцовать съ нею кадриль, а въ воспоминаніе этого событія подарила мнѣ цвѣтокъ изъ маленькаго букета, приколотаго у ней на груди. Восторгъ мой трудно описать. Недѣлю цѣлую я былъ, какъ шальной, получилъ немало двоекъ, но за то сдѣлался героемъ между товарищами.

Въ 1851-мъ году Фанни-Эльснеръ было лѣтъ 40. Нѣсколько выше средняго роста, очень стройная и изящная, она на всѣхъ производила впечатлѣніе чарующее. Въ балетахъ Жизели и Эсмеральдѣ она талантливою игрою вызывала искреннія слезы у зрителей. Прощаясь съ артистами Московскаго балета, она всѣмъ имъ сдѣлала очень богатые подарки, а въ томъ числѣ и учителю танцованія у насъ Пѣшкову палку чернаго дерева съ большимъ, художественно-сдѣланнымъ, золотымъ набалдашникомъ. По отъѣздѣ изъ Москвы, она, говорятъ, вышла замужъ за какого-то Нѣмецкаго герцога.

Съ отъѣздомъ Фанни-Эльснеръ наступилъ Великій постъ. Казалось бы, что Москва должна успокоиться; но не тутъ то было. Сначала Москву взволновало убійство княгини Голицыной Зыковымъ, который собирался постричься въ монахи, но, какъ видно прелести міра сего были сильнѣе стремленія къ царству небесному. А затѣмъ Москвичи предались столоверченію. Аксаковы, съ кликою Славянофиловъ, вопили о бѣдствіяхъ братьевъ нашихъ Славянъ. Филаретъ громилъ проповѣдями грѣшниковъ, предавшихся бѣсу любопытства узнать будущее свое изъ постукиванія столовъ. Сорокъ сороковъ заунывнымъ звономъ колоколовъ призывали на молитву, но все тщетно. Явился и полоумный Иванъ Яковлевичъ Давьятовъ, безъ церемоніи плевавшій въ песочницу или въ лица вопрошавшихъ, изъ чего дѣлались различныя заключенія, конечно, собственнаго изобрѣтенія посѣтителей. На улицахъ Москвы показались юродивые, между которыми особенной праведностью отличался Филипушка, вооруженный желѣзной дубиной, съ большимъ мѣднымъ голубемъ на рукояткѣ. Юродивые,

гремя цѣпями веригъ, прорицали, икали, плевали и предсказывали скорое пришествіе Антихриста съ семью печатями во лбу. Усердныя почитательницы юродивыхъ плакали и кормили ихъ на убой сайками и калачами съ икрой. Начали появляться чудотворныя иконы съ мѵроточивыми глазами. Полиція ловила юродивыхъ. Духовенство обнаруживало обманы. Словомъ, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Отношенія политическія наши къ Европѣ и къ Турціи въ особенности обострялись. Москвичи не унывали и заготовляли знаменитыя шапки, чтобы закидывать враговъ.

Семейство князя Голицына два лѣтнихъ мѣсяца проводило обыкновенно на жительствѣ въ посадѣ Тройцко-Сергіевской Лавры, куда и меня нерѣдко брали. Все меня интересовало въ этомъ историческомъ гнѣздѣ Русской славы и величія. И гробница преподобнаго Сергія, къ мощамъ котораго я благоговѣйно прикладывался, и гробница Бориса Годунова съ его семействомъ; и башня, съ которой юный царь Петръ стрѣлялъ утокъ; и монастырскія стѣны, въ которыхъ еще были замѣтны слѣды Польскихъ ядеръ. Въ воображеніи живо рисовались картины Святителя Сергія, благословляющаго Димитрія Донскаго на битву съ Татарами, и рыцарей-монаховъ Осляби и Пересвѣта, облеченныхъ въ броню, и Петра, спасающагося съ крестомъ въ алтарѣ отъ убійцы, подосланнаго Софьей, и мужественныхъ монаховъ, отражавшихъ и отразившихъ продолжительную осаду Русской святыни полчищами Поляковъ. Троицкая Лавра полна воспоминаній, много говорящихъ уму и сердцу Русскаго человѣка.

Препровожденіе времени моего въ Троицкой Лаврѣ проходило въ посѣщеніи заутрень, литургій, вечерень и всенощныхъ въ Троицкомъ соборѣ, въ которомъ благолѣпная и торжественная служба и пѣніе монаховъ производили впечатлѣніе отрадное. Былъ я и въ окрестностяхъ Троицкой Лавры, а именно, въ Виѳаніи, нѣкогда дворцѣ митрополита Платона, и въ скиту. Скитъ въ то время отличался вопервыхъ, замѣчательнымъ подборомъ монаховъ. Всѣ они были очень большаго роста, худые, блѣдные, съ длинными сѣдыми бородами. Въ оградѣ скита находилась маленькая деревянная церковь, сколоченная изъ обтесанныхъ бревенъ безъ гвоздей. Церковная утварь вся была деревянная. Облаченія священно-іеромонаховъ ситцевыя. Близъ этой церкви, подъ деревяннымъ навѣсомъ, находилась могила, вырытая въ то время, не глубже аршина, собственноручно для себя митрополитомъ Филаретомъ, пріѣзжавшимъ для этой цѣли лѣтомъ на нѣсколько дней

изъ Москвы. Подъ землею находились обширные корридоры и церковь, въ которой отправлялось богослуженіе. Для притока наружнаго воздуха въ подземную церковь и корридоры были проведены трубы къ поверхности земли. Пѣніе монаховъ во время богослуженія въ этихъ катакомбахъ, исходившее изъ подъ земли, производило впечатлѣніе потрясающее. Въ скитъ этотъ женщины допускались однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15-го Августа. Все вышесказанное производило впечатлѣніе глубокое и отрадное; но жизнь тамъ, а въ особенности для мальчика, и тяжела, и скучна, а потому я и не особенно рвался туда впослѣдствіи, предпочитая Москву съ ея Петровскимъ паркомъ, Сокольниками и Марьиной рощей, въ которой грустилъ нашъ чувствительный поэтъ Жуковскій.

Въ 1854 году я окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. Проектовъ объ избраніи для меня рода службы было немало. Отецъ проектировалъ опредѣлить меня учителемъ въ Пятигорское уѣздное училище. Такое желаніе князю казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, несообразно бы было засунуть мальчика, окончившаго курсъ въ высшемъ и даже аристократическомъ учебномъ заведеніи, какимъ въ то время считался Лазаревскій институтъ, въ уѣздное училище учителемъ. Да и что же это за учитель въ 17 лѣтъ! Князь, черезъ графиню Шуазель и графиню Нессельроде, хлопоталъ объ опредѣленіи меня чиновникомъ особыхъ порученій въ Тифлисѣ при князѣ Воронцовѣ, или въ Москвѣ при графѣ Закревскомъ. И тотъ, и другой не отказались принять меня, но не иначе, какъ сверхштатнымъ чиновникомъ, безъ содержанія. Ни отецъ, ни князь Голицынъ не въ состояніи были давать мнѣ три-четыре тысячи въ годъ, чтобы я могъ жить въ средѣ блестящей и богатой молодежи, составлявшей свиту и князя Воронцова, и графа Закревскаго, безобидно для меня; а потому рѣшено было опредѣлить меня въ артиллерію. Въ это время кстати прибылъ въ Москву сынъ князя Голицына, адъютантъ князя Воронцова, князь Александръ, ѣхавшій въ Петербургъ съ ходатайствомъ отъ князя Воронцова о выкупѣ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, находившихся въ плѣну у Шамиля.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ Владимира Сергѣевича къ графу Сумарокову, командиру въ то время гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, я, по прибытіи въ Петербургъ, явился къ нему и передалъ письмо князя. За отвѣтомъ приказано мнѣ было явиться черезъ два дня, по истеченіи которыхъ графъ мнѣ объявилъ, чтобъ я въ 12 часовъ слѣдующаго дня явился къ начальнику штаба генералъ-фельдцейгмейстера, генералъ-адъютанту Безаку. Въ назначенный часъ при-

нять былъ я въ кабинетѣ начальника штаба. Генералъ, взглянувъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Такъ это вотъ вы намѣреваетесь отправиться бить Турокъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Да вѣдь вы совершенный ребенокъ. Гдѣ же вамъ выдержать тяжесть военнопоходной боевой жизни? Съ вашимъ аттестатомъ вы можете пристроиться гораздо удобнѣе. Да, наконецъ, я убѣжденъ, что никакой медикъ не дастъ вамъ необходимаго для поступленія на службу медицинскаго свидѣтельства. Да, наконецъ, поѣзжайте туда, по крайней мѣрѣ, хоть офицеромъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ съ правомъ по образованію вы можете быть произведены въ артиллерію, конечно, сдавъ предварительно экзаменъ изъ наукъ военныхъ, которыхъ вы, безъ сомнѣнія, не знаете.

— Для того, чтобы сдать экзаменъ, я долженъ жить и готовиться въ Петербургѣ, а у меня нѣтъ средствъ на это.

— Если остановка за этимъ, я васъ прикомандирую къ образцовой баттареѣ и поручу адъютанту моему, капитану Яновскому, съ тѣмъ, чтобы сдать экзаменъ въ ученомъ комитетѣ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за ваше доброе вниманіе; но воспользоваться имъ я не имѣю права, ранѣе чѣмъ получу на это разрѣшеніе отъ отца моего и князя Голицына, и я не хотѣлъ бы затруднять капитана Яновскаго занятіями, за которыя я не въ состояніи отблагодарить его.

— Это ужъ не ваша забота. Подумайте и завтра ко мнѣ явитесь, а ежели вы твердо рѣшились поступить на службу нижнимъ чиномъ, то привезите съ собою и необходимыя бумаги, а какія именно, объ этомъ вамъ скажетъ въ штабѣ капитанъ Яновскій.

Раскланявшись съ добрымъ и привѣтливымъ генераломъ, я вышелъ отъ него прямо въ залы штаба, находившіяся рядомъ съ кабинетомъ начальника штаба. Капитанъ Яновскій объявилъ мнѣ, что при прошеніи объ опредѣленіи меня вольноопредѣляющимся въ легкую батарею Кавказской артиллерійской гренадерской бригады, я долженъ представить мой учебный аттестатъ, медицинское свидѣтельство и подписку о непринадлежности къ масонской ложѣ и другимъ тайнымъ обществамъ.

Въ этотъ же день я получилъ свидѣтельство отъ лейбъ-медика Блюма и требуемые документы, представилъ начальнику штаба, а на слѣдующій день уже былъ зачисленъ въ резервную легкую батарею, расположенную въ станицѣ Эссентукской, на Кавказѣ. Молодой князь

Голицынъ еще не окончилъ дѣла о выкупѣ плѣнницъ, а потому пришлось прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ.

Мы жили въ Hotêl des Princes на Большой Морской, и однажды утромъ я имѣлъ счастіе встрѣтить императора Николая Павловича. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую солдатскую шинель и каску. Блѣдный, задумчивый и неотразимо-прекрасный и величественный Императоръ одинъ безъ свиты медленно шелъ по тротуару. Военныя дѣйствія на Дунаѣ были неуспѣшны. Осада Севастополя началась, и лишь одинъ Кавказъ радовалъ сердце Императора. Дня черезъ два, я снова видѣлъ Государя на смотру резервнаго гвардейскаго корпуса. Молодые полки, блестящей внѣшностью своей и выправкой не уступавшіе старой гвардіи, молодцами проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Императора. Громогласные возгласы «рады стараться, Ваше Императорское Величество!» всегда побѣдоноснаго нашего воинства, какъ электричество проникали въ души зрителей. Мы радовались, мы надѣялись. Не первый разъ мы сталкивались съ Европой. Нѣтъ дорóгъ, плохо оружіе; но и при этихъ условіяхъ Русская армія, какъ и всегда, окончила бы славно и побѣдоносно, ежели бы во главѣ ея въ то время находились вожди достойные ея, не бонмотисты (князь Меншиковъ въ Крыму) и знатоки военной игры (Муравьевъ впослѣдствіи на Кавказѣ). Но чтò было, то прошло и быльемъ поросло, и даже Севастополь возродился.

Въ ожиданіи отъѣзда, я осматривалъ достопримѣчательности Петербурга, былъ въ соборахъ Петропавловскомъ, Казанскомъ и Исакіевскомъ, гдѣ поклонился гробницамъ Петра Великаго и Кутузова. Былъ въ Невской Лаврѣ у гробницъ витязей нашихъ, Святаго Александра Невскаго и Александра Суворова. Былъ въ Эрмитажѣ и наслаждался пѣніемъ Лагранжа и Тамберлика, игрою Самойловыхъ, парясь въ райкахъ съ Іонинымъ, который въ то время принятъ былъ въ отдѣленіе восточныхъ языковъ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Была и мнѣ возможность, по личному предложенію директора департамента, поступить въ восточное отдѣленіе, и я вновь ѣздилъ къ генералъ-адъютанту Безаку, котораго со слезами на глазахъ просилъ уволить меня въ отставку, и хотя генералъ искренно сочувствовалъ и моей просьбѣ, и моему горю, но опять предложивъ мнѣ прикомандированіе къ образцовой батареѣ, онъ объявилъ, что увольненіе въ отставку юнкера, состоявшаго на службѣ всего нѣсколько дней, невозможно, тѣмъ болѣе въ военное время. Ну что же! Невозможно, такъ невозможно. Конечно, дипломатическая служба хороша и удобнѣе воен-

ной; но что́ сдѣлано, того не воротишь, а снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Порученіе, возложенное на князя Александра Голицына, было окончено. На выкупъ княгинь назначили 60.000 рублей, и такъ какъ въ Петербургѣ дѣлать болѣе нечего было, то мы и выѣхали въ Москву, а распростившись съ ней, поскакали на курьерскихъ на Кавказъ.

ГЛАВА III.

Прибытіе въ батарею.—Командиръ батареи капитанъ Баумгартенъ.—Пріѣздъ на Кавказъ генерала Муравьева.—Смотръ батареи.—Кончина императора Николая 1-го.—Выступленіе батареи въ Грузію.—Перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ.—Тифлисъ.—Стоянка въ Кумиссахъ.—Выступленіе въ Александрополь.—Выступленіе на урочище Омеръ-Ага.—Штурмъ Карса 17 Сентября 1855 г.—Возвращеніе отряда генерала Базина на урочище Омеръ-Ага.—Прибытіе мое въ станъ Владикарсъ.—Экзаменъ.—Я въ баракѣ Муравьева.

Не стану описывать встрѣчи моей съ родителями послѣ семилѣтней разлуки. Родители радовались, сестры и братъ прыгали и визжали отъ восторга. Старшая сестра была просватана за Любомирскаго, и потому въ комнатахъ происходило, что́ называется, столпотвореніе Вавилонское. Кроили, примѣряли, шили, смѣялись, бѣгали; но героемъ дня былъ все-таки я и, конечно, важничалъ и своимъ дипломомъ, и столичною опытностью.

Пятигорскъ показался мнѣ и маленькимъ, и до того молчаливымъ, что становилось грустно: какъ будто граждане вымерли, или заснули по манію какого нибудь волшебника, да такъ и не просыпаются.

На слѣдующій день зашелъ къ намъ пріѣхавшій изъ Эссентуковъ командиръ батареи, старый Кавказскій офицеръ съ Георгіемъ за Даргинскую экспедицію , капитанъ Алексѣй Егоровичъ Баумгартенъ. Онъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на мѣсяцъ.

Довѣрчивый и простодушный Баумгартенъ былъ оригиналъ большой руки. Живя по пословицѣ день да ночь, сутки прочь, Алексѣй Егоровичъ то заглядывалъ въ далекое будущее и умственнымъ взоромъ своимъ прозрѣвалъ мглу столѣтій, то забывалъ о завтрашнемъ днѣ. Женился онъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что, только на слѣдующій день увидѣвъ свою новобрачную супругу, пришелъ къ заключенію, что ему подсунули вмѣсто младшей сестры, въ которую онъ былъ влюбленъ всѣми силами офицерской пламенной души, старшую ея сестрицу, которую онъ также пылко ненавидѣлъ. «И вотъ, будемте откровенны, я съ горя закутилъ, и меня лишь черезъ недѣлю

отыскали въ какомъ-то трактирѣ въ Петербургѣ. Пришлось поневолѣ сойтись съ супругой; но я какъ-то и до сихъ поръ не вѣрю, что я женатъ. Хотя есть и доказательство несчастной моей женитьбы, сынъ и дочь: я же все думаю, что это кошмаръ. Не пейте, юноша, Шампанскаго, а въ особенности въ семейныхъ домахъ: иначе женятъ васъ пожалуй на кухаркѣ». Такъ говорилъ онъ грустнымъ голосомъ, а я въ душѣ смѣялся. Порядокъ, или правильнѣе безпорядокъ, въ его домѣ былъ изумительный. Это была какая-то казарма, въ которую начальство не заглядывало, дежурный и дневальный бражничали. За обѣденнымъ столомъ, то вилокъ, то ложекъ нѣтъ. Съѣстное припахивало конюшней. Хозяйка дома, у которой въ должности куафёра состоялъ конный фейерверкеръ Надѣевъ, расчесывавшій сначала хвосты и гривы батарейнымъ лошадямъ, а потомъ кудри капитаншѣ, выходила въ гостиную часовъ въ 12-ть, не ранѣе. Капитанъ сердился и бранился, дѣти кричали. Сумбуръ и грязь были невообразимые. Выражаясь словами Грибоѣдова, Баумгартенъ былъ оригиналъ, брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы. Про него ходило множество анекдотовъ: то ѣдетъ онъ поздравить начальника Кавказской артиллеріи генерала Бриммера съ бриліантовымъ перомъ на папаху, высочайше пожалованнымъ ему за отличіе въ дѣлахъ съ горцами; то вмѣсто осетра привозитъ Бриммеру же дѣвку-казачку, уложенную въ передкѣ тарантаса безъ вѣдома Баумгартена. «А вотъ, ваше превосходительство, извольте посмотрѣть, какого осетра привезъ я вамъ, говоритъ Алексѣй Егоровичъ, выскакивая изъ тарантаса и подходя къ Бриммеру, случайно бывшему на крыльцѣ. Бриммеръ улыбается; но мгновенно улыбка замѣняется взоромъ исполненнымъ гнѣва и угрозы, когда вмѣсто осетра вытаскиваютъ хорошенькую, но дрожащую отъ испуга казачку. Картина! Генералъ съ поднятыми кулаками бросается на Баумгартена. Ошеломленный капитанъ съ недоумѣніемъ смотритъ на осетра, превратившагося въ казачку. Въ глубинѣ сцены показывается старушка-генеральша, ехидно улыбающаяся. «Да что вы? Да какъ вы! говоритъ генералъ, захлебываясь отъ гнѣва. Да знаете ли вы, что я васъ туда загоню, куда воронъ костей не заносилъ?» Баумгартенъ безмолвствуетъ. Выручаетъ изъ бѣды ямщикъ, сообщающій, что впереди осетра онъ засунулъ казачку, просившую довезти ее до ближайшей и именно этой станицы, и при семъ вытаскивающій настоящаго осетра. Осетеръ великолѣпенъ, и еще живъ. Генералъ успокоился.

Служба въ батареѣ была безпечальная и безхитростная. Конныхъ ученій и практической стрѣльбы не производилось. Пятигорскъ подъ бокомъ, а тамъ и клубъ, и барышни, и потому мы чаще бывали въ

городѣ и рѣже въ батареѣ. Баумгартенъ загрустилъ вслѣдствіе крайне неблагодарной справочной цѣны на овесъ, и потому приказалъ кормить лошадей однимъ сѣномъ, справедливо разсуждая, что весна все таки будетъ, и лошади нагуляютъ себѣ тѣло на подножномъ корму. Лошади, съ досады, обросли такой густой и длинной шерстью, что мальчишки - казачата, глядя на нихъ во время водопоя въ рѣчкѣ Бугуштѣ, говорили: Васька, а Васька! Глянь-ка, казенныхъ вѣдьмедей погнали пить воду.

Но вотъ, какъ раскаты далекаго грома, донеслись до насъ слухи о назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ генералъ-адъютанта Муравьева. Начались усиленныя ученья и усиленное кормленіе лошадей, сначала сѣчкой съ отрубями, а потомъ и овсомъ. Наступилъ 1855 годъ. Въ началѣ Февраля проѣздомъ черезъ Эссентуки Муравьевъ осмотрѣлъ батарею. Солдаты дѣло свое знали, лошади блестѣли (лошадей вымазали постнымъ масломъ для блеска). Главнокомандующій остался доволенъ и поздравилъ батарею съ походомъ въ Грузію. Стали готовиться къ походу.

Ночевалъ главнокомандующій въ Пятигорскѣ, гдѣ въ день его пріѣзда онъ былъ встрѣченъ и мѣстными, и пріѣзжими властями, ожидавшими его въ залѣ благороднаго собранія. На правомъ флангѣ представлявшихся стоялъ Ставропольскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Волоцкой, знаменитый расформированіемъ двухъ ротъ Апшеранскаго полка, которымъ онъ ранѣе командовалъ, и усмиреніемъ бунта крестьянъ въ селеніи Масловомъ-Кутѣ. Имѣніе это принадлежало нѣкоему Калантарову. Управляющему этимъ имѣніемъ захотѣлось полакомиться карасями. Вожделѣніе это явилось у него въ Сочельникъ 24 Декабря. Погода стояла зимняя. Прудъ замерзъ: «Ну, братцы, айда въ воду! Потѣшьте его милость рыбкой».—«Не желаемъ». «Не желаете?»—«Нѣтъ не желаемъ: и мокро, и холодно».—«Степка, валяй за становымъ!»... Полетѣло донесеніе въ Ставрополь, откуда для укрощенія бунта крестьянъ, генералъ - лейтенантъ Волоцкой привелъ съ собой баталіонъ пѣхоты, сотню казаковъ и дивизіонъ артиллеріи батареи Москалева. Крестьяне встрѣтили его превосходительство стоя на колѣняхъ и съ хлѣбомъ-солью. «Выдать зачинщиковъ!»—«Да мы всѣ зачинщики, выслушай насъ, отецъ родной», просили плачущіе крестьяне.—«Знать ничего не хочу, давайте зачинщиковъ».—«Нѣтъ у насъ зачинщиковъ».—«А, нѣтъ: такъ бить ихъ!» Пѣхота и казаки позамѣшкались исполнить грозное приказаніе, а этимъ временемъ воспользовавшись, толпа въ нѣсколько тысячъ крестьянъ различныхъ возрастовъ и половъ успѣла скрыться за церковною оградою. Черезъ

церковную ограду бросили нѣсколько картечныхъ гранатъ. Въ тѣсно скученной толпѣ опустошеніе было произведено страшное. На полѣ битвы осталось около 400 душъ раненыхъ и убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Бунтъ усмиренъ. Крестьяне раскаялись. Волоцкой отправился въ Ставрополь. На слѣдствіе (наканунѣ пріѣзда Муравьева), пріѣзжалъ генералъ Реадъ, и по слѣдствію оказалось, что съ крестьянами иначе и нельзя было поступить.

И такъ на правомъ флангѣ представляющихся новому намѣстнику стоялъ г.-л. Волоцкой. Муравьевъ подошелъ къ нему первому и, остановившись передъ нимъ, устремилъ на него вопросительный взоръ. Но тутъ случилось нѣчто непонятное. Отважный и рѣшительный Волоцкой забылъ свою фамилію. «Волоцкой, Волоцкой, Волоцкой», шепчетъ ему стоявшій сзади полиціймейстеръ маіоръ Полнобоковъ. Волоцкой молчитъ. Намѣстникъ ожидаетъ, и на губахъ его змѣится саркастическая улыбка. Полнобоковъ волнуется и наконецъ не выдерживаетъ и громогласно восклицаетъ: «Ставропольскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Волоцкой!». Намѣстникъ идетъ далѣе и доходитъ до лѣваго фланга, гдѣ, съ хлѣбомъ-солью на подносѣ въ дрожащихъ рукахъ, находился городской голова. Голова, приготовившій на сей случай приличную рѣчь, позабылъ не только рѣчь, но даже и то, гдѣ онъ и чтó онъ. Онъ видѣлъ передъ собою что-то ужасное и трепеталъ. «Кто ты такой?» спросилъ намѣстникъ обращаясь къ нему. «Я то?»—«Ну, да!»—«Запамятовалъ, ваша свѣтлость».—«Ну, вспомни».—«Я, голова Дураковъ», отчаянно крикнулъ голова. Невольная улыбка всѣхъ присутствующихъ еще болѣе смутила голову и раздражила намѣстника. Выведите вонъ этого нахала, сказалъ Муравьевъ; но въ это мгновеніе подбѣжалъ къ нему маіоръ Полнобоковъ и доложилъ, что это дѣйствительно городской голова, и что по странному стеченію обстоятельствъ фамилія его Дураковъ, и что онъ даже подалъ прошеніе о замѣнѣ его фамиліи другой болѣе приличной и необидной для Пятигорскихъ гражданъ.

Кстати о Полнобоковѣ. Года черезъ четыре я встрѣтилъ, по дорогѣ между Ставрополемъ и Пятигорскомъ, партію арестантовъ, между которыми находился и Полнобоковъ. Я остановился, выскочилъ изъ телѣги и подбѣжалъ къ Полнобокову.—«Чтò это съ вами, Александръ Ивановичъ?»—«Да вотъ какъ видите, путешествую на казенный счетъ въ Сибирь».—«За что?»—«А вотъ за что. Помните вы гувернантку у генерала Вагнера?»—«Помню. Что же, вы убили что ли ее?»—«Нѣтъ, только женился; но оказалось, что первая моя жена жива, и вотъ меня судили, и сослали въ Сибирь. Изъ Сибири удеру въ Турцію, ибо

только тамъ и можно жить порядочнымъ и чувствительнымъ людямъ». Я вскочилъ на телѣгу и поскакалъ далѣе, размышляя на тему о бракахъ и расторженіи ихъ. Напримѣръ, Полнобоковъ гуляетъ въ Сибирь только потому, что первая его жена, женщина самаго отвратительнаго характера и поведенія, судя по словамъ Полнобокова, бросила его и исчезала безъ вѣсти нѣкоторое время, а затѣмъ, выждавъ вторичной женитьбы мужа, предъявила свои права, и храбраго маіора сослали въ Сибирь. Но къ дѣлу.

Познакомившись съ властями, Муравьевъ поѣхалъ къ двумъ ротамъ линейнаго баталіона, ученьемъ которыхъ остался крайне недоволенъ, ибо построенія производились не съ той отчетливостью, къ которой глазъ главнокомандующаго привыкъ въ Россіи. Отсюда онъ поѣхалъ въ госпиталь, гдѣ тоже остался недоволенъ и отрѣшилъ генерала Принца отъ должности коменданта. Напугавъ всѣхъ въ Пятигорскѣ, главнокомандующій отправился въ Георгіевскъ. Вслѣдъ за нимъ поѣхалъ и командиръ линейнаго баталіона полковникъ Монаенко, двѣ роты котораго были расположены въ Георгіевскѣ. Осмотромъ этихъ ротъ Муравьевъ остался тоже недоволенъ. Участь Монаенки висѣла на волоскѣ, который не замедлилъ оборваться. Его потребовали въ кабинетъ къ главнокомандующему. Муравьевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Монаенко пришлось стоять спиною къ жарко-пылавшему камину. Старикъ, взволнованный и распеканціями на смотрахъ въ Пятигорскѣ, и здѣсь, не зная куда дѣться отъ жара пылавшаго въ каминѣ, едва держался на ногахъ. «Полковникъ Монаенко! Вамъ слѣдуетъ быть кашеваромъ, а не командиромъ баталіона. Баталіонъ вашъ ни къ чорту не годится; да и не мудрено, когда командиръ пьянствуетъ. Посмотрите, онъ и теперь пьянъ, еле на ногахъ стоитъ! Подайте въ отставку». Монаенко, упалъ какъ подкошенный на полъ. «Вынесите вотъ этого пьяницу!» Не мѣшаетъ сказать, что старый и заслуженный Василій Ильичъ Монаенко кромѣ воды никакихъ иныхъ напитковъ не употреблялъ.

Изъ Георгіевска главнокомандующій проѣхалъ далѣе, всѣхъ сокрушая и всѣхъ осыпая сарказмами. Изъ крѣпости Грозной онъ написалъ письмо къ А. П. Ермолову, въ которомъ, иронизируя надъ качествами Кавказской арміи, осыпалъ сарказмами начальниковъ ея и горько сожалѣлъ о сибаритизмѣ, которому они предавались: напримѣръ, начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель, имѣя передъ глазами землянку вашу, живетъ во дворцѣ и утопаетъ въ роскоши! Но въ то время, когда Ермоловъ строилъ крѣпость Грозную, и землянка, въ

которой жилъ онъ, была дворцомъ, а по истеченіи тридцати лѣтъ Грозная обстроилась, и въ землянкахъ помѣщались развѣ кузницы

Иронизируя и относясь съ негодованіемъ ко всѣмъ и ко всему, генералъ Муравьевъ позабылъ, что онъ пріѣхалъ быть вождемъ той арміи, которая всегда и всюду славно и побѣдоносно проявляла себя. Подвиги оказанные въ Баядурѣ, Башкадыкларѣ и Курюкдарѣ, еще ярко блистали на штыкахъ этой единственной и неподражаемой арміи. Среди арміи, въ рядахъ которой Муравьевъ, какъ полководецъ, долженъ былъ пріобрѣсти любовь для предстоявшихъ подвиговъ (ибо война была въ разгарѣ, и въ Севастополѣ дѣла наши ухудшались) главнокомандующій поселилъ неудовольствіе къ себѣ и скрытую ненависть. На все есть свое время, и ранѣе чѣмъ уничтожать, слѣдовало приглядѣться, приласкать и, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который оказался подъ руками, умѣть привлечь, а не оттолкнуть отъ себя отдѣльныхъ начальниковъ арміи, которые еще такъ недавно стяжали славу въ битвахъ и съ горцами, и съ Турками. Армія не губернское правленіе, въ которомъ, безъ ущерба дѣлу, можно замѣнять новыхъ чиновниковъ другими; да и здѣсь осторожный начальникъ сначала подумаетъ, а потомъ уже и начнетъ сокрушать. Не время было иронизировать и писать письмо Ермолову объ изнѣженности и сибаритизмѣ Кавказцевъ. Эти сибариты умѣли одерживать славныя побѣды, и въ ту по истинѣ тяжелую для Россіи годину лишь они радовали императора Николая своими блестящими побѣдами.

Размолвка главнокомандующаго съ начальникомъ штаба арміи, княземъ Барятинскимъ, боевымъ, талантливымъ и весьма популярнымъ генераломъ, была крупною ошибкою. Устраненіе такого помощника было равносильно пораженію еще до встрѣчи съ непріятелемъ. Не князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, не бравшій оружія въ руки съ 1828 года, выигралъ сраженія подъ Башкадыкларомъ и Курюкдаромъ, а руководилъ обоими сраженіями начальникъ штаба князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Отъѣздъ князя Барятинскаго произвелъ крайне дурное впечатлѣніе на Кавказцевъ. Таланты генерала Муравьева, какъ искуснаго предводителя войскъ на маневрахъ, и его научное образованіе могли очаровывать въ Россіи на плацъ-парадахъ, а на Кавказѣ и прапорщики знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ.

Пріунывшихъ Кавказцевъ какъ громомъ поразило извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Мы узнали объ этой тяжкой, несвоевременной утратѣ 25 Февраля, отъ курьера, везшаго это горестное извѣстіе въ Тифлисъ.

Распоряженіе о принесеніи присяги императору Александру Николаевичу застигло насъ на походѣ батареи въ Грузію. Въ станицѣ Ново-Павловской мы присягнули и отправились далѣе, гдѣ насъ ожидали подвиги и слава.

Погода была теплая и сухая, и мы подошли къ станціи Казбекъ, какъ бы совершая прогулку. Во Владикавказѣ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о томъ, что на Крестовой горѣ и въ Байдарскомъ ущельи дорога завалена снѣговымъ обваломъ, маршрутъ батареи былъ измѣненъ, и мы отъ станціи Казбекъ свернули на лѣво по Черной рѣчкѣ черезъ деревню Цно и Буслачиръ. На ночлегахъ въ этихъ двухъ Осетинскихъ деревушкахъ насъ едва не съѣли блохи. Неопрятность Осетинъ, не знающихъ ни бани, ни чистаго бѣлья, по истинѣ изумительна. Сакли у нихъ сложены изъ плоскаго плитняка, какъ попало, лишь бы стѣны не развалились. Огонь раскладывался по срединѣ этой обширой сакли на земляномъ полу, и дымъ едва выходилъ въ небольшое отверстіе въ крышѣ. Миріады блохъ осыпали непривычнаго къ нимъ путника; глаза выѣдалъ дымъ, стлавшійся по саклѣ. Прибавьте къ этому специфическую вонь отъ обывателей и скотовъ!

Еще до разсвѣта батарея выступила изъ деревни Буслачиръ и вскорѣ подошла къ водораздѣлу Кавказскаго хребта. Поднимались мы зигзагами по глубокимъ корридорамъ, вырубленнымъ въ снѣгу. Подъемы не особенно круты, но тѣмъ не менѣе въ помощь намъ мѣстный участковый приставъ, капитанъ Куликовъ, пригналъ двѣ или три сотни Осетинъ. Въ мѣстахъ трудныхъ Осетины очень много кричали и очень мало помогали, при чемъ производили лишь безпорядокъ; а потому командиръ батареи съ половины подъема заблагоразсудилъ прогнать ихъ, и батарея, хотя и не безъ труда, но къ пяти часамъ вечера поднялась на вершину перевала, и вотъ передъ глазами нашими, облитая яркими лучами южнаго солнца, открылась, въ зелени и цвѣтахъ, красавица Грузія.

Спустившись по зигзагамъ южнаго склона въ Гудакамарское ущелье, мы расположились на ночлегъ въ палаткахъ на берегу Арагвы, близъ госпиталя.

Добродушные Грузины, не скупясь, угощали насъ и хорошимъ Кахетинскимъ, и вкусными шашлыками изъ молодыхъ барашковъ. Путь нашъ до Тифлиса былъ какимъ-то безконечнымъ праздникомъ. Солдатики шли весело, быстро сходились съ Грузинами, и мы не замѣтили, какъ подошли къ этой древней столицѣ Грузинскаго царства.

Верстахъ въ двухъ или трехъ отъ города, батарея остановилась, и намъ приказано было почиститься и принарядиться передъ вступленіемъ въ городъ; а одинъ изъ офицеровъ батареи посланъ впередъ къ коменданту доложить о прибытіи батареи и узнать вмѣстѣ съ этимъ, гдѣ ей остановиться. Возвратившійся офицеръ передалъ приказаніе вступать въ Тифлисъ по Головинскому проспекту и имѣть въ виду, что, проходя мимо дворца главнокомандующаго, мы, можетъ быть, будемъ встрѣчены его высокопревосходительствомъ. Для ночлега же намъ было указано мѣсто по другую сторону города, на Александропольской дорогѣ.

По командѣ: «Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія!» батарея спустилась на Верійскій мостъ и, поднявшись на гору (съ которой въ 1837 году лошади, не сдержавъ тяжелой коляски императора Николая Павловича, понесли и опрокинули экипажъ на поворотѣ къ мосту, при чемъ Государь такъ счастливо упалъ, что даже не ушибся, и на мѣстѣ этомъ воздвигнутъ былъ памятникъ), батарея вступила въ предмѣстья города, направо и налѣво покрытыя виноградными садами, и лишь съ того мѣста, гдѣ нынѣ находится кадетскій корпусъ, начинался Головинскій проспектъ. По обыкновенію батарею провожала толпа любопытныхъ, ежеминутно увеличивающаяся. Навстрѣчу къ намъ выѣхали комендантъ генералъ Ротъ и полицеймейстеръ, при помощи которыхъ толпу зѣвакъ съ правой стороны перегнали на лѣвую, чтобы открыть батарею при прохожденіи ея мимо дворца главнокомандующаго, который смотрѣлъ на насъ стоя у открытаго окна, и, должно быть, остался доволенъ внѣшнимъ видомъ батареи, ибо замѣчаній никакихъ не послѣдовало.

Продолжая движеніе по проспекту, мы пересѣкли Эриванскую площадь, спустились на Армянскій базаръ и затѣмъ выбрались за городъ, гдѣ и расположились лагеремъ. На отдыхъ намъ было дано три дня.

Въ 1855 году Тифлисъ и по внѣшности, и по складу жизни былъ еще вполнѣ Азіатскій городъ, самую оживленную часть котораго составлялъ Армянскій базаръ. Здѣсь на улицахъ и варили, и пекли, и шили, и одѣвались, и раздѣвались, и ковали лошадей. Шумъ и гвалтъ были невообразимые. Въ кривыхъ, грязныхъ и вонючихъ переулкахъ копошилась такая толпа народу, что пройти, или въ особенности проѣхать, можно было съ трудомъ. Лавчонки съ краснымъ и мелочнымъ товаромъ, сушеными и свѣжими фруктами и зеленью, съ бурдюками Кахетинскаго вина и настоящаго Турецкаго табаку, который тутъ же

и крошили, и складывали въ большія деревянныя и глиняныя чашки, не отличались опрятностью, но за то щеголяли изумительною дешевизною. Напримѣръ, фунтъ самаго лучшаго табаку, котораго нынѣ и за 10 р. не купишь, продавался по 60 коп. Тунга, т. е. пять бутылокъ хорошаго Кахетинскаго вина, стоила 25 к. Въ мануфактурныхъ лавкахъ, преимущественно съ Персидскими и Шемахинскими издѣліями, ковры и шелковыя матеріи тоже были очень дешевы. Коверъ въ пять аршинъ длины и три аршина ширины продавался за 20 — 25 р., не дороже. Самый лучшій канаусъ стоилъ 20 коп. аршинъ.

Лучшими частями города были Эриванская площадь и незначительная часть Головинскаго проспекта, на которыхъ попадались дома Европейской архитектуры. Сололаки представляли изъ себя аулъ, утопувшій въ садахъ и виноградникахъ. Въ Кукахъ была Нѣмецкая колонія съ двумя рядами маленькихъ домиковъ. Пески и Авлабаръ составляли тоже большой аулъ. На Навтлугѣ были госпиталь и немногіе домики врачей и служащихъ чиновниковъ. Вотъ и весь Тифлисъ 1855 года; но за то жизнь била въ немъ ключомъ. По улицамъ взадъ и впередъ сновала толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: то въ чухахъ съ откидными рукавами и яркихъ шелковыхъ бешметахъ, перетянутыхъ серебряными или золотыми широкими поясами; то чиновники въ фуражкахъ и соломенныхъ шляпахъ, закрытыхъ бѣлой кисеей; то офицеры въ папахахъ Все это кричало, пѣло, бѣжало. Въ воздухѣ стонъ стоялъ. Изрѣдка показывались, какъ привидѣнія, и Грузинки, закутанныя въ бѣлыя чадры, изъ-за которыхъ виднѣлись сверкающія очи, любопытно оглядывавшія мужчинъ не въ національныхъ костюмахъ. Кстати о Грузинкахъ. Нигдѣ женщина не пользовалась такимъ уваженіемъ и свободою, какъ въ Грузіи. Говорятъ, будто причиною этого недостатокъ женщинъ, которыхъ толпами уводили и продавали въ Персію и Турцію; но я думаю, причину этой свободы и уваженія искать въ самой женщинѣ-Грузинкѣ, въ добродушіи и любезности Грузинъ. Грузинка также мила въ общежитіи, какъ заботлива въ семьѣ и хозяйствѣ.

Роскошная природа, вѣчная пѣсня и музыка превращаютъ жизнь въ Грузіи въ какой-то безконечный праздникъ. Грузины и ѣдятъ, и пьютъ, и дома строютъ подъ неумолкаемую пѣсню. До васъ доносятся то звуки зурны, то пѣсня Грузина, забравшагося на крышу сакли, то бубенъ, подъ звуки котораго пляшетъ, тоже на крышѣ сакли, стройная красавица-Грузинка, на которую не грѣхъ заглядѣться. Веселье общее и, при обиліи вина, ни одного пьянаго, ни одной грязной сцены. «Счастливый, пышный край земли!»

Послѣ тѣхъ пытокъ и мученій, которыя перенесла многострадальная Грузія отъ Лезгинъ, Турокъ и Персовъ, не грѣхъ было и побаловать этихъ милыхъ, добродушныхъ Грузинъ; но князь Воронцовъ слишкомъ баловалъ ихъ, и немудрено, что Грузины на милости правительства смотрѣли, какъ на нѣчто обязательное. Напротивъ, Муравьевъ отнесся къ нимъ слишкомъ сурово и даже грубо, не скупясь на насмѣшки и называя ихъ «голопятыми».

Князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, бывшій адъютантъ князя Воронцова, разсказывалъ мнѣ про случай встрѣчи его съ Муравьевымъ. «Пріѣхавъ изъ Цинондалы, я отправился во дворецъ главнокомандующаго, чтобы явиться къ его высокопревосходительству. Въ то время я недавно пожалованъ былъ чиномъ полковника и званіемъ флигель-адъютанта. Пріемный залъ былъ полонъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Послѣ недолгаго ожиданія, главнокомандующій вышелъ къ намъ изъ внутреннихъ покоевъ. Когда очередь дошла до меня, то Муравьевъ, остановившись возлѣ меня и оглядѣвъ съ головы до ногъ, произнесъ: «А, вотъ и вы надѣли красные штаны! И, должно быть, важничаете очень; у меня тоже красные штаны, а я же вотъ не важничаю». — «У меня, ваше высокопревосходительство, пока еще только красные лампасы, и до красныхъ штановъ я еще доживу, вѣроятно, не скоро, и потому и важничать мнѣ нечѣмъ». Намѣстникъ презрительно улыбнулся и отошелъ отъ меня. Немилость его за отвѣтъ мой выразилась въ томъ, что онъ лишилъ меня возможности быть въ дѣйствующихъ войскахъ».

Князь Эристовъ, прозванный въ Грузіи батушкой Эристовымъ, вслѣдствіе привычки его въ разговорахъ прибавляетъ слово «батушка», желая повидаться съ бывшимъ подчиненнымъ и боевымъ товарищемъ, не взирая на свои весьма преклонныя лѣта, выѣхалъ изъ имѣнія своего Атэшъ, близъ города Гори, въ Тифлисъ. Далѣе я буду передавать словами князя. «Ну, вотъ, батушка, пріѣхалъ я въ Тифлисъ. Остановился у одного изъ родственниковъ, отдохнулъ и на слѣдующій день, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ во дворецъ главнокомандующаго. Вотъ, думаю, Николай Николаевичъ обрадуется! Вѣдь было время, въ походѣ изъ одной чашки щи хлебали. Вошелъ я въ залъ. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ. «Какъ прикажете доложить о васъ?» — «Доложите, что батушка Эристовъ очень желаетъ видѣть его». Адъютантъ пошелъ въ кабинетъ и вскорѣ вернулся съ отвѣтомъ, что его высокопревосходительство проситъ подождать. Обидѣло это меня старика; но думаю, можетъ быть, важное дѣло есть. Подожду. Сижу и думаю. Вотъ

я генералъ-отъ-инфантеріи пріѣхалъ съ визитомъ къ генералу же отъ-инфантеріи, который когда-то былъ моимъ подчиненнымъ, и я этого подчиненнаго не заставлялъ ждать себя въ передней, хотя и былъ въ то время генералъ-лейтенантомъ, а онъ только полковникомъ. Но дѣлать нечего, сижу и жду; жду и думаю. Когда-то я былъ грозою Персіанъ, и передо мною гнули спины и ханы, и даже наслѣдникъ Персидскаго престола, а вотъ теперь и адъютантъ Муравьева какъ-то покровительственно глядитъ на меня. Я вспыхнулъ и всталъ, чтобъ уйти, не ожидая счастья видѣть очи Николая Николаевича; но въ эту минуту въ залъ вошелъ главнокомандующій, подошелъ ко мнѣ и, хотя сухо, но вѣжливо поздоровавшись со мною, пригласилъ меня въ кабинетъ. «Ну, что, князь, какъ поживаете? Не съ просьбой ли? Меня осаждаютъ просьбами», сказалъ главнокомандующій. А у меня и просьбы-то никакой не было. Я просто хотѣлъ повидаться съ старымъ боевымъ товарищемъ; но при словѣ «просьба» я вспомнилъ племянника моего капитана князя Орбеліани и рѣшился попросить Муравьева взять его къ себѣ адъютантомъ или хотя ординарцемъ. На это главнокомандующій отрѣзалъ мнѣ слѣдующее: «Я, ваше сіятельство, приближаю къ себѣ людей дѣла, а не искателей служебной карьеры, и потому племянника вашего принять въ свой штабъ не могу». Я всталъ, поклонился и вышелъ, какъ оплеванный. Коли хотите, Муравьевъ правъ; но такихъ просителей, какъ князь Эристовъ, котораго съ нимъ связывали многолѣтнія боевыя воспоминанія, во всей Россіи былъ только я одинъ, батушка Эристовъ».

Сухость и суровость Муравьева имѣли послѣдствія самыя плачевныя. Его не любили и въ арміи, и въ населеніи, и не въ этомъ ли надо искать одну изъ причинъ, въ числѣ прочихъ, неудачнаго штурма Карса?

Сокращая государственные расходы, Муравьевъ лишилъ офицеровъ дѣйствующей арміи раціонныхъ денегъ, помогавшихъ имъ справляться съ всегда дорогою походною жизнью. Жалованья въ то время отпускали прапорщику 210 р. годъ, съ незначительною прибавкою по чинамъ выше до штабъ-офицерскаго чина. Между тѣмъ, въ это же время высылались изъ дѣйствующей арміи десятки и сотни тысячъ въ банки и приказы общественнаго призрѣнія интендантскими чиновниками и подрядчиками. Маркитанты буквально грабили офицеровъ и солдатъ. Армяне принимали ассигнаціи наши за двѣ трети и даже половину стоимости ихъ. Изнанка войны всегда некрасива, но иногда она подкрашивается блескомъ побѣдъ, чего въ 1855 году впрочемъ не

было на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Въ Севастополѣ войска наши геройски умирали, и только. Въ Азіатской Турціи приготовлялись умирать, но съ увѣренностью побѣдить, ибо Кавказцы подъ начальствомъ своихъ генераловъ привыкли къ побѣдамъ.

Войска рвались въ бой, а ихъ заставили блокировать Карсъ съ Мая мѣсяца и до половины Сентября. Турки, въ виду бездѣйствія всегда грозныхъ для нихъ Русскихъ солдатъ, окапывались и приготовлялись къ оборонѣ, на что они имѣли полную свободу вслѣдствіе того, что мы не производили осадныхъ работъ. Поиски значительными отрядами за Саганлугъ и въ другія мѣстности были весьма эфектны, но безполезны. Ежели главнокомандующій опасался риска, то незачѣмъ было и переходить границу? Можно было ограничиться оборонительною войною, чтобы сохранить Закавказье.

Нерѣшительность главнокомандующаго деморализуетъ духъ арміи. Муравьевъ безспорно былъ и высокой чести, и многосторонняго образованія человѣкъ; онъ могъ быть хорошимъ военнымъ министромъ, но не главнокомандующимъ и намѣстникомъ. Прекрасный теоретикъ, онъ не зналъ ни жизни, ни солдата. Австрійскіе генералы выигрывали сраженія въ проектахъ и планахъ военныхъ дѣйствій, а въ дѣйствительныхъ бояхъ ихъ били. Диспозиція Муравьева для штурма Карса была составлена по правиламъ военнаго искусства, преподаваемаго въ книгахъ и, не взирая на это, насъ крѣпко поколотили Турки.

Какъ я уже сказалъ выше, батареѣ былъ данъ трехдневный отдыхъ въ Тифлисѣ. Быть въ Тифлисѣ и не быть въ тѣхъ знаменитыхъ баняхъ, которыя подстрекали любопытство мое при чтеніи «Путешествія въ Эрзерумъ» Пушкина, значило бы тоже, что́ быть въ Римѣ и не видѣть папы. Изъ бани я отправился къ дѣду и бабушкѣ, имѣвшимъ тогда въ Тифлисѣ собственный домъ. Радости стариковъ не было предѣла. Трехдневное пребываніе мое у нихъ было сплошнымъ баловствомъ. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, много разсказывалъ мнѣ о А. П. Ермоловѣ и его начальнически-добрыхъ и привѣтливыхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. У него, говорилъ дѣдушка, домъ съ утра и до вечера былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, и въ этомъ былъ большой смыслъ, ибо такимъ образомъ главнокомандующій могъ лично опредѣлять свойства своихъ гостей, служившихъ подъ его начальствомъ, а не по рекомендаціямъ.

Получивъ благословеніе стариковъ, а отъ дѣдушки золотой перстень, украшенный большой бирюзой, пожалованный ему А. П. Ермо-

ловымъ, я отправился догонять батарею, выступившую по направленію къ селенію Кумиссы, гдѣ намъ произведенъ былъ смотръ начальникомъ артиллеріи Кавказской арміи, ген.-лейтенантомъ Бриммеромъ. Бриммеръ былъ назначенъ командиромъ корпуса, сосредоточеннаго въ Александрополѣ для наступленія къ Карсу.

Въ началѣ Іюня батарея выступила сначала на Бѣлый Ключъ, потомъ въ Манглисъ, гдѣ собрана была вся резервная дивизія Кавказской арміи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Базина, и откуда насъ направили въ Александрополь, представлявшій изъ себя картину шумнаго военнаго города. По улицамъ сновали офицеры и солдаты полковъ Кавказской арміи и 18-й и 13-й дивизій, прибывшихъ изъ Россіи. Лавки и гостинницы предпріимчивыхъ Жидовъ, Нѣмцевъ и Армянъ были постоянно биткомъ набиты посѣтителями. Для развлеченія пріѣзжихъ офицеровъ явился и циркъ, подъ управленіемъ Лоббе, и въ немъ прехорошенькая и граціозная наѣздница Anastasie, ради прелестныхъ глазокъ которой Шампанское лилось рѣкою и въ самомъ циркѣ, и въ квартирѣ Лоббе, катавшагося по этой причинѣ, какъ сыръ въ маслѣ. Перепадало немало полуимперіаловъ для поощренія труппы Лоббе, а въ особенности таланта дѣвицы Anastasie, которую въ 1858 году въ Майкопѣ я зналъ уже подъ именемъ Матильды.

Стоянка въ Александрополѣ до Сентября мѣсяца была не то, что́ скучна, а просто надоѣло жить два мѣсяца на одномъ и томъ же мѣстѣ. Правда, время разнообразилось то гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ Карса, то извѣстіями съ театра войны о рекогносцировкахъ и удачныхъ поискахъ маленькихъ нашихъ отрядовъ въ непріятельскія стороны, при чемъ отрядъ Ковалевскаго разбилъ небольшой же отрядъ Али-паши. Въ этой стычкѣ особенно отличился командиръ казачьей сотни есаулъ Сердюковъ, взявшій собственноручно въ плѣнъ пашу.

Пашу этого отправили въ Россію, и въ проѣздъ его черезъ Александрополь мнѣ пришлось видѣть его. По внѣшности онъ нисколько не отличался отъ продавцовъ сушеныхъ фруктовъ или Кахетинскаго, съ тою разницею, что маркитанты-Армяне носили чохи и папахи на головѣ, а Али-паша одѣтъ былъ въ короткій однобортный на крючкахъ казакинъ темно-синяго сукна, на головѣ имѣлъ малиновую феску съ мѣдной бляхой на тульѣ и съ большой синей шелковой кистью, спускавшейся ниже уха изъ подъ бляхи.

Въ гостинницахъ и лавкахъ торговцы обдирали посѣтителей немилосердно. Цѣны на всѣ предметы были удвоенныя, утроенныя и

даже учетверенныя. Между лавками посѣщался въ особенности часто чайный магазинъ какого-то Еврея; но публика привлекалась туда не столько желаніемъ купить фунтъ или два чая, сколько красавицею-женой хозяина магазина, заглядываясь на которую, покупатели забывали о сдачѣ, и потому магазинъ торговалъ на славу. Послѣ сдачи Карса впредъ до заключенія мира съ Турками, корпусомъ командовалъ знаменитый генералъ X.....; онъ плѣнился Еврейкою до того, что пригласилъ ее быть хозяйкою его холостой квартиры, на что супругъ-Еврей и согласился, вѣроятно, не за чечевичную похлебку.

Сообщеніе Александрополя съ корпусомъ, находившимся подъ Карсомъ на протяженіи 70 верстъ, было ежедневное. Транспорты пустыхъ арбъ и повозокъ, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, взвода орудій и сотни казаковъ, доходили до половины разстоянія между Карсомъ и Александрополемъ и, встрѣтившись съ такою же колонною, но съ нагруженными повозками и арбами, обмѣнивались между собою и предпринимали обратное движеніе. Въ одну изъ такихъ оказій я имѣлъ случай познакомиться съ зятемъ Муравьева, полковникомъ Корсаковымъ, и капитаномъ генеральнаго штаба Прохоровымъ. При расположеніи колонны на ночлегъ, невдалекѣ отъ моей палатки подъ арбою, расположились ночевать штабъ-офицеръ въ адъютантской формѣ и оберъ-офицеръ генеральнаго штаба. Небо заволоклось тучами, началъ накрапывать дождь, обѣщавшій въ скоромъ времени обратиться въ ливень. Перспектива провести ночь подъ дождемъ на открытомъ воздухѣ не особенно соблазнительна, а потому я, не долго думая, подошелъ къ Корсакову и Прохорову и попросилъ ихъ помѣститься у меня въ палаткѣ. Просьба моя, разумѣется была исполнена весьма охотно, и мы не разставались до обмѣна колоннъ. Съ Корсаковымъ я встрѣтился еще разъ послѣ штурма Карса у ставки главнокомандующаго, а Прохорову вскорѣ на рекогносцировкѣ укрѣпленій Карса оторвало голову Турецкимъ ядромъ.

На пути, колоннѣ приходилось проходить по мѣстамъ, ознаменованнымъ славными побѣдами въ сраженіяхъ Башкадыкларскомъ и Курюкдаринскомъ, гдѣ на каждаго нашего воина приходилось по пяти и болѣе Турецкихъ солдатъ. Поля сраженій были густо усѣяны могилами, безпорядочно сложенными изъ камней, на поверхности земли; изъ подъ этихъ грудъ камня высовывались скелеты то рукъ, то ногъ, то головъ. Въ юномъ воображеніи моемъ рисовались картины сраженій, происходившихъ на этихъ славныхъ поляхъ. Знамена развѣвались, кавалерія скакала въ атаки, пѣхота разрывала густыя колонны.

Турокъ, гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, крики «алла» и Русское побѣдное «ура», оглашали пространство на далекое, далекое разстояніе. Эффектно! А тутъ же груды камня, между которыми видны скелеты!

Два мѣсяца стоянки батареи въ Александрополѣ прошли для меня не въ однихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. По представленію командира батареи и по желанію моему быть произведеннымъ въ офицеры полевой артиллеріи, назначена была коммиссія изъ артиллерійскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ командира летучаго парка, капитана Хабалова, для предварительнаго мнѣ экзамена изъ артиллерійскихъ наукъ. По выдерженіи экзамена въ этихъ коммиссіяхъ, въ то время юнкерà отсылались на казенный счетъ въ Петербургъ для окончательнаго экзамена въ ученомъ комитетѣ. Я уже сдалъ этой коммиссіи экзамены изъ военной исторіи, артиллеріи и полевой фортификаціи; оставалась математика, когда послѣдовало распоряженіе батареѣ выступить изъ Александрополя въ мѣстность Омеръ-Ага, гдѣ былъ расположенъ летучій отрядъ генералъ-лейтенанта Базина. «Ну, вотъ и отлично, Иванъ Ивановичъ», сказалъ мнѣ батарейный командиръ: «вы можете быть произведены офицеромъ въ артиллерію за отличіе въ дѣлахъ противъ Турокъ, чему въ продолженіе этой войны было нѣсколько примѣровъ, а потому совѣтую вамъ экзамена не продолжать. Къ чему вамъ одному сидѣть въ Александрополѣ?!»

2-го Сентября второй дивизіонъ нашей батареи выступилъ изъ Александрополя. Третьимъ взводомъ командовалъ подпоручикъ Михаилъ Ивановичъ Мамацевъ, а четвертымъ я, за болѣзнью поручика Соболева, нечаянно упавшаго въ пустую яму для обжиганія кирпичей и сломавшаго себѣ ребра.

Я забылъ сказать, что первый дивизіонъ нашей батареи, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Булычова и двухъ взводныхъ офицеровъ, подпоручика Алехина и прапорщика Кильдюшевскаго, изъ Манглиса командированъ былъ въ составъ Ахалцихскаго отряда.

5-го мы прибыли въ отрядъ генерала Базина. Отрядъ этотъ состоялъ изъ Грузинскаго резервнаго баталіона, двухъ баталіоновъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, Донскаго казачьяго полка и дивизіона легкой батареи 13-й артиллерійской бригады.

8-го ночью, отрядъ выступилъ неизвѣстно куда, т. е., по крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не зналъ о цѣли выступленія. Мы шли форсированнымъ маршемъ и останавливались только для варки пищи въ глубокихъ ущельяхъ. Только на третій день, когда мы поднялись на

весьма высокую гору, и вдали обрисовались высоты, увѣнчанныя укрѣпленіями, мы узнали, что идемъ къ Карсу. 11-го, въ 12 час. дня, мы прибыли на позицію Меликёй, гдѣ былъ расположенъ кавалерійскій отрядъ г.-маіора Бакланова, находившійся въ общей системѣ отрядовъ, блокировавшихъ Карсъ. Нашъ отрядъ и Бакланова, соединившись, составили силу довольно грозную, подъ начальствомъ Базина. Въ составѣ этого отряда находились 3 батальона пѣхоты, не менѣе 2400 штыковъ, Тверской драгунскій полкъ, два Донскихъ казачьихъ полка, одинъ сводный линейскій казачій полкъ, Донская легкая батарея и сводная легкая батарея. Не взирая на страшную усталость отъ труднаго горнаго похода и трехъ безсонныхъ ночей, мы, вооружившись подзорными трубками и биноклями, стали разсматривать укрѣпленія большого и малаго Карадаговъ, находившихся верстахъ въ семи отъ нашей позиціи, и такъ какъ склоны высотъ, на которыхъ расположены непріятельскія укрѣпленія, были обращены въ нашу сторону, то въ бинокли можно было отлично разсматривать профили укрѣпленій и Турецкіе лагери гарнизоновъ этихъ укрѣпленій.

Прибытіе нашего отряда видимо заинтересовало Турокъ, судя по бѣготнѣ ихъ въ укрѣпленіяхъ брустверовъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и намъ надоѣло смотрѣть на Турокъ; да кстати уже были разбиты палатки, приготовлены постели и самовары, а потому, слегка закусивъ и напившись чаю, мы залегли спать.

Военныя силы, находившіяся съ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміей въ 1855 году, состояли изъ полковъ дивизій: гренадерской 20-й, 21-й, 13-й, 18-й и 19-й бригады (пятибаталіоннаго состава каждый полкъ) или изъ 22-хъ полковъ, численностью въ 110 баталіоновъ; 16 баталіоновъ резервной дивизіи; 16 баталіоновъ, снятыхъ изъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи; сапернаго и гренадарскаго стрѣлковаго баталіоновъ; Нижегородскаго и Тверскаго драгунскихъ полковъ; 20 полковъ Кавказскаго линейнаго войска и 10 Донского; 10 Черноморскихъ пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ; 6 бригадъ артиллеріи полевой, легкой и батарейной, слѣдов. 156 баталіоновъ пѣхоты, по 800 штыковъ въ каждомъ баталіонѣ; а всего въ общей сложности пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи было свыше 160.000 человѣкъ. Незначительная часть этихъ войскъ находилась въ распоряженіи Донскаго атамана Хомутова, остальныя расположены были слѣдующимъ образомъ. Въ Черноморіи, на правомъ и лѣвомъ флангахъ и въ центрѣ Сѣвернаго Кавказа, находились небольшіе отряды и гарнизоны въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ въ оборонительномъ порядкѣ, что впрочемъ не мѣшало дѣлать наступленія или набѣги въ

предѣлы горцевъ. Въ Закавказьѣ находились отряды на Лезгинской кордонной линіи и въ Дагестанѣ съ Востока Западъ охранялся отрядами въ Мингреліи и Ахалцихѣ. На Югѣ подъ Карсомъ расположенъ былъ дѣйствующій корпусъ численностью не свыше 30.000 человѣкъ, и наконецъ Эриванскій отрядъ. Тылъ дѣйствующаго орпу а обезпеченъ былъ сильною крѣпостью въ Александрополѣ.

Шамиль не предпринималъ ничего въ теченіе 1854 и 1855 годовъ, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ набѣговъ, послѣ которыхъ горцы возвращались во своясн, крѣпко побитые и казаками, и отрядами нашими. Закавказскіе магометане Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерній были способны лишь къ мелкимъ кражамъ рогатаго скота и лошадей и частнымъ убійствамъ, и по вполнѣ мирнымъ наклонностямъ ихъ они не способны были къ значительному вооруженному возстанію. Въ виду всего вышеизложеннаго, главнокомандующій, во главѣ тридцатитысячнаго корпуса, сосредоточеннаго подъ Карсомъ, занималъ положеніе грозное и вполнѣ обезпеченное. Между тѣмъ дѣйствія его были вялы, нерѣшительны и ограничивались или рекогносцировками передовыхъ укрѣпленій Карса, или поисками въ окрестностяхъ.

16-го Сентября въ 8 час. вечера, мы по обыкновенію собрались ужинать въ палаткѣ батарейнаго командира. Помню какъ сейчасъ, подано было любимое наше блюдо, вареный картофель въ мундирахъ и сливочное масло къ нему. Разговоры, какъ и во всякой военной компаніи, были на темы преимущественно военныя.

Но вотъ внезапно явился къ намъ въ палатку адъютантъ генерала Базина, передавшій командиру батареи приказаніе пожаловать къ начальнику отряда. Не придавая особеннаго значенія такому приглашенію, мы продолжали ужинать, а Баумгартенъ отправился къ генералу. Не прошло и получаса, какъ возвратившійся Алексѣй Егоровичъ объявилъ, что на утро въ 5 час. назначенъ штурмъ Карса и, по диспозиціи главнокомандующаго, нашему отряду предназначено штурмовать и взять укрѣпленіе Чахмахской высоты.

Ежели ѣдешь или идешь куда нибудь, то нужно знать путь къ намѣченной цѣли, и очевидно генералъ Баклановъ былъ хорошо знакомъ съ этимъ правиломъ; ибо онъ нѣсколько разъ по ночамъ, въ сопровожденіи Армянина-проводника, выбѣжавшаго изъ Карса, подползалъ къ укрѣпленіямъ на Чахмахской, Шорахской и Карадагскихъ высотахъ, и расположеніе укрѣпленій этихъ и подходовъ къ нимъ

ему извѣстны такъ же хорошо, какъ углы его палатки. Хорошо было бы поступать такъ и другимъ, чтобы не бить лбомъ въ стѣны.

Выступленіе отряда съ позиціи Меликёй назначено было въ 11 час. ночи. Отрядъ началъ готовиться къ предстоящему смертному бою. Солдатики умывались, надѣвали чистое бѣлье и портянки. Приказанія всѣ передавались шопотомъ; фельдфебеля дѣлали перекличку и разсчеты ротамъ. Передавъ распоряженіе командира батареи моему взводу, т. е. приказавъ амуничить лошадей, осмотрѣвъ зарядные ящики и передки и прослѣдивъ за исполненіемъ этого приказанія, я пошелъ бродить по лагерю. Оставался еще часъ до выступленія. Отправители военнаго ремесла несомнѣнно должны свыкнуться съ мыслью о смерти; но, какъ хотите, умирать, да еще въ осмнадцать лѣтъ, не хочется. Какъ бы ни была тяжела жизнь, но, готовясь быть убитымъ, находишь ее прекрасною. Такія, или въ родѣ этихъ мысли, рѣзко обозначались на лицахъ и солдатъ, и офицеровъ. Офицеры вели рѣчь обычную, стараясь скрыть, что́ происходило у каждаго въ душѣ; солдаты же были проще, и душевная тревога каждаго изъ нихъ успокоивались молитвами, которыя они шептали про себя. Я зашелъ въ палатку батарейнаго командира и засталъ его надѣвающимъ чистое бѣлье. Въ палаткѣ же, вытянувшись въ струнку, стоялъ батарейный фельдфебель, рябой усачъ, Ерохинъ, внимательно выслушивавшій послѣднія распоряженія батарейнаго командира. «А вы надѣли чистое бѣлье?»—«Я, Алексѣй Егоровичъ, какъ бы предчувствуя штурмъ, только сегодня мѣнялъ бѣлье».—«Ну, то-то! Штурмъ великое дѣло, и къ нему надо приготовляться такъ же, какъ и къ причастію». Слова батарейнаго командира въ виду того душевнаго состоянія, въ которомъ я находился, подѣйствовали на меня крайне непріятно. Зачѣмъ готовиться къ смерти и говорить о ней, когда и безъ того каждый занятъ мыслью о томъ, убьютъ или искалечатъ его завтра? Я вышелъ вонъ изъ палатки и пошелъ къ себѣ. Здѣсь я засталъ сцену совершенно противоположную. Сожитель мой, подпоручикъ Мамацевъ занятъ былъ учетомъ колотаго сахара, который онъ всыпалъ въ жестянку, рекомендуя вѣстовому своему Мальчевскому, плуту и лакомкѣ, не заглядывать въ эту жестянку, во избѣжаніе немедленной расправы. Сцена эта какъ будто успокоила меня, а затѣмъ раздавшійся вблизи палатки возгласъ командира Грузинскаго резервнаго баталіона, полковника Травина, во все горло произнесшаго, должно быть, адъютанту: «Передайте ротнымъ командирамъ *по секрету*, что отрядъ выступаетъ въ 11 час. ночи на штурмъ Карса», окончательно развеселилъ меня.

Въ 11 часовъ отрядъ былъ готовъ, построился и, имѣя кава впереди, выступилъ съ позиціи. Намъ надобно было обойти большой и малый Карадаги съ правой стороны и, вступивъ въ лощину между Шорахскими и Чахмахскими высотами, подняться на послѣднюю изъ нихъ и взять укрѣпленія Чахмаха. Увѣренность, что Карсъ будетъ взятъ, была такъ сильна, что мы, напримѣръ, взявъ необходимое для солдатъ и для себя на обѣдъ, не забыли захватить съ собою спирта для солдатъ и шампанскаго для офицеровъ. Ночь была свѣтлая, морозная, хотя и не было снѣга. Какъ извѣстно, Армянская плоская возвышенность составляетъ самую большую выпуклость на земномъ шарѣ, а потому холода наступаютъ тамъ ранѣе, чѣмъ на какой либо изъ плоскостей. Сохраняя возможную тишину при движеніи такой массы коней и людей, да вдобавокъ еще и 16-ти орудій, которыя, наткнувшись на камень по дорогѣ, нѣтъ, нѣтъ да и звякнутъ или громыхнутъ, мы спустились въ глубокій оврагъ, чтобы ожидать условленнаго сигнала изъ главнаго отряда для одновременнаго наступленія колоннъ на штурмъ. Условленнымъ сигналомъ должны были быть три ракеты. Въ оврагѣ этомъ мы стояли часа два. Не трудно предположить, о чемъ думалъ каждый изъ насъ въ продолженіе этой двухчасовой стоянки.

По рядамъ пѣхоты, поднявшейся на ноги, пробѣжалъ шопотъ. Это вызывали охотниковъ. Время тянулось томительно долго. Когда же, наконецъ, покажутся эти сигнальныя ракеты, какъ знакъ смертнаго приговора, подписаннаго для многихъ и многихъ этими огненными линіями? Когда, наконецъ, покажется оно, это таинственное и страшное *оно*, которое безжалостно уничтожитъ въ мнѣ то, что́ есть во мнѣ человѣческаго, и оставитъ лишь нѣчто гадкое, годное въ пищу шакаламъ, червямъ, да во̀ронамъ?

Взоры всѣхъ невольно устремлялись къ небу; и вотъ, наконецъ, взвилась первая ракета. Войска встали. Затѣмъ вторая и, наконецъ, третья, послѣ которой по командѣ, произнесенной вполголоса: «Съ Богомъ! Маршъ!» мы начали подниматься изъ оврага. Еще было темно, когда отрядъ нашъ втянулся въ лощину между Чахмахомъ и Шорахомъ. Тишина была изумительная. Но вотъ на гребнѣ Шорахской высоты, который обрисовывался справа, блеснула молнія, и затѣмъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Къ нему вскорѣ присоединились другіе выстрѣлы, и вершина горы какъ бы загорѣлась сплошными огнями направо и налѣво отъ центральнаго выстрѣла.

Мы въ это время подошли только къ подъему на Чахмахъ. Судя по огню, несвоевременно открытому на Шорахѣ, можно было ска-

зал, что штурмъ будетъ неудаченъ; ибо наступленіе колонны Ковалевскаго произведено было ранѣе штурма Чахмахскихъ высотъ, куда отрядъ нашъ долженъ быть отвлечь силы Турокъ, сосредоточенныя на Шорахѣ.

Круто повернувъ правымъ плечомъ и выс авъ впередъ охотниковъ, отрядъ нашъ началъ подниматься на гору. Подъемъ былъ длинный, крутой и каменистый, ибо шли мы не по дорогѣ. Едва началъ брезжиться свѣтъ, какъ мы поднялись на площадь Чахмахской высоты. Отрядъ шелъ въ слѣдующимъ порядкѣ: впереди была цѣпь изъ охотниковъ; сзади охотниковъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, шла пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ; сзади пѣхоты, въ близкомъ же разстояніи, развернувъ фронтъ, шла наша сводная батарея, подъ командой Баумгартена; сзади нашей батареи двигалась кавалерія съ конной батареей саженяхъ въ 500 отъ насъ. Разсвѣло. Впереди видны длинныя очертанія цѣпныхъ укрѣпленій, одѣвавшихъ высоту. Видны даже часовые, прохаживающіеся взадъ и впередъ за брустверами. Свѣтло уже совсѣмъ. Отрядъ нашъ долженъ быть виденъ, какъ на ладони; но Турки все молчатъ. Остается не болѣе ста саженей.

Но вотъ, наконецъ, грянулъ залпъ Турецкихъ орудій, осыпавшихъ насъ картечью. Охотники, а вслѣдъ за ними и пѣхота, крикнувъ «ура», бросились бѣгомъ на флангъ укрѣпленія. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ пѣхота, ворвавшаяся въ укрѣпленіе, скрылась отъ насъ. Вотъ мчится адъютантъ начальника отряда и, подскакавъ къ батарейному командиру, требуетъ какъ можно скорѣе батарею впередъ. «Прислуга, на орудіе садись! Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія! Въ карьеръ! Маршъ, маршъ!» И не прошло мгновенія, какъ мы влетѣли въ ворота укрѣпленія. Намъ открылась такая картина: съ лѣвой стороны у насъ оказался большой Турецкій лагерь; впереди бѣжала толпа Турокъ, одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и въ одномъ бѣльѣ. Орудія наши были заряжены картечью.

Развернувши фронтъ батареи на всемъ скаку, мы снялись съ передковъ и сдѣлали залпъ изъ восьми орудій въ спины бѣгущимъ Туркамъ. Толпа ошалѣвшихъ Турокъ, не оборачиваясь назадъ, продолжала бѣжать, оставляя за собою груды человѣческихъ тѣлъ. Пока мы снова зарядили орудія, Турки успѣли отбѣжать шаговъ двѣсти. Съ посаженною прислугою на орудіяхъ мы поскакали догонять ихъ. Тѣла раненыхъ и убитыхъ Турокъ мѣшали лошадямъ; но и онѣ, какъ видно проникнутыя общимъ одушевленіемъ, скакали, не разбирая, по чемъ онѣ скачутъ, по землѣ или по человѣческимъ тѣламъ. И я по-

мню, что колесомъ одного изъ моихъ орудій раздавило грудь м лодому человѣку въ офицерскомъ сертукѣ, блондину лѣтъ 25 не болѣе, должно быть Англичанину. Онъ лежалъ навзничъ, и не забыть мнѣ того умоляющаго взора который онъ бросилъ на меня. Но не время было предаваться чувствительности. Догнавъ Турокъ, мы сдѣлали опять залпъ картечью, и снова тѣже груды тѣлъ. Картина боя была весьма оживленная. Пѣхота наша кричитъ ура! адъютанты и ор инарцы со знаменами, отбитыми у Турокъ, мчатся мимо насъ къ резервамъ, чтобы передать эти славные трофеи на сохраненіе.

Далѣе преслѣдовать Турокъ, скрывшихся налѣво въ отвѣсный оврагъ, мы не могли и потому остановились на позиціи противъ редута Вели-паша-Табія, находившагося отъ насъ саженяхъ въ 400 за довольно отлогой балкой. Редутъ этотъ, бастіонной фор ы, имѣлъ профиль долговременнаго укрѣпленія. Въ нашу сторону изъ глубокихъ его амбразуръ глядѣли крѣпостныя орудія. Охотники наши были уже подъ стѣнами этого редута, когда послѣдовало распоряженіе начальника отряда вернуться назадъ. И до сихъ поръ я не умѣю объяснить себѣ, почему Турки изъ Вели-паша-Табія не преслѣдовали огнемъ нашихъ охотниковъ. Батарея, какъ я уже и говорилъ, остановилась на позиціи. Зарядивъ орудія ядрами и картечными гранатами, мы ожидали артиллерійскаго боя. Пѣхоту всю заложили во рвахъ. Утро было дивное. Небо ярко-синее, какъ бирюза. Вѣтеръ не шелохнулъ. Вправо, верстахъ въ пяти отъ насъ, гремѣла страшная канонада на Шорахѣ. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ перемежался трескотнею пѣхотнаго огня. Было уже 7 часовъ утра. Штурмъ въ главномъ пунктѣ очевидно не удался. Атака 3 часа времени въ одномъ пунктѣ длится лишь тогда, если обороняющійся сильнѣе наступающаго. О томъ, что̀ было на Шорахѣ я скажу далѣе, а теперь обращаюсь къ нашему отряду. Батарея стоитъ на позиціи. Орудія наведены въ амбразуры редута Вели-паши-Табія. Паша молчитъ. «Что-же, господа, кому-нибудь первому надо начинать! Сдѣлаемъ салютъ Туркамъ. Пальба орудіями по огню! Первое! Пли!» Раздались очередные выстрѣлы; офицеры съ биноклями отскочили въ сторону, чтобы наблюдать за результатами пальбы. Прицѣлъ взятъ былъ чрезвычайно удачно, ибо вслѣдъ за выстрѣлами раздался громовой ударъ въ Турецкомъ редутѣ; и видно было, какъ взлетѣли на воздухъ какіе-то предметы, должно быть, отъ взорваннаго ящика или отъ пороховаго погребка. Съ этого мгновенія начался артиллерійскій бой.

Сначала непріятельскія ядра и бомбы перелетали черезъ насъ; но затѣмъ Турки пристрѣлялись и начали преусердно вырывать изъ строя

орудійную прислугу. Положеніе артиллеристовъ во время боя на позиціи крайне непріятное. Стоишь и изображаешь изъ себя живую мишень. Все одушевленіе исчезаетъ. Стоишь или ходишь по батареѣ, ежеминутно ожидая участи сосѣдей-солдатъ, падающихъ то съ оторванной головой, то съ оторванной ногой или рукой, или съ вырваннымъ животомъ, какъ, напримѣръ, у орудійнаго фейерверкера Сапова, у котораго ядромъ въ то время, когда я съ нимъ разговаривалъ, вырвало животъ, и содержимымъ желудка и кишекъ обдало меня съ головы до ногъ. Мнѣ въ первый разъ пришлось умываться и обмываться не водой, а пескомъ. Бой артиллерійскій продолжался съ семи часовъ утра до часа дня, до тѣхъ поръ, пока адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ, не прибылъ съ приказаніемъ главнокомандующаго отступать. Въ батареѣ осталось по одному номеру прислуги на каждое орудіе, по двѣ орудійныхъ лошади и по одной лошади на ящикъ, такъ что когда приказано было надѣвать орудія на передки, то уцѣлѣвшая прислуга перебѣгала отъ орудія къ орудію, чтобы поднимать ихъ.

Отступленіе наше совершено было и въ порядкѣ, и съ трофеями: мы вывезли изъ Чахмахскихъ укрѣпленій 13 полевыхъ орудій на лошадяхъ, присланныхъ изъ кавалеріи Бакланова, и пять Турецкихъ баталіонныхъ знаменъ.

По диспозиціи для штурма Карса назначено было четыре колонны. Главная и самая сильная, подъ начальствомъ г. лейтенанта Ковалевскаго, должна была штурмовать Шорахъ; другая, слабая, подъ начальствомъ г.-лейтенанта Базина, предназначалась на Чахмакъ. Двѣ слабыхъ колонны назначены были для демонстрацій противъ Карадаговъ и Турецкаго лагеря. Колоннами этими командовали генералы графъ씨родъ и Майдель.

Изъ всѣхъ военныхъ наступленій можно признать несомнѣнную пользу обходныхъ колоннъ; что же касается демонстративныхъ, то еще Суворовъ сказалъ, что демонстрація забава для дѣтей и Австрійскихъ генераловъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти chassé en avant et en arrière слабыхъ демонстрирующихъ колоннъ обмануть никого не могутъ; между тѣмъ колонны эти, присоединенныя, ну напримѣръ вотъ хоть на штурмѣ Карса, къ колоннѣ Базина, составляли бы силу грозную съ значеніемъ рѣшающимъ участь боя. Но въ ту эпоху различныхъ диверсій, маршей и контрмаршей ошибка вытекала изо всей системы военнаго образованія.

Къ 10 часамъ утра бой на Шорахѣ, постепенно стихая, совсѣмъ прекратился. Одинъ изъ участниковъ штурма Шорахскихъ высотъ 17-го Сентября, маіоръ Невтоновъ, бывшій въ то время юнкеромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, разсказывалъ мнѣ слѣдующее. «Отрядъ нашъ подъ начальствомъ г.-лейтенанта Ковалевскаго выступилъ изъ лагеря ночью. Шорахъ недалеко отъ мѣста расположенія главныхъ силъ блокаднаго корпуса. Ночь была свѣтлая, а потому вполнѣ скрытное движеніе колонны нашей можно было произвести не прямо, а балками и оврагами. Колонновожатый сбился съ дороги, и мы начали плутать направо и налѣво, сами не зная, куда идемъ. Баталіоны Кавказскихъ полковъ, знакомые съ ночными движеніями, сохраняли должную тишину; что же касается баталіоновъ 13-й и 18-й дивизій, то въ нихъ и болтали, и курили, и даже одинъ солдатъ по неосторожности выстрѣлилъ. Мы, Кавказцы, хорошо понимали, что вся эта сумятица къ добру не приведетъ. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій, мы поднялись на гору, и къ крайнему нашему неудовольствію, вмѣсто какого-либо изъ фланговъ укрѣпленій, мы напали на пунктъ самого сильнаго обстрѣла центральныхъ батарей. Было еще темно, когда Турки, уже замѣтившіе наше наступленіе, открыли по насъ сильнѣйшій огонь. Мы наступали тремя линіями съ очень большими промежутками между ними. Не взирая на страшный артиллерійскій огонь, первая линія, осыпаемая градомъ ядеръ, картечныхъ гранатъ, а затѣмъ и картечью, смѣло двигалась впередъ. Охотники, а затѣмъ и баталіоны первой линіи, значительно убавленные въ составѣ своемъ, все-таки ворвались въ укрѣпленія. Внутри укрѣпленій бой начался самый ожесточенный, и на каждаго изъ нашихъ солдатъ приходилось не менѣе трехъ-четырехъ Турокъ. Разбросавшись командами въ 10, 20 и 30 человѣкъ, мы прижались къ внутренней сторонѣ бруствера и отбивались штыками отъ сильно насѣдавшихъ на насъ Турокъ, къ которымъ ежеминутно прибывали свѣжія силы; а нашихъ резервовъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Патроны мы всѣ израсходовали. Приказывалъ намъ инстинктъ самосохраненія, ибо начальство было все перебито. Генералъ Ковалевскій въ самомъ началѣ штурма былъ смертельно раненъ. Фланги укрѣпленій находились въ рукахъ Турокъ, а потому подходившіе резервы встрѣчались страшнымъ орудійнымъ огнемъ. По странному стеченію обстоятельствъ или, если хотите, распоряженію, резервы подходили къ намъ по-баталіонно, съ значительными промежутками времени. Пока баталіонъ успѣвалъ ворваться въ центръ къ намъ, онъ терялъ одну треть людей на маршѣ и вступалъ въ дѣло въ сильно уменьшенномъ составѣ людей. Не взирая на малочисленность резервовъ, при всякомъ появленіи ихъ, Турки пятились назадъ. Мы дрались, ругали Муравьева; но

мужество наше не падало, и ежели бы намъ прислали резервъ сразу баталіоновъ въ 6 или 7, то нѣтъ сомнѣнія, Турки были бы смяты. Много было подвиговъ единичной храбрости и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ; но что же значили эти подвиги для несомнѣнно проиграннаго сраженія? Такимъ образомъ, въ сущности, взявъ укрѣпленія Шорахскихъ высотъ, мы не только не смяли Турокъ, но и не въ состояніи были удержать за собою, не потому, чтобы въ колоннѣ было мало войскъ, а потому, что въ каждую данную минуту мы чуть не цѣлой Турецкой арміи противопоставляли лишь одинъ баталіонъ. «Что же это Муравьевъ! На убой что ли посылаетъ насъ?» громко кричали солдаты. «Эдакъ вѣдь и онъ самъ, пожалуй, попадетъ къ Туркамъ на шашлыкъ! Срамота, братцы, да и только».

Бойня эта, по непонятнымъ соображеніямъ главнокомандующаго, длилась съ 5 и до 10 час. утра. Внутренность укрѣпленій и наружная площадь были сплошь покрыты тѣлами нашихъ раненыхъ и убитыхъ, солдатъ и офицеровъ. Въ 10 час. приказано отступать. Спрашивается, для чего же мы наступали, да еще въ такомъ странномъ порядкѣ! Такова суть дѣла, и приписать его лишь одной смѣтливости и талантамъ генерала Виліамса, руководившаго дѣйствіями Турецкихъ войскъ при оборонѣ Карса, было бы крайне несправедливо. Вина этого несчастнаго штурма всецѣло падаетъ на Муравьева.

Въ описаніи штурма Чахмахскихъ высотъ, я остановился на приказаніи отступать нашему отряду, переданному намъ капитаномъ Ермоловымъ.

Проклятій на долю Муравьева и у насъ посыпалось немало; но приказано отступать, слѣдовательно и будемъ отступать. Батарея стояла еще на позиціи, когда изъ-за редута Вели-паша-Табія начали показываться стройныя колонны Турецкихъ баталіоновъ. Передъ головнымъ баталіономъ, на сѣромъ красивомъ конѣ, гарцовалъ или командиръ полка или баталіонный командиръ, въ сопровожденіи штаба. Баталіонъ разсыпалъ стрѣлковъ въ цѣпь, и Турки начали наступленіе. Баталіоны наши, до сихъ поръ скрытые отъ артиллерійскаго огня во рвахъ, поднялись и выстроились навстрѣчу Туркамъ. Подпустивъ Турокъ на довольно близкое разстояніе, наши пошли противъ нихъ. Была тутъ и стрѣльба, и хорошій рукопашный бой; но отступать все-таки надо было. Батарея наша, за неимѣніемъ ни одного снаряда ни въ ящикахъ, ни въ передкахъ (ибо подъ конецъ мы стрѣляли даже свѣтящими ядрами), отступила ранѣе пѣхоты. Грустно было отступать побѣжденными, имѣя въ рукахъ пять непріятельскихъ знаменъ и 13 непріятельскихъ орудій; но все-таки же отступили.

Сзади насъ раздавалась трескотня ружейнаго огня. Это было отступленіе нашей пѣхоты и, сколько мнѣ извѣстно, не взирая на огромныя массы Турецкихъ баталіоновъ, отступленіе это совершалось въ такомъ же строгомъ порядкѣ, какъ на ученьи. Батарея вышла изъ огня; но впечатлѣніе шестичасоваго упорнаго артиллерійскаго боя было такъ сильно, что не вѣрилось прекращенію его и тому, что мы остались цѣлы и невредимы въ этой безполезной бойнѣ. Но удовольствіе, которое, по крайней мѣрѣ, я испытывалъ, выйдя изъ сферы огня, продолжалась недолго. Въ третьемъ взводѣ Мамацева не оказалось запаснаго лафета, а потому меня, какъ младшаго, въ сопровожденіи сотни казаковъ, послали отыскивать таковой. Пришлось снова попасть подъ непріятельскіе выстрѣлы. Пѣхота отступила уже. Отступала кавалерія, и что́ меня очень удивило, изъ четырехъ полковъ кавалеріи шелъ лишь одинъ казачій полкъ, лѣниво перестрѣливаясь съ увязавшимся за нимъ Турецкимъ баталіономъ; но вскорѣ въ довольно глубокой балкѣ, мимо которой происходило отступленіе казаковъ, я увидѣлъ скрытую массу кавалеріи, очевидно поставленной въ засаду. Я съ сотнею былъ въ полуверстѣ разстоянія отъ дѣйствующихъ лицъ. Турецкій баталіонъ, продолжая чрезвычайно настойчиво преслѣдовать казаковъ, миновалъ мѣсто засады. Въ это мгновеніе полкъ за полкомъ вылетѣли изъ засады въ тылъ Туркамъ, и отъ баталіона не осталось буквально ни одного человѣка. Оставивъ Туркамъ, сидѣвшимъ въ крѣпости, лишь воспоминаніе объ изрубленномъ баталіонѣ, Баклановъ началъ быстро отступать, изрѣдка сопровождаемый безвредными выстрѣлами одного орудія, не заклепаннаго нами. Вскорѣ кавалерія, спустившись съ высоты, скрылась, и я съ моею сотнею остался одинъ, продолжая разыскивать лафетъ, который, наконецъ, къ общему удовольствію, показался вдали. Поскакавъ по направленію къ нему и обругавъ ѣздовыхъ за то, что они отбились отъ батареи, я направился къ спуску, до котораго мнѣ версты три разстоянія пришлось ѣхать шагомъ, ибо на лафетѣ сидѣло два пѣхотныхъ солдата, тяжело раненыхъ. Такимъ образомъ я смѣло могу сказать, что послѣ штурма Чахмахскихъ высотъ я отступилъ послѣднимъ.

Баклановъ съ кавалеріей отдыхалъ у подножія горы. Замѣтивъ мое наступленіе, Баклановъ выслалъ двѣ сотни казаковъ, и я видѣлъ, какъ казаки на скаку вынимали винтовки изъ чехловъ. «О, чортъ возьми! Не убити Турки, такъ укокошать свои же. Трубачь, труби! Вышлите фланкеровъ навстрѣчу!» Сотенный командиръ хорунжій (не помню его фамиліи) поскакалъ навстрѣчу.

Дѣло объяснилось, и я благополучно присоединился къ кавалеріи. Доложивъ генералу о причинѣ моего поздняго отступленія, я было хотѣлъ продолжать путь мой; но Баклановъ пригласилъ меня отдохнуть и закусить у него, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы прибыли на позицію Меликёй часамъ къ 5 пополудни.

Послѣдствія этого штурма были весьма печальны. Потеря наша простиралась до 8 тысячъ раненыхъ и убитыхъ, что́ составляло болѣе, чѣмъ четвертую часть блокаднаго корпуса. Вслѣдствіе большой убыли офицеровъ, баталіонами и ротами, разбитыми и потерявшими болѣе половины людей, командовали оберъ-офицеры, юнкера и фельдфебеля. Транспорты съ ранеными ежедневно отправлялись въ Александрополь, жители котораго, за недостаткомъ мѣстъ въ госпиталѣ, поневолѣ должны были уступить для помѣщенія раненыхъ свои дома̀. Ропотъ гражданъ былъ невообразимый. У Армянъ носы вытянулись до самой земли.

Муравьевъ упалъ духомъ. Войска ругали его нещадно. Впрочемъ блокада продолжалась. Сомнѣніе Муравьева въ томъ, что Закавказье останется въ нашихъ рукахъ, было такъ сильно, что послано было въ Тифлисъ секретное распоряженіе всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ быть готовымъ къ переѣзду за Кавказскій хребетъ, о чемъ, вспоминая эту печальную кампанію 1855 года, мнѣ говорилъ свиты его величества генералъ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе. Главнокомандующій очень боялся арміи Омера-паши; но въ сущности бояться Омера-паши до того, чтобы сжечь продовольственный магазинъ на Ингурѣ и отступить въ Кутаисъ, отряду князя Багратіона-Мухранскаго не было надобности: ибо Омеръ-паша, потерявъ много людей отъ лихорадокъ и въ сраженіяхъ съ отрядомъ князя Мухранскаго, въ довершеніе всего завязъ въ Мингрельскихъ болотахъ, а потому и двигаться на Тифлисъ не могъ.

Съ позиціи Меликёй отрядъ нашъ отправился на прежнюю свою позицію Омеръ-Ага, прибывъ на которую, мы занялись постройкою землянокъ и бараковъ на зиму. Препровожденіе времени нашего было прескучное: днемъ офицеры ѣздили охотиться на чернобурыхъ лисицъ, зайцевъ, дикихъ козъ и горныхъ курочекъ. Вечеромъ пулька въ преферансъ и неизбѣжная рюмка водки подъ припѣвъ: «Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ въ адмиральскомъ чинѣ». Многіе напрактиковались до того, что пили и по десятой, подъ припѣвъ: «ѣдетъ адмиральша въ яликѣ и пальчикомъ киваетъ плавно:

Не выпить ли намъ по десятой?
Славно!“

Прибывшій изъ Ахалциха подпоручикъ нашей батареи Кильдюшевскій, однажды ночью, сильно подкутивъ, возымѣлъ намѣреніе провѣрять ночную цѣпь. Солдатамъ почему-то показалось, что это флигель-адъютантъ. По цѣпи, окружающей нашъ отрядъ, быстро пронеслось извѣстіе, что флигель-адъютантъ ревизуетъ отрядъ. Наскучивъ переходить отъ звѣна къ звѣну въ цѣпи, Кильдюшевскій свернулъ въ середину лагеря и попалъ къ коновязямъ Донскаго казачьяго полка. Худыя лошадки съ голодухи объѣдали другъ у друга гривы и хвосты. Флигель адъютантъ, который, кстати сказать, былъ въ мѣховомъ халатѣ и въ артиллерійской офицерской фуражкѣ, не могъ перенести такого зрѣлища. «Послать ко мнѣ полкового командира! Я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ!» Явился полковой командиръ. «Чтó это вы, милостивый государь! Лошадокъ-то кормите хвостами и гривами? Хороша будетъ атака на такихъ селедкахъ! Я васъ подъ судъ отдамъ, милостивый государь! Завтра явиться ко мнѣ!» Съ этимъ словомъ Кильдюшевскій повернулся и ушелъ къ себѣ въ палатку.

На слѣдующее утро, часовъ въ семь, я услышалъ въ сосѣдней палаткѣ командира первой роты Грузинскаго резервнаго баталіона, капитана Магнуса, слѣдующій разговоръ. «Чтó это вы, полковникъ, въ парадной формѣ?» — «Ночью со мною бѣда случилась. Ко мнѣ на коновязь пришелъ флигель-адъютантъ, нашумѣлъ, накричалъ, обѣщался предать меня суду и приказалъ явиться къ нему сегодня утромъ; одно мнѣ странно показалось, что онъ былъ въ халатѣ и, кажется, пьянъ. Магнусъ, знавшій уже о ночныхъ похожденіяхъ Кильдюшевскаго, объявилъ полковнику, что никакого флигель-адъютанта въ отрядѣ нѣтъ, а передрягу эту произвелъ не въ мѣру кутнувшій подпоручикъ Кильдюшевскій. Взбѣшенный полковникъ пошелъ съ жалобой къ генералу Базину. Базинъ лично отправился на коновязь Донскаго полка и, убѣдившись въ томъ, что лошадки-то дѣйствительно худы, посовѣтовалъ полковнику покормить ихъ, а жалобу на Кильдюшевскаго прекратить. Вернувшись со смотра, генералъ потребовалъ къ себѣ Кильдюшевскаго и сдѣлалъ ему отеческое внушеніе и предостереженіе не принимать на себя непринадлежащія званія. «Да я, ваше превосходительство, и не думалъ величать себя флигель-адъютантомъ; я просто разругалъ его за дурное содержаніе лошадей».

Тоска и уныніе до того овладѣли всѣми, что одинъ изъ ротныхъ командировъ Грузинскаго баталіона допился до погребенія заживо. Однажды ночью весь отрядъ пробужденъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ. По серединѣ лагеря, мимо барака начальника отряда, шла процессія солдатъ и юнкеровъ въ шинеляхъ, свернутыхъ на подобіе свя-

щенническихъ ризъ съ факелами и бутылками въ рукахъ. За процессіей этой несли гробъ, въ которомъ лежалъ поручикъ Аристовъ. Процессія замыкалась хоромъ пѣсенниковъ въ вывороченныхъ полушубкахъ, распѣвавшихъ самыя шутовскія пѣсни. Шествіе отъ времени до времени останавливалось, Аристовъ приподнимался, выпивалъ нѣсколько глотковъ водки и снова ложился. Разумѣется, дежурный по отряду немедленно разогналъ всю эту процессію; а на другой день начальникъ отряда, онъ же и начальникъ резервной дивизіи, отрѣшилъ Аристова отъ командованія ротой.

Въ концѣ Сентября, по повелѣнію главнокомандующаго, юнкерá нашего отряда, представленные въ офицеры, потребованы были въ главный отрядъ на экзаменъ къ его высокопревосходительству. Послѣ пятидневнаго путешествія юнкерà, а въ томъ числѣ и я, прибыли ночью въ станъ Владикарсъ. На слѣдующій день въ 5 час. утра я явился къ командиру гренадерской артиллерійской бригады, полковнику Десажэ, и такъ какъ онъ спалъ еще, то пакеты, бывшіе у меня отъ батарейнаго командира, я передалъ въ бригадномъ штабѣ старшему писарю подъ росписку и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго, куда уже собрались спутники мои юнкерá.

Мѣстность, на которой расположена была ставка главнокомандующаго, изображала изъ себя квадратъ, двѣ стороны котораго заняты были бараками главнокомандующаго, а двѣ другія—бараками корпуснаго командира. Мы ходили изъ угла въ уголъ въ этомъ квадратѣ, не зная, гдѣ намъ пріютиться и къ кому явиться съ заявленіемъ о нашемъ прибытіи. Было холодно, а потому, чтобы хоть немного погрѣться, мы наудачу вошли въ одинъ изъ бараковъ. Это была кухня главнокомандующаго. Поваръ оказался весьма любезный джентельменъ въ бѣломъ передникѣ и колпакѣ и на просьбу нашу, дозволить обогрѣться, изъявилъ милостивое согласіе. Кухня была большая, просторная, а потому мы не мѣшали его артистическимъ занятіямъ. Покуривая папиросы и болтая о всякомъ вздорѣ, мы пробыли на кухнѣ часовъ до 9. Въ 9 часовъ на кухню вошелъ адъютантъ, громко называя мою фамилію. «Я! Что̀ прикажете?»—«Я васъ ищу по всему отряду. Идите поскорѣе къ начальнику артиллеріи!» Выбѣжавъ изъ кухни, я увидѣлъ начальника артиллеріи (онъ же и корпусный командиръ) генералъ-лейтенанта Бриммера, прохаживающагося около своего барака. Подойдя къ нему и проговоривъ обычную фразу являющихся, я съ любопытствомъ ожидалъ того, зачѣмъ я ему понадобился. «Вы представлены въ офицеры полевой артиллеріи?»—«Точно такъ, ваше пре-

восходительство».—«Вы уже сдали часть экзаменовъ въ Александрополѣ?»—«Да,ваше пр-ство».—«Васъ сюда потребовали на экзаменъ;но вамъ этого экзамена держать не нужно».—«Слушаю, ваше пр-ство.» Генералъ повернулся и ушелъ къ себѣ въ баракъ, а я присоединился къ группѣ юнкеровъ, вышедшихъ изъ кухни.

Вскорѣ изъ барака главнокомандующаго вышелъ адъютантъ, который приказалъ намъ построиться въ шеренгу, сдѣлалъ перекличку по списку и, подведя къ бараку главнокомандующаго и выровнявъ насъ, сталъ на правомъ флангѣ. Минутъ черезъ 10 вышелъ изъ барака и самъ главнокамандующій, плотный и довольно высокаго роста мужчина, сутуловый и съ нахмуренными бровями. Покуривая сигару, онъ обошелъ флангъ и затѣмъ, возвратившись въ баракъ, приказалъ вести насъ въ штабную столовую, куда насъ и повелъ тотъ же адьютантъ. Придя въ столовую, поручикъ Корсаковъ усадилъ насъ по шести человѣкъ по обѣимъ сторонамъ обѣденнаго стола и приступилъ къ экзамену. Экзаменъ того времени для производства въ офицеры ограничивался программой уѣзднаго училища. Я сидѣлъ рядомъ съ поручикомъ Корсаковымъ. Помня приказаніе начальника артиллеріи, я доложилъ поручику, что мнѣ экзамена не полагается и что мнѣ объ этомъ приказалъ доложить экзаменатору начальникъ артиллеріи. «А я васъ все-таки буду экзаменовать.» Экзаменъ начался Въ половинѣ экзамена въ баракъ вошелъ генералъ Бриммеръ. «А гдѣ здѣсь юнкеръ Дроздовъ?» — «Здѣсь!» отвѣчалъ я. «Ему не слѣдуетъ экзаменоваться», сказалъ Бриммеръ, обращаясь къ поручику Корсакову. — «Я исполняю волю главнокомандующаго».—А, ну, это другое дѣло». И произнеся эти слова, генералъ вышелъ вонъ изъ барака. Какъ ни обидно было самолюбію моему экзаменоваться у офицера, познанія котораго были ежели не меньше, то во всякомъ случаѣ не больше моихъ, но я отвѣчалъ ему на его вопросы о главныхъ рѣкахъ и городахъ Россіи и писалъ подъ диктовку стихотвореніе «Воздушный корабль.» Наконецъ экзаменъ окончился, и юнкеровъ по очереди стали требовать въ баракъ главнокомандующаго. А, вотъ, наконецъ, онъ, тотъ настоящій экзаменъ, который Муравьевъ лично производилъ. Только къ 7 час. вечера очередь дошла до меня. Я пошелъ къ бараку главнокомандующаго. У дверей барака на открытомъ воздухѣ стоялъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Корсаковъ въ курткѣ и башлыкѣ. Ah, bonjours! Le général vous attend! Entrez! Я поклонился полковнику и вошелъ въ переднюю, узенькую комнату съ дверью направо. Отворивъ дверь, я вошелъ въ баракъ. Квадратная комната, аршинъ 10 въ длину и столько же въ ширину и аршина 4 высоты, была обтянута гвардейскимъ палаточ-

нымъ холстомъ съ широкими красными полосами по бѣлому полю. Направо отъ входа было два небольшихъ окна. Вдоль двухъ стѣнъ стояло двѣ желѣзныхъ кровати, накрытыхъ байковыми одѣялами. Посреди комнаты стоялъ пюпитръ; за пюпитромъ кресло, на которомъ сидѣлъ главнокомандующій въ большихъ круглыхъ серебряныхъ очкахъ, углубившійся въ разсматриваніе какой-то толстой книги. За кресломъ стоялъ экзаменаторъ мой, адъютантъ, поручикъ Корсаковъ. Войдя въ комнату, я было хотѣлъ продолжать идти до пюпитра, но былъ остановленъ мимикой поручика Корсакова, который, низко поклонившись, знаками показалъ мнѣ сдѣлать тоже. Я поклонился въ поясъ, выпрямился и ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Карсаковъ мимикой же пригласилъ меня идти. Медленно ступая по полу, я дошелъ до половины разстоянія между дверью и пюпитромъ и по данному знаку остановился и снова сдѣлалъ поясной поклонъ. Затѣмъ, по знаку же Корсакова, я продолжалъ движеніе до пюпитра и сдѣлалъ третій поклонъ. Въ это время Муравьевъ, поднявъ очки на лобъ и откинувшись на спинку кресла, устремилъ на меня строго вопросительный взглядъ. Поручикъ Корсаковъ губами показалъ мнѣ знакъ говорить. «Резервной батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады юнкеръ Дроздовъ», отчеканилъ я рѣзко и съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, ибо церемоніалъ поклоновъ меня сильно возмутилъ. «А! Лѣнтяй, тупоумецъ, выгнанный вонъ изъ училища. Куда же дѣваться, какъ не въ военную службу? Она, матушка родимая, всякую сволочь пріютитъ и накормитъ».—«Я, ваше высокопревосходительство, не выгнанъ изъ училища, а окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса и, поступивъ въ военную службу, не искалъ въ ней пріюта.» — «Мальчишка! Да знаешь-ли ты, съ кѣмъ говоришь?!!..—«Знаю, ваше высокопревосходительство,» отвѣчалъ я со слезами на глазахъ.

Такое грубое привѣтствіе меня крѣпко обидѣло. Муравьевъ, должно быть, сообразивъ, что онъ безпричинно нанесъ мнѣ оскорбленіе, уже смягченнымъ тономъ спросилъ меня: «Гдѣ ты учился?»—«Въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса.» «Вотъ какъ! Что же, знаешь ты Персидскій языкъ?» «Могу читать и писать.»—«Продекламируй мнѣ что-нибудь изъ Гюлистана Саади.» Я продекламировалъ нѣсколько стиховъ. «Конечно и Арабскій языкъ знаешь?»—«Знаю.» «Коранъ читалъ?» «Читалъ.» «Скажи мнѣ нѣсколько начальныхъ строчекъ Корана». Я сказалъ. «Выговоръ хорошъ. Покажи, какъ ты пишешь?» При этомъ онъ оторвалъ клочекъ бумаги и далъ мнѣ его съ карандашемъ. Я написалъ нѣсколько Персидскихъ фразъ и подалъ бумагу главнокомандующему. «И по-

черкъ хорошъ. Тебѣ слѣдовало бы поступить на службу въ иностранн е отдѣленіе штаба».—«Я предпочитаю строй.» —«Что ты дѣлалъ на Чахмахѣ?» —«Командовалъ взводомъ орудій.» —«Страшно было?»—«Да, страшно.»—«За ящикъ не прятался?» — «Нѣтъ не прятался.» — «Кто твой отецъ? Я сказалъ. Затѣмъ посыпались вопросы о сестрахъ, братьяхъ, дядяхъ, теткахъ. Я отвѣчалъ. Наконецъ, экзаменъ очевидно кончился. Муравьевъ надѣлъ очки и, нагнувшись надъ пюпитромъ, снова занялся просматриваніемъ толстой книги. Я было хотѣлъ повернуться кругомъ съ тѣмъ чтобы выйти вонъ изъ комнаты; но поручикъ Корсаковъ, замѣтивъ это, началъ пятиться назадъ, показывая этимъ мнѣ, что и я долженъ также пятиться до двери. Послѣ троекратныхъ поклоновъ, пятясь назадъ, я спиною отворилъ дверь и вышелъ вонъ.

Вѣроятно за мой рѣзкій отвѣтъ его высокопревосходительство вычеркнулъ меня изъ наградного списка, и за штурмъ Карса я, наравнѣ съ прочими нижними чинами, награжденъ лишь рублемъ серебромъ.

Этимъ я заканчиваю мои юношескія воспоминанія. Впереди предстоитъ еще много писать изъ моихъ воспоминаній о службѣ на Кавказѣ.

Подполковникъ И. И. Дроздовъ.

ДВА ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРІИ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ.

И. Филевичъ. Исторія Древней Руси. Томъ I. Территорія и население. Варшава. 1896.

А. Брикнеръ. Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Iahrhunderts. Band I. Ueberblick der Entwickelung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.

—

И. П. Филевичъ, насколько можно понять его изслѣдованіе (понимать же его нелегко по способу его изложенія) не признаётъ ни одной изъ существующихъ теорій происхожденія Руси, а предлагаетъ свою собственную. А именно: Русь народилась въ Карпатахъ, или по ихъ обоимъ скатамъ, и оттуда распространилась на Востокъ въ Поднѣпровье и на Югъ въ Подунавье. Любопытно, что этого своего главнаго вывода авторъ нигдѣ прямо и ясно не формулируетъ, хотя нерѣдко дѣлаетъ разные частные выводы изъ своихъ разсужденій. Самая древнѣйшая, коренная Русь у него Галицко-Угорская.

На чемъ же онъ основываетъ свою Карпатскую теорію?

На сей счетъ опять таки у него не выставлено ясныхъ, точныхъ тезисовъ въ концѣ книги (какъ это обыкновенно дѣлается въ ученыхъ диссертаціяхъ), а только изъ чтенія ея можно заключить, что онъ свою теорію происхожденія Руси съ Карпатъ утверждаетъ на двухъ основаніяхъ: 1) Географическая номенклатура даннаго района объясняется по преимуществу изъ *Славянскаго языка*. 2) Въ историческое время Карпатская Русь оказывается въ центрѣ *Славянскаго міра*.

Шаткость подобныхъ основаній бросается въ глаза съ перваго же взгляда.

Едва ли не половину своей книги г. Филевичъ удѣляетъ на географическую номенклатуру Прикарпатья и сосѣднихъ съ нимъ странъ и приводитъ массу названій рѣкъ, урочищъ и т. п., имѣющихъ Славянскіе корни или Славянскій характеръ. „Здѣсь все звучитъ по-славянски“, замѣчаетъ онъ иногда (напр. 142 стр,). Хорошо; но что же изъ того слѣдуетъ? Давнее жительство Славянъ, и ничего болѣе. А вѣдь вопросъ идетъ о Руси, и чисто-Русскихъ названій авторъ не въ состояніи выдѣлить изъ массы Сла-

вянскихъ вообще. Говоря, напримѣръ, о Русско-Славянскихъ" (т. е. Русско-Словацкихъ) отношеніяхъ, онъ самъ сознается, что „обозначеніе рубежа между Русскимъ и Словенскимъ славянствомъ весьма трудно" (258); а о Карпатахъ замѣчаетъ, что въ ихъ „номенклатурѣ господствуетъ страшная путаница" (77). Но положимъ, ему удалось бы выдѣлить чисто-Русскія названія и тѣмъ подтвердить древность обитанія здѣсь собственно-Русскаго племени. Опять вопросъ: какая это древность? Съ какого вѣка, хотя приблизительно, можно считать водвореніе тамъ Руси? На это мы не получаемъ никакого прямого отвѣта, а встрѣчаемъ, тамъ-сямъ, какія-то сбивчивыя, запутанныя фразы о пространствѣ времени между VI и IX вѣками, со ссылкою на Іорнанда, но со ссылкою, говорящею опять таки о Славянскихъ народахъ вообще, безъ указанія на Русь (82, 307). Авторъ не привелъ даже никакихъ серьезныхъ данныхъ, доказывающихъ существованіе Карпатской Руси до прибытія туда Мадьяръ. А потому и второе его основаніе (что эта Русь занимаетъ центральное положеніе въ Славянскомъ мірѣ) само собой отпадаетъ; ибо ни откуда не видно, чтобы Русь на Карпатахъ водворилась прежде чѣмъ на Днѣпрѣ или въ краяхъ Азовско-Черноморскихъ. Но предположимъ, что г. Филевичу удалось бы ясно доказать существованіе Карпато-Дунайской Руси въ VI вѣкѣ. И опять это нисколько не противорѣчило бы основаніямъ моей Роксоланской теоріи; ибо Роксолане являются въ Приазовскихъ краяхъ съ 1-го вѣка до Р. Х., а въ эпоху великаго переселенія народовъ они продвинулись далеко на Западъ; причемъ часть ихъ могла осѣсть и на Дунаѣ, и въ Карпатахъ. Съ такимъ выводомъ я не только не сталъ бы спорить, напротивъ, считаю его вѣроятнымъ. Но во всякомъ случаѣ не въ Карпатахъ зародилась Русская народность, и не оттуда распространилась Русь на Приднѣпровье, Придонье и Приазовье, а наоборотъ. Границы Русскаго племени то раздвигались, то сокращались на глазахъ исторіи. А если оно уцѣлѣло въ Карпатскихъ горахъ (вмѣстѣ со своими географическими названіями) болѣе чѣмъ въ Приазовьѣ и Придоньѣ, то этому, какъ всѣмъ извѣстно, причиною былъ тотъ „прибой" Турко-Татарскихъ ордъ, котораго г. Филевичъ коснулся въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги.

Увлекшись современною географическою номенклатурою, авторъ совершенно упустилъ изъ виду историческую сторону своей задачи. О началѣ Угорской Руси существуютъ разныя мнѣнія. Одни считаютъ ее колонистами изъ Галиціи и Волыни, ушедшими за Карпаты въ эпоху Татарскаго погрома; другіе полагаютъ, что эта Русь пришла туда съ Мадьярами; наконецъ, третьи ведутъ ее отъ тѣхъ Руговъ, которые въ эпоху великаго переселенія народовъ являются на Среднемъ Дунаѣ. Г. Филевичъ не попытался обслѣдовать ни одного изъ этихъ мнѣній и совершенно въ сторонѣ оставилъ хронологическій вопросъ, а только на основаніи географической номенклатуры утверждаетъ, что Угорская Русь существуетъ съ давнихъ поръ, но съ какихъ именно поръ—это для него покрыто мракомъ неизвѣстности. При такомъ неисторическомъ направленіи страннымъ является самое

заглавіе диссертаціи: *Исторія древней Руси.* Если же онъ гадаетъ о VI столѣтіи или о томъ, что Русь Угорская уже скрывается въ извѣстіяхъ Іорнанда; то онъ долженъ былъ не ограничиваться мимоходнымъ упоминаніемъ о статьѣ Петрушевича (16), а напротивъ серьезно заняться вопросомъ о Ругахъ, народность которыхъ далеко неразъяснена, хотя ихъ обыкновенно причисляютъ къ Германцамъ. Извѣстно, что западный лѣтописецъ, говоря о Кіевской великой княгинѣ Ольгѣ называетъ ее regina Rugorum; Раффельштетинскій документъ, о которомъ г. Филевичъ мимоходомъ упоминаетъ въ примѣчаніи (268), указываетъ Руговъ въ Прикарпатьѣ въ X в., и т. д. Если же авторъ считаетъ Руговъ не при чемъ въ вопросѣ объ Угорской Руси, то ихъ слѣдовало устранить научнымъ образомъ, а не голословно.

О своей географической номенклатурѣ, нисколько не разъясняющей намъ происхожденія Руси, г. Филевичъ говоритъ такимъ тономъ, какъ будто онъ открылъ маленькую Америку. Эту номенклатуру онъ, по примѣру Надеждина, обыкновенно называетъ „языкъ земли“. Положимъ, такъ; но прежде надо выучиться имъ владѣть. А безъ освѣщенія историческими фактами и свидѣтельствами этотъ языкъ—мертвый капиталъ.

Въ своей книгѣ г. Филевичъ приводитъ массу всякихъ сочиненій, мнѣній и разныхъ примѣчаній; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень разборчивъ въ выборѣ своихъ авторитетовъ. По крайней мѣрѣ въ числѣ важнѣйшихъ его авторитетовъ и, кажется, самыми главными являются никто иные какъ Надеждинъ, Шембера и Ламбинъ. Надеждинымъ онъ просто увлеченъ и считаетъ его „родоначальникомъ современнаго научнаго движенія“ (60). „Среди представителей (Славянской) школы Надеждинъ является гигантомъ во всѣхъ отношеніяхъ, истиннымъ предтечею современнаго научнаго направленія“ (63). О какомъ именно научномъ движеніи и направленіи тутъ говорится, для меня неясно. Увлеченіе повидимому основано на томъ, что Надеждинъ первый указалъ на географическую номенклатуру Карпато-Дунайской страны какъ на языкъ земли, не только открывающій „подъ Мадьярскимъ и Румынскимъ наносомъ кряжъ *собственно-Русскій*“, но и обѣщающій открыть „постепенное образованіе народа Руси“ (36—37). Онъ же будто бы „предложилъ нашей наукѣ опредѣленный *методъ изученія нашей древности*“ (40). Талантливый писатель тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, Надеждинъ, въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ, дѣйствительно разбросалъ немало хорошихъ, отрывочныхъ мыслей и сужденій, рядомъ съ разными домыслами, хотя остроумными, но сомнительными. Ничего цѣльнаго и прочно-построеннаго однако онъ не создалъ и никакого опредѣленнаго метода не выработалъ. Хотя г. Филевичъ въ своей книгѣ не одинъ разъ пытается говорить о своемъ методѣ, какъ продолжателѣ Надеждинскаго; но, судя по результатамъ, позволительно усомниться въ его научныхъ достоинствахъ. Относительно Чешскаго слависта Шемберы можно только сказать, что это былъ почтенный ученый, въ своихъ работахъ также мѣшавшій дѣльное съ недѣльнымъ и слишкомъ увлекавшійся предвзятыми идеями при Славянскихъ

объясненіяхъ географической номенклатуры. Почему г. Ламбинъ служитъ также однимъ изъ важнѣйшихъ авторитетовъ для г. Филевича и почему онъ часто на него ссылается, я не могъ понять, и тѣмъ болѣе, что г. Ламбинъ является отчаяннымъ норманистомъ, а г. Филевичъ наоборотъ выступаетъ какъ бы рѣшительнымъ противникомъ Норманской школы.

При всей массѣ ссылокъ на всевозможные труды и сочиненія, иногда даже неимѣющіе никакого отношенія къ вопросу о началѣ Руси, авторъ даннаго изслѣдованія спеціально игнорируетъ изысканія вашего покорнѣйшаго слуги, хотя за послѣднее 25-лѣтіе едва ли кто болѣе работалъ въ этой области. Правда, три-четыре раза онъ упоминаетъ мое имя, но какъ бы для того только, чтобы подчеркнуть свое или незнакомство, или слишкомъ поверхностное знакомство, съ моими изысканіями. Такъ на стр. 23 онъ говоритъ, что я въ своей *Исторіи Россіи* „совсѣмъ отбросилъ“ введеніе въ нее или „научное разслѣдованіе показаній нашего главнаго источника“, т. е. лѣтописи. Въ дѣйствительности, одновременно съ первымъ выпускомъ своего труда, я издалъ сборникъ своихъ „Розысканій о началѣ Руси“, на которомъ прямо обозначено: *вмѣсто введенія въ Русскую Исторію*. Тамъ заключается и критическій разборъ лѣтописныхъ данныхъ о происхожденіи Русской государственности. На стр. 344 авторъ увѣряетъ, будто я „прямо объявилъ, что все начало лѣтописей до половины XI в. не можетъ имѣть значенія научнаго источника, что это басни“ и т. д. При этомъ стоитъ голословная ссылка на одну мою статью въ *Розысканіяхъ*: „Къ вопросу о лѣтописныхъ легендахъ“. Но ничего подобнаго я здѣсь не объявляю, а только пытаюсь объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ легендъ, вошедшихъ въ лѣтопись. На стр. 371, по поводу Хазарской дани, ставится вопросъ: „не есть ли это отголосокъ столкновеній съ Аварами?“ И при этомъ ссылка на мои *Розысканія* съ обозначеніемъ страницы. Но если цифра страницы относится къ этимъ только словамъ, то она невѣрна, а если къ цѣлой моей главѣ о Хазарахъ и Аварахъ, то не вижу знакомства съ этою главою, а развѣ только съ однимъ небольшимъ примѣчаніемъ. Между тѣмъ встрѣчающаяся на стр. 67 фраза о чьихъ-то „блужданіяхъ во тьмахъ Скиеороксолано-болгарскихъ“ представляетъ ясный на меня намекъ и вмѣстѣ отрицаніе моей Роксоланской теоріи происхожденія Руси. Разумѣется, голословно и бездоказательно можно отрицать какую угодно теорію и даже не потрудясь сколько нибудь серьезно ознакомиться съ ея основаніями и аргументами. Другое дѣло, если бы г. Филевичъ попытался систематично, научнымъ образомъ опровергнуть какое либо изъ моихъ основаній.

Слѣдившіе за моими изысканіями, знаютъ что я обратилъ особое вниманіе на испорченный текстъ Лѣтописи въ легендѣ о призваніи князей, откуда собственно и произошло смѣшеніе Руси съ Варягами. Никто до меня этой порчи въ данномъ случаѣ не замѣтилъ, и это одинъ изъ важнѣйшихъ моихъ аргументовъ противъ Норманской системы. Г. Филевичъ о такомъ первостепенной важности фактѣ едва упоминаетъ гдѣ-то въ примѣча-

нія, никого не называя. „Что касается разсказа о 862 г.—говоритъ онъ—то описка въ выраженіи: рѣша *Русь* (вмѣсто *Руси*) имѣется въ Лаврентьевскомъ и Троицкомъ“ (359). Изъ этихъ словъ я имѣю право заключить, что онъ только слышалъ что-то объ испорченномъ текстѣ, но съ моими изысканіями о немъ не ознакомился. Тамъ я представляю цѣлый рядъ доказательствъ, что первоначальный текстъ сохранился по преимуществу въ сводахъ Западнорусскихъ и Новгородскихъ, а испорченный вошелъ только въ своды и списки Сѣверовосточные, да и то далеко не всѣ. Кромѣ Лаврентьевскаго и Троицкаго имѣемъ *Русь* вмѣсто *Руси* въ Ипатскомъ сводѣ и Переяславскомъ спискѣ; особенно важенъ указанный мною первоначальный текстъ въ Лѣтописцѣ патріарха Никифора (См. мои *Розысканія* стр. 465 496—497): далѣе въ Степенной книгѣ, въ „Русскомъ Хронографѣ“ и пр. (Мои замѣтки въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1890. Январь) А г. Филевичъ явные слѣды этого первоначальнаго текста считаетъ какою-то *опискою*! Выставляя себя антинорманистомъ, онъ тутъ безсознательно и совершенно неосновательно поддерживаетъ Норманскую систему. Поддерживаетъ ее онъ и въ вопросѣ о призваніи. „Прибытія князей въ Новгородъ отвергать нельзя, говоритъ г. Филевичъ: оно слишкомъ рѣшительно засвидѣтельствовано всѣми лѣтописями“ (376) Во первыхъ, всѣми сводами, а не „лѣтописями“. Начальная лѣтопись извѣстна только одна (Сильвестрова), которая и вошла во всѣ лѣтописные своды. А во вторыхъ, я отнюдь не отрицаю присутствія сказанія о призваніи въ начальной Русской лѣтописи; я доказываю только легендарный характеръ этого сказанія. Вообще любопытны разсужденія автора, относящіяся къ лѣтописной повѣсти о началѣ Русской земли (послѣдняя глава книги), любопытны по недостатку логики, произвольнымъ, гадательнымъ положеніямъ и такому запутанному, темному изложенію, что передать вкратцѣ ихъ содержаніе и смыслъ я рѣшительно не берусь.

Заявляя себя антинорманистомъ въ Варяго-Русскомъ вопросѣ, г. Филевичъ пребываетъ антиславистомъ въ вопросѣ о народности Болгаръ. „Мы не сомнѣваемся въ неславянствѣ Болгаръ“, признается онъ; но тутъ же противорѣчитъ себѣ, замѣчая объ отсутствіи исторической аналогіи для такого быстраго „этнографическаго перерожденія цѣлаго народа“ (324), что въ свою очередь не мѣшаетъ ему на слѣдующей же страницѣ смѣло и „рѣшительно утверждать“, что это перерожденіе Болгаръ „не представляетъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе продолжительное культурное и племенное воздѣйствіе на Болгаръ со стороны Славяно-Русскаго Юга“. „Русскій Югъ въ концѣ концовъ палъ, но особенно на Болгарахъ онъ сослужилъ добрую службу славянству“. Не смотря на такое рѣшительное утвержденіе, не правда ли въ высшей степени удивительнымъ является этотъ воображаемый подвигъ Руси? Оказывается, что никто другой, а именно она ославянила Дунайскихъ и Балканскихъ Болгаръ, при чемъ заставила ихъ говорить не Русскимъ языкомъ, а собственнымъ Болгарскимъ! Относительно Славянъ вообще г. Филевичъ повторяетъ рутинныя фразы о ихъ исконности, многочисленности, широкомъ распространеніи; но глубже VI вѣка или конца

V-го онъ не идетъ. Да и не можетъ идти: ибо имя Славянъ является только съ этого времени въ источникахъ; а что они жили уже въ Восточной Европѣ и на Дунаѣ ранѣе, только подъ другими именами, и преимущественно подъ именемъ Сарматъ—мои изысканія объ этомъ предметѣ онъ игнорируетъ. Да оно и понятно: вашъ покорнѣйшій слуга не обладаетъ такимъ авторитетомъ какъ гг. Ламбинъ, Пичъ, Иречекъ, К. Я. Гротъ, Куникъ, Гедеоновъ, Шембера, Войцѣховскій, Кентржинскій, Богуславскій и многіе другіе. Впрочемъ г. Филевичъ не всегда согласенъ и съ самимъ Ламбинымъ. Такъ напримѣръ, для объясненія названія Угличей онъ не ограничивается миѳическимъ угломъ—Буджакомъ; а отдѣляетъ отъ нихъ Уличей или, какъ онъ ихъ называетъ, *Улучичій* и сочиняетъ для послѣднихъ какое-то *Улучь* (296- 304).

Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія книги, это: во первыхъ, недостатокъ серьезной подготовки для того, чтобы трактовать вопросъ о происхожденіи Руси во всемъ его объемѣ и со всѣхъ его сторонъ, и вытекающее отсюда поверхностное отношеніе къ разнымъ болѣе или менѣе важнымъ его отдѣламъ. Во вторыхъ, нерѣдкіе фактическіе промахи, пренебреженіе историческими данными и сравнительно—историческимъ методомъ, при крайнемъ увлеченіи географической номенклатурой, въ концѣ концовъ не представившей никакихъ существенныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ выводовъ. Въ третьихъ, недостатокъ вдумчивости и логичности, съ которымъ связанъ самый характеръ изложенія, довольно непослѣдовательный и запутанный. Отсюда много противорѣчій и темноты, рядомъ съ обиліемъ общихъ мѣстъ, ничего не доказывающихъ. Самый языкъ нерѣдко уснащается реченіями необычными и тяжело-придуманными, въ родѣ: „Славяно-русскаго самоопредѣленія", „эпохальнаго значенія", „говорныхъ переливовъ", „годовой сѣти" и т. п. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы сосредоточиться хотя бы на Угорской Руси и сколько-нибудь выяснить ея историческія судьбы, благо авторъ изслѣдованія, по его словамъ, запасся десятиверстной картой, получилъ доступъ въ Австрійскіе архивы, и притомъ, въ качествѣ Варшавскаго профессора, обитаетъ почти по сосѣдству съ означенной Русью. А общій вопросъ о происхожденіи Руси и всего Славянства лучше бы оставить пока въ сторонѣ до пріобрѣтенія широкой исторической основы, вмѣстѣ съ сравнительнымъ историко-критическимъ методомъ, и до основательнаго ознакомленія съ источниками и литературою по сему вопросу.

Любопытно письмо г. Филевича, помѣщенное въ № 7.313 „Новаго Времени" (8 Іюля 1896 г.) и озаглавленное „У свѣжей могилы". Тутъ онъ печалуется о мадьяризаціи Угорской Руси, по поводу введенія богослуженія на Мадьярскомъ языкѣ. При семъ, считая негодными предыдущіе труды, посвященные нашей начальной исторіи, онъ объявляетъ, что вообще мы Русскіе якобы доселѣ не знаемъ, откуда идемъ, что мы „непомнящіе родства" и т. п. Такое заявленіе вмѣстѣ съ выходомъ въ свѣтъ означенной его диссертаціи могло возбудить надежду, что именно она-то намъ и откроетъ, наконецъ,

глаза на наше происхожденіе. Но, какъ мы видѣли, чтеніе ея приводитъ къ полному разочарованію: изъ нея мы не узнаемъ даже происхожденія той Угорской Руси, судьбу которой авторъ оплакиваетъ въ своей газетной статьѣ. Но то, что онъ говоритъ по сему поводу, свойственно болѣе заурядному фельетонисту, чѣмъ историку. Сей послѣдній долженъ бы знать, что Мадьяры съ самаго начала явились союзниками Нѣмцевъ для угнетенія и истребленія Славянъ и что эту роль они добросовѣстно исполняютъ до сихъ поръ.

*

Перейдемъ теперь къ новоявленной Нѣмецкой книгѣ другого профессора Русской исторіи (бывшаго Дерптскаго), г. Брикнера. Она заключаетъ въ себѣ первый томъ „Исторіи Россіи до конца XVIII столѣтія“. Этотъ первый томъ не представляетъ систематическаго связнаго повѣствованія, а является рядомъ очерковъ разнообразнаго содержанія: географическаго, публицистическаго, этнографическаго, статистическаго и, наконецъ, историческаго. Очерки эти неравнаго достоинства; во всякомъ случаѣ, при извѣстномъ трудолюбіи и эрудиціи автора, они займутъ не послѣднее мѣсто въ Нѣмецкой литературѣ по Русской исторіи. Но едва ли не самымъ слабымъ въ научномъ отношеніи очеркомъ надобно считать посвященный Варяжскому вопросу (Die Warjagerfrage стр. 226—241). Если профессоръ Филевичъ, издавшій спеціальное изслѣдованіе о началѣ Руси, не обнаруживаетъ основательнаго знакомства съ настоящимъ состояніемъ этого вопроса въ Русской наукѣ, то еще менѣе можно ожидать таковаго знакомства отъ книги профессора Брикнера, трактующей вопросъ только съ точки зрѣнія общаго курса Русской исторіи, т. е. какъ одинъ изъ ея неизбѣжныхъ отдѣловъ. Онъ приводитъ разныя о немъ мнѣнія, начиная съ Петербургскихъ академиковъ прошлаго столѣтія и кончая Куникомъ, Гедеоновымъ, Томсеномъ, мною и пр. Но, повторяю, настоящее положеніе вопроса въ точности ему неизвѣстно. Напримѣръ, В. Г. Васильевскій помѣщается все еще къ числѣ скандинавомановъ, тогда какъ въ послѣднее время, какъ мы знаемъ, онъ отказался отъ теоріи сѣвернаго или Скандинавскаго происхожденія Руси, а перешелъ къ южному (Готскому). Разумѣется, симпатіи г. Брикнера склоняются къ старой Нѣмецкой школѣ норманистовъ, и онъ повторяетъ обычныя, теперь уже научно отсталыя, сужденія ихъ о невоинственномъ, осѣдломъ характерѣ и бытѣ Славянъ, ихъ якобы незнакомствѣ съ моремъ и т. п. Начальнаго лѣтописца Русскаго онъ по прежнему называетъ Несторомъ вмѣсто Сильвестра, и продолжаетъ ссылаться на него какъ будто бы на современника призванію князей, при чемъ поднятый мною вопросъ объ испорченномъ мѣстѣ легенды какъ бы совсѣмъ ему незнакомъ. Незнакомы ему и вновь открытые источники или новое объясненіе старыхъ (напр., Амастридская и Сурожская легенды, извѣстіе Хордадбега и т. д.). Между прочимъ мое указаніе на Славянскія божества въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками онъ пытается устранить увѣреніемъ, будто „имена божествъ въ тѣ времена легко могли мѣняться“. А „такой великій авторитетъ какъ Томсенъ“, по его словамъ,

будто бы „указалъ не менѣе девяноста личныхъ именъ несомнѣнно-Скандинавскаго происхожденія въ первомъ столѣтіи Русской исторіи". Не ознакомясь съ послѣдней научной фазой вопроса, авторъ однако приводитъ мнѣніе о лѣтописной легендѣ Серба Крыжанича, котораго сочиненія недавно изданы. Вообще этотъ очеркъ страдаетъ поверхностнымъ, дилетантскимъ отношеніемъ къ дѣлу и недостаткомъ историческаго безпристрастія, хотя авторъ проповѣдуетъ именно безпристрастіе Но, какъ я сказалъ, для него существуютъ нѣкоторыя смягчающія обстоятельства.

—

Пользуюсь даннымъ случаемъ вновь сдѣлать оговорку, которую я не разъ уже дѣлалъ и прежде. Писатели, касающіеся Варяго-Русскаго вопроса, если и ссылаются на мои изысканія, то обыкновенно знакомство свое съ ними ограничиваютъ первыми моими статьями, написанными болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Но многое, что въ этихъ статьяхъ было только намѣчено или указано, впослѣдствіи обработано или развито подробнѣе. Въ частностяхъ второстепеннаго и третьестепеннаго значенія кое-что оказалось излишествомъ, не имѣющимъ прямого отношенія къ вопросу, особенно въ сферѣ этимологическихъ соображеній. Нѣкоторыя важныя стороны вопроса въ послѣдующихъ статьяхъ выдвинуты вновь; напримѣръ, несомнѣнная испорченность начальнаго текста лѣтописной легенды о призваніи, позднее появленіе въ исторіи названія *Славяне* и его постепенное распространеніе на племена, извѣстныя въ древности подъ другими именами, объясненіе народности Гунновъ и пр. Если эти позднѣйшія статьи, хотя и вошедшія въ сборникъ *Розысканій* и *Дополнительной полемики*, мало принимаются къ свѣдѣнію моими антагонистами, то написанныя въ послѣднія десять лѣтъ (по преимуществу въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Русскомъ Архивѣ) почти совсѣмъ игнорируются ими, конечно, въ ущербъ ученой добросовѣстности, о чемъ и приходится напоминать при случаѣ.

Д. Иловайскій.

ЗАБЫТОЕ БЛАГОДѢЯНІЕ.

Екатерина Великая говаривала, что когда она захочетъ заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, то приказываетъ порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было о томъ при Петрѣ Великомъ, и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло уже имъ было обдумано".

Такими словами Екатерина охарактеризовала всеобъемлющую дѣятельность своего предшественника, ту дѣятельность, которая, вызывая удивленіе современниковъ и потомства, даровала ему приснопамятный титулъ „отца отечества" и „великаго". Развивая далѣе эту мысль, можно съ увѣренностью сказать, что не было въ нашемъ отечествѣ окраины, даже самой отдаленной, на которой не останавливалось бы вниманіе великаго труженика земли Русской, не было болѣе или менѣе крупнаго города въ Россіи, въ которомъ бы не оставилъ онъ слѣдовъ своихъ дѣяній, своихъ царственныхъ заботъ.

Къ числу такихъ городовъ, обязанныхъ своимъ современнымъ благосостояніемъ Петру Великому, несомнѣнно принадлежитъ Саратовъ Поволжье и Саратовскій край съ давнихъ поръ привлекали вниманіе Петра, желавшаго утвердиться на берегахъ Каспія и Азовскаго моря, считавшаго необходимымъ оградить Волгу съ ея торговыми путями отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ, которые въ то время хозяйничали въ степи. Отправляясь въ походъ подъ Азовъ, Царь впервые ознакомился съ низовымъ Поволжьемъ и намѣтилъ будущую роль Саратова, для охраны котораго отъ набѣговъ вольницы и Татаръ онъ создалъ два города: Дмитріевскъ (нынѣшній Камышинъ) и Петровскъ, и учредилъ сторожевую линію отъ Царицына до Дона, съ проведеніемъ которой прекратились набѣги Ногайскихъ Татаръ. Въ 1695 году, по пути въ Азовъ, Царь въ первый разъ посѣтилъ Саратовъ, который, существуя уже слишкомъ сто лѣтъ, представлялъ собою въ то время небольшой укрѣпленный валомъ посадъ на правомъ берегу Волги, гдѣ, кромѣ инородцевъ, казаковъ и стрѣльцовъ, проживало нѣсколько сотъ Русскихъ семей. Бывшій въ то время Саратовскимъ воеводою Нестеровъ, во главѣ гражданъ, торжественно встрѣтилъ Царя и поддержалъ челобитье Саратовцевъ объ отводѣ имъ земельныхъ угодій и покосовъ.

Разсказываютъ, что Царь, въѣхавъ верхомъ на самое высокое, господствующее надъ всѣмъ городомъ мѣсто, такъ называемую „Соколову гору"

и любуясь съ высоты степною и заречною далью, указалъ рукою на все видимое пространство земель, которыми и пожаловалъ Саратовцевъ. Таково преданіе, сохранившееся до сихъ поръ въ устахъ народа. Подробности этого событія могутъ быть оспариваемы, но нѣтъ сомнѣнія, что челобитье Царю подавали, и что Петръ пожаловалъ Саратову земли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и жалованная грамота его, данная 13 Марта 1701 года на имя тогдашняго Саратовскаго воеводы, стольника Алексѣя Новосильцова. Въ грамотѣ между прочимъ сказано: „...И нынѣ били челомъ намъ Великому Государю города Саратова ружники и всякихъ чиновъ градскіе жители. Въ прошломъ де 1700 году, по нашему Великаго Государя указу и грамотѣ, отведено имъ къ городу Саратову на выпускъ и на табунныя пастбищи и на сѣнные покосы, и съ лѣсными угодьи по урочищамъ, и отводныя книги въ Приказъ Казанскаго дворца присланы: а владѣнной грамоты имъ не дано. И намъ Великому Государю пожаловати бъ велѣть имъ впредь для владѣнія дать съ тѣхъ отводныхъ книгъ нашу Великаго Государя грамоту съ прочетомъ, почему имъ тѣмъ отводнымъ выпускомъ и конскими пастбищи, и сѣнными покосы, и лѣсными всякими угодьи впредь владѣть... И какъ къ тебѣ ся наша Великаго Государя грамота придетъ, и ты-бъ имъ, Саратовскимъ жителямъ, тою отводною землею велѣлъ владѣть по нашему Великаго Государя по указу и сей грамотѣ и, списавъ съ сей грамоты списокъ, оставилъ въ Приказной Избѣ, а подлинную сю нашу Великаго Государя грамоту отдалъ имъ градскимѣ жителямъ“ *).

Въ силу этой жалованной грамоты, подлинникъ которой въ современномъ спискѣ до сихъ поръ сохраняется въ мѣстной казачьей станицѣ, городъ Саратовъ сдѣлался владѣльцемъ обширныхъ земель на луговой и нагорной сторонахъ Волги, количество которыхъ, какъ говорятъ, доходило до 300 тысячъ десятинъ. Съ тѣхъ поръ прошло почти 200 лѣтъ; „ружники и всякихъ чиновъ градскіе жители“ Саратовскіе, о кои упоминается въ жалованной грамотѣ, въ то время едва ли имѣвшіе понятіе о городѣ, какъ о лицѣ юридическомъ, очевидно считали это пожалованіе личнымъ, и отъ того чего значительная часть этой городской земли разошлась по частнымъ рукамъ. Захваты эти были производимы въ такъ называемой „выгонной пропорціи“, т. е. землѣ, прилегающей къ городскому поселенію, предназначенной для выгона, на которомъ захватчики разводили сады, устраивали хутора и пожни. Съ теченіемъ времени значительное количество этой пожалованной земли было отобрано для казаковъ и Малороссовъ-солевозовъ, жителей нынѣшней слободы Покровской, вслѣдствіе чего отъ города отошла вся луговая Заволжская сторона. Что касается нагорной стороны, то здѣсь также было вымежевано значительное пространство изъ городскихъ земель въ пользу поселенныхъ въ Саратовѣ казаковъ Астраханскаго войска, а также „питомцевъ“ Воспитательнаго Дома (нынѣшній Николаевскій городокъ и Маріинская ферма).

*) Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, томъ IV, вып. III, Саратовъ 1894.

Какъ бы то ни было, благодаря Петру Великому городъ Саратовъ въ настоящее время является самымъ крупнымъ городомъ землевладѣльцемъ въ Россіи, обладающимъ болѣе чѣмъ 70-ю тысячами десятинъ земли. Но не этими конечно матеріальными благами, дарованными городу, должны быть оцѣнены потомствомъ заслуги великаго монарха. „Безъ геніальной восточной политики Петра, безъ его перваго шага къ соединенію Каспія съ Балтійскимъ моремъ", какъ справедливо замѣчаетъ С. С. Краснодубровскій *), „не быть бы Саратову", тому Саратову, который изъ жалкой пограничной крѣпостцы съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ душъ, съ теченіемъ времени разросся до крупнаго торгово-промышленнаго центра съ почти 200 тысячнымъ населеніемъ, гдѣ установилась умственная жизнь, широко разлито народное образованіе, имѣются музей, библіотеки, ученыя общества и до 70 учебныхъ заведеній. Словомъ сказать, современный Саратовъ по справедливости можетъ быть названъ „столицей Поволжья", лишь отсутствіемъ университета уступающей сопернницѣ-Казани.

Таковы экономическія и просвѣтительныя заслуги Петра по отношенію къ Саратову, о которыхъ городъ конечно не могъ не знать и которыя естественнымъ образомъ наводили на мысль о необходимости увѣковѣчить эти благодѣянія великаго монарха сооруженіемъ ему въ этомъ городѣ достойнаго и соотвѣтствующаго его величію памятника. Такъ повидимому взглянуло Саратовское городское управленіе, когда въ Маѣ 1891 года, во время торжественнаго празднованія 300-лѣтія города, Дума рѣшила „ознаменовать юбилейный день сооруженіемъ памятника императору Петру Великому, „которому городъ обязанъ своими земельными богатствами". Въ силу этого постановленія, подписаннаго всѣми наличными гласными, предположено соорудить этотъ памятникъ „исключительно на средства города" и воздвигнуть его на такъ называемой Старо-соборной площади, о чемъ и возбудить своевременно ходатайство передъ правительствомъ. Подробная разработка вопроса поручена Управѣ, съ тѣмъ чтобы по этому предмету она внесла свой докладъ на утвержденіе Думы. Въ Маѣ того же года Саратовская Городская Управа снеслась съ управами двухъ сосѣднихъ губерній, Астраханской и Самарской, въ которыхъ уже сооружены памятники царю-освободителю Александру II и, по наведеннымъ при этомъ справкамъ, оказалось, что памятники эти обошлись: Астрахани—въ 19.000, а Самарѣ—въ 72.000 рублей.

Но на этомъ повидимому и остановилась дѣятельность городскаго управленія. Недостатокъ ли матеріальныхъ средствъ, или вопросъ о прісканіи художника-исполнителя, или иныя какія соображенія, но вопросъ о памятникѣ Петру Великому не получилъ дальнѣйшаго движенія. Можно думать, что онъ окончательно былъ бы забытъ, если бы спустя два года, въ 1893 году, не явилось крайне благопріятное для города обстоятельство, давшее

*) 1) Старые годы Саратова. 2) О памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ.

новый толчекъ этому забытому вопросу. Извѣстный нашъ художникъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ, много лѣтъ проживающій въ Парижѣ, но сохраняющій постоянную связь съ Саратовомъ, какъ создатель Радищевскаго Музея и почетный гражданинъ города, принялъ живое участіе въ этомъ городскомъ дѣлѣ. Онъ предложилъ свое посредничество въ отысканіи художника, способнаго исполнить модель памятника для Саратова, и слѣдствіемъ таковаго посредничества явилось предложеніе Русскаго ваятеля, проживающаго въ Парижѣ, Петра Николаевича Тургенева *) исполнить модель памятника и доставить ее Саратову безвозмездно. Въ Іюнѣ 1893 года превосходная гипсовая модель конной статуи Петра Великаго была окончена и при письмѣ П. Н. Тургенева прислана въ Саратовъ, какъ даръ художника городу. Въ письмѣ своемъ П. Н. Тургеневъ заявлялъ, что согласно этой модели онъ берется изготовить бронзовый памятникъ, при чемъ, предлагая отдѣлку статуи, онъ „не имѣетъ въ виду собственной выгоды или разсчета, считая достаточной наградой выставить свое произведеніе на Русской землѣ". Онъ проситъ лишь возмѣщенія необходимыхъ издержекъ на матеріалъ для отлитія статуи изъ бронзы, что по его разсчету, составило бы сумму отъ 9 до 9½ тысячъ рублей.

Свое письмо П. Н. Тургеневъ заключаетъ просьбой устроить съѣздъ знающихъ людей для желательныхъ указаній и поправокъ, изъявляя при этомъ полную готовность сдѣлать, въ случаѣ надобности, всѣ необходимыя измѣненія въ проектѣ. Такимъ образомъ сооруженіе памятника Петру Великому, при даровомъ трудѣ ваятеля, „обошлось бы городу не болѣе 10.000 рублей", что по сравненію съ внушительной цифрой въ 72.000 рублей, израсходованныхъ Самарою, составило бы для Саратова незначительную трату.

Что же сдѣлалъ городъ? Какъ отнесся онъ къ этому прекрасному предложенію? Отвѣтъ на это мы находимъ въ № 275 „Саратовскаго Листка" отъ 15 Декабря 1893 г., въ замѣткѣ подъ заглавіемъ „По поводу модели памятника Петру Великому", гдѣ говорится, что даръ г. Тургенева въ Саратовѣ давно полученъ и выставленъ въ Городской Управѣ „для обозрѣнія"; а между тѣмъ ни А. П. Боголюбовъ, ни Н. П. Тургеневъ, положившіе въ это дѣло столько усердія и труда, „до сихъ поръ не получили даже простаго увѣдомленія о прибытіи модели въ Саратовъ". При этомъ авторъ замѣтки довольно снисходительно объясняетъ этотъ поступокъ тѣмъ, что члены Управы, „озабоченные текущими дѣлами", отложили обсужденіе этого вопроса на неопредѣленное время и что при томъ настоящія средства города отодвигаютъ исполненіе думскаго постановленія по поводу памятника до болѣе бла-

*) Читатели „Русскаго Архива" порадуются тому, что даровитый художникъ П. Н. Тургеневъ—сынъ приснопамятнаго Николая Ивановича и племянникъ того Тургенева, „Портретъ", котораго (въ стихахъ) напечатанъ въ IX-мъ выпускѣ нашемъ за нынѣшній годъ. Мы благодарны В. И. Салатову за указаніе, что стихи эти написаны Б. М. Ѳедоровымъ (Сочин. Батюшкова, I, кн. 2, стр. 370). П. Б.

гопріятнаго будущаго. Въ той же замѣткѣ говорится, что модель не удовлетворяетъ требованіямъ Саратовцевъ, какъ вслѣдствіе невѣрности, допущенной въ надписи на пьедесталѣ, такъ и по самой идеѣ памятника, положенію всадника, коня и т. д. [1])... Но вѣдь П. Н. Тургеневъ, присылая свой даръ, прямо заявлялъ, что онъ готовъ сдѣлать всѣ необходимыя измѣненія въ проектѣ, лишь бы даны были ему указанія. Управа, „озабоченная текущими дѣлами", такъ и не дала никакого отвѣта. Впрочемъ спѣшу оговориться: спустя два дня послѣ появленія замѣтки, а именно 17 Декабря, Управа написала коротенькое письмо П. Н. Тургеневу за подписью городскаго головы, въ которомъ, благодаря его „за желаніе сдѣлать въ высшей степени полезное пожертвованіе городу", сообщаетъ, что вопросъ о сооруженіи памятника, „за недостаткомъ средствъ, пока откладывается до болѣе благопріятнаго будущаго".

Когда наступитъ это благопріятное время, мы не знаемъ; но съ тѣхъ поръ прошло еще три года, а вопросъ этотъ, повидимому, такъ и канулъ въ Лету.

Недавно мнѣ пришлось прочесть въ „Новомъ Времени" статью г. Скальковскаго „о памятникахъ знаменитымъ Русскимъ людямъ", въ которой авторъ указываетъ на поразительное равнодушіе Русскаго общества къ своимъ великимъ людямъ. Авторъ, перечисляя заслуги нѣкоторыхъ государей и общественныхъ дѣятелей нашихъ, съ прискорбіемъ указываетъ на отсутствіе у насъ памятниковъ царю Ивану III, Алексѣю Михайловичу, митрополиту Филиппу [Колычеву] и даже княгинямъ Трубецкой и Волконской [2]).

Что же сказать послѣ этого о Саратовѣ, который при почти милліономъ бюджетѣ не находитъ десяти тысячъ рублей на сооруженіе памятника Петру?

К. Военскій.

Саратовъ, 1896.

---

[1]) На пьедесталѣ этой модели, находящейся въ настоящее время въ Радищевскомъ Музеѣ, художникомъ дѣйствительно изображена исторически-неточная надпись: „*Здѣсь быть Саратову*". Петръ, представленный сидящимъ верхомъ на прекрасномъ, спокойно гарцующемъ конѣ, указываетъ рукою внизъ и, судя по надписи, какъ бы намѣчаетъ мѣсто, на которомъ долженъ быть построенъ городъ. Это невѣрно, такъ какъ Саратовъ основанъ былъ царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ въ 1590 году П. Н. Тургеневъ, конечно, могъ не знать этой подробности, въ силу которой было бы умѣстнѣе изобразить Царя въѣхавшимъ на вершину Соколовой горы, сдерживающимъ одною рукою ретиваго коня, а другою, протянутою, какъ бы дарующимъ городу видимыя имъ земли. Все это, конечно, П. Н. Тургеневъ принялъ бы къ свѣдѣнію и, конечно, нѣсколько видоизмѣнилъ бы свой проектъ, если бы городъ своевременно потрудился сообщить ему эти подробности К. В.

[2]) Даже! П. Б.

1859 ГОДЪ НА АМУРѢ.

Тогдашніе и тамошніе шуточные стихи.

Какъ въ Амурской области,
А и Господи прости,
Словно у людей,
Завелись дѣла, порядки:
Просятъ свѣта, гонятъ взятки,
Чудеса ей, ей!

*

Генералъ Иркутскій Гуссе,
Губернаторъ въ новомъ вкусѣ,
Дуй его горой!
Онъ большой руки ораторъ,
Дипломатъ, администраторъ,
Онъ же и герой.

*

Хоть наружностью невзраченъ,
Но воинственный Маймачинъ
Штурмомъ чуть не взялъ.
При здоровьи своемъ слабомъ
Онъ Иркутскимъ главнымъ штабомъ
Бойко заправлялъ.

*

Честь кровавого похода
Пятьдесятъ шестаго года
Свято чтитъ страна.
Вотъ по этимъ-то заслугамъ,
Говорятъ, къ его услугамъ
Область создана.

*

Весь облитъ мишурнымъ свѣтомъ,
Онъ пріѣхалъ прошлымъ лѣтомъ
Съ молодой женой.

Подождемъ, что̀ будетъ дальше,
А покуда генеральша
Тѣломъ и душой!

*

Понабрались съ ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тутъ же и Петровъ.
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы-палаты,
Хоть морозь волковъ!

*

Обезпечивъ помѣщеньемъ,
Принялись за управленье
Что̀ всего нужнѣй.
Мы потомъ займемся краемъ,
Перво на перво Китаемъ:
Это поважнѣй!

*

Вѣдь Китайцы крайне глупы,
Неразвиты, грязны, тупы,
Ну ихъ воспитать!
Они страшные невѣжи;
Принимать ихъ будемъ рѣже,
Чаще къ нимъ писать

*

Вотъ Асламову работа!
То и дѣло пишетъ ноты
Въ Айгунъ ко двору.
Ихъ тамъ можетъ быть читаютъ,
Да все насъ-то не пускаютъ
Вверхъ по Сунгарý;
Да и къ Айгунъ-то пробраться
Не всегда легко, признаться.

*

Былъ такой случай:
Разъ, инкогнито, зимою
Онъ поѣхалъ тамъ съ женою
Праздникъ посмотрѣть;
И погрѣться не пустили,
Все по улицамъ водили
Словно на показъ!

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

Въ *„Воспоминаніяхъ доживающаго свой вѣкъ Смоленскаго дворянина“*, напечатанныхъ въ Январьской книгѣ „Русской Старины“ 1896 г., гдѣ рѣчь идетъ о Московскихъ профессорахъ медицинскаго факультета, встрѣчаются многія неточности. Въ біографическихъ замѣткахъ, предназначенныхъ для печати, неточностей не должно быть, и грѣшно бы было оставить эти неточности неисправленными, такъ какъ они касаются лицъ, изъ которыхъ многія въ свое время составляли гордость Московскаго Университета и пользовались вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Невѣрности, хотя бы и неимѣющія важнаго значенія, невольно возбуждаютъ недовѣріе къ автору. Приводя исправленія, я однако не желаю дѣлать упрекъ разскащику, „доживающему свой вѣкъ“ и не считаю его ошибки умышленными. Ошибки всегда возможны тѣмъ болѣе, что авторъ не былъ близко знакомъ съ описываемыми имъ личностями; къ тому же въ преклонныхъ лѣтахъ память нерѣдко измѣняетъ.

Заговоривъ о профессорѣ минералогіи Григоріи Ефимовичѣ Щуровскомъ, авторъ рисуетъ его суровымъ, *согбеннымъ подъ тяжестью лѣтъ*, сердито и неохотно пропускающимъ слова сквозь зубы. Лекціи его будто бы посѣщались немногими.

Въ описываемое время, т. е. въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, Г. Е. Щуровскій имѣлъ не болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду и вовсе не былъ согбеннымъ и дряхлымъ старикомъ *).

Правда, въ отношеніи къ слушателямъ онъ былъ сухимъ, холоднымъ и на экзаменахъ довольно строгимъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства лекціи его всегда усердно посѣщались студентами, не желавшими, какъ говорится, провалиться на экзаменѣ. Всегда строго относясь къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ, какъ ученый, пользовавшійся извѣстностью, онъ не заискивалъ въ студентахъ и къ сжато-изложеннымъ лекціямъ не примѣшивалъ балагурства. Студенты всегда относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ. При сухой и холодной внѣшности, Щуровскій въ тоже время былъ человѣкъ отзывчиваго, добраго сердца.

---

*) Г. Е. Щуровскій родился 30 Янв. 1803 г., скончался 20 Марта 1884 г.

Профессоромъ описательной анатоміи былъ Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ; Николай же Дмитріевичъ Никитинъ былъ прозекторомъ, и ему, какъ адъюнкту, предоставлено было право заниматься практическою анатоміею на трупахъ со студентами 2-го курса. На немъ и его помощникѣ К. М. Балашевѣ лежала обязанность приготовлять препараты для лекцій описательной анатоміи и чтобы препаратъ не испортился, заготовка дѣлалась наканунѣ, много за день до лекціи. На цѣлыхъ же, разложившихся трупахъ анатомія не читалась; поэтому и воздухъ въ аудиторіи не могъ быть невыносимымъ.—Деканъ медицинскаго факультета Николай Богдановичъ Анке читалъ не терапію, а фармакологію. Авторъ воспоминаній почему-то ставитъ на видъ равнодушіе и сонливость декана во время защиты диссертацій на степень доктора. На диспутахъ возраженія докторанту дѣлаютъ оппоненты, заранѣе назначаемые факультетомъ и просматривающіе диссертацію; на деканѣ же не лежитъ прямой обязанности дѣлать возраженія. Кстати нужно замѣтить, что Анке пользовался большою популярностью въ средѣ студентовъ: любили его, какъ декана и какъ профессора; за то, что онъ относился къ студентамъ отечески и получившимъ у него неудовлетворительныя отмѣтки на экзаменѣ давалъ возможность подготовиться и всегда допускалъ къ переэкзаменовкѣ. Нерѣдко бывало, что докторанты и студенты по два и по три раза пользовались снисходительностію профессора, и въ концѣ концовъ подготовившись, выдерживали экзаменъ. Въ кругу своихъ знакомыхъ Анке былъ веселымъ собесѣдникомъ и всегда желаннымъ гостемъ. Въ описываемое время про него ходило много анекдотовъ, и его остроты были извѣстны далеко за предѣлами Университета.

Описывая экзаменъ изъ Богословія, на которомъ присутствовалъ оставшійся недовольнымъ чѣмъ-то, митрополитъ Филаретъ, авторъ воспоминаній видѣлъ его уже уходящимъ изъ аудиторіи и слышалъ, какъ онъ *постукивалъ* посохомъ. Врядъ ли это было такъ. Посохъ носится архіереями только при богослуженіи и при участіи въ крестныхъ ходахъ.

Вспоминая о свѣтилахъ медицинскаго факультета, которыми въ описываемое время были Александръ Ивановичъ Оверъ и Өедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, авторъ посвятилъ цѣлую страницу первому изъ нихъ, хотя и переполненную далеко не лестными отзывами, и несомнѣнно почерпалъ свѣдѣнія изъ источниковъ, не заслуживающихъ довѣрія. Иноземцова онъ представляетъ какимъ-то оригиналомъ и слишкомъ блѣдно рисуетъ этотъ портретъ во всѣхъ отношеніяхъ достопамятнаго врача и человѣка. Авторъ какъ будто ставитъ въ упрекъ А. И. Оверу, что онъ, являясь въ мундирѣ, бывалъ обвѣшанъ не менѣе тридцатью орденами разныхъ государствъ. Автору вѣроятно неизвѣстно, что иностранные ордена пожалованы были Оверу не за деньги, не за встрѣчи на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, не за успѣшное пользованіе высокопоставленныхъ иностранныхъ особъ или ихъ камердинеровъ, а за ученый трудъ. Трудъ этотъ заключался въ составленномъ и пре-

восходно изданномъ Оверомъ патолого-анатомическомъ атласѣ, поднесенномъ многимъ изъ иностранныхъ государей, оцѣнившихъ его по достоинству. Не задолго до своего выхода въ отставку Оверъ будто бы почти совсѣмъ перестадъ читать лекціи и даже посѣщать клиники, и вмѣсто него читалъ ассистентъ. Послѣдній годъ профессорства Овера, очень хорошо сохранившійся въ памяти пишущаго эти строки, ничѣмъ не отличался отъ предшествовавшихъ лѣтъ. Въ этотъ годъ А. И. Оверъ очень часто посѣщалъ клиники и продолжалъ также увлекательно читать. Ассистентъ же его, Корнелій Яковлевичъ Млодзѣевскій, обычно читалъ свой предметъ—діагностику болѣзней. Оверъ былъ однимъ изъ послѣднихъ профессоровъ, читавшій лекціи при постелѣ и въ присутствіи больныхъ на изящномъ Латинскомъ языкѣ, которымъ, кстати сказать, владѣлъ онъ въ совершенствѣ и не имѣлъ себѣ въ этомъ отношеніи соперниковъ.

Далѣе въ воспоминаніяхъ говорится о томъ, что будто бы во время своего отсутствія Оверъ не только утратилъ свою прежнюю популярность между студентами, но даже заслужилъ названія „невѣжды" и „идіота" и, при первомъ его появленіи въ клиники, студенты готовились его освистать; но вышло совсѣмъ наоборотъ. При появленіи Овера въ бѣломъ галстухѣ (котораго нужно замѣтить онъ никогда не носилъ) и по окончаніи лекціи, вмѣсто шиканья поднялся такой ревъ „браво", такой ураганъ хлопанья въ ладоши, что ничего подобнаго даже и не снилось профессорамъ искавшимъ популярности. Мало того, вся аудиторія бросилась вслѣдъ за нимъ, и одобренія продолжали сыпаться и на лѣстницѣ и въ сѣняхъ, гдѣ онъ уже надѣвалъ шубу.

Начать съ того, что о свисткахъ и шиканьи не было и помину, покрайней мѣрѣ въ громадномъ большинствѣ студентовъ, слушавшихъ Овера. Точно также не слыхать было о вышеприведенныхъ болѣе нежели грубыхъ и вовсе неподходящихъ къ Оверу эпитетахъ. Взрывъ же долго неумолкавшихъ рукоплесканій вызванъ былъ не лекціей, которая читалась всегда въ клиническихъ палатахъ, а блестящею по содержанію и по изложенію прощальною рѣчью Овера, сказанною имъ по случаю оставленія профессорства и выхода изъ Университета. Прощанье происходило въ такъ называемой акушерской аудиторіи, въ нижнемъ этажѣ клиникъ, такъ что по лѣстницѣ провожать профессора не было надобности.

Заканчивая воспоминанія объ Оверѣ, авторъ почему-то вздумалъ произвести его въ камергеры Двора Его Императорскаго Величества. Вѣроятно эту придворную должность авторъ смѣшалъ съ званіемъ почетнаго лейбъ-медика, какимъ дѣйствительно былъ Оверъ.

Автору почему-то казалось, что въ наружности и одеждѣ Ѳ. И. Иноземцева бросалась въ глаза какая-то небрежность. Въ данномъ случаѣ

можно заподозрить автора въ томъ, что онъ когда либо видѣлъ вблизи Иноземцева. Напротивъ того и по наружности, и по костюму онъ выдѣлялся въ толпѣ. Къ больнымъ онъ всегда являлся въ изящно сшитой черной парѣ, во фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы и нерѣдко со звѣздою, такъ какъ въ описываемое время къ орденамъ относились съ гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ нежели теперь, да и давались ордена не такъ щедро, какъ впослѣдствіи. Далѣе авторъ подмѣтилъ въ Иноземцевѣ какую-то оригинальность. Иноземцевъ не отличался никакими оригинальностями или выходками и не прибѣгалъ къ фокусамъ, чтобы произвести впечатлѣніе на больныхъ или студентовъ. Точно также и не прибѣгалъ онъ къ тѣмъ маневрамъ, разсчитаннымъ на студенческія аплодисменты, къ которымъ, какъ выше говоритъ авторъ воспоминаній, прибѣгали нѣкоторые профессора. Слава его была дѣйствительно громадна, но при этомъ автору слѣдовало бы добавить, что Ѳ. И. ея вполнѣ заслуживалъ. Очень жаль, что авторъ, упоминая о какой-то кажущейся небрежности и оригинальности Иноземцева, ни слова не говоритъ насколько онъ былъ внимателенъ и сострадателенъ къ больнымъ, обращавшимся къ нему за медицинскою, а нерѣдко и за матеріальною помощью. Страждущіе всевозможными недугами стекались къ нему не только со всей Москвы, но приходили и пріѣзжали изъ далека. Въ то время не было лѣчебницъ, гдѣ бѣдные за ничтожную плату или безплатно могли бы воспользоваться медицинскимъ совѣтомъ. Первая изъ лѣчебницъ, Общества Русскихъ Врачей, была открыта незадолго до кончины Иноземцева. Въ пріемной же у него самаго были широко открыты двери, и входившіе въ нихъ и бѣдняки, и люди состоятельные находили всегда внимательный и теплый пріемъ.

О размѣрѣ гонорара за совѣтъ и помину не было. Да Иноземцевъ счелъ бы личнымъ для себя оскорбленіемъ предварительный торгъ о вознагражденіи за консультацію или посѣщеніе больнаго.

Послѣдними изъ медицинскихъ профессоровъ, въ воспоминаніяхъ описанъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ Алексѣй Ивановичъ Полунинъ. Онъ почему-то казался автору воспоминаній оригинальнѣе всѣхъ и по наружности, и по манерѣ говорить, и даже по голосу, будто бы походившему на гусиный. „Маленькій, лысый, съ зачесанными впередъ жиденькими висками, въ допотопномъ фракѣ и ходилъ-то онъ какъ-то особенно, подпрыгивая на каждой ногѣ“.

Лекціи свои Полунинъ читалъ дѣйствительно нѣсколько нараспѣвъ, потому что онъ хотя и не сильно, но заикался. Чтобы загладить этотъ недостатокъ рѣчи, онъ говорилъ не спѣша, протяжно, но въ тоже время выразительно. Роста онъ былъ невысокаго, но и не маленькаго, плотносложенный; но смѣшнаго и оригинальнаго въ его наружности и въ походкѣ ничего не было. Походка его была медленная, но ровная, и подпрыгивающимъ его никому не удавалось

видѣть. Одѣтъ онъ былъ всегда скорѣе щеголевато, а не въ допотопный вицъ-мундиръ. Полунинъ пользовался извѣстностью въ ученомъ мірѣ не за свои сочиненія, какъ говорится въ воспоминаніяхъ, а за переводы, отличавшіеся необыкновенною точностью и служившіе въ то время руководствами для медиковъ. Въ заключеніе замѣтки о Полунинѣ, авторъ воспоминаній дѣлаетъ ему снисхожденіе, допуская, что Полунинъ кромѣ смѣшныхъ сторонъ *вѣроятно* имѣлъ очень много серьезныхъ и замѣчательныхъ.

Да, дѣйствительно Полунинъ имѣлъ въ себѣ много хорошаго и достойнаго подражанія. Начать съ того, что онъ былъ совершенною противоположностью автора воспоминаній. Полунинъ видѣлъ или, по крайней мѣрѣ, желалъ видѣть въ людяхъ только хорошія стороны. Ни о комъ, въ особенности же о своихъ сослуживцахъ и врачахъ, ни въ глаза, ни за глаза, не говорилъ онъ дурнаго и до крайности былъ деликатенъ рѣшительно со всѣми. Корыстолюбіе для него было чуждо. Деликатность не покидала его даже въ обращеніи съ университетскими служителями; при разговорѣ съ ними онъ всегда имъ говорилъ „вы". А это было въ то время, когда еще господствовало крѣпостное право. Въ особенности же добродушно относился онъ къ старослуживому сторожу анатомическаго театра Ново-Екатерининской больницы, гдѣ онъ почти ежедневно читалъ патологическую анатомію для студентовъ 5-го курса. Онъ его называлъ не иначе какъ по имени и отчеству, Иваномъ Ивановичемъ, котораго авторъ воспоминаній почему-то передѣлалъ въ „Ганса". Иванъ Ивановичъ, какъ по фигурѣ, такъ и по говору, былъ типичною личностью, хорошо знакомою всѣмъ студентамъ-медикамъ, и въ свое время игралъ нѣкоторую роль. На его попеченіи, между прочимъ, былъ и патолого-анатомическій кабинетъ, въ которомъ хранились патолого-анатомическіе препараты. Со всѣми препаратами, нерѣдко очень схожими между собою, но не имѣвшими надписей, Иванъ Ивановичъ, прослужившій при кабинетѣ не одинъ десятокъ лѣтъ, былъ коротко знакомъ. Это знакомство съ препаратами давало поводъ къ сближенію студентовъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Студенты, не твердо знавшіе содержимое безчисленнаго ряда банокъ, передъ репетиціями и экзаменомъ прибѣгали за помощью къ Ивану Ивановичу, объяснявшему препараты. А не угадать на экзаменѣ препарата влекло за собою полученіе неудовлетворительной отмѣтки. Чтобы быть всегда готовымъ къ услугамъ профессора, Иванъ Ивановичъ зачастую, въ особенности при вскрытіи труповъ, присутствовалъ на лекціяхъ, присаживаясь къ студентамъ.

Минуя характеристику профессоровъ другихъ факультетовъ, занесенную на страницы воспоминаній, нельзя пройти молчаніемъ замѣтокъ, касающихся въ свое время всеобщаго любимца, профессора зоологіи Карла Францовича Рулье (названнаго въ воспоминаніяхъ Францомъ Яковлевичемъ). Лекціи Рулье, по словамъ автора замѣтокъ, „такъ и сверкали огнями остроумія и веселости, и на нихъ всегда собирались во множествѣ посторонніе слуша-

тели". Да, дѣйствительно лекціями Рулье интересовались не одни естественники, но и медики, и юристы *). Весьма обширная такъ называемая большая математическая аудиторія въ новомъ зданіи Университета бывала биткомъ набита, когда на каѳедру всходилъ Рулье. Но вѣдь не одна веселость и остроуміе профессора привлекали въ аудиторію слушателей. Каждому хотѣлось послушать Рулье, какъ человѣка дѣйствительно и богато одареннаго необыкновенною способностью живо, увлекательно и краснорѣчиво излагать лекціи и дѣйствовать ими не только на умъ, но и на сердца слушателей. Помимо того, Рулье, талантливый профессоръ, пользовался извѣстностью и какъ ученый палеонтологъ и геологъ. Про него безъ преувеличенія можно сказать: это былъ выдающійся профессоръ, замѣчательный учитель и ученый, но и одна изъ выдающихся личностей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Причиною смерти Рулье былъ не переломъ ноги, заставившій его долгое время ходить на костыляхъ, какъ ошибочно сообщается въ воспоминаніяхъ, а апоплексическій ударъ, вслѣдствіе котораго Рулье скончался въ ночь съ 9-го на 10-е Мая 1858 г., на Тверской площади, у дома Варгина.

В. Попандопуло.

*) А словесники. Со скучныхъ лекцій Клина и Менщикова мы уходили заслушиваться Рулье, лекціи котораго были необыкновенно занимательны. Онъ владѣлъ Русскою рѣчью не хуже Грановскаго Нельзя не пожалѣть, что печатныя статьи этого „друга природы" не собраны: вышла бы прекрасная книга для обще-образовательнаго чтенія. П. Б.

ОБЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

Всякій, кому дороги наши древніе памятники, а тѣмъ болѣе памятники церковные, будетъ смущенъ и огорченъ, узнавъ о поврежденіяхъ, нанесенныхъ Успенскому собору въ Сергіевой Лаврѣ, благодаря неосторожности и небрежности.

Въ недавнее время въ Лаврѣ были предприняты работы по расширенію крипты (подвала) подъ Успенскимъ соборомъ. Мы не знаемъ, за чѣмъ понадобились эти работы; въ Сергіевомъ посадѣ говорятъ, будто начальство Лаврское предприняло расширеніе крипты съ тою цѣлью, чтобы устроить подъ соборомъ усыпальницу для богатыхъ людей. Мы отказываемся вѣрить этому, потому что до сихъ поръ въ Лаврскихъ храмахъ за деньги никого не хоронили.

Успенскій Лаврскій соборъ—величественный памятникъ архитектуры XVI вѣка. Столпы соборные утверждены на бутовомъ фундаментѣ изъ громадныхъ камней и имѣли, кромѣ того, для бо́льшей прочности, широкіе каменные откосы во всѣ стороны; ихъ-то и рѣшено было сломать, чтобы расширить крипту.

Надо замѣтить, что строители собора вполнѣ основательно положили такое солидное основаніе для столповъ собора, потому что въ Троицкой Лаврѣ подпочвенныя воды стоятъ весьма высоко, такъ что напр. въ могилахъ около Успенскаго собора появляется вода. Въ самомъ соборѣ замѣчается нѣкоторая сырость, отчего попорчена нѣсколько стѣнопись собора. Сырость въ Успенскомъ соборѣ усилилась съ тѣхъ поръ, какъ былъ засыпанъ, еще по приказанію митрополита Филарета, прудъ, находившійся прежде передъ зданіемъ Московской Духовной Академіи, о чемъ, какъ о своей ошибкѣ, говоритъ самъ святитель въ одномъ изъ своихъ писемъ къ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію. Извѣстно, что и мощи преподобнаго Сергія, до обрѣтенія ихъ, 30 лѣтъ находились въ водѣ *). Сыры и нѣкоторыя кельи въ Лаврѣ.

---

*) Близъ монастыря жилъ одинъ благочестивый человѣкъ, который имѣлъ великую вѣру въ преподобнаго Сергія и который часто приходилъ молиться къ его гробу. Въ одну ночь, когда послѣ домашней молитвы онъ свел сенъ былъ въ тонкій сонъ, явился ему преподобный Сергій и сказалъ: „Возвѣсти игумену монастыря моего (пр. Никону), что напрасно столько времени оставляетъ онъ меня покрытымъ землей, въ которой вода утѣсняетъ (заливаетъ) мое тѣло“. Послѣ этого и были открыты мощи преп. Сергія 5 Іюля 1422 г. (проф. Е. Голубинскій: Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра 1892, стр. 52. См. тоже Горскаго: Историческое описаніе Свято Троицкія Сергіевы Лавры. М. 1890, стр. 65).

Желая расширить крипту, принялись ломать откосы у соборныхъ столповъ; было вывезено уже 30, если не болѣе, возовъ мусору, какъ вдругъ столпъ, у котораго находится лѣвый клиросъ, осѣлъ нѣсколько, и арка, связывающая его съ алтарной областью, дала трещину, а также лопнула желѣзная связь, соединяющая въ этомъ мѣстѣ части зданія. Тогда, опасаясь за цѣлость древняго храма, поспѣшили прекратить эти работы, и нанесенныя ими поврежденія были исправлены; но кто знаетъ, не представляется ли дальнѣйшей опасности для цѣлости собора?

Припомнимъ, что Успенскій лаврскій соборъ построенъ по подобію Успенскаго собора въ Москвѣ при Іоаннѣ Грозномъ, столь любившемъ Троице-Сергіевъ монастырь, въ которомъ онъ былъ крещенъ; монастырь при немъ почти весь былъ перестроенъ. Соборъ былъ освященъ вскорѣ послѣ смерти Грознаго, 15-го Августа 1585 г. Въ соборѣ погребены Московскіе архипастыри, священно-архимандриты Лавры: архіепископъ Августинъ († 1819 г.) и митрополиты Макарій († 1882 г.) и Леонтій († 1893 г.), архіепископъ Рязанскій Моисей († 1651 г.), бывшій ранѣе протопопомъ Московскаго Благовѣщенскаго собора и духовникомъ царя Михаила Ѳеодоровича, постриженникъ Троице-Сергіева монастыря. Тѣло его было привезено къ Троицѣ изъ Рязани. Онъ оставилъ послѣ себя на украшеніе стѣннымъ письмомъ Успенскаго собора 4.000 р. Изъ свѣтскихъ лицъ въ соборѣ погребена Марѳа (въ мірѣ Марія) Владимировна, дочь князя Владиміра Андреевича Старицкаго, двоюроднаго брата Іоанна Грознаго, жена Датскаго принца Магнуса, короля Ливонскаго († 1614 г.), и дочь ея Евдокія. На паперти собора были положены тѣла Бориса Годунова, жены его Марьи Григорьевны, сына Ѳедора († 1605 г.) и дочери Ксеніи (во иночествѣ Ольги, † 1622 г.) Паперть была уничтожена въ прошломъ столѣтіи, и могила ихъ оказалась внѣ собора; надъ нею поставлена скромная палатка.

Неужели даже подъ Москвою столь цѣнные памятники древности не безопасны отъ разрушенія и искаженій? Дало ли свое согласіе на расширеніе крипты подъ Успенскимъ соборомъ Императорское Московское Археологическое Общество или, быть можетъ, эти работы были произведены помимо этого общества?

Во всякомъ случаѣ нельзя живѣйшимъ образомъ не интересоваться этимъ дѣломъ, и было бы весьма желательно его разъяснить.

А. Н. О—въ.

ПО ПОВОДУ РАЗСКАЗОВЪ А. В. ЭВАЛЬДА.

Прочитавъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (Августъ 1896) нѣсколько главъ изъ „Разсказовъ объ императорѣ Николаѣ I“ А. В. Эвальда, я была поражена и возмущена множествомъ невѣрно переданныхъ, невѣрно освѣщенныхъ обстоятельствъ, и не могу отказать себѣ въ желаніи возстановить въ настоящемъ свѣтѣ эти обстоятельства и событія, изъ коихъ одни мнѣ точно и достовѣрно извѣстны, относительно же другихъ я могу съ достовѣрностью сказать, насколько они вѣроятны и возможны. Послѣднее относится къ нѣкоторымъ юношескимъ, кадетскимъ воспоминаніямъ г-на Эвальда (глава „Зонтики“ стр. 330). Я ихъ конечно коснусь слегка, поскольку они сами касаются характера въ Бозѣ почившей государыни императрицы Александры Θеодоровны. Для всякаго, имѣвшаго счастіе лично знать ее, грустно и больно видѣть, какъ авторъ этихъ воспоминаній старается набросить какую-то тѣнь суровости на нее, всегда исполненную материнскинѣжной снисходительности къ учащимся юношеству и къ молодежи.

Г-нъ Эвальдъ въ „Разсказахъ объ императорѣ Николаѣ I“, говоритъ, что, во время лагернаго сбора кадетъ, „государь разрѣшалъ иногда послѣ какого-нибудь смотра или ради какого-нибудь праздника отпускать насъ (т. е. кадетъ) въ Александровскій паркъ“ *) и проч. Во-первыхъ, Петергофскій Александровскій паркъ не есть Александрія (Коттеджъ), гдѣ проживали Ихъ Величества лѣтомъ и куда рѣшительно никто постороннихъ не допускался кромѣ приближенныхъ и спеціально приглашенныхъ лицъ. Только разъ въ годъ дѣлалось исключеніе: 2-го Іюля скромное жилище Ихъ Величествъ предоставлялось вполнѣ публикѣ и народу; кадетовъ тоже водили на эти гулянія партіями подъ надзоромъ воспитателей. Быть можетъ, по какому либо случаю кадеты и были допущены погулять въ Александріи въ другое время, но все же партіями, подъ надзоромъ старшихъ, и едва ли могъ г-нъ Эвальдъ подойти къ коляскѣ императрицы и подать Ея Величеству пачку зонтиковъ, забытыхъ лакеемъ (стр. 331). Допускаю, что и это могло быть; но чтобъ императрица Александра Θеодоровна „не только меня не поблагодарила“ (какъ выражается г-нъ Эвальдъ), но еще сурово взглянула на меня и молча, перебравъ нѣсколько рукоятокъ, взяла одинъ изъ зонтиковъ“ и проч., этого положи-

---

*) Находящійся близъ кадетскаго лагеря.

тельно допустить невозможно: это совсѣмъ не въ привычкахъ было кроткой и доброй императрицы Александры Ѳеодоровны. Никогда ни на кого императрица Александра Ѳеодоровна не смотрѣла сурово и даже если кто нибудь изъ приближенныхъ и заслужить, бывало, ея неудовольствіе, то она кротко и покойно скажетъ только: „я браню", и тѣмъ все кончается. А тутъ мальчикъ, желавшій услужить Ея Величеству (да еще кадетъ) заслужилъ ея суровый взглядъ: этого быть не могло.

Дальше на стр. 332-й говорится о постоянномъ пребываніи Ихъ Величествъ осенью въ Гатчинѣ. Это тоже неправильно. Страницы 346 и 351 о кончинѣ Николая I тоже представляютъ неправильности, но онѣ слишкомъ несущественны для читателя, чтобъ ихъ разбирать подробно. Поэтому я перехожу прямо къ стр. 345, къ главѣ, которая названа „Николай I какъ супругъ". Въ этой главѣ сказано столько неправды, что трудно и приступить къ опроверженію; все ложно за исключеніемъ той горячей любви и уваженія, которыя государь питалъ къ императрицѣ. Дѣйствительно, императоръ Николай Павловичъ былъ замѣчательный супругъ и глубоко цѣнилъ высокія качества души и сердца своей несравненной супруги, о которой къ сожалѣнію въ настоящее время далеко стоящіе и вовсе не знавшіе императрицу Александру Ѳеодоровну люди распространяютъ Богъ вѣсть какія небылицы; и тѣмъ еще это грустнѣе, что въ дѣйствительности она была одна изъ достойнѣйшихъ, добрѣйшихъ и снисходительнѣйшихъ государынь. А какое благотворное вліяніе императрица Александра Ѳеодоровна имѣла на Государя, какъ она умѣла своей кротостью и добротой смягчать суровыя стороны характера своего великаго супруга! Да, дѣйствительно императоръ Николай Павловичъ любилъ свою супругу, какъ только можно любить, угождалъ ей во всемъ и старался доказывать ей свою любовь во всѣхъ возможныхъ случаяхъ жизни; но чтобъ „онъ былъ расточителенъ, когда дѣло касалось императрицы Александры Ѳеодоровны и не жалѣлъ никакихъ расходовъ, чтобъ доставить ей малѣйшее удовольствіе", какъ говоритъ г-нъ Эвальдъ на стр. 345, это не вѣрно. Николай Павловичъ былъ слишкомъ мудръ, чтобъ такъ поступать, а императрица слишкомъ его любила въ свою очередь и была слишкомъ разумна и разсудительна, чтобъ требовать или принимать отъ него подобныя дѣйствія.

Г-нъ Эвальдъ позволяетъ себѣ разсказывать на стр. 346-й, что, „такъ какъ императрицѣ не нравилась мѣстная вода, то изъ Петербурга каждый день особые курьеры привозили боченки Невской воды въ Ниццу". Это *чистая небылица,* и даже если въ самомъ дѣлѣ г-нъ Эвальдъ, возвращаясь, какъ сказано на той же страницѣ, изъ Берлина въ Петербургъ, встрѣтилъ курьера на поѣздѣ, оказавшагося изъ числа тѣхъ курьеровъ, которые будто возили воду для императрицы Александры Ѳеодоровны изъ Петербурга въ Ниццу, то этотъ курьеръ просто болталъ, видя, что есть люди слушающіе его и вѣрящіе его глупымъ разсказамъ.

Г-нъ Эвальдъ на той же стр. повѣствуетъ: „Однажды по маршруту императрицѣ приходилось переночевать въ Вильнѣ. Для этой остановки

всего на одни сутки былъ купленъ домъ за сто тысячъ, заново отдѣланъ и меблированъ, отъ подваловъ до чердака". Хотѣла бы я знать, отъ кого это свѣдѣніе было получено г-номъ Эвальдомъ. Странно, что мы, приближенные къ Александрѣ Θеодоровнѣ, путешествовавшіе съ Ея Величествомъ и проѣзжавшіе не разъ съ нею черезъ Вильну, *никогда не видали* этого купленнаго и вполнѣ устроеннаго на одну ночь дома и даже *не слыхали* о существованіи его. Когда императрица останавливалась въ Вильнѣ, какъ и въ другихъ городахъ, то она проводила ночь (а если остановка была днемъ, то обѣдала) въ домѣ генералъ-губернатора.

Императрица Александра Θеодоровна въ первый разъ была въ Ниццѣ *послѣ* кончины императора Николая Павловича въ 1856 году и выѣхала туда прямо изъ Москвы послѣ коронаціи своего сына императора Александра Николаевича и возлюбленной своей невѣстки императрицы Маріи Александровны, на коронованіи которыхъ она непремѣнно хотѣла присутствовать, не смотря на всю слабость своего здоровья и силъ, чтобы своимъ благословеніемъ и молитвою сопровождать ихъ при каждомъ ихъ шагѣ въ эти великіе для нихъ и для Россіи дни. Твердой волей императрица-мать преодолѣла свою физическую слабость, все перенесла и выполнила данную себѣ задачу на удивленіе всѣхъ. А онъ-то, царь и сынъ, какъ былъ тронутъ и благодаренъ своей мужественной матери, вполнѣ понимая и цѣня все, что она дѣлала для него и его супруги!

Я имѣла счастіе сопровождать императрицу Александру Θеодоровну въ этомъ первомъ ея путешествіи въ Ниццу. Свиту Ея Величества составляли слѣдующія лица: камеръ-фрейлина графиня Е. Θ. Тизенгаузенъ, фрейлины графиня А. В. Гудовичъ, баронесса А. К. Пилларъ-фонъ-Пильхау и я; изъ мужчинъ ѣхали: генералъ-адъютантъ, состоявшій при особѣ Ея Величества, графъ С. Θ. Апраксинъ, и оберъ-гофмаршалъ графъ А. П. Шуваловъ. Изъ упомянутой свиты, остаются въ живыхъ только графиня Гудовичъ (въ замужествѣ княгиня Голицына) и я. Императрица Александра Θеодоров[на] проживала въ Ниццѣ на „Promenade des Anglais", въ виллѣ банкира Авигдора, *нанятой* для Ея Величества Русскимъ дворомъ и устроенной, собственно, *безъ всякой роскоши*, въ то время еще Сардинскимъ королемъ Викторомъ-Эмануиломъ. Такъ какъ послѣдній предлагалъ свой дворецъ въ Ниццѣ для жительства нашей государыни, и это было отклонено ею, то король просилъ, по крайней мѣрѣ, позволенія убрать комнаты *нанятаго дома* для Ея Величества на свой счетъ и предложилъ своихъ лошадей и свои экипажи для выѣздовъ императрицы.

Во второй разъ императрица Александра Θеодоровна проводила зиму 1859-го на 1860-й годъ въ Ниццѣ, въ виду того, что первая зима принесла видимую пользу ея расшатанному здоровью, и медики потребовали, чтобъ Ея Величество опять возвратилась въ Ниццу, послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной Ея Величествомъ въ концѣ зимы 1858 года. Императрица провела упо-

минутую зиму въ Петербургѣ и не желала ѣхать опять за границу, но въ концѣ зимы заболѣла, не имѣя силы перенести Петербургскій климатъ.

Въ этомъ второмъ путешествіи въ Ниццу я снова имѣла счастіе сопровождать Ея Величество. На этотъ разъ мы жили на виллѣ „Де Орестисъ" тоже на „Promenade des Anglais". Графъ Де-Орестисъ, Ниццаръ, былъ женатъ на Русской, вдовѣ княгинѣ Девлетъ-Кильдеевой, рожденной Чихачевой; по этому онъ и *предложилъ* свою виллу Русской императрицѣ на зиму.

При жизни императора Николая I-го и во все царствованіе его, императрица разъ только ѣздила въ Италію, а именно въ Палермо, на зиму 1845 года, послѣ кончины (29-го Іюля 1844 года) третьей дочери Ихъ Величествъ, великой княгини Александры Николаевны, такъ какъ горе это сильно подѣйствовало на здоровье императрицы. Жила Ея Величество, въ то время, въ Палермо на виллѣ „Олливуцца", принадлежавшей княгинѣ Бутѣра, Русской по рожденію; она предложила свою прелестную виллу на проживаніе Ея Величества въ упомянутую зиму. Государь сопровождалъ своихъ супругу и дочь, великую княжну Ольгу Николаевну, бывшую еще не замужемъ. Его Величество водворилъ ихъ въ Палермо на виллѣ Олливуцца и потомъ возвратился въ Петербургъ.

Ни въ Палермо, ни впослѣдствіи въ Ниццѣ дома не покупали для пребыванія императрицы Александры Өеодоровны, равно какъ никогда не было дано обѣдовъ „на нѣсколько сотъ, а не то тысячъ человѣкъ, и каждый обѣдавшій уходя имѣлъ право взять съ собою приборъ, а въ числѣ прибора находился между прочимъ серебряный стаканчикъ, съ вырѣзаннымъ на немъ вензелемъ императрицы!" (стр. 346). Что за чепуха! И какъ легко вѣрилъ г-нъ Эвальдъ разсказамъ то курьера, встрѣтившагося съ нимъ на пути, то кондуктора дилижанса, ѣхавшаго съ нимъ рядомъ въ 1861 году изъ Тулона въ Ниццу! Эти люди ему положительно безсовѣстно врали (извиняюсь за выраженіе), видя, что г-нъ Эвальдъ придаетъ значеніе ихъ росказнямъ.

Сердце обливается кровью, когда читаешь и слышишь напраслины, возводимыя на священную память нашей дорогой несравненной матушки императрицы Александры Өеодоровны людьми, не знавшими ее, которыхъ и на свѣтѣ-то не было при ея жизни! Вѣроятно и они черпаютъ свои ложныя свѣдѣнія изъ подобныхъ же источниковъ, какъ господинъ Эвальдъ. Не нужно думать, что я пристрастно отношусь къ императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ; можно спросить у любого лица, близко знавшаго Ея Величество: оно тоже самое будетъ говорить.

Въ заключеніе скажу, что дѣйствительно въ Ниццѣ была куплена вилла, но ровно десять лѣтъ спустя послѣ кончины императора Николая I-го и пять лѣтъ послѣ кончины императрицы Александры Өеодоровны. Императоръ Александръ II-й и императрица Марія Александровна пріобрѣли часть виллы „Bermon", гдѣ скончался, какъ извѣстно, дорогой сынъ Ихъ Вели-

честь, Цесаревичъ Николай Александровичъ, 12-го Апрѣля 1865 года, чтобъ устроить на мѣстѣ его страшныхъ страданій часовэю для вѣчной молитвы за упокой его души. Часовня эта стоитъ въ Ниццѣ, какъ грустный памятникъ разрывающей душу драмы, разыгравшейся въ домѣ виллы „Bermon.“ Г-нъ Эвальдъ, вѣроятно слышавъ о пріобрѣтеніи виллы въ Ниццѣ, но не зная сути дѣла, приписалъ это расточительности императора Николая I-го. Иначе нельзя растолковать себѣ, какъ могла возникнуть мысль о покупкѣ несуществующаго въ Ниццѣ дома, пріобрѣтеннаго яко бы для государыни императрицы Александры Θеодоровны.

Не знаю, живъ ли еще г-нъ Эвальдъ; но, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, то могу сказать, что онъ оставилъ жалкую память о себѣ своими невѣрными разсказами.

Я не могу допустить ложныхъ отзывовъ о въ Бозѣ почившей государынѣ императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, имѣвъ счастіе быть при особѣ Ея Величества съ моего малолѣтства до ея смерти.

Императрица Александра Θеодоровна воспиталась и была подругою дѣтства матери моей, статсъ-дамы баронессы Цециліи Владиславовны Фредериксъ, рожденной графини Гуровской, и когда судьба свела ихъ въ ихъ новомъ отечествѣ (мать моя вышла замужъ въ 1815 году за Русскаго офицера барона Петра Андреевича Фредериксъ), то Ихъ Величества стали благодѣтелями, а императрица Александра Θеодоровна второю матерью всего нашего семейства. Послѣ смерти матери моей, въ 1851 мъ году, я была взята во фрейлины Ея Величества и не разлучалась съ государыней до ея кончины въ 1860-мъ году. Послѣ же смерти императрицы Александры Θеодоровны я осталась тоже самой приближенной фрейлиной въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, такъ что быть и характеръ членовъ нашей Царской семьи мнѣ вполнѣ знакомы, и словамъ моимъ вполнѣ можно вѣрить.

Въ настоящее время свои преклонныя лѣта отживаю я на покоѣ, на южномъ берегу Крыма, въ городѣ Ялтѣ и пишу свои записки, которыя выдутъ въ свѣтъ послѣ моей смерти. Рѣшилась же я писать ихъ, потому что мнѣ безпрестанно приходится слышать и отвѣчать на нелѣпѣйшіе вопросы о моихъ благодѣтеляхъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ и о всей ихъ дорогой семьѣ.

Я позволила себѣ сказать эти нѣсколько словъ о моей жизни, такъ какъ нашла это нелишнимъ для удостовѣренія моей статьи.

Баронесса Марія Фредериксъ.

Ялта, Сентябрь 1896 года.

І. А. РЕУТЪ.

Въ статьѣ П. Л. Юдина („Русскій Архивъ" сего года, вып. 9) о ссыльныхъ 1812 года помѣщена автобіографія Б. М. Реута. При чтеніи (стр. 25) о существующихъ въ Россіи Реутахъ я вспомнилъ, что на Кавказѣ въ числѣ выдающихся служебныхъ дѣятелей былъ генералъ-лейтенантъ Реутъ, Іосифъ Антоновичъ *). Князь М. С. Воронцовъ очень уважалъ почтеннаго генерала, часто приглашалъ его къ себѣ на обѣды и съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовалъ, слушая его разсказы и разговоръ о Кавказскихъ происшествіяхъ. І. А. Реутъ, въ чинѣ полковника, командовалъ 42 или 43 егерскимъ полкомъ, съ которымъ въ 1826 году занималъ крѣпость Шушу, столицу богатѣйшей провинціи Карабахъ. Вся Персидская армія, подъ начальствомъ Абасъ-Мирзы, осадила Шушу. Не взирая на свою малочисленность, на недостатокъ вооруженія, снарядовъ, продовольствія, воды, гарнизонъ, отрѣзанный отъ всякаго сообщенія съ Тифлисомъ, благодаря стойкости и распорядительности Реута, выдержалъ продолжительную осаду и не поддался на льстивые уговоры Абасъ-Мирзы, предлагавшаго ему свободный пропускъ съ оружіемъ. Персіяне, наконецъ, вынуждены были снять осаду и поспѣшно уходить въ виду приближавшихся Русскихъ войскъ.

Полковникъ Реутъ съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ не только на Кавказѣ, но и въ Петербургѣ. Произведенный въ генералы, онъ одно время управлялъ Талышинскими ханствами (Ленкорань), а въ сороковыхъ годахъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Главнаго Управленія Кавказскимъ краемъ. Князь Воронцовъ поручилъ ему предсѣдательство въ коммиссіи по благоустройству г. Тифлиса, при чемъ Реутъ оказался вполнѣ на своемъ мѣстѣ: началось устройство мостовыхъ, проведеніе новыхъ улицъ, особенно въ предмѣстьи Куки, гдѣ одна улица и до сихъ поръ носитъ названіе „Реутовской". Имя его попало и въ шуточный экспромтъ графа Соллогуба, сказанный въ 1854 году, когда Тифлисъ считался въ опасности отъ нашествія Шамиля, который мечталъ яко бы о соединеніи съ Турецкими войсками Омера-паши:

Враги бѣдой намъ угрожаютъ;
Но ты не бойся ихъ, народъ:
Надежно насъ оберегаютъ
Реадъ, Реутъ и Ротъ.

Первый былъ временно главнокомандующимъ, за выѣздомъ князя Воронцова, до назначенія Муравьева, а третій Тифлисскимъ комендантомъ. Старый холостякъ, генералъ Реутъ потомства не оставилъ. Умеръ онъ въ Тифлисѣ, съ которымъ совершенно сроднился, проведя всю жизнь за Кавказомъ. Оставаясь католикомъ, онъ былъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ и вѣрнымъ слугой государству.

А. Зиссерманъ.

Лутовиново, Сентябрь 1896.

---

*) Скончался 9-го Октября 1855 года, 68 лѣтъ, въ Тифлисѣ (см. Сборн. Имп. Русск. Ист. Общества. LXII. 210). П. Б.

КЪ ПОРТРЕТУ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Юность всегда и вездѣ имѣетъ въ себѣ неотразимую прелесть, потому что съ нею соединено понятіе о надеждѣ, бодрящей и оживляющей (безнадежность хуже смерти). Особенно привлекательна юность царственная, такъ какъ на ней покоятся свѣтлыя упованія цѣлаго народа. Цесаревичъ Николай Александровичъ, второе дитя Александра Николаевича и Маріи Александровны, родился 8 Сентября 1843 года. Первымъ его горемъ была утрата старшей сестры-отроковицы, великой княжны Александры Александровны. Ему было 12 лѣтъ отъ роду, когда скончался его дѣдъ Николай Павловичъ, такъ высоко цѣнившій нравственную доблесть его матери и столько потрудившійся во благо Россіи и своего преемника. Трогательно-величавая и поучительная его кончина должна была оставить глубокій слѣдъ въ душѣ царственнаго отрока. За тѣмъ, черезъ девять лѣтъ, свѣтлыя и уже мужавшія думы юношею цесаревича были омрачены покушеніемъ Каракозова.

Таковы внѣшнія черты его жизни. Развитіе внутреннее не оглашалось. Извѣстно, однако, что воспитаніе его было образцовое, и онъ съ раннихъ поръ вознаграждалъ своими успѣхами заботы родителей и наставниковъ. Онъ узнавалъ Россію во всѣхъ подробностяхъ ея исторіи и быта. О путешествіи его отъ Петербурга до Крыма въ 1863 году имѣемъ мы прекрасную (нынѣ рѣдкую) книгу К. П. Побѣдоносцева и покойнаго И. К. Бабста (Москва, 1864, 8 и 568 стр.). Русскіе люди, дорожащіе своимъ прошедшимъ, обязаны благодарностью Ѳ. А. Оому и И. П. Хрущову за все то, что́ они сообщили о Цесаревичѣ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Русскій Архивъ» сего года, вып. 7, 8 и 9).

Но этимъ еще не удовлетворяется справедливая любознательность Русскаго человѣка: мы говоримъ о полной біографіи Цесаревича, которая можетъ составить цѣлую книгу и украситься произведеніями его пера. Когда пишущему эти строки посчастливилось говорить о томъ почившему Государю Александру Александровичу, то Его Величество не только вполнѣ одобрилъ мысль о собраніи и напечатаніи писемъ Его брата, но изволилъ сказать, что Самъ желалъ бы заняться ихъ изданіемъ. Біографія Цесаревича Николая Александровича сохранитъ навсегда для потомства необычайно-привлекательный образъ юноши, къ которому примѣнимы слова поэта:

Цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

Прилагаемый портретъ Цесаревича снятъ съ *рѣдкой* фотографіи, подаренной имъ самимъ Ѳ. А. Оому. П. Б.

Краткія археологическія свѣдѣнія о предкахъ Славянъ и Руси. І. А. Хайновскаго, вып. І. Кіевъ. 1896 г.

Прекрасно изданная книга г. Хайновскаго представляетъ собой опытъ новаго объясненія происхожденія Руси, основаннаго главнымъ образомъ на цѣломъ рядѣ весьма удачныхъ раскопокъ кургановъ и городищъ, изъ которыхъ предметы хранятся въ богатомъ и разнообразномъ по содержанію музеѣ древностей, составляющемъ собственность автора книги. Не входя въ детальный критическій пересмотръ обширныхъ новыхъ свѣдѣній по историко-этнографическимъ вопросамъ, касающимся древнѣйшаго Русскаго быта, слѣдуетъ остановиться на оригинальномъ описаніи коллекцій древностей, представляющемъ попытку дать первый Русскій *объяснительный каталогъ* (catalogue raisonné) древностямъ разныхъ эпохъ, разныхъ мѣстностей и народовъ. У г. Хайновскаго каждому отдѣлу предшествуетъ небольшое вступленіе общаго характера, изложенное популярно и наглядно. Предметы, собранные въ музеѣ г. Хайновскаго, весьма разнообразны. Начиная каменными орудіями палеолитическаго и неолитическаго періодовъ, мы видимъ въ музеѣ и древности Греческихъ Черноморскихъ колоній, древнѣйшихъ племенъ Руси (Полянъ, Дудебовъ и Древлянъ), и церковныя древности разныхъ эпохъ, и предметы старинной Русской культуры, и наконецъ солидную коллекцію картинъ Русскихъ и западныхъ мастеровъ, эмали, миніатюры, гравюры и т. п.

Интересныхъ предметовъ очень много. Такъ, слѣдуетъ упомянуть о серебряной братинѣ, принадлежавшей царю Михаилу Ѳеодоровичу и впослѣдствіи пожалованной стольнику Бутурлину Большому Петромъ Великимъ. Далѣе, интересны также жалованныя табакерки. Среди нихъ мы находимъ табакерку изъ слоновой кости, пожалованную императрицей Екатериной II строителю памятника Петру Великому, съ изображеніемъ памятника и датой: „лѣто 1782 Августа 6 дня"; золотую табакерку, пожалованную императоромъ Павломъ I воспитателю сыновей его графу Коновницыну въ 1796 году; золотую табакерку, пожалованную Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову въ 1841 году императоромъ Николаемъ I; табакерку, пожалованную извѣстному барону Мелеръ - Закомельскому, автору многихъ трудовъ по военной исторіи, „за зимнюю экспедицію при Урусъ-Мартанѣ въ Малой Чечнѣ въ 1848 году". Краткія предисловія къ нѣкоторымъ отдѣламъ представляютъ большой интересъ. Весьма интересны историческіе очерки керамики, терракоты, фарфора, тканей Литовскаго производства, парчевыхъ издѣлій Слуцкихъ фабрикъ и оружія, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ читатель описанія музея г. Хайновскаго, приступая къ знакомству съ какимъ нибудь отдѣломъ древностей, уже подготовленъ небольшимъ предисловіемъ къ каждому отдѣлу и, благодаря этому, предметы музея остаются въ памяти читателя, и даже при самомъ чтеніи описанія легче составить приблизительное понятіе о данномъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что въ описаніи всегда почти указывается употребленіе этого предмета въ старинной жизни и даже его культурное значеніе.

Къ книгѣ г. Хайновскаго приложено двадцать прекрасно исполненныхъ фототипій съ наиболѣе выдающихся предметовъ.

Если бы книга г. Хайновскаго послужила образцомъ для описанія другихъ подобныхъ же собраній древностей, то археологическія знанія, изложенныя въ видѣ простыхъ и популярныхъ очерковъ, развивая вкусъ и уваженіе къ памятникамъ старинного быта, тѣмъ самымъ сдѣлались бы достояніемъ многихъ, а не однихъ только спеціалистовъ.

А. Яцимирскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1891**, **1892**, **1893**, **1894** и **1895-й** по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

(*Москва, Садовая, д. 175-й*).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

11.

Стр.

Приложенъ.

Снимокъ съ рукописи А. С. Хомякова («Какъ часто во мнѣ пробуждалась душа отъ лѣниваго сна»).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1896.

Семенъ Сергѣевичъ Бобровъ (историко-литературный очеркъ). **С. Н. Браиловскаго.**

С. С. Бобровъ, совершенно забытый поэтъ изъ эпохи Александра Благословеннаго. Небольшая статья С. Н. Браиловскаго является первымъ и единственнымъ напоминаніемъ объ этомъ поэтѣ, отъ котораго до нашего времени дошло восемь оригинальныхъ произведеній и одинъ переводъ. С С. Бобровъ писалъ оды на современныя торжественныя событія; первая ода относится къ 1790-му году. Лучшей одой его считается „Побѣдная пѣснь Словено-россійскихъ героевъ", написанная въ 1794-мъ году. Изъ другихъ его произведеній интересны поэмы въ стихахъ, которымъ авторъ, по вкусамъ времени, давалъ необыкновенно длинныя и вычурныя заглавія. Лучшія среди нихъ слѣдующія поэмы: „Таврида", „Разсвѣтъ полночи", „Древняя ночь вселенной" и др.

Извѣстія историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XV.

Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ Россіей Н. Ѳ Каптерева. Православный Палестинскій Сборникъ, вып. XLII.

Профессоръ Московской Духовной Академіи Н. Ѳ Каптеревъ извѣстенъ прекрасными трудами по исторіи сношенія Русской церкви съ Востокомъ и изслѣдованіями о Русской благотворительности Аѳонскимъ и Синайскимъ монастырямъ въ XVI—XVIII вѣкахъ.

Въ новой своей работѣ изслѣдователь дѣлаетъ сначала обзоръ отдѣльныхъ случаевъ пріѣзда монаховъ въ Россію для сбора милостыни въ пользу Палестинскихъ храмовъ въ XIV вѣкѣ Благодаря взятію Константинополя Турками въ 1453-мъ году и возвышенію Россіи въ княженіе великаго князя Іоанна III, сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскими пастырями и великими князьями Московскими становятся болѣе замѣтны къ концу XV вѣка. Изслѣдователь указываетъ, между прочимъ, на связь Молдавіи и Валахіи съ землями Южной Россіи, какъ на благопріятное явленіе для сношеній. Особенно живыя сношенія относятся къ XVII вѣку, ко времени пребыванія въ Россіи Іерусалимскихъ патріарховъ Паисія и Досиѳея, знаменитаго большаго собора въ Москвѣ, осудившаго патріарха Всероссійскаго Никона.

Историческія свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ. 1895 г.

Родъ Рахманиновыхъ ведетъ свое происхожденіе отъ Молдавскихъ господарей, а именно отъ династіи Драгошей основателей княжества Молдавіи въ XVII вѣкѣ. Самое достовѣрное свидѣтельство объ этомъ мы имѣемъ отъ восьмидесятыхъ годовъ XVII вѣка, а именно родословную стольника Перфилья Ѳедорова Рахманинова, поданную имъ въ Разрядъ. Въ этой родословной о происхожденіи рода говорится точно въ такихъ словахъ: „Иванъ Степановичъ, Волоскаго владѣтельства Стефана Богдановича сынъ, храбраго воеводы. А у него Стефана были два сына: Богданъ, да онъ Иванъ; и Богдану велѣлъ отецъ быть въ Волохахъ владѣтелемъ, а ему Ивану, велѣлъ быть у брата своего въ подданствѣ, и для того его назвалъ Вечинъ". Затѣмъ говорится о томъ, какъ Иванъ Вечинъ пріѣхалъ въ Москву къ сестрѣ своей Еленѣ, бывшей замужемъ за Иваномъ Младымъ, сыномъ великаго князя Іоанна III. Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшее изложеніе исторіи отдѣльныхъ лицъ рода Рахманиновыхъ, слѣдуетъ коснуться вопроса о княжескомъ происхожденіи



Какъ часто въ храмѣ пробуждаясь
Душа отъ [illegible] сновъ,
Молиться людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!
Какъ часто о Боже! взывая
Вздыхаетъ она всею волей
Да [illegible] желаніемъ разумнымъ
Безумцевъ свободнымъ волнамъ
Какъ только безсильнымъ томимая
Съ глубокой и тяжкой тоской
Молимъ тебя днесь мы Творецъ
Съ горячей и крѣпкой душой

Молимъ ~~тебя~~ ~~мы~~ нашъ [illegible]
Пророку дай силу духа
Чтобъ міръ [illegible] [illegible]
Глаголами правды твоей.

Молимъ тебя съ плачемъ и стономъ
Во прахѣ простертъ предъ тобой
Дай міру и [illegible] и [illegible]
Для слушанья рѣчи святой

ИЗЪ АРХИВНЫХЪ ДѢЛЪ.

I.

О судьбѣ Нѣмецкаго путешественника Шлагинтвейта *).

Писано ли у насъ что либо объ этомъ путешественникѣ, утвердительно сказать не могу. А между тѣмъ ему принадлежитъ честь изслѣдованія Средней Азіи и Индіи, и въ свое время его отважныя поѣздки обращали на него вниманіе всей Европѣ, почему, мнѣ кажется, и на страницахъ Русскаго историческаго изданія будетъ не лишнимъ привести нѣсколько данныхъ о его гибели, которыя, можетъ быть, понадобятся нашимъ сосѣдямъ къ пополненію біографическихъ свѣдѣній о немъ.

Въ началѣ Индѣйскаго возмущенія, ученый Адольфъ Шлагинтвейтъ выѣхалъ изъ Индіи и чрезъ Тибетъ достигъ Средней Азіи, откуда, какъ должно полагать, направился къ Русской границѣ. Но прошло болѣе года, а о немъ не было никакихъ извѣстій. Тогда братья его, Германъ и Робертъ Шлагинтвейты, подобно ему снискавшіе себѣ извѣстность по изученію Азіи обратились къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ князю Горчакову, прося его оказать свое содѣйствіе „къ собранію положительныхъ свѣдѣній" о судьбѣ ихъ брата. Князь Горчаковъ сообщилъ объ этомъ и. д. Оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ маіору Балкашину, а сей послѣдній, 20-го Декабря 1858 года, не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее по краю распоряженіе, предписавъ Оренбургской Пограничной Коммиссіи употребить всѣ мѣры, „дабы узнать что-либо о помянутомъ путешественникѣ отъ пребывающихъ здѣсь Азіятцевъ, въ особенности отъ имѣющихъ прибыть сюда Бухарскаго и Хивинскаго посланцевъ и лицъ ихъ свиты". „Для соображенія Пограничной Коммиссіи" былъ приложенъ переводъ Нѣмецкаго письма братьевъ Шлагинтвейтовъ къ князю Горчакову отъ 8-го Ноября 1858 года, изъ Берлина, такого содержанія:

„Ваше сіятельство.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1857 г., мы имѣли счастіе видѣть васъ въ Киссингенѣ и удостоились говорить съ вами о нашихъ путешествіяхъ и изслѣдованіяхъ въ Индіи и въ Верхней Азіи. Насъ чрезвычайно обрадовало тогда живое вниманіе, которое вы оказывали нашимъ трудамъ.

---

*) Изъ дѣла Тургайскаго областнаго архива за 1858 г. № 31, 608.

Помня участіе, которое вы приняли въ судьбѣ оставшагося въ Индіи брата нашего Адольфа, мы осмѣливаемся увѣдомить васъ, что уже болѣе года не получали отъ него въ Европѣ никакого прямаго извѣстія.

При началѣ Индѣйской революціи находился онъ въ отдаленныхъ отрасляхъ Гималайскаго хребта, а такъ какъ не было возможности, при постоянно возраставшихъ смутахъ, путешествовать въ тропическихъ областяхъ Индіи, то онъ отправился къ Сѣверу по неизвѣстной намъ дорогѣ, въ Тибетъ, откуда и успѣлъ пробраться до Туркестана и Яркенда.

Вскорѣ распространились слухи, официально сообщенные Индѣйскому правительству Кашмирскимъ раджею Рамбиръ-Сингомъ, будто братъ нашъ убитъ въ одномъ изъ многочисленныхъ сраженій, бывшихъ послѣдствіемъ возстанія жителей Туркестана противъ Китайцевъ, осенью 1857 года.

По мнѣнію другихъ онъ продолжалъ свой путь изъ Яркенда къ Сѣверу и, пытаясь достигнуть Русской границы, умерщвленъ Коканцами, принявшими его за приверженца Китайцевъ.

Совершенно противно всему предыдущему, нѣкоторые Кашмирцы, прибывшіе недавно изъ Кашгара въ Индію, утверждаютъ, что видѣли его живаго и здороваго въ сопровожденіи Туркестанца, по имени Могамедъ-Амина.

Единственнымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ во всѣхъ этихъ слухахъ, основывающихся всегда на словахъ туземцевъ и сообщаемыхъ намъ неоднократно въ самыхъ различныхъ видахъ, служитъ еще то, что ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается ни о времени, ни о мѣстѣ его кончины.

По полученіи столь горестныхъ извѣстій, правительство Индіи, не довѣряя имъ вполнѣ, рѣшилось снарядить экспедицію подъ начальствомъ лорда Вильяма Гэ съ цѣлію собрать болѣе точныя свѣдѣнія. Но едва ли эта экспедиція будетъ въ состояніи пробраться далѣе Ладака, и поэтому вѣроятно должна она будетъ ограничиться тѣми указаніями, которыя могутъ быть доставляемы туземцами.

Хотя надежды у насъ мало, но тѣмъ не менѣе намъ не кажется невозможнымъ, чтобы братъ нашъ былъ еще живъ, и легко можетъ быть, что слухи о его смерти съ умысломъ распространялись преданными ему проводниками, изъ желанія избавить его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій Китайцевъ и Коканцевъ.

Вѣроятно онъ постарается добраться до границы Россіи въ случаѣ, если ему нельзя будетъ возвратиться въ Индію чрезъ Туркестанъ и Тибетъ. Число дорогъ, по которымъ онъ можетъ слѣдовать изъ Туркестана въ Россію, весьма незначительно. Долгомъ считаемъ приложить у сего таблицу извѣстнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ, лежащихъ по симъ дорогамъ.

Одобренные совѣтами барона Гумбольдта [1]) и обязательнымъ посредничествомъ барона Будберга [2]), мы желали бы изъявить вашему сіятельству, что будемъ считать себя въ высшей степени счастливыми, если по вашему, м. г. приказанію Россійскія пограничныя съ Коканомъ и Бухаріею власти произведутъ розыски для отысканія слѣдовъ брата нашего Адольфа. Въ по-

---

[1]) Извѣстный путешественникъ и изслѣдователь горнаго Урала. П. Ю.

[2]) Нашего посла въ Берлинѣ. П. Б.

добномъ случаѣ намъ можно будетъ расчитывать на полученіе точныхъ свѣдѣній о его судьбѣ, такъ какъ со стороны Индіи уже начаты такіе поиски.

Мы очень хорошо знаемъ, что едва ли Европейцамъ удастся проникнуть далеко во внутрь Средней Азіи по указаннымъ нами путямъ; но все-таки мы полагаемъ возможнымъ получить положительныя извѣстія посредствомъ надежныхъ и знающихъ дороги казаковъ и Киргизовъ".

Въ приложенной къ этому письму таблицѣ намѣчено шесть путей, по которымъ можно было бы отыскать Адольфа Шлагинтвейта. Первый путь отъ Аральскаго моря въ Углъ (въ Коканѣ), съ промежуточными станціями Акъ-Мечеть, Ташкентъ □ (послѣдній Русскій пограничный постъ въ Коканѣ на р. Сыръ-Дарьѣ), Сырчикъ □—близъ Сыръ-Дарьи, Курама □, Тляу □, Пишкепъ □, Тайтюба □, Раватъ-Абдулла-ханъ □, Тайтакъ □, Намангапъ (городъ при рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ), Анджанъ (значительный городъ), Камгаркишлакъ (маленькая деревня) и Ушъ—большой городъ.

Второй путь изъ Хивы въ Бухару съ попутными: г. Хива, Катши, Кошмугоракъ, Касанъ и г. Бухара. Потомъ добавлено, что „отъ Хивы въ Бухару пролегаетъ другая дорога чрезъ Хазараснъ, крѣпость на правомъ берегу Оксуса" *).

Третья дорога лежала изъ Ушъ въ Коканъ чрезъ селенія: Ушъ, Араванъ и Томгазаръ—оба маленькіе города, Маргеланъ болѣе значительный городъ, Караулъ-Тюба—городъ, и Коканъ.

Дальнѣйшій путь (четвертый) направлялся изъ Кокана въ Кашгаръ чрезъ тѣ же города, что показано выше (путь № 3), поворачивая только съ Уша́ на Маду □, Соукучукъ □, Караванъ-калъ (или куль, Кабланъ-калъ (или куль), Гулша и Кизылъ-Курганъ, четыре привала съ палатками, обитаемыми Киргизами, Супенске □, Арчаликъ □, Алсиче □—между Софи и Икизакъ чрезъ Терекъ Даванскій проходъ въ Тьянъ-Шанскихъ горахъ, или прямо на Софи чрезъ тотъ же проходъ, потомъ на Икизакъ □, Давань □, Иринъ □, Яскучукъ □, Охсалуръ □, Каргашимкане □, Канзувалукъ □, Мингіулъ (кибитки, въ которыхъ живутъ Киргизы), Караулъ—небольшой пограничный постъ Китайцевъ и Кашгаръ.—Отсюда путь (уже пятый) продолжался на Янчысаръ-домъ, стоящій особнякомъ, Чумелунгъ □, Кессели □ и Кохіаръ □ въ г. Яркендъ.

Шестой путь, указанный братьями Шлагинтвейтами, начинался также отъ Кокана и шелъ чрезъ Леви-деріоу, Ксекосъ, Ходжандъ, Ноу, Киссели, Ура-Тюба, Гисолумъ, Джиззекъ, Якурганъ, Шискобрукъ въ Самаркандъ, Курессу, Кутекурганъ, Кермипе и Бухару. Дорога эта была удобная для проѣзжающихъ, такъ какъ пролегала вездѣ чрезъ мѣста обитаемыя.

□—знакъ показывающій привалы или станціи.

*) Аму-Дарья. *Прим. Переводчика.*

Не смотря на эти точные маршруты, могущіе даже въ настоящее время служить проводниками, Оренбургской Пограничной Коммиссіи не пришлось, да и невозможно было, воспользоваться ими, такъ какъ указанные города и поселенія находились въ то время еще подъ властью туземныхъ хановъ, не допускавшихъ въ свои владѣнія Русскихъ людей, особенно Хива, и тѣмъ болѣе еще, что въ описываемое время во всѣхъ почти Среднеазіятскихъ владѣніяхъ господствовали раздоръ, смута и кровопролитія. Въ Хивинскомъ ханствѣ бунтовали Туркмены, которые въ 1858 году успѣли захватить значительный торговый городъ Кунградъ. Торговля остановилась, подвозъ съѣстныхъ припасовъ прекратился, хлѣбъ вздоражалъ настолько, что за полбатмана [1]) кукурузной муки платили по одной тилли [2]). Для обузданія непокорныхъ хотя и былъ посланъ съ войсками любимецъ ханскій Есаулъ-баши, но онъ не могъ вернуть Кунградъ и принужденъ былъ ѣхать назадъ къ Хивинскому владѣльцу „со стыдомъ".

Волненіе охватило весь Усть-Уртъ. Даже Чаудуры (особое племя Туркменъ), никогда раньше не обнаруживавшіе вражды противъ Хивинцевъ, и тѣ пристроились къ своимъ единоплеменникамъ и стали тѣснить подвластныхъ Хивѣ и кочующихъ между Аму-Дарьей и Айбуширскимъ заливомъ народовъ, такъ что изъ числа послѣднихъ 500 кибитокъ Киргизъ-Чиклинскаго рода принуждены были, въ началѣ 1859 г., откочевать въ Русскія владѣнія.

Между Кокандами и Китайцами шла война, закрывавшая всѣ доступы въ ихъ владѣнія. Въ Индіи была революція. Словомъ сказать, вся Азія представляла политическій хаосъ, среди котораго трудно, даже невозможно, было пройти постороннему иноземцу. И по этой причинѣ, въ силу необходимости, для розыска пропавшаго Шлагинтвейта Русскимъ властямъ приходилось довольствоваться только одними разспросами прибывавшихъ на Оренбургскій мѣновой дворъ туземцевъ, къ несчастію, въ большинствѣ случаевъ также ничего не знавшихъ и потому мало сообщавшихъ объ этомъ путешественникѣ, такъ что даже и съ этой стороны невозможно было получить не только что либо положительное, а хотя бы даже сомнительное. Лишь въ Маѣ слѣдующаго 1859 г. переводчику пограничной коммиссіи Батыршину удалось узнать отъ пріѣхавшаго на мѣновой дворъ Персіянина Вали-Агу, что, во время пребыванія послѣдняго въ Коканѣ, тамъ былъ убитъ какой-то иностранецъ, „неизвѣстный ему по имени, ни по фамиліи, такъ какъ бумаги, отобранныя у него, были писаны на иностранномъ языкѣ". Но въ этомъ извѣстіи было мало утѣшительнаго, хотя, судя по разсказаннымъ примѣтамъ и тому направленію, по которому лежалъ его путь, можно было догадываться, что убитый былъ Шлагинтвейтъ. Но такъ ли это, дальнѣйшія архивныя данныя того не указываютъ.

---

[1]) Полбатмана равняется 3 п. 36 фун.

[2]) Хивинская золотая монета на наши деньги отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 75 коп.

Болѣе же положительныя свѣдѣнія, мнѣ кажется, если его бумаги захвачены Коканцами, можно было бы отыскать въ архивахъ г. Кокана, если таковые сохранились отъ всеуничтожающей войны.

II.

О первомъ изданіи полнаго собранія сочиненій Н. В. Кукольника.

Мнѣ уже однажды пришлось говорить о распространеніи посмертнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина („Русскій Архивъ“ 1893 г., Сентябрь). Теперь въ Тургайскомъ областномъ архивѣ за 1851 г. (№ 29, 850) нашлось еще подобное дѣло о такомъ же распространеніи сочиненій Н. В. Кукольника, который, „приступая къ изданію своихъ произведеній за прошлыя 20 лѣтъ его дѣятельности, подъ общимъ названіемъ „*Полнаго собранія сочиненій Русскихъ литераторовъ*“, въ Ноябрѣ 1851 г. обратился къ начальнику Оренбургскаго края генералъ-адъютанту Перовскому [1]), „съ просьбой, объ оказаніи ему въ семъ дѣлѣ содѣйствія чрезъ учиненіе предпріятія его извѣстнымъ по краю и приглашеніе желающихъ къ подпискѣ на оное“.

В. А. Перовскій не замедлилъ сдѣлать соотвѣтствующее по округу распоряженіе, присовокупляя въ своихъ предписаніяхъ [2]), что по доставленнымъ ему г. Кукольникомъ свѣдѣніямъ, „въ настоящее собраніе войдутъ всѣ не бывшія до нынѣ въ печати его сочиненія, что подписная цѣна за десять томовъ назначена 10 рубл. сер., съ пересылкою же 13 рубл., подписка принимается исключительно у самого автора и желающіе должны адресовать требованія свои на имя статск. совѣт. Нестора Васильевича Кукольника, въ С.-Петербургъ, по Гороховой, за Семеновскимъ мостомъ, въ домѣ г-жи Домонтовичевой“.

Отъ Пограничной Коммиссіи были посланы по крѣпостямъ и султанамъ-правителямъ Малой орды „циркулярныя предписанія“, а служащимъ въ ней чиновникамъ „объявлено о томъ немедленно“.

Но изъявили желаніе подписаться только трое: столоначальникъ коммиссіи Евреиновъ, попечитель прилинейныхъ Киргизовъ надв. сов. Рѣдкинъ и въ должности правителя восточной части орды сотникъ султанъ Мухамедъ-Джантюринъ. Всѣ трое подписались чрезъ Пограничную Коммиссію съ вычетомъ слѣдуемой за сочиненія суммы изъ ихъ жалованья.

Потомъ пожелали подписаться еще двое попечителей прилинейныхъ Киргизовъ штабсъ-капитанъ Литовъ и надв. сов. Первухинъ, непосредственно отъ себя, съ посылкой денегъ прямо Кукольнику; но выписали ли

[1]) По всей вѣроятности Кукольникъ обращался и къ другимъ генералъ-губернаторамъ.

[2]) Въ Оренбург. Погран. Коммис., отъ 24. Ноября 1851 г., № 2495.

они дѣйствительно его сочиненія, того изъ дѣла не видно, также какимъ образомъ распредѣлились сочиненія эти въ 10-ти томахъ. Только по роспискѣ брата султана Джантюрина, при полученіи имъ 7-го Іюня 1852 года трехъ томовъ, показаны въ 1-мъ, т. е. (по общему счету) четвертомъ томѣ, драматическія сочиненія: Джакобо Саннazаръ, Доминикино и пр.; въ V-мъ повѣсти и разсказы, какъ то: Прокуроръ, Антоніо и пр. и въ VI томѣ романъ: два Ивана, два Степановича, два Костылькова".

Всѣ сочиненія выходили въ свѣтъ выпусками. Первый выпускъ изъ трехъ томовъ вышелъ въ Мартѣ, вторые три тома въ Апрѣлѣ и третіи три тома въ Ноябрѣ 1852 г., послѣдній же десятый томъ былъ выпущенъ въ Іюнѣ 1853 г.

III.

Знатный плѣнникъ *).

Въ 1754 году на Оренбургскую линію выбѣжалъ изъ Киргизской степи Персіанинъ, называвшій себя сыномъ персидскаго хана Ибрагима, хотя никто ему въ этомъ не повѣрилъ, тѣмъ болѣе еще, что въ свое отечество воротиться онъ не пожелалъ, а изъявилъ желаніе остаться въ Россіи и, подъ именемъ Лукьяна Иванова, добровольно принялъ христіанскую вѣру, за что и былъ награжденъ чиномъ прапорщика и зачисленъ на жительство въ Ставропольское Калмыцкое войско; а какъ онъ о себѣ ничего особеннаго не разсказывалъ и правъ па прежнюю свою знатность не предъявлялъ, то на него особеннаго вниманія не обратили и о немъ, конечно, скоро забыли.

Прошло лѣтъ пять или шесть послѣ этого времени. Вдругъ, въ Августѣ 1759 г., Оренбургская губернская канцелярія получила изъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ отношеніе, въ коемъ сообщалось, что Астраханскій губернаторъ генералъ-майоръ Жилинъ представилъ въ эту коллегію два съ переводами Персидскія письма, полученныя имъ, чрезъ нашего консула въ Персіи, ассесора Петра Чекалевскаго, отъ Рященскаго (отъ г. Рящи) командира Незеръ-Али-хана-Зенда; одно изъ писемъ было адресовано къ нему, Жилину, другое къ жившему въ Россіи брату этого хана, вышедшему будто бы изъ Туркменскаго плѣна, Шуджѣ-Эддинъ-хану.

Въ письмахъ своихъ, какъ къ Астраханскому губернатору, такъ и къ своему брату, Незеръ-Али, между прочимъ, писалъ о какомъ-то возмутителѣ Магометъ-Хасанъ-ханъ-Каджарѣ и о своемъ братѣ Персидскомъ сердарѣ Шейхъ-Али-ханѣ. Первый изъ нихъ (судя по письмамъ, приблизительно, въ 1751 или 1752 гг.), захвативъ подъ власть свою нѣсколько Персидскихъ полковъ и „овладѣвши всѣми городами, искалъ себѣ полной государственной власти". Съ этою цѣлію онъ подступилъ подъ городъ Ширазъ, чтобы взять его, но былъ разбитъ отборной Персидской ратью, посланной на вы-

*) Изъ дѣла Тургайскаго областнаго архива за 1759 г. № 45.

ручку подъ начальствомъ Шейхъ-Али-хана. Съ небольшимъ числомъ приверженцевъ Магометъ „ретировался“ въ Мизандрань, гдѣ успѣлъ собрать до 12-ти тысячъ Хорасанскихъ Курдовъ и Кукленцевъ-Тексевъ (Текинцевъ) съ Ямудцами (Туркмены-Іомуды), съ которыми потомъ перешелъ въ Астрабадъ, предавая по пути своемъ все огню и мечу.

„Его священное высочество (т. е. шахъ Персидскій), подобный Соломону и высокомочіемъ равный Джамшиду“ для искорененія этого зла, слѣдомъ за нимъ отправилъ своего сердаря Шейхъ-Али съ храбрымъ войскомъ. По дорогѣ народъ, крайне притѣсненный поборами и грабежными дѣйствіями Магомета, изъявлялъ полнѣйшую покорность своему законному повелителю. Подъ Астрабадомъ, между городами Атрежемъ и Кульбатомъ, двѣ враждебныя арміи сошлись. Въ первое сраженіе перевѣсъ остался недоказаннымъ. На другой день, при вновь возобновившихся дѣйствіяхъ, бунтовщики, непривычные къ стойкости и дисциплинѣ, когда „Персидское войско пошло на сабляхъ“, не выдержали сильнаго натиска и бѣжали. Часть ихъ была „порублена“, нѣкоторые взяты въ плѣнъ, а самъ предводитель ихъ Магометъ-Хасанъ былъ убитъ во время сраженія и „гордая голова его представлена къ высочайшему двору“. Сердаръ вступилъ въ г. Астрабадъ, „который въ протекціи сему жъ превѣчному двору достался“. И тѣмъ, „хвала Всевышнему Богу, по высокой его милости всѣ злодѣи и непріятель искоренены, безпокойства пресѣчены, и раненое государство досталось его священнѣйшему высочеству“.

Послѣ этого Незеръ-Али-ханъ, по повелѣнію шаха, былъ отправленъ „для учрежденія“ Гилянской провинціи, гдѣ, по прибытіи въ г. Рящь, получилъ „отъ высокостепеннаго и высокознатнаго двоюроднаго брата“ своего Шуджа-Эдинъ-хана-Зенда, роднаго брата покойнаго хана Мухаметъ-Зенда, письмо, коимъ послѣдній увѣдомлялъ его, что „онъ, изъ плѣна отъ казацкихъ *) рукъ высвободясь, пришелъ въ Россію и понынѣ тамъ обрѣтается“. „А понеже между обоими высокими державами (т. е. между Россіей и Персіей) состоитъ священная дружба“, то Незеръ-Али-ханъ и просилъ Астраханскаго губернатора „справиться о состояніи и обстоятельствахъ“ его брата, „развѣдавъ о немъ подлинно, гдѣ онъ, въ чьихъ рукахъ и какой выкупъ за него надобенъ“, увѣдомить его, чтобы тогда прислать ему „выкупъ, сколько бы ни потребовали“.

Начались, конечно, розыски, которые въ концѣ концовъ привели къ тому, что виновникъ затѣянной переписки оказался никто иной, какъ зачисленный въ 1759 г. въ Ставропольское казачье войско, выбѣжавшій изъ Киргизской степи Персіанинъ, носившій христіанское имя Лукьяна Иванова. Онъ былъ уроженецъ Хамаданской губерніи, города Пери, коимъ

*) Т. е. Киргизскихъ. Туземцы называютъ Киргизъ-кайсаковъ, какъ и они сами себя, казаками.

управлялъ отецъ его Ибрагимъ-ханъ-Моадъ-хановъ, убитый назадъ тому двадцать лѣтъ на войнѣ противъ Лезгинцевъ. Настоящее же, т. е. Персидское, имя его было Сожадымъ-ханъ *). Во время возмущенія Магометъ-Каджара (лѣтъ съ восемь назадъ), онъ съ Персидскимъ войскомъ ходилъ подъ г. Астрабадъ и по „выгнаніи“ оттуда Туркменъ-мятежниковъ, когда они разсѣялись по окрестнымъ провинціямъ, посланъ былъ въ провинцію Кульбатъ, гдѣ тѣже туркмены успѣли захватить его въ плѣнъ и продержали у себя три мѣсяца, а потомъ за двѣнадцать лошадей продали въ Киргизъ-Кайсаки, у коихъ онъ, пробывъ болѣе года, наконецъ, выбѣжалъ на Оренбургскую линію. На допросѣ въ Оренбургской губернской канцеляріи Сожадымъ подтвердилъ также, что Магомедъ-ханъ ему родной братъ, а упоминаемые въ письмѣ къ нему Шейхъ-Али и Незеръ-Али, дѣти Айналъ-хана, и еще Керимъ-ханъ, сынъ Агалъ-хана, доводятся ему двоюродными братьями, происходящими отъ одной фамиліи Зенда.

Такъ какъ не было никакого сомнѣнія въ дѣйствительности его происхожденія, то Государственная Коллегія Иностранныхъ дѣлъ предписала Оренбургской губернской канцеляріи освободить его, и выдавъ ему „на проѣздъ и платье 20 рублей“ и „на двѣ подводы“ съ указными прогонами подорожную, отправить его въ Астрахань, съ капраломъ изъ Ставропольскаго гарнизона, „приказавъ онымъ капралу и солдату, будучи въ пути, за нимъ пристойнымъ образомъ смотрѣть, чтобъ онъ куда-либо уйти и скрыться не могъ, однако, при всемъ томъ поступать съ нимъ не только для его иностранства, но и по его оберъ-офицерскому чину съ подобающею честью и ласково, не чиня ему ни малѣйшей обиды“.

Въ Февралѣ 1760 года Сожадымъ-ханъ былъ отправленъ сначала въ Астрахань, а потомъ въ свое отечество, гдѣ, надо думать онъ уже долѣе не исповѣдывалъ христіанскую вѣру.

Любопытно было бы знать, что̀ за возмущеніе было произведено Магометъ-Хасанъ-Каджаромъ и въ какое именно время?

Сообщилъ **П. Юдинъ.**

---

*) Въ подлинномъ Персидскомъ письмѣ также значилось имя его Сожадымъ; въ Русскомъ же переводѣ оно, видимо, по неразборчивости оригинала, переиначено въ Шуджа-Эдинъ.

О БЕЗПОРЯДКАХЪ ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Весна 1861 года.

Записка генералъ-маіора Дренякина *).

2-го минувшаго Апрѣля я выражалъ еще мое вѣрованіе въ ненарушимость спокойствія Пензенской губерніи; съ 5-го же числа того же мѣсяца я началъ получать изъ Чембарскаго и Керенскаго уѣздовъ свѣдѣнія о сопровождавшемся безчинствами неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ и управляющимъ.

Относя такое грустное явленіе единственно къ непониманію крестьянами дарованныхъ имъ высочайшихъ милостей, изображенныхъ въ манифестѣ съ положеніями, начальникъ губерніи не безъ основанія надѣялся прекратить возникшіе безпорядки, не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣрамъ, и поручилъ уѣзднымъ властямъ обратить крестьянъ къ повиновенію разъясненіемъ имъ, въ мѣстахъ пребыванія ихъ, правилъ ихъ переходнаго состоянія и обязанностей къ помѣщикамъ.

Но 12-го числа утромъ получено было въ Пензѣ извѣстіе, что Чембарскаго уѣзда крестьяне имѣній графа Уварова и другихъ владѣльцевъ (до 26-ти селъ и деревень) совершенно отказались отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ, не взирая на вразумленія уѣзднаго предводителя дворянства и земской полиціи, прибывшихъ въ д. Черногай (того же уѣзда), мѣсто сборища крестьянъ окружныхъ селеній. Чембарскій предводитель дворянства, по неуспѣшности своей къ увѣщеванію, принужденъ былъ оставить помянутое селеніе, куда собиралась толпа до трехъ тысячъ человѣкъ, и вытребовалъ для водворенія порядка квартирующую въ одномъ переходѣ 10-ю роту Тарутинскаго великаго герцога Ольденбургскаго полка. 9-го Апрѣля, по размѣщеніи ея въ д. Черногаѣ по дворамъ, толпа все пребывала, причемъ, буйство дошло до того, что 10-го числа земскій исправникъ Чем-

*) Сообщена Иваномъ Николаевичемъ Горсткинымъ. Александръ Максимовичъ Дренякинъ род. 1813, сконч. въ 1877 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта. П. Б.

барскаго уѣзда *Андреевъ* и вызванный крестьянами изъ с. Чернышова управляющій имѣніями графа Уварова *Пичугинъ* не избѣгли тяжкихъ оскорбленій и побоевъ, которыхъ не успѣла даже отвратить вызванная по сбору рота, проложившая себѣ дорогу прикладами и успѣвшая выручить одного только становаго пристава. Исправникъ же, разсыльный его и Пичугинъ остались въ рукахъ бунтовщиковъ, закованы ими въ желѣзо и отданы подъ крестьянскій караулъ. На утро имъ сулилась мученическая смерть.

Одновременно съ захватомъ поименованныхъ лицъ, вооруженные въ толпѣ кольями, вилами, камнями, иные кидали съ крышъ кирпичи, бросались на роту и, хватаясь за штыки, пытались ее обезоружить до того, что командующій ротою поручикъ Линденбаумъ, охраняя военную честь, вынужденъ былъ открыть пальбу и отступать, изъ опасенія быть отрѣзаннымъ до перехода чрезъ плотину толпою, бросившеюся въ обходъ, при чемъ самъ чуть было не сдѣлался жертвою озлобленія крестьянъ, если бы выстрѣломъ изъ револьвера не удалось ему убить замахнувшагося на него коломъ. Отступивъ за ручей и избѣгая вообще большаго кровопролитія, онъ остановилъ роту и, видя, что толпа готова снова сдѣлать нападеніе, онъ отвелъ свою роту далѣе и потомъ на квартиры въ с. Ершово. Послѣдствіями неожиданной стычки было убито крестьянъ 3, ранено 4, захваченъ крестьянами раненый коломъ въ голову, ушибленный по рукѣ вольноопредѣляющійся изъ дворянъ унтеръ-офицеръ Мешвицъ и одинъ рядовой.

Видя въ этомъ событіи не только одно неповиновеніе помѣщику и неправильное пониманіе высочайше дарованныхъ крестьянамъ правъ, но явное возмущеніе съ посягательствомъ на власти и войска, даже съ орудіемъ въ рукахъ, я, по соглашенію съ начальникомъ губерніи, того же 12 Апрѣля въ полдень, съ маіоромъ корпуса жандармовъ Лаксомъ, выѣхалъ на мѣсто происшествія, отстоящее отъ г. Пензы въ 150 верстахъ. Но по причинѣ разлитія рѣкъ, снесенія нѣсколькихъ мостовъ и весьма дурной дороги (при чемъ приходилось мѣнять колеса на сани и обратно), послѣ 36-ти часовой ѣзды до г. Чембара, только 14-го Апрѣля могъ я прибыть въ мирное село Поимъ, графа Шереметева, ближайшее къ Черногаю. Сдѣлавъ еще общее съ начальникомъ губерніи 8-го числа изъ Пензы распоряженіе о сборѣ въ Поимѣ 1-го баталіона Казанскаго пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, я узналъ, что 3-й баталіонъ Тарутинскаго полка начальникомъ штаба армейскаго корпуса направленъ въ Чембарскій уѣздъ въ мое распоряженіе.

Ободренный полученнымъ мною дорогою свѣдѣніемъ, что закованные въ д. Черногаѣ, безъ кровопролитія, были освобождены прибывшею туда 10-го числа къ вечеру на подводахъ 9-ю ротою Тарутинскаго полка подъ командою капитана Митаревскаго и не взирая на доходившіе до меня неблагопріятные слухи о продолжающихся безчинствахъ временно обязанныхъ крестьянъ, я рѣшился предварительно испробовать мѣры кротости, одинаковыя съ принятыми до того начальникомъ губерніи; тѣмъ болѣе, что непогода и половодье не благопріятствовали быстрому передвиженію войскъ. Не прибѣгая такимъ образомъ къ военной силѣ, но имѣя уже ее при себѣ, я изъ села Поима (которое избрано мною штабъ-квартирою) разослалъ въ волновавшіяся селенія циркуляры, доступные пониманію крестьянъ, съ приказаніемъ выслать ко мнѣ по нѣскольку старшихъ домохозяевъ изъ каждой деревни для разъясненія высочайше дарованныхъ имъ правъ и для выслушанія отъ нихъ самихъ: какъ было дѣло въ Черногаѣ и что́ было поводомъ къ возмущенію?

Вопреки моему крайнему сомнѣнію относительно благопріятнаго исхода принятыхъ мною мѣръ, послѣдующія событія указали, что повидимому я достигъ желаемаго; ибо въ тотъ же вечеръ и на другой день прибывали депутаціи съ изъявленіемъ покорности и съ раскаяніемъ въ участіи въ Черногаевскомъ дѣлѣ. Посему я ни одного изъ крестьянъ не задержалъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ ихъ къ себѣ довѣріе.

Но я не считалъ себя въ правѣ щадить главныхъ зачинщиковъ возмущенія. 15-го Апрѣля съ тремя ротами Казанскаго и тремя баталіономъ Тарутинскаго полковъ изъ с. Студенки перешелъ я въ д. Черногай, гдѣ крестьяне, спрятавшись по задворкамъ и оказавъ тѣмъ сначала какъ бы нѣкоторое упорство, впослѣдствіи со слезами, на колѣняхъ, умоляли о помилованіи. При этомъ они сами высказались, что побудительною причиною неповиновенія были слова священника с. Студенокъ Ѳедора Померанцова, который толковалъ имъ, что «не указано работать». Упорство же свое они объясняли поддержкою, встрѣченною ими со стороны смущенныхъ тѣми же толками крестьянъ, собиравшихся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ въ Черногаѣ съ 5-го по 10-е Апрѣля и разбѣжавшихся при приближеніи войска. Въ тотъ же день въ Черногаѣ, по указанію уѣздныхъ властей, равно и по лично сдѣланнымъ мною дознаніямъ, арестовалъ я 12 человѣкъ злостныхъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ сзывавшихъ крестьянъ сосѣднихъ деревень на сборище въ Черногай, откуда повсюду распространялись самыя возмутительныя толкованія и нелѣпые вымыслы.

Раскаяніе Уваровскихъ крестьянъ повидимому было искреннее. Посему, отправивъ въ Поимскій этапный домъ только сказанныхъ выше 12 преступниковъ для поступленія съ ними по законамъ, остальныхъ я оставилъ безъ наказанія, такъ какъ неповиновеніе крестьянъ произошло отъ заблужденія вообще, въ которое они къ тому-жъ были вовлечены ложнымъ толкованіемъ манифеста, преимущественно же отъ того, что въ тамошнемъ краѣ значительное число громадныхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда одному графу Разумовскому, гдѣ сами помѣщики не живутъ, управляется неодинаковыхъ способностей и наклонностей управляющими, къ тому же не снабженными еще отъ своихъ довѣрителей полномочіемъ смягчить работы и тѣмъ, такъ сказать, безотлагательно дать возчувствовать крестьянамъ наступившее уже для нихъ новое время. Пензенская же губернія, по многоземелью своему, легкостью барщины и подводной повинности въ пользу помѣщика похвалиться не можетъ. Противу такого управленія я уже принялъ возможныя мѣры, представивъ о томъ на обсужденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ словеснымъ даже отчетомъ объ усмиреніи временно-обязанныхъ крестьянъ, дабы познакомить оное присутствіе съ характеромъ бывшаго возмущенія и съ неожидавшеюся трудностью примѣненія къ крестьянамъ добровольнаго съ ними соглашенія: на оброкъ, безъ котораго нѣтъ выкупа, не идутъ; иные оброчные просятся на барщину отъ яснаго уразумѣнія ими, что, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права и тѣлеснаго исправительнаго наказанія безъ суда, барщинная работа легче оброка.

Обстоятельство это тѣмъ болѣе плачевно, что помѣщики вообще, будучи проникнуты полнымъ сознаніемъ несостоятельности обязательнаго труда, жаждутъ переведенія крестьянъ на оброкъ и выкупа. Иные уже приступили бы къ составленію уставныхъ грамотъ; но крестьяне опасаются на что нибудь согласиться и, зная хорошо все что̀ для нихъ выгодно, не поторопятся въ составленіи уставныхъ грамотъ, дабы, въ случаѣ неурожая, не потерять права на продовольствіе отъ владѣльца. Своевременный и вполнѣ благопріятный исходъ новаго дѣла, въ особенности же когда время дойдетъ до надѣла землею крестьянъ и до отрѣзки оной, гдѣ былъ излишекъ, нынѣ сомнителенъ.

Съ 14-го числа того же мѣсяца въ числѣ донесеній я получалъ отъ Керенскаго уѣзднаго предводителя дворянства свѣдѣнія, что Керенскаго уѣзда въ с. Кандеевку (г-на Волкова) изъ окружныхъ деревень четырехъ сосѣднихъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерній, собирается масса народа, доходившая до 10-ти т. человѣкъ; что

крестьяне съ криками «воля! воля!» развозятъ по селеніямъ красное знамя, оскорбляютъ священниковъ, бьютъ старшинъ и сотскихъ, угрожая сдѣлать тоже самое и съ управляющими и съ гражданскими и военными начальниками; разъѣзды и пикеты ихъ перехватываютъ разсыльныхъ и, не смотря ни на чьи увѣщеванія, они кричатъ: «Земля вся наша! На оброкъ не хотимъ и работать на помѣщика не станемъ».

Вслѣдствіе этихъ донесеній, для пресѣченія зла я рѣшился изъ Черногая двинуться на Кандеевку; по дорогѣ же заѣхать въ с. Высокое (имѣніе Кашина), временно-обязанные крестьяне коего, еще 2 Апрѣля, заставили убѣжать управляющаго, запечатали домъ и сопровождали свои безчинства оскорбленіями его семейству. Въ ночь на 16-е Апрѣля, отпустивъ по требованію, нынѣ генералъ-лейтенанта барона Винценгероде, три роты Тарутинскаго полка въ его распоряженіе Тамбовской губерніи, въ Моршанскій уѣздъ, утромъ съ тремя ротами Казанскаго полка прибылъ я въ с. Высокое. Крестьяне сказаннаго селенія просили прощенія, каковое и было имъ дано, послѣ того какъ созванная мною сходка выдала мнѣ зачинщиковъ возмущенія. Главный же возмутитель *Леонтій Егорцевъ*, того же села, не могъ быть мною захваченъ, ибо (какъ позднѣе дознано), узнавши о приближеніи военной команды, онъ еще наканунѣ былъ вывезенъ въ Кандеевку въ возу соломы. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ былъ самый опасный изъ бунтовщиковъ. Принадлежа къ сектѣ Молокановъ, онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти большое вліяніе во всемъ краю. Вслѣдствіе его ложныхъ толкованій и присвоенія себѣ особыхъ правъ, вѣра въ него была такъ сильна, что изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки, съ приглашеніемъ прибыть къ нимъ для разъясненія манифеста; водили его подъ руки, нося за нимъ скамейку; становили его на возвышеніе, съ котораго онъ по своему возвѣщалъ всѣмъ «волю». Власть его наконецъ возрасла до того, что онъ началъ дѣлать денежные поборы и, дабы успѣхъ возмущенія склонить на свою сторону, грозилъ вѣшать тѣхъ, которые его ослушаются, а потомъ и начальниковъ усмиренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ всѣхъ угрозами, что, въ случаѣ прибытія войска, никто подъ опасеніемъ смерти, не долженъ выдавать «своихъ» и никто не долженъ вѣрить ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже мнѣ, по его выраженію «царскому послу»: всѣ подкуплены будто бы помѣщиками.

Новыя донесенія Керенскаго уѣзднаго предводителя дворянства и командированнаго мною 14-го Апрѣля изъ села Поима въ Кандеевку жандармскаго штабъ-офицера, поставили меня въ извѣстность, что въ

сказанномъ селѣ волненіе начинаетъ принимать угрожающіе размѣры: народъ толпами не перестаетъ прибывать съ разныхъ селъ и деревень, расхаживая по улицамъ съ кольями и дубинами. Предвидя, что здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ быстрыхъ «рѣшительныхъ мѣръ и для того, чтобы подавить возмущеніе, разливавшееся уже по Чембарскому, Керенскому и сосѣднимъ уѣздамъ Тамбовской губерніи, 16-го Апрѣля телеграммой чрезъ шефа жандармовъ я испрашивалъ повелѣнія наказывать виновныхъ по моему суду, и отправился съ двумя ротами Казанскаго полка въ Кандеевку, оставивъ въ селѣ Высокомъ для поддержанія спокойствія роту Его Высочества, въ Поимѣ же 1-ю стрѣлковую, съ тѣмъ, чтобы они принимали пересылаемыхъ туда арестантовъ и конвоировали ихъ до г. Чембара, откуда они должны отправляться въ г. Пензу.

Опередивъ направленныя мною въ Кандеевку двѣ роты, 16-го же Апрѣля, около вечера, съ состоящимъ при мнѣ (по распоряженію начальника 16-й пѣхотной дивизіи) подпоручикомъ Углицкаго пѣхотнаго полка Худяковымъ и съ жандармскимъ вѣстовымъ, подъѣхалъ я на улицѣ сказаннаго села къ значительной толпѣ. Я началъ съ ласковаго привѣта къ стоявшему впереди толпы старому солдату, повидимому заслуженному, съ произвольными впрочемъ красными полулацканами и съ орденскими лентами отъ плеча до плеча, какъ оказалось въ двойномъ количествѣ нашитыми. Онъ на обычные вопросы отвѣчалъ мнѣ уклончиво съ прибавленіемъ словъ не касавшихся дѣла: «за Бога и за Царя умереть готовы». Вопреки моимъ приказаніямъ меня оставить, онъ не отходилъ и продолжалъ свой говоръ. Тогда я приказалъ находившемуся при мнѣ жандармскому рядовому Михайлѣ Торурову захватить его, что́ сверхъ чаянія было удачно исполнено и о чемъ бунтовщики (какъ было дознано) сожалѣли. Солдатъ этотъ 72 лѣтъ, Елизаровъ, по словамъ самихъ крестьянъ, оказался однимъ изъ главныхъ возмутителей и, кичась своими военными заслугами, называлъ себя графомъ Толстымъ.

Перейдя привѣтливо къ толкованію крестьянамъ высочайше дарованныхъ имъ правъ, я предлагалъ имъ смириться и до уставной грамоты повиноваться помѣщику, работая въ его пользу по новому положенію, или же перейти на опредѣленный закономъ оброкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я уговаривалъ крестьянъ покаяться въ ослушаніи и оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ими уѣздному предводителю дворянства и земской полиціи, и объяснялъ имъ, что если они не повѣрили ихъ истолкованіямъ, то наконецъ мнѣ, какъ присланному отъ Государя, они обязаны вѣрить безпрекословно. Но всѣ въ одинъ голосъ кричали:

«Не будемъ работать на помѣщика и на оброкъ не хотимъ, хоть всѣхъ насъ перевѣшай!» Видя, что толпа начинаетъ волноваться (къ каковому впрочемъ времени явились ко мнѣ предводитель дворянства, исправникъ и командиръ Казанскаго полка), я вышелъ изъ толпы и отправился къ прибывшему заранѣе войску (2, 9, 10 и 11 роты Казанскаго полка) расположенному бивуакомъ около господскаго дома, на половинѣ селенія, съ военными предосторожностями, мною еще болѣе усиленными. Со вступившими же вслѣдъ затѣмъ на бивуакъ тремя и четыремя ротами того же полка, въ моемъ распоряженіи у села Кандеевки, съ прибывшею на другой день третью стрѣлковою ротою, находилось всего *семь* ротъ.

Другой день, т. е. 17-го число, празднуемое всей Россіей, я оставилъ крестьянамъ на размышленіе и, чрезъ наемнаго бурмистра требовалъ отъ нерасходившейся толпы присылки ко мнѣ нѣсколькихъ разумныхъ стариковъ-домохозяевъ, для объясненія имъ новыхъ законоположеній, съ тѣмъ, чтобы выслушавъ мое толкованіе внѣ подстрекательства толпы, они могли образумить прочихъ. Но бунтовщики не отпустили ко мнѣ ни одного человѣка и прогнали посланнаго. Тогда я отправилъ къ нимъ приходскаго священника съ крестомъ, поручивъ ему уговорить бунтовщиковъ. Но и увѣщанія священника остались тщетными. Вечеромъ еще разъ посылалъ я сотскихъ съ приказаніемъ, чтобы толпа опомнилась и разошлась. Все было безуспѣшно. Явно, что бунтовщики были увѣрены въ мнимой правотѣ своей и въ томъ, что успѣхъ останется на ихъ сторонѣ.

18-го Апрѣля, во Вторникъ Страстной недѣли, утромъ въ 8 часовъ, мною получена телеграмма отъ шефа жандармовъ отъ 17-го Апрѣля № 3.264, въ коей было изображено, что мнѣ предоставляется рѣшить дѣло о виновныхъ по моему суду. Убѣдясь, что ничто не дѣйствуетъ на бунтовщиковъ, я рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ со всею за нихъ отвѣтственностію. Между тѣмъ отвсюду получались самыя печальныя свѣдѣнія о томъ, что возмущеніе разлилось по четыремъ смежнымъ уѣздамъ, откуда крестьяне, выжидая развязки моихъ дѣйствій, толпами стекались въ село Кандеевку. Между бунтовавшимися въ томъ краѣ вкоренилось твердое убѣжденіе, что если они не отобьются (принявъ слово отбывать барщину за *отбивать* оную) къ Святой недѣлѣ, то на вѣчныя времена останутся въ крѣпостномъ состояніи, не вѣря, что изъ онаго уже вышли. На крышахъ и на гумнахъ всюду видны были крестьяне, зорко слѣдившіе за каждымъ распоряженіемъ въ отрядѣ. Изъ всего этого, равно изъ предувѣдомленія, что на нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ сложены топоры и колья

съ насаженными на нихъ косами и другими орудіями, я уразумѣлъ всю необходимость дѣйствовать рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею осторожностью. Имѣлъ я въ виду и то, что недалеко уже было до Свѣтлаго праздника, и если не обратить бунтовавшихся къ полевымъ работамъ, къ посѣву яроваго хлѣба, то голодъ неминуемъ.

Сдѣлавъ предварительныя распоряженія о прибытіи, на одни сутки, изъ Моршанскаго уѣзда двухъ ротъ Тарутинскаго полка съ тѣмъ, чтобы къ 9 часамъ утра, не доходя двухъ верстъ до села Кандеевки, (куда сходятся дороги изъ многихъ волновавшихся селеній) они ожидали дальнѣйшихъ моихъ распоряженій, а до того захватывали бы бѣгущихъ (если таковые будутъ), я оставилъ одну роту Казанскаго полка для охраненія господскаго дома (откуда наканунѣ ознакомился съ мѣстностью) и съ четырьмя ротами, въ 10 часовъ утра, направился ко входу въ селеніе съ площади противу господскаго дома, раздѣляющей село на два крыла. Въ правой улицѣ, длиною болѣе версты, шумѣла толпа. Остальнымъ двумъ ротамъ, въ предотвращеніе нападенія на меня во флангъ съ правой стороны и съ тыла (съ лѣвой рѣчка), приказалъ я держаться въ 200 шагахъ правѣе, на одной высотѣ со мной, положивъ отнюдь не штурмовать селенія, дабы не вызвать рукопашнаго боя и не потерять ни одного изъ ввѣренныхъ мнѣ чиновъ. Въ случаѣ же отчаяннаго сопротивленія думалъ я зажечь село и тѣмъ заставить бунтовщиковъ выдти въ поле, гдѣ управа съ ними была бы легче: чрезъ незначительную рѣчку, какъ послѣ дѣла оказалось, въ нѣсколькихъ мѣстахъ были наскоро насланы переѣзды, и къ нимъ подвезено крестьянское имущество, уложенное въ возахъ.

Я остановилъ колонну у крайнихъ дворовъ, въ 300 шагахъ отъ бунтовщиковъ. Они по моему зову нерѣшительно подошли ко мнѣ шаговъ на сто. Тутъ я снова обратился съ увѣщеваніями: предлагалъ имъ, просилъ до времени разойтись и засѣвать свои и помѣщичьи поля. Но слова мои были заглушены крикомъ: «Не повинуемся, ничего не хотимъ, умремъ за Бога и Царя!»

Тогда я пригрозилъ имъ, что если они добровольно не покорятся, то я прикажу стрѣлять въ нихъ, какъ въ ослушниковъ высочайшей воли и манифеста. Всѣ угрозы мои были тщетны. Желая ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ жертвъ и дабы толпа болѣе тысячи человѣкъ (всего же въ деревнѣ, считая оставшихся на дворахъ, до 7.000 человѣкъ) не бросилась на войско, я, отогнавъ ее на сколько послушались (оказалось шаговъ на 150) и выждавъ нѣсколько, съ прискорбіемъ приказалъ сдѣлать *залпъ* первой шеренгѣ головнаго по-

лувзвода 9-й роты, разомкнутаго на руку дистанціи, для представленія бо́льшаго протяженія фронту, съ цѣлью занять всю ширину улицы.

Раздались выстрѣлы. Въ толпѣ упало нѣсколько крестьянъ; но бунтовщики не дрогнули. Напротивъ того, поднявъ руки, они кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадѣ, я остановилъ стрѣльбу; но оказалось, что они выражали этимъ свое желаніе «умереть за Бога и Царя», никому не повинуясь въ тоже время. «Просите пощады, иначе буду продолжать стрѣлять», говорилъ я имъ. Но толпа, придвинувшись нѣсколько ближе къ войску, кричала: «всѣ до одного умремъ, не покоримся». Послѣ этого невооруженные, безпримѣрно неустрашимые, по счастью безъ женъ и дѣтей, всей массой снова отошли на прежнее мѣсто. Тогда по моему приказанію сдѣланъ *второй залпъ*. Не смотря на это, народъ, поднявъ руки, съ бо́льшимъ еще жаромъ продолжалъ прежніе крики. Не безъ содроганія убѣдившись, что ничто не помогаетъ, я показалъ подвинувшейся ко мнѣ толпѣ походный мой образъ (благословеніе матери) и клялся предъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права̀. Но и клятвѣ моей не повѣрили и съ поднятыми руками снова кричали: «За Бога и за Царя умремъ всѣ до одного.»

Третій залпъ тоже не привелъ ни къ чему. Толпа не двигалась. Съ ужасомъ видѣлъ я необходимость продолжать стрѣлять. Изготовившись къ тому, я рѣшился однакожъ попробовать отхватить хоть нѣсколько человѣкъ, не углубляясь слишкомъ въ деревню, изъ опасенія, чтобы вѣрные исполнители моихъ приказаній не были изрублены бунтовщиками, не выходившими со дворовъ. Приказаніе мое было быстро исполнено 3-ю стрѣлковою ротою, при чемъ захвачено и выведено изъ улицы сверхъ чаянія 410 бунтовщиковъ, изъ 14-ти селеній, трехъ уѣздовъ. Остальные разбѣжались и попрятались по домамъ, откуда уходили потомъ къ ночи. Высылать ихъ изъ селенія, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, считалъ я невыгоднымъ и едва ли возможнымъ по незначительности отряда. Поощреніе же ихъ къ бѣгству оказалось въ высшей степени благотворнымъ: въ ту же ночь въ моемъ округѣ и даже въ Тамбовской губерніи, все утихло, когда разнеслась вѣсть о покореніи Кандеевцевъ. Изъ оконъ господскаго дома было видно, какъ послѣ выстрѣловъ поле покрылось сорвавшимися со дворовъ лошадьми, на которыхъ верхами пріѣзжали въ Кандеевку сторонніе участвовать въ сопротивленіи и узнать, чѣмъ кончится дѣло о «чистой волѣ». Необъяснимая мною въ то время изумительная стой-

кость крестьянъ и твердое намѣреніе ихъ умереть, какъ оказалось впослѣдствіи, происходили отъ того, что выше упомянутый Леонтій Егорцевъ (видѣвшій меня 16-го числа предъ толпою, но потомъ скрывшійся и нынѣ, за всѣми разысканіями съ оцѣнкой его головы, находящійся въ бѣгахъ) разъѣзжалъ по селеніямъ и говорилъ: «Если войска будутъ въ васъ стрѣлять, то выдержите только три залпа, и тогда сами начальники объявятъ вамъ чистую волю». Другіе же, какъ показалъ одинъ раненый, думали, что въ нихъ будутъ стрѣлять горохомъ: наканунѣ изъ имѣнія графа Віельгорскаго, въ числѣ провизіи для солдатъ, было провезено чрезъ пикеты бунтовщиковъ нѣсколько возовъ гороху.

Выведя изъ деревни захваченную толпу, я снова обратился къ ней съ вопросомъ: согласны ли повиноваться? добавивъ къ этому, что въ случаѣ покорности готовъ ихъ помиловать. Но и на это всѣ единогласно отвѣчали: «Умремъ всѣ, но не повинимся».

Доведя толпу до господскаго дома и поручивъ отряду ее охранять, я велѣлъ убрать убитыхъ и принести къ дому раненыхъ. Это было возложено на собранныхъ исправникомъ въ Кандеевкѣ безсрочно-отпускныхъ изъ числа не принимавшихъ участія въ бунтѣ. Оказалось: пуль выпущено 41, убито крестьянъ 8, ранено 27. Послѣднимъ немедленно поданы должныя пособія усерднымъ баталіоннымъ лекаремъ Полумордвиновымъ, дано особое помѣщеніе, нѣжная пища; для ухода за ними нанята прислуга изъ отпускныхъ солдатъ; для пользованія раненыхъ впредь до ихъ выздоровленія вытребованъ изъ Пензы особый врачъ, получившій наставленіе отъ пріѣзжавшаго съ нимъ къ раненымъ инспектора Врачебной Управы. Хотя изъ числа раненыхъ нѣкоторые уже умерли, а часть находится въ сомнительномъ состояніи къ выздоровленію, но они со слезами высказывали свою признательность за попеченія о нихъ, сознательно говоря, что въ ихъ страданіяхъ, кромѣ нихъ самихъ, никто не виноватъ.

Потрясенный душевно описанной кровавой сценой, я принужденъ былъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ медикомъ на нѣсколько часовъ отдыха, полагая при томъ, что захваченная толпа въ это время одумается и сама будетъ просить о помилованіи. Но крайне всѣ ошиблись въ такихъ ожиданіяхъ: часовъ чрезъ пять я снова увѣщевалъ захваченныхъ, которые, хотя были окружены штыками, отвѣчали попрежнему: «Всѣ до одного умремъ, но не покоримся».

Тогда я приступилъ къ снятію допросовъ съ замѣченныхъ мною 16-го числа при разговорѣ съ толпою и указанныхъ мнѣ предводи-

телемъ, исправникомъ и становымъ приставомъ, главныхъ ослушниковъ, упорнѣе другихъ не соглашавшихся ни на какія предложенія. Упорство же и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убѣжденій были такъ велики, что они стали виниться тогда только, когда исполнялось уже шпицрутенное 29 человѣкъ наказаніе, обѣщавшееся и всѣмъ захваченнымъ. Почему изъ прочихъ 16 человѣкъ наказаны розгами, а остальные, давшіе руки, что будутъ повиноваться, прощены. Съ тѣхъ поръ, не видя уже и въ другихъ селеніяхъ прежней закоренѣлости и примѣняясь къ милосердію Государя, я смягчалъ наказанія по возможности и, давая всѣ способы къ оправданію, многихъ прощалъ. Таковой судъ, и по скорости его, принятъ съ благодарностью. Были впрочемъ и такіе закоренѣлые, которые и послѣ исполненія надъ ними приговора отвѣчали: «Хоть убей, но на работу не пойдемъ и на оброкъ не хотимъ».

На другой день село Кандеевка представляло уже совершенно противоположное прежнимъ днямъ зрѣлище. Все какъ бы ожило! Спокойное движеніе началось, пути сообщенія сдѣлались безопасными; но я еще не рѣшался перевести войско съ бивуака на квартиры. Я постоянно остерегался вѣроломства. Реквизиція была невозможна. Но, благодаря управляющаго имѣніями графа Віельгородскаго, отставного штабсъ-капитана Борисовича, умомъ своимъ и неустрашимостію удержавшаго одно изъ многолюднѣйшихъ село Большой-Буртасъ отъ полнаго участія въ Кандеевскомъ дѣлѣ, отрядъ имѣлъ отъ него провизію и по временамъ винныя порціи, что̀ способствовало поддержанію здоровья въ отрядѣ.

19-го Апрѣля, въ Среду, было наказано еще трое крестьянъ, которые, какъ главные тоже буяны, были выданы изъ сосѣдней деревни обществомъ, приславшимъ хлѣбъ-соль.

Слѣдующіе затѣмъ дни, по 26-е Апрѣля, были проведены мною въ Кандеевкѣ безъ опредѣленія наказаній и для указанія вотчинной конторѣ необходимости смягченія господскихъ работъ. Прятавшіяся до того повсюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, женщины и дѣти безбоязненно приходили ко мнѣ съ просьбой о помилованіи осужденныхъ ихъ, мужей, отцевъ, братьевъ.

23-го Апрѣля, въ ознаменованіе Праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и примѣняясь къ неограниченному милосердію Государя, прощено 22 человѣка крестьянъ изъ числа приговоренныхъ къ ссылкѣ на поселеніе, безъ наказанія шпицрутенами.

25-го Апрѣля, оставивъ въ Кандеевкѣ двѣ роты Казанскаго полка, я съ прочими отправился Чембарскаго уѣзда въ с. Покровское (г-на Веригина), на самой границѣ Тамбовской губерніи, гдѣ 5-го Апрѣля крестьяне мѣстные и собравшіеся съ окрестныхъ деревень заставили убѣжать управляющаго, посылали за нимъ въ Моршанскъ погоню, раздѣлили между собою господскій скотъ, прибили бурмистра, церковно-служителей и кромѣ того, съ оскорбленіями, вырвавъ изъ рукъ священника книгу акаѳиста, угрожали его убить.

По прибытіи моемъ въ сказанное селеніе, крестьяне встрѣтили меня съ хлѣбомъ, солью и выдали мнѣ главныхъ виновниковъ возмущенія въ числѣ 43-хъ человѣкъ, какъ нарушителей ихъ спокойствія. Они признались, что какъ они, такъ равно и всѣ окрестныя селенія, были возмущены вышеупомянутымъ Егорцовымъ, который, по показанію священника, болѣе другихъ оскорбилъ его.

На другой день, т. е. 26 Апрѣля, по сдѣланіи необходимыхъ дознаній и снятіи допросовъ, изъ числа выданныхъ міромъ 22 человѣка, по исправительномъ наказаніи, возвращены семействамъ; а остальные, въ томъ числѣ приведенные изъ Кандеевки, наказаны шпицрутенами и препровождены въ Чембарскій тюремный замокъ для дальнѣйшаго отправленія по назначенію.

Изъ села Покровскаго 26 Апрѣля я съ войскомъ перешелъ въ село Высокое, куда къ вечеру прибыли также вызванные мною и выданные обществомъ деревни Никольской (г. Бородина) 10 человѣкъ главныхъ виновниковъ бывшаго и въ томъ селеніи безпорядка. 27 Апрѣля, по снятіи допросовъ, 6 изъ нихъ и сверхъ того 11 человѣкъ захваченныхъ мною ранѣе возмутителей села Высокаго, наказаны шпицрутенами и тотъ же день препровождены въ Чембарскій тюремный замокъ.

Удостовѣрившись въ искренности раскаянія бунтовавшихъ селеній, того же числа я отправился въ село Поймъ, откуда на другой день, т. е. 28 Апрѣля, съ военною силой и съ содержавшимися въ тамошнемъ этапномъ домѣ преступниками, прибылъ въ с. Чернышево (графа Уварова), гдѣ въ ночь съ 10 на 11 Апрѣля крестьяне, собравшись изъ десяти окруженныхъ селеній, приступали къ вотчинной конторѣ, намѣревались расхитить деньги, врывались и къ главноуправляющему всѣми имѣніями графа Уварова, Черноголовкину, съ намѣреніемъ его убить. Но разъяренная, частію хмѣльная, толпа была остановлена у дверей въ залу крестьяниномъ села Сентяпино *Андреемъ Крохинымъ*, который, не убоявшись угрозъ, рѣшился скорѣе умереть

чѣмъ выдать старика Черноголовкина, незадолго передъ тѣмъ туда пріѣхавшего.

По снятіи допросовъ съ выданныхъ міромъ преступниковъ, 30 человѣкъ изъ нихъ, 29 Апрѣля, наказаны шпицрутенами по степенямъ ихъ виновности и отправлены въ Симбирскій тюремной замокъ.

Оставивъ въ Чернышевѣ три роты Казанскаго полка, я отпустилъ остальныя и 30 Апрѣля возвратился въ г. Пензу для встрѣчи генералъ-адьютанта Ефимовича, удостовѣрившись предварительно въ искренности изъявленной покорности крестьянъ, встрѣчавшихъ меня всюду съ хлѣбомъ-солью. И понынѣ получаю отовсюду положительныя свѣдѣнія, что все пришло въ должный порядокъ, такъ что, кромѣ самыхъ незначительныхъ недоразумѣній, прекращенныхъ безъ военной силы въ мѣстахъ, гдѣ я еще не былъ, безбоязненно думаю, что примѣръ усмиренія Кандеевки благотворно подѣйствовалъ на далекое разстояніе, и въ Пензенской губерніи, благодаря Бога, спокойствіе возстановлено. Для бо́льшей же безопасности въ западныхъ уѣздахъ губерніи, мнѣ знакомыхъ, назначены, съ утвержденія генералъ-адьютанта Ефимовича, баталіонные лѣтніе сборы Казанскому полку 1-му баталіону г. *Чембаръ*, 2-му с. *Черкасское*, 3-му *Керенскъ* и тремъ стрѣлковымъ ротамъ въ г. *Нижнемъ-Ломовѣ*, штабъ-квартирѣ полка, съ отмѣной оному въ этомъ году полковаго сбора.

Конфирмованные мною преступники съ назначеніемъ ихъ къ ссылкѣ въ Сибирь, частію въ рудники и на поселеніе къ меньшему наказанію въ числѣ 114 человѣкъ, приведены уже въ Пензу для дальнѣйшаго отправленія. Сюда же привезены и священникъ села Студенокъ *Ѳедоръ Померанцевъ*, по показанію крестьянъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ возмущенія, и одинъ дьяконъ причастный къ дѣлу, которые, по степени ихъ виновности, должны понести заслуженное наказаніе. Священника Ѳедора Померанцева, вдовца, мнѣніемъ своимъ я положилъ отправить, въ примѣръ прочимъ, *навсегда въ Соловецкій монастырь*.

Кромѣ того имѣю въ виду еще четырехъ священниковъ, которые неодобрительно вели себя по случаю объявленія манифеста. По распоряженію архіепископа Пензенскаго и Саранскаго производится о поступкахъ ихъ слѣдствіе.

Считаю себя счастливымъ, что имѣю случай свидѣтельствовать о примѣрно-честномъ поведеніи находившагося въ распоряженіи моемъ отряда, безъ различія чиновъ.

Отличнымъ этимъ войскамъ вообще и вѣрному исполненію моего приказанія стрѣлять по бунтовщикамъ принадлежитъ и вся честь подавленія чудовищнаго неповиновенія и спасеніе края. Всѣ чины отряда, не взирая на доставшіяся на ихъ долю, въ ненастное время года, лишенія, не уступали другъ другу въ рвеніи исполнить свой долгъ.

Я обязанъ благодарностью особенно командиру Казанскаго полка полковнику *Миньковичъ-Петровскому*, попечительному о раненыхъ баталіонному медику *Полумордвинову*, командиру 2-й роты капитану *Банину*, нравственнымъ своимъ вліяніемъ удержавшему въ повиновеніи село Колесовку (700 душъ, одной экономіи съ Кандеевкою), состоящему при мнѣ Углицкаго пѣхотнаго полка подпоручику *Худякову*, ближайшему и просвѣщенному моему сотруднику, повсюду охранявшему мою жизнь; командиру 9 роты Тарутинскаго полка капитану *Митаревскому*, распорядительностью своею спасшему отъ мученической смерти Чембарскаго исправника и другихъ съ нимъ закованныхъ въ Черногаѣ; губернскому жандармскому штабъ-офицеру маіору *Лаксу*, усердно во всемъ мнѣ помогавшему; уѣзднымъ предводителямъ дворянства себя не щадившимъ: *Керенскому гвардіи штабсъ-ротмистру Ранцеву*, выдержавшему къ тому же въ Кандеевкѣ продолжительную блокаду, и *Чембарскому гвардіи поручику князю Енгалычеву*, равно всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ поименованныхъ выше частей Казанскаго и Тарутинскаго полковъ.

Много я обязанъ распоряженіямъ и полному содѣйствію со стороны начальника Пензенской губерніи генералъ-лейтенанта графа Толстаго, давшаго мнѣ всѣ способы къ выполненію высочайше возложеннаго на меня порученія.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА [1]).

1858—1860.

14 Іюня 1858. Въ Ораніенбаумѣ замѣчательнѣе всего дворецъ Екатерины Михайловны, который съ виду не великъ, но заключаетъ много комнатъ и отдѣланъ съ отличнымъ вкусомъ. Видѣлъ я также великолѣпный павильонъ, построенный покойнымъ императоромъ Николаемъ на возвышенности, откуда прекрасный видъ; колонны, украшающія зданіе, стоившія, говорятъ, непомѣрно дорого, и прочіе мраморы были привезены изъ Италіи. Государь говорилъ о павильонѣ: C'est ma dernière folie [2]). Уже по его кончинѣ зданіе совершенно окончено. Въ полуверстѣ сооружена красивой архитектуры церковь во имя Св. Александры, замѣчательная особенно изяществомъ живописи. На возвратномъ пути мы останавливались также у сельскаго приказнаго дома, построеннаго на подобіе Русской избы. Тамъ намъ показывали книгу, въ которую желающіе могутъ вносить свои имена и куда мы не внесли нашихъ. Реестръ посѣтителей 1853 года начинается подписью «Александръ», и послѣ тотчасъ написано: «И я также, 58-лѣтній хрѣнъ Н.».

20 Іюня—7-го Іюля. Ивановъ, съ которымъ я провелъ такъ пріятно одно утро въ Царскомъ Селѣ и потомъ видѣлъ его у насъ завтракавшаго тому не болѣе недѣли, кончилъ жизнь. Пріѣхавъ въ Россію послѣ 30-лѣтняго отсутствія, онъ заболѣлъ отъ излишняго употребленія квасу; вò-время призванный врачъ ему помогъ. Разсказывая мнѣ это обстоятельство, художникъ присовокупилъ :хотѣлось бы мнѣ, чтобы поскорѣе вышло рѣшеніе о моей картинѣ [3]). Тогда я могъ бы уѣхать, а

---

[1]) См. выше, стр. 161. П. Б.

[2]) Это моя послѣдняя шалость.

[3]) Знаменитая картина А. А. Иванова „Явленіе Христа народу" подарена покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ Румянцовскому музею. Къ прискорбію надо сказать, что это геніальное произведеніе помѣщено неудобно и даже опасно для цѣлости его, такъ какъ сзади его пышетъ сухимъ жаромъ печной отдушникъ. П. Б

то, оставаясь здѣсь, умру отъ холеры. Грустное предчувствіе сбылось. Дѣло тянулось, наконецъ назначили сумму ниже той, которую надѣялся получить художникъ, и рѣшеніе это пришло въ его квартиру, когда уже онъ лежалъ въ гробу. Говорятъ, что члены Академіи Художествъ, товарищи, какъ наприм. Бруни и другіе, не отзывались съ благоволеніемъ о произведеніи Иванова, котораго недоброжелательность художниковъ огорчила. Часть вырученной суммы онъ намѣревался употребить на путешествіе въ Іерусалимъ, которое предполагалъ предпринять вмѣстѣ съ братомъ, извѣстнымъ архитекторомъ, а на остальныя за тѣмъ деньги желалъ купить домикъ въ Римѣ. Ивановъ былъ человѣкъ серіозный, много размышлявшій, ученикъ Овербека и Корнеліуса и проникнутый духомъ Св. Писанія, которымъ питался большую часть своей жизни. Съ покойнымъ взглядомъ христіанина смотрѣлъ онъ на событія міра, какъ на исторію, которой главное направленіе, господствующій характеръ, никто не можетъ измѣнить. Твердыя и свѣтлыя убѣжденія его изливались изъ Божественнаго источника—Евангелія, предмета долголѣтнихъ его размышленій, положившаго на черты лица его особенное выраженіе нѣкоторой важности. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Москву и обѣщалъ посѣтить тамъ моихъ сестеръ [1]), прося дать ему къ нимъ письмо. Богъ опредѣлилъ иначе.

19 Іюля. Жизнь при дворѣ подчинена непрестаннымъ перемѣнамъ: нынѣ съ вами только и говорятъ, завтра на васъ не смотрятъ; безъ васъ, казалось, трудно было обойтись, а теперь существованіе ваше забыто. Непостоянство это въ отношеніяхъ, возможное только въ жизни придворной, безпокоитъ и смущаетъ. Напрасно будешь стараться открыть причину перемѣны: рѣшительно не произошло ничего, что̀ могло бы объяснить дѣло. Никто не привыкъ къ подобнымъ обстоятельствамъ; когда они случаются, за ними слѣдуетъ объясненіе, и недоумѣніе проходитъ. При дворѣ не такъ: тамъ объясниться невозможно по трудности доступа. Обыкновенно подобные случаи происходятъ отъ неблагонамѣренности царедворцевъ, которымъ всегда надобно вредить. Какъ бы высоко ни было ихъ положеніе, какъ бы оно ни было безопасно ограждено, всякій успѣхъ въ глазахъ ихъ преступенъ. Имъ нужна монополія тѣхъ благъ, которыя исходятъ отъ двора. Царедворецъ, какъ змѣя, при каждомъ случаѣ испускаетъ свой ядъ. Если онъ былъ тяжело боленъ, и вы ему оказывали участіе или какія либо

---

[1]) Сестры В. А. Муханова занимались живописью и между прочимъ расписали церковь въ Старомъ Симоновѣ. П. Б.

другія важныя услуги, онъ не помнитъ, что̀ вы дѣлали для него, а знаетъ только, что долженъ васъ топить. Чѣмъ онъ дѣйствуетъ для васъ вреднѣе, тѣмъ онъ съ вами любезнѣе. Глядя на подобныя явленія со стороны, нельзя не сознаться, что нуженъ немалый запасъ философіи, чтобы не сдѣлаться мизантропомъ. Убѣждаясь въ томъ, что существо, для котораго зло становится необходимою потребностію его природы, есть царедворецъ, полагаю, что здравомысліе внушаетъ намъ избѣгать тѣхъ условій жизни, при коихъ развивается несчастное и непредолимое расположеніе къ злу, о коемъ мы говоримъ, слѣд., избѣгать жизни при дворѣ.

20-го—21-го Іюня. Очень лестно носить на себѣ знаки благосклонности Государя и его семейства и пользоваться добрымъ ихъ расположеніемъ. Подобныя отношенія важны тѣмъ, что часто можно оказать пользу, выручая ближняго изъ бѣды, или защитивъ его отъ нападковъ недоброжелательства и клеветы. Обязанность лица, близкаго къ Государю и пользующагося его довѣренностью, доводить до него истину. Въ виду подобнаго блага не трудно рѣшиться на многіе пожертвованія. Иногда благонамѣренное предостереженіе или слово правды будутъ приняты съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, или даже съ раздраженіемъ. Ревность къ добру не должна отъ того ослабѣвать, и сознаніе исполняемой обязанности послужитъ достаточнымъ вознагражденіемъ. При томъ мысль, что мало людей, которые изъ любви къ истинѣ готовы выслушивать противорѣчія и измѣнять свой образъ мыслей, должна вызывать съ нашей стороны снисхожденіе и благодушіе. Не надо принимать къ сердцу перемѣны расположенія къ намъ высокихъ лицъ, если, по строгомъ съ нашей стороны изслѣдованіи, окажется, что совѣсть наша чиста: облако, можетъ быть, разсѣется, и прежнія отношенія возстановятся. Если же дѣло приметъ иной оборотъ, тогда безъ шума и скромно удалиться. Несовмѣстно было бы съ достоинствомъ человѣка ставить свое спокойствіе въ зависимость отъ болѣе или менѣе благосклонной улыбки. Часто и безъ того неудачи и несчастія жизни помрачаютъ ясность нашего ума, чтобы мы еще создавали бы себѣ произвольно какія-то искусственныя скорби. Важные предметы требуютъ нашего вниманія; особенно должны мы заботиться о нашемъ спасеніи, а эта забота нуждается во всей ясности нашего ума, во всемъ ненарушимомъ спокойствіи его.

1859-й годъ.

1 Января. Наступилъ годъ. Чтò онъ принесетъ Россіи, это тайна Божія. Нашелъ онъ наше отечество въ передѣлѣ. Съ предоставленіемъ свободы слова писателямъ, въ большемъ размѣрѣ противъ прежняго, литература измѣнила свой характеръ и какъ будто бы съ облакъ спустилась на землю: прежде она жила болѣе жизнію отвлеченной, идеальною и поэтическою, а нынѣ она совершенно перенеслась въ міръ дѣйствительный; она сдѣлалась органомъ потребностей общества и народа. Нельзя отрицать пользы, приносимой въ наше время литературой: она вырабатываетъ многіе общественные вопросы, проливаетъ на нихъ свѣтъ, облегчаетъ ихъ рѣшеніе и, конечно, споспѣшествуетъ развитію вещественнаго благосостоянія общества. Но устройство одних матеріальныхъ интересовъ жизни не удовлетворяетъ высокимъ потребностямъ человѣка. Онъ чувствуетъ необходимость питать въ себѣ чувство религіозное и посредствомъ этого святаго звена быть въ сношеніи съ Божественнымъ началомъ своей души. Въ этомъ чистомъ источникѣ онъ черпаетъ тѣ благородные порывы, тѣ святыя стремленія, то направленіе къ прекрасному, которыя все болѣе и болѣе возвышаютъ его природу. Безъ такого живительнаго пособія подвигъ жизни былъ бы невыносимо тяжелъ, и одна вѣра даетъ намъ силы къ перенесенію трудностей пути, покрытаго терніемъ.

3 Января. Превозношеніе однихъ вещественныхъ интересовъ и совершенное забвеніе духовнаго развитія будутъ имѣть окончательнымъ результатомъ торжество силы матеріальной, униженіе природы человѣка и ниспаденіе его на степень животныхъ. Дѣйствительно, нельзя не сѣтовать на успѣхи роскоши и на стремленіе общее къ веселію, къ чувственнымъ удовольствіямъ. Замѣчено было, что обиліе поваренныхъ книгъ въ литературѣ доказываетъ запоздалость народа въ образованіи. У насъ высшій классъ считается болѣе просвѣщеннымъ прочихъ, и нигдѣ между прочимъ не цѣнятся такъ всѣ утонченности гастрономіи, какъ въ этомъ классѣ. Нерѣдко слышимъ изъ среды его людей, которые не стыдятся объявлять во всеуслышаніе, что хорошій обѣдъ есть одно изъ главныхъ условій (для многихъ самое главное) счастія жизни. Всѣмъ извѣстно, что одинъ нашъ государственный человѣкъ, не смотря на множество занятій, находилъ возможность совѣщаться съ своимъ кухоннымъ художникомъ иногда полтора и два часа;

а сколько времени проходитъ въ нашихъ гостинныхъ въ подробномъ разборѣ обѣдовъ и поваровъ *)!

Une personne d'esprit, qui arrive de l'étranger, a recueilli des renseignements des opinions, concernant des réformes entreprises ou en train de s'accomplir chez nous. Ainsi en Angleterre, dans la société aristocratique, on paraît ne rien comprendre à la manière dont on veut procéder chez nous à l'émancipation: on la qualifie d'insensée. It is foolish, disent les Anglais qui maintiennent que la propriété est la base de la société et, par conséquent, là où on fait des tentatives pour l'ébranler, il y a peril, surtout quand ces tentatives émanent du gouvernement. En France le comte Morny observait, qu' après les révolutions traversées par son pays, le gouvernement est toujours sur le-qui-vive pour combattre les socialistes et leurs utopies irréalisables. En Russie, au contraire, le gouvernement prend l'initiative pour déplacer forcément la propriété et de cette manière évoque de grands dangers. Quand on songe, poursuivait le même personnage, qu'au moment où des troubles venaient ébranler notre sol, nous tournions nos regards avec confiance vers ce puissant empire, pensant que c'est de là que nous pouvions nous attendre une influence salutaire, une force bienfaisante etc. Désormais cela ne sera plus le cas, et la Russie va perdre beaucoup de sa force.

M-r de Pourtalès, ministre de presse à Paris, homme d'état éminent, de retour d'une course qu'il avait fait à Kissingen, où se trouvait l'Impératrice de Russie, en rapporta une opinion des plus favorables, ne tarissant pas en éloges sur l'attitude de cette souveraine, son air de dignité, l'intérêt qu'offre sa conversation et ses autres qualités; et cette impression, ajoutait le comte, ne m' était pas personnelle: elle était générale.**).

---

*) Въ палатахъ Англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба)
Онегинъ, въ думы погруженъ,
О кашѣ слышитъ важный споръ.

Это писано три четверти вѣка назадъ. П. Б.

**) Одинъ умный человѣкъ возвратился изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ собиралъ свѣдѣнія о томъ, что̀ думаютъ о преобразованіяхъ, предпринятыхъ у насъ или приготовляемыхъ къ введенію. Въ Англіи, въ аристократическомъ обществѣ, повидимому, вовсе не понимаютъ пріемовъ нашего раскрѣпощенія и обзываютъ ихъ безумными. Это безумно, говорятъ Англичане, утверждающіе, что собственность служитъ основаніемъ обществу, и, слѣдовательно, предстоитъ опасность тамъ, гдѣ пытаются поколебать ее, особливо когда такія попытки исходятъ отъ правительства. Во Франціи графъ Морни замѣтилъ, что послѣ переворотовъ, пережитыхъ его родиною, правительство постоянно не въ силахъ бороться противъ соціалистовъ съ ихъ неосуществимыми утопіями. Въ Россіи же само правительство начинаетъ насильственно перемѣщать собственность и тѣмъ самымъ идетъ на-

С.-Петербургъ, 25 Декабря 1859.

Теперь настала важная минута. Должна разрѣшиться задача о надѣлѣ крестьянъ землею, чтò можетъ быть или безъ ущерба для дворянъ, или съ совершенною для нихъ потерею. Число людей благонамѣренныхъ, желающихъ, чтобы перемѣна совершилась безобидно для обѣихъ сторонъ, и во главѣ которыхъ стоятъ князья Паскевичъ и Воронцовъ и графъ Шуваловъ, получило наименованіе олигарховъ. Странное примѣненіе! Россія не Венеція: у насъ нѣтъ аристократической республики, и слѣд. такое названіе не имѣетъ никакого основанія. Лица, принадлежащія къ противному мнѣнію, подъ личиною крестьянскаго вопроса, таятъ въ умѣ своемъ иные замыслы. Они получили преобладающее вліяніе въ высшей сферѣ правленія, и опасаются, чтобы крестьянскій вопросъ не получилъ рѣшенія въ ихъ смыслѣ.

Впрочемъ они не всегда скрываютъ свои мысли. Недавно одинъ изъ нихъ, кн. Ч., пользующійся особенно благосклоннымъ расположеніемъ С. П. Елены Павловны, сказалъ съ удовольствіемъ, что черезъ три года ничего не останется на своемъ мѣстѣ. Непонятно, какъ пять или шесть человѣкъ, не принимавшихъ никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ, при совершенномъ отсутствіи ясныхъ понятій о важныхъ предметахъ, которые нынѣ разбираются, могли заслужить такое довѣріе. Нѣкоторые изъ сихъ людей проникли въ семейство императорское, легкій имѣютъ туда доступъ и свободно говорятъ о настоящемъ вопросѣ. Не только не пользуются симъ преимуществомъ тѣ, кои не раздѣляютъ ихъ мнѣнія, но съ ними постоянно уклоняются отъ всякаго разговора о семъ предметѣ. Подобное расположеніе можетъ только вести къ одностороннему сужденію о дѣлѣ, требующемъ, напротивъ, для полнаго успѣха самаго всесторонняго и обстоятельнаго разсмотрѣнія. Представители такихъ важныхъ интересовъ не находятъ пути, чтобы довести свои мнѣнія до высшаго правительства, чтò имѣетъ два важныя неудобства: неизбѣжное рѣшеніе вопроса неправильнымъ образомъ и несоблюденіе справедливости относительно людей, которыхъ право собственности подвергнется явному нарушенію.

встрѣчу великимъ опасностямъ. Помышляя о смутахъ, всколебавшихъ подъ нами почву, продолжалъ графъ Морни, мы съ довѣріемъ обращали взоры на эту могущественную имперію и отъ нея могли ожидать себѣ спасительнаго воздѣйствія, благотворной силы и пр. Отнынѣ этого не будетъ, и Россія утратитъ много своей силы.—Г. Пурталесъ, министръ печати въ Парижѣ, государственный выдающійся человѣкъ, вернувшись изъ поѣздки въ Киссингенъ, гдѣ жила Русская императрица, составилъ себѣ наилучшее о ней понятіе и неистощимъ въ похвалахъ этой государынѣ, ея полному достоинства обращенію, занимательности бесѣдъ съ нею, и это впечатлѣніе, прибавлялъ онъ, производила она не на меня только, а на всѣхъ вообще.

С.-Петербургъ, 27 Декабря 1859.

Пріѣздъ новаго фельдмаршала князя Барятинскаго произвелъ сильное впечатлѣніе. Желая изъявить Государю свою признательность, князь хотѣлъ на парадѣ соскочить съ лошади, броситься въ ноги Императору и обнять его колѣна. Ему отговорили это. Тогда, выѣхавъ на парадъ, онъ поцѣловалъ руку у Государя и не такъ, какъ обыкновенно дѣлается, т. е. показавъ только знакомъ намѣреніе, а дѣйствительно исполнилъ это на самомъ дѣлѣ. При самомъ появленіи героя Кавказа, Царь провозгласилъ ура! которое было повторено солдатами. Послѣ завтра военнымъ назначено представленіе къ фельдмаршалу, который вовсе не ослѣпленъ своимъ титуломъ, носитъ его съ достоинствомъ и какъ должную ему награду.

Сегодня на обѣдѣ у в. к. Елены Павловны, гдѣ находились Императоръ, Императрица, Великіе Князья съ супругами, были князь Барятинскій, Долгоруковъ и Горчаковъ и оберъ-камергеръ Рибопьеръ. Замѣчательно, что **** подошла послѣ обѣда къ одному сановнику и сказала ему: «Вы нашъ истинный другъ, всегда полезный своимъ совѣтомъ, а всѣ эти Головнины и другіе, окружающіе Великаго Князя, красные и кромѣ вреда ничего не дѣлаютъ.» Говорятъ, что Императоръ озабоченъ положеніемъ к. Горчакова, намѣстника Варшавскаго, думая, не оскорбился ли онъ назначеніемъ князя Барятинскаго. Послѣдній получилъ фельдмаршалскій жезлъ за усмиреніе враждебнаго края, и неужели удостоитъ той же награды другого, только по старшинству? Приверженцы князя Горчакова указываютъ на Крымъ, который онъ спасъ; но трудно дать фельдмаршальскій титулъ за то, что, командуя арміею, главнокомандующій не потерялъ области.—Въ Костромѣ, Орлѣ и еще въ двухъ губерніяхъ, выборы совершились и кончены благополучно. Что же касается до Твери, Ярославля и Рязани, чиновники, избранные на 6 лѣтъ, будутъ еще 3 года исправлять свою должность, а на мѣсто неизбранныхъ поступятъ кандидаты. Настоящій случай предвидѣнъ въ Сводѣ и съ точностью опредѣленъ статьями его, такъ что всякое затрудненіе, которое въ началѣ полагали непреодолимымъ, легко можетъ быть отклонено.

С.-Петербургъ, 29 Декабря 1859.

Орловское дворянство, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ высочайшее повелѣніе, не допустившее сужденіе о крестьянскомъ дѣлѣ на выборахъ, вполнѣ сообразовалось съ нимъ и произвело выборы, о чемъ объясняетъ въ адресѣ, говоря въ заключеніе, что недостатокъ довѣрія со стороны Государя глубоко огорчилъ дворянство. Нижегородскій предводитель привезъ адресъ слишкомъ сильный и не рѣшился подать его. Онъ составилъ небольшую записку, которую извлекъ изъ адреса,

присовокупя, что въ ней заключается вся сущность дѣла. Ему отвѣчали, что можетъ не подавать адреса, ибо записка совершенно достаточна. Въ Москвѣ занимаются преобразованіемъ полиціи, у которой, слѣдуя мысли графа С. Г. Строганова, отнимаютъ слѣдственную часть, предоставляя ее чиновникамъ военнаго генералъ-губернатора. Послѣдніе представляютъ болѣе ручательства въ нравственномъ отношеніи, почему перемѣна будетъ полезна, если только произволъ генералъ-губернатора не употребитъ ея во зло. Измѣняютъ также учрежденіе Думы, при которой устроиваютъ словесный судъ для разбора дѣлъ мастеровыхъ и ремесленниковъ. Таковой судъ уже существуетъ при Петербурской думѣ и дѣйствуетъ успѣшно. Люди неблагонамѣренные стараются внушить Государю мнѣніе, неблагопріятное дворянству, и трудно не достигнуть цѣли, когда клеветы и нападки повторяются непрестанно. Если нападаютъ на дворянство за то, что оно не охотно уступаетъ землю крестьянамъ, то, снисходя къ слабости человѣческой, легко понять, что никогда человѣкъ не передаетъ добровольно правъ своихъ другому съ готовностію и удовольствіемъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ долженъ отказаться отъ правъ своихъ вынужденнымъ образомъ.

По пріѣздѣ фельдмаршала князя Барятинскаго, его посѣтилъ в. к. Наслѣдникъ. Въ это же время пріѣхалъ военный министръ и требовалъ, чтобы о немъ доложили. Дежурный адьютантъ не рѣшался, но министръ настоялъ. Когда сказали князю, указывая на Наслѣдника, онъ сказалъ адьютанту: «Развѣ вы не знаете, что теперь не докладываютъ ни о комъ?» Министръ долженъ былъ ждать около получаса и такъ этимъ разстроился, что чувствуя себя дурно, уѣхалъ домой. Впрочемъ вчера уже онъ могъ представлять военныхъ фельдмаршалу.

S-t Pétersbourg, 30 déc. 1859.

Le bal masqué de * * * était animé. Le prince G. dit que les mistifications ne lui ont pas manqué. Un masque l'apostropha en disant: «noble et digne vieillard,» à quoi il lui fit répondre qu'une pareille dénomination entraînait des sermons, ce qui ne serait pas gai. Un autre masque vint dire à l'Impératrice que le pr. Gortchakow en voulait aux veuves. Il paraît, repondit S. M., que vous n'êtes pas une veuve et que pourtant vous auriez voulu accaparer de lui. On sait que * * * tripote dans la question de l'émancipation et de tout ce qui concerne les autres réformes, qui sont à l'ordre du jour. Elle s'entourne des gens avancés, en loge un dans son palais et court après la vaine gloriole de la presse étrangère. Le pr. Orlow avertit le Maître de ce qui s'y passait et le contait en ses termes: Je déteste tout ce qui se fait

dans cette maison. Un autre personnage en parla à * * * qui, pour se justifier disait: Mes intentions sont pures et bonnes, mais les apparences peuvent être contre moi. On lui repondit: Dans toute position et surtout dans la vôtre, il faut que les apparences soyent aussi observées. On a remarqué que l'Empereur ne s'était pas prêté aux mystifications et qu'il n'était pas de bonne humeur. Peut-être qu'après la conversation du pr. Orlow, il était mécontent de se trouver dans un lieu, où se tramaient de pareilles machinations. On veux profiter du séjour ici du maréchal pr. Bariatinsky, pour éclairer l'Empereur sur la position du pays et de ses rapports à lui avec la noblesse. Ce serait heureux si on parvenait à faire tomber cet échaffaudage de mauvaises insinuations et de calomnies, qui ont faussé bien des idées et envénimé bien des sentiments.— On a fait beaucoup de bruit de 50.000 arpens de terre concédes au comte A. Gouriew. Le fait a été rapporté d'une manière inexacte. Le propriétaire de grandes bergeries n'avait pas une quantité suffisante de terrains pour ses brébis, et comme les terres des domaines touchent aux siennes, il a demandé à les louer, ce que lui a été accordé sur la présentation du ministre des domaines par l'Empereur à raison de 6 r. arg. l'arpent pour 25 années. Le fait est tout naturel, et il n'y a que la légéreté, pour ne pas supposer autre chose, qui a pu le défigurer, en le représentant comme un manque de désintéressement ou un acte d'avidité. L'attitude honorable et pleine de dignité et de noblesse du comte Gouriew pendant une longue carrière aurait pourtant du le mettre à l'abri de pareilles inculpations *.

---

*) На маскарадѣ у *** было весело. Кн. Г(орчаковъ) говоритъ, что его также не оставили въ покоѣ. Одна маска, обратилась къ нему со словами: „благородный и достопочтенный старецъ", на что онъ отвѣчалъ, что послѣ подобныхъ наименованій слѣдуетъ ждать рѣчи, а это было бы скучно. Другая маска сказала Императрицѣ, что кн. Горчаковъ не жалуетъ вдовъ. Повидимому, отвѣчала Императрица, вы не вдова, а всетаки вамъ бы хотѣлось овладѣть имъ. Извѣстно что *** мѣшается въ дѣло объ освобожденіи и во все касающееся современныхъ преобразованій. Она окружаетъ себя передовыми людьми, помѣстила одного изъ нихъ у себя и сустно добивается, чтобы ее прославляли въ иностранной печати. Докладывая о томъ Государю, кн. Орловъ выразился такъ: Я терпѣть не могу того, что происходитъ въ этомъ домѣ. Другое лицо передало о томъ ***, и она въ оправданіе свое говорила: „Намѣренія мои чисты и хороши, но видимость можетъ быть противъ меня". Ей отвѣчали: „Во всякомъ положеніи, и особенно въ вашемъ, необходимо, чтобы и видимость не соблазняла". Замѣтили, что Государь избѣгалъ маскарадныхъ разговоровъ и былъ не въ духѣ. Можетъ быть, послѣ разговора съ кн. Орловымъ, онъ былъ недоволенъ, тѣмъ, что находился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дѣйствуютъ такъ непрямо. Пребываніемъ здѣсь кн. Барятинскаго думаютъ воспользоваться чтобъ разъяснить Государю положеніе страны и личныя его отношенія къ дворянству. Было бы счастіемъ, если бы удалось разорвать сѣть дурныхъ внушеній и клеветъ, исказившихъ многія понятія и озлобившихъ многія сердца.—Отдача графу А. Гурьеву 50 тысячъ земли произвела немало шуму. Дѣло выставлено въ невѣрномъ свѣтѣ. Владѣльцу огромнаго скотоводства недоставало пастбища для его овецъ, и онъ попросилъ себѣ въ наемъ со-

С.-Петербургъ, 31 Декабря 1859.

Годъ кончился при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Поднято много вопросовъ, и ни одинъ не разрѣшенъ. Между тѣмъ дворянство, и безъ того обремененное долгами, ожидаетъ тяжелыхъ дней и разоренія; крестьяне, имѣя въ виду свободу, которой значеніе многихъ изъ нихъ смѣшиваютъ съ своеволіемъ, уже теперь неохотно работаютъ и уклоняются отъ труда; финансы въ крайнемъ разстройствѣ, звонкая монета исчезла изъ обращенія, и отсутствіе ея затрудняетъ обороты; печать, хотя и оказываетъ услуги распространеніемъ полезныхъ свѣдѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживая наши язвы и обличая недостатки, производитъ неудовольствіе однихъ сословій противъ другихъ, и всѣхъ противъ правительства, отъ котораго до сихъ поръ все истекало; превозноситъ самоуправленіе (self-gouvernement) и нача́ла представительнаго правительства и старается всевозможными средствами потрясти въ основаніи и разрушить центральность. При такомъ расположеніи народа и при распространеніи такого ученія, проповѣдуемыя нача́ла легко усвоиваются большинствомъ читателей. Когда же эти понятія, безъ строгой повѣрки, укоренятся и перейдутъ въ убѣжденія или, какъ нынѣ выражаются, въ плоть и кровь, тогда за настоящими перемѣнами послѣдуютъ другія, болѣе важныя. Полезны-ли эти преобразованія будутъ для Россіи и согласны ли съ условіями, въ которыхъ находится наше отечество? Утвердительно никто отвѣчать не можетъ. Кажется, при обширности Имперіи твердая центральная власть необходима, и притомъ никто спорить не станетъ, что, при всѣхъ нашихъ язвахъ и безпорядкахъ, у насъ, при томъ устройствѣ, при которомъ доселѣ жила Россія, совершено было немало великаго и прекраснаго. Безъ сомнѣнія контроль честный всегда полезенъ; но какое ручательство въ его честности и въ томъ, что не будутъ употреблены всѣ возможныя средства, чтобы дѣйствовать на людей, обращаясь къ ихъ корысти и честолюбію, какъ поступали во Франціи при Лудвигѣ Филиппѣ?

сѣднія удѣльныя земли, что̀, по докладу министра удѣловъ, было дозволено ему Государемъ на 25 лѣтъ, съ платою по 6 р. с. за десятину. Это очень просто, но раздуто легкомысленнымъ предположеніемъ о жадности и наживѣ. Графъ Гурьевъ служитъ долго съ честью и благороднымъ достоинствомъ и потому подобныя обвиненія не должны бы до него касаться.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трудность исторической оцѣнки умственнаго дѣятеля.—Необходимость исторической перспективы при такой оцѣнкѣ.—Особенность дѣятельности Хомякова.—Отношеніе къ нему и къ его сторонникамъ двухъ господствующихъ общественныхъ партій.—Необходимость правильной оцѣнки славянофильства.—Задача предлагаемаго труда.—Его планъ.— Цѣль автора.

Оцѣнка историческаго дѣятеля тѣмъ легче для современниковъ и потомства, чѣмъ рѣзче очерченъ кругъ его дѣятельности и чѣмъ доступнѣе область ея пониманію большинства. Законодатель и полководецъ будутъ поняты раньше, чѣмъ художникъ и мыслитель; потому что трудъ послѣднихъ, хотя быть можетъ болѣе глубокій и плодотворный, не отражается такъ непосредственно на внѣшней жизни народа, не затрогиваетъ тотчасъ ея ежедневнаго теченія. Чѣмъ выше и духовнѣе работа, чѣмъ шире захватъ ея, чѣмъ меньше даетъ она готовыхъ выводовъ для немедленнаго примѣненія, тѣмъ чаще работникъ остается незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ. Трудъ мысли и духа, борьба ученія и слова не поддаются тому легкому, поверхностному воспріятію, которое тотчасъ доступно всякому. Часто человѣкъ успѣваетъ сойти въ могилу прежде, чѣмъ поймутъ его; а нерѣдко и надъ могилою его нескоро наступаетъ правдивая и безпристрастная оцѣнка. И какъ тому, кто стоитъ вплоть возлѣ высокой башни, видны лишь камни ея основанія, и ему нужно отойти въ даль, чтобы разглядѣть ея истинные размѣры и красоту: такъ и въ области духа мы часто не разумѣемъ значенія историческаго лица, потому что стоимъ къ нему еще слишкомъ близко. Нужно намъ удалиться отъ него ходомъ времени, нужно ему отойти для насъ въ историческую даль, чтобы намъ стало возможно вѣрное его пониманіе.

Таковъ былъ человѣкъ, изображенію жизни и трудовъ котораго посвящено нижеслѣдующее. И не потому говоримъ мы это, приступая къ разсказу о немъ, что такимъ голословнымъ сужденіемъ думаемъ напередъ возвысить его во мнѣніи читателя: подобный пріемъ умѣстенъ развѣ въ надгробномъ словѣ, а не въ историческомъ жизнеописаніи; да къ человѣку этому и не идутъ такіе искусственные пріемы возвеличенія. Цѣль наша иная: мы желали бы по возможности выяснить поводъ къ появленію нашего труда, его происхожденіе и задачу.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ прожилъ немало (пятьдесятъ шесть лѣтъ) и во вторую половину своей жизни принималъ такое замѣтное участіе въ умственной жизни своего времени, котораго и противники его воззрѣній никогда не отрицали. Но онъ не только никогда не выступалъ на поприще дѣятельности практической, а и въ научныхъ и печатныхъ своихъ трудахъ затрогивалъ главнымъ образомъ вопросы свойства духовнаго, вѣчнаго, лишь изрѣдка касаясь текущихъ житейскихъ дѣлъ. Поэтому естественно, что дѣятельность его была недостаточно оцѣнена при жизни и медленно находитъ оцѣнку по смерти. Но этого мало. Этимъ объяснялось бы столь позднее появленіе перваго опыта его біографіи, и въ такомъ положеніи находится не онъ одинъ, а, къ сожалѣнію, и многіе другіе крупные Русскіе дѣятели. Есть иная причина, замедляющая безпристрастную оцѣнку Хомякова, причина, дѣйствовавшая по отношенію къ нему болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было.

Хомякова и немногихъ близкихъ къ нему по убѣжденіямъ людей (частью сверстниковъ, частью учениковъ) литературные ихъ противники назвали Славянофилами. Имя это, данное отчасти въ насмѣшку, утвердилось за ними. Люди мало знакомые съ дѣломъ думали и думаютъ, что, согласно съ прозвищемъ, вся суть славянофильства въ сочувствіи съ зарубежными Славянами, въ панславизмѣ; болѣе освѣдомленные считали и считаютъ основнымъ догматомъ Славянофиловъ обособленіе Русской народности (націонализмъ); лишь сравнительно немногіе, читавшіе сочиненія Хомякова и другихъ, знаютъ, что проповѣдь народнаго самосознанія была у Славянофиловъ, и въ особенности у Хомякова, выводомъ изъ цѣлой совокупности религіозныхъ убѣжденій и историческихъ воззрѣній.

При жизни старыхъ Славянофиловъ (Кирѣевскихъ, Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ) имъ противуполагались Западники. Теперь, черезъ полвѣка послѣ спора этихъ двухъ направленій мысли, мы видимъ въ нашемъ ученомъ литературномъ и общественномъ мірѣ опять два господствующихъ направленія, называемыя обыкновенно либеральнымъ и консервативнымъ. Принято представителей перваго считать преемниками Западниковъ, защитниковъ втораго—наслѣдниками Славянофиловъ. Не будемъ останавливаться на вопросѣ о преемствѣ западно-либеральнаго направленія; въ этомъ вопросѣ обѣ стороны довольно согласны. Совершенно иначе представляется теперешній взглядъ на славянофильство. Впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія находили удобнымъ для себя пріурочивать проводимые ими взгляды ко взглядамъ Славянофильскимъ, вѣрнѣе—пользоваться Славянофильскою терминологіею. Такое стремленіе было настолько сильно, что противники ихъ, теперешніе либералы, и на славянофильство стали смотрѣть тѣми глазами, какими смотрятъ они на современный публицистическій консерватизмъ. Съ другой стороны, сами консерваторы никогда не переставали нѣсколько сторониться Славянофиловъ, коихъ оружіемъ они зачастую пользовались, въ

тайнѣ считая ихъ тоже либералами, только другаго сорта, чуть ли не еще болѣе опаснаго... Такимъ образомъ истинное славянофильство было и осталось равно въ недовѣріи и подозрѣніи у обѣихъ, такъ сказать, оффиціально признаваемыхъ литературно-общественныхъ партій. Такое положеніе кажется на первый взглядъ страннымъ, а между тѣмъ объясненіе его очень просто. Дѣло въ томъ, что обѣ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности въ одинаковой мѣрѣ Западники, то есть люди переносящіе на Русскую почву западноевропейскія понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ. Поэтому они и не могутъ иначе относиться къ славянофильству, которое конечно не подходитъ ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мѣрокъ; ибо сущность его заключается не въ той или иной политической доктринѣ, а въ признаніи за Русскимъ народомъ, какъ выразителемъ цѣлаго Православно-Славянскаго міра, своихъ исконныхъ началъ, отличныхъ отъ началъ западныхъ и часто даже имъ противуположныхъ. Поэтому консерваторы и либералы, хотя и враждуютъ, но понимаютъ другъ друга; Славянофиловъ же ни тѣ, ни другіе никогда не понимали вполнѣ, такъ какъ судили о нихъ по признакамъ чисто-внѣшнимъ, а не по основнымъ началамъ ихъ воззрѣній, которыхъ не могли или не хотѣли разглядѣть. Провѣрить это легко хотя бы уже на томъ, что по однимъ общественнымъ вопросамъ Славянофиловъ причисляли къ лагерю консервативному, по другимъ—къ либеральному. Пусть такое причисленіе было чисто-внѣшнее, случайное, несогласное со смысломъ дѣятельности отдѣльныхъ Славянофиловъ въ томъ или другомъ дѣлѣ: оно все же бывало, а толпа и не судитъ ни о чемъ иначе какъ по внѣшности. И такое недоразумѣніе продолжалось не годъ, не два, а цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ.

Но всякому недоразумѣнію когда нибудь приходитъ конецъ. Настала пора опредѣлить мѣсто славянофильства въ исторіи развитія Русскаго просвѣщенія и, сведя итогъ оставленному имъ наслѣдству, сличить это наслѣдство съ тѣмъ, что̀ теперь иногда выдается за Славянофильское ученіе или что̀ порицается какъ таковое. Попытки такой критической работы начинаютъ появляться въ литературѣ обоихъ лагерей.

Составитель предлагаемой статьи далекъ отъ мысли дать точный и окончательный отвѣтъ на столь широко поставленный вопросъ: онъ даетъ лишь свой опытъ его посильнаго рѣшенія извѣстнымъ способомъ и въ извѣстныхъ границахъ. Статья эта—не исторія славянофильства и не изложеніе Славянофильскаго ученія: это біографія Хомякова и изложеніе его сочиненій. Характеристики и изложеніе воззрѣній близкихъ къ Хомякову людей введены въ нее лишь постольку, поскольку связь съ ними служитъ къ уясненію его личности и ученія. Сообразно со своею задачею, статья раздѣлена на двѣ части: въ первой разсказана жизнь Хомякова, во второй изложено его ученіе. Въ заключеніи авторъ излагаетъ свои личные взгляды на значеніе Хомякова и его дѣла. Цѣль такого дѣленія слѣдующая. Никакое мнѣніе не обезпечено отъ ошибокъ, тѣмъ менѣе мнѣніе ученика (ибо біографъ и не думаетъ скры-

вать такого своего отношенія къ мыслителю, коего ученіе онъ излагаетъ). Поэтому онъ не рѣшается назвать свое изслѣдованіе критикою. Но и вѣрное само въ себѣ мнѣніе можетъ возбудить споръ; а такъ какъ главнѣйшая цѣль нашего труда—*изображеніе*, а не *истолкованіе*, то мы и желали бы поставить самое это изображеніе внѣ спора, не примѣшивая къ нему нашихъ личныхъ мнѣній. Иначе: мы хотимъ изобразить Хомякова такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ, можетъ быть, кажется намъ. Конечно, никакой изслѣдователь не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ собственной личности; но онъ обязанъ сдѣлать это по мѣрѣ силъ. Вотъ почему мы и отдѣлили, поскольку это было возможно, объективную часть нашего труда отъ субъективной.

Предлагая разсказъ о жизни Хомякова и изложеніе его сочиненій, мы на основаніи того и другаго излагаемъ затѣмъ нашъ взглядъ на него, какъ всякій другой, предоставляя читателю провѣрить этотъ взглядъ или составить свой собственный. Кто-то изъ западническаго лагеря сказалъ разъ автору: „Настоящій Хомяковъ утраченъ, есть теперь Хомяковъ Аксаковскій, Самаринскій, Юрьевскій, Кошелевскій. Какой изъ нихъ ближе къ подлиннику, мы не знаемъ, а потому и судить о подлинномъ не беремся.“ Въ этомъ замѣчаніи, конечно, много преувеличенія, но есть и доля правды. Цѣль настоящаго труда возстановить, по возможности образъ подлиннаго Хомякова.

Цѣль эта—не полемическая. Невозможность мѣстами вполнѣ избѣжать полемическаго оттѣнка была очень тяжела для автора, и онъ приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы уменьшить въ своемъ сочиненіи элементъ личнаго спора. Споръ противуположныхъ направленій мысли ведетъ къ выясненію истины; споръ личныхъ самолюбій и счетовъ только затемняетъ ее. Спокойно и твердо высказанное мнѣніе не должно быть принимаемо за вызовъ. Одинъ вызовъ желателенъ во имя истины: вызовъ на разъясненіе всего неяснаго, на дружную, совмѣстную работу мысли и слова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ А. С. ХОМЯКОВА.

I.

Происхожденіе, дѣтство и первая молодость.

Въ половинѣ XVIII вѣка жилъ подъ Тулою помѣщикъ Кириллъ Ивановичъ Хомяковъ. Схоронивъ жену и единственную дочь, онъ подъ старость остался одинокимъ владѣльцемъ большаго состоянія: кромѣ села Боучарова съ деревнями въ Тульскомъ уѣздѣ были у Кирилла Ивановича еще имѣнія въ Рязанской губерніи и домъ въ Петербургѣ. Все это родовое богатство должно было послѣ него пойти невѣдомо куда; и вотъ старикъ сталъ думать, кого бы наградить имъ. Не хотѣлось ему, чтобы вотчины его вышли изъ Хомяковскаго рода; не хотѣлось и крестьянъ своихъ оставить во власть плохого человѣка. И собралъ Кириллъ Ивановичъ въ Боучаровѣ мірскую сходку и отдалъ крестьянамъ на ихъ волю—выбрать себѣ помѣщика, какого хотятъ, только бы былъ онъ изъ рода Хомяковыхъ, а кого изберетъ міръ, тому онъ обѣщалъ отказать по себѣ всѣ деревни. И вотъ крестьяне послали ходаковъ по ближнимъ и дальнимъ мѣстамъ, на какія указалъ имъ Кириллъ Ивановичъ—искать достойнаго Хомякова. Когда вернулись ходаки, то опять собралась сходка, и общимъ совѣтомъ выбрали двоюроднаго племянника своего барина, молодого сержанта гвардіи Ѳедора Степановича Хомякова, человѣка очень небогатаго. Кириллъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ и, узнавъ поближе, увидалъ, что правъ былъ мірской выборъ, что нареченный наслѣдникъ его добрый и разумный человѣкъ. Тогда старикъ завѣщалъ ему все имѣніе и вскорѣ скончался, вполнѣ спокойнымъ, что крестьяне его остаются въ вѣрныхъ рукахъ. Такъ скромный молодой помѣщикъ сталъ владѣльцемъ большаго состоянія. Скоро молва о его домовитости и о порядкѣ, въ который привелъ онъ свои имѣнія, распространилась по всей губерніи. Стали разсказывать, что въ кладовыхъ у него хранятся цѣлые сундуки съ серебромъ и золотомъ. Когда въ 1787 году императрица Ека-

терина проѣзжала черезъ Тулу и совѣтовала дворянству открыть банкъ, то дворяне отвѣчали ей: «Намъ не нужно, матушка, банка; у насъ есть Ѳедоръ Степановичъ Хомяковъ. Онъ даетъ намъ денегъ въ заемъ, отбираетъ къ себѣ во временное владѣніе разстроенныя имѣнія, устраиваетъ ихъ и потомъ возвращаетъ назадъ».

Таковъ былъ излюбленный крестьянами Боучаровскій владѣлецъ.

Сохраненное и увеличенное Ѳедоромъ Степановичемъ состояніе досталось его единственному сыну Александру, женатому на Настасьѣ Ивановнѣ Грибоѣдовой *). Сынъ не походилъ на отца. Разгульный, необузданный въ своихъ увлеченіяхъ, не имѣя нужды стѣснять себя въ чемъ бы то ни было, онъ весь отдался страсти къ пирамъ и охотѣ. Каждую осень около 1-го Сентября выѣзжалъ онъ изъ Боучарова и проводилъ въ отъѣзжемъ полѣ цѣлый мѣсяцъ, кончая походъ Смоленскимъ своимъ имѣніемъ Липицами, полученнымъ имъ въ приданое за женою. Слѣдствіемъ такой жизни было то, что сынъ его Степанъ унаслѣдовалъ разстроенныя дѣла и долги.

Степанъ Александровичъ Хомяковъ былъ человѣкъ очень добрый, образованный и принимавшій живое участіе въ литературной и умственной жизни своего времени, но не только не дѣловитый, а и безпорядочный по природѣ, въ добавокъ страстный игрокъ. Выйдя въ отставку поручикомъ гвардіи, онъ женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Киреевской, небогатой и немолодой уже, но еще очень красивой дѣвушкѣ. Живя въ Москвѣ, онъ проигралъ въ Англійскомъ клубѣ болѣе милліона, чѣмъ окончательно запуталъ и безъ того уже плохія дѣла свои. Тогда Марья Алексѣевна сама взялась за хозяйство и, благодаря своей рѣдкой настойчивости, успѣла заплатить долги мужа. Чтобы сохранить дѣтямъ состояніе, она, съ согласія Степана Александровича, перевела всѣ имѣнія на свое имя.

Съ тѣхъ поръ мужъ и жена жили врозь, видаясь изрѣдка: Марья Алексѣевна съ дѣтьми въ Боучаровѣ и въ Москвѣ, а Степанъ Александровичъ въ Липицахъ. Когда онъ заболѣлъ и послѣ нѣсколькихъ нервныхъ ударовъ впалъ въ дѣтство, Марья Алексѣевна перевезла его къ себѣ и заботливо за нимъ ходила. Вообще это была женщина замѣчательная, соединявшая чуткое сердце съ непреклонностью убѣжденій и воли, доходившею до суровости и выражавшеюся подчасъ въ очень рѣзкихъ поступкахъ. Вотъ что̀ писалъ о ней, много лѣтъ спустя, ея сынъ, лучше всѣхъ ее знавшій: «Она была хорошій и благород-

*) Родство ея съ А. С. Грибоѣдовымъ въ точности неизвѣстно.

ный образчикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-та привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя, конечно, не совсѣмъ принадлежали тому вѣку; но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ *). Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ».

Степанъ Александровичъ и Марья Александровна жили въ Москвѣ на Ордынкѣ, въ приходѣ Георгія на Вспольѣ. Здѣсь 1 Мая 1804 года родился у нихъ второй сынъ Алексѣй. Кромѣ него, дѣтей было еще двое: старшій на два года сынъ Ѳедоръ и дочь Анна. Позднѣе Хомяковы переѣхали въ домъ свой на Петровку, противъ Кузнецкаго моста, а лѣто проводили иногда въ Липицахъ, но большею частью въ Боучаровѣ. Отсюда, во время нашествія Наполеона, Степанъ Александровичъ съ семьею уѣхалъ въ свое Рязанское имѣніе, село Круглое, Донковскаго уѣзда, гдѣ они и прожили зиму 1812—13 гг., въ сосѣдствѣ близкой своей знакомой Прасковьи Михайловны Толстой, дочери Кутузова, отъ которой могли имѣть точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ память благополучнаго избавленія отъ врага Марья Алексѣевна дала обѣтъ построить въ Кругломъ церковь; обѣтъ этотъ былъ впослѣдствіи исполненъ ея сыномъ.

Переѣздъ въ Донковъ и пребываніе тамъ были первыми крупными событіями въ жизни восьмилѣтняго Алексѣя. Хотя онъ своимъ младенческимъ умомъ и не могъ еще обнять всего великаго смысла переживаемой имъ поры, но, развитый не по годамъ, уже долженъ былъ чуять его, а почва для такого чутья въ его душѣ была готова. Дѣти Хомякова росли не такъ какъ большинство дѣтей тогдашняго зажиточнаго дворянства: вмѣсто отчужденія отъ Русской жизни и всего болѣе отъ Русской старины, они на каждомъ шагу могли видѣть живые слѣды ея и свѣжія преданія. Боучаровскій домъ былъ полонъ этою стариною. Историческія воспоминанія восходили въ немъ не только до

*) Слова эти представляютъ почти дословный переводъ Англійской пословицы: „The public business of England is the private business of every Englishman.“ Здѣсь, какъ и вездѣ, сказалось сочувствіе Хомякова съ Англійскою народною мыслью.

Петровскаго времени, но и переходили черезъ глубокій ровъ, прорытый этимъ временемъ въ памяти Русскаго общества. Мальчикъ зналъ, что его предокъ Петръ Семеновичъ Хомяковъ былъ любимымъ подсокольничимъ Алексѣя Михайловича, и могъ видѣть письма къ нему тишайшаго царя, сохранившіяся въ ихъ домѣ. Зналъ онъ и еще, пожалуй, слышалъ отъ очевидцевъ чудный разсказъ о томъ, какъ его прадѣдъ, подобно другому, всенародному избраннику, былъ избранъ народомъ и издалека призванъ владѣть Боучаровымъ, и, конечно, представленіе о сельскомъ мірѣ, о важности мірскаго приговора не могло не сложиться въ его головѣ опредѣленнѣе и строже, чѣмъ у всякаго другаго изъ его сверстниковъ. Та близость къ народу, которую онъ съ дѣтства привыкъ въ себѣ чувствовать, поддерживалась и укрѣплялась самою крѣпкою изъ связей—связью вѣры и церковнаго общенія. Въ домѣ Хомяковыхъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Марьи Алексѣевны, жизнь шла въ чисто-православномъ духѣ, со строгимъ соблюденіемъ всѣхъ постовъ, обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, чтò опять таки встрѣчалось нечасто въ тогдашнемъ верхнемъ словѣ Русскаго общества, пропитанномъ всевозможными западными ученіями: и масонствомъ, и деизмомъ и атеизмомъ, всѣмъ, но только не православною вѣрою. Проводя большую часть своей дѣтской жизни среди Московскихъ святынь, мальчикъ не могъ не проникнуться настоящимъ старорусскимъ духомъ, и когда изъ своего Рязанскаго убѣжища онъ услыхалъ, что Москва, которую онъ такъ любилъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помнилъ, принесена въ жертву за спасеніе Россіи, могъ ли ребенокъ Хомяковъ если не умомъ, то живымъ пониманіемъ сердца не уразумѣть того, чтò творилось вокругъ него?

Такъ всѣ тѣ понятія, которыя ему суждено было, возмужавъ, выразить въ строгой послѣдовательности научнаго изслѣдованія и могучимъ взмахомъ творческой мысли объединить въ одно стройное ученіе, всѣ они живыми образами уже стояли надъ его колыбелью. Подъ воздѣйствіемъ исключительныхъ условій мѣста и времени зарождался будущій мыслитель, а широкое приволье Боучарова и въ особенности Липицъ, съ близостью къ природѣ, съ знаменитою дѣдовскою и отцовскою охотою, воспитывало поэта. Между тѣмъ обращено было заботливое вниманіе и на ученіе, и прежде всего на языки, при томъ не на одинъ только Французскій, но и на Нѣмецкій, Англійскій и Латинскій. Послѣднему училъ братьевъ Хомяковыхъ жившій при нихъ аббатъ Boivin. Разъ маленькому Алексѣю попалась въ какой-то книгѣ папская булла. Онъ нашелъ въ ней опечатку и спросилъ аббата, какъ же онъ считаетъ непогрѣшимымъ папу, дѣлающаго ошибки въ

правописаніи, за что и былъ наказанъ. Этотъ случай наводитъ на мысль, что въ разговорахъ между ученымъ аббатомъ и его воспитанникомъ затрогивались богословскіе вопросы, и что эти разговоры и послужили первымъ толчкомъ, направившимъ умъ будущаго богослова на различіе исповѣданій. Чтò касается порученнаго аббату прямого дѣла—преподаванія Латинскаго языка, то онъ выполнилъ его добросовѣстно, и мальчикъ основательно усвоилъ себѣ этотъ языкъ. Языкъ Греческій онъ въ началѣ зналъ плохо и утвердился въ немъ лишь впослѣдствіи, а также познакомился съ Санскритскимъ. Новые же языки Хомяковъ зналъ въ совершенствѣ.

Въ началѣ 1815 года вся семья Степана Александровича поѣхали изъ Липицъ въ Петербургъ, потому что Московскій домъ сгорѣлъ. По дорогѣ мальчикъ всюду видѣлъ лубочные портреты Георгія Чернаго, и въ его пылкомъ воображеніи врѣзались образъ Сербскаго героя и разсказы о немъ. Въ тоже время онъ и братъ его мечтали, что они ѣдутъ воевать съ Наполеономъ. Поэтому, когда они услыхали о битвѣ при Ватерлоо, то Ѳедоръ Хомяковъ спросилъ брата: «Съ кѣмъ же мы теперь будемъ драться?»—«Стану бунтовать Славянъ», отвѣчалъ одинадцатилѣтній Алексѣй. Петербургъ показался имъ какимъ-то языческимъ городомъ, и они ждали, что ихъ будутъ принуждать перемѣнить вѣру; но они твердо рѣшились вытерпѣть всякія мученія, а не принимать чужаго закона. Нельзя не обратить вниманія на всѣ эти мелкія черты въ жизни ребенка: ими въ значительной мѣрѣ объясняется послѣдующее направленіе его мыслей.

Въ Петербургѣ Хомяковы прожили около двухъ лѣтъ. Тамъ имъ преподавалъ Русскую словесность драматическій писатель Андрей Андреевичъ Жандръ, другъ Грибоѣдова. Взгляды послѣдняго, въ то время новые и вполнѣ самостоятельные, этимъ путемъ дошли до нихъ и конечно не остались безъ послѣдствій. Вчитываясь въ монологи Чацкаго и вспомнивъ то господствующее направленіе общества, которое эти монологи обличаютъ, мы невольно увидимъ нѣкоторую связь между протестомъ, выразившимся въ «Горѣ отъ ума», и позднѣйшимъ Московскимъ направленіемъ, котораго провозвѣстникомъ явился Хомяковъ; а если прибавимъ къ этому, что Грибоѣдовъ относился съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ преобразованіямъ Петра Великаго, то связь эта окажется еще тѣснѣе.

Послѣ Петербурга Хомяковы три года жили по зимамъ въ Москвѣ, при чемъ оба брата оканчивали свое ученье, занимаясь вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Алексѣемъ Веневитиновыми подъ руководствомъ жив-

шаго въ ихъ домѣ доктора философіи Андрея Гавриловича Глаголева. Математику преподавалъ имъ профессоръ университета и другъ С. Т. Аксакова Павелъ Степановичъ Щепкинъ, а чтеніе доставляла богатая библіотека Степана Александровича.

Между братьями Веневитиновыми и Хомяковыми установилась на всю жизнь самая тѣсная дружба. На сколько успѣшно шло ученье, можно судить по тому, что пятнадцатилѣтній Алексѣй Хомяковъ перевелъ Тацитову «Германію», и что переводъ этотъ черезъ два года былъ напечатанъ въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». Выборъ предмета указываетъ отчасти на направленіе вкусовъ переводчика. Подобное же направленіе можно подмѣтить и въ его первыхъ стихотворныхъ опытахъ. Началъ онъ, повидимому, и тутъ съ переводовъ изъ Виргилія и Горація. Оду послѣдняго «Parcus deorum cultor et infrequens», въ которой прославляется божественное всемогущество, онъ перевелъ два раза, двумя разными размѣрами.

Первыя самостоятельныя произведенія Хомякова ничѣмъ не отличаются отъ заурядныхъ стихотвореній другихъ современныхъ ему поэтовъ. Въ баснѣ «Совѣтъ звѣрей» есть намекъ на вопросъ о различіи религій, но юный поэтъ еще не приходитъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Около этого времени Хомяковъ началъ писать трагедію «Идоменей», которую довелъ только до второго дѣйствія. Немного спустя, онъ выдержалъ въ Московскомъ Университетѣ экзаменъ на степень кандидата математическихъ наукъ.

Въ это самое время въ Греціи шла борьба за независимость. Хомяковы еще по Петербургу имѣли связи съ графомъ Каподистріей, въ Москвѣ же у нихъ часто бывалъ агентъ Филелленовъ Арбѐ, бывшій ранѣе гувернеромъ Ѳедора и Алексѣя. Разсказы Арбѐ воспламенили его младшаго воспитанника, и тотъ рѣшился бѣжать, чтобы сражаться за Грековъ и подымать Славянъ. Доставъ себѣ съ помощью Арбѐ фальшивый паспортъ, купивъ засапожный ножъ и собравъ рублей пятьдесятъ денегъ, онъ поздно вечеромъ, въ ваточной шинели, ушелъ изъ дому. Но ему не удалось обмануть бдительность своего дядьки Артемія, уже давно за нимъ наблюдавшаго. Прождавъ возвращенія Алексѣя Степановича до полночи и не дождавшись его, старикъ послалъ за бариномъ въ Англійскій клубъ. Степанъ Александровичъ тотчасъ пріѣхалъ домой и, добившись правды отъ своего старшаго сына, разослалъ погоню во всѣ стороны. За Серпуховскою заставою бѣглеца настигли и привезли домой. Отецъ не наказалъ его, и только старшій братъ получилъ строгій выговоръ за то, что не остановилъ младшаго;

воинственнымъ же наклонностямъ юнаго кандидата постарались дать болѣе безопасное направленіе, опредѣливъ его вскорѣ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ, которымъ командовалъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ. Черезъ годъ молодой Хомяковъ перешелъ оттуда въ Конную Гвардію. Воспоминаніемъ о неудавшемся бѣгствѣ въ Грецію осталось «Посланіе къ Веневитиновымъ», въ которомъ поэтъ мечтаетъ о славныхъ подвигахъ, о войнѣ за вѣру и освобожденіе Эллады. Къ тому же времени относится неоконченная поэма «Вадимъ», воспѣвающая столько разъ воспѣтаго поэтами того времени полуисторическаго Новогородскаго героя.

Первыми друзьями молодости Алексѣя Степановича, кромѣ брата его Ѳедора и Веневитиновыхъ, были: двоюродный его братъ, племянникъ Марьи Алексѣевны, Василій Степанов. Киреевскій, Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, а затѣмъ товарищи Веневитиновыхъ по службѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: Иванъ Васильевичъ Киреевскій и Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Блестящій, высокодаровитый и не по лѣтамъ серьезный Дмитрій Веневитиновъ, обѣщавшій стать въ первомъ ряду умственныхъ дѣятелей своего времени, былъ средоточіемъ этого дружнаго кружка, составившагося изъ лучшихъ представителей тогдашней образованной Московской молодежи. Всѣ они были усердными послѣдователями Нѣмецкой философіи и сторонниками западнаго просвѣщенія; но Хомяковъ не уступалъ имъ своего строго-православнаго и Русскаго образа мыслей. Въ томъ отношеніи онъ сразу сошелся съ младшимъ братомъ Киреевскаго, Петромъ Васильевичемъ, съ которымъ познакомился немного позже и котораго горячо полюбилъ. Необыкновенная чистота души П. В. Киреевскаго и его непоколебимая преданность самобытному развитію Русскаго народа не могли не привлечь Хомякова, который прозвалъ его «великимъ печальникомъ за Русскую землю».

Скоро Алексѣю Степановичу пришлось столкнуться съ совершенно другими ученіями и испытать себя на иномъ поприщѣ спора.

II.

Служба въ Петербургѣ.—Встрѣчи съ декабристами.—Поѣздка за границу.—Трагедія „Ермакъ".—Возвращеніе въ Россію.

Переселеніе Хомякова въ Петербургъ совпало съ разгаромъ броженія умовъ, приведшаго къ событію 14 Декабря 1825 года. Но убѣжденія и общественные идеалы молодаго корнета гвардіи, вынесенные имъ изъ дому и изъ многостороннаго образованія, установленные работою рано окрѣпшагоума, были настолько опредѣленны, что онъ сразу нашелся среди тѣхъ теоретическихъ и практическихъ противорѣчій, изъ которыхъ не сумѣли выйти многіе изъ его сверстниковъ. Встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, онъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изо всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженыя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу. Князя А. И. Одоевскаго онъ увѣрялъ, что онъ, Одоевскій, вовсе не либералъ, а только предпочитаетъ единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства. Но такіе взгляды слишкомъ далеки были отъ того, чтó думалось и говорилось кругóмъ, чтобы найти себѣ отзвукъ или сочувствіе; да и высказывавшему ихъ двадцатилѣтнему юношѣ еще много нужно было пережить и передумать, прежде чѣмъ выступить съ болѣе твердою и опредѣленною проповѣдью народности. Въ немъ самомъ еще кипѣли и страсти, и разнородныя жизненныя стремленія, и сомнѣнія въ силѣ и смыслѣ своего призванія. Это смутное бореніе самоопредѣляющагося сильнаго ума вылилось въ стихотвореніи «Желаніе покоя», написанномъ имъ въ 1824 году въ Петербургѣ,—первомъ его произведеніи, имѣющемъ самостоятельное художественное значеніе. Среди неровностей слога и юношескихъ длиннотъ въ этомъ стихотвореніи уже слышится порою будущій Хомяковъ; поэтому мы приводимъ его вполнѣ.

Налей, налей въ бокалъ кипящее вино!
Какъ тихій токъ воды забвенья,
Моей души жестокія мученья
На время утолитъ оно.
Пойдемъ туда, гдѣ дышетъ радость,
Гдѣ бурный вихрь забавъ шумитъ,
Гдѣ гласъ души, гдѣ гласъ страстей молчитъ,
Гдѣ не живутъ, но тратятъ жизнь и младость.
Среди веселыхъ игръ, за радостнымъ столомъ,
На мигъ упившись счастьемъ ложнымъ,

Я пріучусь къ мечтамъ ничтожнымъ,
Съ судьбою примирюсь виномъ.
Я сердца усмирю роптанье,
Я думамъ не велю летать,
На тихое небесъ сіянье
Я не велю глазамъ своимъ взирать.
Сей синій сводъ, усѣянный звѣздами,
И тихая безмолвной ночи тѣнь,
И въ утреннихъ вратахъ рождающійся день,
И царь свѣтилъ, парящій надъ водами—
Они измѣнники! Они, прельщая взоръ,
Пробудятъ вновь всѣ сны воображенья;
И сердце робкое, просящее забвенья,
Прочтетъ въ нихъ пламенный укоръ.

*

Оставь меня, покоя врагъ угрюмый,
Къ высокому, къ прекрасному любовь!
Ты слишкомъ долго тщетной думой
Младую волновала кровь.
Оставь меня! Волшебными словами
Ты сладкій ядъ во грудь мою влила
И вслѣдъ за свѣтлыми мечтами
Меня отъ міра увлекла.
Довольный свѣтомъ и судьбою,
Я могъ бы жизненной стезей
Влачиться къ цѣли роковой
Съ непробужденною душою.
Я могъ бы радости съ толпою раздѣлять,
Я могъ бы рвать земныя розы,
Я могъ бы лить земныя слезы
И счастью въ жизни довѣрять...

*

Но ты пришла. Съ улыбкою презрѣнья
На смертныхъ родъ взирала ты,
На ихъ желанья, наслажденья,
На ихъ безсильные труды.
Ты мнѣ съ восторгомъ, другъ коварный,
Являла новый міръ вдали
И путь высокій, лучезарный
Надъ смутнымъ сумракомъ земли.
Тамъ все прекрасное, чѣмъ сердце восхищалось,
Тамъ все высокое, чѣмъ духъ питался мой,
Въ вѣнцахъ безсмертія являлось
И въ слѣдъ манило за собой.

*

И ты звала. Ты сладко напѣвала
О незабвенной старинѣ,
Вѣнцы и славу обѣщала,
Безсмертье обѣщала мнѣ.
И я повѣрилъ. Обаянный

Волшебнымъ звукомъ словъ твоихъ,
Я презрѣлъ Вакха даръ румяный
И чашу радостей земныхъ.
Но что-жь? Скажи: за всѣ отрады,
Которыхъ я навѣкъ лишенъ,
За жизнь спокойную, души безпечный сонъ,
Какія ты дала награды?
Мечты неясныя, внушенныя тоской,
Твои слова, обѣты и обманы,
И жажду счастія, и тягостныя раны
Въ груди, растерзанной судьбой.
Прости....

*

Но нѣтъ! Мой духъ пылаетъ
Живымъ, негаснущимъ огнемъ,
И никогда чело не просіяетъ
Веселья мирнаго лучемъ.
Нѣтъ, нѣтъ! Я не могу цѣпей слѣпой богини,
Смиренный рабъ, съ улыбкою влачить.
Орлу ль полетъ свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкія пустыни,
Его скалы, его дремучій лѣсъ!
Онъ жаждетъ брани и свободы,
Онъ жаждетъ бурь и непогоды
И безпредѣльности небесъ.
Увы, напрасныя мечтанья!
Возмите-жь отъ меня безплодный сердца жаръ,
Мои мечты, надежды, вспоминанья,
И къ славѣ страсть, и пѣснопѣнья даръ,
И чувствъ возвышенныхъ стремленья.
Возьмите все! Но дайте лишь покой,
Безпечность прежнихъ сновъ забвенья
И тишину души, утраченную мной.

Настоящая борьба была впереди, а теперь нужно было собраться съ силами, привести въ порядокъ роившіяся въ головѣ мысли; нужно было на время уйти отъ шума и суеты столицы, отдохнуть и одуматься. Вѣроятно, по этимъ побужденіямъ, надѣясь многое повидать и многому научиться, да и побыть съ братомъ, служившимъ при посольствѣ въ Парижѣ, Хомяковъ просилъ у родителей позволенія выйти въ отставку и предпринять заграничное путешествіе. Степанъ Александровичъ, всегда болѣе податливый, тотчасъ на это согласился; но Марья Алексѣевна сначала возстала противъ затѣи сына, и только настоянія Ѳедора Степановича, любимца матери, убѣдили ее дать свое согласіе. Вотъ что̀ писалъ ей Ѳедоръ Степановичъ 2 Февраля 1825 года изъ Парижа въ Вюрцбургъ, гдѣ Марья Алексѣевна въ то время находилась ради лѣченія дочери. «J'ai reçu une lettre de mon père du 17 Décembre; sa santé paraissait un peu rétablie. Il m'annonce avoir permis

à mon frère de quitter le service. Pour moi je pense qu 'Alexis ne peut faire mieux que de profiter de cette permission et de partir pour l'étranger. La perte d'un an de service n'est rien du tout dans les circonstances actuelles: il faut penser à l'avenir, et tous les jours je me raffermis dans la conviction, qu'avec le caractère de mon frère, un voyage à l'étranger lui est absolument indispensable en ce moment. Ce sera d'ailleurs le meilleur moyen pour rétablir sa santé; et quant aux dépenses, elles ne s'éleveront pas au quart de ce que lui aurait coûté la remonte. Je désirerais fort pour moi, et encore plus pour lui, qu'il vînt passer six à sept mois ici. Il végète à Petersbourg. L'indolence, l'apathie de son caractère y rend inutile l'activité de son esprit; à Paris tout l'exciterait. Je vous écrirai incessamment sur ce même sujet, mais plus au long, et j'espère alors vous convaincre entièrement» *).

Получивъ согласіе матери, Хомяковъ тотчасъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ провелъ около полутора года, съ начала 1825 до конца 1826. Брата онъ уже не засталъ въ Парижѣ, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ тѣмъ временемъ переведенъ на службу въ Петербургъ.

Въ Парижѣ Хомяковъ занимался живописью въ академіи. Разъ, когда ему долго не присылали денегъ, онъ взялъ заказъ на запрестольный образъ для Католическаго храма, но работа эта была ему настолько не по душѣ, что онъ, какъ только получилъ деньги изъ дому, тотчасъ ее бросилъ. Вообще онъ и въ Парижѣ сохранилъ свое Православное настроеніе и такъ строго соблюдалъ церковные обряды, что во весь Великій Постъ съумѣлъ ни разу не оскоромиться.

Въ это время писалъ онъ свою трагедію «Ермакъ», о которой Пушкинъ далъ такой отзывъ: «Ермакъ—лирическое произведеніе пыл-

*) *Переводъ.* Я получилъ письмо отъ батюшки отъ 17 Декабря. Здоровье его, повидимому, немного поправилось. Онъ извѣщаетъ меня, что позволилъ брату выйти въ отставку. Что касается до меня, то я думаю, что Алексѣй лучше всего сдѣлаетъ, если воспользуется этимъ позволеніемъ и уѣдетъ за границу. Потеря одного года службы не значитъ ничего при теперешнихъ обстоятельствахъ: нужно думать о будущемъ; а я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что при характерѣ брата заграничное путешествіе ему теперь безусловно необходимо. Къ тому же оно будетъ лучшимъ средствомъ поправить его здоровье. Что до расходовъ, то они не составятъ и четвертой доли расходовъ по ремонту. Я бы очень желалъ для себя, и еще болѣе для него, чтобы онъ пріѣхалъ сюда мѣсяцевъ на шесть или на семь. Онъ прозябаетъ въ Петербургѣ. Отъ безпечности и апатіи его характера пропадаетъ безъ пользы дѣятельность его ума, а въ Парижѣ все бы его возбуждало. Я вскорѣ буду писать вамъ объ этомъ, но подробнѣе, и тогда надѣюсь убѣдить васъ совершенно.

каго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи» *).

Внѣшняя форма, такъ сказать, бытовая оболочка трагедіи очень далека отъ бытовой исторической дѣйствительности; но за этою внѣшностью, хоть и не вполнѣ еще ясно, уже слышатся народные, общественные и человѣческіе идеалы автора. Отошедшій въ исторію, какъ самостоятельное драматическое произведеніе, «Ермакъ» важенъ для насъ въ связи съ послѣдующимъ развитіемъ мысли Хомякова. Онъ былъ поставленъ въ Петербургѣ въ 1829 году, а напечатанъ черезъ три года. Во время заграничной поѣздки Хомякова въ журналахъ начали появляться его мелкія стихотворенія.

Изъ Парижа, окончивъ «Ермака» и насмотрѣвшись на знаменитаго трагика Тальму́, Алексѣй Степановичъ поѣхалъ въ Швейцарію, оттуда въ сѣверную Италію и черезъ земли Западныхъ Славянъ вернулся въ Россію. Отъ этой первой заграничной его поѣздки осталась черновая рукопись небольшой статьи о зодчествѣ, въ которой онъ, по поводу описанія Миланскаго собора, задаетъ себѣ вопросъ о происхожденіи этого искусства и приходитъ къ заключенію, что первоначальнымъ источникомъ зодчества была религія, и что начала его нужно искать не у подражательныхъ Римлянъ, а у народовъ Востока, въ Египтѣ и въ Индіи. Такимъ образомъ уже въ эту раннюю пору жизни взоры Хомякова обращались къ древнему Востоку. Воспоминаніемъ о сѣверной Италіи навѣяно стихотвореніе «Isola bella».

Алексѣй Степановичъ, вернувшись въ концѣ 1826 года изъ за границы, заѣхалъ прежде всего въ Липицы къ отцу, который всегда былъ къ нему очень нѣженъ и особенно волновался его литературными успѣхами. Оттуда онъ поѣхалъ въ Боугарово съ намѣреніемъ помогать матери въ веденіи хозяйства. Но ладить съ Марьей Алексѣевной было не легко, а Алексѣй Степановичъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ, чтобы умѣть быть покорнымъ сыномъ во всѣхъ мелочахъ жизни, въ чемъ онъ совершенно успѣлъ впослѣдствіи. Совмѣстное ихъ хозяйство не пошло, и Хомяковъ мѣсяца черезъ два уѣхалъ въ Петербургъ къ брату. Здѣсь ждало его первое въ жизни тяжелое горе: въ Мартѣ 1827 года смерть въ нѣсколько дней унесла Дмитрія Веневитинова. Хомяковъ потерялъ въ немъ любимаго друга, а Россія, быть можетъ, одного изъ сильнѣйшихъ своихъ поэтовъ. Из-

*) О лирическихъ стихотвореніяхъ Хомякова Пушкинъ съ похвалою отзывается въ предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“.

данная послѣ его смерти маленькая книжечка стиховъ полна искрами такого огня, какимъ горятъ юношескія произведенія лишь очень немногихъ избранниковъ

Бѣда не пришла одна: въ томъ же году Алексѣй Степановичъ схоронилъ другаго нѣжно любимаго товарища: своего двоюроднаго брата Василія Кирѣевскаго. Это двойное горе, а также и два года, проведенные въ чужихъ краяхъ, при постоянныхъ занятіяхъ искусствомъ, не остались безъ слѣда въ настроеніи молодаго поэта. Его стихотворенія 1827—1828 годовъ звучатъ несравненно бо̀льшею глубиною художественнаго замысла и зрѣлостью мысли. Таково, напримѣръ, стихотвореніе «Молодость».

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я схвачу природу
Въ пламенныхъ объятьяхъ;
Я прижму природу
Къ трепетному сердцу,
И она желанью
Сердца отзовется
Юною любовью.
Въ ней все дышетъ страстью,
Все кипитъ и блещетъ,
И ничто не дремлетъ
Хладною дремотой.
*
На землѣ пылаютъ
Грозные волканы;
Съ шумомъ льются рѣки
Къ безднамъ океана;
И въ лазурномъ спорѣ
Волны рѣзво плещутъ
Бурною игрою.
*
И земля, и море
Свѣтлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертнаго дарятъ.
Звѣзды въ синей тверди
Мчатся за звѣздами,
И въ потокахъ свѣта
Льется по эѳиру
Тайной страсти голосъ,
Тайное призванье.
И вѣка проходятъ,
И вѣка родятся:
Вѣчное боренье,
Пламенная жизнь.

Небо, дай мнѣ длани
Мощнаго Титана!
Я хочу природу,
Какъ любовникъ страстный,
Радостно обнять.

Въ стихотвореніи «Поэтъ» является впервыя та сила стиха, которою отличаются позднѣйшія произведенія Хомякова:

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ,
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

Въ это время Алексѣй Степановичъ много рисовалъ въ Эрмитажѣ и часто бывалъ у Мухановыхъ, у Е. А. Карамзиной и у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Объ одномъ вечерѣ у послѣдняго А. И. Кошелевъ разсказываетъ такъ: «Проводили мы вечеръ у князя Одоевскаго, спорили втроемъ о конечности и безконечности міра, и незамѣтно бесѣда наша

продлилась до трехъ часовъ ночи. Тогда хозяинъ дома напомнилъ, что уже поздно, и что лучше продолжить споръ у него же на слѣдующій день. Мы встали, начали сходить съ лѣстницы, продолжая споръ; сѣли на дрожки и все таки его не прерывали. Я завезъ Хомякова на его квартиру; онъ слѣзъ, я оставался на дрожкахъ, а споръ шелъ своимъ чередомъ. Вдругъ какая-то Нѣмка, жившая надъ воротами, у которыхъ мы стали, открываетъ форточку въ своемъ окнѣ и довольно громко говоритъ: «Mein Gott und Herr, was ist denn das?» (Боже мой, Господи, да что́ же это такое?) Мы расхохотались, и тѣмъ окончился нашъ споръ».

III.

Вторичное поступленіе на службу.—Война 1828—1829 гг.—Москва.—Споры съ друзьями.—Слѣды настроенія Хомякова въ его стихотвореніяхъ.

Когда началась война съ Турками, Өедоръ Степановичъ Хомяковъ былъ назначенъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ состоять при Паскевичѣ на Кавказѣ (гдѣ онъ въ томъ же 1828 году и умеръ). Уѣзжая изъ Петербуга, онъ предложилъ брату поступить также на службу по дипломатической части при дѣйствующей арміи. Алексѣй Степановичъ сначала согласился, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и снова вступилъ въ военную службу, въ Бѣлорусскій гусарскій принца Оранскаго полкъ. Въ началѣ Мая онъ былъ уже на Дунаѣ, въ сопровожденіи своего стараго дядьки Артемія, нѣкогда помѣшавшаго ему бѣжать въ Грецію. Во все продолженіе войны Хомяковъ состоялъ адъютантомъ при генералѣ князѣ Мадатовѣ, участвовалъ во многихъ дѣлахъ и выказалъ блестящую храбрость. О Мадатовѣ Алексѣй Степановичъ сохранилъ благодарную память и впослѣдствіи принималъ дѣятельное участіе въ составленіи біографіи князя, изданной служившими подъ его начальствомъ офицерами. Отъ этого времени сохранилось слѣдующее письмо Хомякова къ матери изъ подъ Шумлы: «Я получилъ ваше письмо и съ удивленіемъ вижу, что пи́сьма, писанныя мною къ вамъ и батюшкѣ еще изъ Россіи, именно изъ Кіева, на синей бумагѣ, за неимѣніемъ бѣлой, со вложенными двумя маленькими пѣснями, сочиненными на дорогѣ, (пропали) *). Я писалъ къ вамъ также на первой станціи за Дунаемъ, но отдалъ письмо на почтѣ подъ Силистріей. Туда отправился я съ главной квартирой, потомъ отдѣлился отъ нея, присоединился къ дивизіи и къ князю, который меня принялъ очень хорошо, былъ свидѣтелемъ славнаго дѣла 30-го Мая, гдѣ визиря такъ жестоко разбилъ нашъ главнокомандующій, и потомъ

*) Слово это пропущено въ письмѣ.

дѣйствующимъ лицемъ въ дѣлѣ 31-го, гдѣ дивизія надѣлала чудеса, поколотила Турокъ жестоко, гнала ихъ до Шумлы, взяла редуты (вещь неслыханная для кавалеріи) и знаменъ и пушекъ пропасть. Я былъ въ атакѣ, но хотя раза два замахнулся, но не рѣшился рубить бѣгущихъ, чему теперь очень радъ. Послѣ того подъѣхалъ къ редуту, чтобы осмотрѣть его поближе. Тутъ подо мною была ранена моя бѣлая лошадь, о которой очень жалѣю. Пуля пролетѣла насквозь черезъ обѣ ноги; однакоже есть надежда, что она выздоровѣетъ. Прежде того она уже получила рану въ переднюю лопатку саблею, но эта рана совсѣмъ пустая. За то я былъ представленъ къ Владимиру, но по разнымъ обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ князя Мадатова, получилъ только с. Анну съ бантомъ; впрочемъ и этимъ очень можно быть довольнымъ. Ловко я сюда пріѣхалъ, какъ разъ къ дѣламъ, изъ которыхъ одно жестоко наказало гордость Турокъ, а другое утѣшило нашу дивизію за все горе и труды прошлогодніе. Впрочемъ, я веселъ, здоровъ и очень доволенъ Пашкою».

Въ лагерѣ подъ Базарджикомъ 3 Іюля Хомяковъ написалъ стихотвореніе «Сонъ». Къ слѣдующему 1829 году относятся стихотворенія «Сонетъ», «Прощаніе съ Адріанополемъ» и «Клинокъ». И такъ вдохновеніе нечасто посѣщало его среди тревогъ боевой жизни; но за то всѣ три упомянутыхъ стихотворенія отличаются своею силою и законченностью формы.

Какъ только прекратились военныя дѣйствія, Алексѣй Степановичъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ въ эту зиму его часто видали на балахъ Благороднаго Собранія. Однако онъ не танцовалъ, хотя, по отзывамъ очевидцевъ, къ нему очень шелъ адъютантскій мундиръ, и дамы часто выбирали его на мазурку. Въ это время пришлось ему быть дѣйствующимъ лицомъ въ семейномъ торжествѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Марья Алексѣевна привезла съ Кавказа, куда ѣздила на воды, мальчика-Черкеса Лукмана. Онъ воспитывался въ ея домѣ и, когда подросъ, принялъ крещеніе 4 Февраля 1830 года съ именемъ Димитрія. Воспріемникомъ его былъ Алексѣй Степановичъ. Этотъ молодой человѣкъ, Дмитрій Степановичъ Кадзоковъ, вскорѣ поступилъ въ Московскій Университетъ и, пріѣзжая на лѣтнія вакаціи въ Боучарово, пользовался постоянною дружбою своего крестнаго отца, отдававшаго ему значительную часть своего времени.

По заключеніи Адріанопольскаго мира, Хомяковъ вышелъ въ отставку и проводилъ лѣто въ Боучаровѣ, постоянно и много читая, занимаясь хозяйствомъ и охотясь, а зимою жилъ въ Москвѣ.

То было время, когда Русское образованное общество переживало одну изъ наиболѣе знаменательныхъ переходныхъ эпохъ своихъ. Еще недавно только миновало 14 Декабря 1825 года со своими послѣдствіями, и направленіе государственной политики вполнѣ опредѣлилось. На поприщѣ словесности Пушкинъ достигъ вершины своей славы, а Гоголь еще не появлялся. Нѣмецкая философія владѣла умами Русской ученой молодежи. Мы видѣли, что Хомяковъ ранѣе принадлежалъ къ тому тѣсному кружку юныхъ философовъ, котораго средоточіемъ былъ покойный Д. В. Веневитиновъ; въ него возвратился онъ и теперь, но возвратился уже не тѣмъ пылкимъ и неустановившимся юношей, какимъ покинулъ Москву семь лѣтъ назадъ, а зрѣлымъ и самостоятельнымъ мыслителемъ. Среди Шеллингистовъ, Гегеліанцевъ и беззавѣтныхъ приверженцевъ западнаго просвѣщенія раздалось его слово о необходимости самобытнаго развитія Русской народности, объ изученіи старины и возвращеніи къ ея завѣтамъ, о Православіи, какъ основѣ Русскаго народнаго характера, о значеніи Славянскаго племени въ исторіи и о будущемъ міровомъ призваніи Россіи. То было слово новое, до тѣхъ поръ неслыханное. Странно и дико звучало оно для огромнаго большинства тогдашняго образованнаго общества, называвшаго Русскаго мужика варваромъ и отождествлявшаго православную вѣру съ постнымъ масломъ. Да и ближайшіе слушатели и друзья Алексѣя Степановича держались тогда еще совсѣмъ иныхъ воззрѣній. Къ Хомякову примыкалъ развѣ одинъ только Петръ Киреевскій; но онъ по складу своего ума и характера, скромнаго и застѣнчиваго, не былъ рожденъ проповѣдникомъ. Болѣе даровитый, старшій братъ его былъ еще далекъ отъ Православно-Русскаго образа мыслей, къ которому обратился впослѣдствіи. Въ 1832 году онъ началъ издавать журналъ «Европеецъ», который вскорѣ былъ запрещенъ. Хомяковъ печаталъ въ немъ свои стихи. Мѣстомъ постоянныхъ сборищъ всего этого кружка былъ домъ матери Киреевскихъ, Авдотьи Петровны, по второму мужу Елагиной.

Тамъ, у Красныхъ воротъ, начались тѣ безконечные споры, которые потомъ, постепенно обостряясь, привели къ рѣзкому раздѣленію двухъ направленій Русской мысли. Но тогда эти два теченія еще не вполнѣ опредѣлились; да и самому вождю направленія народнаго нужно было еще много пережить и собрать вокругъ себя новыя, молодыя силы.

Между тѣмъ вспомнимъ, что ему не было еще тридцати лѣтъ. Его живая, впечатлительная природа безпрестанно увлекалась то въ ту, то въ другую сторону, и тѣмъ поразительнѣе неуклонность

развитія его убѣжденій. Въ стихотвореніяхъ этого времени можно прослѣдить такія перемѣны настроенія. То внутренній голосъ упрекаетъ его въ минутномъ забвеніи своего призванія («Думы»), то въ душу его закрадывается сомнѣніе въ себѣ («Два часа»):

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошъ дивная созданья
Передъ задумѣнной душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

То недавніе боевые образы встаютъ передъ нимъ, и онъ снова рвется на войну («Просьба»). Но надъ всѣми этими мимолетными думами господствуетъ одно свѣтлое и строгое настроеніе вѣрующей души, сознающей свое несовершенство:

Къ небу подъемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой
Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать—
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать (Изъ Саади").

Въ такомъ настроеніи написано стихотвореніе «На сонъ грядущій», котораго конецъ является какъ бы пророчествомъ:

Творецъ вселенной,
Услышь мольбы полнощный гласъ!
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

Наконецъ, въ поэзіи Хомякова начинаютъ болѣе опредѣленно сказываться и его всеславянскія идеи. Такова «Ода»: изъ нея виденъ взглядъ его на отношенія наши къ Полякамъ, противъ которыхъ онъ не пошелъ служить въ 1830 году.

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшій въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

*

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесъ:
Онъ видитъ — гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ, Сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой.

Таже мысль, тотже поэтическій образъ въ стихотвореніи «Орелъ», впервыя стяжавшемъ Хомякову громкую славу между Славянами:

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Далеко въ небо ты ушелъ.
Лети! Но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь.
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ горъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ.
И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,

Прострешь надъ слабой ихъ главой,
О вспомни ихъ, орелъ полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И кладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй.
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.

Въ Іюнѣ 1833 года Алексѣй Степановичъ уѣхалъ изъ Боучарова въ Крымъ, но скоро былъ оттуда вызванъ, чтобы везти въ Москву своего заболѣвшаго дядю Степана Алексѣевича Киреевскаго. Въ Іюлѣ слѣдующаго 1834 года съ отцомъ Хомякова въ Липицахъ сдѣлался нервный ударъ, послѣ котораго Степанъ Александровичъ впалъ въ дѣтство. Онъ прожилъ еще два года, скончался въ Апрѣлѣ 1836 года и похороненъ въ Боучаровѣ.

Между тѣмъ въ личной жизни Алексѣя Степановича наступила новая пора, для уясненія которой мы должны коснуться нѣкоторыхъ еще не затронутыхъ нами сторонъ его воспитанія и характера.

IV.

Отношеніе къ женщинамъ.—Женитьба.—К. М. Хомякова.—Дѣти.

Переломъ, совершающійся въ жизни человѣка при вступленіи изъ отроческаго возраста въ юношескій, при входѣ «въ тѣ лѣта, когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ», бываетъ безконечно разнообразенъ; и если сколько головъ, столько умовъ, то едва ли не съ бóльшимъ еще правомъ можно сказать тоже о жизни сердца и о первомъ пробужденіи страстей. Въ простыхъ условіяхъ крестьянскаго быта и эта сторона жизни проста и немногосложна; исключенія, къ счастью для народа, до сихъ поръ еще рѣдки. Но чѣмъ выше станемъ мы подниматься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ больше увидимъ борьбы и отклоненій отъ праваго пути. Мальчикъ, принадлежащій къ верхнему слою общества, подверженъ съ дѣтства столькимъ воздѣйствіямъ, возбуждающимъ воображеніе и чувственность, что развѣ только чудомъ можетъ онъ не развиться ранѣе положенной природою поры; и рѣдко такое развитіе не сопровождается напрасною тратою душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и большею или меньшею потерею нравственной чистоты, переходомъ отъ невинности къ пороку. Городская и въ особенно-

сти столичная жизнь полна соблазновъ. Въ деревнѣ этихъ соблазновъ нѣтъ, но за то есть другіе. Много ихъ и теперь; еще больше было въ старомъ помѣщичьемъ быту, не привыкшемъ къ стѣсненіямъ и потому такъ часто переходившемъ въ разгулъ.

Немного есть родителей, которые понимаютъ свою обязанность внушать дѣтямъ сначала безсознательный, а потомъ и опредѣленный вѣрный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ и воспитывать въ нихъ твердыя правила нравственности и чести. Еще меньше найдется такихъ, которые, сознавая эту обязанность, умѣютъ во́ время ее исполнить. Большинство или вовсе не думаетъ объ этомъ, или считаетъ своихъ дѣтей моложе ихъ дѣйствительнаго жизненнаго возраста. Жизнь застаетъ ихъ врасплохъ, и имъ приходится дѣйствовать по пословицѣ: пришла бѣда, отворяй ворота. Не такова была Марья Алексѣевна Хомякова. Мы видѣли, какъ вела она своихъ сыновей съ дѣтства, какія благотворныя начала вынесли они изъ родительскаго дома. И вотъ на порогѣ его, передъ выходомъ ихъ на широкій путь жизни, она завершила ихъ воспитаніе поступкомъ бывшимъ вполнѣ въ ея духѣ и согласнымъ съ тѣмъ, какъ она понимала жизнь и обязанности честнаго человѣка. Когда ея сыновья пришли въ возрастъ, она призвала ихъ и объяснила имъ свой взглядъ на эти обязанности, состоявшій въ томъ, что мужчина, вопреки общепринятымъ понятіямъ о его относительной свободѣ, долженъ также строго блюсти свою чистоту, какъ и дѣвушка. Поэтому она потребовала отъ сыновей клятвы, что они до брака не вступятъ въ связь ни съ одною женщиною, прибавивъ къ этому, что кто изъ нихъ нарушитъ клятву, тому она откажетъ въ своемъ послѣднемъ благословеніи. И клятва была дана.

Таковы были правила, которыя Хомяковъ вынесъ изъ дому, съ которыми онъ, двадцатилѣтній гвардейскій корнетъ, очутился въ Петербургѣ. И онъ не отступилъ отъ нихъ, не нарушилъ данной матери клятвы. Мы не знаемъ, какъ справлялся онъ со своею горячею кровью; но изъ его стиховъ видимъ, что онъ нѣсколько чуждался женщинъ. Къ скромности, частью природной, частью внушенной воспитаніемъ, присоединилось въ немъ чрезвычайно высокое представленіе объ идеалѣ женщины, осуществленія котораго въ жизни онъ искалъ, но все еще не находилъ.

Двадцати шести лѣтъ онъ писалъ («Признаніе»):

„Досель безвѣстна мнѣ любовь
И пылкой страсти огнь мятежный;
Отъ милыхъ взоровъ, ласки нѣжной
Моя не волновалась кровь.
Такъ сердца тайну въ прежни годы

Я стройно въ звуки облекалъ
И пѣсню гордую свободы
Цѣвницѣ юной повѣрялъ.
Надеждами, мечтами славы
И дружбой вѣрною богатъ,
Я презиралъ любви отравы
И не просилъ ея наградъ
Съ тѣхъ поръ душа познала муки,
Надеждъ утрату, смерть друзей,
И грустно вторитъ пѣсни звуки,
Сложенной въ юности моей.
Я подъ рѣсницею стыдливой
Встрѣчалъ очей огонь живой,
И длинныхъ кудрей шелкъ игривой,
И трепетъ груди молодой,
Уста съ привѣтною улыбкой,
Румянецъ бархатныхъ ланитъ,
И стройный станъ, какъ пальма гибкій,
И поступь легкую харитъ.
Бывало, въ жилахъ кровь взыграетъ,
И страха, радости полна,
Съ усильемъ тяжкимъ грудь вздыхаетъ,
И сердце шепчетъ: вотъ она!
Но свѣтлый мигъ очарованья
Прошелъ какъ сонъ, пропалъ и слѣдъ:
Ей дики всѣ мои мечтанья,
И непонятенъ ей поэтъ.
Когда жъ?... И сердцу станетъ больно,
И къ арфѣ я прибѣгну вновь,
И прошепчу, вздохнувъ невольно:
Досель безвѣстна мнѣ любовь.

И такъ, тѣмъ дѣвушкамъ (нечего, кажется, прибавлять, что Хомяковъ съ его понятіями о любви не могъ «ухаживать» за замужними женщинами) тѣмъ дѣвушкамъ, на которыхъ онъ обращалъ вниманіе‘ были *дики его мечтанья.* Такъ случилось и съ извѣстною чаровницею тогдашней молодежи, Александрою Осиповною Россетъ. Встрѣтившись съ нею въ Петербургѣ, Хомяковъ, повидимому, какъ и всѣ въ началѣ, увлекся ею;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса.
Пою ей пѣснь роднаго края—
Она не внемлетъ, не глядитъ;
При ней скажу я: „Русь святая“,—
И сердце въ ней не задрожитъ.
И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей.

Прочитавъ эти стихи, такъ и озаглавленные «Иностранкѣ», А. О. Россетъ жестоко обидѣлась на разборчиваго поэта, а онъ между тѣмъ прожилъ до тридцати лѣтъ со свободнымъ сердцемъ. Наконецъ насталъ и его чередъ. Здѣсь мы возвращаемся къ нашему прерванному разсказу.

Въ 1834 году Алексѣй Степановичъ встрѣтился въ Москвѣ съ племянницею Пашковыхъ, Зинаидою Николаевною Полтавцевою, и страстно въ нее влюбился. На предложеніе быть его женою [1]) она отвѣчала отказомъ, однако сохранила о немъ доброе воспоминаніе и замужъ не вышла. Въ чудномъ стихотвореніи

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,

поэтъ излилъ свою сердечную тоску. Тѣмъ же настроеніемъ, но уже нѣсколько успокоеннымъ, навѣяны стихотворенія «Элегія» и «Благодарю тебя». Душа переболѣла, умъ вступилъ въ свои права. Хомяковъ вышелъ изъ этого испытанія окрѣпшимъ и просвѣтленнымъ и могъ сказать про себя:

Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса.

И онъ снова вернулся къ своимъ думамъ, къ своему жизненному подвигу. Въ стихотвореніяхъ «Мечта», «Ключъ» и «Островъ», передъ нами является прежній спокойный мыслитель, прежній пламенный пророкъ. Но уже близко было то счастье, котораго онъ такъ долго и такъ напрасно искалъ. Черезъ поэта Н. М. Языкова, принадлежавшаго къ кружку Киреевскихъ, Алексѣй Степановичъ познакомился съ его сестрою Катериною Михайловною, и 5 Іюля 1836 года они были обвѣнчаны [2]). За нѣсколько дней передъ тѣмъ сестра Алексѣя Степановича, Анна Степановна, вышла замужъ за своего дальняго родственника Василія Ивановича Хомякова.

Для всякаго человѣка, за рѣдкими исключеніями, бракъ бываетъ поворотною точкою въ жизни; но рѣзкость этого поворота не для всѣхъ одинакова. Большинство мужчинъ изъ верхнихъ слоевъ общества женятся, уже искусившись въ любви, а часто и въ развратѣ. Худшіе не мѣняютъ послѣ того своихъ привычекъ или скоро къ нимъ возвращаются; лучшіе — оставляютъ эти привычки, дѣлаются примѣр-

[1]) Это происходило въ одной изъ комнатъ „Пашкова дома“, теперешняго Румянцовскаго Музея.

[2]) Въ домовой церкви графовъ Панинымъ, на Никитской, въ Москвѣ.

ными мужьями и отцами, но такъ и считаютъ, что они пожили—и довольно, что «личная жизнь» кончена, что молодость прошла. Лишь весьма немногіе приносятъ въ семью нетронутое сердце и думаютъ, что настоящая жизнь тутъ-то и начинается. О Хомяковѣ и этого сказать мало. Не допуская и мысли объ игрѣ въ любовь, но отъ юности нося въ душѣ чистый и ясный идеалъ женщины и семьи, онъ изъ года въ годъ, томясь и тоскуя, тщетно искалъ его осуществленія. Первое сильное его чувство не нашло себѣ отклика; но свѣтлая мечта его души отъ того не померкла, а загорѣлась еще ярче и, какъ далекая звѣзда, наконецъ привела его къ давно желанной цѣли. Умудренный жизнью, но сохранивъ всю цѣльность нетронутаго чувства, онъ внесъ въ бракъ истинное *цѣломудріе*. Вопреки тому, какъ бываетъ обыкновенно, этотъ тридцатидвухлѣтній женихъ былъ равенъ по нравственной чистотѣ своей восемнадцатилѣтней невѣстѣ. Клятва, данная матери, была сдержана, и не тѣлесно только, но и духовно. Таковъ былъ этотъ союзъ. Могъ ли онъ не привести къ счастію? И дѣйствительно, счастіе было полное, какое только доступно человѣку на землѣ. Этимъ счастіемъ дышитъ каждое слово, дошедшее до насъ изъ этого времени жизни Алексѣя Степановича и его молодой жены.

Нужно замѣтить, что если для Хомякова семья была жизненнымъ идеаломъ, то онъ рѣдко гдѣ могъ найти себѣ такую жену, какъ въ необыкновенно дружной Языковской семьѣ. Катерина Михайловна какъ бы создана была для воплощенія того, о чемъ мечталъ Алексѣй Степановичъ. Когда читаешь ея письма и вслушиваешься въ разсказы людей ее знавшихъ, то изумляешься полному отсутствію въ ней всего рѣзкаго, всего бросающагося въ глаза, ея полной, безусловной простотѣ. Катерина Михайловна, скромная и очень застѣнчивая, съ точки зрѣнія испорченнаго свѣтскаго вкуса была женщина совсѣмъ обыкновенная, то-есть въ ней не было ровно ничего бьющаго на эффектъ. Она была хороша собой, но красотой не поражала; умна, но объ ея умѣ не кричали; полна умственныхъ интересовъ и образована, но безъ всякихъ притязаній на ученость. Словомъ, это было вполнѣ, если можно такъ выразиться, художественно-гармоничное существо; а такимъ былъ и самъ Хомяковъ. Отсюда ихъ сродство и рѣдкое счастіе, для многихъ мало понятное. Хомяковъ не суживался въ семейной жизни и не снисходилъ до нея, какъ многіе умники: для него семья была «святая святыхъ», гдѣ почерпалъ онъ вдохновеніе и силу и куда никого со стороны не допускалъ... Но лучше всего это настроеніе выражается его же стихами, написанными черезъ два года послѣ свадьбы:

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнію моей,
И ты взошла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.
Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело—
Святыня думы безмятежной—
Сіяло чисто и свѣтло
Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой,
Все тихимъ миромъ мыслью стройной
Въ тебѣ дышало предо мной.
Ушла ты—солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но въ ней глубоко затаилась
Отъ солнца жаркая струя.
Ушла! Но Боже, какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,
Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!
Какъ вдругъ и молодо, и живо
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ встрянулъ дремлющій поэтъ!
Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!
О, вѣрь мнѣ: сердце не обманетъ,
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова яркій лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

Войдя въ новую семью, Катерина Михайловна сразу стала тѣмъ, для чего была рождена и воспитана: вѣрною женою и послушною дочерью. Она смирялась передъ свекровью, которой крутой нравъ и ей доставлялъ немало горькихъ минутъ; а чѣмъ она была для мужа, это прекрасно выразилъ въ посвященныхъ ей стихахъ ея братъ Н. М. Языковъ:

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
Благочестивая жена!
Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любитъ
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубитъ,
Она хранитъ его покой.
И счастье мужа—ей награда
И похвала, и любо ей,
Что межъ старѣйшинами града
Онъ знатенъ мудростью рѣчей,

И что богатъ онъ чистой славой
И силенъ въ общинѣ своей.
Она воспитываетъ здраво
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водитъ въ Божій храмъ.
Она блюдетъ порядокъ дома,
Ей милъ ея семейный кругъ,
Мірская праздность незнакома,
И чуждъ безсмысленный досугъ.
Не соблазнятъ ея желаній
Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
Ни вихрь полуночныхъ скаканій
И сладки рѣчи плясуновъ,
Ни говоръ пусто-величавый
Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческихъ суетъ.
И домъ ея боголюбивый
Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
И дни ея мелькаютъ живо
Прекрасной, свѣтлой чередой;
И никогда ихъ не смущаетъ
Обуреваніе страстей:
Господь ее благословляетъ,
И люди радуются ей.

«Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей», сказалъ впослѣдствіи Хомяковъ. Легко себѣ представить, чѣмъ были дѣти для молодыхъ супруговъ. У нихъ родились одинъ за другимъ сыновья Степанъ и Ѳедоръ. Они были оба болѣзненны, особенно маленькій Степанчикъ, и оба умерли въ 1838 году. Памяти ихъ посвящено стихотвореніе «Къ дѣтямъ»

Бывало, въ глубокій полуночный часъ
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей—
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнаткѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно: малютокъ моихъ уже нѣтъ—
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти! Въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Впослѣдствіи у Хомяковыхъ было семеро дѣтей: пять дочерей и два сына.

V.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ.—Заграничное путешествіе.—Отношеніе Хомякова къ своимъ произведеніямъ.—Литературные противники, единомышленники и друзья.—К. С. Аксаковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ.—Валуевъ.—Сочиненія Хомякова.

Со времени женитьбы и до конца внѣшній распорядокъ жизни Алексѣя Степановича почти не мѣнялся. Московскій домъ, въ которомъ прошла его ранняя молодость, былъ отданъ въ приданое за Анной Степановной, которая черезъ три года скончалась, а Алексѣй Степановичъ съ женой поселились въ наемной квартирѣ. Долѣе всего прожили они на Арбатѣ, противъ церкви Николы Явленнаго, а оттуда осенью 1844 года переѣхали на Собачью площадку, въ собственный домъ, купленный у князей Лобановыхъ-Ростовскихъ, въ которомъ съ тѣхъ поръ и жили постоянно. Весною Алексѣй Степановичъ уѣзжалъ въ деревню довольно поздно, часто въ Іюнѣ, но за то осенью, какъ страстный охотникъ, заживался тамъ долго. И онъ, и его жена очень любили Липицы, но проводили лѣто больше въ Боучаровѣ, которое было удобнѣе для житья и, какъ главное имѣніе, требовало бо́льшаго присмотра. Здѣсь почти всегда бывалъ кто-нибудь, чаще всего ближайшіе сосѣди, Ротмистровъ, Булыгинъ и Загряжскій; постояннымъ же собесѣдникомъ Алексѣя Степановича и соучастникомъ въ любимой его игрѣ на билліардѣ былъ его управляющій Василій Александровичъ Трубниковъ, котораго Хомяковъ очень любилъ. Дѣти Трубникова, и особенно сынъ его Сеничка, большой шалунъ, часто приходили играть съ дѣтьми Хомякова. Марья Алексѣевна не одобряла такого общества, но сынъ въ этомъ ея не слушалъ. Вообще же Марья Алексѣевна никогда не переставала горевать о своемъ старшемъ сынѣ, а Алексѣя Степановича любила журить и бранить, что̀ онъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ переносилъ. Между прочимъ она постоянно упрекала его въ плохомъ управленіи имѣніями, что̀ было несправедливо, ибо Алексѣй Степановичъ въ дѣйствительности устроилъ дѣла и заплатилъ множество долговъ. На самомъ дѣлѣ старуха не могла простить сыну его, по ея мнѣнію, либеральнаго и протестантскаго образа мыслей, бороды и нежеланія служить. Сама она доходила во внѣшнихъ выраженіяхъ своей набожности до крайнихъ предѣловъ.

Итакъ, жизнь Хомякова дѣлилась между Москвою и его деревнями, которыя онъ объѣзжалъ довольно часто. Изрѣдка ѣздилъ онъ въ Петербургъ, по разу былъ въ Кіевѣ, Крыму и на Кавказѣ. Въ 1847 году онъ съ женою и двумя старшими дѣтьми ѣздилъ за границу, посѣтилъ Германію, Англію, Францію и Прагу.

Цѣль этого путешествія была, вѣроятно, двоякая: Алексѣй Степановичъ хотѣлъ показать своей женѣ великія произведенія искусства, и побывать въ Англіи, землѣ, наиболѣе привлекавшей его на Западѣ.

Въ Прагѣ, тогдашнемъ средоточіи только-что пробудившейся Западно-Славянской мысли, Хомяковъ познакомился съ Ганкою и въ его альбомъ написалъ слѣдующія знаменательныя строки:

«Когда то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой.

«Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастіе».

Къ этому времени относится стихотвореніе «Беззвѣздная полночь дышала прохладой».

Въ слѣдующемъ году Хомяковъ напечаталъ свое «Письмо объ Англіи», въ которомъ онъ съ изумительною для иностранца чуткостью нѣсколькими чертами изображаетъ основныя особенности Англійскаго быта. Показавъ неосновательность ходячихъ мнѣній объ Англичанахъ, онъ опредѣляетъ сущность соціальной борьбы Виговъ и Торіевъ и съ необыкновенною теплотою описываетъ любовь Англичанъ къ ихъ старинѣ, любовь, подобную которой такъ хотѣлось Алексѣю Степановичу видѣть въ своихъ соотечественникахъ. Указавъ на успѣхи раціоналистическаго вигизма, онъ кончаетъ свою статью словами: «Конечно Англія еще крѣпка, много живыхъ и свѣжихъ соковъ льется въ ея жилахъ; но дѣло Виговъ идетъ впередъ неудержимо. Звонко и мѣрно раздаются удары протестантскаго топора, разрубаются тысячелѣтніе корни, стонетъ величавое дерево. Не вѣрится, чтобы земля, воспитавшая такъ много великаго, давшая такъ много прекрасныхъ примѣровъ человѣчеству, разнесшая свѣтъ христіанства и славу имени Божія по отдаленнѣйшимъ концамъ міра, могла погибнуть; а гибель неиз-

бѣжна, развѣ (и дай Богъ, чтобъ это было), развѣ приметъ она новое духовное начало, которое притупило бы остріе протестантскаго топора, залѣчило бы уже нанесенныя раны и укрѣпило ослабленные корни. Но будетъ ли это? Я взошелъ на Англійскій берегъ съ веселымъ изумленіемъ, я оставилъ его съ грустною любовью».

Съ выхода въ отставку Хомяковъ никогда болѣе не служилъ и потому могъ свободно располагать своимъ временемъ. Помимо хозяйства и чтенія (а читалъ онъ все, чтó только заслуживало вниманія) онъ продолжалъ писать. Но скоро стало, ясно, что его поэтическое дарованіе не есть средоточіе его творческихъ способностей. Впослѣдствіи, сравнивая себя съ Ѳ. И. Тютчевымъ, котораго онъ называлъ «насквозь поэтомъ», Хомяковъ писалъ: «Безъ притворнаго смиренія я знаю про себя, что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, то есть прозаторъ вездѣ проглядываетъ и слѣдовательно долженъ наконецъ задушить стихотворца.» Мы, быть можетъ, не согласимся съ такимъ безповоротнымъ самоосужденіемъ; но нельзя отрицать того, что поэтическая стихія не была жизнію для Хомякова. Отъ времени до времени онъ писалъ чудные стихи, но бывали у него и долгіе промежутки безъ вдохновенія. Кромѣ небольшихъ стихотвореній, онъ послѣ «Ермака» написалъ еще драму «Дмитрій Самозванецъ», произведеніе полное отдѣльныхъ, преимущественно лирическихъ красотъ, но окончательно доказавшее самому поэту, что онъ лишенъ силы драматургической. Ему предназначено было другое поприще; но пока онъ еще не выступалъ на него, не записывалъ рождавшихся въ его головѣ мыслей, а ограничивался тѣмъ, что высказывалъ ихъ въ спорахъ. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что впослѣдствіи, на упреки въ томъ, что онъ слишкомъ много говоритъ и слишкомъ мало пишетъ, Хомяковъ отвѣчалъ: «Изустное слово плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго. Чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова произнесенныя и слышанныя коренистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ.» И на самомъ дѣлѣ, сила его слова было поразительна: въ томъ согласны всѣ, друзья и недруги, оставившіе намъ воспоминанія о немъ. За страсть къ спорамъ недальновидные люди называли Хомякова софистомъ и лицемѣромъ, потому что онъ часто для уясненія какого нибудь вопроса, о которомъ спорили два безнадежно - несогласные собесѣдника, становился то на сторону одного, то на сторону другаго и въ концѣ концовъ доказывалъ обоимъ несостоятельность ихъ доводовъ и приводилъ ихъ къ истинѣ. Спорить съ нимъ было очень трудно, почти невозможно. Но за то, когда, увлекшись, онъ начиналъ излагать свои любимыя мысли, особенно

говорить о вѣрѣ, о призваніи Россіи, то діалектикъ исчезалъ, и слово его звучало вдохновеніемъ пророческимъ.

Мы уже назвали выше нѣсколькихъ друзей, составлявшихъ первый и ближайшій кружокъ Хомякова. Къ концу тридцатыхъ годовъ въ Москвѣ собрались всѣ тѣ силы, которыми прославилась послѣдующая четверть вѣка. На ученое и литературное поприще выступили первые противники провозглашеннаго Хомяковымъ Русскаго направленія: Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, потомъ Соловьевъ и Кавелинъ; рядомъ съ нимъ явились сторонники направленія національнаго въ тѣсномъ смыслѣ, Шевыревъ и Погодинъ. Все это были, кромѣ немногихъ, люди такъ или иначе причастные къ Университету, представители, если можно такъ выразиться, присяжной науки, процвѣтшей подъ покровительствомъ попечителя графа Строганова. Проповѣдь Хомякова нашла себѣ въ началѣ лишь немногихъ послѣдователей. Почти одновременно съ обращеніемъ къ православному образу мыслей И. В. Киреевскаго, Хомяковъ сошелся съ молодыми людьми К. С. Аксаковымъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. Н. Поповымъ и нѣкоторыми другими. Тогда же впервыя появился въ Москвѣ Гоголь, съ которымъ Хомяковъ вскорѣ подружился. Если прибавимъ имена брата К. М. Хомяковой, Н. М. Языкова, съ его другомъ К. А. Коссовичемъ, ея племянника Дмитрія Александровича Валуева, старика С. Т. Аксакова, выступившаго нѣсколько позднѣе, младшаго сына его Ивана Сергѣевича, братьевъ Елагиныхъ и Ѳ. В. Чижова: то получимъ почти полную картину того кружка, въ которомъ вращался въ то время Хомяковъ. Еще позже къ нему присоединился князь В. А. Черкасскій.

Та юношеская свѣжесть чувства, которую Хомяковъ сохранилъ до зрѣлаго возраста, сказалась не въ однихъ только указанныхъ нами отношеніяхъ къ женѣ: таковъ былъ онъ и въ дружбѣ. Сходясь съ людьми, которые были моложе его на много лѣтъ, онъ заставлялъ ихъ забывать разницу возраста. Такова была его дружба съ Константиномъ Аксаковымъ и Юріемъ Самаринымъ. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ троихъ И. С. Аксаковъ:

«Творчество мысли, страстное къ ней отношеніе, рьяность проповѣди принадлежали собственно К. С. Аксакову. Онъ былъ не только философъ, но еще болѣе поэтъ (не въ смыслѣ только стихописанія), и строгій логическій выводъ, даже въ научныхъ изслѣдованіяхъ, почти всегда упреждался въ немъ какимъ-то художественнымъ откровеніемъ».

«Природа Самарина была совершенно противоположна природѣ К. С. Аксакова. Если Самарину не доставало творчества и почина,

то онъ превосходилъ своего друга ясностью, логическою крѣпостью и всесторонностью мысли, зоркостью аналитическаго взгляда. Его требованія въ мышленіи были несравненно строже; его логики не могли подкупить никакія сочувствія и влеченія. Онъ не только ничего не принималъ на вѣру, но въ противуположность своему другу былъ исполненъ недовѣрія къ самому себѣ и подвергалъ себя постоянно аналитической провѣркѣ. К. С. Аксаковъ былъ рожденъ ораторомъ и говорилъ лучше, чѣмъ писалъ. Самаринъ никого не увлекъ, подобно ему, художественностью и страстностью рѣчи; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода.»

«Въ обществѣ, въ которомъ они появились вмѣстѣ въ 1840 году, встрѣтили они Хомякова, и эта встрѣча была рѣшающимъ событіемъ въ ихъ жизни. Онъ превосходилъ ихъ не только зрѣлостью лѣтъ, опытомъ жизни и универсальностью знанія, но удивительнымъ, гармоническимъ сочетаніемъ противоположностей ихъ обѣихъ натуръ. Въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу, и философъ не смущалъ поэта; синтезъ вѣры и анализъ науки уживались вмѣстѣ, не нарушая правъ другъ друга, напротивъ—въ безусловной, живой полнотѣ своихъ правъ, безъ борьбы и противорѣчія, но свободно и вполнѣ примиренные. Онъ не только не боялся, но признавалъ обязанностью мужественнаго разума и мужественной вѣры спускаться въ самыя глубочайшія глубины скепсиса, и выносилъ оттуда свою вѣру во всей ея цѣльности и ясной, свободной, какой-то дѣтской простотѣ. Онъ презиралъ вѣру робкую почіющую на бездѣйствіи мысли и опасающуюся анализа науки. Онъ требовалъ лишь, чтобы этотъ анализъ былъ доводимъ до конца».

Сближеніе съ Хомяковымъ окончательно опредѣлило направленіе Аксакова и Самарина. Первый примкнулъ къ Хомякову раньше; для втораго, по складу его ума, борьба была труднѣе и болѣзненнѣе, и лишь послѣ долгаго и мучительнаго разлада съ самимъ собою онъ достигъ полнаго внутренняго примиренія *).

Но еще раньше связи съ Аксаковымъ и Самаринымъ, Хомяковъ всей душой привязался къ племяннику своей жены, молодому Валуеву, который, учась въ Университетѣ, жилъ у него.

---

*) Подробности этой борьбы шагъ за шагомъ очерчены въ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ Д. Ѳ. Самаринымъ пятому тому сочиненій его брата.

Дмитрій Александровичъ Валуевъ, умершій въ молодыхъ годахъ, былъ рѣдкимъ образчикомъ соединенія блестящихъ дарованій съ неутомимымъ трудолюбіемъ. Во всю свою недолгую жизнь онъ не только самъ безъ устали работалъ, но и показалъ другимъ, какъ нужно работать. Изданный имъ «Сборникъ историческихъ и статическихъ свѣдѣній о Россіи и о народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ», къ которому Хомяковъ написалъ введеніе, былъ первою книгою, послужившею выраженіемъ только что народившагося Русскаго направленія. Хомякова, который горячо полюбилъ Валуева, этотъ послѣдній съ 1836 года и до самой своей смерти въ 1845 году постоянно побуждалъ писать. «Онъ менѣе всѣхъ говоритъ, онъ почти одинъ дѣлаетъ», писалъ о немъ Хомяковъ Языкову. Послѣ смерти Валуева въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину Хомяковъ говоритъ: «Изъ нашего круга отдѣлился человѣкъ, котораго никто мнѣ никогда не замѣнитъ, человѣкъ, который мнѣ былъ и братомъ, и сыномъ. Этотъ ударъ былъ для меня невыразимо тяжелъ; но, отвлекая себя отъ личнаго чувства, я могу сказать, что это потеря невознаградимая для всѣхъ насъ. Его молодость, дѣятельность, чистота, миротворящая, хотя ни въ чемъ не уступающая, кротость нрава и, наконецъ его совершенная свобода и независимость отъ лицъ и обстоятельствъ, все дѣлало его драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ сотрудниковъ въ общемъ дѣлѣ добра и истины. Богу угодно было, чтобы такая прекрасная жизнь рано кончилась; но къ счастію Валуевъ многое началъ, и начатое имъ, я надѣюсь, не пропадетъ, а продолжится. Вы, конечно, сочувствуете моему горю, но никто не можетъ вполнѣ оцѣнить, что̀ я въ Валуевѣ потерялъ и какъ много я ему обязанъ былъ во всѣхъ самыхъ важныхъ частяхъ моей умственной дѣятельности. Во многомъ онъ былъ моей совѣстью, не позволяя мнѣ ни слабѣть, ни предаваться излишнему преобладанію сухаго и логическаго анализа, къ которому я по своей природѣ склоненъ. Если что нибудь во мнѣ цѣнятъ друзья, то я хотѣлъ бы, чтобы они знали, что въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ дружба Валуева постоянно работала надъ исправленіемъ дурнаго и укрѣпленіемъ хорошаго во мнѣ.»

Валуевъ далъ первый внѣшній толчекъ прозаическимъ писаніямъ Хомякова, который до тѣхъ поръ, кромѣ упомянутой нами выше юношеской статейки о зодчествѣ, да напечатанной въ 1835 году небольшой статьи о черезполосномъ владѣніи, ничего не писалъ въ прозѣ. Будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ того, какъ Алексѣй Степановичъ расточаетъ въ разговорѣ сокровища своего ума и познаній, и не придавая никакой цѣны словесной передачѣ мыслей, Валуевъ сталъ не-

отступно требовать отъ Хомякова, чтобы онъ записывалъ то, что̀ говорилъ и взялъ съ него честное слово, что онъ одинъ часъ въ день будетъ писать. На первый разъ онъ даже заперъ своего старшаго друга на ключъ въ его кабинетѣ. Такъ положено было начало Запискамъ Хомякова о всемірной исторіи. Разъ какъ-то Гоголь засталъ его за писаніемъ и, заглянувъ въ тетрадь, увидалъ въ ней имя Семирамиды; онъ сказалъ кому-то, что Хомяковъ пишетъ Семирамиду. Такъ это названіе и осталось за этой работаю, и впослѣдствіи самъ Хомяковъ иначе ея и не называлъ. Записки эти онъ велъ въ продолженіе всей своей жизни, свято исполняя данное покойному другу слово.

Этотъ обширный трудъ, представляющій собственно подробную схему всемірной исторіи, заключаетъ въ себѣ безчисленное множество новыхъ и свѣтлыхъ мыслей. Нѣкоторымъ изъ этихъ мыслей суждено было войти въ науку много лѣтъ спустя. Съ этой точки зрѣнія Записки Хомякова—богатый источникъ для будущихъ историковъ, которые будутъ изумляться необычной силѣ его историческаго провидѣнія, часто на основаніи самыхъ скудныхъ данныхъ угадывавшаго то, что̀ долго скрывалось отъ проницательности ученыхъ. Но въ этомъ и слабая сторона «Семирамиды». Въ то время, когда она писалась, археологія и историческая критика многаго еще не открыли, и Хомяковъ, при всей своей проницательности, часто вводимъ былъ въ заблужденіе недостаткомъ точныхъ данныхъ. Значеніе Записокъ прекрасно выяснено въ предисловіи къ нимъ, написанномъ ихъ издателемъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, котораго Алексѣй Степановичъ всегда высоко цѣнилъ. Гильфердингъ такъ передаетъ, со словъ самого Хомякова, его взглядъ на научное значеніе своего труда: «Всѣ книги о всемірной исторіи, говорилъ онъ, кажутся ему совершенно неудовлетворительными; онѣ грѣшатъ тѣмъ, что исторія разсматривается въ нихъ съ чисто внѣшней стороны и притомъ крайне односторонне. Односторонность въ нихъ во-первыхъ та, что исторія, хотя и называется всемірною, сосредоточивается почти исключительно въ народахъ Европейскихъ, великая же и тысячелѣтняя историческая жизнь другихъ племенъ земнаго шара отодвигается на задній планъ и притомъ не приводится ни въ какую органическую связь съ судьбами привилегированныхъ, такъ сказать, народовъ Европы. Во вторыхъ, между народами Европы выводятся на сцену лишь народы классической древности и западнаго міра, громадное же племя Славянское оставляется въ тѣни, и роль его также не связывается съ общимъ ходомъ міровой жизни. Внѣшній же, механическій характеръ имѣютъ книги о всемірной исторіи главнѣйшимъ образомъ потому, что онѣ слишкомъ мало понимаютъ и цѣнятъ то на-

чало, которое существеннѣйшимъ образомъ обусловливаетъ строй человѣческаго общества и его внутреннія стремленія, именно религію. Итакъ Хомяковъ поставилъ себѣ задачею изложить схему, какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, вопервыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земнаго шара была поставлена въ надлежащее отношеніе; чтобы, вовторыхъ, Славянскому племени возвращено было подобающе ему мѣсто, и чтобы, втретьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—религіи».

«Ему не было суждено, говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ, «не только довести до конца великій задуманный имъ трудъ, но даже воспользоваться тѣмъ, что̀ уже было имъ исполнено; а чего онъ не успѣлъ совершить, того конечно не возметъ на себя никто. Мы можемъ только сохранить для потомства богатое наслѣдство его мысли въ томъ видѣ въ какомъ оно до насъ дошло. Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ обширномъ, многосложномъ и окончательно непровѣренномъ трудѣ, каковы Записки Хомякова, найдутся недосмотры, ошибки, противорѣчія и произвольныя, а еще чаще неоправданныя догадки; на нихъ укажутъ, ихъ исправятъ спеціалисты коротко знакомые съ источниками, и въ тоже время, мы въ этомъ не сомнѣваемся, они оцѣнятъ по достоинству великій ученый подвигъ покойнаго автора. Представители ремесленности въ наукѣ, не находя на его трудѣ своего цеховаго штемпеля, отвернутся отъ него съ пренебреженіемъ; одно отсутствіе раздѣленія на главы и рубрики надолго доставитъ поживу самодовольной критикѣ. Мы предоставляемъ ей это легкое торжество надъ трудомъ, который, въ этомъ отношеніи, является передъ нею безоружнымъ. Большинство читателей найдетъ въ немъ чтеніе, конечно не легкое, но которое съ избыткомъ вознаградитъ всякое усиліе мысли. За послѣднее можно смѣло поручиться».

Сочиненіе свое по всемірной исторіи Хомяковъ не назначалъ къ печати, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно осталось послѣ него; и такъ какъ онъ не успѣлъ его окончить, то его и нельзя признавать трудомъ вполнѣ цѣльнымъ. Но самъ онъ считалъ эту работу настоящимъ своимъ дѣломъ и въ одномъ письмѣ къ С. П. Шевыреву говорилъ: «Къ несчастію я такъ лѣнивъ, что всякая статья отрываетъ меня отъ труда постояннаго, и поэтому я долженъ только позволять себѣ трудъ эпизодическій, когда вижу или чувствую въ душѣ необходимость высказать свою мысль». Эти слова знаменательны: ими объяс-

няется какъ все послѣдующее распредѣленіе занятій Хомякова, такъ и неизбѣжная отрывочность его статей. За двадцать лѣтъ съ 1840 по 1860 годъ онъ въ сущности написалъ много и успѣлъ, въ большей или меньшей степени, высказаться по всѣмъ занимавшимъ его вопросамъ; но, считая, какъ видно изъ только что приведеннаго письма, свои статьи случайнымъ выраженіемъ мыслей, онъ никогда не думалъ о приведеніи ихъ въ какую бы то ни было систему. Напротивъ, «Записки» свои велъ онъ, придерживаясь строгаго, напередъ обдуманнаго плана, и только одно это его произведеніе и носитъ характеръ сочиненія систематическаго, тогда какъ отдѣльныя статьи являются какъ бы эпизодами его умственной дѣятельности. Поэтому для полнаго уразумѣнія Хомякова необходимо послѣдовательное изложеніе его мыслей, освобожденныхъ отъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ эти мысли заключены и разбросаны по отдѣльнымъ его статьямъ. Опытъ такого изложенія мы даемъ во второй части настоящаго труда; здѣсь же будемъ указывать на отдѣльныя статьи лишь постольку, поскольку это необходимо для разсказа о его жизни и для уясненія его личности.

VI.

Славянофильство.—Отношеніе къ нему правительства и общества.—Взглядъ Хомякова на призваніе его сотрудниковъ.

Подавая по временамъ голосъ въ статьяхъ и стихахъ и постоянно работая надъ «Семирамидою», Хомяковъ продолжалъ предпочитать устное слово писанному и неустанно развивалъ свои мысли въ горячихъ спорахъ съ друзьями и противниками. Послѣдніе постепенно выдѣлились въ видѣ «Западниковъ», а Хомякова и его сторонниковъ прозвали «Славянофилами», воскресивъ, по поводу ихъ сочувствія *Славянамъ*, это старое слово, прилагавшееся нѣкогда къ Шишкову и другимъ защитникамъ *Церковнославянскаго языка* въ Русской словесности *).

*) Въ 1847 году, въ статьѣ „О возможности Русской художественной школы", напечатанной въ „Московскомъ Сборникѣ", Хомяковъ писалъ: „Нѣкоторые журналы называютъ насъ насмѣшливо Славянофилами, именемъ составленнымъ на иностранный ладъ, но которое въ Русскомъ переводѣ значило бы *Славянолюбцевъ*. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Я не скажу, что я ихъ люблю потому, что въ ранней молодости, за границами Россіи, принятый равнодушно, какъ всякій путешественникъ, въ земляхъ не-Славянскихъ, я былъ въ Славянскихъ земляхъ принятъ, какъ любимый родственникъ, посѣщающій свою семью; или потому, что во время военное, проѣзжая по мѣстамъ, куда еще не доходило Русское войско, я былъ привѣтствуемъ Болгарами, не только какъ вѣстникъ лучшаго будущаго, но какъ другъ и братъ;

Такъ началось Славянофильство.

Трудно было положенiе этихъ немногочисленныхъ борцовъ мысли. Еще ни одно новое умственное направленiе не встрѣчало при своемъ возникновенiи такого единодушнаго недовѣрiя со стороны всей окружающей среды, недовѣрiя, порою переходившаго въ ненависть. Можно безъ преувеличенiя сказать, что съ самыхъ первыхъ шаговъ славянофильства отношенiе къ нему правительства и общества представляло собою одно сплошное недоразумѣнiе, въ значительной мѣрѣ продолжающееся и до сихъ поръ. Истинныхъ мнѣнiй Славянофиловъ въ ихъ послѣдовательности огромное большинство ихъ порицателей не только не знало, но и не хотѣло знать: подхватывались ихъ конечные выводы по отдѣльнымъ вопросамъ, перетолковывались вкривь и вкось и въ такомъ видѣ подвергались осмѣянiю и преслѣдованiю. Проповѣдь широкой духовной свободы обзывалась насильничествомъ, потому что требовала этой свободы для всѣхъ мнѣнiй, а не для однихъ только модныхъ, не для новизны только, но и для старины. Люди, едвали не полнѣе своихъ противниковъ изучившiе западную науку и настаивавшiе лишь на сознательномъ ея воспрiятiи на мѣсто рабской переимчивости, оглашались старовѣрами, будто бы желавшими повернуть Россiю спиной къ Европѣ и вогнать ее въ Азiю. Наконецъ, ученiе, краеугольнымъ камнемъ котораго въ вопросахъ политическихъ было историческое самодержавiе, оподозривалось въ государственной неблагонадежности и чуть не въ стремленiи къ бунту. Между тѣмъ какъ

или потому, что, живучи въ ихъ деревняхъ, я нашелъ семейный бытъ своей родной земли; или потому, что въ ихъ числѣ находится наиболѣе племенъ православныхъ, слѣдовательно связанныхъ съ нами единствомъ высшаго духовнаго начала; или даже потому, что въ ихъ простыхъ нравахъ, особенно въ областяхъ православныхъ, таятся добродѣтели и дѣятельность жизни, которыя внушили любовь и благоговѣнiе просвѣщеннымъ иностранцамъ, каковы Бланкi и Буэ. Я этого не скажу, хотя тутъ было бы довольно разумныхъ причинъ; но скажу одно: я ихъ люблю потому, что нѣтъ Русскаго человѣка, который бы ихъ не любилъ; нѣтъ такого, который не сознавалъ бы своего братства съ Славяниномъ и особенно съ православнымъ Славяниномъ. Объ этомъ, кому угодно, можно учинить справку хоть у Русскихъ солдатъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, или хоть въ Московскомъ гостиномъ дворѣ, гдѣ Французъ, Нѣмецъ и Итальянецъ принимаются какъ иностранцы, а Сербъ, Далматинецъ и Болгаринъ, какъ свои братья. Поэтому насмѣшку надъ нашей любовiю къ Славянамъ принимаю я также охотно, какъ и насмѣшку надъ тѣмъ, что мы Русскiе. Такiя насмѣшки свидѣтельствуютъ только объ одномъ: о скудости мысли и тѣснотѣ взгляда людей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствiе въ щеголеватой мертвенности салоновъ или въ односторонней книжности современнаго Запада“.

западничество, при своемъ несомнѣнномъ сочувствіи съ западно-европейскими государственными ученіями, не смотря на то, гораздо болѣе пользовалось покровительствомъ власти и господствовало на университетской каѳедрѣ, Славянофилы обставлены были неисчислимыми цензурными стѣсненіями, а иногда находились и подъ прямымъ запрещеніемъ печатать что̀ бы то ни было. Тотъ самый графъ С. Г. Строгановъ, который, будучи попечителемъ Московскаго университета, такъ много для него сдѣлалъ, оказывая покровительство даровитымъ молодымъ ученымъ и помогая имъ достигать профессуры, къ Славянофиламъ относился недовѣрчиво и считалъ ихъ людьми опасными. Незадолго до своей смерти, когда большинства ихъ уже не было въ живыхъ, онъ, говорятъ, измѣнилъ свой взглядъ и понялъ свою былую ошибку, но во время своего попечительства и непосредственно послѣ него онъ всюду, гдѣ только могъ, ставилъ препятствія Славянофиламъ. Если же такой человѣкъ какъ Строгановъ, ничего не искавшій, просвѣщенный и вездѣ, по своему крайнему разумѣнію, помогавшій просвѣщенію, такъ относился къ Славянофиламъ: то понятно, чего могли они ждать отъ другихъ представителей власти, несравненно менѣе способныхъ понять ихъ и оцѣнить. Еще въ 1858 году Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій въ своемъ секретномъ сообщеніи шефу жандармовъ князю Долгорукову о неблагонамѣренныхъ людяхъ въ Москвѣ писалъ: «По разнымъ слухамъ и негласнымъ дознаніямъ можно предполагать, что такъ называемые Славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество, вредное по своему составу и началамъ». Въ приложенномъ къ этому сообщенію спискѣ Ю. Ѳ. Самаринъ, напримѣръ, опредѣляется такъ: «Славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый». Вѣроятно и Закревскій, и другіе подобные ему блюстители общественной безопасности затруднились бы объяснить, на что̀ собственно готовы Славянофилы; но послѣднимъ было отъ того не легче. Преслѣдованіе не ограничивалось одною литературою: и самыя лица не оставались свободными отъ него. Русское платье и въ особенности борода, которую они носили, сочтены были признаками неповиновенія власти. Черезъ полтора вѣка послѣ указовъ Петра Великаго, Москва опять увидала гоненіе на бороду.

Подозрительное отношеніе къ Славянофиламъ, въ значительной мѣрѣ внушаемое Петербургу ихъ Московскими недоброжелателями, обратно, какъ бы отражаясь, оказывало дѣйствіе на многихъ Москвичей, въ душѣ къ нимъ расположенныхъ: многіе сторонились ихъ, считая опаснымъ знаться съ опальными людьми.

Наконецъ, и то сословіе, которое, повидимому, должно было бы сочувственно отнестись къ общественной проповѣди Православія, начатой Славянофилами, встрѣтило ихъ съ холодностью и недовѣріемъ. Большинство духовенства, не исключая даже самого митрополита Московскаго Филарета, казалось, не хотѣло понять, что славянофильство— не новый расколъ, и что нѣтъ основанія не довѣрять ему. Когда нѣкоторые лучшіе умы Англиканской церкви начали склоняться къ Православію, Хомяковъ горячо принялъ къ сердцу ихъ дѣло и всѣми силами старался, въ письмахъ къ Пальмеру, выяснять ихъ недоумѣнія. Чтобы облегчить Пальмеру доступъ къ высшимъ представителямъ Русской іерархіи, Алексѣй Степановичъ писалъ Казанскому архіепископу Григорію. Послѣдній въ началѣ отнесся къ нему съ теплымъ сочувствіемъ, но потомъ, вѣроятно по чьимъ нибудь наговорамъ, сразу измѣнилъ это отношеніе на холодную оффиціальность *).

Въ числѣ немногихъ, имѣвшихъ правильный взглядъ на Хомякова и его убѣжденія, должно назвать Димитрія архіепископа Тульскаго, а потомъ Одесскаго, который былъ очень расположенъ къ Алексѣю Степановичу и часто и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; также— архіепископа Антонія Смоленскаго, а послѣ Казанскаго.

Среди всеобщей вражды, Славянофиламъ приходилось крѣпко держаться вмѣстѣ. И дѣйствительно, кругъ ихъ былъ не великъ, но за то неразрывенъ. Хомяковъ, бывшій его душою и средоточіемъ, особенно заботился о молодежи. Трогательны его письма въ Петербургъ къ А. В. Веневитинову и къ графинѣ А. Д. Блудовой, которыхъ онъ проситъ не оставить безъ поддержки ѣхавшихъ туда юныхъ Москвичей. Онъ вѣчно за кого нибудь хлопоталъ, послѣдовательно снаряжая въ Петербургъ А. Н. Попова, Ю. Ѳ. Самарина, К. А. Коссовича, К. Д. Кавелина. Послѣдняго, не смотря на разность ихъ мнѣній, онъ искренно любилъ.

Хомяковъ принадлежалъ къ немногимъ людямъ, сразу оцѣнившимъ Гоголя. Но и помимо отношенія къ нему, какъ къ художнику, Алексѣй

---

*) Мы приводимъ этотъ случай, какъ примѣръ отношенія одного изъ видныхъ Русскихъ іерарховъ къ Хомякову, не входя здѣсь въ подробности дѣла о несостоявшемся обращеніи въ Православіе Пальмера. Причина неудачи послѣдняго лежала прежде всего въ немъ самомъ, въ крайней трудности для западнаго человѣка отрѣшиться отъ вѣковыхъ предубѣжденій и односторонности въ основныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ Запада. Эта сторона дѣла ясно выступаетъ въ перепискѣ Пальмера съ Хомяковымъ. См. „Русскій Архивъ“ 1894 г., кн. III, вып. XI, стр. 433.

Степановичъ полюбилъ его какъ человѣка и остался ему вѣрнымъ другомъ до конца. Гоголь былъ крестнымъ отцомъ младшаго его сына Николая.

Одаренный рѣдкою способностью понимать смыслъ текущихъ событій и предугадывать грядущее направленіе общественной жизни, Хомяковъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ необходимость дружной и систематической работы. Въ 1846 году онъ писалъ Самарину: «Надобно и непремѣнно надобно вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку. Надобно передѣлать все наше просвѣщеніе, и только общій, постоянный и горячій трудъ могутъ это сдѣлать». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполнѣ сознавалъ, что цѣль его — не внѣшняя. «Глупо съ нашей стороны давать себѣ видъ политическихъ дѣйствователей», писалъ онъ А. Н. Попову: «по сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше соціализма». «Практическое приложеніе началъ нами защищаемыхъ покуда еще невозможно», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же Попову: «оно производитъ только минутную тревогу, не принося плода. Воспитаніе общества только что начинается, а покуда оно не подвинулось сколько нибудь, никакого пути быть не можетъ. Изъ нашихъ многіе начинаютъ сомнѣваться въ успѣхѣ самаго этого воспитанія: они говорятъ, и повидимому справедливо, что число Западниковъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, а наши пріобрѣтенія ничтожны. Это видимая правда и дѣйствительная ложь. Вотъ мое объясненіе. Мысль распространяется, какъ мода. Начинается съ десяти герцогинь, идетъ къ тысячѣ дамъ салонныхъ и падаетъ въ удѣлъ сотнѣ тысячъ горничныхъ и гризетокъ: числительное пріобрѣтеніе и дѣйствительный упадокъ. Тоже и съ мыслію: она переходитъ отъ десятка душъ герцогинь къ сотнѣ горничныхъ душъ. Безъ слѣпоты нельзя не признать, что старая западная мысль сдѣлалась нарядомъ всего горничнаго міра; но безъ пристрастія нельзя отрицать и того, что мы много выиграли мѣста въ душевной аристократіи».

Но ограничивая борьбу областью духа и мысли, Хомяковъ требовалъ, чтобы и оружіе ея было чисто-духовное, и рѣзко возставалъ противъ всякаго примѣненія силы внѣшней, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. «Нѣсть наша борьба крови и плоти», пишетъ онъ К. С. Аксакову.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;

Но, духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ.

Мало того: Хомяковъ никогда не скрывалъ отъ себя, что употребленіе внѣшнихъ средствъ въ духовной борьбѣ часто бываетъ гибельно для проповѣдуемой идеи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» онъ говоритъ: «Костеръ мученика—торжество вѣры, крестовый походъ—ея могила» (IV, 204).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно предостерегалъ Русскій народъ отъ духовной гордости:

Не терпитъ Богъ людской гордыни.
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
„Мы соль земли, мы столпъ святыни,
„Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!"
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.
Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Послѣдніе стихи ни къ кому не примѣнимы въ такой полнотѣ, какъ къ написавшему ихъ. «Для Хомякова», говоритъ А. И. Кошелевъ, «вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ: для него она была жизнью, всецѣло обхватывавшею все его существо».—«Хомяковъ жилъ въ Церкви», сказалъ про него Ю. Ѳ. Самаринъ въ своемъ превосходномъ предисловіи къ богословскимъ его сочиненіямъ. Сознаніе непосредственнаго общенія молитвы со всѣми братьями по вѣрѣ никогда его не покидало. Это чувство всего сильнѣе овладѣваетъ имъ въ часы ночнаго уединенія.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Бродитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи:
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти:
Въ городахъ къ заутренѣ звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ:
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

VII.

Основныя черты убѣжденій и характера Хомякова.—Смерть жены.—Сочиненія послѣднихъ лѣтъ жизни.

До сихъ поръ мы лишь отрывочно пытались обрисовать отдѣльныя черты нравственнаго облика Алексѣя Степановича. Для того чтобы возсоздать его образъ во всей его полнотѣ, необходимо помнить основную его черту. Какъ въ убѣжденіяхъ своихъ, такъ и въ жизни Хомяковъ былъ прежде всего Православнымъ христіаниномъ. Убѣжденія не отдѣлялись у него отъ жизни, какъ это бываетъ у большинства людей. Онъ жилъ, какъ вѣровалъ и думалъ. Вѣру свою запечатлѣлъ онъ всею своею жизнью, а потому и высказанныя имъ начала были во всемъ согласны между собою. Въ жизни отдѣльнаго человѣка, въ жизни общества и государства, въ исторической жизни народовъ видѣлъ онъ воплощеніе одной и той же божественной мысли и выяснилъ ее со всею чуткостью живой сердечной вѣры, со всею зоркостью строгаго научнаго анализа. Пламенно любя Россію и Славянство, онъ никогда не забывалъ, что внѣ Церкви ни Россія, ни Славянство не могутъ достигнуть полноты своего развитія. Въ отличіе отъ иныхъ, для кого Православіе было особенно дорого, какъ Русская вѣра, Хомяковъ въ самомъ Русскомъ народѣ видѣлъ прежде всего ковчегъ

Православія и неустанно призывалъ Россію на путь вѣры, смиренія и усерднаго изученія завѣтовъ старины. Таково его стихотвореніе «Россіи»

„Гордись!, тебѣ льстецы сказали,
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали,
„Полміра взявшая мечемъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И, прихотей твоихъ раба,
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,
„И какъ моря твои озера"...
— Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:—
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

*

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей...
И что же Римъ? И гдѣ Монголы?
И, сжавъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной, Альбіонъ...

*

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука.
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ Свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится—
Начало славы и чудесъ.

О, вспомни свой удѣлъ высокій!
Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.
Внимай ему, и, всѣ народы,
Согрѣвъ любовію своей,
Открой имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей.
И станешь въ славѣ ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный,
Прозрачный Вышняго покровъ!

Сознавая вполнѣ важность своего призванія, онъ былъ чуждъ и тѣни самообольщенія и, съ полнымъ убѣжденіемъ въ недостаточности силъ отдѣльнаго человѣка для осуществленія начатаго имъ великаго дѣла, говорилъ:

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ.

Какъ часто, безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и сильной душой;

Молилъ Тебя въ часъ полуночи
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей;

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши, и сердце
Для слушанья рѣчи святой.

Личная вѣра Хомякова была чужда всякого ханжества. Далекій отъ того, чтобы считать себя праведникомъ, онъ въ самыхъ задушевныхъ разговорахъ съ друзьями выражалъ имъ, что мучительно чувствуетъ свое несовершенство. Строго исполняя всѣ посты и установленія церковныя, дорожа этою тѣснѣйшею связью съ народомъ, онъ избѣгалъ всего, чтò дѣлается на показъ. Вообще *простота* была отличительною чертою его характера. Другою чертою его была веселость—здоровая, непритворная, ясная *).

Единство мысли и дѣйствія, горячая искренность, отвращеніе ото всего предвзятаго, затверженнаго, пошлаго, полное здоровье духа и тѣла, любовь къ жизни и ея радостямъ: таковъ былъ характеръ Хомякова, простой, ясный, какъ кристаллъ и потому именно казавшійся и кажущійся мало понятнымъ для тѣхъ, кто обо всемъ судитъ по готовой мѣркѣ. Мы такъ привыкли видѣть и на людяхъ, и на мысляхъ извѣстный мундиръ, что безъ такого мундира и вообразить себѣ человѣка не можемъ. Общественный дѣятель, писатель, ученый, подвижникъ, или дѣятель практическій, хозяинъ, чиновникъ; наконецъ человѣкъ, живущій въ свое удовольствіе, охотникъ, игрокъ: все это мы понимаемъ. Но ученый безъ ученаго званія; писатель, котораго сочиненія рѣдко попадаютъ въ печать; общественный дѣятель безъ должности, и въ тоже время и хозяинъ, и билліардный игрокъ, и охотникъ, и просто веселый, общительный человѣкъ, въ деревнѣ помѣщикъ, въ городѣ—горожанинъ: какъ это понять, какъ совмѣстить? Не постигая такого въ высшей степени гармоничнаго соединенія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, одни хотѣли видѣть въ Хомяковѣ ученаго, и удивлялись его страсти къ охотѣ; другіе—барина-дилеттанта, и отказывались уразумѣть всю глубину его умственной работы. А между тѣмъ онъ такъ понятенъ: стóитъ только уяснить себѣ полное отсутствіе въ въ немъ того, чтò называется *академизмомъ*, причисленія себя къ какому бы то ни было умственному и общественному цеху. Онъ не былъ ни присяжнымъ ученымъ, ни хозяиномъ по ремеслу, ни завзятымъ охотникомъ: онъ былъ просто Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, который и къ наукѣ, и къ хозяйству, и къ любимой имъ охотѣ прилагалъ данныя ему Богомъ силы; а мѣра достигаемаго имъ въ каждой изъ этихъ областей дѣятельности и жизни зависѣла уже отъ мѣры этихъ вложенныхъ въ него силъ. Но онъ не дробился, а былъ вездѣ одинъ, ровный и цѣльный. Отъ того такъ и понятна была его рѣчь

---

*) Прекрасно выражаемая Французскимъ словомъ sérénité, какъ замѣтилъ намъ одинъ изъ нынѣ живущихъ его друзей.

людямъ простымъ и неученымъ; отъ того и дышетъ она теперь такой неувядаемой свѣжестью: вѣдь форма проходитъ, жизнь остается.

Широтѣ его интересовъ соотвѣтствовала и широта познаній и почти невѣроятная память. Не говоря уже о наукахъ, стоявшихъ въ близкой связи съ его богословскими и историческими занятіями, онъ интересовался всѣмъ на свѣтѣ: искусство, технологія, медицина, во всѣхъ этихъ областяхъ онъ самостоятельно работалъ. То онъ находитъ средство противъ холеры и вылѣчиваетъ имъ тысячи [1]); то посылаетъ въ военное министерство придуманное имъ ружье, и на Лондонскую выставку—своего же изобрѣтенія паровую машину, получившую тамъ патентъ [2]). Не успѣвъ развить своего личнаго дарованія въ живописи, онъ превосходно зналъ ея теорію и технику и былъ однимъ изъ основателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества. Подъ его же непосредственнымъ надзоромъ были выстроены церкви въ Боугаровѣ и Кругломъ. Словомъ, въ этомъ человѣкѣ заключалось такое разнообразіе силъ, что С. Т. Аксаковъ имѣлъ право сказать о немъ: «Изъ Хомякова можно выкроить десять человѣкъ, и каждый будетъ лучше его». Теперь говоря о немъ, трудно представить себѣ, какъ могъ онъ успѣть столько сдѣлать и притомъ еще прослыть лѣнивымъ.

О лѣни Хомякова такъ много говорили его близкіе и онъ самъ, что на этой сторонѣ его характера стóитъ остановиться. Необычайно разнообразная дѣятельность его и поразительная законченность всѣхъ его произведеній потому лишь и были возможны, что въ головѣ его неустанно, можно сказать днемъ и ночью, шла непрерывная умственная работа. Люди видѣли лишь результаты, такъ сказать, концы этой работы, и потому, когда Хомяковъ повидимому ничего не дѣлалъ, упрекали его въ лѣни, не давая себѣ труда сообразить, что вѣдь у обыкновеннаго человѣка (положимъ писателя) всякое произведеніе вырабатывается постепенно, а отъ Хомякова не осталось ни одной черновой рукописи: и стихи, и статьи свои онъ всегда писалъ сразу,

---

[1]) Средство это (чистый деготь пополамъ съ конопляннымъ масломъ) было много разъ испытано пишущимъ это въ холеру 1893 года. Дѣйствіе его поразительно. Въ полномъ развитіи болѣзни одинъ, много два пріема тотчасъ останавливаютъ рвоту, быстро ослабляютъ и вскорѣ совсѣмъ прекращаютъ поносъ, а черезъ какіе нибудь полчаса во всемъ тѣлѣ больнаго проступаетъ теплый потъ. Смертность при этомъ бываетъ ничтожная. Первый пріемъ—полстакана смѣси, второй—въ половину перваго.

[2]) Въ этой машинѣ Хомяковъ задался мыслью дать непосредственно вращательное движеніе въ замѣнъ прямолинейнаго, на переходъ коего во вращательное тратится непроизводительно много силы. Эта машина была имъ названа Moskowka. Rotatory Steam-engine.

набѣло. Значитъ ли это, что онъ ихъ не обдумывалъ и не подготовлялъ? Напротивъ, это значитъ только, что онъ этихъ подготовительныхъ работъ не записывалъ. Сказанное есть не болѣе какъ догадка; но догадка, кажется, довольно правдоподобная.

До самыхъ послѣднихъ лѣтъ жизни Алексѣй Степановичъ, кромѣ нѣкоторой слабости желудка, пользовался хорошимъ здоровьемъ и если хворалъ, то не по долгу. Только въ 1849 году у него болѣли глаза, а въ 1855 онъ чуть не умеръ отъ тифа. Жилъ онъ по городски, то есть ложился и вставалъ очень поздно; но по праздникамъ всегда ходилъ къ обѣднѣ и часто даже къ заутрени. Привычкою къ ночному бодрствованію объясняется частое повтореніе въ его стихахъ, такъ сказать, ночныхъ мотивовъ. Его послѣднее, предсмертное сочиненіе (второе письмо о философіи къ Самарину) начинается съ описанія ночи: «Тому дня четыре, позднимъ вечеромъ, то есть, какъ вы знаете, за полночь, подошелъ я къ окошку. Ночь была необыкновенно ясна; далекая и глубокая даль отрѣзывалась отчетливо противъ ночнаго неба; почти полный мѣсяцъ, ужъ на ущербѣ, плылъ тихо, не слишкомъ высоко надъ землею; недалеко отъ него алмазнымъ огнемъ горѣла планета, кажется Юпитеръ; въ сторонѣ сверкалъ и мигалъ красноватый Сиріусъ, и безчисленное множество звѣздъ покрывало все небо серебряною насыпью. Полюбоваться бы, да и заснуть. Нѣтъ! Тутъ мнѣ пришла мысль, нѣсколько странная, но математически-вѣрная, о которой я и намѣренъ съ вами поговорить. Мнѣ пришла мысль, что вся эта красота, которою я любуюсь, есть уже прошедшее, а не настоящее». Отъ этой мысли Хомяковъ переходитъ къ разсужденію о пространствѣ и времени. Вѣроятно эти немногія страницы разрослись бы въ серьезный философскій трудъ, еслибы смерть не прервала мыслителя на самомъ его началѣ.

Зимою, какъ мы уже не разъ говорили, Хомяковъ всегда жилъ въ Москвѣ, которую любилъ во всѣхъ ея мелочахъ, никогда не забывая ея общаго всенароднаго значенія. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности онъ говоритъ: «Чѣмъ внимательнѣе всмотримся мы въ умственное движеніе Русское и въ отношеніе къ нему Москвы, тѣмъ болѣе убѣдимся, что именно въ ней постоянно совершается серіозный размѣнъ мысли, что въ ней созидаются, такъ сказать, формы общественныхъ направленій. Конечно, и великій художникъ, и великій мыслитель могутъ возникнуть и воспитаться въ какомъ угодно углу Русской земли; но составиться, созрѣть, сдѣлаться всеобщимъ достояніемъ мысль общественная можетъ только здѣсь. Русскій, чтобы сдуматься, столковаться съ Рус-

скими, обращается къ Москвѣ. Въ ней, можно сказать, постоянно нынче вырабатывается завтрашняя мысль Русскаго общества. Въ этомъ убѣдится всякій, кто только прослѣдитъ ходъ нашего просвѣщенія. Всѣ убѣжденія, болѣе или менѣе охватывавшія жизнь нашу, или проникавшія ее, возникали въ Москвѣ. Этимъ объясняются многія явленія, которыя иначе объясниться не могутъ, напримѣръ то, что иногда человѣкъ, не оставившій послѣ себя никакого великаго труда, никакого памятника своей дѣятельности, пользовался славою во всемъ пространствѣ нашего отечества и дѣйствовалъ прямо или косвенно на строй умовъ и на убѣжденія людей, никогда съ нимъ не встрѣчавшихся въ жизни; или то, что люди, которые сами не трудились на путяхъ словесности, но по своему положенію могли здѣсь содѣйствовать или вредить ея успѣхамъ, получали всеобщую извѣстность, тогда какъ другіе, дѣйствовавшіе на томъ же поприщѣ, но въ иныхъ областяхъ, оставались неизвѣстными никому, кромѣ тѣхъ, съ которыми они находились въ прямыхъ сношеніяхъ; или то, наконецъ, что иногда человѣкъ, ни по занятіямъ, ни по положенію не участвовавшій въ движеніи словесности, получалъ нѣкоторую славу въ краяхъ даже отдаленныхъ отъ Москвы только потому, что около него здѣсь собиралась живая и серіозная бесѣда. Вамъ всѣ эти примѣры извѣстны. Мысль возникаетъ или вырабатывается въ Москвѣ и переносится уже въ другія Русскія области; тамъ, если эта мысль одностороння, она уже, такъ сказать, донашивается и изнашивается въ тряпье и лохмотья, когда она уже давно брошена и забыта у насъ».

Вспомнимъ его описаніе Кремлевской заутрени на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ раздался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И, внемля гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ—
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна.
Мы слушаемъ... Но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна,
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово--братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй.

Въ Москвѣ создалось личное счастіе Хомякова; въ Москвѣ же суждено было ему и утратить его: въ Январѣ 1852 года Катерина Михайловна занемогла тифомъ, осложненнымъ беременностью, и 26 Января въ 11 ч. 30 м. вечера скончалась.

Въ нѣсколько дней, проведенныхъ у ея постели и гроба, Хомяковъ постарѣлъ и измѣнился до неузнаваемости, но мужественно переносилъ горе. Въ письмѣ къ А. Н. Попову онъ говоритъ: «Я много въ душѣ перемѣнился. Дѣтство и молодость ушли разомъ. Жизнь для меня въ трудѣ, а прочее какъ будто во снѣ».

Друзья Хомякова (А. П. Плещеевъ, Кошелевъ, Хитрово, Свербеевъ и другіе) ни на минуту его не покидали. Умирающій Жуковскій дрожащею рукою написалъ Алексѣю Степановичу, что молитъ Бога благословить его. Скоро пріѣхалъ изъ Петербурга Ю. Ѳ. Самаринъ. Въ первую же минуту свиданія Хомяковъ сказалъ ему, что онъ принимаетъ смерть жены за наказаніе и испытаніе, ниспосланное ему свыше. Эту же мысль мы находимъ и въ его письмахъ.

Со дня кончины Катерины Михайловны до своего конца Хомяковъ постоянно о ней думалъ. Любимымъ занятіемъ его стало писать на память ея портреты, которые онъ рѣшилъ нарисовать для всѣхъ своихъ дѣтей. Боясь поддерживать въ дѣтяхъ грустное настроеніе, онъ при нихъ крѣпился; но самъ, гдѣ бы ни былъ, вспоминалъ о быломъ. Въ особенности въ деревнѣ каждый шагъ наводилъ его на эти мысли; тоже было при всякомъ писаніи, къ которому она всегда такъ его побуждала. Долго послѣ ея смерти онъ не могъ писать стиховъ и, когда приходила мысль о нихъ, онъ удалялъ ее. Разъ тоже случилось во снѣ; и вотъ явилась Катерина Михайловна и сказала ему: «Не унывай». Послѣ этого онъ могъ опять писать. Онъ самъ разсказываетъ это въ письмѣ къ любимой сестрѣ своей жены, покойной Прасковьѣ Михайловнѣ Бестужевой.

Возвращеніе свое къ дѣлу онъ ознаменовалъ стихотвореніемъ «Лазарь»:

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: встань! душѣ моей,
И мертвая изъ гроба встанетъ
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей,

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ —
Тебѣ, сіянью Отчей славы,
Тебѣ, умершему за насъ!

Вскорѣ по кончинѣ Катерины Михайловны Хомякову снова пришлось хоронить близкаго человѣка. Вотъ что́ пишетъ онъ Попову:

«Только что ударъ палъ мнѣ на голову—новый ударъ, тяжелый для всѣхъ, послѣдовалъ за нимъ. Николинькинъ крестный отецъ, Гоголь нашъ, умеръ. Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли; онъ говорилъ, что въ ней для него снова умираютъ многіе, которыхъ онъ любилъ всей душою, особенно же Н. М. Языковъ. На панихидѣ онъ сказалъ: все для меня кончено. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ какомъ-то нервномъ разстройствѣ, которое приняло характеръ религіознаго помѣшательства. Онъ говѣлъ и сталъ себя морить голодомъ, попрекая себѣ въ обжорствѣ. Иноземцевъ не понялъ его болѣзни и тѣмъ довелъ его до совершеннаго изнеможенія. Въ Субботу на масляницѣ Гоголь былъ еще у меня и ласкалъ своего крестника. Въ Субботу или Воскресенье на первой недѣлѣ онъ былъ уже безъ надежды, а въ Четвергъ на нынѣшней недѣлѣ кончилъ. Ночью съ Понедѣльника на Вторникъ первой недѣли онъ сжегъ въ минуту безумія все, что́ написалъ. Ничего не осталось, даже ни одного черноваго лоскутка. Очевидно судьба. Я бы могъ написать объ этомъ психологическую студію; да кто пойметъ, или кто захочетъ понять? А сверхъ того и печатать будетъ нельзя. Послѣ смерти его вышла распря. Друзья его хотѣли отпѣвать его въ приходѣ, въ церкви, которую онъ очень любилъ и всегда посѣщалъ, Симеона Столпника. Университетъ же спохватился, что когда-то далъ ему дипломъ почетнаго члена, и потребовалъ къ себѣ. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотѣли, рѣшили участь его тѣла противъ воли его друзей и духовныхъ братій, и приходъ, общее всѣхъ достояніе, долженъ былъ уступить домовой церкви, почти салону, куда не входитъ ни нищій, ни простолюдинъ. Многознаменательное дѣло. Эти сожженныя произведенія, эта борьба между пустымъ обществомъ, думающимъ только объ эффектахъ, и серьезнымъ направленіемъ, которому Гоголь посвящалъ себя, борьба рѣшенная въ пользу Грановскихъ и Павловыхъ и прочихъ городскимъ начальствомъ: все это какой-то живой символъ. Мягкая душа художника не умѣла быть довольно строгою, строгость свою обратила на себя и убила тѣло. Бѣдный Гоголь! Для его направленія нужны были нервы желѣзные. Ляжетъ онъ все таки рядомъ съ Валуевымъ, Языковымъ и Катенькой и со временемъ со мною въ Даниловомъ монастырѣ, подъ Славянскою колонною Венелина. Такъ и надобно было».

Мы сказали, что горе не обезсилило Хомякова, а лишь, отнявъ у него, по его собственнымъ словамъ, всю *прелесть* жизни, направило всѣ силы его души на довершеніе *подвига* жизни. Нѣсколько позже самъ онъ сказалъ:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ;
Высшій подвигъ—въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.
Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской.

Вдохновеніе вѣры, наука разума, опытъ жизни и огонь страданія соединились теперь вмѣстѣ и подняли духъ его на ту высоту, на которой уже ничто не заслоняло широкаго кругозора мысли и съ которой она, завершивъ свой постепенный ростъ, могла выразиться въ своей полнотѣ. Въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни Хомяковъ написалъ больше, чѣмъ во все предшествовавшее время. Ему уже мало приходилось заниматься своимъ систематическимъ трудомъ: чувствуя, что жить остается немного, онъ спѣшилъ высказаться по всѣмъ волновавшимъ его вопросамъ; спѣшилъ, какъ самъ гдѣ-то выразился, вырабатывать всѣ мысли, всѣ стороны жизни, всю науку, то есть выяснить весь кругъ намѣченныхъ имъ и его сотрудниками началъ въ вѣрѣ и знаніи. Все, что такъ долго создавалось въ его умѣ, теперь быстро ложилось на бумагу. Кромѣ множества разнообразныхъ статей, кромѣ чудныхъ стиховъ, которыми онъ отзывался на волненія текущей общественной жизни, онъ въ это время написалъ всѣ свои богословскія сочиненія, за исключеніемъ своего катихизиса «Церковь одна», составленнаго въ сороковыхъ годахъ. Первая богословская его статья «Нѣсколько словъ Православнаго христіанина о западныхъ исповѣданіяхъ» была написана на Французскомъ языкѣ по поводу критики Лоранси (Laurentie) на статью Ѳ. И. Тютчева «Папство и Римскій вопросъ», напечатанную въ 1850 году въ Revue des deux Mondes. Свою статью Хомяковъ издалъ за границей такъ же, какъ и двѣ послѣдующія.

Эти три статьи, вмѣстѣ съ нѣсколькими меньшими, составляютъ цѣльный полемическій трудъ—цѣлый, рѣшаемся сказать, *подвигъ исповѣ-*

данія. Въ первый еще разъ *новый* Западъ (Западъ XIX вѣка) услыхалъ *такой* голосъ Русскаго православнаго богослова, прямо къ нему обращенный; голосъ, ничего не замалчивающій и не смягчающій, но спокойный, чуждый страсти и полемическаго увлеченія, проникнутый горячею, истинно-христіанскою любовью. Заканчивая третью свою статью, Хомяковъ обращается къ своимъ Западнымъ читателямъ съ такимъ признаніемъ: «Трудъ, который я предпринялъ и на который смотрю, какъ на исполненіе долга передъ Богомъ и передъ вами, читатели и братья, былъ для меня довольно тягостенъ. Смущало не употребленіе иностраннаго языка и не трудность показать превосходство началъ Церкви передъ началами раскола; я не думалъ удивлять краснорѣчіемъ и хорошо зналъ, что достаточно было простого изложенія церковной доктрины, чтобъ убѣдить добросовѣстныхъ читателей въ ея строгой послѣдовательности и величавой гармоніи. Но мнѣ была тягостна необходимость говорить о Спасителѣ и о Его неизглаголанномъ совершенствѣ, о вѣрѣ и ея тайнахъ, какъ о темахъ научнаго спора. Богъ мнѣ свидѣтель, что не такъ бы желалъ я говорить съ вами объ этихъ предметахъ; но это было неизбѣжно.—Богъ, во время Имъ опредѣленное, приведетъ снова Европейскія племена въ лоно Церкви. Къ совершенію этого святаго предначертанія призваны будутъ люди лучше меня, люди болѣе исполненные любви; но, можетъ быть, и логическій трудъ, мною оконченный, окажется не совсѣмъ безполезнымъ, какъ трудъ приготовительный. Мѣстами онъ вамъ покажется сухимъ и суровымъ; не сѣтуйте за это на меня, читатели и братья Труженику, бросающему плодоносное сѣмя, предшествуетъ желѣзное рало, раздирающее почву, подсѣкающее сорныя травы и проводящее борозду. Но, можетъ быть, и теперь найдутся души избранныя, въ которыхъ зародышъ жизни, положенный Св. Писаніемъ, чтеніемъ отцевъ и въ особенности благодатью Божіею, дремлетъ подъ слоемъ наслѣдственныхъ заблужденій и, подобно зерну, которому кора безплодной земли мѣшаетъ прозябнуть, ждетъ лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды угодные Богу. Читатели и братья! Если таковые между вами найдутся, то я прошу ихъ, во имя той любви, которую каждый обязанъ питать къ истинѣ, къ своимъ братьямъ и къ своему Спасителю, не останавливаться на тѣхъ особенностяхъ моего труда, въ которыхъ могли отразиться мои личные недостатки, но взвѣсить сказанное мною серьезно и внимательно» *).

---

*) Выдержки изъ сочиненій Хомякова, написанныхъ по-французски, приводятся нами въ переводѣ, напечатанномъ въ Собраніи его сочиненій и принадлежащемъ Н. П. Гилярову-Платонову и Ю. Ө. Самарину.

Мы только что сказали, что появленіе богословскихъ сочиненій Хомякова было ближайшимъ образомъ вызвано внѣшнимъ обстоятельствомъ: прочтеніемъ статьи Лоранси. Подобнымъ же образомъ облегченіе цензурныхъ стѣсненій въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Степановича побудило его къ написанію многихъ статей, которыя ранѣе не могли бы быть напечатаны. Но все это были *поводы*; внутренняя же *причина* видимой плодотворности послѣднихъ лѣтъ жизни Хомякова сравнительно съ прежними, какъ мы указали выше, лежала въ немъ самомъ. И вотъ онъ выходитъ изъ тѣснаго круга семьи, гдѣ уже не было его любимой собесѣдницы, и изъ нѣсколько болѣе широкаго круга друзей. Съ этого собственно времени начинается для Хомякова болѣе живой и широкій обмѣнъ мыслей. Онъ самъ сознавалъ, что смерть жены наложила на него обязанность болѣе неустанной работы, и въ письмѣ къ П. М. Бестужевой говоритъ: «Я знаю, я увѣренъ, что мнѣ смерть ея была нужна; что она, хотя и наказаніе, въ тоже время послана мнѣ для исправленія и для того, чтобы жизнь, лишенная всего, что̀ ее дѣлало отрадною, была употреблена только на занятія и мысли серьезныя».

Между тѣмъ во внѣшнемъ мірѣ творились знаменательныя событія и готовились еще бо̀льшія. Россія переживала тяжелое время. Революціонное движеніе, охватившее въ 1848 году Западную Европу, напугало нашихъ правительственныхъ дѣятелей и вызвало рядъ мѣропріятій, стѣснившихъ до нельзя и безъ того гонимую общественную мысль и слово; а такъ какъ Славянофилы давно были въ подозрѣніи у начальства, то они первые и почувствовали тяжесть этихъ стѣсненій. Въ этомъ году, говоря въ письмѣ къ Попову о Москвѣ и ея государственномъ значеніи, Хомяковъ пишетъ: «Въ ней сосредоточивается и выражается сила историческая, сила преданія, сила устойчивости общественной; но этой силѣ нужно выраженіе, этому выраженію нужна свобода, хотя бы въ свободѣ и проглядывало какое нибудь повидимому оппозиціонное начало. Эта мнимая оппозиція есть истинное и единственное консерваторство. Пусть этому началу положатъ совершенную преграду, пусть отнимутъ всякую возможность выраженія у этой силы преданія и общественной устойчивости; пусть заморятъ ее совершеннымъ молчаніемъ (ибо молчаніе есть смерть силы духовной), и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ пусть поищутъ съ фонаремъ живой силы охранной—и не найдутъ». Черезъ шесть лѣтъ онъ пишетъ къ тому же Попову: «Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что́-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть

Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ двѣнадцатому году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу».

Время, дѣйствительно, было великое и страшное: шла осада Севастополя...

Черезъ годъ сошелъ въ могилу Государь Николай Павловичъ. Хомяковъ пишетъ къ Попову: «Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете, и винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ». Черезъ пять лѣтъ, въ посланіи «къ Сербамъ» Хомяковъ пишетъ: «Теперь узнали мы тщету нашего самообольщенія; теперь освобождаемъ мы своихъ порабощенныхъ братій, стараемся ввести правду въ судъ и уменьшить развратъ въ народныхъ нравахъ. Дай Богъ, чтобы дѣло нашего покаянія и исправленія не останавливалось, чтобы доброе начало принесло добрый плодъ въ нашемъ духовномъ очищеніи и чтобы мы познали навсегда, что любовь, правда и смиреніе одни только могутъ доставить народу, такъ же какъ и человѣку, милость отъ Бога и благоволеніе отъ людей». Въ одномъ изъ писемъ къ графинѣ Блудовой Хомяковъ говоритъ: «Вообще, если можно характеризовать то, чтò я считаю нашею общею болѣзнію, однимъ словомъ, я бы ее назвалъ усыпленіемъ совѣсти во всѣхъ. Иногда она и просыпается, но почти всегда съ просонокъ не туда пойдетъ, куда слѣдуетъ».

Слабо было въ Русскомъ обществѣ сознаніе задачъ Россіи... И вотъ въ 1854 году Хомяковъ обратился къ своей родинѣ съ такимъ словомъ вразумленія:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,
А на тебѣ, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя слезою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой.

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, сокрытою въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань тогда, вѣрна призванью
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечемъ—то Божій мечъ!

Нечего и говорить, что стихотвореніе это не могло быть напечатано. Хомякова чуть не выслали за него изъ Москвы.

VIII.

Новое царствованіе.—Русская Бесѣда. — Крестьянскій вопросъ. — Дѣло Хомякова въ его собственномъ сознаніи. – Смерть друзей и матери.—Кончина Хомякова.—Отзывы о немъ.

Съ наступленіемъ новаго царствованія и Славянофилы могли, наконецъ, вздохнуть свободнѣе. Кошелевъ получилъ разрѣшеніе на изданіе журнала «Русская Бесѣда». Предисловіе къ ней было написано Хомяковымъ. Въ немъ онъ ясно и твердо высказалъ стремленія свои и своихъ сотрудниковъ и свой взглядъ на обязанности и задачи просвѣщеннаго Русскаго человѣка. «Русскій духъ создалъ самую Русскую землю въ безконечномъ ея объемѣ; ибо это дѣло не плоти, а духа Русскій духъ утвердилъ навсегда мірскую общину, лучшую форму общежительности въ тѣсныхъ предѣлахъ; Русскій духъ понялъ святость семьи и поставилъ ее, какъ чистѣйшую и незыблемую основу всего общественнаго зданія; онъ выработалъ въ народѣ всѣ его нравственныя силы, вѣру въ святую истину, терпѣніе несокрушимое и полное смиреніе. Таковы были его дѣла, плоды милости Божіей, озарившей его полнымъ свѣтомъ Православія. Теперь, когда мысль окрѣпла въ знаніи, когда самый ходъ исторіи, раскрывающій тайныя начала

общественныхъ явленій, обличилъ во многомъ ложь Западнаго міра и когда наше сознаніе оцѣнило (хотя, можетъ быть, еще не вполнѣ) силу и красоту нашихъ исконныхъ началъ, намъ предлежитъ снова пересмотрѣть всѣ тѣ положенія, всѣ тѣ выводы, сдѣланные Западною наукою, которымъ мы вѣрили такъ безусловно; намъ предлежитъ подвергнуть все шаткое зданіе нашего просвѣщенія безстрастной критикѣ нашихъ собственныхъ духовныхъ началъ и тѣмъ самымъ дать ему несокрушимую прочность. Въ тоже время на насъ лежитъ обязанность разумно усвоивать себѣ всякой новый плодъ мысли Западной, еще столько богатой и достойной изученія, дабы не оказаться отсталыми въ то время, когда богатство нашихъ данныхъ возлагаетъ на насъ обязанность стремиться къ первому мѣсту въ рядахъ просвѣщающагося человѣчества».

До конца существованія «Русской Бесѣды», совпавшаго и съ его концомъ, Хомяковъ былъ самымъ дѣятельнымъ ея сотрудникомъ.

Наконецъ, наступило время разрѣшенія и того вопроса, который уже давно былъ задушевною его думою, вопроса крестьянскаго. Тяжелое иго крѣпостнаго права, развращавшее помѣщиковъ еще болѣе, чѣмъ крестьянъ, и необходимость выхода изъ этихъ одряхлѣвшихъ историческихъ оковъ никогда не переставали заботить Хомякова. Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» двѣ статьи «О сельскихъ условіяхъ» и затѣмъ всю жизнь стремился и успѣлъ во всѣхъ своихъ деревняхъ (кромѣ новокупленной Рязанской) заключить съ крестьянами *ряду* или договоръ, основанный на совершенно-свободномъ соглашеніи. Эти ряды были любимымъ его дѣтищемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не переставалъ доказывать необходимость общаго освобожденія крестьянъ съ землею по всей Россіи. Въ 1848 году, по поводу записки Самарина объ устройствѣ Лифляндскихъ крестьянъ, Хомяковъ въ письмѣ къ нему, между прочимъ, говорилъ: «Для насъ, Русскихъ, теперь одинъ вопросъ всѣхъ важнѣе, всѣхъ настойчивѣе. Вы его поняли и поняли вѣрно. Давно уже ношусь я съ нимъ и старался его истинный смыслъ выразить, елико возможно, ясно. Спасибо вамъ за то, что вы попали на ту юридическую форму, которая выражаетъ этотъ смыслъ съ наибольшею ясностью и отчетливостью, именно на существованіе у насъ двухъ правъ, одинаково-крѣпкихъ и священныхъ: права наслѣдственнаго на собственность и такого же права наслѣдственнаго на пользованіе. Въ болѣе абсолютномъ смыслѣ, въ частныхъ случаяхъ, право собственности истинной и безусловной не существуетъ: оно пребываетъ въ самомъ государствѣ (въ великой общинѣ), какая бы ни была его форма. Можно доказать, что это общая мысль всѣхъ государствъ, даже Евро-

пейскихъ. Всякая частная собственность есть только болѣе или менѣе пользованіе, только въ разныхъ степеняхъ. По исторіи старой Руси можно, кажется, доказать, что таково было значеніе даже княжеской собственности; по крайней мѣрѣ, поземельная наша собственность (пользованіе въ отношеніи къ государству) есть собственность въ отношеніи къ другимъ частнымъ людямъ и слѣд. къ крестьянамъ. Ихъ право въ отношеніи къ намъ есть право пользованія наслѣдственнаго; дѣйствительно же оно разнится отъ нашего только степенью, а не характеромъ, и подчиненностью другому началу—общинѣ. Таково отношеніе юридическое, вышедшее изъ обычая или создавшее обычай; и кто хочетъ этому отношенію нанести ударъ, тотъ хочетъ возмутить всѣ убѣжденія, всю сущность народа, а теперь только объ этомъ и хлопочутъ. Не позволительно намъ молчать и, признаюсь, я ожидаю отъ васъ изложенія этого начала».

Въ слѣдующемъ году, въ письмѣ къ Кошелеву, Хомяковъ подробно разбираетъ особенности сельской общины, доказывая ея совмѣстимость съ улучшеніемъ земледѣлія въ смыслѣ хозяйственномъ, болѣе же всего, важность общиннаго устройства въ отношеніи нравственномъ и бытовомъ. «Община, говоритъ онъ, есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей Русской исторіи. Отними его, не останется ничего; изъ его же развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ». — «Мнѣ извѣстны до сихъ поръ, пишетъ онъ далѣе, въ нерусской Европѣ только двѣ формы сельскаго быта: одна Англійская, сосредоточеніе собственности въ немногихъ рукахъ, другая Французская послѣ революціи, безконечное дробленіе собственности. Всѣ прочія формы относятся къ этимъ двумъ какъ степени переходныя, еще не дошедшія до своего крайняго развитія. Первая очень выгодна для сельскаго хозяйства и усиливаетъ до невѣроятности массу богатства, напрягая умственныя способности селянина посредствомъ конкурренціи въ наймѣ и бросая сильные капиталы на опытное усовершествованіе земледѣльческой практики. Вотъ ея достоинство; но за то самая конкурренція, безземеліе большинства и антагонизмъ капитала и труда доводятъ въ ней, по необходимости, язву пролетарства до безчеловѣчной и непремѣнно разрушительной крайности. Въ ней страшныя страданія и революція впереди.—Вторая форма, Французская, дробленіе собственности, невыгодна для хозяйства, замедляетъ его развитіе и во многихъ случаяхъ (именно тамъ, гдѣ нужны значительныя силы для побѣжденія какой-нибудь преграды) дѣлаетъ его совершенно невозможнымъ; но это неудобство считаю я не слишкомъ значительнымъ въ сравненіи съ выгодами дробной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что введеніе этой системы во Франціи удаляетъ, а можетъ быть

даже отстраняетъ навсегда, нашествіе пролетарства; ибо оно мало извѣстно въ сельскомъ быту Франціи и является только въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ слишкомъ неблагодарныхъ мѣстностяхъ. Нищета есть принадлежность городовъ Французскихъ, а не селъ. Но за то эта форма имѣетъ другой существенный недостатокъ, который въ государственномъ отношеніи не лучше пролетарства: это полная разъединенность. Таковъ результатъ во Франціи современной по свидѣтельству самихъ Французовъ; таковъ будетъ онъ непремѣнно вездѣ. Разъединенность же есть полное оскудѣніе нравственныхъ началъ; а замѣть, что оскудѣніе нравственныхъ началъ есть въ тоже время и оскудѣніе силъ умственныхъ. Отъ этого въ нищенствующихъ селахъ Англіи возстаютъ безпрестанно сильные умы, которыхъ дѣятельность отзывается на всю Англію; а въ поляхъ (селами ихъ назвать нельзя) Франціи человѣкъ такъ слабъ и глупъ, что отъ него не добьется общество ни одной мысли. Онъ просто нѣмой: отъ него ни слуха, ни послушанія, по Русской поговоркѣ. Конечно я не возстаю противъ собственности, ни противъ ея эгоизма; но говорю, что если кромѣ эгоизма собственности ничто недоступно человѣку съ дѣтства, онъ будетъ окончательно не то, чтобы дурной человѣкъ, а безнравственно-тупой человѣкъ, онъ одурѣетъ. Слышать только объ дѣлѣ общемъ и потомъ въ немъ участвовать, слышать съ дѣтства судъ и расправу, видѣть, какъ эгоизмъ человѣка становится безпрестанно лицемъ къ лицу съ нравственною мыслію объ общемъ, о совѣсти, о законѣ обычномъ, вѣрѣ, и подчиняться этимъ высшимъ началамъ, это—истинно-нравственное воспитаніе, это просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ, это развитіе не только нравственности, но и ума. И такъ община столько же выше Англійской формы, которой бѣдствія она устраняетъ, сколько и Французской, которая, избѣгая бобыльства физическаго, вводитъ бобыльство духовное и даетъ городамъ такой огромный и гибельный перевѣсъ надъ селомъ». Наконецъ, касаясь положенія помѣщика, Хомяковъ говоритъ: «Объ насъ и объ нашемъ отношеніи къ общинѣ покуда я не говорю. Со временемъ мы сростемся съ нею. Но какъ? Этого рѣшать нельзя. Смѣшно было бы взять на себя все предвидѣть. Право пріобрѣтать собственность, данное крестьянину, не нарушаетъ общины. Личная дѣятельность и предпріимчивость должны имѣть свои права и свой кругъ дѣйствія; довольно того, что онъ будетъ всегда находить точку опоры въ сельскомъ мірѣ и что въ немъ же или черезъ него они будутъ мириться съ общественностью, не выростая никогда до эгоистической разъединенности. Тоже вѣроятно будетъ и съ нами. Но это еще впереди и какъ Богъ дастъ! Допустимъ начало, а оно само себѣ создастъ просторъ».

«Первый высочайшій рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣстъ, возвѣщающій наступленіе дня послѣ долгой, томительной ночи», говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ статьѣ «Хомяковъ и крестьянскій вопросъ». Когда начались подготовительныя работы Редакціонныхъ Коммиссій, онъ не былъ въ нихъ призванъ... Онъ написалъ подробное письмо Я. И. Ростовцеву, въ которомъ доказывалъ вредъ временно-обязанныхъ отношеній и предлагалъ цѣлый проектъ единовременнаго выкупа. На это письмо также не было обращено должнаго вниманія. Алексѣй Степановичъ высказывалъ сильное безпокойство за вполнѣ успѣшное устроеніе крестьянскаго дѣла. Послѣдствія показали, насколько онъ былъ правъ.

Хомякову было пятьдесятъ четыре года. Онъ еще былъ полонъ силъ умственныхъ и тѣлесныхъ; но смутное предчувствіе говорило ему, что часъ его близокъ. И вотъ онъ оглядывается на то, что́ было сдѣлано и что́ предстояло еще совершить. Значеніе собственной дѣятельности и дѣятельности его сотрудниковъ всегда было ему ясно. Еще въ 1845 году онъ писалъ Самарину: «Мы должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только Русское, но и всемірное». Ему же писалъ онъ теперь: «Мы передовые; а вотъ правила, котораго въ исторіяхъ нѣтъ, но которое въ исторіи несомнѣнно: передовые люди не могутъ быть двигателями *своей* эпохи; они движутъ слѣдующую, потому что современные имъ люди еще не готовы. Развѣ къ старости иной счастливецъ доживетъ до начала проявленія своей собственной, долго носимой мысли».

Хомяковъ не былъ такимъ счастливцемъ; но онъ не падалъ духомъ и бодро шелъ впередъ, говоря о себѣ:

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою:
Я утомленъ, я утомленъ.

Пора на отдыхъ. О дубравы,
О тишина полей и водъ
И надъ оврагами кудрявый,
Вѣтвей склоняющихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной
Вздохнуть вечернюю струю.

Стереть бы потъ дневного зноя,
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха, впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди;
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!
Господь велитъ—иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною:
Крестомъ и кровью купленъ ты;
Сгибайся же, пахарь, надъ браздою,
Борись, борецъ, до поздней тьмы!

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ;
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать въ трудѣ и потѣ
Удѣлъ, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего!

Многихъ близкихъ предстояло ему еще проводить въ могилу прежде, чѣмъ сойти въ нее самому. Въ 1856 году умеръ И. В. Киреевскій. Хомяковъ вполнѣ оцѣнилъ тяжесть этой утраты для Русскаго просвѣщенія. Смерть застала Киреевскаго на самомъ началѣ предпринятаго имъ обширнаго философскаго труда. «Какое-то особенно строгое испытаніе нашему направленію, пишетъ Хомяковъ Кошелеву: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминаніе. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно». Потеря Киреевскаго была невознаградима. Между тѣмъ какъ остальные ближайшіе сотрудники Хомякова, К. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и другіе, всѣ болѣе или менѣе воспитались подъ его воздѣйствіемъ, Иванъ Васильевичъ Киреевскій дошелъ до своихъ убѣжденій путемъ совершенно самостоятельнымъ. Въ особенности въ вопросахъ философскихъ онъ былъ не ученикомъ, а мастеромъ, почти равносильнымъ самому Хомякову, если вообще допустима сравнительная оцѣнка дарованій и заслугъ въ такой области. Это всегда понималъ Алексѣй Степановичъ и глубоко почувствовалъ потерю такого соратника. Отношеніе его къ трудамъ Киреевскаго ясно видно изъ двухъ посвященныхъ имъ статей.

За И. В. Киреевскимъ послѣдовалъ его неразлучный спутникъ-братъ. Вокругъ Алексѣя Степановича не оставалось почти никого изъ ближайшихъ его друзей: однихъ не стало, другіе ушли на практическое дѣло. Но общеніе съ людьми, проповѣдь, споръ были для него необходимы. Въ послѣдніе годы жизни мы видимъ его то въ состязаніяхъ съ раскольниками въ Кремлѣ, то въ частыхъ спорахъ съ университетскою молодежью, особенно съ представителями крайнихъ мнѣній среди нея, каковы были въ то время Рыбниковъ, Козловъ и нѣкоторые другіе.

Въ Іюлѣ 1857 года скончалась мать Хомякова. «Въ домѣ и жизни все какъ-то становится мертвѣе и темнѣе, пишетъ онъ графу А. П. Толстому; впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать».

Въ 1858 году умеръ художникъ А. А. Ивановъ, на котораго Хомяковъ всегда возлагалъ надежду и о картинѣ котораго, уже послѣ его смерти, написалъ статью. Вскорѣ послѣ Иванова умеръ молодой Н. В. Шеншинъ, близкій и дорогой Алексѣю Степановичу. Очередь была за нимъ.

Не въ Москвѣ, не въ Боучаровѣ у своего семейнаго очага, въ кругу дѣтей, суждено было ему закрыть глаза. Въ Сентябрѣ 1860 года поѣхалъ онъ со старшимъ сыномъ въ свое Рязанское имѣніе, село Ивановское, въ округѣ котораго была холера. За нѣсколько дней Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ уѣхалъ оттуда, оставивъ отца совершенно здоровымъ... Продолжаемъ словами Леонида Матвѣевича Муромцева, единственнаго, кромѣ прислуги, свидѣтеля его послѣднихъ минутъ:

23-го Сентября въ 8 часовъ утра пріѣхалъ ко мнѣ посланный съ извѣстіемъ, что Алексѣй Степановичъ заболѣлъ холерой. Я наскоро захватилъ съ собою лѣкарства, которыми довольно успѣшно лѣчилъ въ околоткѣ, и съ тяжелымъ предчувствіемъ на сердцѣ поскакалъ въ Ивановское. Въ 9 час. я взошелъ въ комнату къ больному. Онъ лежалъ лицомъ къ свѣту, а потому страшные слѣды болѣзни сразу бросились мнѣ въ глаза. «Что̀ съ вами, Алексѣй Степановичъ?» спросилъ я у него, стараясь придать моимъ словамъ и твердость, и спокойствіе.—«Да ничего особеннаго: приходится умирать. Очень плохо. Странная вещь! Сколько я народу вылѣчилъ, а себя вылѣчить не могу». И все это было сказано слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, свойственнымъ всѣмъ холернымъ. Но въ этомъ голосѣ не было и тѣни сожалѣнія или страха, но глубокое убѣжденіе, что нѣтъ исхода. Лишнимъ считаю пересчитывать, сколько десятковъ разъ я его умолялъ принять моего лѣкарства, послать за докторомъ и, слѣдовательно, сколько разъ онъ отвѣчалъ отрицательно и при этомъ самъ вынималъ изъ походной

гомеопатической аптеки то veratrum, то mercurium. Дня два передъ роковымъ 23-мъ числомъ Алексѣй Степановичъ уже страдалъ разстройствомъ желудка; не обращая вниманія на этотъ недугъ, онъ ѣздилъ 21-го въ Лебедянь, 22-го былъ въ полѣ, а въ ночь съ 22-го на 23-е до двухъ часовъ писалъ письма. Въ 3-мъ часу онъ легъ спать и приказалъ человѣку приготовить къ утру горчичникъ, собираясь ѣхать со мною въ засѣданіе Лебедянскаго Общества. Въ шестомъ часу онъ разбудилъ людей: болѣзнь разразилась въ полной силѣ. Въ 9-ть часовъ' когда я пріѣхалъ въ Ивановское, главные припадки нѣсколько уменьшились, оставивши по себѣ признаки отчаяннаго положенія: изнуренное лицо, холодный потъ, сильно измѣнившійся голосъ, неимовѣрную слабость. Около часу пополудни, видя, что силы больнаго утрачиваются, я предложилъ ему собороваться. Онъ принялъ мое предложеніе съ радостной улыбкой, говоря: «Очень, очень радъ». Во все время совершенія таинства, онъ держалъ въ рукахъ свѣчу, шопотомъ повторялъ молитву и творилъ крестное знаменіе. Спустя нѣкоторое время онъ принялъ нѣсколько капель моего лѣкарства, вмѣсто цѣлой рюмки, которую я ему предлагалъ. Часа въ три, при усиліи встать съ постели (хотя насъ трое его поддерживали), онъ впалъ въ сильный обморокъ. Ошибочно принявши это за агонію, я попросилъ священника читать отходную. Мнѣ, кажется, что этого онъ и не слыхалъ, и не замѣтилъ; ибо, очнувшись минутъ черезъ десять, онъ меня увѣрялъ, что крѣпко заснулъ. «Не нужно ли вамъ мнѣ передать чего-нибудь? Богъ милостивъ, вы выздоровѣете; но выздоровленіе ваше будетъ продолжительно». — «Не могу говорить», отвѣчалъ онъ мнѣ: «очень тяжело». Разумѣется, послѣ этого отвѣта я уже не сталъ его безпокоить и тревожно ждалъ, что̀ Богъ дастъ. Часовъ до шести не было замѣтно особенной перемѣны. Въ началѣ 7-го часа, безпрестанно прикладывая руку къ его рукѣ, къ его ногамъ, я вдругъ замѣтилъ, что онѣ сдѣлались легче и влажнѣе. Немедленно стали мы его растирать сильнѣе прежняго и обложили горчичниками. Черезъ полчаса теплый потъ пробился на бокахъ, на шеѣ и на спинѣ; ноги согрѣлись; пульсъ, совершенно исчезнувшій съ самого утра, началъ показываться, однѣ только руки оставались холодными, какъ ледъ. Все какъ будто шло къ лучшему, и я началъ надѣяться. Въ это время жена моя прислала узнать о здоровьѣ Алексѣя Степановича. Я хотѣлъ отойти отъ постели, но онъ меня удержалъ и спросилъ, куда я иду. «Посылаю добрую вѣсточку. Слава Богу, вамъ лучше».—«Faites vous responsable de cette bonne nouvelle: je n'en prends pas la responsabilité» *), сказалъ онъ

*) Отвѣчайте сами за эту добрую вѣсть: я не беру на себя отвѣта за нее.

почти шутя. «Право, хорошо; посмотрите, какъ вы согрѣлись, и глаза посвѣтлѣли». — «А завтра какъ будутъ свѣтлы!» Это были его последнія слова. Онъ яснѣе нашего видѣлъ, что всѣ эти признаки казавшагося выздоровленія были лишь послѣднія усилія жизни. Въ $7\frac{1}{2}$ часовъ дыханіе его стало тяжко. Я не спускалъ съ него глазъ. Въ $7\frac{3}{4}$ вечера его не стало, а за нѣсколько секундъ до кончины, твердо и вполнѣ сознательно, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ».

Немноголюдны были похороны Хомякова. На этотъ разъ общество не проявило обычнаго своего лицемѣрія: не хотѣвъ знать живаго, не стало выхвалять мертваго. Но нашлись и люди, понявшіе размѣръ понесенной утраты.

Не стало человѣка, тридцать лѣтъ будившаго Русскую народную совѣсть, человѣка, уяснившаго Россіи ея вѣру, призваніе, примирившаго ее со стариною. Не стало того, кто положилъ начало многому доброму, что̀ съ тѣхъ поръ возникло и еще будетъ возникать въ Россіи.

Общество Любителей Россійской Словесности, котораго Хомяковъ въ послѣднее время своей жизни былъ предсѣдателемъ, посвятило его памяти засѣданіе 6-го Ноября. П. И. Бартеневъ прочелъ воспоминаніе о немъ—единственный до сихъ поръ, хотя и краткій, біографическій очеркъ. Въ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» М. Н. Лонгинова, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Н. Ѳ. Щербины, и въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» А. Ѳ. Гильфердинга. Въ Петербургскомъ Университетѣ К. А. Коссовичъ посвятилъ памяти Хомякова цѣлую лекцію, въ которой онъ съ обстоятельностью ученаго и съ горячею любовью друга очертилъ общественное значеніе своего покойнаго наставника. Помянули Хомякова и за рубежемъ. Въ Edinburgh Review 1864 года читаемъ: «We cannot doubt that there will arise in the Church of Russia some who may still carry on the echo of those marvellous letters of the Christian Orthodoxe, in which the lamented Khomiakoff poured forth his aspirations after the future through a union of tenacious adherence to ancient Opthodoxy with a firm confidence in the results of biblical criticism and christian charity, such as we have never seen surpassed» [1]).

---

[1]) *Переводъ.* Мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ Русской Церкви возстанетъ кто-нибудь, кто еще поддержитъ отголосокъ тѣхъ чудныхъ писемъ православнаго христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомяковъ выразилъ свои надежды на будущее, соединивъ столько приверженности къ древнему Православію съ твердою вѣрою въ выводы библейской критики и съ христіанскимъ милосердіемъ, коихъ на нашихъ глазахъ никто не превзошелъ.

Но все же смерть Хомякова прошла почти незамѣченною. Иначе и быть не могло: брошенныя имъ сѣмена еще не успѣли тогда взойти. Съ тѣхъ поръ идетъ четвертое десятилѣтіе.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ лежитъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, подъ однимъ памятникомъ со своею женою, имъ самимъ еще поставленномъ, со словами псалма: «Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?» [1]) Къ этому тексту послѣ его кончины прибавленъ другой: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды». На памятникахъ кругомъ имена Валуева, Языкова, Гоголя, Самарина, Кошелева, князя Черкасскаго и многихъ другихъ, памятныхъ Москвѣ и Россіи.

Неотразимо дѣйствуетъ на душу эта нива смерти, сокрывшая останки людей, которыми возродилась Русская жизнь. Невольно вспоминаются ихъ сотрудники: Аксаковы, отецъ и сынъ, тутъ же, недалеко, подъ Симоновымъ, третій, послѣдній Аксаковъ—у Троицы, и въ дальней Оптиной Пустынѣ—братья Киреевскіе...

Дружнымъ, неустаннымъ подвигомъ добра подвизались всю жизнь свою эти достопамятные люди, не теряя бодрости передъ ледянымъ равнодушіемъ общества, не чая себѣ слова благодарности отъ тѣхъ, кому несли они свѣтъ истины, зная, что не увидать имъ плодовъ тяжелаго труда своего. Костьми легли они на полѣ брани духовной, по слову вождя своего—

Чтобъ страданьями свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣетъ влажный тукъ полей [2]).

---

[1]) Выборъ текста находится въ несомнѣнной связи съ тѣмъ взглядомъ Хомякова на смерть жены, о которомъ мы говорили выше.

[2]) Послѣдніе стихи Хомякова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ разсказѣ о жизни Алексѣя Степановича Хомякова мы указали на внѣшнія особенности его сочиненій, обусловленныя ихъ происхожденіемъ и разными случайными обстоятельствами. Характеръ отрывочности, присущій многимъ его статьямъ, значительно затрудняетъ ихъ связное чтеніе. Изложеніе Хомякова такъ увлекательно, языкъ его такъ художественно-простъ, мысли такъ ярки и новы, что, начавъ читать, хотя бы случайно, любую страницу, всякій непредубѣжденный (а можетъ быть даже и предубѣжденный) читатель не легко остановится. Но этого мало для усвоенія мыслей такого мыслителя, какъ Хомяковъ. Читая его, естественно желать по возможности полно уразумѣть всю стройную систему, изложенную имъ ясно, но не совсѣмъ обычно. Нельзя требовать отъ всякаго читателя охоты къ нелегкой и довольно хлопотливой работѣ систематизаціи прочитаннаго. Далѣе, у Хомякова довольно много повтореній, ибо статьи его обнимаютъ собою болѣе двадцати лѣтъ времени. Его „Записки о всемірной исторіи“ расположены, напротивъ, по зрѣло обдуманному плану; но за то они переполнены мелкими фактическими данными по исторіи и особенно по сравнительной филологіи, мелочами, не для всякаго читателя равно занимательными. Все это вмѣстѣ заставляетъ желать нѣкоторой предварительной систематизаціи, которая бы облегчала всякаго въ первый разъ приступающаго къ чтенію сочиненій Хомякова, давая ему руководящую нить и удерживая отъ уклоненій во второстепенныя подробности. Въ трудахъ Хомякова важны не эти подробности, часть которыхъ (поскольку онѣ касаются археологіи) даже и не сохранила своего научнаго значенія черезъ полвѣка послѣ того какъ писалъ Хомяковъ: важны тѣ общія начала, тѣ основныя мысли, которыя, думаемъ мы, никогда не утратятъ своей силы.

Вотъ тѣ соображенія, на основаніи которыхъ составлено нижеслѣдующее изложеніе сочиненій Хомякова. Исключая всѣ мелкія фактическія подробности, приводя только ничтожную часть ихъ тамъ, гдѣ онѣ совершенно необходимы для уразумѣнія основныхъ положеній, избирая при повтореніяхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, краткое и отчетливое изложеніе автора, мы попытались дать по возможности сжатый сводъ всего высказаннаго Хомяковымъ. При этомъ мы старались почти все изложеніе составить изъ послѣдовательнаго рода подлинныхъ выписокъ, соединяя ихъ лишь самыми краткими переходными періодами и предпочитая нѣкоторую неизбѣжную при этомъ шероховатость пересказу своими словами того, что̀ безъ сомнѣнія выразительнѣе въ подлинникѣ. Не сочли мы нужнымъ скрадывать и разницу въ способѣ изложенія между Записками о всемірной исторіи, Катихизисомъ и отдѣльными статьями, разницу, происходящую отъ частнаго характера каждаго изъ этихъ отдѣловъ: историческаго, догматическаго и полемическаго. И по отношенію ко внѣшней своей формѣ изложеніе является то болѣе сжатымъ, то болѣе подробнымъ. Впрочемъ у Хомякова иногда нѣсколько словъ вполнѣ исчерпываютъ мысль. Мы просимъ также читателя

помнить, что многое въ писаніяхъ Хомякова, помимо смысла общаго, относилось и къ данному времени и слѣдовательно измѣнило свой внѣшній смыслъ теперь, черезъ полвѣка. Гдѣ это наиболѣе бросается въ глаза, мы въ выноскѣ дѣлаемъ хронологическую ссылку; но и во всемъ изложеніи не мѣшаетъ имѣть это въ виду. Всѣ выписки приводятся нами дословно съ рѣдкимъ лишь исключеніемъ вводныхъ словъ и союзовъ.

Наибольшую трудность представлялъ выборъ системы изложенія. Самый поверхностный взглядъ на собраніе сочиненій Хомякова, даже просто на ихъ оглавленіе, убѣждаетъ въ полной невозможности изложенія хронологическаго по отношенію ко времени написанія отдѣльныхъ статей. Необходимо, стало быть, расположеніе ихъ по содержанію, а такое расположеніе не можетъ не быть нѣсколько произвольнымъ и даже искусственнымъ. Этотъ упрекъ мы напередъ принимаемъ; но думаемъ, что задача изложенія дѣлаетъ эту искусственность очень несущественною. Въ самомъ дѣлѣ, наша задача—дать краткій сводъ мыслей Хомякова его же словами; при этомъ врядъ ли возможно извращеніе смысла, а стало быть то или другое расположеніе матеріала является почти безразличнымъ, лишь бы оно вело къ наиболѣе успѣшному уясненію хода мыслей автора. Чтобы ходъ этотъ постоянно былъ ясенъ и не терялся въ подробностяхъ, мы во многихъ мѣстахъ ограничиваемся лишь самыми краткими выписками. Такъ напримѣръ, въ главѣ о философіи мы приводимъ лишь основную мысль автора; ибо если начать распространять ее, то придется повторить все сказанное въ трехъ статьяхъ, а ихъ каждый можетъ прочесть самъ. Тоже относится къ вопросамъ практическимъ, затронутымъ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Цѣль настоящаго труда—не замѣнить собою чтеніе подлинника, а лишь вызвать и облегчить его; разъ эта цѣль будетъ достигнута, избранная нами система отступитъ уже на задній планъ *). Система же эта слѣдующая.

Основаніе всѣхъ воззрѣній Хомякова—его убѣжденія религіозныя. Въ нихъ объясненіе всей его жизни, въ нихъ же исходная точка всѣхъ его философскихъ, историческихъ и общественныхъ взглядовъ. Человѣкъ долженъ жить (и живетъ, хотя бы даже не сознавая этого) такъ, какъ вѣритъ. Съ вѣры, съ исторіи религій, съ ученія о церкви и начинается наше изложеніе, переходя затѣмъ послѣдовательно, такъ сказать, концентрическими кругами, ко всѣмъ областямъ дѣятельности человѣка, какъ члена семьи, народа, человѣчества. Въ поступательной жизни послѣдняго, въ исторической смѣнѣ народовъ встрѣчаемся мы съ судьбами Славянства и въ частности Россіи и заканчиваемъ наше изложеніе указаніемъ на задачи Россіи и просвѣщеннаго Русскаго человѣка въ будущемъ. Хомяковъ видѣлъ въ Русскомъ народѣ задатки осуществленія идеала христіанскаго общества: съ этимъ мы возвращаемся къ исходной точкѣ принятой нами схемы—къ вѣрѣ, какъ средоточію духовнаго существа человѣка.

---

*) Для того, чтобы читатель отъ всякаго мѣста нашего изложенія могъ безъ затрудненія перейти къ соотвѣтственному мѣсту подлинника, все изложеніе снабжено ссылками. Ссылки эти проставлены на поляхъ. Римская цифра означаетъ одинъ изъ четырехъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова, Арабская—страницу, съ которой выписка начинается. Цифры взяты для первыхъ трехъ томовъ по *второму* ихъ изданію, для четвертаго—по *первому*: I томъ—1878 года, II т.—1880 г., III т.—1882 г. и IV т.—1873 г. Чтобы не пестрить текста, мы не сочли нужнымъ отмѣчать особымъ шрифтомъ свои вставки, какъ по ихъ крайней краткости, такъ и по безусловному отсутствію въ нихъ какихъ бы то ни было мыслей, не принадлежащихъ Хомякову.

ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ.

I.

Значеніе вѣры въ жизни человѣка. — Религіи міра при началѣ исторіи. — Два основныя религіозныя начала: начало стихійное (религія вещественной необходимости) и начало духовное (религія нравственной свободы). — Ихъ столкновеніе, взаимное воздѣйствіе и сліяніе. — Буддаизмъ. — Всеобщее измельчаніе религій. — Реформаторы. — Религіозное преданіе народа Еврейскаго. — Религіи Греціи и Рима. — Система эманацій. — Философія. — Проповѣдь Еврейства. — Конецъ древнихъ вѣрованій. — Явленіе Мессіи. — Христіанство. — Исламъ. — Значеніе Христіанства въ послѣдующей исторіи человѣчества.

III, 8. Вѣра составляетъ предѣлъ внутреннему развитію человѣка. Изъ ея округа онъ выйти уже не можетъ, потому что вѣра есть высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій, крайняя черта его знаній. Въ ней его будущность личная и общественная, въ ней окончательный выводъ всей полноты его существованія разумнаго и всемірнаго.

Таково значеніе Вѣры во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, съ самыхъ первыхъ ступеней человѣчества.

Вѣра проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему; она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ будто лучшій воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало или какъ бы совершеннѣйшій свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому Вѣра есть также высшее общественное начало: ибо само общество есть ничто иное, какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.

Такова Вѣра въ высшемъ своемъ проявленіи—въ ученіи Христа, въ Откровеніи Божественномъ. Но полнота богопознанія не была присуща человѣчеству отъ начала его существованія.

III, 155. Невозможно рѣшительно утвердить, какая форма вѣрованія прежде всѣхъ появилась на землѣ.

Величественныя проявленія силъ природы, лучезарное и могучее солнце, вѣчно неизмѣнное звѣздное небо въ свой чередъ служили предметами поклоненія народовъ.

III, 158. Всѣ религіи древности при первомъ мерцаніи историческаго свѣта представляются раздѣленными на три всеобъемлющіе разряда. Греція, Италія, Египетъ, Сирія и южная Индія преданы идолопоклонству и многобожію; сѣверная Индія признаетъ всебожіе, но съ личностью всеобщаго самосознанія (пантеизмъ теистическій); Израиль, Иранъ Зендскій и Китай поклоняются одному началу и источнику всего сущаго. Вѣры другихъ племенъ для насъ загадка, которая объясняется только изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ и изъ догадокъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ.

Дуализмъ сводится или къ единобожію (какъ въ Иранѣ, гдѣ доброму началу принадлежитъ окончательная побѣда), или ко многобожію (въ Египтѣ).

III, 530. Сравненіе вѣръ и просвѣщенія (которое зависитъ единственно отъ Вѣры и въ ней заключается, какъ все прикладное заключается въ чистой наукѣ) приводитъ насъ къ двумъ кореннымъ началамъ: къ Иранскому, то есть духовному поклоненію свободно-творящему духу или къ первобытному, высокому единобожію, и къ Кушитскому—признанію вѣчной органической необходимости, производящей въ силу логическихъ неизбѣжныхъ законовъ *).

---

*) Названія Кушитскій и Иранскій употреблены въ этомъ смыслѣ (какъ культурно-историческіе термины) въ первый разъ самимъ Хомяковымъ. Первое слово не требуетъ объясненія: оно взято прямо изъ книги Бытія, гдѣ именемъ Кушъ обозначена Эѳіопія, которую Хомяковъ признаетъ за колыбель Кушитства или Шиваизма. Впослѣдствіи наука усумнилась въ древности Эѳіопской цивилизаціи; но это сомнѣніе не мѣняетъ сущности воззрѣнія Хомякова, ибо касается только одного названія. Самостоятельно ли было просвѣщеніе Эѳіопіи, или принесено изъ Египта, въ данномъ случаѣ безразлично; ибо Хомяковъ, какъ видно изъ слѣдующей ссылки, рядомъ съ Мероэ ставилъ Ѳивы и во всякомъ случаѣ имѣлъ въ виду не самый тотъ или другой народъ, а присущее ему религіозное начало. Относительно второго термина необходимо также сдѣлать оговорку и имѣть ее въ виду при всемъ послѣдующемъ изложеніи. Подъ *Ираномъ* въ общемъ смыслѣ Хомяковъ разумѣлъ не одну только страну, называемую нами обыкновенно Персіей, но колыбель народовъ *Арійскихъ*, и словомъ *Иранскій* обозначалъ какъ племенныя особенности всего Индоевропейскаго или Арійскаго племени, такъ и, главнымъ образомъ, присущее этой колыбели народовъ преданіе духовнаго единобожія, связывающее эти народы съ народомъ Еврейскимъ. Самое слово *Иранъ* есть, какъ извѣстно намъ теперь, искаженное слово *Аріана*, то есть *страна Аріевъ*. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ слова *Иранъ* и *Иранскій* имѣютъ не одно географическое, но племенное и религіозное значеніе, подъ ними слѣдуетъ разумѣть Арійское племя и его духовныя стихіи. Это нисколько не измѣняетъ сущности мысли автора, но это постоянно нужно имѣть въ виду, дабы не смѣшать частнаго съ общимъ.

III, 217. Свобода и необходимость составляютъ то тайное начало, около котораго, въ разныхъ образахъ, сосредоточиваются всѣ мысли человѣка. Въ языкѣ религіи, переносящей въ невидимое небо законы, которыми управляется видимый міръ земли и его видимый владыка-человѣкъ, свобода выражается твореніемъ, а необходимость — рожденіемъ. Едва ли можно было найти какіе-нибудь символы болѣе вѣрные для олицетворенія этихъ отвлеченныхъ идей. Рожденіе представляетъ самому грубому уму неотъемлемую присущность необходимости, неволи, точно также какъ актъ творенія представляетъ самое живое и ясное свидѣтельство духовной свободы или, лучше сказать, воли (ибо свобода понятіе отрицательное, а воля положительное).

III, 205. Начало стихійное, служеніе чисто-вещественное, пришли съ Юга съ племенами Шиваитскими, которыхъ родина Эѳіопія, Шева-Мероэ *). Эта религія была одноначальная, но олицетворенная въ органической полярности и не содержала въ себѣ чуждой примѣси Брахманизма или духовности, которая болѣе или менѣе привилась къ ней въ Индіи и Сиро-Финикіи. Представителями ея были Діонизосъ (Деванаши), Шива, Озирисъ и проч., какъ мужское начало, и Бгавани, Изида, Милитта и другія, какъ женское начало. Первобытный ея характеръ — кроткое, но безстыдное повиновеніе всѣмъ вещественнымъ склонностямъ. Развитіе религіи было художественное, то есть строительное. Колыбель ея есть колыбель зодчества пещернаго, перенесеннаго изъ троглодитской Еѳіопіи въ Египетъ и Индію, не видавшіе его младенчества.

IV, 29. Признаніе органической полярности или ея необходимыхъ проявленій за вѣчное начало вѣчносущаго міра разрѣшается для разума въ совершенное безбожіе. Но страсти не повинуются строгому анализу разсудка. Внутренняя жажда богопоклоненія и отголоски прежнихъ религіозныхъ преданій, отверженныхъ, искаженныхъ, но не вполнѣ забытыхъ, облекаютъ съ какою-то простодушною хитростью безутѣшную аналитическую формулу безбожія въ призракъ религіи, во всебожіе. Міръ, обращенный въ Бога, получаетъ новосозданную сомкнутую личность и, такъ сказать, подобіе человѣка; въ немъ проявляется двойственность мысли и формы, или разума и вещества. Въ самыхъ

*) Путь его обозначенъ именемъ Ѳивэ (Сива), Діосполисъ въ Египтѣ, Ѳивэ въ Греціи, прозвищемъ Вакха Сабейскаго, безпрестаннымъ повтореніемъ слова Саба или Шева, какъ имени мѣстностей по всѣмъ берегамъ Аравіи и повтореніемъ того же слова въ племени Куша, сына Хамова — Сева, Сабтахъ, Себтека и Шеба; названіемъ бога Сива въ Индіи и именемъ Целебскихъ острововъ, которые самые жители зовутъ Сабу или Себу.

нѣдрахъ божественнаго міра, управляемаго стройными законами необходимости, представляется воображенію новое божество, смыслъ всего міра, связанное съ нимъ неразрывными цѣпями, стройно-разумное, воплощенный законъ, воплощенная гармонія. — Это божество, созданное воображеніемъ въ мірѣ чисто-разсудочномъ, этотъ законъ олицетворенный и принявшій положительные очерки, это полное выраженіе вселенной, носили въ себѣ характеръ, наложенный на вселенную первоначальнымъ анализомъ, характеръ внѣшней необходимости, и были совершенно чужды всякой свободы. Религія при такомъ воззрѣніи кажется невозможною. Но такъ же какъ человѣкъ, не смотря на свое заключеніе въ оковахъ, тяготѣющихъ на всей вселенной, можетъ дѣйствовать на видимую природу, измѣнять ея видъ и ея отношенія, давать рѣкамъ новое русло и направленіе и создавать или срывать каменныя твердыни, точно такъ же онъ можетъ, вещественными, или по крайней мѣрѣ внѣшними орудіями, подвигнуть самый центръ вселенной и посредствомъ законовъ, подмѣченныхъ или угаданныхъ имъ, овладѣть божествомъ, рабомъ-владыкою міра. Вѣра была трансцендентальною физикою. Вотъ смыслъ всѣхъ обрядовъ, заклинаній и всей религіи Кушитской и всего великолѣпія ея храмовъ.

Одновременно и рядомъ съ внѣшнимъ, чисто-вещественнымъ поклоненіемъ Кушитства мы подмѣчаемъ другое.

III, 216. Сфинксъ при храмѣ Египетскомъ и Будда, неразлучный товарищъ Шиваизма въ южномъ Индустанѣ, эти два лица, которыхъ сходство такъ разительно по чертамъ и особенно по характеру физіономій, паралельное движеніе двухъ религій, склонность Шиваизма переходить въ ученіе о таинственномъ ничтожествѣ (таковъ крайній предѣлъ Іогизма) и склонность Буддаизма переходить въ самую грубую вещественность, приводятъ къ предположенію, что Буддаизмъ былъ основаніемъ той тайной мудрости Египта и Ѳіопіи, о которой древніе такъ много говорили, между тѣмъ какъ Шиваизмъ былъ закономъ народа.

III, 213. Буддаизмъ есть плодъ Шиваизма, его изнанка, покой отъ его бурной жизни, неподвижное созерцаніе его безпорядочной и безсмысленной дѣятельности.

III, 229. Такимъ образомъ стихійное служеніе развивалось въ страстномъ и вещественномъ Шиваизмѣ, въ отвлеченномъ и созерцательномъ Буддаизмѣ и переходило всю лѣстницу человѣческихъ заблужденій, отъ служенія рукодѣланному фетишу до торжественнаго поклоненія святынѣ небытія; но вездѣ и во всѣ эпохи сохраняло оно

одну и туже основную мысль. Жизнь есть необходимость и необходимость, такъ сказать, внѣшняя духу мыслящему. Но этотъ духъ въ ней закованъ, и ему остается или признать ее безпрекословно и служить ей, или уничтожить себя, чтобы получить свободу. Въ первомъ случаѣ добра нравственнаго нѣтъ, потому что идея добра несовмѣстна съ идеею рабства, а свобода невозможна; въ другомъ нѣтъ добра нравственнаго, потому что свобода духа возможна только въ удаленіи отъ всякаго дѣйствія, ибо дѣйствіе завлекаетъ ее въ міръ необходимости, а свобода, не проявляясь, остается въ области небытія. Таковъ смыслъ Кушитскаго ученія во всемъ его развитіи.

III, 206. Начало духовное, служеніе мысли отвлеченной (не философской, но нравственной) шли изъ сѣверо-восточнаго Ирана, котораго центръ Кавказско-Араратская твердыня. Эта религія была также одноначальною и не содержала въ себѣ никакой примѣси стихійности или полярности органической. Представителями этой религіи были Эль и Белъ или Ваалъ, Гераклъ, Хроносъ или Тифонъ и богъ добра въ Зендавестѣ. Всѣ же эти имена суть ничто иное, какъ прилагательныя, выражающія одно и тоже понятіе. Характеръ религіи духовной есть строгое и гордое отчужденіе отъ вещественности, легко переходящее въ фанатизмъ, но возвышающее и очищающее душу отъ чувственныхъ склонностей. Развитіе ея философское и поэтическое, но не художественное. Страны, гдѣ она процвѣтала, не оставили намъ ни одного древняго памятника, и зодчество процвѣтало только при встрѣчѣ стихій Иранской и Кушитской, но оно принимало характеръ новый и чуждый своему южному началу.

Таковы были двѣ основныя религіи въ своей первобытной чистотѣ. Раздѣленныя огромнымъ пространствомъ земли, онѣ въ началѣ развивались самостоятельно и независимо одна отъ другой; но постепенное разселеніе народовъ неминуемо должно было повлечь за собою ихъ соприкосновеніе, а вмѣстѣ съ ними и соприкосновеніе носимыхъ ими религіозныхъ началъ.

III, 190. Двѣ религіи, основанныя на противоположныхъ началахъ, не могутъ слиться въ мирное единство безъ упорной борьбы; но во время борьбы оба враждующія начала искажаются то излишнею напряженностью, то взаимными уступками. Понятно, что чисто духовная вѣра должна смотрѣть на вещественность, какъ на корень всякаго зла; но таково достоинство души человѣческой, что поклонникъ стихій едва ли можетъ принять бога духовнаго за представителя злаго начала. Вѣроятно, такое мнѣніе и не могло бы родиться при здравомъ развитіи понятій; но разумъ дѣйствуетъ свободно только при удаленіи

отъ страстей, а вражда живетъ на землѣ искони. Чистый образъ божества, который нашелъ бы созвучіе къ душѣ всѣхъ людей, внушалъ отвращеніе и страхъ, потому что онъ казался покровителемъ племени враждебнаго, и ненависть къ людямъ переходила въ ненависть къ предмету ихъ поклоненія.

III, 199. Вражда народовъ исказила первобытную природу ихъ и бросила сѣмена, принесшія слишкомъ богатые плоды по всей землѣ. Религія, совершеннѣйшее отраженіе внутренняго строя или разстройства души, должна была подвергнуться всѣмъ вліяніямъ быта политическаго и жизни нравственной. Мысль развивается мирно и кротко, переходя изъ внутренняго созерцанія во внѣшніе образы и обряды; но, при встрѣчѣ мысли чуждой, она прекращаетъ свое творческое движеніе и вступаетъ въ борьбу наступательную или оборонительную, въ которой исчезаютъ мгновенно вся красота и гармонія ея первобытной, свободной дѣятельности. Она увлекается за разумные предѣлы своего законнаго развитія и впадаетъ въ невольную, неизбѣжную односторонность.—Но когда чуждая мысль представлена народомъ враждебнымъ, когда кровавыя распри заклеймили всю жизнь и всѣ помыслы людей печатью взаимной ненависти, тогда уже мысли обращаются въ страсти, и одностороннее развитіе души доходитъ до изступленія кровожаднаго фанатизма.

Но, помимо столкновенія враждебнаго и даже при такомъ столкновеніи, встрѣчавшіяся разноначальныя религіи неминуемо дѣйствовали одна на другую и взаимно измѣнялись. Такъ совершилось вторженіе Иранской стихіи въ Кушитскую религію Египта; такъ произошли смѣшанныя религіи Сиріи и Финикіи; такъ оба начала, послѣ долгой борьбы, стали рядомъ въ миѳологіи древней Индіи, гдѣ къ нимъ присоединилось, примиряя ихъ, поклоненіе Вишну, Богу Вышнему,—первоначальная религія антропоморфизма, родившаяся на Сѣверѣ (въ Бактріи).

IV, 40. Полярность органическая облекалась въ форму человѣкообразія; но въ этой формѣ, выбранной внутреннимъ чувствомъ, а не разумомъ, прибирающимъ символъ къ мысли съ полнымъ сознаніемъ символизма, смѣшивались (такъ же какъ въ самомъ человѣкѣ) свободная воля и логическая или вещественная необходимость. Наконецъ, вслѣдствіе человѣкообразія, мало по малу весь бытъ человѣческій съ его семейнымъ развитіемъ перешелъ въ ученіе о божествѣ. Такъ родилась и составилась полная система антропоморфизма, свѣтлаго и кроткаго, но без-

смысленнаго, и черезъ цѣпь поселеній Вано-Славянскихъ *) перешла въ Европу, гдѣ, при разныхъ обстоятельствахъ и съ разными смѣшеніями, она образовала всѣ религіи Эллады, Италіи и Скандинавіи.

Сліяніе, при посредствѣ Вишнуизма, сѣвернаго и южнаго религіознаго начала въ Индіи повело къ выдѣленію новой религіи.

IV, 173. Вишнуизмъ по своему синкретическому характеру готовъ былъ принимать всякую религіозную стихію и усвоять себѣ всевозможные миѳы. Онъ примирился съ Шиваизмомъ, онъ принялъ въ себя Буддаизмъ въ видѣ аватара (Вишну-Будда). Но не въ духѣ Индіи было оставить неразвитою основу ученія Буддаическаго, и не въ духѣ Буддаизма было согласиться на такую унизительную сдѣлку. Въ немъ лежало глубокое логическое понятіе о законѣ необходимости въ мірѣ проявленій; въ немъ жило высокое требованіе души человѣческой на свободу внѣ-мірную и достижимую только посредствомъ самоуничтоженія. Мысль эта и чувство могли заснуть на время при размельчаніи религіозной жизни въ Индустанѣ; исчезнуть вполнѣ они не могли: почва Индустанская была слишкомъ плодотворна, слишкомъ глубоко проникнута силами философскаго стремленія. Въ концѣ втораго тысячелѣтія до Р. Х. въ самомъ центрѣ полуострова возникъ учитель сильный духомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ; онъ воскресилъ, пополнилъ и пустилъ въ общій ходъ тайное древнее ученіе жрецовъ Кушитскихъ. Прозваніе его осталось безсмертнымъ и почти однозначащимъ съ именемъ самаго Божества; тысячи учениковъ толпились около великаго учителя; чудныя зданія, носящія на себѣ первобытный характеръ пещернаго поклоненія, засвидѣтельствовали его торжество. Индустанъ жадно принялъ вѣру исполненную духовныхъ страстей и гордаго самоотверженія; и наконецъ, когда послѣ 14-ти-вѣковой борьбы Буддаизмъ былъ изгнанъ изъ странъ При-гангесскихъ, онъ завоевалъ почти треть населенія всего земнаго шара.

Между тѣмъ первоначальное ученіе Ирана все болѣе и болѣе затемнялось въ народныхъ вѣрованіяхъ.

IV, 199. Борьба, долго продолжавшаяся съ перемѣнными успѣхами, кончилась повсемѣстнымъ синкретизмомъ, многобожіемъ и тихою войною искушеній и соблазна. Ученіе Кушитское измѣнилось, отклонив-

---

*) Взглядъ Хомякова на разселеніе Славянъ будетъ изложенъ ниже, при разсказѣ о судьбахъ Славянскаго племени. Здѣсь достаточно сказать, что Хомяковъ признавалъ имя *Ванъ* равносильнымъ имени *Вендъ* и присвоивалъ его Славянскому племени въ древнѣйшія времена; колыбелью же Славянства считалъ Бактрію.

шись отъ своей первоначальной, строгой логической чистоты; но, созданное разумомъ, оно всегда могло возвратиться къ своему источнику простымъ путемъ отрицанія случайностей символа и миѳа. Вѣрованіе Иранское также исказилось; но оно не могло уже возсоздаться, ибо возвратъ къ нему, какъ явный плодъ произвола, не могъ носить ни характера чисто-логическаго, ни истиннаго характера безсомнительной вѣры. Побѣда была на сторонѣ Кушитовъ.

III, 327—8. Но, не смотря на неизбѣжное торжество ученія Кушитскаго и на постепенное паденіе Иранства, чувство нравственное никогда не могло утратить свои права̀ на человѣческую душу, и во всѣхъ народахъ возставали богоизбранные люди, повременно призывавшіе своихъ братій къ сознанію коренной свободы и проистекающаго изъ нея понятія о добрѣ. Отъ ихъ появленія зависѣли эпохи реформъ религіозныхъ, которыя замѣтны въ исторіи вѣрованій, намъ извѣстныхъ, и которыя всегда были возвратомъ къ лучшему началу. Большинство съ своею грубо-инстинктивною логикою, съ своими грубо вещественными страстями постоянно стремилось къ Кушитству; лучшіе умы чувствовали призваніе высшее, на время возстановляли достоинство человѣческое, постоянно забываемое народными толпами. Таковъ былъ Шакья-Муни въ Индустанѣ, таковъ былъ Зердуштъ *) въ Мидо-Бактрійской области. Но усилія человѣка могутъ возстановить только логическую и мертвую формальность понятія религіознаго. Убѣжденіе человѣка пробуждаетъ въ другихъ людяхъ только мысли, безмолвно жившія въ ихъ душѣ; формальность же понятія всегда сохраняетъ характеръ ограниченности и умствованія. Убѣжденіе, основанное на сочувствіи съ чужою мыслію, носитъ болѣе или менѣе клеймо произвола и сопровождается скрытымъ, но неотвязнымъ сомнѣніемъ. Ни въ умствованіи, ни въ убѣжденіи, основанномъ на немъ, нѣтъ ни полноты, ни жизни. Вѣра и полнота жизни религіозной неразлучны съ преданіемъ, обнимающимъ въ единствѣ своемъ мысль и бытъ, чувство и умозрѣніе. Человѣкъ не можетъ создать преданіе, и реформа, даже исправляя прежнее ученіе, съуживаетъ кругъ дѣятельности духовной и разрушаетъ цѣлость и единство внутренняго и наружнаго быта.

IV, 200. Въ одной области, въ одномъ народѣ, возникшемъ на исторической памяти изъ семьи, оставившей свою При-араратскую родину, сохранилось вполнѣ Иранское преданіе, великое достояніе младенчества человѣческаго. Это преданіе получило еще высшее зна-

*) Вѣрнѣе Заратуштра, по Греческому искаженію Зороастръ.

ченіе по самой борьбѣ своей съ чуждыми ученіями, съ насиліемъ и соблазномъ. Не измѣняясь въ своей основѣ, оно приняло характеръ вѣры, сознающей себя, чувствующей свое духовное превосходство и презирающей всѣ другія ученія, какъ произведенія умствующаго произвола или безумныхъ страстей. Могло ли оно исчезнуть? Несказанныя бѣдствія постигли область Іудейскую, народъ ея былъ увлеченъ въ плѣнъ, столица и царство стерты съ лица земли; но мысль нашла себѣ спасителей и союзниковъ въ сильномъ и свѣжемъ племени средняго Ирана, въ племени, сохранившемъ общее преданіе въ наибольшей чистотѣ послѣ Израиля.

Таково было состояніе человѣческихъ вѣрованій въ то время, когда древнія государства Востока обветшали, и историческая жизнь сосредоточилась на берегахъ Средиземнаго моря.

IV, 252. Сліяніе сказочнаго человѣкообразія съ вещественно-художественнымъ символизмомъ составило основу Греческой религіи. Изъ нихъ возникла безобразная смѣсь, смѣшная въ глазахъ разума, безсильная въ смыслѣ религіозномъ. Но съ другой стороны соединеніе стихіи сказочной, человѣческой и словесной съ пробужденнымъ чувствомъ художественной гармоніи составило цѣлый новый міръ, въ которомъ сказка возвысилась до поэмы и образъ человѣческій до своего идеала. Такимъ образомъ возникла новая религія, видимое многобожіе, въ которомъ царствовало дѣйствительно одно божество: красота въ ея высшемъ проявленіи, въ красотѣ человѣческой. Эллинъ преклонилъ колѣна передъ самимъ собою и передъ своими возможными совершенствами, какія бы они ни были, даръ ли случая, какъ случайность членовъ, сила, долговѣчность и разумъ, или пріобрѣтенія воли, какъ свобода, власть и богатство. Поставивъ себѣ религію чисто-земную и чуждую всякаго высшаго всемірнаго смысла, онъ самъ сталъ въ отношеніи къ ней, какъ лицо дѣйствующее, а не страдательное; ибо все вообще исчезло передъ личностью, и силы человѣческія напряглись въ стремленіи къ достиженію человѣческаго идеала. Искусство возникло въ чудной полнотѣ, въ недосягаемомъ совершенствѣ и въ неограниченномъ объемѣ, соединяющемъ пластическое начало Кушита съ словеснымъ началомъ Ирана. Въ Элладѣ, и только въ Элладѣ, получило оно свою независимость отъ мысли и жизнь образа, прилагаемаго ко всякому содержанію, слѣдовательно свободную отъ всякаго содержанія. Пріобрѣтеніе Эллина сдѣлалось достояніемъ цѣлаго человѣчества.

Еще менѣе опредѣленнаго религіознаго содержанія было въ Римѣ.

IV, 377. Безпорядочный и безпредѣльный синкретизмъ создалъ для него какую-то неопредѣленную систему вѣрованія, равно чуждую началу Иранскому и началу Кушитскому. Въ немъ не только, какъ въ Греческой миѳологіи, не было никакого общаго начала, но не было даже постояннаго человѣкообразія. За всѣмъ тѣмъ глубокая вѣра въ нравственное достоинство искупала пороки религіознаго безмыслія и замѣняла съ избыткомъ отсутствіе идеальной красоты, которой поклонялся Эллинъ. Впрочемъ смѣшеніе многихъ разныхъ миѳологій имѣло въ Римѣ тоже самое послѣдствіе какъ и вездѣ: торжество Кушитскаго начала необходимости, возвышеніе вещественнаго обряда надъ внутреннимъ, духовнымъ богопоклоненіемъ и обращеніе молитвы въ заклинаніе.

III, 252—3. Обѣ противоположныя религіи, необходимости и свободы, сливаясь мало по малу, измѣнялись взаимными уступками и теряли свою рѣзкую физіономію. Органическая полярность казалась неудовлетворительною и недостойною разума человѣческаго. Миѳическій ея символъ, рожденіе, годный для младенчествующаго ума, былъ вытѣсненъ изъ вѣрованія просвѣщеннаго. Съ другой стороны, смѣлый догматъ творенія, основанный на коренной идеѣ свободы, не могъ удержаться при синкретизмѣ; свобода не имѣетъ проявленія, ибо законъ проявленнаго есть необходимость. Вѣра могла принимать свободную волю творящаго духа за основу всего; но вѣра простодушная, основанная на твердости преданія или на искренности сознанія внутренняго, исчезаетъ при нелѣпомъ сбродѣ разноначальныхъ повѣрій, также какъ и въ логическомъ построеніи отвлеченностей. Всеобъемлющее требованіе ея не подается на условныя сдѣлки; творческая безусловность ея не возсозидается систематическимъ умствованіемъ. Между грубовещественнымъ началомъ Кушитскимъ и самостоятельною духовностью Иранства изобрѣтена была средняя система, система эманацій, что-то неопредѣленное и безхарактерное, принимающее всякій смыслъ по желанію толкователя, не имѣющее никакого присущаго и яснаго значенія, кромѣ значенія логической послѣдовательности, то есть необходимаго и постепеннаго развитія. Эманація есть тоже рожденіе, но съ полярностью скрытою. Въ ней было торжество начала Кушитскаго, въ формѣ нѣсколько просвѣщенной. Допущеніе нравственнаго начала при эманаціонной системѣ было безсмыслицею; ибо зло истекало изъ общаго источника бытія, такъ же какъ и добро, слѣдовательно, одинаково съ добромъ первобытно присутствовало въ этомъ источникѣ.—До появленія въ мірѣ новаго великаго ученія, передъ которымъ исчезли или исчезаютъ всѣ древнія вѣрованія, эманаціи были послѣднею сте-

пенью умственнаго развитія. Буддаизмъ, Брахманство, Шиваизмъ Египетскій, Ваализмъ Финикійскій, Зороастровъ Миѳраизмъ, наконецъ даже человѣкообразная религія Эллино-Римская, всѣ сливались и исчезали въ общей системѣ истеченія. Древняя Ассирія въ своихъ Тріадахъ, изліяніяхъ первоначальнаго Вела, Гностики въ своихъ Эонахъ, Нео-Платоники въ своемъ философическомъ умозрѣніи о самобытныхъ идеяхъ, принадлежали къ одной и той же всемірной школѣ.

Ослабленіе религіозной жизни не замедлило отразиться на жизни умственной.

IV. 254. Вѣра есть крайній предѣлъ человѣческаго знанія, въ какомъ бы видѣ она ни являлась: она опредѣляетъ собою всю область мысли. Страны, въ которыхъ развитіе религіозной мысли достигло высшей степени, не могли допускать полной свободы философіи, ибо философія объясняла міръ видимый и невидимый только въ тѣхъ границахъ, которыя были предписаны ей знаніемъ религіознымъ. Въ землѣ чисто-Иранскаго преданія—Іудеѣ и въ области мало искаженнаго преданія, среднемъ Иранѣ, философія должна была оставаться на самой низшей степени. Въ земляхъ коренного Кушитства философская вѣра въ необходимость и ея полярную двойственность приняла основу логическую и способную къ логическому развитію; но въ этомъ принятіи законовъ видимаго міра за всеобщій законъ проявлялся уже произволъ, положившій оковы на всю будущую умственную жизнь. Преобладаніе чисто-вещественнаго начала, сковавшаго все духовное бытіе народовъ Кушитскихъ, должно было навсегда стѣснить развитіе чистой и свободной философіи. Племена, посвятившія все свое существованіе борьбѣ съ веществомъ и поклоненію его законамъ, осудили себя на вѣчное безмолвіе. Въ позднѣйшее время, когда Эллада дала Египту свободу мысли, изъ него могли только возникнуть Гностическія секты, безполезно трудившіяся надъ прививкою философіи къ кореннымъ основамъ южнаго вѣрованія и терявшіяся въ темной мистикѣ произвольно созидаемыхъ эманаціонныхъ системъ. Буддаизмъ, основанный на началѣ неопредѣленномъ, на возмущеніи нравственнаго чувства свободы противъ неоспоримой необходимости, былъ также мало способенъ къ освобожденію человѣческаго разума, какъ и самый Шиваизмъ, съ которымъ онъ находится въ неразрывной связи прямаго отрицанія, принимая его же логическія оковы. Многомысленный Индустанъ, страна величайшаго умственнаго напряженія, обняла почти всю область философскихъ ученій отъ высочайшей и отвлеченнѣйшей духовности до самой грубой вещественности: нѣтъ ни одной системы, высказанной Элладою или развитой Германіею, которая бы не являлась почти во всей своей

полнотѣ въ твореніяхъ великаго племени При-Гангескаго. Но такъ же какъ стремленіе искони философствующаго ума не позволило художественному чувству и сказочной словесности слиться въ одинъ цѣльный и стройный міръ искусства, такъ привычки духа, жившаго нѣкогда въ свѣтлой области безусловнаго и высокаго вѣрованія, стѣсняли полную свободу философіи и подчиняли ее искони принятымъ началамъ, отъ которыхъ она никогда не могла отрѣшиться, даже когда отрицала ихъ. Идея Брахмы жила надъ міромъ философіи Индустанской, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, свободно-творящаго духа или всебожественнаго пантеистическаго символа, даже при допущеніи міра, какъ безконечной гармоніи чисто-вещественныхъ законовъ. Китай, возвысившій государство до значенія божества и не поклонявшійся ничему, кромѣ идеала общества логически развивавшагося изъ нравственныхъ законовъ, долженъ былъ дать философіи область ограниченную, но въ тоже время возвысить мыслителей до степени религіозныхъ законодателей; ибо имъ предоставлено было уяснить тотъ идеалъ, который былъ неяснымъ кумиромъ всякаго Китайца. Конгъ-фу-Тсеу выразилъ всю сокровенную мысль Китая, и его творенія, принадлежащія философіи только по характеру изложенія, по содержанію принадлежатъ вполнѣ міру религіи. Эллинъ поставлялъ божествомъ человѣка со всѣмъ его произволомъ, со всѣми его случайностями. Весь міръ долженъ былъ для него представлять то самое сліяніе случайности и произвола. Такова основа чисто-Эллинскихъ системъ, которыя болѣе или менѣе представляютъ признаки атомистической вещественности. Но голосъ Востока пробуждалъ другіе лучшіе и благороднѣйшіе помыслы: онъ звалъ человѣка къ сознанію его высокой духовности и познанію высшаго духа, свободнаго отъ земныхъ случайностей. Эллада слушала и свѣтлѣла мыслію. Она не могла уже возвыситься до новой, чистой вѣры, но отрывалась отъ стараго вѣрованія или по крайней мѣрѣ отъ его грубыхъ образовъ. Долго боролся свѣтъ восточнаго ученія съ мракомъ Эллинской души, огрубѣвшей въ безсмысленной своей религіи. Долго бродили въ нестройномъ хаосѣ пробужденныя стихіи мысли, стремясь къ примиренію въ полномъ разгулѣ ничѣмъ не скованной свободы.

Исторія въ первыхъ философскихъ системахъ Греціи еще не видитъ произведенія самой Эллады, но только воспринятіе чуждыхъ стихій.

Изученіе самаго человѣка и его умственныхъ способностей обозначаетъ уже проявленіе чисто-Эллинской стихіи въ философіи; съ нимъ вмѣстѣ проявилось сомнѣніе во всемъ, что не вполнѣ доступно разуму человѣческому, возведеніе случайности въ достоинство силы первона-

чальной (т. е. поклоненіе факту, какъ факту, безъ вѣры въ какое бы то ни было объясненіе) и, наконецъ, безбожіе полное, рѣзкое, грубое и при всемъ томъ имѣющее законныя права не только на оправданіе, но и на сочувствіе всѣхъ мыслителей, ибо содержало отрицаніе религіи безсмысленной и нестерпимой для просвѣщеннаго ума.

Такимъ образомъ первыя чисто-Эллинскія ученія повидимому вырываются изъ области вѣрованія; но это освобожденіе мнимое, а не дѣйствительное. Философія отрицаетъ Зевса и всю Олимпійскую братію; но она отрицаетъ только признаки Эллинскаго божества и продолжаетъ поклоняться истинному божеству Эллады - человѣку; она признаетъ права случайности, потому что эти права были дѣйствительно освящены прежнею религіею; наконецъ, она возвышаетъ и напрягаетъ гордость человѣка, перенося ее только изъ области физическаго превосходства въ область умственной силы. Изъ мыслительныхъ школъ выходятъ смѣлые бойцы, удальцы слова, софисты, какъ атлеты изъ школъ гимнастическихъ. Какъ атлеты, переходятъ они изъ города въ городъ, собирая дань удивленія народнаго, вѣнчаясь Олимпійскими вѣнцами, щеголяя новоизобрѣтеннымъ силлогизмомъ, какъ герои Пентаѳла или борьбы щеголяли новою уловкою или кулачнымъ ударомъ. Стихіи мысли бродили, повинуясь уже мѣстному закону: въ немъ должны онѣ были найти свое примиреніе.

Человѣкъ былъ, какъ сказано, истиннымъ божествомъ Эллады. Но божественность его состояла въ красотѣ, которой онъ былъ высшимъ представителемъ. Въ этомъ-то Эллинскомъ законѣ, въ этомъ характерѣ религіи заключалось разрѣшеніе философской задачи. Смолода художникъ, насытившійся всѣми обаяніями искусства, въ возрастѣ мужества гражданинъ, служившій обществу на полѣ битвы подъ Эллинскимъ вдохновеніемъ свободы и славы, Сократъ подчинилъ хаосъ философіи закону стройности и гармоніи. Красота явилась царицею міра духовнаго (τὸ καλὸν), какъ она была божествомъ видимаго міра. Софисты исчезли. Образованная Эллада привѣтствовала мудрость, нисшедшую съ неба.

Сократъ совершалъ великій подвигъ, котораго путь былъ ему указанъ религіею; но въ тоже время онъ уничтожалъ образы этой религіи въ ихъ безсмысленной случайности. Народъ, увѣнчавшій его земное поприще вѣнцемъ мученической смерти, осудилъ его, какъ безбожника, и былъ правъ въ своемъ судѣ; но правъ по своему невѣжеству, ибо самъ не зналъ, какому божеству поклонялся. Онъ былъ правъ и потому, что просвѣтлѣніе религіи, отрывая ее отъ преданія, предавало произволу мысли; и судіи, нѣжась въ тупомъ спокойствіи глупыхъ вѣрованій, предчувствовали всѣ духовныя страданія своихъ

потомковъ, которыхъ философія лишала вѣры и боговъ. Величественная трагедія совершилась. Сократъ выпилъ чашу яда и сказалъ, что выздоравливаетъ отъ жизни (Критіасъ, принеси жертву Эскулапу); но боги Олимпа исчезли навсегда, разрѣшившись въ свои отвлеченные законы.

Начатое Сократомъ продолжается его вдохновеннымъ ученикомъ. Для Платона уже не существуютъ образы, созданные младенческою фантазіею Эллады. Въ невидимомъ небѣ онъ видитъ уже полное и совершенное отраженіе чудной гармоніи, которую слышитъ въ своей душѣ, и божество открывается передъ нимъ, какъ первообразъ духовной красоты. Никогда не подымался выше полетъ ума человѣческаго; никогда не являлось такого великолѣпнаго соединенія самаго роскошнаго воображенія, всепроникающаго разума и художественнаго чувства, просвѣтленнаго нравственными стремленіями. Эллада, расцвѣтшая въ Гомерѣ, принесла свой зрѣлый плодъ въ Платонѣ.

Но Сократовъ ученикъ черпалъ свое духовное богатство не изъ однихъ наставленій учителя. Недаромъ слышалъ онъ великое имя Заратустра и имя чистаго божества, которому онъ поклонялся, не даромъ доходили до него отзвуки ученія свѣтлаго Востока. Часто, отдѣляясь отъ пути философскаго, созидаетъ онъ начала новой религіи, которой произвольныя основы скрываются подъ человѣческою истиною вдохновеннаго искусства; часто угадываетъ онъ лучшее будущее духовнаго развитія и какъ будто оглядывается на весь міръ, прося преданія и исторической опоры для своего ясновидящаго гаданія. Но міръ ему извѣстный не давалъ отвѣта. Въ этомъ слабость его философіи и невозможность вызвать Элладу къ плодотворнѣйшей жизни. Другой вѣкъ, другое просвѣщеніе болѣе сочувствовали Платону, чѣмъ страна, создавшая его гармоническую душу.

Красота и истина неразлучны. Всякій произволъ содержитъ уже въ себѣ признаки безсилія и начала безобразія. Истина должна быть необходима и представлять явное доказательство своей необходимости. Аристотель повелъ далѣе философію въ ея разумномъ или разсудочномъ развитіи, утративъ богатство свободныхъ Платоновыхъ гаданій, но не удаляясь отъ служенія красотѣ и подчиняя весь кругъ человѣческихъ наукъ ея торжественнымъ законамъ. Таковъ крайній предѣлъ Эллинской философіи. Дальнѣйшее раздѣленіе школъ, Діогенъ, ницуній человѣка, Эпикуръ, поклоняющійся высшему благу въ видѣ гармоническаго наслажденія бытіемъ, Зенонъ, возвышающій гордость человѣка до восторженнаго поклоненія своему внутреннему совершенству, и всѣ затѣйливыя подробности позднѣйшихъ ученій заключены уже въ геніальной школѣ Сократа и его первыхъ учениковъ. Духовный подвигъ Эллады былъ совершенъ.

IV, 340. Въ Элладѣ идеалъ человѣческій, облагораживаясь мало-по-малу и въ тоже время отвлекаясь отъ всѣхъ случайностей и отыскивая себѣ разумной (т. е. разсудочно - вѣрной) опоры, дошелъ до идеала чисто-логическаго и сосредоточился въ одномъ, въ красотѣ знанія —истинѣ. Въ Римѣ идеалъ сохранилъ свою отвлеченность и остался себѣ вѣрнымъ въ отвлеченной красотѣ воли—добродѣтели.

IV, 406. Римъ далъ западному міру новую религію, религію общественнаго договора, возведеннаго въ степень безусловной святыни, не требующей никакого утвержденія извнѣ, религію прàва; и передъ этою новою святынею, лишенною всякихъ высокихъ требованій, но обезпечивающею вещественный бытъ во всѣхъ его развитіяхъ, смирился міръ, утратившій всякую другую, благороднѣйшую или лучшую вѣру.

IV, 410. Древнее ученіе Ирана сохранялось въ одномъ Израилѣ въ формѣ твердаго преданія, не отвергающаго требованій разума, но не требующаго себѣ основаній добытыхъ логическимъ анализомъ. Побѣдная борьба противъ притязаній Эллинскихъ во время великихъ Маккавеевъ внушила Евреямъ глубокую ненависть противъ иноплеменнаго просвѣщенія и усилила въ нихъ гордость мѣстнаго и племеннаго начала, естественное послѣдствіе Моисеева закона и явнаго превосходства религіознаго передъ всѣми другими народами. По мало-помалу память о борьбѣ стала изглаживаться. Чувство внутренней духовной силы, обѣщанія Мессіаническія, очевидная слабость всѣхъ Эллинскихъ (грубо-синкретическихъ) вѣрованій и преданія о скоромъ приходѣ Вождя - Спасителя открыли для Евреевъ новый кругъ дѣятельности и надежды. Историческая судьба Іудеи, перевороты внутренніе и завоеванія Эллино-Римскаго міра разсѣяли потомковъ Іакова по всему земному шару. Греція и Римъ, Африка, Малая Азія, Сирія и даже страны за-Евфратскія были наполнены Іудеями, торговцами или плѣнными, получившими осѣдлость. Ихъ многочисленныя колоніи были охотно приняты и уважены въ Египтѣ; Александрія была въ продолженіе долгаго времени городомъ болѣе Іудейскимъ, чѣмъ Египетскимъ или даже Эллинскимъ. Религія Еврейская была почти вездѣ терпима; она пользовалась особеннымъ почтеніемъ на берегахъ Нила, сильнымъ покровительствомъ въ Римѣ подъ правленіемъ великаго Кесаря, вѣроятно понявшаго (также какъ и питомецъ Аристотеля) достоинство духовной вѣры, завѣщанной первобытнымъ міромъ Иранскимъ и скрѣпленной Моисеемъ въ неизмѣнный обрядъ. Евреи познакомились съ мыслію Эллина, съ его образованностію, съ трудами ума человѣческаго,

смѣло отыскивавшаго истину посредствомъ собственныхъ силъ; они узнали съ уваженіемъ вѣковой подвигъ философіи, ея разнообразныя ученія и особенно высокія гаданія Платона, отзывающіяся роднымъ Востокомъ. Душа ихъ расширилась и стала доступна любви къ человѣчеству. Но окружающій міръ былъ духовно-слабъ, а въ себѣ чувствовали они неистощимую силу и свѣжесть вѣчно - молодого убѣжденія. Они поняли возможность мысленнаго завоеванія, темно обозначеннаго въ писаніяхъ пророковъ, и стали проповѣдывать язычникамъ. Проповѣдь была не безуспѣшна; многіе язычники, утомленные тщетнымъ исканіемъ истины, презиравшіе заклинательные обряды религій несоединенныхъ съ вѣрою, и увлеченные величіемъ духовнаго ученія, приняли законъ Моисеевъ, иные вполнѣ, какъ ученики правды, т. е. послѣдователи строгаго закона, большая же часть какъ ученики привратные, т. е. какъ послѣдователи закона Ноева или Мозаизма безъ его обрядовъ.

Но ученіе Ирана содержало въ себѣ обѣщаніе будущаго Мессіи, находило въ немъ свою главную силу и черезъ него пробуждало сочувствіе во всѣхъ народахъ, болѣе или менѣе сохранившихъ или помнящихъ это общее преданіе первобытнаго племени. Покуда обѣщаніе признавалось еще неисполненнымъ, самый кругъ ученія содержалъ въ себѣ признанную неполноту и неудовлетворительность.

Міръ не могъ покориться.

Римская держава сомкнулась въ одно цѣлое подъ правленіемъ Августа. Торжество грубо-политическаго начала обозначило окончаніе мысленнаго подвига, совершеннаго всеобъемлющимъ умомъ Иранскаго племени въ его полномъ развитіи, и этотъ подвигъ вѣнчался совершеннымъ сокрушеніемъ всѣхъ древнихъ религій. Пытливость Эллинскаго знанія нанесла смертельный ударъ безусловному поклоненію внѣшней правдѣ, въ которомъ дѣйствительно состояло все вѣрованіе Рима. Анализъ требовалъ отчета отъ всякаго мнѣнія, оправданія для всякой вѣры. Идеалъ добродѣтели внѣшней, воли самосоздающей себѣ законъ, исчезалъ передъ логическимъ требованіемъ. Упорный Римлянинъ потребовалъ уму оправданія отъ самой жизни, отъ своей вооруженной руки. Судьба въ холмахъ Филиппійскихъ отвѣчала также отрицательно, какъ разумъ въ философскомъ уединеніи. Гордость воли пала. Міръ Римскій сказалъ устами Брута: «Добродѣтель, ты пустое слово». Но и пытливое знаніе уже утратило свои надежды. Эллада спросила устами Пилата: «Чтó такое истина?» и не стала дожидаться отвѣта, зная по опыту вѣковъ, что отвѣта нѣтъ. Горькое отчаяніе слышно въ словѣ Римлянина, утратившаго вѣру въ добродѣтель; какая-то самодовольная гордость слышна въ словѣ Эллина, пріобрѣт-

шаго разумомъ право не вѣрить знанію и добродушно презирающаго тѣхъ, которые еще могутъ вѣрить. Но оба сошлись въ одномъ выводѣ: нѣтъ ни красоты воли—добродѣтели, ни красоты знанія—истины.

Міръ остался безъ божества.

Въ это время явился въ Іудеѣ человѣкъ именемъ Іисусъ, говорящій про себя, что онъ обѣщанный Мессія, Сынъ Божій, возвѣщающій совершеніе древняго закона, призывающій къ покаянію, къ жизни духовной чистоты, ставящій новый законъ совершенства, законъ всеобщей любви, пренебрегающій благами земными и властію земною, обѣщающій своимъ послѣдователямъ наслѣдство безконечнаго блаженства, проповѣдующій новое ученіе объ единствѣ Божества въ трехъ образахъ Отца, Сына и Духа и возможность для человѣка вступить въ это единство посредствомъ отверженія своей злой и случайной личности и пріобрѣтенія новой, высшей личности въ Божествѣ. Первую проповѣдь обращалъ онъ къ Евреямъ, какъ къ хранителямъ истины и какъ къ единому народу, знающему Бога; но въ тоже время порицалъ ихъ родовую гордость, ихъ упованіе на свое достоинство сыновъ Авраама, ихъ тѣсную и небратолюбивую народность и униженіе вѣры до безсмысленнаго обряда. Онъ грозилъ имъ отверженіемъ за упорство и перенесеніемъ благословенія на другіе народы и, говоря постоянно въ притчахъ, нерѣдко выбиралъ иноплеменниковъ, и особенно ненавистныхъ Евреямъ Самарянъ, въ примѣръ добродѣтелей угодныхъ Богу. Многіе ему повѣрили, особенно изъ низшаго сословія. Богатые, ученые, жрецы и вожди народа, любящіе блескъ, славу и власть земную, сперва глядѣли на него съ презрѣніемъ, потомъ съ ненавистью, когда увидѣли успѣхъ его проповѣди, и наконецъ предали его позорной казни креста. Послѣ его смерти ученики его, изъ которыхъ главные были малограмотные рыбаки, продолжали распространять его ученіе сперва въ Іудеѣ и въ колоніяхъ Еврейскихъ, потомъ въ народахъ иновѣрческихъ и вездѣ, гдѣ находили охотныхъ слушателей. Много страдали они, много терпѣли презрѣнія и преслѣдованій, но не слабѣли духомъ и ревностію, проповѣдуя слово о пришедшемъ Мессіи-Спасителѣ. Новая вѣра окрѣпла, новые законы стали управлять судьбою міра, и народы, принявшіе проповѣдь Іудейскихъ рыбаковъ, сдѣлались властителями всего земнаго шара и вождями человѣчества въ путяхъ мысли и просвѣщенія.

Исторія не судитъ объ отвлеченномъ достоинствѣ ученія, но разсматриваетъ всякое ученіе въ отношеніи къ его необходимому или разумному развитію. Поэтому она должна признать въ Христіанствѣ не только торжество ученія древне-Иранскаго (основаннаго на преданіи), но еще и окончательное его развитіе. Христіанство, замыкая

собою міръ поклоненія свободно-творящему духу и Мессіаническихъ обѣщаній, разрѣшило всѣ надежды человѣчества единымъ разумнымъ разрѣшеніемъ, отвлекая ихъ отъ всего случайнаго и не-необходимаго. Таковъ смыслъ ученія и самой жизни Іисуса: они вполнѣ независимы отъ случайностей историческихъ и отъ личнаго произвола.

Завѣтъ Іудейскаго, теперь всемірнаго, Учителя немногосложенъ: онъ заключается въ нѣсколькихъ положеніяхъ, не связанныхъ ни съ какою мѣстностью, ни съ какими внѣшними условіями. Человѣкъ такъ подобенъ Богу въ смыслѣ духовномъ, что Богъ могъ быть человѣкомъ. Такимъ образомъ высшій духъ имѣетъ въ себѣ внутреннее оправданіе своего величія, и человѣкъ получаетъ внутреннюю возможность безконечнаго совершенства. Человѣчество освобождается отъ рабства міровыхъ случайностей и отъ жизненной тяготы собственною силою олицетвореннаго совершенства человѣческаго, и человѣкъ вступаетъ въ нѣдра Божества посредствомъ добровольнаго соединенія любви съ человѣкомъ духовно-совершеннымъ, т. е. посредствомъ преданія своей частной воли въ волю человѣко-божественную. Въ этомъ все его освобожденіе, вся его высота, вся его награда.

Міръ ученія Кушитскаго остался неприкосновеннымъ, но онъ заключился въ логику философскихъ школъ. Міръ ученія Иранскаго получилъ свой вѣнецъ въ Христіанствѣ и уже внѣ его не имѣетъ никакого смысла. Онъ весь связанъ съ идеею единаго разумнаго Мессіи. Іудеи, ожидающіе другаго, полнаго блеска и силы, облеченнаго въ пышность власти, знанія, безсмертія и всей торжествующей случайности, отрицаютъ безсознательно самую идею Мессіанскаго преданія и поэтому уже не имѣютъ никакого значенія въ историческомъ мірѣ.

Другой народъ, по преданіямъ Еврейскимъ и отчасти своимъ, братъ Израиля по крови, но менѣе чистый въ смыслѣ семейномъ или въ началѣ духовномъ, Измаэлиты и Есавляне, народъ безспорно сохранявшій память объ общемъ ученіи и потомъ много принявшій духовныхъ началъ отъ Евреевъ, представилъ своего Мессію нѣсколько вѣковъ послѣ народа Израильскаго. Явленіе Мугаммеда есть безспорно одно изъ самыхъ важныхъ происшествій историческихъ; но воинственный проповѣдникъ Аравіи погружаетъ снова человѣчество во все безсмысліе случайности, и эта случайность безъисходна, ибо она обнимаетъ всю загробную будущность.

Мугаммедъ явился выразителемъ броженія, долго подготовлявшагося въ Аравійскомъ племени, неудовлетворенномъ ни Христіанствомъ, которое дошло до него въ своемъ Несторіанскомъ искаженіи, ни потерявшимъ смыслъ послѣ пришествія Христа Еврействомъ, ни тѣмъ менѣе остатками идолопоклонства, съ которыми не могло примириться

еще жившее въ этомъ племени первоначальное Иранское преданіе единобожія.

IV, 581. Дивная прелесть увлекательнаго краснорѣчія, поэтическое слово и поэтическая вѣра въ свое призваніе, смѣлость духа, не слабѣющаго въ опасностяхъ, и дальновидность въ разсчетахъ доставили скоро Мугаммеду многочисленныя толпы поклонниковъ. Его ученіе было возвеличеніе жизни народной, его гордость была гордость народная, дотолѣ оскорбленная исключительными притязаніями Израиля; его торжество должно было быть торжествомъ народнымъ. Изо всѣхъ концевъ Аравіи толпились дружины около новаго вождя, и вождь этотъ велъ ихъ къ войнѣ и почти всегда къ побѣдѣ и отдавалъ имъ весь плодъ своихъ побѣдъ, удерживая за собою только славу святости и вдохновенія. Скоро покорилась вся Аравія, и престарѣлый учитель передъ смертію своею уже указывалъ вооруженнымъ толпамъ своихъ учениковъ на столицу Персіи и на городъ Константина, какъ на цѣль ихъ будущихъ завоеваній.

IV, 583. Исламъ явился у Измаэлитовъ съ тѣмъ же значеніемъ, какъ Христіанство у Израиля: подобно Христіанству онъ истекалъ изъ начала Иранскаго, изъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и о Мессіи, обѣщанномъ міру. Въ немъ выражались и братство двухъ колѣнъ Авраамидовъ, и ихъ древнее соперничество. Связь его съ преданіемъ казалась даже тѣснѣе, чѣмъ связь Христіанства, и по этому самому понятно, отчего Коранъ былъ принятъ безъ исключенія всѣми семьями Аравійскими, а ученіе Апостоловъ отвергнуто большинствомъ Евреевъ. Но дѣйствительно Христіанство содержало въ себѣ окончательное развитіе началъ, заключенныхъ въ преданіи, именно возвращеніе свободы духовной посредствомъ отреченія человѣка отъ своей ограниченной личности и пріобрѣтенія новой высшей личности въ совершенномъ человѣкѣ-Мессіи, между тѣмъ какъ Исламъ былъ ничто иное, какъ произвольная реформа, внесенная въ преданіе безъ всякаго развитія его началъ. Бездна, раздѣляющая человѣка и Бога (духа созданнаго и его первобыта) удерживалась навсегда; строгость законная (разумная въ Еврействѣ, какъ въ религіи ожидающей и признающей себя за несовершенную) каменѣла въ религіи, признающей себя за совершенную и не освобождающей отъ закона; самыя обѣщанія загробнаго блаженства были заклеймены безконечною прихотью случайности, и духовная природа человѣка была навсегда заключена въ цѣпи нескончаемаго рабства. Такимъ образомъ возможность развитія человѣческаго, данная ученіемъ, возникшимъ въ Іудеѣ, была уничто-

жена въ Исламизмѣ, и будущая побѣда Христіанства обусловливалась уже самыми первыми началами вѣрованій, назначенныхъ на вѣковую борьбу. Съ другой стороны ученіе Мугаммеда содержало въ себѣ причины временнаго, но блистательнаго торжества. Глубокое значеніе монотеистическаго преданія соединялось въ немъ съ роскошью воображенія вещественной поэзіи; высокія нравственныя побужденія мирились съ страстями человѣческими, съ любовію къ чувственному наслажденію и воинской славѣ; ученіе было просто и доступнѣе темному невѣжеству, чѣмъ Христіанство, котораго полный смыслъ былъ ясенъ только для немногихъ мыслителей (какъ видно изъ хода и развитія ересей); всѣ учрежденія были вполнѣ согласны съ бытомъ и характеромъ народовъ юго-западной Азіи и сѣверной Африки; наконецъ, и это всего важнѣе, въ Исламѣ идея религіозная заключала въ себѣ не только освященіе стремленій завоевательныхъ, но и обязанность завоеваній, и весь народъ вѣрующій былъ обращенъ въ постоянную и восторженную дружину. Съ Мугаммедомъ началась религіозная война, одно изъ важнѣйшихъ и едва ли не самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи, отвратительный обманъ, прикрывающій безчеловѣчіе войны личиною высоко-человѣческаго чувства, братолюбія и любви къ божественной истинѣ, обманъ особенно увлекательный для благороднѣйшихъ душъ и между тѣмъ уничтожающій въ самомъ корнѣ сознаніе различія между нравственнымъ добромъ и зломъ. Исламъ былъ отечествомъ для Магометанъ, и это духовное отечество признавало въ себѣ всѣ права государства и право высшее—сдѣлаться государствомъ всемірнымъ. Такое новое, такое грозное явленіе не могло не потрясти всего міра.

IV, 585. Были во многихъ странахъ раздоры и войны, причиненныя разницею вѣрованій (напр. въ Индіи), но это еще не религіозная война въ ея полномъ значеніи. Израиль при вступленіи въ землю Хананскую и Иранъ при домѣ Кеанидовъ въ своихъ военныхъ подвигахъ признаютъ себя народами святыми; но Израиль ищетъ простора для поселенія, Иранъ отбивается отъ непріятеля или завоевываетъ въ качествѣ государства, а не вѣры. Это все еще не религіозныя войны. Въ одномъ Исламѣ религія проявилась, какъ отвлеченное государство, съ правомъ и потребностью всемірнаго завоеванія.

Въ нашъ вѣкъ просвѣщеніе неудержимо завоевываетъ міръ для Христіанства, и Исламъ исчезаетъ. Оружіемъ мессіи Аравійскаго былъ мечъ, оружіемъ мессіи Еврейскаго, замкнувшаго навсегда все Иранское преданіе, было и будетъ слово.

IV, 416. Съ эпохою новорожденнаго Христіанства начинается новая эпоха исторіи, ясная, всѣмъ знакомая, обработанная безконечнымъ множествомъ писателей; но она связана съ исторіею до-христіанскою связью неразрывною, ибо слѣды прошедшаго не легко изглаживаются, и жизнь прожитая долго обусловливаетъ будущую.

Явленіе Іисуса и Его законъ содержатъ въ себѣ начáло всей позднѣйшей жизни міра; но это начáло развилось только черезъ нѣсколько вѣковъ, такъ что первыя столѣтія принадлежатъ еще исключительно древней исторіи. Даже и тогда, когда знамя, поднятое Константиномъ, возвѣстило торжество Еврейскаго Учителя, когда новые народы, выступивъ изъ глубины сѣверныхъ пустынь, уничтожили въ своемъ дикомъ налетѣ прежнія государства Европы и, покорившись преемникамъ Апостоловъ, создали новыя державы, донынѣ правящія судьбою человѣчества,—сѣмена добра и зла, просвѣщенія и заблужденій, брошенныя прежнимъ развитіемъ человѣческой мысли, не погибли и не остались безплодными. Римъ и Эллада, воинственная дикость Германца и тѣсный бытъ Славянской семейности имѣли столько же вліянія на исторію новѣйшую, сколько и Христіанство. Поэтому мнѣніе, высказанное ревнителями закона Іисусова въ похвалу, или его врагами въ укоръ, будто бы все развитіе Европы послѣ Константина есть ничто иное какъ жизнь и развитіе Церкви, не имѣетъ никакого основанія. Какъ укоръ оно несправедливо, ибо мерзости разврата и кровопролитія, наполняющія всю лѣтопись христіанскихъ народовъ, не находятся въ логической связи съ ученіемъ, завѣщаннымъ отъ Еврейскихъ проповѣдниковъ; какъ похвала оно нелѣпо, ибо самая похвала была бы укоромъ. Основатели Церкви ужаснулись бы своего созданія, если бы на нихъ легла отвѣтственность Европейской исторіи. Одно только можетъ и должно быть сказано объ отношеніяхъ Христіанства къ народамъ, которые его исповѣдуютъ, именно то, что оно до сихъ поръ обусловливало крайніе предѣлы ихъ развитія. Таковъ смыслъ, всякой религіи: она есть граница всего духовнаго и умственнаго міра для человѣка. Народъ, выступившій изъ границъ своего вѣрованія, создаетъ себѣ вѣрованіе новое; отрицаніе же, еще не создавшее новаго положенія, находится въ прямой зависимости отъ положенія отвергаемаго. Поэтому до нашихъ временъ Христіанство (принимаемое или отрицаемое) есть законъ всего просвѣщеннаго міра; но одно только невѣжество можетъ смѣшивать Церковь, т. е. строгое и логическое развитіе начала христіанскаго, съ обществами, признающими, но не воплощающими его.

ЦЕРКОВЬ.

II.

Вселенскіе соборы.—Ученіе о Церкви.—Откровеніе. — Мѣра постиженія человѣкомъ божественной истины и выраженія ея человѣческимъ языкомъ.—Видимый образъ Церкви.—Христіанинъ какъ членъ гражданскаго общества. — Историческія судьбы Христіанства.—Церковная и государственная жизнь Византіи.

Послѣдователи Іисуса составили собою христіанскую Церковь. Ученіе Церкви, по мѣрѣ распространенія Христіанства, выражалось Вселенскими соборами.

IV, 552. Самые соборы не опредѣляли, но высказывали мысль и вѣрованія, живущія въ церковной общинѣ: они получали значеніе свое не отъ особенныхъ формъ, не отъ вещественныхъ признаковъ власти, но отъ согласія отсутствующихъ христіанъ на исповѣданіе, утвержденное ихъ представителями, епископами или духовными лицами, сидящими на соборѣ. Отъ того-то ни число присутствующихъ на соборѣ епископовъ, ни власть или согласіе императоровъ, ни согласіе старшихъ епископовъ и патріарховъ, никакая, наконецъ, внѣшняя примѣта, ничто не давало собору характера вселенскаго (т. е. общецерковнаго). Такъ, напр., на соборахъ, отвергнутыхъ Церковью, часто присутствовало такое число епископовъ, какого не бывало и на соборахъ, названныхъ Вселенскими; такъ многіе изъ нихъ были утверждены царями, многіе признаны всѣми патріархами, не исключая Римскаго (ибо рѣшеніе собора Миланскаго было подписано Либеріемъ, не выдержавшимъ императорскаго гоненія). Общее мнѣніе было судьею самаго собора, а соборъ только выраженіемъ духовнаго и нравственнаго единства.

IV, 557. Соборы отстояли для человѣчества великое ученіе, котораго благотворные плоды питали его донынѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, облагороживая и возвышая его помыслы и направляя его къ безконечно высокой цѣли. Объявлено было внутреннее тождество духа, Бога и человѣка въ проявленіи Мессіи. Догматъ былъ утвержденъ, и Церковь могла успокоиться; но новая страшная буря должна была ее потрясти и съ нею вмѣстѣ потрясти надолго и, можетъ-быть, ослабить навсегда Византійскую имперію. Первые вѣка Церкви были скудны обрядами и почти чужды всякой внѣшней формы поклоненія. Государственное торжество Христіанства при Константинѣ дало свободу внѣшней жизни: явились обряды, свободно созданные для выраженія жизни внутренней и внутренняго единства; духъ искусства создалъ новыя

молитвенныя пѣсни, новое христіанское зодчество, новую живопись, скудную въ отношеніи къ красотѣ пластической, богатую въ смыслѣ духовнаго выраженія, и это опять было дѣломъ Византійскаго міра. Икона сдѣлалась предметомъ любви, уваженія и почтительнаго поклоненія; въ темномъ народѣ она сдѣлалась предметомъ идолопоклонства. Противъ этого уклоненія отъ Христіанства возстали мужи сильные ревностію и духомъ, императоры прославленные побѣдными подвигами противъ иноземцевъ; но вмѣсто убѣжденія и ученія они въ дѣлѣ исправленія духовнаго вооружились властію. Сопротивленіе возбудило гордость; оскорбленная гордость выразилась жестокими гоненіями. Духовенство возстало противъ незаконнаго употребленія свѣтской власти (къ которой оно часто само беззаконно прибѣгало). Оно чувствовало себя униженнымъ и угнетеннымъ и вступилось столько же за свои житейскія выгоды, какъ и за свои церковныя права. Страсти разгорѣлись; внутренній раздоръ погубилъ силы государства; истина затемнилась въ неизбѣжномъ ожесточеніи междоусобицы. Войско, вещественныя силы и едва ли не чистота намѣреній были на сторонѣ гонителей иконоборцевъ. По народное убѣжденіе, право и истина были на сторонѣ гонимыхъ защитниковъ иконъ.

Надъ этимъ вѣковымъ споромъ гордо смѣялась новая наука. Смыслъ его для нея такъ же теменъ, какъ и для невѣжества прежнихъ церковныхъ историковъ. И тѣмъ и другимъ не доставало безпристрастнаго просвѣщенія. Истинное значеніе иконоборческихъ споровъ весьма важно и, достойно величія человѣческой исторіи, болѣе достойно, чѣмъ мелкія войны, мелкія побѣды дикарей надъ дикарями, которыми гордятся западная Европа и ея кровавыя лѣтописи. Иконоборецъ возставалъ противъ злоупотребленія, унижающаго Христіанство до идолопоклонства; но онъ вмѣшивалъ власть и принужденіе въ дѣло высшей человѣческой свободы, но его торжество было бы приговоромъ не надъ одиѣми иконами, а надъ всякимъ обрядомъ. Защитники иконъ защищали въ нихъ право человѣческой свободы, а еще болѣе право каждаго человѣка и каждой общины въ ея живомъ единствѣ выражать свою мысль и свое чувство словомъ, звукомъ и образомъ. Они побѣдили, и ихъ побѣда спасла неприкосновенность Церкви и ея вѣру въ самую себя и въ живую мысль, которая должна устранить идолопоклонство безъ всякаго внѣшняго принужденія, и поэтическую свободу обряда, и будущее художество. Таково было дѣло второго собора Никейскаго, послѣдняго изъ великихъ соборовъ.

Этимъ соборомъ кончила Византія свой духовный подвигъ, утвердивъ навсегда догматъ, наукообразное выраженіе мысли, отстоявъ обрядъ, поэтическое выраженіе жизни.

Вселенскіе соборы выразили и самое ученіе о Церкви — *Церковь одна.*

II, 3. Единство Церкви слѣдуетъ необходимо изъ единства Божьяго; ибо Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорнымъ и не пользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви. Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ.

II, 228. Дѣйствительно Церковь—не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но въ духовной связи ихъ объединяющей. Церковь есть откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любви Христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса. Божественное назначеніе Церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личныя бытія: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, черезъ всѣ поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ.

II, 3. Церковь одна, не смотря на видимое ея дѣленіе для человѣка, еще живущаго на землѣ. Только въ отношеніи къ человѣку можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую, единство же ея есть истинное и безусловное. Живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ ангелы), не начинавшій еще земнаго пути (будущія поколѣнія), всѣ соединены въ одной Церкви—въ одной благодати Божіей; ибо еще неявленное твореніе Божіе для Него явно, и Богъ слышитъ молитвы и знаетъ вѣру того, кто еще не вызванъ Имъ изъ небытія къ бытію. Церковь же, тѣло Христово, проявляется и исполняется во времени, не измѣняя своего существеннаго единства и своей внутренней, благодатной жизни. Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только въ отношеніи къ человѣку.

Церковь видимая или земная живетъ въ совершенномъ общеніи и единствѣ со всѣмъ тѣломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ. Она имѣетъ въ себѣ пребывающаго Христа и благодать Духа Святаго во всей ихъ жизненной полнотѣ, но не въ полнотѣ ихъ проявленій; ибо творитъ и вѣдаетъ не вполнѣ, а сколько Богу угодно. Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь назначилъ явиться при конечномъ

судѣ Своего творенія: то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству (по словамъ Апостола Павла къ Коринѳянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь же земная судитъ только себѣ, по благодати Духа и по свободѣ, дарованной ей черезъ Христа, призывая и все остальное человѣчество къ единству и къ усыновленію Божьему во Христѣ; но надъ неслышащими ея призыва не произноситъ приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

II, 228. Сокровенныя связи, соединяющія земную Церковь съ остальнымъ человѣчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ пребывающихъ внѣ видимой Церкви, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе противорѣчило бы Божественному милосердію.

II, 4. Съ сотворенія міра пребывала Церковь земная непрерывно на землѣ и пребудетъ до совершенія всѣхъ дѣлъ Божіихъ по обѣщанію, данному ей Самимъ Богомъ. Признаки же ея суть: внутренняя святость, не дозволяющая никакой примѣси лжи (ибо въ ней живетъ духъ истины) и внѣшняя неизмѣнность, ибо неизмѣненъ Хранитель и Глава ея Христосъ.

Всѣ признаки Церкви, какъ внутренніе, такъ и внѣшніе, познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ быть ея членами. Для чуждыхъ же и непризванныхъ они непонятны, ибо внѣшнее измѣненіе обряда представляется непризванному измѣненіемъ самаго Духа, прославляющагося въ обрядѣ (какъ напримѣръ, при переходѣ ветхо-завѣтной Церкви въ ново-завѣтную, или при измѣненіи обрядовъ и положеній церковныхъ со временъ апостольскихъ).—Церковь и ея члены знаютъ, внутреннимъ знаніемъ вѣры, единство и неизмѣнность своего духа, который есть духъ Божій. Внѣшніе же и непризванные видятъ и знаютъ измѣненіе внѣшняго обряда внѣшнимъ знаніемъ, не постигающимъ внутренняго, какъ и самая неизмѣнность Божія кажется имъ измѣняемою въ измѣненіяхъ Его твореній. — Посему, не была и не могла быть Церковь измѣненною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, въ которое она приняла бы ложь въ свои нѣдра, въ которое бы міряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаніямъ и ученію несогласнымъ съ ученіемъ и духомъ Христо-

вымъ. Не знаетъ Церкви и чуждъ ей тотъ, кто бы сказалъ, что могло въ ней быть такое оскудѣніе духа Христова. Частное же возстаніе противъ ложнаго ученія, съ сохраненіемъ или принятіемъ другихъ ложныхъ ученій, не есть и не могло быть дѣломъ Церкви: ибо въ ней, по ея сущности, должны были всегда быть проповѣдники и учители и мученики, исповѣдующіе не частную истину съ примѣсью лжи, но полную и безпримѣсную истину. Церковь знаетъ не отчасти истину и отчасти ложь, а полную истину и безъ примѣси лжи. — Живущій же въ Церкви не покоряется ложному ученію, не принимаетъ таинства отъ ложнаго учителя; зная его ложнымъ, не слѣдуетъ обрядамъ ложнымъ. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитритъ и малодушничаетъ, ибо свята. Точно также Церковь, по своей неизмѣнности, не признаѐтъ ложью того, что̀ она когда-нибудь признавала за истину; и объявивъ, общимъ соборомъ и общимъ согласіемъ, возможность ошибки въ ученіи какого-нибудь частнаго лица или какого-нибудь епископа или патріарха (какъ напр., папы Онорія на Халкидонскомъ соборѣ), она не можетъ признать, что сіе частное лице, или епископъ, или патріархъ, или его преемники, не могли впасть въ ошибку по ученію, и что они охранены отъ заблужденія какою-нибудь благодатію. Чѣмъ святилась бы земля, еслибы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, еслибы ея нынѣшній приговоръ былъ противенъ вчерашнему? Въ Церкви, то-есть въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія; но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной.

Церковь называется единою, святою, соборною (каѳолическою и вселенскою) и апостольскою; потому что она едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой нибудь мѣстности; потому что ею святятся все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой нибудь народъ или одна страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, признающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви.

Изъ сего слѣдуетъ, что когда называется какое-нибудь общество Христіанскою Церковью мѣстною, какъ-то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значитъ только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой-то странѣ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себѣ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менѣе пред-

полагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ея могли предписывать свое толкованіе другимъ. Благодать вѣры неотдѣльна отъ святости жизни, и ни одна община, и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной. Впрочемъ, всякая община христіанская, не присвоивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣетъ вполнѣ право измѣнять свои обряды, вводить новые, не вводя въ соблазнъ другія общины; напротивъ, отступая отъ своего мнѣнія и покоряясь ихъ мнѣнію, дабы то, что̀ въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому, и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единства духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Любовь есть вѣнецъ и слава Церкви.

II, 12. Въ символѣ Никео-Константинопольскомъ, исповѣдавъ свою вѣру въ Тріѵпостасное Божество, Церковь исповѣдуетъ свою вѣру въ самую себя, потому что она себя признаетъ орудіемъ и сосудомъ божественной благодати и дѣла свои признаетъ за дѣла Божіи, а не за дѣла лицъ, повидимому ее составляющихъ. Въ семъ исповѣданіи она показываетъ, что знаніе объ ея существованіи есть также даръ благодати, даруемой свыше и доступной только вѣрѣ, а не разуму.

Ибо какая бы мнѣ была нужда сказать: вѣрую, когда бы я зналъ? Вѣра не есть ли обличеніе невидимыхъ? Церковь же видимая не есть видимое общество христіанъ, но духъ Божій и благодать таинствъ, живущихъ въ этомъ обществѣ. Посему и видимая Церковь видима только вѣрующему, ибо для невѣрующаго таинство есть только обрядъ, и Церковь только общество. Вѣрующій, хотя глазами тѣла и разума видитъ Церковь только въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, но сознаетъ ее духомъ въ таинствахъ и въ молитвѣ и въ богоугодныхъ дѣлахъ. Посему онъ не смѣшиваетъ ея съ обществомъ, носящимъ имя христіанъ, ибо не всякій, говорящій «Господи, Господи», дѣйствительно принадлежитъ роду избранному и сѣмени Авраамову. Вѣрою же знаетъ истинный христіанинъ, что Единая Святая Соборная, Апостольская Церковь никогда не исчезнетъ съ лица земли до послѣдняго суда всей твари, что она пребываетъ на землѣ видимо для глазъ плотскихъ и плотски мудрствующаго ума въ видимомъ обществѣ христіанъ; точно также какъ она пребываетъ видимою для глазъ вѣры въ Церкви за-

гробной, невидимой для глазъ тѣлесныхъ. Вѣрою же знаетъ христіанинъ и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена въ видимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое исказились бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдѣ отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются святыя таинства, гдѣ хранилось и хранится ученіе, гдѣ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати? Святая Церковь исповѣдуетъ и вѣруетъ, что никогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря, и что Церковь никогда не могла ни ошибиться по неразумію (ибо въ ней живетъ разумъ Божій), ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію (ибо въ ней живетъ сила духа Божія).

II, 17. Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнію, но жизнію божественною и благодатною. Посему не только каждый изъ членовъ ея, но и вся она торжественно называетъ себя Святою. Видимое ея проявленіе содержится въ таинствахъ, внутренняя же жизнь ея въ дарахъ Духа Святаго, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Угнетаемая и преслѣдуемая внѣшними врагами, не разъ возмущенная и разорванная злыми страстями своихъ сыновъ, она сохранялась и сохраняется неколебимо и неизмѣнно тамъ, гдѣ неизмѣнно хранятся таинства и духовная святость, никогда не искажается и никогда не требуетъ исправленія. Она живетъ не подъ закономъ рабства, но подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собою ничьей власти кромѣ собственной, ничьего суда кромѣ суда вѣры (ибо разумъ ея не постигаетъ), и выражаетъ свою любовь, свою вѣру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истины и благодатью Христовою. Посему, самые обряды ея, хотя и неизмѣнны (ибо созданы духомъ свободы и могутъ измѣняться по суду Церкви), никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ содержать въ себѣ какую-нибудь, хотя малѣйшую примѣсь лжи или ложнаго ученія. Обряды же, еще неизмѣненные, обязательны для членовъ Церкви, ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства.

II, 199. Но крайне несправедливо думать, что Церковь требуетъ принужденнаго единства или принужденнаго послушанія; напротивъ, она гнушается того и другаго: ибо въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть.

II, 255. Церковь зоветъ въ свои объятія всѣ народы и въ полнотѣ несомнѣннаго упованія ожидаетъ пришествія своего Спасителя. Спокойнымъ окомъ зритъ она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волною,

гроза историческихъ треволненій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зритъ и не смущается, ибо вѣритъ въ его несокрушимость. Камень этотъ—Христосъ.

II, 26. По волѣ Божіей Св. Церковь, послѣ отпаденія многихъ расколовъ и Римскаго патріаршества, сохранилась въ эпархіяхъ и патріаршествахъ Греческихъ, и только тѣ общины могутъ признавать себя вполнѣ христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами или вступаютъ въ сіе единство; ибо одинъ Богъ и одна Церковь, и нѣтъ въ ней ни раздора ни разногласія.

Посему Церковь называется Православною, или Восточною, или Греко-Россійскою; но всѣ сіи названія суть только названія временныя. Не должно обвинять Церковь въ гордости, потому что она себя называетъ Православною, ибо она же себя называетъ Святою. Когда исчезнутъ ложныя ученія, не нужно будетъ и имя Православія; ибо ложнаго Христіанства не будетъ. Когда распространится Церковь или войдетъ въ нее полнота народовъ, тогда исчезнутъ всѣ мѣстныя наименованія; ибо не связывается Церковь съ какою-нибудь мѣстностію и не хвалится какою-нибудь отдѣльною эпархіею или областію, и не хранитъ наслѣдства языческой гордости; но она называетъ себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежитъ весь міръ и что никакая мѣстность не имѣетъ особаго какого-нибудь значенія, но временно только можетъ служить и служитъ для прославленія имени Божіяго, по Его неисповѣдимой волѣ.

II, 244. Всѣ тайны вѣры были открыты Церкви Христовой, отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мѣрѣ въ какой оно доступно земному человѣчеству) было дано ей отъ начала; и всѣ эти тайны, все это познаніе, выражены были первыми Христовыми учениками, но были выражены только для Церкви и только ею могутъ быть поняты. Сами по себѣ Богъ и Божественное невыразимы, слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумѣ, т. е. въ мірѣ человѣческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соотвѣтственныхъ реальности міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ слова̀, которыми выражаются не отвлеченности, а понятія взятыя изъ живой реальности (вещественной или духовной) бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами, понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ бы

долю жизни самаго постигающаго субъекта. Оттого слѣпому недоступно дѣйствительное пониманіе словъ: «свѣтъ и цвѣтъ»; оттого человѣкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благоговѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли съ бо́льшимъ основаніемъ должны мы признать, что слова̀, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностью этого міра? Если самыя эти понятія недоступны человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божіимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова̀, служащія имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тому, чья жизнь составляетъ какъ бы живую принадлежность организма Церкви.

II, 246. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человѣческихъ. И Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ Апостоловъ не слова̀, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви видоизмѣняется во свидѣтельство безконечности идеи; иначе, это слово было бы не болѣе какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ кромѣ развѣ безплодности и вялости умственнаго труда, или даже полнаго его отсутствія.

Мы это видимъ съ самаго начала. Если бы таинственное и присноповлоняемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое Божественное имя «Вѣчнаго Слова?» Или, если это послѣднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ Евангельской проповѣди?

Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Іоаннова Евангелія. «Образъ Отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда, открываютъ намъ туже мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указываютъ ее не столь ясно. И такъ скажемъ ли мы,

что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитіи Церкви? Отнюдь нѣтъ, ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ Св. Павла; но дѣло въ томъ, что явился новый слушатель. Іудей, Римлянинъ, Грекъ-мастеровой ничего бы не поняли, если бы Св. Павелъ заговорилъ о Словѣ. Это выраженіе не пробудило бы въ нихъ представленіи никакой идеи; оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь—воспитанники Греческой философіи. Выраженіе сравнительно съ прежними болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той поры было бы непонятно, стало теперь возможно; Св. Іоаннъ возглашаетъ его, и ликующая Церковь повторяетъ его въ день торжественнѣйшаго изъ своихъ празднествъ. Значитъ ли это, что Церковь обрѣла наконецъ терминъ для выраженія своей мысли? Какъ! Слово, этотъ улетучивающійся звукъ, или этотъ нѣмой знакъ начертанный или оттиснутый, это нѣчто измѣняющееся и условное, это нѣчто не имѣющее ничего своего, не имѣющее даже жизни по себѣ, жизни, такъ сказать, личной, признать его за выраженіе способное обнять и опредѣлить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Этого и предположить нельзя. Нѣтъ, не тому радуется Церковь, что будто бы удалось ей наконецъ выразить мысль свою, а тому, что указала ясно своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Всѣ слова наши, если смѣю такъ выразиться, суть не свѣтъ Христовъ, а только тѣнь Его на землѣ. Блаженны тѣ, которымъ дано, созерцая эту тѣнь на поляхъ Іудеи, угадывать небесный свѣтъ Ѳавора. Этотъ свѣтъ постоянно свѣтитъ для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тѣнь вещества; ибо языкъ нашъ вполнѣ вещественъ, не только по своей формѣ, но и во всѣхъ почти корняхъ своихъ, хотя онъ и невещественъ по своему началу. Еслибы Апостолъ обращался къ инымъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, можетъ быть, онъ употребилъ бы иныя выраженія.

II, 62. Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаннаго, то есть признаннаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактѣ видимомъ; вѣра не то что́ вѣрованіе или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится или чувствуется вмѣстѣ; словомъ—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь.

II, 57. Духъ Божій, глаголющій священными писаніями, поучающій и освѣщающій священнымъ преданіемъ вселенской Церкви, не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Онъ доступенъ только полнотѣ человѣческаго духа, подъ наитіемъ благодати. Попытка проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, предпося передъ собою одинъ свѣтильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ тоже время безумная. Только свѣтъ, съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка, можетъ указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ Божіимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество. «Только тотъ можетъ понять пророка кто самъ пророкъ», говоритъ Св. Григорій Чудотворецъ. Только само Божество можетъ уразумѣть Бога и безконечность Его премудрости. Только тотъ, кто въ себѣ носитъ живаго Христа, можетъ приблизиться къ Его престолу, не уничтожившись передъ тою славою, передъ которою самыя чистыя силы духовныя повергаются въ радостномъ трепетѣ. Только Церкви, святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, носящему въ себѣ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутреннимъ и тѣснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человѣческая не въ силахъ постигнуть, ни слово человѣческо не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и проникать въ его тайны. Я говорю о Церкви въ ея цѣлости, о Церкви, по отношенію къ которой Церковь земная составляетъ нераздѣльную отъ нея часть.

Земная Церковь живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ человѣческаго общества, въ составѣ государства. Черезъ это измѣняется ея видимый образъ.

I, 239. Дѣйствительно, какъ бы ни было совершенно человѣческое общество и его гражданское устройство, оно не выходитъ изъ области случайности исторической и человѣческаго несовершенства; оно само совершенствуется или падаетъ, во всякое время оставаясь далеко ниже недосягаемой высоты неизмѣнной и богоправимой Церкви.

I, 240. Каждый христіанинъ есть въ одно и тоже время гражданинъ обоихъ обществъ, совершеннаго, небеснаго (Церкви) и несовершеннаго, земнаго (Государства). Въ себѣ совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую, повинуясь обѣимъ. Строго исполняя всякій долгъ, возлагаемый на него земнымъ обществомъ, онъ въ совѣсти своей, очищенной уроками Церкви, неусыпно наблюдаетъ за каждымъ своимъ по-

ступкомъ и допрашиваетъ себя объ употребленіи всякой данной ему силы или права, дабы усмотрѣть, не оставляетъ ли пользованіе ими какого-нибудь пятна или сомнѣніи въ его душѣ или въ убѣжденіяхъ его братій, и не лучше ли иногда воздержаться ему самому даже отъ дозволеннаго и законнаго, или нѣтъ ли наконецъ у него въ отношеніи къ его земному отечеству обязанностей, которыхъ оно еще не возлагаетъ на него. Жизнь его и слово дѣлаются въ одно время и примѣромъ, и наставленіемъ для другихъ, также какъ и онъ самъ отъ другихъ, лучшихъ, получаетъ примѣръ и наставленіе. Эта искренняя и непринужденная и безропотная бесѣда между требованіями двухъ областей въ самой душѣ человѣка есть тотъ великій двигатель, которымъ небесный законъ Христіанства подвигаетъ впередъ и возвышаетъ народы, принявшіе его. Конечно, въ душѣ, въ словѣ и дѣлѣ человѣка могутъ быть ошибки; но нѣтъ исканія и, слѣдовательно, возможности улучшенія безъ возможности ошибки. Участь же общества гражданскаго зависитъ отъ того, какой духовный законъ признаётся его членами и какъ высока нравственная область, изъ которой они черпаютъ уроки для своей жизни въ отношеніи къ праву положительному. Такова причина, почему всѣ государства не-христіанскія, какъ ни были они грозны и могущи въ свое время, исчезаютъ передъ міромъ христіанскимъ; и почему въ самомъ Христіанствѣ тѣмъ державамъ опредѣляется высшій удѣлъ, которыя полнѣе сохраняютъ его святой законъ.

Такова была судьба Христіанства и въ первой державѣ, принявшей его какъ государственную религію, въ Восточно-Римской Имперіи.

I, 217. Право и понятіе о государствѣ оставались въ тѣхъ упорныхъ формахъ, которыя были даны Римомъ. Прочна была работа вѣчнаго города. Не безъ полнаго ясновидѣнія явился онъ пророку въ истуканѣ желѣзномъ на глиняныхъ ногахъ. Шатки и ненадежны были основы его величія; но логическое развитіе его настройки было сковано изъ неразрушимаго желѣза. Его юридическая цѣпь охватила и сдавила жизнь Византіи. Свободная и плодотворная во всякой другой области, мысль Эллина въ области права рабски слѣдовала по путямъ, ей указаннымъ ея учителями—законовѣдами Рима; и, не смотря на нѣкоторыя слабыя попытки позднѣйшаго законодательства, болѣе исказившаго, чѣмъ измѣнившаго стройную цѣльность законовъ, духъ закона оставался одинъ и тотъ же, и Христіанство почти не проникало въ каменный Капитолій юристовъ: тамъ жилъ и властвовалъ до конца духъ язычества.

I, 218. Все уголовное право, съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безнравственными судами и разрядами преступленій, было наслѣдствомъ того Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія Восточной имперіи. Точно тоже должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ; точно тоже обо всей общественной жизни съ ея играми, съ ея торжествами (кромѣ церковныхъ), съ ея тріумфами, съ ея гордостію, съ ея самоупоеніемъ и со всею этою позолоченою ветошью языческаго міра, которая охватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противу - христіанскихъ началъ. Оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества: ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполнѣ уразумѣть ни всей лжи Римскаго общественнаго права, ни безконечно-трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ. Ихъ благодѣтельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку Римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Лучшія, могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли сносить. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи. Темнѣе становились города, просіявали пустыни, и добродѣтели личныя возносились къ Богу, какъ очистительный ѳиміамъ, между тѣмъ какъ зловоніе общественной неправды, разврата и крови заражало государство и сквернило всю землю Византійскую.

Ей не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества; но ей было дано великое дѣло уяснить вполнѣ христіанское ученіе, и она совершила этотъ подвигъ не для себя только, но для насъ, для всего человѣчества, для всѣхъ будущихъ вѣковъ. Сама Имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей, въ ученіи школъ духовныхъ и особенно въ святилищѣ пустынь и монастырей, хранилась до конца чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала.

Начало это жило въ Церкви.

III.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Церковное единство.—Причины его нарушенія. — Особенности Западныхъ епархій.—Возвышеніе Папства.—Языческія стихіи Римскаго Католицизма.—Отдѣленіе Западной церкви отъ Восточной.

II, 48. Со времени своего основанія Апостолами Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извѣстный міръ, связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, никогда не было нарушаемо. Даже ереси не нарушали этого Божественнаго единства: онѣ носили характеръ заблужденій личныхъ, а не расколовъ цѣлыхъ областей или епархій.

Но въ духовномъ строѣ областей и епархій Западныхъ заключались начала существенно-отличныя отъ началъ Востока. Начала эти коренились во всей предшествовавшей, до-христіанской исторіи Запада, въ его религіозныхъ, племенныхъ и государственныхъ стихіяхъ.

IV, 417. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслію, свѣтелъ собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ полнѣйшей идеѣ политической, но въ тоже время сохранялъ духовную самобытность, умственное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ Римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и безплодная самобытность исчезла вскорѣ. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ.

Коренныя начала западнаго міра не замедлили обнаружиться и въ Западномъ Христіанствѣ.

IV, 484. Политическія послѣдствія Аріевой смуты отзывались во всей исторіи Европы, въ продолженіе многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили Имперію и открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы.—Народы Германскаго племени, вторгшіеся въ область Римскую и откинутые на Западъ вслѣдствіе Гуннскаго напора и устойчивости Византійской, перенесли съ Востока въ области Западной имперіи, ими завоеванныя, Аріанство, враждебное новопокоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патріаршескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за по-

кровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ Никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовика, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу Западной Европы въ руки Франковъ.

Основаніемъ имперіи Карла Великаго значеніе Папства возвысилось еще болѣе, ибо папа въ этомъ случаѣ явился возстановителемъ Имперіи и наслѣдникомъ правъ древняго Рима.

IV, 704. Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судіи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ Западныхъ епархіяхъ.

Установленію такого взгляда способствовало различіе между возрѣніями Восточнымъ и Западнымъ.

IV, 705. Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о вѣрѣ и церкви. Для Эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства (какое доступно человѣку, лишенному наслѣдства преданія) вѣра была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины, переданной Богочеловѣкомъ Іисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ Божественнымъ Духомъ; изъ жизненнаго единства всѣхъ одновѣрующихъ лицъ составлялась внутренняя и внѣшняя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина, создавшаго самое могучее изо всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символъ единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ Римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

IV, 706. Древній Римъ налагалъ свою печать на новое Христіанство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри. Но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ Римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о Церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ, или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была ничто иное какъ односторонность самаго Западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный Западъ еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли. Онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторыя Германскія семьи сплою Римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе; кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской Германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще—Церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими сознаннаго проявленія человѣческой мысли.

Поэтому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были построеніе Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ (кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ) были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною и логически неясною, доставляло собору всю его силу и

неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На Западѣ тѣже соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственныя права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ—приговоромъ.

Но случайность соборовъ, ихъ невозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присущей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ Западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ, почти безъ ихъ воли, въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ.

Въ складѣ Западно-христіанскихъ воззрѣній сказалось начало несравненно болѣе древнее.

IV, 956. Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло, повидимому, рѣшительный ударъ Кушитскимъ религіямъ, поклоненію органической необходимости, въ какой бы формѣ она ни являлась, и всѣмъ религіямъ, основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизаціи; но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалы своихъ познаній изъ наукъ, выработанныхъ міромъ, вполнѣ принадлежавшимъ системѣ Кушитской. Западные народы, понявъ самую Церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя нѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, скрытымъ подъ формою юридическою. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправленія общей мысли, не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась Церковь (видимый и земной отдѣлъ Церкви всемірной): нѣтъ, Церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители Церкви отдѣлялись естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе соотвѣтствующее своему новому значенію — церковниковъ (Ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (Laici).

Іерархія могла замкнуться или въ видѣ постояннаго собора чиновниковъ земной Церкви, рѣшающихъ всѣ вопросы объ ея коренныхъ законахъ (догматахъ вѣры), или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на Востокѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія. Такова была первая эпоха. Расторженіе союза съ Востокомъ, убѣжденіе, что явное разногласіе, происходящее постоянно во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидимому условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній; наконецъ, несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола привели Западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе свыше ниспосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ Западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всѣми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ, и такое опредѣленіе видимой главы всей Церкви опредѣлило весь характеръ Римскаго Католицизма.

Церковь стала внѣшностью для ея подданныхъ и внѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человѣчеству), какъ всякое государство. Религія, идея вполнѣ Римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обусловливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею или ея признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознаннаго разлада; обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь; вѣра сама—внѣшнимъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ или ниспосылаемымъ (ибо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но высказывавшей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ уплатѣ долга, накопляющагося отъ нарушеній обязанностей, излишкомъ

заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы; молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра. Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привилегіею іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всѣмъ Западнымъ міромъ подъ предводительствомъ Италіи, Христіанство приняло въ себя почти всѣ стихіи древняго Кушитства: условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ характеръ Западной Церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всѣхъ ея силъ и когда стихія Италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всѣми новыми народами, составлявшими Романо-германскую область, или признавшими ея мысленное державство.

Но еще единство Запада съ Востокомъ не было открыто нарушено.

Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

IV, 712. Въ спорѣ между духовенствомъ Испанскимъ и Аріанами желаніе возвеличить второе лицо въ Божествѣ, отвергаемое Готами-Аріанами, заставило искать всѣхъ возможныхъ доказательствъ единосущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго Запада не достаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутреннимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ Греческой церковной словесности, усилило ошибку.

На Толедскомъ соборѣ въ VII-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе «и отъ Сына» къ изложенію вѣры или символу Никео-Константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во всѣ общины Запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства Вестъ-Готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе Восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловинговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивала самоувѣренность и гордость Германо-Романскихъ областей; наконецъ, бѣгство многихъ

изъ Испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ, Франкскаго и Гото-Романскаго, ускорили принятіе символа Толедскаго почти во всемъ Западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испаніею прежде другихъ; оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣже начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ Западѣ была таже чисто-внѣшняя жизнь, таже неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ опредѣленій. Наконецъ, двуначальность Запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ Римскомъ правѣ (единственной основѣ всей западной мысли) заставляли невольно переносить туже самую двуначальность земную въ міръ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія (Духа) не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли (Отца) и отъ перваго ея проявленія или факта (Сына). Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ Востокомъ. Западныя общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ Римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще шатки. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный, папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ, нуждаясь въ Греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть перемѣну въ символѣ и, желая дать Востоку явное доказательство своего Православія, велѣлъ выставить въ главномъ Римскомъ соборѣ Никео-Константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ. Но неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принести свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на Западѣ не вслѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вслѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго Римскимъ епископомъ.

Папы, нескоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ перемѣну собственною властію своею. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; но притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современные лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Около половины IX-го вѣка взошелъ на Римскій престолъ Николай I-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостью, которая не боялась никакой борьбы, и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготовлялъ свои орудія. Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія. Временному и случайному дано значеніе постояннаго и всеобщаго; исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано вслѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное вслѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное на перекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ; но все принято съ ровною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить Церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Италіи, въ которой Греки и Восточная Церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и очевидно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковныхъ правовѣдовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею Западною Европою въ продолженіи многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ; Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимаго высшаго духовенства въ земляхъ при-Рейнскихъ, и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ; ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на возстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на Западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами Константинопольской епархіи,

которая одна изо всѣхъ первенствующихъ епархій не пала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патріаршій престолъ при жизни законнаго патріарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его; часть новообращенныхъ Славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться Римскому духовному владыкѣ. Но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможною, и все перемѣнилось: Западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, Славянскія области возвращены Цареградской епархіи, самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ Восточной Церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: ибо позднѣйшая ссора патріарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ Церкви раздѣлился, духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился пріобрѣтеніемъ безконечной страны Славянской; Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

IV.

ЗАПАДНЫЯ ИСПОВѢДАНІЯ.

Латинство и Протестанство. — Отношеніе Западнаго Христіанства къ Церкви.—Западная философія.—Борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.—Торжество невѣрія.—Отношеніе Церкви къ Западнымъ исповѣданіямъ.—Церковная полемика.

I, 148. Христіанство, въ полнотѣ своего Божественнаго ученія, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенныя въ *нравственномъ законѣ взаимной любви.* Юридическій характеръ Римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшихъ показалось ему, по необходимости, единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой. Таково было вліяніе Римской стихіи. Стихія Германская, противная Римской, удержала бы за собою другое начало, но этого быть не могло: она сама являлась въ Западной Европѣ завоевательницею, насильницею. Вслѣдствіе своего положенія она приняла въ себя тоже начало, которое принимала Римская стихія вслѣдствіе своего внутренняго характера.

И такъ Западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ Христіанства, но подъ вліяніемъ Латинства, т. е. Христіанства односторонне-понятаго, какъ законъ внѣшняго единства. Тотъ, кто понимаетъ исторію, можетъ легко усмотрѣть постепенное развитіе этого начала въ идеѣ Всехристіанства (tota Christianitas), понятаго какъ государство, въ борьбѣ императоровъ и папъ, въ крестовыхъ походахъ, въ военно-монашескихъ орденахъ, въ принятіи одного церковно-дипломатическаго языка (Латинскаго), и т. д. Онъ увидитъ, что и вся жизнь Запада была проникнута этимъ началомъ и развивалась въ полной зависимости отъ него, въ іерархіи феодальной, въ аристократизмѣ, въ понятіи о правѣ, въ понятіи о государственной власти, и т. д.

Таковъ былъ первый періодъ Западной исторіи; второй былъ періодомъ реакціи. Односторонность Латинства вызвала противодѣйствіе, и мало по малу, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, послѣ долгой борьбы, наступилъ періодъ Протестантства, односторонняго какъ и Латинство, но односторонняго въ направленіи противоположномъ первому: ибо Протестантство удерживало идею свободы и приносило ей въ жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примиреніе было невозможно для Запада, воспитаннаго началомъ Латинства, подъ условіями завоеванія Германскаго и юридической формальности Римской. Вся новая исторія Европы принадлежитъ Протестантству, даже въ земляхъ, слывущихъ за Католическія. Какъ идея единства Латинскаго была внѣшняя, такъ и идея свободы Протестантской была внѣшнею; ибо свобода, отрѣшенная отъ идеи разумнаго содержанія, есть понятіе чисто-отрицательное и слѣдовательно внѣшнее. Протестантство удерживалось въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ совершеннаго самоуничтоженія только посредствомъ произвольныхъ условій; но оно носило въ себѣ сѣмена своей собственной гибели, и этимъ сѣменамъ надобно было по необходимости развиться. Они развились. Въ области религіи догматической Протестантство исчезло и перешло въ неопредѣленность философскаго мышленія, т. е. философскаго скепсиса; въ области жизни общественной оно перешло въ то состояніе безпредѣльнаго броженія, которымъ потрясенъ Западный міръ. Произвольныя условія не могли устоять ни противъ требованій разумной критики, ни противъ личныхъ страстей; ибо условіе произвольное не можетъ заключать въ самомъ себѣ собственнаго освященія: оно можетъ только освящаться извнѣ, а всякое начало освящающее было уже уничтожено Протестантствомъ. Въ наше время судъ исторіи совершается и совершится надъ Латинствомъ и Протестантствомъ. Таковъ смыслъ современнаго движенія.

Первые шаги Протестантства, казалось, обѣщали обновленіе церковной жизни.

I, 210. Проснулась надежда основать убѣжденія человѣка на началахъ высшихъ, чѣмъ раціонализмъ и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасеніе въ томъ духовномъ мірѣ, который Создателемъ положенъ въ основу обновленному человѣчеству. Очистительнымъ громомъ прогремѣли надъ Европейскимъ Западомъ торжественные звуки Слова Божія, почти умолкнувшіе въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія; порывъ пламенной вѣры и дѣятельной любви оживилъ всѣ нравственныя силы. Свѣжее и бодрое Протестантство, полное юныхъ мечтаній и какой-то строгой поэзіи, облагородило личность человѣка и влило новую кровь даже въ истощенныя жилы одряхлѣвшаго Латинства. Нестройное разложеніе остановилось, но не надолго.

Самое Протестантство было плодомъ раціональнаго направленія. Его формы, его строго-логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, выступавшаго впередъ явно и сознательно изъ Римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдѣлался яснѣе, послѣдовательнѣе и строже. Скоро разорваны были пеленки, въ которыхъ еще скрывалось его дѣтство, и Фейербахи нашего времени начали свою разрушительную работу въ лицѣ Цвингліевъ и Карлштатовъ XVI-го вѣка. Это поняли уже первые Римскіе противники Протестантства; они сказали правду въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, но они не сознали и сознать не могли, что одностороняя разсудочность реформаторовъ была ничто иное, какъ развитіе начала, завѣщаннаго Римомъ и взращеннаго Папствомъ. Въ науку духовную Протестанты не внесли ничего новаго и живаго; это было невозможно. Они не возстановили и, вслѣдствіе своего умственнаго воспитанія, не могли возстановить той цѣльности и полноты, которыя составляютъ сущность Христіанства и которыя утрачены были на Западѣ съ самаго времени его отпаденія. Они приняли всю односторонность мысли, которую застали преобладающею и властвующею; они приняли всѣ ея опредѣленія, отрицая только приложенія опредѣленій, ими же допущенныхъ; и, разорвавъ поневолѣ цѣпь преданія, они наложили на искусственное зданіе своихъ новыхъ исповѣданій неизгладимую печать юридическаго утилитарства или разсудочной полезности, возведенной въ законъ всего духовнаго міра.

Источникъ обоихъ Западныхъ исповѣданій (раціонализмъ) все болѣе и болѣе обнаруживается въ ихъ взаимной борьбѣ.

II, 75. Критика серіозная, хотя сухая и недостаточная, ученость обширная, но расплывающаяся по недостатку внутренняго единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первыхъ вѣковъ Церкви, при узкости воззрѣній, замкнутыхъ въ предѣлахъ индивидуализма;

пламенные порывы, въ которыхъ какъ будто слышится признаніе ихъ неудовлетворительности и безнадежности когда либо обрѣсти удовлетвореніе; постоянный недостатокъ глубины, едва замаскированный полупрозрачнымъ туманомъ произвольнаго мистицизма; любовь къ истинѣ при безсиліи понять ее въ ея живой реальности; словомъ, раціонализмъ въ идеализмѣ — такова доля Протестантовъ. Сравнительно бо́льшая широта воззрѣній, далеко впрочемъ недостаточная для истиннаго Христіанства; краснорѣчіе блистательное, но слишкомъ часто согрѣваемое страстью; поступь величавая, но всегда театральная; критика почти всегда поверхностная, хватающаяся за слова и мало проникающая въ понятія; эффектный призракъ единства, при отсутствіи единства дѣйствительнаго; какая-то особенная ограниченность религіозныхъ требованій, никогда не дерзающихъ подниматься высоко и потому легко находящихъ себѣ дешевыя удовлетворенія; какая-то очень неровная глубина, скрывающая свои отмели тучами софизмовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку внѣшнему при неуваженіи къ истинѣ, то есть къ порядку внутреннему; словомъ, раціонализмъ въ матеріализмѣ—такова доля Латинянъ.

Среднее положеніе между двумя господствующими западными исповѣданіями занимаетъ Англиканство. Искренніе люди въ немъ колеблются между двумя крайностями и, наконецъ, начинаютъ обращать взгляды свои на Востокъ.

По западному христіанину, даже самому ревностному и искреннему въ своей личной вѣрѣ, не легко отречься отъ вѣковыхъ заблужденій и понять жизнь Церкви и отношеніе къ ней каждаго отдѣльнаго вѣрующаго.

II, 115. Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую забросилъ ее случай: таковъ человѣкъ въ Протестанствѣ. Кирпичъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменьщика: таковъ человѣкъ въ Романизмѣ. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви, въ тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь. Очевидно, люди Запада не могутъ ни понять ея, ни участвовать въ ней, не отрекшись отъ раскола, который есть ея отрицаніе: ибо Латинянинъ думаетъ о такомъ единствѣ Церкви, при которомъ не остается слѣдовъ свободы христіанина, а Протестантъ держится такой свободы, при которой совершенно исчезаетъ единство Церкви. Единство, какъ понимаютъ его Латиняне, есть Церковь безъ

христіанина; свобода, какъ понимаютъ ее Протестанты, есть христіанинъ безъ Церкви. Мы же исповѣдуемъ Церковь единую и свободную. Она пребываетъ единою, хотя у нея нѣтъ оффиціальнаго представителя ея единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединеніемъ ея членовъ. Эта Церковь, позволю себѣ выразиться словами Апостола, есть соблазнъ для іудействующихъ Латинянъ и юродство для эллинствующихъ Протестантовъ; для насъ же она есть откровеніе безконечной Божіей премудрости и милости на землѣ.

Чтобы вполнѣ опредѣлить отношеніе Церкви къ Латинству и Протестантству, необходимо прослѣдить послѣднее въ его продолженіи—Германской философіи, и въ конечномъ выводѣ—невѣріи.

Протестантство, подчинившее область вѣры логическому разсудку, слѣдовательно заключавшее раціонализмъ въ самой своей основѣ, было исходною точкою Германской философіи.

I, 300. Реформа разрушила внутреннее спокойствіе человѣческаго духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной произволу частной критики. Правда, цѣлый рядъ ученій, болѣе или менѣе удачныхъ, старался возстановить это нарушенное спокойствіе духа посредствомъ произвольныхъ сдѣлокъ между безусловною, узаконенною критикою и условной религіею; но ума человѣческаго не обманешь навсегда. Германія смутно сознавала въ себѣ полное отсутствіе религіи и переносила мало-по-малу въ нѣдра философіи всѣ требованія, на которыя до тѣхъ поръ отвѣчала вѣра. Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера.

Философская школа неуклонно продолжала свое дѣло.

I, 273. Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ, законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ.

Но въ чемъ же состояла односторонность и, слѣдовательно, ограниченность самой школы?... Она состояла въ томъ, что философія разсудка считала себя философіею разума.

I, 291. Кратчайшее выраженіе задачи Германіи есть *«возсозданіе цѣльнаго разума (т. е. духа) изъ понятій разсудка»*.

I, 293. Чтобъ увидѣть разомъ весь путь, пройденный школою отъ Канта до Гегеля, достаточно одного примѣра. Начальникъ школы говорилъ: «Вещи (предмета) мы не можемъ знать въ ней самой». Довершитель школы говоритъ: «Вещь (предметъ) въ себѣ самой не существуетъ; она существуетъ только въ знаніи (понятіи)».

I, 296. Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея основателѣ Кантѣ и рѣзко характеризующая ея довершителя Гегеля, состоитъ въ томъ, что она постоянно принимаетъ движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дѣйствительности (всей реальности). Пути понятія и реальности дѣйствительно тождественны, но тождественны, какъ лѣстница одна и таже для всходящаго и нисходящаго. Путь тотъ же, да движеніе діаметрально противоположно. Для понятія вещь сознается, и потому она есть или можетъ быть; въ реальности же она есть, и потому она сознается или можетъ быть сознана.

I, 274. Мы можемъ сказать, что мы пережили Нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, по яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе Кантовой школы не отражаетъ вполнѣ познаваемаго (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности. Она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объектированнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго генія.

Философскій раціонализмъ Гегеля породилъ матеріализмъ его учениковъ.

I, 312. Оба же, и раціонализмъ чистый, и матеріализмъ, суть не что иное, какъ двѣ стороны одной и той же системы, которую слѣдуетъ назвать системою *нецессаріанизма*, иначе безвольности.

Одновременно и рядомъ съ работою философской мысли продолжается борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.

II, 75. Въ каждую минуту каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побѣдой; и между тѣмъ обѣ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невѣріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ овладѣло, еслибы потребность вѣры не заставляла многихъ закрывать глаза передъ непослѣдовательностью религіи, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы таже потребность не заставляла держаться разъ принятой религіи даже тѣхъ, которые серьезно въ нее не вѣруютъ.

II, 144. Окончательное торжество религіознаго скептицизма еще не наступило; но и въ настоящее время можно утвердительно сказать обо всей Западной Европѣ, что у нея нѣтъ никакой религіи, хотя она и не смѣетъ еще признаться въ этомъ себѣ самой.

II, 145. Кажется, мы дали бы самое точное опредѣленіе настоящаго состоянія, сказавъ, что Латинская идея *религіи* превозмогла надъ Христіанскою идеею *вѣры*, чего доселѣ не замѣчаютъ. Міръ утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую-нибудь; онъ требуетъ религіи вообще. Поэтому только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру (въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дѣлаетъ это откровенно, то-есть за его честность и благородство.

II, 146. И религіозный махіавелизмъ правительствъ, и шаткая религіозность отдѣльныхъ лицъ видятъ передъ собою, въ близкомъ будущемъ, угрожающее лицо торжествующаго безвѣрія.

Таково современное религіозное состояніе Запада. Отношеніе къ нему Церкви вполнѣ опредѣленно.

Папство изобрѣло унію.

II, 70. Романизмъ можетъ допустить такое сліяніе, но Церковь не знаетъ сдѣлокъ въ догматѣ и въ вѣрѣ. Она требуетъ единства полнаго, не менѣе; за то она даетъ въ обмѣнъ равенство полное; ибо знаетъ братство, но не знаетъ подданства. Итакъ, сближеніе невозможно безъ полнаго отреченія со стороны Римлянъ отъ заблужденія, длившагося болѣе десяти вѣковъ. Но не могъ ли бы соборъ закрыть бездну, отдѣляющую Римскій расколъ отъ Церкви? Нѣтъ, ибо тогда только можно будетъ созвать соборъ, когда предварительно закроется эта бездна.

II, 72. Соборъ дотолѣ невозможенъ, пока Западный міръ, вернувшись къ самой идеѣ собора, не осудитъ напередъ своего посягательства на *соборность* и всѣхъ истекшихъ отсюда послѣдствій, иначе: пока не вернется къ первобытному символу и не подчинитъ своего мнѣнія, которымъ символъ былъ поврежденъ, суду вселенской вѣры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понятъ и осужденъ раціонализмъ, ставящій на мѣсто взаимной любви гарантію человѣческаго разума или иную: тогда, и только тогда, соборъ будетъ возможенъ. И такъ, не соборъ закроетъ пропасть; она должна быть закрыта, прежде чѣмъ соборъ соберется. Одинъ Богъ знаетъ часъ, предуставленный для торжества истины надъ извращеніемъ людей, или надъ ихъ немощью. Этотъ часъ наступитъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся; а до тѣхъ поръ, открыто ли выступаетъ раціонализмъ, какъ въ реформѣ, или подъ личиною, какъ въ Папизмѣ, Церковь будетъ относиться къ нему одинаково: съ состраданіемъ, жалѣя о заблужденіи и ожидая обращенія; но другаго рода отношеній къ обѣимъ половинамъ Западнаго раскола у Церкви не можетъ и быть.

Православные богословы вели и ведутъ съ Западомъ полемику.

II, 384. Полемика—дѣло частныхъ лицъ и никогда не можетъ имѣть церковнаго, соборнаго значенія. Но каждый членъ Церкви обязанъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, разъяснять и проповѣдывать церковную истину.

II, 32. Какъ откровеніе Божественной истины на землѣ, будучи предназначено, по самому существу своему, сдѣлаться общимъ отечествомъ для всѣхъ людей, Церковь ни одному изъ чадъ своихъ не разрѣшаетъ молчанія передъ клеветою, противъ нея направленною и клонящеюся къ извращенію ея догматовъ или ея началъ. Область государства—земля и вещество; его оружіе—мечъ вещественный. Единственная область Церкви—душа; единственный мечъ, которымъ она можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово. Поэтому, каждый изъ членовъ Церкви не только можетъ по праву, но несетъ обязанность отвѣчать на клеветы, которымъ она подвергается. Молчаніе въ этомъ случаѣ было бы преступленіемъ не только по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются счастіемъ принадлежать къ Церкви, но также, и въ еще большей степени, по отношенію къ тѣмъ, которые могли бы удостоиться того же счастія, еслибы ложныя представленія не отклоняли ихъ отъ истины. Всякій христіанинъ, когда до него доходятъ нападки противъ вѣры, имъ исповѣдуемой, обязанъ, въ мѣру своихъ познаній, оборонять ее, не выжидая особаго на то уполномочія: ибо у Церкви нѣтъ оффиціальныхъ адвокатовъ.

II, 332. Выступая на полемическое поприще, вѣрующій не долженъ бояться за православность своей мысли. Если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво.

V.

ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Земной удѣлъ христіанина. — Общеніе молитвы. — Отношеніе человѣка къ ближнимъ. — Семья.

Для того чтобы не отклониться отъ истины, чтобы мыслить и учить по христіански, нужно прежде всего по христіански жить.

I, 238. Въ *Церкви* ученіе не отдѣляется отъ жизни. Ученіе живетъ, и жизнь учитъ.

II, 61. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть ученіе; всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ Божіимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ

и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду (не ради людей, а ради самого Бога), пахарь, въ скромномъ трудѣ постоянно возносящійся мыслію къ своему Создателю, живутъ и умираютъ для поученія братьевъ, а встрѣтится въ томъ нужда — Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ не найдетъ ученый и богословъ.

Но прежде всего вѣрующій долженъ пребывать въ общеніи молитвы съ братьями по вѣрѣ.

II, 21. Никто не можетъ надѣяться на свою молитву, и всякій моляся проситъ всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничествѣ единого ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ.

II, 123. Мы молимся, потому что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждаго о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ тоже время, всегда во имя Христа нашего Спасителя обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголъ ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія.

Истина Божественнаго откровенія и сила любви, дѣйствующая въ каждомъ изъ членовъ Церкви, должны проявляться и проявляются въ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ. Ближайшее поприще, ближайшій кругъ дѣятельности человѣка и христіанина—семья. Въ ней прежде всего находитъ человѣкъ приложеніе присущаго ему чувства любви.

I, 597. Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгораться до безумія, опьянять до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣетъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви.—Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлію, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя; иначе сказать, признавая его уже не средствомъ, а цѣлію, онъ переноситъ на него свои собственныя права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самаго себя. Таково опредѣленіе истинной, человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій, и слѣдовательно имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она перехо-

дитъ на высшую степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Отъ того-то и только отъ того любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая нибудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ человѣчествѣ, если есть наконецъ какая нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ: очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія человѣка къ человѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему. Но этотъ законъ, всѣмъ предлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Человѣкъ стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ, и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хотя въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія внѣшняго. Это внѣшнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастіи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ человѣческій на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга, какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Счастіе само не есть цѣль союза, но пособіе грубому человѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлію полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четѣ типъ самого рода человѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый міръ, такъ сказать новый родъ человѣческій, въ семьѣ, и кровная, естественная связь придаетъ слабости человѣческой столько силъ, что она доходитъ (хотя, повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, то есть до искренней, истинной и дѣятельной любви. Изъ того самаго понятно, что тѣ немногіе, которые могутъ жить для закона дѣятельной всечеловѣческой любви безъ всякаго внѣшняго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ безполезный для высшей цѣли ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цѣлію, но поставлена бы была на унизительную (и возвратно унижающую) степень средства къ наслажденію или къ такъ называемому счастію. То что́ возвышаетъ среднихъ было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стѣсненіемъ ихъ всечеловѣческой любви. Но таже самая семья есть тотъ кругъ, въ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть почти для всего человѣчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная человѣческая любовь, тотъ кругъ, въ которомъ она переходитъ изъ отвлеченнаго понятія и безсильнаго стремленія въ живое и дѣйстви-

тельное проявленіе. Очевидно, что всякое нарушеніе этой семейной святыни есть нарушеніе самого закона любви. Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей, и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любятъ каждый не самого себя, а другъ друга. Въ тоже время взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ, а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безнравственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя она обращаетъ на поколѣніе грядущее.—И такъ нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Таково значеніе брака и семьи общечеловѣческое. Оно еще болѣе возвышается въ ученіи Церкви.

II, 16. Благодать Божія, благословляющая преемственность поколѣній во временномъ существованіи рода человѣческаго, и святое соединеніе мужа и жены для образованія семьи, есть даръ таинственный, налагающій на пріемлющихъ его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, чрезъ которую грѣшное и вещественное облекается въ праведность и чистоту.

За предѣлами тѣснаго круга семейнаго человѣку представляется широкій кругъ единоплеменный — народъ, состоящій изъ множества семей. Въ составѣ народа задачи и обязанности человѣка иныя, болѣе сложныя.

VI.

НАРОДНОСТЬ.

Народная личность.—Народность въ искусствѣ и наукѣ.—Общество и государство.—Двѣ основныя общественныя силы.—Народы завоевательные и народы земледѣльческіе.

I, 38. Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ, возвышая и укрѣпляя ихъ присущею въ немъ истиною, или убивая присущею въ немъ ложью.

Начало это является намъ въ вѣрѣ народной.

III, 131. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются вѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры.

Народный характеръ отражается въ искусствѣ и наукѣ.

I, 74. До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли; всѣ они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Италія, Испанія и Голландія, каждая изъ нихъ дали образовательнымъ художествамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ историка - критика возстановляетъ исторію (разумѣется умственную, а не фактическую) исчезнувшаго народа также ясно, какъ и письменное свидѣтельство.

II, 75. Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Оно не есть произведеніе одинокой личности и ея эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человѣческой жизни съ ея просвѣщеніемъ, волею и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственною своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Оно есть цвѣтъ духа живаго, восходящаго до сознанія, или образъ самосознающейся жизни.

Тоже и съ наукою.

I, 77. Достиженіе истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблужденіями, и нелѣпа была бы надежда народа, который бы обѣщалъ себѣ науку совершенно свободную отъ односторонности и отъ всякаго самообольщенія.

Народъ-общество создаетъ государство.

Дѣятельность человѣка личная, общественная и государственная существенно различны между собою.

I, 746. Между первою и послѣднею, т. е. между частною и государственною, лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною дѣятельностію. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково безцвѣтна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такова дѣятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ всѣ оттѣнки, всѣ особенности земли и народа и обусловливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, еслибы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать, потому что не имѣетъ причины быть, потому что, какъ я сказалъ, собственно-личная дѣятельность всегда равнодушна къ охраняющему ее госу-

дарству, лишь бы охраняло ее. Она должна пасть по справедливости, потому что человѣкъ, лишенный одного изъ законныхъ своихъ наслѣдій (жизни общественной), будетъ естественно примыкать къ какому-нибудь другому государству, въ которомъ онъ свое наслѣдіе находитъ вполнѣ: ибо, въ своей частной дѣятельности, человѣкъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной— онъ зиждитель, и въ извѣстной мѣрѣ дѣятель и творецъ историческихъ судебъ. Свято и высоко значеніе дѣятельности государственной. Государство, внѣшнее выраженіе живаго народнаго творчества, охраняетъ его отъ всякаго внѣшняго насилія, отъ всякаго внутренняго временнаго потрясенія, могущаго нарушить его законный и правильный ходъ. Безъ него область дѣятельности общественной была бы невозможна; ибо она была бы беззащитною передъ напоромъ другихъ народовъ, вооруженныхъ государственными силами, и невозможною внутри самой себя, потому что, по несовершенству человѣческому, она бы постоянно нарушалась всякими личными злыми страстями, требующими принудительной силы для своего укрощенія, между тѣмъ какъ сама область общественной дѣятельности, по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольнаго согласія. И такъ, говорю я, свято и высоко призваніе государства, хранящаго жизнь общественную и обусловливающаго ея возможность. Какъ живой органическій покровъ обхватываетъ оно ее, укрѣпляя и защищая отъ всякой внѣшней невзгоды, растетъ съ нею, видоизмѣняясь, расширяясь и прилаживаясь къ ея росту и къ ея внутреннимъ видоизмѣненіямъ. Чѣмъ болѣе въ немъ мудрости и знанія своихъ собственныхъ выгодъ и своего собственнаго значенія, съ тѣмъ большею чуткостью слышитъ оно, съ тѣмъ большею ясностью видитъ оно все разнообразіе жизни общественной, съ тѣмъ большею гибкостію прилаживается оно къ ея формамъ и къ ея историческому росту, охватывая ее какъ бы живою бронею и постоянно укрѣпляясь ея живыми силами. Таково отношеніе государства къ жизни общественной, государства въ его нормальномъ и здоровомъ развитіи. Исторія учитъ насъ, что въ болѣзненныхъ явленіяхъ, предшествующихъ паденію народовъ, эта дѣятельность извращается и ищетъ какого-то развитія отдѣльнаго, враждебнаго народной жизни и, слѣдовательно, невозможнаго. Живой покровъ обращается въ какую-то сухую скорлупу, толстѣетъ и повидимому крѣпнетъ отъ оскудѣнія и засыханія внутренняго живаго ядра; но въ тоже время онъ дѣйствительно засыхаетъ, дряхлѣетъ и, наконецъ, разсыпается при малѣйшемъ ударѣ. Это какой-то историческій свищъ, наполненный прахомъ сгнившаго народа.

Есть народная гордость, есть народное смиреніе.

I, 8. Смиреніе человѣка, также какъ и смиреніе народа, могутъ имѣть два значенія совершенно противоположныя. Человѣкъ или народъ сознаетъ святость и величіе закона нравственнаго или духовнаго, которому подчиняетъ онъ свое существованіе; но въ тоже время признаетъ, что этотъ законъ проявленъ имъ въ жизни недостаточно или дурно, что его личныя страсти и личныя слабости исказили прекрасное и святое дѣло. Такое смиреніе велико, такое признаніе возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ, такое самоосужденіе внушаетъ невольно уваженіе другимъ людямъ и другимъ народамъ. Но не таково смиреніе человѣка или народа, который сознается не только въ собственномъ безсиліи, но въ безсиліи или неполнотѣ нравственнаго или духовнаго закона, лежавшаго въ основѣ его жизни. Это не смиреніе, а отреченіе. Человѣкъ разрываетъ всѣ связи съ своей прошедшей жизнію, онъ перестаетъ быть самимъ собою; а если онъ говоритъ отъ имени народа, то уже тѣмъ самымъ онъ отъ народа отрекается.

I, 127. Всякое общество находится въ постоянномъ движеніи; иногда это движеніе быстро и поражаетъ глаза даже не слишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Полный застой невозможенъ, движеніе необходимо; но когда оно не есть успѣхъ, оно есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и успѣшное движеніе разумнаго общества состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ нихъ основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ; другая, разумная сила личностей, основанная на силѣ общественной, живая только ея жизнію, есть сила никогда ничего не созидающая и не стремящаяся что нибудь созидать, но постоянно присущая труду общаго развитія, не позволяющая ему перейти въ слѣпоту мертвеннаго инстинкта или вдаваться къ безразсудную односторонность. Обѣ силы необходимы; но вторая, сознательная и разсудочная, должна быть связана живою и любящею вѣрою съ первою силою жизни и творчества. Если прервана связь вѣры и любви, наступаютъ раздоръ и борьба.

Рѣзко различаются народы завоевательные и земледѣльческіе.

III, 106. Народы завоевательные, по первоначальному своему характеру, сохраняютъ навсегда чувство гордости личной и презрѣніе не только ко всему побѣжденному, но и ко всему чуждому. Таковъ Монголецъ, таковъ былъ Кельтъ, таковъ Турокъ. Это чувство презрѣ-

нія къ чужому долго сохраняетъ народность ихъ. Побѣдители, они угнетаютъ порабощенныхъ и не смѣшиваются съ ними; побѣжденные, они упорно противятся вліянію побѣдителей и хранятъ въ душѣ инстинкты, зарожденные въ нихъ вѣками старинной славы.

Народы земледѣльческіе ближе къ общечеловѣческимъ началамъ. На нихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго презрѣнія къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе.

VII.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Смѣна народовъ въ исторіи.—Задачи исторической науки. — Общій характеръ народовъ древности.—Кушиты и Иранцы.

Возвышаясь надъ дѣленіемъ народнымъ и надъ болѣе широкимъ дѣленіемъ, племеннымъ, человѣкъ сознаетъ себя членомъ великой семьи народовъ, иначе—человѣчества. Изучая его исторію, онъ видитъ, какъ постепенно, въ теченіе вѣковъ, на историческомъ поприщѣ одинъ народъ смѣнялся другимъ, и доходитъ до разумѣнія задачъ и призванія того народа, къ которому принадлежитъ самъ. Смѣна народовъ въ исторіи міра открываетъ намъ смыслъ поступательной дѣятельности всего человѣчества. Но чтобы угадывать этотъ смыслъ, историкъ долженъ умѣть различать существенное отъ второстепеннаго.

IV, 660. И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) ничтожны, обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что̀ оставило по себѣ слѣды, что́ подвинуло впередъ родъ человѣческій по путямъ науки или преданія, что̀ не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ разсказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города.

III, 29. Не дѣла̀ лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, судьба. жизнь всего человѣчества, составляютъ истинный предметъ исторіи,

Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая частица рода человѣческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни милліоновъ людей на всемъ пространствѣ земнаго шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самаго начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникѣ.

III, 531. Взглядъ на древнее разсѣяніе семей и древнее разселеніе человѣческаго рода, на стройное, многозначительное и духовно-живое строеніе первобытнаго языка, на безконечное пространство пустынь, пройденное первыми обитателями земли, на безпредѣльность морей, переплытыхъ основателями первыхъ за-океанических колоній, на тождество религій, обрядовъ и символовъ съ одного края земли до другаго, представляетъ неоспоримое свидѣтельство о великомъ просвѣщеніи, всемірномъ общеніи и умственной дѣятельности временъ доисторическихъ, о позднѣйшемъ искаженіи всѣхъ духовныхъ началъ, объ одичаніи человѣчества и о печальномъ значеніи такъ-называемыхъ героическихъ вѣковъ, когда борьба беззаконныхъ и буйныхъ силъ поглотила въ себѣ всѣ великія предапія древности, всю жизнь мысли, всѣ начала общенія и всю разумную дѣятельность народовъ. Зародышъ этого зла очевидно въ той странѣ, которой слава открываетъ рядъ историческихъ вѣковъ—въ странѣ Кушитовъ, ранѣе всѣхъ забывшихъ все чисто-человѣческое и замѣнившихъ это древнее начало началомъ новымъ, условно-логическимъ и вещественно-образованнымъ.

III, 69. Мы безпрестанно слышимъ: какъ могла младенчествующая механика поднять громады камней, предъ которыми усовершенствованная наука признаетъ свое безсиліе? Какъ могли слабыя суда древней торговли переплывать бурныя моря и покорять волны океана безъ компаса, безъ знанія географіи, почти безъ астрономіи? Какъ могло такое чудное развитіе философской мысли ознаменовать первые шаги человѣческаго ума? — Мы не должны и не можемъ измѣрять по себѣ вѣка глубокой древности. Семья человѣческая, развившаяся отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, чуждая ихъ знаніямъ и страстямъ, ограничивала всю свою дѣятельность какою-нибудь одною цѣлію, опредѣленною характеромъ мѣстности, нуждою, первоначальною прихотью, вѣрованіемъ или внутреннимъ строемъ ума. Какъ ребенокъ поощренный неожиданною удачей случайнаго опыта, народъ стремился всѣми силами своего воображенія по начатому пути. Самолюбіе разгаралось отъ успѣха, и холодный разумъ наполнялся всѣмъ жаромъ, всею энергіею страсти. Тогда еще жили народы жизнью общею: не писанными

законами, не мертвымъ обычаемъ, не хитростью политическаго устройства связаны были между собою лица составлявшія общества, но единствомъ мысли, воли и быта. Словомъ, *семья человѣческая* было не слово, а дѣло. Кровное родство связывало людей, родство физіономіи, внутренней организаціи, жизни тѣлесной и духовной. Гдѣ же теперь можемъ мы найти мѣрило для могучихъ явленій этой эпохи? Мы должны понять, что теперь строятъ Левъ X или Людовикъ XIV, что теперь путешествуютъ Кукъ или Лаперузъ; а что тогда пирамида строилась всѣмъ Египтомъ, путешествіе предпринималось всей Финикіей, задача философіи разрѣшалась всѣмъ Индустаномъ (сѣвернымъ), задача правленія была помысломъ всего Китая. Каждый народъ имѣлъ свою исключительную страсть, и для достиженія своей цѣли (будь она физическая или умственная) народъ возставалъ какъ мужъ единъ. Вся поэзія, весь разумъ, всѣ радости Кушита были въ томъ, что онъ землю разрѣзывалъ рѣками, выкапывалъ моря, поднималъ горы на воздухъ и покорялъ рѣзцу упрямую твердость порфировъ и базальтовъ. За то старый Вавилонъ, котораго стѣны были выше теперешнихъ башень, а башни остались сказочнымъ преданіемъ всего человѣчества, Вавилонъ помнилъ, что онъ построенъ Нимвродомъ Кушитомъ. За то южный Индустанъ, страна, въ которой пещеры роскошнѣе самыхъ богатыхъ храмовъ и дворцовъ, и въ которой цѣлые города высѣчены въ камнѣ безумной фантазіей забытаго народа, южный Индустанъ напоминаетъ намъ въ имени Мизоръ градостроительнаго Мизра, брата Кушева. За то вездѣ, гдѣ храмъ или обелискъ, или пещера ужасаютъ васъ какимъ-то буйствомъ исполинскихъ размѣровъ, вы говорите: это слѣдъ Кушита, вдавившійся въ камень, это рука Кушита, разсѣкшая горы. Жизнь, счастіе, любовь, все для Финикійца было въ борьбѣ съ волнами. Напрасно бы мы стали спрашивать, какой цѣли онъ ищетъ за моремъ, какихъ богатствъ ожидаетъ въ награду за труды, зачѣмъ онъ цѣлые четыре года своей жизни посвящаетъ на обходъ горящихъ береговъ Африки? Онъ переплываетъ моря, потому что онъ не можетъ жить не переплывши ихъ, и Эринъ населяется его колоніями, бури мыса Доброй Надежды щадятъ корабли его, а монеты Финикійскія зарываются въ глубину пустынь Американскихъ, чтобы изумить несмѣлое воображеніе людей XIX вѣка. Китай въ отношеніи науки государственной то же, чтó Финикія въ мореходствѣ и Египетъ въ зодчествѣ. Раскройте его лѣтопись, взгляните на духъ его древнихъ философовъ, на характеръ его литературы, и вы поймете тридцативѣковое существованіе имперіи. Нужна поэзія, чтобы узнать исторію; нужно чувство художественной, то-есть чисто-человѣческой истины, чтобы угадать могу-

щество односторонней энергіи, одушевлявшей милліоны людей. Одностихійность народовъ — вотъ разгадка древности и ея чудесъ.

III, 527. Гораздо прежде народовъ Мидо-Бактрійскихъ вышли Кушиты на поприще исторіи. Ограничивъ просвѣщеніе свое знаніемъ видимаго и чувственнаго, поставивъ законъ необходимости и вещественнаго организма на мѣсто свободнаго духа, оторвавшись отъ великихъ преданій древности и утративъ чистоту слова вмѣстѣ со святостью мысли, они сосредоточили всѣ способности ума къ достиженію одной цѣли, къ созданію жизни удобной и привольной; условная жизнь создала условную форму общины, и возникли государства. Строгологическое развитіе данныхъ, избранныхъ развратомъ произвола, дало твердость и внѣшнюю гармонію нововозникшимъ державамъ. Одностороннее направленіе просвѣщенія достигло развитія колоссальнаго въ художествахъ и въ стройномъ употребленіи совокупныхъ силъ человѣческихъ. Гордое сознаніе своего могущества и презрѣніе ко всѣмъ другимъ семьямъ, хранящимъ простой бытъ младенчествующихъ общинъ, подвинуло Кушитовъ на Иранъ. Созданный ими, возсталъ Вавилонъ на берегахъ Евфрата, и далѣе, все далѣе на Сѣверъ, подвигались ихъ торжествующія дружины, налагая тяжкія цѣпи на побѣжденныхъ, воздвигая неприступныя твердыни въ покоренныхъ земляхъ, созидая великолѣпныя столицы въ дѣвственной красотѣ пустынь, сокрушая все силою своего вещественнаго знанія и условной совокупности, соблазняя всѣхъ искушеніемъ своей роскоши и вещественныхъ наслажденій. Все далѣе и далѣе подвигался потокъ, до Чернаго моря, до Кавказа и Каспія, до Бактріи и Гималаи. Но въ безсильномъ Иранѣ были духъ жизни и слово, хранящее наслѣдство мысли, и еще неискаженное преданіе, завѣщанное человѣку древними его родоначальниками. Угнетеніе вызвало борьбу. Борьба вызвала дремлющія силы. Могущество, основанное на началахъ условныхъ, но лишенное внутренняго плодотворнаго содержанія, пало передъ взрывомъ племенъ, сохранившихъ еще простоту безъискусственной жизни и чистоту неиспорченной вѣры. Духъ восторжествовалъ надъ веществомъ, и племя Иранское овладѣло міромъ. Прошли вѣка, и его власть не слабѣетъ, и въ его рукахъ судьба человѣчества. Потомки пожинаютъ плодъ заслугъ своихъ предковъ, заслугъ, выказанныхъ и засвидѣтельствованныхъ неизмѣнностью слова. Величіе Ирана не дѣло случая и условныхъ обстоятельствъ. Оно есть необходимое и прямое проявленіе духовныхъ силъ, жившихъ въ немъ искони, и награда за то, что изъ всѣхъ семей человѣческихъ онъ долѣе всѣхъ сохранялъ чувство человѣческаго достоинства и человѣческаго братства, чувство, къ несчастію, утраченное Иранцами въ упоеніи ихъ побѣдъ и вызванное снова, но уже не собственною силою ихъ разума.

Таково значеніе Ирана, и если которая нибудь изъ его семей, долѣе всѣхъ хранившая преданія семейнаго быта и потому самому позднѣе всѣхъ проявившаяся въ дѣятельности исторической, чище всѣхъ (кромѣ одной, замкнувшей себя въ касту) охранившая наслѣдство слова и тѣмъ самымъ свидѣтельствующая о сохраненіи духовнаго начала, если эта семья возстала внезапно въ изумительномъ величіи, сокрушая всѣ преграды, обнимая владѣніями своими неизмѣримыя пространства, возрастая со дня на день въ могуществѣ и власти,—наука не должна признавать этого величія за неправедную игру слѣпаго случая, не должна роптать на судьбу или завистливо клеветать на возвеличенную общину. Тайна ея торжествъ заключается въ ея словѣ. Сила внѣшняя есть плодъ силы внутренней, пространство владѣній и вещественное могущество суть проявленія могучаго мысленнаго начала, и въ многолюдствѣ племени (математическомъ превосходствѣ надъ другими) живетъ свидѣтельство о духѣ братства, общенія и любви. Да не забудется это чисто-человѣческое значеніе, чтобы не упала великая семья! Да не утратятъ счастливые потомки вѣнца, заслуженнаго ихъ многострадавшими предками!

VIII.

Славянство.—Древнее разселеніе Славянъ. — Судьбы ихъ въ новое время —Возрожденіе Славянства.

Колыбель Славянскаго племени—Бактрія *). Тамъ, въ началѣ историческихъ вѣковъ, является намъ Славянская семья народовъ.

Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочисленнѣйшую изо всѣхъ его семей, менѣе всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамидами и отъ этого болѣе всѣхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на Сѣверо-Западъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза.

Племена Сѣверно-Индійское и Славянское раздѣлились въ одномъ и томъ же возрастѣ, на одной и той же высотѣ общечеловѣческаго

*) Мы не проводимъ здѣсь подлинныхъ выписокъ въ подтвержденіе этого взгляда Хомякова какъ въ виду многочисленности отдѣльныхъ замѣтокъ въ „Запискахъ о всемірной исторіи", посвященныхъ его доказательству, такъ и вслѣдствіе сравнительной частности вопроса по отношенію нити изложенія.

корня. Это подтверждается близкимъ сходствомъ языковъ Санкритскаго и Славянскаго *).

Со своей первоначальной родины Славянское племя постепенно распространялось къ Западу.

III, 432. Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они разселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ нрирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ разселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Луары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безъименныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра всѣ измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной, въ многочисленнѣйшей изъ отраслей Иранскихъ, продолжалась древняя жизнь молодаго человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ миѳическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колосса—мысль Индустанская и бытъ Славянскій: братья, которые обличаютъ братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней.

Поселенія Славянъ отмѣчены однимъ общимъ характеромъ.

---

*) **III. 34**. Геній языковъ Славянскаго и Санкритскаго, *доминанты* въ звукахъ такъ ясно сходны между собою или, лучше сказать, такъ явно одни и тѣже, что братство ихъ такъ же мало подверждено сомнѣнію, какъ братство Эллинскаго и Римскаго языковъ. Ихъ можно скорѣе назвать нарѣчіями, чѣмъ языками. Для разрѣшенія этого вопроса пословица: *людская молва*, *морская волна*, болѣе значитъ, чѣмъ десятки томовъ для человѣка, которому не чужды звуки Старо-Индійскихъ языковъ. Волнообразный ходъ, металическій звукъ, преобладающее *а*, все въ нихъ общее; для Русскаго Санскритскія слова *звучатъ* знакомо, и онъ удивляется не тому, что такъ много встрѣчается словъ понятныхъ, но тому, что такъ много словъ ему неизвѣстныхъ въ языкѣ, столь родномъ по характеру. *Мысль*, *умъ*, *знаніе*, *вѣдѣніе*, *азъ*, *есмь*, всѣ слова коренныя, всѣ звуки, въ которые облеклось внутреннее сознаніе человѣка, одинаковы въ Санскритѣ и Славянскомъ.

Хомяковъ составилъ и напечаталъ цѣлый сравнительный словарь Русскихъ словъ съ Санскритскими.

III, 53. Гдѣ Венды (люди водные), тутъ корабли, тутъ дерзость мореходца, тутъ предпріимчивая торговля, тутъ морской разбой, тутъ суда не каботажныя, не береговыя, а крутобокія, гордо высящіяся надъ водою, удивляющія Римлянъ, готовыя на борьбу съ океаномъ. И это не разсѣянныя племена, безъ связи и сношеній между собою, а цѣпь неразрывная, обхватывающая половину Европы.

III, 508. Таковы были искони Славяне, древніе просвѣтители Европы, долгіе страдальцы чужеплеменнаго своеволія, Брахманы Запада, но Брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту, не образовавшіе нигдѣ сильнаго государства, но хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели. Осужденные на тысячелѣтнія страданія, вознагражденные позднимъ величіемъ, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на нихъ не лежала вина человѣкообразной вѣры и искаженія высокой духовности Иранской, исчезнувшей передъ сказочными вымыслами и житейскимъ направленіемъ Славянскаго ума *).

---

*) Знаменательныя имена, присвоенныя отъ начала Славянскому племени.

III, 496. Въ наше время, когда люди сохраняютъ имена, данныя ихъ безотвѣтному дѣтству и народы носятъ безсмысленныя прозвища, переданныя отъ поколѣнія къ поколѣнію, не смотря на совершенное измѣненіе жизни и языка, собственное имя вообще уже ничего не значитъ. Не такъ было въ глубокой древности, точно также какъ и въ народахъ, живущихъ до сихъ поръ въ безъискуственной дикости. Тамъ прозвище и имя дѣйствительно опредѣляютъ характеръ лицъ и опредѣляли характеръ народа. Человѣкъ, избирающій свое имя, соглашаетъ его съ тѣмъ качествомъ, которымъ онъ отличается; а по естественному самолюбію, ему кажется, что то качество, которымъ онъ отличается, есть лучшее и высшее изъ качествъ человѣческихъ. Онъ или дѣйствительно обладаетъ имъ, или имѣетъ притязаніе на него; но во всякомъ случаѣ въ его имени найдется его идеалъ человѣческаго совершенства.

III, 497. Вѣроятнѣйшая этимологія слова *Вендъ* или *Вудинъ* есть *вода* (иначе *вуда* или *венда*). Разсматривая Славянъ, какъ великую отрасль единобожниковъ и духопоклонниковъ Иранцевъ, мы легко можемъ уже понять, что вода и огонь были собственно приняты первыми просвѣщенными предками Иранскаго племени за великіе символы великаго духа, и что при раздѣленіи семей особенное направленіе мысли избрало у западно - Иранцевъ *огонь*, а у Славянъ *воду* за преимущественное изображеніе божества. Наконецъ, съ паденіемъ религіозныхъ понятій и съ огрубѣніемъ человѣчества, символъ мало по-малу заступилъ мѣсто творческаго духа, и племя приняло имя отъ обоготворенной стихіи.

Еще замѣчательнѣе другое прозвище племени—*Славяне.*

III, 498. Глаголъ *слыть*, существительное *слово*, вотъ корни названія *Словянинъ*. Мы уже сказали, что въ старину всякій народъ заключалъ въ свое имя свой идеалъ человѣческаго совершенства. Восточно-Иранское племя раздѣлилось на двѣ отрасли: одно, по имени Божественнаго духа, радующагося бытію (*бъ* и *рама*), приняло прозвище *Бхраманъ* (по искаженію *Брахманъ*), т. е. людей духовныхъ; другое отъ высшаго изображенія понятія, отъ единственнаго орудія общительности, *слова*, приняло прозвище людей говорящихъ, то есть мирныхъ, общительныхъ, выражающихъ смышленнымъ сло-

Славянское племя всегда и вездѣ было вѣрно своимъ кореннымъ началамъ. Въ пору несравненно болѣе позднюю, одинъ Славянскій народъ отклонился отъ нихъ.

I, 486. Воинственная семья Ляховъ, болѣе другихъ принявшая въ себя примѣсь иноземныхъ стихій (Кельтовъ и Сарматовъ) и вмѣстѣ съ ними характеръ аристократическихъ дружинъ, подпала вполнѣ вліянію Римскаго духовенства и слѣдовательно Западнаго міра, отъ котораго она получила свое одностороннее направленіе. Не поневолѣ, не вслѣдствіе насилія, согласилась Польша примкнуть къ Германіи, унизиться до состоянія вассала и сдѣлаться орудіемъ Римскаго и Германскаго властолюбія, но по внутреннему сочувствію высшаго сословія, еще долго стыдившагося Славянскаго имени и гордившагося названіемъ завоевателей-Сарматовъ. Католицизмъ, чуждый остальнымъ Славянскимъ семьямъ, нашелъ въ Польшѣ или, лучше сказать, въ ея правительственныхъ дружинахъ, ревностныхъ и въ тоже время обманутыхъ поборниковъ. За всѣмъ тѣмъ это ложное и не-Славянское направленіе Польши зависѣло не столько отъ кореннаго племени Ляховъ, сколько отъ иноземныхъ стихій, овладѣвшихъ имъ. Оно рѣшило историческую судьбу Польши, но само должно исчезнуть въ ней по мѣрѣ усиленія истинно-народнаго и чисто-Славянскаго характера.

III, 97. Славяне, коренные старожилы всей Европы, градостроители и землепашцы, вытѣснены были или порабощены Кельтами и Германцами-завоевателями.

Вся западная половина Европы была потеряна для Славянства. Въ однихъ мѣстностяхъ Славяне, подъ напоромъ иноплеменныхъ стихій, утратили свой языкъ, въ другихъ сохранились на степени племени подвластнаго или угнетеннаго. И вотъ, въ недавнее время, началось возрожденіе Славянства.

Починъ ему положила наука, археологія.

I, 512. Она явилась силою живою и плодотворною, пробудила много сердечныхъ сочувствій, которыя до тѣхъ поръ не были сознаны и глохли въ мертвомъ забвеніи; возобновила много источниковъ, занесенныхъ и засыпанныхъ чужеземными наносами. Чехъ и Словакъ, Хорватъ и Сербъ почувствовали себя родными братьями-Славянами; съ радостнымъ удивленіемъ видѣли они, что чѣмъ далѣе углублялись въ древность, тѣмъ болѣе сближались они другъ съ другомъ и въ характерѣ памят-

вомъ невещественное сокровище мысли. Оно назвало свои правительственныя или судебныя собранія *Вѣче* (отъ чего Польское *вѣцѣнія*) или *Рѣчь* (отъ чего Римское республика), оно назвало себя народомъ *Словянскимъ*. Такова основа его исторіи, таковъ духъ въ немъ тайно живущій, такова разгадка его братства съ Индустаномъ и неприкосновенности его словеснаго достоянія.

никовъ, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ. Какая-то память общей жизни укрѣпляла и оживляла многострадавшія поколѣнія; какая-то теплота общаго гнѣзда согрѣвала сердца, охладѣвшія въ разъединенномъ бытѣ. Шире и благороднѣе стали помыслы, тверже воля, утѣшительнѣе будущность. Важнѣе же всего та истина, добытая изъ археологическихъ изслѣдованій, истина, еще не всѣми сознанная и даже многими оспариваемая съ ожесточеннымъ упорствомъ, что вѣра Православная была первою воспитательницею молодыхъ племенъ Славянскихъ, и что отступничество отъ нея нанесло первый и самый жестокій ударъ ихъ народной самобытности. Полное и живое сознаніе этой истины будетъ великимъ шагомъ впередъ. Оно не минуетъ. Богатые плоды уже добыты наукою для современныхъ Славянъ, но впереди можно смѣло ожидать жатвы еще богатѣйшей.

I, 488. Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе во всѣхъ своихъ общинахъ искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ не заклейменный наслѣдственною печатью преступленія и несправедливаго стяжанія, Славянскій міръ хранитъ для человѣчества, если не зародышъ, то возможность обновленія.

IX.

РОССІЯ.

Значеніе Россіи для Славянства.—Коренныя особенности Русскаго народа.—Его отношеніе къ Христіанству.—Участіе Церкви въ созданіи Русскаго государства.—Значеніе Москвы.—Дружина.—Боярство.—Сословность.—Начало общинное и начало личное.—Народная исключительность.—Сторонники новизны.—Петръ Великій.—Формализмъ въ Русской жизни.—Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской народности.

Одинъ изъ Славянскихъ народовъ сложился въ великое государственное цѣлое. Въ немъ, хотя еще и далеко отъ полнаго осуществленія, но уже отчасти осуществляются задатки и чаянія всего Славянскаго племени. Поэтому Русское дѣло—Славянское дѣло; ростъ Россіи—ростъ Славянства; побѣда Россіи—побѣда Славянской идеи въ мірѣ. Исконныя стихіи Славянства, присущія Русскому народу: чистота семейнаго начала, крѣпость общинной связи, простота земледѣльческаго быта, древность градостроительства, предпріимчивость торговли, всѣ эти признаки, вездѣ сопутствующіе Славянскому племени, ясно различаются при самомъ началѣ Русской исторіи. Но всего ярче выступаетъ одна ея особенность.

I, 231. Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ пле-

менъ, принявшихъ въ послѣдствіи христіанскую вѣру. Наша старая Русь создана самимъ Христіанствомъ. Таково сознаніе св. Нестора; таково сознаніе св. Иларіона, пророчески провидѣвшаго призваніе Русской земли; таково же сознаніе и перваго изъ извѣстныхъ намъ поклонниковъ нашихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ, передъ гробомъ Спасителя, онъ соединяетъ въ одну молитву всю святую Русь и всѣхъ ея князей. Всѣ прочія связи, рыхлыя и некрѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и освященіе отъ одной этой неразрушимой связи. Но, опредѣливъ значеніе христіанской вѣры въ ея дѣйствіи на Русскую землю, еще надобно ясно понять отношеніе Русскаго народа къ вѣрѣ христіанской. Какое-то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества замѣтно въ народахъ Славянскихъ, кромѣ Поморія, гдѣ вражда народная произвела вражду противъ Христіанства. Казалось, что не проповѣдь истины искала Славянъ, а Славяне искали проповѣди истины. Такое движеніе умовъ замѣтно по разсказамъ лѣтописцевъ не въ одной Русской землѣ, а въ Моравіи и Чехіи, въ Болгаріи и Козаріи (которой населеніе было по большей части Славянское), и въ Польшѣ. Но самое это движеніе, указывая на скрытый анализъ прежнихъ, отвергаемыхъ вѣрованій, принадлежало, по вѣроятности, сравнительно-образованнѣйшей части народа, оставляя бо́льшую часть его въ тупомъ равнодушіи, смѣшанномъ съ безсмысленнымъ суевѣріемъ, остаткомъ переродившагося или умершаго вѣрованія. Таковъ отчасти былъ ходъ умовъ въ мірѣ Эллинно-Римскомъ, особенно на Западѣ, въ которомъ сёла долѣе чуждались Христіанства, чѣмъ города (отъ того и слово pagani—селяне); таковъ, вѣроятно, былъ ходъ ума и въ другихъ странахъ при паденіи древнихъ религій передъ требованіемъ разума. Разумно вступали Ольга, Владиміръ, дружина и старцы градскіе въ нѣдра Православія. Съ дѣтскимъ спокойствіемъ слѣдовала за ними бо́льшая часть земской общины, управляемая болѣе довѣріемъ къ людямъ, чѣмъ вѣрою въ высокое и сознанное начало христіанской истины. Быть можетъ, мѣстами являлось нѣкоторое принужденіе, противное Христіанству (какъ видно изъ словъ св. Иларіона и Новогородской поговорки: «Путята крестилъ огнемъ, а Добрыня мечемъ»); но, безъ сомнѣнія, вообще введеніе Православія не сопровождалось жестокостью, какъ во многихъ Германскихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ безпристрастная критика должна признать, что земля Русская въ большей части своего населенія приняла болѣе обрядъ церковный, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви. Этому находимъ мы ясныя доказательства въ памятникахъ нашей духовной словесности и законодательства, въ жалобахъ на языческіе обряды, какъ напр. на поклоненіе роду и рожаницѣ, на отсутствіе брака во многихъ обла-

стяхъ (въ которыхъ сельскіе жители замѣняли прогулкою около куста церковное благословеніе, считая его нужнымъ только для бояръ и князей) и на развратъ нравовъ, оставшійся, какъ наслѣдство языческаго міра (такъ напримѣръ, обычный развратъ, о которомъ свидѣтельствуетъ уже преподобный Несторъ, сохранялся въ землѣ Вятичей и Радимичей неизмѣннымъ до нашего времени и прекращенъ весьма недавно мудрою мѣрою правительства). Эти жалобы имѣютъ особый характеръ. Это не жалобы на порокъ личный, на буйство страсти, на неисполненіе закона, котораго святость человѣкъ признаётъ, но строгости котораго онъ покоряться не хочетъ: нѣтъ, это жалобы на отсутствіе закона, на тупое невѣжество, на совершенное неразумѣніе коренныхъ основъ Христіанства, и многія изъ нихъ принадлежатъ эпохѣ весьма поздней. Къ равнодушному и холодному вступленію въ церковное общество должно прибавить недостатокъ въ проповѣдникахъ Слова Божія въ первое время, а въ послѣдствіи недостатокъ въ письменныхъ его памятникахъ, которыхъ неисправность и часто грубыя ошибки свидѣтельствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ понимать. Наконецъ, страшные погромы Татаръ, уничтоживъ множество книгъ и раскидавъ народъ, имѣли послѣдствіемъ явное увеличеніе дикости и невѣжества.

I, 233. Недостатокъ христіанскаго просвѣщенія, скрывавшійся за христіанскимъ обрядомъ, выступилъ наружу при первыхъ попыткахъ книжнаго исправленія уже при Максимѣ Грекѣ (хотя онъ страдалъ по другимъ причинамъ) и впослѣдствіи произвелъ тѣ старообрядческіе расколы, которыхъ появленіе принадлежитъ XVII-му вѣку, а корень таится въ глубочайшей древности и въ особенностяхъ распространенія Христіанства въ Россіи. Однимъ изъ яснѣйшихъ доказательствъ такого мнѣнія можно почитать и то обстоятельство, что въ Россіи самые явные и сильные остатки язычества и его повѣрій совпадаютъ съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ сильнѣе распространено старообрядство, и что эти мѣстности удалены отъ древнихъ и живыхъ средоточій, въ которыхъ первоначально проповѣдывалось Слово Божіе просвѣтителями Русской земли.

I, 763. Первый расколъ былъ расколъ обрядовой. Отъ чего возникъ онъ и въ чемъ состоялъ? Церковный обрядъ утверждается и опредѣляется іерархіею, но не безъ содѣйствія всей Церкви, не безъ сочувствія и требованія отъ міранъ: обрядъ есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII столѣтіи замѣтила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она, съ одной стороны, нѣсколько забыла про эти права свободы міранъ, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчѣ, терпѣла ее, поощряла и благо-

словляла. Она безспорно была права въ своихъ намѣреніяхъ, но не права въ пути, который избрала. Въ дѣло исправленія обычая она вступила не убѣжденіемъ, медленно создающимъ новый лучшій обычай, а властью всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы. Часть Русскаго народа стала за старый обрядъ, за старый обычай и какъ будто за дѣйствительное право. Такъ создался первый, обрядовой расколъ. Но, отправляясь, можетъ быть, отъ идеи свободы, и въ тоже время заключаясь въ обрядъ, онъ обратился въ обрядовое рабство. На этомъ духъ Русскаго человѣка остановиться не могъ. Наступило время полнѣйшаго отчужденія, какъ будто вторая эпоха раскола; но это еще ошибка: кажущееся отрицаніе остается въ полномъ рабствѣ обряда у безпоповщины. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, вслѣдствіе толчка случайнаго, онъ возсталъ противъ этого рабства и, какъ всякой бунтъ, разрушая цѣпи односторонности его сковавшія, онъ впалъ въ другую односторонность, въ другую крайность: въ полное отрицаніе обрядства. Это расколъ Духоборческой или Молоканской. Грустно всякое разъединеніе, всякое заблужденіе. Но вопервыхъ, быть можетъ, эти печальныя явленія всегда сопровождаютъ всякое развитіе сознанія; во вторыхъ, нельзя не замѣтить, что Молоканская ересь какъ будто бы подготовляетъ сознательный возвратъ раскола къ Православію. Таково по крайней мѣрѣ указаніе, которое мы находимъ въ прекрасной пѣснѣ о бракѣ, нѣкогда признаваемомъ за грѣхъ у безпоповщины и вновь признаваемомъ за союзъ святой въ духовномъ смыслѣ у нѣкоторыхъ Молоканъ (хотя извѣстно, что онъ другими вовсе отвергается). Но, какъ уже сказано, путь пройденный расколомъ, какъ онъ ни великъ, далеко не охватываетъ области Русскаго духа въ его стремленіи къ Божественной истинѣ. Православный также горячо любитъ обряды, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ Молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда, и ему не нужно его отрицать, потому что онъ никогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слышитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ. Намъ нечего стыдиться нашего раскола. Отъ дикой энергіи морельщика до поэтическаго стремленія къ созерцанію Божественной правды у Молокана, онъ всетаки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе иноземцу; но, какъ я уже сказалъ, онъ далеко не обнимаетъ всего богатства Русской мысли. Того, что́ заключается въ кроткомъ и величавомъ спокойствіи православнаго духа, того, можетъ быть, не угадалъ бы и наблюдатель далеко не поверхностный; но энергія, которая скры-

вается въ этомъ покоѣ, высказалась въ старообрядцѣ-морельщикѣ, а глубина угадывается, хотя не измѣряется, поэзіею духоборства.

I, 253. Большая часть сельскихъ общинъ приняла вѣру Христову съ тихимъ и немудрствующимъ, но за то нѣсколько равнодушнымъ довѣріемъ къ своимъ центральнымъ представителямъ, городовымъ старцамъ и боярамъ, слѣдуя и въ этомъ общему правилу: «что́ городъ положитъ, на томъ и пригороды станутъ». Обращеніе было болѣе обрядовое, чѣмъ разумное; но духъ Христіанства проникъ сельскій міръ, сосудъ готовый къ его принятію, и развилъ въ высокой и до тѣхъ поръ невиданной степени общежительное начало и добродѣтели, сопровождающія его.

I, 220. Не-многотребовательно просвѣтильное начало одностороннее и раздвоенное въ самомъ себѣ: оно развивается легко даже и при сильныхъ препонахъ, и тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленнѣе его односторонность. Преобладающая сторона его увлекаетъ своею логикою всѣ силы душевныя человѣка или общества въ извѣстное направленіе до тѣхъ поръ, пока оно само не дойдетъ до крайняго своего предѣла, при которомъ обличаются его неполнота и неразуміе: тогда наступаетъ минута паденія, всегда быстро слѣдующая за минутою полнаго, повидимому, торжества. Не таковы свойства начала цѣльнаго и всесторонняго: самая его полнота и стройность требуютъ отъ общества или человѣка соотвѣтствующей стройности и полноты. Условное свободнѣе развивается въ исторіи, чѣмъ живое и органическое; разсудокъ въ человѣкѣ зрѣетъ гораздо легче, чѣмъ разумъ. Просвѣтительное начало, сохраненное для насъ Византійскими мыслителями, требовало для быстраго и полнаго своего развитія такихъ условій цѣльности и стройности въ жизни общественной, которыхъ еще нигдѣ не встрѣчалось; достигнуть же ихъ можно бы было только при такой независимости отъ вліяній внѣшнихъ, которыя невозможны на землѣ ни одному народу, всегда стѣсняемому и совращаемому съ пути силою и напоромъ другихъ народовъ. Россія не имѣла этой цѣльности съ самаго начала, а къ достиженію ея встрѣтила и должна была встрѣтить препятствія неодолимыя. Она—не островъ среди хранительной защиты моря, но была земля, со всѣхъ сторонъ открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ и со всѣхъ сторонъ искони окруженная народами, не знающими мира въ себѣ и потому всегда готовыми посягнуть на миръ другихъ.

Силы Русскихъ людей должны были прежде всего направиться на созданіе крѣпкаго государства, которое могло бы защищать Русскіе предѣлы отъ вещественныхъ захватовъ сосѣдей.

И въ этомъ дѣлѣ починъ положенъ былъ Церковью.

I, 236. Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями. Она дала перевѣсъ Руси Московской надъ Литвою, въ которой язычество нѣсколько времени боролось съ Христіанствомъ, и Латинство, наконецъ, взяло верхъ надъ древнею народною вѣрою. Но и въ Великой Руси дѣйствіе просвѣтительнаго начала церковнаго было обусловлено и во многомъ измѣнено отзывами эпохи прошедшей и обстоятельствами эпохи современной. Съ тѣхъ поръ какъ св. митрополитъ Петръ изрекъ пророческое благословеніе надъ Москвою, она стала видимо стремиться къ совокупленію всей Руси подъ державное единство князей своихъ. Опытъ прошлаго времени доказалъ, что духовное начало еще не на столько развито было въ народѣ, чтобы прочное единство и внутренній миръ могли уцѣлѣть при независимости областей. Удѣлы должны были пасть. Какія бы ни были средства, употребленныя потомками Даніила, какая бы ни была ихъ нравственность въ жизни частной или дѣйствіяхъ общественныхъ — цѣль, къ которой стремились они сами и ихъ молодая область, была законна; ибо съ ней была связана возможность спасенія Русской земли отъ унизительной и бѣдственной подчиненности Татарамъ и отъ напора Литвы.

I, 744. Выступила на историческое поприще Москва. Подъ свой стягъ стянула она мало-по-малу всю Великую Русь; въ ней узнали свою силу наши предки, Русскіе прежнихъ вѣковъ. До Москвы Русь могла быть порабощена, Русскій народъ могъ быть потоптанъ иноземцемъ; въ Москвѣ узнали мы волю Божію, что этой Русской земли никому не сокрушить, этого Русскаго народа никому не сломать. Слово Московское сдѣлалось общимъ Русскимъ словомъ. Такое единство не было случайностью, не было чѣмъ-то наложеннымъ извнѣ. Не даромъ рядъ земскихъ соборовъ обозначилъ эпоху Московскаго единодержавія. Какая бы ни была форма и какъ ни было часто или рѣдко повтореніе соборовъ, Москва была признана, въ широкомъ смыслѣ слова, городомъ земскаго собора, то-есть городомъ земскаго сосредоточенія. Таково свидѣтельство Исторіи. Когда пресѣкся родъ Грознаго какъ бы въ наказаніе за его кровавыя казни, когда Промыслъ позволилъ Россіи впасть въ бездну почти безпримѣрныхъ бѣдствій какъ бы за то, что она могла произвести такого владыку: первымъ сознаніемъ Россіи было, что ей нуженъ царь... Но Москва взята... Зачѣмъ измѣняется временно сознаніе народное? Зачѣмъ земля, которая такъ глубоко чувствовала потребность въ единомъ царѣ, не приступаетъ къ выбору? Зачѣмъ ополченія городовъ низовыхъ и всѣхъ другихъ, поднявшихся за свободу великой родины, зачѣмъ забываютъ они свою

задачу? Зачѣмъ не созываются земцы въ какую-нибудь свободную еще область? Отвѣтъ простой—Москва въ рукахъ врага: нѣтъ города для великаго собора, и выборъ царя еще невозможенъ. Къ Москвѣ, къ ея освобожденію, какъ къ необходимому условію будущаго единства, обращаются всѣ силы Русской земли, и только на ея освобожденномъ пепелищѣ выбираютъ царя, для котораго уже приготовленъ городъ собора, городъ мысленнаго сосредоточенія земли. Вотъ почему Московское слово стало обще-Русскимъ словомъ и почему Москва сдѣлалась его, всѣми признаннымъ, центромъ. Такъ въ теченіе XVII-го вѣка царили цари и державствовала Москва, одинаково избранные и признанные волею всей земли Русской.

I, 237. Стягъ Московскій долженъ былъ стянуть всю Русь около себя, чтобы побѣда могла вѣнчать кровавую борьбу на Куликовомъ полѣ и чтобы плоды побѣды не могли быть снова утрачены. Духовенство, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ державною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вліяніе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли, и какъ ни темно было понятіе значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву. Московскіе святители трудились не даромъ. Св. Митрополитъ Алексѣй и основатель Троицкой Лавры Св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ. Слово церковнаго увѣщанія умиряло страсти, которыя возстали бы противъ насилія; оно умиряло страсти, которыя были часто раздражаемы неправдою и коварствомъ.

Такимъ образомъ Церковь и народъ создали царскую власть.

I, 99. Въ исторіи нашей Руси идея единства общиннаго лежала всегда, какъ основной камень всѣхъ общественныхъ понятій; но долго происходила борьба мелкихъ общинъ съ идеею великой общины. Наконецъ, идея единства великой общины восторжествовала послѣ кровавыхъ смутъ ополченіемъ всей Руси за Москву и избраніемъ царя, молодаго Михаила. Тогда обнаружилось, что единство, казавшееся слѣдствіемъ исторической случайности при царяхъ Рюриковичахъ, было дѣйствительно дѣломъ Русской земли.

II, 36. И вотъ, когда послѣ многихъ крушеній и бѣдствій Русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ государемъ, народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ.

Вокругъ князей, олицетворявшихъ собою единство всей Русской земли, стояла дружина. Первоначально она представляла собою лишь случайный наборъ отдѣльныхъ лицъ, служившихъ отдѣльному князю. Однако и этотъ, повидимому, зыбкій и подвижной элементъ послужилъ къ установленію государственнаго единства.

I, 222. Эта кочевая обще-Русская дружина много содѣйствовала скрѣпленію всей Руси въ одно могучее цѣлое, потому что была вообще чужда областному эгоизму, много билась и страдала за землю Русскую, много помогла спасительному возвышенію князей Московскихъ (хотя впослѣдствіи и подверглась страшнымъ гоненіямъ ихъ грознаго потомка Іоанна); но едва ли при ней была возможность той стройности и цѣльности, которой требовало для своего развитія начало разумнаго и цѣльнаго просвѣщенія; ибо въ ней были уже допущены раздвоеніе и внутренній разладъ общественной жизни, и вредныя ихъ вліянія были только сдержаны крѣпостью еще свѣжей земской жизни и кроткою силою общаго христіанскаго чувства. Но зло не могло оставаться безъ послѣдствій. Дружина не принадлежала области и вольно служила князю. Такимъ образомъ въ ней существовала съ самаго начала крайность личной отдѣленности, которая должна была воздѣйствовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая мѣстной общинѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе независимая отъ нея, чѣмъ самъ князь, она не имѣла нигдѣ корня и по необходимости стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего общества. Таковъ законъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, не связанныхъ съ внутренними силами какой нибудь народной жизни. Этому закону на Западѣ, при ослабленіи центральной власти, слѣдовала дружина аллодіальная и создала изъ себя новую, въ себѣ замкнутую систему феодальности. Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ странную и нигдѣ невиданную систему мѣстничества, которой основами служили, съ одной стороны, служебный разрядъ, съ другой—родовая лѣстница, и обѣ основы были одинаково чужды общей земской жизни. Земщина не мѣстничалась. Правда, что сами общины, т. е. города и части городовъ, считались старшинствомъ другъ съ другомъ; но въ этихъ притязаніяхъ является только память о нѣкогда бывшей политической зависимости или объ исторической древности, и все-таки нѣтъ ничего общаго съ мѣстничествомъ. Грозный Іоаннъ Четвертый сокрушилъ послѣднія притязанія дружины на независимость, а кочеваніе дружины кончилось ея водвореніемъ когда она получила выгодную осѣдлость, связанную съ другою осѣдлостью, предписанною земской стихіи. Необходимое и въ тоже время странное явленіе этой дружины въ Русской исторіи не вполнѣ изслѣ-

довано наукою; но нельзя не замѣтить его соотвѣтствія съ другимъ явленіемъ, нѣсколько подобнымъ ему. Славянское племя, вообще самое мирное изо всѣхъ племенъ Европы, одно только и произвело бытъ казачій, бытъ исключительно воинственный и которому нигдѣ нѣтъ вполнѣ соотвѣтствующаго. Русскій бытъ, изстари по преимуществу общинный, произвелъ дружину, въ которой личная отдѣленность была доведена до крайности и узаконена и которая, не имѣя съ землею никакихъ общихъ началъ, скрѣпила себя, наконецъ, искуственнымъ сочлененіемъ мѣстничества, уничтожая окончательно личность и обращая ее въ нумеръ. Такое раздвоеніе съ землею не могло оставаться безъ страшнаго вліянія на общую жизнь; такая полная Китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Система, открывавшая путь всякому заѣзжему иноземцу (и множество изъ нихъ воспользовалось этимъ правомъ заѣзда) и преграждавшая путь всякому сыну родной земли, должна была мертвить общую жизнь и вносить въ нее безпрестанно или начала чуждыя или зародыши костенѣнія и смерти. Русская исторія представляетъ слишкомъ много свидѣтельствъ этой истинѣ. Русская сила, предводимая не высокими доблестями воинскими, а высокими мѣстничествами нумерами, слишкомъ часто гибла въ борьбѣ съ слабѣйшими изъ своихъ враговъ, чтобы можно было отрицать вредное вліяніе мѣстнической формальности или отдѣленія самостоятельной и личной дружины отъ естественнаго строя Русскаго народнаго быта. Вредная въ полномъ развитіи своей самобытности, вредная даже въ своемъ паденіи, она, безспорно, во многомъ задержала и остановила успѣхъ той образованности, къ которой наша старая Русь была призвана. Въ ея присутствіи то высокое просвѣтительное начало цѣльности, жизни и общенія, которое сохранили для насъ святые дѣятели и мыслители Православнаго Востока, не могло приносить полныхъ и скорыхъ плодовъ.

Но сословность не свойственна Русскому духу. Западный Европеецъ не можетъ отказаться отъ личной гордости, въ формѣ ли сословной или племенной.

III, 107. Для насъ, старыхъ Славянъ, мирныхъ тружениковъ земли, такая гордость непонятна. Словакъ почти всегда говоритъ свободно по мадьярски и по нѣмецки. Русскій смотритъ на всѣ народы, замежеванные въ безконечныя границы Сѣвернаго Царства, какъ на братьевъ своихъ, и даже Сибиряки на своихъ вечернихъ бесѣдахъ часто употребляютъ языкъ кочевыхъ сосѣдей своихъ, Якутовъ и Бурятъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго, крестьянинъ же-

нится на Татаркѣ или Мордовкѣ, и Россія называетъ своею славою и радостію правнука Негра Ганнибала, тогда какъ свободолюбивые проповѣдники равенства въ Америкѣ отказали бы ему въ правѣ гражданства и даже брака на бѣлоликой дочери прачки Нѣмецкой или Англійскаго мясника. Я знаю, что нашимъ западнымъ сосѣдямъ смиреніе наше кажется униженіемъ; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видѣть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость Германскую, надѣясь найти въ нихъ защиту отъ вліянія иноземнаго и будущее развитіе гражданской свободы (на манеръ Англійской) и проч. и проч. Но чуждая стихія не срастется съ духовнымъ складомъ Славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть, и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратство и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздувать въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братіею, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно; но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство, и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и не умирающая, зародышъ будущей жизни міровой—не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію.

Личность въ древней Руси не теряла своего значенія.

I, 153. Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, не смотря на треволненія его и на внутренній трудъ общинъ, силившихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человѣческое было доступно человѣку (разумѣется, по мѣрѣ его знаній и умственныхъ силъ). Быть можетъ, перевѣсъ перваго, т. е. общественнаго начала, былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скрѣпленію государства, и вслѣдствіе внѣшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но

область личной мысли была еще довольно обширна. Стихія народная не враждовала съ обще-человѣческимъ даже тогда, когда обще-человѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служитъ знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на Новогородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ Нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новогородскаго лѣтописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримѣръ, съ крестовыми походами) и многое другое. Кажется, подозрительность и вражда къ западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентинскаго собора и Латинскаго насилія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развились онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціею и купечествомъ и баронствомъ при-Балтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало по малу народная стихія стала являться исключительною и враждебною ко всему иноземному. Область духа человѣческаго была стѣснена; но такое стѣсненіе, противное, какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно-низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни. Правда, люди желавшіе измѣнить старину были въ тоже время измѣнниками отечеству, но это только была историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направленіе, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народнаго начала, стѣснявшаго свободу мысли человѣческой, было не совсѣмъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглецъ и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что «Русской людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя»; но лучшая сторона того же требованія находила

сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно должно было получить со временемъ свои законныя права; быть можетъ, оно должно было впасть въ крайность, потому что было вызвано противуположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себѣ представителя, давшаго ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись народовъ, былъ Петръ. Какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падетъ на его память), она признаетъ, что направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ; оно сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно. Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплясаться въ Русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.

I, 180. Трудно сказать, чего именно хотѣлъ Петръ и сознавалъ ли онъ послѣдствія своего дѣла. По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ искалъ пробужденія Русскаго ума. Многіе изъ его современниковъ, можетъ быть, самые достойные его понимать, не поняли его. Петръ вводилъ къ намъ Европейскую науку; черезъ это онъ вводилъ къ намъ всю жизнь Европы. Таково было необходимое послѣдствіе его дѣла, но въ этомъ отношеніи онъ былъ небезсознателенъ. Его борьба была съ цѣлою, нѣсколько закоснѣвшею жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя; онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться; онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, онъ искажалъ самое свое благородное имя, коверкая его въ Голландскую форму Питеръ; но ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія.—Этотъ судъ не строгъ. Человѣкъ боролся, и въ борьбѣ разгорѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считаетъ добрымъ.

Медленно и лѣниво развились сѣмена мысли, перенесенной съ Запада; еще бы медленнѣе развились они, если бы изъ самыхъ нѣдръ Россіи не выросъ геніальный простолюдинъ Ломоносовъ. Но быстро

и почти мгновенно разрослись другіе плоды дѣлъ Петровыхъ, плоды той несчастной формы, въ которую облекалъ онъ или въ которую, можетъ быть, облеклась мысль, которою онъ хотѣлъ обогатить насъ. Наука, т. е. анализъ, по сущности своей вездѣ одинъ и тотъ же; его законы одни для всѣхъ земель, для всѣхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаетъ, измѣняется съ мѣстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіи эта ошибка достигла громадныхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человѣкомъ всѣ формы Запада, всѣ внѣшніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы, вслѣдствіе ли тщеславія, или подражательности, или личныхъ выгодъ, или слабости, естественной всѣмъ людямъ, принимать охотно все, чтó можетъ ихъ отличить отъ другихъ людей, получившихъ въ жизни менѣе счастливый удѣлъ, и поставить ихъ, по видимому, выше ихъ братій. Формы, облекающія просвѣщеніе, приняты были нами за самое просвѣщеніе.

Формализмъ вторгся въ Русскую жизнь, а формализмъ мертвитъ все.

I, 64. Отстраняя дѣятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплаго чувства, всегда надѣясь найдти средства обойтись безъ нихъ и часто обманывая людей своими обѣщаніями, онъ погружаетъ мало по малу своихъ суевѣрныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный сонъ, изъ котораго они или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвѣніе, или просыпаются горькими, ядовито-насмѣшливыми и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими вѣру въ формулу, также какъ и въ жизнь, въ общество, также какъ въ людей.

Въ жизни Русскаго народа произошелъ разрывъ.

I, 56. Жизнь сопротивлялась вліянію иноземнаго или, такъ сказать, колоніальнаго начáла только своею неподвижностью; прямаго же вліянія на него не имѣла, развѣ только тѣмъ, что мѣшала ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою нибудь изъ Западныхъ народностей. Просвѣщеніе же дѣйствовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, составъ народный за грубый матеріалъ, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что-нибудь дѣльное и разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующею, а только имѣющею существовать. Вся эта громада, которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу

человѣчества, являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человѣческихъ единицъ, связанныхъ или сбитыхъ въ одно цѣлое внѣшними и случайными дѣйствователями; жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей ее, оно какъ будто бы и не предполагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словѣ презрѣнія или насмѣшки. Разумѣется, эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредѣленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя рѣшенія; ихъ должно искать въ общемъ ходѣ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно вырвавшіяся слова часто яснѣе выказываютъ мысль, чѣмъ обдуманный и обсуженный приговоръ; въ нихъ всегда менѣе лицемѣрія, болѣе искренняго чувства, и часто болѣе общаго мнѣнія, чѣмъ личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность отъ Земледѣльческой Газеты, которая частехонько представляетъ Русскаго крестьянина какимъ-то безсмысленнымъ и почти безсловеснымъ животнымъ, до изящнѣйшихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаетъ въ Русскомъ человѣкѣ умъ, понятливость, смышленость и нѣкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всякихъ убѣжденій и разумныхъ началъ, т. е. порядочные матеріалы для будущаго человѣка, а все-таки еще не человѣка. Такими же словами богатъ нашъ общественный разговоръ, отъ бесѣды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презрѣніе къ бородачу, до тѣхъ недосягаемыхъ круговъ и салоновъ, гдѣ патріотическая любовь снисходительно собирается приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ лишена, а для его жизни вещественное благополучіе по новѣйшимъ иностраннымъ образцамъ. Это не частныя ошибки, это мнѣніе общее, болѣе или менѣе ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частныя ошибки, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которыя возможны только при извѣстномъ заблужденіи общества.

I, 156. Это духовное рабство передъ Западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ Русской земли, разсмотрѣнные въ продолженіе цѣлаго столѣтія, представляютъ весьма любопытное и поучительное явленіе. Отрицаніе всего Русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни, доходило до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежатъ болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣд-

нему; но послѣдній, при бо́льшемъ безстрастіи, заключаетъ въ себѣ бо́льшее презрѣніе и полнѣйшее отрицаніе всего народнаго.

Русское образованное общество отстало отъ всякаго преданія, отъ всякаго живого обычая.

I, 164. Обычай весь состоитъ изъ бытовыхъ мелочей; но кто же изъ насъ не признается, что обычай не существуетъ для насъ, и что нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже неспособенъ обратиться въ обычай? Прошедшаго для насъ нѣтъ, вчерашній день—старина, а недавнее время пудры, шитыхъ камзоловъ и фижмъ—едвали уже не Египетская древность. Рѣдкая семья знаетъ что-нибудь про своего прапрадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правнуковъ. Знали-ли бы что-нибудь Шереметевы *) про уваженіе народа къ Шереметеву, современнику Грознаго, или Карамышевы про подвиги своего предка, если бы не потрудилась народная пѣснь сохранить память объ нихъ, прибавивъ, разумѣется, и небывалыя дѣла? У насъ есть юноши, недавно вышедшіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болѣе или менѣе, по своему школьному направленію или по наитію современныхъ мыслей, потомъ есть юноши сѣдые, потомъ юноши дряхлые, а старцевъ у насъ нѣтъ. Старчество предполагаетъ преданіе, не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда новенькіе съ иголочки; старина у народа. Это должно бы намъ внушить уваженіе; но у насъ не только нѣтъ обычая, не только нѣтъ быта, могущаго перейти въ обычай, но нѣтъ и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болѣе всякая полудѣтская мечта о какомъ-нибудь улучшеніи, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отстранить или нарушить всякій обычай народный, какой бы онъ ни былъ общій, какой бы онъ ни былъ древній.

X.

ЗАДАЧИ ПРОСВѢЩЕННЫХЪ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ И БУДУЩЕЕ РОССІИ.

Возвратъ къ Русской народной жизни.—Возрожденіе Русскаго просвѣщенія.—Словесность, пластика, музыка.—Археологія.—Общественное воспитаніе.—Надежда на будущее.

Оглянемся же на самихъ себя.

I. 86. Вопросъ въ томъ, будемъ-ли мы, въ то время, когда жизненное начало Руси будетъ крѣпнуть и процвѣтать, только сухимъ и безплоднымъ хворостомъ, мѣшающимъ новому прозябенію?

Это сомнѣніе въ самихъ себѣ, это тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось во многихъ и лучшихъ представи-

*) Писано слишкомъ полвѣка назадъ. П. Б.

теляхъ нашего просвѣщенія. Скорбя о себѣ и о всемъ, чтò ихъ окружало въ обществѣ, они часто оглядывались съ утѣшительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, отъ которой они чувствовали себя оторванными. Я могъ бы это показать въ послѣднихъ твореніяхъ Пушкина; но ни въ комъ болѣзненное сознаніе своего одиночества и своего безсилія не высказалось такъ ясно, какъ въ Лермонтовѣ, къ несчастію, или не дожившемъ до сознанія, что безжизненность есть принадлежность общества, а не Русской земли, или отвергавшемъ сознаніе по личной гордости, свойственной его молодости и обществу, окружавшему его.

I, 91. Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полузнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бѣлой), не смотря на наши долгія заблужденія и на наши, къ счастію, безполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу. То, чтò было, поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отыскать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно мы бы ея никогда не отыскали и не возсоздали; ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ противнымъ всѣмъ законамъ духовнаго міра. Этому могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-стариковъ во Франціи, да могутъ въ иномъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей-соціалистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько-нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ своей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена, какъ неприкосновенный залогъ, тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ возстановить въ себѣ: стòитъ только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія, но я не считаю его слишкомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всѣхъ. Гордыя привычки нашей разсыпной, единичной жизни держатъ каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе—нелегкое дѣло. Конечно, каждый не только согласенъ полюбить тѣ свѣтлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила, но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душою. Можетъ быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ, какъ любовь къ Неграмъ, къ Готтентотамъ и Индѣйцамъ существуетъ въ добромъ Англичанинѣ, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою

на роль, если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна, скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землѣ, но высшее должны отъ нея принять.

Мы приносимъ только кое-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жизненную силу, плодъ вѣковъ исторіи и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣстнаго анализа. Поэтому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно также какъ въ наукѣ человѣкъ поступаетъ сперва въ нижніе разряды учениковъ и подвигается мало по малу впередъ, все болѣе и болѣе отстраняя отъ себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума: такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Шиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ, «жизнь покупается только жизнію»:

Denn setzet Ihr nicht das Leben ein,
Nie wird Euch das Leben gewonnen sein.

Нашъ возвратъ къ этой утраченной жизни нелегокъ.

Мы оторвались отъ нея сначала отчасти безсознательно, отчасти поневолѣ; мы измѣнили себѣ, измѣняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знанія, какъ колонія Европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая Европейская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно съ самыми благодѣтельными намѣреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цѣли, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайней мѣрѣ, часто служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Слѣдствіемъ этихъ отношеній были, какъ я сказалъ, борьба и полускрытая вражда: съ одной стороны подозрѣніе, слишкомъ оправданное; съ другой ничѣмъ неоправданное презрѣніе. Эти чувства могутъ исчезнуть только при нравственномъ измѣненіи въ насъ самихъ. Жизнь, нами долго оскорбляемая, нелегко и нескоро можетъ свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примиреніемъ невозможно, потому что она не имѣетъ и не можетъ имѣть личныхъ представителей; да и во всякомъ случаѣ цѣль не могла бы быть достигнута обманомъ. Дѣло наше— возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ; слѣдовательно оно

можетъ быть исполнено только искреннею перемѣною нашего внутренняго существованія.

I, 98. Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе—чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его Латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора Германскаго или формальнаго права Римскаго (т. е. правды внѣшней), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды.

I, 99. Для того, чтобы оживились наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны слиться съ жизнію Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго, и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ.

I, 100. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше Итальянской баркароллы или тарантеллы, но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора. Только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живаго органа въ великомъ организмѣ; только при немъ могутъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стре-

мится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ, вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалѣть не должно, когда предположенная цѣль есть возрожденіе жизненныхъ началъ въ насъ и развитіе истиннаго просвѣщенія въ Святой Руси.

I, 101. Каждое частное лицо, какъ бы ни было низко или высоко его званіе, какъ бы ни были скромны или блистательны его способности, чувствуетъ, что уже однимъ нравственнымъ достоинствомъ своей жизни оно вноситъ значительный вкладъ въ общую сокровищницу, и что, съ другой стороны, сколько бы оно ни вносило въ нее, оно всегда получаетъ изъ нея во сто кратъ болѣе, чѣмъ можетъ принести.

I, 170. Возвратъ Русскихъ къ началамъ Русской земли уже начинается.

Подъ этимъ словомъ возврата я не разумѣю возврата нашихъ любезныхъ соотечественниковъ, которые, какъ голубки, потрепетавши крылышками надъ треволненнымъ моремъ Западнаго общества, возвращаются утомленные на Русскую скалу и похваливаютъ ея твердость. Нѣтъ, они возвращаются на Святую Русь, но не въ Русскую жизнь; они похваливаютъ крѣпость своего убѣжища и не знаютъ (какъ и всѣ мы), что вся наша дѣятельность есть ничто иное, какъ безпрестанное подкапыванье его основъ. Къ счастію, наши руки и ломы слишкомъ слабы, и безсиліе наше спасаетъ насъ отъ собственной слѣпоты. Я не называю возвратомъ и того, не совсѣмъ рѣдкаго, явленія общественнаго, которое можетъ, пожалуй, сдѣлаться и минутною модою, что люди, совершенно оторванные отъ Русской жизни, но не скорбящіе объ этомъ разрывѣ, а въ полномъ самодовольствѣ наслаждающіеся своимъ мнимымъ превосходствомъ, важно похваливаютъ Русскій народъ, дарятъ его, такъ сказать, своимъ ласковымъ словомъ, щеголяютъ передъ обществомъ знаніемъ Русскаго быта и Русскаго духа и преспокойно выдумываютъ для этого Русскаго духа чувства и мысли, про которыя не зналъ и не знаетъ Русскій человѣкъ. Чтобы выразить мысль народа, надобно жить съ нимъ и въ немъ. Я говорю о другомъ возвратѣ. Есть люди, и къ счастію этихъ людей уже немало, которые возвращаются не на Русскую землю, но къ Святой Руси, какъ въ своей духовной родительницѣ, и привѣтствуютъ своихъ братій съ радостною и раскаивающеюся любовью. Этотъ мысленный возвратъ важенъ и утѣшителенъ. Наука, не смотря на слѣпое сопротивленіе книжниковъ и на лѣнивую устойчивость полукнижнаго большинства, не только начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности Русской жизни, но, освобождаясь мало по малу отъ преж-

нихъ школьныхъ оковъ, уже показываетъ стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно таившихся въ нашей собственной жизни. Эти труды остаются не совсѣмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствуютъ по всей землѣ Русской и, можетъ быть, еще болѣе въ ея дальнихъ областяхъ, чѣмъ въ тѣхъ мнимыхъ центрахъ нашего просвѣщенія, которые до сихъ поръ суть дѣйствительно только центры Западнаго школьничества. Имъ сочувствуютъ даже нѣкоторые просвѣщенные люди на Западѣ, готовые уважать нашу мысль, когда она дѣйствительно будетъ нашею собственною, а не простымъ подражаніемъ мысли чужой.

Въ возстановленіи прерваннаго общенія образованныхъ Русскихъ людей съ Русскою землею—залогъ возрожденія нашего просвѣщенія.

I, 26. Просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе положительныхъ знаній: оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтлѣніе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или въ народѣ. Оно можетъ соединяться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него.—Разумное просвѣтлѣніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ. Наука не заключаетъ еще въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся Русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ, и этою силою будетъ онъ крѣпокъ въ будущемъ. Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, Финновъ при-Балтійскихъ, при-Волжскихъ, Татаръ, Сибирскихъ Тунгузовъ, Бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ Русскаго народа (т. е. человѣка Великой, Малой, Бѣлой Руси). Остальные дожны съ ними слиться вполнѣ; разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединятся съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе—жизнь Россіи.

Во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности открываются Русскимъ людямъ новые пути.

I, 459. Мы называемъ свою словесность и считаемъ ряды болѣе или менѣе почетныхъ именъ, и эта словесность по мысли и слову доступна только тѣмъ, которые и по внутренней жизни, и даже по наружности, уже расторгнули живую цѣпь преданій старины; за то и блѣдное слово и блѣдная мысль обличаютъ чужеземное происхожденіе привитаго растенія. Были, безъ сомнѣнія, и въ словесности нашей явленія, которыя кажутся исключеніями; но эти явленія есть только отдѣльныя произведенія или только части произведеній, и никогда, до нашего времени, не было ни одного поэта (въ стихахъ или прозѣ), который бы во всей цѣлости своихъ твореній выступилъ какъ человѣкъ вполнѣ Русскій, какъ человѣкъ вполнѣ свободный отъ примѣси чужой. Конечно тупа та критика, которая не слышитъ Русской жизни въ Державинѣ, Языковѣ и особенно Крыловѣ, а въ Жуковскомъ, въ Пушкинѣ и еще болѣе, можетъ быть, въ Лермонтовѣ не видитъ живыхъ слѣдовъ старорусскаго пѣсеннаго слова, и которая не замѣчаетъ, что эти слѣды всегда живо и сильно потрясаютъ Русскаго читателя, согрѣвая ему сердце чѣмъ-то роднымъ и чего онъ самъ не угадываетъ. Тупа та критика, которая не сознаётъ во всей нашей словесности характера особеннаго и принадлежащаго только намъ. Но этотъ характеръ никогда не развивался вполнѣ: онъ робко выглядывалъ изъ подъ чужихъ формъ, не сознавая себя, иногда и стыдясь самого себя. Нашему времени было предоставлено услышать наконецъ голосъ художника вполнѣ свободнаго, вполнѣ самостоятельнаго. Трудно сказать, чѣмъ онъ спасенъ: силою ли своего внутренняго духа, особенностью ли прекрасной, истинно-художнической области, въ которой онъ родился и которая была менѣе сѣверныхъ областей захвачена нашею умственною жизнію прошедшаго столѣтія? Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ будущей эпохѣ, а не прошедшей *).

---

*) **I, 732.** Здѣсь разумѣется Гоголь. Писано это въ 1845 году. Позже, въ 1859 г., Хомяковъ, предсѣдательствуя въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, въ отвѣтъ гр. Л. Н. Толстому сказалъ слѣдующее: „Общество Любителей Россійской Словесности, включивъ васъ, графъ Левъ Николаевичъ, въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ, съ радостію привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто-художественной литературы. Это чисто-художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всѣми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, еслибы общество вамъ не сочувствовало въ томъ; но позвольте мнѣ сказать, что правота вашего мнѣнія, вами столь искусно изложенная, далеко не устраняетъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова. То, что всегда справедливо, то, что всегда прекрасно, то, что неизмѣнно, какъ самые коренные законы души, — то, безъ сомнѣнія, занимаетъ и должно занимать первое мѣсто въ мысляхъ, побужденіяхъ и, слѣдовательно, въ рѣчи человѣка. Оно, и оно одно, передается поколѣніемъ поколѣнію, народомъ на-

Искусство есть выраженіе характера и вѣрованія народнаго. Такъ, напримѣръ, средневѣковое зодчество необыкновенно ярко отразило на себѣ тогдашнее настроеніе Западнаго Христіанства.

роду, какъ дорогое наслѣдіе, всегда множимое и никогда не забываемое. Но съ другой стороны, есть, какъ я имѣлъ уже честь сказать, постоянное требованіе самообличенія въ природѣ человѣка и въ природѣ общества; есть минуты, и минуты важныя въ исторіи, когда это самообличеніе получаетъ особенныя, неопровержимыя права и выступаетъ въ общественномъ словѣ съ бо̀льшею опредѣленностію и съ бо̀льшею рѣзкостію. Случайное и временное въ историческомъ ходѣ народной жизни получаетъ значеніе всеобщаго, всечеловѣческаго, уже и потому, что всѣ поколѣнія, всѣ народы могутъ понимать и понимаютъ болѣзненные стоны и болѣзненную исповѣдь одного какого нибудь поколѣнія или народа. Права̀ словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ словесности обличительной, всегда сопровождающей общественное несовершенство, а иногда являющейся цѣлительницею общественныхъ язвъ. Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души; но есть истинная, высокая красота и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству. Позвольте мнѣ прибавить, что я не могу раздѣлять мнѣнія, какъ мнѣ кажется, односторонняго, Германской эстетики. Конечно, художество вполнѣ свободно: въ самомъ себѣ оно находитъ оправданіе и цѣль. Но свобода художества, отвлеченно понятаго, нисколько не относится къ внутренней жизни самого художника. Художникъ не теорія, не область мысли и мысленной дѣятельности: онъ человѣкъ, всегда человѣкъ своего времени, обыкновенно лучшій его представитель, весь проникнутый его духомъ и его опредѣлившимися или зарождающимися стремленіями. По самой впечатлительности своей организаціи, безъ которой онъ не могъ бы быть художникомъ, онъ принимаетъ въ себя, и болѣе другихъ людей, всѣ болѣзненныя, также какъ и радостныя, ощущенія общества, въ которомъ онъ родился. Посвящая себя всегда истинному и прекрасному, онъ невольно, словомъ, складомъ мысли и воображенія, отражаетъ современное въ его смѣси правды, радующей душу чистую, и лжи, возмущающей ея гармоническое спокойствіе. Такъ сливаются двѣ области, два отдѣла литературы, объ которыхъ мы говорили; такъ писатель, служитель чистаго художества, дѣлается иногда обличителемъ, даже безъ сознанія, безъ собственной воли и иногда противъ воли. Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ. Вы идете вѣрно и неуклонно по сознанному и опредѣленному пути; но неужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною словесностью? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повидимому равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но непробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да,—и вы были, и вы будете невольно обличителемъ. Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали! Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ бо̀льшимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый; но вѣрьте, что въ словесности вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагороживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое".

I, 208. Глядя на великолѣпныя созданія средневѣковаго зодчества, на каменныя кружева его воздушныхъ башенъ, на таинственный сумракъ его стрѣльчатыхъ сводовъ, прорѣзанный, испещренный цвѣтными лучами его расписныхъ стеколъ, рѣдкій еще сознается, что есть глубокій разладъ въ духовной основѣ этого мятежнаго художества. Рѣдкій почувствуетъ, что эти чудныя громады, стремящіяся оторваться отъ земли и побѣдить законы тяжести, силою какого-то даннаго имъ растительнаго порыва, созданы и запечатлѣны внутреннею тревогою страстной и раздвоенной души и передають зрителю своему туже самую страшную и мрачную тревогу, которая высказалась въ ихъ рукозданной поэзіи.

Это еще болѣе ясно въ пластикѣ.

I, 162. Во всякомъ періодѣ человѣчества, во всякомъ народѣ, для пластики возможны только два рода: пластика бытовая (genre, въ которой заключаются всѣ другіе роды, такъ называемый историческій, ландшафтъ и пр.), и пластика духовная (икона). Высшее развитіе этого послѣдняго высшаго рода подчиняется отчасти тѣмъ же законамъ, но отчасти оно повинуется и другимъ законамъ, менѣе зависящимъ отъ случайности временъ и народовъ. Икона не есть религіозная картина, точно также какъ церковная музыка не есть музыка религіозная; икона и церковный напѣвъ стоятъ несравненно выше. Произведенія одного лица, они не служатъ его выраженіемъ; они выражаютъ всѣхъ людей, живущихъ однимъ духовнымъ началомъ: это художество въ высшемъ его значеніи. Разумѣется, я не говорю о такомъ или такомъ-то напѣвѣ, или о такой или такой-то иконѣ; я говорю объ общихъ законахъ и ихъ смыслѣ. Та картина, къ которой вы подходите, какъ къ чужой, тотъ напѣвъ, который вы слушаете, какъ чужой напѣвъ,—это уже не икона и не церковный напѣвъ: они уже запечатлѣны случайностью какого-нибудь лица или народа. Отъ того-то икона въ Христіанствѣ возможна только въ Церкви, въ единствѣ церковнаго созерцанія; отъ того-то стоитъ она (въ своемъ идеалѣ) такъ много выше всякаго другаго художественнаго произведенія,—предѣломъ, къ которому непремѣнно должно стремиться художество, если оно еще надѣется какого-нибудь развитія. По тому самому, что икона есть выраженіе чувства общиннаго, а не личнаго, она требуетъ въ художникѣ полнаго общенія не съ догматикою Церкви, но со всѣмъ ея бытовымъ и художественнымъ строемъ, такъ какъ вѣка передали его христіанской общинѣ. И такъ, пластика въ обоихъ родахъ своихъ, бытовомъ и иконномъ, доступна Русскому художнику единственно во столько, во сколько онъ живетъ въ полномъ согласіи

съ жизненнымъ и духовнымъ бытомъ Русскаго народа; и воспитаніе художника, его развитіе состоятъ только въ уясненіи идеаловъ, уже лежащихъ безсознательно въ его душѣ.

Живопись безспорно существуетъ въ Россіи; она дала много выдающихся произведеній.

I, 461. Но добросовѣстная критика, отдавая справедливость прекраснымъ произведеніямъ, созданнымъ въ Россіи и отчасти Русскими, можетъ и должна спросить: принадлежатъ ли они вполнѣ Россіи? Созданы ли они Русскимъ духомъ? Фламандецъ, вступая въ свою національную галлерею, узнаетъ въ ней себя. Онъ чувствуетъ, что не его рукою, но его душою, его внутреннею жизнію живутъ и дышатъ волшебныя произведенія Рубенса или Рембрандта. Эти грубыя и тяжело-матеріальныя формы—это его Фламандское воображеніе; эта добродушная и веселая простота—это его Фламандскій характеръ; эти солнечные лучи, эта чудная свѣто-тѣнь, схваченные и увѣковѣченные кистью—это его Фламандская радость и любовь. Тоже самое чувствуетъ и Нѣмецъ передъ своими Гольбейнами и Дюрерами, сухими, скудными, но полными задумчивости и глубокомыслія. Тоже самое чувствуетъ Итальянецъ предъ своимъ Леонардомъ, передъ Михель-Анжеломъ, передъ своимъ Рафаэлемъ, передъ всѣми этими царями живописи, передъ всѣми этими чудесами очерка и выраженія, которыхъ едва ли когда-нибудь достигнетъ другой какой народъ, которыхъ безъ сомнѣнія никто не превзойдетъ. Что же общаго между Русской душою и Россійскою живописью? Рожденная на краю Россіи, на перепутіи ея съ Западомъ, выращенная чужою мыслію, чужими образцами, подъ чужимъ вліяніемъ, носитъ ли она на себѣ хоть признаки Русской жизни? Въ ней узнаётъ ли себя Русская душа? Глядя на произведенія Россійскихъ живописцевъ, мы любуемся ими какъ достояніемъ всемірнымъ, мы называемъ ихъ своими, а чувствуемъ получужими. Растенія безъ воздуха и безъ земли, выведенныя на стеклѣ подъ соломенной настилкой, согрѣтыя солнцемъ тепличнымъ *).

Первый пошелъ по новому пути Ивановъ. Дѣятельность его имѣетъ для насъ глубокій, поучительный интересъ.

I, 706. Русскій художникъ находится въ тѣхъ же отношеніяхъ къ художеству Европы, въ которыхъ находимся мы всѣ ко всѣмъ областямъ Европейской мысли. Онъ подавленъ этимъ художественнымъ міромъ, котораго богатство и прелесть онъ чувствуетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ его собственная душа впечатлительнѣе къ прекрасному. Ему нель-

*) Писано въ 1845 году.

зя не воспринять въ себѣ этотъ міръ, если онъ дѣйствительно рожденъ быть художникомъ; ему необходимо оторваться отъ него, чтобы достигнуть творчества и сдѣлаться дѣятелемъ свободнымъ. Любовью обнимаетъ онъ всѣ произведенія всѣхъ школъ, невольно увлекаясь ими, а долженъ отрѣшиться отъ нихъ, чтобы отыскать въ самомъ себѣ то, чтò дѣйствительно ему самому присуще, чтò лежитъ (какъ говорятъ Англичане) въ сердцѣ его сердца, чтò потребовало бы художества и создало бы художество, еслибы художество еще не существовало. Онъ долженъ освободиться изъ этой прихотливой и безпутной смѣси любовныхъ влеченій къ явленіямъ міра и искусства, чтобы отыскать свою коренную любовь, которой онъ долженъ посвятить всѣ свои силы и которая должна создать въ немъ силы новыя и невѣданныя. Пелену за пеленой, слой за слоемъ, хламъ за хламомъ (часто даже видимо прекрасный хламъ) долженъ онъ скидывать съ души, чтобы допросить ея истинную сущность и получить отъ нея отвѣтъ. Тогда только можетъ высказаться и выйти на Божій свѣтъ все затемненное, забытое, забитое, заваленное полуторастолѣтнимъ наслоеніемъ, вся дѣйствительная жизнь нашей внутренней жизни (во сколько мы еще живы), принятая нами невидимо изъ пѣсни, рѣчи, самаго языка, обычая семейнаго, болѣе же всего отъ храма Божьяго. Тогда можетъ только высказаться въ душѣ то, чѣмъ она выходитъ изъ предѣловъ тѣсной личности и является уже въ высшемъ значеніи, какъ частное отраженіе всенароднаго Русскаго духа, просвѣтленнаго Православною Вѣрою. *Тогда только пріобрѣтаетъ художникъ самого себя.* Вотъ чего долженъ былъ достигнуть Ивановъ; вотъ для чего нужны были ему многолѣтіе труды, многолѣтнее напряженіе мысли и воли! Одинъ, далеко отъ отечества, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, никѣмъ неподдержанный и непонятый никѣмъ, Ивановъ совершалъ и совершилъ въ области своего художества то, надъ чѣмъ въ одно время съ нимъ трудилось столько горячихъ убѣжденій, столько твердыхъ воль, столько ясновидящихъ умовъ; то, на что столько положено силъ и потрачено столько благородныхъ жизней (вспомнимъ хоть Гоголя). Далеко еще до цѣли общихъ усилій, но счастливый Ивановъ на своемъ пути достигъ своей частной цѣли. Чему обязанъ онъ этимъ успѣхомъ, большой ли геніальности, или полнѣйшей чистотѣ стремленія, или самому характеру художества, которому онъ служилъ, не знаемъ; но его торжество есть торжество общее.

Участь художества звука была подобна участи художества слова.
I, 460. Оба они были богаты и самобытны у насъ въ своемъ народномъ развитіи, богаче, чѣмъ у какого другаго народа; оба обѣдня-

ли съ введеніемъ въ Россію новыхъ художественныхъ стихій, которыми не овладѣла еще вполнѣ Русская жизнь; но и въ музыкѣ, какъ и въ словесности, наступило духовное освобожденіе, и великій художникъ пробудилъ заснувшую силу нашего музыкальнаго творчества.

Развитію народнаго искусства во всѣхъ его областяхъ оказываетъ живое содѣйствіе археологія.

I, 513. Она принесла и приноситъ намъ туже пользу, которую она принесла нашимъ южнымъ и западнымъ соплеменникамъ; но этимъ не ограничивается ея дѣйствіе. Нѣтъ, она сама измѣняетъ свое значеніе и получаетъ новое, еще высшее: она не есть уже наука древностей, но наука древняго въ настоящемъ; она входитъ какъ важная, какъ первостепенная отрасль въ наше воспитаніе умственное, а еще болѣе сердечное. Наши старыя сказки отыскиваются не на палимпсестахъ, не въ хламѣ старыхъ и полусогнившихъ рукописей, а въ устахъ, Русскаго человѣка, поющаго пѣсни старины людямъ, не отставшимъ отъ стараго быта. Наши старыя грамоты являются памятниками не отжившаго міра, не жизни когда-то прозвучавшей и замолкнувшей навсегда, а историческимъ проявленіемъ стихій, которыя еще живутъ и движутся по всей нашей великой родинѣ, но про которыя мы утратили было воспоминаніе. Самыя юридическія учрежденія старины нашей сохранились еще во многихъ мѣстахъ въ силѣ и свѣжести, и живутъ въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Наука о прошедшемъ является знаніемъ настоящаго и, углубляясь въ старину и знакомясь съ нею, мы узнаёмъ современное и сживаемся съ нимъ умомъ и сердцемъ.

Ожививъ въ себѣ родныя стихіи, мы съ пользою можемъ приступить къ просвѣщенію народа.

I, 22. Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, охотно принимаетъ науку; но онъ вѣритъ также и въ свой природный разумъ.

Наука должна расширять область человѣческаго знанія, обогащаясь его данными и выводами; но она должна помнить, что ей самой приходится многому и многому учиться у жизни. Безъ жизни она также скудна, какъ жизнь безъ нея; можетъ быть еще скуднѣе. Темное чувство этой истины живетъ и въ томъ человѣкѣ, котораго разумъ не обогащенъ познаніями. Поэтому ученый долженъ говорить съ неученымъ не снисходительно, какъ высшій съ низшимъ, не жалкимъ фистуломъ, какъ взрослый съ младенцемъ; но просто и благородно, какъ мыслящій съ мыслящимъ. Онъ долженъ говорить собственнымъ своимъ языкомъ, а не поддѣлываться подъ чужой, который называетъ народнымъ. Эта поддѣлка ничто иное какъ гримаса; эта народность не до

ходитъ до деревни и не переходитъ за околицу барскаго двора Прежде же всего надобно узнать, т. е. полюбить ту жизнь, которую хотимъ обогатить наукою. Эта жизнь, полная силы преданія и вѣры, создала громаду Россіи прежде, чѣмъ иностранная наука пришла позолотить ея верхушки.

*) Величайшее вниманіе Русскихъ людей и правительства должно быть обращено на общественное воспитаніе.

Воспитаніе въ обширномъ смыслѣ есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго одно поколѣніе приготовляетъ слѣдующее за нимъ поколѣніе къ его очередной дѣятельности въ исторіи народа. Воспитаніе въ умственномъ и духовномъ смыслѣ начинается также рано, какъ и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредствомъ слова, чувства, привычки и т. д., имѣютъ уже безконечное вліяніе на дальнѣйшее его развитіе. Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были Богъ, тятя, мама, будетъ не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по праздникамъ и по Воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будетъ значительно разниться отъ душевнаго склада ребенка, котораго родители не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ театра, бала и картежныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при полученіи денегъ или житейскихъ выгодъ, устраиваютъ духовную жизнь своихъ дѣтей иначе, чѣмъ тѣ, которые при дѣтяхъ позволяютъ себѣ умиленіе и восторгъ только при безкорыстномъ сочувствіи съ добромъ и правдою человѣческою. Родители, домъ, общество уже заключаютъ въ себѣ бо̀льшую часть воспитанія, и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противоположности съ предшествующимъ и, такъ-сказать, приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно даже дѣлается вреднымъ: вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвояются; исчезаетъ всякая внутренняя цѣльность, всякая цѣльность жизненная; обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство глохнетъ и засыхаетъ; человѣкъ отрывается, такъ-сказать, отъ почвы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной землѣ.

Общественное воспитаніе должно поставить себѣ цѣлію охраненіе и укрѣпленіе основъ народнаго духа.

---

*) Статья „Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи", изъ которой здѣсь сдѣлано нѣсколько послѣдовательныхъ выписокъ, написана около 1858 г. и напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г., кн. 1.

Внутренняя задача Русской земли есть проявленіе общества христіанскаго, православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи. Этимъ опредѣленіемъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія; ибо воспитаніе, естественно даваемое поколѣніемъ предшествующимъ поколѣнію послѣднему, по необходимости заключаетъ и должно заключать въ себѣ тѣ начала, которыми живетъ и развивается историческое общество. Итакъ, воспитаніе, чтобы быть Русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не Христіанства вообще, но съ началами Православія, которое есть единственное истинное Христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на Русскія сёла.

Правило, что воспитаніе въ Россіи должно быть согласно съ бытомъ семейнымъ и общиннымъ, указываетъ болѣе на то, чего избѣгать должно, чѣмъ на то, что̀ должно дѣлать. Жизненныхъ началъ общества производить нельзя: они принадлежатъ самому народу, или (во избѣжаніе слова, слишкомъ часто употребленнаго во зло и слишкомъ дурно понятаго) самой землѣ, по выраженію старо-Русскому. Можно и должно устранять все то, что̀ враждебно этимъ началамъ, но развивать самыя начала почти невозможно. Жизненное и историческое дѣйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можетъ быть, еще неуловимѣе ихъ. Опасно вступать въ эти многосложныя и неосязаемыя тайны и поручать механикѣ и химіи то, что̀ поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнѣ. Всякая премія, назначенная добродѣтели, есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградой, отравляетъ источникъ, который хочетъ очистить; правительство, которое беретъ семью подъ свое покровительство и опеку, обращаетъ ее по-китайски въ полицейское учрежденіе и слѣдовательно убиваетъ самую семейность. Нѣтъ никакой извѣстной возможности развить или произвести чувство, связывающее Русскаго крестьянина съ его общиною, или Русскаго человѣка съ его семьею; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства. Хорошо направленное воспитаніе должно избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы произвесть такое гибельное послѣдствіе. Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селянина изъ его общиннаго круга и давать излишнее развитіе его индивидуальности. Все воспитаніе и всѣ училища должны быть, во сколько возможно, соображены съ условіями семейной жизни. Любовь къ семьѣ не внушается

отвлеченными теоріями съ каѳедры: она ростетъ и крѣпнетъ только привычкою къ семейному быту.

То самое, что̀ сказано о семейномъ бытѣ, относится болѣе или менѣе къ Вѣрѣ. Безъ сомнѣнія, Христіанство, т.-е. Православіе, имѣетъ свою наукообразную сторону, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюденіе уже показываетъ, что преподаваемое ученіе Вѣры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имѣетъ и имѣть не можетъ теплоты апостольской проповѣди, укрѣпляющей вѣрныхъ и обращающей невѣрующихъ; оно не имѣетъ и (кромѣ развѣ высшихъ училищъ) не можетъ имѣть той глубины философскаго ученія, которое покоряетъ упорство разума его же оружіемъ, стройною и неотразимою логикою. Вообще оно не представляетъ ничего, кромѣ сухаго перечня отдѣльныхъ положеній, безъ строгихъ доказательствъ и безъ живой связи, перепутанныхъ паутиною схоластики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на ученую послѣдовательность, и затемненныхъ туманами мистики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на глубокое чувство. Оно необходимо, но не въ немъ заключается основа христіанскаго и православнаго развитія душевныхъ способностей въ юношествѣ. Эта основа заключается въ чувствахъ сердца, укрѣпленныхъ постоянною привычкою къ внѣшнему обряду Православія. Сердце воспитывается къ Христіанству, слава Богу, еще въ большей части Русскихъ семей, и училищамъ предстоитъ только поддержать его привычкою къ обряду.

Наукообразное преподаваніе закона Божіяго во всѣхъ школахъ должно быть по преимуществу историческое; въ высшихъ же училищахъ оно можетъ и даже должно до нѣкоторой степени имѣть направленіе полемическое. Но эта полемика должна ограничиваться опредѣленіемъ отношенія ученія самой Церкви къ разнымъ ученіямъ, возникшимъ исторически изъ нея, а не отваживаться на схватку съ самымъ началомъ аналитическаго сомнѣнія или скепсиса. Эта вѣковая борьба рѣдко кому по силамъ. Конечно, она неизбѣжна, но должна быть предоставлена мыслителямъ, говорящимъ или пишущимъ для слушателей или читателей уже зрѣлыхъ; она неприлична рядовому преподавателю, говорящему передъ школьниками, слабыми въ разумѣ, сильными въ самоувѣренности, всегда готовыми къ сомнѣнію, какъ къ признаку умственной свободы, и всегда одаренными искусствомъ подмѣчать слабую сторону въ преподавателяхъ своихъ. Тутъ для Вѣры равно опасны и неловкій защитникъ, и молодой слушатель неловкой защиты. Общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ Православіемъ и укрѣплять сѣмена его, посѣянныя семейнымъ воспитаніемъ, а лекціи катехизиса или богословія должны только уяснять понятія о Вѣрѣ.

То, чтò называемъ мы общимъ духомъ школы, признающей надъ собою высшій судъ закона христіанскаго, не только не противно нѣкоторой свободѣ въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унизительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системой. Тоже самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться, но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ Вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются.

Разумъ человѣка есть начало живое и цѣльное; его дѣятельность въ отношеніи къ наукѣ заключается въ пониманіи. Самые предметы представляемые наукою, какъ и предметы видимаго и осязаемаго міра, суть только матеріалы, надъ которыми трудится пониманіе. Истинная цѣль воспитанія умственнаго есть именно развитіе и укрѣпленіе пониманія; а эта цѣль достигается только посредствомъ постояннаго сравненія предметовъ, представляемыхъ цѣлымъ міромъ науки и понятій, принадлежащихъ ея разнымъ областямъ. Умъ, съизмала ограниченный одною какой-нибудь областью человѣческаго знанія, впадаетъ по необходимости въ односторонность и тупость и дѣлается неспособнымъ къ успѣху даже въ той области, которая ему была предназначена. Обобщеніе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ его познаній; ранній спеціализмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое богатство матеріаловъ, если они всѣ принадлежатъ къ одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждаютъ дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость: оно лежитъ безплоднымъ и свинцовымъ грузомъ въ сонной головѣ, между тѣмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дѣятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, приноситъ богатые плоды и самому человѣку, и обществу, которому онъ принадлежитъ. Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся

надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣйливаго орнамента, который шутя накинетъ въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьевъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ курса гимназическаго должна быть устранена исключительная спеціальность занятій; но такъ какъ въ раннемъ возрастѣ отчасти уже выражаются умственныя способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще направленіе, данное имъ желаніемъ родителей, то можно допустить раздѣленіе общаго курса на два отдѣленія: на отдѣленіе словесности и отдѣленіе математики *). Университетъ, какъ высшее изо всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе ихъ. Плохой университетъ дѣлаетъ всѣ остальныя школы ничтожными, иныя вслѣдствіе ихъ прямой

*) Далѣе сказано: „Предметы обоихъ курсовъ должны быть одинаковы, ученіе общее. Различіе должно быть въ экзаменѣ. Характеръ отдѣленій опредѣляется преобладаніемъ языкознанія въ одномъ и математики въ другомъ. Въ обоихъ эти отчасти спеціальныя занятія должны быть сколько возможно менѣе направлены къ практической цѣли и слѣдовательно, сколько возможно болѣе заключены въ области отвлеченнаго знанія. Словесность должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика—къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобы расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли можетъ оно достигнуть только такою системою, которая доставляетъ трудъ уму и пищу размышленію. Преподаваніе языковъ живыхъ и математики прикладной раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и разслабляетъ другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ кто учится Французскому и другимъ Европейскимъ языкамъ пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломаныхъ нарѣчіяхъ; тотъ кто учится языкамъ древнимъ пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самихъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы Русскій человѣкъ превосходно овладѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знаніе многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы Русскій совершенно раззнакомился со всѣми новыми особенностями роднаго нарѣчія. Почти тоже самое можно сказать и объ математикѣ. Чистая математика приготовляетъ человѣка къ прикладной; прикладная дѣлаетъ человѣка почти неспособнымъ къ ясному разумѣнію законовъ чистой математики. Наконецъ, познаніе языковъ новѣйшихъ и наукъ физическихъ легко пріобрѣтается и по выходѣ изъ школы: сама жизнь помогаетъ этому пріобрѣтенію. Языки древніе и чистая математика никогда уже не пріобрѣтаются тѣмъ, кого школа съ ними не подружила. Ученіе, повидимому, безполезное въ отношеніи практическомъ, созидаетъ людей крѣпкихъ и самомыслящихъ; ученіе, повидимому, чисто практическое, воспитываетъ пустыхъ повторителей заграничной болтовни. Итакъ, знаніе древнихъ языковъ и знаніе математики умозрительной составитъ характеръ двухъ отдѣленій гимназіи; но, какъ уже сказано, преподаваніе въ обоихъ отдѣленіяхъ должно быть одно и тоже, и только при экзаменѣ, по собственному желанію учениковъ, опредѣляется различіе между ними. Просящіе экзамена по словесности экзаменуются строже въ языкахъ древнихъ и легче въ математикѣ, которая считается для нихъ предметомъ только вспомогательнымъ; просящіе экзамена по математикѣ экзаменуются строже по алгебрѣ и геометріи и легче по древнимъ языкамъ, которые для нихъ уже составляютъ ученіе только вспомогательное“.

зависимости, другія вслѣдствіе того соревнованія, которое заставляетъ даже спеціальную школу стремиться къ совершенству, чтобы не уступить слишкомъ явнаго первенства высшему учебному заведенію. Итакъ, улучшеніе университетовъ должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя старанія.

Въ непосредственной связи съ вопросомъ объ общественномъ воспитаніи стоитъ вопросъ о свободѣ печати.

Книгопечатаніе можетъ быть употреблено во зло. Это зло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не кропотливою, не безразсудно-робкою, а цензурою просвѣщенною, снисходительною и близкою къ полной свободѣ. Пусть унимаетъ она страсти и вражду; пусть смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая мнѣніе свое, говорили отъ разума (конечно всегда ограниченнаго) и обращаясь къ чужому разуму, а не разжигая злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ; но пусть уважаетъ она свободу добросовѣстнаго ума. Цензура, безразсудно строгая, вредна вездѣ; но цензура безмѣрно строгая была бы вреднѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ либо. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая даже Англіи; ими она живетъ, ими крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно. Если выраженіе ихъ затруднено, и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и особенно мысль молодаго возраста предается вполнѣ и безъ защиты вліянію иноземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ, по общему мнѣнію. Болѣе того: иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности Русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по общему мнѣнію, заслуживаютъ наибольшей похвалы и особеннаго поощренія. Для Русскаго взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру, превратенъ; неисправленныя добросовѣстною критикою Русской мысли, слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ, при оскудѣніи отечественнаго слова, Русскій читатель долженъ по неволѣ пробавляться произведеніями заграничными.

Но скажутъ: строгость цензуры никогда не можетъ падать на произведенія безвредныя или полезныя. Это не правда. Можно доказать, что излишняя цензура дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было правдою, то и тогда вредъ былъ бы неисчислимъ. Честное перо требуетъ

свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ, душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало по малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи и ихъ должно избѣгать. Таковы ближайшія задачи Русскаго человѣка, народа и государства.

I, 253. Великъ и благороденъ подвигъ всякаго человѣка на землѣ; подвигъ Русскаго исполненъ надежды. Не жалѣть о лучшемъ прошедшемъ, не скорбѣть о нѣкогда бывшей Вѣрѣ должны мы, какъ Западный человѣкъ; но, помня съ отрадою о живой Вѣрѣ нашихъ предковъ, надѣяться, что она озаритъ и проникнетъ еще полнѣе нашихъ потомковъ; помня о прекрасныхъ плодахъ Божественнаго начала нашего просвѣщенія въ старой Руси, ожидать и надѣяться, что, съ помощію Божіею, та цѣльность, которая выражалась только въ отдѣльныхъ проявленіяхъ, безпрестанно исчезавшихъ въ смутѣ и мятежѣ многострадальной исторіи, выразится во всей своей многосторонней полнотѣ, въ будущей мирной и сознательной Руси.

I, 173. Совершается, хотя и медленно (такъ какъ и слѣдуетъ быть) переходъ въ нашемъ общественномъ мышленіи. Но надежда не должна порождать ни излишнюю увѣренность, ни лѣнивую безпечность. Много еще времени, много умственной борьбы впереди. Не вдругъ разгоняется умственный сонъ, медленно перемѣняются убѣжденія; еще медленнѣе измѣняются привычки, данныя полуторастолѣтнимъ направленіемъ. Все дѣло людей нашего времени можетъ быть еще только дѣломъ самовоспитанія. Намъ не суждено еще сдѣлаться органами, выражающими Русскую мысль; хорошо, если сдѣлаемся хоть сосудами, способными сколько-нибудь ее воспринять. Лучшая доля предстоитъ будущимъ поколѣніямъ: въ нихъ уже могутъ выразиться вполнѣ всѣ духовныя силы и начала, лежащія въ основѣ Святой Православной Руси. Но для того, чтобы это было возможно, надобно, чтобы жизнь каждаго была въ полномъ согласіи съ жизнію всѣхъ, чтобы не было раздвоенія ни въ лицахъ, ни въ обществѣ. Частное мышленіе

можетъ быть сильно и плодотворно только при сильномъ развитіи мышленія общаго; мышленіе общее возможно только тогда, когда высшее знаніе и люди, выражающіе его, связаны со всѣми остальнымъ организмомъ общества узами свободной и разумной любви, и когда умственныя силы каждаго отдѣльнаго лица оживляются круговращеніемъ умственныхъ и нравственныхъ соковъ въ его народѣ. Исторія призываетъ Россію стать впереди всемірнаго просвѣщенія; она даетъ ей на это право за всесторонность и полноту ея началъ; а право, данное исторіею народу, есть обязанность, налагаемая на каждаго изъ его членовъ.

*

Мы видѣли Хомякова такимъ, какимъ знали его современники и какимъ онъ является намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Первый, непосредственный выводъ изъ сопоставленія этихъ двухъ областей, въ которыхъ сохранился намъ его образъ, есть рѣдкое между ними согласіе. Человѣкъ, сказавшій, что въ Церкви «ученіе живетъ, и жизнь учитъ», самъ въ высшей мѣрѣ проявилъ это единство мысли, слова и дѣла во всѣхъ частяхъ своей дѣятельности. Поэтому повѣсть о его жизни служитъ необходимымъ дополненіемъ къ его писаніямъ; на основаніи же совокупности того и другаго можемъ мы произнести справедливое сужденіе о томъ, чѣмъ онъ былъ и что̀ сдѣлалъ.

Высказанныя Хомяковымъ мысли представляютъ въ цѣломъ систему религіозныхъ, философскихъ, историческихъ и соціальныхъ воззрѣній, систему, которой главныя черты намѣчены въ нашемъ изложеніи. Въ проповѣди исповѣдуемыхъ имъ началъ состояло внѣшнее дѣло его жизни.

Когда человѣкъ сходитъ со своего земнаго поприща, когда для него, по выраженію поэта, «настаетъ потомство», тогда наступаетъ и оцѣнка свершеннаго имъ на землѣ дѣла. Въ предисловіи къ нашему труду мы указали на причины, замедлившія оцѣнку Хомякова. Но мы разумѣли оцѣнку всестороннюю, спокойную и безпристрастную, судъ sine ira et studio. Для *такой* оцѣнки Хомякова только что наступаетъ пора; частныя же попытки выяснить его значеніе дѣлались и вскорѣ послѣ его смерти, и еще при жизни, особенно, если имѣть въ виду отзывы отрицательные.

Мнѣнія о Хомяковѣ современниковъ можно раздѣлить на три разряда: на мнѣнія противниковъ, единомышленниковъ и учениковъ. Чтобы не теряться во множествѣ отзывовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать точное понятіе о каждой изъ указанныхъ точекъ зрѣнія, приведемъ вкратцѣ взгляды на Хомякова трехъ наиболѣе крупныхъ въ своей сферѣ людей: А. И. Герцена, Н. П. Гилярова-Платонова и Ю. Ѳ. Са-

марина. Думаемъ, что подъ этими тремя именами соединимо все, что болѣе или менѣе самостоятельно говорилось о Славянофильствѣ вообще и о Хомяковѣ въ частности при его жизни и вскорѣ послѣ его смерти.

Герценъ видѣлъ въ Хомяковѣ прежде всего *діалектика*. Онъ былъ кореннымъ образомъ несогласенъ съ Хомяковымъ по всѣмъ важнѣйшимъ философскимъ, историческимъ и соціальнымъ вопросамъ. Будучи самъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, человѣкомъ вполнѣ убѣжденнымъ и искреннимъ и не находя возможности ни согласиться съ доводами Хомякова, ни опровергнуть ихъ точно и послѣдовательно, Герценъ долженъ быть признать, что система Хомякова, ложная въ основаніяхъ, вѣрна себѣ въ логическомъ построеніи, и что самъ онъ силенъ не истиною, а краснорѣчіемъ. Таковъ конечный смыслъ отзывовъ Герцена о Хомяковѣ, разсѣянныхъ въ его воспоминаніяхъ. Тогоже взгляда держались Грановскій и другіе Западники, считая Хомякова не убѣжденнымъ проповѣдникомъ, а изворотливымъ софистомъ. Такой взглядъ на него перешелъ преемственно и къ позднѣйшимъ сторонникамъ Западнаго направленія, немного только смягчившись съ теченіемъ времени, утративъ остроту и раздраженіе борьбы, но сохранивъ сущность отрицательнаго отношенія.

Люди, близкіе къ Хомякову въ основаніяхъ своихъ воззрѣній, но не считавшіе себя непосредственно его учениками, какъ Гиляровъ, думали, что Хомяковъ идетъ по вѣрному пути, но не исчерпываетъ своими построеніями полноты чаемой ими религіозно - философской истины. Поэтому Гиляровъ говорилъ, что Хомяковъ односторонен и неполонъ.

Наконецъ, мнѣніе людей, проникнутыхъ духомъ проповѣди Хомякова и открыто признавшихъ себя его учениками, можетъ быть выражено словами Самарина, который въ своемъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова говоритъ: «Для людей безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ Хомяковъ былъ страненъ и смѣшонъ; для людей, оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ безпокоилъ ихъ; для людей, сознательно и, по своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возраженіемъ, передъ которымъ они становились втупикъ; наконецъ, для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ былъ своего рода эманципаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія. Живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, хоть то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ актъ умственнаго постиженія

требуетъ подвига воли; что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истиною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ Церкви; словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ всѣмъ существомъ своимъ служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эмансипаторомъ людей, расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому, неразрѣшимыми. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противу всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ (хотя подчасъ и соблазнительныхъ) сдѣлокъ съ тою примѣсью лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ Церкви».

Мы ограничиваемся здѣсь этими небольшими выписками, которыми Самаринъ опредѣляетъ собственно личное воздѣйствіе Хомякова на сближавшихся съ нимъ людей, и не приводимъ въ подробности взгляда Самарина на его значеніе, вопервыхъ потому, что Самаринъ въ своемъ «Предисловіи» касается только одной (правда важнѣйшей) стороны дѣятельности Хомякова; вовторыхъ, и болѣе всего, потому, что «Предисловіе» само по себѣ такое цѣльное, сжатое и сильное произведеніе, которое необходимо прочесть цѣликомъ. Въ концѣ его Самаринъ называетъ Хомякова учителемъ Церкви и кончаетъ словами: «Называя его этимъ именемъ, мы хорошо знаемъ, что наши слова приняты будутъ одними за дерзкій вызовъ, другими за выраженіе слѣпаго пристрастія ученика къ учителю; первые на насъ вознегодуютъ, вторые насъ осмѣютъ. Все это мы напередъ знаемъ; но знаемъ и то, что будущія поколѣнія будутъ дивиться не тому, что въ 1867 году кто-то рѣшился сказать это печатно и подписать свое имя, а тому, что было такое время, когда на это могла потребоваться хоть самая малая доля рѣшимости».

Такъ смотрѣли на Хомякова современники разныхъ оттѣнковъ мысли. Для насъ, для *потомства*, лишеннаго возможности оцѣнки непосредственной, значеніе Хомякова, какъ и всякаго мыслителя, можетъ выясниться лишь изъ сопоставленія его съ другими теченіями мысли, предшествовавшими и современными ему. Для этого прежде всего возобновимъ въ памяти основныя положенія, высказанныя Хомяковымъ и изложенныя нами, въ большинствѣ, его же словами, въ предыдущей части нашего изслѣдованія.

Въ исторіи религій, представляющей собою средоточіе и ключъ къ уразумѣнію всей жизни человѣчества, исконн обозначаются два раздѣльныхъ, самобытныхъ и по существу противуположныхъ начала: начало духовной свободы, проявляющееся вѣрою въ личнаго, внѣ вещества стоящаго Бога и признающее міръ произведеніемъ Его творческой воли, и начало вещественной необходимости, въ области котораго Божество является лишь скрытымъ закономъ самого вещественнаго міра и хотя повидимому облекается въ личный образъ, но въ сущности не имѣетъ самостоятельнаго личнаго бытія и слѣдовательно не только не сотворило или не творитъ міръ, но само рабствуетъ міру. Миѳическій символъ его жизни и дѣятельности—рожденіе. Духъ, стремящійся и не могущій разорвать оковы вещества, слѣдовательно не властный достичь свободы живой и дѣятельной, находитъ замѣну ея лишь въ самоуничтоженіи—въ небытіи. Сношеніе человѣка съ Божествомъ—не молитва, а заклинаніе.

Первое начало, присущее племенамъ Арійскимъ, всего же неприкосновеннѣе сохраненное народомъ Еврейскимъ, получило свое совершеніе въ Христіанствѣ, воплотилось въ Церкви и живетъ въ народахъ, ее составляющихъ. Второе, изъ своей первой колыбели у племенъ Кушитскихъ или Хамидовъ, создавъ ихъ вещественное могущество и славу, съ паденіемъ ихъ царства проникло къ племенамъ Запада и, принявъ въ Римѣ образъ обоготвореннаго государства, примѣшалось тамъ къ Христіанству, исказило его и, согласно съ первоначальною своею двойственностью, произвело матеріально-утилитарное Латинство съ его церковью - государствомъ, съ его учетомъ грѣховъ и заслугъ, съ его заклинательною силою таинствъ, и философски - безразличное Протестантство съ его безформенностью, съ его одинокою личностью, разрѣшающееся въ полный скептицизмъ и невѣріе.

Послѣднее изъ великихъ племенъ, выступившихъ до сихъ поръ на историческое поприще, племя Славянское, отчасти по природнымъ своимъ свойствамъ, болѣе же всего подъ воздѣйствіемъ Православной вѣры Христовой, къ воспріятію коей оно повидимому было особенно предрасположено, проявило иныя бытовыя и общественныя начала, чѣмъ племена Западно-Европейскія, носившія въ себѣ одностороннее просвѣтительное начало Латинства и потому раньше достигшія внѣшняго могущества. Лицомъ къ лицу съ ними сталъ представитель Славянства, Русскій народъ, надолго остановленный въ своемъ внѣшнемъ развитіи гнетомъ бѣдствій, потомъ, въ лицѣ правящей своей части, уклонившійся отъ прямаго пути и наконецъ начинающій вновь сознавать свое призваніе. Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, ходъ мысли Хомякова.

Противоположность двухъ началъ (свободы и необходимости, духа и формы, единства внутренняго, живаго, и единства внѣшняго, условнаго) продолжаетъ стоять нынѣ, какъ стояла она тысячелѣтія тому назадъ; но она замѣтнѣе теперь, ибо человѣчество недаромъ прожило эти тысячелѣтія: мы можемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что́ лишь смутно чуяли наши предки.

Въ отличіе отъ проявленій народной жизни, безконечно разнообразныхъ, но связанныхъ безчисленными, часто невидимыми намъ нитями, *сознаніе* народное есть дѣло отдѣльныхъ лицъ. И чѣмъ полнѣе жизнь народа, чѣмъ глубже ея источники, чѣмъ труднѣе переживаемая народомъ пора, чѣмъ сложнѣе и неуловимѣе ея признаки: тѣмъ мудренѣе задача выразителей народнаго самосознанія. Къ такому-то подвигу уразумѣнія и уясненія жизни великаго, но мало изъвѣданнаго въ немъ самомъ народа, въ пору совершающагося въ немъ историческаго перелома, былъ призванъ Хомяковъ. Въ отвѣтѣ на вопросъ, *какъ* онъ совершилъ этотъ подвигъ, лежитъ оцѣнка его жизненнаго дѣла и заслуги его передъ потомствомъ.

Думая, говоря и дѣйствуя въ согласіи съ ходомъ основныхъ своихъ воззрѣній, вѣрнѣе, выводя свои воззрѣнія изъ всей цѣлости своего духовнаго существа при помощи своихъ всеобъемлющихъ научныхъ знаній, Хомяковъ несомнѣнно и точно опредѣляется въ своемъ отношеніи къ предшествовавшимъ и современнымъ ему явленіямъ и системамъ. Въ области вѣроученія, свободный ото всякой, даже самой ничтожной примѣси Западнаго раціоналистическаго воззрѣнія, стоя на незыблемой почвѣ яснаго и строгаго церковнаго преданія, онъ твердо и безповоротно опредѣлилъ обѣ разновидности Западнаго раскола—Латинство и Протестантство, представляющія въ иной измѣненной, частью скрытой формѣ все тѣже двѣ стороны древняго матеріальнаго просвѣщенія, котораго начало и постепенное развитіе Хомяковъ выяснилъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Онъ первый заговорилъ съ Западомъ голосомъ, въ которомъ не слышалось ни вражды, ни раболѣпства, и лучшіе люди на Западѣ оцѣнили нелицемѣрную прямоту и суровую искренность его рѣчи. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ былъ бы Хомяковъ понятъ тамъ раньше; но для своихъ соотечественниковъ онъ несомнѣнно явился какъ разъ во́ время, когда занесенный къ намъ съ Запада раціонализмъ выяснился и у насъ въ обоихъ своихъ видахъ: въ видѣ формализма во внѣшней жизни Церкви и въ видѣ скептическаго невѣрія, основаннаго въ большинствѣ случаевъ на поверхностномъ научномъ знаніи—въ обществѣ. Хомяковъ выразивъ ясно и точно православную мысль, выступилъ разомъ противъ того и другаго. Принадлежа старой вѣрующей Руси цѣльностью

внутренняго убѣжденія и современной наукѣ всесторонннмъ образованіемъ, онъ первый ясно опредѣлилъ взаимное отношеніе обѣихъ областей. По складу ума и еще болѣе по свойству вопроса, богословская дѣятельность Хомякова носила характеръ положительной проповѣди; но необходимость борьбы съ ограниченностью и заблужденіемъ заставляла ее принимать оттѣнокъ полемическій. Личное положеніе Хомякова и ближайшихъ его сотрудниковъ особенно отчетливо опредѣляется отношеніемъ къ нимъ тѣхъ, кого задѣвали высказываемыя ими мысли Это было въ однихъ—недовѣріе, смѣшанное съ какимъ-то изумленіемъ, въ другихъ—раздраженіе и вражда, скрываемыя подъ личиною презрѣнія и насмѣшки.

Тоже самое повторялось и въ вопросахъ научныхъ и общественныхъ; но такъ какъ послѣдніе доступнѣе для образованнаго и полуобразованнаго большинства, чѣмъ вопросы вѣры, да и затрогиваютъ они интересы болѣе ощутимые и ходячіе, то здѣсь и недовѣріе, и вражда выступали рѣзче.

Отрицательная сторона Западнаго вліянія выразилась у насъ болѣе всего склонностью къ Западно-европейскимъ государственнымъ формамъ; но такъ какъ Западная мысль и практика со времени Петровой реформы принимались у насъ почти или вовсе безъ критики, то въ Россіи одновременно и, такъ сказать, равноправно явились обѣ Западно - европейскія политическія партіи — консервативная и либеральная. За отсутствіемъ аристократіи въ Западномъ смыслѣ слова и при бюрократическомъ строѣ администраціи, консерватизмъ нашъ былъ также чисто-бюрократическій, а идею царской власти понималъ въ Западномъ смыслѣ внѣшняго народу абсолютизма; либерализмъ же цѣликомъ принялъ Западное ученіе о государственной условности и пошелъ по знакомому пути, до революціонныхъ идей включительно. Такимъ образомъ какъ въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ наши Западники, за споромъ между Латинствомъ и Протестантствомъ, не могли разглядѣть Православія; такъ и въ области государственныхъ понятій они никакъ не могли отвлечься отъ Западнаго взгляда на вещи и, споря между собою изъ двухъ лагерей, часто горячо и искренно, не понимали, что исходная ихъ точка одна; что, какъ ни противуположны повидимому одинъ другому взгляды этихъ такъ называемыхъ консерваторовъ и либераловъ—они вполнѣ единодушны въ самомъ главномъ: въ полномъ непониманіи основъ Русской государственности. Славянофиламъ приходилось одновременно доказывать несостоятельность того и другаго направленія. Ихъ поочередно (а часто и заразъ, только по разнымъ вопросамъ) причисляли то къ тому, то къ другому лагерю, не понимая такой повидимому очевидной истины, что нельзя примѣнять къ оцѣнкѣ ученія мѣру, несоизмѣримую съ его основаніемъ.

Таково въ общихъ чертахъ было положеніе Славянофильства между современными ему общественными группами лицъ и мнѣній. Мы знаемъ, что кружокъ Славянофиловъ былъ очень немногочисленъ. При этомъ далеко не всѣ Славянофилы въ одинаковой мѣрѣ способствовали теоретической выработкѣ того, что̀ въ цѣломъ можно назвать славянофильскимъ ученіемъ. Кромѣ Хомякова, существенно потрудились надъ нею: И. В. Кирѣевскій—опредѣленіемъ отношенія философіи къ Вѣрѣ и Западнаго просвѣщенія къ Русскому; К. С. Аксаковъ—выясненіемъ бытовыхъ и государственныхъ стихій Русской исторіи, и Ю. Ѳ Самаринъ—изображеніемъ того процесса, коимъ, чрезъ воспріятіе раціоналистическаго начала, исказилось Латинство въ сферѣ нравственнаго ученія. Мы указываемъ здѣсь на главнѣйшія стороны самостоятельной дѣятельности этихъ людей какъ мыслителей, не говоря о ихъ разностороннихъ спеціальныхъ занятіяхъ и о широкой общественной дѣятельности послѣдняго, въ которой онъ соприкасался съ Кошелевымъ, княземъ Черкасскимъ и отчасти съ И. С. Аксаковымъ.

Мы видѣли, сколько въ каждой изъ этихъ областей поработалъ Хомяковъ; и, не входя въ сравнительную оцѣнку заслугъ каждаго изъ этихъ четырехъ незабвенныхъ дѣятелей Русскаго возрожденія, можемъ, кажется, на основаніи всего предыдущаго высказать опредѣленное сужденіе, что Хомяковъ объединилъ частныя области, въ которыхъ потрудились его друзья, и потому болѣе всѣхъ имѣетъ право на названіе творца славянофильскаго ученія, если, опять таки повторяемъ, принимать таковое какъ нѣчто отдѣльное отъ Православія вообще.

Вполнѣ самостоятельною областью Хомякова была исторія, вѣрнѣе православно-христіанская философія исторіи. Выработанныя имъ въ ней положенія и были тою основною и объединяющею нитью, которая связала также самостоятельные, но притомъ нѣсколько разрозненные выводы его сотрудниковъ.

Итакъ выясненіе противоположности съ одной стороны между просвѣщеніемъ духовнымъ, откровеннымъ и матеріальнымъ, разсудочнымъ, съ другой между бытовымъ складомъ Русскаго народа, давшимъ общину внизу и самодержавіе на верху, и Западнымъ строемъ, давшимъ аристократію, абсолютизмъ, условность государственную; установленіе очевидной связи между этими двумя порядками явленій, происходящими изъ одного источника точное опредѣленіе основныхъ началъ Православія и Русской народности и въ подтвержденіе ихъ свидѣтельство цѣлой жизни: вотъ дѣло Хомякова.

Мы разсказали жизнь А. С. Хомякова, изложили его ученіе и высказали нашъ взглядъ на его историческую заслугу. Мы старались,

по возможности, не теряться въ подробностяхъ, а ограничивались лишь самыми основными положеніями. Этимъ исчерпывается поставленная нами себѣ задача. Выполнивъ ее по мѣрѣ силъ, должно сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что живетъ послѣ старыхъ Славянофиловъ какъ прямое преданіе.

Со времени дѣятельности Хомякова прошло полвѣка; тридцать шесть лѣтъ минуло уже съ его смерти. Съ тѣхъ поръ многіе пошли за нимъ; многіе думаютъ, что идутъ за нимъ, или говорятъ это, не думая; многіе продолжаютъ идти тѣми двумя путями, отъ которыхъ предостерегалъ Русскихъ людей Хомяковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о современномъ положеніи болѣе или менѣе враждебныхъ Славянофильству партій, а ограничимся краткимъ указаніемъ на то, какъ понимають свое теперешнее положеніе люди, считающіе себя послѣдователями Славянофиловъ. Не составляя сплоченной партіи не только политической (чего, по существу славянофильскихъ убѣжденій, и быть не можетъ), но даже литературной и общественной, люди эти тѣмъ не менѣе существуютъ, и существованія ихъ, при всемъ достающемся повидимому на ихъ долю со стороны обѣихъ оффиціозно-признанныхъ партій снисходительномъ презрѣніи, ни та, ни другая не отрицаетъ. Ихъ убѣжденія не измѣнились; слѣдовательно не измѣнились и ихъ задачи и цѣли.

Исповѣданіе откровеннаго Христіанства, соборнаго Православія, воздающаго Кесарево Кесареви и Божіе Богови въ области вѣроученія; развитіе самобытнаго народнаго ученія въ наукѣ и искусствѣ; охраненіе и утвержденіе исконныхъ началъ Русской исторіи (мірскаго устройства, основаннаго на добровольномъ подчиненіи личности общему мнѣнію и дѣлу), въ сферѣ общественной; единодушнаго съ народомъ и никакими сдѣлками не оговореннаго самодержавія—въ сферѣ государственной: таковы эти убѣжденія. Имъ равно чужды какъ религіозное безразличіе, рабская подражательность, эгоизмъ личности и государственная условность, проповѣдуемыя либералами, такъ и государственная церковность, громкій паѳосъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ. Борьба противуположныхъ началъ таже, какая была она полвѣка тому назадъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Хомяковъ, таже, какая была во времена Вавилонскаго столпотворенія...

Но не въ борьбѣ цѣль тѣхъ, кто проникнется духомъ Хомякова. Мы вѣримъ и надѣемся, что время борьбы и полемики минуетъ. Жизнь Церкви, просвѣщеніе и ростъ человѣчества: вотъ поприще и цѣль всѣхъ, кому дорога истина. По этому единому, правому пути ведетъ насъ тотъ, чье имя поставлено въ заглавіи настоящей статьи.

Путь этотъ труденъ, и не легко продолженіе дѣла Хомякова. Передъ смертью, быть можетъ въ предчувствіи ея, его любимый ученикъ,

неутомимый труженикъ и боецъ, среди никогда не покидавшихъ его общественныхъ заботъ, писалъ: «Мысль бросить все и поднять съ земли нить размышленій, выпавшую изъ рукъ умиравшаго Хомякова, меня много разъ занимала; но я сознаю слишкомъ глубоко, что до этой задачи я далеко не доросъ умственно и не подготовленъ душою; это главное» Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ю. Ѳ. Самарина слышится завѣтъ, съ которымъ послѣдній изъ сотрудниковъ Хомякова какъ бы обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто пойдетъ за нимъ во слѣдъ его учителя. Словъ этихъ никогда не слѣдуетъ забывать имъ. Какъ бы широки ни были познанія, какъ бы ни былъ смѣлъ полетъ мысли, этихъ познаній, этого полета еще недостаточно для уразумѣнія истины: оно требуетъ подвига и совершается лишь

... въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты.

Еще другое долженъ помнить идущій за Хомяковымъ, что онъ и его сотрудники не искали и не видали славы міра сего, и что не въ ней награда за подвигъ добра.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна.
Безвременно родиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, усыпана цвѣтами —
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ.

Валерій Лясковскій.

ПОПРАВКА (къ стр. 304-й).

Покушеніе Каракозова было 4 Апрѣля 1866 года, т. е. почти годъ спустя послѣ кончины Цесаревича Николая Александровича. Были другія обстоятельства, коими омрачались свѣтлыя думы царственнаго юноши Польское возстаніе, пожаръ Апраксина двора, студенческія волненія и пр. П. Б.

его Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ документѣ Молдавскомъ, ни въ одной хроникѣ не упоминается даже имя сына Молдавскаго господаря Стефана V Великаго — Ивана-прозваннаго Вѣчиномъ, въ то время какъ о семьѣ господаря Стефана мы имѣемъ очень даже подробныя свѣдѣнія. Далѣе, Иванъ Вѣчинъ не могъ оставить Молдавію малолѣтнимъ, такъ какъ тогда и рѣчи не могло бы быть о назначеніи наслѣдникомъ не его, а брата его Богдана

Вотъ списокъ сыновей и дочерей господаря Стефана († 1504 г.), извѣстныхъ Румынскому ученому А. Попадопуло Калимаху, автору недавно появившагося изслѣдованія о Софіи Палеологъ и Еленѣ, невѣсткѣ Іоанна III, дочери господаря Стефана (Analele Academiei Române, vol. XVII, an. 1895):

1. Александръ, умершій въ 1430 году.

2. Иліашъ.

3. Петръ, умершій въ 1479 году.

4. Богданъ, „ „ 1478 „

5. Богданъ, внукъ воеводы Валашскаго Раду, получившій по смерти Стефана Великаго престолъ Молдавіи и княжившій съ 1504-го по 1517-й годъ.

6. Петръ Рарешъ, побочный сынъ Стефана и красавицы Маріи Рарешъ изъ Хырлеу, княжившій два раза (1527—1538 и 1541—1546).

7. Елена или Олена, вышедшая замужъ за Московскаго князя Іоанна Младого.

8. Княжна и

9. Марія княжна.

Извѣстны также и всѣ жены господаря Стефана изъ которыхъ четыре были законныя и пятая незаконная Марія Рарешъ. Въ монастыряхъ сохранились до настоящаго времени ихъ надгробные памятники, свидѣтельство которыхъ вполнѣ достовѣрно.

Такимъ образомъ является вопросъ: неужели Молдавскія современныя свидѣтельства умышленно умалчиваютъ о сынѣ господаря Стефана Иванѣ, которому отецъ „велѣлъ быть у брата своего въ подданствѣ, и для того назвалъ его Вечинъ?“ (Рум. vecinŭ — сосѣдъ).

Не предрѣшая этого весьма интереснаго вопроса, мы укажемъ только на то, что это явленіе весьма странное.

Не могли вѣдь Молдавскіе хронисты и документы не знать о сынѣ господаря Стефана Иванѣ, который прибылъ въ Москву съ двумя уже сыновьями, слѣдовательно въ то время, т. е. въ 1490—1491-мъ годахъ, онъ былъ человѣкомъ взрослымъ.

А. Яцимирскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1897 года.

„Русскій Архивъ" въ 1897 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ нихъ книга „Архива Князя Воронцова").

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по **5** р., съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894** и **1895**-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.
(*Москва, Садовая, д. 175-й*).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

12.

Стр.

Просимъ лицъ, возобновляющихъ подписку на „Русскій Архивъ", означать въ своихъ письмахъ, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова" желаютъ они получить безплатнымъ приложеніемъ къ 1897 году. (Содержаніе 26-ти книгъ „Архива Князя Воронцова" см. на оборотѣ).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива" въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать по уменьшенной цѣнѣ 26 книгъ этого исторического изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестова. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ 1757 г. Доклады гр. Воронцова 1758 годъ. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма кн352. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1744) Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма гр. С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма гр. П. В. Завадов-

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

„Русскій Архивъ" въ 1897 году вступаетъ въ 35-й годъ изданія. Цѣлое поколѣніе народилось и выросло съ тѣхъ поръ какъ возникъ нашъ повременный историческій сборникъ, и людей, получавшихъ его въ 1863 году, насчитывается уже немного. Скромный трудъ нашъ не измѣнилъ своего направленія: разработывая и по возможности освѣщая протекшее, онъ въ тоже время посвященъ будущему, ибо сберегаетъ отъ забвенія и закрѣпляетъ печатью историческія черты протекшей дѣятельности Русскихъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ.

„Русскій Архивъ" въ 1897 г., будетъ по прежнему, издаваться **двѣнадцатью тетрадями**, которыя составятъ три книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1897 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Подписчики благоволятъ увѣдомлять Контору „Русскаго Архива“, какую именно книгу „Архива Князя Воронцова“ угодно имъ получить безплатнымъ приложеніемъ въ 1897 году. Содержаніе книгъ „Архива Князя Воронцова“ напечатано на оберткѣ 7-го выпуска „Русскаго Архива“ нынѣшняго года.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 4 часовъ дня.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**

ПАПСКАЯ ПОПЫТКА ВОЙТИ ВЪ СНОШЕНІЯ СЪ МОСКВОЮ.

1579.

Ватиканскій архивъ сдѣлался доступенъ для изученія приблизительно съ 1881 года; но доселѣ немногіе изъ изслѣдователей Русской исторіи воспользовались этою доступностью его сокровищъ. Гг. Вержбовскій [1]) и Любовичъ [2]) извлекали здѣсь матеріалы по Польшѣ XVI в.; Форстенъ [3]) и Гильдебрандъ [4])— по Ливоніи, Брикнеръ [5]) и Шмурло [6]) по сношеніямъ Россіи въ концѣ XVII в. Болѣе же всѣхъ воспользовался матеріалами Ватиканскаго архива г. Пирлингъ (имѣвшій одно время доступъ и въ архивъ Пропаганды), въ рядѣ замѣчательныхъ сочиненій о сношеніяхъ Рима съ Россіей. Нынѣ г. Пирлингъ приступилъ къ объединенію и восполненію этихъ работъ своихъ въ общемъ обширномъ трудѣ „La Russie et le Saint - Siège", первый томъ котораго вышелъ въ началѣ этого года. Изъ этого тома, обнимающаго сношенія съ нами Рима до посольства Поссевина, приводимъ главу о предполагавшемся посольствѣ Якова Воронецкаго (глава III, стр. 413—431). Посольство это не состоялось; но краткая глава, посвященная ему, любопытна: содержаніе ея ново; въ ней хорошо обрисовываются взаимныя отношенія Рима, Россіи и Польши и дается живая характеристика Стефана Баторія; по ней читатель можетъ ознакомиться съ пріемами изложенія даровитаго ученика С.-Петербургской второй гимназіи, нынѣ славнаго дѣятеля исторіографіи. С. С.

Переводъ съ Французскаго.

Доселѣ думали, что папа Григорій XIII, до знаменитаго посольства Поссевина, только однажды пытался вступить въ сношенія съ Москвою [7]), и не возобновлялъ въ Польшѣ попытокъ, не удавшихся въ Австріи. Это ошибка, и важно отмѣтить ея источникъ. Инструкціи кардинала Комскаго [8]) Польскому нунцію о посольствѣ къ Ивану въ

[1]) Варш. Унив. Изв. 1880—1881 г. и Synopsis legatorum a latere .... in Polonia terrisque adiacentibus, 1073—1794. Romae 1880.

[2]) Варш. Унив. Изв. 1888 г.

[3]) „Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII ст." и „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII ст.".

[4]) Livonica, vornämlich aus d. XIII Jahrhundert im Vatic. Archiv. Riga, 1887.

[5]) „Русское посольство въ Италіи въ 1672—1673 г." (Новь 1886).

[6]) Учен. Зап. Юрьевскаго Университета. 1894.

[7]) Передъ тѣмъ шла рѣчь о несостоявшемся посольствѣ Кленке. С. С.

[8]) Главнаго дѣятеля при папѣ Григоріи XIII-мъ. С. С.

1579 г. лежали невѣдомыми въ архивѣ Ватиканскомъ, и корреспонденція нунція Калигари, изданная Тургеневымъ, не указываетъ и слѣдовъ этихъ бумагъ (въ изданіи Тургенева имѣются прискорбные пробѣлы: именно, шифрованныя депеши не приведены). Эти драгоцѣнные документы, которые мнѣ первому посчастливилось извлечь изъ забвенія, освѣщаютъ дипломатическій эпизодъ довольно интересный и важный. Дѣло идетъ о новомъ Московскомъ проектѣ, вызванномъ осложненіями на Востокѣ.

Со смертью Сулеймана I, Исламская имперія вступила въ періодъ упадка. Правда, причины ослабленія оставались въ скрытомъ состояніи, пока Соколли сильной рукою мѣшалъ ихъ развитію и поддерживалъ преданія великаго царствованія. Но Полумѣсяцъ не окруженъ уже обаяніемъ непобѣдимости: при Лепантѣ *) разсѣялось это обаяніе, хотя и не сломилось окончательно могущество Отоманское. Мурадъ III запутался въ долгую и страшную войну съ Персіей; чередовались побѣды и пораженія, но слухи неблагопріятные для Турокъ встрѣчали больше вѣры въ Европѣ, и Персидское посольство прибыло въ Лиссабонъ, просить помощи западныхъ государей, для нанесенія смертельнаго и послѣдняго удара потрясенной имперіи Магомета. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, папа Григорій XIII возобновилъ планы, занимавшіе собою Римъ съ 1576 г. Онъ убѣдилъ себя, что Турки, терзаемые Персами въ Азіи, не смогутъ долго сопротивляться христіанскимъ силамъ, если онѣ нападутъ на нихъ со всѣхъ сторонъ въ Европѣ. Итакъ, главнымъ дѣломъ, отъ котораго зависѣла побѣда, было устроить быстро союзъ такъ, чтобы кампанія на Балканскомъ полуостровѣ совпала съ военными дѣйствіями, которыя усиленно велись Персами на Востокѣ. Надѣялись соединить подъ однимъ знаменемъ Испанію и Венецію, двухъ соперниковъ одинаково гордыхъ и могучихъ, содѣйствіе коихъ было одинаково необходимо для успѣха. Высшее начальство было бы ввѣрено Польскому королю. Этотъ выборъ опредѣлялся самъ собою: въ Баторіи сразу возникъ человѣкъ, какъ бы избранный Провидѣніемъ къ самымъ высокимъ судьбамъ. Его прошлое уже было озарено славою.

Баторіи изъ Сомліо считались въ числѣ знаменитѣйшихъ семей Седмиградіи; воинственныя преданія, непоколебимая храбрость, патріархальная простота, вѣрность вѣрѣ предковъ: таковы были отличительныя ихъ черты. Въ самый годъ рожденія будущаго короля, его родители поставили возлѣ своего замка церковь во имя Пресвятой Дѣвы. Поссе-

*) Знаменитая морская побѣда Іоанна Австрійскаго (1571) надъ Турками. П. Б.

вйнъ имѣлъ однажды случай видѣть ее и восхищаться драгоцѣнными украшеніями, коими она была обильно снабжена. Онъ не преминулъ по этому составить гороскопъ для новорожденнаго, которому суждено было стать великимъ строителемъ церквей и возстановителемъ божественнаго поклоненія. Посланный отцемъ въ Гранъ, Стефанъ получилъ тамъ, при дворѣ архіепископа, прочное и благочестивое воспитаніе. Когда онъ перешелъ, совсѣмъ еще юный, на службу имп. Фердинанда, его характеръ былъ уже такъ гордо закаленъ, что примасъ Венгерскій могъ воздать ему такую похвалу: «вотъ мальчикъ», сказалъ онъ императору, «который хочетъ, чтобъ съ нимъ обходились какъ съ мужемъ». На болѣе широкомъ поприщѣ качества Баторія выяснились ярче; въ 1549 году онъ отправился на Аугсбургскій сеймъ; лагерная жизнь дала ему извѣстность хорошаго солдата; затѣмъ онъ сопровождалъ въ Италію эрцгерцогиню Екатерину, невѣсту герцога Мантуанскаго.

Но добрыя отношенія съ Габсбургами не замедлили рѣзко нарушиться. Воевода Седмиградскій, Иванъ Сигизмундъ Заполья, оспаривалъ у Фердинанда, съ оружіемъ въ рукахъ, Венгерскую корону. Вернувшись къ своимъ и назначенный въ коменданты Варадина, Баторій взялъ сторону своего князя, и ему не разъ приходилось биться съ Австрійскими войсками. Война становилась такимъ образомъ все болѣе и болѣе любимой его стихіей; все влекло его къ ней: и его природная склонность, и общественное положеніе, и смутныя обстоятельства того времени. Его военный геній проявлялся при всякомъ случаѣ; удивляются мѣткости его взгляда, его энергіи, его внезапнымъ вдохновеніямъ; поле битвы воодушевляетъ его энтузіазмомъ, который онъ распространяетъ вокругъ себя; подъ шатромъ онъ страстно изучаетъ военное искусство и изобрѣтаетъ ядра, наводящія ужасъ на непріятеля. Столь же тонкій дипломатъ, какъ выдающійся полководецъ, онъ не разъ ѣздилъ въ Вѣну. Но переговоры его съ Фердинандомъ не привели ни къ чему. Максимиліанъ II-й готовъ былъ, въ 1565 г., утвердить договоръ, выгодный для него, какъ Баторій явился требовать новыхъ уступокъ въ пользу своего государя. Это возвращеніе отъ порѣшеннаго похоже было на ловушку. Императоръ прервалъ переговоры и задержалъ плѣнникомъ посланца Запольи. Около трехъ лѣтъ протекло такимъ образомъ въ почетномъ плѣнѣ, который не лишалъ Баторія ничего, кромѣ свободы.

Въ 1571 г., когда послѣдній Заполья смежилъ очи, голоса избирателей соединились на Баторіи. Онъ принялъ вѣнецъ Седмиградскій; но, чтобы удержать его на своей главѣ, надо было кроваво биться съ

соперникомъ вѣроломнымъ и могущественнымъ. Спокойствіе мало по малу возстановлялось въ странѣ, но внѣшнія сношенія оставались еще осложненными: вассалъ и данникъ султана, воевода Седмиградскій получалъ отъ него инвеституру и, въ случаѣ войны, поставлялъ ему войско; другія связи, но тайныя, соединяли княжество съ Имперіей, а императоръ питалъ ужасъ и отвращеніе къ султану. Ни тотъ, ни другой не пользовались искренними симпатіями Баторія, который предпочелъ бы видѣть родину возвращенную себѣ самой и совершенно независимой *).

Новый воевода истратилъ бы свою жизнь и свои силы въ неизвѣстности, среди борьбы съ этими трудностями, если бы Поляки не призвали его стать ихъ королемъ. Блестящее будущее открывалось передъ Баторіемъ. Но какія были его права на Польскій престолъ? Военные таланты, слава терпимости, враждебность къ Габсбургамъ, покровительство султана, обѣщаніе жениться на послѣдней Ягелловнѣ. Мелкое дворянство, шляхта, не желало ничего лучшаго. Увлеченіе избирателей, конечно, поохладилось бы, еслибъ они лучше узнали твердую энергію человѣка, котораго они провозглашали своимъ государемъ, его суровое правосудіе, его любовь къ порядку, его непреклонную волю не быть показнымъ королемъ.

Что касается мелкихъ сторонъ событія, то никто не оцѣнилъ ихъ лучше, какъ Папскій нунцій Лаурео. Особенно удивляла его въ Баторіи простота привычекъ: его одежды скромны, почти бѣдны; когда онъ снимаетъ свой желѣзный башмакъ, присутствующіе видятъ его дырявую обувь и обмѣниваются улыбками; среди разговора приходитъ какой-нибудь панъ, беретъ короля за руку, отводитъ его запросто въ сторону, громко приказываетъ закрыть двери, не впускать никого. Королевская кухня—кухня военная, весь составъ ея—говядина съ лукомъ и чеснокомъ, въ поразительную противоположность легендарнымъ пирамъ магнатовъ. Бракъ съ Ягелловной Анной былъ въ сущности политическимъ: сердечная склонность тутъ была не при чемъ; медовый мѣсяцъ продолжался лишь нѣсколько дней, и пятидесятичетырехълѣтняя супруга скоро увидѣла себя покинутой мужемъ моложе ея на десять лѣтъ, кипѣвшимъ дѣятельностью. Комнаты ихъ были по сосѣдству, раздѣленныя однимъ лишь покоемъ. Вмѣсто того, чтобы велѣть звать королеву или самому идти къ ней, Баторій предложилъ ей приходить самой, когда захочетъ его видѣть. Первый разъ она прождала пять часовъ; никто не явился и въ слѣдующій вечеръ; королева верну-

*) Поссевинъ, La Transilvania, рукопись, стр. 172. – Ватиканскій архивъ, бумаги Боргезе, LXV, D, f. 244.

лась огорченная къ себѣ въ комнату, открылся припадокъ лихорадки, понадобилось кровопусканіе. Тоже разочарованіе въ дѣлахъ: король держалъ себя неограниченнымъ владыкой, раздавая по собственной волѣ милости и должности, не позволяя супругѣ ни доли вліянія. Оскорбленные и обманувшіеся въ ожиданіяхъ сторонники Анны наполняли столицу жалобами и повторяли вездѣ: «Erravimus, erravimus». Нунцій заключаетъ свою шифрованную депешу выраженіемъ надежды, что эти сплетни, можетъ быть, бросятъ нѣкоторый свѣтъ на обстоятельства болѣе значительныя [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, Риму предстояло принять важное рѣшеніе: приходилось выбирать между Максиміліаномъ и Баторіемъ, которые оба были выбраны въ короли Польскіе. Одному принадлежали симпатіи св. престола; разрывъ съ другимъ казался неизбѣжнымъ. Смерть Максиміліана II очень кстати облегчила дѣло: папа призналъ избраніе Баторія; король забылъ неудачу воеводы; прекрасныя отношенія установились между Римомъ и Варшавой, какъ скоро въ Римѣ ознакомились съ рыцарскимъ настроеніемъ Баторія, съ его непоколебимой преданностью Церкви и тайной ненавистью къ Полумѣсяцу [2]). Отнынѣ вождь для противоотоманскаго союза указывался силою обстоятельствъ: во главѣ блестящей и непобѣдимой Польской кавалеріи, смѣлыхъ и стойкихъ Венгерскихъ пѣхотинцевъ царственный полководецъ могъ легче кого другаго проникнуть въ сердце непріятельской земли черезъ Молдавію и Валахію, куда доступъ былъ ему открытъ. Но сначала надо было устранить одно препятствіе. Уставы (Pacta conventa) клятвенно обязывали новаго короля соблюдать миръ съ Турками и отнять у Русскихъ ихъ Польскія завоеванія [3]). Римъ отлично понималъ, что одновременная борьба съ двумя страшными противниками не могла обѣщать побѣды; но имѣлось въ виду измѣнить роли: заключить союзъ съ Иваномъ и сосредоточить силы противъ Мурада. Если бы король склонился на убѣжденія, то сеймъ освободилъ бы его отъ его обѣщаній. Такъ Григорій XIII вернулся къ любимому проекту св. престола.

Кардиналъ Комскій немедленно принялся за дѣло. Длинная депеша отправлена 10 Іюня 1579 г. къ нунцію въ Варшавѣ, Андрею Калигари, преемнику Лаурео. Настаивать, чтобы Баторій сталъ во главѣ крестоваго похода, если не хочетъ прослыть другомъ Турокъ; предо-

---

[1]) Wierzbowski. *Vincent Laureo*, évêque de Mondovi, Варшава, 1887, p. 424—427.

[2]) Bibl. Nat., Лат. докум. № 6063, въ разныхъ мѣстахъ.

[3]) Volumina legum, t. II, Спб. 1859, p. 898.

ставить папѣ уладить возстановленіе мира съ Москвою, такъ какъ, не смотря на перемиріе, въ Ливоніи уже бились: таковы были приказанія, подкрѣпленныя обѣщаніемъ денежныхъ пособій и чудесныхъ побѣдъ. Можно будетъ округлить Седмиградіе, овладѣть Молдавіей, захваченной нынѣ проходимцами, овладѣть Валахіей, изнуренной раздорами, овладѣть даже Константинополемъ. Чтобы не мѣшать военнымъ успѣхамъ Польши, папа станетъ дѣйствовать отъ себя, какъ бы безъ вѣдома короля, такъ что въ Москвѣ и не заподозрятъ, что онъ посвященъ въ тайну. Калигари только и оставалось, что составить инструкцію, въ коей главными статьями были миръ между воюющими сторонами и унія Москвы съ Римомъ на основаніяхъ Флорентинскаго собора. Снабженный этимъ документомъ и получивъ согласіе короля, Яковъ Збарата Воронецкій, племянникъ архіепископа Гнезненскаго, могъ бы отправиться попытать счастья въ Кремлѣ [1]).

Кардинальская депеша, сказать правду, предлагала Калигари задачу почти неразрѣшимую. Дикая необузданность ужаснаго Ивана дѣлала его все болѣе чуждымъ для примирительныхъ идей Римскихъ, а въ 1579 году Баторій былъ равно недоступенъ рѣчамъ о мирѣ. Широкіе планы новаго похода зрѣли въ головѣ его; онъ набросалъ ихъ нунцію уже въ Апрѣлѣ 1578 г.: идти на Полоцкъ и Смоленскъ, осыпать ядрами обѣ крѣпости, захватить Москву, потребовать отъ побѣжденныхъ уступки Ливоніи и продиктовать въ Кремлѣ условія мира. Грандіозный проектъ, который три вѣка спустя будетъ вновь принятъ геніальнымъ полководцемъ и приведетъ къ пораженію на голову! Сеймъ того же 1578 г. ободрялъ Баторія: тяжкіе налоги были утверждены съ неслыханной щедростью. Едва приготовленія были кончены, какъ гонецъ Лопацинскій поѣхалъ въ Москву, 26 Іюня 1579 г., чтобы формально возвѣстить войну. Закладомъ войны была Ливонія; конечной цѣлью ея загнать въ глубь Азіи страшнаго врага Польши [2]).

Счастіе съ самаго начала склонилось къ Баторію. Искуснымъ и неожиданнымъ движеніемъ онъ напалъ на Бѣлоруссію, пока Иванъ направлялъ главныя свои силы на Псковъ и Новгородъ, чтобы приблизиться къ Ливоніи. 29 Августа грозныя укрѣпленія Полоцка уже добыча огня; на другой день сдѣлано послѣднее и бѣшенное нападеніе. Баторій, стоя на колѣняхъ у своего шатра, воздымаетъ руки къ небу и даетъ обѣтъ построить Іезуитскую коллегію, если овладѣетъ

[1]) Rome et Moscou, Pierling, p. 156, nº 13.

[2]) Wierzbowski, *Vinc. Laureo* p. 694; его же Uchansciana czyli zbior dokumentow. Варшава 1884—92, t. III, p. 301. — Polkowski, sprawy krόla Stefana Batorego, Краковъ 1887, p. 162, nº 114.

городомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожесточеннаго боя Полоцкъ сдается побѣдителю. 11 Сентября Соколъ, зажженный, разграбленный, является сценой ужасающей бойни; самые старые солдаты не запомнятъ ничего подобнаго. Другія Московскія крѣпости, менѣе важныя, подвергаются той же участи; сосѣднія области опустошены безжалостно.

И вотъ Баторій былъ какъ разъ въ опьяненіи побѣдъ, когда нунцій Калигари, получивъ депеши изъ Рима, 8 Сентября вступилъ съ нимъ въ бесѣду. Приступая къ Московскому вопросу, онъ говорилъ вообще о союзѣ и предлагалъ, если войско замедлитъ въ походѣ, прибыть въ Полоцкъ *). При королѣ находился Янъ Замойскій, котораго соотечественники прозвали великимъ, канцлеръ королевства, бывшій студентъ Падуанскаго университета, столь же свѣдущій въ Римскомъ правѣ и въ древнихъ классикахъ, какъ въ искусствѣ военномъ, краснорѣчивый, смѣлый, въ силу преданія врагъ Москвы. Эти обстоятельства не обѣщали легкаго успѣха. Съ другой стороны, ни Баторій, ни Замойскій, въ сущности не противились союзу; оба часто жаловались на Турокъ; подозрѣвалось, что паши сѣютъ раздоръ среди Поляковъ, слабость которыхъ составляла силу Отомановъ. Калигари не отчаевался заранѣе. Онъ надѣялся даже, въ концѣ концевъ, что быть можетъ состоится почетный миръ, подъ вліяніемъ папы. Король и канцлеръ отвѣчали нунцію въ одинъ и тотъ же день и въ одномъ и томъ же смыслѣ. Дѣло представлялось имъ слишкомъ важнымъ, чтобы обсуждать его въ шумѣ лагеря; слѣдовательно нунцію не зачѣмъ безпокоиться пріѣздомъ. Замойскій извѣщалъ о близкомъ пріѣздѣ короля въ Вильну; а король особенно указывалъ на плохое состояніе дорогъ и на продолжительность пути. Еще прежде, въ теченіе года, нунцій не разъ получалъ уклончивые отвѣты, когда эти щекотливые вопросы появлялись подъ перомъ его. На этотъ разъ онъ могъ надѣяться на лучшій успѣхъ: переговоры завязывались серіозно, у Калигари было папское посланіе и въ немъ полномочіе вступиться для заключенія мира съ Москвою и для образованія союза. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, при католическомъ дворѣ это было достаточнымъ оружіемъ въ рукахъ дипломата, если не для одолѣнія всѣхъ препятствій, то по крайней мѣрѣ для полученія категорическаго отвѣта; но несчастіе преслѣдовало Калигари.

---

*) О дальнѣйшихъ сношеніяхъ до 5 Января 1580 г. см. Theiner, *Annales Ecclesiasticae*, Римъ, 1856, т. III, 68—74, 661.—Тургеневъ Historica Russiae monumenta. СПБ. 1841. I, 274—289.—Heidenstein *De bello moscovitico*, Базель 1588, съ 38 стр.—*Книга посольская Вел. Княж. Литовскаго.* Москва, 1843 г., въ разныхъ мѣстахъ.—Ватиканскій Архивъ, *Polonia*, т. XVI, л. 283, 290, 307—386.

Блестяще закончивъ походъ 1579 года, Стефанъ поспѣшилъ вернуться въ свою страну въ виду предстоявшаго сейма. 5 Октября нунцій имѣлъ у него въ Вильнѣ первую аудіенцію. Наканунѣ онъ долго бесѣдовалъ съ Замойскимъ. Европейская война противъ Турокъ нравилась воинственному канцлеру, лишь бы было время приготовиться и лишь бы все дѣлалось втайнѣ. Относительно Москвы онъ былъ очень сдержанъ, не желая имѣть дѣло съ государемъ, который слишкомъ привыкъ нарушать клятву и котораго Польшѣ приходилось беречься.

Эти намеки указывали на исходъ королевской аудіенціи. Она длилась долго: у Баторія бывали минуты, когда рѣчь его текла, какъ рѣка. Онъ выказалъ себя, впрочемъ, столь же тонкимъ, сколько любезнымъ. Католическій государь, на лестное предложеніе руководить крестовымъ походомъ, онъ могъ отвѣчать только благородной и сыновьей преданностью, будучи слишкомъ счастливъ возможностью отдать жизнь и государство на службу святому престолу и увидѣть свое Венгерское отечество свергнувшимъ Отоманское иго. Но прежде чѣмъ начать столь трудное предпріятіе, не слѣдовало ли увѣриться, что успѣхъ надеженъ? Развивая эту мысль въ депешѣ своей отъ 5 Октября, Калигари, по желанію короля, не колеблется попросить Латинской записки, гдѣ былъ бы изложенъ планъ наступательной на Турокъ войны, съ перечисленіемъ государей, которые примутъ въ ней участіе, состава ихъ войскъ, числа галеръ и перевозочныхъ судовъ для солдатъ, снарядовъ и провизіи; кромѣ того, надо привести условія союза, указать мѣры противъ непостоянства и *фуріи* (la furia) Французовъ, способныхъ все перепутать, средства умирить войну Нидерландскую, которая могла бы остановить Испанскаго короля; наконецъ, надо опредѣлить размѣръ денежнаго пособія, число лошадей и солдатъ, требуемое отъ Польши. Баторій оставлялъ за собой право сдѣлать замѣчанія, предложить совѣты, внушенные военной опытностью, а затѣмъ сеймъ дастъ окончательный отвѣтъ.

Баторій не отказывалъ въ содѣйствіи своемъ и для посылки въ Москву, не скрывая въ тоже время желанія, чтобы отправленіе посланца отложено было до окончанія сейма: со дня на день ожидали или возвращенія гонца Лопацинскаго, или прибытія Русскаго посла. Въ теченіи аудіенціи Полоцкій побѣдитель проронилъ нѣсколько угрожающихъ словъ о своемъ соперникѣ. До нападенія на Турокъ онъ надѣялся справиться съ Москалями, ибо, по его словамъ, силъ у Ивана меньше, чѣмъ думали; возмущеніе можетъ легко вспыхнуть въ въ его столицѣ; лучшихъ Русскихъ полководцевъ нѣтъ, а изъ трехъ сколько нибудь славныхъ, оставшихся въ живыхъ, у одного нѣтъ

опыта, у другаго—вѣрности, у третьяго—военнаго счастья. Возвращаясь затѣмъ къ вопросу о союзѣ, Баторій распространился о способѣ биться съ Турками, у которыхъ слѣдуетъ утомлять коней переходами и возвращеніями прежде сраженія; о военныхъ хитростяхъ Татаръ, которые притворно бѣгутъ, возвращаются и нападаютъ, бросая тучи стрѣлъ. Взятіе Константинополя не казалось труднымъ предпріимчивому воину, лишь бы осадить городъ заразъ съ суши и съ моря; онъ глубоко жалѣлъ, что союзники Пія V не продолжили похода послѣ Лепанта: двухъ лѣтъ было бы довольно для уничтоженія навсегда могущества Ислама. Таковы были мнѣнія и виды Баторія въ 1579 году. Нунцій не преминулъ занести ихъ въ свою депешу, а два дня спустя умолялъ кардинала Комскаго не открывать ничего его предшественнику: на Лаурео плохо смотрѣли въ Варшавѣ; онъ похвалился, что написалъ современную исторію Польши, къ большому неудовольствію Замойскаго, который громко жаловался на это; сношенія прежняго нунція съ врагами короля возбуждали подозрѣніе; малѣйшая нескромность могла быть роковою; у Турокъ были вѣстовщики въ Польшѣ.

Но эти мелочныя предосторожности не помогали Калигари. Отвѣтъ ему опять оттягивался: оттягивался по отношенію къ Оттоманской войнѣ, ибо записка, которой спрашивалъ король, не могла быть доставлена такъ скоро и условій союза нельзя было составить въ короткое время; оттягивался особенно по отношенію къ Московской посылкѣ, которую побѣдоносный, но безденежный полководецъ не безъ основанія откладывалъ до сейма. Въ самомъ дѣлѣ, только представители націи имѣли право голосовать налоги, а деньги всегда были нервомъ войны. Созванныя въ Варшавѣ 23 Ноября шумныя комиціи свободной Польши были столь же бурны какъ обыкновенно, но привели къ болѣе существеннымъ послѣдствіямъ. Волей-неволей гордые магнаты преклонялись передъ военной славой Баторія; Замойскій, царь рѣчи, дѣйствовалъ на мелкое дворянство; соединивъ усилія, король и канцлеръ привлекли голоса сейма. Духъ воинственности, заснувшій при Сигизмундѣ II-мъ, просыпался у Поляковъ; завоеваніе Ливоніи, можетъ быть и Москвы, соблазняло и самыхъ робкихъ, и смѣлые замыслы распространялись. Замойскій предвидѣлъ, что покоренныя племена можно будетъ облагать податью сколько угодно, а побѣдители не будутъ болѣе платить тяжкихъ даней; со всѣмъ вѣсомъ своего высокаго положенія и своихъ талантовъ, онъ заклиналъ соотчичей не упускать единственнаго случая къ выгодѣ и славѣ. Сеймъ, убѣжденный, разрѣшилъ денежный сборъ. Баторій прибавилъ сюда нѣкоторую сумму изъ собственной скромной казны. Его братъ Христо-

форъ послалъ ему, за неимѣніемъ денегъ, Венгерскихъ пѣхотинцевъ. Находясь, такимъ образомъ, по исходѣ сейма, въ условіяхъ болѣе выгодныхъ, окажется ли Польскій король менѣе доступнымъ для мирныхъ внушеній святаго престола?

Вѣрный своей программѣ, Римъ пока не спѣшилъ осуществленіемъ ея. Какъ увидимъ далѣе, не имѣлось яснаго и точнаго представленія о происхожденіи войны между Русскими и Поляками, о важности причинъ ея, о силѣ столкнувшихся правъ: вопросы весьма сложные и которые Калигари рѣшалъ однимъ словомъ, когда не повторялъ Польскихъ отзывовъ. Въ побѣдахъ Баторія, воздвигавшаго церкви, основывающаго коллегіи, Григорій XIII видѣлъ лишь торжество вѣры и успѣхъ религіи; онъ съ отеческой сердечностью поздравлялъ короля и въ исходѣ 1579 г. назначалъ ему шапку и мечъ, которые, освященные, по обычаю, въ ночь на Рождество, поочереди посылались наиболѣе заслужившимъ государямъ. Воинственныя поощренія въ мысли первосвященника согласовались съ желаніемъ мира; нѣсколько рѣшительныхъ побѣдъ привели бы къ мирнымъ переговорамъ, ускорили бы ходъ ихъ, приготовили бы почву для союза. Калигари дѣйствовалъ на мѣстѣ въ томъ же духѣ, умѣряя энтузіазмъ благоразуміемъ. Онъ увѣщевалъ епископовъ молиться за успѣхъ Польскаго оружія, сложилъ самъ особую формулу молитвы, изливался въ поздравленіяхъ передъ новымъ Рекаредомъ *), но при первомъ случаѣ велъ снова свой мирный припѣвъ, не смущаясь ни отъ обсужденія на сеймѣ проектовъ войны, ни отъ теченія общественнаго мнѣнія.

Подобный случай представился на аудіенціи, о которой депеша отъ 1 Января 1580 г. даетъ подробный отчетъ. Рѣчь Баторія вовсе не прежняя: съ 5 Октября разница поразительна. Дѣло въ томъ, что король уже не сомнѣвается въ поддержкѣ сейма. На намеки о войнѣ противъ Турокъ онъ холодно отвѣчаетъ, что препятствія представляются неодолимыми: Персы признаются въ своемъ истощеніи, король Испанскій думаетъ только о Нидерландахъ; Польша рисковала бы оказаться одинокой. Таже сдержанность по отношенію къ Москвѣ: вмѣсто соблюденія оффиціальнаго пути, нунцію предлагается вступить въ сношенія съ Өеодоромъ Шереметевымъ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ плѣнниковъ Московскихъ. Но Москва не допускала уступокъ въ вопросахъ формы, и всякій зналъ въ Польшѣ, что переговоры, на которые нѣтъ полномочія отъ царя, не будутъ признаны въ Кремлѣ. Главная мысль Баторія легко уловима; формальное признаніе слетаетъ съ устъ его: нѣтъ добраго мира съ Иваномъ, говоритъ онъ нунцію, иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Конечно, эти пріемы не вполнѣ совпадали съ

*) Рекаредъ—славный король Визиготовъ въ Испаніи, въ исходѣ VI вѣка. П. Б.

видами Рима; все же нунцій счелъ нужнымъ крайнее снисхожденіе и не сдѣлалъ возраженія. Его конечной цѣлью было заставить Ивана просить посредничества св. престола, и никто не предвидѣлъ еще, къ чему должны были привести случайности войны. Баторій со своей стороны, вѣроятно, былъ благодаренъ нунцію, что тотъ предоставлялъ дѣла ихъ теченію и не настаивалъ слишкомъ на крестовомъ походѣ противъ Отомановъ. Пока не слѣдовало пренебрегать расположеніемъ Турокъ: оно позволило бы двинуть Татаръ на Москву. Польскій посолъ велъ это дѣло въ Константинополѣ, но король не проронилъ о томъ ни слова и ограничивался неопредѣленными увѣреніями *).

Калигари, назначенный между тѣмъ епископомъ Бертинорскимъ, предвидя скорый конецъ своей нунціатуры, только и желалъ блестящаго завершенія ея, какъ происшествія частнаго и личнаго значенія парализовали его дѣйствія и запутали дѣло. Очень немного дней было достаточно для супруга Ягелловны Анны, чтобы убѣдиться (если онъ когда либо сомнѣвался въ томъ), что супружеская жизнь съ престарѣлой инфантой не была идеаломъ счастья. У него не было тѣхъ слабостей, которыя роняли имя его предшественника; дворъ и домъ новаго короля, напротивъ, представляли почти суровый видъ; безупречный въ частной жизни, Баторій не терпѣлъ вокругъ себя никакого распутства. Одна страсть владѣла имъ—охота. Въ вѣковыхъ лѣсахъ Гродненскихъ, онъ, по своей могучей природѣ, чувствовалъ себя свободно, когда со сворами Англійскими, Тосканскими, Венгерскими, гналъ по слѣду вепря или козу. Среди домашнихъ передрягъ Баторій отдавался охотѣ и войнѣ, и ему немногаго стоило жертвовать своимъ домашнимъ очагомъ. Онъ любилъ литературу и науки, имѣлъ глубокія религіозныя убѣжденія; онъ былъ окруженъ друзьями, раздѣлявшими его взгляды и питавшими тѣже воинственные замыслы.

Но если любовь не имѣла власти надъ нимъ, то тѣмъ болѣе являлось чаръ въ честолюбивыхъ мечтахъ: мысль о династіи повидимому сильно занимала вѣнчаннаго солдата. Голосомъ свободнаго народа поставленный во главѣ выборнаго королевства, онъ все же надѣялся, что обаяніе его военной славы дало бы его потомству нѣкоторое право на Польскій престолъ. Княжна Анна породнила его съ блестящимъ домомъ, но ея преклонный возрастъ отнималъ всякую надежду на наслѣдство. Зловѣщее слово «разводъ» послышалось въ королевскомъ кругу. Можно было собрать мѣстный соборъ, вызвать недоброй памяти воспоминанія двухъ послѣднихъ междуцарствій, живо представить опас-

*) Ватик. Архивъ, *Polonia* t. XVII, Cifra di Caligari, 1 Январь 1580 г.—Polkowski, 160, nº 113.

ности третьяго междуцарствія, и самые горячіе сторонники Ягелловны, можетъ быть, пожертвовали бы ею для блага отечества. Нунцій изъ первыхъ перехватилъ тайну, скрывавшуюся въ тѣни. Отнынѣ властный долгъ лежалъ на представителѣ святаго престола ловко разрушить планы, посягавшіе на связь священную, и въ случаѣ нужды объявить прямо, что Римъ никогда не допуститъ соблазна. Эта твердость смущала слишкомъ усердныхъ царедворцевъ и крайнихъ патріотовъ. Затрудненія возникали со всѣхъ сторонъ; нунцій упрекаетъ самого короля, который слишкомъ желаетъ завѣщать Полякамъ наслѣдника своей крови, упрекаетъ особенно Замойскаго, играющаго печальную роль въ этой дипломатической перепискѣ. Три мѣсяца тому назадъ, канцлеръ, образцовый супругъ, «возрасталъ ежедневно въ добродѣтели и благочестіи»; отнынѣ онъ будетъ лишь политикомъ честолюбивымъ, робкимъ, корыстнымъ, отвѣтственнымъ за всѣ бѣдствія, какія будутъ вызваны его гибельными совѣтами; наконецъ Калигари сознается — ужасное признаніе подъ перомъ дипломата, — что онъ въ немилости при Польскомъ дворѣ за то, что проникъ тайну королевскаго развода и отказалъ въ содѣйствіи [1]).

Ничто не заставляетъ думать, чтобъ эти обстоятельства имѣли прямое вліяніе на Московское дѣло: Баторій не хотѣлъ папской туда миссіи, потому что, совсѣмъ и не мечтая о мирѣ, рѣшился продолжать войну, пока у него доставало денегъ и войска. Но личныя отношенія нунція могли вести лишь къ проволочкамъ и остановкамъ. Правда, проектъ развода былъ отвергнутъ сеймомъ и такъ рѣшительно оставленъ, что болѣе нѣтъ и слѣдовъ его; но широкое разрѣшеніе налоговъ и общія стремленія къ завоеванію дозволяли принять мѣры болѣе дѣятельныя, и не было уже нужды стѣсняться съ Калигари, вчерашнимъ неколебимымъ противникомъ. Такъ обѣщанное ему свиданіе съ Шереметевымъ не состоялось, и Московскій плѣнникъ уѣхалъ изъ Варшавы безъ папскаго порученія. Говорили, что онъ очень упоренъ въ своихъ религіозныхъ предубѣжденіяхъ, и его посредство, можетъ быть, не привело бы къ добрымъ слѣдствіямъ. Въ тоже время преданные друзья внушали нунцію, что его усилія примирить двухъ соперниковъ, рѣшающихъ споръ оружіемъ, не понравится при дворѣ и что лучше пока оставить ихъ. Пятнадцать дней спустя, 18 Февраля 1580 г. Калигари формально объявляетъ кардиналу Комскому, что онъ вынужденъ отказаться отъ этого дѣла, потому что сношенія съ Москвой подозрительны королю и канцлеру, и что впредь онъ удовольствуется тѣмъ, что будетъ наблюдать и выжидать удобнаго случая [2]).

[1]) Ватиканскій Архивъ, *Polonia*, т. XVII, л. 41, 43, 51.—Theiner, *Annales* т. III, стр. 661, nº 5.

[2]) Ватик. архивъ, *Polonia* т. XVII, л. 70; см. также л. 52, 215, 239, 457.—Heidenstein, *De bello Mosc.*, 57.

Онъ сдержалъ слово, а Баторію все еще приходилось бороться съ денежными затрудненіями, не смотря на щедрость сейма. Долгіе зимніе походы ужасали и самыхъ храбрыхъ; тѣми, кто вблизи слѣдилъ за ходомъ войны, открывались порою зловѣщіе признаки. Въ теченіе Мая пессимисты боялись «постыднаго мира съ Москвою»; Калигари ждалъ наказанія тому, кто столь часто отклонялъ посредство папы и останавливалъ отправленіе грамоты къ Ивану. И онъ спѣшитъ писать, прося дать знать королю, что съ почина св. престола примиреніе состоялось бы съ бо́льшимъ достоинствомъ и даже съ большей выгодой, вслѣдствіе расположенія, которое было бы оказано Польшѣ, но что прежде всего надо смирить гнѣвъ небесный и возложить на Бога всю надежду.

Спустя три мѣсяца, повидимому, открывается новый исходъ. Неожиданныя обстоятельства сближаютъ Швецію и Польшу; идетъ рѣчь о соединеніи на общаго врага, Ивана. Посвященный въ эти дипломатическія тайны, Калигари предполагаетъ дѣятельно работать для успѣха предположеннаго союза и прибавляетъ небрежно, какъ бы для очищенія совѣсти, что по исходѣ кампаніи сдѣлана будетъ попытка: если король Шведскій окажется уступчивѣе Баторія, то грамота папская будетъ послана въ Москву черезъ Стокгольмъ.

Событія шли быстрѣе, чѣмъ намѣренія нунція. Пока не было дано ходу его различнымъ планамъ. Благовидными предлогами отстранялось папское посредничество; величественный планъ Григорія XIII оказывался такимъ образомъ неудавшимся, перерваннымъ, по крайней мѣрѣ, отсроченнымъ. Предполагаемый вождь крестоваго похода завязывалъ новую войну противъ христіанскаго государя; соединеніе всѣхъ противниковъ Ислама подъ однимъ знаменемъ становилось невозможнымъ. Если должно по справедливости цѣнить великодушныя намѣренія папы, то не слѣдуетъ упрекать и Баторія въ томъ, что онъ не отозвался на нихъ усерднѣе. Предубѣжденный противъ Московитянъ, вѣря въ свою звѣзду, побѣдоносный доселѣ, ревнуя объ исполненіи своихъ обѣтовъ, оскорбленный въ своей чести, встрѣчая отъ царя обращеніе какъ къ сосѣду, а не къ брату, онъ не спѣшилъ пожертвовать тѣми преимуществами, какія добылъ мечемъ.

Близкое будущее оправдаетъ предположенія Баторія и въ тоже время откроетъ папѣ широкое поле дѣятельности. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и уже не Григорій XIII предложитъ католическому государю сложить оружіе: православный царь самъ пошлетъ гонца постучаться въ двери Ватикана и попроситъ Римскаго посредничества для заключенія мира съ Баторіемъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ «ПЕРЕПИСКѢ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1896 года помѣщена часть переписки графа Н. П. Шереметева, сохранившаяся въ архивѣ его старшаго внука. Переписка эта полна живыми чертами времени и наглядно изображаетъ самого графа Николая Петровича, оклеветаннаго по невѣдѣнію покойнымъ академикомъ А. В. Никитенкою, и только нынѣ являющагося передъ читателями въ достолюбезномъ и привлекательномъ видѣ, съ его благочестіемъ безъ ханжества, съ многостороннимъ западнымъ образованіемъ при полной вѣрности святымъ завѣтамъ древней Руси, съ его щедрой и разумной благотворительностью безъ огласки и шумихи, съ преданностью государямъ безъ искательства, съ постоянною заботою о благосостояніи своихъ крестьянъ, домочадцевъ, друзей и родственниковъ, съ этимъ удивительнымъ «завѣщательнымъ письмомъ» къ младенцу-сыну и, наконецъ, съ Московскимъ Страннопріимнымъ Домомъ, откуда проистекло въ теченіе уже почти цѣлаго вѣка и донынѣ проистекаетъ столько помощи и разнообразнаго добра бѣдному и страдающему люду. Графъ Н. П. Шереметевъ былъ по преимуществу другомъ Музъ и тихаго житія. Поэтому тяжело было ему въ тревожное Павловское царствованіе и особливо въ должности оберъ-гофмаршала. Любя въ Павлѣ Петровичѣ не только своего государя, но и человѣка, онъ не могъ не сокрушаться, будучи ежедневнымъ свидѣтелемъ тогдашнихъ порядковъ. Вотъ двѣ записочки, полученныя имъ отъ графа Петра Алексѣевича Палена, который умѣлъ подъ конецъ Павловыхъ дней соединить въ рукахъ своихъ главнѣйшія должности по управленію какъ столицею, такъ и государствомъ. П. Б.

1.

Le comte de Pahlen, en présentant ses respects à son excellence monsieur le comte de Cheremetieff, a l'honneur de la prévenir que le soupé de ce soir ne pourra avoir lieu, puisque un des membres est occupé à vuider sa bouteille de vin de la Fite.

ce 10 Janvier
1800.

Переводъ. Графъ Паленъ, свидѣтельствуя свое почтеніе его сіятельству графу Шереметеву, имѣетъ честь предупредить его, что ужинъ нынѣшняго вечера не состоится, такъ какъ одинъ изъ членовъ занятъ опорожненіемъ своей бутылки Лафита. 10 Января 1800.

Къ чему относится эта записка, намъ неизвѣстно. П. Б.

2.

Monsieur le comte.

Je m'empresse de vous marquer la recette de votre lettre, et de l'incluse dont elle était accompagnée. Je ne manquerai pas de vous en parler ce soir à la cour, avant d'en faire usage, et je vous prie à mon tour de vouloir bien croire aux sentiments de la considération la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur le comte de Pahlen.

ce 26 Février 1801.

Переводъ. Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство о полученіи и письма вашего, и приложенія, которое въ немъ заключалось. Не премину поговорить съ вами о томъ сегодня вечеромъ, при дворѣ, прежде чѣмъ имъ воспользоваться. Въ свой чередъ прошу васъ, благоволите вѣрить чувствамъ отличнѣйшаго уваженія, съ которымъ имѣю честь быть, графъ, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Графъ Паленъ. 26 Февраля 1801 года.

*

На обложкѣ этой записки, рукою домоваго писаря, означено: „Письмо отъ Фондерпалена о извѣстномъ пакетѣ, посланномъ къ нему отъ его сіятельства, о полученіи онаго". Для насъ содержаніе „извѣстнаго пакета" остается таинственнымъ. Пакетъ этотъ былъ предшественникомъ другаго пакета, который посланъ графомъ Н. П. Шереметевымъ графу П. А. Палену черезъ два дня при письмѣ отъ 1 Марта 1801 года. Можемъ только догадываться, что кто-то хотѣлъ предупредить злосчастнаго Государя о грозившей ему опасности. (См. Р. Архивъ сего года, вып. 3-й, стр. 327). Ниже читатель увидитъ, что Государя отстраняли отъ личныхъ докладовъ графа Шереметева. Загадку, можетъ быть, разрѣшилъ бы покойный князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, занимавшійся много царствованіемъ и судьбою императора Павла. П. Б.

ПИСЬМО И. Б. ПЕСТЕЛЯ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Съ давнихъ временъ пріобыкъ я пользоваться благорасположеніемъ фамиліи вашего сіятельства. Покойной родитель вашъ удостоивалъ меня отличнымъ своимъ благорасположеніемъ и ласкою, и ваше сіятельство всегда были ко мнѣ благосклонны; сверхъ того извѣстно мнѣ изъ многихъ опытовъ, сколь большое находите удовольствіе дѣ-

лать добро. Все сіе ободряетъ меня принести вашему сіятельству усерднѣйшую просьбу, исполненіемъ коей нынѣ, а болѣе еще на будущее время, не токмо меня, но и все семейство мое одолжить изволите.

Я имѣю трехъ малолѣтнихъ сыновей, о воспитаніи коихъ, чтобы сдѣлались они со временемъ полезные сыновья отечества, я имѣю усердное стараніе. Но не менѣе усердно желаю я пріуготовить имъ родъ службы выгодной, посвящая ихъ особенно военной. Ежедневные вижу я примѣры, что моложе моихъ дѣтей определяются въ Пажеской корпусъ. О равномъ благотвореніи и для моихъ трехъ сыновей усерднѣйше прошу я ваше сіятельство, съ оставленіемъ ихъ при мнѣ до окончанія наукъ. Я приму сіе одолженіе съ чувствительною признательностію, ибо ваше сіятельство тѣмъ сдѣлаете себя основателемъ будущаго удовольствія по службѣ дѣтей моихъ. Въ надеждѣ, что вы, милостивый государь, не откажетесь сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе, прилагаю у сего записку, содержащую въ себѣ мое прошеніе для докладу по оной, имѣя честь пребыть съ совершеннымъ высокопочтеніемъ, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Пестель.

Москва, 11 Маія 1803.

Тайной совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Пестель, не взирая на состояніе свое, долгами обремененное, употребляетъ немалые расходы на воспитаніе трехъ малолѣтнихъ сыновей своихъ: старшій Павелъ*) имѣетъ отъ роду одиннадцатой, второй Борисъ десятой, а третій Владимиръ девятой годъ. Посвящая ихъ военной службѣ, желаетъ пріуготовить имъ заблаговременно выгодное вступленіе въ оную и, видя ежедневно, что многіе малолѣтные сею выгодою наслаждаются определеніемъ въ число пажей Двора Его Императорскаго Величества, покорнѣйше проситъ о доставленіи равной выгоды и его сыновьямъ. Сія милость усугубитъ его стараніе о воспитаніи и обученіи дѣтей своихъ, изъ коихъ онъ усерднѣйшее имѣетъ стараніе сдѣлать полезныхъ сыновей отечества. Иванъ Пестель.

*

Ко второй половинѣ 1797 года положеніе графа Н. П. Шереметева при императорѣ Павлѣ поколебалось, и онъ сталъ серьезно помышлять объ уходѣ изъ званія оберъ-гофмаршала. Къ тому же и здоровье его разстроилось, и онъ не выходилъ изъ дому.

---

*) Будущій декабристъ, казненный 13 Іюля 1826 года. Въ Пажескомъ корпусѣ онъ былъ товарищемъ покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга. Графъ Н. П. Шереметевъ завѣдывалъ Пажескимъ корпусомъ. О Пестелѣ-отцѣ см. „Русскій Архивъ“ 1875, кн. 1-я. П. Б.

7-го Сентября 1797 г. графъ Шереметевъ написалъ Государю слѣдующее письмо, сохранившееся въ черновомъ подлинникѣ:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Предъидущій день рожденія Вашего Величества *), толико благословенный для Россіи, для меня же особенно вождѣленный, обязываетъ принести самолично всеподданнѣйшее мое поздравленіе Вашему Величеству и упасть къ священнымъ стопамъ вашимъ въ изъявленіе безконечной моей благодарности за новое подтвержденіе въ высочайшемъ указѣ, мною на сихъ дняхъ полученномъ, монаршаго благоволенія вашего и всемилостивѣйшаго вниманія на службу мою, о которомъ не смѣлъ я донынѣ себя удостовѣрить; но жестокость болѣзни моей воспрещаетъ меня отъ того долгу. Примите, всемилостивѣйшій государь, съ обыкновенною вашею благостію таковой долгъ, въ сихъ строкахъ приносимый отъ вѣрноподданнаго, чистымъ сердцемъ къ особѣ вашей приверженнаго. Сколь же скоро получу я малѣйшую свободу отъ болѣзни, поспѣшу прибыть къ моей должности и потщусь доказать самыми опытами, что я не жалѣю ни силъ моихъ, ни самой жизни принести въ жертву Государю, меня столь много облагодѣтельствовавшему. Вашего Императорскаго Величества вѣрный подданный графъ Николай Шереметевъ».

*

Въ тоже время графъ Шереметевъ рѣшился высказать тревожившія его чувства другу своей молодости, князю Александру Борисовичу Куракину, къ которому и обращена была слѣдующая памятная записка. Въ ней высказываетъ онъ всѣ свои недоумѣнія и огорченія.

«Милостивый государь мой князь Александръ Борисовичъ!

По многимъ опытамъ дружескаго ко мнѣ расположенія вашего сіятельства не могу я, наконецъ, не признаться вамъ въ томъ, что̀ скрывалъ столь долго и чего никому не захотѣлъ бы открыть на счетъ отправляемой мною службы. Она имѣетъ два способа, изъ коихъ первымъ обыкновенно почти руководствуются, чтобы являть себя въ глазахъ Государя расторопнымъ, мѣшаться при бываемыхъ празднествахъ и столахъ, угождать царедворцамъ и успѣвать при всѣхъ наружностяхъ. Сей образъ управленія есть самый блестящій и, ежели смѣю сказать, самый надежнѣйшій удержать себя на своемъ мѣстѣ. Второй: чтобы не прилѣпляться къ однимъ наружностямъ, но быть чаще упражнену въ самыя мелкія подробности, отъ которыхъ всѣ

*) 20 Сентября было днемъ рожденія императора Павла. Слово „предъидущій“ употреблено здѣсь вмѣсто нынѣшняго „наступающій“.

должности получаютъ желаемое благоустройство, дворъ свое благолѣпіе, а казна свои выгоды.

Я всегда гнушался первымъ способомъ, бывъ воспитанъ правилами моихъ предковъ, искавшихъ истинной пользы своимъ монархамъ, и потому лучше хочу лишиться всѣхъ милостей моего Государя, нежели быть вѣроломнымъ подданнымъ, буде бы имѣлъ и самое надежное средство сокрыть отъ глазъ человѣческихъ таковые душевредные поступки, дабы не сдѣлаться жертвою собственной своей совѣсти.

Но послѣдній способъ былъ и будетъ для меня самопріятнѣйшій, къ которому всѣ честные люди привязаны; однакожъ имѣетъ онъ въ себѣ такія затрудненія, коихъ, кажется, никогда не буду я въ силахъ преодолѣть.

Мнѣ совершенно затворены двери въ кабинетъ Его Величества. Я принужденъ бываю, даже при самыхъ важныхъ и скорыхъ случаяхъ, подавать мои доклады черезъ другія руки, а симъ образомъ теряю время во исполненіи воли государской. Мнѣ становится гораздо неизвѣстнѣе образъ мыслей Его Величества, нежели оно было при началѣ моего вступленія въ должность.

Можетъ быть, лишился я сей милости по нѣкоторымъ случившимся ошибкамъ; но они должны быть для новаго и незнающаго дворскихъ обстоятельствъ человѣка весьма извинительны, тѣмъ паче, что, при тогдашней перемѣнѣ и при множествѣ важнѣйшихъ дѣлъ, время было весьма коротко, и я не успѣвалъ докладывать такъ, какъ бы хотѣлъ.

Вамъ извѣстно, что и въ приватномъ быту связь необходима. Посудите-жъ, сколько она должна быть нужна между государя и оберъ-гофмаршала. Я никогда бы не отважился безпокоить Его Величество о всѣхъ мелочахъ моими докладами, но довольствовался бы представлять въ кабинетъ одни важные и непремѣнно требующіе высочайшей резолюціи. Впрочемъ же всякое слово, сказанное въ публикѣ и мимоходомъ, послужитъ къ моему наставленію, просвѣтитъ меня въ моемъ невѣдѣніи, дастъ мнѣ понятіе о тѣхъ вещахъ, кои благоугодны Государю, и приведетъ въ желаемое дѣйствіе всѣ должности отъ меня зависящія, кои имѣютъ основательную причину роптать за мою нерѣшимость на ихъ представленія.

Вотъ, милостивый государь мой, тѣ причины, которыя убѣждали меня удалиться отъ моей должности и кои повидимому снова останутся безъ всякой перемѣны, и я никакъ не уповаю выдти съ честью изъ моего званія.

Извините пространство письма сего, ибо я въ немъ отважился повѣрить дружбѣ вашей мои истинныя чувствы, въ нѣкоторое облегченіе бремени, меня отягощающаго.

Пребывающій съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь мой, и пр. Гр. Н. Шереметевъ.

Сентября дня 1797 года.

Къ этому же времени относится слѣдующая записка графа Н. П. Шереметева.

A l'avènement au trône ayant été chargé de la grande tâche de réformer sa cour et ses objets, j'avais tous les jours les occasions les plus naturelles et par conséquant les plus commodes de m'informer des volontés de l'Empereur. Aussi, à l'aide de Dieu et des ordres immédiats que je recevai de mon Maître, suis-je parvenu heureusement au but qu'il s'était proposé. La présentation de la liste deux fois par jour, pour y noter ceux qui devaient être admis au dîner et au souper de Sa Majesté, m'avait été surtout à cet égard d'un grand secours. Ce n'est certainement point l'esprit de vanité, ni d'ambition qui me fait regretter cet avantage. Ces défauts n'ont jamais eu accès dans mon coeur; mais je ne puis dissimuler combien la liberté d'approcher quelque près mon Maître me devient indispensable pour ses intérêts et pour les miens. Elle faciliterait mon travail, m'environnerait de la considération nécessaire, assurerait la subordination et arrêterait cette foule des prétentions arbitraires qui s'établissent sur les renversements de l'ordre, toujours au dépens de l'Empereur.

Les deux exemples suivants donnent une idée suffisante des incidents qui viennent continuellement traverser ou enchaîner mes actions.

Sa Majesté Impériale avait ordonné des réparations et des ameublements à neuf dans presque tous les châteaux de ville et de campagne. La somme y destinée n'avait pas suffi. Mon embarras augmentant avec mes besoins, je crus devoir trancher toutes les difficultés en suppléant au vide de la caisse par mon propre crédit auprès des marchands, et si je ne m'y étais pas décidé, je doute que la cour eût pu résider dans plusieurs de ces châteaux, et j'aurais été compromis infailliblement d'une manière fort douloureuse pour moi.

D'un autre côté, Sa Majesté Impériale avait bien voulu laisser à ma disposition une somme de réserve d'épargne. Il était question de transformer les mauvais plateaux de cuivre en beaux plateaux d'argent, tels que Sa Majesté Impériale désirait les avoir depuis longtems, et de remettre en état les services dorés tant pour Sa Majesté Impériale que pour Leurs Altesses Impériales, les jeunes grandes-duchesses, dont la vaisselle surtout est en général si détériorée. Mais à peine ai-je eu le tems d'y songer que la somme en question me fut enlevée et donnée au département des écuries.

Ceci me mène d'observer que d'une part il y a beaucoup de dépenses superflues, tandis que de l'autre on manque du nécessaire.

Par exemple, le Comptoir n'a pas une somme assez suffisante pour son entretien, faute de surveillance et de garde nécessaire; la malpropreté et l'indécence y règnent de tous côtés. Il est sans cesse assiégé d'une foule de personnes de toute condition, qui viennent se confondre dans les chambres, à maudir à hauts cris, se pousser, se presser, se disputer et pénêtrer sans respect jusque dans la salle du Conseil, de sorte qu'un homme qui veut traiter les affaires avec tranquillité et précaution évite un lieu aussi tumultueux. Il m'est arrivé souvent d'en sortir excédé du bruit que l'on y faisait sans avoir pu commencer la besogne pour laquelle je m'y étais rendu. D'ailleurs, par sa position le Comptoir a un inconvenient presque insurmontable: c'est qu'il est placé, pour ainsi dire, au ciel, tandis que ses dépots se trouvent aux antipodes. Avec la meilleure volonté on ne saurait franchir cette énorme distance aussi souvent que l'on voudrait.

Une autre circonstance que je ne puis celer, parce qu' il en pourrait résulter pour le chef des suites désagréables, c'est que les secrétaires du Comptoir dépendent directement de l'Empereur. Cette disposition assujettirait infailliblement un supérieur discret et patient aux caprices de ses subalternes.

Je suis en outre dans le cas d'éprouver à chaque instant la plus désagréable alternative: il faut me décider ou à mécontenter les demandeurs, ou à m'endosser toute responsabilité; car tous ceux qui pensent avoir quelque droit de prétendre exigent sans aucune mesure. Je crois même remarquer cette exigence de la part de mes subordonnés, qui ne demandent pas mieux que d'obtenir, mais qui laissent néanmoins sur mon compte tous les évènements. Cette situation incertaine me rend indispensable des instructions. Le chef en fait mention; je le désire depuis longtems. J'ai même hasardé d'en dresser un projet; mais comment le faire approuver? Il faut lire ce que je désirerais aussi beaucoup, mais les moments de l'Empereur sont si précieux. Je suis dans l'impossibilité de connaître et de saisir un instant favorable; cependant ces délais me gènent infiniment. J'ai donc imaginé d'en faire un extrait, et ce me serait un grand bonheur si l'Empereur daignait au moins y jeter un coup d'oeil, et en supposant qu'il voulût agréer la substance de ces instructions les signer pour me servir de boussole.

Il serait également à souhaiter pour moi et pour l'utilité réelle de service qu'il me fût permis quelquefois ou du moins dans les cas urgents de faire personnellement mes représentations, avantage, dont je me garderai bien d'abuser, et si l'Empereur daignait m' honorer à cet

égard de sa confiance, je demanderai en grâce qu'elle me fût communiquée par écrit, mais que cela ne parvient à la connaissance de personne, après que je fusse positivement autorisé de ne pas consentir à des dépenses qui passeraient, comme elles passent fort souvent, les bornes prescrites.

Si j'ai tardé jusqu'à présent à faire part de mes réflexions, ce n'est ni faute d'application, ni faute d'envie; mais j'ai voulu avant tout me bien pénêtrer de la matière, et aulieu de perdre mon tems en une vaine théorie, je me suis attaché par la pratique à découvrir le mal pour y appliquer le remède à propos. Je dirai sans vanité l'avoir trouvé. Mais les fréquents voyages et l'interdiction de tout rapport direct avec mon Maître ont réprimé jusqu'à présent les élans de mon zèle.

Je proteste que l'honneur de ma charge m'est précieux, que je n'ambitionne que la gloire de m'y conserver en remplissant dignement les obligations qu'elle m'impose. Mais, en exécutant les ordres du Monarque, je souhaiterais être un membre actif dans la réalité, et non pas un instrument purement passif. Ce n'est certainement pas le travail que je crains. Au contraire, je regarderai comme une disgrace si Sa Majesté Impériale croyait me faire plaisir, en me retranchant la moindre partie des occupations de ma charge. Le bien de son service, le plus grand intérêt de sa couronne, le maintien de l'ordre et de la décence sont la fin où tendent tous mes soins, trop heureux si je pouvais réussir et le convaincre de mon dévouement, de ma vive reconnaissance et du désir que j'ai de mériter son approbation.

Переводъ. По вступленіи на престолъ, на меня была возложена большая задача переустроить его дворъ и его пожитки, что весьма естественно и слѣдовательно весьма удобно давало мнѣ возможность ежедневно освѣдомляться о желаніяхъ Императора. Съ Божіей помощью и въ силу непосредственныхъ приказаній моего Государя, посчастливилось мнѣ достигнуть цѣли, имъ назначенной. Въ особенности мнѣ было очень полезно въ этомъ отношеніи представлять по два раза въ день записку для отмѣтки лицъ, приглашаемыхъ къ обѣду или къ ужину Его Величества. Я сожалѣю, что этого лишенъ, конечно не изъ суетности или честолюбія. Эти пороки всегда были мнѣ чужды; но не могу скрыть, что возможность хоть сколько нибудь имѣть доступъ къ моему Государю мнѣ необходима въ видахъ пользы какъ его, такъ и моей. Она облегчила бы мои труды, возвысила бы мое значеніе, обезпечила бы повиновеніе и отстранила бы многочисленныя произвольныя притязанія, которыя возникаютъ, благодаря нарушенію порядка, всегда во вредъ Императору.—Вотъ два примѣра, достаточно показывающіе, какъ постоянно бываю я затрудненъ и стѣсненъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Его Императорскимъ Величествомъ приказано починить и заново убрать почти всѣ

городскіе и загородные дворцы. Назначенныя для того деньги всѣ вышли. Вмѣстѣ съ недостачею усиливалось мое затрудненіе, и я счелъ долгомъ воспользоваться довѣріемъ, которое поставщики имѣли ко мнѣ лично. Безъ этого, я сомнѣваюсь, чтобы дворъ могъ жить во многихъ изъ этихъ дворцовъ, а на мою долю неминуемо достались бы весьма для меня горестныя нареканія,—Въ другой разъ Его Императорскому Величеству благоугодно было отдать въ мое распоряженіе деньги, оставшіяся отъ сбереженій. Пришлось передѣлать плохія мѣдныя блюда на хорошія серебряныя, какихъ Его Императорскому Величеству издавна хотѣлось, и починить золоченые приборы какъ для Его Императорскаго Величества, такъ и для Ихъ Императорскихъ Высочествъ молодыхъ великихъ княженъ, у которыхъ въ особенности вся посуда перепорчена; но только что я удосужился этимъ заняться, какъ деньги были у меня отняты и опредѣлены въ конюшенное вѣдомство.[1]) По этому поводу я долженъ замѣтить, что по однимъ статьямъ слишкомъ много тратится, а по другимъ нужда въ необходимомъ. Напримѣръ, Конторѣ, по недостатку надзора и бережливости, нечѣмъ содержать себя, и въ ней повсюду господствуютъ нечистоплотность и неприличіе. Она безпрестанно осаждена всякаго рода людьми, которые являются въ ея помѣщеніи, громко бранятся, толкаются, перекоряются и нагло проникаютъ въ залу Совѣта, такъ что человѣку, желающему заняться дѣлами спокойно и бережно, надо удаляться изъ столь шумнаго мѣста. Не разъ случалось, что я, оглушэнный тамошнимъ крикомъ, уходилъ не начавъ даже дѣла, для котораго туда пришелъ. Кромѣ того Контора представляетъ собою почти неодолимое затрудненіе. Она помѣщена, такъ сказать, на небесахъ, тогда какъ склады ея въ самомъ низу: разстояніе огромное, котораго, при всей добросовѣстности, не одолѣешь такъ часто, какъ бы желалъ.—Не могу скрыть и другаго обстоятельства, могущаго довести начальника до непріятныхъ послѣдствій: секретари Конторы подчинены непосредственно самому Императору. Благодаря такому распоряженію, скромный и терпѣливый начальникъ неминуемо находится въ зависимости отъ произвола своихъ подчиненныхъ.—Кромѣ того, на каждомъ шагу бываю я поставленъ въ крайне непріятную необходимость либо огорчить просителей, либо очутиться одному въ отвѣтѣ; ибо всякій, воображающій себя въ правѣ требовать, требуетъ неумѣренно. Тоже самое замѣчаю я и въ моихъ подчиненныхъ: имъ все хочется что нибудь получить, сославшись всякій разъ на меня. По такому неопредѣленному положенію, мнѣ необходима инструкція[2]). Хозяинъ упоминаетъ о ней; я желаю ее давно. Я осмѣлился даже написать ее; но какъ достигнуть, чтобы она была утверждена? Надо ее прочесть, чего бы я очень желалъ; но минуты Императора драгоцѣнны. Мнѣ невозможно знать и уловить благопріятный случай, между тѣмъ эти мелочи стѣсняютъ меня чрезвычайно. Я

---

[1]) Т. е. къ А. Л. Нарышкину, позднѣе преемнику графа Шереметева въ должности оберъ-гофмаршала.

[2]) Она сохранилась. П. Б.

придумалъ сдѣлать извлеченіе изъ инструкціи и буду счастливъ, если Императоръ удостоитъ хоть взглянуть на него и подписать, въ предположеніи, что сущность имъ одобрена. Тогда бы я зналъ чего держаться.—Желательно также для меня и для прямой пользы службы, чтобы мнѣ позволено было иногда, или по крайней мѣрѣ въ настоятельныхъ случаяхъ, дѣлать личныя представленія. Конечно я не злоупотреблю этимъ преимуществомъ. Если Императоръ удостоитъ меня въ этомъ отношеніи своего довѣрія, я попрошу, какъ милости, чтобы оно было выражено письменно, и чтобы никто не зналъ о томъ. Тогда буду я уполномоченъ не соглашаться на издержки, коль скоро онѣ будутъ выходить, какъ и выходятъ нерѣдко, изъ предписанныхъ границъ.—Доселѣ я медлилъ представлять мои соображенія, и это не вслѣдствіе неумѣнія или не желанія, а оттого, что мнѣ хотѣлось сначала ознакомиться хорошенько съ дѣломъ и, не теряя времени въ пустыхъ предположеніяхъ, отыскать болѣзнь на мѣстѣ, чтобы устранить ее пригоднымъ средствомъ. Безъ хвастовства скажу, что средство это мною найдено; но частыми путешествіями и воспрещеніемъ сноситься лично съ моимъ Государемъ до сихъ поръ полагались преграды моему усердію.—Утверждаю, что почетъ моей должности мнѣ дорогъ, что я считаю для себя славою въ ней оставаться и достойнымъ образомъ исполнять сопряженныя съ нею обязанности. Но, исполняя приказанія Монарха, желалъ бы я быть дѣятельнымъ, а не страдательнымъ орудіемъ управленія. Я не боюсь труда; напротивъ, сочту немилостью, если Его Императорскому Величеству покажется, что онъ мнѣ сдѣлаетъ пріятное, сложивъ съ меня какія либо, хотя бы и незначительныя, занятія. Благо его службы, наибольшія выгоды его короны, поддержаніе порядка и приличія—вотъ къ чему направлены всѣ мои старанія. Буду слишкомъ счастливъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи и тѣмъ, что онъ убѣдится въ моей преданности, въ моей живой признательности и въ желаніи заслужить его одобреніе.

*

Лишеніе права личнаго доклада послѣ коронаціи и возвращенія изъ Москвы въ Петербургъ на столько уже являлось оскорбительнымъ, что графъ Шереметевъ не могъ долѣе держаться. Но императоръ Павелъ не отпустилъ его и возвратилъ ему свое благоволеніе. Въ слѣдующемъ 1798 году все вновь повторилось, и графъ Николай Петровичъ очистилъ мѣсто, занять которое уже давно были охотники,

О НѢКОТОРЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ПО ИСТОРІИ КАВКАЗА.

Читатели „Русскаго Архива“ имѣли уже возможность ознакомиться съ записками генерала Э. В. Бриммера (см. нашу замѣтку въ „Русск. Архивѣ“, 1894, № 9, 23 — 30), которыя печатаются въ „Кавказскомъ Сборникѣ“, издаваемомъ при Военно-историческомъ отдѣлѣ Кавказскаго окружнаго штаба, подъ редакціею И. С. Чернявскаго, подъ заглавіемъ „Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 году“. Интересъ первыхъ шести главъ, помѣщенныхъ въ XV томѣ означеннаго сборника, сосредоточивается, какъ мы видѣли, около дѣятельности и личности А. П. Ермолова. Къ удовольствію, конечно, всѣхъ любителей отечественной исторіи, почтенная редакція „Кавказскаго Сборника“ (этого, замѣтимъ кстати, неоцѣнимаго источника для исторіи Кавказа въ истекающемъ столѣтіи) неуклонно продолжаетъ печатать слѣдующія главы высокоинтересныхъ Записокъ покойнаго генерала: въ томѣ XVI, вышедшемъ въ 1895 г., напечатаны главы VII—XIV (стр. 1—234), въ томѣ XVII, появившемся въ свѣтъ недавно, помѣщены главы XV—XXI (стр. 1—174), въ которыхъ разсказъ доведенъ до Іюля 1854 года. Записки Э. В. Бриммера не теряютъ своего интереса и во вновь вышедшихъ частяхъ; и здѣсь, на ряду съ воспоминаніями о военныхъ дѣйствіяхъ, естественно занимающими видное мѣсто въ мемуарахъ такого боеваго генерала, какимъ былъ авторъ, мы встрѣчаемъ множество бытовыхъ картинъ изъ жизни войскъ въ военное и мирное время, замѣтки о странахъ и мѣстахъ, посѣщенныхъ авторомъ, разсказы о различныхъ выдающихся лицахъ, разсказы, дающіе обильный матеріалъ для характеристики такихъ дѣятелей, каковы Паскевичъ, Вельяминовъ и пр. Тонъ разсказа спокойный, безъ желчи и самохвальства; въ этомъ отношеніи Записки Э. В. Бриммера пріятно отличаются отъ Записокъ Н. Н. Муравьева, также обильныхъ содержаніемъ, но авторъ которыхъ на многое и многихъ смотрѣлъ сквозь слишкомъ темное стекло. По своей службѣ нѣкоторое время въ войскахъ внутри Россіи, Бриммеръ имѣлъ возможность ознакомиться не только съ жизнью Кавказскихъ войскъ, среди которыхъ протекла большая часть его службы, но и съ мирною службою войскъ внутри Имперіи въ царствованіе Николая I; воспоминанія его въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны и даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ условіями военной службы и жизни войскъ въ Николаевское время. Чтобы имѣть возможность лучше оцѣнить Записки Бриммера, сдѣ-

лаемъ обзоръ ихъ содержанія въ порядкѣ его изложенія, начиная съ VII главы, такъ какъ о содержаніи первыхъ шести главъ уже было нами сказано въ вышеуказанной замѣткѣ.

Продолжая воспоминанія о Персидской войнѣ 1828 г., Бриммеръ начинаетъ главу VII разсказомъ о взятіи Тавриза. Слова Н. Н. Муравьева объ отношеніи Паскевича къ этому событію находятъ подтвержденіе въ разсказѣ Бриммера, который, впрочемъ, вообще относится къ графу Эриванскому очень сочувственно, а въ данномъ случаѣ извиняетъ его „высокой, прямой душѣ“ слабость человѣческую. Вся VII глава посвящена событіямъ Персидской войны послѣ взятія Тавриза, преимущественно описанію пребыванія нашихъ войскъ въ Персіи, переговоровъ съ Персидскимъ правительствомъ и т. п. Попутно авторъ даетъ немало чертъ для характеристики Персидскаго правительства и населенія; интересенъ разсказъ о подаркѣ Паскевичемъ шаху 5 т. червонцевъ. Главы VIII—IX описываютъ Турецкую кампанію 1828—1829 г., собственно тѣ военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ авторъ, какъ то взятіе Ахалцыха, Эрзерума и пр. Кромѣ того въ этихъ главахъ обильны черты быта Русскаго солдата, разсказъ о Паскевичѣ и пр., между прочимъ объ А. С. Пушкинѣ. Послѣдній прибылъ въ лагерь дѣйствовавшаго отряда послѣ сраженія при Милидюзѣ, во время движенія къ Эрзеруму; онъ пріѣхалъ вечеромъ къ подошвѣ Саганлуга, чтобы состоять при Паскевичѣ, и жилъ у Ник. Ник. Раевскаго, командира Нижегородскаго драгунскаго полка. 26 Іюня, когда войска подошли къ Эрзеруму и открыли огонь по городу. Паскевичъ со штабомъ стоялъ вблизи батареи Бриммера, а Пушкинъ стоялъ передъ главнокомандующимъ на чистомъ мѣстѣ одинъ. Вдругъ первый выстрѣлъ изъ батареи 21-й бригады. Пушкинъ вскрикиваетъ: „Славно!“ Главнокомандующій спрашиваетъ: „Куда попало?“ Пушкинъ, обернувшись къ нему: „Прямо въ городъ!“—„Гадко, а не славно“, сказалъ Паскевичъ.

Сцены, въ которыхъ выступаетъ Паскевичъ, обращеніе его съ офицерами („Маіоришка! Темлячишко оборву!“), прятаніе самого Бриммера, чтобы только не попадаться ему на глаза въ минуты раздраженія, дѣлаютъ характеристику этого полководца у Н. Н. Муравьева болѣе вѣрною, чѣмъ отзывы о немъ нашего автора. Какъ образецъ сценъ изъ жизни солдатъ, приведемъ слѣд. разсказъ. „Во время штурма Ахалцыха, многіе Армяне съ семьями и имуществомъ старались перейти къ нашимъ войскамъ; ихъ толпами отправляли на гору, поручая отводъ 1—3 солдатамъ; всѣ они проходили мимо насъ. Тутъ я видѣлъ, что эти конвойные не только добросовѣстно провожали ихъ, но многіе несли, при ружьѣ, еще тѣхъ маленькихъ дѣтей на рукахъ, которыя не могли поспѣвать. Проходя мимо нашихъ орудій по насыпи, солдатъ Ширванскаго полка велъ толпу, человѣкъ въ 15; видя, что женщина, несшая на одной рукѣ грудного ребенка, а въ другой тяжелую корзину, хотѣла отъ усталости присѣсть подлѣ орудій, онъ сказалъ: „Нельзя, матушка, нельзя; не приказано останавливаться. Дай корзину-то сюда, я понесу“. Армянка что-то заговорила, но корзины не дала; тутъ подошелъ Ар-

мяпинъ(на каждой рукѣ по ребенку) и началъ ей говорить, но Армянка корзинки не выпускала изъ рукъ; тогда солдатъ говоритъ: „Ну, неси ты корзинку, а я маленькаго понесу“, и протянулъ къ нему руку. Мать посмотрѣла ему въ лицо и бережно посадила ему на руку малютку; и добрый Русскій солдатъ, послѣ тяжкаго боя, понесъ ношу на гору“.

Назначенный послѣ войны командиромъ легкой № 2 батареи Кавказской артиллерійской гренадерской бригады, Бриммеръ въ Гомборахъ пережилъ первую холеру 1830 г., о которой сообщаетъ итересныя свѣдѣнія. Въ 1831 г. онъ ѣздилъ въ отпускъ въ Россію, посѣтилъ по дорогѣ А. П. Ермолова въ его деревнѣ (XVI, 104—106), былъ въ Петербургѣ (характеренъ разсказъ о визитѣ къ фрейлинѣ Пущиной, 109 стр.), въ Ригѣ, куда онъ ѣздилъ къ роднымъ; принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ, и въ Августѣ 1831 г. возвратился на Кавказъ, гдѣ нашелъ все начальство перемѣнившимся. Первое свиданіе его съ новымъ главноначальствующимъ довольно удачно обрисовываетъ почтеннаго, но мелочнаго барона Розена.

Главы XI и XII, разсказывающія объ экспедиціяхъ 1832 г. въ Чечнѣ и Дагестанѣ противъ Кази-Муллы, полны интересныхъ подробностей о военныхъ дѣйствіяхъ, о взятіи Гимръ, этой, по выраженію Ермолова, „гнусной дыры“, и пр. Замѣтимъ только, что Бриммеръ ошибается, говоря, что Кази-Мулла былъ пораженъ гранатою; онъ, какъ извѣстно, погибъ на штыкахъ, на которые былъ поднятъ послѣ оставленія имъ башни. Сверхъ того, эти главы, также и слѣдующія, доставляютъ богатый матеріалъ для біографіи А. А. Вельяминова, этого сподвижника и друга А. П. Ермолова, значеніе котораго въ исторіи Кавказской войны еще не выяснено по заслугамъ. Бриммеръ относится съ великимъ уваженіемъ къ этому дѣятелю, оцѣнкѣ дѣятельности котораго, замѣтимъ, „Кавказскій Сборникъ“ посвятилъ значительную статью (т. VII, 1883).

Глава XIII и часть XIV изображаютъ мирную дѣятельность Бриммера, сначала въ качествѣ командира батареи, потомъ командира 20 артилерійской бригады, расположенной на Сѣверномъ Кавказѣ; здѣсь читатель находитъ много интереснаго и типичнаго для знакомства съ жизнью войскъ въ 30-хъ годахъ, въ періодъ мирнаго затишья, столь рѣдкаго тогда на Кавказѣ. Съ середины XIV главы начинаются воспоминанія Бриммера объ экспедиціяхъ 1836 и слѣд. годовъ на Западномъ Кавказѣ, въ которыхъ опять встрѣчается много матеріала для характеристики Вельяминова, Фезе и другихъ дѣятелей Кавказской войны, а также для описанія военныхъ дѣйствій на Черноморскомъ прибрежьи. Глава XV (т. XVII) говоритъ также о посѣщеніи дѣйствовавшаго отряда близъ Геленджика императоромъ Николаемъ I. Посѣщеніе это, какъ извѣстно, было не особенно удачно какъ по причинѣ дурной погоды, такъ и вслѣдствіе пожара провіантскихъ складовъ; разсказывали послѣ, прибавляетъ Бриммеръ, что Государь, проголодавшись, приказалъ принести изъ госпиталя тарелку супу или чего нибудь, но—увы!—посланный доложилъ, что обѣдъ давно поѣли, а ужинъ только что начали готовить. Интересны подробности о путе-

шествіи Николая I по Кавказу. Окончившееся отозваніемъ Розена, оно съ самаго начала слагалось для него непріятно. „Передъ тѣмъ, разсказываетъ Бриммеръ (XVII, 27—32), присланъ былъ для введенія гражданскаго управленія въ Закавказьѣ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій съ своею супругою. Черезъ нѣсколько дней баронесса Ганъ поѣхала съ визитомъ къ баронессѣ Розенъ. Послѣдняя ежедневно утромъ до 3-хъ часовъ занималась съ дѣтьми и въ это время никогда никого не принимала, а пріемъ начинался съ 3-хъ часовъ до 5. Это знало все Тифлисское общество и согласовало съ тѣмъ свои визиты. Баронесса Ганъ, не освѣдомившись, въ которомъ часу принимаетъ супруга старшаго начальника въ краѣ, или думая, что c'est bon pour les autres, пріѣхала около 2 часовъ. Камердинеръ докладываетъ, что баронесса занимается съ дѣтьми и принимаетъ съ 3 часовъ. Приказываютъ непремѣнно доложить. „Намъ строго приказано не безпокоить баронессу во время ея занятій съ дѣтьми“. Приказаніе повторяется: непремѣнно доложить о пріѣздѣ баронессы Ганъ. Камердинеръ пошелъ. Докладывалъ ли онъ или нѣтъ, неизвѣстно, но принесъ отвѣтъ: „приказали извиниться, что заняты съ дѣтьми“. Какъ! Баронесса Розенъ не приняла баронессу Ганъ! Das ist ja unerhört; Выводовъ изъ этого не буду дѣлать никакихъ.“ —Изъ Редутъ-Кале Государь поѣхалъ въ Тифлисъ. Гадкія туземныя лошади, мерзкая дорога; Государю случилось пересѣсть верхомъ на казачью лошадь, съ казацкимъ сѣдломъ. Надобно еще сказать, что когда шла переписка о путешествіи Государя, то его величество приказалъ написать барону, что у него будетъ съ собою кухня и чтобъ объ этой статьѣ не заботился. Хорошо это сказать, да слушать-то не слѣдовало. Гдѣ же въ путешествіи все приготовлять? Надобно, чтобъ мѣстными средствами все и вездѣ было готово. Для Государя и было заготовлено, но о свитѣ никто не заботился, и потому можно понять, что недовольныхъ было много... По пріѣздѣ въ Тифлисъ, Государь принялъ сенатора Гана, съ которымъ пробылъ, говорятъ, полчаса. Этотъ докладъ, кажется, погубилъ Г. В. Розена... Тутъ можно припомнить дикое понятіе о всякомъ государѣ, укоренившееся во мнѣніи восточныхъ народовъ, а потому причастное и всѣмъ разноплеменнымъ народамъ Закавказья. Они удивлялись, какъ самодержавный властитель такого великаго царства, пріѣхавъ въ первый разъ въ свои пограничныя земли за Кавказомъ, въ продолженіи всего путешествія не приказалъ ни отрубить головы, ни посадить на колъ, ни даже выколоть глаза никому изъ своихъ вѣрноподданныхъ, если не за вину какую, то хоть въ свое удовольствіе, чтобъ показать, что онъ господинъ! Въ силу этого убѣжденія о власти, у многихъ возродилось сомнѣніе, точно ли это царь? Много хановъ и бековъ изъ мусульманскихъ провинцій наѣхало въ Тифлисъ, чтобъ посмотрѣть на такого кроткаго царя.... И вотъ, когда на разводѣ царь приказалъ снять съ князя Дадіана флигель-адьютантскій аксельбантъ, какой-то Татарскій бекъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ съ народомъ, увидѣвъ, что Дадіанъ отворотилъ воротничекъ и нагнулъ голову, чтобъ снять аксельбантъ, вообразилъ, что ему отрубятъ ее, и въ испугѣ, схвативъ себя обѣими руками за голову, закричалъ „началъ! началъ!“, пробился черезъ тол-

пу, прибѣжалъ домой, бросился на тахту и сунулъ голову въ подушки, продолжая кричать: началъ! началъ!.. Холодная вода не помогла: онъ, говорили, поплатился горячкой. Вечеромъ, на балу у Розена, опять непріятный инцидентъ. Когда подавали чай, на подносѣ, поднесенномъ Государю, стояло нѣсколько чашекъ (говорятъ, что въ такихъ случаяхъ подаютъ Государю особо на подносѣ одну чашку). Онъ пожалъ плечами и тихо сказалъ какое-то слово, должно быть, не очень пріятное хозяину. Вторая дочь барона, по настоянію матери, съ заплаканными глазами, должна была пройти польскій. Кучеръ, возившій Государя, потребовалъ 100 р., чтобъ провести его величество до Владикавказа. Это показалось дорого тому, на комъ лежала обязанность заботиться о семъ предметѣ. Приказали полиціймейстеру найти кучера болѣе сговорчиваго; тотъ привелъ нѣсколько самыхъ лучшихъ, какихъ можно было сыскать въ Тифлисѣ, гдѣ въ то время товаръ этотъ былъ очень рѣдокъ. Условились съ нимъ подешевлѣ... При выѣздѣ изъ Тифлиса, спускаясь съ горы къ рѣчкѣ Везѣ, лошади понесли, кучеръ не могъ удержать; на поворотѣ коляска опрокинулась.. Узналъ ли Государь, что для него наняли кучера подешевле? That is the question... На дорогѣ въ Владикавказъ Государь простудился и получилъ зубную боль.. Разсказывая о путешествіи Государя, я коснулся фактовъ, имѣвшихъ важныя послѣдствія для края, т. е. о смѣнѣ всего высшаго начальства. Передамъ теперь впечатлѣніе, произведенное этими фактами, какъ на мыслящихъ людей, такъ и на народъ, не разбирающій причинъ дѣйствія, а судящій по тому, какъ онъ видитъ. Всенародно на разводѣ опозоренный полковой командиръ былъ козлищемъ, вынесшимъ наказаніе за грѣхи всѣхъ полковыхъ командировъ, которыхъ обстоятельства края вынуждали употреблять солдатъ на работу и для собственныхъ надобностей; при этомъ легко вкрадывавшіяся злоупотребленія превращались въ обычай. Громовымъ ударомъ не искоренились злоупотребленія; они продолжались и продолжаются, но такъ какъ жертвой искупленія былъ зять корпуснаго командира, то наказаніе пало и на него. Высшая власть края потеряла въ уваженіи немыслящаго народа: le prestige s'est fondu отъ громового удара. Генерала барона Розена смѣнили и назначили сенаторомъ (баронъ М. И. Паленъ, военный генералъ-губернаторъ Остзейскихъ провинцій, услыхавъ о смѣщеніи и назначеніи Розена сенаторомъ, сказалъ: если такого заслуженнаго и всѣми уважаемаго генерала сдѣлали сенаторомъ, то меня можно посадить въ земскій судъ засѣдателемъ)".

Мы остановились такъ долго на путешествіи Николая I, во-первыхъ, въ виду обще-историческаго интереса этого событія, во-вторыхъ, въ виду того, что въ разсказѣ Бриммера попадаются подробности, кажется, не встрѣчавшіяся въ печати.

Послѣ смерти А. А. Вельяминова, Бриммеръ по болѣзни перешелъ на службу вглубь Россіи, а въ 1838 г. назначенъ былъ командиромъ 7 артиллерійской бригады въ 3-мъ пѣхотномъ корпусѣ, входившемъ въ составъ арміи подъ начальствомъ Паскевича (глава XVI), и такимъ образомъ Бриммеру пришлось служить среди мирныхъ условій Николаевскаго времени. Нижеслѣду-

ющая сцена весьма характерна; она рисуетъ и автора мемуаровъ, и условія службы. „Не могу припомнить безъ смѣха разговора моего съ начальникомъ 3-й артилерійской дивизіи г-мъ Ловцовымъ. Услышавъ, что я служилъ на Кавказѣ 16 лѣтъ, онъ, вѣроятно на этомъ основаніи, сказалъ, что здѣсь требуютъ большей службы, чѣмъ тамъ, что здѣсь надобно обращать все вниманіе на равненіе и маршировку. „Вамъ кажется, что батарея стоитъ ровно, а я тотчасъ увижу, что въ 6-мъ орудіи солдатъ подалъ грудь впередъ, а другой откинулъ голову назадъ; такъ и въ маршировкѣ—можно ходить въ ногу, а все будетъ не тотъ темпъ, не тотъ выносъ ноги", и онъ всталъ на вытяжку, въ позитуру. „Всмотритесь, вы тотчасъ поймете"... и пошелъ маршировать по командѣ, припѣвая: „тра-ра, ра-ра, тра-ра, ра-ра.... оно и въ ногу, да не то; а вотъ, посмотрите...—тра-ра, ра-ра, тра-ра, ра-ра; видите тутъ все есть—и темпъ, и выносъ ноги."... Я стоялъ какъ ошеломленный, не зная, въ своемъ ли онъ умѣ, и чуть не разразился громкимъ смѣхомъ, но, къ счастію, удержался. Такъ вотъ оно въ чемъ здѣсь мудрость артилерійской службы! Въ равненіи и маршировкѣ! Ну, на Кавказѣ не то. Когда генералу показалось, что я понялъ всю суть имъ сказаннаго, онъ отпустилъ меня. Какъ только съ глазъ, сдержанный смѣхъ взялъ свое".

Очень интересно описаніе высочайшаго смотра въ 1840 г.; много матеріала для разумѣнія солдатскаго быта въ то время, когда блестящая внѣшность должна была прикрывать неприглядность внутри.

Время съ 1844 по 1847 г. Бриммеръ провелъ въ Варшавѣ, состоя при начальникѣ артилеріи дѣйствующей арміи (гл. XVII); это даетъ ему возможность сказать немало интереснаго о князѣ Паскевичѣ. Произведенный въ генералъ-маіоры, Бриммеръ въ 1847 г. снова былъ назначенъ на Кавказъ командиромъ 1-й бригады 21 пѣх. дивизіи. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ въ Гергебильской экспедиціи 1848 г., о которой сообщаетъ нѣкоторыя подробности; хотя въ освобожденіи Ахтовъ въ томъ же году онъ не участвовалъ, но въ Запискахъ своихъ даетъ нѣкоторый матеріалъ и для исторіи этой знаменитой осады. Въ концѣ 1848 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ артилеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, и 10 Января 1849 г. прибылъ въ Тифлисъ. Глава XVIII посвящена воспоминаніямъ о дѣятельности автора въ 1849—1853 г. въ званіи начальника артиллеріи, при чемъ приводится нѣсколько случаевъ столкновенія его съ княземъ М. С. Воронцовымъ, видимо, не пользующимся особенно симпатіями автора; вообще нужно замѣтить, что, начиная съ этого времени, тонъ Записокъ нѣсколько измѣняется и является нѣсколько желчнымъ. Глава XIX „Баяндуръ, 2 Ноября 1853 года. Разборъ этого дѣла. Воспоминанія," XX „Башъ-Кадыкляръ, 19 Ноября 1853 г. Послѣдствія пораженія. Разборъ. Воспоминанія. Изъ письма къ женѣ. Чинъ генералъ-лейтенанта. Пріѣздъ въ Тифлисъ," XXI: „Кучукъ-Дара, 24 Іюля 1854 г.", какъ показываютъ приведенныя нами заглавія ихъ, описываютъ военныя дѣйствія по Іюль 1854 г. Главный интересъ ихъ для историка войны 1853—1855 г., хотя, на ряду съ военно-спеціальными описаніями, и тутъ мы встрѣчаемъ характеристики, бытовыя сцены и пр. По поводу Башъ-Кадыклярскаго дѣла

находимъ слѣдующій интересный отзывъ о князѣ Воронцовѣ: „Но нашъ князь М. С. Воронцовъ старался выставлять только Грузинъ, нисколько не безпокоясь о справедливости; вѣдь не постыдился же Русскій вельможа громко сказать, что *Русскіе для него только орудіе въ этой странѣ*!"

Въ нашемъ обзорѣ Записокъ Э. В. Бриммера мы, конечно, далеко не могли исчерпать всего ихъ содержанія; очень многое, иногда мелкое, повидимому, но, несомнѣнно, имѣющее историческій интересъ, не могло быть нами даже указано. Но если у прочитавшаго нашу замѣтку явится желаніе лично познакомиться съ Записками Бриммера, напечатанными въ изданіи, какъ нами уже указано, крайне важномъ и полезномъ, но, по своему специальному характеру, мало распространенномъ: то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута. Остается пожелать, чтобъ окончаніе Записокъ Бриммера не заставило себя долго ждать; позволимъ себѣ выразить также пожеланіе, чтобъ почтенная редакція „Кавказскаго Сборника" нашла возможнымъ издать Записки отдѣльною книгою, что̀ способствовало бы ихъ распространенію.

*

Фундаментальное изданіе, предпринятое Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, „Русскій біографическій словарь," первый томъ котораго вышелъ въ этомъ году, нѣкоторыми своими статьями касается Кавказа. Такъ, довольно обширная статья посвящена извѣстному изслѣдователю Кавказа, Абиху. Изъ открытій между прочимъ Абиха указаны пріиски каменнаго угля „въ окрестностяхъ Кутаиса и въ другихъ мѣстахъ", торфа въ Дагестанѣ; въ первомъ указаніи не мѣшало бы выраженіе „и въ другихъ мѣстахъ" замѣнить точнымъ указаніемъ на Дагестанъ, гдѣ открытію Абихомъ каменнаго угля приписывалось въ свое время весьма важное значеніе. Сдѣлано указаніе на изданіе вдовы Абиха: „Geologische Forschungen". Въ началѣ настоящаго года вышло чрезвычайно интересное изданіе вдовы же Абиха: „Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe von Hermann Abich. Wien B. I. Briefe aus den Jahren 1842—1853, B. II. Briefe aus den Jahren 1859—1874. Въ письмахъ покойнаго ученаго, помѣщенныхъ въ этомъ изданіи, заключается много любопытнѣйшихъ замѣтокъ его о лицахъ, событіяхъ и мѣстахъ Кавказа, посѣщенныхъ имъ, а посѣтилъ онъ его весь. Капитальная монографія г. Татищева объ императорѣ Александрѣ II касается и Кавказа, именно покоренія его; конечно, Кавказъ и его война, въ статьяхъ, какъ г. Татищева, такъ и г. Шильдера объ Александрѣ I, могли занимать довольно ограниченное мѣсто, по самому характеру и цѣли этихъ трудовъ; но существенное изложено. Тѣмъ болѣе поэтому приходится пожалѣть, что въ статьѣ г. Татищева, помѣщенной въ такомъ справочномъ изданіи, каковъ „словарь", требующемъ непогрѣшимаго, по возможности, внѣшняго выполненія, вкрались досадныя опечатки въ собственныхъ именахъ, при томъ не оговоренныя въ общемъ спискѣ опечатокъ. Такъ приводится приказъ князя А. И. Барятинскаго отъ 21 Мая 1859 г., въ лагерѣ при озерѣ „Решло", слѣдовало „Ретло"; въ приказѣ отъ 27 Іюля, близъ аула „Тоидо", слѣдов. „Тандо"; упомянуто общество „Чаберлай", слѣдовало „Чаберлой"; приказъ

отъ 6 Августа, близъ аула „Канхадатль“, слѣдовало Канхидатль“. Въ телеграммѣ 22 Августа напечатано „Укцукуль“ вмѣсто „Унцукуль“, „Тимотль“ вмѣсто „Тилитля“ „Карста“ вмѣсто „Караты“. Магометъ-Аминъ названъ „Мегнемъ-Аминъ“. Позволимъ себѣ также замѣтить, что цѣль основанія общества возстановленія христіанства на Кавказѣ указана въ выраженіяхъ, могущихъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ относительно видовъ князя А. И. Барятинскаго. Не намъ, конечно, писать критическій отзывъ о такомъ трудѣ, какой задуманъ Обществомъ, но смѣемъ высказать нѣсколько мыслей по поводу его. Въ предисловіи указано, что первымъ шагомъ къ осуществленію мысли о желательности Русскаго біографическаго словаря было напечатаніе списка 60000 именъ отечественныхъ дѣятелей, которые, должно думать, и войдутъ въ „Словарь“. Напечатанный первый томъ обнимаетъ малую часть буквы А: „Ааронъ—Императоръ Александръ II“, около 300 именъ, и стоитъ 10 р.; какихъ же размѣровъ достигнетъ „Словарь“ и кому онъ будетъ доступенъ по своей стоимости? Къ тому же, въ вышедшемъ томѣ можно замѣтить нѣкоторые пропуски относительно Кавказа. Такъ, помѣщенъ князь И. Н. Абхазовъ, но пропущено нѣсколько князей Абашидзе, тоже военачальниковъ въ Русскихъ войскахъ; помѣщенъ царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій, о которомъ сказано только „первый генералъ-фельдцейхмейстеръ Русской артилеріи, а пропущенъ царевичъ Александръ Юлоновичъ Грузинскій, игравшій столь видную роль въ дѣлахъ Кавказа въ началѣ этого вѣка; нѣтъ также Абдулъ-бека Эрсинскаго, Адиль-хана Казакайтагскаго, имена которыхъ, особенно втораго, также часто встрѣчаются въ исторіи Кавказа въ это уже время, и о которыхъ интересующійся могъ бы надѣяться найти справку въ „Словарѣ“. Позволяемъ себѣ наши скромныя замѣчанія въ виду словъ редакціи „Словаря“ въ концѣ предисловія....

*

Въ „Военномъ Сборникѣ за настоящій годъ помѣщены статьи г. А. С. „Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 году“ (№№ 4, 5, 6, 7), вышедшія нынѣ отдѣльно. Спб. 1896, 8°, 124 стр. Авторъ справедливо замѣчаетъ въ началѣ своего труда, что возстанія Кавказскихъ горцевъ „не коснулось перо лѣтописца“. Статья его во многихъ отношеніяхъ любопытна; она вызвала уже двѣ замѣтки г. М. Б (Военный Сборникъ, 1896, №№ 6 и 10). Мы не будемъ касаться ни нѣсколько сбивчивыхъ этнографическихъ указаній автора (Назрановцы (Ингуши) отнесены къ Осетинамъ, Ауховцы выдѣлены отъ Чеченцевъ и т. п.), ни нѣсколько пессимистическаго его отношенія къ возстанію въ Дагестанѣ и образа дѣйствій тамъ, но не можемъ не остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ его статьи (№ 257, отд. изданія стр. 19): „Подчиненіе нашей власти Восточнаго Кавказа имѣло характеръ не столько покоренія или низложенія, сколько добровольнаго принесенія населеніемъ покорности, т. е. обѣщанія сидѣть смирно и повиноваться поставленнымъ отъ нашего правительства властямъ, при чемъ мы со своей стороны обѣщались оставить неприкосновенными ихъ религію, права и обычаи, которыми опредѣлялись отношенія семейныя и между сословіями; въ числѣ правъ весьма важно и драгоцѣнно для нихъ право ношенія оружія;

обязались никогда не облагать ихъ податями и повинностями денежными, какъ и натуральными, въ особенности никогда не привлекать къ отбыванію повинности военной. Въ какихъ именно выраженіяхъ и при какой обстановкѣ даны были эти обязательства покорителемъ Восточнаго Кавказа, бывшимъ намѣстникомъ, княземъ Барятинскимъ, намъ установить не удалось; но достовѣрно, „что въ такомъ именно смыслѣ были поняты горцами предложенныя имъ условія и что составленныя ими объ этомъ записи хранились въ нѣсколькихъ мечетяхъ".

Мы, конечно, не допускаемъ мысли, чтобы г. А. С. имѣлъ въ виду умалить значеніе заслуги покорителей Восточнаго Кавказа, съ княземъ Барятинскимъ во главѣ; но намъ кажется, что у всякаго, особенно у малознакомаго съ исторіей Кавказской войны, по прочтеніи этой тирады, сложится довольно странное понятіе о покореніи Восточнаго Кавказа, какъ о такомъ, которое совершили болѣе какіе-то переговоры и договоры съ горцами, чѣмъ само оружіе. Между тѣмъ, стоитъ припомнить весь планъ, составленный и строго выполненный княземъ А. И. Барятинскимъ, военныя дѣйствія его самого и Н. И. Евдокимова и др., чтобы понять, что если съ горцами и были переговоры и обѣщанія, то только тогда, когда они, сознавая невозможность борьбы, просили помилованія, которое, конечно, не могло сопровождаться никакими обязательствами съ нашей стороны. Нисколько не удивительно, что горцы могли повѣрить такимъ слухамъ, если имъ вѣрить г. А. С., хотя самъ сознается, что ему не удалось установить, въ какихъ выраженіяхъ и при какой обстановкѣ даны были эти обязательства княземъ Барятинскимъ; ему не удалось установить, когда и какъ были даны какія-то мнимыя обязательства; на чемъ же онъ основывается, говоря о нихъ? Ужъ не на мечетскихъ ли записяхъ? Еслибъ авторъ относился болѣе осторожно къ своимъ словамъ и сталъ добиваться „установки", то онъ, конечно, никакихъ договоровъ съ обязательствами не нашелъ бы, но за то встрѣтилъ бы хотя документъ, относящійся къ началу 1858 года, когда князь Барятинскій приказалъ издать особо составленныя нормальныя правила относительно принятія подданства отъ горскихъ обществъ. Укажемъ лишь нѣсколько пунктовъ: 1) При изъявленіи покорности они должны принять присягу на вѣрноподданство Государю Императору; 2) выдать аманатовъ; 9) разбирательство дѣлъ ихъ между собою и другими покорными племенами оставить по адату и шаріату; 11) освобождаются *на первое время* отъ податей и всякихъ личныхъ повинностей, кромѣ высылки опредѣленнаго числа милиціонеровъ, примѣрно съ 10 дворовъ 1 человѣка, и содержанія кордона въ своихъ предѣлахъ, совокупно съ нашими войсками, безъ особаго содержанія отъ казны. И подобныя условія были поставлены еще въ 1858, т. е. когда большая часть Восточнаго Кавказа не была еще покорена, когда Шамиль господствовалъ въ Чечнѣ и въ нагорномъ Дагестанѣ. Послѣ этого могла ли быть рѣчь о какихъ-нибудь обязательствахъ, тогда какъ все подвластное Шамилю покорялось силѣ нашего оружія? Въ 1859 г., по мѣрѣ покоренія горскихъ обществъ, князь Барятинскій вводилъ въ нихъ Русское

управленіе; если же оставлялъ у нихъ народный судъ и т. п., то не ради какихъ-то трактатовъ съ горцами, а потому, что это входило въ его систему управленія, пригодность которой онъ, по слѣдамъ А. П. Ермолова, испыталъ еще въ бытность начальникомъ Лѣваго фланга.

*

Умершій въ 1875 г. генералъ П. К. Меньковъ, участникъ Севастопольской обороны, „журналъ" которой онъ велъ, по порученію князя Горчакова, потомъ редакторъ „Военнаго Сборника" (1859—1872 г.), оставилъ послѣ себя записки и разные документы объ этой достопамятной эпохѣ. Всѣ эти матеріалы были завѣщаны генераломъ Меньковымъ Севастопольскому музею съ тѣмъ, чтобы они были вскрыты не ранѣе 1895 года, когда Севастопольскій комитетъ долженъ поручить избранному имъ лицу привести матеріалъ въ видъ, годный для печати, и издать ихъ въ свѣтъ. Нынѣ дѣло это поручено генеральнаго штаба подполк. Заіончковскому, который въ „Изборникѣ Развѣдчика" за сей годъ напечаталъ сочиненіе Менькова „Восточный вопросъ. Нѣмцы и Дунай", найденное въ завѣщанныхъ матеріалахъ совершенно готовымъ для выпуска въ свѣтъ. Первая часть рукописи, нынѣ печатаемая, была, безъ согласія автора, напечатана въ 1858 г. въ Лейпцигѣ, что́, конечно, навлекло на автора непріятныя послѣдствія.

Сочиненіе Менькова, во всякомъ случаѣ оригинальное, весьма интересно для исторіи войны 1853—55 г.; кое-что можетъ почерпнуть изъ него и вообще историкъ того времени (напр. разсказъ князя А. М. Горчакова о гр. Нессельроде, о князѣ Меньшиковѣ и т. д.); характеристики различныхъ лицъ, при всей ихъ рѣзкости, въ большинствѣ справедливы. Насъ остановило одно примѣчаніе П. К. Менькова къ характеристикѣ П. Е. Коцебу:

„Одинъ баринъ, вернувшійся съ Кавказа, разсказывалъ, что онъ собственными ушами слышалъ разговоръ кн. Аргутинскаго-Долгорукова съ г. Коцебу. При осадѣ Салты общія распоряженія осады возложены были на генерала Коцебу; подъ его руководствомъ велись мины и подкопы. Послѣ рекогносцировки, произведенной будто бы генераломъ Коцебу, колонны, ведомыя на приступъ Аргутинскимъ, были отбиты. Аргутинскій былъ раненъ и съ окровавленнымъ лицомъ встрѣтился съ Коцебу, который съ неизмѣнно-милою улыбкою началъ говорить князю, что колонны не такъ были построены. „Нѣтъ, в. пр., не колонны, а рекогносцировка виновата! Конечно, жизнь ваша дорога́ для отечества и еще болѣе для вашего многочисленнаго семейства; но я полагаю, что когда дѣло идетъ объ участи отряда, то можно бы поменьше заботиться о жизни собственной"... Надобно замѣтить, что бо́льшая часть очевидцевъ и разсказчиковъ, пріѣзжающихъ съ Кавказа, страшные лгуны!". Ироническое замѣчаніе Менькова по поводу лицъ, пріѣзжающихъ съ Кавказа, на этотъ разъ, кажется, оказалось справедливымъ. Если даже допустимъ, что князь Аргутинскій, дипломатъ и политикъ, говорилъ такъ съ начальникомъ главнаго штаба арміи, насъ все-таки приводятъ въ недоумѣніе нижеслѣдую-

щія обстоятельства. При осадѣ Салтовъ въ 1847 году осадныя работы велъ инженеръ-подполковникъ Кесслеръ, подъ руководствомъ котораго работало нѣсколько инженеровъ-офицеровъ; передъ штурмомъ 14 Сентября, когда былъ раненъ князь Аргутинскій, никакой рекогносцировки производимо не было; князь Аргутинскій не находился во главѣ штурмующихъ колоннъ, но, пребывая въ сферѣ самаго сильнаго непріятельскаго огня, руководилъ ихъ дѣйствіями; штурмъ начался рано утромъ, вскорѣ князь былъ раненъ пулею въ щеку на вылетъ, послѣ чего онъ *на время* уступилъ начальствованіе войсками генералу Коцебу; штурмъ продолжался до 3-хъ часовъ пополудни, когда нами была занята часть непріятельскихъ позицій. Сопоставленіе этихъ обстоятельствъ при осадѣ Салтовъ съ разсказомъ генерала Менькова наводитъ на мысль, что симпатіи его руководили его перомъ иногда болѣе, чѣмъ это слѣдуетъ безпристрастному мемуаристу.

Е. Козубскій.

ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА *).

1860 годъ.

С.-Петербургъ, 2 Января 1860 г.

Сегодня праздновали при дворѣ 50-ти лѣтній юбилей со дня утвержденія Государственнаго Совѣта. Столъ былъ великолѣпно украшенъ. Думали, что размѣстятся по старшинству; но фельдмаршалъ князь Барятинскій, пожалованный наканунѣ членомъ Совѣта, сидѣлъ выше другихъ. Одинъ изъ министровъ говорилъ своему сосѣду: «Намъ грозятъ страшныя событія, банкрутство, послѣдствія освобожденія крестьянъ и необузданность печати». Трудно сказать, которую изъ этихъ опасностей отклонить легче другой: всѣ одинаково трудно. Только сѣтуютъ на тягость нашего положенія; но, указывая на раны, никто не предлагаетъ средствъ для ихъ излеченія, а вздохи и іеремiады ни къ чему не ведутъ и обличаютъ только безсиліе вздыхающихъ Іеремій. *Человѣка не имамъ!* Наполеонъ, нимало не стѣсняя себя прежними увѣреніями, съ невообразимымъ цинизмомъ измѣнилъ политику свою относительно Итальянскихъ дѣлъ. Подобно дядѣ, онъ не можетъ оставаться въ покоѣ: ему надо безпрестанно волноваться и затрогивать самые животрепещущіе вопросы. Нельзя читать безъ досады газетъ: такое видно въ этой скорой перемѣнѣ явное неуваженіе къ принятымъ обычаямъ въ дипломатіи и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное отсутствіе собственнаго достоинства. Наконецъ, такія дѣйствія утомятъ Европу, и правительства серьозно будутъ думать о составленіи коалицій. Въ самой Франціи не столько терпятъ отъ ограниченія свободы, сколько отъ бѣдствій войны, похищающей цвѣтъ ея народонаселенія и производящей совершенный застой въ дѣлахъ. При одномъ только мирѣ процвѣтаютъ государства, и непрестанное нарушеніе его, изъ видовъ личнаго славолюбія, терпимо быть не можетъ.

S-t Pétersbourg, 3 Janvier 1860.

Le jour de l'an il y a eu sortie à la cour des Tullieries, et d'après une lettre d'une jeune dame, la comtesse Chouvalow, née princesse Bélocelsky, il n'y avait pas de toilettes élégantes et somptueuses, excepté celles

*) См. выше, стр. 327.

de l'Impératrice et de la personne qui écrit la lettre. Notre compatriote précédait le corps diplomatique. La princesse Metternich réclama, mais le grand-maître des cérémonies lui expliqua qu'étant présentée la dernière à la cour, elle ne pouvait user d'un droit qui ne lui appartenait pas. Cet incident excepté, la jeune comtesse parle des paroles prononcées par l'Empereur. Ces assurances et ces protestations, qui reviennent à chaque occasion en faveur de la paix, ne peuvent être considérées que comme un moyen de cacher son jeu. Or, ces phrases ne donnent le change à personne, et on ne se méprend pas sur leur valeur réelle. Ce jour-là la démission du comte Valesky dépassait toutes les conversations. On pensait généralement que le pr. Gortchakow ne prendrait pas part au congré, et on exprimait des doutes sur la manière dont il s'entendrait sur les affaires avec m-r Thouvenelle, nommé ministre des affaires étrangères. Les rélations qui existent entre ces deux diplomates sont excellentes, et la seule raison qui aurait pu empêcher et empêchera positivement le pr. Gortchakow à assister au congré, c'est ce virement de bord, ce changement complet de politique de Napoléon sur la question italienne. Quant à la présidence de congré par un ministre, qui n'a pas l'ancienneté de son prédécesseur, ce ne serait pas une raison suffisante pour notre chef de cabinet de décliner d'y prendre part. Voici un incident qui jette un certain jour sur ce qui se passe en ce moment. Napoléon espérait qu'en garnissant la frontière de la Galicie de deux corps d'armée, nous faisions une diversion qui lui serait favorable. Cette combinaison était entrée dans son plan et comme elle lui manqua alors, aujourd'hui l'empereur des Français, en cas de nouvelle guerre avec l'Autriche, cherche un appui dans la flotte anglaise, qui peut lui être d'une grande aide sur les côtés.

Tout ce qui a rapport au monde invisible et au merveilleux a beaucoup de charmes pour les personnes douées d'une imagination vive. Surtout les dames se complaisent dans ce genre de récits. Voici un fait qui a été conté par la p-sse Vorontzow. Une jeune demoiselle, agée de 14 ans, avait perdu sa mère, étant enfant et n'ayant gardé par conséquent aucun souvenir de ses traits. Un jour la jeune fille vit le portrait de sa mère et le trouva très ressemblant. Mais comment pouvez-vous juger de sa ressemblance, lui demanda-t-on, vous, qui ne vous rappelez pas de la figure de votre mère?—«Ma mère, répliqua l'enfant, est toujours à mes côtés et ne me quitte jamais. Vous voyez donc, que je puis voir si le portrait ressemble ou non». Quelques années plus tard la jeune fille se marie. Elle eut un enfant et continuait d'avoir pour compagne inséparable sa mère. Un jour cette dernière paraissait être très agitée, elle faisait des gestes de detresse; bref, elle se leva et cou-

rut dans une autre pièce, sa fille la suivit, et quel fut son effroi, quand elle vit son enfant assis sur la fenêtre, les pieds suspendus au dehors (or, la famille habitait au quatrième). La mère se saisit de l'enfant et l'emporta. C'est alors que l'ombre, qui ne la quittait pas, disparut et ne revint plus jamais.—Il fut question aussi d'un prophète qui habite Елецъ. C'est un paysan très beau. Il a des traits réguliers et fins, et sa conversation a un charme particulier. Quand on l'entend parler, il est difficile de ne pas être suspendu à ses lèvres, et on ne songe plus à le quitter. Sa voix est douce, sa phrase est nette et élégante, et il ne tarde pas à faire passer sa conviction à vous. Il exerce une influence des plus salutaires sur ceux qui l'approchent. Les personnes de clergé qui l'on visité sont d'avis que non seulement il ne faut pas mettre d'entraves à ce que le monde le voye, mais qu'on doit faciliter tout accès auprès de lui. Tourguénew, écrivain et nouvelliste distingué, compte aller voir le prophète de Елецъ.

Переводъ. Спб. 3 Января 1860. Въ новый годъ былъ выходъ при Тюльерійскомъ дворѣ. Молодая графиня Шувалова, урожд. кн. Бѣлосельская, пишетъ, что, кромѣ императрицы и ея, ни на комъ не было пышныхъ и изящныхъ нарядовъ. Соотечественница наша шла впереди дипломатическаго корпуса. Княгиня Меттернихъ хотѣла пойти впереди ея; но оберъ-церемоніймейстеръ объяснилъ ей, что она не можетъ пользоваться непринадлежащимъ ей правомъ, такъ какъ представлялась ко двору позже. Кромѣ этого случая, молодая графиня пишетъ еще о словахъ произнесенныхъ Императоромъ. Онъ опять говорилъ о мирѣ, и эти при каждомъ случаѣ повторяемыя заявленія нельзя считать ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ прикрытія его замысловъ. Фразы эти никого не обольщаютъ, и всѣ знаютъ настоящую имъ цѣну. Въ этотъ день главнымъ предметомъ разговоровъ была отставка графа Валевскаго. Вообще полагали, что кн. Горчаковъ не приметъ участія въ конгрессѣ; недоумѣвали только, какъ онъ сталъ бы объясняться о дѣлахъ съ новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ г-номъ Тувенелемъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ дипломатовъ превосходны, и единственная причина, которая помѣшала бы и непремѣнно помѣшаетъ кн. Горчакову быть на конгрессѣ, заключается въ колебаніяхъ Наполеоновой политики, въ полной ея перемѣнѣ относительно Итальянскаго вопроса. Что же касается до того, что на конгрессѣ предсѣдательствовалъ бы министръ, не имѣющій старшинства своего предшественника, то это не отклонило бы главу нашего кабинета отъ участія въ совѣщаніяхъ. Нѣкоторое объясненіе тому, что̀ теперь происходитъ, заключается въ слѣдующемъ. Наполеонъ надѣялся, что мы поблагопріятствуемъ ему, поставивъ на границахъ Галиціи два корпуса нашей арміи. Это входило въ его соображенія, но не было нами исполнено. Теперь, на случай новой войны съ Австріей, онъ ищетъ себѣ поддержки въ Англійскомъ флотѣ, который можетъ быть очень ему полезенъ на окраинахъ.

Все, имѣющее отношеніе къ міру невидимому и къ чудесному, необыкновенно какъ нравится людямъ, которые одарены живымъ воображеніемъ. Женщины въ особенности любятъ разсказывать о томъ. Вотъ случай, переданный княгинею Воронцовой. Дѣвушка 14 лѣтъ лишилась матери, будучи еще ребенкомъ, и потому не могла помнить ее въ лицо. Однажды

увидала она портретъ матери и нашла, что онъ очень похожъ. Но какъ же вы можете судить о сходствѣ, спросили ее; вѣдь вы не помните вашей матери?—Мать постоянно возлѣ меня, отвѣчала та, и никогда меня не покидаетъ; стало быть я могу видѣть, похожъ ли портретъ или нѣтъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣвушка вышла за мужъ. У нея былъ ребенокъ, а мать ея по прежнему съ ней не разлучалась. Однажды она стала безпокоиться, знаками выражала горесть, вдругъ встала и побѣжала въ другую комнату; дочь за нею, и каковъ былъ ея ужасъ, когда она увидала, что ребенокъ ея сидитъ на окнѣ, свѣсивъ ноги наружу (жили они въ четвертомъ этажѣ). Мать схватила свое дитя и унесла его. Но тѣнь, не покидавшая ея доселѣ, исчезла и не возвращалась болѣе.—Говорили также о живущемъ въ Ельцѣ прорицателѣ. Это очень красивый крестьянинъ. Черты лица у него правильныя и тонкія. Разговоръ съ нимъ очень пріятенъ. Когда онъ говоритъ, невозможно не слушать его и не хочется съ нимъ разстаться. Голосъ у него мягкій, слова ясныя и изящныя, и онъ немедлено привлекаетъ васъ къ себѣ. На близкихъ къ нему производитъ онъ самое благотворное дѣйствіе. Посѣщавшія его духовныя лица отзываются, что не только не слѣдуетъ препятствовать, чтобы народъ собирался къ нему, а надо облегчать къ нему доступъ. Тургеневъ, писатель и отличный романистъ, намѣревается съѣздить въ Елецъ и повидать прорицателя.

С.-Петербургъ, 6-го Января 1860 года.

Въ послѣднее время крестьянскій вопросъ, по тому направленію, которое онъ принималъ въ Редакціонной Коммиссіи, подавалъ поводъ къ безпокойствамъ. Государь, недовольный дворянствомъ, желалъ надѣлъ земли сдѣлать такой, чтобы по значительности своей онъ приносилъ выгоды крестьянину и убытокъ помѣщику. Люди благонамѣренные, особенно князь Барятинскій, къ счастію, кажется, успѣли измѣнить по сему предмету образъ мыслей Государя, который многое приказалъ передѣлать уже въ самой Редакціонной Коммиссіи и говорилъ о томъ князю Орлову. Хотѣли назначить Милютина съ Кавказа товарищемъ къ военному министру; но послѣдній на это не согласился, не желая оскорбить кн. Васильчикова. Государь было настаивалъ, но генералъ Сухозанетъ почтительно, но твердо поддержалъ свое мнѣніе и намекнулъ на отставку. Пріѣхавшій изъ Москвы Россетъ говоритъ, что тамъ менѣе толкуютъ объ эмансипаціи и болѣе спокойствія, чѣмъ въ Петербургѣ. Онъ видѣлъ Хомякова, Кошелева и Аксакова, которые хладнокровно разсуждали о дѣлѣ. Здѣсь, напротивъ, много раздражительности и страсти. Мин. вн. дѣлъ Ланской говоритъ, что, по извѣстіямъ, получаемымъ изъ губерній, расположеніе умовъ стало мирнѣе. Кн. Вяземскій напечаталъ стихи «Сознаніе», посвященные В. П. Титову. Это строгая покаянная исповѣдь поэта, въ сильныхъ и благозвучныхъ стихахъ, которыхъ нельзя читать безъ умиленія. Онъ поступилъ, какъ христіане первобытныхъ временъ: принесъ свое покаяніе публично, только печатно, и слѣдовательно при большемъ числѣ свидѣ-

телей. Жаль только, что въ концѣ своихъ стиховъ, вслѣдъ за сознаніемъ своихъ язвъ, онъ не излилъ вѣры и упованія на благость и милосердіе, милующія кающагося грѣшника.

S-t Pétersbourg, 7 Janvier 1860.

Tout dernièrement, il y a eu un bal masqué chez ***, dont j'ai fait mention ici (le 30 Déc.). Un incident s'est passé là et qui mérite d'être rapporté. Un masque d'un rouge vif et ardent se faisait remarquer. «Mais quelle vivacité de couleur», lui dit *** —«Madame, répliqua le masque, c'est pour vous plaire et pour vous être agréable». La maîtresse de la maison tourna brusquement le dos au masque et s'éloigna. Cette *** faisait venir chez elle m-me Olga Narichkine pour l'endoctriner au sujet de son gendre le comte Chouvalow, maréchal de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg. Un jour, après lui avoir longtemps parlé, *** lui dit: Réellement, je ne sais pas pourquoi votre gendre est contre ce projet (qui consistait à donner de la terre au paysan et beaucoup plus qu'il ne fallait d'après les idées du premier représentant de la noblesse du gouvernement). J'ai introduit ce mode chez moi et je n'ai fait que gagner». —«Madame, répondit m-me Narichkine, je crois, que dans ce moment il s'agit pour la noblesse du sacrifice et non de gain». Cette réponse n'était pas faite pour satisfaire ***, aussi elle en a été très mécontente.—On écrit de Nice que l'Impératrice-Mère a été bien malade à la suite d'un froid, qu'elle avait pris pour être restée le soir trop tard sur une terrasse. Maintenant les nouvelles sont rassurantes: la convalescence a commencée, et il ne reste qu'une grande faiblesse. Les personnes de la suite écrivent que la prostration de forces est si grande qu'il serait difficile de songer à rentrer en Russie, malgré le désir et la volonté que l'Impératrice manifeste à ce sujet à toute occasion.

7 Января 1860. Недавно былъ маскарадъ у ***, о которомъ я здѣсь упоминалъ (30 Дек.). Тамъ произошелъ случай достопримѣчательный. Ярко-красная маска выдѣлялась. Какая яркость красокъ! сказала ей ***. „Сударыня, отвѣчала ей маска: это вамъ въ угоду и въ удовольствіе". Хозяйка дома круто повернулась и отошла прочь. Эта *** приглашала къ себѣ Ольгу Нарышкину, чтобы сдѣлать ей наставленіе относительно ея зятя, графа Шувалова, дворянскаго предводителя Петербургской губерніи. Однажды, послѣ долгаго разговора, она сказала ей: Право, я не понимаю, отчего зять вашъ противъ этого проекта (состоявшаго въ томъ, чтобы дать крестьянину землю и гораздо больше того что слѣдовало по мнѣнію перваго представителя губернскаго дворянства). У меня осуществленъ этотъ проектъ, и я даже въ выгодѣ.—„Сударыня, отвѣчала ей Нарышкина, я думаю, что въ настоящее время дѣло идетъ о пожертвованіяхъ дворянства, а не о выгодахъ". Этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить ***, и она была очень недовольна имъ. —Изъ Ниццы пишутъ, что Императрица-Мать была очень нездорова, просту

дившись вслѣдствіе слишкомъ поздняго пребыванія вечеромъ на терассѣ. Теперь извѣстія успокоительны: выздоровленіе началось, и осталась лишь большая слабость. Лица свиты пишутъ, что силы истощены, и трудно думать о возвращеніи въ Россію, хотя Императрица этого желаетъ и при всякомъ случаѣ о томъ говоритъ.

Вчера я видѣлъ человѣка, расположеннаго всегда унывать и представлять все въ черномъ видѣ. Такое расположеніе для него нормальное. Можно себѣ представить, чтò онъ говоритъ теперь, когда положеніе наше отнюдь не цвѣтущее, и, можно сказать, даже очень трудное, хотя не безысходное, какъ думаютъ нѣкоторые. Мой знакомецъ полагаетъ, что внутреннія дѣла не представляютъ ничего яснаго и положительнаго: все перепуталось, все шатко, одна мысль противурѣчитъ другой, и Богъ знаетъ, выработается ли изъ этого смѣшенія понятій что-нибудь стройное; что же касается до дѣлъ внѣшнихъ, онъ и тутъ видитъ лабиринтъ, изъ котораго трудно выбраться; дивится перемѣнѣ политики Наполеона III-го, не понимаетъ, зачѣмъ онъ опять перекинулся на сторону Англіи, и не можетъ придумать, какъ выйдетъ онъ изъ настоящаго положенія. Я не такъ безотрадно смотрю на событія: съ нѣкотораго времени подулъ болѣе благопріятный вѣтеръ. Узлы, кажется, уже не хотятъ разрубать мечемъ, а принялись просто разпутывать. Редакціонной Коммиссіи велѣно исправить свою работу, и при надѣлѣ землею войти въ должные предѣлы. Непризваннымъ къ разрѣшенію вопроса сказано, чтобы они не волновались и были бы спокойнѣе. Такъ было поступлено, говорятъ, съ ***. Слѣдовательно теперь есть надежда на лучшій исходъ дѣла. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о внѣшней политикѣ.

S-t Pétersbourg, 9 Janvier 1860.

Il y a eu dîner chez l'Empereur en petit comité. Les convives étaient le pr. Gortchakow, le c. Berg, Катенинъ et mon frère. La conversation a roulé sur l'exposition de marbres et de tableaux. Au nombre des premiers on cite l'Innocence et la Prière, tous les deux d'une pureté remarquable. Parmi les tableaux une attirait surtout l'attention—c'est l'Impératrice Catherine donnant le Наказъ aux délégués de la Petite-Russie. L'Impératrice n'a pas cet air imposant et majestueux qu'on lui prête toujours, mais, malgré cela, elle est très bien. Toute la cour est là: les femmes en paniers, les hommes poudrés, les unes en toilettes élégantes et somptueuses, les autres chamarés d'ordres et couverts d'or. Impératrice Марія Александровна aime les tableaux, aussi elle s'est beaucoup intéressée à la collection de la princesse Galitzine (Рябчикъ), où lui ont été particulièrement signalés un Calame et un Coucouc, d'une grande beauté tous les deux. On a parlé du bal donné

la veille par m-me Emmanuel Narichkine, qu'on s'accordait à trouver très beau. L'Empereur à cette occasion s'est exprimé en termes très élogieux sur le compte de la jeune comtesse Marie Pouchkine, nièce de m-me Aurore Karamsine. Son joli minois, sa vivacité, sa causerie, tout plaisait en elle. L'Empereur a dit à mon frère qu'il a été satisfait du remaniement du Conseil Supérieur de Censure et qu'il comptait sur lui pour cette partie. Il a ajouté que les états qu'on lui a présenté étaient modérés et plus modestes que ces de Modeste, a dit l'Empereur en souriant. Les maîtres de la maison ont été très gracieux et le dîner animé; il finit à 6 heures.

Спб. 9 Янв. 1860. У Государя былъ обѣдъ для немногихъ. Тутъ были кн. Горчаковъ, гр. Бергъ, Катенинъ и мой братъ. Разговаривали о выставкѣ мраморовъ и картинъ. Въ числѣ первыхъ называютъ Невинность и Молитву, обѣ замѣчательной чистоты. Изъ картинъ всѣхъ замѣчательнѣе императрица Екатерина, передающая Наказъ выборнымъ отъ Малороссіи. У Императрицы нѣтъ внушительнаго и величественнаго вида, съ какимъ всегда ее изображаютъ; тѣмъ не менѣе картина очень хороша. Тутъ весь дворъ, женщины въ робахъ, мущины пудреные; первыя въ прекрасныхъ и пышныхъ нарядахъ, вторые украшены орденами и сіяютъ золотомъ. Императрица Марія Александровна любитъ картины, и потому распрашивала о собраніи княгини Голицыной (Рябчикъ), въ которомъ ей называли картины Калама и Куку, обѣ отмѣнной красоты. Говорили о бывшемъ наканунѣ балѣ у супруги Эмануила Нарышкина, и единогласно отзывались, что балъ былъ прекрасный. По этому случаю Государь очень хвалилъ молодую графиню Марію Пушкину, племянницу Авроры Карамзиной. Ея миленькое личико, живость, разговоръ, все въ ней нравилось. Государь сказалъ моему брату, что онъ радъ возобновленію Главнаго Цензурнаго Комитета и по этой части имѣетъ его въ виду. Онъ прибавилъ, что представленные ему штаты сокращены и скромнѣе штатовъ Модеста *), сказалъ онъ съ улыбкою. Хозяева дома были очень милостивы, и обѣдъ прошелъ весело; онъ кончился въ 6 часовъ.

Многіе хвалятъ театръ. Безъ сомнѣнія онъ могъ бы приносить пользу; но на тѣхъ началахъ, на которыхъ онъ нынѣ существуетъ, онъ только причиняетъ вредъ. Если бы писатели, директоры театровъ и сама публика были въ добромъ и правильномъ настроеніи, тогда театръ, какъ орудіе для достиженія благой цѣли, оказался бы нелишнимъ. Въ настоящее время ожидать пользы отъ театра трудно. Писатели льстятъ страстямъ и вкусу публики изъ видовъ честолюбія или корысти; директоры, не останавливаясь вовсе на нравственной сторонѣ дѣла, только руководствуются вещественными побужденіями, а публика ищетъ однихъ сильныхъ ощущеній или смѣшныхъ пьесъ, мало заботясь о томъ, какія чувства, сильныя ощущенія пробуждаются въ душѣ

---

*) Непереводимая игра словъ: *Модестъ*, скромный и Модестъ (имя барона М. А. Корфа, которому хотѣлось устроить цензурное вѣдомство съ большими окладами жалованья). П. Б.

зрителей и чтò осмѣивается въ смѣшныхъ пьесахъ. Въ театръ ѣдутъ, чтобы провести вечеръ, и чѣмъ болѣе потрясены нервы или было непомѣрнаго смѣха, тѣмъ болѣе находятъ представленіе удовлетворительнымъ. Никто не помышляетъ о вліяніи, которое пьеса имѣла на умъ и сердце. Видно ли въ авторѣ знаніе сердце человѣческаго въ сокровенныхъ его изгибахъ? Имѣлъ ли онъ въ виду возбудить высокія чувства или поднять тѣ, которыя, какъ сокровище, лежатъ въ тайникѣ души нашей? Наконецъ, какая господствующая идея творенія? Никто не обращаетъ вниманія на серіозную сторону дѣла, развѣ только писатели, имѣя въ виду распространеніе своихъ убѣжденій, по большей части неправильныхъ и ложныхъ; а обращать театръ въ школу тлетворнаго ученія никто не можетъ одобрить или признать полезнымъ.

С.-Петербургъ, 16-го Января 1830 г.

Пришли сказать императрицѣ Маріи Александровнѣ, что въ одномъ семействѣ, составляющемъ прислугу при дворѣ, оказалась оспа. Докладывавшій говорилъ о мѣрахъ, принятыхъ, чтобы вывезти больную. Выслушавъ, Государыня сказала: «Устройте такъ, чтобы не было сношенія съ нашими дѣтьми; заведите хорошій уходъ за больною и чтобы она была въ теплѣ и снабжена всѣмъ нужнымъ, но перевозить ея не нужно. Я не желаю, чтобы подвергали кого либо опасности, особенно служащихъ при насъ людей. Господь поможетъ, и будемъ надѣяться, что это будетъ имѣть благополучный конецъ». Какая доброта и самоотверженіе въ молодыя лѣта и при малолѣтнихъ дѣтяхъ! Да благословитъ и наградитъ ее Господь!

С.-Петербургъ, 18-го Января 1860.

При дворѣ за обѣдомъ, даннымъ въ честь генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, герой торжества сидѣлъ между Императоромъ и Императрицей, и когда Государь провозгласилъ тостъ умирителя Кавказа и храброй Кавказской арміи, онъ при томъ что-то еще сказалъ въ полголоса князю Барятинскому, у котораго навернулись слезы. На обѣдѣ было 350 человѣкъ, и восторгъ присутствующихъ, конечно умѣряемый присутствіемъ Императрицы на празднествѣ, достигъ однако высокой степени. Былъ также обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ многіе обращались къ виновнику торжества съ рѣчами. Гр. Орловъ-Давыдовъ, женатый на сестрѣ князя Барятинскаго, началъ не совсѣмъ ловко. «Конечно, сказалъ онъ, князь Барятинскій одинъ ничего не сдѣлалъ бы на Кавказѣ, какъ Кесарь безъ 10-го легіона не былъ бы побѣдителемъ». Князь Вяземскій написалъ прекрасные стихи, которые читалъ князь Оболенскій, также въ свою очередь произнесшій рѣчь. Говорилъ

и Н. И. Гречъ, который, какъ старый издатель «Сѣверной Пчелы, заключилъ себя въ узкія рамки строгой офиціальности. Онъ поступилъ также не совсѣмъ съ тактомъ, когда остановилъ одного Грузина, сказавшаго: «никогда Кавказъ не былъ и не будетъ такъ счастливъ, какъ нынѣ, подъ управленіемъ князя Барятинскаго». «Почему же, подхватилъ Гречъ, *не будетъ*? Напротивъ, когда тамъ разведутся въ большемъ размѣрѣ шелководство, винодѣліе и другія отрасли, тогда развитіе его будетъ полнѣе и цвѣтущѣе». Князь Барятинскій на каждую рѣчь отвѣчалъ скромно, умно и съ достоинствомъ. Многіе, увлекаясь мечтами, представляли блестящія программы того, что̀ должно совершиться на Кавказѣ. Побѣдитель Шамиля отвѣчалъ, что все это не такъ легко, какъ думаютъ, но что конечно ничего не будетъ упущено для приведенія страны въ благоустройство.

S-t Pétersbourg, 19 Janvier 1860.

Il y a eu sur la place du palais d'hiver une parade en l'honneur du prince Bariatinsky, et au moment où le jeune maréchal parcourait les rangs, il fut pris d'une telle douleur à la jambe que force lui a été de quitter la parade avant la fin. C'est avec peine qu'on l'a fait descendre de son cheval à son retour. Ce jour-là le prince Gortchakow donnait aussi un dîner de 30 couverts pour fêter le héros du jour, qui lui écrivit un billet pour lui dire l'état où il était et s'excuser. Le mal du maréchal est la goutte, qui revient souvent et le fait beaucoup souffrir. On trouve généralement que les grandeurs et la faveur n'ont changé en rien la manière d'être du prince Bariatinsky. Ordinairement de pareils succés et une carrière si promte et si brillante tournent la tête, au point que les plus forts ne résistent pas toujours. Et bien, il est tout aussi bon et prévenant que par le passé, et tous ceux qui ont à faire à lui se louent de son accueil. Le dîner à l'hotel du Ministère des Affaires Étrangères a toujours eu lieu. C'était un bouquet de jolies femmes, la réunion a été animée, et on a beaucoup regretté l'absence de celui qu'on fêtait.—Le duc d'Oldenbourg écrit de Nice à un des officiers de sa maison que la santé de l'Impératrice-Mère n'est pas bonne: une toux sèche très persistante la tourmente beaucoup et donne des inquiétudes. Malgré la douceur du climat, la bonne Impératrice ne passe pas mieux cet hiver que celui de l'année dernière au milieu des rigeurs de notre température. Les maladies de cette princesse sont toujours ou pour la plupart du temps provoquées par des imprudences et le peu de ménagemens qu'elle prend de sa personne.

Спб., 19 Января 1860. На площади зимняго дворца былъ парадъ въ честь князя Барятинскаго, и когда молодой фельдмаршалъ объѣзжалъ ряды,

нога у него до того разболѣлась, что онъ вынужденъ былъ до окончанія парада удалиться, и его съ трудомъ свели съ лошади. Въ этотъ день кн. Горчаковъ тоже давалъ обѣдъ на 30 человѣкъ въ честь нынѣшняго героя, приславшаго ему записку, въ которой онъ говоритъ о своемъ положеніи и извиняется. Болѣзнь фельдмаршала—подагра, часто возвращающаяся и причиняющая ему большія страданія. Вообще находятъ, что отъ возвеличенія и дворской милости кн. Барятинскій нисколько не измѣнился въ своемъ обращеніи и жизни. Обыкновенно подобные успѣхи, столь быстрое и блестящее возвышеніе кружатъ голову, и самые крѣпкіе умы оказываются противъ этого безсильны. Онъ же попрежнему добръ и предупредителенъ, и всѣ имѣющіе до него дѣло не нахвалятся его пріемомъ. Обѣдъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ все-таки состоялся. Тутъ былъ цвѣтъ красавицъ, и бесѣда шла живо; жалѣли очень объ отсутствіи того, кого чествовали.—Принцъ Ольденбургскій пишетъ изъ Ниццы къ одному изъ офицеровъ своего дворца, что здоровье Императрицы-Матери нехорошо: она мучается отъ неотвязчиваго сухаго кашля и внушаетъ опасеніе. Вопреки мягкому климату, добрая Императрица переноситъ нынѣшнюю зиму не лучше, чѣмъ въ прошломъ году, когда она жила въ нашей стужѣ. Болѣзни этой Государыни всегда или по большей части происходятъ отъ неосторожности и отъ того, что она мало бережетъ себя.*

S-t Pétersbourg, 23 Janvier 1860.

Mon frère a eu l'honneur de dîner chez l'Empereur, où se trouvaient aussi les Meyendorff, la princesse Saltikow et le prince Gagarine. A dîner on a reçu un thélégrame assez satisfaisant de Nice sur la santé de l'Impératrice-Mère; mais comme il était signé par Carell, l'Empereur a eu un petit saisissement en ouvrant la dépêche. La baronne Mayendorff a dit à mon frère que, d'après les nouvelles qu'elle a de son côté, l' Impératrice n'était pas bien. Le dîner était animé, et l'Empereur a commencé par annoncer la nouvelle de la soumission d'une tribue au Caucase. Puis il s'est entretenu avec mon frère sur la Censure, disant qu'il était impatient de voir le Conseil Supérieur de Censure, tel qu'on vient de l'organiser, commencer à fonctioner. Il a été loin de goûter le projet de m-r Pirogow, le curateur de l'université de Kiew, de faire admettre dans les universités avec la plus grande facilité, sans aucun examen, tous ceux qui désiraient y entrer, même les paysans. L'Empereur a dit que les universités deviendraient alors autant de cabarets. L'Impératrice, de son coté, a parlé des instituts, surtout sur le rapport des changemens que subissent en ce moment les établissemens de crédit. S. M. était contrarié de ce qu'on enlevait les capitaux aux instituts et, approuvant l'emploi que mon frère avait fait dans le sien des sommes provenant des économies sur certains articles en les appliquant aux différents besoins et nécessités de l'établissement. l'Impératrice a été satisfaite surtout d'apprendre que les élèves de l'institut, d'après une disposition récente, allaient avoir à leur dîner de boeuf trois fois par semaine. C'est à l'absence de cet aliment ou à son

rare usage qu'on attribue généralement le grand nombre d'élèves atteintes de scrophules dans nos établissemens. Désormais, pour ne pas passer les épargnes au Ministère des Finances, on se gardera de les signaler et on les aura en réserve pour ses propres besoins.

Спб. 23 Января 1860 г. Братъ мой имѣлъ честь обѣдать у Государя, гдѣ находились также Мейендорфы, кн. Салтыкова и кн. Гагаринъ. За обѣдомъ получена была довольно успокоительная телеграмма изъ Ниццы о здоровьѣ Императрицы-Матери; но такъ какъ телеграмма подписана была Карелемъ, то, вскрывая депешу, Государь нѣсколько встревожился. Баронесса Мейендорфъ сказала моему брату, что по ея извѣстіямъ Императрицѣ нехорошо. Обѣдъ прошелъ весело, и въ самомъ началѣ Государь объявилъ, что одно Кавказское племя покорилось. Потомъ онъ разговаривалъ съ моимъ братомъ о цензурѣ и сказалъ, что ждетъ не дождется, когда начнетъ дѣйствовать Главный Цензурный Совѣтъ въ томъ видѣ, какъ его теперь устроили. Онъ вовсе не одобрялъ проекта г-на Пирогова, попечителя Кіевскаго университета, о всяческомъ облегченіи доступа въ университеты, такъ, чтобы всѣ желающіе въ него вступить, даже и крестьяне, не подвергались экзамену. Государь сказалъ, что тогда будетъ столько же университетовъ сколько и кабаковъ. Съ своей стороны Государыня говорила объ институтахъ и особенно объ измѣненіяхъ, которыя теперь производятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Ея Величество не довольна тѣмъ, что у институтовъ отняты капиталы, но одобряетъ моего брата за то, что онъ въ своемъ институтѣ обратилъ суммы, сбереженныя по извѣстнымъ статьямъ, на разныя нужды и потребности заведенія. Особенно Государыня довольна, что воспитанницы института по новому распоряженію будутъ имѣть за обѣдомъ говядину три раза въ недѣлю. Отсутствію этой пищи или рѣдкому ея употребленію приписываютъ вообще въ нашихъ заведеніяхъ распространеніе золотухи. Отнынѣ, чтобы не отдавать этихъ сбереженій Министерству Финансовъ, не будутъ заявлять о нихъ, а станутъ удерживать про запасъ для своихъ нуждъ.

С.-Петербургъ, 24-го Января 1860.

Былъ обѣдъ у князя Орлова въ честь князя Барятинскаго, который не пріѣхалъ по случаю сильнаго припадка подагры, но присутствовали всѣ министры и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта. Приглашеніе пришло и къ брату, который слышалъ тамъ, что у фельдмаршала очень распухли ноги въ колѣнахъ и боль безпрестанно переносится то въ руку, то въ плечо и такимъ образомъ можетъ обратиться и къ сердцу, пораженіе котораго въ подобныхъ случаяхъ смертельно. Люди придворные, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, узнавъ, что братъ обѣдалъ или былъ приглашенъ къ Государю, на другой день являются, вспоминаютъ прежнюю дружбу, выговариваютъ, зачѣмъ онъ не далъ знать о своемъ пріѣздѣ и осыпаютъ всякаго рода привѣтствіями и любезностями. Такъ сегодня посѣтилъ *, который между прочимъ жаловался *на людей въ случаѣ*, не хотящихъ знать старыхъ знакомыхъ.

S-t Pétersbourg, 27 Janvier 1860.

On vient de m'apprendre que le pr. Michel Galitsine, ministre à Madrid, est atteint d'une maladie grave et qui donne des inquiétudes

à sa femme. Cet homme paraissait avoir tout pour être heureux: une compagne charmante, un enfant qui se développe de manière à donner des espérances, une grande fortune, un grand nom, et enfin un poste, auquel à la vérité il est arrivé tard, mais d'une manière flatteuse pour lui et en parfaite conformité avec ses goûts. Au moment, où, maître de sa fortune, il pouvait croire qu'il jouirait en plein de la vie et de tous les avantages qu'elle lui offre, c'est alors qu'il doit la clore. Une éducation faussée lui a donné une direction qui n'était pas tout à fait analogue à sa position; un penchant exagéré pour l'étranger et malheureusement un éloignement pour son propre pays, suites inévitables de cette éducation, l'ont empêché d'être utile à sa partie, autant qu'il l'aurait pu. Il est juste de dire qu'en ce qui lui manque, ce sont les autres qui en sont fautifs; mais ce qu'il possède il ne le doit à personne et le porte dans sa nature douée d'un esprit distingué, d'un coeur affectueux et d'une amabilité qui est très apprécieuse et le fait rechercher dans le monde.

Спб. 27 Янв. 1860 г. Мнѣ сказали, что князь Михаилъ Голицынъ, посланникъ въ Мадридѣ, тяжко заболѣлъ и что жена его о немъ безпокоится. Человѣкъ этотъ, казалось, имѣлъ все, чтобы быть счастливу: прекрасную подругу *), подрастающаго и подающаго надежды ребенка, большое состояніе, громкое имя и наконецъ должность, которую, правда, онъ получилъ поздно, но лестнымъ для него образомъ и въ полномъ соотвѣтствіи съ его вкусами. И теперь, когда онъ могъ думать, что будетъ по произволу вполнѣ наслаждаться жизнью и всѣми ея преимуществами, приходится ему съ нею разставаться. Неправильное воспитаніе сообщило ему направленіе, не вполнѣ соотвѣтствующее его положенію; преувеличенная склонность къ чужеземщинѣ и по несчастью отчужденіе отъ своей собственной страны, эти неизбѣжные плоды такого воспитанія, воспрепятствовали ему принести своему отечеству ту пользу, которую онъ бы могъ. Надо сказать правду, что въ этомъ виноваты не онъ, а другіе, а то что̀ въ немъ есть, этимъ онъ обязанъ себѣ лично и своей даровитой природѣ: отличный умъ, любящее сердце и весьма пріятная обходительность, благодаря которымъ ищутъ его общества.

С.-Петербургъ, 28-го Января 1860.

Въ Совѣтъ Министровъ, который собирается у Государя, въ послѣдній разъ привезли князя Барятинскаго въ креслахъ. Разсуждали о сооруженіи церквей на Кавказѣ и Закавказскомъ краю. Въ засѣданіе были призваны также Кіевскій митрополитъ Исидоръ, бывшій долго экзархомъ Грузіи, и оберъ-прокуроръ Синода гр. Толстой. Князь Барятинскій предложилъ обложить податью ордена̀, полагая по 10 р. с. съ о̀рдена, а такъ какъ кавалеровъ считается до 80.000, то выручилась бы сумма 800,000 р. с. Признали неудобнымъ въ этой мѣрѣ, что она имѣла бы обратное дѣйствіе, была бы стѣсненіемъ для бѣдныхъ

*) Нынѣ графиню Остенъ-Сакенъ, супругу нашего посла въ Берлинѣ. П. Б.

чиновниковъ, встрѣтила бы затрудненія при исполненіи. Въ заключеніе самъ князь Барятинскій отсталъ отъ своего мнѣнія, и мѣра была оставлена. Потомъ разсуждали объ учрежденіи новаго ордена.

С.-Петербургъ, 30-го Января 1860.

Князь Барятинскій предлагалъ учредить новый орденъ, который бы носили Императоръ и члены его семейства и который пользовался бы одинаковымъ почетомъ съ Андреевской лентой. Учрежденіе ордена имѣло цѣлью доставить деньги для сооруженія церквей на Кавказѣ. Степеней ордена было бы нѣсколько. На нихъ полагали составить таксу, такъ что, начиная съ нисшей до высшей, можно было при нѣкоторомъ пожертвованіи ихъ пріобрѣтать или, короче, покупать. Это предложеніе, какъ вовсе несовмѣстное съ достоинствомъ верховной власти и не практическое, устранено. Въ заключеніе бывшаго у Государя засѣданія по сему предмету рѣшили ограничиться заведеніемъ кружки и добровольными пожертвованіями.

С.-Петербургъ, 1-го Февраля 1860.

Читали адресъ Владимирскаго дворянства, написанный въ почтительномъ тонѣ, но испрашивающій радикальныя перемѣны и въ числѣ ихъ гласный и словесный судъ. Чтó будетъ дѣлать правительство, если за этимъ адресомъ послѣдуютъ и другіе? Право, не трудно было предвидѣть, чтò происходитъ теперь. Таковъ естественный ходъ вещей, и не было причины думать, что онъ измѣнится для насъ. Архіерей - викарій, отъѣзжая въ Смоленскую епархію, призналъ нужнымъ сказать слово въ институтѣ, гдѣ совершалъ богослуженіе по приглашенію генералъ-губернатора. На другой день вышла въ газетѣ статья, въ которой раскритиковали и осмѣяли слово пастыря. Статья написана прогресситомъ въ неприличныхъ выраженіяхъ; но спрашивается, какой будетъ имѣть авторитетъ проповѣдь, произнесенная въ храмѣ, съ каѳедры христіанской, если допущена будетъ возможность каждому встрѣчному и поперечному судить и рядить о ней вкривь и вкось, въ печати? Это первый случай, на который безъ сомнѣнія обратятъ должное вниманіе.

С.-Петербургъ, 3-го Февраля 1860 г.

Узнаю, что Ростовцевъ очень плохъ. Кровь его портится, и врачи приговорили его къ смерти. Онъ умираетъ подъ бременемъ ноши, которая была ему не по силамъ. Представляется удобный случай дѣло поправить, назначивъ на его мѣсто человѣка опытнаго и способнаго. Называли Карла Ламберта и Валуева, людей дѣльныхъ, изъ коихъ послѣдній не по вкусу принадлежащимъ къ крайней партіи либера-

ламъ. Впрочемъ, кажется останется предсѣдателемъ коммиссіи Булгаковъ, человѣкъ умный, но безъ убѣжденій и который будетъ дѣйствовать, какъ повѣетъ вѣтеръ. Государь недавно говорилъ Орловскому губ. предводителю Апраксину, что напрасно думаетъ дворянство, что онъ дастъ его въ обиду; напротивъ, сказалъ Императоръ, я твердо рѣшилъ соблюсти выгоды и интересы перваго сословія въ государствѣ.

S-t Pétersbourg, 4 Février 1860.

D'après les dernières nouvelles de Nice, la santé de l'Impératrice s'est améliorée; elle a pu quitter le lit et, assise sur une couchette, a été à même de recevoir quelques personnes, entre autres le prince Troubetskoy, le président de Moscou. Ce jour-là l'Impératrice gardait encore le lit. Aussi, quand le prince est entré, l'auguste malade lui dit: Nous sommes si vieux tous les deux, qu'il n'y a pas d'inconvenient pour moi de vous recevoir comme je le fais. Pourtant la faiblesse est encore si grande que les réceptions qui n'ont pour but que d'offrir quelque distraction à l'Impératrice ne durent guère. Dieu veuille remettre et fortifier cette angélique souveraine.

Спб. 4 Февраля 1860 г. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Ниццы здоровье Императрицы поправилось; она могла сойти съ постели и, сидя на кушеткѣ, даже принимала нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ Московскаго президента кн. Трубецкаго *). Его она приняла еще въ постели и когда князь взошелъ къ ней, августѣйшая больная сказала ему: „Мы оба такъ стары, что тутъ нѣтъ неприличія, что я васъ такъ принимаю". Однако она еще очень слаба, и представленія продолжаются недолго, служа только къ нѣкоторому развлеченію Императрицы. Дай Богъ, чтобы поправилась и укрѣпилась эта добрѣйшая Государыня.

С.-Петербургъ, 5-го Февраля 1860.

Вчера сказывали мнѣ, что Ѳ. И. Прянишникову сдѣлалось дурно по возвращеніи съ прогулки. Одинъ разъ я посѣтилъ его вмѣстѣ съ братомъ, чтобы полюбоваться его собраніемъ картинъ Русскихъ художниковъ. Послѣ, когда намъ случалось встрѣтиться, мы даже не заводили рѣчи. Прянишниковъ, находясь подъ начальствомъ князя А. Н. Голицына и К. А. Булгакова и слѣдуя примѣру этихъ добрыхъ и услужливыхъ людей, самъ отличается тѣми же прекрасными качествами. Онъ очень хорошъ къ своимъ подчиненнымъ и поступаетъ съ ними отечески. Я былъ пораженъ извѣстіемъ о случившейся съ нимъ дурнотѣ и, не смотря, что часто, могу сказать ежедневно, думаю о смерти, не могу сродниться съ мыслью о ней. Зрѣлище смерти, какъ то измѣненіе въ чертахъ лица, разложеніе, запахъ и проч. не располагаютъ къ тому, чтобы мысль о ней внушала къ себѣ сочувствіе.

---

*) Президентъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, кн Николай Ивановичъ Трубецкой, двоюродный братъ писавшаго. П. Б.

S-t Pétersbourg, 6 Février 1860.

En rentrant du bal à trois heures après minuit, l'Empereur apprit que Rostovtsow était à ses derniers momens. Il changea de toilette et se rendit de suite auprès du malade, qui était agonissant; aussi à 7 h. il rendit le dernier soupir. L'Empereur, vivement impressionné, pleura beaucoup. On contremanda le bal, qui devait avoir lieu le lendemain Dimanche à la cour. On dit que dans son délire le défunt prononça ces paroles: Ne craignez pas, Sire (не бойся, Государь). Il avait déclaré à son médecin qu'il ne le guérirait pas par la raison que son mal provenait d'une cause morale. Rostovtsow était excellent pour sa femme, ses enfants et ses vassaux. Il eut le mérite, après avoir quitté l'établissement où il reçut son éducation, de suppléer pas un travail très suivi à tout ce qu'elle laissait à désirer. Plein de zèle et de dévouement pour le service de son souverain et pénétré de la nécessité de mener à bonne fin la tâche qui lui a été confiée, il y mit de l'ardeur. Son grand tort avait été de s'entourer de gens qui ne représentaient que l'opinion d'une minorité, qui le déborda bientôt et dont il ne tarda pas à devenir le jouet ou plutôt l'instrument aveugle.

Спб. 6 Февр. 1860. Возвратившись въ три часа пополуночи съ бала, Государь узналъ, что Ростовцовъ умираетъ. Онъ переодѣлся и тотчасъ отправился къ больному, который былъ при послѣднемъ издыханіи. Въ семь часовъ онъ скончался. Государь, чрезвычайно огорченный, много плакалъ. Отмѣнили балъ, назначенный при дворѣ въ наступающее Воскресенье. Разсказываютъ, что въ бреду покойный произнесъ слѣдующія слова: „не бойся, Государь“. Врачу своему онъ объявилъ, что онъ его не вылечитъ, такъ какъ болѣзнь его происходитъ отъ причины нравственной. Ростовцовъ былъ превосходный мужъ, превосходный отецъ и начальникъ. По выходѣ изъ заведенія, гдѣ онъ получилъ свое воспитаніе, упорнымъ трудомъ онъ восполнилъ недостатки онаго. Полный усердія и преданности къ службѣ своего государя, онъ былъ проникнутъ мыслію довести къ доброму концу довѣренное ему дѣло и горячо имъ занимался. Большая его ошибка состояла въ томъ, что онъ окружилъ себя людьми, которые были выразителями мнѣнія меньшинства, они его пересилили, и онъ сдѣлался игрушкою или скорѣе слѣпымъ орудіемъ ихъ мнѣній.

С.-Петербургъ, 9-го Февраля 1860.

Государь и великіе князья были на похоронахъ Ростовцова. Имраторъ пріѣхалъ на выносъ и самъ несъ гробъ, что̀ повторилось потомъ отъ церкви до могилы: очень понятное увлеченіе сердца, котораго многіе не одобряютъ, полагая, что подобныя дѣйствія роняютъ достоинство императорскаго сана. Можетъ быть, Государь зналъ въ Ростовцовѣ добродѣтели, которыхъ не знали другіе и которыя утвердили его дружбу и привязанность къ почившему. Вмѣстѣ съ Императоромъ несли гробъ великіе князья и прапорщики. Послѣднимъ нельзя

было отказать въ этомъ изъявленіи ихъ уваженія и признательности къ покойному. По возвращеніи Государя отъ могилы, онъ уже никого не нашелъ: ибо всѣ разъѣхались.

С.-Петербургъ, 11-го Февраля 1860.

На мѣсто Ростовцова назначенъ графъ Панинъ, который передаетъ Министерство Юстиціи своему товарищу, чтобы вполнѣ и исключительно заняться крестьянскимъ дѣломъ. Выборъ человѣка, который считается однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ, представляетъ ручательство землевладѣльцамъ, что ихъ интересы будутъ соблюдены. Графъ Панинъ уменъ, образованъ и даже ученъ. Прежде о немъ говорили, что онъ прекрасно излагаетъ дѣло, но приходитъ къ заключенію не всегда вѣрному. Съ нѣкотораго времени замѣчаютъ, что этотъ недостатокъ исчезъ и что дѣлаемые имъ выводы отличаются особенною правильностью. Владимирское дворянство прислало адресъ, который я читалъ у И. Д. М.*) и гдѣ оно ходатайствуетъ о введеніи нѣкоторыхъ радикальныхъ перемѣнъ и о дарованіи ему правъ. Полагали было распубликовать дворянство; но мѣра эта не нашла одобренія, потому что правительство не должно содѣйствовать распространенію извѣстій о неправильныхъ дѣйствіяхъ дворянства. Остановились на томъ, чтобы сдѣлать строжайшій выговоръ предводителямъ дворянства.

S-t Pétersbourg, 12 Février 1860.

Mon frère a dîné aujourd'hui chez l'Empereur, où se trouvaient aussi la p-esse Wiasemsky, la comtesse Bloudow et le prince Pierre Wiasemsky. On a parlé de la modestie du p-ce Bariatinsky, qui, a dit l'Empereur, est l'apanage du talent et la qualité d'un véritable gentilhomme. Cette vertu est bien rare, poursuivait le même personnage, et le prince P . . . . tch ne l'avait pas du tout; au contraire, on remarquait facilement en lui le parvenu. Il est juste d'ajouter que lui-même convenait, qu'il n'appartenait pas à la classe élévée de la société. L'Empereur a dit ensuite qu'au bal du gouverneur-général le p-ce Bariatinsky, faisant la partie, a été vivement attaqué par les dames, qui jouaient avec lui et qui avaient trouvé qu'il faisait faute sur faute au jeu. Le pr. Bariatinsky, le général Yermolow et Chamil étaient pendant tout le temps inséparables. Yermolow, agé de 83 ans, se faisait porter pour ne pas manquer aux réunions qui eurent lieu pour fêter le maréchal. Les rues sont tellement encombrées de neige que le frère du héros du jour, le prince Anatole, s'est cassé une côte, et ces accidents sont très nombreux.

---

*) Илья Дмитріевичъ Мухановъ, двоюродный братъ писавшаго. П. Б.

С.-Пб. 12 Февраля 1860 г. Братъ мой сегодня обѣдалъ у Государя, гдѣ были также княгиня Вяземская, графиня Блудова и князь Петръ Вяземскій. Говорили о скромности князя Барятинскаго, которая, по словамъ Государя, есть принадлежность дарованія и свойственна настоящему дворянину. „Эта добродѣтель очень рѣдка, продолжалъ Государь, и ея вовсе не было у князя П . . . . а; сейчасъ можно было замѣтить, что онъ незнатнаго рода; справедливость требуетъ прибавить, что и самъ онъ признавалъ, что не принадлежитъ къ высшему кругу общества". Потомъ Государь сказывалъ, что на балѣ у генералъ-губернатора на князя Барятинскаго очень нападали игравшія съ нимъ въ карты дамы и безпрестанно уличали его, что онъ не умѣетъ играть. Князь Барятинскій, генералъ Ермоловъ и Шамиль все время появлялись вмѣстѣ. Восьмидесяти-трехъ-лѣтній Ермоловъ нарочно приказывалъ себя приносить въ собраніе, гдѣ чествовали фельдмаршала. Улицы до того завалены снѣгомъ, что братъ нынѣшняго героя, князь Анатолій, сломалъ себѣ ребро; такіе случаи теперь очень часты.

С.-Пб. 13 Февраля 1860 г.

У великой княгини Елены Павловны былъ въ тотъ же день балъ великолѣпный и до 1.000 человѣкъ посѣтителей. Она всѣми признана мастерицею устраивать праздники и плѣнять своимъ умомъ. Еслибы эта умная женщина не мѣшалась въ государственныя дѣла, то она, конечно, была бы украшеніемъ нашего двора. На балѣ были и маски, которыя болѣе или менѣе удачно мистифировали Государя, великихъ князей и все общество. Одна изъ нихъ подошла къ Государю и сказала ему: не можете ли вы указать мнѣ на Англійскаго министра?—А зачѣмъ вамъ его? спросилъ Императоръ.—Чтобы принесть ему жалобу на его соотечественника, который въ гостиницѣ живетъ въ номерѣ рядомъ со мною и не даетъ мнѣ покою ни днемъ, ни ночью.—Узнали ли вы его имя? спросилъ Государь.—Узналъ, отвѣчала маска: его зовутъ г-нъ Уатеръ-Клозетъ.—Другая маска обратилась съ слѣдующимъ къ генералу Тимашеву: «Назначеніе графа Панина меня очень разстроило, и я едва держусь на ногахъ, которыя трясутся; я Муравьевъ». Извѣстно, что министру государственныхъ имуществъ хотѣлось занять мѣсто Ростовцова.—Государь ходилъ по заламъ, а потомъ игралъ въ карты. Участвовавшіе въ партіи были кн. Суворовъ, Ив. Матв. Толстой и братъ, который возвратился домой около 4-хъ часовъ пополуночи. Вообще праздникъ заслужилъ общее одобреніе.

S-t Pétersbourg, 14 Février 1860.

C'était la folle journée qui s'est passée à la cour: dîner, danses le matin et danses le soir. Mon frère a été invité au dîner et au bal. On nous a dit plus tard que c'était une distinction particulière qu'une invitation au dîner. En effet, malgré que l'on comptait près de deux cents convives, à part les personnes dansantes, le nombre des invités était très restreint. Il y avait de l'animation et de l'entrain. La jeunesse ne

quittait pas le parquet, les gens sérieux causaient et ceux qui ne goûtent pas le plaisir de la conversation, faisaient la partie. Comme chacun avait ce qui lui fallait, tout le monde était content. A dîner on portait le frac, au bal l'uniforme. A minuit la famille impériale s'est retirée, et ainsi le signal du départ avait été donné à tout le monde: le temps de le pénitence, le carême venait de commencer. Le carnaval était très bruyant; on a dansé tous les jours, et le bal dont on s'est surtout préoccupé, était celui de m-me Karamzine. Le goût et l'élégance qui présidaient à l'arrangement, l'éclat de la fête et les brillantes toilettes eurent l'admiration générale. On goûta aussi la pièce qui fut jouée à trois par les deux nièces et le fils de la maîtresse de la maison. Tout ce tumulte de dissipation a fait place au silence du recueillement.

С.-Пб. 14 Февраля 1860 г. При дворѣ былъ суматошный день (folle journée): обѣдали, танцовали утромъ, танцовали вечеромъ. Брата моего пригласили къ обѣду и на балъ; намъ потомъ говорили, что приглашеніе къ обѣду есть особенное отличіе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя обѣдало около двухъ сотъ человѣкъ кромѣ танцующихъ, число приглашенныхъ было весьма ограниченное. Веселились живо и съ увлеченіемъ. Молодежь не сходила съ паркета, люди важные бесѣдовали, а неохотники до разговоровъ играли въ карты. Такъ какъ всякій удовлетворенъ былъ посвоему, то всѣ и были довольны. За обѣдомъ фракъ, на балу мундиръ. Царское семейство удалилось въ полночь, чѣмъ поданъ былъ для всѣхъ знакъ къ разъѣзду: началось время покаянія и поста. Масляница прошла очень шумно; всѣ дни танцовали. Всѣхъ замѣчательнѣе былъ балъ у Карамзиной; вкусъ и изящество въ устройствѣ и блестящіе наряды возбуждали всеобщее удивленіе на этомъ праздникѣ. Хвалили также представленіе въ трехъ лицахъ: двѣ племянницы и сынъ хозяйки дома. Весь этотъ вихрь развлеченій уступилъ мѣсто сосредоточенной тишинѣ.

С.-Пб. 15 Февраля 1860 г.

Депутаты, вызванные изъ губерній для обсужденія мнѣній Редакціонныхъ Коммиссій по крестьянскому дѣлу, нынѣ напечатали въ Лейпцигѣ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургѣ. Приняли ихъ здѣсь какъ людей, призванныхъ для отобранія отъ нихъ свѣдѣній мѣстныхъ, а не для важнаго дѣла; не дозволили имъ собираться офиціально для совѣщаній, что̀ повлекло бы за собой разногласіе; не вели протоколовъ возраженій, дѣлаемыхъ ими въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, чтобы не оставалось и слѣда какого либо дѣльнаго замѣчанія. Отчетъ написанъ умно, открыта истина, но представлена самымъ благовиднымъ и приличнымъ образомъ. Все, что̀ произошло, приписывается предсѣдателю и вліятельнымъ членамъ Редакціонныхъ Коммиссій. У писавшаго брошюру твердое убѣжденіе, что дѣйствія или лучше образъ дѣйствія Коммиссій неизвѣстенъ Государю: иначе онѣ дѣйствовали бы иначе. Вся надежда возлагается единственно на Царя благодушнаго и исполненнаго благихъ намѣреній и желаній.

С.-Пб. 19 Февраля 1860 г.

Генералъ Кушелевъ, полковой командиръ Измайловскаго полка, разсказывалъ, что, командуя нѣкогда другимъ полкомъ, онъ стоялъ въ Новгородѣ, гдѣ скучалъ по неимѣнію знакомыхъ. Ему сказали, что недалеко отъ города есть пріятное семейство Ермоловыхъ, живущее въ своемъ помѣстьѣ. Кушелевъ, желая провести сносно время, рѣшился къ нимъ ѣхать. Тамъ занимались кружащимися и пишущими столами. Онъ мысленно спросилъ у одного пишущаго стола, гдѣ его мебель, о которой безпокоился (ибо, отправленная водою, она не являлась). Отвѣтъ былъ: мебель при входѣ въ Ильмень, и судно, на которомъ она нагружена, за противнымъ вѣтромъ, не можетъ идти далѣе. По возвращеніи въ Новгородъ, было взято свѣдѣніе, и точно, сказанное столомъ оказалось справедливо.

С.-Пб. 21 Февраля 1860 г.

Вотъ еще случай, разсказанный тѣмъ же Кушелевымъ. Пріѣхавъ изъ Новгорода въ Петербургъ, онъ представлялся и, уходя съ представленія, встрѣтилъ Государя-Наслѣдника, который, по милостивому расположенію, сказалъ ему: а мы думаемъ, какъ бы тебя перетащить къ намъ. Кушелевъ возвратился въ полкъ. Однажды, сидя съ женой, отъ нечего дѣлать, онъ предложилъ спросить у стола, измѣнится ли его судьба и скоро ли? Столъ отвѣчалъ: назначеніе послѣдуетъ 26-го числа слѣдующаго мѣсяца полковымъ командиромъ Измайловскаго полка. Дѣйствительно, извѣстіе о назначеніи не замедлило придти. Замѣчательно, что предмѣстникъ новаго командира былъ молодой, здоровый человѣкъ, который внезапно занемогъ и умеръ.

С.-Пб. 20 Марта 1860 г.

Въ Университетѣ былъ ученый поединокъ между академикомъ Погодинымъ и профессоромъ Костомаровымъ: одинъ производитъ Русь отъ Норманов, а другой изъ Литвы. Публики стеклось много, и всѣ съ понятнымъ любопытствомъ ожидали пренія. Оно началось; но студенты, которые составляли большинство слушателей, безпрестанно мѣшали дѣлу рукоплесканіями и всякими знаками одобренія или неодобренія. Какое неуваженіе къ наукѣ, и гдѣ и отъ кого! Въ самомъ ея святилищѣ и отъ тѣхъ, которые приходятъ туда за ея сокровищами. Потомъ какое пренебреженіе къ публикѣ, которая къ изумленію своему находитъ невѣжливость и какую-то грубость тамъ, гдѣ центръ просвѣщенія, изъ котораго должно исходить все доброе и прекрасное! По окончаніи пренія, студенты бросились на состязателей, подхватили ихъ и понесли. При этомъ расположеніи жаль, что имъ не привелось

жить въ Индіи, гдѣ вмѣсто экипажей употребляютъ паланкины или въ Дрезденѣ, гдѣ обыкновенно на вечера отправляются на носилкахъ: тамъ крайне нуждаются въ носильщикахъ.

S-t. Pétersbourg, 21 Mars 1860.

Le 18 de Mars la nouvelle est arrivée que la veille le prince Michel Galitzine est décédé à Monpelier. On le croyait gravement atteint, les nouvelles empiraient toujours, et pourtant on se refusait à croire à la possibilité prochaine d'une nouvelle fatale. Un esprit cultivé, un bon coeur, beaucoup d'urbanité, l'ancienne amabilité du bon vieux temps donnaient au commerce du prince Galitzine un grand charme. Sa manière de conter était généralement goûtée, et c'est avec un intérêt tout particulier qu'on aimait à le suivre dans ses récits sur l'Espagne. Sa position de ministre à Madrid le mettait à même de savoir beaucoup de détails intimes sur la reine et sur la cour. Il avait de nobles goûts et aimait les tableaux, les statues, les anciennes meubles; mais ce qui devenait chez lui une passion, c'était sa prédilection pour les anciens bouquins. Ainsi, quand un petit volume de modeste apparence, mais précieux à ces yeux, tombait dans les mains de notre bibliomane, il en était tout heureux et quelque fois ému jusqu' aux larmes. Il portait son volume dans la poche (le dernier acquis), le tirait de temps en temps, l'examinait avec un certain attendrissement et le dérobait bien vite aux yeux de ceux qui n'étaient pas à même d'apprécier son trésor.

С.-Пб. 21 Марта 1860 г. 18 Марта пришло извѣстіе, что наканунѣ въ Монпелье умеръ князь Михаилъ Голицынъ. Считали, что онъ тяжко боленъ; извѣстія получались все тревожнѣе, но не полагали, что конецъ такъ близокъ. Просвѣщенный умъ, доброе сердце, много вѣжливости, старинная любезность добраго прежняго времени сообщали большую прелесть сношеніямъ съ княземъ Голицынымъ. Всѣмъ нравились его разсказы, и въ особенности любили слушать, какъ онъ говорилъ объ Испаніи. Будучи посломъ въ Мадридѣ, онъ имѣлъ возможность знать много частныхъ подробностей о королевѣ и дворѣ. У князя были благородные вкусы; онъ любилъ картины, статуи, старинную мебель, но особенною страстью была у него любовь къ старымъ книгамъ. Когда библіоманъ нашъ пріобрѣталъ какую-нибудь маленькую книжку, съ виду незначительную, но въ его глазахъ цѣнную, онъ становился вполнѣ счастливъ и даже плакалъ отъ радости. Книжку эту (послѣднее пріобрѣтеніе) клалъ онъ себѣ въ карманъ, отъ времени до времени вынималъ оттуда, разсматривалъ съ какою-то нѣжностью и вскорѣ пряталъ отъ тѣхъ, кто не въ состояніи былъ оцѣнить его сокровище.

С.-Пб., 24 Марта 1860 г.

Въ послѣднее время происходили выборы, которые обратили на себя общее вниманіе. Были попытки въ нѣкоторыхъ проектахъ адреса Государю просить измѣненія постановленій. Нѣкто П..., побочный сынъ князя Зубова, настаивалъ особенно на прочтеніи заготов-

ленной имъ записки; но благоразуміе и спокойствіе предсѣдателя и собранія отклонили его предложеніе. Самый приличный проектъ адреса представилъ флигель-адъютантъ графъ Андрей Шуваловъ; но онъ, къ сожалѣнію, не былъ одобренъ. Тогда составили другой, которымъ читавшіе его сановники остались недовольны. Предварительно читалъ его и Государь, на котораго онъ также произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. Вѣроятно въ настоящихъ обстоятельствахъ правительство само ожидало чего нибудь подобнаго. Это было неизбѣжно. Думаю впрочемъ, что такія изъявленія, если на нихъ не обращать вниманія, скоро прекратятся и не оставятъ по себѣ слѣда.

S-t Pétersbourg, 25 Mars 1860.

Il y a eu soirée chez la gr.-d. Hélène, où, en présense de l'Empereur, un prestigitateur, nommé Philippe, fit les frais de la soirée et étonna les assistans par l'adresse et l'agilité qu'il mit à s'acquitter de sa besogne. Ainsi, par exemple, étant vêtu d'un vêtement large, espèce de robe de chambre, qu'il lève souvent pour faire voir qu'il n'y a rien dessous, à la suite de différents mouvements il présenta à la société un baquet d'eau rempli de poissons vivants; plus tard il produisit des poules et des canards. Ce tour des animaux n'a pas été trouvé joli, car ils paraissaient sortir de sous sa robe de chambre. Ensuite il a demandé des bagues à des dames, les mit dans un chapeau qui servait à faire une omelette et à entretenir un feu ardent, sans aucun préjudice pour le chapeau, et fit voir à plusieurs reprises que les bagues étaient toujours là. Puis le prestigitateur ferma le chapeau, le secoua plusieurs fois, et il en fit sortir des pigeons avec des rubans au col noués par les bagues qu'on lui avait confiées. Ce tour fut trouvé charmant et amusa la société.

С.-Пб. 25 Марта 1860 г. Былъ вечеръ у великой княгини Елены. Фокусникъ, по имени Филиппъ, въ присутствіи Государя, занималъ собою и удивлялъ присутствующихъ ловкостью и быстротою въ исполненіи своего дѣла. Такъ, напр., будучи одѣтъ въ широкое платье въ родѣ халата, онъ часто подымалъ его, показывая, что подъ нимъ ничего нѣтъ и послѣ разныхъ движеній представлялъ обществу чашу съ водою и живыми рыбами; затѣмъ онъ выводилъ цыплятъ и утокъ. Эти штуки съ животными не понравились, такъ какъ, повидимому, животныя появлялись изъ-подъ его халата. Потомъ онъ спросилъ колецъ у дамъ и положилъ ихъ въ шапку, чтобы сдѣлать яичницу; шляпу держалъ онъ на сильномъ огнѣ, и она не сгорала, а онъ показывалъ нѣсколько разъ, что въ ней лежатъ кольца. Затѣмъ онъ закрылъ шляпу, нѣсколько разъ ее встряхивалъ, и оттуда вышли голуби съ лентами на шеѣ, которыя были прикрѣплены довѣренными ему кольцами. Этотъ фокусъ понравился и позабавилъ общество.

С.-Пб., 26 Марта 1860 г.

Въ Казанскомъ соборѣ совершалось Греческое богослуженіе, при коемъ присутствовали въ началѣ Греки, потомъ стали приходить православные и особенно раскольники, которыхъ усердіе общее обращаетъ на себя вниманіе. Время отъ времени число этихъ посѣтителей росло. Наконецъ многіе изъ нихъ объявили, что, довѣряя вполнѣ самому древнему богослуженію, они желали бы снова быть обвѣнчанными. Дѣйствительно, на прошеніе ихъ послѣдовало разрѣшеніе Синода. Если бы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много раскольниковъ, завести Греческое богослуженіе, легко можетъ быть, что расколъ исчезъ бы самъ собою. Впрочемъ и здѣсь надо ожидать благопріятныхъ послѣдствій.

С.-Пб., 28 Марта 1860 г.

Умеръ юный князь Куракинъ*), кавалергардскій офицеръ, любимый товарищами и въ обществѣ. Онъ говорилъ передъ смертью духовнику, что намѣревался измѣнить образъ жизни и не предаваться свѣту. «Трудно было бы исполнить», сказалъ священникъ.—«Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ умирающій, желаю умереть».

С.-Пб., 1 Апрѣля 1860 г.

Чашниковъ, женатый на Бибиковой, жилъ въ деревнѣ. Сосѣдями его были графъ В., отецъ недавно умершаго графа В. Д. и Нарышкинъ, отецъ Дмитрія Ивановича, женатаго на Бартеневой. У Чашникова былъ родственникъ горбунъ, лице довѣренное, которое онъ употреблялъ по своимъ дѣламъ. Извѣстно, что онъ занимался производствомъ фальшивыхъ ассигнацій. Фабрика устроена была на мельницѣ, такъ что при первой необходимости можно было спустить воду, которая въ одно мгновеніе могла унести все заведеніе со всѣми его инструментами и принадлежностями. Одинъ разъ гр. В. посѣтилъ Чашникова, которому привезъ должную ему сумму. На столѣ въ это время лежала пачка новыхъ ассигнацій безъ надписи. Горбунъ замѣтилъ, что пачка не миновала глазъ посѣтителя, вызвалъ Чашникова и переговорилъ съ нимъ. Скоро потомъ слуга принесъ чашку кофе гр. В., который выпилъ его и, возвратясь домой, скоропостижно умеръ. Въ городѣ узнали о преступной фабрикаціи Чашникова, который спровадилъ на мельницу горбуна: вода была спущена, и слѣдовательно не нашли никакихъ слѣдовъ преступленія.

*) Старшій сынъ князя Алексѣя Борисовича и княгини Юліи Өедоровны Куракиныхъ. П. Б.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ А. М. ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА О ЗЕМЛѢ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Для того, чтобы нижеслѣдующая записка покойнаго начальника штаба Войска Донскаго, князя *А. М. Дондукова-Корсакова*, поданная имъ въ концѣ 1861 года военному министру, имѣла бо̀льшую ясность для читателей, незнакомыхъ съ Донскими порядками, необходимо сказать нѣсколько словъ про обстоятельства, ее вызвавшія и сопровождавшія, а также о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія она повлекла за собою.

Въ началѣ 1859 года, въ распоряженіе наказнаго атамана Войска Донскаго, *М. Г. Хомутова*, былъ назначенъ генералъ-маіоръ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Появившись въ Новочеркасскѣ, князь вскорѣ сдѣлался любимцемъ высшаго общества, какъ блестящій представитель новыхъ порядковъ, дававшихъ о себѣ знать въ только-что начавшееся царствованіе блаженной памяти императора Александра Николаевича. Всегда и для всѣхъ доступный, остроумный и разговорчивый, князь какъ бы внесъ въ мѣстное общество новую жизнь, освѣжилъ его, вызывая на размышленія и разговоры о такихъ предметахъ, которые до того обсуждались только въ канцеляріяхъ и дѣловыхъ кабинетахъ, и притомъ въ узкихъ рамкахъ временъ дореформенныхъ. Управлявшій въ ту пору Донскимъ Войскомъ генералъ Хомутовъ, человѣкъ умный и необыкновенно практичный, но уже устарѣвшій „подъ бременемъ чиновъ и самовластья“, видѣлъ въ порядкахъ наступившаго царствованія такія новшества, которыя угрожали государственнымъ основамъ. Естественно, что появленіе молодого и обаятельнаго человѣка въ самомъ центрѣ Донскаго края не могло быть особенно пріятно старику-атаману. И вотъ, съ первыхъ мѣсяцевъ по пріѣздѣ князя Дондукова въ Новочеркасскъ, между старымъ и новымъ „дворами“ возникла непріязнь, поддерживаемая и развиваемая разными кумовьями и, особенно, кумушками, шнырявшими отъ стараго къ новому и обратно. Непріязнь эта была, по началу, тайная, отнюдь не нарушавшая добрыхъ наружныхъ отношеній между старымъ и новымъ началами.

Въ такомъ положеніи прошло болѣе года. Въ Маѣ 1859 г. скончался начальникъ штаба Войска Донскаго, генералъ Андріяновъ, и князь Донду-

ковъ назначенъ былъ исправляющимъ эту должность. Весной 1860 года атаманъ Хомутовъ взялъ долговременный отпускъ для того, чтобы посѣтить Палестину и, прежде чѣмъ отправиться въ это путешествіе, сдѣлалъ представленіе въ Петербургъ о передачѣ атаманской должности, на время его отсутствія, старшему въ чинѣ по Войску Донскому лицу, которымъ былъ тогда генералъ-лейтенантъ *Хрещатицкій*, такъ какъ князь Дондуковъ былъ не начальникомъ штаба, который, по закону, долженъ принять атаманство, а только *исправляющимъ* его должность. Въ этомъ впервыя сказалась неріязнь стараго атамана къ молодому своему помощнику. Князь Дондуковъ возмутился и, будто бы, немедленно послалъ въ Петербургъ прошеніе объ отставкѣ. Въ отвѣтъ на эти два представленія полученъ приказъ, которымъ князь Дондуковъ-Корсаковъ утвержденъ въ должности начальника штаба. Изъ этого Хомутовъ не могъ не понять, что дни его сочтены и что преемникомъ ему будетъ князь Дондуковъ-Корсаковъ; а когда сей послѣдній, черезъ годъ съ небольшимъ, въ неположенное для казачьихъ наградъ время (осенью 1861 г.) и, какъ разсказывали тогда, безъ всякаго ходатайства со стороны атамана, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, то на Дону еще болѣе укрѣпилось убѣжденіе, что князь Дондуковъ сдѣлается Донскимъ атаманомъ и, при томъ, очень скоро.

Между тѣмъ изъ Петербурга стали получаться вѣсти довольно тревожнаго для тогдашнихъ Донцовъ свойства. Утверждали, что существуетъ правительственный проектъ, по которому образовывается на Дону сословіе такъ названныхъ тогда *гражданскихъ* казаковъ, которые не будутъ отбывать обязательной воинской повинности въ томъ существѣ и размѣрахъ, какъ было до тѣхъ поръ. Сильная и многочисленная въ то время партія „казакомановъ", считавшая въ своихъ рядахъ много членовъ изъ мѣстнаго аристократическаго общества и интеллигенціи, встрепенулась довольно замѣтно и увлекла за собою все общество, за исключеніемъ весьма немногихъ протестантовъ. Громкіе разговоры въ гостиныхъ, въ канцеляріяхъ и на улицахъ и рѣзкія газетныя статьи мѣстной и отчасти столичной печати, требовали „ненарушимости" существующаго строя. О простыхъ казакахъ, т. е. обитателяхъ станицъ и хуторовъ, и говорить нечего: тамъ противнаго общему настроенію слова невозможно было произнести безъ того, чтобы не укорили говорившаго въ измѣнѣ преданіямъ предковъ и пользамъ страны. Эта ли волна увлекла князя Дондукова-Корсакова на свою сторону, или же онъ, и до знакомства съ нею, убѣдился въ необходимости не касаться главныхъ устоевъ существованія Донскихъ казаковъ; имѣла ли вліяніе на его убѣжденіе какая-либо эгоистическая подкладка,—сказать трудно. Можно упомянуть только объ одномъ, что князь, будучи человѣкомъ свѣтскимъ, любезнымъ, гостепріимнымъ и радушнымъ, ласково относившимся даже къ мыслямъ тогдашней молодежи, никогда не либеральничалъ, часто утверждая предъ всѣми и безъ всякаго стѣсненія, что прежде чѣмъ ввести что-либо неизвѣстное новое, нужно стараться не терять хорошаго стараго. Оставаясь въ неизвѣстности, что именно побудило князя Александра Михайловича принять

сторону тогдашнихъ „казакомановъ“, мы не можемъ не заявить, что записка, представленная имъ въ Военное Министерство, есть отраженіе мыслей большинства тогдашняго Донскаго населенія.

Неизвѣстно, когда именно присланъ былъ на Донъ проектъ о *гражданскихъ* казакахъ. Атаманъ Хомутовъ поѣхалъ въ Петербургъ праздновать свой 50-лѣтній юбилей (Іюль 1862 года), а управлявшій страною князь Дондуковъ-Корсаковъ письменно донесъ въ Петербургъ, что названный правительственный проектъ принятъ на Дону въ такой степени несочувственно, что ему, какъ временному правителю края, пришлось употребить много усилій для того чтобы въ казачьихъ поселеніяхъ не допустить серьезныхъ безпорядковъ. Донесеніе это получено въ Петербургѣ въ ту пору, когда тамъ былъ Хомутовъ, и, видимо, произвело тревогу, обрушившуюся на голову князя. Надо думать, что Хомутовъ, уже уволенный въ ту пору отъ должности атамана, высказался совершенно въ противоположномъ князю Дондукову смыслѣ, и донесеніе послѣдняго о предупрежденныхъ имъ безпорядкахъ, вызванныхъ правительственнымъ проектомъ, сочтено за желаніе князя выслужиться и доказать, что проектъ, составленный въ тиши кабинета, не имѣетъ ничего общаго съ требованіемъ дѣйствительности и даже угрожаетъ спокойствію самой спокойной части государства.

На мѣсто Хомутова назначенъ былъ на должность наказнаго атамана престарѣлый генералъ *П. Х. Граббе,* который отнесся къ своему начальнику штаба весьма благосклонно и ласково. Но это не поправило дѣла князя Александра Михайловича: въ томъ же 1862 году онъ былъ отчисленъ отъ должности начальника штаба Войска Донскаго и назначенъ состоять по армейской кавалеріи, а въ Январѣ или Февралѣ слѣдующаго года выѣхалъ изъ Новочеркасска подъ надзоромъ спеціально присланнаго туда съ этой цѣлью лица, генералъ-адъютанта графа *Орлова-Денисова.*

Такимъ образомъ, печатаемая здѣсь записка тяжко отозвалась на служебномъ поприщѣ князя Дондукова-Корсакова. Опала снята съ него только въ 1869 году: послѣ шестилѣтней отставки, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Юго-Западнаго края, въ Турецкую войну командовалъ армейскимъ корпусомъ, былъ намѣстникомъ въ Болгаріи, временнымъ Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, а впослѣдствіи, уже въ царствованіе императора Александра III, главноначальствующимъ на Кавказѣ.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что какъ правительственный проектъ о „гражданскихъ“ казакахъ, такъ и записка князя Дондукова примирены между собою осенью 1863 года, высочайшею грамотою, которою, при „ненарушимости существующаго образа казачьяго служенія“, срокъ 25-лѣтней казачьей службы низведенъ до 15 лѣтъ.

А. Карасевъ.

ЗАПИСКА О ВОЙСКѢ ДОНСКОМЪ.

1862.

Общія преобразованія, осуществляемыя въ настоящее время, по всей вѣроятности, могутъ, а отчасти должны, коснуться и до казачьихъ войскъ Имперіи. Въ этомъ случаѣ весьма важно, чтобы измѣненія касались именно тѣхъ существенныхъ потребностей, которыя сознаётъ народъ, и служили бы къ упроченію его благосостоянія, успокоенію его стремленій и укрѣпленію связи его съ правительствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этихъ вопросахъ чѣмъ болѣе будетъ у правительства матеріаловъ, особенно безпристрастныхъ и правдивыхъ данныхъ, тѣмъ легче благимъ видамъ его угадать и удовлетворить насущнымъ народнымъ нуждамъ.

Имѣя честь служить въ рядахъ Войска Донскаго, я принялъ смѣлость изложить въ настоящей запискѣ моей положеніе этого войска, ознакомить правительство съ его духомъ и потребностями, показать на несвоевременность нѣкоторыхъ мѣръ и необходимость другихъ, однимъ словомъ, передать убѣжденія мои по долгу чести и присяги.

Я высказалъ въ рѣзкихъ, можетъ быть, слишкомъ смѣлыхъ выраженіяхъ, то, чего ни одна оффиціальная бумага терпѣть не могла бы; но мною руководили въ трудѣ моемъ не какіе либо личные виды, а долгъ совѣсти и пламенное желаніе принести хоть малую лепту пользы отечеству, престолу и Войску Донскому.

Теперь доступна правда Государю: судятся не слова, а побужденія и чувства. Вотъ почему съ такою откровенностью представляю настоящую записку на безпристрастный судъ высшаго начальства.

Для большей ясности изложенія я раздѣлилъ записку на три главные отдѣла. Въ первомъ старался изъяснить основныя начала казачества на Дону. Во второмъ указать на настоящія потребности Войска Донскаго. Въ третьемъ старался я ознакомить правительство съ главными особенностями войска Донскаго предъ прочими казачьими войсками Имперіи.

I. Главныя основанія казачества въ войскѣ Донскомъ.

Главныя начала казачества въ Войскѣ Донскомъ основаны на трехъ существенныхъ принципахъ: 1) на поземельномъ началѣ; 2) на замкнутости войска и 3) на выборномъ началѣ и другихъ особенныхъ правахъ самоуправленія войска.

1) *Поземельное начало.*

Всѣ земли войска составляютъ войсковую принадлежность. Земли эти или: а) въ общественномъ владѣніи станицъ, такъ называемые станичные юрты; б) или во временномъ пользованіи членовъ войсковаго сословія, офицерскаго званія, такъ называемые пожизненные участки; в) или запасныя ненаселенныя земли, составляющія оброчныя статьи, такъ называемыя войсковыя земли; г) или, наконецъ, земли помѣщиковъ, составляющія полную ихъ собственность, съ тѣмъ ограниченіемъ, что онѣ могутъ быть отчуждаемы продажею только лицамъ войсковаго сословія *).

Какъ ни странно и несовременно кажется подобное ограниченіе помѣщичьяго права собственности, противъ котораго вооружились нѣкоторые члены войсковаго сословія, но въ смыслѣ казачества постановленіе это имѣетъ глубокое значеніе.

Автономія каждой страны несомнѣнно основана на поземельномъ началѣ. Продажа земель иногороднимъ ввела бы въ войско новый, независимый отъ его учрежденій, элементъ, испестрила бы утвержденную царскими грамотами карту Войска Донскаго чрезполосными владѣніями чуждыхъ его сословію гражданъ. Въ этомъ случаѣ ограниченіе права собственности помѣщиковъ до нѣкоторой степени можно сравнить съ учрежденіями маіоратовъ. Какъ послѣдніе имѣютъ цѣлью сохраненіе значенія извѣстнаго рода или фамиліи, такъ упомянутая мѣра имѣетъ цѣлью сохраненіе принципа казачества.

Поземельное начало въ Войскѣ Донскомъ отчасти нарушено положеніемъ объ освобожденіи крестьянъ. При выкупѣ крестьянами отъ помѣщиковъ поземельнаго надѣла, имъ не возбраняется продавать свою собственность въ постороннія руки. Основательнѣе казалось бы распространить на нихъ въ отношеніи продажи земли тѣже правила, которыя существуютъ для помѣщиковъ. Дѣло въ существѣ много

*) Съ 1868 года земли эти разрѣшено пріобрѣтать и иногороднымъ лицамъ. А. К.

бы отъ этого не измѣнилось, а измѣненіе формы сохранило бы единообразіе поземельнаго начала въ войскѣ [1]).

2) *Замкнутость войска.*

Второе основное начало Войска Донскаго есть замкнутость его, выражающаяся воспрещеніемъ чинамъ онаго выписываться изъ войсковаго сословія, а равно запрещеніемъ записываться въ войско лицамъ другихъ сословій государства [2]).

Существенный вопросъ этотъ подавалъ и подаетъ поводъ къ самымъ противоположнымъ мнѣніямъ. Къ нему болѣе всего относятся возгласы о несовременности, несообразности особой касты въ государствѣ, Китайской стѣны и проч.; но, вникнувъ ближе въ это постановленіе собственно для Войска Донскаго, легко понять, почему, исключая нѣкоторое число молодаго поколѣнія помѣщиковъ и зажиточныхъ казаковъ торговаго общества, вся масса казачьяго сословія такъ твердо и упорно держится этого основнаго начала.

Войско Донское имѣетъ свою исторію, чего другіе казачьи войска, исключая бывшаго Черноморскаго, не имѣютъ. Нѣсколько вѣковъ казаки пользуются самостоятельностью; въ XVII столѣтіи, хотя на низкой степени гражданственности, они составляли отдѣльное вольное общество, имѣвшее свои уставы, свои права, коими на войсковыхъ сборахъ или кругахъ, всенародною подачею голосовъ, рѣшались общественные вопросы и избирались войсковые атаманы. До начала XIX столѣтія они еще пользовались этимъ правомъ. Имена Ермака и нѣкоторыхъ популярныхъ атамановъ еще очень свѣжи въ памяти народной; нѣтъ зажиточнаго казака, въ домѣ котораго не встрѣтилось бы изображенія покорителя Сибири или другихъ извѣстныхъ войсковыхъ лицъ.

Всѣ воспоминанія эти, вмѣстѣ съ заслугами войска въ Отечественную войну и опредѣленными подвигами частей и лицъ онаго въ другихъ кампаніяхъ, заставляютъ казака гордиться своимъ военнымъ значеніемъ.

---

[1]) Могутъ еще возразить, что въ войскѣ есть иногородные поземельные собственники, сдѣлавшіеся таковыми по женитьбѣ на Донскихъ уроженкахъ, напр. Голицыны, Трубецкіе, Катенины и друг.; но это неосновательно: они, относительно продажи имѣнія, подчинены тѣмъ же условіямъ какъ прочіе Донскіе помѣщики; а въ случаѣ поступленія этихъ имѣній въ число выморочныхъ, они должны обратиться не въ казну, а въ войско, и могутъ быть раздаваемы, въ видѣ пожизненныхъ участковъ, членамъ войсковаго сословія. Здѣсь войсковой поземельный принципъ не нарушенъ.

[2]) Въ настоящее время въ этомъ отношеніи замкнутость Войска Донскаго не имѣетъ мѣста. А. К.

Какъ гражданинъ, каждый простой казакъ считаетъ себя съ нѣкоторымъ основаніемъ несравненно выше всѣхъ прочихъ податныхъ сословій Россіи. Выборное начало и другія либеральныя права, составляющія основу казачества на Дону, развили въ немъ чувства личнаго достоинства и самостоятельности. Любознательность и жажда образованія, свойственная Донскимъ казакамъ, вмѣстѣ съ родомъ службы ихъ, отъ береговъ Аракса до сѣверныхъ границъ Финляндіи, пребываніе полковъ въ Бессарабіи и Польшѣ, ознакомили сословіе это съ другими элементами жизни и несомнѣнно способствовали къ развитію понятій, которыхъ далеко чужда общая масса населенія Россіи.

Сравнительное матеріальное благосостояніе казака, противъ крестьянъ въ Россіи, даетъ этому сословію также основаніе считать себя и въ этомъ отношеніи выше послѣднихъ. Владѣя на душу по 30-ти десятинъ земли, казаки смотрятъ какъ на батраковъ на массу крестьянъ (болѣе 100 тысячъ), приходящихъ каждое лѣто изъ другихъ губерній въ заработки на Донъ. Каждый немного зажиточный казакъ, особенно во время покоса и уборки хлѣба, нанимаетъ себѣ работника изъ пришедшихъ крестьянъ и считаетъ себя на это время хозяиномъ ихъ.

Общепринятое у простыхъ казаковъ названіе «москаль» и «хохолъ» для именованія жителей Россійскихъ губерній и Малороссіи суть выраженія хотя не враждебныя, но далеко не дружелюбныя.

Если къ этому краткому очерку присоединить еще постоянно выражаемое казаками опасеніе, чтобы иногородные не пріобрѣтали въ юртахъ или окрестностяхъ оныхъ поземельной собственности, и частію неосновательныя жалобы ихъ даже въ теперешнемъ положеніи на недостатокъ поземельныхъ довольствій: то легко понять, почему приписка новаго иногороднаго элемента всегда будетъ встрѣчена казаками съ крайнимъ неудовольствіемъ, можетъ даже быть и съ гласнымъ ропотомъ, какъ нарушеніе одного изъ самыхъ близкихъ сердцу казака постановленій.

При свойственномъ казакамъ недовѣріи и подозрительности, подобная мѣра непремѣнно заставитъ ихъ опасаться за прочность существованія самаго войска и возбудитъ недоброжелательство къ правительству въ населеніи, исключительно привязанномъ и преданномъ имени Государя.

Высказанная мною особенность въ этомъ отношеніи войска Донскаго не встрѣчается въ близко извѣстномъ мнѣ Линейномъ казачьемъ войскѣ. Сіе послѣднее постоянно формируется изъ разнородныхъ источ-

никовъ; ежегодно въ ряды онаго поступаютъ Донскіе казаки, переселенцы изъ Малороссіи, крестьяне Ставропольской губерніи, женатые нижніе чины регулярныхъ войскъ и проч.

Офицеры всѣхъ иррегулярныхъ полковъ пользуются правомъ прикомандированія къ войску и командованія полками Линейными. Можно сказать что на Кавказѣ процессъ образованія казачьяго сословія изъ иногороднихъ элементовъ производится въ настоящее время, до нѣкоторой степени, тотъ самый, который еще до царя Алексѣя Михайловича производился на Дону при заселеніи этого края.

Мѣра приписки постороннихъ лицъ къ казачьему сословію, столь обыкновенная и полезная на Кавказѣ, будетъ встрѣчена на Дону совершенно съ другимъ взглядомъ и чувствами.

Есть и въ войскѣ Донскомъ случаи отчисленія членовъ онаго изъ состава сословія, а именно: самая тягостная повинность войска—переселеніе казаковъ на Кавказъ. При этомъ всѣ отправленныя семейства исключаются изъ списковъ Донскихъ казаковъ и перечисляются въ казачье сословіе Линейнаго войска*).

Другой случай относится до офицеровъ, т. е. дворянства, почему и чуждъ интересамъ массы. Офицеры, кончившіе курсъ въ Военной Академіи и нѣкоторыхъ спеціальныхъ заведеніяхъ, имѣютъ право выписываться изъ войска. Мѣра эта вполнѣ основательна, и ниже будетъ сказано о справедливости развить ее въ бóльшихъ размѣрахъ.

Все вышесказанное мною относительно взгляда казаковъ на вопросъ о припискѣ иногороднихъ членовъ къ ихъ сословію, несомнѣнный фактъ и не только мыслимый, но инстинктивно существующій на Дону, который легко повѣрить каждому добросовѣстному лицу, разумѣется, не изъ оффиціальныхъ переписокъ и не изъ наблюденія казачьяго быта въ Черкасскѣ, а чрезъ сближеніе съ казаками въ станицахъ, присутствованія на ихъ станичныхъ сборахъ и изученія ихъ хозяйственнаго станичнаго быта.

---

*) Переселенцы полагаются изъ охотниковъ; но такъ какъ таковыхъ не имѣется, то по расчету назначается съ каждой станицы отправить столько-то семействъ. Казаки на сборѣ складываются для найма охотника и покупки ему повозки, воловъ, лошади и проч. Обыкновенно снаряженіе каждаго семейства обходится станичному обществу отъ 600 до 1000 рубл. серебромъ.

3) *Выборное начало.*

Выборное начало составляетъ одно изъ существенныхъ правъ Войска Донскаго, которымъ масса сословія преимущественно дорожитъ. Простой казакъ гордится на станичныхъ выборахъ и сборахъ своимъ правомъ гóлоса наравнѣ съ прежнимъ своимъ командиромъ полка, офицерами, генералами, если они граждане одной съ нимъ станицы. Трудно узнать смѣлаго въ выраженіяхъ и гордаго видомъ въ гражданскомъ быту Донскаго казака, когда вспомнишь о томъ положеніи, въ которомъ онъ находится часто на службѣ, гдѣ въ Грузіи изнуренъ болѣзнями, а на Кавказѣ такъ часто обреченъ на несвойственное военному назначеніе.

Въ войскѣ, исключая наказнаго атамана и немногихъ лицъ, назначаемыхъ на должности по его представленіямъ или усмотрѣнію, на всѣ прочія мѣста чиновники опредѣляются по выборамъ дворянства *). Старшій членъ Войсковаго Правленія, соотвѣтствующій званію вице-губернатора, также избирается. Странно даже, что окружные генералы, имѣющіе одно только военное значеніе и управленіе, назначаются не отъ правительства, а по выборамъ. Другая, неменьшая привиллегія казаковъ состоитъ въ правѣ собирать станичные сборы для обсужденія нуждъ станицъ. Составленными общими приговорами они представляютъ начальству о потребностяхъ своихъ, расходуютъ до извѣстной степени станичныя суммы, отдаютъ по усмотрѣнію своему въ арендное содержаніе избытокъ юртовой земли, скотопрогонныя дороги, мельницы, паромы, ярмарки и проч., однимъ словомъ, располагаютъ своимъ станичнымъ хозяйствомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, а также по силѣ станичныхъ приговоровъ представляютъ къ безочередному командированію па службу или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе порочныхъ гражданъ станицы своей. Отъ станичныхъ правъ перехожу къ одной изъ главныхъ привиллегій Войска Донскаго, коему предоставлено имѣть отдѣльную отъ государственной войсковую казну и составлять собственный бюджетъ. Правительствомъ строго соблюдается неприкосновенность войсковыхъ капиталовъ, которые по принятому прежде порядку накоплялись въ банковыхъ учрежденіяхъ Имперіи, между тѣмъ какъ самыя насущныя потребности оставались неудовлетворенными. Честь инициіативы удовлетворенія этимъ потребностямъ принадлежитъ Военному Министерству. Вотъ почему съ такою горя-

*) Въ 1867 году Войско Донское лишилось этого права. А. К.

чею признательностью въ прошломъ году были приняты всѣмъ войскомъ распоряженія объ употребленіи войсковыхъ капиталовъ на сооруженіе учебныхъ заведеній, желѣзной дороги и прочихъ неотлагательныхъ расходовъ, на предметы, долженствующіе способствовать благосостоянію края. Всѣ на Дону сознаютъ важность помянутаго преимущества, всѣ надежды обращены на будущее съ тѣхъ поръ какъ капиталы и остатки отъ войсковыхъ расходовъ получаютъ правильное и полезное для войска употребленіе. Кромѣ всего сказаннаго, войско имѣетъ еще нѣкоторыя другія преимущества, не менѣе важныя для благосостоянія членовъ онаго, напримѣръ исключительное право лицъ войсковаго сословія ловли рыбы въ гирлахъ и по рѣкѣ Дону, добываніе соли на Манычскихъ озерахъ, наконецъ, важныя разработки антрацита на Грушевкѣ; все это доставляетъ немалыя выгоды значительному числу казаковъ и способствуетъ благосостоянію края.

Послѣ всего изложеннаго, непонятными кажутся возгласы лицъ, незнакомыхъ съ существомъ дѣла, о томъ, что несовершенны и недостойны вниманія притязанія казаковъ сохранить свои прежнія, обветшалыя привиллегіи. Сохранить привиллегію самоуправленія, пользованія либеральными учрежденіями и сравнительно тѣмъ удовлетворительнымъ благосостояніемъ, къ которымъ стремятся въ настоящее время всѣ прочія губерніи Россіи!!!

Могутъ возразить, что при выборномъ началѣ въ войскѣ и при самоуправленіи легко вкрасться злоупотребленіямъ, несправедливостямъ и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что они существуютъ на Дону, какъ и въ прочихъ частяхъ Имперіи, какъ вездѣ, гдѣ съ властью и преимуществами сталкиваются интересы людскіе; но неоспорима истина, что зло, могущее произойти отъ выборнаго начала, несравненно менѣе зла и легче переносится, чѣмъ то, которое проистекаетъ отъ личнаго произвола начальника или отъ самовластнаго управленія краемъ.

Ежели выборы въ станицахъ не всегда удачны, то это происходитъ отъ недостатка образованія въ массахъ казаковъ; дайте средства образованія, котораго они такъ жаждутъ, и зло, если не прекратится, то значительно уменьшится.

Если на выборахъ дворянскихъ избранныя лица не всегда соотвѣтствуютъ своему назначенію, то причину этому должно искать въ свойственной всему Русскому дворянству апатіи и равнодушіи къ общественнымъ интересамъ, также въ непривычкѣ къ гражданственности. Направленіе это измѣняется и совершенно измѣнится силою

обстоятельствъ и всѣми возбужденными въ настоящее время современными вопросами. Послѣдніе выборы на Дону, по качествамъ выбранныхъ лицъ, доказали, что дворянство этого войска сознало всю важность своихъ обязанностей къ краю въ этомъ отношеніи.

Изложенныя три начала казачества на Дону составляютъ главныя условія существованія самаго Войска Донскаго. Дорогія сердцу каждаго казака преимущества эти подтверждаются царскими грамотами при вступленіи каждаго Императора на Престолъ. Грамоты эти, вмѣстѣ съ регаліями Войска, хранятся въ Войсковомъ Правленіи и шесть разъ въ году съ торжественною церемоніею, въ воспоминаніе прежнихъ войсковыхъ круговъ, читаются всенародно на соборной площади; въ нихъ, между прочимъ, упоминается о сохраненіи неприкосновенности земель и прочихъ преимуществъ Донскаго войска.

Вопросъ о современности этихъ правъ, вмѣстѣ съ мыслью быть или не быть казачеству, въ послѣднее время былъ часто возбуждаемъ литературою, а также въ сферахъ высшаго управленія. Всякій разъ доходящіе объ этомъ на Донъ слухи возбуждали самыя тревожныя опасенія въ казакахъ и видимое чувство горести и неудовольствія. Высшимъ правительствомъ вопросъ этотъ всегда разрѣшаемъ былъ въ пользу существованія казачества, и еще въ началѣ нынѣшняго года высочайше утвержденнымъ положеніемъ Военнаго Совѣта относительно неразрѣшенія Донскимъ помѣщикамъ продавать свои земли иногороднимъ, утвержденъ принципъ поземельнаго казачьяго начала *).

Къ сожалѣнію, многія правительственныя мѣры не соотвѣтствовали цѣли сохраненія казачества. Централизація въ Петербургѣ, поглощающая всѣ мѣстные интересы и вопросы казачьихъ войскъ, а въ особенности не принятая мысль подчинить одному единообразному положенію всѣ казачьи войска, не обращая вниманія на существенныя особенности каждаго изъ нихъ, были причиною, что нѣкоторыя распоряженія правительства далеко не удовлетворяли настоящимъ потребностямъ войскъ.

Распоряженія эти раздражали старое поколѣніе безполезною новинкою, вмѣстѣ съ тѣмъ не успокоивали молодаго въ основательныхъ

*) При этомъ имѣлось также въ виду, что поземельная собственность въ Войскѣ обусловливаетъ служебныя отношенія членовъ онаго къ государству: каждый офицеръ, если не имѣетъ родоваго имѣнія въ извѣстной нормѣ, получаетъ пожизненный участокъ земли, долженствующій обезпечивать его содержаніе во время льготы и давать ему средства по первому призыву являться въ рядахъ войскъ.

и справедливыхъ стремленіяхъ его къ измѣненію нѣкоторыхъ обвѣтшалыхъ войсковыхъ постановленій.

Изъ всего сказаннаго понятно, почему, по убѣжденію моему, рановременны, чтобы не сказать опасны, всякія измѣненія правительствомъ основныхъ началъ войска. Время, обстоятельства и улучшеніе гражданскаго быта прочаго населенія России могутъ вызвать интересы казаковъ къ перемѣнѣ настоящаго ихъ положенія и облегчить правительство, если оно имѣетъ въ виду сліяніе казаковъ съ единообразными началами прочихъ губерній Имперіи.

До того полагаю, что никакими правительственными распоряженіями невозможно, безъ нѣкотораго риску, уничтожить въ народѣ его историческія воспоминанія, его вѣковые обычаи и преимущества, составляющія его гордость и благосостояніе.

II. Настоящія потребности Войска Донскаго.

Если съ одной стороны въ Войскѣ Донскомъ такъ рановременно касаться до основныхъ началъ его существованія, то, съ другой, есть многія улучшенія и перемѣны, вызванныя временемъ и обстоятельствами, которыя будутъ, смѣю полагать, встрѣчены Войскомъ съ глубокимъ чувствомъ признательности и укрѣпятъ, ежели только это возможно, еще болѣе ту искреннюю связь казаковъ, которая между ними такъ свято существуетъ съ престоломъ и именемъ Государя. Недостатокъ подъ рукою потребныхъ матеріаловъ и самый размѣръ этой записки не дозволяютъ мнѣ изложить всѣ потребности этихъ вопросовъ; пріемлю смѣлость указать только, по мнѣнію моему, на нѣкоторыя изъ насущныхъ потребностей Войска Донскаго. Во главѣ ихъ состоитъ:

1-е) Распространеніе средствъ къ образованію молодаго казачьяго поколѣнія. Дворянство, казачьи общества станицъ, постоянно выражаютъ свои стремленія въ этомъ отношеніи и жадно ждутъ осуществленія своихъ справедливыхъ надеждъ. Единственная гимназія въ Новочеркасскѣ на все Войско Донское *) помѣщается въ тѣсномъ частномъ домѣ и ежегодно отказываетъ за недостаткомъ мѣста наплыву воспитанниковъ. Въ верхнихъ округахъ Войска не существуетъ ни одного средняго заведенія для образованія юношества. Станицы, по недостатку мѣстъ образованія, приговорами своими опредѣляютъ пожертвованія гражданъ своихъ съ просьбою открыть только у нихъ училища.

*) На пространство 14 милліоновъ десятинъ земли.

Въ прошломъ году распоряженіемъ Военнаго Министерства разрѣшена постройка въ одномъ только Черкасскѣ двухъ гимназій и ассигнована сумма на постройку училищъ. Дѣло это пока задерживается въ Войскѣ составленіемъ проектовъ и смѣты, по представленіи коихъ въ Петербургъ, вѣроятно, ихъ ожидаетъ еще большее замедленіе при техническомъ разсмотрѣніи представленнаго. Дѣла такого рода большею частію тянутся по нѣскольку лѣтъ, возвращаются обратно для измѣненія въ проектахъ какой-нибудь капители, фронтона или внутренняго расположенія комнатъ, о которомъ легче всего судить на мѣстѣ и ближайшему начальству, и утверждаются тогда, когда уже выставленныя цѣны въ первоначальныхъ смѣтахъ не соотвѣтствуютъ существующимъ. Между тѣмъ насущная потребность не удовлетворяется, и въ обществѣ рождается неосновательный слухъ, что правительство имѣетъ цѣль пріостанавливать образованіе казаковъ.

2-е) Пути сообщенія, эти жизненныя артеріи, по которымъ должно разливаться благосостояніе края, находятся на Дону въ самомъ первобытномъ состояніи, на этотъ предметъ обращено съ прошлаго года вниманіе Военнаго Министерства.

Грушевская желѣзная дорога уже строится самымъ дешевымъ и удовлетворительнымъ способомъ, но назначеніе ея единственно перевозка антрацита. Необходимо продлить ее еще на 60 верстъ до Каменской станицы и соединить несудоходный въ своихъ низовьяхъ Донецъ съ рѣкою Дономъ; этимъ оживятся изобилующій хлѣбомъ Донецкій округъ и часть прилегающей къ оному Харьковской губерніи *), кои обречены въ настоящее время на затруднительную, а иногда невыгодную, гужевую перевозку своихъ произведеній въ Ростовъ и Таганрогъ. Въ случаѣ недостатка войсковыхъ капиталовъ, съ утвержденія правительства Войско могло бы финансовою мѣрою исполнить это важное для края предпріятіе. При устройствѣ южныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Имперіи предполагаемая дорога легко можетъ быть соединена съ Харьковомъ или другимъ пунктомъ, для снабженія антрацитомъ какъ самыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и всего населенія южной полосы Россіи.

На устройство нѣкоторыхъ дамбъ и переправъ правительствомъ ассигнована сумма недостаточная. Но всѣ эти улучшенія не выходятъ до сихъ поръ изъ предѣловъ предположеній, а вся торговая дѣятель-

*) Помянутыя мѣстности, по собраннымъ частнымъ свѣдѣніямъ, отправляютъ къ южнымъ портамъ Азовскаго моря болѣе 200.000 четв. пшеницы и платятъ отъ 3 до 4 рубл. съ четверти за перевозку.

ность останавливается въ развитіи своемъ отъ недостатка сообщеній въ краѣ.

Къ осуществленію всѣхъ этихъ сооруженій немало препятствуетъ и то, что въ Войскѣ совершенно не организированы инженерная и строительная части; трудно ожидать, при теперешнемъ скудномъ содержаніи, чтобы кто-либо изъ Донскихъ уроженцевъ рѣшился посвятить себя какому-либо техническому назначенію. Устройство этой части, при значительности предположенныхъ работъ, необходимо на Дону.

3-е) Штаты жалованья и содержанія войсковыхъ чиновниковъ требуютъ безотлагательнаго пересмотра и измѣненія. Военные офицеры Войска, по послѣднему положенію, совершенно обезпечены получаемымъ содержаніемъ во время нахожденія ихъ на службѣ, но гражданскіе чиновники остаются до сихъ поръ въ томъ бѣдственномъ положеніи, на которое они обречены существующими штатами; нѣсколько примѣровъ достаточно, чтобы указать на всю несовременность настоящаго положенія.

Смотритель соляныхъ Манычскихъ озеръ, одной изъ главныхъ статей войсковыхъ доходовъ, въ чинѣ штабъ-офицера, получаетъ 170 рублей серебр. содержанія; инженерный офицеръ войсковаго происхожденія получаетъ менѣе 200 рублей, и ему не полагается никакой суммы на постоянные разъѣзды, канцелярскіе припасы и чертежню; засѣдатель [1]) въ округѣ получаетъ тоже менѣе 200 рубл. сер., и ему не полагается необходимаго писаря для веденія многочисленныхъ дѣлъ. Они принуждены нанимать таковыхъ изъ собственныхъ денегъ съ платою не менѣе 150 рублей каждому въ годъ.

Вооружаясь противъ злоупотребленій, справедливымъ кажется искать причины оныхъ отчасти только въ слабости человѣческой, а большую часть оной приписать существующему порядку.

4-е) Пожизненные поземельные участки [2]), назначаемые, по положенію, офицерамъ Войска Донскаго, составляютъ весьма запутанный вопросъ, дающій поводъ къ справедливымъ жалобамъ. Нѣкоторая часть чиновъ Войска, подавшихъ заблаговременно прошенія или имѣющая больше средствъ по службѣ своей въ Черкасскѣ или внутри Войска къ ходатайству о надѣлѣ землею передъ офицерами въ полѣ,

---

[1]) Становой.

[2]) Закономъ 1870 года обращены въ потомственное владѣніе. А. К.

владѣетъ уже давно участками въ самыхъ лучшихъ полосахъ Войска, между тѣмъ какъ другіе лишены этого пособія и должны еще нѣсколько лѣтъ ожидать слѣдующаго имъ по закону пожизненнаго надѣла землею.

Замедленіе это отчасти происходитъ отъ недостатка средствъ межевыхъ коммиссій для производства межеваній, отчасти отъ задержки въ Петербургѣ посылаемыхъ на утвержденіе проектовъ помѣщичьихъ дачъ и переселяемыхъ изъ юртовъ крестьянъ; ибо съ этимъ вопросомъ связано опредѣленіе того количества свободной войсковой земли, которая можетъ поступить для пожизненныхъ участковъ.

Еще болѣе въ этомъ дѣлѣ несообразна и несправедлива неуравнительность пожизненныхъ надѣловъ не по количеству земли, а по качеству оной. Такъ напримѣръ, недавно произведенный хорунжій получаетъ 200 десятинъ земли въ Міусскомъ округѣ, въ окрестностяхъ Таганрога или Азовскаго моря, гдѣ откупная плата за десятину простирается отъ 2 до 4 рублей въ годъ, между тѣмъ заслуженному, изувѣченному на службѣ ветерану войска въ чинѣ есаула достается такой же участокъ земли въ 200 десятинъ гдѣ-нибудь въ безводныхъ Задонскихъ степяхъ, въ окрестностяхъ Егорлыка, гдѣ откупная плата за десятину не превышаетъ 10 или 15 коп. въ годъ.

Указавъ на такую неуравнительность надѣла и неудовлетвореніе части офицеровъ положенными имъ пожизненными участками, не беру на себя смѣлости указать на средства измѣненія существующаго порядка. Вопросъ этотъ, по сложности своей, требуетъ особыхъ соображеній на мѣстѣ, но довольно важенъ, чтобы обратить на него вниманіе правительства.

5-е) Торговля въ Войскѣ Донскомъ, по существующему положенію, находится исключительно въ рукахъ торговаго общества казаковъ и весьма ограниченнаго числа иногородныхъ, которымъ кромѣ Черкасска воспрещено имѣть недвижимость: дома, лавки, фабрики и прочую собственность въ другихъ торговыхъ пунктахъ Войска. Измѣненіе въ этомъ случаѣ вызывается временемъ, и для пользы самихъ казаковъ необходимо отмѣнить обвѣтшалыя привилегіи торговаго общества. Для уничтоженія монополіи и для развитія торговли и промышленности въ краѣ, полезно допустить свѣжій иногородный элементъ, который возбудитъ конкуренцію, соревнованіе, эти главные рычаги всякой торговой дѣятельности и предпріятія *).

---

*) Поземельное начало въ Войскѣ этимъ не нарушается; иногородные на другихъ пунктахъ Войска должны быть подчинены правиламъ, утвержденнымъ для Черкасска, т. е.

Вмѣстѣ съ этимъ совершенно справедливо и казачьему торговому обществу дать гильдейскія или другія гражданскія права и избавить оное отъ несоразмѣрной съ идеею торговли военною зависимостью. Дѣйствительно, несовременно положеніе торговца, который, по произволу начальства, можетъ быть исключенъ изъ торговаго общества и высланъ на несродную ему службу въ рядахъ выступающихъ ежегодно казачьихъ полковъ.

6-е) Положеніе льготныхъ казаковъ по возвращеніи ихъ со службы, а также малолѣтковъ въ станицахъ необходимымъ считаю также подвергнуть нѣкоторымъ измѣненіямъ. Исправность, молодечество казака на службѣ тѣсно связано съ благосостояніемъ его домашняго хозяйства, для послѣдняго же необходима свобода гражданскаго быта; между тѣмъ казакъ въ домашнемъ быту все-таки находится подъ нѣкоторыми стѣснительными военными условіями, напримѣръ: за годъ, за полгода до срока выступленія очередного казака требуютъ его на смотръ сперва станичный атаманъ, потомъ окружной генералъ, наконецъ, осенью смотритъ на опредѣленныхъ пунктахъ наказный атаманъ или начальникъ штаба тѣхъ же самыхъ казаковъ, которые имѣютъ выступить только весною слѣдующаго года. Смотры эти крайне обременительны для казаковъ и совершенно безполезны. Фронтоваго образованія отъ собранной горсти казаковъ на каждомъ пунктѣ требовать невозможно. Обращается вниманіе на оружіе, обмундировку, особенно на состояніе лошадей; между тѣмъ казакъ большею частію является на весьма хорошей, но чужой лошади, въ чужомъ мундирѣ, и считаетъ выгоднѣе завестись всѣми этими принадлежностями чрезъ полгода, когда придется выступать, а до того работать волами для обезпеченія оставляемаго имъ семейства. Весь этотъ порядокъ, какъ еще и многія другія подробности военныхъ обязанностей льготныхъ казаковъ подаютъ поводъ къ мелкимъ злоупотребленіямъ и требуютъ пересмотра. Нѣтъ сомнѣнія, что существующее положеніе можно измѣнить еще съ большею пользою для службы и несравненно меньшимъ обремененіемъ для казаковъ.

7-е) Мѣру дозволенія выходить воспитанникамъ, кончившимъ курсъ въ Военной Академіи, основательно было бы распространить и на воспитанниковъ другихъ спеціальныхъ заведеній. Несправедливо стѣснять мелкимъ кругомъ дѣятельности въ войскѣ лицъ, техническія познанія которыхъ могли бы найти себѣ примѣненіе на болѣе обшир-

---

зданія считаются полною ихъ собственностію, а земля войсковою, за которую они вносятъ посаженную плату, такъ сказать, за безсрочное пользованіе оною.

номъ поприщѣ. Въ этомъ вопросѣ только необходимо исключить воспитанниковъ Артиллерійскаго Училища, такъ какъ эта часть въ Войскѣ, состоящая изъ 13-ти полевыхъ и 1-й гвардейской батареи, крайне нуждается въ спеціально-образованныхъ офицерахъ.

Въ Войскѣ Донскомъ какъ и въ другихъ казачьихъ войскахъ, согласно высочайшаго повелѣнія, существуетъ комитетъ для пересмотра войсковаго положенія. Не состоя членомъ онаго, не могу судить о ходѣ и направленіи его трудовъ. По окончаніи занятій, всѣ предположенія комитетовъ должны поступить въ кодификаціонную комиссію, которая должна обсудить ихъ вмѣстѣ съ предположеніями комитетовъ другихъ казачьихъ войскъ. Пройдутъ несомнѣнно годы, пока предположенія эти получатъ утвержденіе, а между тѣмъ справедливыя надежды и потребности Войска Донскаго останутся неудовлетворенными. Вотъ причины, побудившія меня указать насущныя и только самыя главныя нужды Войска, изысканныя мною по крайнему убѣжденію моему и по тѣмъ даннымъ, которыя извлекъ я изъ тщательнаго изученія Донскаго края и духа его населенія.

III. Особенности Войска Донскаго.

1-е) Войско Донское, какъ упомянуто было выше, имѣетъ свою исторію, не существующую, исключая бывшаго Черноморскаго, въ прочихъ казачьихъ войскахъ, которыя никогда не пользовались отдѣльною гражданскою самобытностью и по недавнему формированію своему не могутъ имѣть тѣхъ древнихъ преданій, которыхъ такъ много на Дону. Воспоминанія о прежней самобытности Донскихъ казаковъ значительно изглажены многолѣтнимъ сліяніемъ ихъ съ Россіею; но при тщательномъ наблюденіи за духомъ народнымъ можно однако замѣтить, что воспоминанія эти вновь вызываются во всѣхъ сословіяхъ при каждомъ вопросѣ, гдѣ дѣло касается существованія казачества и его основныхъ началъ. Предѣлы записки не дозволяютъ распространяться о нѣкоторыхъ любопытныхъ историческихъ подробностяхъ прежняго общества Донскихъ казаковъ, почему ограничиваюсь только указаніемъ этой особенности Войска.

2-е) Дворянство Войска, по многочисленности своей, образованности части этого сословія и значительнымъ поземельнымъ владѣніямъ своимъ, составляетъ особенность, не встрѣчающуюся въ другихъ казачьихъ войскахъ Имперіи. Не буду входить въ разсмотрѣніе историческаго происхожденія этого сословія, его поземельной собственности и прежняго владѣнія крестьянами, принимая началомъ высочайше утвержденное въ 1836 году за дворянствомъ Донскимъ право наравнѣ

съ прочими дворянами Имперіи. Въ сословіи этомъ, для объясненія духа и стремленія онаго, необходимо сдѣлать нѣкоторыя подраздѣленія. Одна, самая образованная часть онаго состоитъ изъ дворянъ родовыхъ, между коими многія фамиліи имѣли еще въ прошломъ вѣкѣ большое вліяніе и значеніе въ краѣ. Такъ, напримѣръ, назову одну: фамилію Ефремовыхъ, изъ которой нѣсколько десятковъ лѣтъ избирались народомъ войсковые атаманы. Былъ случай, что въ этой фамиліи избраніе это сдѣлалось наслѣдственнымъ и, по голосу народа, перешло отъ отца къ сыну. Часть дворянства, о которомъ говорю, по количеству владѣемой земли, плодородности почвы и удобству сбыта произведеній, въ общихъ выраженіяхъ можно назвать богатой.

Другая часть состоитъ изъ дворянъ личныхъ, казаковъ, получившихъ съ производствомъ въ офицерскій чинъ это званіе. Этотъ классъ довольно многочисленъ на Дону, и, съ нѣкоторыми только исключеніями, по понятіямъ и образу жизни, мало отличается отъ общей массы простыхъ казаковъ. До размежеванія юртовыхъ довольствій въ Войскѣ, помѣщичьи владѣнія, съ крестьянами ихъ, разбросаны были по всему краю. Дворяне жили частью въ имѣніяхъ, частью въ станицахъ, къ которымъ они были приписаны, и сближеніе это, рождая нѣкоторые общіе интересы, заставляло ихъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ станичниковъ. Гражданская связь существовала между дворянами, офицерами и казаками. Распоряженіемъ правительства всѣ дворянскія помѣстья переведены и переводятся изъ юртовъ на другія свободныя войсковыя земли; весь Міусскій и большая часть Донецкаго округа исключительно состоятъ изъ помѣщичьихъ владѣній. Многосложное и запутанное дѣло переселенія продолжается еще до сихъ поръ, хотя близко къ концу, но при новомъ положеніи крестьянъ представляетъ нѣкоторыя мѣстныя затрудненія, могущія, впрочемъ, быть устраненными.

Эта мѣра переселенія имѣетъ несомнѣнно свою пользу для обѣихъ сторонъ, какъ помѣщиковъ и бывшихъ крестьянъ ихъ, такъ и казаковъ. Она избавила обѣ стороны отъ неизбѣжныхъ при прежнемъ порядкѣ стѣсненій, столкновеній и поземельныхъ споровъ. Съ другой точки зрѣнія, помянутая мѣра совершенно разорвала всю существующую связь между дворяниномъ, офицеромъ и казакомъ; разрознила совершенно интересы сословій; вселила даже до нѣкоторой степени непріязненныя между ними отношенія: казаки стараются всѣми средствами выживать оставшихся въ юртахъ ихъ помѣщиковъ и офицеровъ, получившихъ пожизненные участки, съ цѣлью пользоваться

бо̀льшимъ количествомъ земли. Помѣщики, съ своей стороны, совершенно равнодушны къ общественнымъ нуждамъ казаковъ *).

Вникая въ духъ дворянскаго сословія на Дону, нельзя не замѣтить двухъ совершенно-противоположныхъ направленій.

Значительное большинство дворянъ родовыхъ и всѣ безъ исключенія почти личные дворяне твердо и крѣпко держатся принципа казачества. Хотя первые, какъ выше сказано, матеріальными своими интересами отдѣлены отъ казаковъ; но въ общихъ вопросахъ о существованіи и правахъ Войска они вполнѣ сочувствуютъ массѣ населенія и раздѣляютъ его понятія и стремленія.

Другая, меньшая часть дворянства, преимущественно незнакомая совершенно съ краемъ, народнымъ бытомъ, остается равнодушна къ общимъ интересамъ массы. Частью личные виды или матеріальныя причины, частью болѣзненное въ настоящее время увлеченіе къ измѣненію всего существующаго хорошаго и дурнаго, суть причины, по которымъ всякая, даже основная перемѣна будетъ встрѣчена помянутыми лицами съ безсознательнымъ одобреніемъ. Въ Петербургѣ понятіе о казакахъ и потребностяхъ Войска преимущественно составляется изъ мнѣній этого меньшинства. Странно слышать въ обществѣ выраженіе, что казаки желаютъ «того-то» или «тяготятся тѣмъ-то», когда знаемъ, что мнѣнія эти почерпнуты изъ словъ какого нибудь богатаго помѣщика или служащаго, никогда не живущаго на Дону, или молодаго офицера, считающаго лучшимъ средствомъ доказать свое образованіе и современныя понятія порицаніемъ идеи казачества.

3-е) Географическое положеніе Донскаго края и родъ службы Донскихъ казаковъ составляютъ отличительную отъ всѣхъ прочихъ казаковъ особенность Войска. Находясь на мирномъ положеніи, посреди другихъ губерній Имперіи, казаки не несутъ у себя никакой пограничной службы, не стоятъ глазъ на глазъ съ непріятелемъ и въ домашнемъ быту своемъ имѣютъ возможность пользоваться всѣми выгодами гражданской жизни. Но самое положеніе это дѣлаетъ всѣхъ ихъ совершенно способными, по первому призыву правительства, выступать въ поле на неопредѣленное время и въ самые отдаленные края. Въ послѣднюю войну, не смотря на то, что по положенію назначено только 64 полка въ Войскѣ, оно выставило 81 полкъ на службу.

*) Странно видѣть, напримѣръ, на станичномъ сборѣ старика-казака, который вмѣстѣ съ прочими гражданами своей станицы упрекаетъ сына-офицера, получившаго пожизненный надѣлъ, въ лишнемъ противъ положенія клочкѣ земли, которымъ тотъ позволяетъ себѣ пользоваться въ станичномъ юртѣ.

На Дону не существуетъ, кромѣ гвардейскихъ, другихъ постоянныхъ полковъ, нѣтъ раздѣленія станицъ по полкамъ, какъ у Линейныхъ казаковъ, нѣтъ общей наёмки какъ въ Уральскомъ Войскѣ. Самое формированіе Донскихъ полковъ и выступленіе ихъ на службу имѣютъ свою оригинальную особенность.

Посылается въ окружныя дежурства *) приказъ о нарядѣ столькихъ-то полковъ; сборное мѣсто назначается около такого-то кургана или хутора, на болѣе центральномъ пунктѣ. Приказъ этотъ чрезъ станичныя правленія передается очереднымъ казакамъ, которые, каждый по одиночкѣ, въ опредѣленный срокъ выѣзжаютъ къ назначенному мѣсту. Офицеры и урядники, назначаемые по очереднымъ спискамъ, туда же собираются; пріѣзжаютъ, наконецъ, окружный генералъ и полковой командиръ; первый повѣряетъ очередные списки, осматриваетъ казаковъ, а второй принимаетъ и формируетъ полкъ.

Собранная толпа казаковъ разбивается на сотни; въ каждую изъ нихъ назначаются урядники; наконецъ, полковой командиръ раздѣляетъ по частямъ офицеровъ; тутъ же избираются адъютантъ, казначей и квартирмейстеръ, составляются посотенно списки полка, получаются полковое знамя, шнуровыя книги и деньги на довольствіе полка (которое производится изъ войсковыхъ суммъ, покуда полкъ слѣдуетъ въ предѣлахъ Донскаго края). Весь процессъ формированія и пріемъ полка продолжается трое сутокъ. Полкъ сформированъ и выступаетъ по данному маршруту.

Во время похода полковой командиръ знакомится со ввѣренною ему частью; переранжировываетъ, смотря по надобности, полкъ частью на маршѣ, частью на дневкахъ, занимается фронтовымъ образованіемъ казаковъ. Въ этомъ случаѣ значительную пользу оказываютъ ему казаки и урядники, бывшіе въ учебномъ полку; таковыхъ въ каждомъ выступающемъ полку набирается до 60 и болѣе.

Полковые командиры назначаются также по очередному списку; они заблаговременно пріѣзжаютъ въ Черкасскъ и въ войсковомъ дежурствѣ, въ присутствіи наказнаго атамана или начальника штаба, по древнему казачьему обычаю, вынимаютъ жребій номеромъ назначенныхъ къ выступленію полковъ, по которымъ и назначаются командирами оныхъ.

---

*) Теперешнія управленія окружныхъ атамановъ. А. К.

Какъ ни странно подобное формированіе полка въ настоящее время, но казаки крѣпко привязаны къ существующему порядку. Мысль о постоянныхъ полкахъ или другомъ какомъ либо измѣненіи сильно тревожитъ ихъ опасеніемъ, что это будетъ первымъ шагомъ къ составленію изъ нихъ регулярнаго войска. Съ другой стороны, при смѣтливости и другихъ военныхъ качествахъ казака, подобное формированіе полковъ не представляетъ еще большихъ неудобствъ. Послѣ одного, много двухъ мѣсяцевъ похода, особенно при хорошемъ и заботливомъ командирѣ, полки приходятъ къ мѣсту назначенія въ весьма удовлетворительномъ состояніи и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы и при выгодныхъ служебныхъ условіяхъ, особенно если полкъ въ сборѣ, получаютъ всѣ качества превосходной легкой кавалеріи.

Существуетъ между нѣкоторыми мнѣніе, что Донскіе казаки въ арміи не соотвѣтствуютъ своему назначенію; отрицаютъ даже неотъемлемыя въ нихъ военныя достоинства иррегулярной легкой кавалеріи. Въ извѣстныхъ случаяхъ воззрѣніе это не лишено нѣкоторой основательности; но причина этому заключается не въ казакахъ, а въ томъ назначеніи, которое они получаютъ въ арміяхъ.

Въ Грузіи, напримѣръ, Донскіе полки расположены на огромномъ протяженіи по пограничнымъ постамъ и внутри края незначительными командами изъ 5, много 20 человѣкъ; такимъ образомъ раздѣленные товарищи въ продолженіе трехъ лѣтъ иногда и болѣе не видятъ другъ друга. Подверженные гибельному вліянію зловреднаго климата, расположенные иногда въ мѣстахъ, изъ которыхъ перекочевываютъ на лѣто самые туземцы изъ опасенія убійственныхъ лихорадокъ, казаки гибнутъ отъ болѣзней, томятся тоской по родинѣ или окончательно изнуряются, равно какъ и лошади ихъ, конвоированіемъ почтъ, курьеровъ и всѣхъ лицъ, какимъ бы то ни было средствомъ получившихъ открытые листы. Въ послѣднее время, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно многое сдѣлано для облегченія службы и быта казаковъ въ Грузіи; но климатическія условія и раздробленіе на мелкія команды полковъ остаются тѣже. Какого единства полковаго духа можно требовать отъ части, находящейся въ описанныхъ условіяхъ?

На Кавказской линіи казаки находятся въ другомъ положеніи: они расположены большею частію по-сотенно, или дивизіонами, принимаютъ участіе въ военныхъ экспедиціяхъ, гдѣ часто цѣлые Донскіе полки бываютъ въ сборѣ. Но здѣсь также многія обстоятельства препятствуютъ выказаться военнымъ способностямъ казаковъ. Въ послѣднее время на лѣвомъ крылѣ Кавказской линіи Донскіе казаки пре-

имущественно употреблялись въ отрядахъ на самую неблагородную, а частью и несвойственную кавалеріи службу; они постоянно конвоировали транспорты или употребляемы были, въ продолженіе цѣлыхъ экспедицій, на перевозку собственными лошадьми и на собственныхъ сѣдлахъ военныхъ снарядовъ, провіанта, фуража, какъ для себя, такъ и для прочихъ частей отряда. Какой военной пользы, какого военнаго духа можно ожидать отъ казака на избитой лошади, изломанномъ отъ перевозки сѣдлѣ, и чѣмъ виноватъ онъ, если сбереженный Линейный казакъ быстрѣе его выскочилъ изъ лагеря на тревогу, а между тѣмъ обвиняютъ Донскаго казака и по частности судятъ о Войскѣ.

На томъ же Кавказѣ, при другихъ условіяхъ, сбереженные тѣже Донскіе казачьи полки оставляли по себѣ громкую память; имена полковъ Бакланова, Номикосова, Ежова, Ягодина и другихъ занимаютъ славное и почетное мѣсто въ военныхъ лѣтописяхъ Кавказа.

Во время экспедиціи и кампаній вообще во всѣхъ арміяхъ Донскіе полки значительно ослабляются въ составѣ своемъ непомѣрнымъ раскомандированіемъ чиновъ своихъ по штабамъ и другимъ управленіямъ. Каждый адъютантъ или офицеръ прикомандированный къ штабу, гевальдигеры, транспортные начальники, имѣютъ при себѣ по нѣскольку казаковъ въ должности вѣстовыхъ, кучеровъ, деньщиковъ и проч. [1]).

Не говоря уже о несвойственности таковыхъ должностей для каждаго военнаго, подобныя раскомандировки [2]) заключаютъ въ себѣ другое существенное зло. Полковой командиръ знаетъ, что преимущественно казакамъ, состоящимъ при штабахъ и должностяхъ, назначаются награды; поэтому опредѣляетъ лучшихъ и благонадежныхъ.

---

[1]) Высказанное мною есть плодъ личнаго моего наблюденія; въ 1847 году, состоя адъютантомъ главнокомандующаго на Кавказѣ, мнѣ поручено было инспектировать всѣ расположенные въ Грузіи Донскіе полки, вникнуть въ ихъ бытъ и описать пограничную нашу съ Персіею и Турціею линію. Въ 1832 году подполковникъ генеральнаго штаба Немировичъ-Данченко, въ 1842 году капитанъ Бѣлозоровъ, въ 1846 году подполковникъ Трефортъ имѣли тоже порученіе, но всѣ трое умерли отъ вліянія климата съ самаго начала своего обзора; мнѣ же удалось кончить благополучно возложенное на меня порученіе. Въ архивѣ Тифлисскаго главнаго штаба Кавказской арміи должны находиться мои рапорты и записки о бѣдственномъ положеніи Донскихъ казаковъ. Въ экспедиціи 1856 и 1859 гг. въ Чечнѣ я имѣлъ честь командовать всею кавалеріею отряда и быть свидѣтелемъ сказаннаго выше, и рапорты мои начальнику отряда съ ходатайствомъ о Донскихъ казакахъ должны находиться въ дѣлахъ бывшаго Лѣваго крыла Кавказской линіи.

[2]) Въ 1854 году въ Азіатской Турціи, передъ дѣломъ Кюрукъ-Дара, изъ одного Донскаго полка болѣе 300 человѣкъ казаковъ находились въ подобныхъ раскомандировкахъ.

Оно дѣйствительно такъ и бываетъ: офицерскіе чины, урядничьи галуны и Георгіевскіе кресты большею частію суть достояніе казаковъ не состоящихъ во фронтѣ, а всѣ тѣ, которые несутъ въ полку все бремя службы, остаются ненагражденными.

Ослабленная раскомандировками часть все таки считается полкомъ; говорятъ, такой-то полкъ слишкомъ слабъ въ составѣ своемъ, чтобы пустить его въ дѣло: оставить его въ лагерѣ или назначить въ конвой транспорта.

Не такимъ порядкомъ можно поощрять соревнованіе и другія военныя доблести въ казакахъ.

Между тѣмъ при другихъ условіяхъ, по опыту, считаю Донскіе полки отличнѣйшею кавалеріею, и если они уступаютъ Линейнымъ казакамъ въ единичныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, то безропотнымъ перенесеніемъ трудовъ, стойкостью подъ огнемъ и строемъ при атакѣ они далеко превосходятъ первыхъ *).

*

Въ заключеніе позволяю себѣ выразить свое личное мнѣніе о государственной пользѣ, особенно въ настоящее время, отъ войска Донскаго.

Войско это, по положенію своему внутри Имперіи, не связанное обереженіемъ границъ своихъ, составляетъ для государства, на случай войны, огромный и неоцѣненный кавалерійскій резервъ съ отличнѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ артиллеріею. Усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія уничтожило совершенно значеніе тяжелой кавалеріи и уменьшило значительно роль легкой регулярной. Въ Европейской войнѣ главныя дѣйствія кавалеріи должны ограничиться строгою аванпостною службою для охраненія арміи, быстрыми и смѣлыми переходами въ тылъ и фланги непріятельскихъ отрядовъ для нападенія на мелкія части оныхъ, для отбитія продовольственныхъ транспортовъ и, въ рѣдкихъ только случаяхъ, правильною атакою непріятеля, исключая встрѣчъ кавалеріи съ кавалеріею. Атаки непріятельскихъ колоннъ пѣхоты при нарѣзномъ оружіи въ настоящее время можно считать неблагоразумными. Для упомянутыхъ военныхъ дѣйствій болѣе всего

*) Въ кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи, командуя отдѣльными отрядами, я особенно имѣлъ случай изучить характеръ обоихъ войскъ. Не думая тогда о возможности служить на Дону, я всегда предпочиталъ Линейнымъ Донскихъ казаковъ, когда ожидалъ дѣла въ полѣ и особенно артиллерійскаго непріятельскаго огня.

сродна иррегулярная кавалерія, и можно полагать, что въ этомъ отношеніи перевѣсъ всегда будетъ на сторонѣ той арміи, которая обладать будетъ бо̀льшимъ по числу и качеству такого рода войскомъ. Донскіе казачьи полки, формированіе коихъ ничего не стоитъ правительству, при благопріятныхъ условіяхъ службы и быта ихъ, могутъ всегда служить самымъ мощнымъ военнымъ орудіемъ въ рукахъ государства на случай всякой войны.

Въ гражданскомъ отношеніи не менѣе важенъ для Имперіи Донской край, изобилующій всѣми дарами природы; по плодородности почвы своей, по минеральнымъ богатствамъ (неисчерпаемой каменноугольной формаціи) онъ имѣетъ по географическому положенію своему удобнѣйшій сбытъ для всѣхъ произведеній по Азовскому морю и по рѣкѣ Дону. Нѣкоторыми указанными мѣрами легко можно дать самое сильное развитіе всѣмъ земледѣльческимъ, торговымъ и промышленнымъ силамъ Донскаго края. Такимъ образомъ, обогащеніемъ страны, безъ всякихъ отъ казны матеріальныхъ пожертвованій, правительство, посредствомъ благоустройства одной изъ частей Имперіи, будетъ способствовать общему итогу благосостоянія государственнаго, не лишая вмѣстѣ съ тѣмъ себя всей той военной силы, на которую указано было выше.

Нѣсколько разъ въ запискѣ этой упоминалъ я о священной преданности Донскихъ казаковъ имени Государя; чувства эти исключительно связываютъ съ престоломъ это сословіе и въ настоящее время болѣе чѣмъ когда либо, должны, полагаю, быть цѣнимы правительствомъ. Вотъ почему, при всѣхъ преобразованіяхъ, считаю столь важнымъ укрѣплять эту связь всѣми раціональными мѣрами, могущими клониться къ упроченію благосостоянія народнаго, а не касаться тѣхъ вопросовъ, которые рановременностью своею могли бы возбудить горестное или неблагопріятное впечатлѣніе въ Войскѣ Донскомъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Біографическій очеркъ.

Quod potui feci, faciant meliora potentes

I.

Столь внезапно сошедшій въ могилу, министръ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій происходилъ изъ рода удѣльныхъ князей Ростовскихъ [1]), первымъ изъ которыхъ былъ Василько, сынъ Владимирскаго великаго князя Константина Всеволодовича (1185—1219). Потомокъ князя Василька, въ восьмомъ колѣнѣ, князь Иванъ Александровичъ Ростовскій, носилъ прозвище *Лобана* и былъ родоначальникомъ князей Лобановыхъ - Ростовскихъ. Праправнукъ его, князь Иванъ Ивановичъ (по прозванію *Козій Рогъ*), подписался на грамотѣ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Старшій его сынъ, тоже князь Иванъ Ивановичъ, былъ бояриномъ, а внукъ, князь Яковъ Ивановичъ († 23 Мая 1732 г.), комнатнымъ стольникомъ царей Ѳедора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, а впослѣдствіи маіоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Этотъ князь Яковъ Ивановичъ, въ первой четверти XVIII вѣка, оставался почти единственнымъ представителемъ рода князей Лобановыхъ-Ростовскихъ. Онъ былъ женатъ два раза и имѣлъ 28 дѣтей: отъ перваго брака 9 сыновей и 6 дочерей, отъ втораго 5 сыновей и 8 дочерей [2]). Третій сынъ его, Иванъ, служившій во флотѣ, былъ женатъ на княжнѣ Куракиной и имѣлъ отъ нея сына, князя Александра (1764—1830), дослужившагося до чина генералъ-маіора, и отъ брака своего на Масловой имѣвшаго трехъ сыновей и пять дочерей. Младшимъ его сыномъ былъ князь Борисъ Александровичъ (1795—1863), служившій въ Москвѣ и бывшій камергеромъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Жена его, Олимпіада Михайловна, изъ незнатнаго рода Воронежскаго дворянства, была единственною дочерью губернскаго секретаря Михаила Тимофѣевича Бородина.

---

[1]) Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, Экземплярскаго, II, стр. 15—61, и Родословный Сборникъ, Руммеля. I, стр. 552 и слѣд.

[2]) „Такого плодородія отъ одного человѣка нѣтъ болѣе примѣра въ исторіи благородныхъ фамилій Русскихъ" (Исторія родовъ Русскаго дворянства, Петрова, стр. 105).

У князя Бориса Александровича были одна дочь и пять сыновей, изъ которыхъ четвертымъ былъ князь Алексѣй Борисовичъ, будущій министръ. Онъ родился 18-го Декабря 1824 года, въ Воронежской губерніи, въ имѣніи своей матери. Дѣтство его прошло въ Москвѣ, гдѣ у его родителей былъ собственный домъ, на Собачьей площадкѣ (купленный у г-жи Веригиной), нынѣ принадлежащій М. А. Хомяковой; тамъ, во флигелѣ (первомъ со стороны отъ Кремля) помѣщался онъ съ Французомъ-гувернеромъ Деманжо (m-r Demangeot), съ малолѣтства привившимъ ему ту симпатію къ Франціи, которою онъ отличался впослѣдствіи.

Юные годы, проведенные княземъ Лобановымъ въ Москвѣ, подѣйствовали и въ другомъ отношеніи на послѣдующія его склонности.

Въ то время Москва еще была любимымъ мѣстопребываніемъ сановниковъ на покоѣ. Многіе изъ нихъ принимали непосредственное участіе или, по крайней мѣрѣ, были близки къ главнѣйшимъ дѣятелямъ XVIII вѣка, столь наполненнаго различными драматическими событіями. Разсказы этихъ вельможныхъ старцевъ, изъ которыхъ большинство было въ родствѣ съ княземъ Лобановымъ, о различныхъ пережитыхъ ими эпизодахъ Русской исторіи, слышанные постоянно въ отчемъ домѣ, съ малыхъ лѣтъ пріучили князя Алексѣя Борисовича къ мыслямъ о старинѣ, возбудили въ немъ интересъ къ „дѣламъ давно минувшихъ дней“. Пребываніе же его въ тѣ годы, когда умъ отличается наибольшею впечатлительностью, въ Москвѣ, съ ея памятниками сѣдой древности, съ ея истинно-Русскимъ духомъ, навѣяло на него страсть къ нашему историческому прошлому, заложило въ немъ прочное основаніе сознательной любви къ своему отечеству. Онъ гордился быть Русскимъ, и это чувство нисколько не ослабѣло въ немъ потомъ, ни подъ вліяніемъ широкой Европейской образованности, ни отъ долговременнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ. До склона дней своихъ остался князь Лобановъ вѣренъ Русскому духу, его проникавшему, и вся его дѣятельность, научная и политическая, носила истинно-народный характеръ.

Князь Алексѣй Борисовичъ былъ изъ тѣхъ Русскихъ, горячо любящихъ свою родину, которые отдають себѣ ясный отчетъ въ томъ, чтó такое представляетъ собою стодвадцатимилліонный народъ, изъ котораго 80 милліоновъ одного происхожденія, одного языка и одной вѣры, управляемый единою самодержавною волею, не говоря уже о другихъ преимуществахъ даровитаго Русскаго народа: нашей свѣжести, нашей культурно-государственной цѣльности, богатаго запаса едва початыхъ силъ, развитіе которыхъ сулитъ Россіи великую будущность.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду князь Алексѣй Борисовичъ поступилъ въ Царскосельскій (нынѣ Императорскій Александровскій) Лицей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1844 году (XIII выпускъ), со второю золотою медалью (первую получилъ Петръ Сергѣевичъ Бибиковъ). Товарищами его по Лицею были между прочими М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) и библіофилъ М. Н. Лонгиновъ.

12-го Декабря 1844 г. князь Лобановъ поступилъ на службу по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, сначала въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ въ канцелярію министерства. Исключительно-служебная дѣятельность на первыхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы не могла удовлетворить любознательнаго юношу. Жажда знаній влекла его къ старинѣ, и онъ задумалъ, между прочимъ, изучить древне-Еврейскій языкъ. Покойный любилъ разсказывать, съ какимъ удивленіемъ выслушалъ его тогдашній знатокъ этого языка, протоіерей Павскій, когда онъ, дотолѣ ему совершенно незнакомый, подошелъ къ нему въ полуосвѣщенномъ соборѣ, послѣ всенощной, и изложилъ просьбу, такъ необычно звучавшую въ устахъ элегантнаго, свѣтскаго, молодаго человѣка, давать ему уроки древне-Еврейскаго языка. Съ жаромъ принялся князь за дѣло и овладѣлъ языкомъ настолько, чтобы переводить пророчества Исаіи; но уроки были прерваны отъѣздомъ его за границу: князь былъ посланъ въ 1847 году исправлять должность секретаря посольства въ Парижѣ, что́ позволило ему сдѣлаться свидѣтелемъ паденія Орлеанской монархіи. Въ 1850 г. князь былъ переведенъ въ нашу миссію въ Берлинѣ, гдѣ былъ сперва младшимъ, а менѣе чѣмъ черезъ годъ старшимъ секретаремъ. Здѣсь онъ работалъ подъ руководствомъ барона А. Ѳ. Будберга. Объ этомъ времени покойный сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія; съ начальникомъ же у него установились отношенія, исполненныя сердечной дружбы, неизмѣнно существовавшія до самой кончины барона Будберга.

Въ Берлинѣ у князя развилась библіоманія, и онъ началъ собирать иностранныя сочиненія касающіяся Россіи.

Выдающіяся способности молодаго дипломата были замѣчены, и объ немъ составилось столь выгодное мнѣніе, что когда послѣ Крымской кампаніи въ 1856 г. стали обнаруживаться признаки желанія императора Наполеона примириться съ Россіею, князь Алексѣй Борисовичъ былъ посланъ съ секретнымъ порученіемъ въ Парижъ, куда онъ пріѣхалъ подъ именемъ мѣщанина Рубинштейна, и вмѣстѣ съ Саксонскимъ графомъ Зеебахомъ велъ тайные предварительные переговоры о мирѣ, чѣмъ подготовилъ почву къ окончательному соглашенію.

По возстановленіи сношеній съ Турціей князь Лобановъ былъ назначенъ совѣтникомъ миссіи нашей въ Константинополѣ; по отъѣздѣ же въ Россію нашего посланника А. П. Бутенева, сначала временно замѣнялъ его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, а 10-го Іюня 1859 года былъ назначенъ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Портѣ Оттоманской. Ему было тогда лишь 35 лѣтъ, и въ лѣтописяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, за нынѣшнее столѣтіе, еще не бывало записано посланника, имѣвшаго столь юный возрастъ.

Князь Лобановъ блистательно оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. За время его управленія миссіею произошли: возстаніе Друзовъ,

рѣзня христіанъ въ Сиріи и война съ Черногоріей. Энергическимъ образомъ дѣйствій ему удалось спасти Черногорію отъ окончательнаго разгрома Омеромъ-пашею; благодаря же дружественнымъ отношеніямъ съ Французскимъ его сотоварищемъ Тувенелемъ, могли быть совмѣстно выработаны и примѣнены рѣшительныя мѣры, имѣвшія послѣдствіемъ быстрое прекращеніе насилій надъ Сирійскими христіанами. Путемъ тѣхъ же дружественныхъ отношеній было достигнуто между Россіей и Франціей соглашеніе по щекотливому вопросу объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ.

Надо пожить въ Турціи, чтобы ознакомиться съ рѣзкими и постоянными проявленіями вражды между католиками и православными, въ особенности на жгучей почвѣ Св. Мѣстъ, гдѣ каждое вѣроисповѣданіе страстно и ревниво борется за каждую пядь земли, за каждый камешекъ, за каждую свою привилегію, въ постоянномъ опасеніи какъ бы не умалить своего исконнаго права и тѣмъ не дать противнику возможности основываться на снисходительности или просто на недосмотрѣ, чтобы требовать себѣ какой либо новой дополнительной льготы. Лишь тотъ, кто во очію видѣлъ проявленія ненависти между христіанскими вѣроисповѣданіями, съ такою силою вспыхивающія у Гроба Того, Кто всю Свою жизнь проповѣдывалъ милосердіе и любовь, только тотъ можетъ понять, какъ трудно было установить въ вопросѣ объ исправленіи купола надъ Гробомъ Господнемъ совмѣстное дѣйствіе между покровительницею Православія, Россіей, и представительницею католическихъ интересовъ, Франціею.

Умножившіяся между Россіей и Турціей торговыя связи ставили на очередь вопросъ о болѣе соотвѣтствующемъ съ требованіями времени пересмотрѣ договорныхъ статей, основывавшихся на торговомъ трактатѣ, заключенномъ въ Константинополѣ 10-го Іюня 1783 года.

Несмотря на пошатнувшееся, послѣ Крымской войны обаяніе наше въ Турціи (уважающей, какъ и всѣ восточныя державы, одну лишь матеріальную силу), князь Лобановъ успѣлъ добиться заключенія между Россіей и Турціей трактата о торговлѣ и мореплаваніи, который былъ подписанъ 22-го Января 1862 года; имъ выговорены новыя и существенныя льготы какъ для нашихъ купцовъ и товаровъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, такъ и для нашихъ торговыхъ судовъ, посѣщающихъ Турецкія воды.

За время пребыванія его въ Царьградѣ, любовь къ научнымъ занятіямъ не покидала князя Лобанова: онъ занялся здѣсь археологіею и нумизматикою и успѣлъ себѣ составить хорошую коллекцію Византійскихъ монетъ.

По нѣкоторымъ причинамъ, скорѣе семейнаго свойства, 14-го Марта 1863 года князь Лобановъ вышелъ въ отставку и поселился въ Ниццѣ. Отставка его была, впрочемъ, очень кратковременна, и чрезъ пять мѣсяцевъ онъ снова поступилъ въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а въ 1866 г. былъ переведенъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Блестящія природныя дарованія, а отчасти, быть можетъ, и атавизмъ потомка древнихъ владѣтельныхъ князей, позволили князю Лобанову скоро освоиться съ условіями дѣятельности на новомъ, до того ему совершенно чуждомъ поприщѣ внутренняго управленія Россіею.

Послѣ кратковременнаго пребыванія его въ должности губернатора въ Орлѣ, гдѣ доселѣ сохраняется добрая память объ его доступности, энергіи и о живѣйшемъ интересѣ, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ управляемой губерніи, онъ въ 1867 г. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, получивъ одновременно и званіе сенатора. Благодарные жители Орла и Карачева избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ.

Время пребыванія князя Лобанова въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было временемъ широкихъ реформъ, потокомъ лившихся на Россію, и просвѣщенной дѣятельности князя открылось обширное поприще. Онъ принималъ непосредственное участіе въ комиссіяхъ: о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, по составленію проекта новаго Городоваго Положенія, по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ, по поземельному устройству поселянъ (царанъ) Бессарабской области, по примѣненію Городоваго Положенія въ городахъ Прибалтійскихъ губерній, въ высочайше учрежденномъ при Министерствѣ Юстиціи Комитетѣ по преобразованію слѣдственной части (при чемъ на него было возложено предсѣдательствованіе въ случаѣ отсутствія предсѣдателя этого Комитета, статсъ-секретаря графа Палена). Затѣмъ, князь Алексѣй Борисовичъ исполнялъ обязанности предсѣдателя комиссій по дѣламъ раскола, высочайше учрежденныхъ въ 1868 г., а потомъ въ 1875 годахъ, былъ вице-президентомъ С.-Петербургскаго Тюремнаго Комитета. Кромѣ того, ему пришлось восемь разъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, получая каждый разъ высочайшее благоволеніе за успѣшное управленіе.

Отдаваясь своимъ многосложнымъ обязанностямъ, князь Лобановъ, съ 1870 г. носившій почетное званіе статсъ-секретаря Его Величества, во всякое поручаемое ему дѣло умѣлъ вносить живую струю: быстро схватывая сущность дѣла и ясно отграничивая все наиболѣе важное отъ послѣдующихъ второстепенныхъ наслоеній, въ заключенія свои по самымъ разнообразнымъ вопросамъ онъ вносилъ свѣтлые, широкіе взгляды съ рѣзко-очерченнымъ примирительнымъ направленіемъ. Въ случаяхъ важныхъ усталость для него не существовала и, не прибѣгая къ помощникамъ, онъ самъ углублялся въ изученіе запутанныхъ и сложныхъ дѣлъ. Очевидцы разсказываютъ, что это было что-то невѣроятное, когда князь брался за работу, которая въ его рукахъ кипѣла и почти мгновенно отливалась въ наиболѣе совершенную форму.

Для всякаго другого такой плодовитой работы было бы за глаза достаточно; не таковъ былъ князь Лобановъ. Умъ его требовалъ все новой и новой пищи и, вѣрный своей давней страсти, онъ обращался къ исторіи,

этой прекрасной возлюбленной), всегда закутанной въ таинственную, зачарованную дымку, раскрывающуюся лишь понемногу, которою стóитъ увлечься одинъ разъ, чтобы на всю жизнь остаться ея покорнымъ рабомъ.

Вопросъ о родовыхъ отношеніяхъ въ средѣ нашего высшаго дворянства издавна интересовалъ князя Лобанова, полагавшаго, что родственныя связи играли въ нашей исторіи роль значительно-бóльшую, чѣмъ это обыкновенно представляютъ и что отъ нихъ существенно зависилъ и самый ходъ историческихъ событій. Отсюда вытекала необходимость подробнаго изученія сказанныхъ связей для уясненія себѣ скрытыхъ иногда причинъ того или другаго событія, кажущагося, повидимому, непонятнымъ, и вотъ, слѣдовательно, какимъ путемъ князь пришелъ къ мысли заняться генеалогіею Русскаго дворянства.

По части этой генеалогіи въ то время существовалъ лишь одинъ серьезный трудъ „Россійская родословная книга князя Долгорукова“. Но, съ одной стороны, многія приведенныя въ ней родословія нуждались въ дополненіи, а во вторыхъ, въ ней не дается родословій многихъ, нынѣ уже угасшихъ, старинныхъ Русскихъ родовъ, такъ напр. въ родословіи князей Одоевскихъ (т. I, стр. 49) показанъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ (№ 38), отъ котораго пошли князья Воротынскіе, а на стр. 53-й указано, что отъ князя Василія Борисовича Тюфяки Оболенскаго (№ 129) пошли князья Тюфякины, а между тѣмъ родословныхъ таблицъ князей Воротынскихъ и Тюфякиныхъ князь Долгоруковъ не даетъ.

Первоначальною мыслью князя Лобанова было составить родословія именно такихъ угаснихъ знаменитыхъ родовъ, о которыхъ не имѣется подробныхъ таблицъ, а затѣмъ уже, на основаніи имѣвшихся въ распоряженіи его матеріаловъ, дополнить и генеалогическія таблицы прочихъ дворянскихъ родовъ вообще. Такимъ образомъ, задуманный имъ сборникъ былъ бы прямымъ продолженіемъ труда князя Долгорукова. Но въ то время, какъ князь Алексѣй Борисовичъ собиралъ повсюду необходимыя ему справки и замѣтки, онъ сообщилъ о своихъ занятіяхъ М. И. Семевскому. Нетерпѣливый редакторъ „Русской Старины“ не далъ князю достаточно времени, чтобы тщательно обработать имѣвшійся у него матеріалъ и убѣдилъ его издать таблицы въ томъ отчасти отрывочномъ видѣ, въ какомъ онѣ хранились въ его портфелѣ.

Первый томъ изданной М. И. Семевскимъ „Русской родословной книги“ вышелъ въ 1873 году, а второй въ 1875 году. Книга эта, вышедшая безъ имени составителя, имѣла успѣхъ и, не смотря на свою неполноту и отрывочность, сдѣлалась настольною книгою у нашихъ генеалоговъ. Анонимъ князя скоро огласился, генеалогическая репутація его установилась на прочномъ основаніи, и Петровъ, въ своей „Исторіи родовъ Русскаго дворянства“, называетъ князя „величайшимъ изъ современныхъ разработывателей отечественной генеалогіи“ (стр. 105). Благодаря значенію, какое пріоб-

рѣлъ трудъ князя Лобанова среди любителей исторіи, онъ весьма быстро исчезъ съ книжнаго рынка и скоро сдѣлался библіографическою рѣдкостью.

Второе изданіе „Русской родословной книги“, сдѣланное А. С. Сувориным, вышло въ свѣтъ въ 1895 году, въ двухъ томахъ, въ столь дополненномъ видѣ, что, при почти одинаковомъ числѣ родословій (увеличилось всего на 11), объемомъ оно чуть не въ полтора раза обширнѣе перваго изданія. Оно было очень благосклонно встрѣчено критикою, отмѣтившею всѣ достоинства этого капитальнаго труда, являющагося цѣннымъ вкладомъ въ нашу небогатую генеалогическую литературу.

Кромѣ этого большаго труда, князь Лобановъ принималъ постоянное участіе въ „Русской Старинѣ“, гдѣ напечаталъ собраніе разсказовъ П. Ѳ. Карабанова и рядъ замѣтокъ и статей, основанныхъ на принадлежавшихъ ему неизданныхъ документахъ: „Свѣтлѣйшій князь П. П. Лопухинъ“ (1873), „Родословіе герцога Бирона“ (1873), „Манштейны“ (1876), „Зубовы“ (1876), „Графъ Александръ Головкинъ“ (1876), „Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ“ (1876), „Лордъ Витвортъ“ (1877). Затѣмъ въ „Русскомъ Архивѣ“ онъ помѣстилъ анонимный трудъ о Е. И. Нелидовой (1873), представляющій одну изъ попытокъ его къ систематической обработкѣ добытыхъ имъ матеріаловъ, и нѣсколько другихъ исторіографическихъ замѣтокъ.

Но что́ особенно привлекало къ себѣ вниманіе князя Лобанова, это непродолжительное, но исполненное такого интереса царствованіе императора Павла I. Онъ задумалъ написать исторію этого остающагося доселѣ въ полумракѣ періода и съ любовью сталъ собирать нужные ему матеріалы; въ его библіотекѣ было сосредоточено все, что́ объ этомъ времени напечатано въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Заграничные книготорговцы немедленно сообщали ему о всѣхъ попадавшихся имъ по этому предмету книгахъ, и князь не жалѣлъ никакихъ денегъ на выписку интересовавшаго его сочиненія; кромѣ печатныхъ источниковъ, у него имѣлись въ его коллекціяхъ и драгоцѣнные рукописные: подлинныя письма, дневники дѣятелей того времени и многія другія данныя; нѣкоторыя разрѣшено было ему собрать, по особому къ нему довѣрію императора Александра II, въ собственномъ фамильномъ архивѣ Его Величества. Богатство матеріала и личность трудившагося надъ нимъ историка обѣщали дать полную и безпристрастную оцѣнку такъ недостаточно еще выясненной рыцарской личности императора Павла Петровича и пролить новый свѣтъ на исторію его царствованіи. Къ сожалѣнію, усиленная служебная дѣятельность князя мѣшала ему сосредоточиться на обработкѣ собранныхъ имъ сырыхъ историческихъ данныхъ, и онъ успѣлъ лишь составить два большихъ тома „Дневника“, гдѣ, день за днемъ, воспроизведена вся внѣшняя исторія царствованія Павла I.

Ученые труды князя Лобанова были вознаграждены избраніемъ его въ почетные члены Императорской Академіи Наукъ, а потомъ и Императорской Публичной Библіотеки. Въ тоже время, по высочайшему повелѣнію,

князь былъ приглашенъ отъ имени Его Величества къ содѣйствію по собранію матеріаловъ для исторіи и жизнеописанія императора Николая I.

II.

По окончаніи Русско-турецкой войны и возстановленіи сношеній съ Портою, необходимо было послать въ Константинополь опытнаго дипломата, въ тонкости знакомаго съ Востокомъ и съ особенностями дипломатической тамъ дѣятельности, который въ состояніи былъ бы распутать нѣсколько узловъ, составлявшихъ наслѣдіе минувшей войны, измѣнившей всѣ прежнія соотношенія какъ между Турціей и сосѣдними съ нею государствами, такъ и между народностями, населяющими Балканскій полуостровъ, гдѣ частью окончательно освободились, частью возникли вновь новые политическіе организмы, со своими обособленными стремленіями. Для согласованія всего этого съ видами Россіи требовалось воздѣйствіе мягкое по формѣ, но твердое по существу. Вдобавокъ, нужно было подготовиться къ энергическому дѣйствію и на самого султана для заключенія договора по тѣмъ вопросамъ, которые не подлежали разсмотрѣнію имѣвшаго собраться въ Берлинѣ международнаго конгресса.

Князь Лобановъ представлялъ собою именно человѣка, которому было по плечу справиться съ трудными задачами, предстоявшими быть удѣломъ Русскаго представителя въ Царьградѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. На него-то и палъ выборъ Александра II, снова призвавшаго его на дипломатическое поприще и 22-го Апрѣля 1878 г. назначившаго своимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при султанѣ.

Посылая князя въ Константинополь, Государь счелъ нужнымъ предупредить его, что пребываніе его на берегахъ Босфора будетъ непродолжительно, такъ какъ вскорѣ онъ будетъ вызванъ въ Петербургъ для замѣщенія князя Горчакова, въ то время уже удрученнаго недугами и нуждавшагося въ отдыхѣ.

Положеніе Русскаго посла въ Царьградѣ и въ обычное время крайне тяжелое, боевое. Городъ этотъ служитъ центромъ скрещивающихся всевозможныхъ интригъ иностранныхъ представителей, всѣ свои старанія направляющихъ къ противодѣйствію или даже къ искорененію Русскаго вліянія на Порту и къ стремленію увлечь Турцію въ Западноевропейскую орбиту, заполучивъ, конечно, въ собственную пользу львиную часть всѣхъ выгодъ. Къ этому результату направленъ весь пресловутый Европейскій концертъ, въ которомъ, однако, все чаще и чаще замѣчается отсутствіе стройности, проявляющееся то тутъ, то тамъ раздающимися фальшивыми нотками, и противъ такого-то единодушнаго натиска долженъ бороться Русскій представитель, почти всегда одинокій, никѣмъ не поддерживаемый. Въ тоже время, онъ долженъ преодолѣвать ухищренія уклончивой и двоедушной политики Порты, самою своею слабостью осужденной на постоянныя увертки, въ на-

деждѣ, что никогда не прекращающееся взаимное соперничество между державами дастъ ей возможность какъ нибудь ускользнуть отъ исполненія своихъ обязательствъ, на которыя она такъ щедра на словахъ и даже на бумагѣ. При такихъ условіяхъ защита нашихъ интересовъ въ Турціи и преслѣдованіе исконныхъ нашихъ цѣлей на Востокѣ, въ связи съ заботами, вытекающими изъ нашего, освященнаго вѣками, покровительства единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, налагаютъ на Русскаго посла при султанѣ тяжкое бремя и требуютъ неослабнаго и крайняго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ.

Обычныя тяготы, соединенныя съ обязанностями Русскаго посла въ Константинополѣ, въ эпоху 1878—1879 г.г. еще усугублялись многоразличными вопросами, составлявшими прямое послѣдствіе только что закончившейся войны: нужно было слѣдить за дѣятельностью спеціальныхъ коммиссій по разграниченію Черногоріи, Сербіи и Болгаріи съ Турціей, Болгаріи съ Румыніей и съ Сербіей, Восточной Румеліи съ Турціей, Турціи съ Россіей въ Малой Азіи; нужно было добиться очищенія отъ Турецкихъ войскъ Шумлы и Варны и сдачи намъ Батума; необходимо было справиться съ мусульманскимъ возстаніемъ въ Родопскихъ горахъ, утишить воинственныя стремленія Греціи, направлять первые шаги самостоятельнаго существованія новыхъ политическихъ организмовъ, вызванныхъ къ жизни освободительною войною, княжества Болгарскаго и автономной области Восточной Румеліи, руководить выработкою для этой послѣдней особою международною коммиссіею Органическаго Устава и, наконецъ, стоять на стражѣ спеціально-Русскихъ интересовъ и заключить съ Турціею отдѣльный договоръ. Всѣ эти вопросы приведены были княземъ Лобановымъ къ благополучному разрѣшенію.

Переговоры по дѣлу о заключеніи договора были тѣмъ затруднительнѣе, что для преодолѣнія естественнаго упорства Порты, не желавшей окончательно налагать на себя стѣснительныхъ обязательствъ, принятыхъ ею по предварительному Санъ-Стефанскому миру, у князя Лобанова не было другихъ средствъ давленія кромѣ нравственныхъ, такъ какъ, вслѣдствіе явнаго недоброжелательства Европы, сократившей срокъ нашей оккупаціи Болгаріи, Русскія войска должны были оставить предѣлы Турціи ранѣе, чѣмъ это предполагалось первоначально и, потому, не могли быть мечомъ Бренна, который князь Лобановъ, въ случаѣ надобности, могъ бы бросить на чашку вѣсовъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря своему нравственному авторитету, дипломатическому искусству, настойчивости и личному вліянію на султана, князю Алексѣю Борисовичу удалось добиться заключенія окончательнаго мирнаго договора между Россіею и Турціей, который и былъ подписанъ 27 Января (8 Февраля) 1879 года.

Актъ этотъ, между прочимъ, опредѣлилъ размѣръ военной контрибуціи, которую Турція должна была уплатить Россіи, въ восемьсотъ два мильона пятьсотъ тысячъ франковъ; Русскимъ подданнымъ и учрежденіямъ, пострадавшимъ отъ войны, Порта обязалась уплатить вознагражденіе въ размѣрѣ

не свыше 26.750.000 франковъ, особые коммиссары должны были опредѣлить размѣръ суммъ должныхъ Россіи за содержаніе военноплѣнныхъ. Послѣдующими статьями трактата султанъ даруетъ полную амнистію всѣмъ своимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ событіяхъ въ областяхъ Европейской Турціи и возвращаетъ изъ изгнанія и ссылки всѣхъ по этому же поводу удаленныхъ изъ ихъ родины (сколько несчастныхъ Болгаръ было, затѣмъ, въ силу этой статьи, возвращено, по требованію нашего посольства, изъ ссылки въ Малой Азіи!); наконецъ, Блистательная Порта обязуется покончить, путемъ полюбовнаго соглашенія, всѣ тянущіяся уже столько лѣтъ тяжебныя дѣла, по требованіямъ Русскихъ подданныхъ съ Турецкаго правительства, и возмѣстить имъ всѣ понесенные ими убытки, а также привести немедленно въ исполненіе всѣ уже ранѣе того состоявшіяся въ ихъ пользу судебныя рѣшенія.

Пишущему эти строки, исполнявшему въ то время обязанности перваго секретаря посольства нашего въ Константинополѣ, было поручено доставить въ Петербургъ договоръ этотъ, который и былъ ратификованъ 3-го Февраля 1879 года.

Неусыпно слѣдя за ходомъ политическихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ со всѣми ихъ сложными перипетіями, князь Лобановъ не упускалъ изъ виду условій дѣятельности и чисто консульской и повысилъ уровень требованій отъ нашихъ консуловъ. Снабдивъ ихъ инструкціями, въ которыхъ, однако, отсутствовали обычно употребляемыя въ такого рода бумагахъ общія слова и упованія на „извѣстный посольству вашъ тактъ и опытность“ и гдѣ, напротивъ, были кратко и ясно указаны главныя цѣли и задачи, подлежавшія вѣдѣнію того или другого консула, князь Лобановъ сообщилъ имъ всѣмъ весьма обширную программу относительно того, о чемъ наши консулы должны были доставить подробныя свѣдѣнія, по постепенно, по мѣрѣ болѣе и болѣе тщательнаго ознакомленія съ краемъ, ввѣреннымъ ихъ наблюденію, и благодаря которымъ должно было получиться полное и всестороннее описаніе края въ политическомъ, статистическомъ, этнографическомъ, торгово-промышленномъ, военномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Консуламъ была намѣчена широкая рамка свѣдѣній, въ которыхъ нуждалось посольство, хотя, въ интересѣ полноты и основательности этихъ свѣдѣній, имъ было предоставлено не спѣшить ихъ доставленіемъ ради простой канцелярской отписки, которой князь Лобановъ не терпѣлъ во всю свою жизнь.

Какъ рѣшительно поступалъ князь Лобановъ въ иныхъ обстоятельствахъ, когда польза дѣла требовала быстроты, показываетъ одинъ изъ эпизодовъ, случившійся лѣтомъ 1878 года.

Послѣ предварительнаго Санъ-Стефанскаго мира, Русскія войска охватывали съ сухопутья Константинополь широкимъ кольцомъ, начинавшимся у Санъ-Стефано и тянувшимся почти до Чернаго моря. Турки, въ свою очередь, тоже постепенно сосредоточили сюда же свои войска, вытянувъ ихъ

въ линію паралельную линіи расположенія Русскихъ силъ, такъ что обѣ арміи, стоявшія на всемъ этомъ протяженіи одна противъ другой, изо дня въ день тщательно слѣдили за всякимъ дѣйствіемъ и движеніемъ своего противника. Окончательнаго мира заключено еще не было, а слѣдовательно не было полной увѣренности, что война по какому нибудь поводу снова не возгорится. Въ добавокъ, въ обѣихъ арміяхъ были военачальники, недовольные прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Одни изъ нихъ, Русскіе, находили, что, не смотря на побѣдоносную войну, мы пріобрѣли слишкомъ мало по сравненію съ принесенными жертвами, и что, во всякомъ случаѣ, намъ слѣдовало во что бы ни стало занять Константинополь. Другіе, Турки, полагали, что Турціи слѣдуетъ продолжать открытую борьбу, что у нея, съ теченіемъ времени, накопилось болѣе вѣроятностей на побѣду и что дальнѣйшимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ можно не только избавиться отъ унизительныхъ навязанныхъ побѣдителемъ условій, но и самимъ продиктовать свои условія Россіи, ослабленной продолжительною войною и не имѣвшей надежной коммуникаціонной линіи для сообщенія съ своею арміею, находившеюся въ окрестностяхъ Царьграда.

Однимъ изъ самыхъ ярыхъ партизановъ подобной guerre à outrance былъ молодой генералъ (нынѣ маршалъ) Фуадъ-паша, Турецкій Мюратъ, самонадѣянность котораго не знала границъ съ того времени какъ ему посчастливилось нанести пораженіе Русскимъ войскамъ подъ Еленою. Находившійся подъ его начальствомъ авангардъ, въ одинъ изъ Іюльскихъ дней, замѣтилъ, что у Русскихъ, стоявшихъ напротивъ его, возведены вышки, построенныя казаками для лучшаго наблюденія за Турецкими позиціями. Фуадъ-паша усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе обязательнаго для обѣихъ сторонъ бездѣйствія и какъ бы приступъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и послалъ сказать начальнику стоявшихъ тамъ Русскихъ войскъ, генералу Скобелеву, что если къ девяти часамъ завтрашняго утра вышки не будутъ разрушены, то онъ дастъ приказъ къ наступленію по всей линіи.

Скобелевъ немедленно донесъ о происшедшемъ главнокомандующему, графу Тотлебену. Была уже ночь, когда донесеніе его было получено въ главной квартирѣ. Графъ Тотлебенъ тотчасъ же послалъ съ этимъ извѣстіемъ директора состоявшей при немъ дипломатической канцеляріи, М. А. Хитрово, на паровомъ катерѣ въ Буюкдере, гдѣ жило тогда наше посольство и куда онъ прибылъ въ 4 часа утра, а въ 5 часовъ князь Лобановъ былъ уже въ прибосфорской деревушкѣ Кандилли, расположенной на Малоазійскомъ берегу, гдѣ проводилъ лѣто тогдашній Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, Сафветъ-паша.

Князь Лобановъ потребовалъ, чтобы немедленно разбудили министра. Напрасно прислужники его уклонялись отъ исполненія этого требованія, говоря, что въ такой ранній, утренній часъ министръ еще находится въ гаремѣ, и вызвать его оттуда невозможно. Русскій посолъ стоялъ на своемъ,

и Сафвета, наконецъ, извлекли изъ гарема. Онъ явился въ желтой стеганой, ситцевой кацавейкѣ. Князь передалъ ему о всемъ происшедшемъ и указалъ на роковыя послѣдствія, которыя могла имѣть безумная выходка Фуада, похвалявшагося, что онъ самъ разрушитъ казачьи вышки, такъ какъ легко было предвидѣть, что попытка Турецкихъ войскъ перейти въ наступленіе немедленно вызвала бы отпоръ и наступленіе со стороны Русскихъ, и снова возгорѣлась бы война, а разъ она началась бы снова, кто могъ бы опредѣлить, гдѣ она кончится.... Въ обоюдныхъ интересахъ и Россіи и Турціи необходимо было безъ промедленія обуздать пылкаго генерала и для того тотчасъ же войти въ сношенія съ султаномъ, такъ какъ каждая минута была дорога.

Робкій Сафветъ сначала ни за что не хотѣлъ телеграфировать въ Ильдызъ-кіоскъ, ссылаясь на то, что султанъ еще въ гаремѣ и онъ не смѣетъ его безпокоить; однако, подъ конецъ, онъ долженъ былъ уступить непреклонной настойчивости князя, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ, такъ какъ въ 6 часовъ утра султанъ далъ непосредственно Фуаду-пашѣ самыя строгія приказанія по телеграфу, и весь этотъ случай, который при малѣйшемъ промедленіи или недостаткѣ рѣшительности со стороны князя Лобанова, могъ повести къ возобновленію военныхъ дѣйствій и возбудить, пожалуй, восточный вопросъ въ полномъ его объемѣ, былъ улаженъ благополучно и не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Жители же Константинополя, проснувшись, и не подозрѣвали, отъ какой опасности они избавились и какія событія должны были разыграться въ то утро, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по всей вѣроятности, въ самыхъ стѣнахъ Константинополя.

III.

Въ то время какъ подъ умиротворяющимъ дѣйствіемъ князя Лобанова мало по малу сглаживались шероховатости разныхъ вопросовъ, одинъ за другимъ возникавшихъ на окружавшей его вулканической почвѣ, императоръ Александръ II нашелъ, что присутствіе князя необходимо въ Лондонѣ. Отношенія наши съ Англійскимъ правительствомъ безспорно ухудшались, а такъ какъ князя привыкли уже посылать туда, гдѣ, какъ говорится, „горитъ", то 23 Декабря 1879 года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при королевѣ соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи, императрицѣ Индіи. При отправленіи его въ Лондонъ Государь вторично заявилъ ему, что это будетъ послѣднимъ дипломатическимъ его постомъ за границею, такъ какъ онъ предназначенъ замѣнить князя Горчакова въ управленіи нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

И здѣсь князь Лобановъ оправдалъ возлагавшіяся на него ожиданія. Характеръ отношеній между Англіею и нами быстро измѣнился къ лучшему, прежняя холодность исчезла, и представилась возможность съ успѣхомъ защищать интересы Россіи въ происходившихъ тогда переговорахъ по Афганскимъ и Египетскимъ дѣламъ. Въ тоже время, при его посредствѣ, была

заключена между Россіею и Великобританіею конвенція 9-го Августа 1880 г. о взаимной выдачѣ наслѣдствъ, остающихся послѣ смерти мореходцевъ.

Въ Лондонѣ князь Лобановъ оставался до 13-го Іюля 1882 года, когда былъ переведенъ въ Вѣну, будучи назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при императорѣ Австрійскомъ, королѣ Венгерскомъ. Лишь тогда рѣшился онъ перевезти изъ Петербурга всѣ свои обширныя коллекціи портретовъ Русскихъ дѣятелей, картинъ, гравюръ, автографовъ, монетъ и разныхъ древнихъ вещей, предвидя, что въ Вѣнѣ суждено ему провести много лѣтъ. До тѣхъ поръ, коллекціи его хранились въ оставленномъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ до 1882 года за собою старомъ его помѣщеніи на Михайловской площади, въ домѣ гр. Вельегорскихъ (нынѣ Кочкурова). Помѣщеніе это памятно многимъ любителямъ старины, такъ какъ въ немъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, князь любилъ принимать всѣхъ, кому дорого наше прошлое, всѣхъ, кто занимался изученіемъ этого прошлаго, и велъ съ ними оживленныя бесѣды по различнымъ историческимъ вопросамъ, поражая собесѣдниковъ обширною своею начитанностью и проникновеніемъ въ самую суть былыхъ событій.

Долговременное пребываніе князя Алексѣя Борисовича въ столицѣ Австріи совпало съ эпохою тяжкихъ смутъ въ Болгаріи, когда, пользуясь благопріятными обстоятельствами, окрылились Австрійскія вожделѣнія на столь лакомый кусокъ, какъ это Славянское княжество, захотѣвшее, въ особенности подъ вліяніемъ Стамбулова, дать на удивленіе міру второй образчикъ неблагодарности.

Это было тяжкое время, когда зачастую казалось, что подъ вліяніемъ задорнаго образа дѣйствій мѣстныхъ Австрійскихъ агентовъ и подъ вліяніемъ воинственныхъ рѣчей, сплошь и рядомъ раздававшихся въ Австро-венгерскихъ представительныхъ собраніяхъ, миръ держался на волоскѣ, который вотъ-вотъ долженъ порваться. Мудрая политика Царя-Миротворца, находившаго себѣ въ Вѣнѣ такого искуснаго исполнителя его предначертаній, предотвратила катастрофу.

Благодаря полнымъ такта дѣйствіямъ князя Лобанова, спокойно, но твердо отстаивавшаго неприкосновенность самихъ принциповъ, на которыхъ зиждется наша политика на Балканскомъ полуостровѣ, кровью Русскихъ воиновъ вызваннаго къ самостоятельной жизни, при чемъ держава-освободительница являла примѣръ личнаго безкорыстія, подобнаго которому едва ли можно найти на скрижаляхъ исторіи,—отношенія между обоими правительствами стали постепенно терять свой острый характеръ и даже, подъ конецъ, приняли скорѣе дружественный оттѣнокъ, хотя Россія и не поступилась въ пользу Австріи ни единымъ изъ своихъ интересовъ.

Заслуги князя Лобанова въ этомъ направленіи были отличены знакомъ монаршаго благоволенія, и 9-го Апрѣля 1889 г. онъ получилъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія.

„Князь Алексѣй Борисовичъ. Цѣня многолѣтнюю дѣятельность вашу на дипломатическомъ поприщѣ, неуклонно направляемую сознаніемъ достоинства и пользъ отечества, а равно ваши дарованія, опытность въ государственныхъ дѣлахъ и отличающія васъ личныя качества, снискавшія вамъ всеобщее уваженіе, я считаю справедливымъ выразить вамъ мою особенную благодарность за ваши достохвальныя заслуги. Въ ознаменованіе оной и въ знакъ моего къ вамъ благоволенія жалую васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождаются. Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный. Александръ".

За время пребыванія князя въ Вѣнѣ были между Россіею и Австро-Венгріею заключены двѣ конвенціи: одна, 2-го Января 1893 года о соединеніи Новоселицкой вѣтви юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ съ Львовско-Черновицкою желѣзною дорогою, и другая —торговая, подписанная 6-го Мая 1894 года.

Изъ особо возлагавшихся за это время на князя Лобанова порученій слѣдуетъ отмѣтить посылку его въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1894 года въ Римъ для извѣщенія папы Римскаго о восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II.

При князѣ же Алексѣѣ Борисовичѣ наше посольство въ Вѣнѣ, помѣщавшееся дотолѣ въ домѣ частнаго лица, пріобрѣло покупкою великолѣпный дворецъ герцога Нассаускаго, а въ прилегающемъ къ дому саду была начата постройка православнаго храма. Благодаря также его стараніямъ, Вѣнскій муниципалитетъ уступилъ намъ участокъ земли подъ устройство кладбища спеціально для погребенія православныхъ Русскихъ подданныхъ, что́ и было тогда же приведено въ исполненіе.

Дипломатическая дѣятельность князя Лобанова, не смотря на свою напряженность, не мѣшала его литературнымъ и ученымъ работамъ. Онѣ служили ему отдыхомъ отъ оффиціальной работы; полнаго отдыха, въ смыслѣ ничегонедѣланія, князь никогда не понималъ, и на каждый досужій часъ у него всегда находилось что нибудь новое, что̀ онъ хотѣлъ изучить или дополнить.

Такъ, въ „Русскомъ Архивѣ" князь Лобановъ помѣстилъ статью о Запискахъ княгини Дашковой (1881), а въ „Русской Старинѣ" „Земскій и Затрапезные, представители именитыхъ купеческихъ фамилій въ XVIII в." (1884), „Маркъ Мартиновичъ и его Русскіе ученики" (1884), „Письмо царицы Прасковьи" (1884), „Анастасія Аѳанасьевна Пушкина" (1884), „Вопросъ о князѣ Щербатовѣ", (1886) „Николай Ивановичъ Кривцовъ" біографическій очеркъ (1888) и „Принцъ Карлъ Эрнестъ Курляндскій въ Бастиліи", очеркъ (1888).

Интересуясь вопросами о Французскихъ эмигрантахъ и вообще о состояніи Французскаго общества конца XVIII вѣка, князь собралъ большое количество сочиненій, рукописей, писемъ, относящихся къ этой эпохѣ, но самъ издалъ только одно сочиненіе на Французскомъ языкѣ, и то анонимно,

выпущенное въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не поступившихъ въ продажу. Сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Lettres de la marquise de Coigny et de quelques autres personnes appartenant à la société française", Paris. 1884. Кромѣ этого сочиненія, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи книги „Correspondance intime du comte de Vaudreuil et du comte d'Artois pendant l'émigration (1789—1815), publiée avec introduction, notes et appendices par Léonce Pingaud". Paris. 1889. На стр. 350-й втораго тома „Correspondance intime", Пинго, говоря о томъ, кому принадлежатъ оригиналы опубликованныхъ имъ 234 писемъ, упоминаетъ, что письма №№ 3—75 „formant une série suivie et numérotée par l'auteur, proviennent de la bibliothêque de s. e. le prince Lobanow, ambassadeur de Russie à Vienne". Не довольствуясь передачею самыхъ писемъ, князь сдѣлалъ къ нимъ много замѣтокъ и примѣчаній, но, тѣмъ не менѣе, всю авторскую честь онъ предоставилъ г-ну Пинго.

Въ 1890—1892 гг. князь Лобановъ собиралъ во всѣхъ архивахъ матеріалы касательно дѣятельности извѣстнаго Французскаго агента, авантюриста и непримиримаго врага Наполеона I, графа d'Антрэга, но собранный имъ матеріалъ предоставилъ обработать обычному своему сотруднику, Пинго, который въ 1893 году выпустилъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Un agent secret sous l'Empire, comte d'Antraigues".

Леонсъ Пинго издалъ еще одну книгу „L'invasion Austro-prussienne (1792—1794)", Paris, 1895; двѣ трети ея заняты анонимнымъ разсказомъ современника объ Австро-Прусской кампаніи въ Эльзасѣ въ 1793 году. Въ предисловіи издатель сообщаетъ, что подлинникъ разсказа принадлежитъ князю Лобанову. И это сочиненіе князь снабдилъ обильными и цѣнными примѣчаніями.

Въ концѣ 1894 года, князь Лобановъ задумалъ издать дневникъ Елисаветы Петровны Дивовой, урожденной графини Бутурлиной, имѣвшей политическій салонъ въ Парижѣ и, какъ кажется, высланной оттуда Наполеономъ I-мъ. Дневникъ Дивовой вмѣстѣ съ ея обширною семейною перепискою хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Всѣ необходимыя по этому поводу выписки и справки были уже сдѣланы; но князь Лобановъ, пріобрѣвшій даже великолѣпный портретъ Дивовой, масляными красками, въ натуральную величину, не успѣлъ осуществить своего намѣренія.

IV.

Князь Лобановъ умѣлъ вселять въ своихъ подчиненныхъ безграничное уваженіе и искреннюю любовь, которыя ярко выразились въ сердечности, выказанной по случаю исполнившагося 12-го Декабря 1894 года пятидесятилѣтія службы его. Впрочемъ, нужно сказать, что одинаковыя чувства возбуждалъ онъ во всѣхъ, съ которыми приходилъ въ близкое соприкосновеніе: стоило его знать, чтобы уважать и любить.

Хотя оффиціальное празднованіе юбилея и не совпадало съ названнымъ выше числомъ, такъ какъ князь былъ пять мѣсяцевъ въ отставкѣ, и было перенесено на 17-ое Мая 1895 года, тѣмъ не менѣе сослуживцы князя испросили его разрѣшеніе отпраздновать пятидесятилѣтній день вступленія его въ службу семейнымъ образомъ и устроили ему обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ чиновники посольства и генеральнаго консульства въ Вѣнѣ, съ ихъ женами.

За обѣдомъ К. А. Губастовъ, тогдашній генеральный консулъ и изъ всѣхъ участниковъ наиболѣе продолжительное время служившій подъ начальствомъ юбиляра, сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Князь Алексѣй Борисовичъ! Желая почтить сегодня, семейнымъ образомъ, ваше полувѣковое служеніе, собрались мы, немногочисленные ваши сотрудники, вокругъ васъ. „Полвѣка! восклицаетъ князь Вяземскій, и сказать такъ страхъ“! А пережить—куда какъ трудно!“

„Да, 50 лѣтъ тому назадъ покинули вы, съ высшимъ отличіемъ, учебное заведеніе, воспѣтое великимъ нашимъ поэтомъ, и поступили на дипломатическое поприще“.

„Вы скоро принялись за дѣло, быстро освоились съ нимъ, обратили на себя вниманіе министерства и прошли скорыми шагами первыя ступени дипломатической лѣстницы“.

„Въ 1859 году, когда вамъ едва исполнилось 35 лѣтъ, т. е. въ тотъ возрастъ, въ который обыкновенно молодые и удачно-служащіе дипломаты едва достигаютъ второстепенныхъ должностей, вы становитесь посланникомъ въ Царьградѣ и ведете нашу политику на Востокѣ. Во время пребыванія вашего на этомъ посту происходитъ рѣзня христіанъ въ Сиріи. Встревоженная Европа спѣшитъ къ нимъ на помощь и, въ бывшихъ по этому вопросу переговорахъ державъ съ Портою вы принимаете дѣятельное участіе“.

„Въ 1863 году вы пожелали покинуть дипломатію, и мы видимъ васъ вскорѣ на различныхъ постахъ внутри отечества: сперва въ провинціи, потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. 11 лѣтъ исполняете вы многотрудныя обязанности, соединенныя, съ этою должностью и участвуете въ различныхъ реформахъ по внутреннему управленію которыми такъ обильно было царствованіе императора Александра II“.

„Наступаетъ новая борьба Россіи съ Турціей. Подписывается Санъ-Стефанскій договоръ, и Царь, призывая васъ вновь на служеніе заграницею, отправляетъ васъ на давно знакомый вамъ Востокъ“.

„Живо помню я прекрасный, весенній, майскій день 1878 года, когда мы вышли, съ А. И. Нелидовымъ во главѣ, на пристань Топхане, встрѣтить васъ, облеченнаго въ высшее дипломатическое званіе“.

„Вторичное пребываніе ваше на Босфорѣ, о которомъ вы любите вспоминать съ удовольствіемъ, ознаменовалось заключеніемъ вами трактата съ Портою. Пробывъ на этотъ разъ немного болѣе года въ Константинополѣ, вы отправились на новый боевой постъ—въ Лондонъ“.

„Тамъ, вѣроятно, какъ говоритъ вашъ великій однокашникъ-поэтъ:

.... вашъ взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ,
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый.
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

„Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой, задумали вы плыть далѣ.... и приплыли благополучно къ живописнымъ берегамъ der blauen Donau.... По мутнымъ водамъ этой быстро текущей рѣки искусно ведете вы, какъ опытный кормчій, 12 лѣтъ уже, Русскую ладью, не взирая на знаменитые Дунайскіе подводные камни, мѣстные туманы и случающіяся, по временамъ, ненастья“....

„За время вашего здѣсь пребыванія, Русское правительство пріобрѣло себѣ палаты, и въ близкомъ будущемъ, съ помощью Божіею, Русскіе и православные будутъ имѣть монументальный храмъ. На Дунайскихъ же берегахъ застаетъ васъ и сегодняшній день“.

„Не мнѣ, князь, скромному сотруднику вашему, углубляться въ оцѣнку вашей государственной дѣятельности. Она уже краснорѣчиво оцѣнена тремя царями!“

„Я же могу только повторить за поэтомъ:

Вы честью почести стяжали,
Безъ посторонняго участья.
Вы, запыхавшись, не бѣжали
За прыткой колесницей счастья,
Чтобъ за подножку, на авось,
Рукою жадной уцѣпиться!

„Вотъ, г.г., въ короткихъ словахъ, пятидесятилѣтнее прошлое нашего юбиляра“.

„Позвольте мнѣ теперь, князь, перейти къ другой сторонѣ вашей дѣятельности, которою вы отличаетесь отъ большинства вашихъ сослуживцевъ, и сказать о ней здѣсь присутствующимъ нѣсколько словъ“.

„Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, привыкли вы посвящать досуги ваши различнымъ научнымъ занятіямъ. Сойдя со школьной скамьи, т. е. въ ту пору, когда молодые люди обыкновенно бросаютъ книги и науку подъ столъ, вы пробуете изучать древне-Еврейскій языкъ; затѣмъ, въ первое пребываніе ваше въ Константинополѣ, вы интересуетесь археологіею, нумизматикою и составляете весьма цѣнную коллекцію Византійскихъ монетъ. Переѣхавъ же въ Россію, вы предаетесь уже серьезно занятію отечественною исторіею и родословіемъ. Цѣлые ящики вашихъ шкафовъ наполнены богатымъ историческимъ матеріаломъ, вами собраннымъ и жаждущимъ увидѣть свѣтъ. Занимаясь недавно, подъ вашимъ руководствомъ новымъ изданіемъ составленнаго вами 20 лѣтъ тому назадъ родословнаго сборника, я имѣлъ случай видѣть то обиліе статей, замѣтокъ, историческихъ справокъ, которое разсѣяно въ нашихъ періодическихъ журналахъ, подъ скромными вашими иниціалами. Въ послѣднее время эпоха Французской революціи составляетъ предметъ вашего изученія, и вы обогатили уже Французскую историческую литературу весьма цѣнными изслѣдованіями. Такимъ образомъ, съ молоду и до сихъ поръ никогда не оставались вы безъ какого либо научнаго занятія и, не смотря на двукратное пребываніе ваше на Востокѣ, не заразились вы любовью къ кейфу“.

„Не могу удержаться, чтобы не примѣнить еще разъ къ вамъ восклицаніе Пушкина, обращенное къ современному ему Русскому просвѣщенному вельможѣ:

. . . . Ступивъ за вашъ порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуете вы Музамъ въ тишинѣ....
И не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядите вы на нихъ
И видите лишь оборотъ во всемъ кругообразный....

„На этой цитатѣ одного изъ лучшихъ посланій Пушкина я кончу".

„Я не хотѣлъ и не смѣлъ произносить вамъ, князь, панегирика. Я попробовалъ лишь, какъ умѣлъ, въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить сегодня здѣсь присутствующимъ о пятидесятилѣтнемъ прохожденіи вами государственной службы въ связи съ учеными вашими занятіями".

„Простите мнѣ, князь, мою неискусную рѣчь и позвольте въ заключеніе выразить вамъ наше общее пожеланіе: чтобы начавшееся служеніе ваше четвертому Русскому Царю было также плодотворно, какъ и предшествовавшее, на какой бы постъ ни призвало васъ довѣріе молодого нашего Монарха!"

—

Послѣднія слова этой рѣчи намекали на существовавшіе въ то время повсемѣстно толки, что князю Лобанову предстояло сдѣлаться преемникомъ Н. К. Гирса, силы котораго быстро ослабѣвали подъ вліяніемъ подтачивавшаго его тяжкаго недуга. Поэтому, велико было общее изумленіе, когда узнали, что 6-го Января 1895 года князь былъ перемѣщенъ нашимъ посломъ въ Берлинъ. Лично такое передвиженіе не могло его прельщать. Проведя столько лѣтъ въ Вѣнѣ, завязавъ тамъ самыя дружественныя связи въ высшемъ обществѣ, онъ не хотѣлъ покидать этого гостепріимнаго города, тѣмъ болѣе, что всякое перемѣщеніе было для него крайне-затруднительно изъ-за перевозки его богатыхъ коллекцій и библіотеки, состоящей изъ восьми тысячъ томовъ.

Но князь Лобановъ былъ всегда преданнымъ слугою Царя и привыкъ ставить ни во что вопросы о своемъ личномъ удобствѣ, а потому, получивъ предложеніе о переводѣ въ Берлинъ, немедленно отвѣчалъ г. Гирсу слѣдующею телеграммою: „Quelles qu'elles soient mes convenances personnelles, mon dévouement à l'Empereur m'impose le devoir d'accepter le poste que Sa Majesté daigne m'offrir" *).

Однако, князю Лобанову не привелось остаться нашимъ представителемъ при Берлинскомъ дворѣ: 14-го Января 1895 г. скончался Н. К. Гирсъ, 26-го Февраля Государю угодно было призвать князя Лобанова къ управленію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, а 6-го Марта онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

V.

Назначеніе князя Лобанова министромъ было одинаково привѣтствовано и за границею, и въ Россіи, за границею даже болѣе, такъ какъ, надо сознаться, тамъ болѣе знали и цѣнили князя, чѣмъ у насъ.

У насъ, что́ грѣха таить, сложился довольно своеобразный критерій для оцѣнки работъ того или другого дѣятеля. По ходячимъ понятіямъ, вы-

*) Каковы бы ни были мои личныя удобства, преданность моя Государю налагаетъ на меня обязанность принять должность, которую Его Величеству благоугодно мнѣ предложить.

сокопоставленное лицо должно не только направлять дѣятельность ввѣреннаго ему учрежденія, но само обязано входить во всѣ подробности, во всѣ мелочи, чуть ли не само запечатывать пакеты. Лица, не удовлетворяющія такимъ требованіямъ, подвергаются обвиненію въ лѣности. Не избѣгъ подобной участи и князь Лобановъ, такъ какъ ничто не было такъ противно складу его характера какъ вмѣшиваться въ мелочи: для главы посольства или министерства нужно, по его понятію, сохранять за собою лишь общее руководство, намѣчать лишь главные штрихи, дающіе ясное понятіе объ основной идеѣ, которая никогда не должна теряться изъ виду; раскраска же фона и выписка деталей — это не дѣло министра, такъ какъ, поступая иначе, онъ неминуемо потонетъ въ морѣ подробностей и изъ пристрастія къ второстепенному упуститъ главное, не говоря уже о томъ, что министру нѣтъ даже физической возможности самому передѣлать все дѣло и крупное, и мелкое.

Изъ всего, что сдѣлалъ князь Алексѣй Борисовичъ въ теченіе своей жизни, легко заключить, какъ неосновательно было существовавшее между нѣкоторыми лицами мнѣніе о мнимой лѣности этого государственнаго человѣка, умѣвшаго лишь распредѣлять свой день, при чемъ работа служебнаго характера чередовалась съ научными занятіями; одно не мѣшало другому, и оставалось еще время на исполненіе свѣтскихъ обязанностей, такъ какъ не слѣдуетъ забывать, что въ обществѣ, въ салонѣ, князь умѣлъ быть столь же увлекательнымъ собесѣдникомъ, очаровывавшимъ всѣхъ и каждаго неотразимымъ своимъ обаяніемъ, какъ и серьезнымъ дѣятелемъ въ тиши своего кабинета или за зеленымъ столомъ дипломатіи.

Вступая въ исполненіе своихъ новыхъ, высокихъ обязанностей, князь Лобановъ, въ совершенствѣ владѣвшій искусствомъ (крайне труднымъ) дипломатіи, приносилъ съ собою не только глубокій и прозорливый государственный умъ, политическій тактъ и самостоятельность взглядовъ, позволявшую ему не уклоняться отъ отвѣтственности за выражаемыя мнѣнія и сужденія, но и драгоцѣнный дипломатическій и историческій опытъ — знаніе особенностей Русской политики на Западѣ и на Востокѣ, личное знакомство съ большинствомъ дѣятелей иностранныхъ кабинетовъ и, наконецъ (качество, котораго не доставало его предшественникамъ) знаніе Россіи, внутреннихъ условій ея быта и существованія.

Предлежавшая князю Лобанову трудная задача была облегчена тѣмъ прочнымъ основаніемъ, которое было заложено политикою Царя-Миротворца, съ памятью о которомъ неразрывны для Русскаго сердца самые дорогіе завѣты: любовь къ родной землѣ, вѣра въ силу, разумъ и самобытность народа Русскаго.

Князь Лобановъ неоднократно называлъ себя лишь продолжателемъ политики Александра III, который въ иностранныхъ сношеніяхъ вернулъ отечеству полную свободу, порвалъ прежнія стѣснительныя обязательства,

искреннимъ миролюбіемъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе и любовь и, наперекоръ старымъ преданіямъ, сблизился съ республиканскою Франціею, установивъ съ нею дружественныя связи, Царственною рукою приподнялъ завѣсу грядущаго и показалъ путь, слѣдуя которому, Россія будетъ могуча и счастлива. Путь этотъ—политика проникнутая народнымъ духомъ, первою себѣ обязанностью поставляющая заботу о пользахъ и достоинствѣ нашего отечества.

Воздавая должное мудрой прозорливости Царя, завѣтамъ котораго слѣдуетъ и его юный Преемникъ, необходимо замѣтить, что, не смотря на то, что путь былъ указанъ и цѣль намѣчена, тѣмъ не менѣе трудна и отвѣтственна роль министра иностранныхъ дѣлъ, ближайшаго помощника Государя, такъ какъ исключительно на немъ лежитъ обязанность изыскать способы къ достиженію намѣченной цѣли. Затѣмъ, на его же обязанности внимательно слѣдить, чтобы за предѣлами Россіи не произошло ничего могущаго нанести нашему отечеству ущербъ, и своевременно принимать мѣры къ отвращенію вредныхъ послѣдствій при наступленіи событій, затрогивающихъ наши интересы. Самое искреннее миролюбіе не дозволяетъ, однако, безучастно относиться къ подобнымъ событіямъ, такъ какъ добровольное устраненіе себя отъ всякаго на нихъ воздѣйствія могло бы лишь умалить значеніе Россіи, какъ міровой державы.

Къ такого рода событіямъ, безспорно, принадлежало, совпавшее съ назначеніемъ князя Лобанова въ министры заключеніе Симоносекскаго мира, по которому раздавленный Китай согласился на всѣ условія, предъявленныя ему счастливымъ побѣдителемъ и которыя, будучи осуществлены, радикально измѣнили бы къ нашей невыгодѣ нынѣшнее соотношеніе государствъ на крайнемъ Востокѣ. Сосѣдняя, тяготѣющая къ намъ, Корея очутилась бы въ тискахъ между островными и континентальными владѣніями Японіи и тѣмъ самымъ была бы осуждена на совершенное поглощеніе „Азіятскими Англичанами“. Утвержденіе Японцевъ на Ліа-Тонгскомъ полуостровѣ, въ непосредственномъ почти сосѣдствѣ съ столицею Китая, повлекло бы за собою не только умаленіе, но, по всей вѣроятности, даже полное исчезновеніе самостоятельности Срединной Имперіи, съ которою насъ соединяетъ столько общихъ интересовъ. Кромѣ того, утвержденіе Японцевъ на материкѣ было бы для насъ невыгодно, такъ какъ, во-первыхъ, владѣя обоими берегами Татарскаго пролива, они создали бы тамъ для насъ новый Босфоръ, а, во вторыхъ, пріобрѣли бы преобладающее значеніе въ Манджуріи и Монголіи, въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ нашей строящейся великой Сибирской желѣзной дорогѣ, сооруженіе которой, по выраженію покойнаго Государя, есть „истинно-народное дѣло“ и представляетъ для насъ первостепенную государственную важность.

Моментъ былъ въ высшей степени серьезный; нужно было дѣйствовать твердо и рѣшительно, такъ какъ малѣйшее послабленіе могло пагубно отозваться для Россіи на крайнемъ Востокѣ, нанося ей ущербъ на многіе

годы. Миролюбіе же князя Лобанова не простиралось до смиренія во что бы то ни стало, до отреченія, изъ-за страха войны, отъ той роли, которая неотъемлемо принадлежитъ великой державѣ, не отступающей, въ случаѣ нужды, и предъ силою оружія, чтобы оградить свои права и пользы отъ чужихъ поползновеній.

Россія рѣшила не признавать условій Симоносекскаго договора; но, дабы заставить Японцевъ отказаться отъ выговоренныхъ уже материковыхъ пріобрѣтеній, безъ того чтобы мы должны были прибѣгнуть къ ultimo ratio, князь Лобановъ употребилъ всѣ усилія для пріобщенія и другихъ державъ къ дѣйствію Россіи по этому вопросу. Тутъ-то и проявилось его чрезвычайное дипломатическое искусство, такъ какъ, благодаря его стараніямъ, съ нами за одно оказались Франція и Германія, которыхъ, казалось, трудно было бы заставить одинаковымъ образомъ смотрѣть на одинъ и тотъ же вопросъ. Однако, князь успѣлъ въ этомъ: Германія и Франція поддержали заявленіе, сдѣланное правительству Микадо, что Россія не допуститъ ни присоединенія къ Японіи какой-либо части Китайскихъ владѣній на Азіятскомъ материкѣ, ни малѣйшаго посягательства на независимость Кореи.

Какъ теперь помню впечатлѣніе, произведенное на Русское общество статьею по Японскимъ дѣламъ официозного органа Министерства Иностранныхъ Дѣлъ „Journal de St-Pétersbourg“ *), тономъ своимъ такъ рѣзко отличавшеюся отъ обычныхъ сообщеній этой газеты. Какъ-то сразу почувствовалось, что можно быть спокойнымъ за будущее и что не будетъ упущено ничто въ смыслѣ охраны Русскихъ интересовъ. Въ воздухѣ какъ бы пронеслась живительная струя весны, подъ дыханіемъ которой все обѣщало развернуться, дать пышный ростокъ.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой статьи. Сначала излагался взглядъ Рускаго правительства на возможныя послѣдствія Симоносекскаго договора, конечнымъ результатомъ котораго было бы возбужденіе, изъ-за Японскаго честолюбія, вопроса о равновѣсіи на крайнемъ Востокѣ, вопроса, къ которому Европа не можетъ относиться равнодушно. Сношенія Европейскихъ державъ съ этою частью Азіи возрастаютъ ежедневно. Не только для сосѣдственной Россіи, но и для Франціи съ ея колоніями въ Индо-Китаѣ, безусловно необходимо устранить отъ своихъ границъ всякіе постоянные поводы къ затрудненіямъ въ будущемъ. Точно также и Германія слишкомъ заинтересована развитіемъ своихъ торговыхъ сношеній съ этими краями, чтобы относиться безучастно къ такому положенію тамъ дѣлъ, которое, заключая въ себѣ самомъ элементы смуты, безпрерывно угрожало бы ея интересамъ и нарождающимся тамъ Германскимъ учрежденіямъ, а такой исходъ былъ бы неминуемъ въ случаѣ, если бы Японцы утвердились на материкѣ и, принеся съ собою духъ завоеваній, вызвали бы къ себѣ ненависть со стороны нынѣшняго населенія этихъ странъ. Желаніе лишить Японію плода

*) 21-го Апрѣля 1895 года.

ея побѣдъ вовсе не входитъ въ намѣренія трехъ державъ, „qui ont fait connaître leurs vues à Tokio et sauront les faire respecter“ *). Но, въ данномъ случаѣ, для Японіи обязательно сообразоваться съ основными началами, на которыхъ покоится общее дѣйствіе (concert) цивилизованныхъ народовъ. Эти основныя начала требуютъ, чтобы каждое государство, отстаивая свои законные интересы, подчиняло ихъ въ извѣстной степени интересу общему, и требованіе это, заключающее въ себѣ гарантію всеобщаго міра, получало тѣмъ бо́льшее примѣненіе, чѣмъ солидарнѣе становились, подъ вліяніемъ успѣховъ труда и просвѣщенія, взаимные интересы народовъ. Россія, въ частности, дала вѣскія доказательства своего желанія дѣйствовать въ такомъ смыслѣ, и такъ какъ и въ будущемъ она твердо рѣшилась слѣдовать тѣмъ же путемъ, то тѣмъ болѣе сознаётъ она свое право требовать и отъ другихъ умѣренности, которой она, первая, подала примѣръ.

Подъ давленіемъ трехъ могущественныхъ державъ правительство Микадо уступило и обязалось не настаивать на присоединеніи къ Японіи Ліа-Тонгскаго полуострова.

Наградою князю Лобанову было собственноручное письмо къ нему Государя, въ которомъ, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, характеризовался образъ дѣйствій князя въ этомъ вопросѣ, при чемъ свидѣтельствовалось, что исключительно благодаря высказанной имъ твердости и настойчивости были достигнуты, безъ пролитія капли Русской крови, результаты обезпечивающіе наши интересы на крайнемъ Востокѣ.

Какъ ни великъ былъ первый дипломатическій успѣхъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ, но оставалось еще извлечь изъ него практическія послѣдствія; надо было осуществить вытекавшую изъ него выгоду.

Японское правительство ставило исполненіе своихъ обязательствъ въ зависимость отъ уплаты ему Китаемъ денежной контрибуціи, а у богдыхана средствъ на то не имѣлось. Тогда Россія рѣшила придти спасенному ею Китаю на помощь и матеріально.

При посредничествѣ и за ручательствомъ Россіи, Китайское правительство заключило заемъ въ 400 мильоновъ франковъ, что́ дало возможность Россіи, Франціи и Германіи потребовать и добиться отъ Японіи отозванія, безъ проволочекъ, ея войскъ съ Ліа-Тонгскаго полуострова и вообще со всего Азіятскаго материка.

Но кромѣ этого непосредственнаго результата, гарантія Россіею Китайскаго займа имѣла и другой важный общегосударственный смыслъ. Наше правительство тогда же разъяснило это послѣднее обстоятельство.

„Россія остается въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, вѣрна своей культурной миссіи на Востокѣ и настоящимъ нравственнымъ и фактическимъ содѣйствіемъ обширнѣйшему,

*) Которые дали знать въ Токіо о своихъ намѣреніяхъ и съумѣютъ заставить ихъ уважать.

смежному съ нами на громадномъ протяженіи, восточному государству въ разрѣшеніи наступившаго для него, въ силу обстоятельствъ, денежнаго затрудненія, сознательно и безкорыстно исполняетъ свою историческую задачу. Это не можетъ не оставить, въ свою очередь, слѣда на благопріятномъ развитіи нашихъ сношеній съ сопредѣльными намъ странами Востока, постоянное возрастаніе которыхъ, съ теченіемъ времени, является неизбѣжнымъ" *).

Такимъ образомъ, благодаря обороту данному настоящему дѣлу, помимо достиженія важныхъ политическихъ результатовъ, было открыто новое обширное поприще для Русскаго труда и капитала, для Русскаго ума и предпріимчивости.

Чтобы покончить съ дѣятельностью князя Лобанова относительно крайняго Востока, слѣдуетъ еще упомянуть о заключенномъ имъ 27-го Мая 1895 года трактатѣ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіею и Японіей, по которому Россія, въ обмѣнъ за отказъ отъ принадлежавшей ея консульскимъ агентамъ въ Японіи юрисдикціи, пріобрѣла для своей торговли и своихъ подданныхъ значительныя права и преимущества.

VI.

Второй важный вопросъ, которымъ предстояло заняться князю Лобанову, былъ вопросъ Армянскій.

Консервативный кабинетъ маркиза Сольсбери началъ, подъ предлогомъ избіенія Армянъ Курдами, настоящій походъ противъ Турціи, имѣвшій цѣлью подчинить султана и Порту строгой опекѣ Европы, при чемъ сама Великобританія вознамѣрилась забрать въ свои руки распоряженіе судьбами Оттоманской имперіи.

Когда князь Лобановъ вступилъ въ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, онъ сразу понялъ, что не интересы человѣколюбія лежали въ основѣ дѣйствій Англичанъ, старавшихся увлечь державы къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Турціи, выступая въ роли посредниковъ между султаномъ и мятежными Армянскими комитетами, въ самой Англіи черпавшими себѣ необходимыя имъ матеріальныя средства. Въ данномъ случаѣ человѣколюбіе могло служить прекрасною ширмою, за которою „просвѣщеннымъ мореплавателямъ" представлялся случай съ большимъ удобствомъ обдѣлать дѣла, ничего общаго съ гуманностью не имѣющія, а именно оно доставляло одинъ изъ новыхъ способовъ борьбы съ Россіею на почвѣ Восточнаго вопроса, борьбы, конечною цѣлью которой Великобританское правительство поставило вытѣснить вліяніе Россіи съ Востока ближняго и крайняго.

Россія не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказала цѣлымъ рядомъ войнъ, какъ горячо защищаетъ она христіанъ отъ насилія мусульманъ. Она точно также сочувствуетъ и Армянамъ, когда они въ самомъ дѣлѣ являются жертвами; но она, равнымъ образомъ, настолько прозорлива, чтобы отличить

*) „Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли". 1895. № 26, стр. 726.

истину отъ преувеличенія, подкладкою своею имѣющаго умыселъ вызвать замѣшательства, которыя дали бы Армянскому вопросу разростись изъ частнаго въ общій и нынѣ же поставить на очередь роковой Восточный вопросъ во всемъ его грозномъ объемѣ. Искуственное же выдвиганіе этого вопроса, да въ добавокъ съ намѣреніемъ попытаться разрѣшить его въ ущербъ Россіи, конечно, должно вызвать энергичный отпоръ со стороны каждаго Русскаго дѣятеля.

По этому поводу нелишне возобновить въ памяти мрачное предсказаніе, сдѣланное въ 1879 году государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ С. С. Татищеву: „Цѣль враждебной Россіи коалиціи всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ—замѣнить своимъ протекторатомъ наше покровительство восточнымъ христіанамъ, взять Турцію въ опеку, попытаться возстановить ея могущество, а, въ случаѣ неудачи, обезпечить за собою Турецкое наслѣдство, исключивъ Россію изъ числа участниковъ раздѣла“ *).

Едвали кто нынѣ сомнѣвается въ правѣ Россіи на первенствующую роль въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, разъ онъ назрѣетъ для окончательнаго разрѣшенія. Такъ сложилась исторія, такъ опредѣлились наши отношенія къ Востоку, къ которому Россія тяготѣла съ первыхъ дней своего государственнаго бытія, для приближенія къ которому принесла неисчислимыя жертвы и въ достиженіи котораго полагала главную задачу своей исторической миссіи. Въ виду всего предшествовавшаго, мы не можемъ отказаться отъ первенствующей своей роли, не подвергая риску всего своего будущаго, какъ великаго народа. Болѣе того, въ силу исторической неизбѣжности, мы такъ далеко зашли въ подготовкѣ окончательнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса, что отступить отъ него мы уже не можемъ. Отступленіе было бы возможно лишь при условіи отреченія отъ всякой претензіи на роль великаго народа, т. е. при условіи предварительнаго самоубійства или погибели отъ посторонней силы. Пока же Россія жива, сознаетъ себя великимъ народомъ и хочетъ играть роль, принадлежащую великому народу—до тѣхъ поръ не можетъ быть ни рѣчи, ни мысли объ отступленіи въ Восточномъ вопросѣ. Но именно по причинѣ этой неразрывной своей связи съ Восточнымъ вопросомъ, Россія не можетъ относиться къ нему слегка, ни ради великой Арменіи, ни ради какихъ либо другихъ цѣлей, и тѣмъ болѣе не можетъ поощрять игры съ этимъ вопросомъ, затѣянной съ явною цѣлью толкнуть насъ на фальшивый шагъ, который въ настоящемъ парализовалъ бы намъ свободу политическихъ дѣйствій, а въ будущемъ могъ бы создать затрудненія при окончательной ликвидаціи Восточнаго вопроса.

Оставимъ въ сторонѣ, насколько въ интересахъ Россіи было бы содѣйствовать образованію у себя подъ бокомъ автономной провинціи—зародышъ будущаго самостоятельнаго Армянскаго царства, центръ притяженія

*) Политическое обозрѣніе. „Русскій Вѣстникъ“ 1896, № 4.

для собственныхъ областей, населенныхъ Армянами. Но нельзя не остановиться на томъ, что мечтанія Армянъ о созданіи въ Малой Азіи автономной области не имѣютъ подъ собою реальной почвы, такъ какъ первымъ условіемъ для созданія подобной области долженъ былъ бы быть рѣшительный численный перевѣсъ Армянскаго населенія въ предѣлахъ предположенной области. Въ дѣйствительности же, по самымъ точнымъ вычисленіямъ, главнымъ образомъ основаннымъ на Англійскихъ данныхъ, во всѣхъ девяти Малоазійскихъ вилайетахъ, гдѣ встрѣчаются Армяне, перевѣсъ повсюда принадлежитъ мусульманамъ, которые *впятеро* многочисленнѣе Армянъ [1]).

Опубликованная Англійская Синяя Книга позволяетъ намъ ознакомиться съ образомъ дѣйствій князя Лобанова въ Армянскомъ вопросѣ. Уже въ одной изъ первыхъ своихъ бесѣдъ съ Великобританскимъ посломъ онъ скептически отнесся къ мѣрамъ, предложеннымъ Англіею для умиротворенія Арменіи [2]). Чрезъ полгода, онъ прямо высказалъ, что не раздѣляетъ взглядовъ Сольсбери на Армянское дѣло: „Я не вѣрю въ скорое улучшеніе положенія дѣлъ въ Малой Азіи, потому что слишкомъ сильно еще возбужденіе какъ мусульманъ, такъ и Армянъ, а волненіе среди послѣднихъ—прямое последствіе рѣзкой постановки Армянскаго вопроса; отвѣтственность за такое положеніе дѣлъ падаетъ главнымъ образомъ на Англію, въ особенности вслѣдствіе поощреній, которыя многіе изъ ея государственныхъ людей расточаютъ Армянскимъ комитетамъ“ [3]).

Нѣсколько дней спустя, въ виду безпорядковъ возникшихъ въ самомъ Константинополѣ, С. Джемсвій кабинетъ пригласилъ великія державы условиться сообща о преобразованіяхъ въ Турціи, которыя должны быть навязаны султану. Поддержанное въ Вѣнѣ, предложеніе это встрѣтило рѣшительное противодѣйствіе князя Лобанова. „Угроза вмѣшательства“, сказалъ онъ Англійскому повѣренному въ дѣлахъ, „только подорветъ авторитетъ султана и приведетъ къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желаютъ достигнуть“. На замѣчаніе г. Гошена, что нельзя же допустить продолженіе Малоазійскихъ ужасовъ, князь возразилъ, что, на основаніи опыта, вынесеннаго имъ во время своего пребыванія на Востокѣ, онъ убѣжденъ, что, подобныя нынѣшнимъ, волненія утихаютъ сами собою, когда враждующіе элементы не ободряются къ продолженію борьбы подстрекательствомъ извнѣ, всякое же вмѣшательство державъ только обезсилитъ султана и еще болѣе возбудитъ Армянъ [4]).

Дѣйствительно, сохраненіе Европейскаго мира является однимъ изъ высшихъ руководящихъ принциповъ Русской политики; активное же вмѣ-

---

[1]) „Карта распредѣленія Армянскаго населенія въ Турецкой Арменіи и Курдистанѣ“, Зеленаго и Сысоева. Спб. 1895, стр. 22.

[2]) Сэръ Ф. Лассельсъ гр. Кимберлею, 6 (18) Марта 1895.

[3]) Гошенъ лорду Сольсбери 23 Октября (4 Ноября) 1895 г.

[4]) Онъ же тому же 8 (20) Ноября 1895 г.

шательство въ Турецкія дѣла можетъ имѣть послѣдствія, идущія въ разрѣзъ съ этимъ принципомъ.

Установленіе въ Константинополѣ какого либо кондоминіума державъ было бы самымъ неустойчивымъ и опаснымъ палліативомъ. Военная оккупація Турецкой столицы точно также могла бы привести къ столкновеніямъ между державами и, почти несомнѣнно, къ Европейской войнѣ со всѣми сопровождающими ее бѣдствіями, неизмѣримо болѣе крупными, чѣмъ зло, вытекающее изъ гоненія на Армянъ.

Изъ этого ясно, что для возстановленія сносныхъ порядковъ въ Турціи и для примѣненія въ Армянскихъ вилайетахъ реформъ, относительно которыхъ состоялось между державами соглашеніе въ Октябрѣ 1895 года и благодаря которымъ были бы обезпечены безопасность христіанскаго населенія и спокойствіе, надлежитъ пользоваться единственною имѣющеюся властью— властью султана, и ее-то слѣдуетъ не расшатывать, а всячески укрѣплять. Державамъ слѣдуетъ поддерживать султана въ его реформаторской дѣятельности и, въ случаѣ надобности, даже оказывать ему матеріальную помощь.

Вѣроятно, приблизительно по такимъ же причинамъ, князь Лобановъ явился противникомъ предложенной графомъ Голуховскимъ мѣры—введенія въ Босфоръ и Дарданеллы эскадръ великихъ державъ, на практикѣ не исключавшей возможности насильственнаго прорыва.

Такой прорывъ иностранныхъ эскадръ въ Мраморное море, безъ сомнѣнія, нанесъ бы смертельный ударъ независимости султана и положилъ бы конецъ Турецкому владычеству въ Европѣ.

Въ расчеты Россія никоимъ образомъ не можетъ входить ускорять естественный ходъ событій и вызывать паденіе Оттоманской имперіи. Наоборотъ, пока султанъ владѣетъ проливами, задача Русской политики, повидимому, должна бы сводиться къ тому, чтобы вселить въ него убѣжденіе, что лишь искренняя дружба съ великою сѣверною державою можетъ уберечь его отъ бурь и что одна Россія въ состояніи быть ему надежнымъ щитомъ отъ всякой внѣшней опасности.

Съ другой стороны, Россія не можетъ допустить захватъ и утвержденіе Англичанъ на берегахъ Босфора и Дарданеллъ, составляющихъ, по выраженію Александра I, ключи отъ нашего дома; и Александръ III, возсоздавая Черноморскій флотъ, ясно выразилъ свою рѣшимость не допускать въ этихъ водахъ никакихъ перемѣнъ въ ущербъ Россіи.

Маркизъ Сольсбэри, тѣмъ не менѣе, упорно шелъ къ своей цѣли и, по его приказанію, представители Англіи при дворахъ великихъ державъ заявили, что, въ виду безсилія султана, подкупности и неспособности его министровъ, а также возможности распространенія волненій на другія страны Балканскаго полуострова, необходимо принять, съ общаго согласія, мѣры къ улучшенію положенія въ Оттоманской имперіи, и средствомъ къ такому

улучшенію должно было бы быть образованіе въ Турціи отвѣтственнаго министерства.

Князь Лобановъ и на этотъ разъ отклонилъ предложеніе Англіи, заявивъ, что не сомнѣвается въ благихъ намѣреніяхъ султана, отъ почина котораго только и возможно ожидать перемѣны къ лучшему. Что касается опасности распространенія волненій на другія части Балканскаго полуострова, то Русскій дворъ уже предписалъ представителямъ своимъ въ столицахъ тамошнихъ государствъ настаивать предъ мѣстными правительствами на необходимости охранять и поддерживать спокойствіе въ своихъ предѣлахъ, поставивъ имъ на видъ, что всякое нарушеніе порядка въ этихъ странахъ будетъ строго осуждено Россіею. Попытка же навязать Турціи правительственную систему, отличную отъ нынѣшней, не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха, такъ какъ самъ маркизъ Сольсбери, во время своего пребыванія въ Константинополѣ, ознакомился съ тамошними порядками и потому долженъ хорошо знать, что парламентъ, народное представительство, отвѣтственное министерство въ Константинополѣ—это пустыя слова, лишенныя для Турокъ всякаго смысла [1].

Взглядъ Императорскаго кабинета на положеніе дѣлъ въ Турціи былъ подробно изложенъ въ меморандумѣ, который Русскій посолъ въ Лондонѣ вручилъ маркизу Сольсбери 13 (25) Января 1896 г. Въ этомъ сообщеніи князь Лобановъ, не отрицая пользы совѣщаній между представителями великихъ державъ въ Константинополѣ, категорически отвергаетъ, какъ нарушеніе 9-й ст. Парижскаго и 63-й ст. Берлинскаго договоровъ, предложенное Великобританіею дѣятельное вмѣшательство во внутреннія дѣла Турціи. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Россія относится безучастно къ событіямъ въ Турціи; только она находитъ необходимымъ дать султану время обдумать свои рѣшенія и привести ихъ въ исполненіе; надо поддержать его обаяніе. Это единственный путь, слѣдуя которому великія державы могутъ дѣйствительно содѣйствовать возстановленію порядка въ Оттоманской имперіи. Дружественные совѣты ихъ будутъ приняты султаномъ съ тѣмъ большею вѣроятностью, чѣмъ полнѣе установится съ нимъ согласіе.

Столь ясное заявленіе было тѣмъ болѣе непріятно маркизу Сольсбери, что онъ вынужденъ былъ сознаться, что взгляды Русскаго двора по этому предмету встрѣтили полное одобреніе и сочувствіе большинства великихъ державъ [2].

Отъ такого взгляда Россія, какъ извѣстно, не отрѣшилась и при всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ Англіи, направленныхъ къ прямому вмѣшательству Европы въ Турецкія дѣла.

---

[1]) Гошенъ лорду Сольсбери 3 (15) Января 1896.

[2]) Лордъ Сольсбери Гошену 17 (29) Января 1896.

Исходя изъ такихъ же побужденій, князь Лобановъ отказалъ въ 1896 году въ поддержкѣ предложенія графа Голуховскаго установить обще-европейскую блокаду вокругъ острова Крита.

Послѣдующее развитіе Критскаго вопроса доказало справедливость мнѣній князя, такъ какъ затѣмъ, безъ всякой блокады, прямымъ воздѣйствіемъ пословъ на султана были выговорены Кандіотамъ новыя права и преимущества, обращающія островъ Критъ въ вполнѣ автономную область.

Общее направленіе дѣятельности князя Лобанова, какъ въ Армянскомъ, такъ и въ Японо-Китайскомъ вопросѣ, сводившееся къ устраненію вмѣшательства Англіи въ отношенія наши къ сосѣдямъ, на всемъ пространствѣ отъ Босфора до Тихо-океанскаго прибрежья, было крайне не по сердцу Великобританскому правительству, которое не могло примириться съ мыслью, что проявившіяся съ первыхъ дней царствованія Александра III начала: Русское государственное и народное сомосознаніе и отстаиваніе во внѣшней политикѣ правъ и пользъ Россіи, положены во главу угла и императоромъ Николаемъ II, не могло примириться съ тѣмъ, что Англіи не позволяютъ играть первенствующую роль въ дѣлахъ Востока и давать тамъ просторъ своекорыстнымъ ея вожделѣніямъ.

VII.

Труды историковъ выяснили, на сколько вредно было и Россіи, и Франціи двухвѣковое политическое ихъ соперничество. Здравая политика признала обоюдную пользу искренняго ихъ сближенія. Но къ этимъ соображеніямъ разума присоединился еще третій могучій факторъ—народное чувство, неудержимо влекущее оба народа одинъ къ другому. И оттого-то въ обѣихъ этихъ странахъ былъ взрывъ такого восторга, когда Царь-Миротворецъ рѣшительно протянулъ свою руку республиканской Франціи и тѣмъ создалъ точку отправленія для новыхъ комбинацій, совершенно измѣнившихъ политическія соотношенія между Европейскими державами.

Дѣйствуя въ томъ же направленіи, князь Лобановъ сдѣлалъ много, какъ для развитія дружественныхъ отношеній съ Европейскими державами вообще, такъ и для завершенія сближенія съ Франціей, составлявшаго одно изъ важнѣйшихъ начинаній Александра III, хотя Ему и не было суждено видѣть безпримѣрныхъ торжествъ „Русской недѣли“ въ Парижѣ, во время которыхъ благополучно царствующему Государю Николаю II благоугодно было скрѣпить братскія узы между народами Русскимъ и Французскимъ, ради охраны общаго мира. Благодаря этому обстоятельству и въ связи съ предшествовавшими событіями первостепенной важности, ознаменовавшими недавнее путешествіе Царственной Четы, обезпечена и Россіи и другимъ цивилизованнымъ державамъ возможность мирно работать для своего преуспѣянія, не пугаясь кроваваго призрака войны.

Назначеніе князя Лобанова министромъ вызвало въ свое время безпокойство партіи Славянофиловъ, опасавшихся, что, подъ вліяніемъ долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, онъ совершенно поддался Западно-европейскимъ взглядамъ на Славянскій вопросъ.

Не будучи Славянофиломъ въ общепринятомъ смыслѣ, подразумѣвающемъ скорѣе задорный, наступательный характеръ, князь Лобановъ цѣнилъ дружественныя сношенія со всѣми Славянскими народностями; но, будучи прежде всего истинно Русскимъ человѣкомъ, во всемъ и всегда ставилъ онъ на первый планъ интересы Россіи, не забывая, что если и Славяне имѣютъ значеніе для Россіи, то въ тысячу кратъ бо́льшее значеніе имѣетъ для Славянъ сама Россія, однимъ фактомъ своего существованія прикрывающая, какъ мощнымъ щитомъ, самостоятельное развитіе Славянскихъ народностей; ослабленіе же ея неминуемо отразилось бы неблагопріятно на политическихъ судьбахъ Славянства вообще.

Эти воззрѣнія объясняютъ образъ дѣйствій князя Лобанова въ Болгарскомъ вопросѣ.

Десять лѣтъ продолжался разрывъ между Россіею и Болгаріею, когда испробовано было все, чтобы порвать связь между народами Русскимъ и Болгарскимъ. Горькимъ опытомъ Болгарія убѣдилась, что, не смотря на всю поддержку со стороны западныхъ державъ, она не можетъ обойтись безъ Россіи, которая искренно желаетъ ей добра и вовсе не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, ни посягать на ея самостоятельность, что опасность грозитъ ей съ совершенно другой стороны и что, наконецъ, лишь въ тѣсномъ единеніи съ Россіею Болгары будутъ въ состояніи осуществить свои національные идеалы.

Подъ вліяніемъ такого поворота въ мнѣніяхъ, принцъ Фердинандъ и представители Болгарскаго народа стали пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы выразить Русскому Царю и Русскому народу чувства уваженія, благодарности и преданности, и прислали въ 1895 году въ Петербургъ депутацію, съ митрополитомъ Климентомъ во главѣ, для возложенія на гробницу Александра III вѣнка съ надписью „Царевичу-полководцу, Царю-Миротворцу вѣчно признательный Болгарскій народъ".

Принимая депутацію, князь Лобановъ объявилъ, что сердце Русскаго Царя, по прежнему, полно благоволенія къ народу Болгарскому, но что для возстановленія сношеній съ Болгаріей мало словъ, нужно дѣло; нужно, чтобы и народъ, и правители его выразили ясно, безповоротно и торжественно рѣшимость свою порвать съ заблужденіями прошлаго и снова поставить Болгарію на путь развитія въ духѣ основныхъ историческихъ началъ ея народности и вѣры.

Болгары поняли, что наилучшимъ доказательствомъ ихъ искренности было бы присоединеніе къ Православію наслѣдника престола, Бориса, которое, въ будущемъ, обезпечило бы Болгаріи православную династію.

Принцъ Фердинандъ, первымъ дѣломъ котораго послѣ паденія Стамбулова, было отмѣнить всѣ мѣры и распоряженія, направленныя къ отчужденію Болгаріи отъ Россіи, уступилъ единодушному желанію своего народа и согласился на присоединеніе старшаго своего сына къ Православію.

Князь Лобановъ зналъ принца Фердинанда задолго до избранія его на Болгарскій престолъ, цѣнилъ его личныя качества, его тонкій государственный умъ, а потому не усомнился въ искренности его словъ, обращенныхъ къ народнымъ представителямъ что „отнынѣ онъ порываетъ всѣ связи съ Западомъ и взоръ свой, полный надежды и любви, обращаетъ на впервыя занимающуюся для него свѣтлую зарю со стороны Востока“.

Муропомазаніе князя Бориса совершилось 2 Февраля 1896 г. Государю Императору угодно было быть его воспріемникомъ. За этимъ событіемъ, сопровождавшимся признаніемъ Европою принца Фердинанда Болгарскимъ княземъ и за путешествіемъ его въ Петербургъ, послѣдовало возстановленіе сношеній съ освобожденнымъ нами Славянскимъ княжествомъ, и Россія, на зло всѣмъ кознямъ ея враговъ, вернулась въ Болгарію и снова заняла тамъ подобающее ей мѣсто.

Такъ просто и быстро развязались всѣ Болгарскія затрудненія; Славянофилы же, такъ въ началѣ опасавшіеся князя Лобанова, не могли не признать плодотворность его политики, такъ какъ съ того дня какъ Русское вліяніе водворилось въ Бѣлградѣ и Софіи, прекратилась рознь между южными Славянами, возстановилось между ними согласіе, нагляднымъ доказательствомъ котораго послужили недавнія братанія Сербовъ съ Болгарами, Черногорцевъ съ Сербами.

За время управленія княземъ Лобановымъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, Россія впервыя вступила въ офиціальныя сношенія съ Абиссиніей, приславшею въ Петербургъ свое посольство для принесенія поздравленій негуса Менелика II-го Государю Императору по случаю восшествія Его на престолъ. Посольство это, имѣвшее во главѣ принца Дамто, двоюроднаго брата Негуса, было принято Государемъ и встрѣтило въ здѣшнемъ обществѣ радушный пріемъ.

Абиссинія, клиномъ вдающаяся между Египтомъ и Африканскими владѣніями Англіи и смежная съ Краснымъ моремъ, представляющимъ нынѣ такой интересъ для морскихъ державъ, важна даже вслѣдствіе одного своего географическаго положенія. Но древнее государство это, успѣшно отстаивающее свою независимость отъ натиска одной изъ державъ, входящихъ въ составъ союза, заключеннаго, по мысли его создателя, прямо противъ Россіи, представляетъ для насъ немеьшую важность въ чисто-политическомъ отношеніи, въ смыслѣ новаго опорнаго пункта нашего воздѣйствія.

Этихъ соображеній достаточно, чтобы понять, почему Россія — общепризнанная, въ добавокъ, защитница Православія — сочувственно отнеслась

къ призыву родственной ей по вѣрѣ страны, затерянной въ пустыняхъ Африки и тѣмъ не менѣе въ теченіе столькихъ вѣковъ успѣвшей, не смотря на многочисленныя внѣшнія опасности, отбиться отъ своихъ враговъ и сохранить свою религію и самобытность.

Неусыпные труды князя Лобанова на пользу Россіи лучше всего охарактеризованы Высочайшимъ рескриптомъ, при которомъ ему были пожалованы брилліантовые знаки ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, 17-го Мая 1895 г., когда наступило офиціальное празднованіе юбилея пятидесятилѣтія служенія его отечеству. Приводимъ этотъ историческій документъ.

„Князь Алексѣй Борисовичъ. Полвѣка тому назадъ, по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, поступивъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, вы съ молодыхъ еще лѣтъ обратили на себя Монаршее вниманіе и въ 1859 году были назначены Россійскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ. Перейдя за симъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и состоя въ теченіе 11 лѣтъ товарищемъ министра, вы нѣсколько разъ управляли означеннымъ министерствомъ и принимали самое дѣятельное участіе въ разработкѣ многосложныхъ законодательныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ по переустройству губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій и по составленію Городоваго Положенія. Съ неутомимымъ рвеніемъ отдаваясь служебной дѣятельности, вы находили возможнымъ посвящать свои досуги научнымъ изслѣдованіямъ, при чемъ труды ваши по собранію историческихъ матеріаловъ доставили вамъ среди цѣнителей науки заслуженную извѣстность.

„Блестящія дарованія ваши и пріобрѣтенная въ разнообразныхъ государственныхъ дѣлахъ обширная опытность послужили къ послѣдовательному возложенію на васъ высокихъ обязанностей по званію чрезвычайнаго и полномочнаго посла: въ 1878 году при е. в. султанѣ, въ 1879 году при е. в. королевѣ соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи и императрицѣ Индіи, а три года спустя—при е. в. императорѣ Австрійскомъ королѣ Венгерскомъ. Какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ равно и на дипломатическомъ поприщѣ вы не переставали оказывать важныя услуги Престолу и Отечеству. Снискавъ себѣ общее сочувственное уваженіе и слѣдуя Монаршимъ указаніямъ, вы успѣшно содѣйствовали упроченію тѣсной, на взаимномъ довѣріи основанной дружбы съ иностранными державами. Съ тѣмъ вмѣстѣ, неуклонно стоя на стражѣ Русской чести, вы неоднократно имѣли случай выказать соотвѣтствовавшую обстоятельствамъ стойкость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Означенныя доблестныя заслуги ваши пріобрѣли вамъ полное благорасположеніе Моихъ незабвенныхъ дѣда и родителя. По кончинѣ статсъ-секретаря Гирса, призвавъ васъ на отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, Я руководился убѣжденіемъ, что найду въ васъ просвѣщеннаго и преданнаго сотрудника, вполнѣ подготовленнаго продолжать миролюбивую и прямодушную политику нашу, направленную къ поддержанію дружественныхъ со всѣми державами отношеній, къ уваженію права и законнаго порядка и къ охраненію непоколебимаго достоинства Имперіи. Вашъ государственный умъ, ваша горячая приверженность къ пользамъ Россіи служатъ Мнѣ въ этомъ лучшимъ ручательствомъ".

„Нынѣ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтняго достохвальнаго служенія вашего, Я считаю отраднымъ долгомъ выразить вамъ Мою душевную благодарность въ изъявленіе коей жалую вамъ препровождаемые при семъ брилліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный и искренно благодарный Николай“.

VIII.

Съ юношескимъ жаромъ отдаваясь всѣмъ существомъ своимъ работѣ на пользу отчизны, князь Лобановъ не щадилъ на то ни физическихъ, ни духовныхъ своихъ силъ. Онъ пламенѣлъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Точно что-то таинственное подсказало ему, что недолго придется ему быть во главѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ, чтобы привести въ исполненіе все, что роилось въ его головѣ, когда онъ еще не былъ ближайшимъ сотрудникомъ Царя по направленію высшей нашей политики. Онъ, этотъ титанъ мысли, хотѣлъ поскорѣе осуществить ту программу, которая у него сложилась уже давно, когда онъ былъ вдали отъ Петербурга.

Кратковременная дѣятельность его за время восемнадцатимѣсячнаго управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ онъ неуклонно слѣдовалъ принципу—suaviter in modo, fortiter in re *), представляетъ собою рядъ непрерывныхъ успѣховъ, залогомъ которыхъ, во многомъ, служило то, что онъ твердо зналъ, чего хотѣлъ. Въ его свѣтломъ умѣ, умудренномъ долгимъ опытомъ, гнѣздились обширные замыслы, которые онъ умѣлъ осуществлять постепенно, тщательно подготовляя предварительно каждую подробность, каждый шагъ, такъ что, при всякомъ новомъ его дипломатическомъ успѣхѣ, со стороны казалось, что всѣ бывшія до того препятствія и затрудненія развязались какъ бы сами собою и что достигнутый результатъ являлся такимъ естественнымъ, что иного результата даже и быть не могло. Все, казалось, было такъ просто, какъ просто все геніальное.

Эта кажущаяся простота давала поводъ недоброжелателямъ князя говорить, что причиною его успѣховъ была лишь удача, слѣпое счастье. На такое мнѣніе, конечно, можно было бы возразить отповѣдью знаменитаго Суворова тѣмъ, кто такимъ же образомъ объяснялъ его побѣды: „все счастье да счастье, нужно же когда нибудь и умѣнье“.

Князю Лобанову были извѣстны подобные желчные о немъ отзывы, но онъ относился къ нимъ очень добродушно и вспоминалъ въ такихъ случаяхъ кардинала Мазарина, который каждый разъ, что его просили за кого нибудь, неизмѣнно перебивалъ говорившаго вопросомъ на своемъ французско-итальянскомъ языкѣ: „est-il heureux?“ и, если ему подтверждали удачливость рекомендуемаго кандидата, онъ безъ малѣйшаго колебанія предоставлялъ ему просимую должность, не справляясь даже, имѣетъ ли онъ на то право по своему образованію или происхожденію. Къ этому князь прибавлялъ съ

---

*) Мягко въ способѣ, крѣпко въ дѣлѣ.

улыбкою: „Если я достигаю успѣха только благодаря тому, что мнѣ везетъ, то и слава Богу! Для Россіи важенъ результатъ, и не все ли равно, что онъ получился только благодаря моему личному счастью?"...

Врагъ всякой ломки, князь Лобановъ сохранилъ при себѣ всѣхъ сотрудниковъ своего предшественника. Единственною его реформою въ центральныхъ установленіяхъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ было измѣненіе штатовъ Азіатскаго департамента, доказывающее, съ какою чуткостью и особою заботливостью желалъ онъ поставить въ условія болѣе отвѣчающія современнымъ требованіямъ лицъ служащихъ въ этомъ департаментѣ, призванномъ быть однимъ изъ крупныхъ орудій въ дѣлѣ охраненія самыхъ жизненныхъ интересовъ Россіи на Востокѣ.

Въ справедливомъ вниманіи къ особымъ условіямъ дѣятельности Азіатскаго департамента, усложнявшейся вслѣдствіе существеннаго развитія, которое получили за послѣдніе годы наши отношенія къ Востоку, и желая предоставить возможность удерживать въ этомъ департаментѣ, требующемъ подбора лицъ обладающихъ совершенно-особою подготовкою, людей свѣдущихъ, а также и привлекать въ него необходимыхъ ему спеціалистовъ, князь добился, законодательнымъ путемъ, крупнаго повышенія окладовъ содержанія чиновниковъ, служащихъ въ Азіатскомъ департаментѣ.

Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ князь Лобановъ представлялъ собою образецъ начальника: требуя отъ нихъ серьезной работы, примѣръ которой онъ подавалъ самъ, онъ съ ними всегда былъ ровенъ, доступенъ, утонченно-вѣжливъ, при всей своей всегдашней сдержанности, которая была въ его характерѣ и отъ которой онъ отрѣшался не сразу, а по мѣрѣ самого тщательнаго изученія приближавшагося къ нему человѣка. За то, когда его сдержанность исчезала, тогда можно было видѣть, до какой степени, подъ внѣшнею холодною оболочкою, былъ онъ сердеченъ, добръ и неизмѣненъ въ своихъ привязанностяхъ.

Князь не любилъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ входить въ мелочи, рѣшенія свои высказывалъ въ выраженіяхъ ясныхъ, не допускающихъ недомолвокъ и, ради облегченія отвѣтственности исполнителей его приказаній, зачастую прибѣгалъ, при рѣшеніи особо-сложныхъ дѣлъ, къ письменнымъ резолюціямъ, исписывая иногда при этомъ собственноручно цѣлыя страницы.

Характерною также чертою его нрава была мысль, постоянно его преслѣдовавшая, какъ бы случайно не нарушить справедливости, даже по отношенію къ людямъ по тѣмъ или инымъ причинамъ ему несимпатичнымъ, такъ какъ онъ никогда не хотѣлъ примѣшивать къ дѣлу своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Князь Лобановъ пользовался всегда завиднымъ здоровьемъ. Серьезно онъ боленъ былъ лишь въ Вѣнѣ каменною болѣзнью, но послѣ удачной операціи, сдѣланной ему въ Парижѣ, въ Октябрѣ 1892 года, докторомъ

Гюонъ (Guyon), выздоровѣлъ совершенно. По этому случаю заслуживаетъ вниманія, что на телеграммѣ нашего посла въ Парижѣ о благополучномъ исходѣ операціи покойному Государю Александру III угодно было собственноручно отмѣтить: „Слава Богу!“

Благодаря строго-регулярному образу жизни, князь, до самой кончины своей, удивлялъ всѣхъ своею живостью и моложавымъ видомъ: не смотря на его семьдесятъ лѣтъ, ему, по наружности, нельзя было дать болѣе пятидесяти, пятидесяти-пяти. Въ Петербургѣ онъ никогда не жаловался на болѣзнь сердца; между тѣмъ корреспондентъ „Новаго Времени“ *) разсказываетъ, что 3 (15) Октября 1895 года, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, князь говорилъ, что у него что-то неладно съ сердцемъ, и замѣтилъ, когда разговоръ зашелъ про кончину Н. К. Гирса: „Скоро, очень скоро и я туда отправлюсь.... я увѣренъ, что буду жить очень недолго, хотя лѣтъ съ пять еще хотѣлось бы поработать на пользу Россіи“.

Громадность выпавшей на долю князя Лобанова работы, сознаніе великой отвѣтственности въ виду политическихъ вопросовъ первостепенной важности, какъ нарочно одинъ за другимъ возникавшихъ со времени вступленія его въ управленіе министерствомъ, и вообще кое-какія тернія, попадавшіяся на его пути, постепенно расшатали крѣпкій организмъ князя и сократили его дни.

Во время остраго періода Японскаго вопроса, князь съ 5 часовъ утра сидѣлъ уже за своимъ рабочимъ столомъ, и это не отражалось на его здоровьи, которое начало ему измѣнять лишь въ Москвѣ, гдѣ вслѣдствіе постоянныхъ празднествъ и церемоній, сопровождавшихъ коронаціонныя торжества, онъ долженъ былъ отступить отъ установленнаго имъ правильнаго образа жизни. У него стали дѣлаться приливы крови къ головѣ. Видѣвшіе ихъ предполагали, что причину ихъ слѣдовало искать исключительно въ физической усталости отъ тогдашняго образа жизни князя и продолжительности церемоній, одновременно съ которыми ему приходилось вести крайне серьезные переговоры съ Ли-Хунгъ-Чангомъ и съ маршаломъ Ямагатой, приведенные имъ къ благополучному результату. Такъ съ Китаемъ Россіи удалось добиться соглашенія относительно постройки Манджурскихъ желѣзныхъ дорогъ въ смыслѣ удовлетворяющемъ Русскіе интересы, а съ Японіей мы договорились касательно установленія въ Кореѣ такого порядка вещей, который обезпечиваетъ независимое ни отъ кого существованіе этого королевства.

По возвращеніи изъ Москвы, князю Лобанову надо было воспользоваться хотя бы кратковременнымъ отпускомъ, который возстановилъ бы его силы; но онъ слышать не хотѣлъ объ отдыхѣ, будучи весь поглощенъ дѣлами Востока и подготовленіемъ деталей предстоявшаго путешествія Госу-

*) „Новое Время“ 6 Сентября 1896, № 7378.

даря за границу, послѣ чего онъ собирался поѣхать въ Дрезденъ или Бреславль полѣчиться массажемъ отъ найденнаго у него еще ранѣе докторами склёроза кровеносныхъ сосудовъ.

За послѣдніе два мѣсяца своего пребыванія въ Петербургѣ князь сталъ страдать припадками сердечнаго удушья, 9-го же Августа ему сдѣлалось на столько не по себѣ, что онъ рѣшилъ пригласить доктора. За отсутствіемъ врача Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, князя Лобанова изслѣдовалъ подробно, въ теченіе цѣлаго часа, докторъ больницы св. Маріи Магдалины, г. Педенко, нашедшій у него довольно значительное разстройство сердечной дѣятельности, при рѣзко выраженныхъ явленіяхъ декальцинаціи аорты и периферическихъ сосудовъ и при умѣренномъ кровохарканіи. Такъ какъ изъ разспроса о развитіи болѣзни ясна была зависимость ея отъ усиленной работы и частыхъ волненій, то, помимо назначенія лѣкарствъ, докторъ посовѣтовалъ князю полный душевный и физическій покой. Князь отвѣчалъ, что послѣднее совершенно невозможно, такъ какъ чрезъ нѣсколько дней ему необходимо ѣхать съ Государемъ за границу, и даже въ тотъ день онъ долженъ принять нѣкоторыхъ лицъ. Послѣднее обстоятельство на столько озабочивало его, что, при назначеніи времени пріема лѣкарствъ, доктору пришлось руководствоваться не тѣмъ, когда пріемъ лѣкарства полезнѣе, а тѣмъ, когда князь будетъ свободенъ.

Уже въ первый свой визитъ г. Педенко, не рѣшившійся, однако, сказать министру всей правды о крайней опасности его положенія, убѣждалъ его отказаться или, по крайней мѣрѣ, отложить на время поѣздку за границу и посовѣтоваться еще съ другими врачами. Но князь упорно и нѣсколько разъ отъ этого отказался.

10-го Августа князь Лобановъ былъ, повидимому, вполнѣ здоровъ, чрезвычайно веселъ и на разспросы о вчерашней болѣзни отвѣчалъ, что все это были пустяки и что все уже совершенно прошло. На другой же день, онъ выразился издателю „Русскаго Архива“ П. И. Бартеневу гораздо уклончивѣе о своемъ здоровьѣ, замѣтивъ въ разговорѣ, что иногда здоровая внѣшность бываетъ обманчива.

За эти два дня состояніе здоровья князя улучшилось, кровохарканіе прекратилось, и онъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, усиленно заниматься дѣлами, хотя, наканунѣ своего отъѣзда, 12-го Августа, онъ жаловался статсъ-секретарю Шишкину на плохое самочувствіе.

Утромъ, 12-го Августа, г. Педенко, изслѣдуя еще разъ князя, убѣдился что неправильности въ дѣятельности сердца остались почти въ прежнемъ видѣ и что на ногахъ появилась отечность. Тогда онъ снова настойчиво сталъ убѣждать князя во всей опасности предпринимаемаго имъ дальняго путешествія, прибавивъ: „У меня, конечно, нѣтъ власти заставить васъ не ѣхать; но я еще разъ и самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтую вамъ

отложить отъѣздъ"..... На эти слова князь, послѣ короткаго раздумья, отвѣчалъ: „Вы знаете, я не принадлежу себѣ.... Завтра я долженъ ѣхать съ Государемъ и, что бы ни случилось, я ѣду".

Съ бывшими у него въ тотъ день посѣтителями князь много разговаривалъ, высказывалъ разные планы, намѣченные къ исполненію уже послѣ его возвращенія, словомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о близости катастрофы и, конечно, прощавшимся съ нимъ предъ его отъѣздомъ лицамъ и въ голову не могло придти, что ангелъ смерти витаетъ уже надъ нимъ.

12-го же Августа вечеромъ онъ уѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ ночью съ нимъ сдѣлался припадокъ удушья на столько сильный, что прибѣжавшій на зовъ его камердинеръ хотѣлъ тотчасъ же телеграфировать племянницамъ князя. Чрезъ нѣсколько времени, князь Алексѣй Борисовичъ почувствовалъ себя лучше и строго на строго запретилъ ему расказывать кому бы то ни было о случившемся. Послѣ этого онъ провелъ почти безсонную ночь; но такъ велика была сила воли этого человѣка, что на слѣдующее утро, въ ожиданіи отъѣзда императорскаго поѣзда за границу, онъ на станціи желѣзной дороги казался такъ веселъ, такъ остроумно шутилъ, что всѣ присутствующіе удивлялись его цвѣтущему виду.

Въ Вѣнѣ князь Лобановъ недомогалъ все болѣе и болѣе; съ нимъ былъ даже обморокъ во время визита у Итальянскаго посла, графа Нигры. Все это не мѣшало ничуть князю вести весьма важные переговоры съ графомъ Голуховскимъ, въ особенности по восточнымъ дѣламъ. Отсюда онъ выѣхалъ въ царскомъ поѣздѣ въ Кіевъ.

Обыкновенно, князь вставалъ въ 7 часовъ. Утромъ 18-го Августа, камердинеръ, видя, что и въ 9 часовъ онъ не выходитъ изъ своего отдѣленія, рѣшился войти къ нему и увидѣлъ, что онъ спокойно спитъ; зная же, что вскорѣ предстояла остановка поѣзда на одной изъ станцій близъ Ковеля, гдѣ собраны были нѣкоторыя воинскія части для представленія Государю, онъ разбудилъ его. Князь спросилъ: „Qu'est-ce qu'il y a? Quelle heure est-il?.. На отвѣтъ камердинера, что уже 9 часовъ, онъ замѣтилъ, улыбаясь: „Pas possible!... Mais comme j'ai bien dormi!" *) и быстро сталъ одѣваться.

Послѣ завтрака съ нимъ сдѣлалось немного дурно; но, выпивъ стаканъ воды, онъ скоро оправился и, не смотря на страшную жару, все время читалъ романъ Сенкевича „Огнемъ и мечемъ".

Въ восьмомъ часу вечера, императорскій поѣздъ, по пути въ Кіевъ, былъ остановленъ не доѣзжая станціи юго-западныхъ дорогъ Шепетовки (286 верстъ отъ Кіева), такъ какъ Государь пожелалъ совершить прогулку пѣшкомъ. Всѣ вышли изъ вагоновъ, въ томъ числѣ и князь; онъ и теперь имѣлъ видъ здоровый и смѣющійся. Сдѣлавъ, однако, нѣсколько шаговъ,

*) Что такое? Который часъ?—Неужели? Но какъ хорошо я спалъ!

онъ почувствовалъ себя дурно и присѣлъ на траву. Съ трудомъ поднявшись, онъ уже не могъ безъ посторонней помощи войти обратно въ вагонъ: его внесли туда и положили на диванъ. Придворные служители никакъ не могли отстегнуть его галстука, придерживаемаго особаго рода булавкою. Тогда позвали его камердинера. Князь Лобановъ открылъ глаза и успѣлъ сказать ему: „ôtez moi l'épingle" [1]), что и было исполнено. Послѣ этого князь вздохнулъ еще разъ пять, схватился за сердце, силился что - то сказать, но языкъ болѣе не повиновался ему... Черезъ двѣ минуты онъ былъ уже мертвъ и весь почернѣлъ. Доктора могли лишь удостовѣрить смерть отъ разрыва сердца.

Тѣло князя было перевезено въ Кіевъ. На его гробъ Ихъ Величества возложили великолѣпные вѣнки. Скорбь, выраженная Государемъ Императоромъ во время панихидъ и высочайшее повелѣніе отмѣнить по случаю кончины князя Лобанова-Ростовскаго предполагавшуюся въ день въѣзда Государя въ Кіевъ иллюминацію (о чемъ жители были оповѣщены посредствомъ публикаціи, расклеенной по всему городу) послужили драгоцѣнною данью уваженія къ памяти одного изъ вѣрнѣйшихъ царскихъ слугъ.

Внезапная кончина князя Лобанова произвела вообще потрясающее впечатлѣніе во всей Европѣ и повсюду встрѣчена была съ чувствомъ горькаго сожалѣнія. Исключеніе составляли только Англійскія газеты. Всѣ сходились во мнѣніи о значеніи утраты не только для Россіи, но и для Европы и о томъ, что кончина его — событіе великой политической важности. Вся Русская и иностранная печать единодушно признавала, что князя Лобанова не стало въ ту самую минуту, когда онъ призванъ былъ пожать плоды своихъ неусыпныхъ трудовъ и когда Россія и ея Верховный Повелитель такъ нуждались въ его просвѣщенныхъ совѣтахъ, въ его государственной мудрости, служившихъ залогомъ того, что они въ правѣ были ожидать отъ него новыхъ подвиговъ во славу отечества.

Совершенно вѣрно выразился „Journal de S-t Pétersbourg" [2]): „Въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ, пока князь управлялъ нашей иностранною политикою, народъ слѣдилъ за его дѣятельностью, полный увѣренности за свое будущее".

IX.

Гробъ съ останками князя Лобанова былъ перевезенъ въ Москву, въ древній Новоспасскій монастырь, основанный первымъ Московскимъ княземъ Даніиломъ, сыномъ св. Александра Невскаго; тамъ находятся усыпальницы бояръ Романовыхъ, князей Лобановыхъ - Ростовскихъ, графовъ Шереметевыхъ.

---

[1]) Выньте мнѣ булавку.

[2]) 23-го Августа 1896.

Усыпальница князей Лобановыхъ - Ростовскихъ помѣщается въ Знаменской церкви: въ ней оставалась лишь одна свободная могила,—въ тѣсномъ боковомъ проходѣ, подъ низкимъ сводомъ; ее то и предназначилъ для себя, еще задолго до смерти, князь Алексѣй Борисовича, и въ нее было отпущено, 26-го Августа 1896 г., послѣ отпѣванія, его тѣло, нашедшее себѣ здѣсь вѣчное успокоеніе.

Болѣе чуткій, какъ всегда, Западъ гораздо ранѣе оцѣнилъ по достоинству величавую личность покойнаго князя Лобанова, а у насъ большинство лишь теперь сознало, кого утратила Россія и какія услуги могъ еще оказать Царю и отечеству тотъ, кого уже нѣтъ болѣе.

Нельзя по этому случаю не согласиться съ справедливостью мыслей „Историческаго Вѣстника“ *), навѣянныхъ безвременною кончиною князя Лобанова: „Человѣкъ долга, труда и опыта, съ одинаково изящнымъ достоинствомъ умѣвшій носить и свое громкое имя, и свой высокій санъ, и свои блистательныя дарованія, равнодушный ко всякимъ внѣшнимъ успѣхамъ съ высоты своего тысячелѣтняго родословія, рожденный къ величію и трудолюбивый, какъ самый скромный труженикъ, съ невозмутимою ясностью уравновѣшеннаго ума всегда стоявшій въ уровень съ событіями и запросами современности, достойный представитель послѣднихъ потомковъ Рюрикова дома, спокойный и зоркій руководитель міровыхъ событій, онъ былъ живымъ воплощеніемъ идеальнаго Русскаго государственнаго дѣятеля“.

Судьбѣ угодно было избавить покойнаго князя отъ одной изъ горчайшихъ мукъ—сознанія, что, подъ вліяніемъ старости, способность къ напряженной дѣятельности начинаетъ уже быть не та что прежде. Онъ угасъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, палъ разомъ, какъ могучій дубъ поверженный грозою. Блестящимъ метеоромъ пронесся онъ надъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; но не найдется, думается, никого, кто бы искренно не пожалѣлъ этого просвѣщеннаго и истинно Русскаго вельможу, съ Русскимъ сердцемъ и душою, политика котораго была такъ широка, всеохватывающа и смѣла. Воспоминаніе же о его добротѣ, справедливости и постоянно уравновѣшенномъ характерѣ долго будетъ жить между лично знавшими его.

Въ краткомъ очеркѣ нельзя дать полную оцѣнку государственныхъ заслугъ князя Лобанова; но едва ли ошибемся, сказавъ, что не смотря на непродолжительность своего пребыванія во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ сдѣлалъ такъ много, такъ освѣтилъ грядущіе пути нашей внѣшней политики, проникнутой, со времени Царя-Миротворца, истинно народнымъ духомъ, что еще долго Россія будетъ собирать плоды того, что было за это время посѣяно твердою и искусною рукою покойнаго князя.

В. Тепловъ.

---

*) Октябрь 1896, некрологъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.

ЗАМѢТКИ.

I.

Въ рецензіи г. Яцимирскаго о книгѣ Г. А. Хайновскаго („Русск. Архивъ", вып. X-й) между прочимъ говорится, что въ числѣ историческихъ древностей разныхъ эпохъ, хранящихся въ музеѣ г. Хайновскаго, есть табакерка, пожалованная „извѣстному" барону Меллеръ-Закомельскому, „автору многихъ трудовъ по военной исторіи", за зимнюю экспедицію при Урусъ-Мартанѣ, въ Малой Чечнѣ, въ 1848 году.

Я не вхожу въ разборъ значенія этой табакерки *въ числѣ историческихъ древностей*; ни 1848 годъ, ни пожалованіе табакерки ничего древняго или историческаго въ себѣ не заключаютъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ весьма часто давались въ награду табакерки и перстни военнымъ и гражданскимъ генераламъ; нѣкоторые возвращали ихъ Кабинету Его Величества и получали деньгами по установленной цѣнѣ. Да и послѣ подобныя награды не составляли рѣдкости. Я желаю обратить вниманіе г. Яцимирскаго на очевидное недоразумѣніе, послужившее ему поводомъ назвать барона Меллера-Закомельскаго „извѣстнымъ" и „авторомъ многихъ трудовъ по военной исторіи".

Баронъ былъ командиромъ Куринскаго егерскаго полка. Сколько я знаю, главная извѣстность его заключалась въ томъ, что, когда Шамиль въ Апрѣлѣ 1846 года предпринялъ свое смѣлое движеніе изъ Чечни въ Кабарду, съ цѣлью возмутить ея населеніе, подчинить Кабардинцевъ своей власти и такимъ образомъ отрѣзать намъ сообщеніе по единственной тогда дорогѣ въ Россію, баронъ Меллеръ-Закомельскій, въ числѣ другихъ, былъ посланъ съ отдѣльной колонной по слѣдамъ Шамиля. Остановившись у урочища Татаръ-Тубъ, на лѣвомъ берегу Терека, когда Шамиль безъ успѣха возвращался изъ Кабарды, баронъ, вмѣсто того, чтобы заградить ему путь, нанести рѣшительное пораженіе и не допустить переправы чрезъ Терекъ, уклонился въ сторону, а непріятель, считавшій себя близкимъ къ страшной катастрофѣ, преспокойно переправился чрезъ Терекъ съ своими орудіями и ушелъ; только хвостъ его скопища отъ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ понесъ уронъ въ два-три десятка человѣкъ.

Этотъ подвигъ барона сдѣлалъ его *извѣстнымъ* всему Кавказу... Чѣмъ извинялъ себя баронъ предъ тогдашнимъ главнокомандующимъ кн. Во-

ронцовымъ, не знаю; но предъ исторіею Кавказской войны до сихъ поръ никакого извиненія для него еще не открыто. Точно также не слыхалъ я никогда о трудахъ барона по военной исторіи. Весьма интересно получить указанія, по которымъ можно было бы найти и прочитать эти труды. Кавказская война неисчерпаемый источникъ для военной исторіи, далеко еще неразработанной съ подобающею полнотою; можетъ быть, баронъ Закомельскій въ своихъ трудахъ даетъ важный матеріалъ, и оставлять ихъ подъ спудомъ грѣшно. Просимъ указать ихъ, если они дѣйствительно существуютъ, въ чемъ, впрочемъ, весьма сомнѣваюсь.

II.

Нечего говорить, съ какимъ любопытствомъ открылъ я Октябрскій вып. „Р. Архива“ на стр. 213, чтобы скорѣе познакомиться съ „Записками Кавказца“, почтеннаго Н. Н. Дроздова. Но съ первыхъ же страницъ нахожу ошибки и не могу воздержаться отъ ихъ указанія, въ полной увѣренности не только не возбудить этимъ неудовольствія автора, но оказать ему услугу.

Не знаю, подъ чьимъ руководствомъ выучился Николай Ивановичъ Евдокимовъ грамотѣ (214), но знаю, что учился онъ въ крѣп. Темнолѣсной у церковнаго причетника или дьякона: такъ онъ самъ разсказывалъ. 16-ти лѣтъ поступилъ онъ не въ штабъ командующаго войсками, а въ казначейскую канцелярію Тенгинскаго пѣхотн. полка. Никогда не былъ онъ переводимъ въ Дагестанскій пѣхотный полкъ и не могъ быть переводимъ, потому что такого полка тогда *не существовало*: Дагестанскій полкъ сформированъ только 16 Декабря 1845 года и въ прошедшемъ году праздновалъ свой 50-ти лѣтній юбилей. — Н. И. Евдокимовъ былъ произведенъ въ прапорщики въ Куринскій полкъ, расположенный тогда въ Дербентѣ. Тамъ зналъ его Бестужевъ (Марлинскій), и когда Евдокимовъ былъ командированъ въ Тифлисъ въ учебный батальонъ, то Бестужевъ написалъ объ немъ своему брату, тоже находившемуся тогда въ Тифлисѣ, рекомендацію, назвавъ его: „un brave officier pour le Caucase“ *). Такимъ образомъ, „стройному прапорщику Евдокимову“ (214), предъ тѣмъ уже отличившемуся при освобожденіи кр. Бурной отъ осаждавшихъ полчищъ Кази-Муллы (при чемъ онъ былъ раненъ въ щеку ниже глаза) не приходилось *кое-какъ добираться* до Тифлиса; ибо по служебной командировкѣ онъ, конечно, получилъ что̀ слѣдовало на поѣздку туда и обратно.

Благодарность со стороны автора кн. Голицыну, какъ своему воспитателю, прекрасная черта; но говорить, что князь *не поладилъ* съ кн. Воронцовымъ или, какъ выражается авторъ (стр. 227), между ними произошла „размолвка“, и что князь Воронцовъ потерялъ въ кн. Голицынѣ дѣятельнаго и опытнаго помощника—это уже не касается частныхъ отношеній автора. У генерала-маіора, начальника Кабардинскаго округа, или, какъ тогда оффиціально называли, начальника центра Кавказской линіи, съ главнокомандую-

*) Отличный для Кавказа офицеръ.

щимъ, намѣстникомъ, однимъ изъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ, размолвокъ не могло быть; могло быть только неудовольствіе главнокомандующаго къ начальнику центра, кн. Голицыну, именно за его бездѣятельность и слишкомъ усердное занятіе преферансомъ. Благодаря своему имени, связямъ, наконецъ качествамъ частнаго человѣка, кн. Вл. Серг. Голицынъ и оставался такъ долго на своемъ мѣстѣ: другаго бы давно попросили удалиться, особенно послѣ 1846 г., когда Шамиль такъ неожиданно появился въ Кабардѣ и оставался тамъ нѣсколько дней.

Анекдотъ объ осетрѣ (стр. 245) очень забавенъ и возбудитъ смѣхъ у многихъ; но кто зналъ генерала Бриммера, тотъ конечно пойметъ, что тутъ нельзя сказать: si non é vero, é ben trovato. Къ Бриммеру нельзя было являться съ осетрами; это былъ образцовый, серьезный, рыцарски-честный служака, такъ державшій себя, что никакихъ шутокъ въ его присутствіи подчиненные не дерзнули бы себѣ позволить; но если бы таковой шутникъ нашелся, то Бриммеръ „съ поднятыми кулаками“ ни на кого, тѣмъ паче на командира батареи, не кинулся бы: онъ спокойно отправилъ бы его на гауптвахту и отдалъ подъ судъ.

Князь Александръ Голицынъ, бывшій адъютантъ кн. Воронцова, не могъ ѣхать въ Петербургъ (стр. 241) съ ходатайствомъ *отъ кн. Воронцова* о выкупѣ изъ плѣна княгинь Орбельяни и Чавчавадзе, потому что кн. Воронцовъ оставилъ Кавказъ еще въ Мартѣ 1854 г. и сдалъ должность ген. Реаду, а взятіе княгинь въ плѣнъ произошло въ Іюлѣ 1854 года, когда кн. Воронцовъ жилъ за границей частнымъ человѣкомъ и не вмѣшивался уже въ дѣла Кавказа. Да и ходатайствъ о выкупѣ плѣнныхъ вовсе не требовалось; потому что Государь, получивъ донесеніе объ этомъ прискорбномъ происшествіи, самъ повелѣлъ употребить всѣ мѣры къ освобожденію княгинь Чавчавадзе и Орбельяни.

Ставропольскій губернаторъ ген.-лейт. Волоцкой (стр. 246), „знаменитый расформированіемъ двухъ ротъ Апшеронскаго полка“, „которымъ онъ ранѣе командовалъ, и усмиреніемъ бунта въ с. Масловъ-Кутѣ“. Во 1-хъ, Волоцкой командовалъ не Апшеронскимъ, а Тифлискимъ полкомъ. Чтó значитъ *расформировать двѣ роты*? Непонятно. Если это что нибудь самовольное, то едвали прошло бы Волоцкому безнаказанно; между тѣмъ онъ сдалъ полкъ, послѣ производства въ генералы, съ назначеніемъ губернаторомъ. Во 2-хъ, усмиреніе Масловъ-Кутскихъ крестьянъ въ 1853 году происшествіе чрезвычайное; оно описано много разъ людьми, подробно знакомыми съ дѣломъ, на основаніи оффиціальныхъ документовъ. Говорить объ немъ тутъ, съ голоса пустыхъ остряковъ, не приходится. Какая тамъ „рыбка“, какой „Стёпка, валяй за становымъ“, когда дѣло по тяжбѣ крестьянъ съ Калантаровымъ, котораго они не хотѣли признавать своимъ владѣльцемъ, тянулось много лѣтъ, доходило до Сената и вездѣ, если не ошибаюсь, даже въ Госуд. Совѣтѣ было рѣшено въ пользу Калантарова? Но крестьяне не хотѣли подчиняться рѣшеніямъ, съ упрямствомъ, свойственнымъ невѣ-

жественной толпѣ вообще, и Малороссамъ въ особенности, не слушались внушеній всѣхъ мѣстныхъ властей, увѣщаній духовенства, жандармскаго штабъ-офицера и многихъ посылавшихся къ нимъ лицъ, старавшихся урезонить ихъ и предварить, какимъ послѣдствіямъ они себя подвергаютъ. Пришлось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, и губернаторъ Волоцкой отправился въ Масловъ-Кутъ во главѣ военной силы. Крестьяне тысячной толпой съ бабами и домочадцами встрѣтили его поклонами, но на требованіе разойтись по домамъ, а для объясненій оставить нѣсколько человѣкъ, отвѣчали отказомъ. Кончилось тѣмъ, что когда послѣ *холостыхъ* выстрѣловъ толпа продолжала стоять и горланить, Волоцкой приказалъ выстрѣлить картечью; болѣе 200 крестьянъ и бабъ убитыхъ и раненыхъ покрыли площадь, остальные бросились бѣжать... Волоцкаго общая молва обвиняла; да и мыслимо ли, чтобы подобное дѣло не вызвало негодованія, еслибы даже не Волоцкой, человѣкъ ограниченный, а всякій другой, хотя бы и умный и добрѣйшій, отличный администраторъ, очутился въ роли усмирителя народнаго волненія? Можетъ ли быть вообще что нибудь болѣе затруднительное въ службѣ, какъ подобное порученіе? Оффиціально оправдаютъ, потому что по разслѣдованію окажется, что иначе нельзя было поступить; но въ общественномъ мнѣніи, гдѣ руководствуются другими мотивами, исполнитель такой экзекуціи всегда остается заклейменнымъ именемъ палача... Однако это не есть поводъ разсказывать о подобныхъ печальныхъ эпизодахъ басни вмѣсто дѣйствительности. Крайне прискорбно, что бываютъ случаи, когда противъ своихъ согражданъ приходится дѣйствовать такими кровавыми средствами; но обстоятельства вынуждаютъ къ этому, и кому нибудь выпадаетъ печальный жребій исполнять крайнюю мѣру и подвергаться обвиненіямъ.

Анекдотъ о томъ, что Волоцкой отъ страха предъ главнокомандующимъ Муравьевымъ забылъ свою фамилію (247), тоже долженъ быть отнесенъ къ остроумнымъ выдумкамъ тогдашнихъ досужихъ Пятигорскихъ жителей. Это тѣмъ болѣе неправдоподобно, что вѣдь Муравьевъ въ Пятигорскъ пріѣхалъ чрезъ Ставропольскую губернію, на границѣ которой его долженъ былъ встрѣчать губернаторъ Волоцкой; слѣдовательно въ Пятигорскѣ не зачѣмъ было ему представляться, и Муравьевъ его уже зналъ.

Наконецъ, не могу не замѣтить, что тонъ, въ которомъ высокоуважаемый авторъ относится къ Н. Н. Муравьеву не соотвѣтствуетъ принятому въ такихъ случаяхъ. О такихъ историческихъ государственныхъ людяхъ, какимъ безспорно былъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, можно говорить только съ спокойною серьезностью, основательно ознакомившись съ его дѣятельностью и сочиненіями. Можно критиковать тѣ или другія его дѣйствія, указывать ошибки, подкрѣпляя свои выводы данными оффиціальнаго характера, отзывами авторитетовъ, наконецъ собственными заключеніями, логически изложенными; можно не симпатизировать ему, но все это серьезно, съ подобающимъ выборомъ словъ. Нельзя повторять слуховъ и росказней, придавая имъ харак-

теръ достовѣрности. Такимъ пріемомъ можно только подвергнуть сомнѣнію собственный разсказъ. лишить его всякаго историческаго значенія, вовсе не подрывая той извѣстности, которою пользуется Н. Н. Муравьевъ въ кругу знатоковъ Русской военной исторіи.

Я самъ въ моихъ воспоминаніяхъ и въ другихъ сочиненіяхъ подвергалъ критикѣ дѣйствія Муравьева на Кавказѣ, указывалъ на ошибки и пр.; но я писалъ и какъ очевидецъ, и какъ участникъ, и какъ изучавшій документально въ архивахъ Тифлиса и Петербурга дѣла того времени, т. е. 1855—1856 гг. И до сихъ поръ остаюсь я при высказанныхъ тогда взглядахъ (хотя готовъ многое еще смягчить въ обвиненіяхъ), что Н. Н. Муравьевъ прибылъ на Кавказъ предубѣжденнымъ и пристрастно глядѣвшимъ на все; онъ какъ будто сдѣлалъ себѣ задачею все опорочить (что и приписывалось враждѣ къ князю Воронцову).

Умный, образованный человѣкъ, знатокъ военнаго дѣла въ теоріи и на практикѣ, онъ какъ будто все забылъ, и полтора года, проведенные въ званіи главнокомандующаго на Кавказѣ, затемнили славу его прежнихъ замѣчательныхъ подвиговъ въ Хивѣ, на штурмѣ Варшавы, его блистательныхъ дѣйствій въ Египтѣ, въ Царьградѣ. Но читать такія фразы (249) напримѣръ, что: „таланты ген. Муравьева, какъ искуснаго предводителя войскъ *на маневрахъ*, и его научное образованіе могли очаровывать въ Россіи *на плацпарадахъ*, а на Кавказѣ и прапорщики (?!) знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ“, значитъ вызывать только улыбку. Муравьевъ, дѣятельный участникъ Отечественной войны 1812 года, командиръ Эриванскаго полка, начальникъ отрядовъ въ Персидской и Турецкой войнахъ при Паскевичѣ, начальникъ штурмовой колонны подъ Варшавой, Муравьевъ вдругъ превращается въ плацъ - параднаго генерала, знающаго меньше Кавказскихъ прапорщиковъ!! Что вы, Богъ съ вами!

Еще разсказывается (248), какъ Муравьевъ обругалъ пьяницей полковника Монаенку и велѣлъ его вывести вонъ; упоминается о давно уже описанномъ подробно эпизодѣ съ письмомъ къ Ермолову *); или что Муравьевъ очень боялся арміи Омара-паши, до того якобы, что распорядился или допустилъ сжечь продовольственный магазинъ и отступить отряду князя Багратіона-Мухранскаго въ Кутаисъ (269). И все это по слухамъ, къ которымъ слѣдовало относиться весьма осторожно. Князь Мухранскій сжегъ магазинъ безъ всякаго разрѣшенія, Муравьевъ не могъ ему этого простить, и готовился предать его суду; а слухи обвиняютъ Муравьева!

Нужно сказать, что въ описываемое время Муравьевъ изъ Пятигорска чрезъ Владикавказъ пріѣхалъ въ Грозную, гдѣ я, въ качествѣ адъютанта начальника лѣваго фланга бар. Врангеля, находился все время пребыванія тамъ

*) Немногимъ извѣстно, что надѣлавшее столько шуму письмо о Кавказской арміи написано было совершенно-частнымъ образомъ и что разгласилъ его самъ А. П. Ермоловъ, чего вовсе не желалъ преданный ему Н. Н. Муравьевъ. П. Б.

Николая Николаевича, все видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ. При всей суровой придирчивости къ командирамъ частей, онъ однако былъ настолько вѣжливъ, что ничего подобнаго обращенію съ Монаенкою не было, и вообще благовоспитанность едвали могла допустить образованнаго человѣка до такого забвенія приличій.—Но еще поразительнѣе разсказъ (273) о явкѣ автора Записокъ къ главнокомандующему по случаю экзамена для производства въ прапорщики. Тутъ уже не повтореніе слуховъ и чужихъ росказней. тутъ ужъ сомнѣнія не возможны; нельзя же не вѣрить разскащику, гдѣ онъ говоритъ о случившемся съ нимъ лично? Эти поклоны въ три пріема, совершенно противные военному уставу, эти отступленія задомъ въ подражаніе Корсакову (адъютанту и родственнику Муравьева), эти безцеремонные, ничѣмъ не вызванные возгласы: „а, лѣнтяй, тупоумецъ, выгнанный вонъ изъ училища; военная служба всякую сволочь пріютитъ и накормитъ“ и проч., это нѣчто напоминающее какого-нибудь Персидскаго хана или старо-Турецкаго пашу, а не Русскаго главнокомандующаго Муравьева. Остается допустить, что подавленный неудачею штурма и громадною потерею людей безъ всякаго результата, онъ подвергся припадкамъ умоизступленія. Но чего же смотрѣли тогда всѣ приближенные, всѣ генералы штаба арміи?..

Убѣдительнѣйше прошу автора хладнокровно отнестись къ моимъ замѣткамъ и не считать ихъ желаніемъ критиковать его трудъ, вчинать полемику. Я смотрю на біографическіе разсказы, помѣщаемые на страницахъ историческихъ сборниковъ, какъ на важный матеріалъ, заслуживающій серьезнаго къ нему отношенія, и потому, встрѣчая ошибки въ обрисовкѣ разныхъ Кавказскихъ дѣятелей, которыхъ я лично зналъ, считаю своего рода обязанностью указывать эти ошибки и, въ свою очередь, бываю доволенъ, когда мнѣ укажутъ, что я самъ ошибаюсь.

А. Зиссерманъ.

Октябрь 1896. Петербургъ.

ПОПРАВКА.

Въ XI-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года напечатана записка генералъ-маіора Дренякина о безпорядкахъ въ 1861 году въ Пензенской губерніи. Въ выноскѣ къ этой статьѣ сказано: „Александръ Максимовичъ Дренякинъ родился 1813, сконч. въ 1877 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта. П. Б.“ *). Это ошибка: Александръ Максимовичъ былъ живъ еще въ Октябрѣ 1891 года. Въ Январской книжкѣ „Русской Старины“ за 1892 годъ помѣщена небольшая статья: „Максимъ Дренякинъ, одинъ изъ воиновъ великаго Суворова“. Эта статья подписана: А. М. Дренякинъ, генералъ-лейтенантъ 80 лѣтъ. 18 Октября 1891 года. Г. Бѣлгородъ, Курской губерніи“.

Я былъ знакомъ съ А. М. Дренякинымъ и очень уважалъ его; но съ 1863 года я съ нимъ не видѣлся и, прочитавъ его статью въ „Русской Старинѣ“, былъ очень радъ узнать, что онъ еще живъ.

Н. Зехтенъ.

23 Ноября 1896 г. Кіевъ.

*) Свѣдѣніе это взято нами изъ „Азбучнаго Указателя Русскихъ дѣятелей“. П. Б.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

(Къ пятидесятилѣтію со времени его кончины).

I.

Изъ письма С. П. Шевырева къ Н. В. Гоголю.

Декабря 30 ст. ст. 1846. Москва.

Милый другъ, я долженъ начать это письмо грустною для тебя вѣстью. Помолись и укрѣпись духомъ. Не стало нашего добраго, милаго Языкова. Онъ скончался 26-го Декабря, на другой день праздника Рождества Христова, въ 5 часовъ пополудни. Кончина его была самая тихая, безъ страданій. Онъ уснулъ, а не умеръ. Окружавшіе его сначала того не замѣтили. Самъ врачъ, за часъ до кончины у него бывшій, не находилъ ничего отчаяннаго въ его положеніи. Но Языковъ самъ, какъ слегъ, то уже зналъ напередъ свою кончину. За три дня до нея онъ самъ пожелалъ исповѣдываться и причаститься святыхъ тайнъ. Память его во все время, не смотря на бредъ горячки, была такъ свѣжа, что онъ сдѣлалъ даже всѣ распоряженія въ чемъ его похоронить и заказалъ повару всѣ кушанья того обѣда, который долженъ быть у него на квартирѣ послѣ похоронъ его. За два дня до смерти онъ утромъ сзывалъ всѣхъ въ домѣ и спрашивалъ: вѣрите ли въ воскресеніе мертвыхъ? Видно, мысли нашей вѣры его глубоко занимали. Въ бреду горячки онъ пѣлъ и какъ будто читалъ стихи. Ты уже знаешь, конечно, что лѣтомъ онъ предпринялъ гидропатическое лѣченіе. Лѣто у насъ было жаркое. Лѣченье шло тогда хорошо. Но въ Сентябрѣ онъ простудился. Врачи настаивали продолжать. Онъ по обыкновенію слушался. Нервы его напрягались, напрягались и не вынесли. Послѣдняя болѣзнь его была нервная горячка. Въ первый день какъ спокойно-величавъ лежалъ онъ на томъ столѣ, гдѣ любилъ угощать трапезой друзей своихъ! Болѣзненное отошло, и одно величіе его физіогноміи являлось взору. Какой чудный лобъ! Болѣзнь его съузила. Какія уста! Ими какъ будто объяснялся его чудный стихъ. Сегодня мы отслушали вечеромъ послѣднюю панихиду на дому, а завтра его похоронимъ на Даниловомъ кладбищѣ, подлѣ Валуева, его племянника, и Венелина. Сегодня же пришло и твое письмо къ нему, которое показывалъ мнѣ братъ его Петръ Михайловичъ. Въ него вложено письмо къ Щепкину. Завтра послѣ погребенія мы будемъ обѣдать въ комнатахъ у покойнаго, по его желанію, и ѣсть тѣ блюда, которыя онъ самъ для насъ заказалъ своему повару. Сообщаю тебѣ всѣ эти подробности. Знаю, какъ тебѣ будетъ горька эта вѣсть. Я боялся, что она къ тебѣ дойдетъ черезъ кого другаго; боялся также прямо написать тебѣ.

. . . Ты сѣтуешь на меня даже за то, что я послалъ въ Петербургъ Развязку Ревизора не съ Щепкинымъ лично; но ты не написалъ ко мнѣ, чтобы безъ Щепкина ея не посылать. Когда явится твоя книга о Петербургѣ, тогда выпущу и «Мертвыя Души». О предисловіи я попрошу издателя «Московскихъ Вѣдомостей». Впрочемъ «Отечественныя Записки, незаконно пользуясь экземплярами, присланными въ Петербургскую цензуру, уже успѣли напечатать отрывки изъ этого предисловія. Цензура Петербургская дѣлаетъ чудесныя вещи. Никитенко твои рукописи оглашалъ всѣмъ своимъ друзьямъ, пріятелямъ и знакомымъ. «Листокъ» и замѣчанія на «Мертвыя Души» пересылать тебѣ буду, по мѣрѣ полученія.

. . . Римское католичество ведетъ къ тому, что человѣкъ не Бога начинаетъ любить, а себя въ Богѣ. Даже молитва въ немъ переходитъ въ какое-то самоуслажденіе. Я замѣтилъ въ письмѣ твоемъ, что ты въ побочныхъ обстоятельствахъ видишь себѣ указанія (такъ напримѣръ болѣзнь Щепкина). Это мнѣ напомнило княгиню З. *), которая также во всякомъ обстоятельствѣ жизни видитъ Бога, ей указующаго. Да вѣдь надобно заслужить это высокое состояніе пророка. Есть, конечно, во всемъ воля Божія, и волосъ не падетъ съ головы безъ нея; но видѣть во всякомъ постороннемъ обстоятельствѣ личное отношеніе Бога ко мнѣ значитъ какъ бы хотѣть пріобрѣсти милость Божію въ свою собственность и самозванно назваться избранникомъ Божіимъ и любимцемъ. Это все продолженіе motu proprio Римскаго владыки. Берегись этой заразы. Отъ нея хранитъ чистое и смиренное наше Православіе. Вотъ и поэтому пора тебѣ на родину. Здѣсь погрузишься въ жизнь своего народа и отряхнешь съ себя лишнее чужое. Обнимаю тебя. Твой С. Шевыревъ.

(Изъ Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ).

II.

Гоголь о Языковѣ.

И такъ эта небесная, безоблачная душа уже на небесахъ! Изъ всѣхъ моихъ друзей у него больше другихъ было тѣхъ *нѣкоторыхъ особенностей*, какія были и въ моей природѣ, которыхъ онъ не обнаружилъ однако ни въ сочиненіяхъ своихъ, ни даже въ бесѣдахъ съ другими и которыя были причиной, что между нами было тѣсное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходны. Но разумъ и чистота младенчества, какихъ у меня не было, свѣтились въ одно и тоже время въ его словахъ. Какъ онъ былъ добръ ко мнѣ и какъ любилъ меня!

(Письмо Гоголя къ С. П. Шевыреву, изъ Неаполя отъ 11 Февраля 1847 г., см. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ).

*) Княгиню Зинаиду Александровну Волконскую. П. Б.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КЪ МОСКОВСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ АВГУСТИНУ *).

(Москва, Апрѣль 1818 года.)

Со страхомъ, свойственнымъ человѣку слабому, и съ надеждой, не покидающею человѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительной минуты въ моей жизни. Не зная, что̀ опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горесть, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностью воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастьемъ отца; Онъ сохранилъ и мать, и младенца. Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто читаетъ въ глубинѣ души; но она необходима душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое спѣшу исполнить, состояло въ томъ, чтобы во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима. Это—смиренное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемогущему свое драгоцѣннѣйшее благо: участь жены и сына. Васъ, преосвященный владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ въ исполненіи сего обѣта, священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностью отца, приносятся молитвы о матери и о сынѣ: да продлитъ Всемогущій ихъ жизнь, для собственнаго ихъ счастія, на службу Государю, на честь и пользу отечества.

*

Столѣтіе со дня рожденія императора Николая Павловича вызвало въ печати нѣсколько статей, воспоминаній и критическихъ замѣтокъ объ усопшемъ монархѣ, державшемъ въ теченіе тридцати лѣтъ скипетръ Имперіи твердой рукой. Изъ всего написаннаго по этому поводу, господа порицатели Николаевскаго царствованія могли бы извлечь для себя небезполезный урокъ— какъ осторожно и вдумчиво слѣдуетъ браться за критику вообще, о дѣяніяхъ же историческихъ лицъ въ особенности; какъ слѣдуетъ, касаясь какой либо эпохи, принимать въ соображеніе духъ времени, степень развитія общества и народныхъ массъ, сцѣпленіе правящихъ міромъ обстоятельствъ, политическихъ экономическихъ и т. д.; наконецъ, какъ легкомысленно, неприлично, отчасти даже преступно прибѣгать къ тенденціозному, дешевому остроумію и излюбленнымъ многими хлесткимъ словечкамъ, говоря объ историческихъ дѣятеляхъ, направлявшихъ судьбы государства по соображеніямъ, истекавшимъ, безъ всякаго сомнѣнія, изъ безграничной любви къ отечеству и искреннѣйшаго желанія блага Русскому народу.

Какъ бы велики ни оказались ошибки въ дѣяніяхъ такихъ замѣчательныхъ людей, какимъ былъ Николай Павловичъ, этотъ рыцарь безъ страха

---

*) Это достопамятное письмо взято изъ книги И. М. Снегирева: Жизнь преосвященнаго Августина, архіепископа Московскаго (М. 1848).

и упрека, не слѣдуетъ забывать, что неошибавшихся людей міръ еще не являлъ и что самый трагизмъ сознанія своихъ ошибокъ въ минуты окончанія жизненнаго поприща, въ минуты ожиданія суда Божія и суда потомства, есть уже признакъ душевнаго величія, искупленія, заслуга предъ безпристрастнымъ судомъ исторіи.

Императоръ Николай I былъ глубоковѣрующій человѣкъ и обладалъ даромъ замѣчательнаго краснорѣчія въ выраженіи своихъ чувствъ. Рожденіе первенца, будущаго императора Александра II, вызвало въ отцѣ благоговѣйное чувство благодарности къ Всевышнему, выразившееся въ письмѣ къ архіепископу Августину.

А. Зиссерманъ.

АНЕКДОТЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Императоръ Николай Павловичъ, какъ извѣстно, бывалъ почти въ каждомъ правительственномъ учрежденіи отъ Синода и Сената до какого нибудь низшаго училища. Также, при поѣздкахъ по Россіи, онъ осматривалъ въ каждомъ городѣ мѣстныя тюремныя помѣщенія. Однажды, при посѣщеніи одной изъ тюремъ, обходя заключенныхъ, онъ опрашивалъ ихъ, за что именно они были заключены. Въ одной камерѣ всѣ подъ рядъ заявляли о своей *невиновности*, либо оправдывались обстоятельствами, ссылались на недоразумѣнія и т. п. Одинъ только арестантъ, упавъ къ ногамъ Государя, сознавался въ своей виновности и каялся въ *безчестномъ* (какъ онъ выразился) поступкѣ, имъ совершенномъ. „Ступай-же вонъ отсюда!“ топнувъ ногою, воскликнулъ Государь: „тебѣ здѣсь не мѣсто съ *честными* людьми“...

(*Слышано отъ М. И. Галкина-Враскаго*)

П. А. ВАЛУЕВЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Мы съ вами разстаемся. На прощаньи черкните нѣсколько строкъ. Вы *одни* въ министерствѣ имѣете къ тому горизонтъ...

Тема слѣдующая:

1. Что̀ и кто теперь Россія?

2. Всѣ сословія разъединены. Всѣ законы въ передѣлкѣ. Всѣ основы въ движеніи.

3. Полцарства въ исключительномъ положеніи. Мѣры строгости преобладаютъ. Оппозиція и недовѣріе вездѣ, гдѣ есть способность ихъ высказывать. Трехсотголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потому ему противодѣйствовать.

4. Одинъ Государь теперь Россія. Ему предстоитъ быть *нравственнымъ собирателемъ* земли Русскія, какъ Калита былъ ея матеріальнымъ собирателемъ.

5. Солнце царское тепло озарило долы 19 Февраля. Теперь нужно освѣтить и пригрѣть вершины и окраины *).

29 Октября (1863).

(*Съ подлинника, изъ бумагъ графа Д. Н. Толстаго, сообщено Н. С. Листовскимъ*).

---

*) Слышенъ сынъ Нѣмки (Фонъ-деръ-Бринкенъ Фелькерзамъ). П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВѢ“

1896 года *).

*) Римскою цифрою означены книги, Арабскою—страницы.

*

*

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1896 года
(выпуски 9, 10, 11 и 12).

его Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ документѣ Молдавскомъ, ни въ одной хроникѣ не упоминается даже имя сына Молдавскаго господаря Стефана V Великаго — Ивана прозваннаго Вечиномъ, въ то время какъ о семьѣ господаря Стефана мы имѣемъ очень даже подробныя свѣдѣнія. Далѣе, Иванъ Вечинъ не могъ оставить Молдавію малолѣтнимъ, такъ какъ тогда и рѣчи не могло бы быть о назначеніи наслѣдникомъ не его, а брата его Богдана

Вотъ списокъ сыновей и дочерей господаря Стефана († 1504 г.), извѣстныхъ Румынскому ученому А. Попадопуло Калимаху, автору недавно появившагося изслѣдованія о Софіи Палеологъ и Еленѣ, невѣсткѣ Іоанна III, дочери господаря Стефана (Analele Academiei Romàne, vol. XVII, an. 1895):

1. Александръ, умершій въ 1430 году.

2. Иліашъ.

3. Петръ, умершій въ 1479 году.

4. Богданъ, „ „ 1478 „

5. Богданъ, внукъ воеводы Валашскаго Раду, получившій по смерти Стефана Великаго престолъ Молдавіи и княжившій съ 1504-го по 1517-й годъ.

6. Петръ Рарешъ, побочный сынъ Стефана и красавицы Маріи Рарешъ изъ Хырлеу, княжившій два раза (1527—1538 и 1541—1546).

7. Елена или Олена, вышедшая замужъ за Московскаго князя Іоанна Младого.

8. Княжна и

9. Марія княжна.

Извѣстны также и всѣ жены господаря Стефана изъ которыхъ четыре были законныя и пятая незаконная Марія Рарешъ. Въ монастыряхъ сохранились до настоящаго времени ихъ надгробные памятники, свидѣтельство которыхъ вполнѣ достовѣрно.

Такимъ образомъ является вопросъ: неужели Молдавскія современныя свидѣтельства умышленно умалчиваютъ о сынѣ господаря Стефана Иванѣ, которому отецъ „велѣлъ быть у брата своего въ подданствѣ, и для того назвалъ его Вечинъ?“ (Рум. vecinŭ — сосѣдъ).

Не предрѣшая этого весьма интереснаго вопроса, мы укажемъ только на то, что это явленіе весьма странное.

Не могли вѣдь Молдавскіе хронисты и документы не знать о сынѣ господаря Стефана Иванѣ, который прибылъ въ Москву съ двумя уже сыновьями, слѣдовательно въ то время, т. е. въ 1490—1491-мъ годахъ, онъ былъ человѣкомъ взрослымъ.

А. Яцимирскій.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1897 г. будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями (въ числѣ нихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1897 году съ пересылкой и доставкой девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895-й по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.